С.М.СОЛОВЬЕВ
ИСТОРИЯ РОССИИ
V

С. М. СОЛОВЬЕВ

ИСТОРИЯ РОССИИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

V

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

С. М. СОЛОВЬЕВ

ИСТОРИЯ РОССИИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

В ПЯТНАДЦАТИ КНИГАХ

Издательство
социально-экономической
литературы
МОСКВА

С. М. СОЛОВЬЕВ

ИСТОРИЯ РОССИИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

КНИГА V

(ТОМА 9-10)

Издательство
социально-экономической
литературы
МОСКВА 1961

9(с)1
С60

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР ИЗДАНИЯ
доктор исторических наук
Л. В. ЧЕРЕПНИН

ИСТОРИЯ РОССИИ

В ЦАРСТВОВАНИЕ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА

Текст 9 тома
«Истории России с древнейших времен»
подготовлен к печати
Н. В. СИНИЦЫНОЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЦАРСТВОВАНИЕ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА

Посольство от собора к новоизбранному царю. — Наказ послам. — Переговоры послов с Михаилом и его матерью. — Причины, почему новый царь не мог бояться участи своих предшественников. — Выезд Михаила из Костромы в Ярославль. — Переписка его с собором и боярами из Ярославля и с дороги из этого города в Москву. — Въезд Михаила в Москву. — Его царское венчание. — Бедственное состояние государства при вступлении на престол Михаила. — Грамоты царя и собора по городам и к Строгановым. — Дело Шульгина — Война с Заруцким. — Переписка правительства с козаками. — Ссора Заруцкого с астраханцами и Терским городом. — Действие стрелецкого головы Хохлова против Заруцкого. — Поимка Заруцкого. — Казнь его, сына Марины и Андронова, смерть Марины. — Движения воровских козаков на севере. — Действия против них князя Лыкова. — Восстание татар и черемисы в понизовых городах. — Сношения с Польшею. — Посольство туда Аладьина. — Военные действия: взятие Белой московскими войсками, неудачная осада Смоленска. — Война с Лисовским — Действия и гибель черкас на севере. — Грамота панов радных к боярам. — Посольство Желябужского в Польшу и свидание его с Филаретом Никитичем. — Неудачные переговоры под Смоленском. — Сношения с Австриею, Турциею, Персиею, Крымом. — Посольство в Голландию и Англию. — Приезд английского посла Джона Мерика с целию содействовать заключению мира между Россиею и Швециею. — Положение Новгорода Великого под шведским владычеством. — Военные действия против шведов. — Оборона Тихвина. — Неудача Трубецкого и Мезецкого. — Взятие Гдова Густавом-Адольфом. — Неудачная осада Пскова. — Дедеринские переговоры при посредничестве английского и голландских послов. — Столбовский мир. — Очищение Новгорода. — Переговоры с Мериком, награды ему. — Взгляд Густава-Адольфа на Столбовский мир. — Посольство князя Борятинского в Швецию для окончательного подтверждения мира. (1613—1617).

Провозгласивши царем шестнадцатилетнего Михаила Федоровича Романова, собор назначил ехать к нему в челобитчиках: Феодориту, архиепископу рязанскому, троим архимандритам — чудовскому, новоспасскому и симоновскому, троицкому келарю Авраамию Палицыну, троим протопопам, боярам — Федору Ивановичу Шереметеву, родственнику молодого царя, и князю Владимиру Ивановичу Бахтеярову-

Ростовскому, окольничему Федору Головину с стольниками, стряпчими, приказными людьми, жильцами и выборными людьми из городов. Собор не знал подлинно, где находился в это время Михаил, и потому в наказе, данном послам, говорилось: «Ехать к государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всея Руси в Ярославль или где он государь будет». Посланные, бив челом новоизбранному царю и его матери и уведомив их об избрании, должны были говорить Михаилу: «Всяких чинов всякие люди бьют челом, чтоб тебе, великому государю, умилиться над остатком рода христианского, многорасхищенное православное христианство Российского царства от растленения сыроядцев, от польских и литовских людей, собрать воединство, принять под свою государеву паству, под крепкую высокую свою десницу, всенародного слезного рыдания не презрить, по изволению божию и по избранию всех чинов людей, на Владимирском и на Московском государстве и на всех великих государствах Российского царствия государем царем и великим князем всея Руси быть и пожаловать бы тебе, великому государю, ехать на свой царский престол в Москву и подать нам благородием своим избаву от всех находящих на нас бед и скорбей; а как ты, государь, на своем царском престоле будешь на Москве, то, послыша про твой царский приход, литовские люди и все твои государевы недруги будут в страхе, а Московского государства всякие люди обрадуются. А как твой, государев, подвиг в царствующий град будет, то из Москвы митрополит и архиепископы с всем освященным собором, бояре и всякие люди встретят тебя с чудотворными иконами и животворящими крестами, по вашему царскому достоинству, и служить тебе, государю, и прямить, и головы свои за тебя класть все люди от мала до велика рады». В заключении наказа говорилось: «Если государь не пожалует, станет отказывать или начнет размышлять, то бить челом и умолять его всякими обычаями, чтоб милость показал, был государем царем и ехал в Москву вскоре: такое великое божие дело сделалось не от людей и не его государским хотеньем, по избранью бог учинил его государем. А если государь станет рассуждать об отце своем митрополите Филарете, что он теперь в Литве и ему на Московском государстве быть нельзя для того, чтоб отцу его за то какого зла не сделали, то бить челом и говорить, чтоб он государь про то не размышлял: бояре и вся земля посылают к литовскому королю, за отца его дают на обмен литовских многих лучших людей».

Послы выехали из Москвы 2 марта, но еще прежде, от 25 февраля, разосланы были грамоты по городам с известием об избрании Михаила: «И вам бы, господа, — писал собор, — за государево многолетие петь молебны и быть с

нами под одним кровом и державою и под высокою рукою христианского государя, царя Михаила Феодоровича. А мы, всякие люди Московского государства от мала до велика и из городов выборные и невыборные люди, все обрадовались сердечною радостию, что у всех людей одна мысль в сердце вместилась — быть государем царем блаженной памяти великого государя Федора Ивановича племяннику, Михаилу Федоровичу; бог его, государя, на такой великий царский престол избрал не по чьему-либо заводу, избрал его мимо всех людей, по своей неизреченной милости; всем людям о его избрании бог в сердце вложил одну мысль и утверждение». Вместе с этим известием разослана была и крестоцеловальная запись, в которой нет ничего о порче на следу и тому подобных вещах, встречаемых в годуновской записи. Присяга областей последовала быстро: уже 4 марта воевода Переяславля Рязанского дал знать в Москву, что жители его города присягнули Михаилу; за этим известием последовали другие — из областей более отдаленных. Наконец пришло известие от послов соборных, которые нашли Михаила с матерью в Костроме, в Ипатьевском монастыре. Послы доносили собору, что 13 марта они приехали в Кострому в вечерни, дали знать Михаилу о своем приезде и он велел им быть у себя на другой день. Послы повестили об этом костромскому воеводе и всем горожанам, и 14 числа, поднявши иконы, пошли все с крестным ходом в Ипатьевский монастырь. Михаил с матерью встретили образа за монастырем, но когда послы объявили им, зачем присланы, то Михаил отвечал «с великим гневом и плачем», что он государем быть не хочет, а мать его Марфа прибавила, что она не благословляет сына на царство, и оба долго не хотели войти за крестами в соборную церковь; насилу послы могли упросить их. В церкви послы подали Михаилу и матери его грамоты от собора и говорили речи по наказу, на что получили прежний ответ; Марфа говорила, что «у сына ее и в мыслях нет на таких великих преславных государствах быть государем, он не в совершенных летах, а Московского государства всяких чинов люди по грехам измалодушествовались, дав свои души прежним государям, не прямо служили». Марфа упомянула об измене Годунову, об убийстве Лжедимитрия, сведении с престола и выдаче полякам Шуйского, потом продолжала: «Видя такие прежним государям крестопреступления, позор, убийства и поругания, как быть на Московском государстве и прирожденному государю государем? Да и потому еще нельзя: Московское государство от польских и литовских людей и непостоянством русских людей разорилось до конца, прежние сокровища царские, из давних лет собранные, литовские люди вывезли; дворцовые села, черные волости, пригородки и посады розданы

в поместья дворянам и детям боярским и всяким служилым людям и запустошены, а служилые люди бедны, и кому повелит бог быть царем, то чем ему служилых людей жаловать, свои государевы обиходы полнить и против своих недругов стоять?» Потом Михаил и Марфа говорили, что быть ему на государстве, а ей благословить его на государство только на гибель; кроме того, отец его митрополит Филарет теперь у короля в Литве в большом утесненье, и как сведает король, что на Московском государстве учинился сын его, то сейчас же велит сделать над ним какое-нибудь зло, а ему, Михаилу, без благословенья отца своего на Московском государстве никак быть нельзя. Послы со слезами молили и били челом Михаилу, чтоб соборного моленья и челобитья не презрил; выбрали его по изволению божию, не по его желанью, положил бог единомышленно в сердца всех православных христиан от мала и до велика на Москве и во всех городах. А прежние государи: царь Борис сел на государство своим хотеньем, изведши государский корень царевича Димитрия, начал делать многие неправды, и бог ему мстил кровь царевича Димитрия богоотступником Гришкою Отрепьевым; вор Гришка-расстрига по своим делам от бога месть принял, злою смертью умер; а царя Василья выбрали на государство немногие люди, и, по вражью действу, многие города ему служить не захотели и от Московского государства отложились; все это делалось волею божиею да всех православных христиан грехом, во всех людях Московского государства была рознь и междоусобие. А теперь Московского государства люди *наказались* все и пришли в соединение во всех городах. Послы молили и били челом Михаилу и матери его с третьего часа дня до девятого, говорили, чтоб он воли божией не снимал, был на Московском государстве государем. Михаил все не соглашался; послы стали грозить ему, что бог взыщет на нем конечное разоренье государства; тогда Михаил и Марфа сказали, что они во всем положились на праведные и непостижимые судьбы божии; Марфа благословила сына, Михаил принял посох от архиепископа, допустил всех к руке и сказал, что поедет в Москву скоро.

Слова Феодорита с товарищами, что Михаилу нечего было бояться участи своих предшественников, потому что люди Московского государства наказались и пришли в соединение, — эти слова были вполне справедливы. Страшным опытом люди Московского государства научились, что́ значат рознь и шатость, развязывающие *руки ворам*. Земские люди имели столько нравственной силы, что могли воспользоваться наказанием, встали, соединились, очистили государство и будут в состоянии поддержать нового государя, несмотря на отсутствие материальных средств, на которое указывала

Марфа. Казны нет и взять неоткуда, ибо государство разорено, земля наполнена воровскими козаками, не знающими меры своему буйству; Заруцкий грозит с юго-востока, шведы и поляки — с запада; новый государь — неопытный, мягкий молодой человек, около которого нет людей сильных умом и доброю волею, и несмотря на все это, Михаил удержался на престоле: при первой опасности, при каждом важном случае подле царя видим собор, одушевленный тою же ревностию, с какою *последние люди* шли на очищение государства. До какой степени в лучших людях 1613 года крепко было убеждение, что должно пожертвовать всем для поддержания, охранения нового царя, восстановлявшего наряд, до какой степени лучшие люди наказались в этом отношении, показывал всего лучше подвиг Сусанина. Когда Михаил, выехавши из Москвы после сдачи Кремля, жил в Костроме, отряд поляков (как говорит грамота, но по всем вероятностям, воровских козаков, ибо поляков не было тогда более в этих местах), узнавши об избрании нового царя, отыскивал место его пребывания с целию умертвить нежеланного им восстановителя наряда; в этих поисках враги схватили крестьянина Ивана Сусанина из Костромского уезда села Домнина, принадлежавшего Романовым, и начали пытать его страшными пытками, вымучивая показание, где скрывался Михаил. Сусанин знал, что он в Костроме, но не сказал и был замучен до смерти.

19 марта выехал Михаил из Костромы в Ярославль, куда приехал 21 числа. В другой раз Ярославль становился местом великого стечения народного, местом великого торжества: недавно его жители видели ополчение Пожарского, теперь видели желанный конец подвигов этого ополчения. Ярославцы и съехавшиеся к ним отовсюду дворяне, дети боярские, гости, люди торговые с женами и детьми встретили нового царя, подносили ему образа, хлебы, дары и от радости не могли промолвить ни слова. 23 марта Михаил писал в Москву к собору, говорил, как были у него в Костроме послы, как он долго отказывался от престола: «У нас того и в мыслях не бывало, что на таких великих государствах быть по многим причинам, да и потому, что мы еще не в совершенных летах, а государство Московское теперь в разоренье, да и потому, что Московского государства люди по грехам измалодушествовались, прежним великим государям не прямо служили. И, видя такие прежним государям крестопреступления, позоры и убийства, как быть на Московском государстве и прирожденному государю, не только мне?» В заключение, уведомив о своем согласии, Михаил прибавляет: «И вам бы, боярам нашим, и всяким людям, на чем нам крест целовали и души свои дали, стоять в крепости разума своего, безо всякого позыбания нам служить,

прямить, воров царским именем не называть, ворам не служить, грабежей бы у вас и убийств на Москве и в городах и по дорогам не было, быть бы вам между собою в соединенье и любви; на чем вы нам души свои дали и крест целовали, на том бы и стояли, а мы вас за вашу правду и службу рады жаловать».

Собор отвечал, что все люди со слезами благодарят бога, молятся о царском здоровье, и просил: «Тебе бы, великому государю, нас сирых пожаловать, быть в царствующий град поскорее»; о том же писал собор и к послам своим, Феодориту с товарищами, прося дать знать, когда государь будет у Троицы и где прикажет себя встретить. Но из Ярославля приехал князь Троекуров с запросом собору: «К царскому приезду есть ли на Москве во дворце запасы и послано ли собирать запасы по городам, и откуда надеются их получить? Кому дворцовые села розданы, чем царским обиходам впредь полниться и сколько царского жалованья давать ружникам и оброчникам? Бьют государю челом стольники, дворяне и дети боярские, что у них дворцовые села отписаны и государю от челобитчиков докука большая: как с этим быть? чтоб на Москве и по дорогам грабежей никаких не было! Дворяне и дети боярские и всякие люди с Москвы разъехались — великому государю неизвестно, по вашему ли отпуску они разъехались или самовольством?» Собор отвечал: «Для сбора запасов послано и к сборщикам писано, чтоб они наскоро ехали в Москву с запасами, а теперь в государевых житницах запасов немного. О грабежах и воровствах заказ учинен крепкий, воров и разбойников сыскиваем и велим их наказывать. Дворян и детей боярских без государева указа с Москвы мы никуда не отпускали, а которые разъехались по домам, тем всем велено быть к государеву приезду в Москву». Прошел март; 1 апреля собор опять написал к послам своим — Шереметеву с товарищами, чтобы доложили государю, когда он будет в Москву и где его встречать? 8 апреля царь отвечал на это следующею грамотою: «Писали вы к нам с князем Иваном Троекуровым, чтоб нам походом своим не замедлить, и прислали с князем Иваном роспись, сколько у вас в Москве во дворце всяких запасов; по этой росписи хлебных и всяких запасов мало для обихода нашего, того не будет и на приезд наш. Сборщики, которые посланы вами по городам для кормов, в Москву еще не приезжали, денег ни в котором приказе в сборе нет, а Московское государство от польских и литовских людей до конца разорено, города и уезды многие от войны запустели, наши дворцовые села и волости розданы были в поместья и запустошены, а иные теперь в раздаче; и на наш обиход запасов и служилым людям на жалованье денег и хлеба сбирать не с кого. Атаманы и козаки беспре-

станно нам бьют челом и докучают о денежном жалованье, о своих и конских кормах, а нам их пожаловать нечем и кормов давать нечего. Мы, по вашему челобитью и по челобитью всех чинов людей, идем к Москве вскоре, а которого числа из Ярославля пойдем, о том мы к вам велим отписать. И вам бы, богомольцам нашим, и боярам, и окольничим, и приказным людям о том приговор учинить с стольниками, стряпчими, с дворянами московскими, с дворянами и детьми боярскими из городов, с атаманами, козаками, стрельцами, с гостями, торговыми и всякими жилецкими и приезжими людьми: чем нам всяких ратных людей жаловать, свои обиходы полнить, бедных служилых людей чем кормить и поить, ружникам и оброчникам всякие запасы откуда брать? И об этом учинить вам полный приговор и к нам отписать вскоре. Вам самим ведомо: учинились мы царем по вашему прошению, а не своим хотеньем, крест нам целовали вы своею волею; так вам бы всем, помня свое крестное целованье, нам служить и о всяком деле радеть, и приговор свой учинить, как тому всему быть. Сами ведаете: недруги наши — польский и литовский и немецкий король многими городами государства нашего завладели и в тех городах сидят их люди, а по вестям ждем прихода литовских и немецких людей под свои города вскоре, а под Торопцом литовские люди теперь стоят, и Торопцу ниоткуда помощи нет. Да многие дворяне и дети боярские бьют нам челом о поместьях, что вы у них поместья отнимаете и раздаете в раздачу без сыску: и вам бы те докуки от нас отвести и велеть дворян и детей боярских в поместных и вотчинных делах расправливать по сыску в правду, чтоб нам о том не били челом».

До сих пор царь переписывался с собором, но 11 апреля писали к нему одни бояре, опять Федор Иванович Мстиславский с товарищами, что в городах воевод нет, а без воевод городам быть нельзя; бьют челом атаманы, козаки и стрельцы о корме, сказывают, что прежде для них сбирали кормы с дворцовых и монастырских сел. Мы, пишут бояре, стали было отпускать воевод в города и кормы собирать; но воеводы, атаманы, стрельцы и козаки говорят, что воеводы отпускаются по городам, и сборщики кормов по селам от государя: и мы воевод и сборщиков посылать без твоего государева указа не смеем. Наконец 18 апреля царь уведомил духовенство и бояр, что поход его к Москве замедлился за дурною дорогою, зимний путь испортился, а как большой лед прошел и воды сбыло, то он выехал из Ярославля 16 апреля и 17 приехал в Ростов, откуда 19 намерен отправиться дальше к Москве. «А идем медленно затем, — писал царь, — что подвод мало и служилые люди худы: стрельцы, козаки и дворовые люди многие идут пешком». Но и после этого Михаил двигался очень медленно: 25 апреля писал он

со стану из села Любимова, что многие стольники, стряпчие и жильцы, обязанные сопровождать его, до сих пор не явились, и он приказывает боярам отписать у этих нетчиков поместья и вотчины; число нетчиков простиралось до 42. Царь писал также боярам, чтоб они приказали приготовить для него Золотую палату царицы Ирины с мастерскими палатами и сенями, а для матери его деревянные хоромы жены царя Василия Шуйского; бояре отвечали, что приготовили для государя комнаты царя Ивана да Грановитую палату, а для матери его хоромы в Вознесенском монастыре, где жила царица Марфа; тех же хором, что государь приказал приготовить, скоро отстроить нельзя да и нечем: денег в казне нет и плотников мало; палаты и хоромы все без кровли, мостов, лавок, дверей и окошек нет, надобно делать все новое, а лесу пригодного скоро не добыть.

Открылось еще новое затруднение, новое неудовольствие молодого царя: 28 апреля Феодорит и Шереметев писали собору: «Писал к вам государь много раз, чтоб у вас на Москве, по городам и по дорогам убийств, грабежей и никакого насильства не было; а вот 23 апреля пришли к государю на стан в село Сватково дворяне и дети боярские разных городов, переграблены донага и сечены, в расспросе сказали, что одни из них посланы были к государю с грамотами, другие — по городам сбирать дворян и детей боярских и высылать на службу: и на дороге, на Мытищах, и на Клязьме козаки их перехватали, переграбили, саблями секли и держали у себя в станах два дня, хотели побить, и они у них, ночью развязавшись, убежали; а стоят эти воры на Мытищах, другие — на Клязьме, человек их с 200, конные и пешие. Писали государю из Дмитрова приказные люди, что прибежали к ним из сел и деревень крестьяне жженые и мученые огнем, жгли их и мучили козаки; 26 апреля эти воры пришли и в Дмитров на посад, начали было его грабить, но в то время случились в Дмитрове дворяне и дети боярские, козаки кормовые и торговые, и они им посада грабить не дали, с ними бились; и от этих воров дмитровцы, покинув город, хотят все брести врозь, а по селам и деревням от воров грабежи и убийства большие. Козаки, посланные в разные места на службу, берут указные кормы, да, сверх кормов, воруют, проезжих всяких людей по дорогам и крестьян по селам и деревням бьют, грабят, пытают, огнем жгут, ломают, до смерти побивают. И 26 апреля государь и его мать у Троицы на соборе говорили всяких чинов людям с большим гневом и со слезами, что воры кровь христианскую льют беспрестанно; выбрали его, государя, всем государством, обещались служить и прямить и быть всем в любви и соединении; а теперь на Москве, по городам и по дорогам грабежи и убийства; по-

забыв добровольное крестное целованье, воры дороги все затворили гонцам, служилых и торговых людей с товарами и ни с какими запасами не пропускают. И государь и мать его, видя такое воровство, из Троицкого монастыря идти не хотят, если всех чинов люди в соединение не придут и кровь христианская литься не перестанет. Государь и мать его нам говорили: вы нам били челом и говорили что все люди пришли в чувство, от воровства отстали, так вы нам били челом и говорили ложно. И мы, господа, слыша такие слова от государя и опалу, стали в великой скорби и с соизволения государя послали к вам выборных из всяких чинов сказать вам, чтоб вы, помня души свои и крестное целованье, воров сыскивали, от воровства и грабежа их уняли». О том же писал собору и сам царь: «Можно вам и самим знать, — говорится в царской грамоте, — если на Москве и под Москвою грабежи и убийства не уймутся, то какой от бога милости надеяться? Никакие люди в Москву ни с какими товарами и с хлебом не поедут, дороги все затворятся, и если не будет из Москвы в города, а из городов в Москву проезду, то какому добру быть? Да и то нам подлинно известно, которые гости, торговые и всякие жилецкие люди в московское разоренье разбежались из Москвы по городам, а теперь велено им с женами, детьми и со всем имением ехать в Москву, и отданы они в том на крепкие поруки; и те все люди для убийства и грабежей в Москву ехать не смеют». Царь или его мать не удовольствовались и ответом бояр насчет невозможности отделать кремлевские палаты к их приезду, от 29 апреля царь писал боярам: «По прежнему и по этому нашему указу велите устроить нам Золотую палату царицы Ирины, а матери нашей хоромы царицы Марьи, если лесу нет, то велите строить из брусяных хором царя Василья; вы писали нам, что для матери нашей изготовили хоромы в Вознесенском монастыре, но в этих хоромах матери нашей жить не годится».

30 апреля собор приговорил: боярам князю Ивану Михайловичу Воротынскому да Василью Петровичу Морозову, окольничему князю Мезецкому и дьяку Иванову с выборными из всяких чинов ехать к государю, бить челом, чтоб он умилосердился над православными христианами, походом своим в Москву не замешкал; а про воровство про всякое митрополит и бояре заказ учинили крепкий, атаманы и козаки между собою уговорились, что два атамана чрез день осматривают каждую станицу и, чье воровство сыщут, тотчас про него скажут и за воров в челобитчиках быть не хотят; в Москве во всех слободах и в козачьих таборах велели заказ крепкий учинить, чтоб воровства и корчем не было нигде, объезжих голов по улицам расписали, а где воры объявятся по дорогам, то на них станут из Москвы посылать

посылки. Воеводы ополчения — князь Трубецкой и князь Пожарский послали царю челобитную: «Были мы, холопи твои, Митька Трубецкой и Митька Пожарский, на твоей государевой службе под Москвою, голод и нужду великую терпели, и в приходы гетманские в крепких осадах сидели, с разорителями веры христианской бились, не щадя голов своих, и всяких людей на то приводили, что, не увидя милости божией, от Москвы не отхаживать. Милостью божиею и всяких людей прямою службою и кровью Московское государство очистилось и многие люди освободились; а теперь приходят к нам стольники, стряпчие, дворяне московские, приказные люди, жильцы, городовые дворяне и дети боярские, которые с нами были под Москвою, и бьют челом тебе государю, чтоб им видеть твои царские очи на встрече; но мы, без твоего государева указу, на встречу к тебе ехать не смеем, ожидаем от тебя милости и указу, как ты нам повелишь».

Посланные от собора, князь Воротынский с товарищами, нашли Михаила в селе Братовщине, на половине дороги от Троицкого монастыря к Москве. Государь и мать его, выслушав их челобитье, сказали милосердное слово, что будут на последний стан от Москвы, в село Тайнинское, 1 мая, а в Москву въедут 2 мая. В этот день, в воскресенье поднялись в Москве всяких чинов люди, от мала до велика, и вышли за город на встречу к государю. Михаил и мать его слушали молебен в Успенском соборе, после чего всяких чинов люди подходили к руке царской и здравствовали великому государю.

11 июля происходило царское венчание. Перед тем как идти в Успенский собор, государь сидел в Золотой подписной палате, и тут сказано было боярство двоим стольникам: родственнику царскому, князю Ивану Борисовичу Черкасскому, и вождю-освободителю, князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому; у сказки последнему назначен был стоять думный дворянин Гаврила Пушкин, который бил челом, что ему у сказки стоять и меньше князя Дмитрия быть невместно, потому что его родственники меньше Пожарских нигде не бывали. Государь указал для своего царского венца во всяких чинах быть без мест и велел этот свой указ при всех боярах в разряд записать. Выступил дьяк Петр Третьяков и объявил, что боярин князь Мстиславский будет осыпать государя золотыми, боярин Иван Никитич Романов будет держать шапку Мономахову, боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой — скипетр, новый боярин князь Пожарский — яблоко, и опять послышалось обычное челобитье: Трубецкой бил челом на Романова, что ему меньше его быть невместно. Государь сказал Трубецкому: «Известно твое отечество перед Иваном, можно ему быть тебя меньше, но

теперь быть тебе меньше его потому, что мне Иван Никитич по родству дядя; быть вам без мест». Когда дело таким образом уладилось, государь пошел в соборную церковь, где венчался царским венцом от казанского митрополита Ефрема. На другой день, 12 июля, праздновались царские именины (св. Михаила Малеина); для этого торжества пожаловал государь в думные дворяне Кузьму Минина [1].

Милостей, льгот народу новый государь не мог дать для торжества своего царского венчания: казна была пуста; а между тем обстоятельства были тяжелые. 24 мая царь принужден был писать Строгановым: «Бьют нам челом на Москве дворяне и дети боярские, козаки, стрельцы и всякие ратные люди, что они, будучи под Москвою, многие нужды и страсти терпели и кровь проливали, поместья и вотчины у них от долгой войны запустели и службы своей исполнять им нечем; стрельцы и козаки служивую рухлядь проели, и на нашей службе им быть нельзя за великою бедностью; в казне нашей денег и хлебных запасов в житницах нет, служивым людям жалованья дать нечего. Выходцы и языки в расспросе боярам нашим сказывают, что литовские люди хотят идти под Москву, а в нашей казне денег и в житницах хлеба нет нисколько. Сколько вы с своих вотчин в нашу казну денежных доходов платите, нам про то подлинно не ведомо; и теперь по нашему указу послан к вам Андрей Игнатьевич Вельяминов; велено ему с ваших вотчин за прошлые годы и за нынешний год по книгам и по отписям наши денежные доходы взять сполна и привезть к нам. Да у вас же мы приказали просить взаймы для христианского покою и тишины денег, хлеба, рыбы, соли, сукон и всяких товаров, что можно дать ратным людям; а сколько чего взаймы дадите, деньгами, хлебом и товаром, и то приказали мы записывать в книги, а вам давать с книг выписи архимандричьими, игуменскими и сборщиковыми руками, почему вам тот заем из нашей казны взять; хотя теперь и промыслов убавьте, а ратным людям на жалованье дайте, сколько можете, а как в нашей казне деньги в сборе будут, то мы вам велим заплатить тотчас. Так вам бы непременно ратным людям на жалованье дать без кручины: лучше всякой милостыни ратным людям помочь и этою помощию божии церкви в лепоте и святую веру в целости учинить, православных христиан от нахождения иноверцев освободить! Что вы дадите, мы непременно велим заплатить, и службу вашу к нам, и раденье ко всему Московскому государству учиним навеки памятными. Если же вы нам взаймы денег, хлеба и товаров не дадите и ратные люди, не терпя голоду и нужды, из Москвы разойдутся, то вам от бога не пройдет так даром, что православная христианская вера разорится». Духовенство от имени всего собора писало Строгановым: «Ратные

люди великому государю бьют челом беспрестанно, а к нам, царским богомольцам, и к боярам, приходят с великим шумом и плачем каждый день, что они от многих служб и от разоренья польских и литовских людей бедны и служить не могут, на службе им есть нечего и оттого многие из них по дорогам ездят, от бедности грабят, побивают, а унять их никакими мерами, не пожаловав, нельзя; только им не будет царского денежного и хлебного жалованья, то все они от бедности поневоле станут воровать, грабить, разбивать и побивать. И теперь мы, царские и ваши богомольцы, также бояре, окольничие и всякие люди всех городов всего великого Российского царствия, поговоря на *вселенском* соборе, били челом государю, чтоб он послал к вам во все города для денежных сборов, хлебных и всяких запасов сборщиков, дворян больших, от своего царского лица и от всех нас вскоре, чем бы ему великому государю всяких ратных людей пожаловать». В заключении грамоты духовенство благословляет тех, которые исполнят требование царя и собора, и грозит клятвою ослушникам. Такие же точно грамоты разосланы были по всем городам; правительство убеждало граждан к щедрости примером москвитян: «Непременно бы вам ратным людям помочь, не огорчаясь, а не так сделать, как московские гости и торговые люди: сначала себя пожалели, ратным людям на жалованье денег не дали и оттого увидали над собою конечное разоренье, имения своего всего отбыли».

Ногаи пустошили украйны, переправились через Оку, повоевали коломенские, серпуховские, боровские места и приходили даже в Домодедовскую подмосковную волость. Ратные люди грабили по дорогам, не получая жалованья; сборщики податей, ездя по областям за жалованьем ратным людям, тоже грабили, так что правительство вынуждено было отзывать их и на самих крестьян возлагало обязанность сбирать деньги и привозить их в Москву. Монастыри жаловались на разоренье от литовских людей, просили льгот, старых и новых. Купцы иностранные также жаловались на разоренье, просили льгот, и правительство, чтоб усилить торговлю, исполняло их просьбы, «для иноземства, для бедности и разоренья». В отдаленных городах оказывалось явное сопротивление финансовым мерам правительства: так, нужно было наказать чердынцев, «трех человек бив батоги, вкинуть на месяц в тюрьму, чтоб им вперед не повадно было ослушаться». Но чердынцы ослушались и прибили сборщика. На Белеозере посадские люди также не хотели платить податей, и когда воеводы велели их поставить на правеж, то они на себе править не дали, велели звонить в набат и воевод хотели побить, после чего сборщики податей являлись в селения уже с вооруженными отрядами. Коло-

менский воевода писал к государю: «Велено дать посланникам, которые едут в Турцию, 250 человек гребцов; но на яму всех ямщиков десять человек, собрать гребцов не с кого; мы хотели взять с посадских людей, но те нам гребцов не дают, двое из них приходят на нас с шумом и слушаться нас не велят; и из других мест такие же отписки, что денег, запасов и гребцов для посланников собрать нельзя, не с кого, и посланники ждут». Из Рязани архиепископ, духовенство, дворяне и дети боярские били челом: «С тех пор как вор начал называться царским именем, пошли усобицы и войны, наши отчины и поместья разорены до конца, все мы домов своих отбыли и жили с людишками своими в Переяславле, а как земля соединилась, начали приходить татары часто и досталь домишки наши выжгли, людишек и крестьянишек наших остальных перехватали и самих многих нашу братью на пустошах взяли и побили, и теперь татары у нас живут без выходу; приехал к нам твой государев посланник, что едет в Царь-град, живет в Переяславле три недели и нас из подвод и запасов мучит на правеже, а нам взять негде». При таких обстоятельствах новое правительство должно было вести упорную войну с врагами внутренними и внешними. Внутри свирепствовали козаки — надежда тех, которые хотели продолжения Смутного времени. Никанор Шульгин по приказанию собора выступил с казанским войском в поход против Заруцкого, но, узнав об избрании Михаила, остановился в Арзамасе, написав 15 марта в Москву, что не будет продолжать похода по приговору ратных людей, которые издержали свои запасы и более не могут оставаться на службе; в то же время Шульгин извещал собор, что все казанское войско присягнуло Михаилу, а между тем внушал этому войску, что не должно признавать нового царя, который избран без совета с Казанским государством. Никанор надеялся на козаков и, чтоб возмутить их, оставил войско в Арзамасе и отправился в Казань, но здесь не хотели больше козацкого царства, и когда Шульгин приехал в Свияжск, то уже там ждали его послы из Казани, которые объявили ему, что Казань присягнула Михаилу и что ему, Никанору, туда ехать незачем, а чтоб он не вздумал ослушаться, посадили его за приставов. Государь удивился, узнавши, что Никанор за приставами, и послал из Ростова приказ собору разведать, в каком он деле попался? Дело объяснилось, и Шульгина сослали в Сибирь, где он и умер [2].

Шульгин надеялся на козаков, и козаки еще не теряли надежды: у них оставался Заруцкий. Опустошивши Михайлов, Заруцкий ушел в Епифань, оставив в Михайлове своего воеводу; но 2 апреля михайловцы миром схватили этого воеводу, посадили за пристава, козаков *вольных* перехва-

тали и посажали в тюрьму и дали знать об этом в Зарайск и Переяславль Рязанский, прося помощи. Вскоре после этого два козака прибежали из Епифани в Каширу и в расспросе сказывали: «Побежало их от Заруцкого детей боярских и козаков человек с двести, зато к Заруцкому пришло черкас человек с триста; Заруцкий хочет идти в Персию, а Марина с ним идти не хочет, зовет его с собою в Литву, у козаков был об этом круг, и многие козаки хотят обратиться к государю». Потом приехали в Каширу четырнадцать человек козаков и объявили, что у Заруцкого 2500 козаков, кроме новоприбыльных черкас, и что он сказал своему войску поход на Украйну. Получив эти вести, бояре, князь Мстиславский с товарищами, 13 апреля решили идти из Москвы на Заруцкого воеводе князю Ивану Одоевскому с воеводами — из Михайлова, Зарайска, Владимира-Суздаля и других городов; но в то же время боярам дали знать, что Заруцкий убежал из Епифани, выграбил Дедилов, сжег Крапивну, хочет идти на Тулу. Царь отвечал на эти донесения боярам, чтоб они всякими мерами промышляли, над Заруцким поиск учинили и с литовскими людьми ему сойтись не дали. Князь Одоевский выступил из Москвы 19 апреля; в мае дали знать в Москву, что Заруцкий приступал к Ливнам и оттуда пошел к Лебедяни, вследствие чего князю Одоевскому в Тулу был послан приказ идти со всеми людьми на Заруцкого в Донков и к Лебедяни. Одоевский выступил из Тулы, и скоро пришла от него весть, что он сошелся с Заруцким у Воронежа, бился с ним два дня без отдыха и побил наголову, наряд, знамена, обоз взял, языков многих схватил, коши все отбил, и Заруцкий с немногими людьми побежал в степь, за Дон, к Медведице. Так доносил воевода, но летописец говорит, что воеводы Заруцкому ничего не сделали, что он побил множество воронежцев и ушел к Астрахани. Некоторые козаки не хотели следовать в степь за Заруцким и пришли с повинною в Москву, говоря, что вслед за ними будут и другие их товарищи; царь простил их и послал под Смоленск.

Между тем воевода Одоевский с товарищами писал к козакам на Волгу, что «их атаманскою и козачьею службою, радением и дородством Московское государство очистилось и учинилось свободно; и ныне ваша братья, атаманы и козаки, многие по вере христианской поборают, врагов и разорителей доходят и Литовскую землю воюют; а в великих государствах государя нашего строится все доброе, всякие люди пришли в познанье и между собою учинились в любви, в совете и соединении; только теперь от всего Московского государства отлучася, в одной Астрахани ведомый вор и желатель крови христианской, черкашенин Ивашка Заруцкий, с Маринкою заводят воровство и смуту». Воеводы

увещевают козаков, чтоб они не приставали к Заруцкому и к люторке-еретице Маринке, а шли бы в сход к ним воеводам и промышляли с ними вместе над ворами: «А чем будете вы скудны, то знайте, — с нами государарев [illegible] запас, вино, денежная казна и сукна есть, ничем скудны не будете». Воеводы писали и к жителям Астрахани с увещанием оставить Заруцкого: «Сами ведаете, какое [illegible]ыне у вас в Астрахани зло учинил: кровь многую православных христиан пролил, окольничего и воеводу, князя Ивана Дмитриевича Хворостинина, и иных многих без милости побил, на которых прежде и смотреть не смел он злодей Ивашка черкашенин безверник; а Маринка, люторка-еретица, о разлитии крови христианской не жалеет, то себе в похвалу ставят, от истины на ложь соблазняют, и с персидским шахом ссылаются, великого государя нашего искони вечную отчину, Астраханское царство, и в ней всех вас православных христиан шаху отдать хотят, желая великого государя нашего и его великие Российские государства с Абасом шахом ссорить».

Возбуждая против Заруцкого волжских козаков, московское правительство возбуждало против него и орду Ногайскую, извещая князя ее Иштерека, что Заруцкий выпустил в Астрахани из тюрьмы врага его, мурзу Джан-Арслана. Посланы были грамоты и к донским козакам вместе с царским жалованьем, суконами, селитрою, свинцом, зельем и запасами; духовенство во имя православия увещевало донцов, чтоб немедленно шли в Северскую землю против литовских людей, за что получат благословение от бога и славу от людей. Донцы приняли с честию московских посланников, извещавших и об избрании нового царя, обрадовались царскому имени, в звоны звонили, молебны пели, из наряда стреляли, били батогами нещадно одного из своих, который объявил, что калужский вор жив, обещались служить и прямить Михаилу точно так же, как и его предшественникам, но отказались идти в Северскую землю на литовцев. Желая мира с турками, правительство требовало от донцов, чтобы они прекратили свои поиски над Азовом; козаки обещали быть в мире с азовцами, но до тех пор только, пока русские послы возвратятся из Константинополя, и требовали от царя жалованья, денег, сукон, запасов, чтоб было чем им прокормиться и одеться во время мира с Азовом. Царь должен был согласиться на это условие, обещал и больше, послав на Дон знамя. «И вам бы с тем знаменем, — говорится в царской грамоте, — против наших недругов стоять, на них ходить и, прося у бога милости, над ними промышлять, сколько милосердый бог помощи подаст; к нам, великому государю, по началу и по своему обещанью службу свою

и раденье совершали бы, а наше царское слово инако к вам не будет»

Донцы, получив государево жалованье, вынесли царское знамя, составили около него круг, а под знаменем лежал человек, осужденный на смерть; когда царский посланник Опухтин спросил, что это за человек, то ему сказали: «Двое пьяных козаков проговорились, что атаманы и козаки за посмех вертятся, а от Ивашки Заруцкого не избыть, быть под его рукою». Одного из этих козаков прежде повесили, а другой приговорен к смерти и лежит теперь под знаменем. При этом многие козаки били челом посланнику, чтоб он для имени царского величества отпросил у них этого молодца от казни, потому что он виноват без хитрости, неумышленьем, сопьяна. Посланник, зная, что так бывало и прежде, и видя, что тут было много козаков с Волги и Яика, чтоб их государскою милостию обнадежить, начал говорить: «Вы этому козаку ничего не сделали до меня; я теперь приехал с царским жалованьем, у вас у всех теперь радость, а государь милосерд и праведен, всех нас виноватых пожаловал, ничьих вин не помянул: так и вы бы теперь этого виноватого для имени царского величества пощадили; а царское величество бог в сохраненье держит, и враги ему никакого зла сделать не могут». Только что посланник выговорил эти слова, козаки завопили: «Дай, господи, государю царю здоровья на многие лета! Сами мы знаем, что государь милосерд и праведен, божий избранник, никто ему зла сделать не может». Осужденного подняли, и атаман Епиха Радилов стал его бранить, тазал его долго: «Пора придти в познанье: сами знаем, сколько крови пролилось в Московском государстве от нашего воровства и смутных слов, что вмещали в простых людей; мы уже по горло ходим в крови христианской; теперь бог дал нам государя милостивого, и вам бы собакам перестать от воровства, а не перестанете, то бог всех вас побьет, где бы вы ни были».

Скоро пришла в Москву страшная весть, что Заруцкий ссылается с волжскими и другими соседними козаками, сзывая их на обычную войну с государством. Грамота за грамотой пошли из Москвы на Дон и на Волгу: сперва от царя, потом от духовенства, наконец от бояр и всяких чинов людей, с увещанием не соединяться с Заруцким, но стоять против него. Грамоты по-прежнему льстят козакам, хотят выставить государственные подвиги их и тем сильнее заставить их служить государству. Заруцкий выставляется человеком, который первое злое дело Московскому государству завел: «Думного дворянина и воеводу Прокофья Ляпунова, который сперва за неправду Жигимонта короля стоял, Заруцкий, учиня сейм, велел советникам своим убить, чтоб польских и литовских людей обнадежить». Здесь грамоты

виновником смерти Ляпунова выставляют прямо Заруцкого; но мы видели, что в грамоте Пожарского к областным жителям с жалобою на Шереметева виновником смерти Ляпунова выставлен этот Шереметев. В приведенных грамотах к козакам главным виновником восстания против поляков выставлен Ляпунов, а в других грамотах о Ляпунове не говорится ни слова и вся честь приписывается Трубецкому. Вообще в грамотах того времени не заботились о согласном свидетельстве, а выставляли события, смотря по обстоятельствам. Продолжая перечислять дурные дела Заруцкого, московские грамоты говорят, что по смерти Ляпунова он взял к себе поляков, Евстафия Валявского да Казановского и других, и с ними вместе умышлял разоренье Московского государства, звал к себе тайно и гетмана Сапегу со всем войском, ссылался с поляками, осажденными в Кремле и Китае, условливался с ними, что зажжет стан подмосковный в то время, как поляки сделают вылазку из города, но что лазутчиков его схватили и пытали, а панов Валявского и Казановского казнили всею ратью. В грамотах говорится также, что еще в 1612 году Сигизмунд присылал к Заруцкому ротмистра Синявского, убеждая его мутить Московское государство до тех пор, пока он, король, заключит мир с турками и заплатит жалованье войску, а там он пойдет на Москву, взявши которую, даст Заруцкому в отчину Новгород Великий или Псков с пригородами, или Смоленск и сделает его великим у себя боярином и владетелем.

Чтобы грамоты были подействительнее для козаков, царь послал на Волгу деньги, сукна, запасы, вина· «И вы б, атаманы и козаки, видя к себе нашу царскую милость и призренье, нам, великому государю, служили и прямили и на изменников наших стояли; а мы, великий государь, учнем вас держать в нашем царском милостивом жалованье и в призренье свыше прежних царей российских». Наконец отправлены были две грамоты и к самому Заруцкому от царя и духовенства; царь обещал помилование в случае обращения; духовенство грозило проклятием в случае ослушания царской грамоте. Донские козаки писали к волжским своим собратиям о покое и тишине, но в очень неопределенных выражениях, вероятно, потому, что козаки имели о покое и тишине неясное понятие. «Великому и славному рыцарскому Волжскому, Терскому и Яицкому войску и всех рек пресловутых господам атаманам и козакам и всему великому войску. Прислал к нам самодержавный государь царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси свои царские грамоты и жалованное слово, и жалованье денежное, и селитру, и сукна, и запас и к вам на пресловутую реку послал тоже жалованье многое денежное и сукна, и селитру, и запас. И мы к вам, господа, послали его царские

грамоты ко всему войску, и в Астрахань, и к Заруцкому, и ко всем чинам Российского царства и Московские области, чтоб господь бог гнев свой отвратил и на милосердие преложил, чтоб покой и тишину вы восприяли и в соединении были душами и сердцами своими, и ему государю служили и прямили, а бездельникам не потакали; заднее забывайте, на переднее возвращайтесь, ожидайте, государи, будущих благ, а ведаете и сами святого бога писание: тысячи лет яко день един, а день един яко тысячи лет. А мы, господа, к вам много писывали прежде о любви, да от вас к нам ни единой строки нет, мы и атаманов больших у вас не знаем; а вы, господа наши, на нас не дивитесь (не сердитесь)». Но почему же донцы думали, что волжские козаки будут на них дивиться? Любопытна также и надпись на грамоте: «Великие Российские державы и Московские области оберегателям, волжским, терским и яицким атаманам и молодцам и всему великому войску».

Между тем к князю Одоевскому с товарищами приходили вести с севера, что шайки козаков тянутся из уездов Белозерского, Пошехоньского, чрез уезды Углицкий, Ярославский и Романовский к юго-востоку, пробираясь к Заруцкому. Ногайский князь Иштерек сначала был в ссоре с Заруцким, но потом помирился, дал сыновей в заложники и поклялся, что весною пойдет со всеми ногаями осаждать Самарскую крепость, а Заруцкий объявил, что весною же отправится на стругах вверх по Волге против льду с пушками под Самарский город и под Казань. Город Терский объявил себя за Заруцкого; но в Астрахани добрые люди повиновались ему невольно и с нетерпением ждали государевых полков. Зимою перед Николиным днем Заруцкий и Марина выслали в мир какую-то грамоту и велели всяких чинов людям прикладывать к ней руки, а смотреть в нее не дали никому; духовенство и все люди прикладывали руки поневоле. Марина видела нерасположение граждан и боялась восстания; памятен ей был страшный звон московских колоколов 17 мая, она боялась того же и в Астрахани и запретила ранний благовест к заутреням, под предлогом, что звон пугает ее маленького сына. Купцы иноземные, бухарцы, гилянцы и другие, ограбленные Заруцким, разбежались. Днем и ночью на пытках и казнях лилась кровь добрых людей, а Заруцкий разъезжал за город с ногайскими татарами, которые в числе пяти или шести сот пили и ели у него с утра до вечера, он прикармливал их, чтоб заставить идти с собою на весну под Самарский город и под Казань; он говорил: «Знаю я московские наряды: покамест люди с Москвы пойдут, я до той поры Самару возьму да и над Казанью промысл учиню». Как видно, Заруцкий выдавал себя в Астрахани за Димитрия; по крайней мере до нас дошла

от 1614 года челобитная с обращением к царю Димитрию Ивановичу, царице Марии Юрьевне и царевичу Ивану Димитриевичу. Заруцкий надеялся также на шаха, но персидские купцы уверяли астраханцев, что Аббас Астрахани не возьмет, своих людей не пришлет и казны Заруцкому не даст, потому что не захочет ссориться с Московским государством. Что касается до волжских козаков, то ближайшая к Астрахани станица под атаманом Верзигою тянула к вору; но в верхних козачьих городках козаки были против Заруцкого: очевидцы рассказывали, что когда пришла туда с Дону уже известная нам грамота, то съехавшиеся козаки, прочтя грамоту, обрадовались, Заруцкого, Марину и сына ее проклинали и ругали, несмотря на то что Заруцкий, приглашая воевать государство, обещал пожаловать тем, чего у них и на разуме нет; козаки говорили: «От нашего воровства уже и так много пролилось христианской крови, много святых обителей и церквей божиих разорено, так уже теперь нам больше не воровать, а приклониться к государю царю Михаилу Федоровичу и ко всей земле». Но козаки по своему обычаю хотели сделать службу государю и всей земле как можно для себя выгоднее; для этого они собирались ехать в Астрахань, взять у вора обманом жалованье, да и учинить над ним промысел; потом сбирались идти на море, дожидаться шаховых судов, чтоб их погромить; а если не удастся погромить персидских кораблей, то идти под Астрахань грабить татарские юрты: пока змея в норе, так тут над нею и промысел чинить, говорили атаманы. Но молодые козаки говорили иное: «Нам все равно, где бы ни добыть себе зипунов, а то почему нам и под Самарский не идти с Заруцким?» 560 таких охотников до зипунов перешли к Заруцкому в Астрахань; говорят, что Заруцкий, обрадовавшись приходу козаков и ненавидя многих граждан за их нерасположение к себе, хотел в самое Светлое Воскресенье перерезать всех подозрительных ему людей. В самом ли деле Заруцкий имел такое намерение или только астраханцы, испуганные приездом козаков, подозревали умысел — решить трудно; но как бы то ни было, между астраханцами и козаками произошли ссоры; Заруцкий принужден был запереться в Кремле, а граждане сели на посаде, и в среду на страстной неделе завязался между ними бой (1614 г.).

Между тем пришла весть, что и Терск отложился от Заруцкого. Здесь, так же как и в Астрахани, не все жители усердствовали вору с ворухою и воренком, а были за них больше потому, что жили далеко от Москвы и не получали оттуда никаких вестей. Терский воевода Петр Головин был особенно подозрителен Заруцкому, который послал в Терский город взять воеводу и привести его в Астрахань, но

терские люди не выдали Головина и сказали посланцам астраханским: «Али вы и Петра Головина хотите погубить так же, как погубили князя Ивана Хворостинина? Нам с вами в совете воровском не быть и от московских чудотворцев не отстать». В половине Великого поста приехал на Терек Михаил Черный от Заруцкого; Черный пробирался в Кабарду возбуждать горцев на Русь; но терские люди были уже в разладе с Заруцким и подозревали его в дурных замыслах насчет своего города; они схватили Черного и привели к воеводе на допрос; сначала Черный не хотел ничего говорить о замыслах Заруцкого, наконец пытка развязала ему язык: он объявил, что Заруцкий неистовствует в Астрахани, где большинство жителей не на его стороне, казнит, сажает в воду добрых людей, духовенство, грабит их имения, святотатствует: взял из Троицкого монастыря кадило серебряное и слил себе из него стремя; сердится на Терский город, хочет быть там на Велик день, казнить воеводу Головина и с ним многих людей. Последнее известие заставило воеводу и весь мир принять меры решительные: они тотчас же целовали крест царю Михаилу и отправили под Астрахань стрелецкого голову Василья Хохлова с 700 человек. Прибыв под Астрахань, Хохлов привел к присяге ногайских татар, в том числе обратился также к царю и известный уже нам Иштерек-бей, написавший к князю Одоевскому грамоту, в которой очень наивно представлено положение зависимого татарина в смутах Московского государства: «Его милость царь дал нам грамоту, изволил обязаться защищать нас против всех врагов, а мы его милости царю обязались служить во всю жизнь нашу верою и правдою. Между тем астраханские люди и вся татарская орда начали теснить нас: служи, говорят, сыну законного царя. Весь христианский народ, собравшись, провозгласил государем сына Димитрия царя. Если хочешь быть с нами, так дай подписку, да еще и сына своего дай аманатом. Не хитри, пестрых речей не води с нами, не то мы Джана-Арслана с семиродцами подвинем и сами пойдем воевать тебя. По той причине мы и дали уланов своих аманатами».

Хохлов нашел астраханцев в явной войне с Заруцким; но война эта была невыгодна для первых, потому что на них с кремля обращены были пушки. 2000 мужчин, 6000 женщин и детей выбежали в стан к Хохлову. Но и Заруцкий, видя, что ему нельзя в астраханском кремле дожидаться царских воевод, 12 мая ночью бежал из Астрахани и поднялся немного вверх по Волге; Хохлов бросился за ним, нагнал и нанес сильное поражение; Заруцкому с Мариною и сыном ее удалось уйти на море, но Хохлов отправил за ним новые погони. Между тем царские воеводы, узнав, что Заруцкий стеснен в Астрахани, поспешно двинулись к этому городу;

на дороге узнали они, что Астрахань уже очищена от воров; это известие, как видно, было неприятно князю Одоевскому, потому что вся честь подвига принадлежала теперь не ему, а Хохлову. Он писал к последнему, чтоб тот не извещал царя об астраханских событиях до его приходу, а если уж послал гонца, то воротил бы его с дороги, «потому что им, воеводам, надобно писать к государю о многих государевых делах». Не участвовавши нисколько в освобождении Астрахани, воевода требовал от Хохлова, чтоб тот заставил астраханцев торжественно встретить его: «А нас велеть встретить терским и астраханским людям, по половинам, от Астрахани верст за тридцать или за двадцать». Узнав, что Заруцкий бросился на Яик, Одоевский 6 июня отрядил туда двух стрелецких голов, Пальчикова и Онучина, для поимки; 23 июня посланные настигли беглецов и начали битву, собственно, не с Заруцким, но с его хозяевами — козаками, атаманами Усом с товарищи, потому что этот Ус владел всем, а Заруцкому и Марине не было ни в чем воли. Пальчиков и Онучин осадили козаков в их городке, и те, видя крайность, принуждены были добить челом, целовать крест государю Михаилу Федоровичу и выдать Заруцкого с Мариною, сыном и чернецом Николаем. Это было 25 июня. Пленников привезли в Астрахань, откуда немедленно же отправили в Казань, потому что, писал Одоевский, в Астрахани мы их держать не смели для смуты и шатости. Заруцкий был отправлен отдельно от жены; Марину провожали 600 стрельцов, Заруцкого — 230; в случае нападения сильнейшего воровского отряда провожатым велено было побить пленников. Из Казани их отправили в Москву, здесь Заруцкого посадили на кол, сына Марины повесили; сама Марина умерла в тюрьме, с горя — по московским известиям, а по польским — была утоплена или задушена [3]. Тот же летописец упоминает и о казни Федора Андронова.

Избавились от Заруцкого, успокоена была Астрахань, но козаков оставалось еще много внутри государства, почти не было ни одной области, которая бы не страдала от их опустошений. Об их опустошениях летописец говорит, что и в древние времена таких мук не бывало; воеводы доносили: «Там и там стояли козаки, пошли туда-то, села и деревни разорили и повоевали до основания, крестьян жженых видели мы больше семидесяти человек, да мертвых больше сорока человек, мужиков и женок, которые померли от мученья и пыток, кроме замерзших». Особенно отличался между козаками атаман Баловень 1 сентября 1614 года, в тогдашний новый год, государь говорил на соборе с духовенством, боярами, думными и всех чинов всякими людьми: «Пишут к нам из замосковных и из поморских городов, что пришли в уезды воры-козаки, многие люди, православных

христиан побивают и жгут разными муками, денежных доходов и хлебных запасов сбирать не дадут, собранную денежную казну в Москву от их воровства провезти нельзя. Дворяне и дети боярские бьют челом, чтоб им с ворами управиться самим: так на этих воров посылки ли послать, или писать к ним об обращенье, чтоб от воровства отстали?» Приговорили: «Послать к ворам из (духовных) властей, бояр и всяких чинов людей и говорить ворам, чтоб они от воровства отстали». Для этого посланы были суздальский архиепископ Герасим с двумя еще духовными лицами, боярин князь Борис Михайлович Лыков и дьяк Ильин с выборными из дворян, гостей, из торговых людей и козаков. Они должны были ехать в Ярославль и оттуда повестить козакам: которые из них хотят стоять за имя божие, государю служить и прямить, тем от воров, которые хотят воровать, отобраться, списки имен своих прислать к государю и идти на службу. Которые государю служить не станут, станут вперед государю изменять, церкви божии разорять, образа обдирать, православных христиан грабить, жечь, ломать, на таких всяким государевым людям, атаманам и козакам, стоять заодно и над ними промышлять, потому что они пуще и грубнее литвы и немцев, и козаками этих воров не называть, чтоб прямым атаманам, которые служат, бесчестья не было. Если козаки станут договариваться с князем Лыковым, а без заклада к нему не поедут, то ему давать заклады, смотря по их людям, и уговаривать их всякими обычаями, чтоб их от воровства отвести и выслать на государеву службу, обещать им жалованье, должным и крепостным людям — свободу. Которые атаманы и козаки станут приезжать в Ярославль к князю Лыкову для сговоров и всяких государевых дел, тех поить и кормить. Которые атаманы и козаки от воровства отстанут и пойдут на государеву службу, тем велеть кормы давать, сбирая с посадов и уездов, как можно сытым быть, а лишнего брать и насилья делать не велеть. Которые атаманы и козаки от воровства не отстанут, на службу не пойдут, уговор их не возьмет, на таких князю Лыкову сбираться с городами, с дворянами и детьми боярскими, сбирать также охочих всяких людей и даточных и над ворами промышлять всякими обычаями.

Лыков дал знать государю, что он к козакам писал и уговаривать посылал много раз, но воры от воровства не отстают и унять их никак нельзя, стали воровать пуще прежнего; которые козаки хотят отстать от воровства, тем от воров уйти нельзя, потому что воры умножились. Государь в ответ приказал Лыкову промышлять над козаками. После этого Лыков писал, что он на козаков ходил и посылки посылал и воров во многих местах побивали. Тогда козаки прислали объявить Лыкову, что они от воровства отстали и

пошли на государеву службу к Тихвину против шведов, и государь бы их пожаловал, велел к ним прислать воевод из Москвы, с кем им ходить и промышлять над немецкими людьми. Из Москвы отправилось к ним двое воевод — князь Никита Волконский да Чемесов: но скоро эти воеводы дали знать государю, что когда они пришли на Тихвину и хотели смотреть козаков по спискам, то козаки на смотр не пошли, ездят себе по селам, деревням и дорогам, грабят, бьют, села и деревни жгут, крестьян ломают, воровство от них чинится пуще прежнего, приходят и на них, воевод, с великим шумом, с угрозами, хотят грабить и побить. А после того прибежали с Тихвины в Москву козаки, которые государю прямили, и в расспросе боярам сказали: которые козаки отстали от воровства, начали служить государю, стали было от воров отбираться и пришли к воеводам, князю Волконскому и Чемесову, на тех пришли козаки воры, перехватали и переграбили их, также и самих воевод царских, многих добрых атаманов и козаков побили до смерти и теперь идут по городам войною. Прискакал гонец и от воеводы с Устюжны: пришли к его городу козаки многие, говорят, что идут к Москве, а неведомо, для какого умышления. По этим вестям царь отписал в Ярославль к князю Лыкову и в Кашин к воеводе Бояшеву, чтобы по всем дорогам посылали подъезды проведывать про козаков, куда ждать их похода? И если воры пойдут прямо под Москву, то Лыков и Бояшев должны идти за ними также к Москве.

Козаки действительно явились под Москвою и стали по Троицкой дороге в селе Ростокине, прислави к государю бить челом, что хотят ему служить, воровать вперед не станут и на службу идти готовы. Государь послал в Ростокино дворян и дьяков переписать и разобрать козаков, сколько их пришло. Козаки к смотру не шли долго и едва дали себя переписывать, говоря, что они, атаманы, знают сами, сколько у кого в станице козаков. Они ставили по дорогам от Ростокина к Москве и по Троицкой дороге сторожи днем и ночью, посылали по всем дорогам подъезды и станицы, все проведывали про князя Лыкова с товарищи, а между тем прислали другое челобитье к государю, чтоб велел им дать торг, иначе они станут воевать и в загоны посылать: по государеву указу из Москвы к ним с торгом посылали, только бы в загон не ездили. Государь велел также перевести их из Ростокина к Донскому монастырю: отсюда они начали приезжать в Москву ратным обычаем и говорить, что будут московских людей грабить, а другие говорили: только их государь не пожалует, и они пойдут к Лисовскому в Северскую страну. Тогда послали к Лыкову и Бояшеву приказ, чтоб они тотчас же со всеми людьми шли под Москву проселочными дорогами, тайком и, пришедши под

Москву, стали бы также, утаясь, где пригоже. Лыков и Бояшев наконец пришли, и государь велел взять из козацкого табору в Москву атаманов, есаулов и козаков, расспросить и сыскать: били челом бояре и дворяне и дети боярские, что они, козаки, поместья и вотчины их разорили; да били челом воеводы, князь Волконский и Чемесов, что козаки их били и грабили. Козаки были взяты к допросу, и в то же время из Москвы к Симонову монастырю двинулся окольничий Артемий Измайлов, велено ему было стать против козачьих таборов и послать сказать козакам, чтоб они не смели выходить из них никуда и стояли бы безо всякого опасенья, потому что он, Измайлов, прислан их оберегать; если же они станут подниматься со станов, то Измайлову и Лыкову велено идти на них, чтоб их под Москву не пустить. Но как скоро Измайлов пришел к Симонову монастырю и стал против козачьих таборов, то воры бросились бежать из-под Москвы Серпуховскою и другими дорогами; Измайлов и Лыков двинулись за ними, по дороге несколько раз побивали их отряды и настигли главную толпу в Малоярославском уезде на реке Луже. Здесь козаки были побиты наголову, а остальные, видя над собою от государевых людей тесноту, добили челом и крест целовали. Всех этих козаков по государеву указу Лыков и Измайлов привели в Москву в числе 3256 человек, их всех простили и отослали на службу, только Баловня повесили да некоторых других атаманов разослали по тюрьмам. Но этим государство еще не успокоилось от козаков: в 1616 году государь получил вести из Владимира, Суздаля, Мурома, Балахны и Нижнего, что собрались воры, боярские холопи и всякие безыменные люди и называются козаками, пришли в Суздальский и Владимирский уезды, в Шую и другие места; по селам, деревням и дорогам дворян, детей боярских и всяких людей побивают до смерти, села и деревни жгут, крестьян пытают, доведываясь, где их пожитки, и хотят идти по городам. Государь приказал промышлять над ворами князю Димитрию Петровичу Лопате-Пожарскому и костромскому воеводе Ушакову. Как они исполнили поручение, неизвестно. В том же году дали знать государю из Казани и других понизовых городов, что татары и черемисы заворовали, государю изменили, села и деревни жгут, людей в полон берут и побивают, к городам приступают, дороги от Казани к Нижнему отняли Против них отправлены были боярин князь Сулешов и стольник князь Львов [4].

Кроме козаков, татар и черемис, надобно было разделываться с литовскими людьми, с Лисовским и козаками малороссийскими или черкасами. Тотчас по избрании Михаила в Москве начали думать, как бы прекратить войну литовскую и, главное, высвободить из плена отца государева. 10 марта

1613 года собор уже отправил дворянина Дениса Аладьина к королю с грамотою, в которой, прописав все неправды Сигизмунда, требовал размена пленных. Струсь от лица всех своих собратий писал также к королю, умоляя его прислать Филарета с товарищами и тем освободить своих подданных из неволи московской. В наказе Аладьину говорилось: «Скажут: нам подлинно известно, что польских и литовских людей, разосланных по городам после кремлевского взятия, всех мужики побили» — отвечать: «Сосланы были польские и литовские люди с Москвы в города для береженья: к Соли-Галицкой, да в Галич, да на Чухлому, да на Унжу, и пришли к тем городам изгоном воры, ваши же черкасы, и тех польских и литовских людей немногих побили ваши же черкасишки, а по другим городам все целы». Хотели скрыть от поляков об избрании Михаила, чтобы тем легче высвободить Филарета, и потому Аладьину было наказано: «Если скажут, что в Москве выбрали в цари Михаила Федоровича Романова, то отвечать: «Это вам кто-то сказал неправду; в Москву всяких чинов люди съехались и о государском избрании советуются, но поджидают из дальних областей советных же людей». Станут говорить про изменников, про Федьку Андронова с товарищами, за что их пытали? Ведь они за правду стояли, то отвечать: «Михалка Салтыков да Федька Андронов с товарищами первые изменники и всякому злу начальники из-под Смоленска на Московское государство королевскую рать подняли и вместе с польскими и литовскими людьми придумали Москву разорить, царскую многую неисчетную казну, собрание прежних великих государей, к королю отослали, а иную ратным людям раздавали; и они, злодеи, не только пыток, но и всяких злых смертей достойны». Аладьину наказано было в задор ничего не говорить; посол должен был править королю челобитье от освященного собора, от бояр, окольничих и проч., от всяких чинов людей всего великого Российского царствия. Если паны скажут, что русские Владиславу изменники, то отвечать изложением неправд королевских и между прочим сказать: «Царские утвари и царские шапки, и коруны, и всякое царское достояние, и чудотворные образа Михайла Салтыков да Федька Андронов к вам отослали». Если будут при короле или при панах во время посольства московские изменники — Михайла Салтыков, Иван Грамотин, Василий Янов — или иной кто, то Аладьину жаловаться на это, говорить, что прежде так не бывало. Если же эти изменники станут какие непригожие речи на задор говорить, то Аладьину говорить при панах вслух бесстрашно, что те, Михайла с товарищами, первые всякому злу начальники и Московскому государству разорители и им было теперь надобно попомнить бога и свою христианскую природу, от таких

своих дел перестать, а только не перестанут, и им вскоре от бога отмщенье будет.

Аладьин мог уверить собор, что скоро нельзя ждать от короля сильных движений на Москву: один поляк говорил ему на дороге: «Видел ты сам, как здесь жолныри (солдаты) пустошат королевские города и места и много городов и мест запустошат до тех пор, пока им дадут жалованье». В Вильне бурмистр говорил Аладьину: «Здесь у нас стоят жолныри, и житья нам от них нет, насильство чинят великое, кормы берут большие и правят деньги, женам и детям нашим чинят тесноту и насильство, лучше бы нам от них земля расступилась!» Таким образом, безурядица в Польше давала Московскому государству возможность оправляться от своего безнарядья. В июне 1613 года Аладьин возвратился и привез ответ от панов, которые, разумеется, оправдывали во всем Сигизмунда и складывали всю вину на Москву; относительно Владислава писали: «Нам хорошо известно, что еще при князе Димитрии Ивановиче, которого вы зовете Гришкою Отрепьевым, князь Василий Иванович Шуйский с братьями и со многими боярами чрез некоторых польских, литовских и московских людей говорили и били челом королю, чтоб пожаловал, от расстриги Гришки Отрепьева их самих и государство Московское очистил, а на государство Московское дал сына своего Владислава Жигимонтовича». В заключение паны пишут, что они и вместе с ними император немецкий Матвей склоняют Сигизмунда к миру с Москвою; паны требуют от думы, чтоб она прекратила все неприятельские действия против поляков до приезда императорских послов, при посредстве которых приступлено будет к мирным соглашениям. О короле паны пишут, что он не мог сам отвечать на грамоту собора, потому что она наполнена словами укорительными, несправедливыми, гордыми и срамотными.

Между тем неприятельские действия продолжались: в марте 1613 года собор двинул войска против литовских людей, которые пришли войною в белевские, мещовские, калужские и козельские места и большими людьми стали на Брыне; в апреле бояре отправили воевод в Северскую землю, где дела шли удачно для русских людей, но из-под Козельска приходили дурные вести: князья Андрей Хованский и Семен Гагарин стояли от Козельска за 16 верст, а князь Иван Хворостинин стал от них за шесть верст; Хованский посылал ему говорить, чтоб он подошел поближе и вместе с ними промышлял над литовскими людьми, но Хворостинин не послушался и пошел назад во Мценск со всею ратью. Была между Хованским и Хворостининым рознь великая и государеву делу в их розни прибыли не было. К тому же обговорен был еще воевода, Артемий Измайлов,

будто ссылается с литовскими людьми. Царь велел и Хованского и Хворостинина переменить, а об Измайлове сыскать крепкими сысками, но, как видно, ничего не сыскали. В июле пришли вести еще хуже: черкасы и литовские люди взяли Серпейск, Мещовск, Козельск, Болхов, Лихвин, Перемышль, в Белеве овладели острогом, а в городе отсиделся от них воевода князь Семен Гагарин. Измайлов писал из Калуги, что черкасы приходили уже под этот город, думает, что придут еще; из Можайска писал Нащокин, что неприятель хочет приходить к его городу. Государь говорил на соборе с духовенством и боярами, как ему над литовскими людьми и черкасами промышлять, и приговорил идти на них стольникам — князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому и Михайле Матвеичу Бутурлину. Когда эти воеводы пришли под Калугу, то литовские люди и черкасы, послышав их приход, ушли из серпейских и мещовских мест к Вязьме и Дорогобужу. Воеводы пошли за ними, заняли покинутые литовцами Вязьму и Дорогобуж и подступили под Белую. Литовцы сделали было из нее сильную вылазку, но были побиты и в августе принуждены были сдаться. Царь наградил воевод золотыми и велел им идти под Смоленск. Воеводы отправились осаждать Смоленск, стали в двух верстах от него, но ничего не могли сделать по недостатку войска: украинские дворяне и дети боярские многие под Смоленск не бывали, а иные из-под Смоленска сбежали. Черкасский и товарищ его, князь Троекуров (потому что Бутурлин был тяжело ранен под Белою), стояли под Смоленском без всякого действия до июня 1615 года, когда им на смену были отправлены туда воеводы, боярин князь Иван Андреевич Хованский и Мирон Вельяминов. Когда Черкасский приехал в Москву, то государь велел ему быть у своего стола, а после стола пожаловал за службу шубу на соболях, атлас золотный да кубок.

В то же время пришли вести, что Лисовский усиливается в Северской стране, литовцы теснят Брянск, захватили Корачев. Против Лисовского отправлены были воеводы: боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский и Степан Исленьев. Зная образ ведения войны лисовчиков, воеводам дали наказ в походе и на станах соблюдать величайшую осторожность: «Расспрося про дорогу накрепко, послать наперед себя дворян, велеть им на станах, где им ставиться, места разъездить и рассмотреть, чтоб были крепки, да поставить надолобы; а как надолобы около станов поставят и укрепят совсем накрепко, то воеводам идти на стан с великим береженьем, посылать подъезды и проведывать про литовских людей, чтоб они безвестно не пришли и дурна какова не учинили». Из Белева через Болхов шел Пожарский на Лисовского; тот испугался осады в Корачеве,

выжег город и пустился верхнею дорогою к Орлу. Князь Дмитрий, узнав об этом, быстро пошел также к Орлу; в один день и в одно утро столкнулись они на одном месте: Иван Пушкин, шедший впереди, начал бой; русские не устояли против Лисовского, воевода Исленьев обратился в бегство, но не тронулся Пожарский с 600 человек и долго отбивался от 3000 лисовчиков, обгородился телегами и сел в обозе. Лисовский не догадывался, что у Пожарского так мало людей, и потому не смел напасть на него, а раскинул стан в двух верстах; Пожарский не хотел покинуть своего стана: «Всем нам помереть на этом месте», — отвечал он своим ратным людям, которые уговаривали его отступить к Болхову. Вечером возвратился назад беглый воевода Исленьев, ночью стали съезжаться и другие беглецы; на другой день, видя около себя сильную рать, Пожарский начал наступательное движение на Лисовского; тот быстро снялся с места и стал под Кромами; видя, что преследование не прекращается, в одни сутки прошел 150 верст и явился перед Болховом; отбитый отсюда воеводою Волынским, сжег Белев; потом приступил было к Лихвину, но потерпел здесь неудачу и стал в Перемышле, откуда воевода со всеми ратными людьми выбежал в Калугу. Пожарский остановился в Лихвине; здесь, подкрепив себя казанскою ратью, погнался опять за Лисовским; тот начал по-прежнему отступать, выжег Перемышль и пустился наспех между Вязьмою и Можайском; Пожарский отрядил против него воевод, но сам, истомленный невероятно быстрою погонею за самым неутомимым из наездников, слег от тяжкой болезни и отвезен был в Калугу. С удалением Пожарского преследования кончились: ратные люди не пошли за Лисовским, потому что казанцы побежали в Казань. Лисовский мог свободно броситься под Ржев Володимиров, в котором едва отсиделся от него боярин Федор Иванович Шереметев, шедший на помощь Пскову. Отступив от Ржева, Лисовский был под Кашином и под Угличем, где также едва от него отсиделись. После этого Лисовский уже не приступал более к городам, но пробирался, как тень, между ними, опустошая все на пути: прокрался между Ярославлем и Костромою к суздальским местам, потом между Владимиром и Муромом, между Коломною и Переяславлем Рязанским, между Тулою и Серпуховом до Алексина Несколько воевод было отпущено в погоню за Лисовским, но они бесплодно кружили из одного места в другое; только в Алексинском уезде сошелся с ним раз князь Куракин, но не мог причинить ему большого вреда и перехватить путь в Литву, куда явился наконец Лисовский после своего изумительного в военных летописях круга и надолго памятного в Московском государстве. С тою же чудесною быстротою действовали на от-

даленном севере козаки малороссийские· такой войны, говорит летописец, от начала мира не бывало; не понимали русские люди, куда и как пробирались черкасы. Из Вологодского уезда пошли они в поморские города, воевали Вагу и тотемские места и устюжские, потом пошли в Двинскую землю к морю, шли местами непроходимыми, бог знает, где они не были, и вышли в Новгородском уезде к Сумскому острогу. Нигде не могли остановить их: только в Заонежских погостах побили их много, а олончане добили и последних; воевали они Московскую землю все проходом, говорит летописец, под городами и по волостям нигде не стояли, земли много запустошили, но и сами все пропали же.

Во время этих военных действий в разных местах шли продолжительные, хотя и бесплодные, переговоры о мире. В ноябре 1614 года паны-рада прислали московским боярам грамоту, в которой упрекали их в измене Владиславу и в том, что сперва бояре сами хотели отдать свое дело с Польшею на решение императора, а потом с гордостию отвергли это посредничество, продолжают войну и держат польских пленников в тяжком заключении; несмотря на то, они, паны, снова предлагают завести мирные переговоры на рубеже. Бояре отвечали, что им и принять панский лист было непригоже, не только что по нему какие государские дела делать, потому что писано в нем не по прежнему обычаю, великого государя имени не описано, и во всем писано высоко, не по прежнему обычаю. Несмотря, однако, на то, по миролюбию своему бояре решились принять грамоту от панов и отвечать на нее. Они оправдываются во всем, что взвели на них паны. «Богу известно, потом и окрестным всем государям христианским и мусульманским, что мы во всем том, что вы на нас пишете, невинны. Те все неправды учинились от государя вашего и с вашей стороны, а наши души от того чисты; вам, братье нашей, панам-раде, ныне и вперед и поминать непригоже, что быть государя вашего сыну, Владиславу королевичу, на Московском государстве: то дело уже бывшее». Касательно сношений с императором о посредничестве бояре отвечают, что, когда еще второе ополчение стояло под Москвою, тогда воеводы его послали немецкого переводчика Еремея Еремеева к императору с просьбою, чтоб он уговорил Сигизмунда отстать от неправд, «а о том мы к цесарскому величеству не посылали и не приказывали, чтоб цесарское величество нас с государем вашим взял на свой суд: нечего нам с государем вашим судиться! Всемогущему богу и цесарскому величеству, и всем окрестным государям неправды королевы перед великими российскими государствами ведомы». Бояре пишут, что император прислал переводчика назад с обещанием писать Сигизмунду; что царь Михаил тотчас по вступлении на престол отправил к

императору послов, которые уже исполнили свое посольство; после этого боярам показалось странно, что в пределах польских явился императорский гонец Сингель, присланный не к царю, а к боярам. Боярам не следовало бы и входить с Сингелем в какие-либо сношения; но уже государь в уважение прежней крепкой любви царей московских с императорами велел боярам принять Сингеля; сделаны были поэтому нужные распоряжения, но немецкий гонец и посол польский почему-то не явились к боярам, равно как польское правительство до сих пор не присылает опасного листа для посла царского к Сигизмунду. Потом бояре отвечают на упреки в дурном обхождении с пленными: «У вас,— пишут они, — наши не пленники, но послы, митрополит Филарет и князь Голицын, разлучены, по разным местам сидят в темницах; а у нас пленники ваши, Струсь с товарищами, живут в Москве, дворы им даны добрые, пищу и питье получают достаточно, людям их вольно всюду ходить по делам господским, скудости и тесноты нет никакой». Бояре заключают грамоту извещением, что государь позволил им отправить *своих послов* на рубеж, на съезд с польскими послами. Любопытно взглянуть на боярские подписи на грамоте: сначала видим имена старых бояр, князя Мстиславского, И. В. Голицына, И. Н. Романова, Шереметева, Куракина и других; на десятом месте подпись князя Д. Т. Трубецкого, на одиннадцатом — князя Д. М. Пожарского, на девятнадцатом — Минина, в дьяках подписался Сыдавный Васильев.

С этою грамотою отправлен был Желябужский, который получил такой наказ: станут говорить, что Московского государства всяких чинов люди целовали крест королевичу Владиславу, то отвечать: «Московского государства всяких чинов люди перед великим государем вашим Жигимонтом королем и перед сыном его во всем том невинны. Вся неправда и невинное христианское кровопролитие учинились со стороны великого государя вашего, а всего Московского государства людей души от того чисты. И вам за неправду государя вашего ныне и вперед поминать непригоже, что государя вашего сыну, Владиславу королевичу, быть на Московском государстве, и послов о том посылать незачем, то уже дело бывшее и давно о том государю вашему и вам от всего Московского государства отказано накрепко». О Заруцком Желябужский должен был говорить: «Вора Ивашку Заруцкого и воруху Маринку с сыном для обличенья их воровства привезли в Москву. Ивашка за свои злые дела и Маринкин сын казнены, а Маринка на Москве от болезни и с тоски по своей воле умерла, а государю и боярам для обличенья ваших неправд надобно было, чтоб она жила. И теперь отчина царского величества от

воровской смуты очистилась и воровская смута вся поминовалась».

Желябужский должен был видеться с Филаретом, ударить ему челом от сына и говорить: «Великий государь, сын ваш вас великого государя велел о здоровье спросить, а про свое здоровье велел сказать: вашими отеческими святительскими и государыни моей матери великой старицы иноки Марфы Ивановны многоусердными к богу молитвами на наших великих и преславных государствах здравствуем, только оскорбляемся тем, что ваших отеческих святительских очей не сподобляемся видеть; молим милосердого бога и радеем, и промышляем, и хотим того, чтоб милосердый бог вашу святыню из такой тягости высвободил». Грамота царская к отцу начиналась так: «Великого и всещедрого в троице славимого бога нашего, иже достойному святительским и богоукрашенным саном почитаему и украшаему, и нашему христианскому роду истинному учителю, и непорочно ходатайственнолюбным тщанием ко господу о нас прилежно молителю, и наказателю словесных христовых овец и выну о овцах, паче же заблудших, попремногу многовзыскательному тщателю, и разрешителю неодуменным, еже есть духовным сплетением, поборнику и страдателю за святые благосиятельные христианские наши церкви и крепкому столпу в православии, и еже о Христе любезное на земле житие чающе небесного рая жителю, старейшему и превысочайшему священноначалием отцу отцем, великому государю моему преосвященному митрополиту Филарету Никитичу, божиею милостию и его крепкою непобедимою десницею, содержай скипетр великого Российского царствия, в месть врагам, в похвалу добродетелям, сын твоего изрядносиятельного отечества Михаил, божиею милостию царь и великий князь, всея Русии самодержец, главу свою усердно до земли преклоняет, касаяся твоим святительским честным стопам и со слезами у вас, великого государя, моего отца, прося еже за ны святительских ваших молитв и благословения». Желябужский должен был также править челобитье Филарету от иноки Марфы Ивановны, потом от духовных властей, бояр и всей Думы Князя Василья Васильевича Голицына и товарищей его Желябужский должен был о здоровье спросить и говорить им речь: «Служба ваша, раденье и терпенье ведомы, и о том мы, великий государь, радеем и промышляем, чтоб вас из такой тяжкой скорби высвободить». Потом Желябужский должен был править им челобитье от властей и бояр; такую же речь от царя должен был сказать и Шеину, если с ним увидится. Бывшего царя, Василья Ивановича Шуйского, и брата его, Димитрия, уже не было в живых; относительно же брата их, князя Ивана Ивановича, послу ничего не было наказано. Филарету

наедине (если это только возможно) Желябужский должен был объявить, что в Москве делается все доброе, все великие государи присылают с дарами и с поминками великими, прося царской к себе любви и дружбы.

В Варшаве паны приняли Желябужского по обычаю, спросили о здоровье бояр; Желябужский отвечал, что бояре при *великом государе,* дал бог, все в добром здоровье. Когда он сказал: *при великом государе,* то из всех сенаторов отозвался невежливо один Лев Сапега: «Еще-де то у вас не пошлый (настоящий) государь!» Филарет жил в доме Льва Сапеги, который был его приставом; Желябужскому позволено было здесь с ним видеться. Принявши государеву грамоту, Филарет спросил: «Как бог милует сына моего?» Желябужский отвечал, что следует. После этого Филарет начал говорить послу и товарищам его: «Не гораздо вы сделали, послали меня от всего Московского Российского государства с наказом к Жигимонту королю прошать сына его Владислава королевича на Московское государство государем; я и до сих пор делаю во всем вправду, а после меня обрали на Московское государство государем сына моего, Михаила Федоровича; и вы в том передо мною неправы; если уже вы хотели выбирать на Московское государство государя, то можно было и кроме моего сына, а вы это теперь сделали без моего ведома». Посол отвечал: «Царственное дело ни за чем не останавливается: хотя бы и ты, великий господин, был, то и тебе было переменить того нельзя, сделалось то волею божиею, а не хотеньем сына твоего». Филарет сказал на это: «То вы подлинно говорите, что сын мой учинился у вас государем не по своему хотенью, изволением божиим да вашим принужденьем», — и, обратясь к Сапеге, прибавил: «Как было то сделать сыну моему? остался сын мой после меня молод, всего шестнадцати лет, и бессемеен, только нас осталось — я здесь, да брат мой на Москве один, Иван Никитич». Сапега отвечал ему грубо, срывая сердце: «Посадили сына твоего на Московское государство государем одни козаки донцы». На это возразил Желябужский: «Что ты, пан канцлер, такое слово говоришь! То сделалось волею и хотеньем бога нашего, бог послал духа своего святого в сердца всех людей». Сапега замолчал. Желябужский стал править челобитья, и Филарет, прочтя грамоты, отдал их Сапеге. О князе Голицыне Сапега сказал, что он остался в Мариенбурге, Шеин с женою и дочерью — в его, Сапегиной, вотчине в Слонимском повете, а сын — в Варшаве; Филарет заметил при этом: «Я не знаю, жив ли или нет боярин князь Василий Васильевич Голицын, потому что мы с ним давно расстались».

Кроме Сапеги, тут был еще другой пристав, пан Олешинский. Филарет, обратясь к ним обоим, сказал: «Нас царь

Борис всех извел: меня велел постричь, трех братьев уморил, велел задавить, только теперь остался у меня один брат Иван Никитич». Олешинский спросил у Сапеги: «Для чего царь Борис над ними это сделал?» Сапега отвечал: «Для того царь Борис велел над ними это сделать, блюдясь от них, чтоб из них которого брата не посадили на Московское государство государем, потому что они люди великие и близки к царю Федору». Пан Олешинский опять начал говорить, обращаясь к послу: «На весну пойдет к Москве королевич Владислав, а с ним мы все пойдем Посполитою Речью, Владислав королевич учинит вашего митрополита патриархом, а сына его — боярином». Филарет сказал на это: «Я в патриархи не хочу»; а Желябужский сказал: «Ты, пан, говоришь слово похвальное (хвастливое), а мы надеемся на милость божию да на великого государя Михаила Федоровича, на его государское счастье, дородство и храбрость, и на премудрый разум надежны: ныне во всех его государствах мир, покой и тишина, все люди ему, великому государю, служат и радеют единодушно, и будем стоять против Владислава, вашего королевича, и против всех вас. И прежде король ваш с королевичем и с вами со всеми приходил доступать государства Московского и пришел под Волок Ламский, а Волок в великом государстве Московском как бы деревенька малая: и тут короля вашего людей побили, и отошел король ваш из-под Волока с невеликими людьми». Олешинский на это не сказал ничего, а спросил Желябужского: «Помнишь ли ты меня, как я был на Москве?» — «Помню, — отвечал Желябужский, — как ты при царе Василье был на Москве и на отпуске в палате крест целовал о перемирных летах, чтоб лиха над Московским государством ничего не делать». Олешинский замолчал. Тут вошла жена Струся и начала просить Филарета написать к царю Михаилу, чтоб мужа ее жаловал. Филарет обещал, а Желябужский сказал ей: «Великий государь наш милосерд и праведен, не только мужа твоего жаловал, муж твой человек имянной, но, которые и хуже твоего мужа, и тех всех жалует». На это Лев Сапега сказал: «Что вы говорите, что государь ваш милостив и на кровь христианскую не посягает! Видим мы и то, что государь ваш посылал к турскому царю закупать, чтобы царь турский стоял с ним заодно на Польское и Литовское государство, а грамоты те государя вашего теперь у нас». Желябужский отвечал, что ничего об этом не знает. Этим свидание кончилось.

На отпуске у панов-рады Лев Сапега опять говорил невежливо: «Еще-де то у вас не пошлый государь; два у вас государя: один у вас на Москве, а другой здесь, Владислав королевич, ему вы все крест целовали». Желябужский отвечал по наказу, что это дело бывшее и дальнее и поминать

о том непригоже. Он требовал, чтобы в ответной грамоте было описано имя царя Михаила как следует; Сапега отвечал: «Теперь мы, паны-рада, вас отпускаем с добрым делом от кого вы пришли к братье своей боярам, а государева титула писать нельзя, о том будут большие послы с обеих сторон и обо всех великих делах будут говорить и судиться пред богом, и как постановят великое доброе дело, тогда станут государево имя и титул писать». Желябужский проведал, что все литовские сенаторы хотят мира с Москвою, кроме Льва Сапеги, который один короля манит; а большой посягатель на веру христианскую сам король да сенаторы польские, а всех пуще канцлер пан Крицкий да маршалок литовский, пан Дростальский. На сейме король будет просить побору, чтоб идти к Москве посполитым рушеньем; но в Литве приговорено, что побору отнюдь не дать и посполитым рушеньем с королевичем не хаживать, то уже дело минуло, королевичу к Москве идти не по что, стало нам самим до себя; действительно, на сейме литовские сенаторы не согласились на войну. На дороге, в имении Льва Сапеги, Желябужский виделся с Шеиным, который приказывал к государю и к боярам. «Как будет размена с литовскими людьми, то государь бы и бояре приказали послам накрепко, чтоб береглись обману от литовских людей; послам бы сходиться между Смоленском и Оршею на старом рубеже; у Литвы с Польшею рознь большая, а с турками мира нет; если государевы люди в сборе, то надобно непременно Литовскую землю воевать и тесноту чинить, теперь на них пора пришла», да приказывал, чтоб никак пленниками порознь не разменивались. Желябужский разузнал также, что король приказывал Филарету писать к сыну грамоты, какие ему, королю, надобны, и Лев Сапега тоже приказывал, но митрополит за то стал и королю отказал, что отнюдь ему таких грамот не писывать; за то Желябужского и не пустили проститься с митрополитом. Сам пан Гридич, которого король и Сапега посылали к Филарету, говорил послам: «Как сведал Филарет, что сын его учинился государем, то стал на сына своего надежен, стал упрям и сердит, к себе не пустит и грамот не пишет».

Желябужский привез боярам грамоту, в которой паны предлагали съезд уполномоченных на границе между Смоленском и Вязьмою. В грамоте паны писали также: «Пока холопи вами владеть будут, а не от истинной крови великих государей происходящие, до тех пор гнев божий над собою чувствовать не перестанете, потому что государством как следует управлять и успокоить его они не могут. Из казны московской нашему королю ничего не досталось, своевольные люди ее растащили, потому что несправедливо и с кривдою людскою была собрана». Несмотря на такие гру-

бости, предложение было принято, и в сентябре 1615 года, по соборному решению, отправились к литовской границе великие уполномоченные послы, бояре — князья Иван Воротынский и Алексей Сицкий и окольничий Артемий Измайлов; с польской стороны уполномоченными были: киевский бискуп князь Казимирский, гетман литовский Ян Ходкевич, канцлер Лев Сапега, староста велижский Александр Гонсевский; посредником был императорский посол Еразм Ганделиус. Переговоры должны были происходить между Смоленском и Острожками. Воротынский с товарищами должны были сначала изложить неправды короля, начиная с нарушения перемирия при царе Борисе приводом Лжедимитрия. Если паны скажут, что еще при воре князь Василий Иванович Шуйский с братьями и многими боярами бил челом королю, чтоб их от Расстриги оборонил и дал в цари сына своего, то князь Воротынский должен был отвечать: «Я князь Иван Михайлович в те поры был в своей братье в боярах честен, и любили меня мои братья все, а Шуйские были мне друзья и ни в чем от меня не скрывались. Вы это теперь говорите для того, что князя Василья Ивановича с братьею нет, и хотите на мертвых что-нибудь затеять; а мы того не делывали и в разуме нашем того не бывало». Если паны скажут, что бояре наказывали об этом королю с Иваном Безобразовым да с Михайлою Толочановым, то отвечать: «Иван Безобразов и Михайла Толочанов Расстриге были из русских людей первые друзья и верники: как еще Расстрига пришел в Монастыревский, то Михайло Толочанов тогда уже учинился у него верником, за Михайлову измену царь Борис жену и детей его разослал по городам по тюрьмам; а Иван Безобразов по воре Федьке Андронове стал Расстриге близок на Москве, а как Расстригу убили, то он с Москвы сбежал и в Тушине у вора был, и с такими как было приказывать?» Если Александр Гонсевский скажет, что после Расстригина убийства он был у князя Дмитрия Шуйского и говорил, чтобы памятовали, о чем к королю приказывали, и князь Дмитрий не запирался, то отвечать: «Князя Дмитрия теперь нет, что захочешь, то на него и затеешь».

Воротынский должен был так жаловаться на поведение Гонсевского и поляков в Москве: «Немногие тогда наши братья бояре жили на своих дворах, многих бояр и боярских жен с дворов посослали, а стали жить польские и литовские люди, имением и запасами их завладели. Как гетман пошел под Смоленск, то после его ты, Александр Гонсевский, стал жить на цареве Борисове дворе, а Михайла Салтыков, мимо своего дворишка, — на дворе Ивана Васильевича Годунова, а Федька Андронов — на дворе благовещенского протопопа, на котором никогда никто не

стаивал и не живал; меня, князя Ивана, да князя Андрея Голицына, да окольничего князя Александра Засекина подавали за приставов; по воротам по всем поставили сторожей своих, решетки у улиц посломали, и московским никаким людям с саблею не только при бедре, и купцам с продажными и плотникам с топорами ходить и ножей при бедре никому носить не велели, дров мелких на продажу и крестьянам привозить не давали; жен и дочерей брали на блуд и по вечерам побивали всяких людей, кто идет улицею из двора в двор, к заутрени не только мирским людям — и священникам ходить не давали. Федьке Андронову велел государь ваш быть казначеем и думным дворянином, Степану Соловецкому — в Нижегородской четверти думным дьяком, Ваське Юрьеву — у денежных сборов, Евдокиму Витовтову — в разряде думным первым дьяком, Ивану Грамотину — печатником, посольским и местным дьяком; в Большом приходе — князю Федору Мещерскому, в Пушкарском приказе — князю Юрию Хворостинину, в Панском приказе — ведомому вору Михалке Молчанову, в Казанском дворце — Ивану Салтыкову; а ты, Александр Гонсевский, по королевской же грамоте учинился на имя боярином в Стрелецком приказе. Ты видел сам, какую беду мы, бояре, от своих советников, от худых людей, от Федьки Андронова с товарищами, терпели, никто нас так при прежних государях не бесчещивал, как тот детина, а ты его на все попускал; только бы не ты, то ему самому как было и помыслить, чтоб против нас говорить и нас бесчестить? Разоренье Московскому государству учинилось от государя вашего и от вас, мститель за то будет вам и женам вашим и детям бог, сами увидите; сам себя государя вашего сын от Московского государства отженул многими своими неправдами и кровопролитием. Как приходил с войском гетман, ты Карлус Ходкевич, то ты, Александр Гонсевский, нам всем говорил, чтоб нам быть под королевскою рукою, изменников, князя Юрия Трубецкого, Ивана Грамотина, Василья Янова, ты за этим к нам присылал».

Если скажут: «Бояре сами присылали к королю, что от вас на Москве смута, присылал вор к Москве попа Харитона с грамотами, а к вору присылка была же; бояре сами сыскивали, и по сыску дошло до него, князя Ивана Михайловича, до князей Андрея Голицына и Засекина, и за то их бояре сами велели беречь: и если в вас, больших людях, была измена, то королю как было сына своего на государство дать? Если станут класть боярские грамоты, как о том писали, то отвечать: «На меня, князя Ивана, с товарищами затеяли вы и вора попа научили, а боярам, что вы велели, то они и делали. От вас большая смута и ссора, и кроворазлитие. Только бы тогда государь ваш положился на нас природ-

ных бояр, а тебя, Александра, в уряд и изменников-воров в приказы не прислал, худых людей, то ничего бы худого и не было, было бы все хорошее. Видали мы и от прежних государей себе опалы, только во всем государстве справа (управление) всякая была на нас, а худыми людьми нас не бесчестили и чести нашей природной не отнимали; а как обрали мы на государство государя вашего сына, то он еще не бывал, а у нас у всех честь отнял: прислал тебя, велел тебе государственные и земские дела всякие ведать в таком великом государстве, а у государя своего ты и до сих пор в Раде не бывал; да с тобою прислал Московского государства изменников, самых худых людей, торговых мужиков, молодых детишек боярских, а подавал им окольничество, казначейство, думное дьячество; уж и не было в худых никого, кто б от государя вашего думным не звался; кто даст Льву Сапеге пару соболей, тот — дьяк думный, а кто сорок, тот — боярин и окольничий. Такой мы от государя вашего чести дожили, потому так и сталось».

А если скажут: «Еще в бытность гетмана Жолкевского в Москве Василий Бутурлин посылан был от бояр в Рязань, там с Прокофьем Ляпуновым сговорился, и Ляпунов под столицу стал подступать, а Василий Бутурлин воротился назад в Москву, пехоту немецкую уговаривал королю изменить, сам на себя у пытки сказал», — отвечать: «Если Василий Бутурлин какое дурно и помыслил с молодости, то бояре сами велели его пытать, а Василий с пытки на себя никакого умышленья не говорил, приезжал к нему Прокофья Ляпунова человек спрашивать о том, что на Москве делается. Ты, Александр Гонсевский, с советником своим с торговым детиною Федькою Андроновым, с казначеем государя своего, походили в казне государей наших, царские сокровища осмотрели, и тебя взяла зависть, что от роду такого богатства не видывал; писал ты об этом к государю своему да к приятелю своему Льву Сапеге, захотели вы царскую казну у себя видеть, и оттого все зло сделалось; и в летописец будем это для будущих родов писать».

Если станут говорить, что королю московской казны ничего не досталось, то отвечать: «Как вы, паны, не стыдитесь! Ты Александр с Федькою Андроновым лучшее выбирали и к королю отсылали, а иное ночью к тебе возили. Для прилики вы велели казну переписывать боярам, но у казны были ваши же советники; как бояре запечатают и придут опять в казну, а печатей боярских уже нет, печать Федьки Андронова. Федьке о том говаривано от нас, бояр, много раз, и он сказывал, что велел распечатать ты, Александр Гонсевский». Послы должны были показать панам список вещам, которые отосланы были к королю, и при этом сказать: «Это известно, да и немного здесь, а больше того и лучшие

узорочья взяты из казны и посланы к королю тайно; а иное ты, Александр Гонсевский, себе брал и приятелям своим посылал». Если будут говорить, что король не хотел брать Москвы себе, а хотел послать сына, то уличить грамотами, писанными к князю Ивану Куракину, к Михайле Салтыкову и к Андронову. Если Гонсевский будет говорить, что он владел в Москве польскими людьми, до московского же управления ему и дела не было, а как он пойдет бывало вверх к боярам поговорить о каких-нибудь делах, то ему на дороге и на дворе у него русские люди подавали многие челобитные, и он все челобитные у них брал и приносил к боярам, и по этим челобитным делали и указывали все бояре, а подписывали челобитные их русские дьяки, грамоты к королю писали бояре же, а он этих грамот не переделывал, — отвечать: «Это точно так, пан Александр, было: к боярам ты ходил, челобитные приносил; только, пришедши, сядешь, а возле себя посадишь своих советников, Михайлу Салтыкова, князя Василья Мосальского, Федьку Андронова, Ивана Грамотина с товарищи, а нам и не слыхать, что ты с своими советниками говоришь и приговариваешь, и что велишь по которой челобитной сделать, так и сделают, а подписывают челобитные твои ж советники, дьяки Иван Грамотин, Евдоким Витовтов, Иван Чичерин, да из торговых мужиков Степанка Соловецкий, а старых дьяков всех ты отогнал прочь. И то была нам всем боярам смерть, что к тому недостойный торговый детина Федька Андронов придет и сядет с нами, с Мстиславским и со мною, Воротынским, и с иными нашими братьями вместе и нам указывал, и мимо нас распоряжался; бог видит сердца наши: в то время мы все живы не были. А грамоты от бояр все писали по твоей воле, бояре у вас были все равно что в плену, приказывали руки прикладывать, и они прикладывали». Если паны скажут, что сами они, бояре, многую казну прежних государей продавали, сосуды серебряные переливали в деньги и давали польским и литовским людям, которые стояли в Москве для их сбереженья от вора, и станут класть об этом боярскую грамоту, которая послана с Иваном Безобразовым 19 января, — отвечать: «Бояре были в казне невольны, владели всею казною Андронов, а над ним Гонсевский, продавали казну и мягкую рухлядь и платье, приговаривали быть у продажи боярам и дьякам, а они лишь только сидели да смотрели». В заключение наказа говорится: «Выговаривать гладко, а не ожесточить, чтоб с ними жестокими словами не разорвать».

Но трудно было подобные вещи выговаривать гладко, и трудно было исполнить это князю Воротынскому, которого Гонсевский озлобил еще в Москве. Когда в ноябре месяце открылись съезды и московские послы по наказу начали дело тем, что стали вычитать многие неправды Жигимонта

короля, то литовские послы стали сердиться, кричать и браниться: «Нам за позор государя своего стоять и биться!» — кричали они. Посредник, цесарев посол, был тут, но в дело не вмешался, и этим первый съезд кончился. На втором съезде бискуп киевский говорил речь из бытий и из хроник польских о клятвопреступлении при прежних израильских и римских царях, приводя к тому, что московские послы на первом съезде вычитали неправды королевские. Потом говорил речь по письму Ян Гридич про Расстригу, оправдывая государя своего короля, наконец говорил речь по письму Александр Гонсевский, вычитая неправды государя Бориса и государя Василья, сношения их с иностранными государствами на короля. Между прочим Гонсевский читал: «Давно, еще при Димитрии, которого вы называете Гришкою Расстригою, боярин князь Василий Иванович Шуйский с братьею и другие многие московские бояре знатные люди некоторым панам-радам тайно объявляли свою мысль, что хотят видеть господарем своим королевича Владислава. Потом князь Василий Голицын, забывши свое крестное целование королевичу, желал себе господарства Московского, как скоро выехал из Москвы под Смоленск, то с дороги сослался с вором калужским и промышлял, чтоб ему с своими советниками сделать на Москве господарем вора калужского, а потом убить, точно так же как прежнего Димитрия Расстригу убили, и сделаться самому господарем, как прежде Шуйский сделался. Я, Александр Гонсевский, оставшись в гетманском месте с войском, не был боярином и никаким урядником московским, в дела земские московские не вмешивался, а будучи только наместником гетманским, правил войском и ратников своих за самые малые вины строго и сурово наказывал, по артикулам гетманским. Помните, как вскорости по отъезде гетманском войсковой товарищ Тарновецкий, пивши вместе с попом, побранились, и он ударил попа рукою по лицу до крови. Я присудил его к смертной казни; но патриарх и бояре присылали ко мне, а князь Мстиславский с другими многими боярами и с тем самым попом приходил ко мне на подворье и просил, чтоб я Тарновецкого выпустил из тюрьмы и не велел казнить; уважая патриарха и бояр, я должен был это сделать, но чтоб вперед другим своевольникам неповадно было воровать и людей московских, простых и нерассудительных, от господаря отводить, велел у Тарновецкого отсечь правую руку, что и было исполнено в Китае-городе, против Фроловских ворот, перед всем миром; бояре и все русские люди этому дивились, и сам патриарх после мне выговаривал, что за такую малую вину непригоже было так люто казнить. Потом гайдуки наши побранились, наделали шуму подле церкви, где служил патриарх: я осудил их на смертную казнь; в ту же

ночь два пахолика в Китае-городе яблоки и орехи продажные разграбили, я и тех велел казнить смертью, но патриарх, зазвавши меня к себе, не выпустил до тех пор, пока я не приказал всех этих людей освободить от смертной казни, которую заменил кнутом. Немцев за церковный грабеж я велел казнить смертью и так их настращал этим, что после они и слова дурного не смели сказать русскому человеку. Вспомните и то, как поляк арианской веры в пьяном виде выстрелил в образ владимирской богородицы у Никольских ворот: я велел ему руки и ноги отсечь, самого живого огнем сжечь, а руки отсеченные велел под образом гвоздями прибить. Не только в столице, но и на стороне никакая вина без наказанья не проходила; живой тому свидетель князь Борис Михайлович Лыков: я осудил на смерть ротмистра, который пограбил его деревни, и сам князь Борис едва его от смертной казни отпросил. А в меньших делах поставлены были суд и управу чинить между литовскими и московскими людьми князь Григорий Петрович Ромодановский, а от меня и от войска полковник Дуниковский да поручик Войтковский. Итак, с нашей стороны не было подано ни малейшего повода к неудовольствию и восстанию. А с вашей стороны какие неправды были, это мы докажем не голыми словами, а на письме. Во-первых, когда гетман Жолкевский вошел в Москву, то стольник Василий Иванович Бутурлин, отпросившись у бояр на время в свое поместье, съезжался в Рязани с Прокофьем Ляпуновым, придумали они и на слове тайно между собою положили, как вновь смуту в Московском государстве завести, польских и литовских людей в Москве побить, против короля и королевича войною стоять. Ляпунов сам замышлял сделаться царем и говорил с своими советниками: «Ведь Борис Годунов, Василий Шуйский и Гришка Отрепьев не лучше меня были, а на государстве сидели».

Возвратясь в Москву, Бутурлин нас обманывал, клялся, что служит царю Владиславу, а сам, высматривая все в Москве, передавал Ляпунову в Рязань, немцев тайно подговаривал и на нас подкупал; посланец Ляпунова с грамотами смутными схвачен и в пытке на Бутурлина измену сказал и на кол посажен; а Бутурлина все бояре с дворянами, старостами и сотскими велели пытать, и он сам на себя сказал, что хотел с немцами и Ляпуновым ночью на нас ударить и побить.

Потом вскорости после гетманского отъезда лазутчики начали метать грамоты от вора калужского; одного из этих лазутчиков, попа, схватили, пытали при дворянах, гостях, старостах и сотских, и он сказал, что князь Василий Голицын, идучи под Смоленск, с дороги тайно к вору в Калугу писал, звал его на Московское государство, а князь Андрей

Васильевич Голицын о том знал же; тот же поп сказал, что вор по ссылке со многими московскими людьми умышлял прийти ночью под Москву, побить нас, бояр, дворян больших родов и всяких людей московских, которые с ним в воровском совете не были, а жен, сестер и имение их отдать холопям-козакам, которые ему добра хотели. А Гермоген патриарх мне, Александру, ласку и любовь свою показывал, в подарок кушанья и питья присылывал, устами целовал, а в сердце гнев без причины на государя своего Владислава и на нас держал. Призвавши нас в город для собственной защиты, он тотчас начал заводить смуту и кровь; священникам в Москве приказывал, чтоб вас, сыновей своих духовных, против нас в гнев и ярость приводили: доказательство тому письмо вашего священника московского, который меня остерегал и описал прежние многие дела патриарха, как он в донских козаках и потом попом в Казани был; по этому письму поповскому найдены были в приказе Казанского дворца многие доводы на Гермогена, которые при прежних государях русские люди казанцы на него делали. Когда вор в Калуге умер, то патриарх тайно разослал по городам грамоты смутные; тогда же пойман в Москве на измене Федор Погожий и в расспросе рассказал весь злой завод и совет митрополита Филарета, как он, едучи из Москвы, на слове с патриархом положил, чтоб королевичу на Московском государстве не быть, патриарх взялся всех людей к тому приводить, чтоб посадить на царство сына его Михаила; а Филарет из-под Смоленска смутные грамоты в Ярославль и в иные города писал, будто король королевича на Московское государство дать не хочет. По таким заводам от патриарха и от Филарета люди ваши московские что над нашими людьми делали? Везде наших заманя на посад, в Деревянный город и в иные тесные места или позвав на честь, давили и побивали, а пьяных извощики, приманя на сани, давили и в воду сажали. А торговые люди на торгу живность, рыбу и мясо продавали нашим вдесятеро дороже, да при этом еще слуг наших облают и опозорят. Когда Ляпунов с товарищами своими спешили к Москве, мы в воскресенье с боярами в палате советовались, а в Белом городе на Кулишках людишки черные без причины на людей наших ударили, до пятнадцати их ранили, саней девять с лошадьми взяли и разграбили, людей земских и посланцев боярских ругали и побить хотели; мы все это стерпели. В понедельник наряд по воротам расставляли; во вторник рано ротмистр Козаковский пушку к Водяным воротам в Китае вез, а я с полковниками и ротмистрами в Кремле обедню слушал; пан Зборовский то же в Китай-городе делал; о задоре мы и не думали и кровопролития начинать не хотели. А в это время в Китае подле той пушки мужик москвич жердью

ударил по голове пана Грушецкого, так что тот на землю мертвый пал, другие в колокола ударили, а за Живым мостом на многих местах новые знамена развернули. Я в полобедни в Китай-город побежал, и уже за Фроловскими воротами меня с конем моим догнали; вскочивши на лошадь, я начал кровь унимать и палашом несколько пахоликов ранил; но в это время москвичи и по мне самом начали стрелять из самопалов; тут войско наше рассердилось и пошло на прямой бой. Московские люди множеством нас перемогли; в ночь Плещеев с товарищами от Ляпунова с великим войском в Деревянный город по Коломенской дороге пришел и вместе со всеми изменниками над нами промышлять начал. На другой день в середу большие бояре все выехали в Белый город, хотели увещаниями кровь унять, но москвичи их не послушали и стали по них стрелять. Тогда мы пошли на жестокий бой». Московские послы отвечали на все по наказу, причем против королевского имени не вставали и шапок не снимали. Этим кончился второй съезд.

Между тем московские послы виделись с Ганделиусом, который говорил с ними старым славянским языком без толмача. Он говорил: «Вы называете своего государя, а польские послы называют государем своего королевича, и у одного государства стало два государя; тут между вами огонь и вода: чем воду с огнем помирить?» Когда дворяне московского посольства проведывали у дворян австрийского, на чем поляки хотят мириться, то немцы отвечали: «Литва вам зло мыслит, мириться вам с нею вот чем» (указывая на самопал). Когда узнали обо всем этом в Москве, то послам отправили грамоту: «Вы бы цесареву послу сами ни о чем говорить не посылали и на съезде сами ничего не говорили, и ни в чем на него не ссылались и не полагались, в третьи его не призывали. А если станет сам говорить, то вы бы с ним говорили, во всем от него остерегаясь и ни в чем ему не веря». После этого Ганделиус прислал сказать Воротынскому, что хочет с ним видеться; послы приняли его у себя в остроге и улаживали с ним, как съезжаться с польскими послами опять. Но когда они дали знать об этом в Москву, то получили такую грамоту: «Мы тому подивились, какими обычаями вы так делаете? Сами вы к нам писали, что цесарев посол доброхотает королю, да и по всему, по приезду его и по листам, которые он писал к боярам и к вам, и по разговору, что он с вами говорил, явно, что он доброхотает королю; а вы его пустили в острог и все ему показали и писать ему велели. Ясно, что он писал не все о том только, как вам с польскими послами съезжаться, а писал, что высмотрел и приметил в остроге. И вы бы вперед цесарева посла в острог не пускали, о съезде его не задирали и ни о чем не задирали, к его словам говорили бы,

смотря по делу, а не жестоко, гладко, чтоб его не ожесточить».

На третьем съезде Ян Гридич опять говорил речь по тетради мало не до самого вечера; вся речь писана много и пространно о преступлении крестного целованья, писано из польских и литовских хроник, приложено многими притчами и философскими науками, все говорилось в оправдание короля и панов во всем и приводилось на то, чтоб королевича взять на государство. Между прочим Гридич читал: «Часто вы говорите о Федоре Андронове, что человеку гостиной сотни непригоже было казенным урядником быть; но это случилось по утверждению ваших же больших людей, что и при прежних государях такие у таких дел бывали. Да и теперь у вас не лучше Андронова Кузьма Минин, мясник из Нижнего Новгорода, казначей и большой правитель, всеми вами владеет, и другие такие же многие по приказам у дел сидят». «И мы, — доносят послы, — тех их речей слушать не хотели, говорили против твоего государева наказа с бранью и с шумом, что того нам не слушать, да и им о том говорить непригоже, восхищая суд божий на себя· то дело минущее. И литовские послы говорили с шумом: мы ваших речей у всех вас слушали порознь, а вы только не станете наших речей слушать, то нам съезжаться нечего; как выслушаете наши речи, тогда и будете говорить. Когда литовские послы стали с нами разъезжаться и давать нам свои речи на письме, то мы этих речей у них не взяли, потому что в них писаны многие непригожие слова про тебя, великого государя, все для того, чтоб привесть королевича к Московскому государству. Стоявши с ними за твое государево имя накрепко и отказав им, что вперед от них о королевиче и слушать не хотим, разъехались». Государь отвечал послам: «Вы то сделали хорошо, что за наше царское имя стояли и письменных у них речей не взяли. И вы б делали, как вас бог вразумит, по их речам».

1 декабря был четвертый съезд. Московские послы письменно отвечали на речи польских послов, которые были читаны на третьем съезде Бискуп оправдывал во всем Гонсевского, говорил, что Гонсевский пан радный и человек честный и потому про него говорить таких речей не надобно. «И мы, — доносит Воротынский государю, — говорили, что знали мы Александра Гонсевского тогда, когда он в Москве со Львом Сапегою был в подьячих, а теперь он у государя вашего честь выслужил бездушеством и московским разореньем, а только бы не то, и он по-прежнему был бы в подьячих. Александр Гонсевский говорил на это сердитые и укорительные непригожие речи про тебя, великого государя, будто выбирали тебя одни козаки, а Христоф Радзивилл говорил, что целовали крест королевичу все и ныне он

королевич на Московское государство готов, и только его на государство не возьмут, то они за его позор готовы все головы свои положить сейчас. И мы против тех их речей говорили с ними в брань, что никаких речей слушать про то не хотим. Александр Гонсевский ставил то себе в оправданье и похвалу, что он, будучи в Московском государстве, царскую казну брал и к королю и к королевичу посылал, потому, как всякие люди королевичу крест целовали, тогда вы все и казна была его, как хотел, так и владел; а когда московские люди начали королевичу изменять, то он, Гонсевский, против них стоял, этим королю своему честь сделал, а себе похвалу. А Филарет Никитич, будто бы еще с Москвы не поехав, договаривался с патриархом Герогеном, чтоб быть на Московском государстве тебе, великому государю, а князь Василий Васильевич Голицын будто бы хотел государствовать сам. Стояли все польские послы за Гонсевского: мало задор не стался, да и разъехались; а на разъезде Гонсевский говорил с угрозами: «Либо из своего горла кровь источу, либо, пришед под Москву, столицу вашу подпалю!» Мы ему говорили: «По милости божией поспеешь туда же, где и советник твой Федька Андронов».

Между тем в Москву доносили, что Польша находится в затруднительном положении: турки напали на нее, шляхта сердится на короля за дела московские, не хочет ему помогать. На основании этих слухов царь писал послам: «Если послы станут с вами говорить шумно и сердито, то и вы бы с ними говорили, смотря по их речам, смело же и сердито, смотря по тамошнему делу; а если литовские послы станут с вами говорить пословно, то и вы бы также говорили с ними гладко и пословно». Наконец Ганделиус вступился в дело. Оправдывая себя в неосторожном обращении с ним, послы писали царю: «Мы на то его привели, что он твое, великого государя, имя почитал и против твоего имени вставал и шапку снимал, и потому чаяли от него всякого добра; а пока он в остроге у нас был, то у нас в те поры было урядно, а видеть ему в остроге было ничего нельзя, ехал он в санях, а по обе стороны стояли стрельцы, и ему через людей видеть ничего нельзя». После этого Воротынский съехался опять с Ганделиусом, который начал тем, что император велит ему ехать назад, спрашивал, зачем московские послы с литовскими не съезжаются. Воротынский отвечал, что вина на стороне литовских послов, которые толкуют все о королевиче; во всех государствах ведется, что избирают на царскую степень государей для пожитку, для обороны и защиты, а у нас при королевиче конечное разоренье учинилось. *Ганделиус* за такими речами никакому покою не бывать: литовским послам за королевича своего стоять; но если вы перестанете государя своего называть, то и литов-

ские послы о королевиче говорить перестанут. *Воротынский:* нам того и помыслить нельзя; только литовские послы вперед о королевиче говорить не перестанут, то нам с ними никакого добра не делывать. *Ганделиус:* можно сделать так: оставить с обеих сторон государские имена и мириться земле с землею. *Воротынский:* так делается в безгосударное время, а нам бог дал государя; у нас земля не своевольная, без государева повеленья ничего не делаем. *Ганделиус:* целовали вы крест королевичу, а теперь его государем принять не хотите, и вам чем его успокоить и на чем ему прожить? *Воротынский:* у нас про то давно отказано, вперед о том говорить и слушать не хотим, и в Московском государстве ему нигде места нет: и так от его имени Московское государство разорилось. *Ганделиус:* слышал я у литовских послов, что они о королевиче вперед говорить не станут, а хотят говорить о том, как бы успокоить государства и чем бы наделить королевича за то, что он от государства Московского отступится. *Воротынский:* королевичу отказано, и наделу ему у нас никакого нет; паны говорят через суд божий: бог того не похотел, что ему нами владеть и государем быть, а нам через волю божию как то делать? И за то ли его наделять, что он Московское государство разорил и выжег и кровь христианскую многую пролил? Великому государю Михаилу Феодоровичу Московское государство поручил бог от прародителей; ему за то дару никому не давать и через волю божию того ни у кого не выкупать, царство — дар божий. После этого Ганделиус опять говорил, чтоб мириться земле с землею, не именуя государей: послы отказали попрежнему; Ганделиус продолжал: «У государя вашего с королем войны не будет, потому что король в Литве без панов-рад и без всех сеймовых станов ничего не сделает». Послы отвечали: «У нас в Московском государстве того искони не повелось, чтоб без государского указа земля что сделала; изначала ведется, что владеет всем государством один государь, а бояре и вся земля без царского повеленья не могут ничего сделать».

Пятый съезд московских послов с литовскими 26 декабря начался опять шумно: поднялась брань за то, что во время переговоров с обеих сторон продолжается война: «За то у нас с ними, — доносит Воротынский, — была брань большая, с обеих сторон принимались за сабли, Александр Гонсевский грозил боем, а цесарев посол нас с ними разнимал». Когда поуспокоились, литовские послы предложили мириться земле с землею, о королевиче же у них от панов-рад и от всей Посполитой Речи науки никакой нет, что им у него московский титул отставить, об этом пусть бояре пошлют из Москвы послов на сейм, чтоб королевич московский титул с себя сложил: этим бояре окажут ему почесть. Воротынский

отвечал на это прежнее; тогда литовские послы объявили, что иначе они не заключат ничего и окончат переговоры, потому что должны ехать на сейм. Тем съезд и кончился. Когда в Москве узнали об этом, то послали Воротынскому последнюю меру: заключить перемирие с уступкою всего, что за Литвою, и чтобы Владислав обязался в перемирные годы Московского государства не доступать никакими мерами и умыслами.

Между тем шла переписка между боярами и польскими панами радными, также между боярами и послами, находившимися под Смоленском. Бояре писали к панам радным, жалуясь на литовских послов, и, между прочим, писали следующее: «Вы бы не смотрели на тех, которые всякое злое дело и ссору между государствами делали для своей корысти, а отцы их и деды в такой чести не бывали и никаких добрых дел между государствами не делывали». Бояре намекали здесь на Гонсевского. Послы, узнавши об этой грамоте, оскорбились и послали в Москву к боярам от себя грамоту, в которой жаловались на поведение московских послов и объявляли, как они согласны помириться: перемирье должно быть заключено между государствами, а не государями, с условием, чтобы Речи Посполитой был уступлен Смоленск со всеми городами и волостями, которые приписаны к нему в докончательных записях. Что же касается до намеков боярских на Гонсевского, то послы отвечали: «Удивляемся мы очень словам вашим, что вы так грубо, укорительно и непригоже пишете: между нами в посольстве все люди отецкие, честные, старожилых знатных родов; да и не ведется этого в народе нашем, чтоб в таких великих делах припускать людей недостойных, как, по грехам, у вас теперь на Москве повелось, что люди простые, мужики, поповские дети и мясники негодные, мимо многих княжеских и боярских родов, не попригожу к великим государственным и земским и посольским делам припускаются. И вам бы, братье нашей, самим поостеречься и таким недостойным мужикам не давать воли, которые воровством научились жить и злостью и упрямством своим вас, великих честных людей, заводят на кровь людскую стоять. Если вы упрямством будете стоять, то и мы всем государством начнем крепко стоять; король и королевич, сославшись с великими государями, перед послами их произведут суд над Филаретом митрополитом и, уличивши его листами патриарховыми, живым Шеиным и другими многими свидетельствами, людьми и грамотами, что он всему Московскому государству и прирожденному истинному государю своему Владиславу неправду и измену явную учинил, и под ним сыну своему Михаилу государства Московского неправдою подыскивал, по тем его делам над ним и покончат, а против сына его с

войском к столице королевич Владислав поспешит». Бояре отвечали им: «Если бы митрополит Филарет государства сыну своему подыскивал, то в то время, как мы, бояре, с гетманом Жолкевским договаривались, он бы дело портил и на то не производил, потому что он был тогда в Москве самою большою властью под патриархом, а братья его и племянники — бояре большие же, и в послах к государю вашему он бы не пошел и сына своего в Москве с вашими людьми не оставил. А как великий государь наш Михаил Федорович сидел в Москве у ваших людей в плену, и если бы действительно так было, как вы теперь на митрополита Филарета пишете, то вы бы ему, великому государю, смолчали ли? На кого вы не по правде думали, тех за приставов давали и пытали, а иных и смертью казнили. Ты, Александр Гонсевский, всем нам боярам говорил, что Московского государства ищет Прокопий Ляпунов; потом паны-рада писали к нам, что ищет князь Василий Васильевич Голицын в совете с митрополитом Филаретом, а теперь пишете, что митрополит искал государства сыну своему! И вы сами себя своим письмом обличаете, сами не знаете, какое лукавство на кого взвести. Пишете, что у нас недостойные люди к великим делам припускаются: но у великого государя в думе и во всяких чинах и приказах отецкие дети, кто чего достоин по своему отечеству, разуму и службе. А государь ваш и его сын через крестное целование прислали на Москву в казначеи кожевенника детину Федьку Андронова, в думные дьяки — овчинника Степанку Соловецкого да ключника Баженка, да суконника Кирилку Скоробовицкого, Ваську Юрьева поповича. И вам, братье нашей, надобно о том писать рассудив».

На шестом съезде, когда литовские послы услыхали от московских, что те без государева именованья никаких дел не будут делать, то разъехались с бранью и с шумом, отказали, что вперед съезжаться не будут и едут в Польшу. В Москве испугались и отписали Воротынскому: «Вы бы теперь с литовскими послами на съездах говорили гладко и пословно, а не все сердито, чтоб вам с ними никак не разорвать». Литовские послы объявили чрез Ганделиуса, что до тех пор не поедут на съезд, пока московские не объявят, что согласны на перемирие «государства с государством». Воротынский дал знать об этом в Москву и получил оттуда позволение согласиться на такое перемирие: «Сперва, — писал царь, — говорили бы вы о делах; а как наше имя писать, о том вы бы с ними в начале не говорили, чтоб их больше в дело втянуть; и как уже о всяких делах с ними договоритесь и дойдет до записей и утвержденья, то вы бы тогда о нашем и королевском имени с ними говорили, а съездам сроки откладывали бы вы подолее, чтоб с литовскими пос-

лами попроволочить до тех пор, пока послы наши с шведскими послами совершат и закрепят». После этого московские послы несколько раз съезжались с Ганделиусом, который требовал, чтоб они сказали ему последнюю меру; но они настаивали, чтобы был съезд с самими литовскими послами, с которыми они и станут толковать. Наконец Ганделиус сказал, чтобы послы объявили ему последний отказ, а больше уже он на съезд не будет, поедет к государю своему и все неправды и бесчестье, оказанное ими, послами, цесарскому маестату и ему самому, что они его задерживали и тем его бесчестили, все государю своему расскажет, а государь его за свое бесчестье сам станет; литовские же послы перед московскими во всем правы, сделали его посла у себя *третьим* и хотят через него узнать от московских послов, как они согласны мириться, а те ему ничего не объявляют. Воротынский отвечал, что они переговаривать о мире готовы, тогда Ганделиус сказал: «Теперь бы говорить о том, как королевича в записях закреплять, чтоб право его по гетманскому договору и крестное целованье не нарушено было; до перемирных лет короля и королевича они закрепят, что им войны не начинать, а после перемирных лет право королевича вцеле и ненарушимо было бы; да северских бы городов всех поступиться в польскую сторону да к Смоленску городов Смоленского княжества — Белой, Дорогобужа, Торопца со всеми уездами, как замирено было между королем Казимиром и великим князем Васильем Васильевичем; заплатить деньги польскому войску и на этих условиях заключить перемирие на полтора года». Воротынский отвечал: «Мы согласились заключить мир между землями, а теперь ты говоришь, что литовские послы хотят писать о ненарушении гетманского договора? Это опять они начинают новое безмерье». Ганделиус уехал с сердцем. Получив об этом донесение, царь отправил послам своим образцовые грамоты, как заключить перемирие: «Божиею милостию великого государя (следует титул) бояр и всех думных людей и всего великого Российского царствия великие послы (имена) съезжались с такими-то послами и говорили» (следуют обвинения полякам), потом: «Учинили мы между великого государя Михаила Федоровича великими Российскими государствами и между великими же государствами — Короною Польскою и Великим княжеством Литовским перемирье». Понятно, что польские послы никак не могли согласиться на такую форму, ибо им прежде всего нужно было, чтоб имени нового царя московского не упоминалось. Воротынский прислал в Москву за разрешением еще нового затруднения: Гонсевский говорил, что Михаил Федорович королевичу Владиславу крест целовал, и они послы сказали, что не целовал. Царь отвечал: «Вы Гонсевскому отказали не по-

думавши: и так литовские послы пишут, будто великий господин отец наш Московского государства нам подыскивал и домогался; а только о том объявить, что нас бог соблюдал, креста королевичу не целовали, то литовские послы за то и больше начнут стоять и себя оправдывать, а на отца нашего станут взводить, что он нам государства подыскивал и от того нас соблюл, что мы королевичу креста не целовали; и вам бы на съезде послам говорить, что мы королевичу крест целовали, и то делалось судьбами божиими».

28 января был последний съезд. Приехали литовские послы, не все только, и Ганделиус, требовали перемирия на условиях, уже предложенных последним. Московские послы не согласились и объявили, что о Смоленске обошлются с государем. Съезд кончился. Когда Воротынский действительно послал в Москву спросить насчет Смоленска, то получил такой ответ: «Вы это сделали слабостию, некрепко, объявили про Смоленск на обсылку, не дождавшись у них у самих больших уступок и ворочали их сами дважды, как бы добивая челом. Вы бы за Смоленск стояли накрепко и о съезде сами литовских послов не задирали, а ждали присылки от них». Но в Москве сильно ошибались. Приехал к послам Ганделиус проститься, причем извинялся: «Не подосадуйте, что на съезде говорил я с вами не пословно, с сердцем; мне и самому от литовских послов было великое бесчестье; вашу правду и сходство к доброму делу, а литовских послов упрямство я расскажу государю своему». Потом Ганделиус дал знать, что литовские послы стоят на прежних условиях и уезжают; Воротынский вопреки наказу послал требовать съезда, но ему отвечали, что литовские послы уже уехали.

В Москве приписывали поруху доброму делу дьяку Петру Третьякову, который медлил отсылкою указов царских к послам под Смоленск. Но во всяком случае трудно предположить, чтоб перемирие могло состояться при тогдашних условиях: поляки требовали слишком многого, потому что предшествовавшие события возбудили слишком большие надежды; а Москва не была еще в таком положении, чтобы могла согласиться на все для краткого и ничего не обеспечивавшего перемирия [5]. Ганделиус не мог ничего тут сделать, да и не хотел, как видно. Вообще сношения с австрийским двором при царе Михаиле не имели прежнего дружественного характера; австрийский двор счел нужным переменить тон в сношениях с государством, которое уже не могло более присылать богатых мехов в Вену; притом здесь не были убеждены, что новый царь может утвердиться на престоле после таких смут, и потому не хотели смотреть на него, как смотрели на его предшественников.

Еще в июне 1613 года государь велел дворянину Степану Ушакову да дьяку Семену Заборовскому идти к Матьяшу (Матвею), цесарю римскому, в посланниках. Путь был дальний: вследствие войны с Литвою и Швециею послы должны были ехать чрез Архангельск. Посланники получили наказ: говорить, чтоб Матьяш цесарь, ведая братскую любовь и дружбу предков своих с предками великого государя, был с ним в братской любви, дружбе и ссылке и прежде всего любовь свою показал, послал бы к польскому королю от себя посла или посланника нарочно, в его неправдах его пообличить и выговорить, чтоб он перед великим государем Михаилом Феодоровичем и перед российскими государствами в своих неправдах исправился, крови христианской не разливал и учинил бы мир и покой, чтоб враги креста Христова — турки и иные государи мусульманского закона христианской розни не радовались. Если цесаревы думные люди спросят о летах государя, то отвечать: лет государю нашему 18, только бог украсил его царское величество дородством, образом, храбростию, разумом, счастьем, ко всем людям он милостив и благонравен, всем бог украсил его над всеми людьми всеми благами, нравами и делами. Наконец, посланникам было наказано: «Как они будут у цесаревых думных людей и те станут говорить: в прошлом, 1612 году был цесарский подданный Юсуф Григорьев вместе с шаховым посланником в Ярославле на отпуске у князя Дмитрия Михайловича Пожарского и говорил князю: если захотят на Московское государство цесарева брата Максимилиана, то цесарь брата своего им даст и с польским королем помирит вечным миром». Князь Дмитрий отвечал: если цесарь брата своего на Московское государство даст, то они цесарю много челом бьют и брата его примут с великою радостью. Юсуф, приехавши, цесарю об этом сказал; цесарь обрадовался и дал знать об этом брату своему Максимилиану, но тот отписал, что он на старости лет хочет быть в покое, молиться богу; тогда цесарь приказал с Юсуфом к князю Дмитрию, что есть у него двоюродный брат Пилиуш, и если его на Московское государство захотят, то он его даст; и для этого дела цесарь послал в Московское государство посла своего, великого ближнего человека, именем Размысла, а к польскому королю послал Грота; так с ними, Ушаковым и Заборовским, есть ли теперь какой-нибудь об этом приказ? Отвечать: нам известно, что цесарев посланник Юсуф Григорьев в Московское государство пришел и у бояр был, но о том, что князь Дмитрий Пожарский приказывал к цесарю о брате его, мы ничего не слыхали да и в мысли у бояр, воевод и всяких русских людей не бывало, чтоб из иных государств не греческой веры государя выбирать; разве о том приказывал с Юсуфом князь Дмитрий Пожарский без

совету всей земли Московского государства или Юсуф или переводчик Еремей сами собою затеяли, хотя у цесарского величества жалованье какое-нибудь выманить. Вам, думным людям, можно самим разуметь, что и не такое великое дело без совета всей земли не делается; вам о том и говорить непригоже, и послов государю вашему за этим посылать не для чего: это дело нестаточное и между государями нелюбовное».

Посланники привезли в Москву грамоту от императора; но в этой грамоте не упоминалось о царе Михаиле, говорилось только, что император принял к сердцу печальное положение Московского государства и надеется, что король польский на его волю положится, мир учинит. Призвали посланников к допросу: каким образом случилось, от цесаря грамота не к государю и государева имени в ней не написано? Ушаков и Заборовский отвечали, что принял их цесарь и о государевом здоровье спрашивал любительно; думные люди во всем говорили им с царским именованьем и царское имя во всем почитали; на отпуске цесарь приказал государю поклон любительно же, сказал что восшествию на престол государя обрадовался и хочет быть с великим государем в братстве, любви и ссылке и посла своего к государю шлет. Они, посланники, тому поверили и тот лист взяли за грамоту, а подписи на нем прочесть не велели без хитрости, поверя тому, что цесарь их принял от государя и отпустил к государю. Спросили толмача, тот сказал, что действительно в речах от цесаря царское имя говорили ко многим статьям и почесть посланникам от цесаря и от думных людей была, только государя называли царем и великим князем, а Михаилом Феодоровичем не называли; цесарь к государеву имени немного только приклонился и шляпу снимал, приказывал к государю челобитье сидя же, а посланники ему об этом ничего не говорили Лист, что привезли посланники к государю, и подпись на нем он, толмач, посланникам переводил и сказывал, что государева имени нигде нет; а когда были в Голландии и получили грамоты от голландского князя и Штатов с полным царским именованьем, то он, толмач, указывал посланникам на эту разницу между цесарскою и голландскою грамотами, но они отвечали ему: «Уже это дело сделано». Призвали опять посланников к допросу; они отвечали: «Что цесарь на посольстве и на отпуске не встал и имени государева не именовал, и они о том цесарю и его думным людям не говорили, то они учинили спроста, без хитрости, потому что им не за обычай, думали, что у них в государственных поведеньях и в посольских обычаях так издавна ведется. И которая будет бесхитростная вина их пред государем взыскалась, и в тех их бесхитростных винах волен бог да государь: учинили они

то простотою, а не изменою и не умышленьем. А что они взяли у цесаря вместо грамоты ответ, писанный на их речи без царского именованья, того они себе в толк не взяли, что не только грамоты, и ответу без царского именованья не бывает, и надеялись они на то, что им против их посольства и против речей заодно грамота и ответ учинены, потому что им не за обычай: в посольствах прежде никогда не бывали; и то они учинили без хитрости ж, хотели лучшего, да по грехам, их простотою учинилось бесхитростно; и в том они виноваты ж, что вчера запирались, будто подписи прочитать переводчику не давали: подпись им переводчик читал и список переводил, и им то ведомо, только положили то запросто, а цесарь уж из Линца поехал, если бы и послать, то без цесаря ничего сделать было нельзя. И в тех их винах волен бог да государь, а им своих бесхитростных вин утаить и покрыть нечем». Бояре говорили дьяку Заборовскому: «Степан (Ушаков) человек служилый; а ты сидел в Посольском приказе и в разряде в подьячих, тебе это дело за обычай. И как вы смели так сделать? Хотя бы вы смерть свою там видели, а такого ответа без государского имени не должны были брать». Призван был к допросу опять толмач и показал, что у посланников никаких тайных сношений с цесаревыми людьми и непригожих речей про государя не было, но посланники и люди их вели себя дурно; шла мимо Степанова двора девка, и Степановы люди эту девку ухватили и повалили, за что у них с немцами была драка; да Степанов же человек на том дворе, где стоял, хотел у дворника жену обесчестить, и дворник за ним гонялся с протазаном, хотел его убить, а Степан, зная воровство людей своих, от того их не унимал; Степановы же люди пьяные чуть пожара не сделали; он, толмач, их унимал, говорил, чтоб они, будучи в чужой земле, такого бесчестья не делали, а они его за это били. Сами Ушаков и Заборовский пили и между собою бранились. В Гамбурге человек Ушакова бесчестил дочь английского воеводы, в Голландской земле хватался руками за дочь казначея, в доме которого стояли посланники; да и во многих местах Степан и Семен пировали, пили и многие простые слова говорили, которые в тамошних землях государеву имени к чести непристойны. Сперва цесарь хотел дать посланникам цепи с своими парсунами (портретами), но потом велел портреты снять, сказавши: «Слышал я про них, что они люди простые, неученые, ничего доброго, кроме дурости, не делают; прежние послы и посланники, которые прихаживали от московских государей, так непригоже не делывали, и таким бездельникам собакам парсуны моей давать непригоже».

Чтобы поправить дело, в августе 1614 года отправлен был к императору наскоро гонец, переводчик Иван Фомин,

с грамотою, в которой говорилось, что посланники Ушаков и Заборовский привезли лист с ответом посланникам, неведомо чьим и неведомо кому именем; а перед приходом посланников Ушакова и Заборовского писал императорский гонец Сингель, что он идет перед цесаревым послом, который отправлен к боярам, воеводам и ко всяким людям: «И мы, великий государь (продолжает грамота), тому удивляемся, каким это образом у вас, брата нашего, делается не по прежнему обычаю? Прежде, кроме братства и любительной ссылки, недружбы никакой не бывало, государь государю честь по достоинству воздавали и один другого выславляли, и меж себя дружбы и любви на обе стороны искали. Мы на посланников наших за то, что они нашей царской чести не остерегали, опалу свою положили и велели им казнь учинить». Когда Фомин правил поклон императору от государя, то император, сидя на месте, тронул у себя на голове шляпы немного и против царского именованья не встал. Фомин заметил, что этим цесарь показывает брату своему нелюбье; канцлер отвечал, что цесарь не помнит, когда прежде цесари римские против именованья царей российских вставали. Фомин в свою очередь, отходя от цесаря, поклонился ему по-среднему, не низко. Цесарь обиделся поведением гонца, прислал к нему думных секретарей с выговором и велел приставить к его двору стражу, чтоб без ведома думных людей никто к нему и от него не ходил. Пристав Яков Баур говорил гонцу: «Когда были здесь царские посланники Ушаков и Заборовский, то он же, Яков, был у них в приставах и они сажали его, Якова, у себя на месте, как цесарь сидит в своем величестве на месте, и учились у него кланяться три дня, а когда они были у цесарского величества, то кланялись до земли». Фомин отвечал: «Посланники делали не гораздо, что великого государя чести не остерегали, а ему, Фомину, перед цесарем до земли не кланяться, да и во всей вселенной не ведется, чтоб посланники и гонцы до земли кланялись, подобает это делать подданным». Баур говорил: «Теперь цесарское величество уверился, что великий государь ваш на Московском государстве утвердился, а до приезда его, Фомина, вести у них были, что великий государь на Московском государстве не утвердился и московские люди еще не в соединении». После этого стражу сняли, но пристав опять начал выговаривать гонцу, как он осмелился сказать императору, чтоб он встал при царском имени; «ты цесарское величество этим обесчестил, и цесарь хочет писать об этом ко всем государям и курфюрстам, что они приговорят. Слыхали они, что при царе Иване Васильевиче был посол, и вошел он в палату к царю, не снявши шапки, так царь Иван тут же велел шапку прибить гвоздем к голове; да если бы и при цесаре Рудольфе

такие ты речи сказал, велел бы ему против царского имени встать, то он бы велел тебя тут же из окна выбросить или на алебардах поднять». Фомин отвечал: «Что я говорил, то говорил по царскому приказу; а при царе Иване Васильевиче ничего такого не бывало, что ты говоришь, и нашему великому государю есть что писать ко всем государям о цесарском нелюбье, да у великих государей христианских не ведется, чтоб над посланниками или гонцами что делать». Твердость гонца произвела свое действие: по поведению Ушакова и Заборовского судили о слабости государя, их прислашего, по ответам Фомина начали судить иначе и по австрийской привычке (tu, felix Austria, nube), задали вопрос гонцу: «Не изволит ли царское величество у цесаря жениться?» Фомин отвечал, что царская мысль в божьей руке: кроме бога, кому то знать?

Более полутора года прожил Фомин в Вене, неведомо для чего, как он выражался. Ему не давали отпуска, все дожидаясь, чем кончится у Москвы с Польшей и Швецией, утвердится ли Михаил на престоле, наконец дали грамоту, но не с полным государевым именованьем; Фомин грамоты не взял и уехал. Не дождавшись Фомина, государь в июне 1616 года послал в Вену известного Лукьяна Мясного, которому поручено было проведывать тайно всякими мерами: как цесарь с польским королем, для чего цесарь присылал на съезд под Смоленск своего посла Ганделиуса, для доброго ли дела или доброхотая польскому королю, и не хочет ли цесарь с королем на Московское государство стоять, и что Ганделиус цесарю и думным людям про съезды под Смоленском рассказывал? В грамоте своей к императору, посланной с Мясным, царь писал, что мир не заключен под Смоленском по несходительству польских послов, и просил не помогать королю казною и людьми и своим ратным людям не велеть наниматься у поляков. Нового посланника встретили жалобами на Фомина: про свой проезд он прежде не отписал, что едет от царского величества; цесарь велел кардиналу расспросить Фомина: от кого он прислан, от царя или от земли, и с каким делом? Но Фомин у кардинала не был и сказал: «Прислан я от царского величества к цесарскому величеству, а не к попу и, не быв у цесарского величества, к поданным мне не хаживать» Потом как был Фомин перед цесарем, то говорил невежливо, будто с угрозою; а цесарю против царского имени встать было нельзя, потому что у него ноги очень болели, наконец, грамоты цесаревой Фомин не взял. Но и Мясной отвечал то же самое, что теперь цесарского величества думные люди начинают новые причины, чего никогда не бывало да и не ведется нигде: посланникам, не быв у цесарского величества и не исправя своего посольства, наперед идти к подданным непригоже, и

если они это начинают сами собою, то они такими новыми небывалыми причинами между великими государями братскую любовь и дружбу нарушают, а если они приказывают с цесарского повеленья, то цесарь начинает новое и царскому величеству нелюбье свое показывает. Мясному объявили от имени кардинала Мельхиора Клезеля: «Если ты, посланник, по царскому приказу у меня не будешь, то тебе за это цесарских очей не видать и доброе дело между великих государей не станется; не с тем ли и ты приехал, что перед цесарем говорить невежливо и нас бесчестить, как Иван Фомин?» Лукьян уступил и поехал к кардиналу, который также начал жалобами на Фомина; «Фомин цесаря во всем прогневал, говорил перед ним невежливо и меня бесчестил, знаем мы и сами, что в Московском государстве ближних людей и церковных причетников почитают, а этот Иван худяк все делал своим глупым разумом, все государево дело потерял, из-за него между двумя великими государями дружба и любовь не сталися. И если вы присланы с тем же, то вам на удачу у цесарского величества не быть, а если царское величество и соизволит вам у себя быть, то чести вам от него не будет». Потом Мясному объявили, что после представления цесарю идти ему к императрице. Мясной отвечал: «Государь прислал нас к цесарскому величеству, а у цесаревы нам быть не наказано, и что великой государыне говорить, мы не знаем. Прежде послы и посланники у цесарев не бывали». Кардинал велел сказать на это: «Прежний цесарь, Рудольф, не был женат, а теперь цесарь и цесарева, жалуя вас, велят вам быть: в том их государская воля». Кардинал прислал и титул, как перед цесаревою говорить. Назначен был день представления; цесарь принял посланников стоя и против цесарского поклона приподнял с себя шляпу; также и цесарева приняла их стоя. Мясной поднес императору рысь и сорок соболей, императрице — сорок соболей и кардиналу послал также сорок соболей; кардинал, принявши подарок, велел ему сказать, что он во всем царскому величеству будет радеть. Следствием этого раденья был ответ, что у польского короля цесарское величество не ищет ничего и на Московское государство королю казною и людьми помогать не хочет, и ратным людям в своих государствах наниматься не велит. Цесарскому величеству подлинно известно, что польскому королю война с турками и шведами, стало ему теперь до себя, а не до Московского государства; если же польский король с царским величеством мира не учинит, то цесарь пошлет к королю посла, чтоб перед царским величеством в своих неправдах исправился. С этим ответом Мясной возвратился в Москву, где подвергнулся выговору, зачем стоял в Праге на одном дворе с другими послами, зачем был у кардинала

прежде цесаря и т. п. Но государь Лукьяна Мясного и товарища его подьячего Посникова пожаловал, опалы на них не положил, для того что им было не за обычай: Лукьян — человек служилый, у таких дел в посольстве прежде не бывал, и подьячий у таких дел не бывал же, у большого дела нигде не сиживал, и прост, и худ» [6].

Одновременно с Ушаковым и Заборовским в июне 1613 года отправлены были в Константинополь к султану Ахмету посланники — дворянин Соловой-Протасьев и дьяк Данилов. Они должны были объявить султану, что новый царь хочет быть с ним в дружбе и любви свыше всех великих государей и на всякого недруга стоять заодно и чтоб султан присылал в Москву послов своих с полным наказом, да чтоб султан, видя неправду польского короля и панов радных, мстил им за их неправды, послал повеленье крымскому царю идти со всею ордою в Польскую и Литовскую землю, а на Русскую землю ходить им не велел. Великий визирь отвечал: «Султан хочет быть с великим государем в братстве, дружбе и любви, хочет стоять на литовского короля, послал приказ крымскому царю идти на Литву от Белагорода (Акермана) да из Царя-города посылает 10 000 ратных людей с волохами и молдаванами на Литву, а на Черном море у Днепровского устья велел поставить от днепровских черкас два города и козаков с Днепра сбить, вас, посланников, велел отпустить и с вами вместе посылает к государю вашему своего чауша». Визирь прибавил, что султан очень доволен дружественным предложением со стороны московского государя: «Всем нам известно, — говорил он, — что под солнцем два великих государя: в христианских странах ваш великий государь, а в мусульманских Ахмет султан, и против них кому стоять?» В августе 1615 года отправились из Москвы в Константинополь новые посланники, Петр Мансуров и дьяк Самсонов, уговаривать султана, чтоб велел крымскому хану идти на Литву, потому что польский король, узнавши любительную ссылку между царем и султаном, беспрестанно ссылается с цесарем, папою, королем шведским и другими государями, умышляя всякое лихо на Россию и Турцию; послы должны были также жаловаться на набег азовцев на русские украйны. Посланники застали донских козаков в войне с Азовом; азовский паша говорил Мансурову и Самсонову с досадою: «Добро бы было вам донских козаков с азовцами помирить, козаки азовцам теперь чинят тесноту и вред большой, становятся они нам хуже жидов, а если вы козаков с азовцами не помирите, то мы всем городом отпишем султану, и вам к нему приехать не к чести». В это время азовские люди привезли с Мертвого Донца пленников, донского атамана Матвея Лисишникова и более 20 человек козаков; атамана

страшно пытали, ременья из хребта резали и повесили на том самом корабле, который был приготовлен для посланников; с пытки козаки сказали, что царь с Мансуровым прислал к ним на Дон жалованье, деньги, сукна, хлебные и воинские запасы. Посланники объявили паше, что они не поедут на том корабле, на котором был повешен воровской мужик. Паша отвечал: «Здесь живут воры же вольные люди, такие же, что на Дону козаки, взяли они воровских козаков и повесили на корабле не по моему приказу, самовольством, а корабль я вам дам другой». Наконец донские козаки — атаман Смага Чертенский с товарищами — прислали в Азов троих атаманов, которые и заключили перемирье с азовцами, после чего царские посланники отправились в Константинополь.

В Константинополе ждал их почетный прием: великий визирь сказал им: «Вы у нас гости добрые, приходите к нам с делом добрым и любительным, и государь наш велел вам почесть воздавать свыше всех послов великих государей и ставит себе государя вашего великим и неложным другом и приятелем». Но козаки не замедлили помешать делу: визирь прислал сказать посланникам, что донские козаки приступали к Азову двенадцать дней, на Миюсе много кораблей погромили и теперь на семидесяти стругах идут под город Кафу: «И вы, посланники, велел сказать визирь, пришли к государю нашему не для доброго дела, с обманом». Посланники должны были запеть старую песню, что на Дону живут воры, беглые люди боярские, утекая из Московского государства от смертной казни, живут на Дону, переходя с места на место, разбойническим обычаем. Но визирев посланец возразил: «Вы говорите, что на Дону живут воры; а для чего же ваш государь теперь с вами прислал к ним денежное жалованье, сукна, серу, свинец и запасы? Визирь велел вам сказать: если донские козаки какое дурно на море или над Кафою учинят, то вам здесь добра не будет, можно вас здесь за вашу неправду казнить смертью. Пишите к козакам, чтоб они от своего воровства отстали». Посланники отвечали: «Присланы мы для общих больших добрых дел; когда мы будем у визиря и об этих больших делах переговорим, тогда и о донских козаках договоримся». Но скоро опять пришли другие вести: приходили морем во многих стругах донские козаки, города Трапезунт и Синоп взяли, выжгли, людей многих побили и в плен побрали. Визирь долго не присылал за посланниками, которые обратились к казначею, визиреву зятю, подарили ему сорок соболей, чтоб он похлопотал у визиря об их деле; визирь прислал сказать им, чтоб ни о чем не печалились, все их дела будут сделаны, и, действительно, скоро после того прислал за ними. Разговор начался не очень приятно для посланников, визирь

сказал им: «Не известить мне государю своему о козачьем воровстве нельзя, но как скоро я ему об этом объявлю, то вам добра не будет, говорю вам прямо; да государь же наш велит в вашу землю послать татар войною, и государю вашему какая от этого прибыль будет?» Посланники отвечали прежнее, что «на Дону живут воры, которые и Московскому государству много зла наделали, первые к Гришке Отрепьеву и к польским людям пристали, а после многих воров назвали государскими детьми. Царское величество с Дону их сослать велит для дружбы к султану. То не диво, что воры беглые люди воруют; но азовские люди не козаки, живут в городе, а каждый год приходят на государя нашего украйны». Визирь возразил: «Но ведь крымцы на ваши украйны не ходят?» Посланники отвечали: «Мы говорим не о крымцах; говорим, чтоб султан унял азовцев» Визирь замолчал и, помолчавши, начал опять говорить: «Скажите мне, сколько ратных людей вас провожало до Азова и сколько под вами и под ратными людьми было стругов, и теперь эти ратные люди и струги где? До нас дошел слух, что этих ратных людей и струги все вы оставили у козаков на Дону и на этих ваших стругах теперь козаки на море воруют, корабли громят, поморские волости и деревни пустошат». Посланники отвечали, что на Дону ни ратных людей, ни стругов не осталось Визирь сказал на это: «Если государь ваш теперь козаков не смирит, то наш государь может и своим войском их смирить, только между государями дружбы не будет, и вам здесь будет задержанье. Но полно говорить об этом деле, станем говорить о добрых делах». Добрые дела состояли в том, что посланники объявили визирю: «Если ты на польского короля войско пошлешь вскоре, все великого государя нашего дела переделаешь и нас отпустишь скоро с добрым делом, то мы тебе бьем челом— семь сороков соболей добрых». Визирь очень развеселился и стал говорить: «Султан непременно войско на Польшу пошлет и вас велит отпустить с добрым делом, государя вашего напишет с полным именованьем, за то я вам ручаюсь и на старости своей великому государю вашему работу свою и службу хочу показать». Посланники с своей стороны выставили дружбу государя своего к султану, объявили, что посланники персидский и австрийский задержаны в Москве, потому что цесарь, шах персидский и король польский друг с другом ссылаются.

Но эти приятные отношения вследствие соболей были непродолжительны; козаки пересиливали соболей: визирь объявил посланникам, что султан посылает рать свою на Литву, но чтоб они, посланники, поручились, что донские козаки во время этого похода турецкого войска в Литву не причинят никакого вреда турецким областям. Посланники

отказывались ручаться, говоря, что у них в наказе об этом ничего нет, что для окончательного договора о козаках султан должен отправить своего посла в Москву. Визирь сказал на это: «Добро было вам донских козаков себе на душу взять, а если вы козаков себе на душу не возьмете, то вам от нашего государя какого добра ждать? Отпуску вам не будет, между государями любви не будет же, государь наш вашему государю на польского короля помогать не станет, а на донских козаков наш государь хочет послать воевод своих, наши ратные люди всех козаков побьют, юрты их разорят, и вашему государю то не к чести же будет». Посланники отвечали: «Хотя бы турские люди донских козаков до одного человека побили, то наш великий государь вашему за то не постоит: наш великий государь сам о том помышляет, чтоб козаков на Дону не было, и чтоб от их воровства между обоими государями дружбе помешки не было». Визирь: «Вы называете донских козаков ворами и разбойниками; за что же ваш государь прислал к ним запасы многие? И они с этими запасами по морю ходят беспрестанно и нашему государю многие убытки делают» Посланники: «Государь наш послал донским козакам запасы, потому что они над ногайскими людьми поиск чинят, полон у них русский отбивают; кроме того, донские козаки встретили с честью наших посланников Солового-Протасьева с товарищами и вашего посланника и всю зиму кормили На Дону живут воры разбойническим обычаем, переходят с места на место; а вашего государя азовские люди живут в городе и на нашей украйне разбойничают!» Визирь отвечал, что султан велит унять азовских людей. В то же время был у визиря польский посланник Ян Кохановский, которого визирь посадил ниже московских посланников. Кохановский твердил визирю, что на Черном море разбойничают не запорожские, а донские козаки, московские посланники говорили визирю: «Вам самим известно, что разбойничают черкасы».

Это был последний разговор наших посланников с визирем Ахмет-пашою: султан велел его сменить за утайку дурных вестей о персидской войне и на его место поставил визирем Халиль-пашу. Посланники обратились к патриарху Тимофею, не может ли он им помочь у нового визиря? Патриарх отвечал: «Самим вам известно, что старый визирь на нас православных христиан греков был гонитель и поругатель великий, чуть меня к смерти не привел, и мне при нем помогать вам никаким образом было нельзя; новый визирь, думаю, ко мне расположен, и потому буду о государевых делах промышлять; вам бы завтра послать к визирю в подарок сорока два или три соболей добрых, а я с вашими людьми пошлю своего дьяка Мануила, чтоб он от меня

визирю и его дворецкому побил челом; этого дьяка Мануила визирев дворецкий знает и очень любит, а дворецкий визирю дядя родной, вам бы и ему послать сорок соболей». Посланники исполнили совет патриархов, и визирь обещал хлопотать о их деле, но объявил, что все задержанье им из-за донских козаков, за то, что государь прислал козакам жалованье; польский король обещается черкас унять, и если уймет, то султан с ним помирится и пошлет рать свою на донских козаков; если же король польский не пошлет на черкас своего войска и донские козаки перестанут на море разбойничать, то султан хочет стоять с царем заодно на польского короля и их, посланников, отпустит в Москву. Опять отправили посланники к визирю шубу соболью с просьбою, чтоб великому государю службу свою показал, все государственные дела переделал. Визирь отвечал, что с султановой грамотою к царю будет отправлен один из посланников, а другой должен остаться в Царе-граде, потому что посланники не хотят поручиться за донских козаков, которые воруют, турецкие морские города и волости воюют. «Ступайте к муфтию, побейте ему челом», — прибавил визирь. Посланники поехали к муфтию и от того услыхали те же речи, что должен ехать в Москву один посланник, по примеру цесарских послов, из которых один, большой, остался в Царе-граде для справки в государственных, любительных делах. Явилось и старое требование, чтоб царь уступил султану Казань и Астрахань. Халиль-паша ушел в персидский поход; его место заступил Магомет-паша, от которого посланники должны были выслушивать прежние речи: «Если вы к козакам не отпишите и их не уймете, то государю вашему от нашего государя какого приятельства ждать, а вам за козаками из Царя-города отпуску не будет». Посланники подослали греков к сыну и дворецкому муфтия; те велели сказать им: «Мы у муфтия их делом промыслим, но чтоб нас не забыли, почтили своими заморскими поминками, что у них случится». Муфтий действительно прислал за посланниками, но объявил: «Если государь ваш уступит нашему старинные мусульманские города — Казань и Астрахань, то государь наш тотчас ему поможет на польского короля; по нашей мусульманской вере христианам даром помогать не велено». С тем и отпустил. Посланники поехали к визирю Магомет-паше и сказали ему, что если султан пошлет войско на Польшу, то государь пришлет ему, визирю, жалованья мягкою рухлядью на три тысячи золотых, дали ему и заемную память на эту сумму. Визирь, подержав память в руках, отдал назад и сказал: «Память мне ваша не надобна, а делами вашего государя стану непременно и радетельно промышлять». После этого дал знать посланникам посольский дьяк, что

ему велено писать грамоту от султана к царю, что посланникам скоро будет отпуск, причем велел сказать: «Посланники живут в Царе-городе другой год, многим людям от них подарки были, только я от них ничего не видал; а им бы следовало и нас государевым жалованьем взыскать, за мною государево жалованье не пропадет, отработаю великому государю, где силы достанет». Прислал и дворецкий визирев: «Я беспрестанно говорю визирю о государевых делах, дела эти к концу приходят: так посланникам следовало бы визиря почтить да и меня не позабыть». Посланники отправили всем шубы. Прислал муфтий и сын его напомнить посланникам о их обещании, отправились и туда собольи шубы. Благодаря всем этим шубам посланников после тринадцатимесячного задержания отпустили в Москву с объявлением, что против польского короля стоит турецкое войско у Хотина, а как визирь Халиль-паша придет из Персии, то султан пошлет тогда на Польшу всех своих ратных людей

Отправлены были посланники и в Персию, дворянин Тихонов и подьячий Бухаров; шах Аббас объявил, что хочет быть с царем Михаилом в крепкой дружбе, помогать ему и ратными людьми, и казною, если и царь будет помогать ему и тем и другим; смотря на небо, шах сказал: «Бог меня убьет, если я брату моему царю Михаилу Федоровичу неправду сделаю». Шах извинялся перед государем в том, что сначала, по просьбе Марины и Заруцкого, обещал помочь им ратными людьми, казною и хлебными запасами: они его уверили, что при них находится царь московский Иван Димитриевич, а Москва занята литовцами, от которых они хотят ее очищать; как же скоро он, шах, узнал о воровстве Маринки и Заруцкого, то не дал им никакой помощи. Царь отправил дворянина Леонтьева просить у шаха денег в помощь против литовских людей, и в конце 1617 года шах прислал легкую казну, серебра в слитках на 7000 рублей.

Новый царь, разумеется, должен был начать сношения с Крымом, где царствовал Джанибек-Гирей. Сношения эти носили прежний, уже хорошо нам известный, характер; главным содержанием переговоров по-прежнему была торговля: крымцы запрашивали, хотели взять как можно больше, русские старались дать как можно меньше, представляя опустошения государства, оскудение казны. Разбойники не трогались этим представлением: в июле 1614 года в Ливнах, где по обычаю происходил размен посланников, крымский посол Ахмет-паша Сулешов объявил: «Если не станет государь присылать ежегодно по 10 000 рублей, кроме рухляди, то мне доброго дела совершить нельзя; со мной два дела, доброе и лихое, выбирайте! Ногайские малые люди безвыходно вас воюют, а если мы с своими силами на вас же придем, то что будет? Вы ставите шесть тысяч рублей

в дорого, говорите, что взять негде; а я и на одних Ливнах вымещу: хотя возьму тысячу пленных, и за каждого пленника возьму по 50 рублей, то у меня будет 50 000 рублей». Наконец Ахмет-паша согласился взять 4000 рублей поминков для хана и дал за него шерть, когда московский посол дал слово, что по весне рано государь пришлет хану большие поминки. Но когда посол, князь Григорий Волконский, приехал в Крым брать шерть, то хан Джанибек-Гирей объявил: «Шерти мне теперь дать не за что, поминков ко мне и к калге прислано мало, к ближним людям прислано не ко многим и не помногу, и за это ближние люди на нас злобятся, шерти дать не хотят и нам шерть отговаривают». Наконец и хан дал шерть с условием, что если государь рано весною поминков не пришлет, то шерть не в шерть. После этого посылались в Крым ежегодные поминки как для того, чтоб удерживать крымцев от нападения на московские украйны, так и для того, чтоб побуждать их к нападениям на Литву. Последняя цель плохо достигалась, потому что хан был занят войной персидскою, усобицею у себя в Крыму и боялся запорожцев, которые сильно опустошали его улусы. Послы московские по-прежнему постоянно жили в Крыму, на смену одних приезжали другие, по-прежнему им чинилось там многое насильство и неволя, поминки брали на них многие, в неволе, чуть-чуть не правежом; по-прежнему за выгодами московского государя наблюдала фамилия князей Сулешовых — сначала Ахмет-паша, а потом брат его Ибрагим-паша.

Более чем где-либо участия новый государь московский нашел на далеком западе, у морских держав Голландии и Англии; разумеется, это участие было корыстное: внутренние смуты в Московском государстве и опустошения, причиняемые войной польскою и шведскою, вредили их торговле, им выгодно было успокоить Московское государство и в награду приобрести здесь еще большие торговые выгоды. Известные уже нам лица, Ушаков и Заборовский, отправив посольство свое у императора, должны были ехать в Голландию и там требовать помощи на врагов. 1 мая 1614 года Ушаков и Заборовский приехали в Гагу, приехали они в жалком положении, и голландское правительство тотчас же снабдило их всем нужным, приказав выдать им единовременно 1000 гульденов. Послы, по отзыву голландцев, приводили всех в удивление своей скромностию и учтивостию и были очень боязливы. Они просили у Генеральных штатов помощи царю войском и деньгами. Штаты отвечали, что они сами недавно освободились от войны и потому не могут подать царю никакой помощи, но употребят все усилия, чтоб склонить к миру короля шведского. В Англию в июне 1613 года отправлен был дворянин Алексей Зюзин. Описавши неправды поляков в Москве,

Зюзин должен был сказать королю: «Во время московского разоренья ваших гостей и торговых людей, Марка англичанина с товарищами, литовские люди захватили, товары все у них отняли и держали их за крепкими приставами, а после того побили». Зюзин должен был говорить министрам королевским, что царь велел просить помощи казною своим ратным людям на жалованье, а наемные люди государю нашему не надобны, денег им на наем в нынешнее время дать нечего. Зюзин должен был просить, чтоб король помочь учинил казною, товарами, зельем, свинцом, серою и другою воинскою казною, а государь своею любительною и братственною дружбою и любовью будет воздавать и свыше того: непременно уговаривать, чтоб король государю помочь учинил казною и товарами и пушечными запасами тысяч на сто рублей, по самой последней мере на 80 000 или на 70 000, а по самой нужде на 50 000. Если королевские советники станут говорить, что они знают наверное, что Марка англичанина били русские козаки в то время, как у польских и литовских людей Китай взяли, и именье его все захватили те же козаки, и государь бы велел это именье отдать англичанам торговым людям, то отвечать: нам наверное известно, что Марка захватили польские люди и держали по самое китайское взятье за крепкими приставами на английском дворе в Китае-городе и как Китай-город у польских людей взяли, то Марка с тех пор без вести нет, неизвестно — польские и литовские люди его убили или, может быть, чернью, не рассмотря, в то же взятье его убили, потому что в то время и русских многих людей, которые сидели неволею у поляков, побили. Зюзин должен был наведаться о посланном при Годунове в Англию для науки Григорье Григорьеве с четырьмя товарищами, требовать их назад, потому что они государю нужны к посольскому делу.

В Англии московского посланника приняли не так, как в Австрии. Король Иаков отвечал, что он будет с царем Михаилом вести дружбу свыше прежних королей. «Мне известно, — говорил он, — какое зло поляки наделали в Москве, и мы короля Сигизмунда за то укоряем и с ним ни о чем не ссылаемся, и шведского короля неправды нам известны же». Король говорил послам, чтобы надели шапки, дважды и трижды о том припоминал и своим королевским словом гораздо понуждал и *приклякивал* (приседал), чтоб шапки надели. А сам король и сын его, королевич Карл, шляп ни разу на себя не надели, держали их сами, а королева тут же стояла по своему королевскому чину и обычаю. На увещание короля надеть шапки послы отвечали: «Видим к великому государю нашему твою братскую любовь и крепкую дружбу, слышим речи ваши государские, великого государя нашего царское имя славится, а ваши королевские очи близко

видим, и нам, холопям, в такое время как на себя шапки надеть». Король, королева и королевич послам приклякнули, за то похвалили, жаловали их и любезно почитали.

Вследствие этого посольства в августе 1614 года в Москву приехал давно уже известный здесь английский купец Джон Мерик, но с новым значением; в королевской грамоте назван он был князем, рыцарем, дворянином тайной комнаты. Мерик объявил желание королевское, чтобы государь дал английским купцам повольную торговлю и открыл им путь в Персию по Волге. Ему отвечали, что государь уже дал позволение английским купцам приезжать в Холмогоры к корабельной пристани и в иные места и торговать повольною торговлею всякими товарами беспошлинно, и жалованную грамоту за царской печатью им дали. А через Московское государство рекою Волгою в Персию и в иные восточные государства английским гостям в нынешнее время ходить страшно: князю Ивану (Мерику) самому известно, что смута была, в Астрахани был Заруцкий с Маринкою; теперь воеводы Астрахань взяли и Заруцкого в Москву прислали, но многие воры, которые были с Заруцким, убежали на Волгу и там теперь воруют, наших многих торговых людей пограбили, а шах персидский в нашу подданную Грузинскую землю вступился, между нами с ним о том ссылка, и наши торговые люди теперь в Персию не ходят. А как, даст бог, дорога в Астрахань очистится и с персидским шахом о Грузинской земле постановится, то государь с Якубом королем о том сошлется. После этого между Мериком и князем Иваном Семеновичем Куракиным был разговор, как помириться государю с шведским королем. *Мерик:* свейский король к государю нашему о том писал сам, чтобы государь наш его с великим государем вашим помирил, и отдался в том свейский король на волю государя нашего, а наказ мне дан — велено делать с шведскими послами по наказу великого государя царя. *Куракин:* ведомо тебе, в какой мере были великие государи цари с свейскими королями, ссылались свейские короли с наместниками новгородскими, и теперь царскому величеству к свейскому о мире послать непригоже; а ты без нашего посла или посланника к свейскому идешь ли? *Мерик:* я готов идти или пошлю наперед себя дворянина, а потом сам пойду. *Куракин:* ручаешься ли, что свейский помирится на государевой воле? *Мерик:* свейский положился на короля нашего, и ему с государем царем как не мириться? *Куракин:* только свейский Якуба короля вашего не послушает, с великим государем по его воле не помирится, то Якуб король с великим государем на свейского заодно стоять и царскому величеству помогать станет ли? *Мерик:* если свейский не послушает и позабудет любовь короля нашего, который помирил его с датским, то он будет государю нашему недруг и

король наш царю на него, *думаю,* помогать будет. *Куракин:* объяви подлинно, есть ли с тобою Якуба короля наказ, как государь ваш государю нашему против его недругов помогать хочет, когда и чем, и закрепить тебе это велено ли? *Мерик:* государь наш, Якуб король Андреевич, не только казною, всякими мерами царскому величеству помогать и всякое добро чинить хочет; он хотел послать казну и с послом царским Зюзиным, да казне его расход был большой. А после царского посла государь наш Якуб король учинил собор (парламент) с боярами своими и со всеми земскими людьми о сборе казны на его королевские расходы и на вспоможенье царскому величеству, и как я от государя своего поехал, то собор еще об этом на мере не постановил и закрепить мне о том не наказано; а какое будет царского величества у государя нашего об этом прошенье, то государь наш велел мне об этом к себе написать. *Куракин:* ручаешься ли, что государь ваш вспоможенье учинит этою весною? *Мерик:* как мне ручаться? Дорога дальняя и, кроме Шведской земли, другой дороги нет. *Куракин:* ручаешься ли, что помочь учинит? *Мерик:* думаю, что учинит.

Еще только подав надежду на помощь, Мерик спешил представить просьбы своего короля. Иаков просил, чтоб позволено было англичанам ездить Волгою в Персию, рекою Обью в восточную Индию: «Мы думаем, — говорил Мерик, — что дорога Обью рекою отыщется и станут английские и русские люди в Индию ходить, и такие прибыли царской казне будут, каких прежде не бывало; отыскана в Индию дорога, но далеко оборачивается, в три года, это время долго! Другая просьба: нашли английские люди новую землю, слывет Гирлянь, пуста, людей нет, а промысел — бьют китов, моржей, берут сало и зуб рыбий и иного в ней угодья много, и оленей очень много; так государь бы пожаловал, отпустил из своей отчины, Лопской земли, людей, которые умеют оленями владеть и теми промыслами, что у них в Лопской земле, промышлять по договору, сколько человек пригоже, чтоб английским людям указали; а как они там побудут и английские люди тому у них навыкнут, тогда этих лопарей опять отпустят в государеву землю — за это я берусь. Потом есть в царского величества земле на реке Сухоне руда железная и оловянная, так государь бы позволил из Английской земли привезти знатцев и кузнецов: они руду найдут и станут делать, а государю от этого будет прибыль, да и русские люди выучатся сыскивать и делать, и тут станут жить. Да около Вологды есть много земли пустой, болотной, ни к чему негодной; государь бы пожаловал, позволил англичанам тут своих людей привести для промысла; они станут русских людей нанимать, пашню пахать, сеять лен и полотна станут делать такие, что и за море будут ходить». Бояре отвечали,

что прежде всего надобно покончить свейское дело, и Мерик отправился в Новгород для переговоров.

Мы оставили Новгород в руках шведов. Еще 25 декабря 1611 года по приговору митрополита Исидора, воеводы князя Одоевского (который за несколько месяцев перед тем получил от короля богатое поместье) и всяких людей отправлены были в Стокгольм к королю Карлу послы: Юрьева монастыря архимандрит Никандр, Благовещенского монастыря игумен Антоний, из светских — дворяне: Колычев, Боборыкин и дьяк Коншин — бить челом, чтоб король дал им в государи одного из сыновей своих, «а прежние государи наши и корень их царский от их же варяжского княженья, от Рюрика, и до великого государя Федора Ивановича был». Как мало были уверены новгородские послы в полном и общем согласии сограждан на избрание королевича и как они боялись перемены, доказывает то, что митрополит, воевода и великие люди должны были поклясться им: «Нам митрополиту, архимандритам и игуменам за них бога молить, а нам — боярину, дворянам и всяким людям домов их оберегать, им помогать и не выдать их, сколько милосердый бог помочи подаст». Новгородцы отправили этих послов от всего Московского государства, но мы видели, чем кончились переговоры князя Оболенского с Пожарским. Когда Москва была очищена от поляков и новгородцы опять напомнили вождям ополчения о шведском королевиче, те отвечали: «Нам теперь такого великого государственного и земского дела, не обославшись и не учиня совета и договора с казанским, астраханским, сибирским и нижегородским государствами и со всеми городами Российского царства, со всякими людьми от мала и до велика, одним учинить нельзя; и мы теперь об избрании государском и о совете, кому быть на Московском государстве, писали во все города, чтоб изо всех городов прислали к нам в Москву». Все города выбрали Михаила Феодоровича, и несчастные новгородцы стали между двух огней: отделиться от Москвы значило оторваться от всех жизненных начал; порвать связь со Швециею не было никакой возможности, ибо они были в руках Делагарди.

Карл IX умер, и в июне 1613 года преемник его Густав-Адольф прислал в Новгород грамоту, в которой извещал об отправлении брата своего Карла-Филиппа в Выборг, куда должны явиться уполномоченные от Новгорода и от всего Российского царства для порешения дела. Новгородцы повиновались и отправили в Выборг послов бить челом королевичу, чтоб шел немедленно в Новгород. По приезде в Выборг начальный человек посольства, хутынский архимандрит Киприан, писал в Новгород, что государь королевич и его бояре, полномочные послы, сильно сердятся, что многие люди из Великого Новгорода отъезжают к ворам: «У нас что было в

наказе писано, — продолжает Киприан, — и мы то исполнили, государю и полномочным великим послам много раз били челом обо всем; но государь наш королевич Карлус-Филипп Карлусович и полномочные послы нам отказывают, что государю королевичу на одно Новгородское государство не хаживать до тех пор, пока Владимирское и Московское государства с Новгородским не соединятся. Вам про то давно ведомо, что государю никак на одно Новгородское государство не хаживать, а вы пишете к нам в грамотах, велите промышлять, смотря по тамошнему делу; вы нас этими своими грамотами с государем и его боярами остужаете, а на себя худобу наводите, нам как промышлять, смотря по здешнему делу, мимо вашего наказа и ваших грамот?»

Но если затруднительно было положение Киприана и товарищей его в Выборге, то не менее затруднительно было положение новгородцев. Делагарди вышел из Новгорода, и преемник его, фельдмаршал Еверт Горн, в январе 1614 года объявил новгородцам: «Его королевское величество хочет новгородского государства всяким людям, безо всякого льстивого отсрочения и отбегания, сполна и окончательно мысль свою откровенно объявить: хотите ль вы его королевское величество и его королевских наследников своими прямыми государями и королями иметь и почитать, его королевскому величеству и им прямую покорную верность и послушание свое оказать, присоединиться к шведской короне не как порабощенные, но как особенное государство, подобно тому как Литовское государство соединено с Польским королевством? Королевское величество соизволил, чтоб вы ему и его наследникам, как великому князю Новгородского государства, непременно крест целовали, и если вседержитель бог подаст его королевскому величеству более одного сына, то одному из них быть государем и великим князем на Новгородском государстве; если же бог даст королю только одного наследника, то вы ему и его наследникам таким же образом должны крест целовать, как и нынешнему королю целуете. А если вы при своем упрямстве останетесь и короля не послушаетесь, то знайте: так как королевское величество Новгород мечом взял, когда вы ни под каким прямым государем и властию не были, и вас против ваших недругов оборонял, то он имеет право Новгородское государство за собою и за своими наследниками навеки удержать. Так как вы поддались под оборону его королевского величества и короны шведской, то вам надобно решить, как быть к московским людям, друзьями или врагами, потому что к двоим государям вам вдруг прилепиться нельзя; королевское величество хочет знать, что ему делать». Вслед за тем архимандрит Киприан известил новгородцев, что королевич Филипп уехал из Выборга в Стокгольм.

Долго новгородские начальные люди не отвечали на страшный запрос; наконец после неоднократного повторения его выпросили отсрочку, чтоб о таком великом царственном деле посоветоваться с гостями и земскими людьми и взять у всяких людей о том письмо, за их и за отцов их духовных руками И в самом деле, пятиконецким старостам велено было немедленно спросить во всех улицах и слободах, у гостей, улицких старост, у посадских, жилецких и всяких людей; но вопрос был сделан хитро, не прямо, спрашивали: «Хотят ли целовать крест королю Густаву-Адольфу или хотят остаться при прежней присяге королевичу Филиппу» Разумеется, все отвечали, что остаются при прежней присяге, и начальные люди били челом Густаву-Адольфу, что все люди Новгородского государства помнят свое крестное целованье королевичу Филиппу и за его пресветлейшество везде рады головы свои положить, «о защите же, государь, от недругов, что Новгородское государство оберегать вашему королевскому величеству, в том волен бог да великий государь наш королевич, как его пресветлейшество с вашим королевским величеством о том договорится и утвердится, и нам, подданным холопам его пресветлейшества, о таком великом деле мимо великого государя своего королевича договариваться и укрепляться нельзя, потому что в Новгородском государстве и в нас, холопах своих, волен великий государь наш королевич Бьем челом и молим ваше королевское величество со слезами, чтоб ваше королевское величество по своему природному и благонравному обычаю пожаловали, умилосердились над нами, велели учинить нам, всяких чинов людям Новгородского государства, по утвержденным записям, как договорился и укрепился с Новгородским государством вашего королевского величества боярин и воевода Яков Пунтусович Делагарди святым евангелием с клятвою и утвержденными записями, за руками и за печатями, что Новгородского государства, городов и уездов его под свейскую корону не подводить, а за тех бы, государь, непостоятельных и малодушных людей, которые отъехали из Новгорода к врагам, на нас, которые по своему крестному целованию верно служим, опалы и гнева не положить; те люди отъезжали из Великого Новгорода не с нашего ведома и думы; вашему королевскому величеству ведомо, что и в иных окрестных государствах изменники бывают же, и которые верные и справедливые люди, и те от государей своих не отстают и служат верно; а Владимирского и Московского государства люди сделали так не с нашего же совета. мы с ними о таком непостоятельстве не ссылались, и вперед ни о каком неприязненном деле ссылаться не станем, держимся во всем верно государя своего королевича, пресветлейшего и высокорожденного великого князя Карлуса-Филиппа Карлусовича».

Но вовсе не с такою покорностию отвечали новгородцы Эверту Горну, когда тот настаивал на присяге королю, утверждая, что королевич Филипп отказался от новгородского престола: упомянув о договоре, заключенном между ними и Делагарди, новгородцы продолжали: «После этого утверждения честные обители и святые божии церкви от немецких ратных людей разорены и разграблены, святые иконы поруганы, расколоты и пожжены, многие мощи святых из гробов выметаны и поруганы, колокола из многих монастырей и церквей, городовой большой наряд и всякий вывезен в Свейское государство, и около Новгорода литовские люди, которые служат здесь королевскому величеству, уездных людей и крестьян жгут и мучат и насмерть побивают, на правеже от ваших приказных людей в налогах без сыску иные насмерть побиты, иные повесились и в воду пометались, иные изувечены и до сих пор лежат. А мы, всяких чинов люди Новгородского государства, по своему крестному целованию и утвержденным записям, во всем стояли крепко и вперед также стоять хотим за государя своего королевича непоколебимо и отдали на подмогу немецким людям все до последней деньги, оттого стали в конечной скудости и многие разбежались розно, а что для нашего греха, государь наш королевич в Новгородское государство походу своего не пожаловал, не учинил, и в том воля его пресветлейшества, где он великий государь наш в своей отчине произволит быть, только мы, холопы его, по своему крестному целованью, его пресветлейшества держимся и служить хотим верно Вы говорите, что нам от его королевского величества и от окрестных государей бессловесными и неблагодарными загосками (кукушками) слыть и гонимым быть; но мы утешаемся христовым словом; блажени изгнани правды ради, яко тех есть царство небесное. И теперь нам мимо государя своего королевича и мимо прежней нашей записи вельможному королю и его наследникам свейским королям креста целовать нельзя и под свейскою короною быть не хотим; хотя бы и помереть пришлось за свое крестное целование, не хотим слыть крестопреступниками, а если над нами что и сделаете за прямое наше крестное целованье, в том нам судья общий наш содетель». В то же время князь Никифор Мещерский, согласясь с немногими людьми, пришел к Хутынь монастырь к архимандриту Киприану и объявил, что надобно умереть за православную веру, а королю креста не целовать, Киприан благословил их пострадать за веру; тогда Мещерский с товарищами пошел к Горну и отказал ему впрямь: «Вы хотите души наши погубить, а нам от Московского царства не отлучаться и королю креста не целовать» Горн велел всех их рассадить за крепкую стражу и приступил к остальным новгородцам, чтоб дали решительный ответ. Для продления

времени они били ему челом, чтоб позволил обослаться с Московским государством, напомнить боярам их прежнее обещание, и если они не послушаются, то новгородцы поцелуют крест королю. Горн согласился, и отправлены были в Москву хутынский архимандрит Киприан, дворяне — Яков Боборыкин и Матвей Муравьев. Послы явились к боярам и били челом о своих винах, что неволею целовали крест королевичу, а теперь хотят просить у государя, чтоб он вступился за Новгородское государство и не дал бы остальным беднякам погибнуть. Бояре донесли государю о новгородском челобитье; Михаил допустил послов к себе и велел дать им две грамоты: одну явную к митрополиту и ко всему Новгородскому государству, в ней бояре сурово отвечали новгородцам, называли их изменниками за совет покориться шведскому королевичу; другая грамота была тайная: в ней государь писал к митрополиту и ко всем людям, что он вины им все отдал. Послы возвратились, объявили ответ боярский, но тайно роздали списки с милостивой государевой грамоты. Однако тайна была открыта: думный дьяк Петр Третьяков уведомил Горна из Москвы о милостивой грамоте. Горн принялся за послов, особенно потерпел много Киприан: его били на правеже до полусмерти, морили голодом и холодом.

Между тем шли военные действия: еще в марте 1613 года собор писал новоизбранному царю, что псковские воеводы, князь Хованский и Вельяминов, просят помощи против шведов, которые беспрестанно грозятся прийти под Псков из Новгорода; собор отправил к ним несколько казачьих атаманов. Но шведы осадили не Псков, а Тихвин и побили русский отряд, высланный на помощь к городу под начальством Исаака Сумбулова; государь отправил на выручку другой отряд под начальством Федора Плещеева, но в Устюжне Плещеев узнал, что тихвинцы с воеводами князем Семеном Прозоровским и Леонтьем Воронцовым-Вельяминовым отбили шведов и наряд у них взяли. В сентябре 1613 года решили действовать наступательно против Новгорода и отправили под него боярина князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого и окольничего князя Данилу Ивановича Мезецкого; к ним в сход велено было идти стольнику Василию Ивановичу Бутурлину с полками, собранными в Ярославле. Воеводы стали в Бронницах, но не сумели выбрать места; и здесь в стане у Трубецкого повторились те же явления, какие мы видели в его подмосковном стане: было у них в рати нестроение великое, говорит летописец, грабежи от козаков и от всяких людей. Делагарди осадил воевод, сделался голод. Трубецкой с товарищами прислали к государю бить челом от имени ратных людей, что стала им от немецких людей теснота. Государь велел им от Бронниц отойти к Торжку; при этом отступлении потеряно было много людей, воеводы едва ушли пешком.

Густав-Адольф сам явился в русских пределах и осенью 1614 года овладел Гдовом после двух приступов, но возвратился в Швецию с намерением начать военные действия в будущем году осадой Пскова, если до тех пор русские не согласятся на выгодный для Швеции мир. Король действительно желал этого мира, не видя никакой выгоды для Швеции делать новые завоевания в России и даже удерживать все уже сделанные завоевания: так, он не желал удерживать Новгород, нерасположение жителей которого к шведскому подданству он хорошо знал: «Этот гордый народ, — писал он о русских, — питает закоренелую ненависть ко всем чуждым народам». Делагарди получил от него приказание: в случае нужды, если русские будут осиливать, бросить Новгород, разоривши его: «Я гораздо больше забочусь, — писал король,— о вас и о наших добрых солдатах, чем о новгородцах». Причины, побудившие шведское правительство к миру с Москвою, высказаны в письме канцлера Оксенштирна к Горну: «Хотя у нас, — пишет Оксенштирн, — до сих пор и не обнаруживались внутренние раздоры и смуты, однако есть семена, из которых много их может родиться. Из соседей наших большая часть открытые враги, остальные неверные друзья; много у нас долгов, денег мало; во время войны поправиться нам нельзя. Король польский без крайней необходимости не откажется от прав своих на шведский престол, а наш государь не может заключить мира, прежде чем Сигизмунд признает его королем шведским: следовательно, с Польшею нечего надеяться крепкого мира или перемирия. Вести же войну в одно время и с Польшею и с Москвою не только неразумно, но и просто невозможно, во-первых, по причине могущества этих врагов, если они соединятся вместе, во-вторых, по причине датчанина, который постоянно на нашей шее. Итак, по моему мнению, надобно стараться всеми силами, чтоб заключить мир, дружбу и союз с Москвою на выгодных условиях. Москву должно привлекать к миру частию словами и письмами, частию побуждать ее оружием, сколько хватит у нас на это казны». Так и действительно поступал Густав Адольф: с одной стороны, он *задирал* московское правительство о мире, другие государства о посредничестве, с другой — продолжал военные действия.

30 июля 1615 года Густав-Адольф осадил Псков, где воеводами были боярин Василий Петрович Морозов и Федор Бутурлин. У короля было 16 000 войска, в числе которого находились и русские черкасы. Первая сшибка с осажденными кончилась для шведов большою неудачею: они потеряли Еверта Горна в числе убитых. 15 августа неприятель подошел к Варламским воротам и, по совершении богослужения, начал копать рвы, ставить туры, плетни, дворы и

городки малые, а подальше устроили большой город дерновый, где стоял сам король; всех городов было больше десяти, и два моста было наведено на Великой реке. Три дня с трех мест били шведы по городу, пустили 700 огненных ядер, а другим чугунным числа нет, но Псков не сдавался. 9 октября шведы повели приступ, но и он не удался. А между тем Джон Мерик хлопотал о мире; положено было решить дело на съезде уполномоченных с обеих сторон, с шведской стороны назначены были Клос Флеминг, Генрих Горн, Яков Делагарди и Монс Мартензон, с русской — князь Данила Мезецкий и Алексей Зюзин. Будучи в Осташкове, русские уполномоченные получили от Мерика из Новгорода известие что Густав-Адольф осадил Псков; Мерик писал: «Король в грамоте своей ко мне верно и крепко обет дал, что никакого утесненья городу Пскову не сделает, пока не узнает, что от вас, великих послов, на съезде в нынешних делах отродится; а теперь он, король, обет нарушил к своему бесчестью и к неверке, а тот его лист у меня за его рукою и печатью, и сколько я у них ни был, правды мало находил». Русские послы хлопотали, чтоб еще больше рассердить Мерика на шведов, указывали ему, что шведы в своих грамотах не величают его, как должно; Мерик отвечал на это: «Вы, господа, великие послы, мне объявляете, что свейские послы меня не по достоинству пишут: я это себе ни во что ставлю, честь мне дана от великого моего государя, а им того у меня не отнять, и не дивлюсь я, господа, тому, что они так пишут, им на меня не любо: как им случится говорить про царское величество и про вас, великих послов, и про нынешнее дело непригоже, то я их встречаю прямою правдою, и самому королю в том я не молчал, так ему за то на меня и не любо стало; но я знаю, от кого я послан, и не постыжусь правду говорить. Они показывают вид, будто радеют о нынешнем добром деле: как бог принесет нас к съезжему месту, то их раденье объявится; а мое раденье и промысел бог видит, на этом свете ничего больше не желаю, как только чтоб это дело к доброму концу пришло».

Началась предварительная переписка между уполномоченными, из которых русские люди жили в Осташкове, а шведские в Новгороде, пошли споры о титулах: шведы писали Михаила только великим князем и сердились, зачем он называется лифляндским и новгородским; они писали Мезецкому и Зюзину: «Даем вам знать, что вы наполнены прежнею спесью и не подумаете, каков наш король родством против вашего великого князя: наш король прирожденный королевский сын, а ваш великий князь не царский сын и не наследник Российскому государству; тотчас после смерти царя Федора не посадили его на престол, а после Дмитриевой смерти взяли Василия Ивановича Шуйского, потом коро-

левича польского» На это русские послы отвечали бранью, приводили примеры из священной и римской истории, что бог избирал царей славных не от царского корня, писали, что все русские люди от мала до велика за честь государству готовы против шведов стоять и мстить, «а не так, как у вас делается в Свее: половина государю вашему доброхотает, а другая — польскому Жигимонту королю, а иные арцуку (герцогу) Ягану. И вы такие непригожие воровские слова про помазанников божиих оставьте». Шведские послы получили эту грамоту уже на дороге из Новгорода к съезжему месту, рассердились и объявили Мерику, что дальше не поедут; Мерик писал Мезецкому, что никакими мерами и разговорами их унять нельзя. Наконец он их унял, и уговорились: быть съезду в поместье Хвостова, в сельце Дедерине, где стоять английскому послу; царским послам стоять на Песках, а шведским в Селищах; съезжаться у английского посла. Явились еще посредники: голландские послы Рейнгоут Фан Бредереде, Дирк Бас, Альбрехт Иоахим и Антон Гетеерис, последний оставил нам описание этого посольства, замечательное для нас по изображению тогдашнего состояния Московского государства. На пути из Ревеля в Новгород послы должны были проезжать через страну, опустошенную козаками, нигде не находили селений, почти всегда должны были ночевать в лесу, иногда только, по счастию, отыскивали где-нибудь полуразрушенный монастырь. Из Новгорода отправились они в Старую Русу, которую нашли в самом жалком положении. Но все претерпенные ими до сих пор затруднения и неприятности были ничтожны в сравнении с теми, какие они должны были выносить на пути из Старой Русы: несколько раз подламывался под ними лед на реке (это было в ноябре), люди и вещи падали в воду, и, чтоб высушиться, надобно было зажигать на берегу опустелые избы. Ночевали в опустошенных деревнях; чтоб войти в избу, должно было прежде вытаскать из нее трупы прежних ее жителей, побитых козаками; но отвратительный запах выгонял голландцев из избы, и они должны были ночевать на морозе. Мерику очень не понравился приезд этих новых посредников; сначала он наговаривал русским послам и царю, что голландцы приехали не для того, чтоб радеть Москве, но потом объявил, что они будут с ним вместе и будут ему во всем послушны Царь в своей грамоте к Мерику настаивал на то, что Густав-Адольф, не сдержав своего обещания, не слушая представления его, Мерика, обесчестил Якуба короля; царь упрашивал Ивана Ульяновича (Мерика), чтоб он шведам их неправды выговаривал и побуждал их к доброму делу

Дедеринские переговоры начались 4 января 1616 г., начались спором, потому что шведские послы назвали Густава-

Адольфа корельским и представляли, что Корела была отдана шведам еще при Шуйском; это, разумеется, повело к спору о том, имеют ли право шведы удерживать уступку Шуйского после поведения их под Клушином. Шведы жаловались на Шуйского, что он не платил им выговоренных денег, выставляли свои заслуги в битвах против литвы и тушинцев. Русские возражали, что против литвы воевали не один Делагарди и немецкие люди, больше было в то время с князем Михаилом Васильевичем русских людей и промысл весь был князя Михаила. Делагарди отвечал на это: «Вы говорите, что не одним мною и шведскими людьми города очищались и польских людей побивали, а были с князем Михаилом Васильевичем многие русские рати, так скажите нам, которых городов дворяне и дети боярские с князем Михаилом Васильевичем были?» *Мезецкий:* было князю Михаилу с кем города очищать и с польскими людьми биться: были стряпчие, стольники и дворяне из городов, новгородцы, смольняне, дорогобужане, вязмичи и иных городов дворяне. *Делагарди:* с князем Михаилом было 15 человек дворян; когда смольняне пришли в Тверь, то я начал биться с литвою, а смольняне и других городов дворяне побежали. Шведы одни пошли к Колязину, разбили литву, завладели Александровской слободой, выручили этим Москву. *Мезецкий:* при Колязине шведов было немного, и князь Михаил Васильевич платил им хорошо, а вор бежал потому, что царь Василий посылал на него воевод своих и бояр. *Делагарди:* назовите хотя кого-нибудь из русских, кто бы ранен был в этих битвах? А за мою службу царь Василий мог бы не только давать наем по договору, но и дарить многими подарками, служил я ему прямо, как своему прирожденному государю. *Мезецкий:* воевали бояре, князь Федор Иванович Мстиславский с товарищи, а кто ранен или убит, как наизусть упомнить? Наемные деньги были нам выплачены, тебя же, Якова, капитанов, ротмистров и дьяка Моншу царь Василий, сверх найму, жаловал из своей царской казны дорогими соболями, запонами, сосудами и платьем да и к государю вашему Карлусу свейскому царь дорогие подарки посылал. А когда царь послал брата своего, князя Дмитрия, и тебя на польских людей под Смоленск, то выплатил тебе сполна вперед за два месяца, и ты тех денег ратным людям не дал, а хотел дать после боя: которых людей побьют, и ты их деньгами хотел корыстоваться, Еверт Горн изменил, и ты, Яков, делал неправдою, отъехал к Жолкевскому и воевал против боярина князя Дмитрия Ивановича Шуйского. *Делагарди:* изменили не шведы, а немцы. Вы нас, чужеземцев, называете изменниками, а где ваша правда? Государя своего с государства ссадили, постригли и в Литву отдали! Когда мы на поляков выходили, то царь Василий призвал меня к себе в комнату,

и я ему говорил, чтоб он велел дать ратным людям наем сполна и этим к службе их приохотил, а только им найму не дать и от них чаять всякого дурна; царь говорил, что деньги за мною вышлет в Можайск, и не прислал; был в то время у царя Василья в комнате дьяк Телепнев, он свидетель. *Мезецкий:* казна отдана была тебе при мне в селе Мышкине перед боем: а хотя и одни немцы изменили, то все же твоя вина, потому что царь Василий во всем верил тебе. А что ты говоришь, что мы государя своего ссадили, то царь Василий сам царство оставил, а потом Жолкевский его постриг; и только бы немецкие люди не изменили, и ты б того не похотел, то тебе было идти к царю Василию в Москву, а не к Новгороду. *Делагарди:* знаю я, что со многими дьяками казна за князем Дмитрием и за мною была прислана и мне ее объявили, только я ею не корыстовался, самого меня ограбили донага, все это сделалось не Горновой изменой и не моею неправдою, а потому что князь Дмитрий пошел из Можайска в самые жаркие дни и шел со всей ратью наспех до Клушина сорок верст, ратные люди и под ними лошади истомились, а иные остались назади; и князь Дмитрий, не дождавшись остальных людей, стал на стану не укрепясь, а знал, что неприятель перед ним. Немецкие люди, которым найму не дали, были шатки, и только бы они все не рассержены были за неплатеж денег, то они бы не изменили. А к царю Василию с того разгрома я не поехал, потому что был ограблен и остался сам-осьм, к князю Дмитрию было приехать не с кем; а с дороги я посылал к царю Василию двух немцев сказать, что, собравшись, опять к нему приду на помощь; царь Василий с этими немцами ко мне писал, чтоб я сбирался в Новгородском уезде, брал там людские и конские кормы и, собравшись, шел бы к нему на помощь; но мне кормов давать не стали. Делагарди сильно рассердил русских послов, сказавши: «Князь Иван Никитич Одоевский и всяких чинов люди крест королевичу Карлу целовали; и вам бы теперь в том своем приговоре устоять и королевича Карла Филиппа на Московское государство принять». Мезецкий отвечал ему: «Что ты за бездельное дело затеваешь? Мы королевича не хотим, да и сам государь ваш к боярам писал, что, кроме московских родов, никого на Московское государство из иноземцев не выбирать, а кого государем выберут, и он, король, с ним будет в дружбе и любви, да и сами вы нам про то объявили; и только вперед станете об этом говорить, то нам не слушать». *Делагарди:* бояре и воеводы били челом о королевиче в Ярославле? *Мезецкий:* говорить об этом непригоже; делалось это без ведома всей земли. — С сердцем русские послы встали из-за стола; *третьи,* т. е. английские и голландские послы, начали говорить: «Дела никакого доброго от вас в зачине не бывало, и вам бы такие безмерные дела

и несходительные слова оставить». Русские и шведы по привычке и в жару спора могли и не чувствовать стужи, сидя в январе месяце в шатре, но сильно чувствовали ее третьи и потому объявили, что вперед в шатрах съезжаться нельзя, предложили съезжаться на квартире английского посла: двор был разгорожен надвое, и положили, чтоб с переднего входа приходили русские, а с заднего — шведские послы; столы и скамьи были поставлены так же, как и в шатре: с большого двора, с приезда, скамьи государевым послам, а от задней стены, против него, — шведским, третьим — столы и скамьи по конец государева стола, против комнатных дверей.

На съезде 5 января русские послы приступили к делу, потребовали от шведов, чтоб они объявили, как их государь приказал о вековечной вотчине великого государя царя, о Новгороде, Старой Русе, Порхове, Ладоге, Иван-городе, Яме, Копорье, Гдове. Делагарди отвечал, что еще не кончены переговоры о главном деле: не только что Новгород с пригородами за королевичем Филиппом, выбран он и на все Владимирское и Московское государства. Мезецкий отвечал, что они об этом ни говорить, ни слушать не хотят: «У нас теперь царем Михаил Феодорович, он учинил у нас мир, покой и соединенье, все великие государи ищут его дружбы и любви, и вам бы непригожие слова о королевиче Филиппе оставить, а мы о нем и слушать не хотим. Вы Новгород взяли обманом; ты, Яков, на чем крест целовал Новгороду, ничего не исправил; бояре королевича не выбирали, а если и было какое письмо к вам от кого-нибудь без совету всей земли, то ему верить было нечего». Говорили послы между собою сердито, с бранью, хотели разъехаться. Третьи уговаривали их, чтоб не сердились; и сказали русским послам: «Мы уговаривали шведских послов не поминать о королевиче, потому что это дело уже минулось, и вперед станем их уговаривать, только они упрямятся». Мезецкий отвечал им: «Как им не стыдно говорить о королевиче Филиппе Карлусовиче, да и вам как не стыдно говорить о нем: присланы вы к великому государю Михаилу Феодоровичу для мирного постановления, а не о королевиче Филиппе говорить; услыша такие несхожие слова и помня государей своих приказ, вы шведским послам о таком деле не молчали бы, что они, оставя великие дела, говорят безделье». Говорил это Мезецкий голландским послам с пенями и с вычетом сердито. Поговорив со шведами, третьи объявили русским, что Делагарди с товарищами не станут говорить о королевиче Филиппе, но чтоб русские уступили королю Новгород с пригородами, которые целовали крест королевичу. Мезецкий отвечал, что они пяди земли из отчины государевой не уступят. Третьи продолжали: «Мы станем говорить шведским послам, чтоб они многие меры оста-

вили, а поискали бы, как привести дело к доброму концу; да и вам бы то же сделать».

Как русских послов сердили речи шведских о королевиче Филиппе, так шведских сердило требование русских, чтоб король уступил царю Лифляндию. На съезде 7 января, услыхав это требование, шведы встали из-за стола и сказали: «Если б мы знали, что вы и теперь про лифляндские города будете поминать, то мы бы и на съезд не поехали, то и был бы у нас разрыв». Третьи уняли их; шведы опять уселись и опять начали говорить о королевиче Филиппе; русские попрежнему рассердились; наконец шведы обещались не говорить о королевиче, и начались толки об уступке земель. Русские требовали возвращения лифляндских городов и Новгорода, потому что все это изначала отчина великих государей российских; шведы отвечали: «Не только что Лифляндская земля отчина государя вашего, но и Новгородом недавно вы начали владеть, а Лифляндскою землею московские государи завладели неправдою, и за то бог им месть воздал...» *Русские:* Лифляндия за нами от прародителей государей наших, от государя Георгия Ярослава Владимировича, который построил Юрьев Ливонский в свое имя; а Новгородское государство было за российскими государями во времена Рюрика и ни за кем, кроме российских царей, не бывало. *Шведы:* видали ль вы Юрьев Ливонский? Ливонских городов вам за государем своим не видать, как ушей своих. *Русские:* вы так говорите, снимая помощь с бога; а мы, прося у бога милости, будем доискиваться своего; не отдадите без крови — отдадите с кровью. *Шведы:* оставьте говорить высокие слова: Лисовский не бог знает кто, обычный человек, и тот с невеликими людьми прошел все Московское государство; рати ваши, русские и татарские, мы знаем. *Русские:* вы наши рати знаете, а помните, как ваш государь нашему государю Феодору Ивановичу отдал города Иван-город, Копорье и другие, и когда государь наш велел стрелять по Ругодиву (Нарве), то немцы ваши все тотчас замахали с города шляпами и били челом, чтоб государь кровь их пролить не велел; а когда государь послал князя Федора Ивановича Мстиславского, то помните, какая была от наших людей в вашей земле война и плен! И нигде тогда нашим людям ваши люди противны не были: так государю вашему надобно того остерегаться: в правде всякому бог помогает, а не в правде сокрушает». Третьи прекратили этот спор: «С обеих сторон, — говорили они, — надобно доброго дела искать, чтоб ближе к миру и покою, а в таких великих спорных словах доброго дела не будет...» Но спор не прекратился: Делагарди начал толковать, что царь Василий не выплатил шведам денег; русские послы возражали ему, что деньги были заплачены, и если б Делагарди не изменил при Клушине, то поляки не овладели бы

царскою казною. Делагарди отвечал: «Эти вам убытки от самих себя; и теперь если подружитесь с поляками и возьмете на нас литовских людей тысяч с десять или двенадцать, то они у вас опять Москву отнимут». Русские говорили: «Что вы нам польских людей в дружбу причитаете?»; называли Делагарди изменником и спрашивали, зачем он после Клушинской битвы не шел в Москву к царю Василию. Делагарди отвечал: «Там бы и меня постригли с ним вместе».

Наконец повели дело об уступке городов; русские послы говорили Мерику, можно ли ему заговорить Якову Делагарди, чтоб теперь государю города все отдал и очистил вскоре, а после захочет выехать на государево имя, то государь его пожалует, велит дать ему город или место великое в вотчину и велит жить ему на покое, как захочет, да, сверх того, пожалует, чего у него и на мысли нет. Мерик отклонил от себя это поручение, отвечал, что не смеет в этом положиться на Якова. Шведы уступали все занятые ими места, кроме Корелы, и за уступленное требовали 40 бочек золота, а в бочке по 100 000 цесарских ефимков; если же государь денег дать не захочет, то пусть уступит Иван-город, Орешек, Яму, Копорье и Сумерскую волость. Русские отдавали Корелу и 70 000 рублей, потом надбавили до 100 000. Дело протянулось за половину февраля, приблизилось время распутицы, шведы объявили, что им есть нечего и потому уезжают. 22 февраля заключили перемирие от этого числа до 31 мая, чтоб в это время между обоими государствами войне и задорам никаким не быть, а к 31 мая съехаться великим послам между Тихвином и Ладогою.

По истечении срока московские послы, те же самые, что были в Дедерине, отправились в Тихвин, шведские жили в Ладоге, третьим был теперь один Мерик, потому что голландцы не явились. Послы пересылались грамотами и гонцами с 12 июня до 18 сентября, русские звали шведов на съезд, но те не ехали и объявили Мерику: если им не будет окончательного ответа на статьи их, заданные в Дедерине, то они на съезд не поедут. 25 сентября Мерик поехал в Ладогу к шведским послам: по наказу он должен был уступить Иван-город, Ямы, Копорье и придачу 100 000 денег, но крепко стоять за Орешек и за погосты, которые по сю сторону Невы, заневские же погосты и Сумерскую волость мог уступить; если шведы никак не согласятся отдать Орешек, то за него пусть дадут Копорье и четыре погоста, которые по сю сторону Невы, да Сумерскую волость; в крайности требовать только Сумерской волости и четырех погостов, хлопотать о мире, чтобы шведы не исполнили своей угрозы, не разорили св. Софии, и новгородцы не целовали креста королю с великой бедности; наконец Мерику позволено было за Сумерскую волость и четыре погоста дать 100 000 рублей. Шведы не со-

глашались, а между тем царь писал своим послам: «С шведскими послами никак ни зачем не разрывать, ссылайтесь с ними тайно, царским жалованьем их обнадеживайте, сулите и дайте что-нибудь, чтоб они доброхотали, делайте, не мешкая, для литовского дела и для истомы ратных людей, ни под каким видом не разорвите». С другой стороны приходили вести, что приступ русских к шведскому острожку под Псковом не удался, что в Новгороде утесненье от толмача Ирика Андреева, от Гриши Собакина и от Томилки Присталцова, правежи великие: кто, не перетерпя правежа, крест поцелует королю, на тех не правят ничего, а ссылают с женами и детьми в Иван-город, ивангородцы же королю прямо крест целовали и на них не правят ничего, а новгородцам всем, не перетерпя муки, целовать крест королю. Мерик предлагал шведам поделиться: два погоста по сю сторону Невы им, а два — русским, которые заплатят за них 10 000 рублей; но шведам нужна была вся Нева, и потому они не соглашались или требовали невозможного — за два погоста 100 000 рублей. Наконец Мерик договорился: в царскую сторону — Новгород, Руса, Порхов, Гдов, Ладога со всем уездом и Сумерская волость; в королевскую сторону — Иван-город, Ямы, Копорье, Орешек со всем уездом и 20 000 рублей денег; Гдов, Ладога и Сумерская волость останутся за шведами до тех пор, пока города размежуют и государи закрепят договор крестным целованьем.

Порешивши на этом с Мериком, шведские послы в конце декабря приехали на съезд в назначенное место, которым было на этот раз Столбово. Но и тут начались споры: русские послы требовали, чтоб шведы не брали городов в заклад до утверждения мира, шведы не соглашались. В это время к московским послам явились пятиконецкие старосты новгородские тайно и били челом со слезами, что в Новгороде жилецких всяких людей немцы в солдатских кормах и подводах побивают на смерть, а откупиться им уже нечем; только дело продлится, и они думают, что шведы примутся за Софийскую казну и за церковное строенье: так им бы, государевым послам, со шведскими послами мирное постановленье совершить поскорее, и пока договор станется, послы дали бы им государевой казны на выкуп, чем им откупиться от правежей хотя на полмесяца, и как царскому величеству бог очистит великий Новгород, то они государю те деньги заплатят; а только у государевых послов с шведскими дело продлится, то им поневоле идти в королевскую сторону. Послы отвечали, чтоб они попомнили бога и свои души: хотя им от немцев в солдатских кормах и иных податях какое утесненье и есть, то им бы малое время потерпеть и многолетнего своего терпения и мучения одним часом не потерять; а они, послы, станут говорить английскому послу, чтоб уговорил

шведов Новгороду утесненья не делать. Кончились споры о закладных городах; русские послы стали требовать, чтоб из уступленных шведам городов было отпущено духовенство; шведы соглашались выпустить только монахов, а не белых священников, ибо в таком случае останутся у них только одни стены: русским людям как без отцов духовных быть? Русские послы настаивали, чтоб внесено было условие: Москве и Швеции на польского короля стоять заодно, но шведы не согласились. Осталось еще два затруднения: шведские послы требовали, чтоб королю их писаться ижерским и чтоб для окончательного скрепления договора царь отправил своих послов к английскому королю, который должен к договору приложить свою руку и привесить печать; русские никак на это не соглашались, а шведы без этого не хотели съезжаться и грозились уехать в Ладогу. Наконец 19 февраля 1617 года шведы согласились не требовать ручательства английского короля и написать договор с короткими титулами, с условием, однако, что если государи пожелают внести в договорную грамоту полные титулы, то в титуле шведского короля будет название: ижерский. 27 февраля написан был договор вечного мира: шведы обязались отдать и очистить Великий Новгород, Старую Русу, Порхов с их уездами и Сумерскую волость, в присутствии Мерика или назначенных от него дворян, две недели спустя после того, как договор будет утвержден великими послами; три недели спустя будет отдана и очищена Ладога с уездом, причем шведы обязаны никаких русских людей не выводить, насильства им и грабежа не чинить и наряду не вывозить, а Гдову с уездом и людьми побыть в стороне короля Густава-Адольфа на время, пока договор будет утвержден королевскою клятвою и царским крестным целованьем, межи уложены и прямо размежеваны будут и послы от обоих государей с добрым довершенным делом назад до рубежа дойдут. Всем монахам с их имением, также всем дворянам, детям боярским и посадским людям с женами, детьми, домочадцами и всем имением вольно выходить в царского величества сторону в продолжение двух недель от утверждения договора в Столбове, но все уездные попы и пашенные люди в уступленных королю городах и уездах должны остаться и жить под Свейскою короною, равно те дворяне, дети боярские и посадские люди, которые не выйдут в продолжение двух недель. Королю Густаву Адолфу взять у царя Михаила Феодоровича 20 000 рублей деньгами готовыми, добрыми, ходячими, безобманными серебряными новгородскими; тотчас как скоро мирное постановление между послами совершится, деньги эти отдаст шведским послам великий посол короля английского Джон Мерик. Пушки, воинский запас, колокола и все другое, что вывезено из русских городов, взятых королем до 20 ноября,

остается за шведами; но тот наряд, который теперь в городах, возвращенных царю, там и остается. Для размежевания границ к 1 июня 1617 года должны съехаться полномочные послы, по три человека с обеих сторон, между Орешком и Ладогою, на устье реки Лавуи в Ладожское озеро, на этой реке среди моста, а к 1 июля съехаться другим послам на рубеже между Корельским уездом Соломенского погоста и Новгородского уезда Олонецкого погоста, у Ладожского озера; этим межевальным послам прежде дружного окончания дела не разъезжаться. Царь Михаил Феодорович отказывается от всякого права на Лифляндскую землю и Корелу и от титула в пользу шведского короля и его потомков. Торговля должна быть вольная и беспомешная между обоими государствами всюду; шведские купцы получают прежние дворы свои в Новгороде, Москве и Пскове, где вольно им отправлять свое богослужение в хоромах, а церквей по своей вере не ставить; русским же купцам отдается их двор в Колывани, также даются им дворы в Стокгольме и Выборге; в этих городах они отправляют свое богослужение в хоромах, а в Колывани имеют церковь, как исстари было. Старые долги купцам с обеих сторон выплачиваются. Послам, посланникам и гонцам шведским вольно через земли Московского государства ездить в Персию, Турцию, Крым и другие страны, которые в мире с царским величеством, но торговых людей с товарами с собою не возить; также русским послам, посланникам и гонцам вольно ездить через Швецию к Римскому царству, в Великую Британию, во Французское королевство, в Испанию, Датскую, Голландскую и Нидерландскую земли и другие страны, которые с королем в мире, а торговых людей с товарами не возить. Все пленники с обеих сторон освобождаются на рубеже без всякого окупа; которые же захотят добровольно остаться, таким воля. С обеих сторон подданных не подзывать и не подговаривать; перебежчиков выдавать. Из-за порубежных ссор и досадительств мира не нарушать, ссоры эти решаются на рубеже тамошними воеводами, а которые поважнее, отсрочиваются до посольского съезда К 1 числу будущего июня на прямом рубежном разделении, между Орешком и Ладогою, на реке Лавуе съехаться великим полномочным послам обоих государств, показать и дать прочитать друг другу подтвержденные грамоты, потом взять друг у друга прямые с них списки, а подлинные отдать назад и идти шведским послам в Москву, а московским — в Стокгольм для окончательного подтверждения. Если корабли или суда подданных обоих государств разобьет бурею и принесет к берегу или Соленого моря, или Ладожского озера, то их отпускать без замешки со всем имением, которое сберегут, а прибрежным людям им помогать и беречь их имение. Королю польскому и его сыну

друг на друга не помогать и другими государями не умышлять и не подыскивать.

5 марта великие послы прислали в Новгород царскую грамоту с известием о заключении мира: царь писал, что «отторженную искони вечную нашу отчизну Великий Новгород со всеми вами православными христианами опять нам великому прирожденному христианскому государю в руки бог дал: шведский король ее нам отдал, а вас милосердый бог от таких нестерпимых бед и от иноверцев тем нашим царским о вас многим промыслом и беспрестанным попечением освободил и вместо скорбей, бед и зол благое, полезное и радостное вам подает, что уже и сами видите подлинно. И вы бы, видя такую неизреченную милость божию и наше царское к себе призрение, молили бога о нашем здравии, об отце нашем и матери и о всем государстве, и нашего царского жалованья ожидали к себе с радостию; а пока отчину нашу Великий Новгород очистят и шведских людей выведут, вы бы стояли крепко и мужественно. Ты бы, богомолец наш, митрополит, и весь духовный чин, православных христиан утверждали, чтоб жили в Новгороде, на нашу царскую милость были надежны, шведским людям не передавались и в сторону не ходили: мы во всем всех жаловать и льготить хотим, и деньги, что дать за вас за всех шведским послам, мы собрали и к великим послам прислали, и ни за чем уже нашему делу на съезде замедленья не будет. А которые русские люди немецким людям прямили и на русских людей посягали или у которых дворян и детей боярских поместья и вотчины в тех городах, которые остались за шведским, или вновь кому шведский король или Яков Пунтусов в тех городах или в своих поместья и вотчины подавал, вы бы и тех уговаривали и нашим жалованьем обнадеживали, чтоб они попомнили православную веру и нас, природного христианского государя, родителей своих гробы и свою природу, к иноверцам немецким людям не приставали, были на нашу милость надежны и своей бы братьи, православных христиан, не смущали, того бы греха на свои души не брали, к немцам никого не перезывали и сами из Новгорода в Колывань и в другие города, которые остаются за шведскими, жить не ходили, всякую боязнь нашей царской опалы оставили: если чья и вина была, то мы ни на ком не поищем, все вины покроем нашим царским милосердием, тем дворянам и детям боярским, у которых поместья и вотчины в шведских городах, пожалуем за них поместья и вотчины в наших городах и, сверх того, станем их жаловать нашим царским жалованьем. Сами мы знаем подлинно, кто что ни делал, делал от боязни немецких людей, боясь смертного убийства, грабежа и разоренья: были в их руках, то как было воли их не творить и им не служить? Никто б ни в чем нашей опалы не

опасался, все бы, от мала до велика, были на нашу царскую милость надежны; мы Великий Новгород от неверных для того освободили, чтоб вас всех, православных христиан, видеть в нашем царском жалованье по-прежнему, а не для того, чтоб наши царские опалы на кого-нибудь класть. Ни на какую прелесть шведских людей вам бы не прельщаться: теперь в чем-нибудь поманят, посулят или дадут, чтоб от нашей царской милости отвести и в свои города под свою власть привести; но вперед от них всякого лиха и насильств не миновать, сами вы все это знаете. Да кроме того, за отступление от истинной христианской веры и от нас, прирожденного государя своего, от своей единокровной братьи и прародительских гробов, душами своими от бога навеки погибнуть, и хотя после в раскаяние и придут, но помощи себе никакой уже не получат».

Через две недели по заключении договора Новгород был очищен, и 14 марта великие послы, Мезецкий и Зюзин, вошли в него с чудотворною иконою богородицы, взятой из Хутыня монастыря; за полверсты от города икону встретил митрополит Исидор с крестным ходом и со всем народом, с великим слезным рыданием и радостию; когда вошли все в Софийский собор, то послы митрополиту и всем людям государево милостивое слово сказали, о здоровье их от государя спрашивали и подали грамоту, в которой государь писал: «О вас, богомольце нашем Исидоре митрополите, слышали мы от истинных сказателей, о вашем благоподвизательном страдании и о исправительном словесному стаду пастырстве, как вы за православную веру и за христианские души много раз многоболезненными постами и страданиями подвизались, многие ереси и неправды обличали, христианские души к свету благоразумия наставляли: многие христианские души, отпадшие от православной веры, которых насильники германского рода приводили к крестному целованию на королевское имя, прочих же в свою землю идти прельщали и понуждали, ты, добрый пастырь, со всем освященным чином, простерши духовную мрежу, уловили в нетленное благоразумие, многих своим учительством и наказанием душевно освободили, и это ваше о христианских душах многое попечение и усердие и страдание не будет забвенно пред богом. А вас, дворян, дьяков, детей боярских, гостей и всяких людей Новгородского государства, за ваши терпенья и скорби хотим жаловать, всякого по достоинству; вас, гостей, торговых, посадских и уездных людей, льготить во всем хотим, смотря по вашему разоренью и бедности. А которые люди, будучи у свейских людей, им доброхотали и служили и во всем были им покорны, и волю их говорили волею и неволею, и тех по нашему царскому милостивому нраву жаловать хотим, никто бы

ничего от нас не опасался; как было, будучи у свейских людей в руках, воли их не творить?»

За новгородскую службу, что немецкие послы Новгород отдали, государь пожаловал князю Мезецкому боярство, Зюзину — окольничество из дворян. Оставалось трудное дело — удовлетворить *третьего,* англичанина Мерика, за его труды при заключении мира. Боярин Федор Иванович Шереметев, назначенный быть с ним в ответе, говорил ему от имени государя: «Ты, князь Иван, по наказу брата нашего любительного Якуба короля, будучи на съезде, нам, великому государю, служил, о наших делах радел и промышлял и с нашими послами советовал, как бы нашему царскому имени было к чести и к повышенью, и мы брату нашему любительному за ту его любовь и дружбу будем нашею царскою любовию и дружбою также воздавать, как нашему царскому величеству будет возможно. А тебя за твою службу и раденье похваляем и нашим жалованьем жаловать тебя хотим против твоей к нам службы и к брату нашему любительному о той твоей службе и раденье отпишем и вперед ту твою службу и раденье учиним памятными вовеки». Мерик возобновил прежнюю просьбу, чтоб позволено было английским купцам ездить Волгою в Персию. Шереметев отвечал: «Наши русские торговые люди оскудели, теперь они у Архангельска покупают у англичан товары, сукна, возят их в Астрахань и продают там кизиль-башам (персиянам), меняют на их товары, отчего им прибыль и казне прибыль; а станут англичане прямо ездить в Персию, то они у Архангельска русским людям продавать своих товаров не будут, повезут их прямо в Персию, и кизиль-баши с своими товарами в Астрахань ездить не станут, будут торговать с англичанами у себя. Да и потому нельзя: шах за Иверскую землю на государя досадует, и в тех местах, через которые надобно проходить в Персию, война — воюет персидский с турецким; да и по Волге проезд страшен, кочуют Большие ногаи; и это дело надобно теперь отложить до другого времени, пока государь с польским королем управится, Московское государство от многих убытков поисправится, и у шаха с государем, а у турского с шахом мир станет».

Мерик возражал, что русским торговым людям будет прибыль, захотят с английскими торговыми людьми торговать сообща, то англичане государевых людей станут ссужать товаром, смотря по людям и по промыслам, на тысячу, две, шесть тысяч и больше без росту; которыми товарами государевы люди станут торговать с персидскими людьми, теми товарами англичане торговать не будут; известное дело, где больше съезду торговым людям, тут больше товаров и таможенных пошлин, и все дешевле: ведь из Английской земли ходить в Персию, а из Персии в Английскую землю государа-

ревою землею Бояре говорят, что путь страшен, но английские купцы скоро не сберутся, пройдет год, другой, и пойдут, когда государь прикажет, только бы государь дал теперь жалованную грамоту. Бояре отвечали, что англичане русским людям своих товаров продавать не станут, а хотя и станут, то цену положат вдвое или втрое; отговаривали бояре всякими мерами, но отговорить не могли; спросили о подробностях, как будут торговать англичане с Персиею, и Мерик обещал прислать все на письме.

Потом князь Иван Ульянович стал просить позволения отыскать Обью рекою ходу в Индию и Китай. Бояре отвечали, что Сибирь далеко, до первых городов с полгода ходу и то зимою; сами туземцы не знают, откуда Обь река вышла и куда вошла, сторона та самая студеная, больше двух месяцев тепла никак не живет, а на Оби всегда лед ходит, никакими судами пройти нельзя, а вверх по Оби, где потеплее, там многие кочевые орды; про Китайское государство сказывают, что не великое и не богатое, добиваться к нему нечего. Государь из дружбы к Якубу королю пошлет в сибирские города нарочно к воеводам, велит проведать, откуда Обь река вышла, куда пошла, в какое море, какими судами можно по ней ходить, какие орды у верховья Оби, какие реки в нее впали, где Китайское государство и как богато, есть ли чего добиваться, а теперь, не зная про то подлинно, как о том говорить и делать? Бояре и по этому делу спрашивали подробностей, как англичане будут в Индию ходить? Мерик обещал отвечать на письме. На просьбу его дать лопарей в Новую землю государь согласился. Потом Мерик просил, чтоб смолу не отпускали за море никуда, даже и в Англию, потому что от вывоза смола вздорожала и англичанам в судовой поделке убытки большие: просил позволения англичанам брать алебастр, находящийся в 150 верстах от Холмогор; просил, чтоб между прочими иноземцами не ссылали в Казань некоторых англичан; на это бояре отвечали ему, что их ссылают не в опале, а потому что в Москве дороговизна большая, а в Казани все дешево, и им там будет жить гораздо удобнее. Мерик бил челом также, чтоб отпустили домой английского дворянина Астона, который болен от ран, и на его место будет служить сын его; бояре отвечали, что издавна повелось из государевой службы никого не отпускать, а здесь князь Артемий Астон пожалован всем по его достоинству; Мерик бил челом, чтоб отпустили по крайней мере жену его, потому что у них уже больше детей не будет; бояре отвечали: неслыхано, чтоб мужа с женой развести. Наконец Мерик бил челом на голландского посланника, Исака Аврамова: приходил на английский двор брат Исака Аврамова торговать сукна, слово за слово с англичанами разбранился и в той брани непригожее слово молвил про государя их Якуба

короля, применил его к себе, сказал: «Король ваш все равно, что я: и он человек, и я человек». Ему, князю Ивану, за великую кручину, что такой мужик про такого великого государя такое непригожее слово молвил, только бы такое слово он молвил в их земле, то никак бы виселицы не избыл. Бояре отвечали: царскому величеству о том известно, царское величество о том кручинился, пришел он в большой гнев, что такой мужик, неведомо кто, про такого великого государя такое непригожее слово говорил; царское величество велел выговорить за это с великою кручинсю, и дьяк Романчуков Исаку Аврамову говорил, что он в Нидерландской земле самый последний худой человек, брат же его — хуже и не сыскать, и про такого великого государя такое слово молвил, из этого и видно, что они люди худые, ничего не знают. Исак в том винился, говорил, что брат его сдуровал простотою, и он за то брата своего бранил и бил.

Мерик удовольствовался и спустя несколько времени подал обещанное письмо о том, как ездить англичанам в Персию: ездить им из Архангельска до Ярославля сухим путем, а оттуда — по Волге; суда делать близ Устюжны Железной, и прежде здесь же делали, и лес к тому годный здесь есть, царь Иван Васильевич волю им в том лесе дал; для волжского хода англичане будут делать струги крытые, а для морского — корабль, спустят из Ярославля корабль на низ весною, в полую воду; мастер корабельный будет англичанин, плотники — русские, наемные; для обороны на Волге привезут наряду, пищалей, пороху, свинцу и ядер. При царе Иване Васильевиче, когда английские гости шли в Персию мимо Астрахани, Астрахань была осаждена турскими людьми, и англичане, человек 100, заодно с русскими службу свою показали, и царское величество службу их гораздо похвалил. Мерик выставлял на вид, что английские купцы никогда не торгуют в розницу и не отнимают промыслу у русских купцов, как то делают голландцы, которые не только сами продают товары свои врознь, но еще посылают товары свои мелким обычаем по всему Московскому государству и тем у подданных царского величества хлеб изо рта вырывают, за что при царе Феодоре им не велено было ездить дальше Архангельска. Что касается до проезду в Китай, то дорога на восток и к полуночи русским людям очень известна, они дальше Енисея ходили, об этом письмо было дано бывшему царю Борису Федоровичу; у него, Мерика, есть письмо о том же, только не переведено. Наконец Мерик объяснял, почему не должно допускать вывоза смолы: если смолу повезут за море, то и пеньку туда же посылать, и царского величества людям никакой прибыли из того не будет, государи и власти не позволяют товар неизготовленный и неисправленный из своей земли отпускать и у людей своих промысл отнимать; из Ан-

глийской земли в прежние годы шерсть баранью вываживали в другие государства, и от того в Английской земле многие люди обнищали было; рассудив то дело поразумнее, королевское величество заказал шерсть вывозить из земли и тем опять бедных людей воскресил, сукна в своей земле делать велел, и теперь лучше этих сукон ни в которых государствах не делают, этим иноземцев-мастеров в Английскую землю привели, землю и подданных обогатили так, что славнее и богаче нашего государя нет между окрестными. И теперь недавно королевское величество заказал из Английской земли белые сукна возить в другие государства, потому что прежде иноземцы наши сукна красили и справляли, от того богатели, а теперь это поворотилось к королевским подданным.

По выслушании письма в Думе было положено отвечать гладостью, что такого дела теперь решить без совету всего государства нельзя ни по одной статье, а как скоро решат, то государь даст знать королю, а теперь бы королю на царское величество мненья за то не держать, вперед то все их братскою дружбою и любовью исправится. Гостей и торговых людей теперь же распросить: если дать дорогу английским гостям в Персию и позволить им Обью рекою искать дороги в Китайское государство, то государевой пошлине и им, торговым людям, убытка от того не будет ли? Также спросить о железной руде, о смоле и белом камне. Гости отвечали: думают они, что английским гостям не Персия дорога, проискивают дороги в Индейское государство; ходят они в Индейское государство морем на Турцию и Персию, и этот путь им очень тяжек, а государевою землею ходить им будет легче; только от того государю прибыли не будет, потому что с них и с их товаров, по государеву жалованью, пошлин не берут и товаров у них не пересматривают, а русским людям в том изъян будет: здесь гости привели ту же причину, какую приводили бояре Мерику. Русским людям, продолжали гости, сообща с англичанами торговать нельзя, англичане люди сильные и богатые, у них с нашими ни в чем не сойдется. О дороге в Китай гости сказали, что они Китайского государства не знают, мало про него и слыхали, в Сибири не торговали, а слыхали они, что давно уже англичане туда дороги ищут, да не найдут, и вперед им туда не дорога ж, поискав да и покинут. Про железную руду гости сказали: только государь велит искать английским людям руды железной на пустых местах, то убытка государю и никому из них не будет, убытки и завод весь англичан, а как только найдут, то русским людям кормленье от того будет и железо будет дешевле, потому что из государевой земли за море железо нейдет, а идет железо в государеву землю от них из-за моря, а если найдут железо, которое льется, как медь, то это будет в

Московском государстве диковина. Английские же люди завели и канатное дело, и от того было кормленье многим русским людям бедным, которые у них работали, да и научились у них русские люди канаты делать. Про лен, что около Вологды сеять, и про пеньку гости сказали: думают они, что английские гости за этот промысл хватаются для того, что из Пскова лен теперь к ним нейдет, а из Вязьмы, Смоленска и Белой пеньки также нет; русским людям, которые торгуют пенькою и льном, помешка будет, а что хотят делать полотна на парусы, и на то они привозят полотна с собою, а русские полотна на парусы не годятся, за море русские полотна нейдут, а лен, посконь и пряжа идут; которые этим торгуют, тем убыток будет, а бедным людям у англичан от того кормленье будет, как станут завод заводить и работать. Но некоторые торговые люди, именно Юдин, Булгаков и Котов, сказали, что русским людям убытка не будет, а только лен в Московском государстве подешевле будет да и английским гостям тут прибыли будет мало, ведь им не 500 четвертей семени льнянова сеять и на свой им судовый обиход льну и поскони не напахать, да и земли тут нет такой, чтоб пеньку родила, и лен обойдется им дорого, а если русские люди увидят у них тут какой-нибудь промысл, то и сами за тот же промысл ухватятся. О смоле сказали: если смолы за море не отпускать, то смола дешевле и государевым людям прибыли меньше; когда смолу отпускают за море, тогда бочка смолы стоит рубль, а, как ее за море не отпустят, тогда та же бочка — две гривны и государевой пошлине убыток. Но другие торговые люди, которые у Архангельска бывали в таможенных головах, сказали, что, напротив, если смолы не отпускать, то пошлине прибыльнее будет, потому что пойдет три пошлины: 1) с крестьян, которые торговым людям продают; 2) когда купцы продают ее к канатному делу; 3) с канатов весовая пошлина; а отпускать смолу за море, то с нее пошлины меньше, а с канатов никакой, станут возить сырую пеньку да смолу и станут канаты смолить за морем, канатное дело за смолою остановится, бедным людям кормиться будет не с чего, и мастера канатные переведутся; на этом основании бояре приговорили: без государева указа смолы за море пропускать никому не велеть, а у Архангельского города вольно всем иноземцам смолу покупать. Об алебастре гости сказали, что его горы большие, лет в 50 еще не выбрать; когда его от берега будут брать, то судам легче ходить, и как станет у англичан какой промысл, то и государевы люди станут тем же промышлять.

Согласно с этими ответами гостей Мерику предложены были статьи докончания; он соглашался на все, но отклонил от себя заключение наступательного союза английского короля с царем на польского короля, хотя и обнадежил крепко,

что если государь сошлется об этом с его королем, то Иаков поможет ему на Сигизмунда. В заключение Мерику предстояло отделаться еще от одного требования бояр. Мы видели, что московский посланник Зюзин должен был требовать от английского правительства возвращения тех русских, которые были отправлены Годуновым для науки. Ему их не отдали; потом подьячий Грязев, отвозивший царскую грамоту королю Иакову в 1615 году, доносил, что англичане скрывают этих русских людей и привели их всех в свою веру; одного из них, Никифора, поставили в попы и живет у них в Лондоне, а другой — в Ирландии секретарем королевским, третий — в Индии в торговле от гостей; Никифор за английских гостей, которые ходят на Русь, бога молит, что вывезли его из Руси, а на православную веру говорит многую хулу. Бояре приступили к Мерику с вопросом об этих четырех робятах, которых он сам при Годунове вывез из Москвы в Англию. Мерик отвечал, что они выучились и их хотели отпустить в Россию, но они сами не хотят. Бояре отвечали: «Как же их не отпустить, ведь они нашей веры? Если им сюда не быть, то и от веры отстать?» Мерик отвечал: «Есть теперь один из них в Англии, Никифором зовут, другой — в Ирландии, два — в Индии; как будут в Англии, то их пришлют».

При отпуске, когда бояре сказали Мерику, что государь пожалует его за его службу, то он отвечал: «Царских мне милостей и жалованья много, а служить я царскому величеству рад, что я должен делать: у себя я в Английской земле родился, а на Руси взрос; столько хлеба не едал в своей земле, сколько в Московском государстве, и мне как не служить?» Мерик получил за свои хлопоты на съездах с шведскими послами: цепь золотую с парсуной (портретом) царского величества, ковш с каменьем, платно персидское, шелк лазорев да червчат с золотом на соболях, образцы низаны жемчугом с каменьем, шапку лисью черную, кусок бархату, кусок атласу, камку, пять сороков соболей, 5000 белки.

Неизвестно, был ли доволен князь Иван Ульянович своим делом и его следствиями, по крайней мере в Москве и в Стокгольме были очень довольны Столбовским миром; возвращение Новгорода и избавление от шведской войны при опасной войне с Польшей делали нечувствительною потерю нескольких городов: теперь было не до моря! Густав-Адольф с своей стороны был очень доволен по причинам уже известным; он так говорил на сейме 1617 года: «Великое благодеяние оказал бог Швеции тем, что русские, с которыми мы исстари жили в неопределенном состоянии и в опасном положении, теперь навеки должны покинуть разбойничье гнездо, из которого прежде так часто нас беспокоили. Русские — опасные соседи; границы земли их простираются до Северного, Каспийского и Черного морей, у них могущественное дворянство, многочис-

ленное крестьянство, многолюдные города, они могут выставлять в поле большое войско, а теперь этот враг без нашего позволения не может ни одного судна спустить на Балтийское море. Большие озера — Ладожское и Пейпус, Нарвская область, тридцать миль обширных болот и сильные крепости отделяют нас от него; у России отнято море, и, бог даст, теперь русским трудно будет перепрыгнуть через этот ручеек».

Для окончательного подтверждения мирного договора король назначил полномочными послами в Москву Густава Стейнбока, Якова Бата и секретаря Монса Мартенсона; с русской стороны в Стокгольм были назначены дворянин князь Федор Борятинский, дворянин Осип Прончищев и дьяк Кашкин. В сентябре 1617 года московские послы по договору съехались с шведскими на рубеже, на реке Лавуе, на мосту, чтоб показать свои грамоты, так ли написаны. Оказалось, что не так, начались споры за титул, и дело затянулось, начали посылать к государю на обсылку, тогда как государю нужно было как можно скорее кончить дело: он написал к Борятинскому, что польский королевич Владислав Дорогобуж взял, хочет идти на Москву; послы по его наказу должны были говорить шведским послам и, будучи в Стекольне (Стокгольме), шведским думным людям, чтоб король Густав-Адольф помог царю, послал свое войско в Ливонию, а царь после воздаст за это; Борятинский должен был говорить шведам, что Владислав, доступя Москвы, хочет доступать и Швеции, что Владислав называет Густава-Адольфа изменником своим; шведские послы отказали: «Велено нам о том говорить, как будем у государя на Москве, а с вами нам о том говорить не велено».

Только 15 февраля 1618 года послы двинулись с рубежа: одни — в Москву, другие в Швецию. Борятинского с товарищами долго держали в Упсале, не везли в Стокгольм, отговариваясь тем, что дороги нет и что король хоронит брата своего Иоанна; только 2 июня пошли из Упсалы в Стокгольм. Здесь Борятинскому удалось выговорить, чтоб король писался не государем Ижерской земли, но государем в Ижере, на том основании, что не вся Ижерская земля за шведами. Густав-Адольф согласился заключить договор, чтоб стоять на польского короля заодно и не мириться одному государю без желания другого, но требовал, чтоб царь не писался никогда ни к кому ливонским, отказался от всех притязаний на эту землю, чтоб шведским купцам отведены были особые торговые дворы в Москве, Новгороде, Пскове и в других местах, где они будут просить, чтоб шведским купцам позволено было ездить во все русские города, торговать в Архангельске, Холмогорах, на рыбной ловле в Белом море, на Лопском берегу, в устье Колы и около Онежского озера, ездить в Онежское озеро на своих судах, чтоб вольно было им ездить в Персию

и Татарскую землю, в Крым и Армянскую землю и обратно, чтоб послов, гонцов и купцов не запирать в дворах по московскому обычаю, ходить им просто и вольно, быть им, как у друзей, а не как пленникам. Послы отвечали, что они на заключение такого договора полной мочи не имеют, и король решил послать с ними в Москву нарочно для этого секретаря своего. Послы настаивали, чтоб король с ними же договорился стоять на польского короля заодно с Москвою и войско на него послать, а о других статьях пусть шлет договариваться в Москву; им отвечали: государя нашего люди в лифляндских городах против поляков стоят, а нам Сигизмунда короля, здесь живучи, бояться нечего, живем на острову, около нас вода; только впредь польский король нашему королю лиха не учинит, то государю нашему для чего на польского короля людей своих посылать и его взять добровольно на свои головы? Послы возражали, что статьи, из которых дело останавливается, уже внесены в Столбовский договор и их переговаривать нечего, а других статей им без наказа утвердить нельзя. Канцлер отвечал: «Правда, что статьи внесены, но не подробно и так не делается, как уговорились, надобно снова подтвердить». Ясно было, что шведы или хотели новых уступок за союз против Польши, или хотели дождаться, чем кончится борьба у поляков с Москвою. Она кончилась без их вмешательства [7].

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА

Военные действия против Литвы. — Затруднительное положение русских воевод под Смоленском. — Действия князей Сулешова и Прозоровского. — Приготовления королевича Владислава к московскому походу. — Сношения его с донскими козаками. — Речь архиепископа-примаса. — Вступление Владислава. — Шеин и Новодворский в Смоленске. — Занятие Дорогобужа и Вязьмы. — Грамота Владислава к жителям Москвы — Князь Дм. М. Пожарский в Калуге; его действия против Чаплинского.— Действия князя Д. П. Пожарского. — Неудачные сношения о мирных переговорах. — Неудачные приступы поляков к Борисову. — Движения воевод: Черкасский и Лыков в Можайске, Пожарский в Боровске. — Отступление Черкасского и Лыкова из Можайска к Москве. — Решение в польском стане. — Вторая грамота Владислава в Москву — Собор в Москве. — Приближение гетмана Сагайдачного. — Болезнь Пожарского. — Неудачные действия князя Волконского против Сагайдачного. — Воровство козаков. — Королевич в Тушине. — Сагайдачный у Донского монастыря и беспрепятственно соединяется с королевичем. — Ужас в Москве. — Комета. — Переговоры о мире. — Неудачный приступ к Москве. — Смерть Чаплинского и Коная Мурзина. — Переговоры на Пресне. — Движение королевича на Переяславскую дорогу и Сагайдачного к Калуге. — Победа князя Тюфякина. — Деулинские переговоры и перемирие. — Размен пленных на Поляновке. — Возвращение Филарета Никитича в Москву. (1616—1619).

После прекращения переговоров под Смоленском, 1 июля 1616 года, государь указал идти воевать Литовскую землю воеводам: князю Михайле Конаевичу Тинбаеву да Никите Лихареву с отрядом тысячи в полторы человек; они повоевали окрестности Суража, Велижа, Витепска и другие места. С другой стороны, по вестям, что литовцы пришли под Стародуб, против них выступили воеводы: Михайла Дмитриев и Дмитрий Скуратов с отрядом около 5000 человек. В декабре Скуратов дал знать, что у них с литовцами был бой под Болховом и воеводу Дмитриева убили; на место убитого был послан князь Иван Хованский, которому, между прочим, наказано было: «Писать от себя и словом приказывать в литовские полки к русским людям, чтоб они, помня бога и право-

славную веру, невинной христианской крови не проливали и в муку вечную душ своих не предали, от польских и литовских людей отстали, великому государю Михаилу Федоровичу вину свою принесли и ехали в его полки без всякой боязни; великий государь вины их им отдаст и пожалует своим жалованьем, станет их держать в своей царской милости незабвенно, посылать к ним лазутчиков добрых, кому можно верить и приведши ко кресту; лазутчики должны были раздавать русским людям грамоты от духовенства, в которых владыки писали: «Знаем мы, господа и братья, что вы волею и неволею служите ищущим нашей погибели, не рассуждая, где вы стояли и куда ниспали! Не льстите себя, что вы христиане: если четыре конца мира вопиют на мудрствующих с папою, то вы как будете христианами, поклоняясь зверю, которого Даниил пророк и Иоанн Богослов видели глаголющего глаголы хульные на бога вышнего? Не верьте нам, но узнайте от житий св. отец прежде бывших ваших, которых не только тела, но и перст чудеса несказанные творит: за что они подвизались и с кем единомудрствовали в вере — с патриархами и со всею вселенною или с западом и с папою? О мудрые о себе! Воззрите на прежние роды, где ваши родители, где вы родились, в какой вере крестились и выросли и чья память осталась — благочестивых или нечестивых? Когда узрите одесную Христа стоящих Петра, Алексия, Иону, многострадального Михаила Черниговского с Феодором и в любви скончавшихся Бориса и Глеба, то к ним ли тогда прибегнете, благословение и мир получите или из объятий и от поцелуев Формосовых чад в вечную погибель отойдете? И где скроетесь от заступников российской церкви? Горе будет тогда вам от таковых отцов отступившим! Того ради молим вас, пока время не пришло погибели общей, вашей и нашей, перестаньте от такого злого умышления и повинитесь богу и его святым угодникам, да восхитят вас от адова мучительства; обратитесь к истинной христианской вере, данной нам от бога, и к государю царю Михаилу Федоровичу, а в отступлении вашем мы вас простим и разрешим и государю царю будем бить челом своими головами; еще же совет царский и милость вам возвещаем, всеми благами земными одарит вас, как сыновей и братьев примет».

Князь Хованский и Скуратов писали к государю, что литовские люди, повоевав карачевские и кромские места, пошли к Курску, а они, воеводы, — за ними; литовцы пошли к Осколу, взяли его внезапно и сожгли, потом пошли к Белгороду и пробрались за рубеж. Важнее были дела под Смоленском; воеводы, стоявшие под этим городом, Михайла Бутурлин и Исак Погожий, писали от 22 октября, что Гонсевский с польскими и литовскими людьми хочет идти Московскою дорогою, обойти смоленские остроги и стать на Московской

большой дороге в Твердилицах. По этим вестям государь велел князю Никите Борятинскому идти изо Ржевы в Дорогобуж, отсюда помогать смоленским таборам, промышлять над литовскими людьми и посылать под Смоленск хлебные запасы из Дорогобужа. В ноябре князь Борятинский дал знать, что он со всеми ратными людьми пришел в Дорогобуж, а Гонсевский пришел и стал между Дорогобужем и Смоленском в Твердилицах, дороги все от Смоленска отнял. Бутурлин из-под Смоленска писал то же самое и что с запасами приезду к ним ниоткуда нет, долгое время сидят они от литовских людей в осаде, хлебными запасами и конскими кормами оскудели, так что иные ратные люди начинают есть кобылятину; литовские люди с двух сторон, из Смоленска и из Твердилиц, приходят к острожкам каждый день и тесноту им чинят великую. Так прошел 1616 год. 6 января 1617 года государь велел идти из Москвы в Дорогобуж выезжему крымскому татарину, боярину князю Юрию Яншеевичу Сулешову, да стольнику князю Семену Прозоровскому с 6000 войска для соединения с Борятинским. 30 марта Сулешов писал из Дорогобужа, что он посылал голов Бояшева и Тараканова на литовских людей; эти головы встретили полковника Вишля, побили его наголову, взяли в плен вместе со многими другими поляками, забрали знамена, трубы и литавры; в Москве сильно обрадовались. Сулешову и Прозоровскому, также всем ратным людям, которые были в бою, послали золотые. Но в мае пришли другие вести: Сулешов писал, что Гонсевский, соединившись с полковником Чаплинским, приступил к смоленским острожкам и вытеснил Бутурлина и Погожего, которые отступили к Белой; Чаплинский подошел было и к Дорогобужу, но был разбит наголову и потерял 240 человек; Сулешов с товарищами опять получил золотые и приказ идти к Москве, оставя в Дорогобуже, Вязьме и Можайске воевод и ратных людей, сколько пригоже, и наполня эти города хлебными запасами, устроив осады совсем, чтоб в них было сидеть бесстрашно. В Дорогобуж был отправлен стольник князь Петр Пронский с товарищем Иваном Колтовским; но они дали знать царю, что в Дорогобуж пройти им нельзя: город осажден литвою; государь приказал им быть в Вязьме и отсюда помогать Дорогобужу, над литовскими людьми промышлять В июле вести еще хуже: литовские люди пришли в Ржевский уезд, сбираются воевать Старицу, Торжок, Устюжну; в июле писали воеводы из Кашина, Бежецкого Верха, из Углича, что литва уже у них, идет в вологодские и белозерские места; нужно было всюду посылать войско, а между тем давали знать, что сам королевич Владислав, величая себя царем русским, идет прямо на Москву.

Еще в июле 1616 года варшавский сейм определил отправить против Москвы королевича Владислава, для совета ко-

торому придано было 8 комиссаров: епископ луцкий Андрей Липский, каштелян бельцкий Станислав Журавинский, каштелян сохачевский Константин Плихта, канцлер литовский Лев Сапега, староста шремский Петр Опалинский, староста мозырский Балтазар Стравинский, сын люблинского воеводы Яков Собеский (отец знаменитого Яна) и Андрей Менцинский. Комиссары обязаны были смотреть, чтоб Владислав не противодействовал заключению славного мира с Москвою, ибо война предпринята была для испытания расположения московского народа к королевичу, чтоб имел в виду преимущественно выгоды республики, а не вверял своего дела неверным случайностям войны; если же Владиславу посчастливится овладеть Москвою, то чтоб не забыл об отце своем и отечестве и клятвенно подтвердил условия, которые подписал собственноручно; эти условия были: 1) соединить Московское государство с Польшею неразрывным союзом; 2) установить между ними свободную торговлю; 3) возвратить Польше и Литве страны, от них отторгнутые, преимущественно княжество Смоленское, а из Северского — города Брянск, Стародуб, Чернигов, Почеп, Новгород Северский, Путивль, Рыльск и Курск, также Невель, Себеж и Велиж; 4) отказаться от прав на Ливонию и Эстонию. Всего войска, могшего выступить с Владиславом, было не более 11 000, несмотря на все старания Льва Сапеги, который вошел в большие долги и настоял, что с Литвы взята была новая подать для похода. Главным начальником войска большая часть сенаторов хотели назначить гетмана Станислава Жолкевского, как прославившегося в войне московской, свидетеля присяги москвитян Владиславу и пользовавшегося у них большим уважением; но Жолкевский отказался, боясь, что в Московском государстве его встретят не с тем уважением, с каким проводили, а скорее с упреками в клятвопреступлении; предлог же к отказу найти было ему легко: ждали нападения на Польшу турок, раздраженных козацкими набегами. Вследствие отказа Жолкевского главным начальником Владиславова войска был назначен гетман литовский, Карл Ходкевич, которому также была знакома дорога в Москву и из Москвы.

1616 год прошел в приготовлениях к войне; думали о других средствах к успеху: король поручил сенаторам уговорить князя Василия Васильевича Голицына, чтоб написал к боярам в Москву о Владиславе, но Голицын отказался. Польские писатели говорят, что являлись к Владиславу с приглашением от бояр князья Трубецкие, какой-то старый Готикон и дьяк Осипович: по всем вероятностям, это были старые приверженцы Владислава, остававшиеся в Польше, князь Юрий Никитич Трубецкой с товарищи, принявшие теперь на себя значение депутатов от бояр московских. Но встрепенулись козаки, почуяв войну и смуту: донцы прислали к Владиславу

атамана Бориса Юмина и есаула Афанасья Гаврилова объявить, что хотят ему правдою служить и прямить. Владислав 26 ноября 1616 года отвечал им, чтоб совершили, как начали. В апреле 1617 года двадцатидвухлетний Владислав выступил из Варшавы, причем архиепископ-примас говорил ему речь: «Господь дает царства и державы тем, которые повсюду распространяют св. католическую веру, служителям ее оказывают уважение и благодарно принимают их советы и наставления. Силен господь бог посредством вашего королевского высочества подать свет истины находящимся во тьме и сени смертной, извести заблужденных на путь мира и спасения, подобно тому как привел наши народы посредством королей наших Мстислава и Ягелла. Впрочем, в таком важном деле, на которое должны быть устремлены все заботы и попечения, ваше королевское высочество должны держаться той умеренности, которая так необходима в новых государствах, и привлекать этот жестоковыйный народ к единению и св. вере не принуждением и насилием, не вдруг, но мало-помалу, примером благочестия как своего, так и священников, которые будут находиться при вас. Вы будете благодетельствовать родине, защищать ее при всяком случае, присоедините к ней то, что несправедливо отторгнуто от ее пределов, и будете стараться о том, чтоб, получив при помощи божией тамошний престол, соединить оба народа посредством прочных договоров в одно нераздельное общество для большей пользы и защиты христианской республики. Мы не только будем молить господа бога, чтоб он благословил ваше королевское высочество в этом деле, но также, если окажется нужда в дальнейших пособиях, будем стараться, чтоб республика наша помогала вам; только, ваше высочество, старайтесь направлять дела к ее благу». Владислав отвечал: «Я иду с тем намерением, чтоб прежде всего иметь в виду славу господа бога моего и святую католическую веру, в которой воспитан и утвержден. Славной республике, которая питала меня доселе и теперь отправляет для приобретения славы, расширения границ своих и завоевания северного государства, буду воздавать должную благодарность».

Владислав направил путь в Луцк, назначенный сборным местом для его войска; на дороге, во Владимире Волынском, в день Вознесения, он слушал обедню в русской униатской церкви; тут освящено было знамя с московским гербом и вручено одному из москвичей, какому-то Евдокимову (Витовтову?). Говорят, что это привело в восторг русских жителей Владимира. Принужденный уделить часть своего войска Жолкевскому, готовившемуся отражать турок, Владислав возвратился в Варшаву, откуда в августе приехал в Могилев на Днепре, а отсюда отправился в Смоленск с Шеиным и другими москвичами. Говорят, что в Смоленске очень занимали коро-

левича и всех его окружавших разговоры Шеина с мальтийским кавалером Новодворским, принимавшим деятельное участие во взятии Смоленска; Новодворский рассказывал, как он брал, а Шеин — как он защищал город; оба соперника так подружились, что поклялись друг другу в вечном братстве. В конце сентября Владислав оставил Смоленск и соединился с Ходкевичем, который уже осаждал Дорогобуж. Страх напал на воевод московских, когда они узнали, что сам королевич при войске. Дорогобужский воевода Иванис Ададуров сдал свой город Владиславу, как царю московскому. Королевич торжественно принимал своих новых подданных, прикладывался к образам и крестам, которые вынесло ему духовенство, одарил стрельцов и позволил им разойтись по домам; Ададуров же с дворянами и детьми боярскими присоединился к его войску. Занявши Дорогобуж, Владислав, по совету Ходкевича, хотел было уже располагаться на зимние квартиры, как пришло известие, что вяземские воеводы, князь Петр Пронский и князь Михайла Белосельский, узнавши о сдаче Дорогобужа, бросили свой город и убежали в Москву; козаки ободрились, увидав, что опять пришло их время, и бросились от Пронского грабить Украйну; в меньшой Вяземской крепости сидел воеводой князь Никита Гагарин; он хотел было остаться, но, видя, что посадские люди и стрельцы бегут из города, заплакал и сам поехал за ними. Владислав в конце октября торжественно вступил в Вязьму; Ададуров с смолянином Зубовым отправлены были в Москву возмущать ее жителей, к которым повезли грамоту: «От царя и великого князя Владислава Жигимонтовича всея Руси в Московское государство, боярам нашим, окольничим» и проч. Владислав писал, как по пресечении Рюрикова дома люди Московского государства, поразумев, что не от царского корня государю быть трудно, целовали крест ему, Владиславу, и отправили послов к отцу его Сигизмунду для переговоров об этом деле, но главный посол, Филарет митрополит, начал делать не по тому наказу, каков дан был им от вас, прочил и замышлял на Московское государство сына своего Михаила. В то время, продолжает Владислав, мы не могли сами приехать в Москву, потому что были в несовершенных летах, а теперь мы, великий государь, пришли в совершенный возраст к скипетродержанию, хотим за помощию божиею свое государство Московское, от бога данное нам и от всех вас крестным целованием утвержденное, отыскать и уже в совершенном таком возрасте можем быть самодержцем всея Руси, и неспокойное государство по милости божией покойным учинить. Владислав обещает милости в случае немедленной покорности, «а о Михайле, Филаретове сыне, как даст бог будет на царском своем престоле, на Москве, в то время наше царское милосердие будет по прошенью всей земли».

Владислав заключает: «Мы нашим государским походом к Москве спешим и уже в дороге; а с нами будут Игнатий патриарх да архиепископ смоленский Сергий, да бояре князь Юрий Никитич Трубецкой с товарищами». Но грамота эта не произвела никакого действия в Москве: Ададурова и Зубова схватили и разослали по городам, малодушных воевод вяземских, Пронского и Белосельского, высекли кнутом и сослали в Сибирь, недвижимое имение у них отняли для раздачи другим. А между тем движение Владислава было остановлено явным возмущением его войска, которое, не получая долго жалованья, не хотело переносить голода и холода. Надобно было разместить его по квартирам в Вязьме и окрестностях.

В то время как главное войско Владислава сидело здесь, дожидаясь жалованья, действовали лисовчики под начальством Чаплинского: страшно опустошая все на своем пути, они взяли Мещовск и Козельск, но не могли взять Калуги, куда, по просьбе жителей, был отправлен 18 октября князь Дмитрий Михайлович Пожарский, у которого было в распоряжении 5400 человек войска. Чаплинский засел в Товаркове, в расстоянии одного перехода от Калуги, которой не было от него покоя; Пожарский также не оставался в бездействии; борьба шла сначала с переменным счастьем, но Пожарскому удалось наконец ворваться к полякам в Товарковский городок и истребить там у них все запасы. Другой Пожарский, князь Дмитрий Петрович, был послан оборонять Тверь; на дороге в Клину осадил его пан Соколовский. Пожарский бился в осаде, отсиделся и провел государевы запасы в Тверь; Соколовский пришел и под Тверь; Пожарский отсиделся и здесь от него; после Соколовского пришел под Тверь полковник Копычевский, стоял под городом две недели и не сделал ему ничего. Белая также не сдавалась полякам. Попытка Владислава овладеть внезапно Можайском не удалась: тамошние воеводы Федор Бутурлин и Данила Леонтьев знали о движении неприятеля и были готовы встретить его. Узнавши об этой готовности, узнавши, что город сильно укреплен и что к нему на помощь идет сильный отряд из Москвы, Владислав не решился ни вести войско на приступ, ни осадить город в зимнее время, в декабре, и возвратился в Вязьму, потерявши от холода много людей, особенно немцев. Когда в Москве узнали об опасности, грозящей Можайску, то отправили туда воевод, боярина князя Бориса Михайловича Лыкова и Григория Волуева, с отрядом около 6000 человек, Волок был занят стольниками, князьями Дмитрием Мамстрюковичем и Василием Петровичем Черкасскими, с 5000 войска.

Так прошел 1617 год. В конце его паны-рада напомнили комиссарам, что лучше было бы окончить войну переговорами, и вот в конце декабря отправился в Москву королевский секретарь Гридич с предложением назначить съезд от

20 января до 20 апреля 1618 года и в это время не быть неприятельским действиям с обеих сторон; также немедленно разменяться пленными; бояре отвечали посланному, что, не видя у него верющей грамоты от короля и Речи Посполитой, не могут входить в сношения с комиссарами, что русские полномочные послы без охранных листов от Владислава вступить в переговоры не могут, что срок до апреля очень короток, что на прекращение неприятельских действий нельзя согласиться до тех пор, пока поляки не выйдут из Московского государства, что пленными нельзя разменяться до тех пор, пока поляки не освободят митрополита Филарета и князя Голицына, что как скоро королевич пришлет охранный лист, то они, бояре, отправят к комиссарам своего посланца, который уговорится о месте переговоров и о числе уполномоченных.

Прошли три первые месяца 1618 года, нового задора от Владислава не было, а между тем поляки не переставали опустошать московские области и королевич не отступал из Вязьмы назад в Литву; с весною грозили новые опасные движения врага к столице. В таких обстоятельствах в Москве решили сами задрать поляков о мире, и в начале апреля приехал в польский стан дворянин Кондырев с дьяком и объявил, что готов вести переговоры с комиссарами о месте съезда уполномоченных и о числе их; требовал, чтоб поляки вышли из московских пределов, и в таком случае заключено будет трехмесячное перемирие. Комиссары отвечали, что войско их не выйдет из московских пределов прежде окончания переговоров, которые могут начаться 16 июня, что о месте переговоров и числе провожатых посольских должны условиться особые комиссары за две недели до съезда. Прошла весна; получено было известие из Варшавы, что сейм определил сбор денег для продолжения войны, но немного и с условием, чтоб война непременно была окончена в один год. В начале июня польское войско двинулось из Вязьмы и стало в Юркаеве на дороге между Можайском и Калугою; здесь на военном совете Ходкевич предлагал перенести войну к Калуге, в край менее опустошенный, и потеснить самого знаменитого московского воеводу князя Пожарского, заставить его перейти на сторону Владислава, к чему он, по мнению гетмана, был готов; наконец под Калугою легче было соединиться с войском, которое через Украйну шло на помощь от Жолкевского. Но комиссары требовали идти прямо к Москве, что заставит жителей ее передаться королевичу, как было во время Шуйского; они представляли, что удаление к Калуге даст московским воеводам возможность овладеть Вязьмою и отрезать поляков от Смоленска.

Это мнение превозмогло, но, прежде чем идти к Москве, нужно было овладеть Можайском, чтоб не оставить у себя

в тылу князя Лыкова. Взять Можайск приступом не было никакой надежды по неимению осадных орудий, а потому решили идти к Борисову Городищу, взять его силою или заставить Лыкова выйти из Можайска и сразиться в чистом поле, где поляки, по опыту, надеялись верного успеха. Два раза польское войско ходило на приступ к Борисову и два раза было отбито. В конце июня Лыков писал к государю, что королевич стоит под Борисовым Городищем; Михаил велел князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому перейти из Волока в Рузу, оттуда ссылаться с Быковым и по вестям идти к нему в Можайск; Пожарскому велено было выйти из Калуги в Боровск и помогать оттуда Можайску, из Москвы к Боровску велено двинуться Курмаш-мурзе-Урусову с юртовскими татарами и астраханскими стрельцами. 30 июня Лыков опять писал в Москву, что накануне 29 королевич и гетман приходили из-под Борисова Городища к Можайску, но русские люди из острога против них выходили, литовских людей от Можайска отбили, языков взяли, и королевич пошел назад под Борисово Городище. Прошло двадцать дней. Черкасский пришел в Можайск и 21 июля писал государю, что накануне пришли из-под Борисова Городища под Можайск многие польские и литовские люди, разъезжают место под Лужецким монастырем по Московской дороге к Рузе и, надобно думать, что хотят отнять Московскую дорогу от Можайска; князь Лыков писал, что, по словам перебежчика, королевич и гетман пришли со всеми людьми из-под Борисова к Можайску на осаду. Государь немедленно созвал бояр и приговорил: можайское стоянье, и промысл, и отход, положить на воевод князей Лыкова и Черкасского: если им, смотря по тамошнему делу, можно в Можайске быть, то они бы, прося у бога помощи, над литовскими людьми промышляли и с князем Дмитрием Михайловичем Пожарским ссылались, чтоб над литовскими людьми вместе им промышлять, как бог вразумит. А если узнают, что королевич и гетман и литовские люди пришли под Можайск на осаду и почают от них крепкой осады и дорожной отнимки, то они бы в осаде не садились, шли бы в отход к Москве со всеми людьми, которою дорогою бережнее и куда можно, и советовались бы об отходе тайно, чтоб никто не знал. А на которую дорогу отход свой приговорят, и они бы послали от себя к боярину князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому, тайно же, чтоб он на ту дорогу подставлялся, остроги или полки подводил и помогал им. А как в отход пойдут, и они бы в Можайске оставили с воеводою Федором Волынским осадных людей к прежним в прибавку, чтоб в Можайске в осаде сидеть было бесстрашно.

29 июля Лыков доносил, что литовские люди к их острожкам приходят каждый день, из наряду и мушкетов стреляют и ратных людей побивают, и 27 числа ранили воеводу князя

Дмитрия Мамстрюковича Черкасского; и теперь литовские люди шанцев прибавляют позади Якиманского монастыря и за рекою Можаею поставили против их острожков наряд, бьют из шанцев в оба острожка и тесноту чинят великую. По польским известиям, у русских побито было более 1000 человек. Была беда и другого рода: ратные люди, подстрекаемые ярославцем Богданом Тургеневым, смолянином Тухачевским и нижегородцем Жедринским, приходили на воевод с большим шумом и указывали, чего сами не знали, едва дело обошлось без крови. Тогда государь уже решительно приказал остаться в Можайске осадным воеводою Волынскому, а Черкасскому и Лыкову со всеми людьми отходить к Москве, как лучше и здоровее. Пожарский, стоявший в Боровске, получил приказ идти к Можайску на то место, где воеводы ему присрочат, и помогать им, а из Борисова свести к себе осадных людей со всеми запасами в то самое время, как Черкасский и Лыков пойдут в отход; когда же они от Можайска отойдут, то Пожарский должен был возвратиться в Боровск. В первых числах августа, выбравши темную бурную ночь, при проливном дожде, Черкасский и Лыков вышли потихоньку из Можайских острожков и 6 числа достигли Боровска, откуда двинулись к Москве. Поляки немедленно заняли покинутый и сожженный русскими Борисов. Сюда к ним приехал Лев Сапега, который ездил в Варшаву за деньгами; вместо денег он привез одно только обещание, и тогда войско, в котором иные двенадцать дней не видали куска хлеба, взбунтовалось и толпами начало покидать стан. С большим трудом комиссары успели успокоить его, обещавши выплатить жалованье 28 октября, и несмотря на то, четыре хоругви оставили стан, не считая уже вышедших поодиночке.

В таких обстоятельствах Ходкевич опять предлагал расположиться между Калугою и Боровском, в краю менее разоренном. Но комиссары никак не соглашались: они хотели во что бы то ни стало кончить войну к сроку, а из этого годичного срока оставалось теперь менее пяти месяцев, и потому они решили идти прямо на Москву, отправивши туда грамоту, в которой Владислав писал, что это только советники Михаила Романова уверяют, что он идет на истребление православной веры, а у него этого и на уме нет. Получивши весть из Можайска, что Владислав идет на Москву, Михаил 9 сентября созвал собор и объявил, что он, «прося у бога милости, за православную веру против недруга своего Владислава обещался стоять, на Москве в осаде сидеть, с королевичем и с польскими и литовскими людьми биться, сколько милосердый бог помочи подаст, и они бы митрополиты, бояре и всяких чинов люди за православную веру, за него, государя, и за себя с ним, государем, в осаде сидели, а на королевичеву и ни на какую прелесть не покушались». Всяких чинов люди

отвечали, что они все единодушно дали обет богу за православную веру и за него государя стоять, с ним в осаде сидеть и биться с врагами до смерти, не щадя голов своих. И тут же сделаны были все распоряжения, кому и с кем защищать разные части Москвы. Опять пошли из Москвы грамоты по городам, чтоб жители их, памятуя бога, православную веру, крестное целование и свои души, усердно помогали государству в настоящей беде людьми и деньгами.

Не один Владислав с своим небольшим войском приближался к Москве: шел на нее с другой стороны малороссийский гетман Конашевич Сагайдачный с 20 000 козаков, разорив на дороге Путивль, Ливны, Елец, Лебедянь; последний город был взят потому, что уездные люди воевод не послушались, в осаду не пошли; Елец был взят потому, что воеводе его, Полеву, ратное дело было не за обычай; Сагайдачный обманул его: скрыл в одном месте засаду, а сам с остальными людьми пошел на приступ; воевода вывел против него все свое войско, а между тем засада вошла в город и овладела им. Но Михайловом Сагайдачному не удалось овладеть. Услыхав о приближении Сагайдачного, царь приказал идти против него Пожарскому из Боровска; Пожарский выступил по дороге к Серпухову, но сильно занемог, ратные люди остановились и не хотели идти против неприятеля с больным воеводою; козаки воспользовались этим случаем и стали воровать. Тогда государь велел больному Пожарскому ехать в Москву, а товарищу его, князю Григорию Волконскому, велел стать на Коломне и не пропускать Сагайдачного через Оку; но Волконский не был в состоянии удержать гетмана от переправы и должен был заключиться в Коломне, где в полках у него встала рознь между дворянами и козаками; последние ушли из Коломны, стали во Владимирском уезде, в отчине князя Мстиславского, и оттуда много мест запустошили. 17 сентября королевич стоял в Звенигороде, Сагайдачный — в селе Бронницах Коломенского уезда. 20 сентября королевич стал в знаменитом Тушине; Сагайдачный появился у Донского монастыря и начал пропускать обозы свои для соединения с королевичем; бояре с войском вышли было из Москвы, чтоб воспрепятствовать этому соединению, но на московских людей, по словам летописца, напал ужас великий, и они без бою пропустили гетмана мимо Москвы в таборы к Владиславу. Ужас москвичей увеличила еще комета, которая головою стояла над самым городом: царь и все люди, смотря на звезду, думали, что быть Москве взятой от королевича. Между тем под Москвою шли переговоры: Владислав требовал подданства, называя себя царем московским, бояре вымарывали в грамотах дегтем этот титул королевича и тянули дело, поджидая союзников — голод и холод. Но поляки не хотели дожидаться и в ночь на первое октября повели приступ;

осажденные были предуведомлены из неприятельского стана и готовы к отпору. Кавалер Новодворский сделал пролом в переднем городке и дошел до самых Арбатских ворот, но здесь, прикладывая к ним петарду, был ранен в руку из мушкета. Вслед за этим русские сделали вылазку из ворот и схватились с неприятелем, обстреливаемым со всех сторон; поляки держались до света, но, не получая помощи от своих, отступили. Арбатские ворота и места от Арбатских до Никитских ворот ведал во время приступа окольничий Никита Васильевич Годунов, с 457 человеками, а в Арбатских воротах и на воротах начальствовали Данила Леонтьев, Иван Урусов и дьяк Антонов. Приступ к Тверским воротам был еще менее удачен, потому что лестницы, принесенные поляками, были слишком коротки. Тверские ворота и пространство от Тверских до Петровских ворот, до Трубы и до Сретенских ворот были поручены князьям Даниле Мезецкому и Григорью Волконскому с 562 человеками пехоты, с 22 конницы, в самых же Тверских воротах и на воротах начальствовали Василий Монастырев, Семен Дунилов и дьяк Головин. Поляки, по их известиям, потеряли у Арбатских ворот 30 человек убитыми и более 100 ранеными. В неуспехе, разумеется, обвиняли главного вождя Ходкевича: зачем не была соблюдена тайна насчет приступа? Зачем поверили лазутчикам, давшим неверное показание о высоте стен? Зачем Новодворскому не было подано помощи, потому что русские у Арбатских ворот показали было тыл, но их удержала немецкая пехота, стоявшая у Никитских ворот? Но, по русским официальным известиям, у Никитских ворот не было немцев.

Знаменитый польский наездник Чаплинский погиб на Вохне от служек Троицкого монастыря после неудач под этим монастырем; но зато и с русской стороны погиб также знаменитый наездник, причинявший много вреда литовскому войску, Канай Мурзин, в крещении названный князем Михаилом. Начались опять переговоры: решили, что уполномоченные, с русской стороны — бояре Федор Иванович Шереметев, князь Данила Мезецкий, окольничий Артемий Измайлов и дьяки Болотников и Сомов, а с польской — князь Адам Новодворский, бискуп каменецкий, Константин Плихта, Лев Сапега и Яков Собеский, — съедутся на реке Пресне 20 октября. Русские послы, отправлявшиеся от бояр и от всей Думы, получили наказ: «Против королевского имени шапки снимать только в том случае, когда литовские послы станут снимать шапки к государеву имени. Говорить литовским послам: сами вы писали, что доброго дела и покою христианского хотите, а теперь вы такое несходительство к доброму делу объявили, великого государя нашего имени в речах своих не именуете: и тут какому доброму делу быть и чьи мы на обе стороны послы? вы нашего государя имени в речах своих не

именуете, а мы вашего короля именовать не станем!» — и таким образом с ними о всяких делах говорить и в речах своих короля не называть, разве случится королевское имя вымолвить, говоря о разоренье Московского государства. Когда литовские послы станут просить городов или королевских и королевичевых подъемов и накладов, или каких-нибудь убытков, то послам отвечать: какие убытки учинились от государя вашего и от польских и литовских людей в Московском государстве, того и в смету нельзя положить, что объявилось по записке и что Федька Андронов сказал, что отослано к королю всяких узорочей и что по королевским грамотам дано на рыцарство, депутатам и немцам, полковникам и ротмистрам и Сапегина войска депутатам, и по договору гетмана депутатам же и Сапеге, и послам литовским и польским, — на приказные расходы, и к Александру Гонсевскому на двор, и полковникам, и ротмистрам, по Александровым картам, и русским людям и пушкарям и стрельцам московским, которые были у вас, золотом и серебром и всякою рухлядью по меньшей цене на 912 113 рублей и 27 алтын, а золотыми польскими 340 379 золотых 13 грошей.

Уполномоченные съехались и говорили, т. е. спорили, не сходя с лошадей: Лев Сапега начал говорить о правах Владислава на московский престол, вычислял выгоды для Москвы от его принятия, невыгоды, если не захотят принять. Московские уполномоченные отвечали: «Не дали вы нам королевича тогда, когда мы все его хотели и долго ждали; потом кровь многая была пролита, и мы другого государя себе выбрали, крест ему целовали, венчан он уже венцом царским, и мы не можем от него отступить; хотим заключить перемирие между государями на 20 лет, если вы уступите нам Смоленск, Рославль, Дорогобуж, Вязьму, Козельск и Белую». Поляки, смеясь над этими требованиями, продолжали толковать о королевиче; московские уполномоченные отвечали: «Скажите вы нам, если мимо королевича хотите доброе дело делать, то и мы будем к доброму делу сходительны и хотим вместе с вами искать всяких мер, как бы с обеих сторон покой установить; если же о королевиче говорить не перестанете, то уже мы с вами съезжаться больше не будем». Поляки возражали: «Вам же хуже, если переговоры порвете: государь королевич пойдет с войском за столицу, и, что еще остается у вас не спаленного и не опустошенного, от того останется только земля да вода». Следующие съезды, 23 и 25 октября, прошли в спорах о городах, которые Москва должна уступить Литве и о сроке перемирия. Поляки требовали много городов и назначили слишком краткий срок перемирию.

Между тем наступили холода; Владислав снял стан и двинулся из Тушина по Переяславской дороге, вследствие чего съезд уполномоченных 27 октября был уже не на Пресне, а

за Сретенскими воротами по Троицкой дороге, и так как здесь не последовало соглашения, то съезды должны были прекратиться, ибо литовские послы не могли оставаться под Москвою по удалении королевича. В таких обстоятельствах князь Новодворский с товарищами отправил от себя послов в Москву — Христофора Сапегу, Карсиньского и Гридича, которые и заключили здесь предварительный договор с условием, чтоб окончательно утвердить его на съезде с великими послами.

Русские согласились уступить Смоленск, Белую, Дорогобуж, Рославль, Городище Монастыревское (Муромск), Чернигов, Стародуб, Попову Гору, Новгород Северский, Почеп, Трубчевск, Серпейск, Невль, Себеж, Красный да волость Велижскую с тем, что к той волости исстари потянуло. По польским известиям, в это время в Москве происходили сильные волнения между чернью; по известию нашего летописца, козаки, не хотя долее сидеть в Москве и не терпя быть без воровства, взбунтовались ночью в числе 3000, проломали острог за Яузой и побежали; царь послал за ними князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого и Данилу Ивановича Мезецкого уговаривать их возвратиться; князья успели их воротить; но козаки остановились у острога и никак не хотели входить в город, боясь наказания. Тогда царь послал других бояр уговорить их, и козаки вошли в город. 19 ноября Шереметев и Мезецкий получили наказ: ехать на съезд к бискупу каменецкому с товарищами и закрепить перемирные договорные записи, боярину Федору Ивановичу ехать в Троицкий монастырь и оттуда обослаться с комиссарами и съездное место приговорить. На съезде требовать, чтоб поляки отдали боярина князя Ивана Ивановича Шуйского да князя Юрия Никитича Трубецкого с женою и детьми, если они сами захотят, и всех московских людей, которые теперь при королевиче, а которые в Литве и захотят ехать в Московское государство, то отпустить. Если будет можно, то Шереметеву сослаться с князем Шуйским и другими и спросить, надобно ли о них говорить по договорным записям, если они будут государеву жалованью рады и захотят, чтоб послы о них говорили, то говорить; а если русские люди прикажут, чтоб об них не говорить, то и не говорить.

Королевич, отступя от Москвы, пошел к Троицкому монастырю, но на требования сдачи архимандрит и келарь с братиею велели бить из наряда по польским войскам. Королевич отступил и стал за 12 верст от монастыря в селе Рогачеве. Гетман Сагайдачный прямо от Москвы отправился под Калугу и на дороге взял острог в Серпухове, но крепости взять не мог. В Калуге точно так же он успел выжечь острог, но в крепости от него отсиделись. Королевич распустил своих людей в галицкие, костромские, ярославские, пошехонские и белозерские места, но в Белозерском уезде поляки были

настигнуты воеводою князем Григорием Тюфякиным и побиты. Между тем уполномоченные — Новодворский, Лев Сапега и Гонсевский занимали Сватково, в 10 верстах от Троицкого монастыря. Приехавши в монастырь, Шереметев послал в Сватково Солового-Протасьева спросить уполномоченных литовских о здоровье и пригласить на съезд; Сапега и Гонсевский отвечали Протасьеву с сердцем, что посланников их, Христофора Сапегу с товарищами, великие послы в Москве задержали долго и вымогли на них неволею, что искони вечный лучший северский город Брянск оставили в своей стороне к Московскому государству, и написали в своем перемирном образцовом списке за Брянск Попову Гору, а они такого города, Поповой Горы, не знают и не слыхивали; также у Велижской волости рубежей не описали. Протасьев отвечал, что за Брянск уступлено три города: Серпейск, псковский пригород Красный да в Северской стране город Попова Гора, да еще Велижская волость. Лев Сапега сказал на это: «С вами нам теперь об этом говорить нечего, станем говорить с нашими великими послами, как будем на съезде». Протасьев отвечал: «Только вам великим послам то конченное дело начинать теперь сызнова, то царского величества великие послы, сверх того договора, о чем с вашими посланниками договорились и уложили, ни о чем с вами говорить не станут». Гонсевский продолжал с сердцем: «Я сам в Пскове бывал и псковские пригороды все знаю, в Красном не только что города, давно и закладни никакой нет, все пусто». Потом литовские послы начали говорить, чтоб на другой день с обеих сторон съехаться дворянам и розыскать съезжего места да чтоб людей было при съезде по 100 человек конных да 50 пеших с каждой стороны. Лев Сапега прибавил: «Как вы приедете к вашим великим послам, то поговорите о нас, чтоб они нам прислали рыбки». Протасьев отвечал: «К великим послам рыбы никакой из городов за вашими литовскими людьми к Москве не прихаживало ниоткуда».

Дворяне приискали съездное место в Троицкой деревне Деулине по Углицкой дороге, от Троицы в трех верстах, от Сваткова в пяти, и 23 ноября был первый съезд. Литовские послы начали говорить, что Московские послы вымогли силою у их посланников Брянск: «Вы в записи своей написали, что мы вам говорили о королевиче, и вы то дело ставите минувшим: так вам бы этого дела минувшим не называть, то дело божие; прошлую пятницу видели вы на утренней заре звезду с лучем, стояла она над вашим Московским государством, и вы по той звезде увидите, что над вами сделается за такие неправды». Московские послы отвечали: «Знаменье небесное бывает всякими различными образами, и о том рассуждать никому непригоже; бог не дал знать, которому государству что от того будет Мы думаем, что это знамение

совершится над вашим государством; небесное знамение — тварь божия, ему творцу и работает, а рассуждать про то никому не надобно. А если вы посланников своих договор станете переговаривать, то вперед чему же верить?» Литовские послы стали говорить с сердцем, а поощрял их на всякое зло Александр Гонсевский: «Вы на наших посланниках вымогли многие статьи не против нашей образцовой записи!» — кричали поляки. Московские послы отвечали: «Если уже ваша посольская верющая грамота, что дали вы вашим посланникам, не пряма стала, то вперед чему верить? А нам тех обеих записей переменить отнюдь нельзя, сверх договора и сверх совета братьев наших, великого государя бояр и всех его думных людей и всего великого Российского государства». Гонсевский стал говорить: «Какое ваше сходительство к доброму делу? Многие бельские волости оттягиваете ко Ржеву, а велижские многие волости написаны к Торопцу, и за бельские волости да за велижский рубеж еще крови много литься. А теперь вы приехали к нам с указом и велите делать по-своему, так же как и посланникам нашим; не дай бог литовским послам и посланникам у вас Москве никогда бывать, хорошо с вами съезжаться на поле, тут вы нам не указываете, потому что у нас с вами все ровное, а в Москве литовским послам переговоры вести — несчастье: все вымогаете силою; я был у вас в Москве при царе Василии и едва с головою выехал, а многие статьи через мою волю государь ваш на мне силою вымог, чего было мне делать нельзя. Прежде того царь Борис на канцлере Льве Ивановиче перемирье на 20 лет вымог силою, а вы теперь на посланниках наших вымогли силою то, чего было им делать не наказано, мы бы с вами на столько лет перемирья не сделали». Московские послы отвечали, что в Москве всем послам честь оказывают, никогда ни у каких послов силою ничего не вытягивали: «Вы это говорите, покрывая свои неправды, потому что никогда по договору перемирных дел не сдерживаете и крестное целованье нарушаете». Лев Сапега сказал на это: «Птичку хотя в золотую клетку посади да маком и сахаром ее корми, а воли и свету видеть не давай, то ей все ни во что. так и человек, будучи в неволе, что и не годится, делает. Я к вашему царю Борису приходил от короля в послах и был у него задержан долгое время, бояре ваши вымогли на мне перемирные большие лета силою, а вы нас теперь приехали обманывать, но мы еще на своей воле, а не в вашем задержаньи». И говорил много сердитых, непристойных речей. Тогда московские послы, видя, что литовские послы сердиты, и бояся от них разрыва, взяли у них тетрадь с их записью, чтоб сравнить с своею, и нашли во многих статьях многие прибавочные слова, например: прибавлено в королевском титуле название черниговский; к статье: отпустить смоленского архиепископа Сергия — прибав-

лено: если захочет; в записи у московских посланников было сказано о государе: «Которого у себя теперь (русские) великим государем московским имеют», а в польской тетради оказалось: «Которого у себя теперь государем московским именуют». Последнюю перемену, впрочем, литовские послы обещали выпустить и на том разъехались.

Когда Шереметев донес об этом царю, то получил наказ стоять накрепко, но если захотят разорвать, то допустить эти прибавки. Исполняя наказ, московские послы на втором съезде начали стоять крепко против прибавок. Польские послы отвечали им с сердцем, грозили, что полки гетмана Радзивилла, занятые прежде шведскою войною, теперь, после перемирия со шведами, стали свободны и придут на помощь к королевичу: «Еще вам кровь христианская не надокучила; будто с нами послуете (посольство отправляете), а на самом деле только маните да обманываете; но мы никаких ваших обманов не боимся, а надеемся на волю божию, на свою перед вами правду и на свое рыцарство, можем с вами управиться; если доброе дело между нами не сделается, то навесть вам этими своими указами такой на себя покой, что ни одного младенца в Москве и в других городах не останется. Нам так не писать: «Кого вы теперь великим государем имеете»; много государю вашему от нас и той чести, что мы в своей записи написали: «Которого у себя ныне великим государем именуют». Московские послы возражали, что поляки сами на первом съезде обещали оставить по-старому о государе: *имеют, а не именуют:* «Вперед уже чему верить? Как вам таким великим и честным людям не стыдно: что приговорите, и на том не стоите!» Польские послы отвечали: «Если бы вы все в Московском государстве захотели себе добра да добили челом государю своему королевичу, тогда бы всем вам всякий покой был и кровь христианская унялась бы; а то вы, забыв государя своего, причитаетесь неведомо к кому», — и говорили про великого государя непригожие речи. Московские послы отвечали: «Мы про вашего государя такие же непригожие речи говорить станем, и за то будет еще больше крови литься». Литовские послы кричали с сердцем: «Мы в вас никакой правды не чаем, все делаете проволокою. Мы еще из Варшавы писали к вам о посольстве и послали Яна Гридича, чтоб вам съехаться с нами и говорить о добром деле на границе, а вы Гридича задержали у себя долгое время и к нам его отпустили ни с чем; приехавши в Вязьму, мы опять к вам писали, а вы отвечали, что съехаться между Вязьмою и Волоком; мы ждали вас долго и не дождались; пришедши под Можайск, опять к вам писали, и вы отвечали, что будете на съезд на реку Истру, но и тут вас не дождались; потом писали, чтоб съехаться на Химке, но вы и на Химке съезжаться не захотели, а прислали, чтоб съехать-

ся под Москвою на реке Пресне, и тут едва на съезд поехали; вы нас изволокли мало не два года; теперь вы нас затруднили в зиму, а на нас приходит все войско с шумом, кричат, что они зимою из вашей земли идти не хотят, хотят королевичу служить всю зиму без денег». Лев Сапега кричал: «Присягаем вам, что больше с вами делать не станем, завтра же затянем на вас людей, а сами поедем в Литву на сейм». Московские послы отвечали: «Грозите нам войною и, сверх договора своих посланников, хотите опять кровь начинать; но рать — дело божие, кому бог поможет; в городах теперь много людей в сборе, а на весну и из других государств на помощь много людей придет». Явилось и новое затруднение: литовские послы не ручались, что запорожцы, лисовчики и полк Чаплинского послушаются их приказа и выйдут немедленно из Московской земли по заключении договора. Московские послы говорили, что они об этом и слушать не хотят; поляки соглашались написать, что выведут с собою лисовчиков и полк Чаплинского, но отказывались вывести запорожцев. Во время этих споров к съезжей избе к окну, подле которого сидели московские послы, подошел Соловой-Протасьев и сказал, что говорил ему литвин Мадалинский: «Этою ночью приезжал в Сватково к литовским послам королевич и говорил, что пришел к нему из Польши лист, чтоб с московскими послами скоро не мириться, а хочет он королевич полякам дать гроши на две четверти года». Услыхав эту весть, московские послы начали уступать, но съезд кончился ничем; Гонсевский говорил: «Хотя мы, помирясь, из вашей земли и выйдем, но ваши козаки иного вора добудут, к нему наши воры пристанут, так у них и без королевича будет другой Дмитрий». Московские послы ему отвечали: «Тебя еще не насытила кровь христианская, без отмщенья тебе от бога не пройдет!»

Шереметев с товарищами находился в тяжком положении. Весть за вестью, одна хуже другой, приходили к ним в Троицкий монастырь: миру не бывать, приходит к королевичу рыцарство и говорит, что оно миру с московскими людьми никак не хочет, и черкасы, Сагайдачный с товарищами, присылали к королевичу козака путивльца, чтоб им из Московской земли вон не ходить, да и донцы с королевичем ссылаются, что все хотят ему служить. Во время съезда подъезжали к посольским провожатым козаки и говорили: поляки и литва и все рыцарство стоят за королевича и мириться мешают, а они все козаки хотели отъехать к государю в Москву, но приехал к ним Левка Пивов и сказал, будто на Москве их братью козаков, которые выедут из Литвы, казнят и в тюрьму сажают: и они от того к государю и не поехали. Поляки, подъезжая к посольским провожатым, говорили: приезжают к ним козаки московские, которые теперь в воров-

стве, и просят дать им чаплинцев, лисовчиков и черкас, говорят: «Вы, поляки, лежите на леже, а мы будем промышлять под Владимиром, Суздалем и другими городами». Поляки же говорили дворянам вслух: есть у них калужского вора сын, учится грамоте в Печерском монастыре, и на Москве повесили не его, его унесли козаки, и грозили поляки дворянам: если послы доброго дела не сделают, то быть нашим саблям на ваших шеях.

Пришлось послам делать доброе дело во что бы то ни стало. 1 декабря на съезде они согласились на все перемены, внесенные поляками в московскую запись, но открылось опять затруднение: поляки не соглашались написать, что отдача городов в их сторону и отпуск митрополита Филарета произойдут в один срок, 2 февраля 1619 года, представляя, что Филарет не скоро приедет из Мариенбурга. Литовские послы встали уже и пошли из избы, объявляя, что разрывают, московские послы воротили их и, наконец, убедили докончить дело. Поляки говорили: «Для покоя христианского и для вашего, великих послов, прошенья, видя ваше к доброму делу сходительство, уступаем, чтоб в перемирных записях написать отпуск митрополита Филарета Никитича и князя Василья Васильевича Голицына с товарищами, полоняникам размену и городам очищенье и отдачу на один срок, на 15 число февраля по вашим святцам, а по нашему римскому календарю февраля 25». На этом покончили, и все были очень довольны, кроме Гонсевского, который во время крестного целованья плакал и говорил: «Я у крестного целованья выговариваю: только не развести прямых рубежей между Велижем, Белою и Торопцом, то мне свои рубежи всегда оборонять, я их выслужил у короля кровью». Сказавши это, Гонсевский положил под крест память рубежам, но московские послы бумагу с блюда скинули и сказали: «Это к нашему посольскому делу не пристойно». Гонсевский поцеловал крест и заплакал. Когда записями с обеих сторон разменялись, то литовские послы стали очень веселы и говорили с царскими послами мирно и тихо, гладко и пословно.

В записи говорилось: «Божиею милостию великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея Русии самодержца (титул), его царского величества бояр и всех его царского величества думных людей и всего великого Российского царствия великих государств великие послы (имена) говорили с (имена), о королевиче Владиславе отказали накрепко, что то ныне и вперед статься не может (т. е. чтоб ему быть на московском престоле); *а паны-рада и великие послы то дело на суд божий положили;* приговорили между великого государя нашего великими российскими государствами и между великими государствами — Короною Польскою и Великим княжеством Литовским перемирье на 14 лет и на

6 месяцев; мы, великого государя бояре и всего великого Российского государства великие послы, по повелению великого государя нашего, по совету бояр и всего великого Российского государства всяких чинов людей поступились городов (имена); отдать города с нарядом со всякими пушечными запасами, с посадскими людьми и с уездными с пашенными крестьянами, кроме гостей и торговых людей, а гостям и торговым людям дать волю, кто в которую сторону захочет, а духовенство, воевод, приказных и служилых людей выпустить в Московское государство со всем имением.

По упомянутому выше наказу, Шереметев послал к князю Ивану Ивановичу Шуйскому и к Василью Янову, находившимся в обозе у королевича, спросить их: хотят ли ехать к государю? и сказать, чтоб были надежны на государево жалованье, ехали в Московское государство безо всякого опасенья. Шуйский и Янов отвечали: «Ведают бояре и сами, что мы Московскому государству не изменники, в Польшу и Литву из Москвы не отъехали, меня, князя Ивана с братьями, выдали, а то я и сам знаю, что выдали меня не все люди Московского государства, многие люди о том и не ведали. Судом божиим братья мои умерли, а мне вместо смерти наияснейший король жизнь дал и велел мне служить, сыну своему, великому государю царю и великому князю Владиславу Жигимонтовичу, и я ему на том и крест целовал; если б мне не только великие комиссары позволили ехать в Московское государство, хотя бы и сам король позволил, то я бы его не послушал, потому что я целовал крест не ему, королю, а сыну его». Василий Янов сказал: «Меня послали к государю королю все бояре с послами, князем Юрием Никитичем Трубецким да с Михайлою Глебовичем Салтыковым, просить на Московское государство сына его, и я ему, государю, крест целовал». Князь Шуйский прибавил: «Если уже мои братья бояре, жалуя нас, к нам присылают, чтоб мы ехали в Москву, то они бы посылали к государю нашему, королевичу Владиславу, чтоб он с нас крестное целование снял, и если снимет, то мы в Москву поедем». Чем на этот раз дело кончилось, неизвестно.

В назначенный срок размена пленных не последовало; дело протянулось до половины июня 1619 года. Московские уполномоченные, те же самые, которые заключили Деулинское перемирие, жили в Вязьме, дожидаясь польских уполномоченных с Филаретом, Шеиным и другими пленными. Князь Василий Васильевич Голицын не увидел родной земли, он умер на дороге, в Гродне, и, по приказанию королевскому, был похоронен в Вильне, в братской церкви св. Духа 27 января. Архимандрит монастыря, Леонтий Карпович, говорил надгробное слово на текст: «Приидет час, в оньже вси сущии во гробех услышат глас сына божия», но в основании слова

легло изречение греческого философа, что жизнь человеческая подобна комедии. Почтенный отец был в большом затруднении: как хвалить покойника при известных отношениях его к королю; проповедник вышел из этого затруднения, отказавшись говорить о жизни Голицына, потому что не знал этой жизни, и призвал слушателей благодарить бога за доброго короля, который позволил похоронить Голицына так хорошо, как не могли бы похоронить его и в Москве; оратор призывал и самого покойника благодарить короля за то, что приготовил ему такое мягкое ложе на такой долгий сон! Тело Голицына, впрочем, было перенесено на родину.

Когда московские уполномоченные узнали, что Филарет выехал уже из Орши, то послали к нему Андрея Усова с таким наказом: если дадут видеться с митрополитом без приставов и без литовских людей, то спросить его, ожидает ли он государь себе размены вскоре, не будет ли какого задержания, нет ли у литовских людей какого умышления и не чает ли на размене какой беды, чтоб он государь пожаловал, обо всем этом приказал боярам, и как велит собою государем промышлять, лучшими ли людьми наперед разменяться или всеми вдруг, и как велит съезжаться и со многими ли людьми, а литовских пленников будет с боярами человек 300; обо всем бы пожаловал, приказал к боярам подлинно, о всяких вестях, а государь царь велел боярам о том докладывать его государя, и нет ли ему, государю, какого утеснения и скудости? Зачем литовские послы разменом замедлили, о чем в Литве у панов радных был сейм? Но Усов не мог добиться тайного свидания с Филаретом. Между тем отыскали место, удобное для съездов: по большой Дорогобужской дороге пустошь Песочну, от большой дороги в сторону версты с две, а под пустошью течет речка Поляновка, от Вязьмы до пустоши 17 верст.

Когда литовские уполномоченные приехали в Дорогобуж, то начались переговоры о съездах. Здесь опять Гонсевский начал жаловаться; бояре делают не по договору, литовских пленников везут на размен не многих, а на Москве по боярским дворам и по тюрьмам много их пленников засажено, а иных бояре и дворяне разослали по своим поместьям и вотчинам; бояре делают неправдою, чего никогда в христианстве не делается: иных пленников роздали в подарки татарам в Крым, иных — в Персию и к ногаям; так разве христиане делают, христиан поганцам отдают? В одной тюрьме держат по 150 человек, принуждают креститься в московскую веру и целовать крест государю. А которые королевские люди, немцы, французы, англичане, испанцы, нидерландцы, взяты в плен, тех бояре на размен отдать не хотят, и все это будет посольскому договору нарушенье. Гонсевскому отвечали, что все это речь затейная. Литовские уполномоченные назначили

съезд на 27 мая, но московские отказались на том основании, что не обозначено было, как велико должно быть число провожатых. Это рассердило Филарета, и он сказал дворянам, присланным к нему от уполномоченных: «Для чего бояре с литовскими послами в четверг 27 мая съезд отложили и присрочили съезд в воскресенье 30? Нам и так уже здешнее житье наскучило, не год и не два терпим нужду и заточенье, а они только грамоты к нам пишут и приказывают с вами, что им подозрительно, отчего из Дорогобужа к ним от меня никакой грамоты не прислано; а нам о чем уже больше к ним писать? И так от меня к ним писано трижды; боярам давно уже известно, что меня на размен привезли, а если бы меня на размен отдать не хотели, то меня бы из Литвы не повезли или бы из Орши назад поворотили».

Если послы от уполномоченных московских ездили к Филарету, то гонцы от литовских комиссаров ездили видеться с Струсем в Вязьму. В одно из этих свиданий Струсь напился пьян; когда гость долго у него засиделся, то приставы начали говорить, что пора ему домой. Струсь вместо ответа одного пристава ударил в щеку, другого в грудь; гость встал и вышел; приставы начали говорить Струсю: «Бояре, жалея тебя и оказывая к тебе свою добродетель, присылают к тебе литовских гонцов видеться, а ты, напившись пьян, так даруешь и нас, царского величества дворян, так позоришь! Нам с тобою драться не честь, а кликнем с караула стрельцов и велим тебя опозорить, если уже ты сам над собою чести держать не умеешь; завтра же над тобою тесноты прибудет, и вперед так напиваться и дуровать не станешь». Струсь рассердился еще больше, рвался к сабле; польский гонец говорил приставам: «Мы его давно и в Литве знаем: как напьется, то не знает сам, что с сердца делает». После этого не велено было Струсевых пахолков пускать на торг ни за чем, а для покупки велено посылать стрельцов, с кабака покупать ничего не велено и приставам запрещено ходить к нему; если же литовские пахолки станут с стрельцами о чем-нибудь задираться, то стрельцам велено их бить ослопами.

30 мая уполномоченные съехались. Гонсевский опять начал, что многих польских и литовских людей бояре похолопили и крестили силою, женили и держат неволею, а именно боярин князь Дмитрий Пожарский многих людей их разослал по своим поместьям и у себя держит на цепях, скованных неволею; а которые из тюрем выпущены, тех всех в морозы злые отпустили нагих и босых и всех поморили. Бояре отвечали, что все это баламутство и смута, объявляют они христианскою правдою, что ничего этого не бывало. Потом литовские послы начали требовать новых условий, между прочим, чтоб была вольная дорога мимо Брянска между уступленными Польше городами; Шереметев с товарищами не

согласились на это требование, как новое, и съезд кончился. Московские уполномоченные немедленно послали сказать Филарету, что литовские послы всчинают новые статьи, и доложить, как он, великий государь, укажет — разменять ли его наперед на Струся с некоторыми именитыми его товарищами и после того всех отпустить? Филарет, выслушав гонца, заплакал и сказал: «Велел бы мне бог видеть сына моего, великого государя царя и всех православных христиан в Московском государстве!» Что же касается до новых статей, то он ничего не сказал, потому что в шатре у него было много литовских людей. Потом спросил гонца: «Есть ли с боярами какая-нибудь от сына моего присылка, соболи или что другое? Надобно мне почтить тех поляков, которые оберегали мое здоровье, и если у бояр есть соболи, то чтоб они прислали мне их сегодня же». А Томила Луговской подошел к гонцу и сказал ему именем митрополита: «Если бояре станут соболей посылать, то они бы написали им цену с убавкою в половину перед указною ценою, а зачем — про то уже мы здесь знаем». Бояре исполнили приказ, выбрали 17 сороков, цену им положили с убавкою и в тот же день отослали к Филарету.

Чтоб подвинуть дело, литовские уполномоченные прислали к московским с угрозою, что если все их требования не будут исполнены, то они на съезд не поедут, отправятся с Филаретом назад и начнется опять война. Московские послы отвечали: «Вы приехали к нам с грозами и вымогаете на нас силою новые статьи, а нам этого, мимо наказа великого государя и без совета бояр, братии своей, сделать нельзя; угроз мы никаких не боимся, ратных людей у нас самих в сборе много, да и ближе вашего». Но такая храбрость была только на словах, без Филарета уполномоченным нельзя было возвратиться в Москву, и потому они прибавили: «Которые новые статьи нам будет можно написать, и мы, переговоря между собою, напишем их и пришлем; но чтоб быть дороге сухим и водным путем к вашим городам мимо Брянска и чтоб сыскивать и отдавать назад людей и наряд, которые были прежде в уступленных городах, а теперь нет, этого нам никак сделать нельзя, это дело новое». Посланные, уезжая с этим ответом, свидетельствовались богом, что их уполномоченные без исполнения всех статей размена делать не будут, и прибавили: «Ваши же про вас говорят, что есть между вами и такие люди, которые не хотят преосвященного митрополита на Московском государстве видеть, потому и доброго дела не делаете, хотите того, чтоб митрополита Филарета Никитича повезли назад». Послы отвечали: «Эти речи говорите вы не от себя, а по вымыслу своих великих послов, а если такие речи вы затеваете от себя, то нам, великим боярам, не только от вас, но и послов ваших слышать этого не годится;

вам бы пригоже говорить по своей мере, а у нас на Москве ни в каком чине нет таких людей, кто бы не хотел великого государя преосвященного митрополита Филарета Никитича».

Между тем Шеин дал знать Шереметеву, чтоб прислали к нему человека его, если с боярами есть его человек в острожке, или человека *повинных его,* Салтыковых или Морозовых. Уполномоченные велели человеку Морозовых (Бориса и Глеба Ивановичей). Поздею Внукову, ехать к литовским послам в обоз, а приехав, велеть про себя сказать боярину Михаилу Борисовичу Шеину. Последний через дворянина Коробина велел сказать Внукову, чтоб уполномоченные никак не медлили разменом, потому что у литовских послов чаять мирному договору и размену нарушенья, да чтоб в обозе у бояр было бережно и осторожливо. Уполномоченные испугались, согласились на все, и последовал размен. 1 июня митрополит Филарет приехал к речке Поляновке в возке, а Шеин, Томила Луговской, все дворяне и пленные шли за возком пеши. На Поляновке сделаны были два моста: одним должен был ехать Филарет со своими московскими людьми, а другим — Струсь с литовскими пленниками. Подъехав к реке, Филарет прислал литвина Воронца сказать уполномоченным, чтоб отпустили к нему Струся наперед безо всякого опасенья, а остальных пленных с обеих сторон будут пересматривать по списку. Но уполномоченные опасаясь обмана, отказали Воронцу: «Струся нам прежде великого государя Филарета Никитича отпустить никакими мерами нельзя, а пересматривать по росписи всех пленных на лицо некогда, время уже вечернее, и если на обеих сторонах пересматривать, то дело втянется в ночь; мы верим вашей росписи, кого по росписи и не объявится, то мы за ними тотчас в обоз пришлем». Филарет прислал в другой раз к уполномоченным, чтоб выслали наперед Струся и дурна никакого не опасались. Тогда они отправили Струся, а сами с стольниками, стряпчими, дворянами московскими, жильцами и выборными из городов дворянами дожидались Филарета у съезжего моста пеши, и как скоро Филарет, Шеин, Луговской и все дворяне по мосту пошли, то бояре велели всем литовским пленникам идти по своему мосту. Переехавши мост, митрополит вышел из возка, а Шереметев начал говорить ему речь: «Государь Михаил Феодорович велел *тебе* челом ударить, велел *вас* о здоровье спросить, а про свое велел сказать, что вашими и материнскими молитвами здравствует, только оскорблялся тем, что ваших отеческих святительских очей многое время не сподоблялся видеть». Потом Шереметев же правил челобитье от матери царской, Марфы Ивановны. Филарет спросил о здоровье царя и о спасении его матери и потом пожаловал, благословил Шереметева и спросил его о здоровье. За Шереметевым подошел

князь Мезецкий и правил челобитье от бояр и всего государства: «Бояре, князь Федор Иванович Мстиславский с товарищами, окольничие и вся царского величества дума и все великое Российское государство вам, великому государю, челом бьет и вашего государского прихода ожидает с великою радостию». Филарет благословил Мезецкого и спросил о здоровье всех послов. Третий уполномоченный, Измайлов, подошел к Шеину, спросил от государя о здоровье и говорил речь: «Служба твоя, раденье и терпенье, как ты терпел за нашу православную христианскую веру, за св. божии церкви, за нас, великого государя, и за все православное христианство московских великих государств, ведомы, и о том мы, великий государь, радели и промышляли, чтоб вам из такой тяжкой скорби высвободить». Дьяк Болотников спрашивал о здоровье Буговского и всех дворян.

Филарет ночевал в острожке, потому что размен происходил поздно вечером. На другой день, июня 2, он приказал послать от себя жалованье польским людям конным и пехоте, корм в почесть — баранов, кур, вина, меду, калачей и пошел в Вязьму. В Можайске встретили его рязанский архиепископ Иосиф, боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский, да окольничий князь Волконский; под Звенигородом в Саввине монастыре встретили: архиепископ вологодский, боярин Василий Петрович Морозов и окольничий Пушкин. В селе Никольском, что на Песках, от Звенигорода в 10 верстах — митрополит крутицкий, боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой и окольничий Бутурлин. По переезде через речку Ходынку встретили московские власти, все бояре, дворяне и приказные люди; после бояр встречали гости, торговые и всякие жилецкие люди. 14 июня, не доезжая речки Пресни, встретил митрополита сам царь и поклонился отцу в ноги. Филарет сделал то же самое перед сыном и царем, и долго оба оставались в этом положении, не могши ни тронуться, ни говорить от радостных слез. Поздоровавшись с сыном, Филарет сел в *сани,* а государь со всем народом шел пешком напереди, за Филаретом шел Шереметев с товарищами.

Патриарший престол после Гермогена оставался праздным: дожидались Филарета, дожидался его иерусалимский патриарх Феофан, приехавший в Москву за милостынею. Вместе с владыками русскими Феофан предложил патриарший престол Филарету, «ибо знали, что он достоин такого сана, особенно же потому, что он был царский отец по плоти, да будет царствию помогатель и строитель, сирым защитник и обидимым предстатель». После обычных отрицаний Филарет согласился и 24 июня был посвящен[8].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА

Двоевластие. — Различные отзывы современников о Филарете Никитиче. — Судьба царской невесты, Марьи Хлоповой. — Посольства в Данию и Швецию с предложениями о сватовстве. — Поднятие дела о Хлоповой. — Ссылка Салтыковых. — Женитьба царя на княжне Долгоруковой и кончина царицы. — Женитьба царя на Евдокии Лукьяновне Стрешневой. — Сношения с Крымом и ногаями. — Дела шведские: царские наказы воеводам относительно дел церковных и перебежчиков; сношения с Густавом-Адольфом по поводу Польши; русский человек Рубцов послом от шведского короля; первый шведский резидент Меллер в Москве; отправление шведских послов чрез московские владения к гетману запорожскому. — Сношения с Англиею; вспоможение, оказанное английским королем царю в войне с Польшею; приезд Мерика и переговоры с ним; мнения московских гостей об английской торговле; прекращение вопроса о проезде английских купцов в Персию по Волге. — Первый французский посол в Москве. — Посольства: голландское, датские, венгерское, персидские. — Дела польские: причины новой войны, заключавшиеся в самом Деулинском перемирии; оскорбительные для царя Михаила грамоты пограничных польских державцев; возвращение в Россию князя Ивана Шуйского; перебранка между русскими воеводами и польскими державцами, поляки грозят самозванцем; турки побуждают царя к войне с Польшею; собор 1621 года и приготовление к войне; остановка их вследствие неудачи султана Османа; набег крымцев и оплошность русских воевод; неудачные переговоры с Польшею; наем иностранных солдат и обучение русских ратных людей иноземному строю; смерть короля Сигизмунда; разрыв перемирия; местничество главных воевод, князей Черкасского и Лыкова; назначение Шеина и Измайлова; наказ этим воеводам; сбор денег и съестных припасов для войска; счастливое начало войны; осада Смоленска Шеиным; прибытие короля Владислава на помощь к осажденным; договор Шеина с Владиславом; сдача русского обоза королю; события в Москве во время смоленского несчастия; кончина Филарета Никитича; собор и его решения; суд над воеводами и казнь их; взгляд хронографа на дело Шеина; упорная защита Белой; стесненное положение короля; паны предлагают мир боярам; переговоры на Поляновке; вечный мир; посольство князя Львова в Польшу для закрепления мира; дело о гетманском договоре; церемония присяги; потеха королевская; возвращение тела царя Василия Шуйского в Москву. (1619—1635).

С возвращением Филарета Никитича в Москву начинается здесь двоевластие: было два великих государя, Михаил Феодорович и отец его святейший патриарх Филарет

Никитич, и это была не одна форма; все дела докладывались обоим государям, решались обоими, послы иностранные представлялись обоим вместе, подавали двойные грамоты, подносили двойные дары. Об отношениях обоих великих государей друг ко другу можно получить некоторое понятие из их переписки, когда один ездил на богомолье, а другой оставался в Москве. Так, в 1619 году Филарет Никитич писал сыну: «О крымском, государь, деле, как вы, великий государь, укажете? А мне, государь, кажется, чтоб крымским послам и гонцам сказать, что вы, великий государь, с братом своим, с государем их с царем, в дружбе и братстве стоишь крепко, посланника с помниками и с запросом посылаешь и их всех отпускаешь вскоре». В 1630 году царь Михаил писал к отцу: «Написано, государь в твоей государевой грамоте, что хотел ты, великий государь, отец наш и богомолец, быть в Москву в Троицын день; но в Троицын день тебе быть в Москву не годится, потому что день торжественный, великий, а тебе, государю, служить невозможно, в дороге порастрясло в возке, а не служить от людей будет осудно. Так тебе бы, великому государю, в пятдесятный день отслушать литургию в Тонинском и ночевать там же, а на другой день, в понедельник, быть к нам в Москву с утра; и в том твоя, великого государя отца и нашего богомольца, воля, как ты, государь, изволишь, так и добро. Молимся всемогущему богу, да сподобит вас, великого государя, достигнуть к царствующему нашему граду Москве на свой святительский престол поздорову, а нас да сподобит с веселием зреть святолепное и равноангельное ваше лице, святительства вашего главу и руку целовать, стопам вашим поклониться и челом ударить». Хотя имя Михаила и стояло прежде имени отца его, но понятно, что опытный и твердый Филарет имел очень большую долю в правлении при малоопытном, молодом и мягком Михаиле. Этой неопытностию и мягкостию молодого царя воспользовались люди, которым по заслугам их не следовало быть близко у престола. Иначе пошло дело, когда приехал Филарет; можно принять известие, что некоторые, привыкшие к своеволию при молодом царе, не желали возвращения Филарета, который должен был положить предел этому своеволию; другие, наоборот, были довольны тем, что с приездом Филарета избавлялись от смутного и тяжкого многовластия. Отсюда два различных отзыва о Филарете, которые мы встречаем у современников: по одному отзыву, Филарет не только слово божие исправлял, но и земскими делами всеми правил, многих освободил от насилия, при нем никого не было сильных людей, кроме самих государей; кто служил государю и в безгосударное время и был не пожалован, тех всех Филарет взыскал, пожаловал, держал у себя в ми-

лости и никому не выдавал. По другому изображению, Филарет «был роста и полноты средних, божественное писание разумел отчасти, нравом был опальчив и мнителен, а такой владетельный, что и сам царь его боялся. Бояр и всякого чина людей из царского синклита томил заточениями необратными и другими наказаниями; к духовному сану был милостив и не сребролюбив, всеми царскими делами и ратными владел».

Одной из главных забот Филарета была, разумеется, женитьба сына, с которою было связано упрочение престола в его доме и спокойствие государства. Еще в 1616 году выбрана была в царские невесты и взята ко двору девица Марья Иванова Хлопова; уже ей по обычаю переменили имя, назвали вместо Марьи Настасьею, вероятно, в честь знаменитой бабки царя, и стали называть царицею, как вдруг Михаилу донесли, что она опасно, неизлечимо больна, и несчастную невесту вместе с родными сослали в Тобольск. С возвращением Филарета началось движение Хлоповой все ближе и ближе к Москве: в сентябре 1619 года ее перевезли из Тобольска в Верхотурье, в 1620 из Верхотурья — в Нижний. Но в это время Филарет Никитич еще не думал поднимать дела о Хлоповой: ему хотелось женить сына на иностранной принцессе.

В 1621 году отправлены были князь Алексей Михайлович Львов и дьяк Шипов в Данию к королю Христиану с предложением: «По милости божией великий государь царь Михаил Феодорович приходит в лета мужеского возраста, и время ему государю приспело сочетаться законным браком; а ведомо его царскому величеству, что у королевского величества есть две девицы, родные племянницы, и для того великий государь его королевскому величеству любительно объявляет: если королевское величество захочет с великим государем царем быть в братстве, дружбе, любви, соединеньи и приятельстве навеки, то его королевское величество дал бы за великого государя племянницу свою, которая к тому великому делу годна». Послам был дан наказ: если будут говорить, что королевская племянница для любви супруга своего к русской вере приступит, а креститься ей в другой раз непригоже, потому что она и так христианской веры и крещена по своему закону, — отвечать: «Королевской племяннице в другой раз не креститься никак нельзя, потому что у нас со всеми верами рознь немалая: у иных вер вместо крещения обливают и миром не помазывают; так король бы свою племянницу на то наводил и отпустил ее с тем, чтоб ей принять святое крещение». Если король или думные люди скажут: «Как она будет за великим государем, то пусть сам государь ее к тому приводит, а они у нее воли не отнимают, или пусть послы сами говорят об этом с

королевскою племянницею», — то послам отвечать, что им самим говорить о том с высокорожденною королевскою племянницею непригоже, потому что их девическое дело стыдливо, и им с нею говорить много для остереганья их высокорожденной чести непригоже. Послы должны были промышлять, родственникам и ближним людям невесты говорить всякими мерами, веру православную хвалить и на то невесту привести, чтоб она захотела быть с государем одной веры и приняла святое крещение; к людям, которые будут этим промышлять, быть ласковыми и приятельными и если надобно, то, смотря по мере, и подарить, и вперед государским жалованьем обнадеживать. Если король спросит: будут ли его племяннице особые города и доходы, то отвечать: «Если по божественному писанию будут оба в плоть едину, то на что их государей делить? Все их государское будет общее, чего она государыня захочет, все будет ей невозбранно, кого захочет, того, по совету и повеленью супруга своего, жаловать будет, и тем датским людям, которые будут с нею, неволи и нужды не будет, а чаем, что с ней будут немногие люди, многим людям быть не для чего, у великого государя на дворе честных и старых боярынь и девиц отеческих дочерей много». Если король согласится на все, просить позволения ударить челом племянницам и, пришедшим к ним, ударить челом по обычаю учтиво об руку и поминки королеве и девицам поднести от себя по сороку соболей или что пригоже, причем смотреть девиц издалека внимательно, какова которая возрастом, лицом, белизною, глазами, волосами и во всяком прироженье и нет ли какого увечья, а смотреть издалека и примечать вежливо. Если королева позовет их к руке, то идти, королеву и девиц в руку целовать, а не *витаться* с ними (не брать за руку) и, посмотревши девиц, идти вон, после чего проведывать, которая к великому делу годна, чтоб была здорова, собою добра, не увечна и в разуме добра, и какую выберут, о той и договор с королем становить, спрашивать, сколько дадут за невестою земель и казны. Сватовство кончилось ничем. Под предлогом болезни король отказался говорить со Львовым, а тот отказался объясняться с ближними королевскими людьми.

Попытались еще раз: в январе 1623 года отправлено было к шведскому королю Густаву-Адольфу предложение высватать за царя Екатерину, сестру курфюрста бранденбургского Георга, шурина Густаву-Адольфу. Но разность исповеданий явилась непреодолимым препятствием этому союзу, ибо царь непременным условием поставил, чтоб Екатерина крестилась в православную веру греческого закона. Густав-Адольф отвечал, что ее княжеская милость для царства не отступит от своей христианской веры, не откажется

от своего душевного спасения и потому он, король, видит, что все труды по этому делу будут напрасны.

Когда заграничные сватовства не удались, решились поднять дело о прежней русской невесте, которая жила в Нижнем в совершенном здоровье. Призвали доктора Валентина Бильса и лекаря Балцера, которые по поручению кравчего Михайлы Михайловича Салтыкова пользовали царскую невесту. Бильс и Балцер объявили, что у Хлоповой была пустая желудочная болезнь, которая излечивается очень скоро. Тогда взяли к допросу Михайлу Салтыкова: на каком основании он объявил царю Михаилу, что у Хлоповой болезнь неизлечимая? Салтыков начал вертеться, запираться, явно было из всего, что он солгал. Государи призвали на совет самых близких к себе людей: Ивана Никитича Романова, князя Ивана Борисовича Черкасского; Федора Ивановича Шереметева, и на этом родственном совете было решено послать за отцом Марьи, Иваном, и дядей Гаврилою Хлоповыми, чтоб чрез них узнать дело обстоятельнее. Иван Хлопов объявил, что дочь его была совершенно здорова до тех пор, пока привезли ее во дворец; здесь открылась у нее рвота, которая, однако, скоро прекратилась и после того, во время ссылки, не возобновлялась ни разу. Спросили духовника, и тот объявил то же самое. Наконец приехал Гаврила Хлопов и объяснил дело. Однажды государь с своими приближенными, в числе которых были и новые родственники Хлоповы, ходил осматривать вещи в Оружейной палате. Между прочим поднесли царю турецкую саблю, которую все начали хвалить; один только Михайла Салтыков сказал: «Вот невидаль, и на Москве государевы мастера такую саблю сделают». Государь, обратясь к Гавриле Хлопову, подал ему саблю и спросил, как он думает: сделают ли такую саблю в Москве. Хлопов отвечал: «Сделать-то сделают, только не такую». Тогда Салтыков с сердцем вырвал у него из рук саблю и сказал, что он не смыслит дела, потому и говорит так; Хлопов с Михайлою побранился и поговорил с Салтыковым гораздо в разговор, и с тех пор Борис да Михайла Салтыковы стали его не любить; вот почему когда Марья Хлопова занемогла, то Салтыков объявил, что у ней болезнь неизлечимая. Государи этим не удовольствовались, послали боярина Федора Ивановича Шереметева и чудовского архимандрита Иосифа с медиками в Нижний разузнать подлинно, точно ли Хлопова здорова. Следователи прислали ответ утвердительный. Несчастная девушка на вопрос Шереметева: отчего она занемогла?— отвечала, что болезнь приключилась ей от супостат; отец ее Иван утверждал, что ее отравили Салтыковы, дав ей для аппетита какой-то водки из аптеки; но всех умнее говорил дядя Гаврила Хлопов, что его племянница занемогла от неумеренного

употребления сладких блюд. Как бы то ни было, однако проделка Салтыковых была явна: их разослали по деревням, мать заключили в монастырь, поместья и вотчины отобрали в казну за то, что они «государской радости и женитьбе учинили помешку. Вы это сделали изменою (говорится в указе об их ссылке), забыв государево крестное целование и государскую великую милость; а государская милость была к вам и к матери вашей не по вашей мере; пожалованы вы были честью и приближеньем больше всех братьи своей, и вы то поставили ни во что, ходили не за государевым здоровьем, только и делали, что себя богатили, домы свои и племя свое полнили, земли крали и во всяких делах делали неправду, промышляли тем, чтоб вам при государской милости, кроме себя, никого не видеть, а доброхотства и службы к государю не показали». Падение Салтыковых не возвратило, однако, Хлопову во дворец; царь объявил, что хотя она и здорова, но он все же на ней не женится: говорят, будто мать царская, которой Салтыковы доводились племянниками, объявила, что ни за что не согласится на этот брак. Хлопову по-прежнему оставили в Нижнем, только корм велели давать перед прежним вдвое. Отказавши Хлоповой, царь женился на княжне Марье Владимировне Долгорукой, но молодая царица в тот же год умерла: летопись утверждает, что она была испорчена; на следующий год царь женился на Евдокии Лукьяновне Стрешневой, дочери незначительного дворянина. Дело Хлоповой всего лучше показывает, что делалось без Филарета во дворце и кто были люди, осыпанные царскими милостями и не хотевшие никого другого видеть у царя в приближении.

Что касается до внешних сношений, которыми должен был заняться Филарет Никитич по возвращении из плена, то прежде всего надобно было задарить крымского хана, хотя сделать это было очень трудно по истощению казны после войны польской. Московский посланник Амвросий Ладыженский писал государю: «Велел я толмачам проведывать у татар, жидов и бусурман, которые к царю ходят на двор, а у меня прикормлены: что царь говорил с ближними людьми, когда прочел твою государеву грамоту, и пойдет ли царь или калга в Литву? Татары, жиды и бусурманы толмачам сказывали, что царь, прочтя грамоту, говорил: поминки государь московский отложил до зимы, с королем помирился, а ко мне о том не пишет, он нас обманывает, для того и поминки отложил до зимы, что нам зимой к Москве нельзя воевать идти. И если он теперь летом поминков не даст, то зимою и подавно ничего не даст, а отдохнувши, станет стоять на нас, сложась с королем. И приговорил царь послать калгу к Москве войною, а сказать, что идет калга в Литву через Московское государство. И я, —

продолжает Ладыженский, — сведав, что царь хочет калгу послать в Московское государство, говорил ближним людям, что великий государь посланника по синему льду с поминками пришлет и, высвободя отца своего и бояр, с королем велит опять войну начать; поминки государь отложил до осени потому, что собрать было нельзя: Москва была в осаде да и за Москвою польские и литовские люди во многих местах и многие города разорили и запустошили, откуда государева казна собиралась, и проезду ко мне, посланнику, во всю зиму не было, а посадские и пашенные тяглые люди многие стали в стрельцы и в козаки, сами жалованья просят. Но ближние люди говорили: «Можно было государю и в одной Москве поминки собрать: татары, которые были в Москве, сказывают, что нынче там люди богаче прежнего, и если калга пойдет сам под Москву, то государь скорее поминки даст». И отговорить у царя походу, чтоб ему не посылать калги в твою государеву землю, я никак не умел. Ибрагим паша мне говорил: «Если государь нынче летом поминки и деньги пришлет, то я царя удержу, к Москве царь и калга не пойдут, а пойдут в Литву; если же государь теперь поминков не пришлет, то мне царя не удержать; царю за смертную досаду стало, что государь с королем помирился и поминки отложил до зимы, насилу я теперь его удержал»». Получив такое донесение от своего посланника, государь приказал: «Деньги в крымскую кладь сбирать и казенные расходы давать изо всех приказов, чтоб ни за чем не стало, и отпустить гонцов поскорее, дня в два или много в три». И после характер отношений к Крыму не изменился: хан за недосылку поминков позволял себе чинить московским послам бесчестье, тесноту и мученье, вымогать у послов записи в платеже денег угрозами, что всех их людей велит продать за море; но послам этим из Москвы присылали наказ: «Говорить гладко и пословно, а не торопко, и где надобно жестоко молвить, то покрыть гладостью, чтоб в раздор не войти».

Нужно было уладить и отношения к ногаям, которые в Смутное время отстали от Москвы, перенесли свои кочевья с Ногайской стороны на Крымскую и воевали московские украинские города. Воевода князь Алексей Михайлович Львов и дьяк Иван Грязев, отправленные в Астрахань еще в 1616 году, действовали удачно, ногайских мурз и всех улусных людей привели под царскую руку в прямое холопство, перевели их опять с Крымской стороны на Ногайскую, взяли в заложники в Астрахань мурз, их братьев, детей и лучших улусных людей; из дальнего кочевья, из-под Хивы и Бухары перезвали в Астрахань Албу-мурзу с братьями и племянниками, а с ними улусных людей тысяч до пятнадцати, укрепили их шертью и велели кочевать с астрахан-

скими мурзами и юртовскими татарами; наконец, Львов и Грязев успели выручить у ногаев русского полону тысяч с пятнадцать человек. С Швециею сначала шли долгие споры о проведении границ. Между Московским государством и областями, уступленными Швеции, существовала твердая связь — единоверие, и правительство московское старалось поддержать ее: в 1619 году преемник Исидора, новгородский митрополит Макарий, по царскому указу, разослал по этим волостям грамоты, которых образец писан был в Москве; в грамотах говорилось: «Так как вы прежде были чада церковные и служители христовой веры, то я не хочу вас отвергать, но более хочу присоединять; хотя вы теперь под державою другого владетеля, однако не должно вам отлучаться духовного порождения. Поэтому напоминаю вам, как прежде вы были чада нашей паствы и сыны церкви, так и теперь, ни в чем не отступая от нашего благословения, крепко стойте, мужайтесь, утверждайтесь, не будьте ничем преткновенны, не умаляя нисколько прежних преданий, держитесь святой апостольской веры, от отцов вам преданной, а по повелению великого государя нашего приезд и отъезд вам в Великий Новгород по духовным делам будет вольный». Шведы смотрели подозрительно на переписку новгородского митрополита с русским духовенством в уступленных им волостях и потому требовали, чтоб митрополит о духовных делах переписывался с шведскими правителями, а не прямо с русскими священниками. Новгородский воевода донес об этом требовании государю, и тот отвечал: «По нашему указу новгородскому митрополиту Макарию велено о попах писать и делать по указу и грамоте отца нашего великого государя святейшего Филарета Никитича; а если о чем-нибудь по этому указу случится писать к шведскому маршалку, то к маршалку писать тебе, боярину нашему, по совету с митрополитом; а митрополиту с маршалком не ссылаться, потому что он человек духовный и чину великого, ему с иноземцами ссылаться непригоже». Впрочем, шведы более всего опасались чтоб новгородский митрополит вовсе не прервал духовных сношений с православным народонаселением уступленных областей, что заставило бы последнее бежать толпами в русские пределы: вот почему шведское правительство усердно домогалось у московского, чтоб новгородский митрополит посылал священников и освящал церкви в Кореле и других уступленных волостях. Несмотря, однако, на это, русское духовенство плохо уживалось с лютеранами, монахи и священники перебегали в Новгород; шведские державцы в силу договора требовали их выдачи; царь писал по этому случаю к новгородскому воеводе: «Вы бы тех черных и мирских попов и чернецов, которые теперь в нашей стороне живут, да и тех попов и чернецов, которые

вперед с шведской стороны перебегут и в нашей стороне объявятся, без нашего указа в шведскую сторону не отдавали; а если шведские державцы станут к тебе писать и их просить, то отвечай, что их до сих пор в нашей стороне не отыскали, а как отыщут, то дадут им знать; да отпиши, чтоб они нашим людям в вере тесноты не чинили и не гнали, а станут в вере теснить и гоненье чинить, то им поневоле будет бегать». При этом царь приказывал воеводе не держать беглецов в порубежных местах, но отсылать их во внутренние области или в Москву. Любопытна также царская грамота к новгородскому воеводе о перебежчиках не из духовенства: «Вы бы с державцами шведских городов ссылались и размен перебежчикам делали, смотря по их ссылке и отдаче, потому что с нашей стороны в шведскую сторону перебежчиков дано много, а с их стороны в нашу сторону — мало, многие не отданы, и держат их, мимо мирного договора, неволею. А которые люди объявились по вашему сыску в нашей стороне, а в шведских росписях имен их нет, то вы этих людей сажайте за нами в дворцовых селах, в волостях, которые от рубежей подальше, подмогу им и льготу давайте, как пригоже, смотря по них и по пашне, а близ рубежей жить им не велеть для того, чтоб про них в шведских городах не ведали и к вам не писали; сажайте их за нами волею и к нашей милости приучайте ласкою, подмогою и льготою, чтоб им за нами на пашнях садиться было охотно; а если их сажать в неволю, то они станут бегать назад и сказывать в шведских городах про других своих товарищей, пойдет ссора, и утаить перебежчиков будет уже нельзя». Надобно было распорядиться также относительно русских людей, которые для торговли приезжали из уступленных Швеции городов в Новгород. На этот счет воевода новгородский получил такую царскую грамоту: «Писали вы к нам, что приезжают в Великий Новгород с шведской стороны для торгу русские люди и бьют челом, чтоб позволять им ходить в Каменный город к соборной церкви св. Софии и к новгородским чудотворцам молиться, а у вас о том нашего указа нет. Так вы бы про тех людей велели разведывать, не пошатнулись ли они в вере, не пристали ли к лютеранской вере? Если они в православной вере тверды, то вы б велели их пускать к церквам, которые на посаде, а в Каменный город в соборную церковь их не пускать; если же про которых разведаете, что они в православной вере пошатнулись, таких и на посаде к церквам не пускайте, пуще всего берегитесь, чтоб нашей православной вере поруганья не было» Позволено было русским людям ездить на обе стороны для свидания с родственниками· «Только смотреть, чтоб русские люди для лазутчества в Новгород не приезжали». Насчет шведов, приезжавших в Новгород учиться

русской грамоте, воеводе было наказано: «Таких принимать и велеть их учить русской грамоте на посаде церковным дьячкам; а в церковь некрещеных немцев не пускать, о чем дьячкам приказывать накрепко; а кто из немцев захочет креститься в нашу православную веру, таких крестить, а как крестить, то их во свою землю не отпускать (и сказать им еще до крещения, что им отпуску с нашей стороны не будет), присылать их к нам в Москву или велеть им быть в Новгороде, кто к кому пойдет по своей воле; а по тех людях, которые крещеных немцев станут к себе принимать, брать поруки с записями. А которые немцы теперь учатся в Новгороде и захотят ехать в свою землю, таких отпускать с прежними грамотами; принимать иноземцев грамоте учить таких только, которых привезут отцы, братья и дядья, а не таких, которые сбежат бегом».

С обеих сторон не хотели подавать повода к разрыву: Москва хотела успокоиться, собрать хотя сколько-нибудь свои силы, и то не для войны со Швециею; Густав-Адольф, занятый на западе, желал искренне мира с Москвою, желал союза с царем против Польши. Запорожье волновалось, и Густав-Адольф хотел воспользоваться этим, прислал в Москву великих послов Бремена и Горна с просьбою, чтоб царское величество послал к запорожским козакам свое повеленье и отвел бы их от Польской Короны. Бояре отвечали, что этого сделать невозможно, ибо черкасы запорожские — люди польского короля, а между Московским государством и Польшею заключено перемирие. В 1626 году приехали шведские послы — дворянин Юрий Бенгарт, а другой, к изумлению московского двора, назывался Александр-Любим Дементьевич Рубец, или Рубцов, и по дороге ходил в русскую церковь. Царь послал спросить у пристава: каким языком говорит посол, в постные дни ест ли рыбу, по какому указу пристав пускал его в церковь, как он в церкви стоит и молится и в каком платье ходит? Рубцов отвечал, что он русский человек, пострадал за православную веру от короля Сигизмунда, сидел в Мариенбурге в плену 11 лет и освобожден был королем Густавом-Адольфом. Несмотря на то, пристав в селе Черкизове не пустил Рубцова в церковь, а когда он приехал в Москву, то приставы говорили ему от имени думного дьяка Грамотина: «Ведомо, что ты был человек Московского государства и веры христианской греческой, а после того был в заточении у литовского короля в Малборке; и ты, будучи в Малборке, православную нашу веру держал ли? И в римскую и в иные веры не отступил ли и как ныне православную веру держишь?» После удовлетворительного ответа послу позволили ходить в церковь; потом он бил челом, чтоб позволили ему видеть образ пречистой богородицы, обедню слушать в соборной церкви, святейшего

патриарха Филарета Никитича очи видеть и благословение принять; бил челом, что он был в Малборке в заточении за христианскую веру, и отца духовного у него не было долгое время; так бы святейший патриарх пожаловал, велел дать ему запасные дары, где ему случится, в дороге или при смерти, и ему бы тем причаститься, а святейший патриарх его знал в Малборке. Ему позволили быть в Успенском соборе, где он виделся и с патриархом.

Рубцов, собственно, приехал послом не к московскому двору, а с целию отправиться через московские области в Белую Русь и в Запорожье. В грамоте своей король уведомлял царя о своих успехах в Прусской земле против Сигизмунда польского и прибавлял: «Если ваше царское величество захотите поотомстить за великую неправду, которую польские люди вашей земле и подданным сделали, то ваше царское величество никогда не выберете времени удобнейшего, потому что татары вошли в Польскую землю с одной стороны, а мы с другой, думаем, что и с третьей стороны войдет в Литовскую землю некоторый великий государь: это мы вашему царскому величеству дружелюбно объявляем ради той дружбы, которую оба наши величества между собою имеем». Бояре отвечали: «Что король Густав-Адольф города у недруга своего побрал, тому великий государь порадовался и всегда рад слышать, чтоб государю вашему недруга своего польского короля до конца победить и землями его завладеть. Король посылает Александра Рубцова в Белую Русь и в Запорожье; в Столбовском договоре сказано, что вольно шведским послам через Московскую землю ходить в Персию, Турцию, Крым, в иные страны и восточные земли, которые с его царским величеством не в явной недружбе, а про Белую Русь и Запорожье в договорных записях ничего не написано; Александра пропустить невозможно, потому что между Российским государством и Польшею заключено перемирье. Добрый совет отомстить королю Сигизмунду великий государь принимает в любовь, мыслить о том будет, только теперь, в перемирные лета, сделать этого нельзя, это будет крестному целованью преступленье и на душу грех; а если хотя и малая неправда объявится от польского короля и до урочных лет, то великий государь на польского короля идти готов и с Густавом-Адольфом королем наперед об этом обошлется». С этим послы и отправились назад. Патриарх Филарет разослал грамоты к архиереям тверскому и новгородскому, чтоб они велели в своих епархиях пускать Рубцова в церкви, ибо он страдал в Малборке за православную веру, приговорен был к казни и он патриарх его терпенье видел.

Принявши участие в великой борьбе за протестантизм против Габсбургского дома, Густав-Адольф в начале

1629 года прислал в Москву послов своих Монира и Бенгарта с объявлением, что «в прошлом году бог помог ему против польского короля, можно было ему с своим войском через всю Польшу пройти беспрепятственно, если б не помешка была от римского цесаря и папежского заговора, потому что они с своею великою силою близко пришли и осадили сильный торговый город Штральзунд, который стоит на Варяжском море. Королевское величество, для обереганья себя и своего великого государства, также многих соседей и единоверцев, с большим войском пошел к этому городу на помощь и выручку, в чем и успел. Вашему царскому величеству подлинно известно, что цесарь римский и папежане привели под себя большую часть евангельских князей в Немецкой земле и взяли лучшие морские устья в Датской земле, Мекленбурге и в Поморской земле. Тут они теперь с великим раденьем готовятся, чтобы к будущему лету великосильное корабельное собрание собрать в Варяжском море, и этим не только торговле помешать, но и пограничные государства, Шведское, Прусское и Датское, подвести под себя и под папежскую работу. Его королевское величество напоминает, чтоб ваше царское величество заранее подумали, какая великая опасность вам и государствам вашим над головою висит: если только цесарь с папежскими заговорщиками одолеют Шведскую землю, то станут искать погибели русских людей и искоренения старой греческой веры; так надобно об этом заранее подумать. Надобно думать, что ваше царское величество до урочных перемирных лет с польским королем войны не начнете; а надобно было бы бедным и утесненным людям в Немецкой и Датской земле помочь! Королевское величество хочет со всею своею силою промышлять; по такому великому войску многие запасы надобны, а хлеб в Шведской земле от больших дождей не родился: так просит король позволения купить в наших землях и вывезть в его войско 50 000 ржи и других съестных припасов; а если ваше царское величество захотите помочь мирскому делу деньгами или хлебом, то всемогущий бог ваше царство свыше иных земель одарит. Папа, цесарь римский и весь дом австрийский только того ищут, как бы им быть обладателями всей вселенной, и теперь они к тому очень близки; а когда мы видим, что соседний двор горит, то нам надобно воду носить и помогать гасить, чтоб свое соблюсти; пора уже вашему царскому величеству подумать, чем соседям помочь и как свое уберечь».

Бояре отвечали: «Великий государь наш крепко о том мыслит и хочет польскому королю против его неправд месть воздавать, государю вашему и другим христианским государствам евангелицкой веры помогать всякими мерами, чтоб

кесарева и папежников злого умысла до себя не допустить и вам всем помочь. Великий государь за неправды польского короля и нарушенье мирного договора не хочет ждать истечения перемирных лет, хочет над ним промышлять и государю вашему помогать. Пусть только король ваш напишет, сколько ему надобно съестных припасов, и великий государь велит покупать их беспошлинно в который год хлеб уродится; государь велел подданным своим с подданными вашего государя торговать повольною торговлею, всякими товарами без всякой пошлины». Когда переговоры о государственных делах были кончены, то послы подали жалобы шведских купцов: в новгородской таможне им прямого расчета не делают, только говорят им: «Положите деньги, мы сочтем». А когда шведы по своему счету сметят, то и окажется, что на них много лишнего взято. Шведам нельзя ходить по улицам, потому что им кричат, называют их салакушниками и куриными ворами и другими разными позорными словами. Из Нарвы, Ижоры, Орешка и других порубежных мест нельзя проезжать извощикам в русские города, потому что берут с них большое мыто Шведам не позволяют в русских городах учиться по-русски. Стрельцы, стоящие у ворот, не пропускают русских купцов к шведским на шведский гостиный двор.

В начале 1630 года тот же Монир приехал в другой раз в Москву с известием, что Густав-Адольф заключил перемирие с польским королем, дабы тем удобнее обратить все свои силы на цесаря, и с просьбою позволить купить в России беспошлинно хлеба, круп, смолы и селитры. Царь велел отвечать, что он не сердится на короля за перемирие с Польшею, потому что оно было заключено по нужде; повторяет, что с своей стороны не будет дожидаться истечения перемирного срока и пойдет мстить польскому королю его неправды, только просит Густава-Адольфа, чтоб это дело содержалось в тайне Что же касается до просьбы королевской, то хотя бы и не довелось позволить купить вдруг столько хлеба, потому что в Московском государстве в нынешнем году хлеба недород, но для дружбы и любви государь позволил купить 75 000 четвертей ржи и 4000 четвертей проса беспошлинно. И государь ваш с царским величеством за такую великую дружбу был в дружбе и любви и совете добром. Позволено было также беспошлинно купить 200 бочек смолы, равно как и селитры, где сыщут.

И в следующем, 1631 году дано было позволение купить на короля хлеба 50 000 четвертей. В этом году впервые явился при московском дворе шведский агент Яган Меллер; объясняя значения агента, король писал царю, что Меллер будет исправлять все дела легче и с меньшими издержками, что такие лица и при иных великих королях и государях

живут. Меллер должен был объявить боярам о разных слухах насчет замыслов Польши и вообще католических держав против Московского государства; между прочим агент объявил: в Смоленске русские люди говорят: «Только польский войну поведет, то боярские холопи мало не все передадутся на польскую сторону, рады будут вольности». Агент объявил и слова короля своего: «Если б царскому величеству можно было ко мне в сердце заглянуть, то он бы угадал, как я ему доброхотую»; объявил, что король его в случае войны царя с Польшею уступит ему собственные два полка с добрыми начальниками. В то же самое время шведы, стращая московский двор опасными замыслами короля Сигизмунда и императора Фердинанда, уверяя, что Густав-Адольф с своим войском передняя стена Московского государства, передовой полк, бьющийся в Германии за Русское царство, убедили царя пропустить двоих шведских посланцев к запорожцам для склонения их к восстанию против Польши. Посланцы эти получили наказ: объявить козакам доброе расположение к ним шведского короля, расположение, основанное на борьбе против общих недругов, на гонении, которое люди греческой веры терпят одинаково с евангеликами от иезуитов; объявить, что король хочет жаловать их своим жалованьем, наслышавшись об их ратных делах; считая их друзьями веры и вольности, король по тому самому считает их врагами папы, прямого антихриста, и короля испанского, который хочет отнять вольность у всех народов. Посланцы должны были объявить козакам, что Густав-Адольф будет давать им жалованья гораздо больше, чем дает король польский, не требуя ничего, кроме преданности к себе, и пусть для окончательных переговоров пошлют они уполномоченных своих в Ливонию. Наконец посланцы должны были закинуть мысль о двух услугах, которых ждет Густав-Адольф от козаков, а именно: помочь ему при избрании в короли польские и выслать войско в австрийские земли

В августе 1631 года по указу великих государей в Посольском приказе расспрашивали путивльца, Григория Гладкого, можно ли ему из Путивля привести к Запорожскому войску двоих немцев, посланных из Швеции с грамотами к запорожцам, и куда ему их привести — в Киев ли или иной какой-нибудь город черкасский? Гладкий отвечал, что запорожские козаки живут в разных городах, а когда им службу скажут, то они собираются, где приговорят, а больше всего собираются в Маслове Ставу, от Киева верст с полтораста, а место это Маслов Став пустое. Если государи прикажут ему ехать с этими немцами к черкасам, то он ехать готов; если спросят у него на дороге, что за люди и куда едут, то он будет говорить, что едут к гетману запорожскому, а за-

чем — того он не знает, нанялся он у них везти телегу с запасом. И приведет он немцев в слободы Вишневецкого, где живут запорожские козаки, и как немцы скажутся, что едут к гетману, то козаки сами проводят их к гетману Тимохе Арендаренке, который живет в Коневе, или проводят до Киева. Но государи велели сказать Гладкому, чтоб он порадел, провел немцев в Киев, к епископу Исакию луцкому да к Порфирию и Андрею Борецким, братьям митрополита Иова, а они бы там промыслили, как к запорожскому войску отпустить, у гетмана же Тимохи и у козаков, которые служат королю, им не быть. Гладкий отправился с немцами и в октябре возвратился в Москву с вестию, что он в Киеве не застал ни епископа Исакия, ни Борецких, и немцы наняли монастырскую службу, чтоб довез их Днепром до нового гетмана Ивана Петрижицкого-Кулаги, потому что старого Арендаренка козаки переменили. Неделю спустя приехал Андрей Борецкий; Гладкий отдал ему государеву грамоту и про прежние грамоты расспрашивал. Борецкий государеву грамоту взял и хотел ее к запорожцам отвезти сам, о прежних же грамотах сказал, что луцкий епископ Исакий на погребении митрополита Иова Борецкого обе грамоты, и государеву, и Кирилла патриарха константинопольского, отдал архимандриту Печерского монастыря, Петру Могиле, но Петр до сих пор этих грамот запорожским козакам не отдал, и когда он, Борецкий, об них ему напомнил, то Петр отвечал: «Достоин ты с этими грамотами кола», после чего он, Борецкий, уже больше говорить об них не смел. Скоро пришло известие в Москву, что гетман Кулага засадил шведских посланцев под стражу и дал об них знать гетману Конецпольскому.

Но, вступая в тесные сношения с Швециею, надобно было покончить с Англиею, которая считала себя вправе на благодарность московского правительства, именно за возможность тесных сношений с Швециею. Столбовским миром затруднительные обстоятельства Московского государства еще не кончились, ибо во время его заключения грозная туча собиралась над Москвою со стороны Польши. В июле 1617 года отправлены были в Англию дворянин Степан Волынский и дьяк Марк Поздеев с благодарностию за примирение с Швециею и с просьбою о помощи против Польши: послы должны были просить, чтоб Якуб кероль послал к датскому, шведскому королям и нидерландским владетелям с просьбою стоять заодно с Москвою против Польши, так как самому Якубу королю свою рать посылать на Польшу непригоже за дальностию. А датскому, шведскому и нидерландским владетелям есть за что на польского короля стоять: под шведским королем он доступает шведского королевства; датскому королю в свойстве курфюрст бранден-

бургский и Вильгельм князь курляндский, а польский король Прусскую землю всю у бранденбургского князя хочет под себя взять и Вильгельма из Курляндской земли выгнать; на голландских владетелей ссылается с папою римским, также всякое зло хочет над ними, над их и над вашею английскою верою делать, а про государя вашего польский король непригожие слова говорит». Послы должны были настаивать, чтоб английский король непременно помог великому государю казною, просить казны тысяч на 200 и на 100, по самой последней мере на 80 000 и 70 000 рублей, а меньше 40 000 не брать. Если будут требовать у послов крестного целования в том, что царь отдаст деньги королю, то не соглашаться на закрепление, отзываясь неимением наказа, а просить, чтоб король слал своих послов в Москву; указывать, что царь Феодор послал большую казну императору, а никакого письма и укрепления между ними не было. По самой конечной мере послы должны были дать письмо и требовать помощи денежною казною, ефимками и золотыми, чтоб ратным людям можно было давать вскоре. Наконец послам было наказано говорить накрепко, всякими мерами, чтоб велено было ребят, отданных при Годунове в ученье, сыскать и отдать; а как их отдадут, взять к себе и держать с великим береженьем, тесноты и нужды ни в чем не делать, их этим не отогнать, во всем их тешить.

Вследствие этого посольства в 1619 году приехал в Архангельск английский посол Дюдлей Дикс с деньгами, но, узнав, как видно, об осаде Москвы поляками, возвратился из Холмогор, сдавши дела дворянину Финчу и купеческому агенту Фабину Смиту, которые и отправились в Москву. Царь сначала не принял их как послов, потому что в верющей королевской грамоте они не были названы, но потом принял; деньги 20 000 рублей были у них взяты на время, с обещанием отдать назад. Когда война с Польшею была окончена, в июле 1620 года приехал в Москву Мерик и был принят царем и патриархом: патриарх сидел подле царя по правую сторону, бархатное место его было сдвинуто с государевым местом, но образ над патриархом был особенный с застенком, по правую сторону патриарха на окне стоял крест на золотой мисе; митрополиты, архиепископы и епископы сидели от патриарха по правую сторону, а бояре, окольничие и дворяне большие сидели по-прежнему от государя по левую сторону в золотых шубах и черных шапках; по правую сторону на окольничьем месте, поотодвинувшись от духовенства немного, сидел окольничий Никита Васильевич Годунов да казначей Траханиотов, потому что Годунов встречал и являл посла, а Траханиотов являл поминки. Годунов, являя посла, обращался к обоим великим государям, но руку целовал посол только у одного царя.

Посол говорил речи и царю и патриарху; когда патриарх, выслушав речь, встал, поклонился по обычаю и спросил про королевское здоровье, то царь в это время для отца своего встал же, грамоты посол подал две — царю и патриарху. Мерик говорил царю и патриарху особо (называя царя кесарским величеством), что король обрадовался заключению мира с Польшею и освобождению Филарета; потом подал поминки двойные — царю и патриарху: царю — солонку хрустальную, обложенную золотом с дорогими каменьями и жемчугом, инорога серебряного вызолоченого, льва серебряного вызолоченого, птицу струса (страуса) серебряную вызолоченую, пять кубков серебряных вызолоченых, две фляги серебряные вызолоченые, лохань да рукомойник серебряные вызолоченые, сосуд каменный, покрышка и поддонник у него золотые, разные шелковые материи и сукна, два попугая индейских, зверя индейского антилопа; патриарху — сосуд хрустальный, обложенный вызолоченым серебром, четыре кубка с вызолоченными покрышками, рукомойник да лохань серебряные вызолоченые, бархат, атлас, кресла, обитые бархатом вишневым, шитые золотом канителью.

При переговорах с боярами Мерик объявил, что Дюдлей Дикс привез государю на вспоможенье 100 000 рублей, но что Финч и Смит всех этих денег не отдали, а дали только малую долю — 40 000 ефимков или 20 000 рублей; король, посылая деньги, не велел просить никакого заклада, велел только говорить о письме за царской печатью для укрепленья. Потом Мерик жаловался, что английские купцы потерпели большие убытки (именно 144 000 рублей) от Смутного времени, от грабежа и от того, что обедневший народ не покупает их товаров, наконец от того, что деньги русские стали легче весом: прежний рубль равнялся 14 шилингам английским, а теперь тот же рубль стоит всего 10 шилингов; кроме того, убыток от прикащиков и слуг, которые исхарчили много их гостинных денег, да сосватались и поженились на московских урожденках или вступили в службу к государю, нарочно подданство приняли, чтоб гостям английским кривду учинить и отчета господам своим никакого не отдать; вследствие этого Мерик просил, чтоб ни одному прикащику и слуге нельзя было в России жениться и в службу вступать без ведома и позволения большого гостя английского, чтоб сперва они ехали в Англию для счета с гостями, а потом уже могут вступать в царскую службу. Наконец Мерик опять начал просить дороги Волгою в Персию. Опять государь велел собрать гостей московских, сказать им о просьбе Мерика да прибавить, что англичане за дорогу в Персию дадут в помощь казны, что будет пригоже: «Государь царь и святейший патриарх велели вам гостям об этом объявить да вам же велели объявить: ведомо вам всем,

что по грехам в Московском государстве от войны во всем скудость и государевой казны нет нисколько: кроме таможенных пошлин и кабацких денег, государевым деньгам сбору нет, а городам разоренным дана льгота; что собиралось казны с вас гостей и торговых людей, пятинной и запросной деньги, то все государь для вашей легости отставил, а служивых людей, козаков и стрельцов в городах прибыло, жалованье им дают ежегодно, докуки государю и челобитье от служивых людей, от дворян и детей боярских большие, а пожаловать нечем. Если по грехам будет который недруг, то казны готовой нет и вперед завести неоткуда; а если дать английским гостям дорогу в Персию, то не будет ли от того московским гостям и торговым людям помешки и оскуденья?»

Гости и торговые люди отвечали: «Бьем челом за милость великих государей, а в том: дать ли дорогу англичанам в Персию или нет? — их государская воля; они гости и торговые люди будут говорить по своему крайнему разумению, только б государь милость показал, за то на них опалы не положил, что они будут говорить спроста». Боярин князь Иван Борисович Черкасский и дьяк Грамотин сказали им, чтоб говорили прямо без всякого опасенья, и начали спрашивать гостей порознь, по одному человеку. Гость Иван Юрьев сказал, что если уступить англичанам путь по Волге в Персию, то убыток будет государю и гостям русским, ибо теперь московские и понизовых городов торговые люди ходят в Персию многие, москвичи, ярославцы, костромичи, нижегородцы, казанцы, астраханцы, а с тезиков, которые приезжают в Астрахань, берут с рубля по 4 алтына; когда же англичане станут ездить в Персию, то тезики перестанут ездить в Астрахань. Если с англичан брать пошлину, то государевой казне прибыль будет большая, а у торговых людей промыслы отнимутся, потому что им с англичанами не стянуть; если только от того государю будет помощь большая, англичане станут платить пошлину большую, то волен бог да государь, а им для собрания государской казны на время и потерпеть можно, хотя и убыточно. Гость Григорий Твердиков говорил: «В том государская воля: сами они гости видят, что государь мыслит об этом для скудости; пусть государь только велит англичанам торговать указными своими товарами заморскими, а русскими товарами торговать им с персиянами не велит; русские товары туда ходят: соболи, кость, рыбий зуб, цки бельи, кожи-юфти; да в Московское же государство привозят из немецких государств ефимки, и от того государевой казне и им гостям прибыль большая, пошлина с ефимков сходит многая; а теперь если ефимки пойдут в Персию, то государевой казне будет убыль многая, а им оскуденье, в Персии лучший товар ефимки и

деньги старые московские, а в Московском государстве серебра будет мало и торговым людям помешка и оскуденье». Григорий Никитников говорил: «Как стало разоренье Московскому государству и думали, что быть ему за польским королем, то голландцы тотчас послали к литовскому королю, давали 100 000 рублей, чтоб король дал им одним дорогу в Персию. Если и англичане теперь дают в государеву казну много, в том его государская воля, а даром давать дороги в Персию не для чего. Государю было бы прибыльнее поторговаться с англичанами и голландцами вместе, они одни перед другими больше дадут. Брать с них небольшую пошлину и думать нельзя, потому что московским торговым людям быть от них без промыслу, и государю, думать надобно, челобитье будет от всей земли, потому что теперь за персидские промыслы торговые люди взялись многие и от того богатеют, а государю идет пошлина большая». Родион Котов сказал: «Боятся наша братья того: только англичанам дать дорогу в Персию, и их промыслы станут; но этого не угадать, всякому своя часть: и большим товаром торгуют, и малым промышляют, как кто сможет. Вот и у Архангельского города торг неровный: сначала приезжают мелкие люди с небольшими товарами и торгуют ими, а после приходят с большими товарами и также торгуют, меньшие не остаются же, а всякий по своей мере исторгуется, так и тут: иные персияне станут с англичанами торговать в Персии, а другие поедут в Астрахань, одним англичанам своими товарами как Персию затворить? много в Персии охочих торговых людей, поедут за русскими товарами». Остальные гости были против позволения, разве только англичане дадут большие деньги в казну; говорили также, что надобно спросить купцов ярославских и нижегородских, потому что они больше всех торгуют с Персиею.

Вследствие этих ответов бояре спросили у Мерика: какие товары английские гости повезут в Персию? Какие будут там покупать и где им этими товарами торговать — в Московском ли государстве или возить за море? Какая прибыль будет от того государевой казне и какую пошлину станут платить или сколько денег дадут в казну? Мерик отвечал, что англичане будут привозить в Персию сукна, ефимки, олово сухое и другие английские товары, а в Персии покупать шелк сырой, краски, ревень, кисеи, миткали, дороги, камки, а те товары, которые привозили в Московское государство, и вперед будут провозить, дороги эти товары не будут». Бояре сказали: «Это так, но какая прибыль казне государевой, потому что торговля будет в Персии?» Мерик отвечал: «Если царское величество велит устроить торговым людям иных государств съезд и торг в Астрахани, то в таможенной пошлине будет прибыль большая». Бояре

спросили: «Какую пошлину английские гости будут платить?» Мерик отвечал: «Об этом мне не наказано. А если вы, бояре, думаете, что от нашей торговли с Персиею государевой казне и людям убыток будет, то я и говорить об этом перестану, король мой убытка государю и его людям не желает».

Таким образом, вопрос о пошлине разом остановил все дело, ибо англичане надеялись беспошлинно провозить свои товары в Персию. Начали говорить о других делах; на жалобу Мерика, что новые деньги делаются легче весом, бояре отвечали: «После царя Феодора Ивановича в Московском государстве учинилась смута, многое разоренье и земли запустение, царская казна разграблена, а служивых людей умножалось, и жалованья дать нечего; государи христианские пограничные помощи не подали; так поневоле деньги стали делать легче, чтоб государство было чем построить и служивых людей пожаловать, да и не новое то дело: во многих государствах то бывало в воинское время, не только золотые или деньги бывали дороже или легче прежнего, во многих государствах торговали медными или кожаными деньгами, и теперь медными деньгами торгуют мало не везде; а как скоро которое государство поисправится, то опять и деньги поправляются, а укоризны в том нет никакой. Английские гости всякие товары стали продавать дороже прежнего: при прежних государях продавали золоченое серебро в деле гривенку по три рубля, а белое и без четверти, а теперь продают гривенку по пяти рублей и больше, а серебро в сосудах провозят не самое чистое, мешанное с медью, также и сукна привозят перед прежним хуже, поставы меньше, короче и уже и в мочке сукон убывает много, а ценою дороже перед прежним мало не в полтора раза, да и не одни английские гости в Московское государство приезжают, торгуют и других земель торговые люди, но они убытков себе в деньгах никаких не сказывают». Мерик отвечал: «Голову свою дам и честь свою отложу, если серебро хуже старого; а об сукнах от короля крепкий заказ: велено сукна делать добрые и поставы по прежней мере, король не хочет обманом жить». Насчет приема в службу английских прикащиков и слуг бояре отвечали: «У нас иноземцев в царскую службу неволею не берут, силою никого не женят и в Московском государстве неволею не оставляют никого; а кто царскому величеству бьет челом в службу, таких великий государь не оскорбляет, ко всяким иноземцам милость свою показывает и от своего царского жалованья не отгоняет. А вот при царе Борисе Федоровиче были посланы в Английскую землю для науки молодые дети боярские, и они там задержаны неволею, а Никифор Алферьев и от веры нашей православной

отступил и, неведомо, по какой прелести, в попы стал; король бы непременно их прислал, чтоб братской дружбе и любви нарушенья не было». Мерик отвечал, что один из них умер уже, двое — в Индии: как приедут, так их пришлют, а Никифор объявил, что он ехать в Москву не хочет, неволею же послать король не произволил. «Да и говорить теперь об этом нечего, — прибавил Мерик, — со мною об этом деле не наказано». Мерик просил, чтоб к английским гостям был назначен особый попечитель из бояр; на это ему отвечали, что ведают и будут ведать английских гостей в одном Посольском приказе, а о делах их будут доносить царю думные посольские дьяки. Мерик просил, чтоб государь отдал назад 20 000 рублей, присланные ему королем на вспоможенье против поляков, просил на том основании, что король нуждается в деньгах, должен помогать зятю своему Фридриху Пфальцскому, королю богемскому. Деньги отдали. От пустых земель, выпрошенных прежде Мериком, теперь он сам отказался: «Королевское величество решил, что в чужой земле пашню пахать неприлично».

Отделались от англичан; явились французы с теми же требованиями. Еще в 1615 году царь отправил во Францию посланников — Ивана Кондырева и подьячего Неверова с объявлением о своем восшествии на престол и с просьбою о помощи против поляков и шведов: «Послали мы к вам, брату нашему, — говорилось в царской грамоте, — наше государство обвестить, Сигизмунда короля и шведских, прежнего и нынешнего, королей неправды объявить. А вы, брат наш любительный, великий государь Людвиг король, нам бы великому государю способствовал, где будет тебе можно». Понятно, что Людвиг XIII ничем не способствовал. Но осенью 1629 года приехал в Москву в первый раз французский посол Людвиг Деганс (Де-Гэ Курменен). По царскому указу новгородский воевода послал навстречу к нему пристава Окунева с лошадью. Пристав хотел ехать по правую сторону посла, но тот с левой стороны не поехал и не трогался с того места, где встреча была; пристав ему говорил, что у государя бывают турские, персидские, немецкие и другие послы и по левую сторону ездят; француз отвечал, что Турция, Персия, Крым — земли не христианские, а его король христианский и потому ему по левую сторону не ехать, у него о том от короля приказ. Пристав ему говорил, для чего он об этом прежде не объявил до съезда в землю государеву? Посол отвечал, что он русского обычая не знает, потому и не писал, и хотел ехать назад в Юрьев Ливонский, с той лошади сошел, которую прислал ему воевода, подводу, на которой ехал, покинул, стал в телегах да и говорит, что ему учинен позор и он за свой позор смерть примет. Ему говорили, что из государевой земли без государева указа

его не отпустят; он отвечал: «Если меня назад и не отпустят, то я буду стоять, корм и питье стану покупать на свои деньги, а с левой стороны не поеду», и стоял до вечера. Наконец француз придумал средство: пусть едут два пристава: один — по левую, а другой — по правую сторону, а он — в середине; Окунев, посоветовавшись с псковским архиепископом, согласился, сам ехал по правую сторону посла, а по левую ехал один сын боярский в виде пристава. Окунев доносил, что французы, едучи дорогою, государевым людям чинили насильства и обиды, посол их не унимал, а пристава не слушались.

Приехавши в Москву, посол бил челом, чтоб государь велел ему давать вина французского да рейнского, а что им идет государева жалованья, питья, и они к тому питью не привычны, да бил челом еще об уксусе. Вина и уксусу дали. Потом он стал требовать, чтоб на представлении государю ему быть при сабле, и Кондырев пред его королем был в сабле, чтоб, изговоря царского величества титул, речь говорить ему в шляпе; наконец, чтоб дали ему возок. Во всем этом отказали. В ответе бояре прежде всего начали говорить, что титул царский в королевской грамоте не сполна написан. Посол отвечал: «У государя моего в государстве повелось изначала, что он ко всем великим государям в грамотах своих имен и титулов не пишет, также и своего королевского имени и титула не пишет и новостей вводить нельзя». Бояре сказали: «Отчего же с Кондыревым прислана грамота и в ней царское именованье написано сполна?» Посол отвечал, что король велел это сделать по просьбе Кондырева: «И если так писать, как государев титул говорят, то в титуле написаны многие места, всего нам и не упомнить». Бояре говорили, что до сих пор такого образца не бывало ни от которых государей. Посол отвечал: «Если угодно, то государь его вперед царское именование и титул велит описывать, в том он клянется именем божиим и королевскою головою». Когда кончились споры о титуле, то посол объявил статьи: 1) король хочет с царем быть в крепкой дружбе и любви, что царю годно в его государстве, товары или какая сила, то король ни за что не стоит. 2) Торговля подданных обеих сторон без явки и без пошлины. 3) У французских купцов в Московском государстве вольности не отнимать и взаперти не держать; держать им священников и учителей своей веры; быть у них начальному человеку и ведать их во всем. 4) Есть в их странах дом австрийский, в нем князь особый (король испанский), цесарю друг и цесарева рода и с польским королем они стоят заодно, помощь чинят немалую; королю французскому тот австрийский князь недруг, а царю недруг польский король; прибыль себе те князья получают от того, что посылают

торговать в восточную землю и тем польскому королю помогают; так если царь с французским королем будет в дружбе и любви, торговлю велит французанам в Московском государстве дать повольную, то государь его станет австрийский дом теснить и торговлю их восточную отнимет, у них силы убудет и польскому королю помогать перестанут. 5) Царское величество позволил бы французанам ездить в Персию чрез свое государство; от того царю и его подданным будет прибыль большая: англичане, голландцы и брабантцы покупают товары во Французской земле, в Московском государстве продают их дорогою ценою и товары привозят обычные, а французане станут товары привозить самые добрые и продавать по своей прямой цене. Царское величество — глава и начальник над восточною страною и над греческою верою, а Лудовик король французский — начальник в полуденной стране, и когда царь будет с королем в дружбе, любви и соединенье, то у царских недругов много силы убудет: цесарь римский с литовским королем заодно, а царю с королем французским по тому же надобно быть в дружбе и на недругов стоять заодно. Французский король турскому султану друг; зная, что царскому величеству турский султан друг, а над православною христианскою греческою верою царское величество начальник, зная это, король наказал послам своим в Царе-граде, чтоб они русским людям и грекам, которые при них будут, в Царе-граде во всяких делах помогали. Такие великие государи — король французский и царское величество везде славны, других таких великих и сильных государей нет, и подданные их все люди во всем им послушны; не так, как англичане и брабантцы делают все по своему хотенью, что есть дешевых товаров, скупят в Испанской земле, да русским людям и продают дорогою ценою, а французане будут продавать все дешево. Бояре отвечали отказом в беспошлинной и в персидской торговле, говоря, что французы могут покупать персидские товары у русских купцов, кроме заповедных — белого шелка сырого и селитры; отказали и в учителях веры для французов, потому что у других иноземцев таких нет в Москве, хотя посол и утверждал, что в Париже 12 церквей греческих и у французов обычай бывать у отца духовного по четыре раза в год, так без отцов духовных быть им нельзя. Таким образом, Курменен уехал, не добившись ничего нового.

Вслед за французским в августе 1630 года явились послы голландские — Альберт Конрад Бург и Иоган Фелтдриль, били челом великим государям, Михаилу и Филарету, за то, что они жалуют торговых голландских людей, и объявили от имени Штатов и принца Генриха Оранского, что они начали войну с королем испанским и его советниками,

папою римским и цесарем. Король испанский, папа римский и цесарь ищут всюду ввести свою проклятую папежскую веру, а православную христианскую искоренить, и царскому величеству они недоброхоты же: так, Штаты и принц Генрих велели царскому величеству объявить, что они хотят иметь с ним дружбу и соединение и торгу в Московском государстве хотят прибавить; а когда они с царским величеством будут в дружбе и торговля их будет прибавлена и укреплена, то папежанам всем будет поруха большая. Голландцы ведут торговлю в Литовской земле, в Данциге покупают пепел и золу и лен и пеньку дорогою ценою и польскому королю платят пошлины большие, литовским торговым людям от того барыши большие, но Штатам и принцу Генриху известно, что товары эти идут в Литовскую землю из Московского государства, так царское величество учинил бы заказ, чтоб московские люди этих товаров — золы, льну и пеньки в литовские города не возили, а возили бы к Архангельскому городу, а голландцы эти товары станут у них покупать, царской казне будет прибыль большая, а польскому королю ежегодного убытка будет по 100 000 ефимков больших и подданные его будут без промыслу и в скудости; когда царское величество на это согласится, то Штаты и принц Генрих закажут своим подданным накрепко, чтоб они в Данциг на кораблях за товарами не ходили, а ездили бы к Архангельскому городу. Кроме того, Штаты и принц Генрих велели царскому величеству объявить: государь жаловал иноземцев, велел в Московском государстве хлеб покупать, но тот весь хлеб очутился у них в Голландской земле, иноземцы продали его у Архангельского города голландцам и барыши себе взяли большие, двойные деньги. Государь бы пожаловал, велел голландцам приезжать к Архангельскому городу и в Москву и с русскими торговыми людьми торговать повольною торговлею, а пошлину брать умеренную, как с других иноземцев берут. Да высокие же Штаты приказали просить, чтоб царское величество и его святейшество приказали вывозить в Нидерланды хлеб и селитру, сколько можно, за что Штаты позволят царским подданным вывозить из Нидерландской земли всякие товары, деньги и военные запасы и всякую помощь царскому величеству оказывать.

Послам отвечали, что многим безымянным голландским торговым людям торговать в Москве и в других городах нельзя, потому что государевым людям от того будет теснота и убытки большие: так они бы, послы, написали именно, скольким им людям голландским торговать в Москве и по городам, ибо и англичане торгуют не многие же люди. Государь и святейший патриарх указали голландцам держать в Москве агента точно так же, как и англичане дер-

жат; что же касается до продажи золы, льна и пеньки только голландцам, то, когда будет голландский агент в Москве, он станет уговариваться с московскими торговыми людьми и голландцы будут покупать эти товары в Москве и в указных городах. Послы говорили: «Слышали мы слухом и подлинно знаем, что Московское государство землею пространно, и многие земли, на которых можно хлеб пахать, лежат пусты; если царское величество и отец его святейший патриарх позволят голландским торговым людям приезжать многим, кто захочет, то из них те, которым пашенное дело за обычай, станут великим государям бить челом, чтоб они эти пустые земли пахать позволили, голландцы станут распахивать по своему обычаю и товары всякие готовить, как у них ведется; от этого царской казне будет многая прибыль в пошлинах, а московским торговым людям будут барыши добрые; из Швеции, из восточной и западной Индии и из Голштинии сами присылают и просят у голландских Штатов, чтоб голландским торговым и всяким людям позволили приезжать и пустые места распахивать, но Штаты этого не позволили, а велели просить у царского величества, чтоб голландским всяким людям приезжать в Московское государство для торговли и для пашни». Но в Думе решили: «В пашне отказать и всяким людям мимо письменных торговых людей не ездить. Отказано было и в том, чтоб хлеб и селитру продавали исключительно голландским купцам; государи приказали только продать голландским послам 23 000 четвертей ржи из того хлеба, который назначен был в Астрахань. Послы просили, чтоб позволено было голландцам по Двине-реке и у Архангельского города самим лес рубить и у русских людей покупать лес большой дубовый и сосновый, корабли из него делать у Архангельска, а другой лес возить к себе за море. Это было дозволено с условием, чтоб голландцы нанимали русских людей рубить лес и покупали бы его только у русских людей. Наконец послы просили, чтоб позволено было голландцу Ернесту Филипсу и компании производить тридцать лет исключительную и беспошлинную торговлю с Персиею через Московское государство, за что компания будет вносить ежегодно в царскую казну по 15 000 рублей. На это отвечали, что быть тому невозможно. Английскому королю отказано по челобитью торговых людей Московского государства. Бояре спросили послов: только ли им и наказа, что о торговле? Послы отвечали: «Кроме торговли, нам ни о каких других делах не наказано, а торговля дело большое: во всех государствах большая дружба и государям прибыль, а подданным прибытки бывают от торгового промысла». Бояре сказали на это: «Между государями и государствами дружба и любовь бывает не для одной торговли».

За голландцами явились датчане с теми же предложениями. В июне 1631 года приехал в Москву полномочный датский посол Малтсюл Гизингарский для заключения мирного докончания и с требованиями: 1) чтоб между обоими государствами была беспошлинная торговля; 2) в 1630 году позволено было датчанам купить хлеба 3000 ластов; хлеб куплен, но не сполна, так теперь бы позволено было докупить беспошлинно и вперед бы с хлеба пошлин не брать; 3) чтоб голландскому купцу Давиду Николаеву позволено было быть агентом над датскими торговыми людьми, дать ему жалованную грамоту, написать гостиным именем; 4) чтоб дана была дорога датским купцам в Персию; 5) чтоб позволено было ему, послу, посмотреть гроб королевича Иоанна. Послу отвечали, что в шахову землю дороги никому давать не велено; об агенте указ будет после мирного докончания; хлеба велено купить в три года 75 000 четвертей ржи, по 25 000 на год: пусть так и будет; о беспошлинной торговле отказано; что же касается до мирного докончания, то для этого царь отправит своих послов к датскому королю. К ответу своему бояре присоединили жалобу, что в 1623 году приходили в государеву землю, в Кольское становище, шесть датских кораблей и царских подданных погромили, причем датчане говорили, что делают это по повелению своего короля за пожитки немчина Клима Юрьева, который приезжал в Кольский острог в 1620 году. А тот немчин Клим Юрьев, будучи в Кольском остроге, воровал, говорил про великого государя и про его землю непригожие слова, делал многую ссору и хотел без царского повеления идти в Пустоозеро; за это его взяли на время к Архангельскому городу, пожитки его были переписаны, а потом его за море отпустили и пожитки отдали.

Посол просил по крайней мере, чтоб позволено было на будущие годы покупать хлеб сверх прежде позволенного, чтоб взятые пошлины с хлеба возвратили и вперед не брали; ему отвечали: в будущие годы каков хлебу будет урожай и какова цена, этого теперь знать нельзя; с недокупленных 25 000 четвертей, которые пойдут на 1632 год, пошлин брать не велено. Наконец посол обратился к главному: «Я прислан, — говорил он, — для заключения мира, и не понимаю, зачем это дело откладывалось до других послов, которых отправят в Данию?» Бояре отвечали, что он прислан один, без товарищей, и потому при нем одном царь не будет креста целовать на докончанье, так не повелось. Посол возражал, что король его всюду посылает по одному послу, и ему верят по грамотам королевским. Но в Москве боялись, чтоб мирное докончанье с Данией не повредило дружественным отношениям к Швеции, и потому бояре отвечали послу: «Закрепить с тобою нельзя еще потому, что тебе ничего не

наказано о друге царском, короле Густаве-Адольфе; хочет ли король Христиан быть в такой же дружбе с шведским королем Густавом-Адольфом, как и с нашим государем?» Бояре предложили написать договорные грамоты и послу целовать крест, чтоб задора, обид и неправд никаких с обеих сторон не было, пока вечное докончание совершится; посол согласился, но когда надобно было писать грамоты, то вышел спор: посол никак не согласился в своей записи написать имя королевское после царского, почему и был отпущен без грамоты и без ответного списка *за его упрямство;* при отпуске ему не позволено было ничего сказать в свое оправдание, у руки царской он был, но скамейки ему не было, за его упрямство царь и патриарх сесть ему не велели, также и стола ему не было.

Вслед за этим упрямцем отправились в Данию (в декабре 1631 года) московские послы, дворяне Василий Коробьин, Иван Баклановский и дьяк Грязев, с наказом настаивать, чтоб имя царское было написано прежде королевского; если скажут, что шведский король имя свое пишет в грамотах прежде царского, то отвечать: «Шведский король царскому величеству друг, показал великому государю нашему многую дружбу, любовь и правду, великий государь наш шведскому королю подвижен своею царскою дружбою и любовью против его многого добра, а докончанье учинено с шведским королем в то время, как Московское государство было в разоренье, и шведский король во всем ищет царскому величеству чести и повышенья».

Послов ждал дурной прием: их поставили в Копенгагене у купца, двор был очень худ и тесен, самим им и малых покоев не было, запасов положить и людям деться негде; у посольского двора поставили сторожей многих людей, солдат с ружьем, и берегли накрепко, государевым людям со двора и к послам на двор никакому человеку ходить не велели. Послы спрашивали у толмачей, что это значит. Те отвечали, что теснота учинена по жалобам посла Малтеюла и особенно толмача Клима Блома, будто им в Москве на приезде и на отпуске было оскорбленье великое, будто были заперты и во всем была им скудость, и отпущены ни с чем. После представления король обедать послов не позвал, а прислал корм к ним на дом, причем секретарь королевский объявил, что они, датчане, будут пить наперед чашу королевскую, а потом царскую и патриаршескую, по московскому обычаю пить прежде здоровье своего государя; послы не согласились, здоровья королевского не пили, пили одни датчане, а потом послы царской чаши уже не предлагали. Начали говорить о вечном докончании: король не согласился, чтоб его имя было поставлено после царского, и

послы были отпущены только с любительными грамотами, не сделав ничего.

В 1630 году приехали в Москву послы от Бетлем-Габора, называвшегося королем венгерским. То были два француза — один Карл-Таллеран, маркиз Дасседевиль, другой Руссель. Последний обнес своего товарища перед московским правительством в злых умыслах, и несчастного Дасседевиля засадили в Костроме за пристава. Герцог Соассонский, принимая участие в судьбе Дасседевиля, просил английского короля Карла I исходатайствовать у русского царя освобождение ему; король согласился, и вместе с Генрихом Нассауским прислал об этом деле грамоты к царю и патриарху в 1632 году. Грамоты привез француз Гастон де-Шарон и получил такую ответную грамоту к английскому королю: «Присылал к нам послов своих Бетлем-Габор, король венгерский, о дружбе и любви и в своих грамотах писал, что отправил к нам послов своих, Карлуса Тулрандуса, которого ваше величество пишете теперь маркизом, и Якова Русселя. Когда эти послы были у нас, то пришла весть, что венгерского короля Бетлем-Габора не стало, и посол его Карлус хотел ехать из нашего государства к испанскому королю, и хотел турецкого султана Мурада с испанским королем ссорить; но так как мы с турецким султаном в дружбе и любви, то мы этому Карлусу велели побыть в нашем Московском государстве до времени, чтоб он султана с королем испанским не ссорил; и теперь, не сославшись с султаном Мурадом и не сыскавши об этом деле допряма, освободить его нельзя». Уже в 1635 году сам король Людовик XIII прислал в Москву грамоту, в которой просил царя отпустить Таллерана, и просьба была исполнена.

Мы видели, что царь Михаил начал очень дружественные сношения с персидским шахом Аббасом, который прислал даже денег ему на помощь. В 1618 году поехали из Москвы в Персию князь Михайла Петрович Борятинский, дворянин Чичерин и дьяк Тюхин с благодарностию за присланное и с просьбою прислать еще денег ратным людям на жалованье по случаю войны польской. Эти послы были встречены сухо; шах велел призвать к себе младшего из них, дьяка Тюхина, и тот должен был выслушать сильную выходку против обычного в Москве обращения с иностранными послами, — обращения, против которого тщетно до сих пор протестовали правительства европейские; Аббас говорил Тюхину с сердцем: «Приказываю с тобою словесно к великому государю вашему, и ты смотри ни одного моего слова не утаи, чтоб оттого между нами смуты и ссоры не было; я государя вашего прошенье и хотенье исполню и казною денежною его ссужу, но досада мне на государя вашего за то: когда мои послы были у него, то их в Москве

и в городах в Казани и Астрахани запирали по дворам как скотину, с дворов не выпускали ни одного человека, купить ничего не давали, у ворот стояли стрельцы. Я и над вами такую же крепость велю учинить, вас засажу так, что и птице через вас не дам пролететь, не только вам птицы не видать, но и пера птичьего не увидите. Да и в том государь ваш оказывает мне нелюбовь: воеводы его в Астрахани и Казани и в других городах моим торговым людям убытки чинят, пошлины с них берут вдвое и втрое против прежнего, и не только с моих торговых людей, но и с моих собственных товаров, и для меня товары покупать запрещают: грошовое дело птица ястреб, купил его мне мой торговый человек в Астрахани, а воеводы ястреба у него отняли, и татарина, у кого купил, сажали в тюрьму, зачем продавал заповедный товар! Вы привезли мне от государя своего птиц в подарок, а я из них только велю вырвать по перу да и выпущу всех — пусть летят, куда хотят. А если в моих землях мои приказные люди вашего торгового человека изубытчат, то я им тотчас же велю брюхо распороть».

После этого послов долго не отпускали; князь Борятинский и умер в Персии, а Чичерин и Тюхин возвратились в 1620 году с шаховым послом Булат-беком. В грамоте, поданной последним, Аббас писал: «Желаем, чтоб между нами, великими государями, дружба, любовь и соединение были по-прежнему, а если какое дело ваше случится у нас в государстве, то вы нам о нем объявите, и мы станем его с радостью исполнять. Пишем к вам о дружбе, любви и соединении, кроме же дружбы и любви ничего не желаем». На ответе посол объявил боярам о желании шаха, чтобы царь велел поставить в Кумыцкой земле города, вследствие чего между шахом и царем никого другого в соседях не будет, и недругам своим оба будут страшны. Посол жаловался также на обиды, делаемые персидским купцам воеводами, таможниками и толмачами. Думный дьяк Грамотин в свою очередь жаловался на дурной прием, который был сделан в Персии московским послам князю Борятинскому с товарищами, жаловался и на то, что шаховы войска разорили Иверскую и Грузинскую землю, несмотря на то что земли эти православные и находятся под властию государя московского. С этим Булат-бек и отправился; а между тем несчастный дьяк Тюхин дорого платился за то, что ездил к шаху один и выслушивал его выходки. Когда Чичерин и Тюхин из Астрахани дали знать царю, как у них делалось дело в Персии, то государь говорил с боярами, что Тюхин, ездивший без своих товарищей один к шаху, сделал это вопреки прежним обычаям неведомо для какой меры, и потому чаять в нем воровства. Вследствие этого подозрения указал государь послать навстречу к послам дворянина

доброго, который должен встретить их на дороге между Казанью и Нижним, взять у Тюхина все пожитки и письма, переписать и перепечатать и самого Тюхина привезти в Москву. Несмотря на то, что Чичерин и толмач оправили Тюхина, показав, что он ездил к шаху по неволе, бояре нашли разные другие грехи и приговорили: «Михайлу Тюхина про то про все, что он был у шаха наедине, к приставу своему Гуссейн-беку на подворье ходил один и братом его себе называл, польских и литовских пленников из московской тюрьмы взял с собою, и в Персии принял к себе обосурманившегося малороссийского козака, — расспросить и пытать накрепко, ибо знатно, что он делал для воровства и измены или по чьему-нибудь приказу». Было несчастному 70 ударов, две встряски, клещами горячими по спине жгли,— а в измене и воровстве не признался: о литовских пленниках сказал, что дали ему их из разряда по челобитной; черкашенина взял к себе в Персии для толмачества; пристав называл его кардашом (братом), и он называл его кардашом, без хитрости. Несмотря на то, бояре приговорили дьяка Тюхина за измену и воровство сослать в Сибирь и посадить в тюрьму в одном из сибирских пригородов.

Иной прием, чем Борятинский с товарищами, получили московские посланники, отправленные в Персию в 1621 году, Коробьин и Кувшинов: Аббас осыпал их любезностями, поднимая руки и глаза к небу: говорил: «Государство мое, и люди мои, и казна моя — все не мое, все божие, да государя царя Михаила Феодоровича, во всем волен бог да он, великий государь». В 1624 году шаховы послы, Русан-бек и Булат-бек поднесли патриарху Филарету драгоценный подарок, срачицу Христову, похищенную в Грузии. Но персиянам в Москве и русским послам в Персии не счастливилось. На Русан-бека царь жаловался шаху, что он делал всякие непригожие дела и был у царского величества в непослушании, и Русан поплатился за это головою. Вместе с Русан-беком приехали в Персию московские послы, князь Григорий Тюфякин, Григорий Феофилатьев и дьяк Панов; на них шах жаловался царю, что когда они пришли в Персию, то он, Аббас, находился в то время под Багдадом и просил послов прислать к нему туда кречетов, но они не прислали, и когда потом представились ему, то поднесли птиц живых две или три, да поднесли птичьи хвосты и перья; потом присланы были с ними от царя к шаху оконничные мастера, и они этих мастеров не прислали вовремя, по шаховой просьбе; не пошли представляться к шаху на том основании, что не могут представляться вместе с другими послами; когда шах звал их на площадь смотреть конское ученье, то они не послушались, не поехали; наконец не пошли к шаху в том платье, которое он им подарил. Во всем этом послы посту-

пили по букве наказа, и бояре объявили шахову послу, что Тюфякин с товарищами не виноваты; несмотря на то, однако, царь верит шаху, что послы прогневили его, и потому велел положить на них наказанье великое. Действительно положена была на послов опала за то, что когда за столом у шаха пили царское здоровье, то князь Тюфякин не допил своей чаши. За такую вину послов следовало бы казнить смертью, сказано в приговоре, но государь для сына своего царевича Алексея и по просьбе отца своего, патриарха Филарета Никитича, велел только посадить их в тюрьму, отобравши поместья и вотчины. Кроме этой вины нашлись еще другие: в городе Ардебиле князь Тюфякин велел украсть татарченка, которого продал в Кумыцкой земле, а в Кумыцкой земле велел украсть девку и вывез ее тайком, положивши в сундук.

С Австриею не было сношений и после Деулинского перемирия; в начале 1632 года приехал было на границы посол императора Фердинанда II, но не был принят, потому что двор его состоял из поляков, с которыми уже готов был разрыв. Хронограф, который, как мы видели, не очень приязненно отзывается о Филарете Никитиче, упрекает его и в том, будто он был виновником второй польской войны, ибо желал отомстить полякам за претерпенные от них притеснения. Мы не имеем возможности определить чувства Филарета относительно Польши, но должны заметить, что каковы бы ни были эти чувства, война была неминуема. На Деулинское перемирие согласились в Москве, не имея средства с успехом вести войну, желая отдохнуть хотя немного, собраться с силами и освободить отца государева из заточения; но долго оставаться в том положении, в какое царь Михаил был поставлен Деулинским перемирием, было нельзя: Владислав не отказался от прав своих на московский престол, польское правительство не признавало Михаила царем, не хотело сноситься с ним, называть его, — и это при беспрерывных столкновениях, беспрерывных сношениях двух соседних государств! Русские никак не могли войти в подобные отношения, требовали, чтоб польские державцы называли в своих грамотах великого государя Михаила Федоровича, те отказывались, но одного отказа было мало; некоторые из них осмеливались писать про Михаила непригожие речи, называть его полуимочем, порочить его избрание! Нужна ли была еще к тому мстительность Филарета Никитича, чтоб начать войну при первом удобном случае?

Уже в сентябре 1619 года царские вяземские воеводы писали к королевским дорогобужским воеводам, жалуясь, что они не называют Михаила царем; те отвечали: «Мы, по наказу и правде, пишем царский титул великого государя Владислава Жигимонтовича всея Руси, да и вперед

писать будем, потому что всемогущий бог даровал ему это и вашими душами, душами всего народа московского, всяких людей утвердил; справедливо ли вы поступаете, что мимо его истинного государя своего, называете государем московским Михаила Федоровича Романова? Мы, однако, с вами об этом не спорим и ссоры не начинаем, пока господь бог волю свою совершит. Говорили много об этом великом деле великие послы, когда нынешний мир постановляли, но и они это не отговорили и не замирили, титула и прав королевичевых на Московское государство не оставили, а еще и утвердили, потому что дело это положили на суд божий, чтоб бог всемогущий, который сам начал, сам же и кончил, о чем и в перемирных грамотах написано; поэтому и дожидаемся суда божия». Бояре в 1619 же году отправили к панам радным посланника Киреевского с грамотою, в которой писали: «Вы бы, паны радные, вперед того остерегали, прошлого, минувшего, отказного дела, за которое кровь христианская лилась, чего государя вашего сыну бог не дал, не начинали, из мысли бы то выложили, и королевича Владислава чуждого государства государем не отписывали. А что вы в своем листе писали о боярине князе Иване Ивановиче Шуйском и о Юрии Трубецком, будто они стоят в правде, крепко, королевичу служат, от него милость и жалованье принимают, то нам известно, что князя Ивана Шуйского и других в Московское государство не отпустили вы неволею и сделали это против посольского договора; а королевичеву милость и жалованье к князю Ивану и к князю Юрию мы также знаем: князь Иван ходит пешком и служит себе сам, по временам и за сторожами у гайдуков бывает; князю Юрию немного получше, содержат его побогаче, только и он часто от пахоликов ваших бывает в страхе».

Паны отвечали, что по их челобитью король велел князя Шуйского отпустить в Москву; но относительно главного дела неудовольствия увеличивались. Еще боярам, отправлявшимся на Поляновский съезд, дан был наказ: «В городах, которые уступлены в литовскую сторону, державцами сделаны Московского государства изменники: в Дорогобуже Ларька Корсаков, в Серпейске Юшка Потемкин, на Невле Ивашка Мещеринов; пишут они государевым воеводам листы о всяких делах, но царского величества воеводам с изменниками ссылаться непригоже. Когда бояре будут с панами на съезд, то поговорить им, что в уступленных городах державцами посажены Московского государства изменники и всему Московскому государству они грубны: если им быть в украинских городах, то без смут и ссоры в порубежных делах не обойдется». Представление это осталось без действия, и в августе 1620 года Мещеринов прислал к великолуцкому воеводе грамоту, в которой Михаила

Феодоровича писал без государского именованья; воевода донес об этом в Москву и оттуда получил грамоту, которую должен был переслать к Мещеринову от имени великолуцкого городового прикащика; в грамоте говорилось: «Пишете в своем листе не по-пригожу, великого государя описываете без государского именованья, чего не только тебе мужикувору, и великим государям писать и богом дарованную честь отнимать не годится. Царского величества воевода очень удивляется товарищу твоему, что он пишет не по-пригожу, и мирного постановления не остерегает, а на тебя, бесного пса, пенять нечего, когда ты забыл бога, православную веру и свою природную землю: на тебе какого добра пытать? ты за свое воровство не только в будущем веке божия праведного суда, и здесь мщенья не убежишь: до того у вас недолго, что тебя, крестопреступника, христианского изменника, худой гайдук или сельский мужик, как пса, на корчме или ином каком-нибудь злодействе убьет».

Но мало того, что державцы, указывая на мирное постановление, не хотели называть Михаила Феодоровича царем, некоторые из них начали требовать, чтоб и русские воеводы не называли его царем, а сами начали называть его уничижительным полуименем и заподозривать законность его избрания. Литовский серпейский державца писал московскому мосальскому воеводе Хитрову: «Ты к нам пишешь грамоты не по мирному постановлению, своего М. величаешь царем, как будто не знаешь, что все государство Московское, думаю и сам ты и М. тот, королевичу нашему крест целовали; мир заключен был между государствами, а не с М., посланник Киреевский приходил в Литву не от М., но от пановрад государства Московского!» На эту грамоту отвечал калужский воевода Вельяминов: «Из вашего письма видно, что вы не шляхетского, а холопского неучтивого ложа дети, и по своей неучтивой, последней, наипростейшей природе скверные наши уста на великого государя нашего, помазанника божия, отверзаете подобно бешеному псу; на такого помазанника божия вам собакам непристойно было хульных своих уст отверзать и таким простым именем его государя злословить». Эта грамота вызвала ответ, еще более дерзкий: «Описываешь М. Романова, жильца государя царя Владислава Жигимонтовича всея Руси, которого воры, козаки, посадили с Кузьмою Мининым на Московском государстве без совета с вами боярами и дворянами. Ныне он не на своем престоле сидит, а на того, который искони государь и сын государев, а не монашеский». Вельяминов отвечал: «Вы нынешнего короля свого называете шведом; королеву его бесчестите и браните неучтивыми речами и детей их; у вас повелось издавна, с государями вашими как хотите, так и делаете; они на вас за то не гневаются,

потому что вспихнете их на королевство, а потом сами и спихнете, как сделали с Генрихом королем, а после того и Стефана короля отравили, который нами хотел владеть, как годно государям. Мы великим государям своим никогда такой измены не делывали... И прежде великий государь патриарх Филарет Никитич в мире был великий и ближний сенатор. Владиславу вашему того великого государства бог не дал за отца его и за его неправды, за вашу собацкую ложь и за лакомство, и вперед Владиславу государства Московского не видать никогда; пошатавшись по чужим землям, может и даром сгинуть, или отправит его на тот свет мачеха, а его родная тетка по матери, что у вас не новое». Серпейский державца не остался в долгу, ругательства усиливались все более и более, дело дошло до последней брани...

Бояре послали к панам список с грамоты серпейского державцы, объявляя, что подобных вещей терпеть не будут, и требуя наказания баломутам. Паны отвечали, что они мирного постановления не нарушают ни в чем, и давали знать, что самозванцы готовы, хотя король им и не благоприятствует: «Сами знаете, что из вашего народа московского некоторые, называясь государскими сыновьями, опять грамоты рассылают и людей вольных военных к себе призывают, с запорожскими и донскими козаками ссылаются и по примеру Дмитрия войною государства Московского доступать хотят: оттого великая смута на вашей украйне была, но король заказ крепкий учинил, чтоб никто из людей его не смел идти». Относительно царя Михаила паны отвечали, что он написан в перемирной записи Михаилом Феодоровичем, а не государем, потому что Владислав от своих прав не отказывался. Относительно же грамоты державца серпейского паны писали: «Мы этот список вычитали и видели, что они как солдаты, служивые люди, не зная письменного обычая, как в чужие государства пишут, попросту писали». В октябре 1620 года приехали в Москву посланники от панов Александр Слизень и Николай Анфорович с теми же речами: «Владислав прав своих на Московское государство не оставил, и вас всех и с вами Михаила Федоровича, которого вы теперь государем у себя называете, от крестного целованья не освободил». Опять паны писали о воровских заводах для угрозы боярам, желая показать, что от короля зависит сдержать и наслать самозванца на Московское государство: «В то время, — писали паны, — как комиссары на Орше платили жалованье войску, разводили его из полков и войско разъезжалось, объявился новый завод: начали метать войску грамоты от имени Ивана Дмитриевича царевича московского, московским письмом и за московскою печатью, пишут в грамотах, что он жив и просит войско, чтоб оно,

помня к себе жалованье отца его, шло в Московскую землю и помогало ему доступать отчины, государства Московского, а он им обещает добрую награду. Многие в войске этому поверили и хотели было на службу к нему идти, но комиссары доказывали рыцарству многими словами, что это выдумка, и пригрозили именем королевским, чтоб никто из них за такое воровское дело не брался; отецкие дети все их послушались, по домам разъехались, а козаки и пахолики некоторые пошли к запорожским козакам, чтоб с ними вместе провожать того Ивана в землю Московскую; тогда король тотчас разослал листы во все украинские места и запорожцам послал приказ с угрозою, чтоб все разъехались с границ».

В таком положении находились польские дела, когда в августе 1621 года приехал в Москву турецкий посланник, грек Фома Кантакузин. Если верить донесениям французского посланника в Константинополе де-Сези, об отправлении этого посольства хлопотал византийский патриарх Кирилл, голландский посланник и несколько турецких вельмож. Султан Осман писал, что он идет с войском на литовского короля: так чтоб царь воспользовался этим случаем отомстить полякам и закрепить дружбу с ним, султаном, шел бы немедленно со всем своим войском на короля. Великий визирь Гуссейн прислал от себя особую грамоту любительному другу своему, московскому королю, в которой писал, что пришло время подпоясаться воинским храбрым поясом, и чтоб царь такого времени не пропускал. Константинопольский патриарх Кирилл писал о том же Филарету Никитичу. Кантакузин объявил от имени султана: «Слух до него дошел, что сын ваш польскому королю послал денег на помощь и сам хочет идти: так он бы этого не делал, а стоял бы с нами на польского короля вместе; а когда султан Польскую землю повоюет и города поберет, то русские города — Смоленск и другие сыну твоему отдаст даром совсем. Ведомо великому государю сыну вашему и тебе великому святителю, — продолжал Кантакузин, — что теперь в Немецкой земле у цесаря рознь великая с лютерами и земли у него отошли многие; на Угорской и Семиградской земле султан Осман посадил Бетлем-Габора, на Волошской — сына Михны воеводы, на Молдавской земле — моего тестя, велел им всем стоять против цесаря, чтоб цесарю не дать помогать польскому королю; цесарю теперь стало до себя, и себя ему не оборонить. Султан Осман нарочно послал сюда меня, человека греческой веры, чтоб вы во всем мне верили и на государя моего были надежны: он подлинно стал на польского короля на десять лет и пошел уже в поход, а меня отпустил с дороги; да и цареградский патриарх Кирилл велел вашему святительству говорить накрепко,

чтоб сын ваш с султаном стоял заодно и помощи польскому королю не посылал; в том я государям душу даю, что Осман султан с великим государем сыном вашим хочет быть в крепкой братской дружбе и любви, и на польского короля стоять с ним заодно».

Филарет Никитич отвечал: «Бояре с панами радными заключили перемирье, и города некоторые Литве отданы; перемирье это сын мой велел заключить только для меня, между сыном моим и польским королем и сыном его ссылки и любви теперь нет, неправды их и московского разоренья забыть нам нельзя; мы того только и смотрим: хотя бы в малом в чем польский король мир нарушил, то сын мой для султановой любви пошлет на него рать, и людям ратным велено быть наготове, а помощи против султана сын мой польскому королю никогда не давал и не даст, чтоб султан верил в этом моему слову, да и святейшему патриарху Кириллу извести, что наше слово никогда не переменится». С этим Кантакузин и был отпущен.

12 октября 1621 года был у великих государей собор в золотой большой Грановитой палате; на соборе было три митрополита — новгородский, ростовский и крутицкий, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, соборные старцы, протопопы и весь освященный собор; бояре — князь Федор Иванович Мстиславский с товарищами, окольничие, думные люди, стольники, стряпчие, дворяне московские, дьяки, жильцы, дворяне из городов, выборные приказные люди, головы, сотники и дети боярские всех городов, гости и торговые люди, донские атаманы, козаки и всяких чинов люди всего Московского государства. Говорили великие государи о неправдах и крестопреступлении искони вечного врага Московскому государству Жигимонта короля, сына его Владислава, польских и литовских людей. «Жигимонт король мирное постановление нарушил; из многих литовских порубежных городов урядники пишут не по посольскому договору, королевича Владислава называют царем всея Руси, и задоры с литовской стороны делаются многие: в Путивльском, Брянском, Великолуцком и Торопецком уездах литовские люди начали в государеву землю вступаться, остроги и слободы ставят, села и деревни, леса и воды осваивают, селитру в Путивльском уезде в семидесяти местах варят, будники золу жгут, рыбу ловят и зверь всякий бьют, на пограничных дворян и детей боярских наезжают, бьют, грабят, побивают, с поместий сгоняют, пленников не всех отпустили, держат в неволе и поруганье. Из Серпейска урядники литовские в листу своем писали не по-пригожу, со многою укоризною, чего не только им, собакам, и королю их писать не годилось. По злому же умышлению литовского короля в прошлом году паны-рада прислали к государевым

боярам посланников своих и в грамотах писали непристойным обычаем нарочно к нарушению мирного постановления, государево имя писали без государского именованья, и от царского сродства государя отчитывают, царя Ивана Васильевича не велят писать ему дедом и царя Федора Ивановича дядею. И если Жигимонт король и паны-рада в своих неправдах не исправятся, то великий государь, прося у бога милости и по благословению отца своего, за святые божии церкви и за православную христианскую веру, за свою честь и за всех людей Московского государства против литовского короля и сына его начнет стоять, своей чести доходить и всех людей Московского государства неправды мстить. А теперь прислал к ним, великим государям, турский Осман салтан послов своих, чтоб они были с ним заодно на общего недруга, литовского короля, и крымский царь на Литву также пошел. Шведский Густав-Адольф король присылал не однажды, чтоб на польского короля стоять с ним заодно. И они, великие государи, еще жалея о христианстве и не хотя видеть кровопролития, указали боярам послать от себя к панам-раде с грамотою обо всех этих делах; если паны к боярам гонца отпустят без дела, государево имя станут писать без государского именованья или станут писать непригожие слова, королевича писать царем и в обидных делах расправы не учинят, то за такие великие неправды они великие государи больше терпеть не станут, сославшись с турским и крымским и с шведским королем, пошлют свою рать на Литву. А если польскому королю теперь смолчать, и если они теперь в своем упадке гордости и неправды не убавят, когда им война и теснота от турок, татар и шведов, то вперед, когда им от недругов хотя немного пооблегчает, еще больше станут на Московское государство умышлять и всякие неправды делать. Да и того надобно опасаться; если теперь государям с турским салтаном, крымским царем и шведским королем на польского короля не стать, то вперед бы с турками, татарами и шведами в большую недружбу не войти». Собор бил челом государям, чтоб они за святые божии церкви, за свою государскую честь и за свое государство против недруга своего стояли крепко; а они, освященный собор, будут молить бога о победе и мире; а они, бояре, окольничие и т. д. и всякие служилые люди, за них государей и за их государство ради биться, не щадя голов своих. Да били челом дворяне и дети боярские, чтоб государи их пожаловали, велели их в городах разобрать, кому можно государеву службу служить, чтоб ни один человек в избылых не был. Гости и торговые люди били челом, что они в помощь государевой казне ради с себя давать деньги, как кому можно, смотря по их прожиткам,

Вследствие этого бояре, дворяне и дьяки отправлены были по городам для разбора дворян, детей боярских и иноземцев, кто из них годен на службу. На третий же день после собора отправлен был от бояр к панам гонец Борняков с такою грамотою: «Только вперед великого государя нашего именованье станете писать не по его царскому достоинству или станете его укорять, или порубежных городов державцы станут писать не по его царскому достоинству, не по тому, как написано в нынешних посольских записях, а ваши послы с таким полным именованьем у московских послов запись взяли, да и в своей записи ваши послы государя нашего именовали великим государем, а королевича написали везде королевичем, а не царем: и только теперь королевича станут писать не по посольскому договору, то мы, царского величества бояре, последнее вам объявляем, что мы, бояре, и все люди Московского государства больше того вам терпеть не будем и, прося у бога милости, за честь великого государя стоять и ваши неправды мстить будем. 2 февраля 1622 года возвратился Борняков из Литвы и привез боярам грамоту от панов: в этой грамоте король был написан не по прежнему обычаю, с прибавочными титулами и обладателем; о королевиче написали, что его выбрали царем бояре и вся земля и крест ему целовали, «и теперешний государь ваш Михаил Феодорович, будучи стольником, с вами и с другими стольниками, товарищами своими, королевичу присягнул на верность и подданство», и этого у королевича отнять нельзя, если же боярам надобно, то они бы об этом королевичу били челом и просили сами. Царь Михаил Феодорович написан был в грамоте просто, без государского именованья; про царя Ивана Васильевича написаны укорительные слова, что он родился от княжны Глинской, которой отец польскому королю изменил, и теперь Глинские князья служат королю. На пограничных урядников, которые о государе писали непригоже, паны управы не дали и в грамоте своей ничего об них не писали; в задорных делах и обидах также расправы не сделали, писали только, что если бояре хотят вести переговоры о государских титулах, о королевичевом именованье и о вечном докончанье, то пусть высылают для этого великих послов на рубеж между Вязьмою и Дорогобужем.

По получении этой грамоты, 14 марта, государь указал послать в города свои грамоты о неправдах литовского короля и панов радных; в этих грамотах объявлялось, что уже после приезда Борнякова брянские воеводы прислали список с листа почепского державцы, в котором также государь назван непристойным обычаем — полуименем, а королевич написан царем всея Руси, поэтому государь приказывал боярам, воеводам, дворянам и детям боярским всех городов и

всяким служилым людям быть готовыми на службу тотчас и ждать царских грамот. Но грамоты о выступлении в поход не приходили; предприятие султана Османа против Польши кончилось неудачно; Осман возвратился в Константинополь и был убит янычарами; Польша отдохнула с этой стороны; с победоносными в Лифляндии шведами также было заключено перемирие, а без союзников московское правительство не могло решиться начать войну с Польшею. Как слабы были его средства, видно из того, что крымские разбойники в мае и июне месяце 1622 года в небольших толпах безнаказанно пустошили уезды Епифанский, Донковский, Одоевский, Белевский, Дедиловский, а воеводы спокойно сидели в городах. Государь послал Ивана Вельяминова сказать воеводам: «Вам и без вестей надобно было быть со всеми людьми наготове, потому что вы воеводы походные, и как скоро про татар весть придет, то вам было тотчас идти на спех и воевать им не дать. Да и то сделали простотою и глупостью: пришедши к татарским станам близко, ничего опять им не сделали, в станах их не застали, подъездов за ними не послали, сами по сакме не пошли, отворотных воинских людей нисколько не ожидали и устеречь их не умели. Татары пришли под Дедилов немногие люди, были от посаду за три версты, а князь Гагарин из Дедилова на них выйти не смел, послал сотни и сам пошел, как татары, навоевавшись, назад пошли. Эта татарская война учинилась их воеводскою оплошкою и нераденьем, или, быть может, они для посулов ратных людей распустили по домам, и оттого им над татарами промышлять было не с кем. И они бы вперед так не делали».

При таких обстоятельствах вместо войска отправлен был на литовский рубеж на съезд посол князь Василий Ахамашукович Черкасский, паны выслали князя Самуила Сангушку; съезжались только один раз, и Сангушка о больших делах — о титуле и о ворах, которые присылали листы с укоризнами на государя, называя его полуименем, не говорил, отозвавшись неимением наказа, говорил только о порубежных спорных делах. Разъехались без дела. Но и после этого войны не было 9 лет; к ней приготовлялись: видели несостоятельность русского войска и положили нанять иноземцев; мало того, сделали шаг решительный, чего при прежних государях не бывало, велели русских ратных людей учить иноземному строю. В январе 1631 года отправлен был старший полковник и рыцарь Александр Ульянович Лесли в Швецию нанимать 5000 охочих солдат пеших; туда же в Швецию отправлены были посланники — стольник Племянников да подьячий Аристов купить 10 000 мушкетов с зарядами, да 5000 шпаг; если полковник наймет в Швеции меньше 5000 человек, то для найма остальных велено ему ехать в Данию, Англию и Голлан-

дию; то же должен был сделать и Племянников, если бы не удалось ему накупить всего оружия в Швеции. Лесли должен был также приговорить немецких мастеровых охочих людей к пушечному новому делу, что делал на Москве пушечный мастер голландец Коет, кузнеца, станочника, колесника да мастера, который бы умел лить пушечные железные ядра. В феврале отправлен был полковник фан-Дам нанять *ригимент* добрых и ученых солдат. Всех ратных людей в Московском государстве в 1631 году было 66 690 человек. В июне 1631 года государь, посоветовавшись с отцом своим св. патриархом и поговоря с боярами, указал послать к Дорогобужу и Смоленску бояр и воевод князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского да князя Бориса Михайловича Лыкова. Когда этим воеводам сказана была служба, то они больше всего начали смотреть немецких полковников, Александра Лесли с товарищами, начальных людей их полков и немецких солдат, смотрели и к службе строили. Прошел почти год; в апреле 1632 года умер король Сигизмунд, наступило междуцарствие в Польше, избирательный сейм, смуты; надобно было пользоваться временем, но вот в апреле же бил челом великим государям князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский на боярина князя Бориса Михайловича Лыкова: «Князь Борис Михайлович с ним князем Дмитрием в товаришах быть не хочет, говорит, будто им князем Дмитрием люди владеют, и обычай у него тяжел, и что он Лыков перед князем Дмитрием стар, служит государю сорок лет, лет с тридцать ходит своим набатом, а не за чужим набатом и не в товарищах». Государи указали боярину князю Андрею Васильевичу Хилкову и дьяку Дашкову допросить боярина князя Черкасского, при ком Лыков ему говорил, что с ним быть не хочет и что люди им владеют. Черкасский отвечал: «Государям самим ведомо, что князь Борис Лыков в прошлом году и ныне им бил челом, что с ним, князем Дмитрием в товарищах быть не хочет, и тем его обесчестил, а он князь Дмитрий на их государскую службу готов: и они бы, великие государи, его пожаловали, велели ему на князя Лыкова дать оборону». Великие государи велели сказать князю Лыкову: «В прошлом году сказана ему служба, велено быть в товарищах с князем Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским: и он князь Борис, тому ныне год, как проходил в соборную церковь к великому государю св. патриарху Филарету Никитичу и говорил в соборной церкви ему государю такие слова, что всякий человек, кто боится бога и помнит крестное целование, таких слов говорить не станет, и наряжался он на государеву службу год. А как службе время дошло, и он для своей бездельной гордости и упрямства и непрямой службы бил челом на боярина князя Черкасского, что ему на службе быть с ним нельзя, что у князя Дмитрия Мамстрюковича нрав тяжелый, и прибыли не чает от того, что

быть ему вместе с ним в государевом деле, и тем своим гордостным бездельным челобитьем службу свою отказал, князя Дмитрия Мамстрюковича обесчестил и в государевой службе учинил многую смуту. Потому великие государи указали князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому на князе Борисе Лыкове доправить бесчестье, оклад его вдвое, 1200 рублей». Два месяца думали, кем заменить Черкасского и Лыкова, наконец в августе назначили боярина Михайлу Борисовича Шеина и окольничего Артемья Измайлова; войска с ними выступило 32 082 человека с 158 орудиями; другие воеводы выступили из Ржева Володимирова, из Калуги, из Севска. Воеводам дан был наказ: неправды польскому и литовскому королю отмстить, и города, которые отданы Польше и Литве за саблею, поворотить по-прежнему к Московскому государству. Воеводы должны были послать сперва легкие отряды резвых людей захватить Дорогобуж врасплох; если не удастся, то идти к этому городу всеми полками, промышлять всякими мерами, но под Дорогобужем долго не стоять, послать тайно грамоты к его жителям, русским людям, чтоб они помнили православную веру и государево крестное целование, государю послужили, над литовскими людьми промыслили и город сдали. Если не удастся взять Дорогобуж скоро, то, оставя под ним меньших воевод, Шеин и Измайлов должны были идти под Смоленск и промышлять над этим городом точно так же как над Дорогобужем. Поход был предпринят с намерением возвратить Смоленск и Дорогобуж с уездами Московскому государству; поэтому наказано было воеводам, чтоб они, как скоро придут под Смоленск, тотчас отписали в Смоленский и Дорогобужский уезды, к старостам, целовальникам и всяким людям, что они пришли для очищения Смоленска и уезда его к Московскому государству по-прежнему, и потому пусть всякие уездные люди едут к ним в стан с запасами и продают их, как цена подымет; ратным людям наказать не один раз накрепко, чтоб они ни у кого даром не брали, никого не грабили и не били, уездов не пустошили и уездных и всяких людей теми своими насильствами не разогнали; для сыску над виновными по челобитьям уездных людей выбрать пополам особых судей, которым приказать накрепко, чтоб они по челобитным сыскивали вправду, ратным людям ни в чем не норовили, и самим воеводам надсматривать над судьями.

Так как ратным людям дано было жалованье большое, русских и немецких солдат полковникам, ротмистрам и пешим людям положены были кормовые деньги помесячно без перевода, и вперед без дополнительной большой рати с литовскими людьми разделаться не было надежды, то государи советовали со всяких чинов людьми, чтоб они дали денег ратным людям на жалованье, чтоб с торговых людей взять пятую деньгу, а с бояр, окольничих, стольников, стряпчих,

дворян, дьяков и всяких приказных людей взять, кто сколько даст. Крутицкий митрополит и некоторые другие архиереи и игумны тут же на соборе объявили, сколько дают своих домовых и келейных денег; остальное духовенство и светские люди объявили, что денег дадут, а кто что даст, тому они принесут росписи. Сбор денег поручен был в Москве князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому, симоновскому архимандриту Левкию, Моисею Глебову и двоим дьякам; по городам собирали архимандриты, игумны и дворяне добрые, гости и торговые люди должны были выбрать из себя людей прямых, которые, давши присягу, должны были объявлять, сколько у кого из них имения и промыслов; все собранные таким образом деньги присылались в Москву к князю Пожарскому, который записывал их в приходные книги порознь, по статьям. Кроме того, собраны были с сох хлебные и мясные запасы — сухари, крупа, толокно, солод, масло коровье, ветчина. Наблюдение за сбором этих запасов и распоряжение ими поручено было князю Ивану Борятинскому да Ивану Огареву. Всяких чинов люди дали также подводы везти эти запасы под Смоленск.

Война началась счастливо: 12 октября сдался Серпейск голове князю Гагарину; 18 октября сдался Дорогобуж голове Сухотину и полковнику Лесли. Государи велели Шеину идти из Дорогобужа под Смоленск и, чтоб не было обычной помехи успешному ходу дел, приказали всем воеводам, головам и дворянам быть без мест до окончания войны с тем, что при последующих случаях разряды этой войны не будут иметь значения. Белая сдалась князю Прозоровскому, сдались Рославль, Невль, Себеж, Красный, Почеп, Трубчевск, Новгород Северский, Стародуб, Овсей, Друя, Сураж, Батурин, Ромен, Иван-Городище, Мена, Миргородок, Борзна, Пропойск, Ясеничи и Носеничи; посад полоцкий был взят и выжжен с помощью русских православных горожан; взяты были посады под Велижем, Усвятом, Озерищем, Лужею, Мстиславлем, Кричевым. Шеин с Измайловым осадили Смоленск; губернатор его, Станислав Воеводский, отбивался 8 месяцев, наконец готов был уже сдаться по недостатку припасов, как получил помощь: в эти 8 месяцев дела в Польше устроились, в короли был избран сын покойного Сигизмунда, Владислав, первым делом которого было идти на помощь Смоленску; собрано было 23 000 войска, козакам позволено вторгнуться в московские владения и пустошить их, к тому же подущены и крымцы: «Не спорю, — говорит литовский канцлер Радзивилл в своих записках, — не спорю, как это по-богословски, хорошо ли поганцев напускать на христиан, но по земной политике вышло это очень хорошо». Действительно крымцы опустошили московскую украйну; многие ратные люди, бывшие в войске Шеина, услыхав, что татары воюют их поместья и вотчины, разъеха-

лись из-под Смоленска. 25 августа 1633 года король Владислав пришел под этот город и стал на речке Боровой, в семи верстах от него. Прежде всего Владиславу хотелось сбить русских с горы Покровской, где укрепился полковник русской службы Маттисон, а подле стояли в острожке князья Прозоровский и Белосельский. 28 августа гетман коронный по Зарецкой стороне нижнею дорогою двинулся под этот острог, но был отбит с уроном, в то же время король пробрался по Покровской горе в Смоленск, откуда осажденные сделали вылазку и овладели шанцами Маттисона, но были вытеснены из них сотнями, присланными Прозоровским и Белосельским. 11 сентября последовало новое нападение на Маттисона и на острог Прозоровского, бились два дня и две ночи, наконец воеводы, поговоря между собою и с полковниками, что государевым людям польские и литовские люди не в мочь и городка на Покровской горе не удержать, полковника Маттисона вывели ночью к себе в большой острог, причем немало иностранцев перебежало к полякам. Получивши донесение об этом, царь писал Шеину: «Мы все это дело полагаем на судьбы божии и на его праведные щедроты, много такого в военном деле бывает, приходы недругов случаются, потом и милость божия бывает. Ты бы нашим царским делом промышлял, чтоб наряд уберечь; а если окольничему князю Прозоровскому в своих таборах от приходу королевского стоять нельзя и в земляных городках пешим людям сидеть нельзя, то ты бы боярин наш, Михаил Борисович, велел князю Семену Васильевичу (Прозоровскому) со всеми людьми идти к себе в обоз и стоять бы вам со всеми нашими людьми в одном месте». На это Шеин отвечал донесением, что Прозоровский перешел в большой обоз за Днепр, причем покинуто было в окопах несколько пушек и запасы; русские, уходя, зажгли было их, но дождь погасил; по уходе русских сам король осматривал покинутые ими окопы: по словам поляков, огромные валы, равнявшиеся высотой стенам смоленским, насыпаны были с изумительным трудом; если б их добывать приступом, то много пролилось бы крови. Царь писал Шеину и Прозоровскому: «Вы сделали хорошо, что теперь со всеми нашими людьми стали вместе. Мы указали идти на недруга нашего из Москвы боярам и воеводам, князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому и князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому со многими людьми; к вам же под Смоленск из Северской страны пойдет стольник Федор Бутурлин, и уже послан к вам стольник князь Василий Ахамашуков Черкасский с князем Ефимом Мышецким; придут к вам ратные люди из Новгорода, Пскова, Торопца и Лук Великих. И вы бы всем ратным людям сказали, чтоб они были надежны, ожидали себе помощи вскоре, против врагов стояли крепко и мужественно».

Но в это самое время поляки в тылу Шеина взяли и сожгли Дорогобуж, где были сложены запасы для войска. Шеин доносил, что 6 октября король со всеми людьми с Покровской горы перешел на Богданову околицу вверх по Днепру и стал обозом позади их острогу по Московской дороге с версту от острога, а пеших людей и туры поставили против большого острога на горе. 9 октября Шеин вывел свои войска против неприятеля; польская конница обратила в бегство часть русской пехоты, но от другой принуждена была бежать, и наступавшая ночь остановила дело; по польским известиям, русские потеряли 2000 убитыми, у поляков было очень много раненых, убито людей немного, но много погибло лошадей. Шеин писал, что дороги московские неприятель занял все, и проезду ниоткуда нет. С конца октября русские начали терпеть недостаток в съестных припасах, особенно в конском корму. Стрельба продолжалась между обоими обозами; поляки стреляли с горы Сковронковой на русский стан, русские стреляли снизу и потому не причиняли вреда неприятелю, но когда начали бить картечью, то ядра долетали до наметов королевских. Шеин созвал военный совет и требовал мнения, можно ли попытаться ударить на королевский обоз и с которой стороны. Полковник Лесли, главный между иноземцами, советовал ударить на неприятеля; полковник Сандерсон, англичанин, говорил противное, Лесли разгорячился и назвал Сандерсона изменником, едва Шеин успел их развести; решено было принять мнение Лесли; но 2 декабря русские, терпя от холода, пошли в лес за дровами; поляки напали на них и 500 положили на месте. Когда узнали об этом несчастии в обозе, то Лесли уговорил Шеина поехать на место и самому счесть, сколько погибло русских; с Шеиным и Лесли поехал и Сандерсон; Лесли, вдруг обратившись к нему и показывая рукою на трупы, сказал: «Это твоя работа, ты дал знать королю, что наши пойдут в лес». — «Лжешь!» — закричал англичанин; тогда Лесли, не говоря ни слова, выхватил пистолет и положил Сандерсона на месте в глазах Шеина.

Вследствие голода и холода в русском стане открылась сильная смертность. Узнав об этом, король в последних числах декабря послал Шеину и чужестранным офицерам грамоты с увещанием обратиться к его милости, вместо того чтоб погибать понапрасну от меча и болезней. Шеин долго не хотел позволить, чтоб иноземные офицеры взяли королевскую грамоту, утверждая, что иноземцы не могут участвовать ни в каких переговорах, ибо это наемные слуги, и указывал на пример самих поляков, которые не допускают у себя наемным иноземцам сноситься с неприятелем. Поляки отвечали, что у них дело другое, у них иноземцы находятся в полном подчинении гетману, а у русских этого нет: Лесли, убивши Сандерсона, не поддался под суд Шеина и остался ненака-

занным. После долгих споров русские уступили: полковник Розверман взял лист королевский от имени иноземцев, а Сухотин взял лист от имени Шеина. Прочитавши лист, воевода отослал его назад без всякого ответа на том основании, что в нем были непригожие речи, и когда поляки не хотели брать листа назад, то посланные бросили его на землю и уехали. Но в половине января 1634 года Шеин, под видом переговоров о размене пленных, начал обнаруживать готовность свою вступить и в мирные соглашения с королем, особенно понуждаемый, как говорят, иностранными наемниками, которые не привыкли сносить голод и холод, как привыкли к тому русские. Шеину отвечали, что единственное средство к тому — через гетмана литовского и других сенаторов бить челом королю о милосердии, отдаваясь на всю его волю; эта воля состояла в следующем: Шеин должен прежде всего выдать всех польских перебежчиков; освободить всех пленных; иноземцы получают свободу: или возвратиться в отечество, или вступить в службу королевскую; русским людям также позволено вступить в службу королевскую, кто из них захочет; иноземцы должны присягнуть, что никогда не будут воевать против короля и королевства Польского, или каким-либо другим способом вредить ему, русские также должны присягнуть, что до истечения четырех месяцев не будут занимать никаких крепостей и острогов, не соединятся ни с какими московскими войсками и не предпримут ничего неприязненного против короля; они должны выдать без утайки все знамена, весь наряд и оружие всякого рода, оставшееся после убитых ратных людей; оставшиеся в живых ратные люди выходят с тем оружием, с каким кто служил, люди торговые выходят с саблями, а у кого нет сабли, то с рогатиною, также должны оставить в обозе все жизненные припасы. Шеин согласился. 19 февраля русские выступили из острога с свернутыми знаменами, с погашенными фитилями, тихо, без барабанного боя и музыки; поровнявшись с тем местом, где сидел король на лошади, окруженный сенаторами и людьми ратными, русские люди должны были положить все знамена на землю, знаменоносцы отступить на три шага назад и ждать, пока гетман, именем королевским, не велел им поднять знамена; тогда, поднявши знамена, запаливши фитили и ударивши в барабаны, русское войско немедленно двинулось по Московской дороге, взявши с собою только 12 полковых пушек, по особенному позволению короля; сам Шеин и все другие воеводы и начальные люди, поровнявшись с королем, сошли с лошадей и низко поклонились Владиславу, после чего, по приказанию гетмана, сели опять на лошадей и продолжали путь.

Что же во все это время делалось в Москве? Князья Черкасский и Пожарский стояли в Можайске, как видно, потому,

что еще не все ратные люди собрались. Денег также не было. Патриарх Филарет умер 1 октября 1633 года; на его место был возведен псковский архиепископ Иоасаф, «по изволению царя Михаила Федоровича и по благословению патриарха Филарета, потому что был дворовый сын боярский; нравом и жизнию он был добродетелен, но к царю не дерзновенен, как говорят хронографы. 28 января 1634 года царь Михаил созвал собор и объявил, что польский король, видя крепко стояние боярина Шеина, всех воевод и ратных людей, видя под Смоленском тесноту, на своих людей победу, накупил на Московское государство крымского царя, который прислал сына своего со многими ратными людьми, и они украинские города многие повоевали и пожгли; а дворяне и дети боярские украинских городов, видя татарскую войну, слыша, что у многих поместья и вотчины повоеваны, матери, жены и дети в полон взяты, из-под Смоленска разъехались, и остались под Смоленском немногие люди. Литовский король, послыша, что государевы люди начали разъезжаться, пришел под Смоленск; государевы люди литовских людей многих побили, языки, знамена и литавры побрали, и языки в расспросе сказывали, что король Владислав и литовские люди пришли для того, чтоб им боярина Михаила Борисовича Шеина отбить, Смоленск за Литвою удержать по-прежнему, и хотят идти в Московское государство, чтоб, по умышлению проклятого папы римского, православную веру превратить в свою еретическую и Московское государство до конца разорить. После того король государевым ратным людям тесноту учинил и дороги заступил. Теперь государь посылает на литовских людей князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского с товарищи, и тем ратным людям, которые посланы с ними и которые стоят под Смоленском без съезду, без жалованья на службе быть нельзя, а государева денежная казна, которая собрана была в прошлых годах государским рассмотрением, а не поборами с земли, и та денежная многая казна роздана всяким ратным людям; а которая денежная казна есть теперь, та идет беспрестанно на жалованье ратным же людям и на месячный корм, и вперед денежной государевой казне на жалованье и на корм ратным людям без добавочной казны быть нельзя. В прошлом году, по соборному уложенью, собирали пятую деньгу; но гости и торговые люди многие давали пятую деньгу неправдою, не против своих промыслов и животов. В прошлых годах Московское государство было в разоренье, денег в казне ничего не было, но когда была назначена пятая деньга, то собрано было против нынешнего гораздо больше, хотя люди тогда были скуднее; после того Московское государство в тишине и покое было многое время и перед прежним во всех своих животах люди очень пополнились: так вам бы дать денег» Всяких чинов люди отвечали, что денег дадут, смотря по своим

пожиткам, что кому можно дать. Государь велел сбирать эти запросные и пятинные деньги боярину князю Борису Михайловичу Лыкову, окольничему Коробьину и чудовскому архимандриту Феодосию.

1 февраля пробрался в Москву дворянин Сатин с вестями от Шеина, что государевым людям от литовских людей утесненье, в хлебных запасах и в соли оскуденье большое; воевода писал, что польские полковники говорят о перемирье, соглашаются, чтоб оба войска отступили каждое в свою сторону, а большие послы съедутся между тем говорить о мире; государь послал сказать Шеину, что соглашается на перемирие, если король со всеми людьми отойдет в Польшу и если поляки позволят соединиться с Шеиным государевым подхожим людям, которые должны наряд и всякую казну отпровадить. В то же время государь отправил окольничего князя Григорья Волконского в Можайск посоветоваться с боярами, князьями Черкасским и Пожарским, как бы им поскорее помочь государевым людям под Смоленском. Можно ли им идти к Вязьме и Дорогобужу? Бояре отвечали, что можно, и государь велел им готовиться к выступлению; но 3 марта Черкасский дал знать государю, что Шеин помирился с королем и отпущен в Москву. На другой же день, 4 марта, отправлен был Моисей Глебов навстречу к Шеину с запросом: на каких статьях он помирился с королем? Сколько отдал королю наряду и всяких пушечных запасов? Сколько идет с ним ратных людей и сколько осталось под Смоленском больных и на королевское имя? Шеин мог догадаться, что в Москве ждет его прием неласковый: ему Глебов не привез никакого привета, а всем ратным людям сказал, что служба их, раденье, нужда и крепкостоятельство против польских и литовских людей, как они бились, не щадя голов своих, государю и всему Московскому государству ведомы. Шеин прислал статьи договора и список ратных людей, потерянных и оставшихся у короля; последних было очень мало — только 8 человек, и из них 6 донских козаков; всего вышло из-под Смоленска с Шеиным 8056 человек, из этого числа многие повезены больные и в дороге умерли, другие оставлены в Дорогобуже, Вязьме и Можайске. Немцы многие изменили, пошли к королю и в дороге померли, но сколько именно изменило и померло, то неизвестно, потому что воеводы несколько дней просили у немецких полковников росписей их людям, но полковники росписей не дали; больных осталось под Смоленском 2004 человека. По приезде Шеина в Москву его осудили как изменника и казнили смертью; перед плахою дьяк читал ему следующие обвинения: «Ты, Михайла Шеин, из Москвы еще на государеву службу не пошед, как был у государя на отпуске у руки, вычитал ему прежние свои службы с большою гордостью, говорил, будто твои и прежние многие службы

были к нему государю перед всею твоею братьею боярами, будто твои братья бояре, в то время как ты служил, многие за печью сидели и сыскать их было нельзя, и поносил всю свою братью перед государем с большою укоризною, по службе и по отечеству никого себе сверстников не поставил. Государь, жалуя и щадя тебя для своего государева и земского дела, не хотя тебя на путь оскорбить, во всем этом тебе смолчал; бояре, которые были в то время перед государем, слыша себе от тебя такие многие грубые и поносные слова, чего иному от тебя и слышать не годилось, для государской к тебе милости, не хотя государя тем раскручинить, также тебе смолчали». За этим следовали обвинения Шеина и Измайлова в медленности, что они потеряли лучшую пору, истомили ратных людей и, дождавшись ненастных дней, пошли в дальнейший путь, не слушая государева и патриаршего указа, и этой медленностию своею дали полякам возможность укрепиться в Смоленске; о дурном положении дел к государю не писали, а если и писали, то кратко и несправедливо; дождавшись подкопов, приступали к городу не вовремя, в дневную пору; на приступах Шеин велел в государевых людей стрелять из наряда, отчего много их было побито; русских ратных людей и немцев не слушал, сам государевым делом не промышлял и другим промышлять не давал; лучшие села и деревни Шеин и Измайлов разделили по себе и брали с них всякие доходы, а ратным людям ничего не давали. Поставлено в вину строгое исполнение наказа царского, чтоб ратные люди не смели ничего брать даром и вообще обижать жителей Дорогобужского и Смоленского уездов: «Которые служивые люди от великой скудости и от голоду езжали в Смоленский и Дорогобужский уезд для своих и конских кормов, тех ты приказывал бить кнутом без милости, а Смоленский и Дорогобужский уезды уберег литовскому королю со всеми запасами». Заметим при этом, что ратные люди могли разъезжать по Смоленскому и Дорогобужскому уездам, когда в обозе у них никакой скудости не было, скудость же началась, когда уже нельзя было выезжать из обоза. «Вы, — продолжает обвинительная сказка, — мимо государева указа, изменою и самовольством королю крест целовали, наряд и всякие запасы отдали, только выговорили отпровадить в государеву сторону 12 пушек, да и те пушки ты, Шеин, изменою своею отдал литовскому же королю совсем; да вы же отдали 36 человек поляков и литвы, которые переезжали на государево имя от короля; да вы же отдали королю русских людей, которые государю служили, ходили беспрестанно в королевские таборы для всяких вестей и в Москву с государевыми делами прихаживали, и всех этих людей король велел казнить смертью. А когда вы шли сквозь польские полки, то свернутые знамена положили перед королем и кланялись королю

в землю, чем сделали большое бесчестье государскому имени». Наконец любопытное обвинение: «Будучи в Литве в плену, целовал ты крест прежнему литовскому королю Сигизмунду и сыну его королевичу Владиславу на всей их воле. А как ты приехал к государю в Москву, тому уже пятнадцать лет, то не объявил, что прежде литовскому королю крест целовал, содержал это крестное целование тайно; а теперь, будучи под Смоленском, изменою своею к государю и ко всему Московскому государству, а литовскому королю исполняя свое крестное целование, во всем ему радел и добра хотел, а государю изменял».

Отрубили голову и второму воеводе, Измайлову; виноватее всех, если верить предсмертной сказке, был сын Измайлова, Василий: «Ты, Василий, — говорилось в сказке, — будучи под Смоленском, воровал, государю изменял больше всех, съезжался с литовскими людьми, Захаром Заруцким и Меделянским (т. е. Мадалинским) и с государевыми изменниками, Юшкою Потемкиным, Ивашкою Мещериновым и другими, к себе их в стан призывал, с ними пировал, потчивал и дарил, и от них подарки с братом своим Семеном принимал, ночевать их у себя унимал, они у тебя были и ночевали, а приезжали к тебе с своим кормом и питьем и провожали тебя до стану, и ты разговаривал с ними обо всем, что годно литовскому королю. Да ты же, Василий, будучи под Смоленском и из-под Смоленска пришедши в Можайск, хвалил литовского короля, говорил: «Как против такого великого государя монарха нашему московскому плюгавству биться? каков был царь Иван, и тот против литовского короля сабли своей не вынимал и с литовским королем не бивался. Да ты же, Василий, услыша о смерти великого государя патриарха Филарета Никитича, говорил много воровских непригожих слов, чего и написать нельзя». Князей Семена Прозоровского и Михайлу Белосельского приговорили сослать в Сибирь, жен и детей разослать по городам, имение отобрать на государя. От смертной казни эти воеводы освобождены потому, сказано в приговоре, что все ратные люди засвидетельствовали о раденьи Прозоровского и болезни Белосельского! Сын главного воеводы, Иван Шеин, виновный только по вине отца, освобожден от смертной казни по просьбе царицы, царевичей и царевен, но с матерью и женою сослан в понизовые города. Другой сын Артемия Измайлова, Семен, бит кнутом и сослан в Сибирь в тюрьму за то, что, будучи под Смоленском, воровал, с литовскими людьми съезжался, говорил многие непригожие слова и литовских людей дарил. Тому же наказанью подвергся Гаврила Бакин за то, что, будучи в Можайске, хвалил литовского короля и литовских людей перед русскими, называя последних плюгавством; бит кнутом и сослан в

Сибирь в тюрьму Любим Ананьев за то, что жил все во дворе у Шеина, был у него в шишах (шпионах) и подслушивал, кто что про него говорил, ссорил воеводу со многими знатными людьми. Тимофей Измайлов, родной брат Артемия, был у государева дела в Москве на казенном дворе, у большой казны в суде, и по государеву указу ему, Тимофею, на казенном дворе быть не велено, а велено его с женою и детьми для измены брата его Артемья сослать в Казань.

Участь Шеина объясняется легко. Военная история Московского государства давно уже обнаружила несостоятельность русского войска в борьбе со шведами и поляками, по недостатку искусства ратного; правительство очень хорошо понимало это и старалось помочь беде; призваны были иностранцы, русских стали учить иностранному строю; но эти первые слабые шаги в деле, разумеется, не могли тотчас же повести к важным результатам. Собравши войско и деньги, нанявши немцев, отправили под Смоленск воеводу, знаменитого защитою этого города; но защищать город и осаждать — две вещи разные; Шеин не успел голодом заставить сдаться Смоленск и скоро сам был осажден королем Владиславом; а тут положение его было совершенно иное, чем прежде в Смоленске: не говорим уже о том, что острожек его не был так укреплен и так выгодно поставлен как Смоленск, так защищен от убийственных выстрелов Сковронковской батареи, — прежде в Смоленске Шеин был окружен ратными людьми и гражданами, готовыми биться до смерти за священные интересы, а тут в острожке иноземцы дерзко нарушали в его глазах дисциплину, не хотели признавать над собою его власти, не хотели переносить голода, холода, требовали соглашений с неприятелем; русские люди толкуют: где московскому плюгавству сражаться с литовским королем и его людьми? а из Москвы одно обещанье, что идут со всех сторон воеводы на помощь, и в три месяца никакого исполнения обещаний. Измены со стороны Шеина не видно никакой. Но почему же в Москве постарались обвинить Шеина в измене? Причина ясна: Шеин своею выходкою у руки государевой смертельно оскорбил многих сильных людей; тут, как наивно говорит приговор, ему промолчали, потому что имели в нем нужду, да вероятно и Филарет не выдал бы своего сострадальца людям, которые за печью сидели; но теперь неудача Шеина затмила его прежние заслуги; Филарета не было в живых, и сильные люди спешили отомстить за свое бесчестье.

Хронограф, который неблагосклонно отзывается о Филарете Никитиче, так объясняет причины неудачи Шеина: «Царь, по совету, или, лучше сказать, по приказанию патриархову, призывает из Датской и из других немецких зе-

мель на помощь себе полковников, именитых людей и храбрых, а с ними множество солдат, отверзает царские свои сокровища, жалует немецких людей нещадно и дает русских вольных людей немцам в научение ратному делу. Сам государь не изволил на поляков идти, потому что был муж милостивый, кроткий, крови нежелательный; если бы возложил упование на вседержителя бога и пошел сам, то думаю, что успел бы в деле. Послали Шеина: тот брал города как птичьи гнезда, потому что поляки не ждали прихода русских людей. Но Шеина бог наказал за то, что, отправляясь из плена, дал королю клятву не воевать против Литвы, и это было известно и царю, и патриарху. Когда боярин Михайла пришел к Смоленску, то поставил острожки близ самого города, туры перед пушками землею наполняет, всякие стенобитные козни устроивает, между воеводами и полковниками рассуждает и немало городской каменной стены из пушек пробивает; немецкие полковники подкопом городские стены взрывают, словом сказать, все к нашему строению делается. Но вот царь и патриарх впадают в кручину и недоверие насчет крестного целования Шеина королю: бояре московские, уязвляемые завистию, начали клеветать на него, а Шеину дают знать в полки, что в Москве на него много наветов; в полках воздвигается на него ропот великий за гордость и нерадение, он же от гордости своей на воевод и на немецких полковников пуще злобился, их бесчестил, ратных людей оскорблял, для конских кормов по селам не велел отпускать, в Москву начал грубо отписывать, а из Москвы к нему грамоты приходили только с осуждением, да с опалою; он от этого пуще злобился, и если бы не Артемий Измайлов с сыном Васильем удерживали его от гнева, то он бы в кручине и гордости своей скоро умер. Пришел под Смоленск король Владислав не в очень большой силе, но в промысле усердном, и посылает к Михайле Шеину, напоминает ему крестное целование: Шеин опять унывает, опять на ратных людей гневается и никакого промысла не чинит многое время, а русские люди в острожках от тесноты и скудости в пище оцынжали, и сделался мор большой, из Москвы же им помощи не дают и запасов не присылают».

Выпустивши Шеина из-под Смоленска, король двинулся к Белой, надеясь легко взять этот город; но вышло иначе. Польское войско пришло под Белую полумертвое от голода и холода; король поместился в Михайловском монастыре в двух милях от города и послал к воеводе с требованием сдачи, указывая на пример Шеина; воевода отвечал, что шеиновский пример внушает ему отвагу, а не боязнь. Король велел опоясать город шанцами и вести мины; но от этих мин была беда только полякам; передовых ротмистров завалило землею так, что едва их откопали; стрельба также

не причиняла никакого вреда осажденным. Надменные смоленским успехом, поляки отложили всякую осторожность; этим воспользовались русские, сделали вылазку на полк Вейгера и схватили 8 знамен прежде нежели поляки успели взяться за оружие. Как тяжка была осада Белой полякам, видно из того, что канцлер Радзивилл советует называть этот город не Белою, а Красною, по причине сильного кровопролития. Голод доходил до такой степени, что сам король половину курицы съедал за обедом, а другую половину откладывал до ужина, другим же кусок хлеба с холодною водою был лакомством; от такой скудости начались болезни и смертность в войске. А с другой стороны приходили вести, что турецкое войско приближается к границам Польши. В таких обстоятельствах королю нужно было как можно скорее заключить мир с Москвою, мир вечный, который бы упрочил за Литвою приобретения Сигизмундовы. Паны первые прислали к боярам предложение о мире; понятно, что это предложение было принято очень охотно, и в марте 1634 года назначены были Федор Иванович Шереметев и князь Алексей Михайлович Львов великими послами на съезд с польскими комиссарами, Якубом Жадиком, бискупом хелминским с товарищами; съезд был назначен на речке Поляновке, там же, где был прежде съезд для размена пленных. Король стоял невдалеке, скрытно.

Переговоры начались по-прежнему — долгим перекариванием и напоминанием старых дел. Поляки настаивали, что король Владислав имеет право на престол московский, и что русские нарушили Деулинское перемирие, пославши Шеина под Смоленск до истечения перемирного срока. Между прочим поляки говорили: «Знаем мы подлинно, что война началась от патриарха Филарета Никитича, он ее начал и вас всех благословил». Московские послы объявили, что если Владислав не откажется от московского титула, то они ни о чем говорить не станут: «У нас, — говорили они, — у всех людей великих российских государств начальное и главное дело государскую честь оберегать, и за государя все мы до одного человека умереть готовы». Тогда поляки, соглашаясь на требования московских послов, предложили вечный мир на условиях мира, заключенного королем Казимиром с великим князем Василием Васильевичем Темным, причем королю Владиславу за отказ от московского престола и титула царь должен давать ежегодно по сту тысяч рублей и заплатить за издержки последней войны. Московские послы отвечали, что эти слова непригожие: «Мы вам отказываем, что нам о таких запросах с вами вперед не говорить; несбыточное то дело, что нам такие запросы вам давать, чего никогда не бывало и вперед не будет, за то нам, всем людям Московского государства, стоять и головы свои положить».

Поляки возражали, что Михаил Федорович Густаву-Адольфу дал города и деньги не ведомо за что, а Владиславу даст за отреченье от Московского государства.

После продолжительных споров поляки сказали: «Когда учиним мирное постановление на вечное докончанье, то королю будем бить челом, чтоб он крестное целованье с вас снял и титул свой государю вашему уступил, а вы объявите, чем вы за то государя нашего станете дарить?» Московские послы отвечали: «Нам этого в уступку и в дар не ставьте, что король хочет титул московский с себя сложить, дарить нам государя вашего за это не за что, потому что великий государь наш на Московском государстве царствует по дару и воле всемогущего бога, по древней своей царской чести предков своих великих государей, а наше московских людей крестное целованье от государя вашего короля и от ваших неправд в московское разоренье омылось кровью, и мы от него чисты». Наконец стали говорить о настоящем деле; поляки объявили, что без уступки в королевскую сторону всех городов, которые были отданы по Деулинскому перемирию и взяты москвичами при разрыве его, они не станут ни о чем говорить. На каждом съезде московские послы уступали по городу или по два, поляки постоянно требовали всех; из Москвы пришел наказ: за города Дорогобуж, Новгородок, Серпейск и Трубчевск и за уступку титула дать королю денег именно 10 000 рублей и надбавлять до 70 000, а по конечной неволе дать 100 000. В то же время бискуп Жадик прислал сказать Шереметеву, что король отправил уже полк к Можайску, а уговорил короля послать полк Христоф Радзивилл, ибо приехал из Москвы к королю сын боярский с вестями, что на Москве Шеина и Измайлова казнили, и за это учинилась в людях рознь великая, да на Москве же были пожары большие, выгорела Москва мало не вся; в Можайске ратные люди также погорели и разъехались; король хотел над Можайском промышлять и под Москву идти, но он, бискуп, литовских ратных людей остановил, короля от войны удержал, и стал король на реке Вязьме от Семлева в 20 верстах.

На следующем съезде польские комиссары требовали всех городов, уступленных в Деулине, да еще нескольких новых за освобождение царя и народа московского от присяги Владиславу; московские послы отвечали, что за освобождение царя платить не для чего, царь Михаил креста Владиславу не целовал, потому что в то время он совершенного возраста еще не достиг. Комиссары за уступку титула начали требовать уже не городов, а денег; московские послы отказали; тогда поляки поднялись с шумом и хотели порвать переговоры; московские послы начали предлагать деньги по наказу; поляки остановились; начали между

собою толковать, некоторые из них ходили от шатра, где происходили переговоры, к речке Поляновке и, пришедши, начали с товарищами своими опять толковать, а государевым послам сказывали дворяне, что польские комиссары ходили к королю, который лежал на берегу речки Поляновки на траве. Поговорив между собою, поляки не согласились на предложение московских послов; те тоже отказали, что городов не уступят; поляки начали сердиться, опять встали с своих мест, государевы послы тоже встали и из шатра хотели выйти. Больше трех часов говорили послы стоя, то говорили с большим шумом, то покрывали гладостью, как бы к доброму сходству повести, поговоривши с шумом, расходились розно, выговаривали и вычитали с обеих сторон всякие прежние ссоры и неправды; поляки вышли наконец из шатра, давая знать, что хотят разорвать. Тогда московские послы уступили им Дорогобуж, поляки не согласились; уступили Новгород Северский — не согласились; комиссары вышли из шатра, остались только Жадик и Радзивилл, воевода виленский, и продолжали переговоры; из всех городов, отданных по Деулинскому перемирию, они уступали один Серпейск, но требовали Трубчевска и 100 000 рублей денег; потом начали спускать деньги и спустили до 20 000. На этом и порешили, с условием, однако, чтоб деньги отдать королю тайно, в записи их не писать и в речах не упоминать, будут знать об этом только бискуп Жадик да Радзивилл, а товарищам их не сказывать, и как договор крестным целованием закрепят, то деньги возьмет бискуп один и распишется. Комиссары согласились называть Михаила Феодоровича царем, потому что польское правительство признало этот титул прежде, называя Владислава царем; но не споря о царском титуле, комиссары спорили о титуле *всея Руси*; они говорили боярам: «Великий государь ваш пишется *всея Руси*, а Русь и в Московском и в Польском государстве есть: так написать бы в польскую докончальную запись великого государя вашего царем *своея Руси*, чтоб титулом *всея Руси* к польской Руси причитанья не иметь, а в московской докончательной записи и вперед в грамотах царских к королям польским писать по-прежнему *всея Руси*»... Московские послы отказали: «Этого начинать непригоже: ваша Малая Русь, которая принадлежит к Польше и Литве, к тому царского величества именованью *всея Руси* нейдет, применять вам этой своей Руси ко *всея Руси* нечего». Покончивши спор о титуле, послы ударили по рукам на *вечном докончании*. Это было 17 мая.

Когда надобно было писать условия вечного докончания, то комиссары возобновили попытку Льва Сапеги при Годунове, предложили следующие статьи: 1) быть в вечной приязни, как людям одной веры христианской, одного языка

и народа славянского. Московские послы прибавили сюда условие: описывать великого государя с его полными титулами. 2) Иметь общих врагов. Московские послы отвечали: написать именно, кто королю неприятель, по тому и договор будет. 3) С другими народами ко вреду друг другу не соединяться, но сноситься с ними вместе, по совету; если был прежде заключен союз с кем-нибудь ко вреду нового союзника, то его разорвать. 4) В случае неприятельского нападения друг друга оборонять. Ответ: у государя нашего только и пограничных государств, что Швеция да Крым, и с обоими государь в докончании, так помогать на них ему не доведется. 5) Подданным обоих государств вольно ездить к государям на службу при дворе, в войсках и землях, и выезжать назад. Ответ: как государь изволит. 6) Чтоб вольно им было жениться и *сродствоваться*, вотчины и поместья выслуживать и покупать, по женах и иным всяким обычаем наживать. Ответ: как русским людям у польских людей, так польским у русских жениться за разницею вер нельзя, отчин продавать из государства в государство не годится, да и прежде этого никогда не бывало. 7) Чтоб вольно было подданным обоих государств посылать детей своих на службу или для науки. Ответ: об этом великие государи перешлются между собою. 8) Чтоб поляки, которые будут служить московскому государю, могли ставить церкви своей веры в своих поместьях; чтоб в Москве и других городах были церкви католические. Ответ: церквей иных вер в Московском государстве прежде не бывало, и вперед этому быть нельзя. 9) Король и великий государь московский должны вместе стараться, чтоб был у них наряд пушечный, корабли и люди воинские на море Ливонском и на море Великом, для расширения границ своих. Ответ: государевых воинских кораблей на море Ливонском и на море Великом прежде не бывало и вперед быть негде да и не для чего; а если это понадобится королю, то пусть он обошлется с нашим государем. 10) В знак совершенного соединения должны быть две короны: одна в Польше, ее посол московский возлагает на польского короля при коронации, а другая в Москве, ее польский посол возлагает на голову московского государя. 11) По смерти короля паны советуются об избрании нового с государем и со всеми чинами московскими. 12) Если будет избран царь в короли, то два года должен жить в Польше и Литве и один год в Москве. 13) Если у царя не будет сына, то царем становится король польский. На все эти статьи один ответ: пусть государи перешлются между собою.

В образцовой царской грамоте было написано: «Которые люди начнут перебегать на обе стороны, тех не отдавать для того: только перебежчиков отдавать, то в этом будет большая ссора, душевредство, и исполнить этой статьи никак

нельзя, потому что Московское государство и Польское велики и пространны, перебежчики станут жить в дальних и украинских городах тайно, так что не только их самих, и мест их сыскать будет нельзя». Вследствие этого уполномоченные уговорились статью о перебежчиках из докончальной записи вычеркнуть, а постановить: воровских людей, которые от воровства станут перебегать, тех на обе стороны сыскивать и отдавать. Польские комиссары требовали, чтоб патриарх за настоящего государя, за будущих и за всю землю крест целовал на вечном докончании, а притом должны еще целовать крест по два человека из порубежных городов. Московские послы отвечали: «Великий господин святейший патриарх правит церковь божию, а до царственных, до градских (политических) и ни до каких мирских дел он не касается; также и порубежных городов людям крест целовать не для чего, потому что вечное докончанье крепко будет нашим посольским крестным целованьем, да сверх того великие государи сами закрепят, а городские люди без воли государя нашего ничего сделать не могут». Польские комиссары настаивали, чтоб целовать крест патриарху, властям духовным, боярам, и изо всех чинов людям за себя, за детей, внучат и за всю землю; говорили, что и у них в Польше все крест целовать будут; московские послы отвечали: «Ваш архиепископ и епископы должны целовать крест, потому что они вместе и сенаторы, а наш патриарх и духовенство ни в каких делах креста не целуют. Да и того в Московском государстве никогда не бывало, чтоб вместе с великим государем боярам или иным людям крест целовать, и теперь тому быть нельзя, крепко будет докончанье государскими душами, а за бояр и за всяких людей мы, великие послы, закрепим». Польские комиссары возражали, что сенаторам и боярам нужно крест целовать на случай смерти королевской или царской; московские послы отвечали: «То дело нестаточное, что боярам вместе с государем нашим крест целовать: все мы холопи великого государя нашего и во всей его царской воле, и нам без царского повеленья браться за это нельзя». Поляки все настаивали, чтоб патриарх целовал крест; московские послы отвечали: «Патриарху тут быть нельзя, потому что по закону нашей греческой веры не повелось, чтоб у крестного целованья быть патриарху: они чин духовный, великие слуги христовы первейшие, всем архиепископам и епископам вышние, и ни у какой клятвы человеческой быть им невозможно». Московские послы отговорили также не целовать креста боярам и порубежным людям.

Уговорились, что царь и король пошлют к пограничным христианским и бусурманским государям объявить о своем вечном докончании; уговорились насчет посольских прово-

жатых; послы с обеих сторон должны приезжать со 100 провожатыми, посланники с 30, гонцы с 6; послов и посланников больше двух месяцев не держать. Польские комиссары требовали, чтоб обоим государям вольно было нанимать ратных людей — королю в Московском государстве, а царю в Польше; московские послы отложили эту статью до обсылки с государем, потому что дело новое. Поляки требовали, чтоб запорожским козакам шло жалованье от государя ежегодно, как им на то грамота дана и на самом деле в прошлых годах бывало. Московские послы отвечали: «Козакам запорожским какое жалованье, и за какую службу давалось и какая у них грамота есть, — того не упомним; думаем, что то могло быть, когда запорожские козаки великим государям служили, и теперь если начнут служить, то им государево жалованье будет по службе».

Во время переговоров к послам пришла из Москвы грамота, чтоб они потребовали у польских комиссаров наряда, взятого у Шеина под Смоленском, потребовали бы этого в знак любви государской: «За то бы стояли и говорили не торопко, потому что полякам разорвать переговоров уже нельзя: ведомо государю подлинно, что турский салтан наступил на Польшу, в Польше и Литве от турского великое страхованье и король пошел назад к себе в Литву; если б государь об этом знал вовремя, то он бы им, послам, с такою уступкою на стольких городах делать не велел. Главные послы, боярин и окольничий должны говорить сердито, а остальные унимать и покрывать гладостью и разговором, чтоб договора не разорвать и бесславными не быть же». Исполняя наказ, московские послы стали говорить комиссарам о возвращении пушек, сказали и о тех двенадцати пушках, которые король отдал Шеину, но тот не взял изменою своему государю. Комиссары отвечали, что донесут об этом королю, причем гетман литовский Радзивилл прибавил: «Вы нам говорили о двенадцати пушках, которых не взял Шеин, будто бы изменою своему государю: так вам бы такого слова не говорить и в письме не писать, потому взял весь наряд государь наш своею ратною силою, а не по чьей-нибудь измене, двенадцать же пушек, которые были Шеину отданы, он подарил мне по любви, а не по неволе, и те пушки у меня, а не у короля, и отдать их назад непригоже, потому что Шеин ими меня подарил». Польские комиссары требовали, чтоб купцам их можно было торговать в Москве и в замосковных городах, но московские послы согласились только позволить им торговать в пограничных городах; что же касается до торговли в Москве и других городах, то это дело отложили до тех пор, пока польские послы будут у царя в Москве. Уговорились — пленников всех отпустить с обеих сторон без ограничения, причем поляки не согласились на

требование московских послов, чтоб не отпускать тех, которые приняли православную веру или женились в России. В образцовой докончальной грамоте, присланной из Москвы, было внесено условие, чтоб в уступленных Польше городах не трогать православия. Польские комиссары говорили об этом с великою досадою: «Какое вы в нас безверство узнали? всякий человек себя остерегает, а чужого дома строить не замышляет; у нас никакому человеку свою веру держать не запрещают, мы обещаем это под клятвою, а в докончальную запись это внести зазорно, королю и нам это будет в стыд, как будто мы разорители вер». И отказали с шумом. Образцовая грамота московская начиналась укоризнами, что поляки нарушили перемирие и т. п.; комиссары объявили, что они такой грамоты допустить не могут: «Заключен вечный мир, — говорили они, — а в начале грамоты будут укоризны! мы вас укорять не хотим, и вы нас не укоряйте». Два часа спорили об этом и наконец порешили оставить укорительные слова.

Все было окончено 4 июня. На прощанье польские комиссары говорили: «Такое дело великое и славное сделалось, чего прежние государи сделать не могли; так на том бы месте, где такое великое и славное дело совершилось где стояли шатры, для вечного воспоминанья насыпать два больших кургана и сделать на них два столпа каменных, один на московской, а другой на королевской стороне, и на тех столпах написать государские имена, также год и месяц, каким образом и посредством каких послов такое великое дело учинилось». Шереметев с товарищами не согласились на предложение, они отвечали: «В Московском государстве таких обычаев не повелось и делать этого не для чего; все сделалось волею божиею и с повеления великих государей и написано будет в посольских книгах». Шереметев дал знать об этом в Москву и получил такой ответ: «Государевы послы сделали хорошо, что у литовских послов отговаривали, потому что они начинают дело новое, и впредь литовским послам отказывать, что дело нестаточное бугры насыпать и столпы ставить, быть тому непригоже и не для чего, потому что доброе дело учинилось по божией воле, а не для столпов и бугров бездушных».

В начале 1635 года для закрепления вечного мира присягою королевскою отправлены были в Польшу великие послы, боярин князь Алексей Михайлович Львов-Ярославский с товарищами; ему дан был наказ: «Непременно за то стоять накрепко, чтоб король поцеловал в крест, а не в блюдо». Еще любопытнее вторая статья наказа: «Когда король велит положить на запись крест, то послам смотреть, чтоб этот королевский крест был с распятием, а если король закона люторского, то ему целовать евангелие, разведать

подлинно, какой веры король». Если будут настаивать, продолжает наказ, чтоб польские купцы ездили торговать в Москву и замосковные города свободно, то отвечать: «Это дело нестаточное, потому что многие польские и литовские купцы станут приезжать в Москву и в другие города, станут привозить с собою учителей римской веры и приводить людей в свою веру, а наша истинная православная христианская вера греческого закона до сих пор стоит крепко и непоколебимо и вперед также стоять будет, богом хранима и соблюдаема вовеки, и других никаких вер у нас не принимают. Да в Московское же государство приезжают иноземцы — торговые люди люторского и кальвинского закона, а у римлян с ними за ту веру рознь: так их римской веры купцам с лютора́ми и кальвинами будет ссора, и без брани между ними за веру не обойдется. Но, стояв накрепко, согласиться, чтоб польские купцы приезжали в Москву».

Паны потребовали от послов еще новой статьи, чтоб в обоих государствах были одинакие деньги; послы отвечали: «Одной цены установить нельзя: у вас в Польше и Литве золотым и ефимкам всегда цена бывает неровна; золотой у вас теперь идет русскими деньгами по рублю по двадцати одному алтыну по четыре деньги, а на Москве золотой покупают по тридцати алтын; ефимок у вас покупают по тридцати алтын, а на Москве до шестнадцати алтын; да и потому нельзя, что в Польше и в Литве торгуют золотыми и ефимками, а для мелкой покупки — грошами и шелегами медными, в Московском же государстве — русскими копейками и московками, хотя они и дробны, зато сделаны из чистого серебра».

Когда все переговоры были кончены, открылось для московских послов сильное затруднение. Еще на Поляновском съезде между Шереметевым и Жадиком было договорено, что поляки отдадут подлинный договор Жолкевского об избрании Владислава и все другие бумаги, относящиеся к Смутному времени, но теперь паны-рада прислали сказать Львову, что этого договора ищут, но нигде отыскать не могут. Послы отвечали: «Пока нам гетманский договор и всякое письмо не отдадут, мы никаких дел делать не станем и у короля при крестном целовании не будем; удивительное дело! Давно ли то крестное целование было, ваши великие послы и сенаторы клялись, крест целовали, что гетманский договор и всякое письмо будут отданы царского величества послам в Варшаве, а теперь говорят, что договора не сыщут». Приехали к послам Христоф Гонсевский с Альбрехтом Гижицким и говорили: «Мы королю и панам-раде сказывали, что вы без гетманского договора никаких дел делать не будете; король от этого стал печален и паны-рада все кручиноваты,

велел король во всех скарбах своих искать договора». Потом приехали к послам Якуб Жадик — канцлер коронный, Альбрехт Радзивилл — канцлер литовский, Александр Гонсевский и говорили, что договора в королевской казне не сыщут; когда этот договор гетман Жолкевский под Смоленск к Жигимонту королю привез, то неизвестно, взял ли его у него король или нет, одно известно, что Жигимонт король сыну своему Московского государства не прочил; думают они, что договор о том или у Жолкевского, или у Льва Сапеги, или у писаря Соколинского, которые все померли, и теперь король послал искать договора в Жолкву. отчину Жолкевского, также к сыну Сапеги и к Соколинским, а если договора не сыщут, то король укрепится крестным целованием, что вперед ему и по нем всем будущим королям гетманским договором к Московскому государству никакого причитанья не иметь и не вспоминать вовеки, также и панам-раде и всей Речи Посполитой; а укрепленье об этом договоре напишут, как вы сами, великие послы, прикажете. Послы отвечали: «О гетманском договоре хотите письмо дать за руками, но вы об нем письмо давали и крест целовали, да солгали: и вы, паны-рада, как такие неправды делаете, чего в христианских государствах не делается? Ведь вы, зная про тот договор, что он есть у короля в казне, крест целовали? А теперь сказываете, что его не сыщете!» Паны отвечали: «Нам самим большой стыд, что договора не сыщут, только это случилось без хитрости, не обманом, бог то видит, убей нас бог душою и телом, если мы договор утаиваем; опишите к великому государю своему об указе, а государь ваш к царскому величеству гонца своего пошлет, отпишет, что он, король, на том крест целует, руку свою и печать приложит и они, сенаторы, всею землею руки свои приложат же, что договору не сыскали». Послы продолжали говорить: «Видим мы, что вы этого письма нам не хотите отдать не правдою, а у нас это начальное дело». Паны продолжали клясться, наконец положили, что отпишут об этом к государю.

Царь прислал ответ, что согласен на сделку относительно гетманского договора, но с тем, чтоб король отписал об этом во все государства. 23 апреля назначено было днем королевской присяги: костел был великолепно убран, у большого алтаря горело шесть свечей в золотых подсвечниках, распятие и статуи на алтаре были из того же металла, музыка гремела на четыре хора. Начались толки, как московские послы должны идти в костел, перед королем или за ним, или вести короля под руки, как был обычай. Они объявили, что вести короля под руки непригоже, грех большой вести кого-нибудь к присяге, тем более короля; согласились идти перед мар-

шалком. Когда уже процессия двинулась, послы стали требовать, чтоб король в присутствии всех собственною рукою подписал обещанное утверждение. Король исполнил их желание, и они очень обрадовались, говорили: «Теперь видим, что вы искренно с нами поступаете, будет вечный мир». Они просили, чтоб король и царь всегда называли друг друга братьми; последовало и на это согласие. Король шел в костел с многочисленною свитою: кроме придворных, было при нем два архиепископа и 16 светских сенаторов. Помолившись перед большим алтарем, король сел в кресла; архиепископ начал проповедь; так как по обычаю он часто вставлял латинские тексты и сентенции, то один из послов сказал литовскому канцлеру Радзивиллу, чтоб запретил проповеднику употреблять латинские слова, непонятные для них, послов; Радзивилл внутренно улыбнулся простоте этого народа, как сам рассказывает. По окончании проповеди архиепископ подал королю крест и присягу; король громко прочел присягу и, прибавя условие о гетманском договоре, поцеловал крест, но послы потребовали, чтоб о гетманском договоре была особая присяга, и король в другой раз должен был целовать крест, что очень утешило послов; за королем присягнули шесть сенаторов. По окончании присяги король, взявши грамоты, подал их князю Львову и сказал: «Надеюсь, что за божией помощию будет у нас крепкая и вечная приязнь с государем вашим, братом моим; отдайте в его руки этот задаток нашего братства и кланяйтесь ему от моего имени по-приятельски». Послы низко поклонились; архиепископ начал петь «Te Deum», и в то же время раздалась пушечная пальба. На эту невиданную до того времени церемонию смотрели с хор папский нунций и посол флорентийский.

Послы обедали у короля, были у него и на потехе, «а потеха была, как приходил к Иерусалиму ассирийского царя воевода Алаферн, и как Юдифь спасла Иерусалим». Но после потехи послы должны были исполнить печальное поручение: Михаил приказал им выпросить у короля тела Шуйских, царя Василия, его брата Димитрия и жены последнего; в наказе говорилось: «Если за тело царя Василия поляки запросят денег, то давать до 10 000 и прибавить, сколько пригоже, смотря по мере, сказавши однако: «Этого нигде не слыхано, чтоб мертвых тела продавать, а за тело Димитрия Шуйского и жены его денег не давать: то царскому не образец». Когда послы сказали об этом панам, те отвечали, что донесут королю, и прибавили: «Отдать гело не годится; мы славу себе учинили вековую тем, что московский царь и брат его лежат у нас в Польше и погребены они честно, и устроена над ними каплица каменная». Послы сказали на это: «Царя Василья тело уже мертво, прибыли в нем нет никакой, а мы вам за то поминки дадим, что у нас случилось», и

посулили послы канцлеру коронному Якобу Жадику десять сороков соболей, и другим поминки посулили немалые. Тогда паны сказали: «Мы донесем об этом королевскому величеству и советовать ему будем, чтоб тело отдать». Скоро послам дали знать, что король согласен; Жадик и Александр Гонсевский сказали им: «Королевское величество велел вам сказать, что он тело царя Василья Ивановича и брата его велел отдать, любя брата своего, великого государя вашего, а если б был Сигизмунд король, то он бы ни за что не отдал, хотя б ему палаты золота насыпали, то он и тогда бы ни одной кости не отдал». Посольские дьяки отправились в каплицу вместе с королевским шатерничим и будовничим, которым она была приказана. Гробы находились под полом; когда дьяки велели взломать пол, то увидали под ними палатку каменную, а в палатке три гроба, один на правой стороне, а два на левой, последние поставлены один на другом, одинокий гроб на правой стороне был царя Василья, на левой, наверху, — князя Димитрия, а под ним — жены его. Из земли тела вынули честно, встречали их на дороге из села Ездова к Варшавскому посаду послы, стольники и дворяне со всеми людьми с великою честью; послы велели сделать новые гробы, посмолить и поставить в них старые гробы. Король прислал атлас золотный турецкий да кружева кованые золотные, да гвозди серебряные, велел гроб царя Василия обить, на гроб князя Димитрия прислал бархат зеленый, а на княгинин гроб — камку зеленую, и отпустил король тела с великою честию, но сенаторам и ближним королевским людям за этот отпуск дано соболей на 3674 рубля.

10 июня с утра в Кремле московском загудел реут, и народ повалил к Дорогомилову навстречу телу царя Василия. От Дорогомиловской слободы до церкви Николы Явленного на Арбате тело несли на головах дети боярские из городов, а за телом шли Рафаил, епископ коломенский, архимандриты, игумены и протопопы, которые были назначены встречать тело в Вязьме; за телом шли послы, князь Львов с товарищами. У церкви Николы Явленного встречал тело Павел, митрополит крутицкий, и новоспасский архимандрит Иосиф, с ними всех церквей деревянного города попы и дьяконы со свечами и кадилами; тут же встречали бояре, князь Сулешов да Борис Михайлович Салтыков, да окольничий Михайла Михайлович Салтыков в смирном (траурном) платье; служилые люди, гости и купцы, встречавшие вместе с боярами, были также все в смирном платье. От Николы Явленного тело несли в Арбатские ворота Вздвиженкою к Каменному мосту (через Неглинную в Кремль) дворяне московские на плечах. Патриарх Иосаф со всем освященным собором встретил тело у церкви Николы Зарайского (что у Каменного моста деревянный храм), в ризах смирных, и,

учиня начало по священному чину, пошел за телом, которое внесли в Кремль через Ризположенские ворота. Когда поравнялись со двором царя Бориса, то зазвонили во все колокола и тело внесли в Архангельский собор в передние двери от Казенного двора; государь встретил у собора Успенского, не доходя рундука, за государем были бояре, думные и ближние люди, все в смирном платье; в Архангельском соборе пели панихиду большую, а погребение было на другой день, 11 июня[9].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА

Посольства Песочинского и Сапеги в Москву; неудовольствия против Польши по поводу межевых дел, умаления титула и противозаконных поступков литовских купцов, мнения бояр о поступках польского правительства; переход малороссийских козаков на московскую сторону Сношения с Швециею, первый московский резидент Францбеков в Стокгольме; взгляд московского правительства на резидентов Несостоявшийся договор с Голштинскою компаниею о персидской торговле Сношения с Турциею посольство Кондырева и Бормосова, их затруднительное положение по поводу донских козаков, второе посольство Фомы Кантакузина в Москву и запись, им данная, посольство Яковлева и Евдокимова в Константинополь; третье посольство Кантакузина на Москву; посольство Совина и Алфимова в Константинополь, убиение воеводы Карамышева донскими козаками, опасность послам от них; разбой донских козаков на Каспийском море; посольство Прончищева и Бормосова, Дашкова и Сомова, Коробьина и Матвеева в Константинополь, грамота царская к султану с Буколовым, приезд Фомы Контакузина на Дон; сборы козаков под Азов; посольство в Москву атамана Каторжного, выступление под Азов; убиение Кантакузина, взятие Азова козаками и защита его от турок; собор в Москве вследствие просьбы козаков государю взять от них Азов; козаки оставляют Азов по приказанию государя, посольство Милославского и Лазоревского в Константинополь Неудовольствия донских козаков; их намерение уйти на Яик Сношения с Персиею и Грузиею Намерение государя вызвать из Дании жениха для царевны Ирины Михайловны; посольство переводчика Фомина для осведомления о сыновьях короля Христиана IV, посольство королевича Вальдемара в Москву; посольство Проестева и Патрикеева в Данию для сватовства, их неудача; посольство в Данию Петра Марселиса, который улаживает дело, условия брака; приезд королевича Вальдемара в Москву; представление его государю; статьи, поданные датскими послами боярам; разговор королевича с государем; увещание к принятию православия· письмо патриарха к королевичу и ответ Вальдемара, неудачная попытка королевича уехать тайно из Москвы; разговор Марселиса с Вальдемаром; дело Басистова; письмо Вальдемара к царю и польскому послу Стемпковскому Весть из Турции о самозванце Иване Дмитриевиче Посольство князя Львова в Польшу и дело о двух самозванцах. Болезнь и кончина царя Михаила. (1635—1645).

Так кончились войны, порожденные Смутным временем; гроб Шуйского с торжеством был поставлен между гробами царей московских, но гробы Годуновых остались в Троицком монастыре, ибо гроб Дмитрия загораживал им дорогу

в Архангельский собор Нравственное и политическое успокоение русских людей, которое хотел произвести Шуйский внешними средствами, завершилось теперь на гробе его, привезенном из Польши. Все пошло по-прежнему, но в Смоленске, Дорогобуже и городах северских сидели польские державцы, а в земле Ижерской — шведские. Король Владислав искренно хотел мира и приязни с недавним соперником своим, царем московским, но последний не переставал присылать посольства с жалобами на подданных Владиславовых. В то время как в Варшаве московский посол князь Львов с товарищами был свидетелем присяги королевской в соблюдении Поляновского мира, польские послы — Песочинский, каштелян каменецкий, и Сапега, писарь Великого княжества Литовского, сын знаменитого Льва, были свидетелями царского крестоцелования в Москве. Мы видели, что на Поляновском съезде несколько статей, требуемых польскими комиссарами, было оставлено до того времени, как польские послы будут в Москве; на этом основании теперь Песочинский объявил боярам требование, чтоб после царя целовали еще крест в ненарушении мира бояре и жители порубежных мест, — получил отказ, потом требовал, чтоб в случае смерти одного из государей присяга возобновлялась его преемником, — и в этом получил отказ; требовал, чтоб позволено было королю нанимать ратных людей в Московском государстве, — отказано. «Это дело новое, — отвечали бояре, — прежде этого не повелось; великого государя люди ни в которые окрестные государства не хаживали служить, потому что они православной христианской веры греческого закона, и если им ходить на службу в чужие государства, а попов русских с ними не будет и в церкви ходить не станут, то они будут помирать без покаяния». О вольном приезде на службу, пребывании и браках подданным с обеих сторон отказано: «Великий государь наш, — был ответ, — против всякого своего недруга стоит своими людьми, а по времени смотря, прибавляет и посторонних государств людей; теперь великий государь с великим государем вашим учинился в братской дружбе, и потому его царское величество велел отпустить приезжих иноземцев, заплатя им прямые заслуги. Если великому государю понадобятся ратные люди, тогда, смотря по мере, и мысль будет, а теперь принимать и держать у себя ратных людей без дела убыточно; польские и литовские люди в Московском государстве на русских женах прежде не женивались, потому что великое Российское государство православной веры, а в Польше и Литве люди разных вер и быть тому соединенью невозможно».

Первое затруднение, подававшее повод к пересылкам и жалобам, состояло в определении новых границ. В 1635 году

отправлен был к королю посланник Юрий Телепнев жаловаться на польских межевых судей и на польских подданных, поселившихся на русских брянских землях. Ему дан был наказ: «Для того промыслу, чтоб литовские межевые судьи во всех местах земли развели и захваченные места все очистили по посольскому договору, послано с ним, Телепневым, соболей на 500 рублей: так он бы, смотря по тамошнему делу и разведав гораздо, кто из панов радных при короле властию сильнее, сулил и давал соболей, кому сколько пригоже». Но соболи не помогли; межевые дела не оканчивались, к неудовольствию московского государя, а тут еще новое неудовольствие — умаление титула. В феврале 1637 года отправлен был в Польшу князь Семен Шаховской домогаться наказания польским пограничным воеводам за умаление государева титула, также переговорить о межевых делах и о пленных. Относительно преступления пограничных державцев паны радные оправдывались тем, что эти державцы люди ратные, а не палатные, писать не умеют, а титулы государевы широкие, упомнить их трудно. Московские послы возражали: «Отчего же с нашей стороны ничего подобного нет? Кто когда умалял титул королевский? Оттого, что по заключении вечного мира ко всем пограничным воеводам разосланы были образцовые листы, как писать королевский титул, и приказано писать по ним под великим страхом. А у вас что делается? Мартын Калиновский с товарищами в царском именованьи написал: вместо *самодержец — державца всея Руси!* Ясно, что умышленьем: не только Калиновскому с товарищами, но и всякому человеку это знать и рассудить возможно. Так королевское величество велел бы им за то учинить наказанье без пощады и тем свою государскую душу от греха освободил». Паны отвечали: «Мартын Калиновский и Лукаш Жолкевский государское именованье писали не по-пригожу, и за то они на сейме перед всей Речью Посполитою похулены, названы людьми простыми, неучеными, и это им за великое бесчестье и наказанье; покарать же таких людей за это нельзя, потому что они сделали это по незнанию, впервые, и бог за грехи не вдруг карает, милосердует, и государь ваш великий, христианский, набожный, милосердый, праведный государь, также над ними казни никакой не захочет, притом королевское величество вольного шляхтича мимо установленного нашего исконного вольного права карать не может без совета Речи Посполитой, а что ведется по московскому обычаю — кнутить, то дело несбыточное, в нашем государстве этого не повелось никогда. Оставим это дело: вперед ничего такого не будет, станем говорить о межеванье». Шаховской возражал: «Оставя такое великое начальное главное дело, просите вы другого дела, но межевое дело перед тем последнее, самое

большое дело государскую честь остерегать. Если вас, сенаторов, кто-нибудь назовет не по отечеству, то вы за себя стоять будете ли и что ему за то сделаете!» Паны отвечали: «Если кто назовет не по отечеству со злости, то за то как не стоять?» Шаховской: «Вы паны-рада за свое бесчестье хотите стоять, а великого государя нашего именованье пишут со злою укоризною, называют Михаилом Филаретовичем, Федором Михайловичем: и вы говорите, что их карать не доведется, какая же ваша правда?» Паны: «Карать не доведется, потому что сделано ошибкою, а не со злости, если же станут вперед так делать, то их будут карать». Наконец паны взяли требование послов на письме и сказали, что доложат о нем королю. Ответ последовал такой: «Так как ошибки в титуле сделаны были не хитростию, а по глупости, то царскому бы величеству те их бесхитростные вины отпустить по королевской просьбе, вины эти королевское величество на себя принимает, а как теперь с вами о государских именованьях утвердились, то королевское величество и мы, паны радные, велим царского величества именованье напечатать по-польски и разослать во все порубежные города, и тогда уже никакой ошибки не будет; если же объявится какая ошибка после первого ноября, то уже за нее будет каранье без пощады; а на сейме король станет говорить с нами со всеми, панами радными и послами поветовыми, какое наказанье положить тому, кто вперед сделает ошибку в царском титуле; что на сейме положат, то в конституции напишут и, напечатав, во все порубежные города разошлют».

Уладивши это дело, начали спор о границах черниговских и путивльских; тут между прочим паны сказали: «В старых летописцах написано, что великий князь Михаил черниговский, происходивший от Олгерда и подчиненный Литве, умер в Москве в заточенье». Послы отвечали: «Неправда: Михаил черниговский замучен в Орде; да и верить летописцам нечего, пишут их не с уложенья; как кто захочет, так и пишет, и летописец с летописцем не сходится, это не святых отец уложенье». Отпуская посланников, паны радные говорили: «Великий государь наш с братом своим, великим государем вашим, хочет быть в крепкой братской дружбе и любви, как есть с истинным прирожденным своим государским приятелем: ему и его детям государь наш всякого добра желает, также и вперед с ним и с его царскими детьми и потомками самому себе и потомкам своим братства, дружелюбности и соединения крепко желает, чтоб их обоих великих государств люди жили в покое и тишине, а поганские бусурманские народы, видя их дружбу и любовь, были в страхе и на христианских людей не посягали; мы паны радные и урядники за великого государя своего и за

всю Речь Посполитую под присягою обещаем, что великий государь наш и мы, паны радные, и урядники, и вся Речь Посполитая ищем вседушно и со всяким прилежанием желаем, чтоб между государями нашими братская дружба и любовь множилась, а не умалялась, а ссоры и нелюбья с королевского величества стороны отнюдь не будет. Также и вас царского величества посланников просим: донесите это до его царского величества и боярам, и думным людям, братьи нашей, говорите усердно, чтоб они великого государя своего наводили на то, чтоб он с братом своим, великим государем нашим, был в братской дружбе и любви неподвижно».

В доказательство искренности этих желаний в июле 1637 года приехали в Москву польские посланники, Ян Оборский и князь Самойла Соколинский, с известием о намерении королевском вступить в брак с Цецилиею Ренатою, сестрою императора. Объявив царю об этом, посланники говорили: «К такому великому честному делу и браку радостному соблаговоли царское величество послов своих отправить и чрез это всему свету показать, что такими радостными потехами короля его милости брата своего истинно тешишься и радуешься. Когда, ваше царское величество, изволишь это сделать, то не только сердце короля его милости в братстве и любви к себе утвердишь, но и подчиненные вам народы возрадуются надеждою согласия и любви, и затем дай бог вовеки неподвижного покоя и тишины; король же, государь наш, также будет уметь показать перед всем светом свою неподвижную братскую любовь и крепкую вечную приязнь». Посланникам отвечали, что царь принимает это в любовь, и осведомились, когда свадьба; послы отвечали, что 6 сентября; на это бояре заметили, что срок мал, послу не поспеть из Москвы в Варшаву; посланники отвечали, что король срок отложит и будет ждать посла. Тогда царь велел советоваться о деле всем боярам, и посланникам был дан такой ответ: «Царское величество удивляется, что вы, посланники, приехали так поздно; теперь государю отправить посла своего к королевскому величеству вскоре некогда, потому что пришло время осеннее, дорога будет дурная, будут грязи, дожди и груды (кочки), поспешить послу никаким образом нельзя будет; хотя бы королевское величество и подождать захотел, все же послу не поспеть к королевскому веселью, а для дружбы и любви великий государь к брату своему пошлет посла для поздравленья, когда зимний путь станет».

Действительно по зимнему пути были отправлены в Варшаву окольничий Степан Проестев и дьяк Леонтьев; они повезли новобрачным богатые подарки: королю — братину золотую с кровлею, с яхонгами, лалами, изумрудами и жем-

чугом, ценой в 2 000 рублей, четыре сорока соболей на 1 500 рублей да два соболя живых; королеве — золотой окладень с дорогими каменьями, ценою в 600 рублей, три сорока соболей на 935 рублей да два соболя живых. В наказе послам говорилось: «Как велит им король быть у себя на посольстве, а про королеву им скажут, что и та с королем тут же вместе будет, то отвечать, что они на посольство идти готовы, но прибавить: когда у великого государя бывают послы великих государей, то государыня царица тут не бывает, и у прежних великих государей того не бывало же; сказавши это, идти к королю на посольство. Если позовут к королеве особо, то идти, поминки явить и к руке идти, а если королева станет им говорить речь, то ответ учинить и говорить так, как бы государскому имени к чести и к повышенью и государствам его к расширенью. Если король позовет к себе обедать, то дворянам и посольским людям приказать накрепко, чтоб они сидели за столом чинно и остерегательно, не упивались и слов дурных между собою не говорили, а середних и мелких людей в палату с собою не брать для того, чтоб от них пьянства и бесчинства не было, велеть им сидеть в другой палате, а бражников и пьяниц и на королевский двор с собою не брать».

Но Проестев и Леонтьев отправлялись не для одной учтивости, не для одного показания братства и любви от царского к королевскому величеству; опять им велено было требовать наказания людям, ошибшимся в царском титуле: «Говорить о том панам-раде и на то их наговаривать всякими мерами и многими разговорами и пространными словами. А если паны скажут, что велено за непригожие письма дорогобужского дьячка поучить, а державцу Поплонского с уряду скинуть, то отвечать: про то и слышать стыдно, что за такие великие вины велено учинить малое наказанье; такое малое наказанье чинят за бесчестье простых людей, а не за государское Бывши у короля и объявя дела по государеву наказу, для большого дела, государевой части посланникам проситься на сейм ко всей Речи Посполитой, объявить имена тех людей, которые писали в листах царского величества именованье не по его царскому достоинству, требовать, чтоб паны-рада и вся Речь Посполитая о том порадели и тем людям учинили, смотря по их винам, казнь, а иным — наказанье жестокое. Если же не будет этим людям казни, то от таких непригожих ссорных дел между государями какому добру быть? Да и про межевое дело на сейме объявить, что оно продлилось мимо посольского договора многое время за неуступчивостию и упорством королевских судей; на Путивльский рубеж прислан в межевые судьи бискуп киевский, который в этом деле сам истец и делает, что ему надобно, в царского величества земли

вступался неправдою, угождая киевским и черниговским людям, которые те земли засели. Говорить, что многие пленники не отпущены, жаловаться, что королевские посланники на возвратном пути из Москвы в Дорогобуже принимали к себе русских людей, свезли из Москвы печатного двора мастера Никиту Нестерова, которого пристав у них взял. Жаловаться на купцов литовских: по вечному докончанию купцам польским и литовским велено торговать в порубежных городах, а в Москву и замосковные города не приезжать, в Москву приезжать только с послами; также и московским купцам приезжать в Вильну и Краков только с послами. Но польские купцы, мимо договора, проезжали в замосковные города и под Москву проселочными лесными дорогами, провозили вино горячее и табак. Которые литовские купцы оставались в Москве после литовских посланников для торгу, будто не исторговались, а иные оставались для сыску пленных, и те купцы начали воровать, продавать вино и табак, и тем в людях многую смуту чинили; табак у них вынут и сожжен перед ними же, чтоб им неповадно было вперед вино и табак на продажу привозить. Литовских купцов, которые приезжали в Оскольский уезд самовольством с вином и табаком, оскольский воевода Константин Пущин ограбил; за это великий государь велел его по сыску казнить смертью, а сыну его и другим 25 человекам, которые также оказались виноваты в этом деле, велел учинить наказанье жестокое при литовских людях, которые для сыску приезжали, и грабежное им отдано. Государь наш и за обычных литовских людей-корчемников не пощадил воеводы и многих людей, а королевское величество и вы, паны радные, за большое начальное дело, за царского величества именованье, казни смертной никому учинить не велели! В Тверь приезжало двое литовских купцов, один — из Вильны, другой — из Смоленска, с вином и табаком; из Твери они высланы назад, и для обереганья послан с ними пристав; но они, отъехав от Твери 5 верст, пристава от себя отбили и поехали самовольством к Ярославлю, многие города объезжая воровством; когда приехали они в Ярославль, то их из Ярославля выслали, а они начали по деревням с вином и табаком ездить; за такое воровство они посажены в Ярославле в тюрьму и потом из тюрьмы выпущены, а заповедного товару бочка с вином у них рассечена и табак сожжен».

Посланники должны были объявить панам, что крымский хан Богатырь-Гирей послал брата своего Нурадина на московские украйны за то, что донские козаки Азов взяли, и Нурадин в грамоте своей объявил, что с ним идут днепровские козаки; царское величество крымской грамоте не верит, чтоб королевское величество пустил запорожских козаков к

крымскому царю на помощь. Если паны радные скажут, что король за то козаков смиряет, а козаки, избывая наказанья, перебегают на царскую сторону, то отвечать: «В посольском договоре не написано, чтоб перебежчиков не принимать, а что в посольском договоре не написано, о том и вспоминать непригоже». Если спросят, бывает ли у царского величества ссылка с папою римским, отвечать: «С папою римским царскому величеству ссылки не бывало и ссылаться с ним не о чем. Римская область от Московского государства далеко, между ними прошли многие государства и земли, и вперед ссылки быть не для чего». Наконец послам велено в Польше и Литве заказать мастеру написать лица порознь: лицо царя Василия Ивановича Шуйского, лицо патриарха Филарета, лицо Владислава короля и королевы.

Проестев и Леонтьев представились королю и поднесли ему поминки, которые Владислав велел положить перед собою на землю, на ковре; но послы сказали, что царского величества любительные поминки на землю класть не годится, а достойно их принять честно; тогда король велел поминки принимать ближним своим людям, которые стояли подле него. От короля послы ходили представляться к королеве. Король прислал звать их во дворец смотреть комедии, а по-русски — потеха; послы отвечали, что готовы ехать смотреть комедию, но с тем, чтоб при этом других послов и посланников не было. Пристав уверил, что никого не будет, но когда они приехали уже во дворец, то узнали, что на потехе будет легат папский; паны говорили им: «Легат живет в Варшаве для духовных дел, а не для посольских, во всех государствах дают ему с правой руки место, и вам бы, послам, тем его почтить». Но послы отвечали: «Только папину легату с нами сидеть вместе по правую руку, то мы комедии смотреть не пойдем». Доложили королю, который велел сказать послам, что по правую руку от королевы будет сидеть брат королевский Карл, бискуп Вратиславский, а по левую — сестра королевская Екатерина, а вам, послам, велено устроить место от королевны Екатерины по правую сторону. Послы согласились и в статейном списке написали, что у королевны с левой стороны сидел папин легат, а они, послы, сидели на правой стороне, от королевина и королевичева места с полсажени, вровень с королевичевыми креслами. На посольские статьи о нарушении государевой чести дан был ответ, что панам, виновным в умалении титула, сделан выговор, а об дьячках положено: если шляхтич, то посадить его на полгода в тюрьму, а если простой человек, то бить кнутом. Насчет межевых дел отвечали, что вся правда на польской стороне; о пленниках, — что много пленных еще в Московском государстве; о купцах, — что сами московские порубежные воеводы от литовских купцов посулы и подарки

берут и грамоты проезжие дают, а в других городах, несмотря на грамоты, в тюрьму их сажают; о запорожцах, — что Нурадин солгал, запорожцев в турецком войске никогда не бывало. Когда Проестев привез этот ответ в Москву, то царь послал его в Тулу к боярам и воеводам, бывшим на береговой службе, к князю Ивану Борисовичу Черкасскому с товарищами, спросить их, что их мысль? Главный воевода Черкасский отвечал государю: «Мы, холопы твои, к твоим государевым боярам и окольничему писали и выписку с ответного письма панов радных к ним разослали, каждому особый список, чтоб они подумали об этом и мысль свою отписали. И я, холоп твой Ивашка с товарищами, думали о начальном, большом деле, о твоем государском титуле, о том, какое наказание сделано Потоцкому и дьячку: паны написали неправдою, вопреки своему сеймовому последнему приговору; когда были у тебя королевские посланники, то клали перед боярами книгу печатную своего сейма, и в ней написано: кто станет после этого сейма писать твое государево имя с умаленьем, того казнить смертью; а теперь написали малое наказанье». Князь Прозоровский писал, что за государскую честь должно стоять. Иван Шереметев писал: «Как государю угодно, так и сделает, теперь о таком великом государственном деле, не при государских очах будучи, и без своей братьи мыслить больше того не уметь, а за государскую честь должно нам всем умереть». Князь Иван Голицын писал: «Которые литовские города, села и слободы поставлены на государевой Путивльской земле — всего не упамятовать, грехом своим я беспамятен, мысль мне дать на такое великое государственное дело по моему малоумию мысль моя не осяжет. А что они пишут о государевой чести, о титуле, то и нам, его государевым холопам, за наше бесчестье управа больше. А союз польский против крымцев нам не нужен: мнится мне, что никакими мерами нашим русским людям служить вместе с королевскими людьми нельзя ради их прелести, потому: пришлют черкас, будут с ними и поляки, одно лето побывают с ними на службе, и у нас на другое лето не останется и половины русских людей, не только что боярских людей, останется, кто стар или служить не захочет, а бедных людей не останется ни один человек». Князь Дмитрий Пожарский писал к Черкасскому: «Мне, князь Иван Борисович, одному как свою мысль отписать? прежде всего нужно оберегать государское именованье; о гонцах и купцах написано в утвержденных грамотах, а про межеванье и про писцов его государская воля, как ему государю годно и как вы бояре приговорите; а хорошо, если б межевое дело бог привел к концу, чтоб ему государю было годно и бескручинно и всем бы православным христианам быть в покое и тишине».

Выслушавши эти ответы бояр своих, государь указал послать к королю Владиславу гонца с грамотою, в которой предлагал спорные земли измерить и поделить пополам; кроме того, царь требовал, чтоб король позволил сыскивать в Литве русских пленных. Гонцу был дан наказ: «Если будут говорить: черкасы королевскому величеству были не послушны, и королевское величество велел их за то смирить и за вины наказанье учинить, и те многие черкасы пошли в царского величества города, этим царское величество учинил брату своему королю нелюбовь, что таких воров и самовольников велел принять» Если король станет об этом писать к царскому величеству, то государь ваш велит ли их отдать? На это гонец должен был отвечать: «Вам самим ведомо, что в договоре не написано перебежчиков отдавать, а, сколько черкас перешло, о том из городов грамоты не бывали, и слух есть, что во многие места черкасы разошлись кроме государевых городов; а если не спросят, то самому не начинать». Король отвечал, что не может согласиться на дележ спорных земель пополам. После нескольких незначительных пересылок, в феврале 1640 года приехали в Москву королевские посланники Стахорский и Раецкий. По случаю их приезда земский приказ получил память: «Ведомо государю учинилось, что литовские купцы, которые приехали теперь с литовскими посланниками, привезли с собою на продажу вино горячее и табак, продают их самовольно всяким людям и этим между людьми ссоры чинят; государь заказал всяким людям накрепко под смертною казнию, чтоб не покупали». Посланники объявили, что пишущие неправильно царский титул будут наказаны по уложенью жестоко, без пощады, но после этого объявления подали затруднительную статью о запорожских черкасах: козаки, разгромленные королевскими войсками, тысяч с 20 и больше, из разных городов и мест пошли и много людей с собою в неволю захватили, которых в разных местах продавали, например двух сыновей и двух дочерей пана Длуского и множество других людей продали или отдали путивльскому воеводе Никифору Юрьевичу Плещееву; этих людей у него отыскивали, но он не отдал и теперь держит у себя в Москве. Те же изменники козаки засели новые слободы царского величества в степях, а именно на Усерди, под Ливнами, под Яблонновом, под Новосилем, под Мценском, под Осколом, под Валуйками, под Воронежем, под Михайловом, под Дедиловом, под Гремячим, под Дудинском, под Рыльском, под Курском, под Путивлем, под Севском и под иными старыми городами царского величества До королевского величества дошел слух, что самые большие изменники и заводчики того множества, Яцко Остреница да Андрюшка Гуня, в Азове со многими старшинами засели и живут. Все эти изменники перебежали в московские

города с женами и детьми, а царское величество их жалует и на службу свою посылает, а надобно было бы, чтоб по суду божию и по указу королевского величества и колы-то те уже подгнили, на которых бы они посажены были. В докончательных грамотах написано: кто будет недруг королевскому величеству, тот и царскому величеству недруг, а подданные изменники хуже всякого недруга: так царскому бы величеству тех всех 20 000 козаков со старшинами Яцкою Остреницею и Андрюшкою Гунею выдать непременно, чтоб королевское величество всему свету и всем христианским государям не жаловался». Царь отвечал Владиславу в своей грамоте, что он недоволен его решением относительно людей, которые умаляли титул: «Вы, брат наш, этим людям казни и наказания не учинили и, не спрашивая их в таких великих винах, заочно оправдали не делом, вымышляя мимо всякой правды, будто они русского письма и речи не знают». Царь по-прежнему требовал казни виновным. О запорожцах отвечал: «Пришли немногие люди, а не 20 000; в докончальных грамотах не сказано, чтоб перебежчиков выдавать, а чего в докончальных грамотах не написано, того делать и вновь начинать непригоже». Таким образом, кроме неудовольствий насчет умаления титула и размежевания границ, со стороны Малороссии поднималась туча, готовая разразиться снова страшною войною.

С Швециею не было споров ни о титуле, ни о границах, ни о черкасах запорожских, а потому дружелюбные сношения поддерживались и при наследнице Густава-Адольфа, Христине. После заключения Поляновского мира единственный интерес шведского правительства в сношениях с московским состоял в том, чтобы царь позволял шведам покупать в России хлеб по своей цене. Для этого в 1634 году Христина прислала царю в подарок 10 пушек со всеми снарядами да 2000 мушкетов, ценой в 9043 рубля. В Москве после Меллера шведским резидентом был Крузбиорн, которому царь приказал давать корму по 35 рублей в месяц, а в Стокгольм в 1635 году был отправлен русский резидент или *пребывательный* агент, Дмитрий Францбеков (Фаренсбах), крещеный иноземец, которому королева велела выдавать такую же сумму, какая выдавалась Крузбиорну в Москве, но писала царю, что у других великих государей не ведется агентам на корм деньги давать, не ведется для всякого неисправленья и ссоры, какая может от того приключиться, и потому королева полагается на царского величества соседское и любительное изволение, получать ли резиденту корм от своего правительства или от того, при котором он находится. Францбеков начал жалобами, что еще на дороге его во многих местах бесчестили, людишек били и рухлядь многую покрали, а в Стекольне поставили его за горо-

дом на кабацком дворе; к дворнику приходят немцы пьяные, и его, агента, бесчестят; он жаловался королевиным думным людям, но те не обратили на его жалобы внимания; наконец 25 апреля 1635 года ночью пришли на двор немцы и начали его людишек сечь и посекли двух человек; на жалобу его шведские думные люди опять управы не дали, только велели мужика с двора свести, который кабак держал. Францбеков жаловался также, что в Стокгольме выдают ему с товарищами по 70 ефимков в месяц, а хлеб и всякие запасы перед московскою ценою стоят дороже вдесятеро. Он говорил об этом думным людям, но те отвечали, что и шведскому агенту 35 рублей в месяц мало в Москве и ему посылают из королевской казны в прибавку две тысячи ефимков. Королева в свою очередь жаловалась царю, что люди Францбекова так избили на своем дворе одного шведа, что тот скоро после того умер. Царь писал королеве: «Был у нас прежний ваш агент Яган Меллер, жил на Москве четыре года, корм и питье получал ежемесячно, и вы ничего к нам не писали о том, чтоб ему корму не давать; а наш агент отпущен к вам немного больше полугода, и ты пишешь, чтоб агентам на обе стороны быть на своих проторях. Пишешь, что люди нашего агента били вашего служилого человека, от чего он и умер; но задор произошел от вашего человека, который нашего человека по лицу шпагою ранил; мы вашим торговым людям везде дворы добрые отвели, а нашим торговым людям в Стекольне до сих пор двор не отведен». К Францбекову государь писал, чтоб жил смирнее, в обидных делах бил челом королеве, а сам не управлялся: «Ты оказался в чужом государстве таким дурным делом, что и слышать стыдно: самому управляться и до смерти побивать человека непригоже». Положено было, что агенты с обеих сторон будут жить на своих проторях, но Францбеков после того недолго оставался в Стокгольме: в апреле 1636 года он был отозван в Москву такою царскою грамотою: «По нашему указу велено вам быть в Швеции и проведывать всяких вестей, и, каких вестей проведаете, о том велено было вам писать к нам в Москву часто. Вы жили в Швеции немалое время, а к нам о вестях не писывали, если же и писали, то дело небольшое, и потому указали мы вам ехать из Швеции назад в Москву». Но Крузбиорн остался здесь и продолжал подавать в посольский приказ вестовые письма об успехах шведского оружия в Германии во время Тридцатилетней войны. Для доброй дружбы и любви царь велел дать ему взаймы 3000 пуд селитры, потом по верющему письму королевы Христины дано было ему взаймы 1000 рублей денег. Но в Москве тяготились резидентами, как видно из царской грамоты 1642 года к псковскому воеводе, который извещал, что в Ригу от королевы Христины приехал Петр Лоффельт, назначенный

резидентом в Москву на смену Крузбиорна: «Про резидентов и агентов в мирном договоре не написано; в прошлых годах приехал к нам славные памяти Густава-Адольфа короля гонец Яган Меллер с королевскою верющею грамотою и для хлебной покупки, и по королевской верющей грамоте велено ему быть на Москве для всяких государственных дел в агентах, и был он на Москве агентом года с два, и как его не стало, то на его место приехал агент Петр Крузбиорн, а от нашего царского величества к государыне их королеве Христине в Стекольню в агенты послан был Дмитрий Францбеков для польских и литовских вестей, потому что у нас в то время была война с Владиславом королем польским, а теперь между нами и королем Владиславом мирное вечное докончание, также и с другими окрестными государствами покой и тишина, и мы велели нашему агенту Дмитрию Францбекову из Швеции быть к нам в Москву, потому что ему там быть не для чего, и с тех пор наших агентов в Швеции нет и делать им там нечего, да и за шведским агентом, который теперь живет в Москве, государственных больших никаких дел нет, следовательно, и тому новому агенту Петру Лоффельту в наше Российское государство ехать незачем; в посольском договоре про резидентов и агентов, что им жить в наших государствах, не написано, а мимо мирного договора делать не пригоже, чтоб вечному докончанию противно не было». Крузбиорн, однако, оставался в Москве до конца царствования.

Мы видели, что при Филарете Никитиче ни англичанам, ни французам, ни голландцам не дано было дороги в Персию; но по смерти Филарета Никитича взгляд, как видно, переменился, и в декабре 1634 года заключен был договор с голштинскими послами — Филиппом Крузиусом и Отоном Брюгеманом о дозволении компании голштинских купцов торговать с Персиею и Индиею через Московское государство в продолжение десяти лет. Компания обязалась давать ежегодно в царскую казну по 600 000 больших ефимков, за что пошлин она уже никаких не платила, обязалась представлять в Посольский приказ роспись своим товарам, и если которые из них понадобятся в государеву казну, то обязана отдать их туда по прямой цене. Голштинцы должны были покупать в Персии всякие товары, шелк сырой, каменье дорогое, краски и другие большие товары, которыми русские купцы не торгуют, сырого шелку в краску в Персию не давать, крашеными шелками торговле русских людей не мешать, крашеных шелков, бархатов, атласов, камки персидской золотой и шелковой, дороги всякой, кутни всяких цветов, зенденей, киндяков, сафьянов, краски крутику и мягкой, миткалей, кисей, бязи, кумачей всяких, выбойки, бумаги хлопчатой, кушаков, ревеню, корня чепучинного,

пшена сорочинского, нашивок, поясков шелковых, саблей, полос, ножей-тулунбасов, луков ядринских и мешецких, поручей и доспехов всяких, ковров, попон, шатров, палаток, полстей, орешков чернильных, ладану и москательных всяких товаров и селитры, которыми прежде торговали русские купцы, — этих товаров не покупать. Голштинцы не могли торговать в России товарами, которые они будут привозить из Персии, должны везти их прямо в свою землю; если голштинцы в Персии и Индии станут покупать краску крутик и мягкую, то они не должны провозить ее мимо Российского государства, но должны отдавать в царскую казну ежегодно по четыре тысячи пудов крутику, если царскому величеству будет надобно, а если будет надобно меньше, то дать, сколько надобно, получая из казны денег по пятнадцати рублей за пуд, потому что эту краску покупают в Индии по два рубля пуд, а в Персии — по семи рублей; ревеню обязаны голштинцы давать в казну по 30 пудов да столько же чепучинного корня, отдавать их в казну и русским торговым людям по той цене, почем они в Персии станут покупать, а если голштинцы станут продавать свои товары, то должны платить пошлину. Быть в голштинской компании торговым людям из разных голштинских городов тридцати человекам, за исключением всяких иноземцев. Для обороны своих кораблей на Волге компания посылает на десяти кораблях по 400 вооруженных людей, на каждом корабле по 40, имеет на кораблях середние и малые пушечки, ручные самопалы и всякое оружие, но эти пушки и оружие голштинцы не должны оставлять или продавать в Персии, меди никакой не должны возить туда; если случится им на пути грабеж от русских людей или иноземцев, то им того не спрашивать у царского величества; если им понадобятся прибавочные люди, то они могут нанимать русских солдат и рабочих людей, которые захотят добровольно наниматься, но чтоб только это были вольные люди, а беглых с собою на кораблях на низ не возить. Корабли строить в земле царского величества, и лес покупать у царских подданных вольною торговлею, плотников нанимать царских подданных охочих людей, и от этих плотников корабельного мастерства не таить; к ворам не приставать, лиха на государя не мыслить, что узнают дурного — извещать; костелов своей веры в данных им местах и купленных не строить, божию службу совершать в домах, папежской веры попов и учителей и никаких латинской веры людей с собою в Российское государство не привозить и тайно у себя не держать, под страхом смертной казни. Если компания в котором году не заплатит выговоренной суммы, то взять на ней за то вдвое; а если царскому величеству торговля компании будет не прибыльна, то вольно ему, выждав года два или три, а по большой мере пять лет, отказать, и

герцогу Фридриху голштинскому за то на него нелюбья не держать.

Предложение было принято, голштинские послы съездили в Персию, получили позволение от шаха, и было постановлено, чтоб десятилетний срок компании считать от дня их возвращения из Персии в Москву, т. е. от 2 января 1639 года; по истечении семи месяцев от этого срока, т. е. 2 августа 1639 года, они обязались внести половину годовой суммы в казну царскую, если бы даже голштинские товары и не прибыли к этому времени в Ярославль. Когда это дело было улажено, голштинские послы подали жалобу, что именитый гость Василий Шорин был у бояр и говорил им сверх иных страшных речей и то, будто у герцога голштинского денег нет и заплатить уговорной суммы он в царскую казну не может, послы его у русских и немецких людей деньги занимают на еду; бояре отвечали Шорину и товарищам его, что они много врут, подали бы свои речи на письме, которое будет представлено царскому величеству. Послы объявили, что речи Шорина и товарищей его бесчестят герцога голштинского, и они, послы, об этом молчать не могут и требуют наказания Шорину. Кроме Шорина, послы жаловались на дьяка Назарья Чистова, который объявил послам, что царь без его Назарьевой думы ничего не решит о персидской торговле; послы посулили ему 2000 ефимков, поставили поруками иностранных гостей Петра Марселиса и Андрея фон-Рингена, кроме того, дали в заклад запону в 3000 ефимков, но когда Марселис принес ему 2000 ефимков, чтоб выкупить запону, то Чистой стал просить 3000, и когда послы отказали, то начал грозить им, запону удержал у себя и стал вместе с Шориным и его советниками умышлять против голштинцев, писать неправедные и позорные челобитья. Но Чистой заперся, что никакой запоны не брал, и послы уехали, не получивши удовлетворения. После отъезда их голштинский агент Демушерон явился к боярам и объявил, что герцог его просит царское величество пропустить в Персию голштинского посла с товарами на 80 возах, за что компания заплатит в царскую казну 25 000 цесарских ефимков, а когда назад привезут в Москву купленные в Персии товары, то еще заплатят 25 000 ефимков. Бояре отвечали, что это дело несхожее, не заплатя уговорных ефимков, договариваться вновь мимо дела; он бы, агент, объявил, какие товары из Голштинской земли теперь с послами на 80 возах повезут и что за пропуск их дадут, и прежние уговорные ефимки 300 000 теперь заплатят ли, потому что срок уже прошел, а денег не заплачено, а без этого прежнего платежа пропустить непристойно и вперед верить нечему. Агент отвечал, что повезут сукна, ефимки и другие товары, а какие именно, не знает, уговорным же ефимкам платеж будет, когда с ша-

хом нынешние послы утвердятся. Бояре запросили 100 000 ефимков за пропуск, обещая дать за это подводы до Москвы, а от Москвы до Астрахани — суда и гребцов; агент давал только 60 000, бояре согласились, и царь уведомил об этом герцога своею грамотою в марте 1640 года, объявляя, однако, что уговорные ефимки должно заплатить по посольскому утверждению; в этой же грамоте Михаил жаловался на голштинских послов: «Послов твоих какая правда, будто они в посуленых ефимках дали Назару Чистову запону в 3000 ефимков, но они пришли к нам, великому государю, посольским обычаем, так им, мимо бояр наших и думных людей, промышлять тайно и подкупать таких наших обычных людей не следовало, и тебе, Фридерику князю, довелось вины класть за такие неправды на своих послов, а бояр наших и думных людей не бесчестить». В сентябре гамбурец Петр Марселис подал в Посольский приказ грамоту от герцога голштинского к царю; герцог писал, что посол его Отон Брюгеман заключил договор мимо его герцогского наказа и писем, которые он утаил от своего товарища, за что и казнен смертию, а заключенного им договора он, герцог, никак подтвердить не может; точно так же ложно и последнее предложение о 80 возах товаров, сделанное агентом Демушероном по тайному письму Брюгемана, и так как Демушерон умер, то на его место назначается датский прикащик, Петр Марселис, которому и дан подлинный наказ, как уговариваться насчет персидской торговли. Царь отвечал герцогу: «То твоя Фридриха князя какая правда? Ты дело послов своих, договорные письма утверждал сам и закреплял своею рукою и печатями; посол у тебя был большой Филипп Крузиус, а Брюгеман был с ним в товарищах, и верено во всем твоей княжеской руке и печати и посольскому договору, а ты хочешь это дело нарушить мимо всякой правды. Нигде не ведется, чтоб утвержденные с обеих сторон договоры назад отдавать, а если такое великое утвержденье не крепко, то вперед чему верить и чем больше того крепиться? А нам, великому государю, от этого дела никак не отступаться». Герцог отвечал, что он хорошо знает, как вести себя с христианскими государями, которые в дружбе и свойстве с ним находятся, и потому пусть царь не велит вперед писать ему таких писем; у всякого государя могут быть неверные слуги, которые преступают свое полномочие, и государь за это не отвечает; что же касается до персидского дела, то он, герцог, отлагает его до другого, более удобного времени. Тем дело и кончилось.

С Польшею и Швециею был вечный мир, и близкого разрыва не предвиделось: постарались избежать и разрыва с страшными турками. Мы оставили турецкие дела с тех пор, как султан Осман присылал Фому Кантакузина с предло-

жением воевать вместе Польшу. В 1622 году вместе с турецкими посланниками государь отправил в Константинополь своих посланников Ивана Кондырева и дьяка Бормосова. Приближаясь к Дону, посланники дали знать в Москву: «Ждем себе задержанья многого на Дону, потому что донской атаман Епиха Радилов, приходя к нам, говорил: «Призывали меня в Москве к боярам, и бояре приходили на меня с шумом, меня и войско все лаяли и позорили; а наше войско — люди вольные, в неволю не служат, и вы, посланники, на Дон идете к началу, как войско изволит, так над вами и сделают». Посланники доносили, что на Дону живут черкасы запорожские, возвратившиеся с Черного моря; что в козачьих городах нашли они, посланники, волжских воровских козаков, атамана Богдана Чернушкина с товарищами человек с 50, ходят в рубашках тафтяных, в кафтанах бархатных и камчатых, а были они на море и громили персидские суда; донской атаман Епиха Радилов взял их с собою на низ, и когда посланники сказали ему, чтоб он таких воров к себе не принимал, то Епиха отвечал: «Если их не принимать, то они познают чужую землю». Когда посланники приехали в козачьи юрты, то нашли их почти пустыми: козаки отправились на море, да и оставшиеся козаки вместе с атаманом Епихою Радиловым поехали также на море в присутствии посланников. Козакам, однако, не хотелось потерять и царского жалованья, и потому атаман Исай Мартемьянов присылал сказать Кондыреву, что они, козаки, стоят на морском устье, дожидаются турецких караванов, чтоб не пропустить их в Азов, и что скоро будут в Монастырский городок, где остановились посланники, так чтоб они их дожидались и никому царского жалованья не отдавали. Козаки, действительно, возвратились в Монастырский городок, но когда посланники в их кругу объявили обычное царское требование, чтоб они жили с азовцами мирно до возвращения их, посланников, из Константинополя, то козаки отвечали, что они государеву жалованью ради, но, с азовцами не управившись, помириться не могут, почему нельзя скоро отпустить туда и посланников. Давши такой ответ, козаки взяли у посланников жалованье, деньги, сукна, хлебные и пушечные запасы, и вино вместе с судами, на которых эта казна была привезена, запасы из судов выгрузили, положили у часовни середи площади, а суда из реки выволокли к себе на берег. Посланники велели сказать им, чтоб они запасы устроили где-нибудь на другом месте, а не на площади, чтоб турецкие люди про запасы не знали да и судов бы к себе не брали. Козаки отвечали, что, кроме площади, запасов положить негде, а судов они прежде никогда с Дону не отпускали. Пробыв только один день в Монастырском городке, козаки опять отправились на море, в 50 стругах, а в струге

человек по 30 и 40, с ними вместе отправились приезжие люди из Белгорода, Курска, Оскола, Путивля, Ливен, Ельца и московские торговые люди, приехавшие на Дон с товарами. На морском устье козаки сошлись с турецкими караванами, шедшими в Азов, бились с ними, взяли корабль, две комяги и с добычею возвратились в Монастырский городок; шли они к себе в курени мимо стана турецких посланников и показывали им погромную рухлядь, стреляя из ружей. Тщетно посланники говорили им, чтоб помирились с азовцами, козаки отвечали: «Если азовцы пришлют к нам, то, может быть, и помиримся, а сами не пошлем, ссылайтесь с ними вы мимо нас». Посланники отправили в Азов сына боярского объявить о своем приезде. Посланный возвратился с известием, что азовцы приходили к нему с великим шумом и говорили: «Пусть посланники придут в Азов: мы с ними управимся!» Но азовские начальные люди дали знать посланникам, что прежние посланники, идя в Царь-град, замиряли козаков с азовцами; так хотят ли козаки помириться и теперь? Посланники обратились с этим вопросом к козакам, и те отвечали, что они с азовцами помирятся и их, посланников, в Азов отпустят, когда товарищи их придут с моря, а товарищей их теперь на море человек с тысячу и больше. Вскоре после этого, 8 августа, пришли с моря донские и запорожские козаки в 25 стругах человек 700 под начальством запорожского атамана Шила и рассказывали, что они были за морем, от Царя-града за полтора днища, повоевали в цареградском уезде села и деревни и многих людей посекли, но из Царя-града высланы были на них каторги, и турки побили у них человек с 400. После этого козаки отпустили посланников в Азов; в Кафе Кондырев уверял пашу по обычаю, что если козаки вперед станут ходить на море, то государь из дружбы к султану стоять за них не будет; паша отвечал на это: «Донских козаков каждый год наши люди побивают многих, а все их не убывает, сколько бы их в один год не побили, на другой год еще больше того с Руси прибудет; если б прибылых людей на Дон с Руси не было, то мы давно бы уже управились с козаками и с Дона их сбили».

В Константинополе посланники нашли страшную смуту: султан Осман был убит янычарами, и на его место был возведен дядя его — Мустафа; в Багдаде встали за это на янычар и перерезали их; услыхавши о судьбе своих собратий в Азии, константинопольские янычары взволновались; паши прямо велели объявить посланникам, что теперь им не до них. Но этого мало: на посольский двор явились янычары с жалобою, что козаки погромили их корабль с товарами, и требовали, чтоб посланники заплатили им за убытки, посланники не велели пускать их к себе; тогда янычары стали шуметь и браниться, кричали: «Даром мы вам этого не

спустим, приходите все с обманом, а не с правдою, козаков на море посылаете, корабли громить велите, здесь в Цареграде невольников крадете; и за это станем у вас резать нос и уши». Янычары вошли в посольские комнаты, искали всюду невольников, пересматривали рухлядь и, не нашедши ничего, ушли с бранью. Посланники послали жаловаться визирю на такое бесчестье; визирь отвечал: «Теперь мне не до послов, хотят меня переменить». Действительно, визирь был сменен. Новый визирь Гуссейн прежде всего потребовал у посланников шубы лисьей черной да соболей добрых на шубу. У посланников шуб не было, и они послали одни соболи; визирь рассердился и встретил их укорами за козацкие разбои; посланники жаловались, что им уже недель с пять корму не дают; визирь отвечал: «Вам и без корму можно быть сытым, соболей у вас много, а мне ничего не пришлете, соболи у вас родятся на Москве и с Москвы ходят во все государства; в Литве соболей не родится, приходят из Москвы, а литовский посол прислал мне сороков с 50 и больше: так вам бы промыслить, купить мне соболей хотя сороков с 20 или больше». Посланники отвечали, что у них соболей нет, все они роздали прежнему визирю и султановым ближним людям; а если он, визирь, государевым делом станет промышлять, то они хотя займут, а соболей ему еще промыслят сорока два или три. Визирь обещал промышлять государевым делом. Посланники отправили к нему три сорока соболей, но он рассердился, соболей не взял и сказал: «Еще они в Царе-граде живут не долго, а как поживут года с два или с три, то дадут мне и не в честь столько же, сколько литовский посол дал». Посланники прибавили еще пять сороков, ценою в 200 рублей, да и дворецкому визиреву послали подарки. Визирь удовольствовался, и посланники были отпущены с ответом, что султан Мустафа помирился с литовским королем, хочет быть в мире и с московским государем и азовцам запретить нападать на московские украйны; если же литовцы договор нарушат, если запорожцы выйдут в море хотя на одном стругу, то султан немедленно начнет с королем войну и даст знать государю в Москву. Французский посланник де-Сези был очень рад, что Кондырева отпустили ни с чем. Поведение этого посланника представляет любопытное явление в истории европейской дипломатии. В описываемое время христианнейший король, борясь с своими протестантами внутри страны, не усомнился соединиться с протестантскими державами северной Европы, чтоб противодействовать опасному для Франции усилению габсбургского дома; король польский был в союзе с этим домом, следовательно, французский посланник в Константинополе должен был действовать против Польши. Но де-Сези прежде всего был ревностный католик; ему ужасна была мысль, что если турки в

союзе с Москвою и Бетлем-Габором трансильванским одолеют Польшу, то польские протестанты могут воспользоваться этим и провозгласить королем своим Бетлем-Габора, протестанта. Вот почему он старался уверить свое правительство, что Франции нечего опасаться союза Польши с Австриею, ибо народ польский питает сильное нерасположение к последней, что, следовательно, нет нужды поднимать турок на Польшу. С другой стороны, де-Сези хлопотал о свержении константинопольского патриарха Кирилла, в котором видел деятельного противника католицизму; он доносил Людовику XIII, что Кирилл — опасный еретик, кальвинист, который имеет одну цель — истребление католицизма и распространение кальвинизма в Греции и на всем Востоке, что для этого Кирилл назначает на свое место одного из своих родственников, который изучал кальвинизм в Англии. В 1623 году де-Сези удалось свергнуть Кирилла, но через несколько месяцев Кирилл опять успел занять свой прежний стол, и де-Сези продолжал враждовать с ним; по его донесениям, Кирилл напечатал в Виттемберге под именем ученика своего Захария и распространил по всему Востоку наставление, наполненное мнениями кальвинскими и лютеранскими.

В Кафе ждала посланников беда: сюда дали знать из Азова, что донские козаки вышли в море; посланников по этим вестям задержали. Кафинский народ грозился их убить; но вести о козаках не подтвердились, и посланников отпустили из Кафы; но когда они пришли в Керчь, то под этот город явились 1000 донских козаков в 30 стругах, стали против города, взяли комягу; в городе встало волнение, посланников схватили из корабля, повели в город и засадили в башню, грозя убийством. Кондырев послал сказать козакам, чтоб они сейчас же шли назад на Дон, иначе их, посланников, убьют; козаки отвечали, что им без добычи назад на Дон не хаживать, и пошли мимо Керчи на Черное море, за Кафу. Посланников выпустили из башни, но велели им ехать степью по черкасской стороне. Под черкасским городом Темрюком пришли на них запорожцы с криком, что донские козаки, идучи мимо Темрюка, погромили комяги, взяли в плен сына таманьского воеводы и отдали его на окуп за 2000 золотых: так посланники сейчас же отдали бы эти деньги, иначе их убьют. Турецкий посланник и азовский воевода, провожавший посланников, вступились было за них; но козаки поворотили и посланника и воеводу назад в Кафу, а Кондырева с товарищем оставили в Темрюке и посадили в башню. Тогда воевода и посланник дали им подарки и едва уговорили отпустить всех из Темрюка в Азов. Потом в степи посланники должны были отбиваться от ногаев, причем брат второго посланника Бормосова был взят в плен; ногаи кричали, что весною приходили на их улусы донские козаки,

побрали жен их и детей, лошадей и животину; так если козаки отдадут полон назад, то и они отпустят пленников; насилу азовский воевода и турецкий посланник уговорили их отдать пленника.

После таких приключений посланники добрались наконец до Азова, но не на радость: только что они успели расположиться на посольском дворе, как зорвались туда азовские люди с криком и угрозами: одни кричали, что посланников надобно убить, другие — что обрезать нос и уши и отпустить на Дон, потому что донские козаки не перестают разбойничать и теперь стоят на Донском устье, дожидаются каравана из Кафы. Посланники написали на Дон, чтоб козаки помирились с азовцами и свели свои струги с устья Дона, иначе их посланников убьют в Азове. Козаки исполнили это требование, прислали мириться, но не согласились в условиях; когда в Азове узнали, что козаки не мирятся, то к посланникам в окна полетели каменья и бревна, наконец козаки согласились помириться, как хотели азовцы, и посланников выпустили из Азова.

Осенью 1627 года приехал в Москву в другой раз грек Фома Кантакузин в послах от султана Мурада IV. Султан писал царю: «Вам бы попомнить прежнюю дружбу и любовь и быть с нами в сердечной дружбе и в любви и в послушании, как были предки ваши; о прямой своей сердечной дружбе к нам отпишите и послов своих к нам с грамотами посылайте без урыва, и если вам нужна будет какая помощь, то мы вам станем помогать». Кантакузин (выучившийся говорить по-русски без толмача) объявил Филарету Никитичу, что султан Мурад хочет государя Михаила Феодоровича иметь себе братом, а его, святейшего патриарха, хочет иметь отцом: они, государи, будут между собою два брата, а ты, великий государь, будешь им отец, и никто их братской любви не может разорвать. Цель такой братской любви была прежняя: воевать вместе землю короля Сигизмунда. Филарет Никитич отвечал: «У сына моего с султанами Ахметом, Османом и Мустафою ссылка о дружбе была без урыву, и никакой помешки дружбе их не бывало; а с султаном Мурадом у сына нашего ссылки не бывало, потому что случилась помешка от воровства крымского калги Шан-Гирея, который побил наших послов, ехавших к султану Мустафе. Узнавши о воцарении Мурада, сын наш хотел послать его поздравить, но не послал затем, что не знал, куда посылать: на Азов послать опасно, чтоб и над этими послами Шан-Гирей не сделал того же, что над прежними, а морем послать было нельзя, потому что во всех немецких государствах была война. А сын наш с Мурадом султаном в дружбе и любви хочет быть больше прежнего; Шан-Гирей вместе с русскими послами побил также и турецких и, что взял у них казны, ото-

слал к шаху: так за это сыну нашему на султана Мурада сердиться не за что, случилось это не по султанову приказанью, а с королем Сигизмундом за его неправды сыну нашему в мире и дружбе никакими мерами быть нельзя, не отомстивши ему за его неправды». Кантакузин продолжал: «Когда я был у вас в первый раз и о чем ни говорил, то все польскому королю сейчас же стало известно; какие-то люди из Москвы писали ему, это нам известно подлинно, только не знаем, кто писал». Филарет Никитич, не отвечая на это, обратил разговор на неисправность в титуле, все султан пишет *королю* Михаилу Феодоровичу вместо *царю*. Посол кончил просьбою, чтоб государь запретил донским козакам нападать на турецких людей и земли; Филарет Никитич отвечал обычною речью, что на Дону живут воры и государя не слушают. По окончании посольских речей Филарет Никитич начал расспрашивать Кантакузина, как давно султан Мурад царствует, сколько ему лет, каков возрастом и какой был веры, также и паши какой были веры? Кантакузин отвечал, что Мурад сидит на государстве четвертый год, лет ему семнадцать, возрастом велик и дороден и смышлен, был греческой веры, потому что мать его была за попом, очень смышлена, и султан ее слушается. Визирь Гассан-паша греческой веры был, султан его слушает и жалует, другой визирь Резеп-паша также греческой веры.

После этих разговоров с Кантакузиным взяли запись: «Целую животворящий крест за великого государя своего Мурада султана на том, что государю моему с великим государем царем Михаилом Феодоровичем быть в дружбе, любви и братстве навеки неподвижно, послами и посланниками ссылаться на обе стороны без урыва; государь мой будет помогать царскому величеству ратями своими на недругов его и на польского короля стоять заодно; крымскому царю, ногаям и азовским людям на Московское государство войною ходить не велит; в грамотах своих царского величества именованье велит писать сполна». Кантакузин требовал, чтоб царь с своей стороны целовал крест на подобной же записи, но ему отказали на том основании, что если государь поцелует крест, то это пронесется в окрестных государствах.

Вместе с Кантакузиным в 1628 году отправились в Константинополь царские послы — дворянин Яковлев да дьяк Евдокимов — и повезли по обычаю донским козакам жалованье: 2000 рублей денег, сукна и разные запасы. По-прежнему послы узнали на Дону, что козаки под начальством атамана Ивана Каторжного промышляют на море над турскими людьми и что козаки живут с азовцами не в миру. По обычаю послы потребовали от козаков, чтоб они помирились с азовцами и свели своих товарищей с моря; козаки отвечали:

«Помиримся, турецких судов, сел и деревень громить не станем, если от азовцев задору не будет, если на государевы украйны азовцы перестанут ходить, государевы города разорять, отцов наших, матерей, братью, сестер, жен и детей в полон брать и продавать; если же азовцы задерут, то волен бог да государь, а мы терпеть не станем, будем за отцов своих, матерей, братью и сестер стоять. И в том волен бог да государь, что наши козаки с нужды и бедности пошли на море зипунов добывать, стругов с 30, до вашего приезда, не зная государева нынешнего указа и жалованья, а нам послать за ними нельзя и сыскать их негде, они в одном месте не стоят». Пришел Каторжный с моря и объявил, что турки погромили его под Трапезунтом. Помирив козаков с азовцами, послы отправились в Константинополь, встречены были очень ласково, но пришли вести из Крыма, что донские козаки напали на Крым, взяли и выжгли два города — Карасу и Минкуп. Обращение переменилось, и на отпуске визирь сказал послам: «Ступайте поздорову, хотя бы вас и не следовало так отпускать за ваших людей, козаков унимайте и государю своему известите, чтоб их унял, а не уймет, то доброго дела не будет». Послы отвечали: «Если царь велит нас отпустить с добрым делом, то сделает хорошо; а если бы над нами за козаков какое дурно сделал, то этим бы себе нечесть сделал, и так дурна и тесноты много, а неведомо за что; если за козаков такая нам теснота, так за это не за что нас теснить и голодом морить; если козаки на море воруют, то пиши на них к великому государю нашему, и великий государь наш станет их от воровства унимать, а нас не за что теснить и морить голодом».

В мае 1630 года приехал в Москву в третий раз Фома Кантакузин с объявлением, что султан уже послал рать свою на днепровских козаков, и с просьбою, чтоб царь с своей стороны наступал на польского короля, султан просил также, чтоб царь отправил и в Персию свое войско, которое должно там соединиться с турецким; наконец просил унять донских козаков. Филарет Никитич отвечал послу, что царская рать на Польшу будет готова, ибо государь сын его до перемирных лет польскому королю терпеть не будет. Посол объявил, что султанов сердарь с войском стоит на Узе совсем наготове и ждет московского гонца с грамотами: как только гонец приедет с указом, так сердарь и пойдет на польского короля весною по траве. Филарет Никитич заметил тут об одном неприятном обстоятельстве: шведский король Густав-Адольф заключил с польским королем перемирие, но зато, прибавил патриарх, теперь у поляков с черкасами бои великие за веру: поляки черкас хотят привести в папежскую веру, а черкасы не хотят отстать от своей христианской веры, и за то между ними великие бои. Шведский Густав-Адольф король завел

войну с цесарем, и с шведским королем вместе стоят на цесаря короли английский, датский и французский, да Голландские штаты, а цесарю помогать хочет польский король: так от этого перемирье между Швециею и Польшею непременно разорвется. Кантакузин отвечал, что неправды поляков во всех государствах ведомы и многие поляки прямят султану Мураду, а из Киева Русь и кальвины присылают к султану с тем: как придут в Литву турецкие ратные люди, то они, Русь и кальвины, будут с ними вместе на поляков готовы. Потом Филарет Никитич расспрашивал посла о донских козаках; Кантакузин отвечал: в прошлом, 1626 году донские козаки с запорожскими черкасами разгромили монастырь Иоанна Предтечи, на море, от Царя-города верст с 200, и много казны взяли; султан послал на них воевод, которые отняли у козаков семь стругов и привели в Константинополь; султан велел расспросить пленных, по чьему приказу ходили они войною на то место, и козаки сказали, что они ходят воевать сами по себе, а царского повеленья на то нет; султан велел всех их казнить. Посол прибавил, что наши сердятся на московского государя за донских козаков, но Капитан-паша ему радеет и даже предлагает давать донским козакам жалованье с обеих сторон, и с московской и с турецкой, чтоб войны от них и ссоры между государями не было, или даже перевести их на Мраморное море.

Вместе с Кантакузиным в июле того же года отправлен был в Константинополь посол Андрей Совин и дьяк Алфимов. Совин повез донским козакам грамоту, в которой им приказывалось идти на польского короля в сход к турецким пашам, стоящим на Узе. Козаки, прочтя грамоту, отвечали послу: «Исстари при прежних государях не бывало, чтоб нас, козаков, на службу в чужие земли одних без государевых воевод посылали; кроме московского государя, чужим государям мы, атаманы и козаки, никогда не служивали; а турским людям никто так не грубен, как мы, донские козаки, и у нас с турскими людьми какому быть соединенью? Мы им сами грубнее литовских людей. Если государи укажут нам идти на польского короля без турецких пашей с своими государевыми воеводами, то мы на государскую службу идти все готовы; на море ходят черкасы запорожские, а мы, донские козаки, на море не ходим, пишут, на нас затевая, азовцы по недружбе, а хотя бы мы и ходили на море, то нам прокормиться другим нечем, государского жалованья нам не присылывано давно и теперь не прислано». В провожатых у послов был воевода Иван Карамышев; из Москвы и из Валуек на Дон пришли вести, что этот Карамышев сам напросился на Дон козаков побивать и вешать; по этим вестям козаки бросились с пищалями и рогатинами к воеводе, прибили его до крови, выволокли из струга и повели к себе в

круг. Послы вступились в дело, говорили козакам, чтоб они не убивали воеводу, не верили затейным речам, а писали бы об этом в Москву к государям. Козаки отвечали бранью и угрозами: «Нам дело не до вас, — кричали они послам, — ступайте к себе в стан, пока и над вами того же не сделаем». Карамышева втащили в круг, били саблями, кололи рогатинами, поволокли за ноги к Дону и бросили живого в реку, но послов отпустили спокойно в Азов.

Московские послы приехали в Константинополь, когда уже польский посол успел заключить мир с турками, а с другой стороны, персияне брали верх над последними в Азии; наконец крымский хан присылал с вестями, что на весну донские козаки, сложась с черкасами, сбираются выйти в Черное море. Поэтому визирь отвечал Совину и Алфимову: «Теперь у нас недруги не одни польские люди, со всех сторон недругов у нас умножилось, и нам теперь не до поляков, управиться нам с ними за их неправды не время». В очень учтивых выражениях, но в том же смысле отвечал государю и султан в своей грамоте.

Послы отправились назад и, не доезжая до Кафы, встретились с донскими козаками, от которых насилу ушли; в Кафе встречены они были очень дурно: народ с шумом подходил к судну, где находились послы, и рвался на него с тем, чтоб убить Совина и Алфимова за воровство донских козаков; насилу их уняли: с одной стороны, приходили в Кафу вести, что донские козаки погромили Синоп с окольными селами и деревнями, потом пошли к Царю-городу и громили места верст за сто от него; с другой стороны, пришли в Кафу из Азова два судна с русскими пленниками, которых взяли азовцы в украинских московских городах, Воронеже, Валуйках, Осколе, Белгороде, Ельце и Курске. В Керчи послам был точно такой же прием от народа, что и в Кафе; а в Азове послы нашли царскую грамоту, в которой говорилось, чтоб они до государева указа на Дон не ходили, потому что донские козаки хотят их убить. Действительно, юртовский астраханский татарин, приехавший с Дона, рассказал послам, что после убийства Карамышева и отпуска их послов в Азов съехались козаки с моря и из городов всем войском, шумели на атамана Волокитку Фролова: «Ты-де у нас отпустил послов! Все равно уже мы заворовали; побить было всех, а как они будут назад из Царя-города, то мы их и тогда побьем, все равно наша служба государю не во что, выдает нас в руки недругам нашим, турецким людям; хотя с Москвы пришлют на нас и сто тысяч, то мы не боимся, даром нас не возьмут, сберемся в один городок и помрем все вместе, а если государь сошлется с турским и крымским царями и придут на нас ратные люди со всех сторон, то мы отойдем к черкасам в Запороги, они нас не выдадут». И в самом деле послали

сказать днепровским козакам, что если придут на них из Москвы ратные люди, то чтоб их не выдали и приходили к ним на помощь тотчас; а сами приговорили изо всех городов собраться в один, боясь прихода на себя царского войска. В это время приезжали на Дон из украинских городов торговые люди покупать погромную рухлядь, которую козаки привозили из-за моря, и при этих мужиках козаки грозились часто на послов: «Ушли-де они у нас, сюда едучи, но не уйдут, назад едучи, непременно всех их побьем». А лазутчики у них во всех украинских городах. Наконец несчастные послы были выручены из Азова московскими ратными людьми, посланными на Дон под начальством князя Борятинского.

В 1632 году донские козаки на Черное море не ходили; зато пошли на Яик и вместе с тамошними козаками выплыли на Каспийское море и погромили береговые персидские области. Летом того же года, когда Шеин готов был выступать в поход под Смоленск, дворянин Афанасий Прончищев и дьяк Бормосов отправились послами в Константинополь и были приняты с большою честию. Послы объявили визирю, что донские козаки в 1632 году на море не ходили и крымских улусов не громили, теперь многие из них пошли на государева недруга, польского короля, и с азовцами мирны, но азовские люди приходили войною на государевы украйны, а потом приходили войною крымские многие люди. Послы объявили также, что царское величество послал рати свои на польского короля, и Мурад-султан писал бы в Польшу, чтоб там посадили королем друга царского, шведского короля Густава-Адольфа, за его правду и любовь к государю царю. Визирь отвечал: «Думаю, что шведский король и сам не захочет быть на Литовском королевстве; был у нас шведский посол, и при нем пришла весть, что польского короля Сигизмунда не стало; я дал ему об этом знать и спрашивал, не думает ли он, что король его будет искать Польского королевства; посол думал долго и сказал: «Может быть, в прежнее время король и стал бы искать Польского королевства, до войны с цесарем, а теперь — не думаю, потому что над недругами его бог руку возвысил высоко во всем». Да у нас, продолжал визирь, весть подлинная, что выбрали на Литовское королевство королевича Владислава. Послы отвечали: «Если королевича Владислава в короли выбрали, то и от него Мураду-султану правды никакой не будет ни в чем, и он станет так же делать, льстить во всем, как и отец его. И теперь Владислав пришлет сюда послов объявить султану о своем избрании, и литовские послы по прежнему своему обычаю станут молить, сулить казну многую, да не дадут ничего, верить им ни в чем нельзя: что ни говорят, все лгут». Визирь сказал на это: «Мы и сами про неправды литовских людей и лукавство их знаем, а если литовские послы, будучи

здесь, станут в чем-нибудь лукавствовать, то это узнать можно». Наконец послы предложили, что государь их отправит послов своих в Персию, чтоб помирить шаха с султаном, если султан будет стоять с царским величеством заодно на польского короля. На это визирь промолчал.

Прончищев и Бормосов всю зиму прожили в Константинополе; весною визирь объявил им, что будет султана уговаривать, чтоб послал из ближних мест войско свое на Литовскую землю этим же летом. А при отпуске послам объявили, что султан приказал крымскому хану и Кантемир-мурзе из Белгорода идти войною на Литву с крымцами и ногаями; пленников, захваченных в 1632 году на Руси, велено всех отпустить; кроме того, на Литовскую землю на войну велено быть готовыми Абазе-паше с турецкими людьми да молдаванам, волохам и буджакским татарам. Но только что Прончищев и Бормосов сели на корабль, как пришла весть в Константинополь, что донские козаки на 25 стругах вышли на Черное море, в Кафинском уезде повоевали села и деревни, на море взяли два корабля. От визирева запроса по этому делу послы кой-как отделались, но когда корабль их принесло бурею к Синопу, то жители его пришли с шумом к ним на корабль, крича, что десять дней тому назад донские козаки приходили к городу Иконии, взяли его, выжгли, людей побили и в плен побрали, что жители со всей Анатолийской стороны идут в Царь-город бить челом султану, что от донских козаков вперед в тех местах жить нельзя, приходят на них войною каждый год, города берут, села и деревни жгут, а из Москвы послы ходят в Царь-город беспрестанно, будто для доброго дела, а ходят они все для лазутчества, в городах крепости всякие рассматривают и козакам потом рассказывают, а козаки потому и на море ходят. Послы отвечали синопцам, что не могут быть донские козаки, а должно быть запорожские черкасы; синопцы сказали на это, что они донских козаков от черкас отличить умеют, а от московских послов добра никакого нет. В Кафе чуть не убили послов за тот же подвиг козацкий.

На смену Прончищеву и Бормосову приехали в Константинополь летом 1633 года двое других московских послов, дворянин Дашков и дьяк Сомов. Они начали дело жалобою, что крымский хан Джанибек-Гирей, наруша свою шерть, в прошлом году посылал своих людей на московские украйны, что теперь с ними, послами, встретились в степи тысяч восемь азовских и ногайских людей, пошли войною на государевы украйны, напали на них, послов, приступали к их обозу два дня и две ночи; подлинно известно также, что крымский хан хочет сам идти или сына своего послать на государевы украйны по наущению из Литвы: поэтому послы требовали, чтоб султан велел сменить крымского хана. По-

том послы получили грамоту из Москвы, что в июле 1633 года крымский царевич с семнадцатью мурзами напал на московские украйны, переправился через Оку, приступил к Серпухову. По получении этой грамоты послы еще сильнее начали настаивать на смену хана; визирь отвечал, что к хану послан приказ идти немедленно со всею ордою на Литву, несмотря на зимнее время, и если он не пойдет сейчас же, станет отговариваться, то султан пошлет его сменить, а на весну пошлет многие свои рати на Литву. Дашков и Сомов боялись приезда польских послов, которые могли повернуть дело иначе; действительно, в начале 1634 года приехали польские послы и привезли вести, что Владислав московских людей побил и Смоленск очистил. Московским послам очень важно было узнать, что ответит султан на грамоту королевскую, и они добыли перевод с этой ответной грамоты: султан писал, что готов держать мир с королем, если поляки сломают все города и пригородки, поставленные ими близ турецкой украйны, запретят козакам ходить на Черное море, будут присылать крымскому хану то же самое, что прежде присылали, и помирятся с московским государем.

Еще не дожидаясь возвращения Дашкова и Сомова из Константинополя, туда уже были отправлены весною 1634 года новые послы — дворянин Коробьин и дьяк Матвеев. Визирь встретил этих послов такими словами: «В грамотах государя вашего, которые вы подали султану Мураду, написано, чтоб султан с государем вашим на польского короля стоял заодно; султаново величество еще по прежнему письму государя вашего послал на польского короля рати свои многие, а теперь разнесся слух, что государь ваш с польским королем помирился, не обославшись о том с султаном Мурадом; так султан велел вас спросить: как вы поехали из Москвы, то государя вашего с польским королем ссылка о мире была ли, и думаете ли вы, что государь ваш с польским королем помирился?» Послы отвечали: «С нами от великого государя нашего об этом деле ничего не наказано; известно нам только то, что у великого государя нашего с польским королем был бой, ратные государевы люди воевали польские и литовские города многие, во многих местах литовских людей побили, а когда мы пошли из Москвы, то дорогою слышали, что присылал к великому государю польский король Владислав с великим прошеньем, чтоб ссорные дела отставить и кровь христианскую унять, а он, польский король, в прежних своих неправдах исправится, и великий государь наш по своему милосердому нраву послал на съезд больших послов своих, а сделали ли что государевы послы с литовскими послами или нет — это нам неизвестно, и думаем, что великий государь даст об этом знать султанову величеству».

Визирь, оставивши это дело, обратился к донским козакам, которые, несмотря на уверения царя, что он запрещает им разбойничать в турецких владениях, и нынешним летом корабли на Черном море погромили и села на берегу опустошили. Послы отвечали, что с козаками делать нечего: «Государь послал к ним воеводу Карамышева, которому велено учинить им наказание за то, что они вопреки государеву указу ходили на Черное море, но воры воеводу убили до смерти; пусть султаново величество велит послать на этих воров своих ратных людей, а государь наш за них не станет».

В следующее свидание визирь сказал послам: «Султаново величество узнал, наверное, что государь ваш с польским королем помирился, а прежде обещал, что без султанова ведома не помирится; султану очень досадно, что государь ваш с польским королем помирился». Послы отвечали: «Если государь наш в самом деле с польским королем помирился, то думаем, что в этом деле виноват крымский царь Джанибек-Гирей, который напал на государевы украйны; ратные люди из этих мест, узнавши, что их отцы, матери, жены и дети побиты или в плен взяты и домы пожжены, все с государевой службы пошли врознь, отчего государеву ратному делу учинилась большая поруха». Визирь отвечал: «Может быть, это и так было; теперь государь послал приказ крымскому царю не нападать на ваши украйны, а ваш бы государь донских козаков унял».

С этим Коробьин и Матвеев и были отпущены, и когда уже сбирались садиться на корабль, 2 ноября, визирь дал им знать, что донские козаки и днепровские черкасы приступали к Азову, из пушек по городу били, во многих местах город испортили и едва его не взяли. Послы велели отвечать визирю: «Не в первый раз донские козаки без государева ведома, а азовцы без султанова ведома между собою ссорятся и мирятся». Но послы должны были предугадывать, что их ожидало впереди: в Балаклаве и Кафе их морили голодом и холодом, позорили, насилу они откупились от кафинского паши десятью сороками соболей. Они возвратились в Москву уже осенью 1635 года.

Вечный мир с Польшею отнял в глазах московского правительства важность у турецких сношений; не послы или посланники, а толмач Буколов в начале 1636 года отвез из Москвы грамоту к султану, в которой царь писал к Мураду: «Вы, брат наш, на нас не сердитесь за мир с Польшею: мы его заключили поневоле, потому что от вас помощь позамешкалась, а от крымского царя была война большая». Царь обещал унять донских козаков, но прибавил: «Вам самим подлинно ведомо, что на Дону живут козаки воры и нашего царского повеленья мало слушают, мы за этих воров никак не стоим, что ни велите над ними сделать». В заключение царь

жаловался на ежегодные нападения азовцев. Когда Буколов уезжал из Константинополя, то с ним вместе отправился Фома Кантакузин для торговли, но под видом посланника. Приехавши на Дон, Фома послал сказать козакам, будто султан прислал к ним жалованье, 4 кафтана; козаки отвечали: «Прежде к великому государю посыланы были от султана послы и посланники часто, но ничего к нам, козакам, от султана не привозили; ясно, что он, Фома, затевает это сам собою и кафтаны дает нам от себя; у Донского войска государевым жалованьем всего много, и эти его подарки нам не нужны». Но кафтаны были привлекательны, и козаки, помедлив немного, взяли их у Кантакузина.

В это время козаки замышляли важное дело — промыслить над Азовом; но у них было мало воинских запасов, и вот они отправили в Москву к великому государю атамана Ивана Каторжного с такою грамотою: «В прошлых во многих годах была твоя государская к нам, холопам твоим, милость, жалованье денежное, и сукна и запасы всякие, а в прошлом, 1636 году твоего жалованья не было, и мы помираем голодною смертию, наги, босы и голодны, а взять, кроме твоей государской милости, негде. Многие орды на нас похваляются, хотят под наши козачьи городки войною приходить и наши нижние козачьи городки разорить, а у нас свинцу, ядер и зелья нет. Да в прошлых же годах выхаживали с Дону атаманы и козаки к государю с войсковыми отписками, а на отпуске им давали подводы с Москвы до Воронежа сполна, а с Воронежа — суда и гребцов, а ныне перед прежним подводы и суда у них убавлены, а гребцов им не дают. Да с Дону ж выезжают атаманы и козаки в города по обещанию в монастыри помолиться, кто в какой монастырь оброчник, а как обещанье исполнят (оброк с души сведут) и пойдут назад, купив для себя запасу или продав что-нибудь, то по городам целовальники берут пошлину не в силу. Милосердый государь, царь, пожалуй нас, холопей своих, своим государским жалованьем!» Государь пожаловал, велел исполнить все их просьбы и послать с запасами на Дон дворянина Степана Чирикова, который должен был также встретить турецкого посланника — Фому Кантакузина. Отправивши Каторжного в Москву, козаки начали сбираться в поход, послали в верховые городки и по всем речкам, велели всем быть на съезд в Нижний Городок; которые были от войска в запрещенье и винах, тех всех простили. Съехавшись из всех юртов, козаки приговорили: идти всем войском под Азов, промысл над ним учинить; в то же время пришли на Дон степью на лошадях запорожские черкасы, человек с 1000, думая, что донские козаки пойдут на море; и черкасы эти приговорили также идти вместе под Азов. В 1637 году, на другой неделе после Светлого воскресенья, 21 апреля в середу,

союзники выступили в поход к Азову, в числе 4400 человек, оставив Кантакузина на Яру в куренях за крепкими сторожами. Московский толмач Буколов, очевидец всех этих событий, слышал козацкие разговоры: «Если к ним будет государская милость, позволит в Азов приходить к ним с Руси на житье охочим и вольным всяким людям и запасы всякие к нам привозить, то они Азова не покинут, а станут в нем жить»

Неделю спустя козаки поймали двоих людей Кантакузина на протоке Аксае в стружку и пришли к Фоме с выговором, что он людей своих посылает по речкам самовольством, без их козачья ведома, а войско стоит под Азовом, и они думают, что он, Фома, людей своих посылал в Азов. Кантакузин отвечал, что он людей своих посылал рыбу ловить, но рыболовных сетей у людей его козаки не нашли и дали знать об этом под Азов в войско.

За две недели до Петрова поста приехали на Дон из Москвы Степан Чириков и атаман Иван Каторжный, который отправился под Азов. В Петрово заговенье вечером Каторжный возвратился оттуда и на другой день в понедельник первой недели Петрова поста прислал сказать Кантакузину, что козаки отпускают его к государю и хотят отдать его дворянину Степану Чирикову: так пусть он идет на струги со всеми своими людьми. Фома вышел из куреней, чтоб перебраться на струги, но вот к нему навстречу другой посол; атаманы приказали звать его в круг, хотят с ним проститься. Фома вошел в круг, козаки стояли все вооруженные; выступили два атамана и начали говорить Фоме: «И прежде ходил ты к великому государю от турского султана, накупаясь обманом, в послах много раз, делал между великими государями неправдою, на ссору, и в том великому государю многие убытки и ссору великую учинил, а нас, донских козаков, хвалился разорить и с Дону свесть. И теперь, накупясь, хочешь то же делать; да ты же писал к государю из Азова на атамана Ивана Каторжного, чтоб его повесить в Москве. И за такое воровство донские атаманы и козаки и все войско приговорили казнить тебя смертью». Приговор был исполнен немедленно. Люди Кантакузина и греческие монахи, шедшие с ним в Москву, были также убиты. Расходились козаки: хотели убить и московского толмача Буколова, но тот спрятался в часовне. После Буколов слышал от донских козаков, будто они убили Кантакузина за то, что он посылал в Азов людей своих с грамотами, приказывая азовцам сидеть крепко, потому что у козаков запасов не стало.

После убийства Кантакузина козаки стояли под Азовом две недели; к ним на помощь пришли из Астрахани юртовские татары, и 18 июня Азов был взят: истребив всех жителей, кроме греков, и освободив пленных христиан, завоева-

тели засели в городе. 30 июля приехали в Москву послы от козаков с известием, что они турецкого посланника порубили, Азов взяли и ни одного человека азовского на степи и на море не упустили, всех порубили. Царь отвечал: «Вы эго, атаманы и козаки, учинили не делом, что турецкого посла со всеми людьми побили самовольством; нигде не ведется, чтоб послов побивать: хотя где и война между государями бывает, но и тут послы свое дело делают, и никто их не побивает. Азов взяли вы без нашего царского повеленья, и атаманов и козаков добрых к нам не прислали, кого подлинно спросить, как тому делу вперед быть». Московскому правительству было неприятно убиение турецкого посла, но взятию важной азовской крепости у бусурман оно радовалось, не желая только явно вмешиваться в дело. чтоб не рассориться с Турциею. В сентябре 1637 года царь отправил грамоту к султану, в которой писал, что козаки Азов взяли воровством, дворянина царского Чирикова держали у себя в великой крепости, никуда не пускали и хотели также убить; государь и прежде писал султану и теперь повторяет, что донские козаки издавна воры, беглые холопи и царского приказания ни в чем не слушают, а рати послать на них нельзя, потому что живут в дальних местах: «И вам бы, брату нашему, на нас досады и нелюбья не держать за то, что козаки посланника вашего убили и Азов взяли: это они сделали без нашего повеленья, самовольством, и мы за таких воров никак не стоим, и ссоры за них никакой не хотим, хотя их, воров, всех в один час велите побить; мы с вашим султановым величеством в крепкой братской дружбе и любви быть хотим». Но ссоры с турками трудно было избежать: в сентябре крымцы опустошили московскую украйну, и хан Богадур-Гирей писал в Москву, что нападение сделано по приказу султана за взятие Азова козаками и что на весну придет еще больше татар на Московское государство. Но все угрозы ограничились мелкою войною с козаками, которые могли спокойно сидеть в Азове, потому что султан был занят персидскою войною. В 1639 году кончилась эта война, и султан Мурад начал приготовление к походу на Азов, но умер в 1640 году, и только в мае 1641 года наследник его Избрагим I двинул под Азов 240 000 войска с сотней осадных орудий; козаков в городе было 5367 мужчин и 800 женщин, которых надобно считать, ибо и они усердно помогали мужьям своим при защите города; по другим известиям, осажденных было 14 000 мужчин и 800 женщин; предположив возможность прихода козаков в Азов с разных сторон, вспомнив известия из Польши, что Остраница и Гуня скрывались также в Азове и, конечно, не одни, мы не можем отвергнуть второго показания. Как бы то ни было, осажденные с отчаянным мужеством отразили 24 приступа; ни один перебежчик не приходил в стан турецкий, ни один пленник,

под самыми страшными муками, не сказал о числе защитников Азова. Потерявши 20 000 народа, турки 26 сентября сняли осаду, веденную дурно при недостатке искусных инженеров, при ссоре начальников, при скудости жизненных и военных запасов.

Козаки прислали в Москву весть о своем торжестве, но вместе просили помощи, просили, чтоб государь принял от них Азов: «Мы наги, босы и голодны, — писали они, — запасов, пороху и свинцу нет, от этого многие козаки хотят идти врознь, а многие переранены». Царь отвечал: «Мы вас за эту вашу службу, раденье, промысл и крепкостоятельство милостиво похваляем; пишете, что вы теперь наги, босы и голодны, запасов нет, и многие козаки хотят разойтись, а многие переранены; и мы, великий государь, послали к вам 5000 рублей денег. А что писали к нам о городе Азове и бить челом приказывали, то мы велели дворянину нашему и подьячему города Азова досмотреть, переписать и на чертеже начертить. И вы бы, атаманы и козаки, службу свою, дородство, храбрость и крепкостоятельство к нам совершали, своей чести и славы не теряли, за истинную православную христианскую веру и за нас, великого государя, стояли по-прежнему крепко и неподвижно и на нашу государскую милость и жалованье во всем были надежны». Но, побуждая козаков к крепкостоятельству, царь видел, однако, что дело не могло на этом остановиться, что надобно было или взять Азов под московскую державу и защищать его от турок, или отдать его последним. Через месяц по отослании приведенной грамоты на Дон, 3 января 1642 года, Михаил созвал собор, указав «выбрать изо всяких чинов, из лучших, средних и меньших, добрых и умных людей, с кем об этом деле говорить; из больших статей человек по 20 и по 15, и по 10, и по 7, а не из многих людей человек по 5 и по 6, и по 4, и по 3, и по 2 человека; а кого выберут, тем людям принести имена и им про все объявить подлинно». И объявлено, что писали донцы из Азова, просят принять город от них; но в то же время пришли вести, что сам великий визирь хочет идти весною под Азов, и если не возьмет скоро города, то, осадя его крепко, хочет послать турецкое и крымское войско на Московское государство: «И государю царю за Азов с турским и крымским царем разрывать ли и Азов у донских козаков принимать ли? Если принимать и с турским и крымским разорвать, то ратные люди в Азов, в польские (степные), украинские и поволжские города надобны будут многие, на городовое азовское дело и ратным людям на жалованье деньги надобны же многие, хлебные, пушечные и всякие запасы надобны не на один год, потому что война бывает у турских людей не по один год, и такие великие деньги и многие запасы на те годы где брать? Стольникам, дворянам московским и дьякам, головам, сотни-

кам, дворянам и детям боярским из городов, гостям, гостиные и суконные сотни и черных сотен торговым и всяких чинов служилым и жилецким людям помыслить о том накрепко и государю мысль свою объявить на письме, чтоб ему, государю, про все то было известно».

Духовенство отвечало: «На то дело ратное рассмотрение твоего царского величества и твоих государевых бояр и думных людей, а нам, государь, все то не за обычай Если, государь, по настоящему времени твое царское величество изволит рать строить, то мы, твои государевы богомольцы, ратным людям ради помогать, сколько силы нашей будет». Стольники отвечали, что взять Азов или не взять, разорвать с турским или не разорвать, в том его государская воля, а их мысль, чтоб государь велел быть в Азове тем же донским атаманам и козакам, а к ним бы в прибавку, указал государь, послать ратных людей из охочих вольных людей; сбором рати и запасов государь распорядиться волен, а они, стольники, на его службу готовы, где им государь велит быть. Дворяне также не хотели садиться в Азове с козаками, но, чтоб не обидеть последних, привели особую причину: «Людей в Азов велел бы государь прибрать охочих в украинских городах из денежного жалованья, потому что из этих городов многие люди прежде на Дону бывали, и им та служба за обычай». Гораздо подробнее изложили свое мнение Никита Беклемишев и Тимофей Желябужский: они сказали, что государю известны неправды турецкого султана и крымского хана; последний беспрестанно присягает и беспрестанно изменяет присяге; деньги, посылаемые из Москвы в Крым, ничего не помогают, лучше их не посылать, а употребить на жалованье своим ратным людям. Азов надобно удержать, потому что с тех пор, как он взят, татарской войны не было. Послать на подмогу козакам охочих вольных людей, которым сидеть в Азове заодно с козаками под атаманским начальством, а государевым московским воеводам быть в Азове нельзя, потому что козаки люди самовольные. Для сбора денег на жалованье ратным людям пусть государь укажет выбрать изо всяких чинов людей добрых человека по два и по три, да чтоб государь пожаловал, сделал при сборе денег разницу между богатыми и бедными: указал брать с больших мест, с монастырей и с пожалованных людей, за которыми поместий и вотчин много; а у иных за окладами много лишней земли, да они же ездят по воеводствам, и бедным людям с такими пожалованными людьми не стянуть. Беклемишев и Желябужский заключили свое мнение так: «Будет Азов за государем, то Ногай большой, Казыевы и Кантемировы улусы, горские черкасы, темрюцкие, кженские, бесленеевские и адинские будут все служить государю; а только Азов будет за турками, то и последние все ногаи от Астрахани откочуют к Азову». Головы

и сотники стрелецкие отвечали, что во всем государева воля, а мы, холопи его, служить рады и готовы, где государь ни укажет». Владимирские дворяне и дети боярские отвечали то же, но прибавили: «А бедность нашего города ведома ему государю и его боярам». Нижегородцы, муромцы и лушане (жители города Луха) отвечали то же, но без прибавок о бедности: «Будет ему государю годно, и он велит Азов принять, а будет негодно, то не велит; а где людей взять в Азов, в том государь волен, а где денег взять, в том его же воля, а бояре вечные наши господа промышленники». Но суздальцы, юрьевцы, переяславцы, беличи, костромитяне, смольняне, галичане, арзамасцы, новгородцы Великого Новгорода, ржевитяне, зубцовцы, торопчане, ростовцы, пошехонцы, новоторжцы, гороховцы сказали: «Тебе, благочестивому государю царю, прося у всещедрого бога милости, велеть Азов у донских козаков принять, с турецким и крымским царем велеть разрывать, за их многую пред тобою неправду. Если не изволишь Азова принять, то он будет за бусурманами, и образ Иоанна Предтечи будет у них же бусурманом: не навесть бы, государь, на всероссийское государство гнева божия и гнева великого светильника Иоанна Предтечи и великого святителя и чудотворца Николы, которыми поручил тебе бог такой дальний, крепкий украинский город, без твоей государевой казны и без подъема твоих больших ратных людей? Да они же, великие светильники, отстояли, подавая свою милость и заступление малым таким людям». Дворяне означенных городов просили брать даточных людей со всех обогатевших и отяжелевших, а с имуществ — деньги, равно и с духовных имений, а за утайку наказывать, причем сказали о дьяках: «Твои, государевы дьяки и подьячие пожалованы твоим денежным жалованьем, поместьями и вотчинами, а будучи беспрестанно у твоих дел и обогатев многим богатством неправедным от своего мздоимства, покупили многие вотчины и домы свои построили многие, палаты каменные такие, что неудобь сказаемые: блаженной памяти при прежних государях у великородных людей таких домов не бывало, кому было достойно в таких домах жить. А мы, холопи твои, рады за дом пречистой богородицы и московских чудотворцев, за истинную православную христианскую веру и за тебя, благочестивого государя, за твою великую к нам милость, против нашествия за твою государскую землю таких нечестивых бусурман работать головами своими и всею душою; а бедных нас, холопей своих, разоренных, беспомощных, беспоместных и пустоместных и малопоместных, вели, государь, взыскать своею милостию, поместным и денежным жалованьем, как тебя бог известит, чтоб было чем твою государеву службу служить. Да вели, государь, взять роспись вотчинам и поместьям у всей своей государевой земли, у стольников, стряпчих, дворян москов-

ских, жильцов и у нас, холопей своих, у всяких чинов людей, у дьяков и у подьячих, сколько за кем крестьян, с большим твоим государевым допросом, по твоему крестному целованию; а кто крестьян своих утаит, то вели этих утаенных крестьян отписать на себя бесповоротно. Да вели уложить свое государское уложенье, со скольких крестьян служить твою государеву службу без денежного жалованья; а что у кого будет крестьян лишних, то вели с этих лишних крестьян брать деньги в свою казну по чему укажешь, ратным людям на жалованье. А сколько надобно тебе на всяких служилых людей, тех денег и хлебных запасов будет; если же тебе, государю, казна надобна будет вскоре, сверх твоей казны и того сбора, то вели взять патриархову казну, у митрополитов, архиепископов, епископов, в монастырях лежачую домовую казну; а с своих государевых гостей и со всяких торговых людей, и со всяких черных людей вели с их торгов, промыслов и прожитков взять денег в казну, сколько тебе бог известит, и тут объявится казны перед тобою много. Да вели, государь, приказных своих людей, дьяков, подьячих и таможенных голов на Москве и в городах счесть по приходным книгам, чтоб твоя государева казна без ведомости у тебя не терялась и тебе была бы в прибыль ратным твоим людям на жалованье; а ту свою государеву казну вели сбирать своим государевым гостям и земским людям. А которые люди теперь в твоих городах по воеводствам и по приказам у твоих дел, вели им быть на твою службу против нечестивых бусурман с большою службою, и тут будет вся твоя государева земля готова против таких неистовых бусурман нашествия. То наша, холопей твоих, дворян и детей боярских разных городов, мысль и сказка!» То же самое сказали дворяне и дети боярские южных городов, прибавили только: «А хотя и отдать Азов, тем бусурман не утолить и не задобрить, войны и крови от крымских и от других поганых бусурман не укротить, а турских бусурман только пуще того отдачею на себя подвигнуть; лучше, государь, Азов тебе и всей земле принять и крепко за него стоять. Вели брать деньги и всякие запасы ратным людям со всяких чинов людей, сколько за кем крестьянских дворов, а не по писцовым книгам. А мы, холопи твои, с людьми своими и со всею своею службишкою на твою государеву службу против твоих недругов готовы, где ты укажешь, а разорены мы пуще турских и крымских бусурманов московскою волокитою, от неправд и от неправедных судов».

Гости и торговые люди сказали: «Мы, холопи твои, гостишки и гостиной и суконной сотни торговые людишки городовые, питаемся на городах от своих промыслишков, а поместий и вотчин за нами нет никаких, службы твои государевы служим на Москве и в иных городах ежегодно беспрестанно, и от этих беспрестанных служб и от пятинные деньги, что мы

давали тебе в смоленскую службу ратным и всяким служилым людям на подмогу, многие из нас оскудели и обнищали до конца; а будучи мы на твоих службах в Москве и в иных городах, сбираем твою государеву казну за крестным целованьем, с великою прибылью: где сбиралось при прежних государях и при тебе в прежние годы сот по пяти и по шести, теперь сбирается с нас и со всей земли нами же тысяч по пяти и по шести и больше; а торжишки у нас стали гораздо худы, потому что всякие наши торжишки на Москве и в других городах отняли многие иноземцы, немцы и кизилбашцы (персияне), которые приезжают в Москву и в иные города со всякими своими большими торгами и торгуют всякими товарами, а в городах всякие люди обнищали и оскудели до конца от твоих государевых воевод, а торговые людишки, которые ездят по городам для своего торгового промыслишка, от их же воеводского задержанья и насильства в приездах торгов своих отбыли. А при прежних государях в городах ведали губные старосты, а посадские люди судились сами между собою, воевод в городах не было, воеводы были посыланы с ратными людьми только в украинские города, для береженья от тех же турских, крымских и ногайских татар». Подати, необходимые для настоящей войны, торговые люди полагали на государеву волю и говорили, что рады служить своими головами, за царское здоровье и за православную веру помереть: «То за нами, гостишек и гостиные и суконные сотни торговых людишек, речи». Черных сотен и слобод сотские и старостишки и все тяглые людишки сказали то же, жаловались на свое разоренье от пожаров, от пятинных денег, от даточных людей, от подвод, которые с них брали для смоленского похода, от поворотных денег, от городового земляного дела, от великих податей и от целовальнических служб: «И от такой великой бедности,— говорили они,— многие тяглые людишки из сотен и из слобод разбрелись розно и дворишки свои мечут».

Таким образом, дворяне и дети боярские явно выразили свою готовность к войне, указывая на необходимость принятия Азова, высказывая опасения, что в случае непринятия гнев небесный может постигнуть Русское царство; но вместе с тем для успеха дела они требовали сильных мер, требовали прекращения закоренелых злоупотреблений. Торговые люди ясно указывали на свое разорение. Сильные голоса раздались против людей, в руках которых было решение дела; любопытно, что в выписях, сделанных из речей, вероятно, для государя, жалоб на злоупотребления не находится. Сильные возражения против войны найти было легко. В марте приехал в Москву турецкий посланник Мустафа Чилибей. Молдавский воевода Василий Лупул представлял царю, каким бедствиям подвергнется русское войско в случае малейшей неудачи под Азовом, представлял, что на козаков, народ ве-

роломный и непостоянный, полагаться нельзя, а это в Москве знали лучше, чем в Молдавии; наконец, воевода уведомлял, что султан поклялся в случае войны искоренить всех православных в своих владениях. По досмотру Азова оказалось, что город разбит и разорен до основания, скоро его поправить никак нельзя и от воинских людей защищаться не в чем. На этих основаниях 30 апреля царь послал козакам грамоту с повелением покинуть Азов; козаки вышли из города, но прежде не оставили в нем камня на камне. Огромное турецкое войско, явившееся для новой осады, нашло только груды развалин.

В Константинополь отправились из Москвы послы: дворянин Илья Данилович Милославский и дьяк Леонтий Лазоревский с объявлением, что великий государь с братом своим Ибрагим-султановым величеством теперь и впредь хочет быть в крепкой братской дружбе и любви и в ссылке свыше всех великих государей навеки неподвижно, что государская мысль об этом крепко утвердилась и слово его никогда не изменится. Послы ехали по зимнему пути до Воронежа, из Воронежа — Доном на судах по полой воде. Они повезли донским козакам государева жалованья 2000 рублей денег, кроме того, сукна, вино и другие запасы; но должны были везти эти деньги, сукна и вино за свое; провожатым должны были заказать накрепко не объявлять никому, что везут жалованье донским козакам, чтоб в Азове про то не узнали, и козакам сказать, чтоб они о присылке жалованья между собою не славили, чтоб им, послам, в Турецкой земле за то утесненья и задержки не было. Если же государево жалованье в Азове не утаится, то послам говорить: «Прислано с нами теперь к козакам государево жалованье небольшое за то, что они государя послушались, из Азова вышли, а за другое не за что им послать». Если донские козаки станут говорить, что им жалованья прислано мало, а они государю служат и дурного от них ничего нет, то отвечать, что прислано жалованье с послами легким делом, больше послать для скорого отпуску было нельзя, чтоб они жалованье приняли, государю служили, а он вперед их в своем жалованье не оставит, что им уже прежде послано много, вперед пришлется еще больше и от турских людей им утесненья никакого не будет; о том царское величество в грамоте своей к султану писал с великим подкреплением, про них же писал, что на море ходить и турецких городов и мест воевать не станут: так они бы, козаки, задоров никаких не делали, государя с султаном не ссорили, чтоб слово государское, которое об них писано к султану, ложным не объявилось, а им, послам, за то не было вычетов, тесноты и задержанья. В Константинополе послы должны были прежде всего видеться с переводчиком, Зелфикаромагою, отдать ему государеву грамоту и жалованные соболи,

посоветоваться с ним о всяких тамошних мерах, как бы лучше. Великому визирю Мустафе-паше должны были сказать, что служба его и раденье великому государю ведомы, памятны и впредь забвенны никогда не будут; за его службу и раденье царское величество прислал ему жалованье десять сороков соболей и вперед будет присылать, смотря по его службе. Впрочем, послы должны были советоваться с цареградским патриархом Парфением, как визирю дать государево жалованье, также и другим пашам и приказным людям, от которых можно надеяться государю служб и правды. Если визирь и другие ближние султановы люди станут говорить про Азов, что донские козаки взяли его по повелению царского величества, и помощь им государь посылал, то отвечать: «Вам самим подлинно известно, что донские козаки издавна воры, беглые холопи, живут на Дону, убежав от смертной казни, царского повеленья ни в чем не слушают и Азов взяли без царского повеленья, помощи им царское величество не посылал, вперед за них стоять и помогать им государь не будет, ссоры из-за них никакой не хочет: хотя бы их всех воров государь ваш, Ибрагим султан, в один час велел побить, то царскому величеству будет не досадно, потому что они воры, беглые люди и живут в дальних местах воровским кочевым обычаем Прежде много раз государь посылал к ним говорить, чтоб они от своего воровства отстали, на море не ходили, турским и крымским городам тесноты не делали, а в прошлом, 1632 году государь послал усмирить их воеводу Карамышева, а они его убили досмерти.» Если скажут. «Как же вы говорите, что донские козаки государя вашего не слушаются? Когда после азовского взятья приехали они в Москву помощи просить, то государь велел их казнить, и потом, когда государь послал им приказ покинуть Азов, то они покинули? Государь ваш сам писал к нашему султану, что велел казнить смертью тех козаков, которые к нему приезжали после азовского взятья», — отвечать: «Государь об этом к султану никогда не писывал; по дружбе к султану государь несколько раз писал к козакам, чтоб они Азов покинули, и за то сулил им жалованье немалое и в самом деле послал, когда они Азов покинули» Если визирь и паши станут говорить: «Когда султановых посланников с Валуек отпустили в Крым, то их проводили только до Северного Донца, а до Тора не провожали, и на Торе погромили их запорожские черкасы, из которых один, взятый в плен, объявил, что подвел их из Святогорского монастыря старец», — отвечать: «Рагных людей, которые не пошли провожать турецких посланников за Северский Донец, государь велел казнить смертию; черкасы громят не одних турецких посланников, но и царских, люди они польского короля, царского повеленья ни в чем не слушают; а вору Черкашенину верить нельзя: говорил он про

святогорского старца, избывая смерти, покрывая свое воровство и желая поссорить великих государей». Послы должны были отдать патриарху Парфению царскую грамоту и пять сороков соболей (на 250 рублей), отдать тайно, чтоб турские люди не сведали. Если визирь и паши будут их задерживать, делать бесчестье и тесноту, то им советоваться обо всем с патриархом Парфением и, как он им присоветует, так и делать, говорить патриарху, чтоб он о царском деле промышлял, визиря, пашей и ближних людей, которые с ним дружны, наговаривал на всякое добро и приходить к патриарху для благословения и для дел чаще, а если Парфений умрет, то к новому патриарху приходить не часто и не советоваться с ним ни о чем; соболи, которые посланы к Парфению, отдать новому патриарху, если он благочестив, если же еретик, то не давать ничего и под благословение не ходить Александрийскому и иерусалимскому патриархам послано по четыре сорока соболей (по 150 рублей); милостыни на разные святые места послано двадцать сороков соболей. Кроме того, в запас на прибыльных людей, на раздачу для государевых дел и на выкуп пленных послы повезли соболей на 1500 рублей да для всяких покупок — на 3000. Они должны были давать, смотря по тамошнему делу, чтоб даром никому не дать; выкупу давать за пленных: за дворян и детей боярских — от 20 до 50 рублей, а за мелких людей, стрельцов, козаков и черных — от десяти до двадцати Наконец, послы должны были настоять, чтоб султан писал титул царский как следует, чтоб не писал королем, потому что королей на Московском государстве никогда не бывало

Приехав на Дон, послы узнали, что турские люди побрали и сожгли козачьи городки — Маныч, Яр, Черкаск, людей побили и в плен повели; остальные атаманы и козаки перебежали в Верхний Раздорский городок, засели тут и выбрали в старшины атамана Ивана Каторжного Послы поехали в Раздоры, отдали козакам государеву грамоту и жалованье и говорили речь по наказу; козаки отвечали, что они государской милости и жалованью рады, но с азовцами помириться никак нельзя, потому что турские люди их вконец разорили На третий же день по приезде послов в Раздоры, июня 6 городок этот был осажден турками и татарами, которые, однако, ушли после жестокого боя с козаками; последние помирились с Азовом, и послы отправились в этот город, откуда переехали в Константинополь Здесь послы встречены были честно: приказные люди молдавского воеводы Василия прислали им баранов, кур и овощей на 20 блюдах; великий визирь послал цареградских овощей 250 блюд да 100 хлебов пшеничных. Чтоб не раздосадовать визиря, послы ездили к нему прежде представления султану; переводчик Зелфикар-ага дал им заметить, что визирь неподатлив, что надобно послать

большие подарки любимцу его Резеп-аге; послы отослали Резеп-аге четыре сорока соболей на 215 рублей. Дело пошло на лад: визирь дал слово Резеп-аге, что станет делать посольские дела так, как царским послам годно. Визирю отослано было десять сороков соболей ценою на 2000 рублей, и он дал слово, что султан будет писать государя царем с полным титулом. На отпуске султан сказал послам: «Скажите великому государю, чтоб он для общей нашей братской дружбы и любви велел послать свое повеление к донским козакам, чтоб они на Черное море не ходили, моих сел и деревень не воевали, людей не побивали и в полон не брали, а я пошлю свое повеленье к крымскому хану, к кафинскому паше и к азовскому князю, чтоб они на украйны государя вашего сами не ходили и воинских людей не посылали».

После отпуска пришел к послам переводчик Зелфикар-ага и сказал, что великий визирь про государево посольское дело говорил все доброе; только он, Зелфикар-ага, думает, что визирь хочет от послов почести; так им бы послать к нему подарок немалый. Послы, поблагодарив Зелфикара за службу и раденье, послали визирю из запасных четыре сорока соболей ценою в 345 рублей; визирь, принявши подарок, отвечал, что он рад служить царскому величеству и его делами промышлять. Хорошие деньги получил визирь также и с молдавского господаря Василия по поводу московского дела: послы, ничего не подозревая, рассказывали прямо, что Василий писал к государю, уговаривая его не разрывать с турками из-за Азова; но визирю очень не понравилось известие о непосредственных сношениях султанского вассала с единоверным государем московским: услыхав об этом от послов, он *усумнился* и молчал немалое время, а потом послы узнали, что господарь сменен и на его место назначен другой; но у Василия был покровитель, Касим-ага, названный отец визиря; просьба этого Касима была подкреплена тридцатью вьюками ефимков (15 000), принесенных к визирю прикащиками молдавского воеводы, и Василий остался на своем господарстве.

Запасные соболи не остались также без действия: визирь объявил послам, что грамота к царю от султана уже написана с полным царским именованьем, свыше прежнего, что написаны грамоты к крымскому хану, кафинскому паше и азовскому князю, чтоб они не смели нападать на московские украйны, чтоб крымский хан отпустил всех русских пленников без выкупа и наказал тех воров, которые приходили войною на московские города. Послы были очень довольны, но потом начало их мучить беспокойство, правду ли сказал визирь? Точно ли исполнено главное, начальное дело, грамота написана ли с полным царским именованьем? Послали за переводчиком Зелфикаром: нельзя ли посмотреть черновую грамоту? Тот отвечал, что она должна быть у думного дьяка;

послали к думному дьяку, обещали подарок; думный дьяк отвечал, что грамота у визиря; опять начали просить Зелфикара, сулить подарки немалые: нельзя ли достать грамоту от визиря? Зелфикар обещал подкупить ближних визиревых людей, но возвратился с ответом, что никакими мерами достать грамоты невозможно; только бы послы были покойны, он справлялся у думного дьяка, и тот уверяет, что царское именованье написано сполна; но послы не успокоились, бросились к патриарху, чтоб показал свою службу и раденье: нельзя ли посмотреть черновую грамоту? Патриарх отвечал: «Те грамоты ведать нельзя, но, чтоб послы не сомневались, титул написан, как должно, визирь человек правдивый, что говорит, то и делает». Наконец, Араслан-ага, назначенный послом в Москву, показал Милославскому надпись на султановой грамоте: «В Иисусове законе над всеми великими государями великому государю московскому, царю всея Руси и обладателю, любительному другу Михаилу Феодоровичу». Тот же Араслан должен был отвезти в Крым, Кафу и Азов запрет воевать московские области. Что касается до козаков, то послы, исполняя наказ, повторили визирю: «Хотя их всех воров государь ваш в один час велит побить, то царскому величеству это не будет досадно». Визирь сказал: «Если вашему великому государю это не будет досадно, то наш государь с донскими козаками управится». Потом спросил: «Великому государю вашему своих ратных людей на этих воров послать можно ли, чтоб их от воровства унять?» Послы отвечали: «Когда эти воры были не разорены, то и тогда великому государю своих ратных людей посылать было на них нельзя, потому что эти воры, люди многих разных государств, называясь донскими козаками, жили в дальных местах воровским кочевым обычаем, переходя с места на место, а теперь и подавно ратных людей посылать не на кого, потому что нынешнею весною приходили на их юрты ваши ратные люди и разорили их без остатка: а что эти воры вашими воинскими людьми разорены, то мы тебе объявляем, что великому государю нашему это не будет досадно». Козаки знали, что московское правительство в сношениях с турецким постоянно величало их ворами, и жаловались: «Всегда про нас так пишут, называют ворами, а службы нашей к ним много. На Дону нам не житье, подождем с моря нашу братью, если они придут все поздорову, то мы еще на Дону поживем, а если с моря придет немного людей, то нам на Дону нечего дожидаться, надобно перейти на другое место: на устье Яицком поставлен город, мы этот городок сроем, станем жить на Яике и на море ходить». Узнавши об этом намерении, царь приказал астраханским воеводам, что если донские козаки станут приходить на Яик, то посылать на них ратных людей и промышлять над ними всякими мерами.

Козаки вмешались и в сношения с Персиею. Еще в июле 1621 года астраханские воеводы дали знать в Москву, что козаки воруют на Каспийском море, служилых торговых и всяких людей грабят; атаман у них Тренка-ус. В 1641 году посол наследника Аббасова, шаха Сефи, подал челобитную царю: «С вашей государевой стороны всякие набродные, худые люди безыменные, беглые, собравшись, приходят на гилянские и на мазандеранские места, воюют, людей бьют, грабят, в полон берут, то же делают и над торговыми людьми, которые ходят по морю. Государь наш с вами будет стоять на этих набродных козаков, и мы их изведем заодно». Тут же посол жаловался на воевод, которые притесняют персидских купцов; но не одни воеводы притесняли: «Прежним персидским послам, — говорилось в челобитной, — было позволено торговать, продавать и покупать; ворота были у них отворены, всяких чинов люди ходили и торговали без боязни; а мы сидим взаперти, никого к нам не пускают; Григорий Никитников нам приказывает, что торговать велено с ним одним, и мы шаховых товаров до сих пор ни на один алтын не продали, от страху никто к нам не ходит». Послу отвечали относительно козаков, что давно отправлен царский указ воеводам — посылать на козаков ратных людей, побивать их, а взятых в плен казнить; пусть и шах в своей земле этих воров велит ловить и побивать, великий государь за них стоять не будет. Что касается до воеводских обид, то великому государю неизвестно, какие это обиды? В каких городах и от каких именно воевод? Объявите имена, и государь велит сыскать; и русским купцам в Персии от шаховых воевод и приказных людей бывает насилье большое. На третью жалобу отвечали, что действительно приказано торговать с послами гостю Никитникову повольною торговлею: «Неволи вам никакой нет; товары вы у Никитникова смотрели и свои казали, а не торгуете и замедление себе делаете неизвестно для чего». Но персиянин никак не мог понять повольной торговли с одним человеком: «Говорил я приставам прежде много раз и теперь сказываю то же: не уметь мне с Григорьем Никитниковым торговать: поставлена у него товарам цена большая, а я шаховой казны потерять даром и без головы быть не хочу». Посол настоял на своем и получил повольный торг со всякими людьми, под условием только торговать на посольском дворе, а не по улицам.

Мы видели, что царь в качестве номинального повелителя Грузии требовал от шаха Аббаса, чтоб тот не опустошал этой несчастной страны. Шах отвечал, что он готов уступить Грузию московскому государю и возвратить грузинскому царю Теймуразу его семейство, если тот оставит сторону турок. Михаил велел объявить об этом послу Теймуразову, епископу Феодосию, бывшему тогда в Москве (1624 год), и прибавить,

что царское величество не может разорвать с шахом, не может и помочь Теймуразу деньгами, потому что казна истощена польскою войною. В 1636 году приехал в Москву из Грузии Никифор, протосинкел и архимандрит, который объявил о желании Теймураза быть в подданстве у государя, вследствие чего после долгих рассуждений и осведомлений весною 1637 года отправились в Грузию князь Федор Волконский, дьяк Артемий Хватов и пятеро духовных лиц, с тем чтоб привести Теймураза к крестному целованью. С посланными отправились два иконописца и столяр с материалами, железом, красками. Приехавши в Грузию, Волконский нашел страну в самом жалком положении: после недавнего опустошения, причиненного персиянами, у Теймураза осталась во владении одна только Кахетия. Цель посольства была достигнута, Теймураз целовал крест царю Михаилу, причем посол успел уклониться от всяких обязательств со стороны царя. Теймураз просил, чтоб царь приказал построить крепость в горах для удержания кумыков от нападения на Грузию, просил также прислать лекаря и рудознатца. С ответом был послан в Грузию в 1641 году князь Ефим Мышецкий, который должен был объявить Теймуразу, что в настоящее время крепости построить никак нельзя: в Москве помнили несчастную участь русского войска в горах при Годунове; лекарь был прислан, касательно же рудознатца Мышецкий объявил, чтоб Теймураз прежде прислал в Москву обращики минералов, добываемых в его стране; наконец Мышецкий должен был вручить Теймуразу 20 000 ефимков, кроме соболей.

Но в это время, последнее время жизни, внимание царя Михаила особенно занимали два тяжелые дела — по отношению к Дании и Польше. Мы видели, что прежние сношения с Данией кончились ничем по причине споров о том, на каком месте ставить королевское имя. В начале 1637 года приехал в Москву гонец Голмер с грамотами короля Христиана IV, который просил отпустить в Данию кости королевича Иоанна: просьба была исполнена, а через несколько лет в Москве решили последовать примеру Годунова, вызвать из Дании же принца в женихи для старшей дочери царской — Ирины Михайловны. 9 июня 1640 года потребован был в Посольский приказ датского короля прикащик Петр Марселис и допрашиван, сколько детей у датского короля и каких лет? Марселис объявил, что у Христиана IV два сына от первой жены: один, наследник престола, уже женатый, другой помолвил жениться, но есть еще третий сын, Волмер (Вальдемар), от другой, венчальной же жены (от графини Мунк, на которой король был женат *с левой руки)*; этому принцу 22 года; король с матерью его не живет будто бы за то, что хотела его портить, но сына своего Вальдемара король любит. В ноябре отправили в Данию гонца, переводчика ино-

странца Ивана Фомина, с жалобою на герцога голштинского, который не исполнял условий договора относительно персидской торговли; этому Фомину велено было проведывать подлинно тайным обычаем, сколько у короля детей от венчальных прямых жен, от королев, и сколько не от прямых жен, и в каких чинах у него эти дети? Проведать допряма про королевича Волмера: сколько ему лет, каков собою, возрастом, станом, лицом, глазами, волосами, где живет, каким наукам, грамотам, языкам обучен? Каков умом и обычаем и нет ли в нем какой болезни или увечья, и не сговорен ли где жениться, чья дочь его мать, жива ли и как живет? Промышлять, чтоб королевича Волмера видеть ему самому и персону его написать подлинно на лист или на доску, без приписи, прямо, промышлять этим, подкупя писца (т. е. живописца), хотя бы для этого в Датской земле и помешкать неделю или две, прикинув на себя болезнь, только бы непременно проведать допряма, во что бы то ни стало, давать не жалея, а для прилики, чтоб не догадались, велеть написать персоны самого короля Христиана и других сыновей его.

Иван Фомин, возвратившись из Дании, подал записку, что королевич Волмер 20 лет, волосом рус, ростом не мал, собою тонок, глаза серые, хорош, пригож лицом, здоров и разумен, умеет по-латыни, по-французски, по-итальянски, знает немецкий верхний язык, искусен в воинском деле; сам он, Фомин, видел, как королевич пушку к цели приводил; мать его, Христина, больна; отец ее был боярин и рыцарь большой, именем Лудвиг Мунк и мать ее также боярыня большого рода. Относительно портретов Фомин доносил: «Присылал за мною копенгагенский державца Ульфелт и говорил: «Слух до меня дошел, что ты подкупаешь, чтоб тебе написали портреты короля и королевичей подлинно, без приписи, но ты сам знаешь, что это невозможное дело, потому что живописец должен стоять перед королем и королевичами и на них глядеть; но государь наш на то соизволил, велел себя и королевичей своих написать и послать к вашему государю». После этого Ульфелт спросил: «Зачем это государю вашему нужны портреты?» Фомин отвечал: «Государевы мысли в божиих руках: мне неизвестно». Потом королевский секретарь повторил тот же вопрос и прибавил: «Если государю вашему королевич Волмер надобен для воинского дела, то король отпустит его к царскому величеству». Летом 1641 года дали знать в Москву, что едет к государю необыкновенное посольство из Дании: в послах едет королевич Вальдемар, граф шлезвиг-голштинский, а вторым послом — Григорий Краббе. Сделаны были распоряжения об особенных почестях; во всех городах воеводы ездили к графу Вальдемару челом ударить. В Москве послов поместили на дворе думного дьяка Ивана Грамотина, в Китае-городе, причем велено палаты, поварню,

все хоромы и конюшню осмотреть, вычистить, худые места починить, столы, скамьи и окончины поставить, навоз и щепы со двора свозить и посыпать на дворе песком; у средней палаты двери были железные, а мосту перед нею и всходу не было, так велено было сделать мост с перилами и лестницу, колодезь вычистить, в двух палатах да в покоевой задней деревянной горнице лавки и скамьи обиты были сукнами червчатыми, да в тех же палатах и в горнице, где стоял граф Вальдемар, один стол покрыт был ковром, а три — сукнами червчатыми багрецовыми. Приставам дан был наказ: «Вы бы рассмотрели всякими мерами подлинно и у дворян и у посольских людей в разговорах тайно разведали, как графа Вальдемара посол Краббе, дворяне и посольские люди почитают, государским ли обычаем или рядовым обычаем?» Приставы отвечали, что Краббе перед графом шляпу временем снимает, по дороге едучи, и в шляпе с ним говорит, за обедом сидит с ним вместе; думные и дворяне графа почитают, говорят с ним все снявши шляпы, и в разговоре с ним называют его королевичем, а не послом и во всем его почитают государским обычаем.

Посольство было принято обыкновенным образом, потому что в грамоте королевской Вальдемар был написан послом, а не королевичем; просьба Вальдемара, чтоб позволено ему было представиться в шпаге, не была исполнена, хотя он и говорил, что будет терпеть за это вечный позор. В ответе с боярами Вальдемар потребовал повольной торговли для датских купцов по всему Московскому государству. Бояре отвечали: пусть датские купцы приезжают по пяти и по шести человек и торгуют свальным товаром, а не порознь, с обычными пошлинами. Вальдемар просил позволения устроить прядильню для канатного дела, бояре отвечали: без смолы прядильне быть нельзя, а смоляной промысл отдан на откуп с 1636 года, когда же урочные откупные годы отойдут, то государь велит смоляной откуп отдать датским людям также на урочные годы. Вальдемар просил позволения датчанам строить дворы и церкви и получил ответ, что двор у датских купцов в Москве есть, а в Новгороде, Пскове и Архангельске пусть купят дворы или поставят на посаде, но киркам не быть; также чтоб и русским купцам было позволено иметь свои дворы в Дании. Вальдемар требовал, чтоб позволено было датчанам иметь в Москве агентов и прикащиков, позволено иметь одного агента. Требовал, чтоб с разбитых кораблей вещи сыскивались и возвращались хозяевам, а переем был бы мирный, без десятины; согласились с замечанием, что и прежде никогда десятины не брали. Требовал позволения учредить компанию датских купцов для исключительной торговли в России кожами и юфтью, за что компания надбавит пошлин: прежде бралось по 4 со 100, а

датчане будут платить по 7 со 100; бояре отвечали, что такой повольной торговле быть непригоже: царского величества подданным в том будет оскорбленье. Вальдемар требовал позволения для датчан покупать ежегодно 1000 ластов хлеба для Дании и столько же — для Норвегии; ему отвечали, что в Российском государстве был хлебный недород не по один год и свои люди хлебом еще не наполнились, а если вперед будет урожай, то позволение дадут. После этих переговоров хотели писать грамоты на вечное докончание, но тут опять неодолимое препятствие: Вальдемар требовал, чтоб в датской грамоте имя королевское было написано прежде царского, бояре не согласились, и послы по-прежнему поехали ни с чем.

В октябре 1641 года уехали датские послы, а в апреле 1642 г. в Москве признали за нужное отправить в Данию посольство с важным делом. Отправлены были известный уже нам окольничий Степан Матвеич Проестев и дьяк Иван Патрикеев для заключения докончания, причем должны были отвезти подарки королевичу Вальдемару; в запас дано им было соболей на 2000 рублей, велено расходовать, смотря по тамошнему делу, искрепка, без чего быть нельзя, чтоб государское дело совершить добром. Это государское дело состояло в предложении брачного союза между королевичем Вальдемаром и царевною Ириною Михайловною. Тайный наказ послам по этому делу говорил: «Если спросят, есть ли с ними персона царевны, — отвечать: «У наших великих государей российских того не бывает, чтоб персоны их государских дочерей, для остереганья их государского здоровья, в чужие государства возить, да и в Московском государстве очей государыни царевны, кроме самых ближних бояр, другие бояре и всяких чинов люди не видают».

Послы были приняты в Дании не очень ласково; когда они на представлении королю по обычаю сказали, что великий государь велел королю поклониться, про свое государское здоровье сказать и брата своего здоровье видеть, то король на это смолчал, про государское здоровье не спросил и не встал. Послы, не подавая царской грамоты, долго стояли молча, все ждали, что король встанет и спросит про государево здоровье; наконец Проестев сказал, что они ждут исполнения обычая; тогда король велел канцлеру сказать, что рад слышать про здоровье своего брата. Послы отвечали на это, что царь про королевское здоровье спрашивал сам, вставши; король спросил их: «Как были у вашего государя наши послы, то им у вас что делали?» Проестев отвечал: «Когда были ваши послы у нашего государя, то государь наш у вашего королевского величества чести не умалял, а мы теперь видим тому противное». Король встал, снял шляпу и сам спросил про государево здоровье.

Начались переговоры, начались с вопроса: кого прежде писать в грамотах? Канцлер сказал: «Этому делу по вашей мере не быть; государь наш во всей Европе никакому государю своей чести не уступит и такою дорогою ценою ни у которого государя дружбы купить не хочет». И опять дело о докончании кончилось ничем. Началось другое дело: послы стали говорить о государственных великих делах, что великий государь хочет быть с его королевским величеством в приятельстве, крепкой дружбе, любви и соединении свыше всех великих государей и для того велел его королевскому величеству объявить, что его государской дщери царевне Ирине Михайловне приспело время сочетаться законным браком и ведомо ему, великому государю, что у датского Христиануса короля есть доброродный и высокорожденный его королевский сын, королевич Вальдемар Христиан, граф шлезвиг-голштинский. И если его королевское величество захочет быть с ним, великим государем, в братской дружбе навеки, то он бы позволил сыну своему государскую дщерь взять к сочетанию законного брака». Ближние королевские люди спросили: «Как великий государь графа Вальдемара хочет иметь у себя в присвоеньи и в какой чести? Какие именно города и села даст ему на содержание?» Послы ответа на это не дали по неимению наказа, о вере же сказали, что Вальдемар должен креститься в православную веру греческого закона. На это последовал отказ, и послы по обоим делам отпущены ни с чем. Вальдемара в это время не было в Копенгагене, послы отправили к нему царский подарок — пять сороков соболей; когда уже они получили отпуск, то Вальдемар приехал в Копенгаген и пришел к ним бить челом за государское жалованье: «Теперь, — говорил он, — я милость государя вашего к себе незабытную вижу, потому что пожаловал меня своим государским многим жалованьем». Послы королевича почитали и говорили, чтоб сел, но королевич говорил: «Когда вы послы сядете, то и я с вами сяду». Послы отвечали: «Ты государский сын, мы по указу государя нашего тебя почитаем, тебе, по твоему достоянью, добро пожаловать сесть, и мы с тобою сядем». Королевич сел посередине стола, а по конец не сел. О сватовстве он сказал: «Отец все мне рассказал об этом деле; с вами много говорить не позволено да и нечего; во всем положился я на волю отца своего».

Проестева и Патрикеева ждал дурной прием в Москве; их обвинили, что великое дело делали не по наказу; в наказе было сказано: радеть и промышлять всякими мерами, уговаривать и дарить, кого надобно; а послы, услыхавши первый отказ, сейчас же и уехали, с государем не обославшись; для государева дела послана была с ними казна, соболи, давать было что, а они соболи раздавали для своей

чести, а не для государева дела, с ближними королевскими людьми говорили самыми короткими словами, что к делу не пристало, многих самых надобных дел не говорили и ближним королевским людям во многих статьях были безответны. В сентябре возвратились Проестев с Патрикеевым в Москву; в декабре государь отправил в Данию датского же комиссара Петра Марселиса, «веря ему в таком великом деле, потому что его, Петров, отец Гавриил и сам он, Петр, прежде ему великому государю служили верно: как был в Польше и Литве отец его, государев, то Гаврила Марселис о его государском освобожденье радел и всякими мерами промышлял да и другие их, Гаврилы и Петра, к великому государю многие и верные службы были». Марселис должен был объявить королю, что прежние послы, Проестев и Патрикеев, говорили не по царскому наказу и не против ближних людей вопроса о вере и крещенье, говорили и делали нераденьем; им велено было из Копенгагена отписать к его царскому величеству, если объявится какое-нибудь затрудненне, но они ни о чем не писали и сами приехали, не сделав ничего; за это царское величество положил на них опалу. Великий государь станет королевского сына держать у себя в ближнем приятельстве и в государской большой чести, как государского сына и своего зятя; ближние и всяких чинов люди Российского государства будут его, королевича, почитать большою честию, и будет он обдарен всем: города, села и денежная казна будет у него многая; государь велел дать ему города большие, Суздаль и Ярославль, с уездами и другие города и села, которые ему, королевичу, будут годны. В вере неволи не будет королевичу, а в православную христианскую веру греческого закона крещение всем людям дар божий, кого бог приведет, тот и примет; а воля божия свыше человеческой мысли и дела. Которые ближние и дворовые люди будут при королевиче и захотят служить при его дворе, тем всем государская милость будет во всем по их достоинству, а неволи им ни в чем не будет.

Марселису нужно было преодолеть разного рода трудности, опровергнуть разные возражения, но он радел и промышлял всякими мерами. Так многие люди в Датской земле говорили: «Как это королевичу ехать в Москву, к диким людям, там ему быть навеки в холопстве, и что обещают, того не исполнят, можно ему прожить и отцовским жалованьем». Говорили это те люди, которым хотелось, чтоб Вальдемар женился на дочери чешского короля (несчастного Фридриха Пфальцкого). Марселис отвечал им: «Если б в Москве люди были дикие, то я бы столько лет там не жил и вперед не искал, чтоб там жить; хорошо, если б и в Датской земле был такой же порядок, как в Москве; никто не может доказать, чтоб царь не исполнил того, что обещал, слово свое

он держит крепко не только христианским государям, но и бусурманским». Королевские ближние люди говорили: «В Москве многие бояре не хотят, чтоб царь выдавал дочерей своих за государских сыновей для того, чтоб им самим быть у царя в родстве». На это Марселис отвечал: «Московский государь самодержец и делает все по своей воле, а знают про это великое дело ближние большие бояре». Шведы и голландцы внушали: «Сперва королевичу в Москве будет большая честь, чтоб отвести его от лютеранской веры, а если он на это не согласится, то и перестанут его почитать». Марселис отвечал, что шведы и голландцы нарочно говорят, не желая такого великого дела; начато оно с добрым рассуждением, добром и кончится. Наконец, сам Вальдемар, вывезя из прежней поездки своей в Москву очень неприятные воспоминания, обнаружил сильное нежелание ехать в другой раз туда женихом и согласился только из боязни рассердить короля отца. Он упрашивал Марселиса, чтоб все честно делалось; Марселис уверял, что все будет хорошо: «Если вам будет дурно, то и мне будет дурно же, моя голова будет в ответе», — говорил ему Марселис. — «А какая мне будет польза в твоей голове, когда мне дурно будет?» — отвечал королевич и прибавил: «Видно, уже так богу угодно, если король и его думные люди так уложили; много я на своем веку пострaнствовал и так воспитан, что умею с людьми жить, уживусь и с лихим человеком, а такому добронравному государю как не угодить?»

Король объявил Марселису условия, на которые должны были предварительно отвечать в Москве: 1) в вере королевичу неволи не будет, и церковь ему будет поставлена по его закону. На это в Москве отвечали, что королевичу и его двору в вере и законе неволи никакой не будет; а о том, чтоб дать место для кирхи, договор будет с королевскими послами, которые приедут с графом Вальдемаром в Москву. 2) Чтоб королевичу от всех, высокого и низкого, духовного и мирского чина, почитаемому быть царским зятем, чтоб ему над собою никакого начальства не иметь, кроме великого государя и сына его государя царевича, их он будет почитать своими государями, а больше никого. На это условие последовало согласие. 3) Королевичу и его прямым наследникам обещанные города иметь вовеки без помешки; если Вальдемар умрет без наследников, то Ирина наследует эти города в пожизненное владение; если же великий государь, кроме городов и земель, изволит дать денежное приданое, то это честнее и славнее будет. Последовало согласие с прибавкою: «Если после Вальдемара останутся наследники, то имения графа в Датской земле должны быть за Ириною и за его наследниками; также мы, великий государь, приданое — всякие утвари и деньгами всего на 300 000 рублей —

дать изволили. 4) Кроме городов, давать королевичу на дворовое содержание, ибо неизвестны доходы с городов. Ответ: с назначенных городов собирается доходу много, а если окажется мало на дворовое содержание, то мы прибавим городов и сел. 5) Королевич будет одевать свой двор по своей воле; вольно ему слуг принимать из Датской земли и отпускать назад. Последовало согласие, причем определено, чтоб королевич взял с собою в Москву 300 человек.

Когда Марселис съездил с королевскими условиями в Москву и привез на них удовлетворительные ответные статьи за государскою печатью, то Вальдемар с двумя послами — Олавом Пассбиргом и Стрено Билленом — в октябре 1643 года отплыл из Копенгагена в Данциг, чтоб через польские, а не через шведские владения достигнуть Москвы; в Вильне он был принят с большою ласкою и честию королем Владиславом и удивил польских придворных отличным знанием французского и итальянского языков.

В декабре 1643 года Вальдемар переехал русскую границу и был встречен под Псковом боярином князем Юрьем Сицким и дьяком Шипулиным. Во Пскове встретил его воевода; гости и посадские лучшие люди встретили его с дарами — с хлебами, соболями и золотыми; соболей было два сорока и сто золотых. Вальдемар сначала не хотел брать даров, но когда дьяк Шипулин, по государеву указу, заметил ему, что он этим оскорбит псковичей, то принял. Сицкому наказано было: «Королевичу Вальдемару Христианусовичу всякое береженье и честь держать великую, здоровье его от русских и от всяких людей остерегать накрепко». Но ото всех неприятностей остеречь было нельзя: так, в Опочке испортили у королевича возок, вырезав бархат у дверей. В Новгороде была королевичу такая же встреча, что и во Пскове. В Москве, куда королевич въехал 21 января 1644 года, поднесли ему хлебы и дары московские, голландские и английские гости и торговые люди, а Вальдемар жаловал их к руке. Когда королевич приехал во дворец (28 января), то середи Грановитой палаты, перешедши столп, встретил его царевич Алексей Михайлович, а явил царевича Вальдемару боярин князь Львов; царевич спросил гостя о здоровье, подал ему руку и потом пошел с королевичем вместе по правую сторону. Тот же боярин князь Львов явил королевича государю, который сошел с своего места, подал королевичу руку (витался) и спросил о здоровье; королевич на государевом жалованье бил челом и правил поклон от короля отца своего — сперва государю, потом царевичу Алексею Михайловичу. Послы королевские говорили речь: «Его королевское величество во имя св. троицы послал своего любительного сына, графа Вальдемара-Христиана, к его царскому величеству, чтоб ему по царского величества

хотенью и прошенью *закон принять* (вступить в брак) с царского величества дочерью, великою княжною Ириною Михайловною. Король просит, чтоб его царское величество изволил для большей верности и укрепления договор о сватанье крестным целованьем при его королевских послах укрепить и письмо дать, также принять и почитать королевского сына, как своего сына и зятя, а король накрепко наказал сыну своему царское величество, как отца, почитать, достойную честь и службу воздавать». Думный дьяк от царского имени отвечал: «Желаем, чтоб всесильный бог великое и доброначатое дело к доброму совершенью привел; хотим с братом нашим, его королевским величеством, быть в крепкой дружбе и любви, а королевича Вальдемара Христианусовича хотим иметь в ближнем присвоении, добром приятельстве и почитать, достойную честь ему воздавать, как есть своему государскому сыну и зятю».

3 февраля датские послы были в ответе с боярами, князем Никитою Ивановичем Одоевским, князем Юрием Андреевичем Сицким, окольничим Васильем Ивановичем Стрешневым да с дьяками Григорием Львовым и Михайлою Волошениновым. Послы говорили о вечном докончанье по статьям: 1) подтвердить старинные договоры о мире, соединении и вольности торгового промысла. 2) Датским и норвежским купцам производить беспрепятственную торговлю по всем местам Московского государства и заводить прядильни. 3) Позволить датчанам иметь свои кирхи и дворы. 4) Вольно королю ставить агентов и прикащиков в каких городах будет надобно. 5) В случае кораблекрушения отдавать товары владельцу их беспошлинно, а тому, кто их переймет, давать за береженье умеренную плату. 6) Вольно королевским подданным покупать в России хлеба ластов 1000 или больше или меньше; также и в Норвежскую землю вывозить по стольку же. 7) Так как между великим государем и королем польским идут споры и ссоры о порубежных делах, то король датский берется быть посредником. 8) Что касается до церковных чинов при венчании королевича с царевною, то они, послы, надеются, что все будет устроено к чести бога вышнего. 9) Послы надеются, что все договоренное с Петром Марселисом будет подтверждено. 10) Хотят они знать, на котором месте будет поставлена церковь для королевича, и на котором месте будет у него двор и дворовый чин? 11) Король приказал им разведать, сколько доходов с городов Суздаля и Ярославля, чтоб знать, можно ли будет королевичу и его наследникам этими доходами дворовый чин свой содержать, и если нельзя, то чтоб государь по своему обещанию доходов прибавил, иначе королевич войдет в долги. 12) Каким образом королевичу и его наследникам города и земли в своих титулах, гербах и

печатях иметь? 13) Как будет поступлено в случае смерти королевича или жены его? 14) В королевских грамотах имя короля Христиана должно писаться выше царского.

4 февраля государь посетил королевича, который жаловался ему на неправду шведов, вторгнувшихся в Голштинию мимо договора: «Поэтому, — говорил Вальдемар, — всем государям можно знать правду шведов и от них беречься; особенно же надобно крепко беречься от них царскому величеству; об этом он, королевич, напоминает государю потому, что приехал быть с ним в родственном союзе, он государю и всему Российскому государству добра хочет, потому что если государю будет хорошо, то и ему будет хорошо». Михаил Феодорович отвечал: «Есть так, что правды в шведах мало и верить им нечего; только до сих пор ко мне от них задору не бывало, и у меня с шведским королем заключен вечный мир». Королевич сказал на это: «А какую они неправду Московскому государству сделали? Призваны были на помощь от царя Василия и объявились злыми врагами».

8 февраля по царскому приказу патриарх Иосиф (преемник Иоасафа) прислал к королевичу бывшего в Швеции резидентом Дмитрия Францбекова с такою речью: «Великий святитель со всем освященным собором сильно обрадовался, что вас, великого государского сына, бог принес к великому государю нашему для сочетанья законным браком с царевною Ириною Михайловною: и вам бы, государскому сыну, с великим государем нашим, с царицею и их благородными детьми и с нами, богомольцами своими, верою соединиться». Король отвечал, что ему принять веру греческого закона никак нельзя, не будет он делать ничего мимо договора, который заключен Петром Марселисом. Если Марселис царю обещал на словах, что он, королевич, переменит веру, а королю Христиану и ему, Вальдемару, не сказал, то он солгал, обманул и за это ему от короля Христиана и от него, королевича, не пробудет. Если бы он, королевич, знал, что будет речь о вере, то он бы из своей земли не поехал. И если теперь царское величество не изволит дело делать по статьям Марселисова договора, то пусть прикажет отпустить его, королевича, назад к королю Христиану с честию. Францбеков отвечал, что Марселису не было наказано говорить и решать дело о вере; теперь ему, королевичу, назад в свою землю ехать нечестно и он бы не оскорблялся, а гораздо помыслил, да не угодно ли ему поговорить о вере от книг с духовными людьми. Королевич отвечал: «Я сам грамотен лучше всякого попа, библию прочел пять раз и всю ее помню; а если царю и патриарху угодно поговорить со мною от книг, то я говорить и слушать готов».

13 февраля был королевич у царя в комнате, и Михаил обратился к нему с такими словами: «Послы королевские

у нас на посольстве говорили, что король велел тебе быть в моей государской воле и послушанье и делать то, что мне угодно, а мне угодно, чтоб ты принял православную веру». Королевич отвечал: «Я рад быть в твоей государской воле и послушанье, кровь свою пролить за тебя готов, но веры своей переменить не могу, потому что боюсь преступить клятвы отца моего, а в наших государствах ведется, что муж держит веру свою, а жена — другую; и если вашему царскому величеству по договору сделать не угодно, то отпустите меня назад к отцу моему». Царь: «Любя тебя, королевича, для ближнего присвоенья, я воздал тебе достойную великую честь, какой прежде никогда не бывало: так тебе надобно нашу приятную любовь знать, что мне угодно, исполнять, со мною верою соединиться, и за такое превеликое дело будет над тобою милость божия, моя государская приятная любовь и ото всех людей честь. Не соединяясь со мною верою, в присвоеньи быть и законным браком с моей дочерью сочетаться тебе нельзя, потому что у нас муж с женою в разной вере быть не может; Петр Марселис в Московском государстве живет долго и знает подлинно, что не только в наших государских чинах, но и в простых людях того не повелось. Отпустить же тебя назад непригоже и нечестно; во всех окрестных государствах будет стыдно, что ты от нас уехал, не соверша доброго дела. Ты бы подумал и мое прошенье исполнил, да и почему ты не хочешь быть в православной вере греческого закона? Знаешь ли, что господь наш Иисус Христос всем православным христианам собою образ спасения показал и погрузился в три погружения?» Королевич: «И у нас в лютеранской вере погружение было же, а перестали погружать тому лет с тридцать, и погружения не хулю; только теперь мне креститься в другой раз никак нельзя, потому что боюсь клятвы от отца своего; да и при царе Иване Васильевиче было же, что его племянница была за королевичем Магнусом». Царь: «Царь Иван Васильевич сделал это, не жалуя и не любя племянницы своей; а я хочу быть с тобою в одной вере, любя тебя, как родного сына». Королевич просил, чтоб ему с государем сойтись и о вере поговорить иным временем.

16 февраля королевич прислал государю грамоту с следующими статьями: 1) разве вашему царскому величеству не известно, что вы за два года присылали к отцу моему великих послов о сватовстве, и когда они объявили, что я должен переменить веру, то им прямо отказано? 2) Ваше царское величество на том стоите ли, что вы присылали к отцу моему Петра Марселиса, который по вашему наказу объявил, что мне в вере никакой неволи и помешки не будет? 3) В грамоте вашего царского величества, за вашею печатью присланной, не первая ли статья говорит о вольно-

сти в вере? Мы никак не можем верить, чтоб ваше царское величество, государь повсюду славный и известный, решились по совету злых людей что-нибудь сделать вопреки вашему обещанию и договору, что приведет не только нашего отца, но и всех государей в великое размышление и вашему царскому величеству недобрая заочная речь от того будет». Царь отвечал: «И теперь мы вам то же объявляем, что вам в вере никакой неволи нет, а говорим и просим, чтоб вам с нами быть в одной христианской православной вере, в разных же верах вашему законному браку с нашей дочерью быть никак нельзя, и в нашем ответном письме, которое послано с Петром Марселисом к отцу вашему, нигде не написано, чтоб вам с нашею дочерью венчаться, оставаясь в своей вере; нигде не написано также, чтоб нам вас к соединенью в вере не призывать. Мы, великий государь, хотим начатое дело делать так, как годно богу и нашему царскому величеству, и вас к тому всякими мерами приводим, и молим с прошеньем, чтоб вам поискать своего душевного спасения и телесного здравия, с нами верою соединиться. Мы совета злоподвижных людей не слушаем, а его королевскому величеству, другим христианским государям и вам мимо дела и правды размышлять непригоже; про наше царское величество недобрых заочных речей быть не в чем, а ссоре бы вам ничьей не верить».

26 февраля королевич прислал ответ: «Мы ясно выразумели из вашего ответа, что ваше царское величество не по явным словам, как у великих христианских государей во всей Европе ведется, идете, но единственно по своему толкованию и мысли обо всем этом деле становите. Никогда еще не было такого договора, в котором бы его королевского величества, отца нашего, всю основную мысль превратили и явные слова в иную мысль по своему изволенью толковать и изложить хотели, как теперь в этой стране делается». В заключение королевич просил отпуска в Данию. Но отпуска не было. 21 марта королевич пригласил к себе боярина Федора Ивановича Шереметева и просил его похлопотать об отпуске: «Знаю, — говорил королевич, — что ты начальнейший боярин в царстве, ближний, справедливый, великий, и потому бью тебе челом, помоги мне, чтоб царское величество послов и меня отпустил». Шереметев отвечал: «Хорошо было бы тебе с царским величеством соединиться в вере, а, ехав такую дальную дорогу, ехать назад непригоже». Королевич сказал на это: «Тому статься нельзя, а когда царское величество меня честно велит отпустить, то я буду громко его прославлять». Шереметев взялся донести государю о желании Вальдемара. Следствием было то, что 25 марта стража около королевичева двора была усилена; 29 марта бояре объявили датским послам о невозможности

совершиться браку королевича на царевне без соединения в вере и требовали, чтобы послы уговаривали Вальдемара принять православие. Послы отвечали, что этого им не наказано и если им хотя одно слово молвить королевичу о соединении в вере, то король велит с них головы снять. «Да хотя бы, — продолжали послы, — королевич с царским величеством и верою соединился, то ему не сойдется в иных мерах, в постах, кушаньях, в питье, платье; теперь мы ясно видим, что нашему начальному делу статься никак нельзя: королевич веры своей не переменит и больше говорить не о чем; так царское величество пожаловал бы, велел нас отпустить назад». 21 апреля явился к Вальдемару посланный с письмом от патриарха и держал такую речь: «Государь королевич, Вальдемар Христианусович! Послал меня к тебе государев отец и богомолец, святейший Иосиф, патриарх московский и всея России, велел о твоем здравии спросить, как тебя Христос милостию своею сохраняет, и велел тебе известить: слух до меня дошел, что ты, государь королевич, у царского величества отпрашивался к себе, а любительного великого дела, для чего приехал, с царским величеством не хочешь совершить Так святейший патриарх Иосиф о том к твоему величеству советное за своею печатию письмо прислал, чтоб тебе пожаловать вычесть и любительно ответ учинить». В письме патриарх писал: «Прими, государь королевич Вальдемар Христианусович, сие писание и прочти, уразумей любительно и, уразумев, не упрямься; государь царь ищет тебе и хочет всего добра ныне и в будущий век; своей упрямкою доброго, великого, любительного и присвойного дела с его царским величеством не порушь, но совершенно учини во всем волю его, по боге послушай, не от бога тебя он отгоняет, но совершенно богу присвояет; да и отец твой, Христианус король, показал совет свой к его царскому величеству и присвоиться захотел, тебя, любимого сына своего, к его царскому величеству отпустил, чтоб тебе жениться на его дочери, и с послами своими приказывал, что отпустил тебя на всю волю его царского величества: так тебе надобно его царского величества послушать, да будешь в православной христовой вере вместе с нами. Мы знаем, что вы называетесь христианами, но не во всем веру христову прямо держите и во многих статьях разделяетесь от нас... И тебе бы, государь королевич, принять св. крещение в три погружения, а о том сомнения не держать, что ты уже крещен: несовершенно вашей веры крещение, требует истинного исполнения, таким образом и будет едино крещение во святую, соборную и апостольскую церковь, а не второе, и у нас второго крещения нет», и проч.

Королевич отвечал на другой день следующим письмом: «Так как нам известно, что вы у его царского величества

много можете сделать, то бьем вам челом, попросите государя, чтоб отпустил меня и господ послов назад в Данию с такою же честию, как и принял. Вы нас обвиняете в упрямстве, но постоянства нашего в прямой вере христианской нельзя называть упрямством; в делах, которые относятся к душевному спасению, надобно больше слушаться бога, чем людей. Мы хотим отдать на суд христианских государей, можно ли нас называть упрямым. Как видно, у вас перемена веры считается делом маловажным, когда вы требуете от меня этой перемены для удовольствия царскому величеству, но у нас такое дело чрезвычайно великим почитается, и таких людей, которые для временных благ и чести, для удовольствия людского веру свою переменяют, бездельниками и изменниками почитают. Подумайте о том: если мы будем богу своему неверны, то как же нам быть верными его царскому величеству? Нам от отца нашего наказа нет, чтоб спорить о мирском или духовном деле; царское величество нас обнадежил, что нам, нашим людям и слугам никакой неволи в вере не будет. Мы хотим вести себя перед царским величеством, как сын перед отцом, хотим исполнять его волю во всем, что богу не гневно, нашему отцу не досадно, нашей совести не противно, и ничего так не желаем, как приведения к концу брачного договора. Но для этого никогда не отступим от своей веры. Вы приказываете нам с вами соединиться, и если мы видим в этом грех, то вы, смиренный патриарх, со всем освященным собором грех этот на себя возьмете. Отвечаем: всякий свои грехи сам несет; если же вы убеждены, что по своему смирению и святительству можете брать на себя чужие грехи, то сделайте милость, возьмите на себя грехи царевны Ирины Михайловны и позвольте ей вступить с нами в брак». Весь апрель прошел в увещаниях. По датским известиям, бояре говорили королевичу: быть может, он думает, что царевна Ирина не хороша лицом; так был бы покоен, будет доволен ее красотою; также пусть не думает, что царевна Ирина, подобно другим женщинам московским, любит напиваться допьяна; она девица умная и скромная, во всю жизнь свою ни разу не была пьяна. 7 мая послы требовали решительно отпуска и назначили день, в который они хотят быть у руки царской на прощанье; требовали, чтоб и королевич был отпущен вместе с ними. Государь отвечал, что такое требование написано непригоже, как бы с указом; так полномочным послам к великим государям писать не годится; что же касается до королевича, то они сами, послы, по королевскому приказу подвели его к нему, государю, и отдали его во всю его государскую волю, и потому отпуску ему с ними не будет, а как время дойдет, то государь велит отпустить к королю Христиану послов его одних. Ответ оканчивался так: «А что

станете делать мимо нашего государского веленья своим упрямством и какое вам в том бесчестье или дурно сделается, и то вам и вашим людям будет от себя, а без отпуску послы не ездят».

9 мая в третьем часу ночи со двора королевича вышло человек пятнадцать его людей пеших, подошли к стрелецкому сотнику, стоявшему на карауле, и начали просить, чтоб он отпустил с ними стрельцов, а они идут за Белый город за Тверские ворота: сотник послал сказать об этом голове, голова отказал, и тогда немцы начали стрельцов колоть шпагами и многих переранили. Того же числа к стрельцам, стоявшим на карауле у Тверских ворот, подъехали на лошадях и пришли пешком немцы человек с тридцать, хотели силою проломиться в ворота, караульные не пускали их, тогда немцы стали в них стрелять из пистолетов, шпагами колоть и ворота ломать; на крик караульных прибежали другие стрельцы и заставили немцев бежать от ворот. Один из немцев был взят в плен; но когда стрельцы привели его в Кремль и поровнялись с собором Николы Гостунского, то от королевичева двора прибежали пешие немцы и начали стрельцов колоть шпагами, одного убили досмерти, шесть человек ранили и немца у них отбили. 11 числа был у королевича Петр Марселис и говорил: «Вчерашнюю ночь учинилось дурное дело; жаль, потому что от такого дела добра не бывает». Королевич отвечал: «Мне всех людей не в узде держать, а скучают они оттого, что здесь без пути живут; я был бы рад, чтоб им всем и мне шеи переломали». Марселис: «Вам бы подождать и лиха никакого не мыслить, которые люди на дурное наговаривают, тех бы не слушать; а кто так сделал, сделал дурно». Королевич: «Хорошо тебе разговаривать! Ты дома живешь, у тебя так сердце не болит, как у меня; хотят послов отпустить, а меня царское величество отпустить не хочет». Когда Марселис уходил от Вальдемара, то встретил его чашник королевичев, отвел в сад и сказал: «Слышал ли ты, какое несчастье вчерашнюю ночь сделалось? Хотел королевич из Москвы уехать сам и у Тверских ворот был; а знали про это дело только я да комнатный дворянин, послы про то не знали; королевич взял с собою запоны дорогие да золотых, сколько ему было надобно. В Тверские ворота их не пропустили; хотели они от Тверских ворот воротиться назад и пытаться в другие ворота, но стрельцы королевича и дворянина поймали, у королевича шпагу оторвали, били его палками и держали лошадь за узду, тогда королевич вынул нож, узду отрезал и от стрельцов ушел, потому что лошадь под ним была ученая, слушается его и без узды. Приехавши на двор, королевич сказал мне, что мысль не удалась, комнатного его дворянина стрельцы ухватили, но он не хочет его выдать. Ска-

завши это, королевич взял шпагу да скороходов человек с десять, выбежал из двора и, увидав, что стрельцы ведут дворянина, бросился на них, убил того стрельца, который вел дворянина, и, выручив последнего, возвратился домой». Марселис, выслушавши чашника, пошел опять к королевичу и начал ему говорить, что он это сделал не гораздо; если б ему удалось уйти из Москвы, то он, Марселис, погиб бы от царской опалы, стали бы подозревать, что он знал о побеге. Королевич отвечал: «Большой был бы я дурак, если б об этом деле сказал тебе или другому кому, кроме тех, кого с собой взял». Марселис: «Что-то подумает царское величество, когда узнает, что вы такое дело дерзостно учинили?» Королевич: «Я царскому величеству приказывал, что хочу это сделать и, кто меня станет держать и не пропускать, того убью. И вперед буду о том думать, как бы из Москвы уйти, а если мне это не удастся, то есть у меня иная статья». Из последних слов Марселис заключил, что не хочет ли королевич над собою чего-нибудь сделать, не опился бы смертоносным зельем, и, слыша про такое дело, Марселис не смел царскому величеству не известить, чтоб вперед от него в гневе не быть. 12 числа сам королевич объявил боярину князю Сицкому, что он хотел уехать за Тверские ворота и убил стрельца. Царь, услыхавши об этом признании, послал сказать послам королевским, что и простым людям такого дела делать не годится и слышать про него непригоже, а ему, царю, слышать про это стыдно, и королю Христиану такое дело не честно. Послы отвечали, что у них с королевичем было улажено ехать из Москвы явно, днем, всем вместе, и если бы что случилось, то не от них, а от напрасного задержанья. Если же королевич поехал один, ночью, тайком, то им до него дела нет.

13 мая королевич прислал царю новую просьбу об отпуске, клянясь, что никогда не переменит веры и, следовательно, жить ему больше незачем. Царь отвечал ему выговором, что он, Вальдемар, за такую его любовь и ласку отплатил таким непригожим делом, о котором скоро будет толк у бояр с послами королевскими. Королевич отвечал, что вина этого дела на тех, которые без всякой причины насильство чинят, и повторял просьбу об отпуске. Призвали послов королевских и требовали, чтоб они вместе с королевичем дали письмо за своими руками и печатями и поцеловали крест, что дело о браке королевича с обеих сторон полагается на суд божий и вперед царю с королем быть в крепкой братской дружбе и любви, и в ссылке навеки неподвижно, после чего королевич и послы будут отпущены в Данию; вечному же докончанию быть по договору царя Иоанна с королем Фридрихом. Послы отвечали: «Если главное дело, свадьба королевича, стало, то нам никакого другого

дела делать и закреплять мимо королевского наказа нельзя, хотя бы нам пришлось и десять лет еще прожить в Москве». После этого на несколько просьб об отпуске дан был ответ, что нельзя отпустить без обсылки с королем Христианом, «и когда король отпишет, то мы, великий государь, выразумев из его грамоты, с вами и делать станем, как о том время покажет». Королевич писал, что соседние государи, польский и шведский, принимают участие в его беде, не будут равнодушно смотреть на его плен; ему отвечали: «Мы, великий государь, над вами с приезда до сих пор ведем честь государственную большую, и вам непригоже было писать, будто вы в плену находитесь, мы отпускать вас никогда не обещались, потому что отец ваш прислал вас к нам во всем в нашу государскую волю, и вам, не соверша великоначатого дела, как ехать?»

Прошел май, июнь, половина июля в бесполезных просьбах королевича и послов об отпуске, в бесполезных ежедневных увещаниях королевичу креститься в православную христианскую веру, в бесполезных спорах о вере придворного проповедника королевича с русскими и греческими духовными. 19 июля вяземский воевода, князь Пронский, прислал в Москву священника Григория из села Большого Покровского. Священник этот объявил следующее: 15 июля приехал из-за рубежа в село Большево сын его с двумя беглыми людьми, Тропом и Белоусом; эти Троп и Белоус сказали ему, попу Григорью, что были они в Смоленске и сведали про государево дело: пришли из Москвы от королевича датского смолянин Андрей Босицкий (или Басистой) сам-друг с Михайлом Ивановым и принесли грамоты. Басистов по дружбе прочитал грамоты им, Тропу и Белоусу; в грамотах писано к воеводе смоленскому о том, можно ли Андрею Басистову верить, что он датского королевича из Москвы проведет в Литовскую землю проселочными дорогами. При них, Тропе и Белоусе, в Смоленске допрашивали мещан лучших людей, мещане воеводе сказали и сказку про Басистого за руками дали, что ему верить можно, и смоленский воевода писал датскому королевичу в Москву, чтоб он Басистову верил. Получивши это известие от вяземского воеводы, в Москве велели попу Григорию опознавать Андрея Басистова тайным образом, а для того, чтобы Басистов не узнал попа, последнему убавили бороды и выстригли усы с обеих сторон. 31 июля поп Григорий поймал Басистова и привел в Посольский приказ. Государь велел тотчас же боярину Федору Ивановичу Шереметеву и думному дьяку Львову Басистова расспрашивать и пытать и на очные ставки с попом Григорьем, с Тропом и Белоусом ставить, чтоб про такое великое воровское дело сыскать допряма. На житном дворе Басистова расспрашивали и пытали: родом сказался он из Вильны, служил козачью службу, а теперь живет в Смоленске и торгует с

мещанами; приехал в Москву для своей бедности с табаком, а не для того, чтоб королевича вывести; хотел он вывести ловчего королевича, который посулил ему за это 50 рублей, но солгал, денег не дал, а про королевича он ни от кого и слова не слыхал, и в уме у него того не было, в том его поклепали напрасно. Дали ему две встряски жестокие и пять ударов — повинился: хотел вывесть королевича из Москвы в Смоленск вместе с смольнянином Максимом Власовым, который приехал в Москву уже давно и торгует табаком; уговаривался он вывести королевича с ловчим, сулил ему за это ловчий сто рублей, самого же королевича он никогда не видал; ждал он королевича недели с три и больше, и ловчий ему отказал, что королевичу выехать из города нельзя. Про табак Басистов сказал, что привез в Москву восемь пудов табаку, пуд продал товарищам своим, двоим братьям смольнянам, взял пять рублей, а стоят они теперь на поле с версту или с две от Москвы; два пуда табаку у него украли, а пять пудов спрятал на Ходынке в лесу, закопал в землю. Сейчас же отправили стрельцов схватить литву с табаком, и стрельцы привели пять человек — смольнянина Максима Власова, товарища Басистова, и четверых дорогобужан, прятались они с табаком в гумнах против Бутырок, в деревне князя Репнина. Власов с пытки сказал, что слышал от Басистова о выводе королевича из Москвы, но сам в той думе не был. После этого Басистова снова допрашивали: «Смоленский воевода Мадалинский что с ним приказывал и король с панами радными про то знают ли?» Басистов отвечал: «Мадалинский мне приказывал, чтоб я всей Речи Посполитой сделал добро — королевича в Литву проводил, чтоб вперед из-за королевича литовским гонцам в Москву не ездить через их имения и убытка королевской казне и им не делать, а король и паны радные о том не знают». Потом Басистов признался, что с ловчим королевичевым свел его немец Захар, стекляничный мастер, да зять его Данила.

До конца ноября не произошло ничего особенного. 29 числа этого месяца датские послы были у государя и подали присланные к ним королевские грамоты: король Христиан требовал, чтоб царь исполнил все то, в чем обязался по договору, заключенному Петром Марселисом, в противном же случае чтоб отпустил с честию королевича и послов. 29 декабря сам царь лично объявил королевичу, что ему без перекрещенья жениться на царевне Ирине нельзя и отпустить его в Данию также нельзя, потому что король Христиан отдал его ему, царю, в сыновья. Королевич отвечал на это письменно 9 января 1645 года: «Бьем челом, чтоб ваше царское величество долее нас не задерживали: мы самовластного государя сын, и наши люди все вольные люди, а не холопи; ваше царское величество никак не скажете, что вам нас и наших людей,

как холопей, можно силою задержать. Если же ваше царское величество, имеете такую неподобную мысль, то мы говорим свободно и прямо, что легко от этого произойти несчастию, и тогда вашему царскому величеству какая будет честь предо всею вселенною? Нас здесь немного, мы вам грозить не можем силою, но говорим одно: про ваше царское величество у всех людей может быть заочная речь, что вы против договора и всякого права сделали то, что турки и татары только для доброго имени опасаются делать; мы вам даем явственно разуметь, что если вы задержите нас насильно, то мы будем стараться сами получить себе свободу, хотя бы пришлось при этом и живот свой положить». Получивши такое письмо, царь велел сказать датским послам, чтоб они королевича унимали, чтоб он мысль свою молодую и хотенье отложил; если же по его мысли учинится ему какая-нибудь беда, то это будет ему не от государя и не от государевых людей, а самому от себя. Послы отвечали: «Думает королевич обо всем этом с своим домом, с своими ближними людьми, а не с нами».

Вступился в дело польский посол Стемпковский; начал уговаривать Вальдемара исполнить царскую волю, стращая, что в противном случае царь может соединиться с Швециею против Дании, заточит его, королевича, в дальние страны. Вальдемар отвечал Стемпковскому письменно: «Могу уступить только в следующих статьях: 1) пусть дети мои будут крещены по греческому обычаю; 2) буду стараться посты содержать, сколько мне возможно, без повреждения здоровью моему; 3) буду сообразоваться с желанием государя в платье и во всем другом, что не противно совести, договору и вере. Больше ничего не уступлю. Великий князь грози сколько хочет — пусть громом и молниею меня изведет, пусть сошлет меня на конечный рубеж своего царства, где я жизнь свою с плачем скончаю, и тут от веры своей не отрекусь, хотя он меня распни и умертви, я лучше хочу с неосквернною совестью честною смертью умереть, чем жить с злою совестью. Бога избавителя своего в судьи призываю. А что королю, отцу моему, будет плохо, когда великий князь станет помогать шведам против него, то до этого мне дела нет, да и не думаю, чтобы королевство Датское и Норвежское не могли справиться без русской помощи. Эти королевства существовали прежде, чем Московское государство началось, и стоят еще крепко. Я готов ко всему; пусть делают со мною, что хотят, только пусть делают поскорее».

25 июня Петр Марселис известил, что королевич Вальдемар с 24 числа заболел болезнью сердечною, сердце щемит и болит, что скушает пищи или чего изопьет, то сейчас назад, и если скорой помощи не подать, то может быть удар или огневая болезнь и королевич может умереть. Но 26 числа постельный сторож на королевичеве дворе Мина Алексеев сказал,

что 25 числа королевич кушал в саду; маршалок, чашник, дворяне и ближние люди при нем были все веселы, ели и пили по-прежнему; после ужина королевич гулял в саду долго, а маршалок звал к себе в хоромы чашника, дворян и ближних людей всех, потчевал их, пили вино и романею, и рейнское и иное питье до второго часа ночи; были все пьяны, играли в цымбалы, и доктора он, Мина, сегодня у королевича на дворе не видал.

В то время, как тянулось в Москве это тяжелое для царя дело с королевичем, дурные вести, вести о самозванцах, приходили из Турции, из Польши. В октябре 1644 года греческий архимандрит Амфилохий прислал грамоту из Царя-града, в которой извещал, что в августе месяце двое турок приехали в Константинополь с грамотою к султану, написанною по-русски, и требовали переводчика; им указали Амфилохия; но тот, взявши у них грамоту и взглянувши на ее содержание, ушел с нею в Бруссу и потом переслал ее в Москву. Грамота эта, написанная по-малороссийски, заключала в себе следующее: «Милостивый и вельможный царь! Смилуйся надо мною, бедным невольником! Ты мне отец и мать, потому что не к кому мне прибегнуть другому. Когда я шел из земли Персидской в Польскую, то встретились мне твои люди, казну у меня взяли, самого меня схватили, к тебе не везут, а запродали жидам. Если ты надо мною смилуешься, то будешь отцом и матерью мне грешному и бедному невольнику, московскому царевичу; если же по милосердию твоему овладею землею Московскою, то будет она мне пополам с тобою». Подписано: «Князь Иван Дмитриевич, Московской земле царевич, рука власная». Но еще прежде пришли вести из Польши о двух других самозванцах.

В 1643 году отправлены были в Польшу полномочные послы, боярин князь Алексей Михайлович Львов, думный дворянин Григорий Пушкин и дьяк Волошенинов, по старым делам — о титуле и размежевании путивльских земель. Им даны были два наказа — явный и тайный. В первом между прочим говорилось: если паны будут говорить, что приезжали в московские города для торговли литовские купцы, дорогобужане, посадские люди три человека, и их схватили, отослали в Казань, пытали, в тюрьме держали долго, потом именье у них отняли и выбили за рубеж, — то отвечать: «Пойманы эти купцы в Казанском уезде на реке Волге с заповедным товаром, табаком, везли они табаку в понизовые города пудов с 15, сперва ехали из Дорогобужа мимо Вязьмы воровством, тайно, и Москву объезжали, пронимаясь в Оку реку, а из Оки в Волгу, и ехали проселочными дорогами, сказывались торговыми людьми, москвичами, крестьянами князя Черкасского и других бояр, табак в селах и деревнях всяким людям продавали, и за то довелись они смертной казни; но

государь для короля их пожаловал, казнить не велел, велел учинить наказанье небольшое и отпустить в Дорогобуж, а именья у них никакого не брали. После того приезжали в Нижегородский уезд и на Балахну тайно же шесть человек поляков, привезли с собою шесть возов табаку и продавали, а с остальным табаком пойманы, табаку у них взято пудов с 6, а сами высланы в Москву, но на дороге они убили досмерти троих провожатых и пропали без вести». О черкасах велено сказать прежнее, что в мирном договоре не условлено перебежчиков выдавать; черкасы в царского величества стороне побыли немногое время, много бед наделали и опять в королевскую сторону отошли.

В тайном же наказе велено было сказать панам: «Великому государю стало подлинно известно, что в 1639 году в январе пришел из черкас в Польшу в Самборщину к попу вор лет 30 или немного больше и стал у попа жить в работниках, и жил с неделю; поп увидал у него на спине герб, а порусски пятно, и отвел его в монастырь к архимандриту, архимандрит же отвел его к подскарбию коронному Даниловичу; подскарбий пятно осматривал и вора допрашивал, вор назывался князем Семеном Васильевичем Шуйским, сыном царя Василия Ивановича, и в доказательство, что он царский сын, — пятно у него на спине; взяли его в плен черкасы в то время, как царя Василия из Москвы повезли в Литву, и с тех пор жил он у черкас. Подскарбий держал его у себя и сказывал про него и про его признаки шляхте и всяких чинов людям; шляхта и вся Речь Посполитая приказали подскарбию его беречь, на корм и на платье приказали ему давать из скарбу; подскарбий отослал вора в монастырь для наученья русской грамоте и языку, и теперь тот вор в Польше. Да государь же ваш Владислав король больше 15 лет держит в Бресте Литовском в иезуитском монастыре вора, которому лет 30, на спине у него между плечами также герб, и сказывается Расстригин сын». Если паны скажут, что вор, который назывался Шуйским, уехал к волохам, а волошский государь прислал его голову в Москву, то отвечать: «Неправда, царскому величеству известно, что вор у них в Польше, и они велели бы его сыскать и им, послам, отдали или казнили бы смертию».

Дела о титуле и рубежах были покончены: уговорились в порубежных ссылках писать именованье обоих государей на коротких титулах без вычисления городов; касательно межевого дела: два спорные города — Гадич и Сарский — отошли к Польше, за это поляки уступили Москве Трубчевск с уездом и волостями, село Крупец в уезде Новгорода Северского и другие села и деревни по левой стороне реки Клевени, которые вдались в Путивльский уезд; уступлены были также Москве городище Недригайловское, Городецкое, Каменное,

Ахтырское и Ольшанское; селу Олешковичам с деревнями положено быть в Комарицкой волости. Но исполнение тайного наказа встретило неодолимые затруднения: паны объявили с самого начала, что ни королю, ни им ничего о самозванцах неизвестно, но что король послал об них сыскивать. Через несколько времени объявили, что сыскано: «Действительно, приходил к подскарбию Даниловичу человек и сказывал про себя, что зовут его князем Семеном Васильевым Шуйским, но подскарбий, зная, что этот вор влыгается в государского сына, велел его бить постромками и от себя его сбил, а куда после того вор этот делся, мы решительно не знаем. О другом же воре пан Осинский нам сказал, что у него такой человек есть и живет у него в писарях, этого человека в шутку называют царевичем московским, а он, слыша про себя такие речи, хочет постричься, сам же он себя царевичем никогда не называет, королевское величество и мы, паны радные, такого баломута за царевича не держим; если бы мы его считали царевичем, то мы бы его не допустили жить у Осинского в писарях и ему служить». Послы отвечали: «Сильно нас удив ляет, что вы, паны радные, отринув божий страх и людской стыд, забыв посольский договор, вора укрываете. Нам подлинно известно, что по сеймовому уложенью этому вору из королевской казны корм и жалованье давать велено; и теперь, как мы ехали в дороге, в Бресте Литовском наши люди этого вора видели: он не только что называется государским сыном, но и во всех своих письмах пишется царевичем московским, писем его руки у нас много есть». Паны отвечали, что за самозванцем послано и он будет поставлен перед послами. Король в это время переехал из Кракова в Варшаву, послы отправились за ним и тут опять напомнили панам о ворах, прибавив, что в Кракове к ним приходили королевские дворяне и говорили: «Если у вас, послов, с панами радными в государственных делах соглашения не будет, то у нас Дмитриевич готов с запорожскими черкасами на войну». Приехал к послам коронный канцлер Оссолинский и говорил: «Паны радные по вашим речам королевскому величеству били челом, чтоб выдал вам мужика, который называется царевичем; король нам сказал: для братской дружбы и любви великого государя московского он не постоял бы и не за такого мужика, если бы что не к добру и не к славе великого государя видел, но мужик этот не виноват ни в каком зле и не царевич, он из Подляшья, простого отца сын, а вскормил его поляк Белинский и назвал царевичем, Дмитриевым сыном, будто бы родился от Марины Мнишек; хотел он, Белинский, выслужиться и ставил его перед королем Сигизмундом, король Сигизмунд велел его отослать к Александру Гонсевскому, а Гонсевский дал его учить грамоте и велел его во всем покоить для причины, умышляя над Московским госу-

дарством, потому что между обоими государствами была тогда война, а как вечное докончание учинилось, то этого мужика ни во что поставили и царевичем его не называют, скитается он без приюта, служит у шляхты, где бы только ему сыту быть, а об Московском государстве и не думает, родом он поляк, а не русский, и хочет быть ксендзом поскорее; а выдать его вам не за что и непристойно; король и мы, паны радные, дадим вам в том на себя запись, какую хотите, а неповинного человека по нашему праву выдать вам непристойно: перед богом грех и перед людьми стыдно; теперь этот мужик приведен в Варшаву, и король велел его для допроса поставить перед вами». Послы отвечали: «Нам в великое подивленье, что такое непригожее и злое дело со стороны вашего государя начинается, и если король и вы, паны-рада, этого вора нам не отдадите, то нам с вами никаких дел кончать нельзя». Самозванец объявил в допросе, что он не царевич и царевичем себя не называет, а зовут его Иваном Дмитриевым Лубою; отец его, Дмитрий Луба, был шляхтич в Подляшье, вместе с маленьким сыном пошел в Москву при войске в Смутное время и был там убит; сироту взял Белинский и привез в Польшу, выдавая его за сына Лжедимитрия и Марины, которого будто бы сама мать отдала ему, Белинскому, на сохранение. Когда мальчик вырос, то Белинский по совету остальной шляхты объявил об нем королю и панам радным на сейме. Сигизмунд и паны отдали мальчика на сбережение Льву Сапеге, назначив ему по 6000 золотых на содержание, а Сапега отдал его в Бресте Литовском в Семеновский монастырь игумену Афанасию учиться по-русски, по-польски и по-латыни, и мальчик пробыл у игумена семь лет. После, во время мира с Москвою, жалованье Лубе уменьшили до ста золотых в год, а когда заключено было с Москвою вечное докончание, то об нем совсем забыли. Несчастный Луба обратился с вопросом к Белинскому: чей же он подлинно сын и по какой причине называли его царевичем московским? Белинский отвечал, что он сын шляхтича Лубы, а называли его царевичем московским для *всякой причины,* потому: как на Москве Маринина сына хотели повесить, то он, Белинский, хотел вместо Маринина сына на повешенье дать его, Лубу, а Маринина сына хотел выкрасть; но на другой же день Маринина сына повесили, выкрасть его было нельзя, и потому вместо Маринина сына называли его царевичем.

Послы на это объявление сказали панам: «Вор говорит, что царевичем себя не называет, но он говорит неправду, избывая своего воровства; у нас есть письма собственной его руки, где он себя пишет царевичем». При этом послы показали панам письмо, которое дал им в Кракове брестский игумен Афанасий, воспитатель Лубы; канцлер Оссолинский показал письмо Лубе, и тот объявил, что это его рука. Канцлер,

прочтя письмо, сказал: «Здесь этот детина приписал своею рукою имя свое — Иван Фаустин Дмитрович, а царевичем себя не называл». Послы отвечали: «В этой грамотке написано, что у царевича на обеде писано в его царевичевом жилище; ваши, панов радных, неправда и умышленье явны: что и написано, и то укрываете; ваше умышленье по всему видеть можно и неправды ваши явно вас обличают, а этому вору и безымянному без королевского повеленья и без ведома вашего, панов радных, и всей Речи Посполитой, как было посметь называться и писаться таким высоким званием, царевичем?» Паны говорили: «Если б ему писаться и называться царевичем московским, то он бы писался не латинским именем; а что написано в жилище царевичеве или на обеде, то часто бывает, что урочища, места и веси называются: *царево или королево*». *Послы:* «Стыдно вам это говорить, такого вора укрывать и за него стоять». *Паны:* «Мы за ним никакого воровства не знаем, зла Московскому государству не умышляем, царевичем его не признаем, а отдать его вам никак нельзя, потому что он польского народа шляхтич». Послы повторяли прежнее; паны говорили, что они на сейме подтвердят и в конституции напечатают, что вперед от Лубы и ни от кого другого под Московское государство подыскиванья не будет. Послы отвечали на это: «Хотя от того вора в Польше и Литве заводу и не будет, но он для воровства куда-нибудь отъедет и приберет к себе воров черкас своевольников или в иное государство отъедет и смуту учинит; тогда на ком будет взять?» Паны отвечали: «Мы дадим укрепленье за своими руками и печатями, что ничего этого не будет». *Послы:* «Этому верить нельзя, потому что и теперь этот воровской умысел объявляется: когда мы были в Кракове, то приходили королевские дворяне и говорили: если у вас с панами сделки не будет, то у нас на Московское государство Дмитрович с черкасами готов; воровской завод и умышленье тут означились явно». *Паны:* «Король велел своим дворянам за такие речи по сыску наказанье учинить». Послы повторяли свое; паны говорили с большим шумом и после многих споров и разговоров отказали впрямь, что им мимо своих прав шляхтича отнюдь выдать нельзя.

На следующем свидании паны сказали: «Вы нам говорили, будто у Лубы на спине между плечами воровское пятно; если у него такой знак есть, что он царский сын, то мы за него не постоим, отдадим его вам». *Послы:* «Есть ли у этого вора пятно или нет, мы не знаем, мы слышали об этом от многих ваших людей». *Паны:* «У него на спине никакого пятна нет и не бывало». *Послы:* «Хотя пятна и нет, однако он называется царевичем, и за это вам надобно казнить его смертию». *Паны:* «Бог видит, что этот шляхтич царевичем московским себя не называл; убей нас бог душою и телом, если мы

неправду говорим». *Послы:* «Нам это сомнительно и вы бы этого вора велели казнить смертию или послали его к нашему государю с королевским дворянином». Наконец решили, что послы отправят в Москву гонца за указом; при этом паны говорили, чтоб послы написали своему государю о невинности Лубы, который будет поставлен в ксендзы, и за ним будут наблюдать. Послы отвечали: «Нам этого сделать нельзя потому: хотя он будет и в духовном чине, но если его теперь нам не отдадите, то ему, и в ксендзах будучи, воровать можно: Гришка Отрепьев также был пострижен; только теперь такие воры царскому величеству не страшны, никто им в Московском государстве не поверит, а мы вам напоминаем, что вору духовный чин не смиренье, кроме смерти, усмирить его нечем». Паны отвечали: «Король приказал этого Лубу сослать за приставом в крепкий город Мариенбург в башню, года на три или на четыре или на сколько государю вашему годно, и как он эти урочные годы отсидит и сделается ксендзом, то ему ничего дурного помыслить будет нельзя, и мы вам дадим укрепленье за руками и печатями». После этих разговоров приехал к послам референдарь Великого княжества Литовского с объявлением, что король посылает Лубу в Москву с своими великими послами, только чтобы государь казнить его не велел и отослал назад с теми же послами. Князь Львов потребовал от панов укрепленья за их руками и печатями, что король вора к царю с посланч своими непременно пришлет, а если вскоре не пришлет, то заключенный теперь договор не в приговор и межи не в межу. Укрепленье было дано, и послы отправились в Москву, где были очень довольны их поведением: князь Львов был пожалован дворечеством с путем, думный дворянин Пушкин — окольничеством, дьяк Волошенинов — думою.

В ноябре 1644 года приехал обещанный великий посол королевский Гаврила Стемпковский, каштелян брацлавский, с товарищами. Послы были помещены на дворах князей Пожарских — Петра и Ивана: здесь в двух палатах велено обить стены и лавки сукнами червчатыми, то же сделать в деревянной избе подле палат, да на стол дано сукно доброе. Стемпковский привез Лубу; король в грамоте своей просил царя отпустить несчастного шляхтича назад с Стемпковским же; но когда начались переговоры, то бояре объявили послу, чтоб он отдал вора царскому величеству, который велит об нем учинить по своему государскому рассмотренью. Посол отвечал, что шляхтича природного ему отдать нельзя, потому что от короля не приказано. Бояре донесли об этом ответе государю, и тот велел сказать Стемпковскому, что если Луба не будет отдан, то он, царь, боярам и думным своим людям ни о каких делах с ним, послом, говорить и его посольских речей слушать не велит. Посол не отдал и требовал, чтоб

позволено было послать гонца на сейм за наказом; государь согласился и отправил своего гонца к королю с грамотою, где писал, что поляки до сих пор не отдают Трубчевска и других уступленных ими мест и что великий посол Стемпковский не отдает Лубу, бьет челом, чтоб нам этого вора не казнить, но нам, великому государю, не приняв этого вора, ни жаловать, ни казнить некого; так вам бы велеть этого вора нам отдать, и как вы его отдать велите, то мы об нем по вашей грамоте и прошенью велим учинить по нашему государскому рассмотрению. Король отвечал, что немедленно посылает своих дворян для отдачи Трубчевска и прочих мест. «А про шляхетного Яна Фаустина Лубу объявляем, что это человек невинный, никакого лиха и никакой смуты не чинил и чинить не будет, но монашеского духовного чина желает, и не для того он при нашем после к вам послан, чтоб его выдать, а только для того, чтоб невинность его и ни к какой хитрости неспособность перед вашим царским величеством была обнаружена; вам, брату нашему, известно, что в наших великих государствах нельзя и не ведется природного шляхтича выдавать, а если окажется виноватым, то его тут же казнят; но на Лубе никакой вины не объявилось; и вам бы при великом после нашем этого Лубу поздорову отпустить, не задерживая». Гонец привез известие, что игумен, который объявил про вора, сидит в Варшаве в оковах: дожидаются, что сделают в Москве над Лубою.

Дело затянулось с лишком на полгода: решительного ничего не было. Пристав выговаривал Стемпковскому, что приехавшие с ним литовские купцы с вином и табаком ходят по улицам ввечеру поздно и по ночам пьяные, царского величества всяких людей бесчестят, бранят, саблями секут, шпагами колют. Посол в ответ просил, чтоб купцам позволено было торговать вином и табаком, потому что в договоре написано торговать всякими товарами. Пристав отвечал: «Стыдно такие товары товарами называть и в перемирных записях писать; литовские купцы сами знают, что по царскому указу за такие товары всяким людям чинят жестокое наказанье, носы режут, кнутом бьют без пощады и в тюрьмы сажают». Посол жаловался: «Хорошо было у нас царского величества послам, князю Львову с товарищами: сенаторы их почитали, к себе на пиры звали и дарили; жили они в Польше, как у родных братьев, на поле тешиться ездили и дома у себя тешились; а мне здесь, великому послу, только позор и бесчестье, живу взаперти, никуда выехать не пускают, людей моих не пускают на двор к королевичу датскому». Приставы отвечали, что царское величество болен, за болезнью мало из своих царских покоев выходит, а как его величеству бог даст облегченье, то думный дьяк станет ему докладывать о всех делах.

Но облегчения не было: неудача в устройстве судьбы дочери нанесла тяжелый удар мягкой природе царя Михаила, пораженного еще в 1649 году семейным несчастием: в течение трех месяцев он потерял двоих сыновей, царевича Ивана и Василия Михайловичей. В апреле 1645 года доктора — Венделин Сибелиста, Иоган Белоу и Артман Граман — смотрели воду и нашли, что желудок, печень, селезенка по причине накопившихся в них слизей лишены природной теплоты и от того понемногу кровь водянеет и холод бывает, от того же цынга и другие мокроты родятся. Начали лечить государя составным ренским вином, приправляя его разными травами и кореньями, чтоб производить небольшое очищение, предписали умеренность в пище и питье, запретили ужинать, пить холодные и кислые питья. Лекарство не помогло; 14 мая прописан другой чистительный состав; 26 мая доктора опять смотрели воду: оказалась бледна, потому что желудок, печень и селезенка бессильны от многого сиденья, от холодных напитков и от меланхолии, сиречь кручины, опять прописали пургацию, после которой давали составной сахар, велели мазать желудок бальзамом; 5 июня составили порошок от головной боли; 12 июля, в свои именины (Михаила Малеина), царь пошел к заутрени, но в церкви сделался с ним припадок, и его принесли уже в царские хоромы. К вечеру болезнь усилилась, он начал стонать, жалуясь, что внутренности его терзаются, велел призвать царицу и сына, шестнадцатилетнего Алексея Михайловича, с дядькою его Борисом Ивановичем Морозовым, и патриарха; простился с женою, благословил сына на царство, причем сказал Морозову: «Тебе, боярину нашему, приказываю сына и со слезами говорю: как нам ты служил и работал с великим веселием и радостию, оставя дом, имение и покой, пекся о его здоровье и научении страху божию и всякой премудрости, жил в нашем доме безотступно в терпении и беспокойстве тринадцать лет и соблюл его, как зеницу ока, так и теперь служи». Во втором часу ночи, почувствовав приближение смерти, Михаил исповедался, приобщился св. таин, после чего, в начале третьего часа ночи, скончался[10]. Кроме сына, Михаил оставил еще трех дочерей — Ирину, Анну и Татьяну.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В ЦАРСТВОВАНИЕ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА

Значение нового царя. — Следствия Смутного времени для вельможества московского. — Местничество. — Судьба Годуновых Шуйского, Трубецкого, Ляпуновых, Пожарского, Мининых, Гомилы Луговского, Грамотина. — Устройство военное. — Состояние городов; торговля и промышленность. — Состояние сельского народонаселения. — Распространение русских владений в северной Азии. — Состояние церкви — Законодательство. — Состояние правосудия. — Народное право. — Просвещение и литература. — Путешествие Олеария.

Смутное время окончилось избранием царя, и престол молодого Михаила был поддержан вследствие того, что люди Московского государства *наказались*, был поддержан вследствие стремления большинства, стремления земских людей восстановить наряд, нарушенный стремлениями меньшинства, восстановить все по-прежнему, как было при прежних великих государях. Понятно, что при таком стремлении большинства стремления слабого меньшинства к чему-нибудь другому не могли быть успешны. Есть известие, что бояре взяли с нового царя такую же запись, какую дал Шуйский, т. е., «не осудя истинным судом с боярами своими, никого смерти не предать и вместе с преступником не наказывать его родственников». Другое известие говорит, что Михаил обязался не казнить вельмож смертию, а наказывать только заточением Но судьба Шеина противоречит этому известию, а судьба родных Шеина противоречит и первому известию. Значит, если и была взята запись, то имела силу только в начале царствования. В 1625 году царь извешал воевод: «По нашему указу сделана наша печать новая, больше прежней, для того, что на прежней печати наше государское титло описано было несполна, а ныне прибавлено на печати в подписи: самодержец; а что у прежней нашей печати были промеж глав орловых слова, и ныне у новой печати слов нет, а над главами у орла корона». Касательно отношения бояр к царю и к осталь-

ным частям московского народонаселения в начале царствования Михаилова любопытно дело о бегстве знаменитого Федора Андронова и о поимке его. 14 марта 1613 года князь Федор Иванович Волконский, в доме которого содержался Андронов, дал знать боярам, что 13 числа ночью колодник от него ушел. Бояре тотчас разошлись ловить его, и Андронов был пойман крестьянами и козаками на Яузе за Калининым вражком, от Москвы за семь верст. Донося об этом происшествии царю, бояре пишут: «А казнить его (Андронова) дворяне, атаманы, козаки и всякие люди отговорили, потому что о его побеге писано во все города и теперь про того изменника пишем грамоты во все города, что его поймали, и про него бы во всех городах было ведомо и сомненья бы нигде не было; а как всем людям про того изменника объявим, и его, государь, вершат по его злодейским делам, как всяких чинов и черные люди об нем приговорят». Схвачен был московский торговый человек Григорий Фонарник, который бывал у Андронова во время его заточения и ездил по городам собирать для него деньги. Григорий объявил, что эти деньги Андронов велел к себе привезти на постриженье; через того же Григорья Андронов приказывал к князю Федору Волконскому, чтоб тот упросил бояр позволить ему постричься в Соловках. Князь Волконский отвечал, что это дело не его, в том волен бог да государь, да бояре, а когда он, Федька Андронов, Москву разорял, то в те поры постричься не хотел [11].

После этого ни в чем, ни в каких формах и выражениях мы не замечаем перемен в понятиях о значении великого государя: так, мы видим, что послы по-прежнему противополагают значение государя в Московском государстве значению, какое имели короли в Польше; соборы созываются очень часто царем Михаилом, ибо это явление было необходимо по тогдашнему состоянию общества: государственные средства были истощены в Смутное время; государство было очищено от врагов вследствие чрезвычайного напряжения сил народных, но это очищение не было окончательным, ибо ни внешние, ни внутренние враги не оставляли своих притязаний; напряжение сил поэтому должно было продолжаться: новый царь прямо требует этого, требует как исполнения обещания поддерживать престол, содействовать избранному царю в окончательном очищении и успокоении государства: так, по избрании своем Михаил не хочет идти в Москву до тех пор, пока собор исполнит свое обещание, прекратит разбои по дорогам и в городах. Но на этих частых соборах мы не видим также никакой перемены в отношениях земли к государю. Могущественное большинство, значит, смотрело по-прежнему на значение царя, и слабое меньшинство должно было сообразоваться с этим взглядом.

Меньшинство действительно было слабо. Наследственной аристократии, высшего сословия не было, были чины: бояре, окольничие, казначеи, думные дьяки, думные дворяне, стольники, стряпчие, дворяне, дети боярские. При отсутствии сословного интереса господствовал один интерес родовой, который в соединении с чиновным началом породил местничество. Все внимание чиновного человека сосредоточено было на том, чтобы при чиновном распорядке не унизить своего рода. Но понятно, что при таком стремлении поддерживать только достоинство своего рода не могло быть места для общих сословных интересов, ибо местничество предполагало постоянную вражду, постоянную родовую усобицу между чиновными людьми: какая тут связь, какие общие интересы между людьми, которые при первом назначении к царскому столу или береговой службе пересоривались между собою за то, что один не хотел быть ниже другого, ибо какой-то его родич когда-то был выше какого-то родича его соперника? Мы видели, что князь Иван Михайлович Воротынский, высчитывая по наказу неправды короля Сигизмунда, должен был сказать, что король посажал на важные места в московском управлении людей недостойных, худородных и в числе последних упомянул двоих князей: так, князь нечиновный в глазах князя чиновного был человек худородный.

В силу местничества на верху чиновной лестницы постоянно являлись одни и те же фамилии: «Бывали на нас опалы и при прежних царях, — говорит тот же Воротынский польским комиссарам, — но правительства у нас не отнимали». Действительно, и Грозный, заподозревая, *опаляясь* беспрестанно на вельмож своих, окружив себя опричниною, не отнял у бояр земского управления. Бояре, оставшиеся после Грозного, были, разумеется, не похожи даже на тех, которые пережили опалы Иоанна III и сына его Василия; у этих было еще в свежей памяти прежнее положение князей и дружины; они помнили, что еще Иоанн III обращался с ними не так круто, как сын его Василий, поведение которого поэтому представлялось чем-то новым, еще случайным, но поведение Грозного отняло последние надежды, сломило все притязания, всякое сопротивление. Иные, с иным духом вышли поэтому бояре из тяжелого испытания; но все еще у них оставалась старина: несмотря на опалы, правительства с них не снимали. Понятно, какое важное значение должны были приобресть фамилии, которые постоянно находились у правительственного дела, *всякую думу ведали,* как они сами выражались: при отсутствии просвещения подобная практика заменяла все; знание обычая, предания, при исключительном господстве обычая и предания, такое знание было верховною государственною мудростию, и люди, которые сами, которых отцы и деды думу ведали, казались нижестоящим, непосвя-

щенным, столпами государства, особенно же те из них, которые еще при этом отличались умом и деятельностью. Мы видели, как мелкочиновный по тогдашнему человек, стольник князь Дмитрий Михайлович Пожарский, говорил о великочиновном человеке, боярине князе Василии Васильевиче Голицыне: «Если бы теперь такой столп, как князь Василий Васильевич, то за него бы вся земля держалась и я бы при нем за такое великое дело не принялся». Почему же князь Голицын мог казаться так высок знаменитому воеводе-освободителю? Сам Голицын объясняет нам дело: «Нас из Думы не высылывали, мы всякую Думу ведали», — говорит он.

Но Голицын не возвратился из неволи литовской, брат его Андрей погиб, отстаивая честь Думы, осквернённой присутствием Федьки Андронова с товарищи; оба они сошли со сцены вследствие событий Смутного времени, которое имеет важное значение в судьбах древней московской знати. Такая буря не могла пройти без того, чтоб не растрясти многого; особенно сильно было потрясение, когда после гибели первого Лжедимитрия началась усобица между двумя царями — царем московским, Шуйским, и царем таборским, или тушинским, вторым самозванцем: последний, чтоб иметь средства бороться с Шуйским, чтоб иметь и двор, и думу, и войско, обратился к людям, которые не могли быть при дворе, в думе, в войске московского царя или по крайней мере не могли получить в них важного значения; тушинский самозванец и воеводы его восстановляли не одни самые низшие слои народонаселения против высших, предлагая первым места последних; сильное брожение поднялось во всех сферах: все, что только хотело какими бы то ни было средствами выдвинуться вперед, получить чины высшие, каких при обыкновенном порядке вещей получить было нельзя, все это бросилось в Тушино, начиная от князей, которые из стольников или окольничих хотели быть поскорее боярами, до людей из черни, которые хотели быть дьяками и думными дворянами, и все эти люди получили желаемое. После Клушинской битвы, уничтожившей окончательно средства Шуйского, бояре, чтоб не подчиниться холопскому царю, второму Лжедимитрию, провозгласили царем королевича польского, но тушинские выскочки уже прежде забежали к королю и, готовые на все, чтобы только удержать приобретенное в Тушине положение, присягнули самому королю вместо королевича, обязались хлопотать в Москве в пользу Сигизмунда, и вот бояре, которые готовы были на все, чтоб отделаться от ненавистного Тушина, с ужасом увидали, как тушинцы ворвались к ним в Думу под прикрытием поляка Гонсевского, как торговый мужик Федька Андронов засел вместе с Мстиславским и Воротынским. Это была уже смерть боярам, по их собственным словам, но делать было нечего, они были в плену у поляков; кто из них

поднимал голос, того сажали за приставов, как посадили Андрея Голицына и Воротынского. А между тем земля, обманутая королем, поднималась во имя православия; за неимением столпов земля должна была обратиться к людям незначительным, и вот опять пошли вперед малочиновные люди. Начальниками первого восстания были: Ляпунов, один из первых, который воспользовался Смутным временем, чтоб выдвинуться вперед, Ляпунов, враждебно относившийся к боярам и вообще отецким детям, а подле Ляпунова тушинские бояре, князь Трубецкой и козак Заруцкий. «Как таким людям, Трубецкому и Заруцкому, государством управлять? Они и своими делами управлять не могут», — писали бояре из Москвы по областям. Русские люди были согласны в этом с боярами, но никак не хотели согласиться в том, что надобно держаться Владислава, т. е. дожидаться, пока придет сам старый король в Москву с иезуитами, и выставили второе ополчение, главный воевода которого был член захудалого княжеского рода, малочиновный человек, стольник Пожарский, а подле него — мясник Минин.

Ополчение успело в своем деле; большинство, истомленное смутами, громко требовало, чтоб все было по-старому; старина была действительно восстановлена, но не вполне, ибо в народе историческом никакое событие не проходит бесследно, не подействовав на ту или другую часть общественного организма. В первенствующих фамилиях оказался недочет: Романовы перешли на престол, удалились Годуновы, исчезли Шуйские беспотомственно, за ними — Мстиславские, за теми — Воротынские, изгибли самые важные самые энергические из Голицыных, а при чиновном составе тогдашнего общества, при малочисленности фамилий, стоявших наверху и хранивших старые предания, исчезновение важнейших из этих фамилий имело решительное влияние. Так Смутное время доканчивало то дело, которое коренилось в первоначальных отношениях государственных органов при самом начале истории и ясно вскрылось в половине XV века, когда сложилось Московское государство. В это время княжеские и старые вельможеские роды, обступившие престол собирателя земли, государя всея Руси, не принесли с собою средств для поддержания своей самостоятельности Это не были богатые наследственные владельцы целых областей и городов, которые бы могли дать средства к жизни многочисленным подручникам, уделяя им земельные участки, содержа их на жалованье с зависимостию от себя. Князья от старинных княжеств своих принесли только родовые прозвания; отчины же их составлялись из прежней частной собственности князей, которая дробилась все более и более вследствие сильного расположения родов и отсутствия майората, умалялась вследствие обычая отдавать отчины в монастыри на помин

души Один только великий князь, государь всея Руси, имел в своем распоряжении огромное количество земли, раздавая которое в поместья, он мог создать себе многочисленное войско, вполне от него зависевшее. Умножение и поддержание этого войска, доставление ему возможности быть всегда готовым становится главным интересом государства, и мы видели, какое влияние имел этот интерес на земледельческое народонаселение в конце XVI века. Для служилых людей, для этой военной массы, для этого большинства, интерес поместья был интересом исключительным, и ему государство поспешило удовлетворить. У людей высших чинов были другие интересы, и после долгой и тяжелой борьбы, казалось, этим интересам их будет удовлетворение, когда Шуйский дал известную запись Но наступила Смута: поднялись козаки; бояре были заперты в Москве, а служилые люди, дворяне и дети боярские, действовали под предводительством своих, очистили государство, прогнали козаков Опять они на первом плане с своим исключительным интересом, интересом поместья, и с своим нерасположением к людям, которые, имея большие против них выгоды, имеют несоответственные выгодам обязанности и труды С этим интересом своим, который постоянно сталкивался с интересами людей сильных, богатых и вельможных, с этим соперничеством и нерасположением к ним служилые люди, разумеется, не могли сочувствовать их интересу, не могли поддерживать их стремления. Подле служилых людей в деле очищения государства стояли жители городов, но у этих опять были свои интересы: разгромленные в Смутное время, отбывши своих промыслишков, угнетаемые пятою деньгою, необходимою для окончательного восстановления государства, ведя постоянную борьбу с воеводами и губными старостами, защиту от которых находили в царской власти, не оставлявшей жалоб их без внимания, горожане нисколько не могли сочувствовать интересу тех чинов, к которым принадлежали их воеводы; надобно читать принадлежащее горожанину Псковское сказание о Смутном времени и о царствовании Михаила Феодоровича, чтоб узнать все нерасположение горожан к поступку бояр относительно записи, обеспечивавшей интерес боярский. Наконец, должно заметить, что личность царя Михаила как нельзя более способствовала укреплению его власти: мягкость, доброта и чистота этого государя производили на народ самое выгодное для верховной власти впечатление, самым выгодным образом представляли эту власть в глазах народа; известная доброта царя исключала мысль, чтобы какое-нибудь зло могло проистекать от него, и все, что не нравилось тому или другому, падало на ответственность лиц, посредствующих между верховною властию и народом: то же самое Псковское сказание, которое, конечно, нельзя заподозрить в официальной

лести, всего лучше выражает этот взгляд народа на царя Михаила.

Князь Федор Иванович Мстиславский в первое десятилетие царствования Михаилова по-прежнему занимал первое место в Думе, был именным представителем боярства, ибо по-прежнему писалось: «Бояре — князь Ф. И. Мстиславский с товарищи»; он умер в 1622 году; не способный, как мы видели, и прежде играть действительно первенствующую роль, князь Мстиславский, разумеется, не мог приобресть важного значения при Михаиле; энергия князя Воротынского ограничивалась, как видно, только протестом против унижения Мстиславских и Воротынских; он умер в 1627 году. И Дума и двор в первые годы царствования Михаилова находились в смутном положении, изобличали беспорядок, бывающий обыкновенно следствием сильных бурь: развалины старины, слабые, беспомощные, лишенные главных подпор своих, низвергнутых бурею; подле них нанесенный ураганом новый слой, также еще не утвердившийся крепко, не вошедший в свое положение. При таком неопределенном состоянии и при отсутствии твердой руки, которая бы все привела в порядок, каждому дала свое место, всего легче людям энергическим, ловким, дерзким и неразборчивым в средствах, овладеть волею других и приобресть видное место: таковы были в начале царствования Михаилова Салтыковы, подкрепляемые родственною связью с матерью царской; Филарет Никитич низвергнул их, и во время его правления они были в заточении *необратном*, но после смерти его немедленно возвращены с прежними чинами, а в 1641 году Михайла Михайлович получил боярство. Есть известие, что во время двоевластия особенно усилился князь Борис Александрович Репнин. Эта сила возбудила негодование в других боярах, к которым по смерти Филарета Никитича пристала и царица. Боярам удалось удалить Репнина из Москвы: его послали воеводою в Астрахань под предлогом утушения ногайского возмущения и во время отсутствия успели очернить перед царем [12]. Достоверно о князе Борисе Репнине нам известно только то, что он пожалован в бояре из стольников в январе 1640 года; в мае 1642 он был отправлен в Тверь искать золотой руды, а в апреле 1643, как мы видели, он действительно был отправлен в Астрахань по вестям об измене ногайских татар. Мы видели также [13], что при Годунове отец князя Бориса, Александр Репнин, с Федором Романовым и князем Иваном Сицким были между собою братья и великие друзья: поэтому неудивительно, что князь Борис, бывший, как видно, деятельнее и способнее старшего брата своего, князя Петра, мог приобресть большую силу в правление Филарета Никитича.

Родовой интерес с чиновным началом были по-прежнему на первом плане, и потому, чтоб понять тогдашние вельможе-

ские отношения, мы должны обратиться к их местническим спорам. В 1613 году на праздник Рождества богородицы были приглашены к царскому столу бояре: князь Ф. И. Мстиславский, Иван Никитич Романов и князь Борис Михайлович Лыков. Родной дядя царский, бесспорно, уступал место князю Мстиславскому, но Лыков не хотел уступить Романову и второго места и бил челом, что ему меньше Ивана Никитича быть невместно: государь на князя Бориса кручинился и говорил ему много раз, чтоб он у стола был, что под Иваном Никитичем быть ему можно, и Лыков на этот раз уступил убеждениям царя, но потом раскаялся в своей уступчивости: в апреле 1614 года, в Вербное воскресенье, опять были приглашены к царскому столу князь Мстиславский, Иван Никитич Романов и князь Лыков, и опять Лыков бил челом на Романова; государь напомнил ему, что прошлого года он сидел ниже Ивана Никитича; Лыков отвечал, что ему меньше Романова быть никак нельзя, лучше пусть государь велит казнить его смертью; а если государь укажет быть ему меньше Ивана Никитича по своему государеву родству, потому что ему, государю, Иван Никитич дядя, то он с Иваном Никитичем быть готов». Государь возражал, что ему, Лыкову, меньше Ивана Никитича можно быть по многим причинам, а не по родству, и он бы его, государя, не кручинил, садился под Иваном Никитичем; но Лыков не послушался, за стол не сел и уехал домой; два раза посылали за ним и все понапрасну, посланным был один ответ: «Готов ехать к казни, а меньше Ивана Никитича мне не бывать». Тогда государь велел его выдать головою Романову. Приехал посол персидский, назначили рынд на представлении посла царю; но рынды стали местничаться, вследствие чего один из них убежал из дворца и спрятался, другой сказался больным; царь долго дожидался — нет рынд! Наконец назначили князя Василия Ромодановского и к нему в товарищи привели Ивана Чепчюгова, который сказывался больным, но Чепчюгов бил челом, что ему с Ромодановским быть невместно. Тут вступился в дело князь Дмитрий Михайлович Пожарский по однородству с Ромодановскими и бил челом, что Чепчюгов весь род их обесчестил, будучи молодого отца сыном, дед его был татарским головою да и то по случаю, потому что был Щелкаловым свой и те его по свойству вынесли; государь велел Чепчюгова бить батогами и выдать головою князю Ромодановскому. С Чепчюговым, молодого отца сыном, легко было сладить Пожарскому, но иначе кончилось его собственное местническое дело с Салтыковыми. Пожаловал государь в бояре известного уже нам Бориса Михайловича Салтыкова, а у сказки велел стоять боярину князю Д. М. Пожарскому; Пожарский бил челом, что он Салтыкову боярство сказывать и меньше его быть не может; началось дело в присутствии

государя, и найдено, что родич Пожарского, князь Ромодановский, был товарищем с знаменитым Михайлою Глебовичем Салтыковым, а Михайла Глебович по родству меньше Бориса Михайловича Салтыкова; найдено, что Пушкины ровны Пожарскому и в то же время гораздо меньше Михайлы Глебовича Салтыкова. Когда читались все эти статьи, Пожарский молчал, говорить было нечего; государь потребовал от него, чтоб он сказал боярство Салтыкову, меньше которого быть ему можно, но Пожарский не послушался, съехал к себе на двор и сказался больным. Боярство сказал Салтыкову думный дьяк, а в разряде записали, что сказывал Пожарский, но Салтыков этим не удовольствовался, бил челом о бесчестье, и Пожарский был выдан ему головою. 10 июня 1618 года писал из Калуги к государю боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский, что он лежит болен и ожидает смерти час от часу; государь указал послать к нему с милостивым словом спросить о здоровье стольника Юрия Игнатьева Татищева, но Татищев стал бить челом, что ему к князю Пожарскому ехать невместно; ему отвечали, что ехать можно; но он государева указа не послушал, сбежал из дворца и у себя дома не оказался. Его высекли кнутом и послали к Пожарскому головою. В 1627 году государь указал быть у себя в рындах стольникам, князю Петру да князю Федору, детям князя Дмитрия Михайловича Пожарского, и с ними князю Федору и князю Петру Федоровичам Волконским. Волконские били челом, что они с Пожарскими быть готовы, но чтоб от того вперед их отечеству порухи не было, потому что на князя Дмитрия Михайловича Пожарского били челом Гаврила Пушкин и другие, которые им в версту. Государь велел им сказать, что они бьют челом не делом, быть им с Пожарскими можно всегда бесспорно, Гавриле Пушкину в челобитье на Пожарского отказано, а другим было наказанье; Волконские были в рындах, но князь Дмитрий Михайлович этим не удовольствовался, бил челом, что Волконские своим челобитьем сыновей его позорят, тогда как и прадедам Волконским с его детьми не сошлось. Государи приказали послать Волконских в тюрьму. В 1634 году Бориса Пушкина посадили в тюрьму за челобитье на Пожарского.

Был в это время в царской службе знатный выходец из Крыма, князь Юрий Еншеевич Сулешов; когда вместе с ним назначили рындою Ивана Петровича Шереметева, то последний бил челом, что «князь Сулешов иноземец, а в нашу версту до сих пор никто меньше его не бывал, и в том твоя государева воля, какова ты его государь ни учинишь, нам все равно, только бы нашему отечеству вперед порухи от того не было». Тут стали бить челом на Шереметева Бутурлин, Плещеев, князь Троекуров: «Бьет он челом на князя Сулешова, сказывает, будто в его версту с князем Юрием никто не бы-

вал, но мы прежде с князем Юрием бывали, а отечеством мы Ивана Шереметева ничем не хуже, и он нас этим бесчестит». Сулешов бил челом: «Не только Ивану Шереметеву, хотя бы кто и лучше его, то по вашей государской милости и по моему отечеству можно быть со мною: князя Петра Урусова царь Василий развел (сделал ровным) с князем Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйским, а наши родственники в Крыму гораздо честнее Урусовых, и то вам государям известно». Шереметев отвечал: «Князья Урусовы и Сулешовы крымские роды в Московском государстве, отечество их неведомо, кто кого больше или меньше, это в государевой воле; хочет он, государь, иноземца учинить у себя честным и великим, и учинит, а до сих пор никто в Шереметевых версту с князем Юрием не бывал». Государь велел сказать Шереметеву, что ему можно быть с Сулешовым *по иноземству*. Но и после этого местнические придирки не оставили Сулешова в покое: так, боярин князь Григорий Ромодановский бил челом, что ему меньше боярина князя Юрия Сулешова быть невместно потому: «Когда я в прошлом, 1615 году послан был на съезд с крымскими послами, то послом в то время был большой дядя князя Юрия Ахмет-паша Сулешов и приезжал он ко мне на съезд, и в государевом шатре у меня был». Государь и патриарх князю Григорию говорили: какие ему с Ахмет-пашою места? Ахмет-паша служит крымскому царю, а князь Юрий служит государю! Ромодановский успокоился. Окольничий Никита Васильевич Годунов бил челом, что ему меньше боярина Василия Петровича Морозова быть нельзя; государь приговорил Годунова послать в тюрьму за бесчестье Морозова; несмотря на то, Годунов возобновил челобитье и указал случай, что под Кромами племянник его, Иван Годунов, был выше Морозова; тогда весь род Морозовы и Салтыковы били челом, что никогда Годуновым с Морозовыми и Салтыковыми не сошлось, а что Годунов упрекает их племянником своим, то царю Борису была тогда воля, по свойству своих выносил, и говорить было против царя Бориса нельзя, ведомо и самому государю, каково было при царе Борисе: многих своею неправдою погубил и разослал. Годунова посадили в тюрьму и выдали головою Морозову. Но, выигравши перед Годуновыми, Морозов потерял перед знаменитым князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким, которому назначено было встречать Филарета Никитича ближе к Москве, чем Морозову; последний при этом объявил, что уступает Трубецкому потому только, что государь приказал всем быть без мест; но Трубецкой за это объявление стал его бранить и позорить перед боярами, называл страдником (мужиком); на это Морозов отвечал, что в 1597 году князь Иван Куракин бил челом о местах на большого брата Дмитриева, князя Юрия Трубецкого, и с ним не был, князь Юрий

Трубецкой теперь в измене, служит королю, а прежнее государево уложенье: которые бывали в делах и отъезжали, те у себя и у своего рода теряли многие места. Государи Михаил и Филарет, выслушав челобитье обоих бояр, Трубецкого и Морозова, приказали боярам поговорить об этом деле, и состоялся приговор: сказать Морозову, что он бил челом не делом, и посадить его в тюрьму; но государь для радостной встречи отца своего освободил Морозова от тюрьмы.

В 1623 году на свадьбе татарского царевича Михайлы Кайбуловича поссорились однородцы Бутурлины: Василий Клепик-Бутурлин бил челом, что ему велено быть на свадьбе в сидячих, а брату его, окольничему Федору Левонтьевичу Ворону-Бутурлину, — в посаженных отцах и ему в сидячих быть нельзя, потому что он по роду своему больше Федора многими местами; а Федор бил челом, что Василию можно быть меньше его: «В родстве они с нами, — говорил он, — разошлись далеко, служили по Новгороду и отечество свое истеряли; а деды его, Федоровы, родные, и дядя, и отец отечества своего нигде не истеряли, и на свою братью новгородцев этих бивали челом, чтоб ими не считаться; эти новгородцы бывали с их дедами и отцами в товарищах, бывали и в головах, а их отцы и деды знатны были, и во всех государевых чинах бывали, и в родословце описаны все по именам, а новгородцев этих почему знать: сколько их плодилось и кто у них большой и меньшой брат? И они их не знают, и как им считаться с ними по роду?» Государи, слушав выписки из разрядов и родословца, указали: по разрядам окольничего Федора Бутурлина оправить, а Василия Клепика да Ивана Матвеева Бутурлиных обвинить; а что по родословцу Василий да Иван пошли от большого брата и Федор от меньшого, то после родители Василья и Ивана потеряли многими потерками. На государевой свадьбе в 1624 году произошел спор между лицами познатнее. Чтоб избежать местничества, государь указал быть на своей радости без мест и для укрепленья велел подписать указ думным дьякам и приложить государеву печать. Несмотря на то, боярин князь Иван Васильевич Голицын объявил, что ему меньше бояр князей Ивана Ивановича Шуйского и Дмитрия Тимофеевича Трубецкого быть нельзя, и на свадьбу не поехал; на увещание царя и патриарха отвечал обычными словами: «Хотя вели государь казнить, а мне меньше Шуйского и Трубецкого быть никак нельзя». Государь объявил об этом боярам и те отвечали, что князь Иван Голицын сделал так изменою и по своей вине достоин всякого наказанья и разоренья. Вследствие этого приговора великие государи указали: у князя Ивана Голицына за его непослушанье и измену поместья и вотчины отписать, оставить за ним в Арзамасе одно вотчинное село, которое поменьше, а его с женою сослать в Пермь. В 1642 году

племянник этого Голицына, боярин князь Иван Андреевич, проиграл дело с князем Черкасским; думный дьяк сказал ему: «Был государь при иноземцах в золотой палате, и ты, князь Иван, в то время хотел сесть выше боярина князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского и называл его своим братом и тем его обесчестил: боярин князь Дмитрий Мамстрюкович — человек великий и честь их старая, при царе Иване Васильевиче дядя его, князь Михаил Темрюкович, был в великой чести, и бывали с ним многие». Голицына посадили в тюрьму. Мы видели, что князь Лыков за свой отказ быть с Черкасским должен был заплатить бесчестье последнему; Пожарский соглашался быть с Черкасским в младших воеводах бесспорно; но в 1633 году князья Куракин и Одоевский, назначенные в сход к Черкасскому, били челом, что они быть с Черкасским готовы, но если вперед кто-нибудь из равных или меньших им не захочет быть с ним в товарищах, то чтоб от этого им, Куракину и Одоевскому, и родичам их бесчестья и позору не было, причем Одоевский припомянул о деле Лыкова. Черкасский бил челом на Куракина и Одоевского, говорил, что Лыков бил челом, будто ему в одном полку с ним быть нельзя за тяжелым его нравом, а не за отечеством, да и за это недельное челобитье доправлено на князе Лыкове бесчестье 1200 рублей; а в отечестве князю Лыкову бить на него челом нельзя: при прежних государях с его, Черкасского, ближними родственниками бывали князь Шейдяков и другие многие большие роды, до которых и лучшим в их родах между Оболенскими, Куракиными и Одоевскими в отечестве многими местами недостало. Бояре приговорили Одоевского и Куракина посадить в тюрьму.

По-прежнему не было почти ни одного назначения на службу, при котором бы назначенные люди не били челом друг на друга; в 1624 году в Тулу были назначены воеводами князья Иван Голицын и Никифор Мещерский, и Голицын дал знать государю, что дворяне приходили к нему в съезжую избу с великим шумом, сотенные и подъездные списки перед ним пометали и сказали, что им в головах от него быть нельзя для товарища его князя Никифора Мещерского. В 1633 году послал государь в Стародуб к воеводе Бутурлину в товарищи воеводу Алябьева, да с ним велено быть дворянам московским, жильцам и дворовым людям; но дворяне и жильцы били челом государю на Алябьева, что у него в полку быть нельзя, потому что и последний дворянин и жилец ему, Алябьеву, в версту; тогда государь указал дворянам и жильцам быть с одним Бутурлиным, а с Алябьевым указал быть дворовым людям: подымочникам, сытникам, конюхам, кречетникам, сокольникам, охотникам и детям боярским царицына чина. Иногда дворянин бил челом, что ему нельзя быть в товарищах у такого-то по местническим счетам, а на

деле выходило, что под этим предлогом он только хотел отбыть от службы: так, в 1614 году Кикин бил челом на Михалкова, а потом признался, что ему до Михалковых в отечестве дела нет да и не сошлось, а бил он челом для того, что он человек бедный, подняться ему было в назначенную посылку нечем, и он думал, что его от этой посылки отставят. В 1618 году стольник Богдан Нагово растравил себе руку, чтоб не быть в рындах вместе с князем Прозоровским. Ревность к поддержанию родовой чести выводила иногда наружу удивительные дела: в 1621 году приехал в Москву с воеводства из Бежецкого Верха Максим Языков и подал в разряд послужные списки, как приходили к Бежецкому Верху черкасы, и в послужных списках написаны от него головы с сотнями: князь Андрей Мордкин, Давид Милюков, Алексей Ушаков; но Мордкин и Милюков подали челобитья, что все это Языков выдумал, они в головах у него не бывали, не сошлось им быть у такого в головах да и службу свою Языков ложно писал к государю: литовских людей он никогда не побивал и приступу к городу не бывало. По государеву указу обыскивали всем городом и нашли действительно, что Языков литовских людей никогда не побивал, приступу к городу не бывало и в головах у него князь Мордкин, Милюков и Ушаков не бывали; государь велел Языкова за воровство бить батогами нещадно да жалованья денежного убавить 25 рублей и поместного оклада полтораста четвертей, а за бесчестье Мордкина, Милюкова и Ушакова посадить в тюрьму на три дня. Явилась попытка подчинить родовым счетам не только назначение на места, но и повышение в чины: князь Федор Лыков бил челом на брата своего, боярина князя Бориса Михайловича Лыкова, «что меньшой мой брат, князь Борис, в боярах, а мне позорно быть в окольничих». Но государь челобитья его не послушал, велел ему быть в окольничих. Назначение женщин к разным торжествам придворным, на обеды к царице подавало повод также к местническим спорам, и женщинам приказывалось иногда быть без мест.

Наскучив беспрестанными спорами и челобитными при всяком назначении, даже и при назначении в рынды, велели было назначать туда из *меньших статей,* из людей неродословных, которым нельзя было считаться службою предков; но и тут не избежали челобитий: так, стряпчий Ларионов, назначенный в рынды вместе с другим стряпчим, Телепневым, бил челом, что его, Ларионова, отец был городовой сын боярский, а Телепнева отец был подьячий, и из подьячих дьяк, и потому государь бы пожаловал, велел сыскать. Ему отвечали, что ему пригоже быть с Телепневым, потому что отец последнего был у государя думный дьяк, а его, Ларионова, отец — рядовой дьяк, и что они оба люди неродословные, и счету им нет: где государь велит быть, тот там и будь. Несмотря на

то, Ларионов бил челом в другой раз; государь кручинился, велел его из стряпчих выкинуть и написать с города за то, что он государева указа не послушал; при этом думный дьяк говорил государевым словом, что государь для докуки и челобитья велел из меньших статей выбирать, к чему были и недостойны такие, но и те бьют челом! Но мало того, что неродословные считались с неродословными же, часто неродословные били челом на родословных, что особенно возбуждало негодование бояр, разбиравших местнические дела; при таких челобитьях родословные люди не хотели даже и судиться с неродословными: так, князья Ромодановские на суд не пошли с Левонтьевыми и сказали: «Нам с Левонтьевыми на суд идти неуместно, потому что они люди неродословные, молодые детишки боярские, а неродословным людям с нами, родословными людьми, никогда счета не бывает», и называли Ромодановские Левонтьевых коновалами. Когда в 1635 году Фустов бил челом на князя Борятинского на том основании, что дядя Фустова при царе Иване в немецких походах был больше одного из князей Борятинских, то думный дьяк сказал Фустову: «Ты бил челом не делом: Борятинские люди честные и родословные, а ты человек неродословный, хотя родственники твои и бывали в разрядах больше Борятинских, только быть тебе меньше Борятинских можно». В следующем году, по поводу челобитья Голенищева на князя же Борятинского, челобитчику было сказано, что ему можно быть с Борятинским, ибо Борятинские князья *нарочитые*. Когда тут же Мясной бил челом на Ржевского, то ему сказано: «Вы люди нарочитые, а Ржевские нарочитые родословные люди». Неродословным иногда больно доставалось за челобитье на родословных; в 1617 году Левонтьев бил челом на князя Гагарина, за что думный дьяк бил его по щекам. В 1620 году Чихачев бил челом на князя Шаховского; бояре приговорили челобитчика бить кнутом, но думный дьяк, знаменитый Томила Луговской, сказал боярам: «Долго этого ждать», да, взявши палку, стал бить Чихачева по спине и по ногам, а боярин Иван Никитич Романов другою палкою бил также по спине и по ногам, и оба приговаривали: «Не по делом бьешь челом, знай свою меру». Двоевластие подало также раз повод к местническому делу: князь Петр Репнин, посланный от патриарха Филарета потчевать персидского посла, бил челом, что князь Сицкий, посланный прежде потчевать посла от государя, хвалится, что он этим стал больше его, князя Репнина; государь велел сказать Репнину, что каков он, государь, таков же и отец его, государев, их государское величество нераздельно, тут мест нет, вперед бы он об этом деле не бил челом и их, великих государей, на гнев не воздвигнул. В 1621 году государи велели сказать боярам: «Посылаются в разные государства послы, посланники и гонцы из дворян

больших и городовых по разным государским делам, и те дворяне бьют челом государю, что им ехать невозможно, потому что прежде посылались в послах и посланниках их же братья дворяне, которые им в версту, а их посылают в посланниках, и в том себе ставят бесчестье и места; а прежде об этом не бивали челом и мест тут не бывало, потому что посылка послам, посланникам и гонцам бывает в разные государства по разным делам, и не вместе посылают и не за одним делом, часто случается быть дворянам в посланниках, потом в послах, а потом опять в посланниках или гонцах, смотря по делу; это челобитье дворяне вводят новое, для своей чести, а государеву делу чинят помешку; счет и челобитье дворянское прежде бывало в одном: кого с кем пошлют вместе на государеву службу». Бояре приговорили: вперед по таким делам ничьего челобитья не слушать.

Правительство по-прежнему продолжало принимать в службу и раздавать поместья, не обращая большого внимания на происхождение этих новых помещиков. Но городовые дворяне и дети боярские неохотно впускали в свою среду людей низкого происхождения. В 1639 году углицкие дворяне и дети боярские били челом на угличанина же сына боярского Ивана Шубинского: «Верстан тот Иван царским жалованьем, поместным окладом и денежным жалованьем; а потом, не служа государю и не по отчеству, написан он в нашем городе по дворовому списку; а роду их, Шубинских, в нашем городе в дворовом списке не бывал никто при прежних государях и при тебе, государе, а были Шубинские в нашем городе в денщиках, дядя же его, Ивашка, родной был в нашем городе в нарядчиках. Милосердый государь! вели его Ивана из дворового списка выписать, чтоб нам от него бесчестным не быть, потому что он пущен в список не по отечеству своему и не по службе». Те же угличане били челом на двоих из своей братьи, Бориса Моракушева и Богдана Третьякова: «Написались тот Борис, да Богдан по выбору, не за службу, в осаде под Смоленском не сидели и ранены не были; а мы, холопи твои, служим тебе государю лет по 30 и по 40, а ложно о выборе не бивали челом. Милосердый государь! вели их из выбору выписать, чтоб нам пред ними в позоре не быть».

Служба мечом считалась честнее службы пером, и потому для дворян было бесчестно служить в дьяках; дьяк Ларион Лопухин бил челом, что родители его служили искони в городах по выбору, а он до дьячества служил в житье (в жильцах), и потому просил отставить его от дьячества. Государь пожаловал: вперед ему в бесчестье, упрек и случай того, что он в дьяках, его братьи дворянам не ставить, взят он из дворян в дьяки по государеву именному указу, а не его хотеньем.

Как еще крепко было основание местничества, родовое единство, видно из следующей челобитной: «Царю государю

бьет челом холоп твой Степанка Милюков: указал ты, государь, на нас, холопах своих, на всем роде Милюковых взять князю Сонцеву-Засекину денег сто рублей за его рабу, а за Васькину жену Милюкова и за его Васькина сына, которого он с нею прижил. Те деньги сто рублей платил я один, занимая в кабалы, росты давал большие и одолжал великим долгом, а не платили тех денег: Матвей Иванов сын Старого Милюков, Андрей Клементьев сын Милюков, Иван Федоров сын Милюков, Давыд Михайлов сын Милюков, Андрей, Федор, Яков и Астафий, дети Ивана Михайлова Милюкова, Ермолай Назарьев сын Милюков, Мосей Емельянов сын Милюков, Сергей Ульянов сын Милюков; а по твоему государеву указу велено взять те деньги на всем роду, потому что о том Ваське били мы челом всем родом Милюковых, а не один я».

Благодаря местническим делам и служебным назначениям, записанным в разрядах, мы можем знать сколько-нибудь о судьбе людей и родов, с которыми так часто встречались в Смутное время. Мы видели, что Годуновы должны были отказаться от тех местнических отношений, на которые давало им право положение их при царе Борисе; один из них, Матвей Михайлович, был боярином при царе Михаиле и воеводою в Тобольске (1620 год); в 1631 году он был послан в Рязань разбирать дворян и детей боярских, а в 1632 был воеводою в Казани; в придворных церемониях, за столом царским нередко упоминается окольничий Никита Васильевич Годунов; жена окольничего Ивана Ивановича Годунова Ирина Никитична, родная тетка царя, была еще жива, упоминается по случаю свадьбы царской в 1626 году. Дочь царя Бориса Ксения, или Ольга, умерла в 1622 году в Суздале; перед смертию она била челом царю, чтоб позволил похоронить ее в Троицком Сергиеве монастыре вместе с отцом и матерью; царь исполнил просьбу. Последний из Шуйских, князь Иван Иванович, возвратившийся из Польши и занявший между боярами следующее ему высокое по отечеству место, упоминается действующим только при одном значительном случае: он присутствовал при чтении обвинительной сказки Шеину перед казнию. Упоминаются между стольниками и воеводами Нагие. Князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой после несчастного похода своего против шведов и после победы, одержанной им в местнической борьбе над Морозовым, был послан в 1622 году по литовским вестям в Ярославль для разбора дворян и детей боярских, кому можно быть на государевой службе; в 1625 году был воеводою в Тобольске. Сын знаменитого Прокофья Ляпунова, Владимир Прокофьич, упоминается в 1614 году воеводою в Михайлове, потом вторым воеводою передового полка в Переяславле Рязанском; в 1625 году, по поводу местничества, обозначились отношения Ляпуновых к Рязани, где этот обширный род

продолжал иметь важное значение: в Переяславль Рязанский назначены были стольник и воевода князь Петр Александрович Репнин и князь Иван Федорович Чермный-Волконский; в передовой полк на Михайлове воевода князь Федор Федорович Волконский-Мерин, да Ульян Семенович Ляпунов. При этом назначении Ляпунов, Владимир и Ульян били челом на Волконских, позоря соперников незаконным происхождением. Второй рязанский воевода, князь Иван Волконский, испугался и бил челом государю, что ему с князем Петром Репниным в товарищах быть нельзя, потому что били челом на них Ляпуновы в отечестве, а князь Петр Репнин Ляпуновым свой: дочь Захара Ляпунова за ним, а семья Ляпуновых на Рязани великая, и пожалуй князь Петр станет ему мстить за Ляпуновых. Государь велел отставить Волконского и назначить на его место Ловчикова. Но Ульян Ляпунов бил челом и на Ловчикова, что ему меньше его быть нельзя; бояре приговорили отказать Ляпунову, потому что Ловчиковы в чести давно, а Ульянов отец ни в какой чести и нигде в воеводах не был. Тогда Ляпунов стал бить челом на михайловского воеводу князя Федора Волконского. Бояре и тут приговорили Ляпунову отказать, потому что Волконские в чести, в окольничих, в стольниках и воеводах, а Ляпунов служил с Рязани, ему и то находка, что теперь велено ему быть в воеводах. Ляпунов на службу приехал, но никакого дела с Волконским не стал делать; послан был из Москвы Гагин заставить Ляпунова дело делать и в случае ослушания посадить в тюрьму; Ляпунов не послушался и был посажен в тюрьму; но Волконский доносил, что Гагин посадил Ляпунова в городню, а не в тюрьму, Ляпунов проломал мост и ходит из городни на башню и живет все на башне своим покоем, а не в тюрьме; тогда отправлен был из Москвы Пущин вынуть Ляпунова из городни и послать на службу, если же не захочет, то посадить в тюрьму вместе с другими тюремными сидельцами, а не в городню; Ляпунов уступил. В 1629 г. Владимир Прокофьич Ляпунов был назначен вторым воеводою сторожевого полка на Крапивне, и был потом отставлен по челобитью дворян и детей боярских тамошних городов, били челом на него *недружбою* (т. е. что он им недруг).

Князя Дмитрия Михайловича Пожарского мы встречали часто в царствование Михаила и в важных случаях, в походах и при сборе денег ратным людям. 27 сентября 1618 года был у государя у стола боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский, и была ему речь: «Ты был на нашей службе против недруга нашего литовского королевича, нам служил, против польских и литовских людей стоял, в посылках над ними многие поиски делал, острог ставить велел, многих польских и литовских людей побивал и с этим боем языки к нам часто присылывал, нашим и земским делом радел и промышлял,

боярину нашему, князю Борису Михайловичу Лыкову, когда он из Можайска шел к Москве, помогал». За все эти службы Пожарский получил: кубок серебряный позолоченый с покрышкою, весу в нем три гривенки тридцать шесть золотников, шуба — атлас турский на соболях, пуговицы серебряные золоченые. Понятно, что Пожарский, вследствие известного стремления Филарета Никитича награждать людей, потрудившихся в безгосударное время, не мог ничего потерять с возвращением Филарета из Польши. Тотчас после посвящения Филарета в патриархи в сентябре 1619 года даны были ему: село, проселок, сельцо и четыре деревни за крепость и мужество, оказанные им во время последней войны; в 1621 году вотчина, данная Пожарскому царем Василием, пополнена и подкреплена жалованною грамотою. В это время он ведал Разбойный приказ; на свадьбе царя в 1624 году Пожарский был вторым дружкою с государевой стороны; на второй свадьбе в 1626 году он занимал то же место; жена его, княгиня Прасковья Варфоломевна, была второю свахою с государевой стороны, хотя в местнических челобитных и продолжали писать, что Пожарские — люди не разрядные, при прежних государях, кроме городничих и губных старост, нигде не бывали. В 1628 году Пожарский был назначен воеводою в Новгород Великий, где он пробыл 29 и 30 годы; в 1635 году был назначен в судный московский приказ. В последний раз Пожарский упоминается за царским обедом 24 сентября 1641 года; в 1642 году полагают его кончину. Говоря о судьбе князя Дмитрия Михайловича, нельзя не упомянуть о любопытной челобитной, которую он подал царю в 1634 году вместе с двоюродным братом своим, князем Дмитрием Петровичем. Из этой челобитной видна также вся крепость родовых отношений в описываемое время: дядя имеет право бить, сажать на цепь и в железа племянника за дурное поведение, и когда эти средства не помогают, жалуется царю из боязни, чтоб правительство за дурное поведение племянника не положило опалы на дядю, ибо при единстве рода старший родич отвечал за младшего: «Племянник наш, — бьют челом Пожарские, — племянник наш Федька Пожарский у нас на твоей государевой службе в Можайске заворовался, пьет беспрестанно, ворует, по кабакам ходит, пропился донага и стал без ума, а нас не слушает. Мы, холопи твои, всякими мерами его унимали: били, на цепь и в железа сажали; поместьице твое, царское жалованье, давно запустошил, пропил все, и теперь в Можайске из кабаков нейдет, спился с ума, а унять не умеем. Вели, государь, его из Можайска взять и послать под начал в монастырь, чтоб нам от его воровства вперед от тебя в опале не быть». Наконец мы должны упомянуть еще об одном случае, когда было произнесено имя Пожарского с указанием на поведение его во время избрания царя в 1613 году; это

указание впрочем мы можем только принять к сведению, не имея возможности сказать что-нибудь решительное ни за, ни против. В 1613 году, на размежеванье границ русских и литовских со стороны Псковской области, поссорился стольник князь Василий Большой Ромодановский с дворянином Ларионом Суминым, и бил челом, что Сумин у съезжего шатра говорил невместимое слово, а именно, «чтоб он, князь Василий, не государился и не воцарялся, что и брат его, Дмитрий Пожарский, воцарялся и стало ему в двадцать тысяч». Сумина допрашивали, в какое время князь Дмитрий воцарялся и докупался царства? и Сумин отрекся, что никогда ничего подобного не говаривал; но свидетели показали, что говорил.

С именем Пожарского неразрывно связано имя Минина: за подвиг, за который Пожарский получил боярство, Минин получил думное дворянство, также поместья и вотчину, получил он это «за службу, что он с боярами и воеводами и ратными людьми пришед под Москву, Московское государство очистил». В 1615 году царь писал нижегородским воеводам: «Бил нам челом думный наш дворянин Кузьма Минич, что живет он на Москве при нас, а поместья и вотчина за ним в Нижегородском уезде, и братья его и сын живут в Нижнем Новгороде, и им, и его людям и крестьянам от исков и поклепов чинится продажа великая: так нам бы его пожаловать, братью его и сына, людей и крестьян не велеть судить в Нижнем Новгороде ни в чем, а велеть их судить на Москве. И как эта наша грамота к вам придет, то вы б на Кузьмину братью, на людей и на крестьян кроме татиного и разбойного дела суда не давали без наших грамот». О деятельности Минина мы не знаем ничего; раз только удалось нам встретить известие о нем в приведенном выше деле о побеге Андронова. Торговый человек Богдан Исаков в допросе показал, что он прихаживал к Андронову по свойству и свез из Москвы сестру Андронова Афимью, жену Василья Болотникова, а пожитков он с нею не вез ничего, только было на ней одно платьишко, что ей дал Кузьма Минин. В 1616 году Кузьмы Минина уже не было на свете; вотчину его, село Богородицкое с деревнями, царь отдал вдове его Татьяне и сыну стряпчему Нефедью, подтверждена и прежняя грамота, по которой дядья Нефедья, люди и крестьяне могли судиться только в Москве. В 1625 году, по случаю отпуска персидского посланника, Нефед Кузьмин, сын Минин, упоминается в числе стряпчих с платьем на осьмом месте; в следующем году на свадьбе царской он был у государева фонаря; в последний раз упоминается он в 1628 году, по случаю представления персидского посла; в 1632 году отчина его, село Богородицкое, пожаловано в поместье князю Якову Куденековичу Черкасскому; дом Кузьмы Минина в Нижнем отдан был на житье несчастной невесте царской Марье Хлоповой, а после ее

смерти, случившейся в 1633 году, отдан князьям Ивану Борисовичу и Якову Куденековичу Черкасским.

Прославившийся гражданским мужеством в безгосударное время, думный дьяк Томила Юдич Луговской возвратился из Польши вместе с Филаретом Никитичем, и мы встретили уже его в 1620 году в короткой расправе с Чихачевым, который хотел местничаться с князем Шаховским; подобная выходка Луговского не должна нас удивлять, ибо при нравственном состоянии тогдашнего русского общества твердость и решительность, составляющие величие человека в случаях важных, соединяются обыкновенно с склонностию к крутым мерам и решительным во всяких случаях. После Луговской был пожалован в думные дворяне и был вторым воеводою в Казани. Неудивительно, что Луговской, с такой хорошей стороны известный Филарету Никитичу, получал повышения; удивительно, что первым дельцом в начале царствования Михайлова был другой думный дьяк, Иван Тарасович Грамотин, который, как мы видели, оставил по себе очень дурную славу в Пскове, откуда перешел в Тушино, из Тушина под Смоленск к королю, и потом в Москве был ревностным приверженцем Сигизмунда, успел вовремя отъехать опять к королю, прислан был с князем Мезецким уговаривать Москву к покорности Владиславу, уже после подвига второго ополчения, и возвратился опять к королю; неизвестно, когда потом явился опять к Москве и успел получить прежнее звание печатника. При Филарете Никитиче и Грамотина постигла опала: 21 декабря назначен был дьяком в Посольский приказ Ефим Телепнев, которому было сказано: «Был в Посольском приказе Иван Грамотин и, будучи у государева дела, государя царя и отца его св. патриарха указа не слушал, делал их дела без их государского указа, самовольством и их государей своим самовольством и упрямством прогневал, за что на Ивана Грамотина положена их государская опала». Грамотин был сослан в Алатырь, но по смерти Филарета Никитича возвратился в Москву и получил прежнее значение [14].

Царствование Михаила ознаменовано было тяжелыми войнами, которые все более и более показывали несостоятельность русского войска, слагавшегося, как нам известно, из дворян, детей боярских, иноземцев, атаманов и козаков, испомещенных в разных областях государства. Следовательно, при открытии военных действий нужно было прежде всего собрать этих ратных людей, этих помещиков и отвести в назначенное место, к известному воеводе. И вот назначался кто-нибудь из московских дворян или людей, носивших придворные чины, ехать в такой-то уезд, собрать и привести ратных людей. Первое препятствие — назначенный чиновник бил челом, что ему по местническим отношениям нельзя отводить ратных людей к такому-то воеводе, который меньше его

многими местами: надобно было уладить это дело, сказать, например, челобитчику, что он отведет ратных людей к одному старшему воеводе, который бесспорно больше его. Чиновник успокоивался, ехал и приводил немногих ратных людей: многие объявились в *нетях,* спрятались, не желали расстаться с теплым, покойным углом и семейством для дальнего, трудного и опасного похода; другие явились к сборщику и пошли с ним к назначенному месту, но с дороги разбежались. Тогда посылали сборщика вторично, с наказом: собрать тотчас дворян и детей боярских по списку, какой ему дан; а если которые дети боярские станут прятаться, то ему, сыскавши их, велеть бить кнутом и брать поручные записи; которых не сыщет, у тех в поместьях и вотчинах брать прикащиков, людей и крестьян и держать в тюрьме, пока сыщет самих помещиков; которые дети боярские государева указа не послушают и, давши по себе поручные записи, не поедут вместе с сборщиком, то сыскивать порутчиков, бить их батогами и приказывать искать тех, за которых поручились; когда сыщут, то сысканных бить кнутом, сажать в тюрьмы и потом уже вести на государеву службу. Кроме помещиков, известных правительству, сборщик должен был привести даточных людей и охочих всяких людей со всякими боями, с огненным и лучным.

Дворяне, дети боярские и новики должны были являться на службу в сбруях, в латах, бехтерцах, пансырях, шеломах и в шапках мисюрках; которые ездят на бой с одними пистолями, те кроме пистоля должны иметь карабины или пищали мерные; которые ездят с саадаками, у тех к саадакам должно быть по пистолю или по карабину; если люди их будут за ними без саадаков, то у них должны быть пищали долгие или карабины добрые; которые люди их будут в кошу, и у тех, для обозного строенья, должны быть пищали долгие; а если у них за скудостью пищалей долгих не будет, то должно быть по рогатине, да по топору.

Когда слышались вести о походе крымских татар, то отправлялись в украинные города воеводы, которые, приехав в назначенный город, должны были отписать во все украинные и польские (степные) и рязанские города к воеводам и приказным людям, что пришли они на государеву службу в такой-то город, и с ними велено быть дворянам и детям боярским украинных и замосковных городов, атаманам, козакам, литве, немцам и всяким иноземцам, понизовых и мещерских городов князьям, мурзам и татарам с головами и сотниками, стрельцам и козакам конным и пешим с огненным боем, многим людям для обереганья государевой украйны от крымских и ногайских людей и от черкас. И какие у них в городах про крымских и ногайских людей и про черкас вести будут, то они бы писали к ним наспех: да послать им по дво-

рян и детей боярских высыльщиков. Когда дворяне, дети боярские и всякие служилые люди съедутся, то воеводы должны пересмотреть их по спискам, всех налицо, и списки *естей* и *нетей* прислать к государю. Которые дворяне и дети боярские украинных городов будут в нетях, по тех нетчиков посылать высыльщиков, других городов дворян и детей боярских; если нетчики станут скрываться, сыскивать их накрепко, бить батогами, сажать в тюрьму на время, а из тюрьмы давать на крепкие поруки с записями; да на них же брать прогоны: за которыми поместья и вотчины добры, на тех брать по целому прогону, а за которыми худы, на тех брать по расчету, рассчитывая на всех один прогон. Если будут в нетях замосковных городов дети боярские и иноземцы, про тех расспрашивать тех же замосковных городов окладчиков дворян и детей боярских лучших по государеву крестному целованью, сколько за кем поместья и вотчин, кто каков прожитком, можно ли этим нетчикам государеву службу служить с ними в ряд, и от бедности ли кто на государеву службу с ними вместе не приехал, или воровством, и каков каждому нетчику поместный и денежный оклад? И что про нетчиков скажут, то все велеть написать на список и велеть окладчикам, дворянам и детям боярским к этим своим сказкам руки приложить, и список прислать к государю, который велит нетчикам указ учинить безо всякой пощады. А которые дети боярские украинных городов у смотру не объявятся и высыльщики их не сыщут, про тех расспрашивать одних с ними городов дворян и детей боярских, где они, побиты или померли, или кто в других городах живет, и кто их поместьями и вотчинами владеет? а выспрося подлинно, написать на список, который прислать государю. Да велеть сыскивать недорослей, которые в службу поспели, и велеть им быть на государевой службе, а имена их прислать в Москву. Как скоро придут вести о неприятеле, то воеводы должны разослать в станы и волости детей боярских, велеть из уезда жен и детей боярских служилых и неслужилых, вдов и недорослей выслать в город в осаду, велеть их переписать и смотреть часто. А как подлинные вести будут про крымцев, то и боярских людей и пашенных крестьян всех велеть выслать в город с женами и детьми и со всем имением до приходу воинских людей заранее, а хлеб велеть молотить и класть по ямам, а у животины велеть оставлять людей немногих; да велеть уездным людям для осадного времени держать в городе всякие запасы. А если по вестям которые дети боярские или их жены и дети и неслужилые дети боярские и вдовы и недоросли в город в осаду не приедут, и возьмут их в плен татары, тем детям боярским выкупаться самим и жен своих и детей из полону выкупать самим же, из государевой казны выкупу и обмену им не будет: бирючам о том велеть кликать по нескольку дней. Если не послушаются, в осаду не

пойдут, то велеть их сажать в тюрьму на время, а у вдов брать детей и людей и сажать в тюрьму, а выпустив из тюрьмы, давать на крепкие поруки, чтоб к сроку переехали в город; если же и тут не послушаются, то бить их батогами и сажать в тюрьму, а у вдов брать людей их, бить кнутом и сажать в тюрьму на время. Во всякие посылки, в станицы и подъезды для вестей посылать дворян выборных и детей боярских лучших, чтоб дворяне и дети боярские лучшие во всякие посылки ездили, а даром на службе не жили, а меньшей статьи дети боярские больших статей дворян выборных и детей боярских лучших не ослуживали, чтоб перед лучшими младшим на службе посылок лишних никак не было. Да по вестям же в уезде на засеках и топких местах поставить голов, а с ними ратных людей с пищалями, да головам же велеть сколько засек собрать всяких уездных людей с пищалями и со всякими боями; худые места на засеках велеть починить, засечь и завалить лесом, а в иных местах рвы велеть покопать, у ворот и башен худые места починить, рвы почистить. Ратных людей ведать, по челобитным их судить и расправу между ними чинить безволокитно, а кормы свои и конские самим и ратным людям в уездах по селам и деревням велеть покупать ценою, как цена поднимет, а грабежом и насильством отнюдь ни у кого ничего не брать. Смотреть воеводам ратных людей в полках часто, по домам до сроку не распускать, посулов и поминков за то ни у кого ничего не брать; беречь накрепко, чтоб от ратных людей воровства, грабежу и убийства, татьбы и разбою и другого никакого насильства не было, корчем и распутных домов ратные люди не держали бы. До сроку ратных людей распускать запрещалось; как же скоро нужда в войске проходила, то государь посылал воеводам приказ распустить ратных людей по *волям*. Ратные люди, отъехавшие из-под Смоленска от Шеина, когда заслышали о приходе королевском, были наказаны только убавкою денежного жалованья; воевода князь Борятинский, который в 1615 году шел на Лисовского мешкотно и по дороге села и деревни разорял, за такое воровство и измену был посажен в тюрьму. По каким расчетам давалось ратным людям денежное жалованье, видно из следующего: в декабре 1633 года стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы, назначенные в поход против поляков с князьями Черкасским и Пожарским, били челом, что им на государевой службе быть не с чем, поместий и вотчин за иными нет, а за иными и есть, да пусты, крестьян нет, а за иными и есть крестьянина по три и по четыре, по пяти и по шести, и им со тех крестьян подняться и на службе быть никак нельзя: так государь бы их пожаловал, велел им дать денежное жалованье, а они на государеву службу готовы. Государь велел у них в разряде взять письмо за их руками, за кем поместий и вот-

чин нет, за кем пусты, и за кем сколько крестьян; когда выписки были представлены государю, то он пожаловал: тем, у кого нет поместий или вотчин, или есть, да пустые, дать по 25 рублей; тем, у кого не более 15 крестьян, давать по 20 рублей, а за кем больше 15 крестьян, тем жалованья не давать. Мы видели, что по Судебнику Грозного не велено было принимать в холопи детей боярских служивых и детей их, которые еще не служили, кроме тех, которых государь от службы отставит. Теперь в 1641 году дворяне и дети боярские били челом, что их братья и племянники, дети и внучата, не хотя с ними государевой службы служить и бедности терпеть, верстанные и неверстанные, били челом в боярские дворы к боярам, окольничим, к стольникам, стряпчим, дворянам московским и к своей братье всяких чинов людям. Ответом был указ: всех таких с женами и детьми, если они поженились на крепостных женках и девках, взять из боярских дворов на службу и написать с городами по поместью и по вотчине. А неверстанных детей боярских, которые в государевых службах нигде не объявились и поместных и вотчинных дач за ними нет, таким быть в дворах по-прежнему. Которые дети боярские, по государеву указу и по боярскому приговору, из холопства освободятся, и воровством, не хотя службы служить, станут бить челом в иные боярские дворы и всяких чинов людям, таких отдавать в холопи тем, у кого они прежде нынешнего указа были; а вперед с нынешнего указа, дворян и детей боярских детей, племянников и внучат, верстанных и неверстанных, и недорослей, в холопи никому не принимать.

Относительно наследства в отчинах, выслуженных и родовых, постановлено вдовам после бездетных мужей не давать вотчин, отдавать их боковым родственникам. Если после умершего отчинника останутся дети, то вотчины отдавать сыновьям, а дочерям давать из поместий на прожиток, но когда братьев нет, тогда и дочери вотчинам вотчичи. Внуки и правнуки после дедов и бабок родных с дядьями и тетками своими родными в старых вотчинах вотчичи. Касательно наследства в поместьях первое ополчение в 1611 году постановило: после убитых и умерших дворян и детей боярских у вдов и сыновей их поместий не отнимать; после дворян и детей боярских, не оставивших ни жен, ни детей, поместья отдавать роду их и племени, беспоместным и малопоместным, а мимо родственников поместий их не отдавать. Царь Михаил постановил: после дворян и детей боярских, убитых или взятых в плен, или пропавших без вести (а не просто умерших, как прежде) поместья отдавать женам их и детям; если жен и детей после них не останется, то поместья давать в оклады и додачу роду их и племени, а мимо родственников умершего и мимо дворян и детей боярских того города, по которому служил умерший, поместий его не отдавать. После умерших иноземцев

поместья их никому, кроме иноземцев, не отдавать. Если дворяне и дети боярские находились в плену лет по 10, 15, 25 и больше, и поместья отцов их в это время были розданы другим, то, по возвращении их из плена, по просьбам их, отцовские поместья, розданные в продолжение последних десяти лет пребывания их в плену, им возвращались; долее десяти лет поместья им не поворачивались, но испомещались они вновь прежде всех других просителей.

Стрельцов прибирали головы их из вольных охочих людей, от отцов детей, от братьи братью, от дядь племянников, добрых и резвых, которые бы из пищалей стрелять умели, а худых недорослей, крепостных, посадских и пашенных крестьян в стрельцы брать было нельзя О наборе козаков мы знаем из распоряжения 1632 года: которые вольные охочие люди северских городов и Новгородской волости станут писаться в службу в козаки, таких писать на список с отцами и прозвищами, и велеть им быть в походе, и были бы все козаки с пищалями; да сказать им, что государь велит дать им жалованья по четыре рубли. Из службы, из тягла и крепостных никаких людей в новоприборные козаки не брать, у новоприборных козаков поставить голову из дворян и сотников и велеть им смотреть накрепко, чтоб воровства от козаков в полках никакого не было. Что же касается до иноземцев, то еще в 1614 году в походе с Иваном Измайловым государь указал быть литве и немцам и всяким иноземцам, которых ведают в разряде и панском приказе. В следующем году в походе за Лисовским государь указал быть выезжему из Английской земли князю Артемью, Исакову сыну, с немцами. Это тот самый Артемий Астон, об отпуске которого на родину просил Мерик; мы видели, что Мерику было в этом отказано; но потом король Иаков присылал гонца с просьбою к царю, чтоб отпустил Астона и с семейством в Англию; Астона отпустили и дали ему подарки; но после государю дали знать, что Астон, будучи на Москве, ссылался с польским королевичем, капитана Варнабея из Москвы отпустил на всякое лихо, и этот Варнабей вступил в польскую службу. Бояре говорили Мерику, когда он в последний раз был в Москве: «Ведомо, что князь Артемий Астон и в Московское государство поехал по совету с изменником французом Маржеретом; тот же Астон, выехавши из Москвы, приезжал к польскому королю уже из Англии и жену свою оставил в Польше; а потом приехал в Польшу сын его и напрашивался у короля сбирать ратных людей, чтоб идти на Московское государство, про которое говорил поносные и укорительные слова; так король бы князя Артемья наказал большим наказаньем, и вперед вашим людям неведомо как верить». Мерик отвечал, что ему об этом деле наказа нет, а думает он, что Артемью от короля за его воровство не пробудет. Мы видели также, что Мерик упра-

шивал бояр не ссылать английских служилых людей в Казань, и настоял, что тех англичан и шотландцев, которые приехали с ним и с Астоном, двоих приехавших из Архангельска и одного старого иноземца, всего 20 человек, оставили в Москве, иноземцев же, которые приехали из разных мест от голоду и нужды, с побоев или заворовавши, тех сослали в понизовые города на корм. Но англичане, которых оставили в Москве, убежали в Литву.

Хотя некоторым иноземцам не нравилось в Москве, хотя некоторые из них не могли свыкнуться с мыслию остаться навсегда здесь, а отпуск был крайне труден, однако охотников вступить в царскую службу всегда набиралось довольно: капитан, родом ирландец, бывший в польской службе и начальствовавший в крепости Белой, сдал ее русским и сам со всею ротою своею перешел в царскую службу. Иноземец спитардный мастер Юрий Бессонов получил вотчину из поместья за службу в приход королевича Владислава под Москву; в той вотчине он, его дети, внучата и правнучата вольны, сказано в грамоте. Иноземцы разделялись на поместных, содержавших себя доходами с поместий, и кормовых, получавших жалованье; так, в 1628 году в Большом полку на Туле было: иноземцев поместных поляков и литвы с ротмистром Яковом Рогоновским 118 человек; с ротмистром Денисом Фан-Висиным (Фон-Визин) немцев поместных 63 человека; с ротмистром Кремским кормовых поляков и немцев 120 человек; бельских (сдавших Белую) немцев с Томасом Герном поместных 10, да кормовых 54 человека; с ротмистром Яковом Вудом кормовых греков, сербов, волошан и немцев 80 человек. Чувствуя большую нужду в иноземных ратных людях, посылая набирать их за границу, московское правительство подозрительно смотрело на католиков и не хотело принимать их в службу: так, полковник Лесли, посланный для найма ратных людей за границу, получил наказ: «Нанимать солдат Шведского государства и иных государств, кроме французских людей, а французан и иных, которые римской веры, никак не нанимать». Но мы видели, что кроме наемных и поместных иноземцев, в царствование Михаила являются полки из русских людей, обученных иноземному строю; у Шеина под Смоленском были: наемные многие немецкие люди, капитаны и ротмистры и солдаты пешие люди; да с ними же были с немецкими полковниками и капитанами русские люди, дети боярские и всяких чинов люди, которые написаны к ратному учению: с немецким полковником Самуилом Шарлом рейтар, дворян и детей боярских разных городов было 2700; греков, сербян и волошан кормовых — 81; полковник Александр Лесли, а с ним его полку капитанов и майоров, всяких приказных людей и солдат — 946; с полковником Яковом Шарлом — 935; с полковником Фуксом — 679; с полковником

Сандерсоном —923; с полковниками — Вильгельмом Китом и Юрием Маттейсоном начальных людей — 346, да рядовых солдат — 3282; немецких людей разных земель, которые посланы из Посольского приказа — 180, и всего наемных немцев —3653; да с полковниками же немецкими русских солдат, которых ведают в иноземном приказе: 4 полковников, 4 больших полковых поручиков, 4 майоров, по-русски большие полковые сторожеставцы, 2 квартирмейстера и капитана, по-русски большие полковые окольничие, 2 полковых квартирмейстера, 17 капитанов, 32 поручика, 32 прапорщика, 4 человека полковых судей и писарей, 4 обозников, 4 попов, 4 судебных писарей, 4 профоста, 1 полковой набатчик, 79 пятидесятников, 33 прапорщика, 33 дозорщика над ружьем, 33 ротных заимщика, 65 капоралов немецких, 172 капоралов русских, 20 набатчиков немецких с свирельщиком, 32 ротных подьячих, 68 набатчиков русских, двое немецких детей недорослей для толмачества; всего немецких людей и русских и немецких солдат в шести полках, да поляков и литвы в четырех ротах 14 801 человек. Когда на помощь Шеину велено было выступить князьям Черкасскому и Пожарскому, то с ними было 162 человека иноземцев — греков, сербов, волохов и молдаван, да с полковником Александром Гордоном 1567 драгун. Что касается до наемной платы иностранным ратникам, то полковник получал в месяц по 400 цесарских ефимков, начальный полковой поручик по 200, майор по 100, квартирмейстер по 60, регимент-шульцен по 30, секретарь по 25, два попа — каждый по 30, четыре лекаря по 60, судный писарь по 12, ерихтес-вейбел по 8, профост по 10, пристав по 4, палач по 8; потом у всякой роты голова по 150, поручик по 45, прапорщик по 35, сержант по 14, капитан над ружьем по 12, фюрер, фурир и писарь по 10, набатчик по 7, корпорал по 8, ротмейстер по 6, подротмейстер по 5, рядовой солдат по 4½. Татары по-прежнему входят в состав русской рати: так, с князьями Черкасским и Пожарским должны были выступить казанских мурз и татар 275 человек, свияжских мурз, татар и новокрещенов — 205, из Курмыша татар и тарханов — 155, касимовских татар — 508, темниковских — 550, кадомских — 347, алаторских — 359, арзамасских — 220. Кроме черкас и донских козаков упоминаются в московском войске при Михаиле и козаки яицкие. Что касается до наряда или артиллерии, то до нас дошло перечисление и описание орудий, бывших под Смоленском с Шеиным: пищаль *инрог*, ядро пуд тридцать гривенок, на волоку весу в теле 450 пуд, в волоку весу 210 пуд, под ней 64 подводы; да к той же пищали стан с колесами, в нем весу 200 пуд, под ним 10 подвод. Пищаль *пасынок*, ядро пуд 15 гривенок, на волоку весу в теле 350 пуд, к волоку 165 пуд, под ней 52 подводы; пищали *волк*, *кречет*, *ахиллес* и т. д. В 1629 году царь получил любопытную чело-

битную; бил челом тверской поп Нестер: «Извещаю тебя государя о таком великом деле и на страх поступаю, паче же страха уповаю на бога, от которого такое дарование я принял, что не открылось прежним родам при прежних государях и в других государствах не открылось такое дело, какое мне милостивый господь бог открыл к твоей государской славе и озлобленной земле нашей к избаве, твоим супостатам на страх и удивление: сострою тебе походный городок, называемый Редкодуб, не большими деньгами, поход ему будет не на многих подводах, а ратные люди могут в нем держаться и укрываться как в настоящем неподвижном городе». Нестера вызвали в Москву и велели ему сделать образец деревянный, или на бумаге начертить; но он требовал, чтоб его непременно представили государю: «Не видя государских очей, образца мне не делывать, боярам в этом деле не верю». Несколько раз говорили ему, чтоб сделал образец, и потом представят его государю, и всякий раз один ответ. Тогда государи указали: сослать попа Нестера в Казань в Преображенский монастырь под начал, потому что подает челобитные, сказывает за собою великое дело, а дела не объявил, и делает это как будто для смуты, не в своем уме. Три года просидел несчастный изобретатель в цепях в монастыре, на четвертый прислал челобитную, где прописывал и прежние подвиги: в 1609 году, в Смутное время, проходил он с грамотами в Великий Новгород к князю Скопину и обратно от него в Москву; потом ходил с грамотами и с зельем в Иосифов Волоцкий монастырь сквозь литовские таборы. В 1611 году ходил из-под Москвы от Ляпунова и всей земли под Смоленск к митрополиту Филарету с грамотами, был схвачен, приведен к королю, пытан, приговорен к смерти, но бежал, снова схвачен, пытан и приговорен к смерти, и снова ушел. Неизвестно, чем окончилась судьба Нестера, потому что конец дела о нем сгнил.

Мы видели, как заботливо царь Михаил избегал разрыва с крымским ханом, и причина понятна; все внимание было обращено на запад, все силы государства были направлены туда. Только с 1636 года правительство нашло возможным заняться укреплением южной Украйны; в этом году были построены города: Чернавск (между Ельцом и Ливнами), Козлов, Тамбов, Ломов, и возобновлен Орел; в 1640 году построены были: Хотмышск на Ворскле и Вольный Курган на Рогозне. На издержки по этим постройкам отпущено было 13 532 рубля; работы производились стрельцами, козаками, солдатами и даточными людьми; все дела по городовым постройкам ведали в Пушкарском приказе [15].

Первым делом царя Михаила по восшествии его на престол было освобождение государства от врагов внутренних и внешних, для этого нужно было войско; для содержания войска нужны были деньги, казна была расхищена, вся тяжесть

следовательно должна была пасть на городское и сельское народонаселение; но вот в каком положении находились многие города в начале царствования Михаилова: «На Угличе, — доносили государю, — ратных людей, дворян, детей боярских и иноземцев нет, все посланы на твои государевы службы, стрельцов и воротников нет же ни одного человека, только шесть человек пушкарей, да и те голодны, и для осадного времени хлебных запасов нет же, а с Углицкого уезда хлебных запасов собрать не с кого; зелейной пороховой казны мало, у острога мосты не домощены, в башнях мосты погнили; посадские люди, от кабацкого недобора и от нынешней великой хлебной дороговизны, с женами и детьми побрели розно; а которые и остались, те к осадному сиденью страшливы и к *приступным* мерам без ратных людей торопки, потому что от Литвы были выжжены и высечены и разорены без остатка; а из уезда сошные люди летнею порою в осаду совсем для тесноты не пойдут, да и потому что в городе у них хлебных запасов нет, бегают по лесам». Уже в 1618 году Андрей Образцов, отправленный собирать деньги на Белоозеро, получив выговор за медленность, писал: «Я, государь, посадским людям не норовил и сроков не даю; пока не было вестей о литовских людях, то я правил на них твои государевы всякие доходы нещадно, *побивал на смерть*; а теперь, государь, на посадских людях твоих денег править нельзя, в том волен ты, государь; а я, холоп твой, блюдясь приходу литовских людей, беспрестанно днем и ночью стою с посадскими людьми по острогу и рассылаю их на сторожи». Когда Филарет Никитич возвратился из Польши, то были предприняты меры для устройства опустошенного края. Вот как говорит об этом царская окружная грамота. «За грех всего православного христианства Московское государство от польских и литовских людей и от воров разорилось и запустело, а подати всякие берут с иных по писцовым книгам, а с иных по дозорным, иным тяжело, а другим легко; дозорщики, которых после московского разоренья посылали по городам, дозирали и писали за иными по дружбе легко, а за другими по недружбе тяжело, и от того Московского государства всяким людям скорбь конечная; из замосковных и из других заукрайных городов посадские люди многие, льготя себе, чтоб в городах податей никаких не платить, приехали в Москву и другие города, да и живут здесь у родни и друзей; из иных заукрайных разоренных городов посадские и всякие люди бьют челом, чтоб им для разоренья во всяких податях дали льготы; а иные посадские и уездные люди заложились в закладчики за бояр и за всяких людей, и податей никаких вместе с своею братьею, с посадскими и уездными людьми, не платят, а живут себе в покое; другие многие люди бьют челом на бояр и всяких чинов людей, жалуются на насильство и обиды, про-

сят, чтоб их от сильных людей оборонить. Великий государь с отцом своим, со всем освященным собором, с боярами, окольничими, думными и со всеми людьми Московского государства, учиня собор, о всех статьях говорили, как бы это исправить и землю устроить, и усоветовавши, приговорили: которые города от литовских людей и от черкас были в разореньи, в те города послать дозорщиков добрых, приведя к крестному целованью, дав им полный наказ, чтоб они писали и дозирали все города вправду, без посулов. А которых украйных городов посадские люди живут в Москве и по другим городам, тех, сыскивая, отсылать в те города, где они прежде жили, и льготы им дать, смотря по разоренью. А которые посадские и уездные люди заложились за митрополитов, и за все духовенство, за монастыри, за бояр и за всяких чинов людей, тем закладчикам всем быть там, где прежде были, а на тех людях, за которыми они жили, доправить наши всякие подати за прошлые годы. На сильных людей во всяких обидах мы велели сыскивать и указ по сыску делать боярам своим, князю Ивану Борисовичу Черкасскому и князю Даниле Ивановичу Мезецкому с товарищами; а из всех городов, для ведомости и устроения, указали мы взять в Москву из каждого города из духовных людей по человеку, да из дворян и детей боярских по два человека добрых и разумных, да по два человека посадских людей, которые бы умели рассказать обиды, насильства и разоренья, и чем Московскому государству полниться, ратных людей пожаловать и устроить Московское государство так, чтоб пришли все в достоинство». Но если, с одной стороны, заботились о том, чтоб посадские люди не покидали тягла и тем не ставили товарищей своих в бедственное положение, то, с другой стороны, само правительство переводило иногда из городов богатейших людей в Москву: так, в 1630 году велено было взять из Чердыни в Москву двоих посадских людей с братьею для помещения в суконную сотню; при этом чердынский воевода получил приказ, в случае если посадские люди скроются, то дать для отыскания их пушкарей и рассыльщиков. Из последнего видим, с согласия ли переводимых происходили подобные переводы. Одним из главных препятствий к устроению городов, к благосостоянию их жителей были насилия воевод и приказных людей; в 1620 году правительство принуждено было разослать грамоты такого содержания: «Известились мы, что в городах воеводы и приказные люди наши всякие дела делают не по нашему указу, монастырям, служилым посадским, уездным, проезжим всяким людям чинят насильства, убытки и продажи великие, посулы, поминки и кормы берут многие; великий государь, посоветовавшись с отцом своим, приговорил с боярами: послать в города к воеводам и приказным людям наши грамоты, чтоб они насильств и продаж не де-

лали, посулов, поминков и кормов не брали, лошадей, платья и товаров, кроме съестного, не покупали, на двор у себя денщикам, детям боярским — стрельцам и козакам, пушкарям и затинщикам, из посадов и слобод водовозам и всяким деловым людям быть, хлеб молоть, толочь, печь и никакого изделья делать на себя во дворе, в посадах и слободах не велели, городскими и уездными людьми пашен не пахали и сена не косили, а если в которых городах воеводы станут делать не по нашему указу и будут на них челобитчики, то мы велели взять на них все вдвое, да им же быть от нас в великой опале. Так вы бы, архимандриты, игумены и весь освященный чин, дворяне, дети боярские, старосты и целовальники, посадские и уездные всякие люди, воеводам и приказным людям посулов, поминков и кормов с посадов и уездов не давали, лошадей, всякой животины и товаров, кроме съестного, им не продавали: а если станете воеводам посулы и поминки давать и про то сыщется, то все убытки велим на вас доправить вдвое, да вам же от нас быть в великой опале. Пишем мы к вам, милосердуя о вас, чтоб вы, божией милостию и нашим милостивым призрением, жили в покое и тишине, от великих бед и скорбей поразживались, тесноты бы вам, продажи и никаких других налогов не чинилось, и во всем бы на наше царское милосердие были надежны». Любопытно наивное выражение, которое встречается в грамотах и которое так ясно показывает разделение, особность разных органов общественного тела, усобицу между ними; в жалованных грамотах городам говорится, что царь велел приказным своим людям оборонять их от *бояр своих* и от всяких людей По-прежнему сильно жалуется на воевод летописец псковский; под 1618 годом он говорит: «Был во Пскове князь Иван Федорович Троекуров и взял четвертый сноп на государя с монастырей и церквей на ратных людей, а села государевы розданы боярам в поместья, чем прежде кормили ратных; но тот, кто церкви божии оскорбил и весь мир погубил, скоро умер злою смертию: на Москве, испорченный зельем от своих же, кровью изошел». О князе Василии Туренине и дьяке Третьяке Копнине он говорит под 1627 и 1628 годами: «Церковные отчины и монастырские отписали на государя, вкладчиков монастырских вон выбили, монастырей и церквей не строили (т. е. не заботились о них), и в храмовые праздники обедни не было. В 1632 году при князе Никите Мезецком и Пимене Юшкове выходили многие выходцы из Литовской земли, всякие люди русские с женами и детьми, от великой нужды, правежа, голода и литовского насильства на православную веру. Этих выходцев многих князь Мезецкий и Юшков насильно отдавали детям боярским в крестьянство, и многие из них скованные ходили по городу, милостыни просили, а которые не хотели, тех в тюрьмах дер-

жали, чтоб шли к ним служить с кабалами. Те же Мезецкие и Юшков не давали за город соли возить больше полупудка всяким людям, кроме крестьян детей боярских».

Мы видели, что на соборе, державном по случаю взятия Азова козаками, советные люди жаловались, что и во внутренних городах посажены воеводы, тогда как прежде сидели там губные старосты. До нас дошло и другое известие, что с 1613 года при царе Михаиле в городах поставлены воеводы и приказные люди; до 1613 года, при боярах и при Шуйском в этих городах воеводы были же, но при царе Федоре Ивановиче и при царе Борисе по Расстригин приход там воевод не было, были судьи, губные старосты и городовые прикащики. Таких городов, которые с 1613 года получили воевод, насчитывается 33. И при Михаиле прибегали к старому средству против злоупотреблений чиновников, от правительства назначаемых, восстановили грамоты Грозного, дававшие миру право судиться и рядиться выборными чиновниками; в 1614 году подтверждена грамота Иоанна IV, данная жителям Устюжны Железопольской: «Устюжны Железопольской посадские люди, старосты и целовальники, соцкие и десятские и все крестьяне, лучшие, середние, и младшие люди, от волостелина суда и от его пошлинных людей отставлены, быть у них в судьях их же посадским людям, которых себе выберут всем своим посадом». Подтверждена им и другая грамота Грозного, по которой они выбирали из среды себя целовальников, соцкого и дьяков, долженствовавших сбирать всякие пошлины. В 1622 году жители Устьянских волостей били челом, что в прежние годы у них приказных людей не бывало, а судили их мирские выборные судейки; а после московского разоренья, как начали у них быть прикащики, и им от этих прикащиков чинятся налоги и убытки, в посулах и кормах продажи великие, и от этих прикащиковых налогов и насильств и посулов они, крестьяне, оскудели, и подати им платить нечем, хотят брести врознь: пожаловать бы их, вперед прикащикам быть не велеть, а велеть быть у них выборным мирским судейкам по-прежнему, и за то бы их оброком обложить, сверх старого оброка, чтоб им от прикащиковых насильств, посулов и продаж вконец не погибнуть и розно не разбрестись». Царь исполнил их просьбу. Жители города Романова-Борисоглебска били челом, чтоб их по-прежнему ведали дьяки Посольского приказа. Доходы с этого города издавна шли на содержание поселенным около него татарам, которые потому и называются романовскими. Как эти татары служили верою и правдою царю Московскому, видно из челобитной вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря в 1614 году: «После литовского разоренья пришел в Вологду для *обереганья* сибирский царевич Араслан Алеевич с дворянами, детьми боярскими, татарами и козаками, и начал на

нас кормы править и мучить на правеже целый день нещадно, а на ночь служек наших и крестьян без рубашек велел сажать в подпол и вверх ногами вешать, и вымучил на нас овса 300 четвертей, сена 200 возов, 25 четвертей муки пшеничной, 100 четвертей муки ржаной, за баранов и кур вымучил деньгами 150 рублей, пограбил лошадь, сосуды, скатерти; приказные его вымучили себе 50 рублей денег, и с того мученья один крестьянин умер, другие лежали недель по пяти и по шести. Потом по царевичеву письму, будто для обереганья, пришел из Романова Барай-мурза с татарами и козаками и досталь нас разорил».

В 1627 году государь указал во всех городах устроить губных старост, дворян добрых по спискам лучших людей, которые были бы душою прямы, имением пожиточны и грамоте умели, которым бы можно было в государевых делах верить и которых с губное дело стало бы, а вперед сыщиков для сыску татиных, разбойных и убийственных дел в города не посылать, сыскивать всякие такие губные дела в городах губным старостам, и о том писать к государю в Москву. Если дворяне и дети боярские станут выбирать губного старосту из дворян и детей боярских середних и меньших статей, а лучших людей выбирать не станут и выборов на них не дадут, то мы указали устроить губного старосту, по списку лучшего человека, без выборов, а выбор на него велим на дворянах и на всяких людях доправить. Города иногда просили, чтоб воеводам у них не быть, быть одному губному старосте; государь соглашался, и губной староста получал в таком случае наказ, одинаковый с воеводским. Относительно смены губных старост и воевод до нас дошли любопытные челобитные; так, дмитровцы били челом: «Что был у них один губной староста без воеводы и умер, и на его место выбрать некого, а прежде был в Дмитрове один Федор Чаплин, и губные дела были ему же приказаны, и, будучи он в Дмитрове, о государевом деле и обо всем радел, за крестьянишек и за посадских людей стоял, от сторон оберегал, продаж и убытков никаких не делал: вели, государь, быть в Дмитрове попрежнему Федору Чаплину одному». Государь велел, Чаплин был назначен в Дмитров в 1639 году, но в 1642 году был сменен губным старостою Шестаковым по выборам; в 1644 году велено быть воеводою в Дмитрове Ртищеву, по челобитью дмитровцев, всяких чинов людей, а губному старосте, *по челобитью,* в Дмитрове быть не велено. В 1641 году угличане били челом: «По твоему государеву указу на Угличе воевода отставлен, а город велено принять губному старосте Павлу Ракову на время без выбору; но этот Павел молод и окладом мал, многие дела делает не по твоему государеву уложенью для своей бездельной корысти и бражничает; вели, государь, его отставить и вели быть на Угличе бежичанину

Игнатию Мономахову». Государь указал Мономахова отпустить в Углич. В 1644 году кашинцы били челом: «По твоему государеву указу велено быть у нас в губных старостах Савве Спешневу; но он срамен и увечен, руками и ногами не владеет; теперь у нас в Кашине перед съезжею избою и на посаде, и в уезде воровства, грабежи и убийства многие, насильства великие, а расправы делать некому: прежде в Кашине были воеводы и губные старосты, и такого воровства и убийства, грабежа и насильства не было; пожалуй, государь, вели быть по-прежнему воеводам, и вели быть воеводою из московских дворян Дементию Лазареву». Государь исполнил их просьбу.

Отсюда мы видим, что города не разделяют мнения, высказанного торговыми людьми на соборе, не требуют постоянно смены воевод и заменения их губными старостами, как выборными чиновниками; города прямо жалуются на губных старост и просят воевод, но при этом они указывают на известное лицо, которое они хотят иметь воеводою, следовательно и воевода становится таким образом чиновником выборным или излюбленным. Сильную борьбу с губными старостами в царствование Михаила выдерживали жители города Шуи: в 1614 году они жаловались на губного старосту Калачева: «В прошлом 1612 году приехал в Шую губной староста Посник Калачев и начал на нас, посадских людишек, похваляться поклепом и подметом, и наученьем, язычною молкою, велит нам к себе носить корм всегда, хлеб, мясо, рыбу, мед, вино, начал загонять к себе на двор животину всякую, бить, посадские люди от его насильства разбрелись, посадские дворы запустели; а мы того Посника в губные старосты не выбирали». Последнее обстоятельство объясняется тем, что Калачев приехал в Шую еще в Смутное время, в 1612 году. В 1618 году жаловались на сыщика Беклемишева и губного старосту Кроткого, что они научают колодников взводить напрасные обвинения на посадских людей, воров и разбойников выпускают на выкуп из тюрьмы, и от этого умышленья Шуя становится пуста; сами отпустят своих людей, потом схватят их как беглых, да и научают оговаривать посадских людей. В 1621 году произошла ссора между шуйским воеводою и губными старостами: воевода доносил, что по нераденью губных старост колодники из тюрьмы разбежались, и что, мстя за этот донос, губные старосты сажают его воеводиных крестьян в тюрьму понапрасну; губные старосты жаловались, что воевода вступается в их дела, не выдает им преступников, и одного из них, старост, приказывал бить батогами и ослопами; духовенство и посадские люди на обыске объявили, что воевода никогда не бивал губного старосту. Любопытно, что этот обвиненный миром в клевете губной староста Волков остался на своем месте; в 1622 году ему и

товарищу его Кишкину царь запретил вступаться в дело, если на посаде *грешною мерою* учинится смерть, который человек удавится или ушибется, или напившись пьян, сгорит, или утонет, или рекою мертвый человек подплывет под посад, или кто между собой одерется хмельным делом, потому что губные старосты, придираясь к этим делам, сажали посадских людей в тюрьму и чинили им убытки великие. На Кишкина шуяне подали челобитную в 1635 году, что он не дает посадским людям, которых оговорил разбойник, очных ставок с оговорщиком и не дает пытать последнего для своей бездельной корысти. Тут шуяне прямо просят, чтоб губной староста и сыщик без воевод татиных и разбойных дел не ведали. В 1627 году били челом устюжане: «Сидят на Устюге в съезжей избе пять человек подьячих: одни из них взяты из посадских тяглых людей; другие, приехавши в Устюг, покупили тяглые посадские дворы. У этих подьячих по молодому подьячему, и сами разбогатели сильно, в волостях за ними деревни лучшие, с посадскими людьми с своих дворов податей не платят, с деревень подати платят в половину, а иные отписи берут угрозами, и многие подати за них платят миром; да они же ездят переменяясь в волости по государевым делам, и по волостям берут себе почести великие, кормы, вина, пива; четвертные доходы сбирают с нас они же подьячие и в Москву отвозят, а на мирскую волю не дают, отвоза берут с рубля по алтыну, лишние деньги против развода берут, а в отписи не ставят; да они же с нас, со всего мира берут жалованье по двадцати рублей на человека; а можно быть в съезжей избе на Устюге троим подьячим, прежде было трое и без найму, из одного дохода. Вели, государь, дать из Москвы на Устюг троих молодых подьячих, или вели выбрать подьячих на Устюге миром, а тех старых подьячих вели переменить». После обыска подьячих отставили.

Ближайшие к Москве города при столкновении с воеводами и губными старостами могли обращаться к царю; но из областей отдаленных, из Сибири, челобитья не скоро могли достигать Москвы, и жители этих отдаленных областей употребляли средство, которое употребляли и жители ближайших городов, но не всею массою, брели розно. Посланы были на Лену воеводы и духовные лица, которым велено везде давать подводы без задержки. Когда они приехали в Енисейский острог, то воевода здешний Веревкин велел созвать к съезжей избе служилых, посадских людей, пашенных крестьян, приезжих торговых и промышленных людей разных городов, и стал требовать от них подвод. Служилые люди отвечали, что им дать подвод нельзя: «Прежде мы ни под какою государевою казною и ни под какими государевыми воеводами в подводах не хаживали, гребцов не давывали, указу государева о том прежде не бывало и теперь нет; а если с

нас воевода караул городовой, отъезжие заставные караулы и службу снимет, то мы поедем сами головами в подводах. а если службы и караулов отъезжих и городовых не снимет, то у нас в подводах идти некому, города государева покинуть не смеем». Пашенные крестьяне сказали: «Если с нас воевода снимет пашню, десятины, то мы побредем головами в подводах, а если десятин не снимет, то у нас подвод нет». Несколько дней сряду воевода призывал их и уговаривал дать подводы, но всякий раз один ответ, что им подвод не давывать. Тогда воевода велел лучших служилых и посадских людей и пашенных крестьян выборных старост пометать в тюрьму и, вынув из тюрьмы, велел их бить на правеже; но енисейские служилые и посадские люди и пашенные крестьяне с лучшими людьми все пошли головами в тюрьму и на правеж, говоря: «Метать нас в тюрьму и на правеже бить всех, а не одних лучших людей; в том волен бог да государь: без государева указа на нас велит подводы править». И, отказав в подводах, пошли все врознь. Якутский воевода Петр Головин два года держал в тюрьме товарищей своих Матвея Глебова и дьяка Филатова; в семи тюрьмах Головин держал больше 100 человек служилых, торговых и промышленных людей. Притеснениями и казнокрадством отличился также мангазейский воевода Григорий Кокорев, по донесениям товарища его, Андрея Палицына: «Приедут самоеды с ясаком, воевода и жена его посылают к ним с заповедными товарами, с вином, несчастные дикари пропиваются донага, ясак, который они привезли, соболи и бобры переходят к воеводе, а самоеды должны платить ясак кожами оленьими, иные с себя и с жен своих снимают платье из оленьих кож и отдают за ясак, потому что все перепились и перегрублены. Который торговый или промышленный человек не придет к воеводе, к жене его и к сыну с большим приносом, такого воевода кидает в тюрьму, да не только его самого, но и собак его посадит в тюрьму, да и берет потом выкуп и с самого, и с собак. Когда у воеводы бывают пиры, на торговых и промышленных людей, если кто к нему, или к жене его, или к сыну принесет мало, тому принос бросают в глаза и до ворот провожают в шею; люди воеводины берут у торговых людей на гостином дворе товары без платы; к сыну воеводы промышленные люди ходят ежедневно продажное вино пить: кто принесет гривну, тому даст чарку, кто принесет две гривны, тому две чарки, и так дальше по расчету, и как эти люди, напившись, пойдут от него со двора, то люди его кресты, перстни и пояса с них оберут, а с иных и все платье поснимают в заклад. Затевает торговым людям напрасные посылки, велит выбрать нарочитых людей 20 или 30 и скажет службу на тундру, откуда им не воротиться, и те люди, одолжив свои головы последними долгами, от него откупаются деньгами.

Исказил царский наказ и держал его в съезжей избе, а настоящий наказ скрывал у себя. Кокорев, с своей стороны, доносил на Андрея Палицына, что он держит корчму, пьянством других разоряет и сам пьянствует. Один священник, духовный отец Палицына, доносил на Кокорева; другой доносил на Палицына и на отца его духовного, обвинял их в содомских делах, воровских заводах и богомерзких словах. Палицын доносил, что Кокорев ходит в город и в церковь нарядным воровским обычаем, носят перед ним меч оберучный, как перед Расстригою, а люди его все перед ним с пищалями, саблями и со всяким оружием, как перед курфюрстом немецким ходят; чины у него учреждены большие; холопей своих зовет — иного дворецким, другого казначеем, иных стольниками. Когда Кокорев пойдет в баню, то перед баню приходят к нему здороваться складчики его и советчики и попы, и на них смотря, боясь его безмерного страха, всяких чинов люди ходят перед баню челом ему ударить; и когда жена Кокорева пойдет в баню, то велит всем женщинам посадским приходить челом себе ударить. Если у кокоревских людей умрет ребенок, то всех посадских женщин загоняют и велят над ребенком плакать. На кого Кокорев накинется неделом, посадит в тюрьму или на правеже велит мучить, и те люди последние свои животишки относят к жене Кокорева, а приводит их поп Сосна и всем людям говорит: кто хочет беды избыть, тот бы шел ко всемирной заступнице, которая что захочет, то и сделает, хотя от виселицы отнимет. Дело дошло до того, что оба воеводы вступили друг с другом в явную войну: Кокорев с своими советниками и стрельцами начал стрелять из города в посад, где сидел Палицын, и несколько человек было побито; а Кокорев в свое оправдание говорил, что он стрелял вследствие приступа к городу Андрея Палицына и его соумышленников.

Кроме притеснений от воевод и приказных людей жители городов и областей много страдали от разбоев, которых, как мы видели, было много и прежде, а теперь должно было быть еще больше после недавних смут и козацкого господства. Разбойники ходили толпами; правительство наряжало против них стольников, которые ходили с вооруженными отрядами, со всяким ратным боем. В 1618 году били челом люди князя Мстиславского: «Перед Покровом шли черкасы и крестьян многих посекли в Ярополчевской волости; а после черкас пришли в волость Ярополчь козаки и стали в Возниковской слободке станом; тогда люди и крестьяне князя Дмитрия Михайловича Пожарского, да муромских и гороховских детей боярских люди, крестьяне и стародубские мужики сложились с этими козаками, да волость Ярополчевскую разорили; к козакам вино и мед извощики князя Дмитрия Пожарского привозили и торгами всякими торговали, а

как вино и мед распродадут, то наших крестьян пожитки, лошадей, коров и платье всякое покупали и стада отгоняли в поместья и вотчины своих бояр». Разбойничали прикащики мелких поместий с своими крестьянами, разбойничали мелким разбоем, нападали ночью в лесу на проезжих. Иначе поступали прикащики больших, сильных вотчинников; в 1645 году шуяне били челом князю Якову Куденетовичу Черкасскому: «Жалоба нам, государь, на приказного твоего человека села Иванова-Кохмы, Бесчастного Черкашенинова: в прошлом году о Николине дни вешнем в селе Пупке на торгу он, Бесчастный, с твоими крестьянами прибили до полусмерти наших посадских людишек, шалаши у них поломали, товар: хлеб, калачи, мясо и пироги в грязь втоптали; мы тогда били тебе челом, и ты изволил сыскать и, по сыску, указ учинить. А в нынешнем году 24 июля приехал он, Бесчастный, в Шую на торг, собравшись со многими крестьянами и, сердясь за прежнее наше челобитье на него, хотел нас перебить; мы, узнавши, что он хочет нас перебить, которые сидели в лавках, а иные по домишкам своим, от него заперлись, и сидели запершись до тех пор, пока он из Шуи выехал; а он, Бесчастный, по торгу и по улицам ездил с саблею, а крестьяне твои за ним ходили с топорками, кистенями, ослопами и кольями, ясаком кликали, похвалялись на нас убийством». Прикащик дворцового села Дунилова, Сабуров, бил челом на Творогова, прикащика села Васильевского, принадлежавшего также князю Черкасскому: «Ездит Творогов в Шую на торг и на Дунилово, с ним ездят многие люди, человек по двадцати, по сороку и больше, называются козаками и крестьян государевых по дорогам и по деревням побивают и грабят, подводы берут, жен их и детей позорят, животину всякую стреляют и по хлебу ездят. В нынешнем году приехал на торг и стал на дворе у крестьянина Неверова силою; и как торг съехался, то Творогов вышел со двора с своими козаками и крестьянами, и стал у крестьян государевых сукна и холсты грабить и самих крестьян побивать. Когда я, Сабуров, выслал людей своих уговаривать его, то он велел людишек моих бить насмерть и грабить середь торгу; тогда я вышел на улицу и стал ему говорить: за что ты государевых крестьян велишь грабить, а людишек моих побивать? а он начал меня бранить всякою неподобною бранью и велел козакам бить меня до смерти, но меня миром отняли; я ушел к себе на дворишко и заперся; Творогов с козаками и со многими людьми приступил к дворишку моему, из луков и пищалей стреляли, поленьем бросали и грабили, и я едва отсиделся, отняли меня миром». Стрельцы при удобном случае становились также разбойниками, архангельский воевода доносил в 1630 году, что его человек стрельцов, посланных из Холмогор в Пустоозерский острог, в Кедрове и на Мезени

воровали, крестьян били и грабили и жен их бесчестили, сотника своего не слушали. Переводить разбои было трудно в стране малонаселенной, покрытой дремучими лесами; кроме того, средств не было: явятся большие разбойничьи шайки, против них вооружатся дворяне и дети боярские, как вдруг придет указ, чтоб эти дворяне и дети боярские ехали на береговую службу, а за разбойниками пусть идут монастырские служки, посадские и уездные люди; воевода пишет, что монастырские служки худы и бесконны, ему отвечают из Москвы: «Вы бы за разбойниками сами ходили, посылали губных старост и отставных дворян и детей боярских». Но уже это походило на насмешку, ибо дворяне и дети боярские оставлялись за старостию, увечьем и болезнями. Слышались жалобы и на губных старост, что они норовят колодникам для своей бездельной корысти, а губные шуйские старосты раз подали вот какую челобитную на губного целовальника: «Пришел он с кабака пьяный и вынул из тюрьмы колодницу, разбойничью женку Аксютку, к себе на постель, а сам уснул пьяный; тогда женка Аксютка вынула у него из пазухи ключи тюремные и выпустила из тюрьмы колодников, татей и разбойников семь человек, а тюремный сторож в то время сошел к себе ужинать».

Если посадские люди терпели от прикащиков сильных вельмож, то и дворяне и дети боярские били челом: которые посадские тяглые люди живут за сильными людьми и за монастырями в закладчиках, то от них им, дворянам, людям их и крестьянам обиды и насильство многое в городах, по торжкам, по слободам и на посадах: людей их и крестьян грабят и побивают, на мытах и перевозах перевозы и мостовщину берут мимо государева указа; а в городах воеводы и приказные люди на этих людей суда не дают, отказывают, что им в городах судить их не указано. Вследствие этого челобитья вышел указ: на откупщиков и мытовщиков суд давать по приказам, из которого приказа кому дано в откуп или на оброк; кто станет брать перевозы и мостовщины мимо государевой грамоты, таких бить кнутом, да сверх того пеня на государя с откупу их с рубля по алтыну. А которые люди всяких чинов самовольством на своих поместных и вотчинных водах, по дорогам, завели мыты, перевозы и мостовщины и берут перевоз и мыт самовольно, вновь постановили мельницы и этим воду подняли, то все эти мельницы, мосты и перевозы свезть.

Когда Новгород Великий возвращен был Москве по Столбовскому миру, то жителям его дана была льгота на три года от всех податей; воеводами в него назначены были боярин князь Иван Андреевич Хованский да стольник князь Федор Елецкий с двумя дьяками; воеводы получили наказ переписать дворян и детей боярских, которым велено быть с ними на службе в Новгороде, нетчиков сыскивать и наказывать,

пустопоместным и беспоместным, пока испоместятся, давать корм по осмине человеку: пересмотреть наряд и пушечные запасы и расставить наряд по местам, росписать пушкарей и всяких людей, где кому быть в осадное время, чтоб всякий свое место знал; ворота воеводам и дьякам ведать, кому которые пригоже; в городничие выбрать двоих дворян добрых и велеть им всякий хлеб и городовое всякое береженье, и у наряду у всех ворот ведать во всем, в городе ворота замыкать и отмыкать, а ключи приносить боярину и воеводе князю Хованскому в каменный город; жить князю Хованскому в большом каменном городе, князю Елецкому в другом городе, а дьякам жить, где прежде дьяки живали; как город замыкать и отмыкать, — для того сделать колокол, а ратный вестовой держать другой колокол; порох и всякий пушечный запас держать в каменном городе на казенном дворе или в крепком погребе, и приказать тот погреб и порох городничему, а для береженья от огня учредить объездчиков; в осадное время чухнов, латышей и порубежных русских крестьян в город (крепость) не пускать, держать их на посаде, во рвах, а жен их и детей малых пускать в город. Выбрать детей боярских и велеть им корчмы вынимать у всяких людей, чтоб кроме государевых кабаков никто питья на продажу не держал; дети боярские, которым держать про себя питье непригоже, чтоб никак его не держали, а которым дворянам и детям боярским, приказным людям, гостям лучшим и торговым людям пригоже питье держать, те бы питье держали про себя, а не на продажу; если у тех, кому нельзя держать питья, вынут корчму впервые, на том взять два рубля заповеди; вынут корчму в другой раз у сына боярского, то вкинуть его на время в тюрьму, и заповеди взять вдвое; вынут в другой раз корчму у посадского человека, у стрельца, козака или пушкаря, то бить кнутом и вкинуть в тюрьму, а заповеди взять вдвое. Заказ крепкий учинить и биричю велеть кликать несколько раз, чтоб никакого воровства не было, никто бы никого не бил и не грабил и другого никакого дурна не делал; беречь накрепко, чтоб в летнее время изб и бань не топили, вечером с огнем не сидели, есть бы варили и хлебы пекли в поварнях и на огородах в печах. Порубежных латышей и чухон Новгородского уезда, также зарубежных немцев, латышей и чухон, если приедут с хлебом или так для чего-нибудь, в город не пускать, а отвести им двор или два на посаде, приказать их приезд и отъезд ведать сыну боярскому или двоим добрым и беречь накрепко, чтоб им от русских людей обид не было, да чтоб от них русским людям дурна не было же: случится между ними и русскими людьми тяжба, то судить их на посаде головам, которым приказаны будут немецкие гостиные дворы, а вершить дела воеводам. Если посадские люди из московских городов станут прихо-

дить в Новгород и захотят жить в нем, будут просить льготы, то, расспросив их, велеть жить на посаде, давши им места под дворы и под огороды, записывать имена их в книги и присылать ведомость к государю в чети, откуда кто пришел и как давно. Беречь накрепко, чтоб немцы и латыши, приезжая в Новгород, у порубежных людей хлеба и никакого другого товара не покупали и скота не гоняли за рубеж, чтоб заморские торговые люди из Новгорода хлеба и никакого съестного запаса за рубеж не вывозили; сделать для немцев гостиный двор на торговой стороне, занять место небольшое острогом, дворы извозные извощикам сделать, а извощиков прибрать сколько пригоже, смотря по заморскому водяному приезду и привозу; этим извощикам из судов на гостин двор всякие товары велеть возить, а мимо их никому в извозе не быть, да изоброчить этих извощиков оброком. Если товар с немецких разбитых судов прибьет к берегу, то воеводам велеть товар сыскивать и отдавать немцам, чей он будет, взимая на государя десятую выть. Поминков воеводам у чужеземцев и у русских людей не брать ни под каким видом; если немцы станут какую почесть приносить, то также не брать ничего; пускать их князю Хованскому к себе в избу в другом городе перед воротами по утрам, человек по пяти и по шести, а не вдруг, в каменный же город заморских немцев никак не пускать. Сделать в Новгороде гостиный двор, чтобы гости мимо этого двора нигде не ставились, а фрязам, французских судов людям, сделать на тех дворах амбары, где держать дорогие товары и всякую мелкую рухлядь; еду и питье всякое держать для заморских немцев и для торговых людей дворникам тех дворов, а для береженья на дворах приставить сына боярского и с ним целовальников; служилых людей, детей боярских, пушкарей, стрельцов и козаков на дворы не пускать, чтоб от них приезжим людям обмана, татьбы и другого воровства не было. Тяжелый товар: сельди, соль, мед, свинец, серу горячую, медь класть за городом на гостиных дворах под навесами, а мягкий товар немцам класть в амбарах. Русским людям свой товар: лен, посконь, сало, воск также класть на гостиных дворах; а соболи, белки и всякий дорогой товар класть в городе, для чего сделать им там двор с амбарами. Если будут вести не тихи, на то время и немецкие большие товары с гостиных дворов велеть перевозить в город, и класть в погреба или в палаты, где бы крепче, а лен, сало, воск и посконь класть в каменные погреба, где было бы от огня бесстрашно; а по улицам на посаде всякую ночь должны ходить по два сына боярских да по десяти человек посадских людей, смотреть, чтоб не было никакого воровства, и кругом гостиного двора ходить и береженье держать большое. Пушкарям, стрельцам, козакам и воротникам с немцами торговать запретить и смотреть за

ними строго, чтоб над немецкими и над русскими людьми воровства не делали, да смотреть, чтоб стрелять умели, а которые не умеют, тех вон метать, и на их место прибирать умеющих; холопей боярских, тяглых людей и с пашен пашенных крестьян в стрельцы и козаки не брать, брать вольных охочих людей. Был до разоренья в Новгороде денежный двор: так воеводам велеть прежних денежных мастеров и новых собрать и денежный двор устроить, велеть деньги делать в старых деньгах и в ефимках, а для береженья велеть быть на денежном дворе сыну боярскому доброму, да гостю или торговому человеку лучшему и целовальникам, целовальников велеть выбрать городом, выбор взять за руками и к крестному целованью привести. Денежным мастерам сказать, что государь велит им давать денежное жалованье по-прежнему, и беречь накрепко, чтоб мастера делали деньги из чистого серебра, а медных и оловянных не делали, и в деньги меди и олова не примешивали, государевым серебром не корыстовались. Обо всем воеводам промышлять по сему государеву наказу, по указным грамотам и смотря по тамошнему делу; а о больших и вестовых делах приходить к митрополиту и с ним советоваться, как которому делу быть пригоже, и как бы государеву делу было лучше и прибыльнее.

В 1626 году в Новгороде Великом людей, способных носить оружие, было 2752 человека; из них дворян и детей боярских всех пятин — 1297, новокрещенов, татар и черкас поместных и кормовых — 36, стрельцов — 564 с двумя головами и 8 сотниками, козаков — 355, пушкарей и воротников — 20, подьячих у дел и рассылочных — 35, посадских и всяких тяглых людей с разными боями — 435. В новгородских пригородах: в Ладоге — 289, в Порхове — 75, в Старой Русе — 70; во Пскове — 4807, в том числе посадских — 3130, несмотря на то, что в 1615 году выведено было 300 семей в Москву; в Торопце — 1103; в Торжке — 567; в Твери — 178, в том числе посадских — 85; в Кашине — 61; в Устюжне Железопольской — 335, в том числе посадских — 300: 100 с пищалями и 200 с рогатинами; в Ярославле — 2480, из них посадских и всяких жилецких людей, дворников и захребетников — 457 с пищалями да 1669 с копьями, кроме того, в Спасском монастыре слуг, служек и всяких монастырских людей —73 с пищалями, да 51 с копьями; в Костроме — 1297, в том числе — 1200 посадских, в Вологде — 1091, в том числе посадских — 800; во Владимире — 370, в том числе оброчных огородников — 50, посадских — 128, дворников — 62, патриарховых слободских крестьян — 17, соборных попов крестьян — 31; Дмитровской слободы крестьян —2; в Суздале — 419, из них посадских — 258; в Арзамасе — 650; в Коломне — 558, из них посадских — 287; в Алексине — 90, из них посадских и черно-слободских — 5; в Калуге — 1068, из них посадских — 422; в

Вязьме — 1321, из них посадских — 302; в Можайске — 431, из них посадских — 34; в Волоколамске — 106, из них посадских — 27; в Боровске 280, посадских — 58; в Болхове — 318, из них посадских и всяких жилецких людей — 167; в Воронеже — 1168, посадских — 37; в Ельце 1486, жилецких людей — 25. В 1635 году уже другие цифры: во Владимире, например, вместо 128 посадских — 184, дворников вместо 62—100, но число огородников уменьшилось: вместо 50—33. В Суздале вместо 419 посадских находим только 302; в Боровске вместо 58—65; в Калуге то же самое число; в Воронеже приращение большое: вместо 37 посадских 1626 года находим 375; положим даже, что в это число вошли 101 человек крестьян монастырской и оброчной слободы, показанные особо под 1626 годом, и не показанные в 1635. В Новгороде Великом также большое приращение: вместо 435 посадских 1097 посадских людей, их детей, братьев, племянников и захребетников. Но во Пскове сильное уменьшение: вместо 3130 посадских 1626 года в 1635 находим только 1057 с детьми, братьями, племянниками и захребетниками. Сильное увеличение посадских в Новгороде и сильное уменьшение их во Пскове легко можно объяснить тем, что новгородские посадские люди бежали от шведского разоренья и преимущественно во Псков, а потом мало-помалу возвращались; во Псков же, кроме новгородцев, могли сбираться посадские люди и из других разоренных городов, потому что Псков в Смутное время неприятелем занят не был [16].

Незначительное число посадских людей в городах, людей, занимавшихся торговлею и промышленностью, уже может показать нам, что торговля и промышленность в Московском государстве при Михаиле не были в блестящем состоянии. Разгром Смутного времени, пожертвования для тяжелых войн с Польшею, насилия воевод и всяких сильных людей, дурное состояние правосудия, монополии казны, дурные дороги, недостаток безопасности на этих дорогах по причине разбойников, отсутствие образованности, от которого происходила мелкость взглядов, мелкость и безнравственность средств для получения барышей, — все это производило то, что русские торговые люди были бедны, отбывали своих промыслишков; если предположим даже, что они говорили неправду, нарочно выставляли свою бедность, чтоб отбыть от пожертвований, то побуждения, которые заставляли их так поступать, конечно не могли содействовать развитию торговли и промышленности. До чего доходили откупа, видно из следующей царской грамоты 1639 года: «Ведомо учинилось: в городах, приписанных к приказу новгородской чети, в недавнее время взяты на откуп квас, сусло, брага, ботвинья, хмельное и сенное трушенье, мыльное резанье, овес, деготь и другие мелкие промыслы, которыми в городах живут, кормятся и тягло пла-

тят посадские и всякие жилецкие люди; в прежнее время такие мелкие промыслы никогда в откупу ни за кем не бывали, а теперь от них посадские и всякие жилецкие люди оскудели, и государь указал все эти новоприбылые откупа в городах отставить. О том же свидетельствует и Псковский летописец; он говорит, что в 1627 и 1628 годах умышлением воеводы и дьяка дали на откуп квасников, извощиков, дегтярей и банников на оброк и площадных подьячих, а в 1629 году купили на Москве кабаки псковские Ивана Никитича Романова закладчик Хмелевский с товарищами и продавали вино по 4 алтына стопу, а стоп убавили; другие люди откупали кабаки по волостям». Человек с состоянием должен был находиться в беспрерывном страхе за свое имущество и за свое спокойствие, потому что оно было постоянною целию для людей, хотевших поживиться на чужой счет, а такие люди были не между одними козаками: начали приезжать из Москвы во Псков дворяне, дети боярские и торговые всякие люди с ложными зазывными грамотами, требуя зажиточных горожан в Москву на суд; те, только чтоб не предпринимать разорительного путешествия, не испытывать знаменитой московской волокиты, мирились, сами не зная в чем, давали иногда больше десяти рублей. Вследствие этого псковские всегородные земские старосты били челом царю, чтоб дал псковичам право судиться у себя во Пскове во всяких делах, кроме уголовных; царь исполнил просьбу. Шуяне били челом князю Прозоровскому на его человека Акинфова, что он взял зазывную грамоту на шестерых шуян посадских людей, поклепав напрасно, убытчит и продает и вперед похваляется на многих посадских и остальных людишек зазывными же грамотами, поклепами и продажами и убытками великими. Мирское устройство городов обеспечивало горожанам право подавать всем миром беспрестанные жалобы царю и вельможам, не обеспечивая, однако, как мы видели, возможности защищаться всем миром, когда соседнему прикащику вздумается въехать в посад с угрозами: одни формы не помогут, как бы они хороши ни были. Мирское устройство, с другой стороны, обеспечивая право жаловаться всем миром на злоупотребления, не обеспечивало от разорения и правежа, когда весь мир должен был платить за пустые дворы, все более и более в некоторых городах прибавлявшиеся; в 1640 году шуяне били челом: в прошлом 1631 году было у нас по писцовым книгам на посаде жилых тяглых дворов 154, в прошлом 1639 году запустело 32 двора, да в нынешнем 1640 погорело 82 двора, осталось у нас разломанных дворишков 40, и пошли мы по миру, промыслишки и товаришки — все пригорело; да мы же до пожара и после пожара стоим на правеже за недоплаченные в 1639 году дворовые деньги. Челобитная оканчивается обычным припевом: «Пожалуй нас, сирот твоих, чтоб нам вконец

не погибнуть и розно не разбрестись». Мир пользовался правом жаловаться на злоупотребления, и жалобы выслушивались, просьбы исполнялись, правительство злоупотреблениям не потакало. В 1639 году шуяне били челом: велено в Шуе сыскивать корчемные и табачные дела Ивану Тарбееву, и велено ему взять у нас обыскные речи, и мы указали на людей, которые табак *пили,* а кто им табак привозил, того мы не знаем; но Иван Тарбеев научил этих бездельников клепать нас табаком для своей корысти, многих нас испродал, и многие посадские людишки разбрелись розно, покинув жен своих, детей и животы; и Иван Тарбеев на их место взял жен и детей и отдал за приставов, а из-за приставов берет их к себе на постелю на блуд, угрожая им пыткою и торговою казнию, и велел им клепать нас табаком». Правительство не оставило без внимания такой жалобы и отправило Андрея Палицына разыскать дело. Палицын был беспристрастен относительно Тарбеева; но шуйский мир опять подал челобитную теперь уже не государю, а могущественному боярину, князю Ивану Борисовичу Черкасскому, что Палицын пытает Тарбеева, но вместе пытает и посадских людей, пытает крепко насмерть, не против их обысков.

Понятно, что при таких условиях русские торговые люди были бедны и не могли *стянуть* с богатыми иноземцами, на которых они жаловались одинаково как и на воевод. Мы видели, что в начале царствования англичане получили грамоту на свободную и беспошлинную торговлю: торговые русские люди старались представить это дело так, что англичане подкупили думного дьяка Третькова; но мы не можем принять этого объяснения, зная особенные отношения нового московского правительства к Англии. Англичане обязаны были доставлять в царскую казну сукна и другие товары по цене, по какой они продаются в Англии, не вывозить шелку за границу, не привозить табаку и чужих товаров; по городам воеводы должны были смотреть, чтоб русские люди от англичан их товарами не торговали, и чтоб англичане закладчиками русских людей не держали. В 1613 году дана немцу Буку жалованная грамота на беспошлинную торговлю за его службы, прежнюю и нынешнюю к государю и Московскому государству. В том же году дана грамота иноземцу Ивану Юрьеву на право беспошлинной торговли во всех русских городах по причине разорения, претерпенного им от поляков; в 1614 дана была грамота компании голландских гостей на свободную и беспошлинную торговлю, но только в продолжении трех лет, и то в вознаграждение за потери, которые компания понесла в Смутное время, после же трех лет они должны были платить половинную пошлину; *для иноземства* государь их пожаловал, не велел судить их по городам воеводам и приказным людям, кроме дел уголовных, в граждан-

ских же исках судятся они в Посольском приказе; дойдут по суду до крестного целования, то присягают не сами они, а люди их; с дворов их никакие подати, пошлины и повинности не требуются; наконец голландцы могут держать при себе питье. В 1619 году новгородские таможенные головы, гости, старосты и все посадские люди жаловались на голландца Самуила Леонтьева, что он живет на посаде на тяглом дворе, владеет двором неведомо почему, на гостином дворе с другими иноземцами не ставится, держит товары у себя на дворе, для царских пошлин в таможню их не являет, торгует всякими товарами врознь, и посылает от себя русских людей для торгового промысла в Заонежские погосты и, покупая хлеб, рыбу и всякие товары, отпускает в немецкие города; государь приказал воеводам допросить голландца, почему он так делает, взять с его товаров пошлины, выслать вон и вперед запретить ездить в Новгород, да запретить ездить в Новгород и другим немецким купцам, у которых не будет царских жалованных грамот, кроме шведов. Ганзейские города, по просьбе голландских штатов, получили право свободной торговли, но потом потеряли его. Мы видели, что по Столбовскому миру шведы получили право свободной торговли в русских городах; в 1629 году царь писал новгородским воеводам: «Приезжают из-за рубежа в нашу сторону торговые люди и торгуют всякими товарами украдкою, ездя по деревням, беспошлинно; а еще в 1625 году велено русским торговым людям заказ учинить крепкий, чтоб они в Швеции торговали по городам, а по селам и деревням не торговали, точно то же и шведам велено сказать, чтоб они у нас по селам и деревням не торговали». Псковский летописец жалуется на немцев и вообще на стеснение торговли, под 1632 годом он говорит: «Привезли немцы торговую грамоту из Москвы, что ставить им двор немецкий во Пскове, входить в город и торговать; архиепископ Иоасаф и псковичи били челом государю, чтоб не быть во Пскове немцам; но челобитья псковского не приняли, у Иоасафа благословение и службу отняли, а немцы во Псков многие входили и ездили по всему городу невозбранно, и отмерили место, где двор немецкий ставить. В 1636 году отняли у псковичей торговлю, льном не торговать всяким людям, и гость московский прислан, велено ему купить на государя по указанной цене московской; много от этого было убытку монастырям и всяким людям, деньги — *корелки* худые, цена невольная, купля нелюбовная, во всем скорбь великая, вражда несказанная и всей земле связа, никто не смей ни купить, ни продать». Несколько раз гостишки, гостинной и суконной сотни торговые людишки и многих разных городов — казанцы, нижегородцы, костромичи, ярославцы, суздальцы, муромцы, вологжане, устюжане, романовцы, галичане, угличане, каргопольцы, бело-

зерцы, колмогорцы и других многих городов торговые людишки подавали жалобу государю на иноземцев, англичан, голландцев и гамбурцев, которые ездят по государевым жалованным грамотам в Москву и по многим другим городам со всякими многими товарами, тогда как при прежних государях кроме английских гостей иноземцы нигде не торговали, торговали только у Архангельского города. Теперь же они ездят по всем городам и привозят с собою других иноземцев, у которых нет государевых жалованных грамот, называют их своими братьями, племянниками и прикащиками, их товары выдают за свои, провозят товары тайно и беспошлинно; сами всюду ездят, покупают русские товары и потом продают их у Архангельска иноземцам заморским тайно и беспошлинно; чинят с этими заморскими немцами заговор вместе и торгуют у нас товары в наклад, и чем нам кормиться и сытым быть, все это у нас отняли; оттого русские торговые люди к Архангельску ездить перестали, ярмарка начала пустеть, в государевой казне стали быть недоборы большие, а мы от них вконец погибли. Те же иноземцы и остальные судовые промыслишки у нас отняли: с Вологды к Архангельскому городу и от Архангельска вверх к Вологде товары свои в своих дощаниках возят и кладь у русских людей и у иноземцев по найму берут».

Мы видели, что астраханская торговля с востоком пострадала при Заруцком, когда бухарские и гиляндские купцы, ограбленные вором, должны были разбежаться; после очищения Астрахани от Заруцкого торговля возобновилась; в наказе астраханскому воеводе говорится: «Переписать на гилянском и бухарском дворе тезиков, которые живут в Астрахани на государевом имени, которой они области, которого города, как давно живут в Астрахани, ездят ли отсюда в свою землю, или живут в Астрахани безвыездно, какими товарами торгуют и сколько доходов идет с них в государеву казну». Царь Михаил дал бухарцам право ездить с товарами в Казань, Астрахань, Архангельск и приморские города, нанимать подводы, покупать суда, воеводы не могли их задерживать, исключая долговых обязательств и уголовных дел. Что касается до персидской торговли, то московские купцы сами объявили, что ведут ее многие русские торговые люди, из многих городов; относительно же торговли персиян в России дан был такой наказ астраханскому воеводе: «Велеть кизилбашских, бухарских и гилянских торговых тезиков ставить на гилянском и бухарском дворе и торговать им велеть с русскими людьми и с юртовскими татарами на татарском базаре указными товарами, кроме шаховых купчин, которые покупают товары на шаха: этим позволено покупать на шахов обиход всякие товары, ногайский ясырь (невольников), птиц, ястребов, соколов и балабалов, кроме кречетов, пошлин с шахо-

вых товаров не брать, но смотреть, чтоб шаховы купчины на себя не покупали того, что указано только на шаха покупать; если торговые люди из шаховых городов приедут в Астрахань, то воеводы посылают детей боярских, таможенных целовальников и подьячих, которые должны переписать, кто именно едет, сколько с ним людей, какие везет товары; если эти торговые люди станут торговать в Астрахани, то брать с них пошлины большие, если же будут проситься вверх по Волге, в Казань и другие города, то отпускать их, взявши пошлины проезжие; где товаров своих не продадут, там брать пошлины отвозные, смотреть накрепко, чтоб персияне, когда поедут в государевы города, ногайских и государевых людей с собою не брали; в Астрахани тезиков не задерживать, чтоб из-за них с шахом ссоры не было. Турецким купцам запрещено было торговать в Астрахани и на Тереке. Ногаям и юртовским татарам запрещено было в Астрахани продавать лошадей русским людям для отсылки в Русь; они должны были своих лошадей непременно гнать в Москву и по дороге нигде не смели продавать; астраханские воеводы должны были приманивать их обещанием, что когда они пригонят лошадей в Москву, то государь будет их жаловать, велит им видеть свои царские очи. В 1643 году астраханские воеводы получили следующую царскую грамоту: «Бьют нам челом юргенского (хивинского) царя послы и говорят: ездят из Астрахани русские люди чрез Юргенское государство торговать, и юргенский царь в том им заказа чинить не велит, и как они исторговавшись поедут в Астрахань, то он их и провожать велит; а когда юргенские торговые люди поедут в Астрахань и приедут к морю, то наши торговые люди бьют челом приказным людям, чтоб они юргенских торговых людей на суда не сажали, для того чтоб они товары свои продавали в неволю, дешевою ценою, и приказные люди юргенцев на суда не сажают, говорят, чтоб они торговали тут, а если не хотят торговать, то пусть везут свои товары назад. Так вы бы велели юргенцев на суд сажать и в Астрахань отпускать». Как стеснялась торговля, подчиняясь другим интересам и требованиям, видно из царского указа в Астрахань — не продавать персиянам дорогих мехов, чтоб не умалить цены царским подаркам, посылаемым к шаху.

Иностранцы охотно покупали хлеб в России; но продажа хлеба за границу была монополиею казны. В этом отношении замечательна царская грамота 1630 года гостю Тараканову с товарищами, которые закупали хлеб для казны: «Велено вам покупать на нас хлеб на Вологде и в других городах: рожь, ячмень, пшеницу, крупу гречневую, просо толченое, семя льняное и ссыпать этот хлеб в амбары, а весною на судах везти к Архангельску и продавать немцам, амбары же, куда хлеб ссыпать, и суда велено делать вам деньгами нашей казны. Но

теперь бил нам челом игумен Антониева Сийского монастыря, что монастырь этот обыкновенно закупает хлеб на Вологде, потому что своею пашнею прокормиться ему нельзя, а вы, по нашей грамоте, хлеба ему покупать не велите. Так вы бы Сийского монастыря старцам покупать хлеб велели по-прежнему; только бы берегли накрепко, чтоб монастырские прикащики, крестьяне и всякие люди немецким гостям, купцам и их уговорщикам, которые скупают хлеб на немцев, хлеба никакого не продавали, и которые люди станут немцам хлеб продавать, тех сажать в тюрьму, а хлеб отбирать на нас» [17].

Если русские купцы, видя, что им не стянуть с иностранными, желали удаления последних из внутренних городов государства, то они не имели никаких побуждений желать того же относительно промышленников иностранных, которые одни могли показать им выгоду известных промыслов, научить их известному мастерству. Больше всего правительство хлопотало о вызове из-за границы искусных рудознатцев, которые бы помогли открыть золотую и серебряную руду и дорогими металлами пополнили бы истощенную казну царскую. В 1626 году дана опасная грамота в Английскую землю урожденному шляхтичу Ивану Булмерру, который своим ремеслом и разумом знает и умеет находить руду золотую и серебряную и медную и дорогие каменья и места такие знает достаточно. В 1628 году видим в Москве рудознатцев-цесарцев — Фрича и Герольда. В 1640 году англичанин Картрейт с одиннадцатью мастерами взялся искать руду золотую и серебряную, но не нашел ничего и должен был заплатить, по обязательству своему, все издержки, сделанные по этому поиску. Мы видели, что в 1642 году боярин князь Борис Репнин ездил в Тверь для отыскивания золотой руды, но поиски были напрасны. Сильно также нуждались и в неблагородных металлах и в искусной их обработке. Железо давно уже выделывалось в Московском государстве из глыбовой руды, вынимаемой из земли близ города Дедилова, в тридцати верстах от Тулы, также на Устюжне-Железопольской, из болотной руды. Тула с XVI века уже была известна выделкою оружия; в 1619 году тульские кузнецы, ствольники, замочники и ложечники, 25 человек, били челом государю, что они делают государево самопальное дело день и ночь беспрестанно, и потом еще тянут во всякие подати с посадскими людьми; так чтоб государь велел им делать одно самопальное дело попрежнему. Но этого тульского самопального дела было очень недостаточно: мы видели, в каком большом количестве выписывалось оружие из-за границы; в большом количестве выписывалось и прутовое железо из Швеции; так, например, в 1629 году выписано было 25 000 пуд. по 21 алтыну 4 деньги за пуд. Поселившийся в России голландский купец Андрей Денисович Виниус с братом Авраамом и другим купцом Вил-

кенсоном подал царю Михаилу челобитную, чтоб позволено им было в окрестностях Тулы завести завод для отливания разных чугунных вещей и для выделки железа по иностранному способу из чугуна. В феврале 1632 года Виниус получил государеву грамоту, в которой позволялось ему построить мельничные заводы для делания из железной руды чугуна и железа, для литья пушек, ядер и котлов, для ковки досок и прутьев, дабы вперед то железное дело было государю прочно и государевой казне прибыльно, а людей государевых им всякому железному делу научить и никакого ремесла от них не скрывать. В казну положено было принимать с эгих заводов пушки по 23 алтына 2 деньги, ядра по 13 алтын 2 деньги за пуд, железо прутовое по стольку же, а досчатое по 26 алтын 4 деньги за пуд. Ненужное для казны количество железа и других вещей, даже пушек, заводчики могли продавать на сторону и вывозить в Голландию. Виниус выбрал для своих заводов место в 12 верстах от Тулы на речке Тулице, именно на том из ее протоков, который теперь называется большою Тулицею, руда же копалась в 40 верстах от завода, в 5 верстах от Дедилова. Первоначальное устройство заводов стоило Виниусу больших денег; он задолжал и принужден был в 1639 году вступить в товарищество с знаменитым Петром Гавриловичем Марселисом и голландским гостем Филимоном Филимоновичем Акемою; по их челобитью приписана была к тульским заводам дворцовая Соломенская волость с 347 крестьянами Но Марселис и Акема не довольствовались этим. В 1644 году государь пожаловал иноземца, анбурского города гостя, Петра Марселиса с детьми Гаврилою и Леонтием, да Голландской земли торгового человека, Филимона Акему, велел им железный завод заводить на трех местах: на Ваге, Костроме и Шексне, или где они приищут другое место, к железному делу годное, на порожних землях, на двадцать лет, безоброчно и беспошлинно: вольны они мельницы ставить и железо на всякие статьи плавить. Когда завод будет заведен и работы начнутся, то брать у них железо по договору: в пушках по 20 алтын пуд, в ядрах по 10 алтын пуд, ствол мушкетный и карабинный по 20 алтын. Если кроме взятого в казну останется у них лишнее железо, то можно им его вывозить в чужие земли, которые с великим государем в дружбе; если они железо продадут в Архангельске или за морем на ефимки, то должны отдавать эти ефимки в казну по указной цене, а на сторону никому не продавать и не отдавать. Нанимать всяких людей по доброте, а не в неволю, тесноты и обид никому бы не было, и промыслов ни у кого никаких не отнимать; если царское величество велит научить железному делу русских людей, то Петру и Филимону учить их всему и ремесла никакого от русских людей не скрывать. В 1634 году посланы были за границу переводчик Захар Николаев и

золотых дел мастер Павел Ельрендорф нанять мастеров, которые умеют в горах медь из руды делать и всякое мастерство, какое пристойно к медной плавке. В 1630 году послан был за границу бархатного дела мастер Фимбранд для найма ремесленных людей. В 1631 году дана опасная грамота в вольные государства, в Голландскую и Нидерландскую землю подмастерьям, которые умеют делать городовое дело; в ней говорится: «Бил нам челом алмазного и золотого дела мастер Иван Мартынов да Английской земли торговый человек Френчик Гловерт: по нашему указу начали было в нашем государстве на Москве делать тянутое и волоченое золото и серебро, канитель и друнцаль и всякое мелкое золото и медное дело; но дело это начало становиться дорого, и прибыли нашему царскому величеству от него было мало, потому что прямого, доброго мастера в нашем государстве не было и то дело делать перестали, а в немецких землях таких мастеров сыскать можно, и то бы дело нашему царскому величеству было прибыльно и славно, в торгу дешевле, и нашего бы государства люди то ремесло переняли; так нашему бы царскому величеству пожаловать их, позволить им к тому делу мастеров призвать из Немецкой земли, десять человек и больше на своих проторях, и тем делом им промышлять и торговать на себя десять лет, и кроме их этого дела никому не делать, пока урочные годы пройдут». Царь согласился дать эту привилегию. В 1634 году встречаем Христофора Головея, часового дела и водяного взвода мастера; в 1643 г. — Фалка, пушечного и колокольного мастера, Детерсона — живописца; в том же году швед-каменщик Кристлер начал строить каменный мост через Москву-реку. В 1634 году была выдана десятилетняя привилегия Фимбранду на выделывание лосиных кож; выдана была также пятнадцатилетняя привилегия Коэту на заведение стеклянного завода. Тому же Коэту дана была грамота на заведение поташного завода на 10 лет. В 1643 году английскому агенту Дигби отданы были на 10 лет беспошлинно соляные промыслы в Ярославском, Вологодском и Тотемском уездах. В 1644 году полковнику Краферту позволено было на 7 лет жечь золу и делать поташ в Муромском лесу. При дворе царя Михаила находились и органного дела мастера, Яган и Мельхарт Луневы, выехавшие из Голландии; привезли они с собою *стремент* (инструмент) на органное дело; стремент этот они в Москве доделали, сделали около него станок с резью и расцветили краскою и золотом, на стременте сделали соловья и кукушку с их голосами; когда заиграют органы, то обе птицы запоют сами собою; за такое мудрое дело государь велел дать им из казны 2676 рублей, по сороку соболей, да вместо стола корм и питье. Мельхарт отправлен был за границу с поручением вывезти двоих часовых мастеров, которые бы обязались служить своим мастерством

государю и учеников научить. Приплыв иностранцев был так силен, что два московские священника, один от церкви св. Николая в Столпах, а другой от Козьмы и Дамиана, подали челобитную; в их приходах немцы на своих дворах близ церквей поставили ропаты; русских людей у себя во дворах держат и всякое осквернение русским людям от немцев бывает; не дождавшись государева указа, покупают они дворы в их приходах вновь; вдовые немки держат у себя в домах всякие корчмы, и многие прихожане хотят свои дворы продавать немцам, потому что немцы покупают дворы и дворовые места дорогою ценою, перед русскими людьми вдвое и больше, и от этих немцев приходы их пустеют. Ответом на эту челобитную был указ: в Китае, Белом городе и в загородских слободах у русских людей дворов и дворовых мест немцам и немкам вдовам не покупать и в заклад не брать; русским людям, которые будут продавать, быть в опале; ропаты, которые на немецких дворах близ русских церквей, велеть сломать. Тогда же старым служивым иноземцам, разных чинов немцам, Посольского приказа переводчику, золотого и серебряного дела мастерам и старым московским торговым немцам отведена была между Фроловскими и Покровскими воротами земля под их богомолье, под избу с комнатою и под двор, где им съезжаться для богомолья по их вере. По свидетельству Олеария, в Москве жило в это время до 1000 протестантских семейств.

Иностранцы охотно давали русским деньги за хлеб. Мы видели также, что иностранцы добивались позволения вывозить селитру из России; эта промышленность была довольно развита у нас в описываемое время; кроме мест, известных нам уже прежде по селитряному производству, теперь о нем упоминается в Северской стране: так, при исчислении служилых людей, находившихся в Курске, читаем: «Из них на Романовых селитряных варницах с весны во все лето до отпуску детей боярских 50 человек живут, переменяясь по два месяца»; при исчислении белогородских служилых людей: «Из них детей боярских и козаков конных 30 человек, живут на селитряных варницах Михалка Лимарова». Разные люди, пушкари, бараши подряжались в Пушкарском приказе варить селитру в разных местах, в Ливнах, Воронеже известное количество пуд: в 1634 году они брали за пуд по два рубля и 10 алтын. Наконец к известиям о промышленности в царствование Михаила относится указ о хлебном и калачном весе 1626 года: велено городовым прикащикам и целовальникам ходить повсюду и весить хлебы ситные и решетные, калачи тертые и коврищатые мягкие; если окажется, что хлебы и калачи ниже установленного веса, то продавцов подвергать пени; прикащики и целовальники должны были также смотреть, чтоб хлеб и калачи были выпечены, и хлебники и калачники не прибавляли в них гущи или какой-нибудь другой подмеси.

Прикащикам и целовальникам дана была подробная роспись издержкам производства в приготовлении разного рода хлебов и калачей, например: «На калачи, на четверть — дрожей на два алтына на две деньги, соли на шесть денег, дров на восемь денег, от сеянья четыре деньги, за работу десять денег, лавочного два алтына две деньги, свечи и помело две деньги, и всего харчу на четверть вышло на одиннадцать алтын» [18].

Что касается до сельских жителей, то для них подтверждалась та перемена, которая была произведена в конце прошлого века, ибо обстоятельства и отношения были те же самые. Дворяне и дети боярские били челом, что «бегают из-за них старинные их люди и крестьяне в государевы дворцовые и черные волости и села, в боярские поместья и вотчины, патриаршие, архиерейские и монастырские, на льготы; помещики, вотчинники и монастыри этим беглым их людям и крестьянам на пустых местах слободы строят, от чего их поместья и вотчины становятся пусты Кроме того, те же их беглые люди и крестьяне, выживя за этими помещиками, вотчинниками и монастырями урочные годы, надеясь на них, как на сильных людей, приходят и остальных людей и крестьян из-за прежних помещиков подговаривают, домы их поджигают и разоряют всяким разорением» Вследствие этого челобитья определено: «Которые люди к кому-нибудь приедут, людей и крестьян за себя вывезут, и при этом случится смертное убийство, грабеж или другое какое-нибудь дурно, то государь указал и бояре приговорили: сыскивать про то всякими сысками накрепко, и вывозных крестьян отдавать за 15 лет, а беглых крестьян и бобылей отдавать по-прежнему за десять лет; если крестьяне будут вывезены насильно, то вывезенных отдать со всеми пожитками, да заплатить за крестьянское владение за каждого крестьянина на год по пяти рублей». До какой степени для мелких помещиков было важно поддержание закона об укреплении крестьян, до какой степени они раздражались тем, что вывод продолжался, можно видеть из следующего: в 1624 году ливенский поместный козак Авдей Яковлев пришел к своему крестьянину и при посторонних людях сказал: «Государь нас не жалует, крестьян из-за нас велит выводить; нас в заговоре человек с пятьсот: кто из-за нас крестьян выводит, у тех мы вотчины выжжем, а крестьян побьем, и пойдем до иного государя». Горько жаловались елецкие помещики на прикащиков и крестьян Ивана Никитича Романова, которые, надеясь на силу господина своего, позволяли себе вывод крестьян и всякого рода насилия. Челобитчики писали: «Нам в украйном городе с таким великим боярином в соседстве жить невозможно: мочи нашей от насильства людей и крестьян боярина Ивана Никитича не стало! Каково нам разоренье было от Литвы, и Литва попленила

нас на одно время, а нынешнему плену, каков на нас плен от людей и крестьян боярина Ивана Никитича, и конца не ведаем, пуще нам стало крымской и ногайской войны: во всем Елецком уезде не осталось за нами крестьян и бобылей и третьего жеребья» Но при большом повальном обыске 1865 человек сказали, что про такие насильства сами ничего не знают и от других не слыхали; в новых слободах Ивана Никитича чужих крестьян не объявилось ни одного человека. Вследствие этого челобитчики за их воровство биты нещадно батогами и посажены в тюрьму. В 1614 году Иосифов Волоколамский монастырь бил челом, что во время литовского нашествия крестьяне его разбрелись розно за бояр, дворян и детей боярских, и показал, кто именно за кем живет, причем жаловался, что дворяне и дети боярские этих монастырских крестьян, которые у них живут, грабят и продают, не проча себе, или требуют порук, чтоб эти крестьяне оставались навсегда за ними, а за монастырь не выходили Государь велел по сыску возвратить крестьян монастырю. Жалобы мелких помещиков касались вывоза и бегства старых крестьян; что же касается до вновь рядившихся в крестьяне вольных людей, то они рядились или с условием не сбежать из вотчины, или обязывались по-прежнему: не стану на тяглом жеребье жить, податей и поборов платить, то мне ссуду (взятую у землевладельца) отдать всю сполна, и взять на мне (землевладельцу) за ряду 10 рублей денег; точно такое же обязательство встречаем и со стороны рядящегося в бобыли Встречаем известия, что переход крестьян из черных в помещичьи вредил их благосостоянию: так, в челобитной английского гостя Фабина Ульянова на крестьян помещика Морина Вологодского уезда находим, что крестьяне эти подрядились везти товар в Москву, потеряли его и дали на себя кабалу в 160 рублях; в то время были они за государем в черной волости, а теперь отданы Ивану Морину в поместье, и по кабале денег им платить нечем, потому что от помещика оскудели. Годовой оброк, который крестьяне должны были платить помещику, определялся царским указом; об этом мы узнаем из следующей любопытной челобитной: «Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси бьют челом сироты твои государевы Ярославского уезда села Ширинги крестьянишки, старостишка Гришка Олферьев во всех место крестьянишек села Ширинги. Жалоба, государь, нам на своего помещика, на князя Артемья Шейдякова: в нынешнем 133 году за неделю до Николина дни осеннего, приехал тот князь Артемий из Москвы в твое царское жалованье, а в свое поместье, к нам в село Ширингу, и которые крестьянишки начали к нему приходить на поклон с хлебами, как у других помещиков, тех он начал бить, мучить, на ледник сажать, татарок от некрещеных татар начал к себе на постелю брать и кормовых та-

тар начал к себе призывать; городовой денежный оброк против твоего государева прежнего указа взял весь сполна на нынешний 133 год, а отписей нам в том оброке не дал, и когда мы станем ему об этих отписях против твоего государева указа бить челом, то он нас бьет и мучит, а отписей нам не дает; тот же князь Артемий правил на нас кормовым татарам в пост столовые запасы, яловиц, баранов, гусей, кур. Взявши на нас свои оброчные деньги все сполна, уехал из села в Ярославль, а с собою взял некрещеную татарку, а в Ярославле взял другую русскую жонку Матренку Белошейку на постелю, и в праздник в Николин день в Ярославле у себя на подворье баню топил; живя с этими жонками в Ярославле до Рождества Христова, играл с ними зернью и *веселых* держал у себя для потехи беспрестанно; оброчные деньги, что на нас взял, тем жонкам все зернью проиграл, да веселым роздал, и платье с себя все проиграл; проигравшись, князь Артемий из Ярославля опять съехал в село Ширингу накануне Рождества Христова, а татарку и Матренку Белошейку свез с собою в поместье, и приехав в праздник Рождества Христова, баню у себя топил, а нас стал мучить смертным правежом в других оброчных годовых деньгах, и доправил на нас в другой раз через твой государев городовой указ 50 р. денег да 40 ведр вина, да на него же варили 10 варь пива, да на нас же доправил 10 пуд меду; у которых крестьянишек были нарочитые лошаденки, тех лошадей взял он на себя. И мы, сироты твои, не перетерпя его немерного правежа и великой муки, разбрелись от него розно, а которые нарочитые крестьянишки, тех у себя держит скованых, и правит на них рублей по пяти, по шести и по десяти на человеке, а по домам тех крестьян, которые разбрелись, посылает кормовых татар, которые наших жен позорят; животишки наши велит брать на себя, а иные печатать. Тот же князь Артемий прежним своим служивым татарам деревни в поместья роздал, и жене своей, княгине Федоре, также дал две деревни в поместье; а которые прежде на того князя Артемья били челом тебе государю в его насильстве и немерном правеже об указе, на тех крестьянишек он похваляется смертным убийством, хочет их посекать своими руками». Чем кончилось дело — неизвестно, потому что конец дела утрачен; что же касается до Матренки Белошейки, то эта особа сослана была из Москвы в Ярославль за воровство (разврат) по делу Нефедья Минина. Помещик, посягавший на святыню семейства крестьянина, платился иногда за это жизнью. Что касается до крестьян черных волостей, то они в некоторых местах не благоденствовали. В 1633 году был сделан допрос в Тотемских волостях, отчего крестьяне разбежались? Ответ был такой: разошлись крестьяне от многих податей и от великих немерных правежей, от солдатских кормов, от запасных денег,

от ямских отпусков, от судовые немерные кортомы, от тяжелого вытного и сошного письма [19].

В Европейской России народонаселение было так редко, что землевладельцы переманивали льготами и перевозили силою крестьян друг от друга, несмотря на закон; а между тем на востоке за Уральскими горами все больше и больше прибавлялось к русским владениям пустынных пространств, требовавших населения. На западе в царствование Михаила были отданы Польше и Швеции населенные области и города, зато на востоке русские владения увеличились на 70 000 квадратных миль пустынных пространств, ибо прокладыватели путей, козаки, продолжали пробираться по пустынным рекам все далее и далее к восточному океану и границам китайским, приводя под высокую руку государя рассеянные толпы дикарей, сбирая с них ясак, часто выводя их из терпения своими грабительствами, за которые иногда приходилось платиться жизнию. Чтоб иметь понятие о том, как происходило это распространение русских владений, как отыскивались новые землицы, по тогдашнему выражению, взглянем на донесения некоторых из вождей отдельных предприятий. В 1641 году Василий Власьев доносил, что он с отрядом своим ходил на брацких людей (бурят), Чупчугуев улус погромили, побили людей человек с 30, а живком взять не могли ни одного человека, потому что тунгусы сели в юртах в осаду; Власьев велел толмачу говорить братам и Чепчугую, чтоб они в осаде не сидели, а сдались бы на государево имя, но Чепчугуй стал говорить толмачу с бранью: «Али вы не знаете Чепчугуя, каков Чепчугуй своею головою?» и стал из юрта стрелять, крича: «Жив я вам, козаки, в руки не дамся». Ранил одного человека; на ком были куяки и панцыри, и он куяки пробивал насквозь; русские стреляли по юртам и в юртах, но стрельбою ничего взять не могли, и зажгли юрту. Чепчугуй сгорел с сыном, а жену с другими двоими детьми выкинул верхом. Как скоро служилые люди приводили кого-нибудь из туземцев под государеву высокую руку, то сейчас же начинали расспрашивать его о землях, лежащих далее до самых границ китайских; так тот же Власьев доносит: «После шерти мы поили Коршуна и Адамугая государевым вином и дали им подарки, два аршина сукна красного, да блюдечек оловянных три фунта и расспрашивали у него, по наказной памяти, про Ламу, про Тунгузскую вершину и про мугальских людей, какие на Ламе живут люди, и мугальский князец далеко ли от них живет, и кто именно? города и остроги у них есть ли, и какой у них бой? в Китайское государство какою рекою ходят, и сколько судового хода или сухим путем до Китайского государства? Шилка река как от них далеко, и Ладкай князец, который живет на Шилке, далеко ль от них? серебряная руда и медная на Шилке далеко ль от Ладкая, и какой хлеб

на Шилке родится?» Пролагатели путей должны были отказываться и от хлеба; Постник Иванов доносил: «Будет вперед на Индигерской реке в Юкагирской землице и сто человек служивых людей, то им можно сытым быть рыбою и зверем без хлеба; в Юкагирской землице соболей много; в Индигирь-реку многие реки впали, а по всем по тем рекам живут многие пешие и оленные люди, соболя и зверя всякого много по всем тем рекам и землицам; да у Юкагирских же людей серебро есть, а где они серебро берут, того я не знаю». В сороковых годах царь велел смотреть на Лене пашенных мест, и где пашенные места объявятся, то их сметить, сколько на них пашенных крестьян устроить можно. По государеву указу воевода велел в Енисейском остроге на торгу и по деревням кликать не однажды: кто захочет из гулящих и из промышленных людей в государеву пашню садиться на Илиме реке, и им льготы на пять лет, а после льготы давать им на государя ото всей своей пахоты пятый сноп; а кто захочет сесть на пашню на Лене реке, тем из государевой казны на лошадь деньги без отдачи, а на другую лошадь дадут денег взаймы из государевой же казны на два года, да им же из государевой казны серпы, косы и сошники, на государевы десятины семена по вся годы государевы, а пахать им на государя, от своей пахоты с первого года седьмую десятину в поле, а в двух по тому же. Правительство беспрестанно твердило воеводам, чтоб они обращались кротко с покорившимися туземцами: «Служилым людям приказывать накрепко, чтоб они, ходя за ясаком, ясачным людям напрасных обид и налогов отнюдь никому не чинили, сбирали бы с них государев ясак ласкою и приветом, а не жесточью и не правежом, чтоб с них сбирать государев ясак с прибылью, брать с них ясак сколько будет можно, по одному разу в год, а по два и по три ясака на один год не брать. Которые новых землиц люди станут непослушны, таких прежде уговаривать ласкою, а если никакими мерами уговорить будет нельзя, то смирять их войною, небольшим разореньем, чтоб их смирить слегка. Воеводам, дьякам, подьячим и служилым людям никаких иноземцев, жен и детей их во двор к себе не брать, засылкою самим ни у кого не покупать и не крестить, в Москву с собою не вывозить и ни с кем не высылать, чтоб Сибирская земля пространилась, а не пустела. Если же кто из ясачных людей захочет по своей воле креститься, таких людей крестить, обыскавши допряма, что добровольно хотят креститься; окрестя, устраивать их в государеву службу, верстать денежным и хлебным жалованьем, смотря по людям, кто в какую статью пригодится, в выбылые русских служилых людей места; если женщины захотят креститься, то, окрестя их, выдавать замуж за новокрещеных или за русских служилых людей [20].

Так, отодвигаемые от образованного запада, русские люди на востоке, в пустынях Северной Азии прокладывали пути для европейской гражданственности: где поселятся, там явится городок, пашня, церковь. В конце 1620 года положено было назначить архиерея в Тобольск, и поставлен был уже известный нам по новгородским событиям Киприян, игумен хутынский. До нас дошел наказ, данный преемнику Киприянову, Макарию [21], о том, как обращаться с туземцами окрестившимися и некрещеными; наказ этот, по одинаковости положения, сходен с известным нам наказом казанскому архиепископу Гурию [22].

Но, заботясь о распространении и утверждении христианства между народами Северной Азии, русская церковь в царствование Михаила особенно должна была заботиться о прекращении нравственных беспорядков, которых было немало между русскими людьми. Источником этих беспорядков было сильное невежество, которое высказалось во всем своем безобразии при первой попытке внести более правильное понимание необходимых для христианина предметов. Мы видели, как в XVI веке накоплялись и освящались мнения, которые впоследствии явились основными мнениями раскольников [23]; видели, что мнения эти замешались между постановлениями так называемого Стоглавого собора (1551 года). Когда началось у нас печатание церковно-богослужебных и учительных книг, то в эти книги мало-помалу внесены были и прежние и вновь возникшие раскольнические мнения, которые таким образом приобрели общеизвестность и освящение, и попытка исправить что-либо в них встречалась сильным сопротивлением как дерзкая, еретическая попытка нарушить освященную старину. Во время междуцарствия, при сожжении Москвы поляками, сгорел печатный дом, вся штанба погибла, мастеров осталось мало, да и те разбежались по другим городам; когда «божиим изволением и всей русской земли излюблением» избран был Михаил, то он восстановил печатное дело, велел собрать в Москву мастеров (хитрых людей), Никиту Федорова Фофанова с товарищами, который жил в Нижнем Новгороде. Но прежде чем печатать книги, нужно было их исправить. В ноябре 1616 года троицкий архимандрит Дионисий, келарь Авраамий Палицын и вся братия получили такую царскую грамоту: «По нашему указу взяты были к нам в Москву из Троицкого Сергиева монастыря канонархист старец Арсений, да села Клементьева поп Иван для исправления книг печатных и Потребника; да к тому же делу велено было прислать вам книгохранителя старца Антония. Вы писали к нам, что старец Антоний болен, а старец Арсений и поп Иван били нам челом и сказали: от времен блаженного князя Владимира до сих пор книга Потребник в Москве и по всей Русской земле в переводах разнится и от неразумных

писцов во многих местах не исправлена; в пригородах и по украйнам, которые близ иноверных земель, от невежества у священников обычай застарел и бесчиния вкоренились; потому им, старцу Арсению и попу Ивану, одним у той книги Потребника для исправления быть нельзя, надобно ее исправлять, спрашивая многих людей, и исправлять со многими книгами. И мы, — продолжает царь, — указали исправление Потребника поручить тебе, архимандриту Дионисию, и с тобою Арсению и Ивану и другим духовным и разумным старцам, которым подлинно известно книжное учение, грамматику и риторику знают».

Таким образом, мы опять встречаемся с знаменитым Дионисием на новом поприще. Чтоб понять положение Дионисия на этом поприще, чтоб понять те препятствия, которые встречала деятельность людей, ему подобных, надобно обратить внимание на некоторые стороны тогдашнего общественного быта. Общества необразованные и полуобразованные страдают обыкновенно такою болезнию: в них очень легко людям, пользующимся каким-нибудь преимуществом, обыкновенно чисто внешним, приобресть огромное влияние и захватить в свои руки власть. Это явление происходит от того, что общественного мнения нет, общество не сознает своей силы и не умеет ею пользоваться, большинство не имеет в нем достаточного просвещения для того, чтоб правильно оценить достоинства своих членов, чтоб этим просвещением своим внушить к себе уважение в отдельных членах, внушить им скромность и умеренность; при отсутствии просвещения в большинстве, всякое преимущество, часто только внешнее, имеет обаятельную силу, и человек, им обладающий, может решиться на все, — сопротивления не будет. Так, если в подобном необразованном или полуобразованном обществе явится человек бойкий, дерзкий, начетчик, говорун, то чего он не может себе позволить? кто в состоянии оценить в меру его достоинство? Если явится ему противник, человек вполне достойный, знающий дело и скромный, уважающий свое дело и общество, то говорун, который считает все средства в борьбе позволенными для одоления противника, начинает кричать, закидывать словами, а для толпы несведущей, кто перекричал, тот и прав; дерзость, быстрота, неразборчивость средств дают всегда победу.

Древнее наше общество, вследствие отсутствия просвещения, сильно страдало от таких *мужиков-горланов*, как их тогда называли; против них-то должен был ратовать и Дионисий в своем монастырском обществе. Мы видели, как в бедственное время Дионисий умел возбудить духовные интересы и сделать из своего монастыря успокоительную обитель скорбящим; но когда беда прошла, материальные интересы взяли верх, и святая ревность архимандрита встретила сильное со-

противление: мужики-горланы никак не хотели дать ему воли на доброе устроение монастыря, и сделали то, что монастырь, приобретший, благодаря Дионисию, такое высокое значение в Смутное время, возбудил к себе вражду многих во время мира: затеяно было из монастыря множество споров с окольными людьми, землевладельцами, горожанами, крестьянами; искали в судах, поклепавши напрасно в деньгах, землях, крестьянах, искали именем чудотворца Сергия, а брали не в монастырь, но родственникам своим села и деревни устроивали; разгневали и самого государя, потому что брали в городах посадских людей и сажали их в монастырских слободах на житье. Монастырские слуги били и грабили на дорогах; когда же приезжали в монастырь дети боярские или слуги знатных людей с жалобами, что монастырь вывел из-за них крестьян и холопей на свои земли, то им давали управные грамоты, но прежде посылали перевести их, холопей и крестьян, в другие монастырские вотчины, и когда истцы приедут с управными грамотами, то им показывают пустые дворы.

Дионисий умолял со слезами удержаться от таких поступков, но понапрасну: мужики-горланы брали верх, что им было легко по тогдашнему монастырскому устройству: главное лице, архимандрит, ведал церкви, в церквах образа и книги, сосуды и всякую церковную казну; келарь ведал монастырь, всякое монастырское строение, вотчины, денежную казну, вкладные деньги, платье и всякую рухлядь, деньги кормовые и кружечные, за свечи и за мед, собирал всякие доходы. В неопределенное время, по согласию братии, в монастырях бывали соборы, на которых происходили выборы в конюшие, чашники, житничные, подкелярники, сушильные, по селам на приказы и во всякие монастырские службы; на этих же соборах определялись раскладки оброков на крестьян. Все приговоры собора записывались в книгу, которая хранилась в монастырской казне. Келарю предоставлено было право суда между братьею, служками, служебниками и крестьянами; большие дела судные и сыскные вершил он с архимандритом, казначеем и соборными старцами вместе; если же какого-нибудь судного дела одним им вершить было нельзя, то это дело решалось на всем черном соборе, по совету со всею братьею. Бесстрашный на площади среди мутящегося народа, Дионисий был необыкновенно кроток и ласков в отношении к управляемым. При тогдашнем состоянии нравов многие из братий никак не могли понять учтивых форм, которые употреблял Дионисий: так, когда надобно было что-нибудь приказать монаху, то он говорил: «Если хочешь, брат, то сделай то-то и то-то». Монах, выслушавши такое приказание, спокойно отправлялся на свое место и ничего не делал; когда же другие спрашивали его, отчего он не исполнил

архимандричьего приказания, то он отвечал: «Ведь архимандрит мне на волю дал: хочу делаю, хочу нет».

Кроме людей, ревностно заботившихся о материальных выгодах монастыря, т. е. своих родственников, в монастыре были два мужика-горлана: головщик Логин и уставщик Филарет. Логин приобрел удивление братии и посещавших монастырь голосом необыкновенно приятным, светлым и громким; в чтении и пении ему не было подобного; на один стих сочинял распевов по пяти, по шести и по десяти. Что стих искажался от этих распевов, терял смысл, что, например, вместо *сѣмени* слышалось *семенй*, до этого Логину не было дела, потому что он «хитрость грамматическую и философство книжное» называл еретичеством. Надменный своими преимуществами, удивлением, которое оказывали к его голосу, этот мужик-горлан не знал никакой меры, бранил, бил не только простых монахов, но и священников, обижал в милостыне, и никто не смел ему слова сказать. Дионисий часто обращался к нему с своими тихими поучениями, называл его государем, отцом, братом, величал по имени и по отечеству: «Что тебе, свет мой, пользы в этом, — говорил ему Дионисий, — что все жалуются на тебя, ненавидят тебя и проклинают, а мы, начальники, все как в зеркало на тебя смотрим? и какая будет польза, когда мы с тобою брань заведем?» Но увещания не помогали нисколько.

Другой мужик-горлан, уставщик Филарет, возбуждал удивление толпы и получил право быть горланом также по внешнему достоинству, которое в то время очень ценилось, — *сединами добрыми;* он жил у Троицы больше пятидесяти лет, уставщиком был более сорока лет — преимущество громадное по тогдашним понятиям: все остальные, не исключая архимандрита, были перед ним *молодые люди.* Логин своими распевами искажал смысл стихов; Филарет пошел дальше: по его мнению, Христос не прежде век от Отца родился; божество почитал он человекообразным. Филарет и Логин были друзья, и оба ненавидели Дионисия за обличения: «Пощадите, не принуждайте меня ко греху, — говорил им Дионисий, — ведь это дело всей церкви божией, а я с вами по любви наедине беседую и спрашиваю вас для того, чтоб царское величество и власть патриаршеская не знали, чтоб нам в смирении и в отлучении от церкви божией не быть». Логин отвечал ему: «Погибли места святые от вас дураков, везде вас теперь много неученых сельских попов; людей учите, а сами не знаете, чему учите». Больше всего сердился Логин на Дионисия за то, что архимандрит вмешивался, по его мнению, не в свое дело, т. е. заставлял читать поучения св. отцов, и сам часто читал их, часто и певал на клиросе. «Не ваше дело петь или читать, — говорил ему Логин, — знал бы ты одно, архимандрит, чтоб с мотовилом своим на клиросе

как болван онемев стоять». Однажды на заутрени Дионисий сошел с клироса и хотел читать; Логин подскочил к нему и вырвал книгу из рук, налой с книгою полетел на землю, стук, гром, соблазн для всех; Дионисий только перекрестил свое лицо, пошел на клирос и молча сел; Логин, окончив чтение, подошел к архимандриту, и вместо того, чтобы просить прощения, начал плевать на него и браниться. Дионисий, махнувши посохом, сказал ему: «Перестань, Логин, не мешай божественному пению и братию не смущай; можно нам об этом переговорить и после заутрени». Тут Логин выхватил у него из рук посох, изломал на четыре части и бросил к нему на колени. Дионисий взглянул на образ и сказал: «Ты, господи владыко, вся веси, и прости мя грешного, яко согрешил перед тобою, а не он». Сошедши с своего места, он всю заутреню проплакал перед образом богородицы, а после заутрени вся братия никак не могла уговорить Логина, чтоб просил прощения у архимандрита.

Напрасно Дионисий старался укрыть поведение Логина и Филарета в стенах монастыря; они писали на него жалобы в Москву, в Кириллов монастырь; наконец исправление книг, возложенное на Дионисия, возбудило еще большую ненависть их к исправителю и дало им возможность довести его до беды. Дионисий с товарищами, исправляя Потребник, между прочим вычеркнули и ненужную прибавку: и *огнем* в молитве водоосвящения: «Прииди, господи, и освяти воду сию духом твоим святым и огнем!» И вот Филарет, Логин и ризничий дьякон Маркелл отправили донос в Москву, что Дионисий с товарищами еретичествуют: «Духа святого не исповедуют, яко огнь есть». Логин считал себя знатоком дела, потому что в царствование Шуйского он печатал уставы и наполнил их ошибками. В это время патриарха не было в Москве, дожидались Филарета Никитича, и делами патриаршества управлял крутицкий митрополит Иона, человек неспособный рассудить дело между исправителями и противниками их. Дионисий с товарищами был потребован к объяснению; четыре дня приводили его на патриарший двор к допросу с бесчестием и позором; потом допрашивали его в Вознесенском монастыре, в келиях матери царской, инокини Марфы Ивановны, и решили, что исправители еретичествуют. Но при этом решении, кроме невежества, высказалась еще другая язва общественная: тут действовала не одна ревность по букве, по старине, на которую наложили руку смелые исправители; тут обрадовались, что попался в руки архимандрит богатейшего монастыря, и потребовали у него за вину пятьсот рублей. Дионисий объявил, что денег у него нет и что он платить не будет; отсюда страшная ярость, и оковы, и побои, и толчки, и плевки. Дионисий, стоя в оковах, с улыбкою отвечал тем, которые толкали его и плевали на него: «Денег

у меня нет, да и дать не за что: плохо чернецу, когда его расстричь велят, а достричь — то ему венец и радость. Сибирью и Соловками грозите мне: но я этому и рад, это мне и жизнь». За Дионисием присылали нарочно в праздничные или торговые дни, когда было много народа, приводили его пешком или привозили его на самой негодной лошади, без седла, в цепях, в рубище, на позор толпе, из которой кидали в него грязью и песком; но он все это терпел, с веселым видом, смеялся, встречаясь с знакомыми. Привезут его иногда до обедни, иногда после обедни, и поставят скованного в подсеньи, на дворе митрополичьем, стоит он тут с утра до вечера, и не дадут ему воды чашки, а время было июнь, июль месяцы, дни жаркие; митрополит Иона после обедни сядет с собором за стол, а Дионисий с учениками своими празднует под окнами его келий в кулаках да в пинках, а иногда достанется и батогом. Словом *ересь* напугали царскую мать, Марфу Ивановну, вооружили ее против мнимых еретиков, а в народе распустили слух, что явились такие еретики, которые огонь хотят в мире вывести, — и вот страх и злоба овладели простыми людьми, особенно ремесленниками, которым без огня нельзя ничего сделать: они начали выходить с дрекольем и каменьями на Дионисия.

Мужественно вынося испытание, не позволяя себе унизиться до забот о самом себе, Дионисий заботился о товарищах своей беды, хлопотал, чтоб они поскорее от нее избавились. Один из них, старец Арсений Глухой, не одаренный твердостью духа, не мог выдержать испытания; он подал боярину Борису Михайловичу Салтыкову челобитную, в которой подле сознания правоты своего дела, подле негодования на невежественных обвинителей, видим упадок духа, выражающийся обыкновенно желанием обвинить других в своей беде. «24 октября 1615 года, — говорится в челобитной, — писал из Москвы государевым словом Троицкого Сергиева монастыря келарь Авраамий Палицын к архимандриту Дионисию, велел прислать в Москву меня, нищего чернеца, для государева дела, чтоб исправлять книгу Потребник на Москве в печатное дело; а поп Иван Клементьевский приехал в Москву сам собою, а не по грамоте, и как мы стали перед тобою, то я сказал про себя, что меня не будет настолько, что я ни поп, ни дьякон, а в той книге все потребы поповские; а Иван поп сам на государево дело набился и бил челом тебе для себя, потому что у него там у Троицы жена да дети, чтоб государь приказал править книгу троицкому архимандриту Дионисию, а нам бы, попу Ивану да мне, чернецу Арсеньишку, да старцу Антонию с архимандритом же у дела быть: и ты, государь, по Иванову челобитью и по докуке, велел ему дать с дворца государеву грамоту на архимандричье имя». Оправдав сделанные в Потребнике поправки, Арсений продолжает: «Есть, го-

сударь, иные и таковы, которые на нас ересь взвели, а сами едва и азбуку знают, не знают, которые в азбуке буквы гласные, согласные и двоегласные, а что восемь частей слова разуметь, роды, числа, времена и лица, звания и залоги, то им и на разум не всхаживало, священная философия и в руках не бывала, а не зная этого, легко можно погрешить не только в божественных писаниях, но и в земских делах, если кто даже естеством и остроумен будет... Наше дело в мир не пошло и царской казне никакой протори не сделало; если бы мы что и недоброе сделали, то дело на сторону, а трудивыйся неразумно и неугодно мзды лишен бывает; а не малая беда мне, нищему чернецу, поднявши такой труд, сидя за государевым делом полтора года день и ночь, мзды лишаему быть; всего нам бедным клирошанам идет у Троицы на год зажилого денег по тридцати алтын на платье, одеваемся и обуваемся рукодельем... Не довольно стало, чтоб наши труды уничтожить, но и государыни, благоверной и великой старицы, инокини Марфы Ивановны кроткое и незлобивое сердце на ярость подвигнули. Если бы наше морокование было делано на Москве, то все было бы хорошо и стройно, государю приятно и всем православным в пользу, и великий святитель митрополит Иона по нас был бы великий поборник. Я говорил архимандриту Дионисию каждый день: архимандрит государь! откажи дело государю, не сделать нам этого дела в монастыре без митрополичья совета, а привезешь книгу исчерня в Москву, то и простым людям станет смутно. Но архимандрит меня не слушал ни в чем и ни во что меня ставил, во всем попа Ивана слушал, а тот и довел его до бесчестия и срамоты. Поп Иван на соборе слюнями глаза запрыскал тем, с которыми спорил, и это честным людям стало в досаду; и мне думается, что я, нищий чернец, страдаю от попа Ивана да от архимандрита, потому что архимандрит меня не послушал, дела не отказал, а поп Иван сам на государево дело набился, у дела был большой, нас в беду ввел, а сам вывернулся, как лукавая лисица козла бедного великобородого завела в пропасть неисходную, а сама по нем же выскочила». Наконец порешили дело, осудили Дионисия на заточение в Кириллов Белозерский монастырь; но трудно было провезти его туда, по причине неприятельских отрядов, загораживавших дорогу на север, и потому велели содержать его в Новоспасском монастыре, наложили на него епитемию — тысячу поклонов, били и мучили его сорок дней, ставя в дыму на полатях. Но заточение Дионисия не было продолжительно: приехал в Москву иерусалимский патриарх Феофан, при котором, как мы видели, возвратился Филарет Никитич и был поставлен в патриархи; Филарет, по современным известиям, спрашивал Феофана: «Есть ли в ваших греческих книгах прибавление: *и огнем?*», Феофан отвечал:

«Нет, и у вас тому быть непригоже; добро бы тебе, брату нашему, о том порадеть и исправить, чтоб этому огню в прилоге и у вас не быть». Вследствие этого созван был собор, опять был сильный и долгий спор. Дионисий стоял в ответе больше осьми часов, успел обличить всех своих противников, и с торжеством возвратился в свой монастырь, где продолжал «искать красоты церковной и благочиния братского». Впрочем, Филарет Никитич не был еще успокоен доказательствами Дионисия и свидетельством Феофана; он говорил последнему: «Тебе бы, приехав в Греческую землю и посоветовавшись с своею братьею, вселенскими патриархами, выписать из греческих книг древних переводов, как там написано». Исполняя его желание, Феофан и александрийский патриарх Герасим прислали в Москву грамоты, где подтверждали, что прибавка: «и огнем» должна быть исключена О знаменитом Логине сделан был достойный отзыв в 1633 году, в грамоте патриарха Филарета, которою приказывалось отбирать уставы, напечатанные при Шуйском, «потому что эти уставы печатал вор, бражник, Троицкого Сергиева монастыря крылошанин чернец Логин, и многие в них статьи напечатал не по апостольскому и не по отеческому преданию, а своим самовольством» В 1633 году протосингел александрийский, архимандриг Иосиф, приехал и определен для перевода греческих книг на славянский язык

Стремясь к чистоте вероучения, церковь должна была стараться и о восстановлении нравственной чистоты между вероучителями. В 1636 году послана была от царя такая грамота в Соловецкий монастырь: «Ведомо учинилось, что в Соловецкий монастырь с берегу привозят вино горячее и всякое красное немецкое питье и мед пресный, и держат это всякое питье старцы по кельям, а на погребе не ставят, келарей и казначеев выбирают без соборных старцев и без черного собора те старцы, которые пьяное питье пьют, на черных соборах они смуту чинят и выбирают потаковников, которые бы им молчали, в смиренье не посылали, на погребе беспрестанно квас поддельный давали; а которые старцы постриженники старые, житием искусны, предания великих чудотворцев Зосимы и Савватия хранят, тех старцев бесчестят и на соборе говорить им не дают; келари, казначеи и соборные старцы держат у себя учеников многих, а под начал священникам и рядовым старцам старым и житием добрым не отдают, живут в Соловецком монастыре кельями и заговором, старец помогает ученику своему, а ученик помогает старцу своему; в монастырские службы и по усольям посылают старцев простых, которые монастырской службы не оберегают и монастырю прибыли не ищут, а в монастыре их не считают, и от того монастырская казна пропадает; добрых старцев по промыслам не посылают, и которые молодые работники рабо-

тают в огородах, тех кормят и зимою держат в монастыре с братиею вместе, за монастырем келий особых им не устроено и приставов у них старцев и служебников добрых не бывает; и другие многие статьи теперь в Соловецком монастыре делаются не по-прежнему, чего прежде не бывало и чему быть не годно».

В 1636 же году царь писал к строителю Павлова Обнорского монастыря: «Ведомо нам учинилось, что в Павлове монастыре многое нестроение, пьянство и самовольство, в монастыре держат питье пьяное и табак, близ монастыря поделали харчевни, и бани, брагу продают; старцы в бани и харчевни и в волости к крестьянам по пирам и по братчинам к пиву ходят беспрестанно, бражничают и бесчинствуют, и всякое нестроение чинится»; царь приказывает строителю унимать монахов и прибавляет: «Да и крестьяне пиво варили бы вовремя, когда пашни не пашут, и то понемногу с явкою чтоб мужики не гуляли и не пропивались». Мы видели обращение Логина с архимандритом Дионисием в Троицком Сергиеве монастыре; понятно что строители незначительных монастырей могли подвергаться еще большим насилиям уже прямо вследствие отсутствия общественной безопасности: так, в 1613 году строитель Стародубо-Ряполовского хотимльского монастыря бил челом, что приехал к нему в монастырь монах Гермоген; силою взял церковные ключи, потому что приехал со многими людьми, с своим родом и племенем, захватил монастырскую казну, вотчиною владеет, живет не по монастырскому чину, строителя бранит и бьет Если слабость общественного устройства допускала насилия, то мы не должны удивляться, встречая случаи самоуправства: в 1628 году бил челом монах Лаврентий, что прислан он был в Шую от суздальского архиепископа Иосифа собирать пошлины, и велел взять дворника Троицкого монастыря, иконника Ивана Яковлева, в великом духовном деле; но троицкий слуга Горчаков, собравшись со многими незнаемыми людьми, пришел на архиепископский двор, архиепископа и его, монаха Лаврентия, бранил неподобною бранью, неудобь сказаемо, Ивана иконника у него отбил, пограбил пошлинные деньги, разрубил ларец топором, прибил самого Лаврентия и покинул замертво; ночью, после этого грабежа, Горчаков опять пришел к архиепископскому двору и стрелял из пищалей в окна. Горчаков же в свою очередь бил челом, что Лаврентий, сказавши на иконника Ивана Яковлева духовное дело, посадил его в цепь да в железа и вымучил на нем 200 рублей; он, Горчаков, пришел к Лаврентию с упреками, зачем он так делает, а Лаврентий, собравшись со многими людьми незнаемыми, его, Горчакова, бил, увечил, топором изрубил и монастырских денег полтораста рублеи отнял Кто из них оказался правым, кто виноватым — неизвестно; известно нам только, что

Лаврентий был прислан от архиепископа Иосифа Курцевича, который был сослан в 1634 году в Сийский монастырь за бесчинство, за многие непристойные дела; к обвинениям в нравственных беспорядках были присоединены и обвинения политические. Известно нам также, что шуяне были очень недовольны управлением этого Иосифа, как видно из челобитной их на попа Алексея Кузьмина и на сына его, дьякона Федора: «Прислал к нам в Шую бывший Иосиф архиепископ, *иноземец* из Суздаля этого попа Алексея и сына его Федора по мзде, по накупу; Алексей, стакавшись с архиепископскими наместниками, с иноземцами же, киевлянами, и с архиепископскими приказными людьми, умысля продать нас духовными делами и иными всякими бездельными составами, учинили нам налогу и тесноты и продажи многие. Когда на место Иосифа поступил нынешний архиепископ Серапион, то он, сыскавши их безделье и бесчинства, из Шуи от церквей отослал; теперь они, Алексей с сыном, живут в Покровском Красном селе (в Москве) и беруг на нас засыльные грамоты в поклепных всяких составных исках и на Москве придираются к тем из нас, которые туда приедут для своего промыслишка, сами пристают и бездельников нанимают приставать».

Преемник Филарета Никитича, патриарх Иоасаф, должен был вооружиться против беспорядков, происходивших в московских церквах: «В царствующем граде Москве, — пишет патриарх, — в соборных и приходских церквах чинится мятеж, соблазн и нарушение вере, служба божия совершается очень скоро, говорят голосов в пять, и в шесть, и больше, со всяким небрежением; а мирские люди стоят в церквах с бесстрашием и со всяким небрежением, во время св. пения беседы творят неподобные с смехотворением, а иные священники и сами беседуют, бесчинствуют и мирские угодия творят, чревоугодию своему последуя и пьянству повинуясь, обедни служат без часов; во время великого поста службы совершают очень скоро; в воскресные дни и праздники заутрени поют поздно и скоро, учительные евангелия, апостолы, поучения св. отец и жития не читаются. Пономари по церквам молодые без жен; поповы и мирских людей дети во время св. службы в алтаре бесчинствуют; во время же св. пения ходят по церквам шпыни, с бесстрашием, человек по десятку и больше, от них в церквах великая смута и мятеж, то они бранятся, то дерутся; другие, положив на блюда пелены да свечи, собирают на церковное строение; иные притворяются малоумными, а потом их видят целоумными; иные ходят в образе пустынническом, в одеждах черных и в вериах, растрепав волосы; иные во время св. пения в церквах ползают, писк творят и большой соблазн возбуждают в простых людях. Также в праздники вместо духовного торжества и веселия затевают игры бесовские, приказывают медведчикам и скоморохам

на улицах, торжищах и распутиях сатанинские игры творить, в бубны бить, в сурны реветь, в ладоши бить и плясать по праздникам сходятся многие люди, не только молодые, но и старые, в толпы ставятся, а бывают бои кулачные великие до смертного убийства; в этих играх многие и без покаяния пропадают. Всякие беззаконные дела умножились, еллинские блядословия, кощунства и игры бесовские; едят удавленину и по торгам продают; да еще друг друга бранят позорною бранью, отца и мать блудным позором и всякою бесстудною нечистотою языки свои и души оскверняют.

Жалоба патриарха Иоасафа на кулачные бои показывает, что этот крепко вкорененный обычай не ослабевал и от строгих мер, предпринятых против него патриархом Филаретом, который запретил ходить за старое Ваганьково на кулачные бои, ослушник подвергался кнуту; Филарет указал также: «Кликать бирючам по рядам, улицам, слободам и в сотнях, чтоб с кобылками не ходили, на игрищах мирские люди не сходились, чтоб смуты православным христианам от этого не было, коледы б, овсеня и плуги не кликали». Церковный суд при Филарете Никитиче не спускал нарушителям семейной нравственности: так, сослан был в оковах в корельский Никольский монастырь боярский сын Семичев за то, что с рабынями своими прижил семерых детей, а рабыни эти были между собою двоюродные сестры; также поступлено и с стольником Колычевым за подобное преступление.

Понятно, что нравственные беспорядки наиболее были сильны в местах отдаленных, на степных границах государства, за Уральскими горами. В Воронеже, например, мог быть такой случай: бил челом сын боярский Федор Плясов: вечером, когда сидел он в торгу в ряду, прислал за ним посадский ильинский поп Яков сына боярского, своего зятя, Ивашку Полубояринова, звать его к себе вина пить; пришел он к попу и видит, что сидит у него прежний его разбойник Антошка, который его, Плясова, разбивал; поп стал этого Антошку с ним мирить; а когда смерклось, то поп Антошка, Полубояринов и наймит Ивашка связали Плясова, мучили его и пытали, а потом повели из посада к реке, переволокли через острог, вымучили 20 рублей денег и привели к кресту в том, что жаловаться на них не будет. Сильные жалобы слышались от правительства церковного на упадок нравственности в Сибири: патриарх Филарет писал сибирскому архиепископу Киприану: «В сибирских городах многие русские люди и иноземцы, литва и немцы, которые в нашу православную веру крещены, крестов на себе не носят, постных дней не хранят, которые из них ходят в калмыкам, и в иные землицы для государевых дел, те пьют и едят и всякие скаредные дела делают с погаными заодно; иные живут с татарками некрещеными как с своими женами, и детей с ними приживают, а

иные хуже того делают — женятся на сестрах родных, двоюродных, названных и на кумах, иные на матерей и дочерей посягают. Многие служилые люди, которых воеводы и приказные люди посылают в Москву и в другие города для дел, жен своих в деньгах закладывают у своей братьи у служилых же и у всяких людей на сроки, и те люди, у которых они бывают в закладе, с ними до выкупу блуд творят беззазорно, а как их к сроку не выкупят, то они их продают на воровство же и в работу всяким людям, а покупщики также с ними воруют и замуж выдают, а иных бедных вдов и девиц беспомощных для воровства к себе берут силою, у мужей, убогих работных людей жен отнимают и держат у себя для воровства, крепости на них берут воровские заочно, а те люди, у которых жен отняли, бегают, скитаются между дворами и отдаются в неволю, в холопи всяким людям, и женят их на других женах, а отнятых у них жен после выдают за других мужей. Попы таким ворам не запрещают, а иные попы, черные и белые таким людям и молитвы говорят и венчают без знамен. Многие люди, мужчины и женщины в болезнях постригаются в иноческий образ, а потом выздоровевши, живут в домах своих по-прежнему, а многие другие и расстригаются; в монастырях мужеских и девичьих старцы и старицы живут с мирскими людьми вместе в одних домах и ничем от мирских людей не рознятся. Сибирские служилые люди приезжают в Москву и в другие города и там подговаривают многих жен и девок, привозят их в сибирские города и держат вместо жен, а иных порабощают и крепости на них берут силою, а иных продают литве, немцам и татарам и всяким людям в работу; а воеводы, которые в Сибири теперь и прежде были, о том небрегут, людей этих от такого воровства, беззаконных, скверных дел не унимают и не наказывают их, покрывая их для своей корысти; а иные воеводы и сами таким ворам потакают, попам приказывают говорить им молитвы и венчать их силою, и всякое насильство и продажи воеводы тутошним торговым и всяким людям и улусным иноверцам чинят великие». Таким образом, причина зла вскрывается в конце патриаршей грамоты; эта же причина указывается и в царской грамоте самим воеводам сибирским: «В сибирских городах служилые и всяких чинов люди в духовных делах архиепископа и его десятильников слушать и под суд к нему ходить не хотят, научают друг друга на архиепископа шуметь, и вы, воеводы, им в том потакаете, а которых наших людей посылаете к татарам, вогуличам и остякам собирать нашу казну, и те люди татарам, вогуличам и остякам чинят всякое насильство и посулы берут великие, а нашей казне прибыли ни в чем не ищут; в пьянстве у вас многие люди бьются и режутся до смерти, а вы про то не сыскиваете». Сибирякам дана была грамота, которой дозволялось им уводить

жен и девиц из других городов; патриарх Филарет приказал архиепископу взять эту грамоту и доставить к нему в Москву. О деятельности митрополита Киприана в Сибири летописец говорит следующее: «Неверных многих крестил и слабость многую в беззаконных женитьбах и в других многих духовных делах исправил и утвердил, и от многих неискусных людей многую молву, мятеж и тесноту терпел». При архиепископе Макарии, в 1625 году, произошел в Тобольске следующий случай: в самое Светлое воскресенье у заутрени к боярину князю Юрью Яншеевичу Сулешову начали подходить христосоваться дети боярские и разных чинов люди; все целовались по обычаю, но сын боярский Низовцов поцеловал князя в руку; Сулешов тут же при архиепископе и при всех людях зашиб Низовцова, велел посадить его под стражу, и подал жалобу, что Низовцов сделал это, умысля воровски, по наученью сибирских людей. Чем кончилось дело, неизвестно.

Видим и преследование чародейства со стороны правительства: в Тобольске обыскали какого-то протопопа и нашли у него в коробье траву багрову, да три корня, да комок перхчеват бел; воевода тотчас дал знать об этом царю, и протопоп вместе с коробьею был отослан в Москву. У церковного дьячка Григорьева обыскали какие-то гадальные тетради, называемые *рафли*; тетради, по указу патриарха, сожгли, а дьячка сковали и сослали в монастырь на черную работу. В 1632 году царь писал псковским воеводам: «Писали к нам из Вязьмы воеводы наши: посылали они за рубеж для вестей лазутчиков, и те лазутчики, пришед из-за рубежа, сказывали им, что в литовских городах баба-ведунья наговаривает на хмель, который из Литвы возят в наши города, чтоб этим хмелем на людей навести моровое поветрие». Вследствие этого запрещено было, под опасением смертной казни, покупать хмель в Литве. В июне 1635 года приехал в Москву силистрийский митрополит Иоаким с просьбою о милостыне и говорил, что был он в Царе-граде, и патриарх Кирилл приказывал ему известить государю и его ближним людям тайно, чтоб государь велел свое здоровье остерегать от грамот турского царя и от подарков его: не было бы какого насылочного дурна от турского султана в грамотах и подарках, потому что на государя султан имеет досаду за мир с польским королем [24].

Средством против преступлений считали усилие наказания, усиление преступлений считали следствием уменьшения строгости наказаний. В прежние времена фальшивым монетчикам заливали горло воровскими их деньгами; царь Михаил переменил было эту казнь на торговую, «чая того, говорит указ, что они от такого воровства уймутся от наказания, без смертной казни; но те воры нашей государской милости к себе не узнали, таких воров теперь умножилось, и от их

многого воровства, по поклепным воровским оговорам, многие простые невинные люди пострадали». Вследствие этого возобновлена была казнь заливания горла. Гнездо фальшивых монетчиков открыто было в 1634 году за шведским рубежом в Корельской земле; занимались этим делом здесь русские перебежчики Мы видели, что царь Михаил в грамоте своей к новгородцам объявлял всепрощение; ясно видно, что новое правительство поступило точно также в Москве и во всех других областях; но само предавая забвению политические преступления, совершенные в страшную эпоху смут, правительство потребовало и от частных людей, чтоб они прекратили всякие иски относительно вреда, претерпенного ими в Смутное время; в 1622 году великие государи указали: в поклажах, боях, грабежах, что делалось до разоренья и в разоренье, по кабалам в долгах, которые кабалы не подписаны больше пятнадцати лет и челобитья по ним не бывало, суда не давать. Для прекращения сутяжничества и волокиты в 1635 году велено было бирючам прокликать повсюду, чтоб никто взаймы денег, хлеба, под заклад платья, лошадей и всякой рухляди, и никакой ссуды без кабал и без памятей никому не давал и не ссужался. В 1617 году царь подтвердил постановление Грозного — не мириться с разбойниками: «Которые истцы с разбойниками или с приводными людьми с поличным, в разбойных делах, не дожидаясь указа, станут мириться, и мировые челобитные в приказ приносить, то этот их мир не в мир ставить и разбойников наказывать по государеву указу, кто чего доведется; а с истцов за то пеню брать, смотря по делу: не мирись с разбойниками». Но относительно убийства в ссоре по-прежнему, как и во времена Русской Правды, мировые допускались; в 1640 году черный поп Никандр помирился с крестьянами Белозерской Тунбажской волости, убившими сына его, священника Луку: «После обедни у Николы Чудотворца учинился спор у вдового попа сына моего Луки с троими крестьянами Тунбажской волости, и один из них, Омрос Семенов сына моего зарезал до смерти; я было, старец Никандр, пришел на разнимку, но тот Омрос Семенов и меня ножом же резал. Я его, Омроса, с товарищами во всем простил, и вперед мне на них не искать, в головных деньгах и похоронных на них государю не бить челом, кроме государевых пенных, а пени что государь укажет, в том его царская воля, а я, старец Никандр, и с своими детьми то все дело отдали богу судить, в чем я с своими детьми и мировую запись дали Омросу с товарищами». В 1636 году в Сольвычегодске была любопытная мировая: посадские люди и волостные крестьяне, выведенные из терпения насильствами воеводы Головачева, написали *одиначную* запись, чтоб друг друга не выдавать, пошли всем миром к воеводе и разграбили его, говоря: «Которые-де мы деньги давали, те и

взяли»; они хотели было убить Головачева, но приехали на воеводский двор Андрей и Петр Строгановы и помирили Головачева с мирскими людьми: написана была мировая, и мирские люди взяли у воеводы за миром триста рублей. Закрепление крестьян необходимо вызывало определение, как поступать в случае убийства крестьянина, которое теперь прямо причиняло ущерб землевладельцу. В 1625 году князь Дмитрий Михайлович Пожарский докладывал боярам, и бояре приговорили: убьет боярский человек боярского человека и с пытки станет говорить, что убил в драке, неумышленно или пьяным делом: то убийцу, высекши кнутом, выдать тому боярину, у кого убил человека, с женою и детьми в холопи, а жены и детей убитого у его боярина не отнимать; если сын боярский или его сын, или племянник, или прикащик боярский, дворянский, или приказных людей, или сына боярского прикащик убьет крестьянина, и с пытки скажет, что убил неумышленно, то из его поместья взять лучшего крестьянина с женою и детьми неотделенными и со всем именьем и отдать в крестьяне тому помещику, у кого крестьянина убили, жену и детей убитого крестьянина у помещика не отнимать, а убийц метать в тюрьму до государева указа. Убьет крестьянин крестьянина до смерти и скажет, что неумышленно, то убийцу, высекши кнутом, выдать с женою и детьми помещику убитого.

Подтверждено было и прежнее уложенье, ограничивавшее страшную свободу языка; подтверждение это показывает, что прежнее уложение не исполнялось: писал с Костромы воевода, что сидит в Костроме в тюрьме разбойник Васька Щербак шестой год; и тот старый тюремный сиделец говорил на людей вновь язычную молку, а в первых годах, как он пойман, с первых пыток на тех людей не говорил; и те люди, на которых язык говорил, били челом государю, что язык этот многих людей клеплет, и к ним присылал, чтоб они ему дали на хлеб денег, а если не дадут, то он на них язычную молку выговорит; воевода расспрашивал его и пытал, и язык признался, что этих людей он поклепал напрасно, иных по недружбе, а других за то, что не дали денег. Государь указал: не верить язычным молкам, если тюремные сидельцы, спустя долгое время, станут оговаривать кого-нибудь, на кого прежде ничего не говорили. В 1637 году приказано было, чтоб воеводы по городам не сажали в одну тюрьму с уголовными преступниками людей, судящихся по гражданским искам, потому что «от того татям и разбойникам и оговорным людям чинится теснота и голод, и от тесноты и от духу помирают»; людей, судящихся по гражданским искам, велено держать за приставами. В том же году запрещено казнить смертью беременных женщин, потому что «рожденное от преступницы не виновато»; а казнить, когда после рождения минет шесть

недель. Смутное время имело то гибельное следствие, что приучило русских людей к обманам, подстановкам самозванцев, заставило их во всем сомневаться, во всем видеть обман и подстановку. Указывали русскому человеку: вот царевич! А уже у него готово было возражение: «Да настоящий ли это царевич?» Разумеется не нужно было обращать внимания на такие сомнения, которые должны были пройти вместе с изглажением из памяти печальных явлений Смутного времени. Но до такого взгляда возвыситься не умели, и русский человек дорого должен был платиться за привычку сомневаться. Тем с большим уважением должен вспомнить историк о лице, которое поднялось выше современников в этом случае. Буйный монах Хутынского монастыря, Тимофей Брюханов, подал донос на архимандрита своего Феодорита *в непригожих речах*, митрополит Аффоний хотел затушить вздорное дело, но не успел; Феодорита и некоторых других взяли к допросу, пытали накрепко и огнем жгли, не допытались и не дожглись ни до чего, и несмотря на то, митрополиту торжественно в Софийском соборе при всем народе сделан был строгий выговор за неисполнение святительской обязанности.

Относительно мер общественной безопасности сделаны были следующие распоряжения: в 1622 году черных соген сотские и черных слобод старосты подали челобитную: с 1613 по 1622 год было с нас на земском дворе тридцать человек ярыжных, да три лошади; а в нынешнем 1622 году взяли с нас к тридцати человекам в прибавку сорок пять человек ярыжных; даем мы этим ярыжным, да на три лошади в месяц по 60 рублей денег; но кроме этих денег с нас же берут на земский двор, для всякой пожарной рухляди, паруса, крюки, трубы медные, топоры, заступы, кирки, пешни, бочки и ведра. Кроме того, теперь правят с нас еще пятнадцать человек ярыжных и три лошади, да со всякого человека по трубе медной: и нам стало не в силу, взять труб негде, купить нечем, людишки все бедные, молодшие, и от такого тягла бредут розно. Государи указали: с черных сотен, и с гостинной и суконной сотни быть сотне ярыжных, но лишних лошадей брать необходимо для пожаров, зимою велеть быть по четыре лошади, а труб больше прежнего не наметывать, дать им для пожарного времени по сотням тридцать труб держать на земском дворе, и приказать по сотням накрепко: где случится пожар, и у них бы с трубами были люди готовы тотчас, и людям велеть смотреть для того, если уже взяли это на себя, то на пожары ходить не ленились бы. Но сотни ярыжных оказалось недостаточно: в 1629 году прибавлено было еще 100 человек, деньги велено давать им из государевой казны, из большого приходу; велено устроить 50 парусов, по пяти сажен и по четыре, на щиты взять 100 лубов и сделать с рукоятьми; устроить телеги и бочки из госуда-

ревой казны — 20 телег и 20 бочек, извощиков росписать по 20 человек в ночь, а днем съезжать им для извозу; если же и днем случится пожар, то быть им на земском дворе по 20 человек; в Белом каменном городе и за городом, по большим улицам, сделать большие колодези с десяти дворов по одному, для пожарного времени. Пожары по-прежнему были страшные: в 1626 году загорелось в Китае-городе на Варварском крестце, начали гореть ряды, Покровский собор, перекинуло в Кремль, загорелись церкви в монастырях Чудове и Вознесенском, двор государев и патриарший, в приказах всякие дела погорели, так что государь послал писцов во всю землю; в 1629 году загорелось в Чертолье и выгорело по Тверскую улицу и за Белым городом погорели слободы; а потом загорелось на Неглинной, на Покровке и в других местах. После этого пожара черные сотни били челом: «Ставят у нас в сотнях и слободах выходцев панов, немцев и всяких иноземцев, и русских людей, сибирских и донских и Круговой станицы козаков, дворян и детей боярских, которые приезжают из городов с государевыми делами и отписками, и городовых писцов; а в нынешнем году погорели Дмитровская, Новгородская, Ржевская, Ростовская, Устюжская и Чертольская сотни, и погорелые люди разведены по нас же стоят, и из Белого города всяких чинов торговые люди у нас же поставлены; и нам от этих стояльцев теснота великая». Государь пожаловал, велел погорелых людей ставить также по дворцовым слободам. В 1633 и 1634 годах опять сильные пожары, вследствие которых черные сотни опять били челом: «Погорелые сотни дворы свои с тяглыми местами закладывают дворянам и всяким людям мимо черных тяглых людей, в больших закладах; на сотских старост и сотенных людей по этим закладным бьют челом, чтоб дворы и дворовые места выкупать сотнями, но им по таким большим закладам выкупать нельзя; и на этих дворах живут и на дворовых местах строятся всяких чинов люди, а тягла не тянут; те же люди, которые закладывают, из сотен и из слобод, из тягла бредут розно, от чего черные сотни и слободы пустеют, и вперед государева тягла и податей взять будет не с кого». Государь указал: кликать биричю по улицам и переулкам, чтоб в черных сотнях и слободах дворяне, дети боярские и всяких чинов люди у посадских людей дворов и дворовых мест не покупали и в заклад не брали.

Мы слышали на соборе сильные жалобы на неудовлетворительное состояние правосудия; как образчик понятий некоторых русских людей о современных им делопроизводителях, приведем наказ стольника Колонтаева слуге: «Сходить бы тебе к Петру Ильичу, и если Петр Ильич скажет, то идти тебе к дьяку Василию Сычину, пришедши к дьяку, в хоромы не входи, прежде разведай, весел ли дьяк, и тогда

войди, побей челом крепко и грамотку отдай; примет дьяк грамотку прилежно, то дай ему три рубля, да обещай еще, а кур, пива и ветчины самому дьяку не отдавай, а стряпухе. За Прошкиным делом сходи к подьячему Степке Ремезову, и попроси его, чтоб сделал, а к Кирилле Семенычу не ходи: тот проклятый Степка все себе в лапы забрал: от моего имени Степки не проси: я его, подлого вора, чествовать не хочу; понеси ему три алтына денег, рыбы сушеной, да вина, а он Степка жадущая рожа и пьяная». Мы видели, что в царствование Михаила, вследствие разгрома и оскудения посадских, тяглых людей, многие из них, избывая тяжких повинностей, бегали и закладывались. Средством избывать от повинностей для тяглых людей грамотных было также поступление в подьячие, должность выгодную, которая привлекала к себе многих из духовного звания. Таким образом уменьшалось число тяглых людей, обогащавших казну своими промыслами, и чрезмерно увеличивалось число подьячих, людей, стремившихся жить и обогащаться на чужой счет, вредных обществу и государству. Мы видели, как посадские люди жаловались на такое ненужное увеличение числа подьячих, поступивших в это звание из посадских же тяглых людей. Поэтому неудивительно, что в конце 1640 года царь Михаил указал: во все приказы послать памяти, чтоб поповых и дьяконовых детей, гостинной и суконной сотен, торговых и черных сотен посадских всяких и пашенных людей и детей их в подьячие не принимали [25].

Относительно народного права руководились прежними понятиями и обычаями, но важною новостию было появление резидентов; должно заметить, что стесненные обстоятельства, в которых находилось Московское государство в описываемое время, заставляли прибегать к подкупам уполномоченных и вообще сильных людей при дворах иностранных.

Соблюдались еще во всей строгости старые обычаи в сношениях с чуждыми народами и их представителями, приезжавшими в Москву; но допущение все большего и большего количества иностранцев внутрь государства, явно высказываемая потребность в них, явно высказываемое признание превосходства их в науке, необходимость учиться у них предвещали скорый переворот в жизни русского общества, скорое сближение с Западною Европою. При царе Михаиле вызывали из-за границы не одних ратных людей, не одних мастеров и заводчиков, понадобились люди ученые, и в 1639 году дана была опасная грамота для приезда в Москву известному ученому голштинцу Адаму Олеарию: «Ведомо нам учинилось, — говорит царь в грамоте, — что ты гораздо научен и навычен в астроломии, и географус, и небесного бегу, и землемерию и иным многим надобным мастерствам и мудростям, а нам, великому государю, таков мастер годен». По

государеву указу в 1637 году переведена была с латинского полная космография Иваном Дорном и Богданом Лыковым. С одной стороны, в науке нуждалось государство для удовлетворения самым необходимым потребностям, для охранения целости и самостоятельности своей от иностранцев, более искусных и потому более сильных; с другой стороны, нуждалась в науке церковь для охранения чистоты своего учения от людей, подобных Логину и Филарету, и вот патриарх Филарет заводит в Чудове монастыре греко-латинское училище, которое поручено было уже известному нам исправителю книг, Арсению Глухому. Надобно было спешить просвещением, ибо необходимое сближение с иностранцами, признание их превосходства вело некоторых к презрению своего и своих; узнавши чужое и признавши его достоинство, начинали уже тяготиться своим, старались освободиться от него. Мы видели, что русские люди, посланные Годуновым за границу, не возвратились в отечество; но и внутри России в описываемое время русский человек решился высказать резко недовольство своим старым и стремление к новому, чужому. Около 1632 года сказан был такой указ от великих государей князю Ивану Хворостинину: «Князь Иван! известно всем людям Московского государства, как ты был при Расстриге в приближении, то впал в ересь и в вере пошатнулся, православную веру хулил, постов и христианского обычая не хранил и при царе Василии Ивановиче был за то сослан под начал в Иосифов монастырь; после того, при государе Михаиле Феодоровиче, опять начал приставать к польским и литовским попам и полякам, и в вере с ними соединился, книги и образа их письма у них принимал и держал у себя в чести; эти образа и письмо у тебя вынуты, да и сам ты сказал, что образа римского письма почитал наравне с образами греческого письма; тут тебя, по государской милости, пощадили, наказанья тебе не было никакого, только заказ сделан был тебе крепкий, чтоб ты с еретиками не знался, ереси их не перенимал, латинских образов и книг у себя не держал. Но ты все это забыл, начал жить не по-христиански и впадать в ересь, опять у тебя вынуто много образов латинского письма и много книг латинских, еретических; многие о православной вере и о людях Московского государства непригожие и хульные слова в собственноручных письмах твоих объявились, в жизни твоей многое к христианской вере неисправленье и к измене шаткость также объявились подлинными свидетельствами: ты людям своим не велел ходить в церковь, а которые пойдут, тех бил и мучил, говорил, что молиться не для чего и воскресение мертвых не будет; про христианскую веру и про святых угодников божиих говорил хульные слова; жить начал не по христианским обычаям, беспрестанно пить, в 1622 году всю Страст-

ную неделю пил без просыпу, накануне Светлого воскресенья был пьян и до света за два часа ел мясное кушанье и пил вино прежде Пасхи, к государю на праздник Светлого воскресенья не поехал, к заутрени и к обедни не пошел. Да ты же промышлял, как бы тебе отъехать в Литву, двор свой и вотчины продавал, и говорил, чтоб тебе нарядиться по-гусарски и ехать на съезд с послами; посылал ты памяти к Тимохе Луговскому и Михайле Данилову, чтоб тебя с береговой службы переписали на съезд с литовскими послами. Да ты же говорил в разговорах, будто на Москве людей нет, все люд глупый, жить тебе не с кем, чтоб тебя государь отпустил в Рим или в Литву: ясно, что ты замышлял измену и хотел отъехать в Литву, если бы ты в Литву ехать не мыслил, то зачем было тебе двор свой и вотчины продавать и с береговой службы переписываться на литовский съезд? Да у тебя же в книжках твоего сочинения найдены многие укоризны всяким людям Московского государства, будто московский народ кланяется св. иконам по подписи, хотя и не прямой образ: а который образ написан хотя и прямо, а не подписан, тем не кланяются, да будто московские же люди сеют землю рожью, а живут все ложью, приобщенья тебе с ними нет никакого, и иные многие укоризненные слова писаны на виршь (стихами): ясно, что ты такие слова говорил и писал гордостью и безмерством своим, по разуму ты себе в версту никого не поставил, и этим своим бездельным мнением и гордостью всех людей Московского государства и родителей своих обесчестил. Да в твоем же письме написано государево именованье не по достоинству: государь назван деспотом русским, но деспота слывет греческою речью — владыка или владетель, а не царь и самодержец, а ты, князь Иван, не иноземец, московский природный человек, и тебе так про государское именованье писать было непристойно; за это довелось было тебе учинить наказанье великое, потому что поползновение твое в вере не впервые и вины твои сыскивались многие; но по государской милости за то тебе наказанья не учинено никакого, а для исправленья твоего в вере посылан ты был под начал в Кириллов монастырь, в вере истязан и дал обещанье и клятву, что тебе вперед православную веру, в которой родился и вырос, исполнять и держать во всем непоколебимо, латинской и никакой ереси не принимать, образов и книг латинских не держать и в еретические ученья не впадать. И государи, по своему милосердному нраву, милость над тобой показали, из Кириллова монастыря велели взять тебя к Москве и велели тебе видеть свои государские очи и быть в дворянах по-прежнему».

Образцом учености московских грамотеев описываемого времени может служить спор по поводу катихизиса Лаврентия Зизания. Лаврентий Зизаний Тустановский, протопоп

корецкий, в феврале 1627 года привез в Москву книгу свою *Оглашение* и бил челом патриарху Филарету, чтоб ее исправить. Патриарх начал исправление изменением заглавия книги: вместо Оглашения он назвал ее Беседословие, на том основании, что под именем Оглашения уже известна книга Кирилла Иерусалимского, а под одним именем многим книгам быть не лепо; о других статьях, которые найдены несходными с русскими и греческими переводами, патриарх велел поговорить с Зизанием богоявленскому игумену Илье да Гришке от книжные справки (справщику типографии), говорить велено любовным обычаем и со смирением нрава. Разговор происходил на казенном дворе, в нижней палате, перед государевым боярским князем Иваном Борисовичем Черкасским и думным дьяком Федором Лихачевым. Между прочим Илья и Гришка говорили Зизанию: «У тебя в книге написано о кругах небесных, о планетах, зодиях, о затмении солнца, о громе и молнии, о тресновении, шибании и перуне, о кометах и о прочих звездах, но эти статьи взяты из книги Астрологии, а эта книга Астрология взята от волхвов еллинских и от идолослужителей, а потому к нашему православию не сходна». *Зизаний:* «Почему же не сходна? Я не написал колеса счастия и рождения человеческого, не говорил, что звезды управляют нашей жизнию; я написал только для знания: пусть человек знает, что все это тварь божия». *Илья* и *Гришка:* «Да зачем писал для знания? Зачем из книги Астрологии ложные речи и имена звездам выбирал, а иные речи от своего умышления прилагал и неправильно объявлял?» *Зизаний:* «Что же я неправильно объявлял? Какие ложные речи и имена звездам выбирал?» *Илья* и *Гришка:* «А разве это правда, говоришь: облака надувшись сходятся и ударяются и от того бывает гром, и звезды называешь животными зверями, что на тверди небесной!» *Зизаний:* «Да как же, по вашему, писать о звездах?» *Илья* и *Гришка:* «Мы пишем и веруем, как Моисей написал. сотворил два светила великие и звезды, и поставил их бог на тверди небесной светить по земле и владеть днем и ночью, а животными зверями Моисей их не называл». *Зизаний:* «Да как же эти светила движутся и обращаются?» *Илья* и *Гришка:* «По повелению божию. Ангелы служат, тварь водя». *Зизаний:* «Волен бог да государь святейший кир Филарет патриарх, я ему о том и бить челом приехал, чтоб мне недоумение мое исправил, я и сам знаю, что в книге моей много недельного написано». *Илья* и *Гришка:* «Прилагаешь новый ввод в Никифоровы правила, чего в них не бывало; нам кажется, что этот ввод у тебя от латинского обычая; сказываешь, что простому человеку или иному можно младенца или какого человека крестить» *Зизаний:* «Да это есть в Никифоровых правилах». *Илья* и *Гришка*... «У нас в греческих Никифоровых правилах

нет, разве у вас вновь введено, а мы таких новых вводов не принимаем». *Зизаний:* «Да где же у вас взялись греческие правила?» *Илья* и *Гришка:* «Киприан митрополит когда пришел из Константинограда на русскую митрополию, то привез с собою правильные книги христианского закона, греческого языка, правила, и перевел на славянский язык, божиею милостью они пребывают и до сих пор безо всяких смутков и прикладов новых вводов, да и многие книги греческого языка есть у нас старых переводов, а которые теперь к нам выходят печатные книги греческого языка, то мы их принимаем и любим, если они сойдутся с старыми переводами, а если в них есть какие-нибудь новизны, то мы их не принимаем, хотя они и греческим языком тиснуты, потому что греки теперь живут в великих теснотах, в неверных странах, и печатать им по своему обычаю невозможно». *Зизаний:* «И мы новых переводов греческого языка книг не принимаем же; я думал, что в Никифоровых правилах в самом деле написано, а теперь слышу, что у вас этого нет, так и я не принимаю; простите меня бога ради; я для того сюда и приехал, чтоб мне от вас здесь лучшую науку принять». *Илья* и *Гришка:* «Скажи нам, что еще с нами об этой книге хочешь говорить?» *Зизаний:* «Всегда рад я с вами беседовать, а книгу государского жалованья я всю прочел, прилежно трудился при вас и без вас, и много просвещения душе своей приобрел; дивлюсь великой премудрости православного государя патриарха: какой разум, какой смысл, какую великую богодарованную премудрость имеет в себе! Как он государь такую большую книгу в такое малое время сочинил! Воистину бог действует в нем». При этих словах Зизаний начал прижимать книгу к груди и любезно всюду ее целовать. Разговор этот описан Гришкою справщиком.

Самым плодовитым писателем Михаилова царствования был князь Семен Шаховской. Он писал и летописи, и похвальные слова святым, и каноны, и разные послания. Потерявши три жены одну за другой, он женился в четвертый раз, но его развели; тут он написал два *умильные* послания — одно к патриарху Филарету, другое к тобольскому архиепископу Киприану, с просьбою, чтоб позволили ему опять жить с женою, выставляя свою молодость, невозможность жить без жены. В числе его сочинений находится длинное письмо к шаху Аббасу от имени патриарха Филарета; в письме этом автор увещевает шаха креститься, но не принимать христианства от папы, ибо, как пронесся слух, шах принял к себе ксендза. Многоглаголивый там, где вовсе это не нужно, Шаховской до крайности краток в том сочинении своем, которое при больших подробностях одно могло бы иметь для нас важное значение, именно в своих записках. Шаховской был начетчик, грамотей, владел книжным языком, писал и вир-

шами, но внутренних достоинств сочинения его не представляют никаких; они страдают тем же недостатком, каким страдает вообще наша древняя литература с XVI века преимущественно — старанием выражаться как можно красивее, кудреватее, подбирать слова и фразы за отсутствием мыслей [26].

Этим недостатком страдают и некоторые летописи. Так, не чужда ему официальная летопись Смутного времени, составленная при царе Михаиле и изданная под именем *Рукописи Филарета, патриарха московского*. Эта летопись важна для нас в том отношении, что она черновая, с помарками: из нее мы можем видеть, какие известия о Смутном времени хотели сохранить в официальной летописи, составлявшейся в Михаилово царствование, и какие считали нужным уничтожить, какие, наконец, особенно хотели распространить и изукрасить. В избрании Шуйского первоначально было написано так: «Мая 19 день приидоша на Крайнево место, глаголемое лобное, весь синклит царского величества, митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены и всяких чинов люди Московского государства, и собрашася весь народ от мала же и даже до велика и нача глаголати о том, дабы разослати грамоты во все окрестные грады Московского государствия, чтобы изо всех градов съезжались в царствующий град Москву вси народи для ради царьсково обирания и да быша избрали в соборную апостольскую церковь патриарха, кого бог благословит. Народи же отвещаху: наперед же патриарха да изберетца царь на царство, и потом патриаршеское избрание произвольно будет им великим государем; власти же, боляра ж и ту стоящие людие начаша глаголати между собою: яко им князем Васильем Ивановичем Шуйским избави бог люди от прелести вражия и богопроклятого оного еретика расстриги, ему же ныне подобает и царьский престол восприяти. Сия ж, слышавше и народи вси воздвигаша гласы свои, да будет над ними надо всеми сий князь Василей Иванович, утверждают крепце совет сей и нарекоша его государем себе царем и великим князем всея Руси». Это известие показалось не довольно изукрашенным; почли нужным вложить в уста народа более витиеватую речь, и потому после слов: «Народи же отвещаху» зачеркнуто и внесена другая речь народа: «Яко напреди да изберется самодержавный царь, иже может наше сокрушение исцелити и раны обезати, нанесенные богопопустною язвою неблагочестного еретика и зловонного вепря, иж озоба виноград богом насажденный. И сего аще господь царя откроет нам, якож древле Саула Израилю, и той убо да изведет патриарха пастыря богом снабдимой церкви. И угодно бысть сие слово и начаша голаголати: яко убо обличитель и посрамитель нечестивого богопротивника Гришки Отрепьева бысть благородный князь Василей Иванович

Шуйский, иже и до смерти мало не пострада от плотоядного того медведя, и за избавление российского народа живота своего не пощаде; еще же и отрасль благородного корени царьского исчадия великих государей российских; и сего ради, многого ради мужества и благородия, да вручено будет ему царьствия Российского скипетродержание. И егда услышась сие речение в собравшемся народе, абие вси народи предстоящии ту, яко по некоему благовещению или с небесе шумящу, или от земли возглашающу, воздвигоша гласы своя великими жрелы, яко аще рещи и земли противу возглашати, бе бо собранных всех бесчисленное сочетание и место необреташесь им, все ж единогласно глаголюще: «Да будет царьствуя над нами царь и великий князь Василий Иванович, иже избавивый нас от належащие пагубы свирепого еретика Гришки Отрепьева. И так всем советом избраша на Российское самодержавство благочестивого царя Василия».

После известия о вступлении князя Скопина-Шуйского в Москву первоначально были помещены слова: «Царь же Василей наполнися зависти и гнева и не возлюби его за сию бывшую победу, якож и древле Саул позавиде незлобивому Давыду, егда уби Голиафа, и поюще Саулу в тысящах, а Давыду во тмах, тако и сему князю Михаилу Васильевичу победную песнь приношаху и о избавлении своем радовахуся. Оле зависти и рвению, в колико нечестие и погибель поревает душа благочестивых и во ад низводит и бесконечному мучению предает». Это место зачеркнуто.

Кроме этой официальной летописи дошли до нас другие летописи, сказания и хронографы, заключающие в себе известия о Смутном времени; большая часть этих летописей составлена в царствование Михаила, и потому теперь время обратиться к ним, посмотреть, как в первой половине XVII века, тотчас после смут, высказалось в тогдашней исторической литературе сознание об этих великих и страшных событиях. Прежде всего, разумеется, мы должны обратиться к вопросу, как представлялись причины Смутного времени?

При рассматривании общего характера нашей летописи мы заметили, что летописцы смотрят на все народные бедствия как на божие наказание за грехи народа[27]. Этот взгляд не изменился и в описываемое время, особенно у летописцев, принадлежавших к духовному званию. Вот почему самозванцы и смуты, ими произведенные, являются как божие наказание за грехи, как следствие нравственного падения жителей Московского государства: «Премилостивый и премудрый человеколюбец бог наш, не хотя создания своего до конца потребить, видя человеческое поползновение ко греху, всячески отвращая нас и отводя от всяких неподобных студодеяний, многие и различные беды и напасти посылает на нас грозными знамениями, яростно устрашая нас и запрещая

нам с милостивым наказанием; были на нас беды многие, пожары, нашествия иноплеменников, голода, смертоносные язвы и междуусобное нестроение; потом всех бед нам горчайшее — прекратил бог у нас царский корень. Мы же грешные это наказание божие ни во что вменяли, и более еще к своим злым делам уклонились, к зависти, гордости, от неправды не отстали, но на большую пагубу поострились, бог же, видя наше неисправление, навел ради грехов наших сугубое наказание: как в древности навел бог окаянного Святополка на Русскую землю, на убийство братии его, так и на нашу православную христианскую веру, на Московское государство навел этого окаянного Гришку; не хотел бог нас наказать ни царями, ни королями, не хотел отомстить за праведную кровь царевича Димитрия никакими ордами; но взял в Русской земле прах от земли — этого окаянного чернеца Гришку»[28]. Здесь выставляются общие грехи всей земли; Борис Годунов не выделяется, не выставляется как грешник, по преимуществу навлекший своими дурными делами бедствия на родную землю, и убиение царевича Дмитрия выставляется как общий земский грех. Здесь следовательно мы имеем дело с общелетописным представлением, которое не занимается ближайшею связью между явлениями, не занимается рассматриванием того, как, по закону вечной правды, в грехе, в дурном деле уже заключаются гибельные его следствия, заключается наказание, как в обществе, способном сносить неправду, деятели стараются достигать своих целей путями неправыми, и этим самым еще более развращают общество; как в обществе, допустившем неправду, встает смута, смешение чистого с нечистым и клятвы с благословением. Общелетописному воззрению верен и знаменитый Авраамий Палицын; но у него подле народа, казнимого за нравственное падение, является на первом плане Годунов, которого безнравственные меры, распоряжения и нововведения возбуждают всеобщую ненависть и способствуют нравственному падению народа[29], у Палицына встречаем указание и на причину Смуты в неправильном отношении сословий, встречаем указание на характер народонаселения преждепогибшей Украйны. Палицын, выставивши сильное участие Годунова в нравственном падении народа, которое вызвало наказание божие, сводит согласно с прежде приведенным летописцем, играя противоположностью могущества Борисова и тем орудием, которым было разрушено это могущество: «Много и другого зла в нас делалось, и когда мы уверились в спокойствии и твердости управления Борисова, тогда внезапно пришло на нас всегубительство: не попустил бог никого от тех, которых остерегался царь Борис, не встал на него никто от вельмож, которых роды он погубил, ни от царей чужеземных; но кого попустил? смеху достойно сказание, плача же великого дело

было!» Наконец известный нам хронограф причину гибели Борисовой и начало смут прямо указывает в отношениях Бориса к вельможам, которых он ожесточил[30]. Итак в исторической литературе нашей XVII века сталкиваются три воззрения на причины Смутного времени: воззрение, что народ был наказан за грехи без выделения личностей; особенно греховных; то же воззрение с указанием на такую личность; накочец воззрение, ограничивающееся одними личными отношениями, — отношениями Годунова к вельможам.

Все известия приписывают смерть царевича Димитрия Годунову; но потом, приступая к описанию Смутного времени, некоторые летописцы, как мы видели, не выставляют Годунова главным виновником бедствия: его грех сливается с массою грехов народных. Один Палицын, говоря о смерти царевича Димитрия, старается как бы ослабить степень участия в ней Годунова разделением этого участия между другими лицами и указанием причины преступления не в властолюбии Годунова, но в той опасности, которая грозила и Годунову, и другим от Димитрия: «Царевич Димитрий, приходя в возраст, смущается от ближних своих, которые указывают ему, как он обижен чрез удаление от брата; царевич печалится и часто в детских играх говорит и действует против ближних брата своего, особенно же против Бориса. Враги, ласкатели, великим бедам замышленники, вдесятеро преувеличивая, рассказывают об этом вельможам, особенно Борису, и от многие смуты ко греху его низводят, краснейшего юношу насильно отсылают в вечный покой». Этот взгляд на дело тем важнее для нас, что Палицын в другом месте очень неблагосклонно отзывается о Борисе, приписывая ему порчу нравов и вредные нововведения. Самыми сильными выходками против Бориса отличается автор сказания о Смутном времени; он в то же самое время обличает в себе ревностного приверженца Шуйского[31], и таким образом указывает источник ненависти своей к Годунову, который у него является убийцею Димитрия, убийцею царя Феодора и многих других, похищающих царство лукавством и неправдою; появление самозванца есть прямо наказание божие Годунову за его вопиющие преступления: «Видев же это, всевидящее недреманное око — Христос, что неправдою восхитил Борис скипетр Российской области, восхотел ему отомстить пролитие неповинной крови новых своих страстотерпцев, царевича Димитрия и царя Феодора Иоанновича и прочих неповинно от него убиенных, неистовство его и злоубийство неправедное обличить и прочим его радетелям образ показать, чтоб не ревновали его лукавой суровости; попустил на него врага, главню, оставшуюся от Содома и Гомора или непогребенного мертвеца, чернеца, ибо чернец, по слову Иоанна Лествичника, прежде смерти умер, обретши себе келию место

гроба». Это сказание отличается особенным красноглаголанием; таково, например, описание двух битв Борисовых воевод с самозванцем; описание первой: «Войско с войском скоро сходится; как две тучи, наводнившись, темны бывают к пролитию дождя на землю: так и эти два войска сходятся между собою на пролитие крови человеческой, как гром не в небесных, а в земных тучах пищальный стук; был вопль и шум от голосов человеческих и оружный треск такой, что земля тряслась, и нельзя было расслышать, что один говорил другому; брань была престрашная, как на Дону у великого князя Димитрия с Мамаем». Очевиден образец красноречия, который имел перед глазами наш автор, — Сказание о Мамаевом побоище. Описание второй битвы: «Как ясные соколы на серых утят, или белые кречеты носы чистят ко клеванию и остры когти к вонзению в плоть, крылья расправляют и плечи натягивают убийству птичному; так воеводы, поборники православной христианской веры, с христолюбивым своим войском против сатанина угодника и бесовозлюбленного его воинства в брони облачаются» и проч.

К Борису некоторые летописцы равнодушны, другие с восторгом отзываются о его достоинствах, хотя и указывают на недостатки, бывшие причиною его погибели; некоторые, писавшие, очевидно, под влиянием духа партии, сильно чернят его память. Вообще летописцы снисходительнее к Шуйскому, хотя большинство из них смотрит на него как на человека, поторопившегося взять в свои руки верховную власть и оказавшегося неспособным удержать ее; некоторые, впрочем, безусловно превозносят его. Но относительно Лжедимитрия все отзывы согласны не в пользу его. Это явление понятно: никто не сочувствует палачу потому только, что он исполнитель справедливого приговора над преступником; не могли сочувствовать и предки наши орудию кары небесной за грехи целого народа или одного Годунова; и люди, коснувшиеся (впрочем, очень слегка, очень боязливо) вопроса о подстановке, не разделяя общего мнения о сверхъестественных причинах появления Лжедимитрия, могли не сочувствовать его личности и поступкам, уже не говоря о том, что не хотели высказывать этого сочувствия. Большинство, как проговорился Палицын, любило Лжедимитрия; но люди из большинства обыкновенно не записывают своих мнений; притом же большинство было напугано страшными словами, страшными отзывами, которые повторялись людьми, имеющими высший авторитет, людьми знающими, разумными, а большинство, особенно в то время, было более всего способно поверить этим отзывам и напугаться ими, вследствие чего могло даже возненавидеть прежнего любимца, когда было объявлено и утверждено, что он был еретик и чернокнижник. Откуда же взялось это представление о еретичестве

Лжедимитрия? Ежедневный опыт учит нас, что люди, не получившие посредством образования, посредством науки привычки идти навстречу явлениям новым, непонятным, вступать с ними в борьбу и, наконец, одолевать их как древнего сфинкса разгадкою их загадок, — такие люди всякое явление, выходящее из ряда обыкновенных, приписывают действию таинственных, сверхъестественных сил; кроме уже того, что самозванец являлся орудием врага рода человеческого, как виновник смут и бедствий, он являлся таким еще как друг иноверцев, как вводитель чуждых обычаев, как человек, не сообразовавшийся с принятыми, освященными уставами и обычаями. Слово ересь в то время имело обширнейшее и часто превратное значение, ибо значение религиозное, вечное, неизменяемое, божественное придаваемо было и тому, что не имело ничего общего с ним, придаваемо было форме, внешнему, изменяемому; то, что в самом деле было ересью, какое-нибудь неправильное, нелепое толкование места св. писания, основанное на непонятном, искаженном месте церковного писателя, не казалось ересью; но страшною ересью являлось нарушение принятого, освященного древностию обычая: оно производило могущественное, тяжелое впечатление, нарушало весь строй жизни, не давало покоя, порывало священную связь с отцами умершими, являлось греховным восстанием против их памяти, против их жизни. При отсутствии духовного простора, при господстве внешнего, формы, при неразвитости духовных, настоящих, самых крепких основ народности, однообразие, сходство внешнего, формы, служили единственною связью между членами общества, членами народа. Эта неразвитость внутренней, духовной народной связи, неразвитость народности вообще производила то, что человек, порвавший внешнюю связь с своим народом, разрывал с ним окончательно; так окончательно разорвали с отечеством те молодые люди, которые были отправлены при Годунове за границу; князь Хворостинин также не хотел оставаться в России; слышали мы и опасения князя Ивана Голицына: «Русским людям служить вместе с королевскими людьми нельзя ради их прелести: одно лето побывают с ними на службе, и у нас на другое лето не останется и половины русских лучших людей, не только что боярских людей, останется кто стар или служить не захочет, а бедных людей не останется ни один человек». Понятно, следовательно, почему общество преследовало всякое нарушение отцовского обычая как измену, и так как внешнее, формы, имело религиозное значение, а русский народ своим вероисповеданием разнился от других европейских народов, отделить же сознательно правды своего вероисповедания от внешнего, форм, не мог, не мог понять, что православие не имеет ничего общего с бородою, употреблением телятины в пищу и т. п., то всякое

изменение своего внешнего, изменяемого, на чужое внешнее, изменяемое же, считалось изменением основного, существенного, религиозного, считалось необходимо ересью, грехом; да и действительно, как мы видели, люди, изменявшие внешнее, одним этим не ограничивались опять по недостатку сознания об отдельности внешнего от внутреннего, существенного от несущественного, по привычке все это смешивать; русский человек, выехавший за границу, одевшись в иностранное платье, принявши чужие обычаи, изменял с тем вместе и вере отеческой, ибо о вере этой он ясного понятия не имел, она в его представлении неразрывно была соединена с обычаями, внешностями, от которых он отказался, и вследствие этой-то неразрывной связи отказавшись от одного, он не мог не отказаться от другого.

Таким образом объясняется нам, почему Лжедимитрий является в современных литературных памятниках как еретик и чернокнижник, орудие темной, адской силы: он изменил древним обычаям, окружил себя чужими, иноверцами, еретиками, хвалил чужое, смеялся над своим; он явился слишком рано еще, именно столетием раньше; люди, которые могли не оскорбиться его поведением, не составляли в это время даже и меньшинства, — они составляли исключение; притом же впоследствии открыли, что он был самозванец, обманщик, обольститель, следовательно необходимо орудие духа лжи и обольщения; наконец явился неведомо как, достигнул царства изумительными, чудесными для большинства средствами. Сам Палицын, бесспорно разумнейший из тогдашних грамотеев, говорит, что Лжедимитрий был чернокнижник, еще в молодости навыкший чернокнижию. Впрочем, свидетельство о чернокнижии Лжедимитрия можно принимать и буквально: при умственной неразвитости людей того времени, таинственные знания, книги, в которых они заключались, имели неотразимую прелесть для молодых людей, живых, у которых сильно работали мысль и воображение, которые хотели узнать побольше того, что могли им предложить тогдашние мудрецы — нечернокнижники; очень легко могло быть, что в руках пылкого, пытливого Отрепьева видали и запрещенные книги, какие-нибудь Аристотелевы врата.

Если Лжедимитрий был еретик и чернокнижник, то, разумеется, с таким же характером, и даже еще в сильнейшей степени, явилась жена его Марина, еретица, воруха, латынской веры девка, луторка и калвинка. Сочетание трех последних отзывов об одном и том же лице, — сочетание, встречаемое в писаниях тогдашних грамотеев, — разумеется, поражает нас теперь; но предки наши не обращали внимания на различие исповеданий; они употребляли эти три названия — латынец, лютер и калвин как бранные, говоря о всяком

чужом, о всяком западнике. Требование перекрещивания от людей других христианских исповеданий, переходящих в православие, всего лучше объясняет нам дело, всего лучше показывает нам, какое сильное впечатление производило на наших предков слово — *чужой:* это магическое слово отнимало способность находить в человеке другого христианского исповедания что-либо сходное, находить общую основу и вместе определять, какое из этих исповеданий ближе к нашему и какое дальше.

Что касается представления о других знаменитых деятелях Смутной эпохи, выраженного в современных литературных памятниках, то оно очень неудовлетворительно, очень неясно. Живых людей, с резко определенным образом, мы не найдем ни в Скопине, ни в Ляпунове, ни в Пожарском, ни в Минине, как они представляются в летописях и сказаниях. Рассказываются их внешние подвиги, произносятся похвальные отзывы в общих неопределенных выражениях, идущих ко всякому другому хорошему человеку. От Скопина-Шуйского не дошло до нас ни одного слова, не дошло ни записок, ни писем, ни его собственных, ни людей к нему близких, вследствие чего фигура эта представляется историку покрытою с головы до ног пеленою: можно догадываться, что это что-нибудь величественное, но что именно — не знаем. Точно также безжизненною представлялась бы нам и фигура другого вождя-освободителя, Пожарского, если бы мы должны были ограничиться одними летописями, если б, по счастию, не дошло до нас описание новгородского посольства к Пожарскому в Ярославль; тут сказал Пожарский несколько слов о себе, о своем положении, о других лицах, — и прорезал яркий луч и осветил, оживил образ! Но все это несколько слов только! Яснее представляется характер Ляпунова уже по самому разнообразию внешней деятельности, не допускающей с начала до конца общих, неопределенных отзывов. В деятельности Минина много темного, недосказанного: тоже таинственный образ! Любопытно, что если в некоторых известиях фигура Минина стирается перед фигурою Пожарского, то в народном представлении, как оно записано в одном хронографе [32], Минин является исключительным деятелем при освобождении Москвы. Здесь видно явное желание противопоставить его боярину князю Трубецкому, причем лицо Пожарского, как мешавшее силе желанного впечатления, отстранено: «Призвавши бога на помощь, хотя и неискусен стремлением, но смел дерзновением, пошел Кузьма к царствующему граду. В то время стоял с войском князь Дмитрий Трубецкой, и услыхав, что идет Кузьма Минин с войском, отступил прочь, говоря: «Уже мужик нашу честь хочет взять на себя, а наша служба и радение ни во что будет». И сведал келарь троицкий, Авраамий Палицын, что Дмитрий Трубец-

кой с товарищем своим Прокофьем Ляпуновым (?) прочь отступил от Кремля-города, и приехал келарь в полки князя Дмитрия Трубецкого, начал его молить, что тот мужик пришел к тебе на помощь, а не честь вашу похищать; и едва умолил князя Дмитрия. А в то время Кузьма Минин с своим войском облег город-Кремль, и начал Трубецкой говорить: «Я стою под городом Москвою немалое время, а взял Белгород и Китай; что будет у мужика того, увижу его промысел!» И поехал келарь в полки нижегородские к Кузьме Минину и говорил: «Я едва умолил князя Дмитрия Тимофеевича, а ты, Кузьма Минич, не прекословь ему ни в чем, ополчайся как тебя бог наставит», и отъехал в свой монастырь. На другой день Кузьма отряжает два полка и т. д. Патриарх Гермоген вообще является в лучезарном блеске, и самый блеск этот препятствует различать отдельные черты в образе; только предатель-хронограф нашептывает слова, нарушающие общее впечатление.

К сказаниям, содержание которых составляют события Смутного времени, принадлежат два сказания, составленные во Пскове. Они замечательны потому, что в них высказались взгляды двух противоположных, враждебных сторон, стороны лучших и стороны меньших людей. В нашей истории, при описании борьбы этих сторон во Пскове, мы держались летописного рассказа именно по его относительному, по крайней мере, беспристрастию, ибо летописец, хотя и сильно вооружается против воеводы и лучших людей, однако не щадит и меньших, когда они начали *прикликать* с Кудекушею. Но в одном из упомянутых сказаний события представлены так, что поступки лучших людей являются постоянно в хорошем свете, поступки меньших в дурном. Сказание это носит заглавие: «О смятении и междоусобии и отступлении пскович от Московского государства, и как быша последи беды и напасти на град Псков от нашествия поганых и пленения, пожар, глад, и откуду начаша злая сия быти и в кое время». В сказании вот как описывается начало Смуты: «Явились в псковских пригородах смутные грамоты от вора из-под Москвы, на прельщение малодушных, и возмутились люди, начали крест ему целовать. В то же время вскоре умер епископ Геннадий от кручины, услыхав такую прелесть; во Пскове люди стали волноваться, заслыша, что кто-то идет от ложного царя с малою ратью. Воеводы, видя такое смятение в народе, много укрепляли его, но не могли уговорить; народ схватил лучших людей, гостей и пометал их в тюрьму, а воеводы послали в Новгород за помощью. В то же время какой-то враг креста христова распустил слух, что немцы будут во Псков; тогда некоторые мятежники возопили в народе, что немцы пришли к мосту на Великой реке; тут все возмутились, схватили воевод, посадили в тюрьму, а сами

послали за воровским воеводою Плещеевым и целовали крест вору, начали быть в своей воле, взбесились и лихоимством разгорелись на чужое имение. Осенью пришли во Псков из Тушинского стана мучители, убийцы и грабители, объявляя малоумным державу его и власть, а эти окаянные воздали хвалу темной державе его, начали хвалиться пред ними своим радением к вору и клеветать на тех богомольцев и страдальцев, которые не хотели преклонить колена Ваалу, на городских начальников и нарочитых мужей, сидевших в тюрьме; лютые звери извлекли их из тюрьмы и уморили, одних на колья посадили, другим головы отсекли, прочих различными муками мучили, имение их побрали, боярина же Петра Никитича Шереметева в тюрьме удавили и, побравши имение во владычне дворе, по монастырям, у городских начальников и у гостей, отъехали под Москву к своему ложному царю и там после были побиты своими». Это известие о поступке тушинцев очень правдоподобно, но почему его нет у летописца? Летописец Тушину не благоприятствовал, называет безумными тех, которые целовали крест тушинскому царю.

Опустивши причины народного восстания на лучших людей, — причины, рассказанные у летописца, а именно посажение в тюрьму гонца от козачьего атамана и бегство духовных лиц к неприятелю, автор сказания, после описания большого пожара, говорит: «Чернь и стрельцы начали грабить имение у нарочитых людей и, по наущению дьявольскому, стали говорить: бояре и гости город зажгли! — и начали в самый пожар камнями гнать их, и те побежали из города; а на другой день стали волочить нарочитых дворян и гостей, мучить и казнить и в тюрьмы сажать неповинных, начальников городских и церковный чин». Описавши вторичное торжество меньших людей, летописец прибавляет: «Дал бог, без крови разошлись, а если б воля лучших людей сотворилась, то было бы крови много; которые из них в Новгород отъехали, тех имение переписали, а которые в Печорах и во Пскове крылись, тех имения не переписывали». Совершенно иначе рассказывает дело автор нашего сказания: «Которых отыскали православных неповинных (меньшие люди победители), тех влекли на сонмище, мучили, в палаты и погреба пустые пометали, которые же из города побежали душою да телом, у этих жен метали в погреба, а потом мучили и смерти предавали, входили в домы их, ели, пили и веселились, имения их по себе разделили; кто был в тюрьме, тот отдал последнее, чтоб откупиться от муки и смерти, у кого же не было что дать, те были замучены или в темнице померли, и жены и дети по миру ходили. Было таких страдальцев, мужчин и женщин, больше двухсот, и страдали они до тех пор, пока не пришел ложный царь и вор Матюшка: он освободил их всех и вместо

их заточил их гонителей, и таким образом все приняли возмездие по своим делам». Итак последний самозванец Матюшка или Сидорка является действующим в пользу лучших людей против меньших. Но в том же сказании вот что говорится об этом самозванце: «Явился вор в Иван-городе, и начали к нему такие же воры и убийцы собираться: из Новгорода — козаки, из Пскова — стрельцы Псковские граждане отказались принять его, и он приходил подо Псков с нарядом стенобитным и наметным, но граждане крепко против него стали, и он ничего не успел сделать городу. Немцы послали на него войско из Новгорода, и окаянный бежал из-под Пскова. Тогда псковичи, не зная, что делать и куда приклониться, не надеясь ниоткуда получить помощи, положили призвать к себе ложного царя, послали от всех чинов людей бить ему челом, послали повинную. Окаянный обрадовался и пришел во Псков вскоре, и начали к нему собираться многие, которые радовались крови и чужому имению; к тому же он любил поганых, литву и немцев, было гражданам большое насилие и правеж в кормах и во всякой дани, и многих замучили. Псковичи стали тужить. Литва в это время осаждена была в Москве русскими людьми, и прислали оттуда некоторых нарочитых людей дозреть прелести этого новонарекшегося царя, и дозиратели эти, боясь смерти, не обличали его; но потом, найдя удобное время, когда он отослал своих ратных людей под Порхов, сговорились с гражданами, схватили его и свели под Москву». Любопытные подробности встречаем в сказании и о пребывании Лисовского во Пскове: «Псковичи, услыхавши, что пан Лисовский с литвою и русскими людьми стоит в Новгородской земле, в Порховщине, послали к нему бить челом, чтоб шел во Псков с русскими людьми, и он, попленивши Новгородчину, пришел во Псков; его самого пустили в город, а литву поставили за городом на посаде и в Стрелецкой слободе; но мало-помалу начала и литва входить в город, казну многую пропивать и платьем одеваться, потому что было множество у нее золота, серебра и жемчугу, после разграбления славных городов Ростова, Костромы, монастырей Пафнутьевского, Калязинского и других, где они раки святых рассекали, сосуды и образные оклады грабили, было у них также множество пленников, женщин, девиц и отроков. Когда все это они проворовали и проиграли в зернь и пропили, то стали грозить гражданам: «Мы уже много городов попленили и разорили, то же будет от нас и этому городу Пскову, потому что весь живот наш здесь положен в корчме». Граждане, слыша это, пришли к варвару и начали льстивыми словами говорить, чтоб шел на выручку к Иван-городу, который тогда осаждали шведы: «А мы казну соберем и пришлем к тебе», — говорили псковичи. Лисовский согласился, вышел изо Пскова с всеми своими

людьми и после только догадался, что псковичи обманули его, но уже было поздно. Наконец в этом сказании находим любопытное известие об отношениях Пскова к Ливонии во время Смутного времени: «Велика милость пречистой богородицы печерской, что только мимо своего дома (Печерского монастыря) не затворила пути к литовскому рубежу в Ливонскую землю, откуда во все это время хлеб шел во Псков, потому что мир великий имели мещане с псковичами; если бы эта земля не подмогала хлебом, то псковичи никак не избыли бы от поганых».

Теперь обратимся к сказанию, написанному в противоположном духе, в духе меньших людей, в духе собственно псковском, с сильным нерасположением к Москве, ко всему, что там делалось, преимущественно к боярам, их поведению и распоряжениям. Если на известия, заключающиеся в предыдущем сказании, мы сочли себя вправе смотреть подозрительно, подметивши односторонний взгляд партий, то еще с большею подозрительностью должны смотреть на известия второго сказания, ибо здесь встречаем явные искажения событий. Сказание носит заглавие: «О бедах и скорбех и напастех, иже бысть в Велицей России божиим наказанием, грех ради наших, напоследок дней осмого века, а в начале второсотного лета». «Сбылось, — говорит автор, — слово апостола Иоанна Богослова: ангел господень возлил фиалы на землю, в море и на всю тварь, да погибнет, да останется третья часть во всей твари живущих. Не знаю чужих стран, не смею говорить, что там творится, но здесь в великой России все люди знают, что не осталось от этих злых бед и напастей и тысячной доли, потому что, где прежде жило 1000 или 100 человек, там из тысячи едва один остался, и те в скорбях, налогах и бедах от сильных градодержателей и лукавых людей продаются и насилуются». На первых строках следовательно мы уже встречаемся с этим знакомым нам припевом псковской летописи, с этою жалобою на воевод, откуда все зло, все нерасположение псковичей к Москве. Сказание обвиняет Шуйского в усилении смуты, потому что, говорит оно, после побед над возмутителями «дьявол разжег царя похотию на блуд; он оставил войско свое, пришел в царство свое, взял жену, начал есть, пить и веселиться». Сказание передает за достоверное об отравлении князя Скопина-Шуйского женою дяди его, Дмитрия Шуйского, которая называется Христиною. О свержении Шуйского рассказывается таким образом: «Однажды люди всех чинов собрались к патриарху Гермогену на совет и говорили: не хотим этого царя Василия видеть на царстве, пошли к польскому королю Сигизмунду, чтоб дал нам на царство сына своего Владислава. Патриарх долго уговаривал их, что и прежде много напасти было от польских людей, когда приходили с Гришкою От-

репьевым, а теперь чего еще надеетесь? только конечного разорения царству и вере? или нельзя вам избрать на царство из князей русских? Князья и бояре отвечали ему: «Не хотим своего брата слушаться; ратные люди царя из русских не боятся и не служат ему». Тогда патриарх, посоветовавшись с боярами и с народом, отправил послов к королю польскому, чтоб дал им сына своего на царство и чтоб королевич крестился по закону греческому. Но поганый король умыслил лесть и сказал: «Как мне вам верить? у вас царь сидит на царстве, а просите у меня сына моего на царство; если приведете царя вашего с братьями сюда, то я дам вам сына моего». Тогда собрались некоторые от боярского рода, изменники и нарушители христианству, любящие поганские обычаи и законы, устремились они в палаты к царю, исторгли у него из рух посох царский, свели с царства, постригли и свезли с братьями к королю под Смоленск. Когда услышал король, что целовали крест сыну его в Москве и на Руси, то поганый умыслил такой ответ послам русским: «Что вы ко мне пришли за сыном? как мне вам его дать? вы одного своего царя убили, другого теперь ко мне как пленника привели: что же сделаете с моим сыном? он вам не единоверец, не русский родом, вы с ним еще хуже сделаете что-нибудь; но если вся Русь целует крест мне королю, то дам вам сына моего на царство». И послал гетмана, пана Жолкевского на Московское государство со многими людьми, приказавши ему привести всех людей к крестному целованию на его королевское имя; но в Москве люди этого не захотели и сказали: «Не целуем креста королю польскому». И сбылось на царствующем граде Москве то же, что и на Иерусалиме, который был пленен в самый праздник Пасхи Антиохом. Услыхали об этом некоторые православные на Низу; начальником у них был некто от простых людей, но теплый верою и поборник по христианстве, именем Козьма Минин; собравши множество имения по городам на людях, он нанял войско и передал его князю Дмитрию Пожарскому, и сам с ним. Когда пришли поганые польские люди на князя Дмитрия Пожарского и начали гнать, то дьявол вложил древнюю гордость в князя Дмитрия Трубецкого, не вышел он на помощь брату своему, потому что сам себя считал выше: «Я осадил город», — говорил он; тогда христолюбец Козма пришел в полк князя Трубецкого и начал со слезами молить ратных людей о любви, да помогут друг другу, обещая им большие дары. В этот час воздвижения поднялся у них голос, все как львы заревели, и пошли конные и пешие на поганых». Таким образом, демократическое Псковское сказание отплатило Палицыну за то, что он в своем сказании поставил Минина в такой тени: Псковское сказание подвиг Палицына приписало Минину, не сказавши

ни слова о знаменитом келаре, который так любил сам поговорить о себе.

Об избрании царя Михаила Сказание говорит следующее: «Начальники опять захотели себе царя иноверного, но народ и ратные люди не согласились, и вместо храброго князя Михаила Скопина воздвиг бог второго Михаила нечаемого, которого сам избрал. Как в старину Царь-град очистился Михаилом царем от латин, так теперь на Руси бог воздвиг на царство тезоименитого архистратигу силы его Михаила, кроткого, тихого царя, христова подражателя. Был царь молод, когда сел на царство, лет 18, но был добр, тих, кроток, смирен и благоуветлив, всех любил, всех миловал и щедрил, во всем был подобен прежнему благоверному царю и дяде своему Феодору Ивановичу. Не было у него еще столько разума, чтоб управлять землею, но боголюбивая его мать, инока великая старица Марфа правила под ним и поддерживала царство с своим родом, ибо отец его был еще тогда в плену у короля польского. Но и тому благочестивому и праведному царю, смирения его ради, не без мятежа сотворил державу дьявол, опять возвыся владеющих на мздоимание, опять стали они насиловать православных, беря их в работу себе. Люди, оставшиеся в живых, начали собираться по городам, выходя из плена литовского и немецкого; но эти окаянные, как волки, забирали их к себе, позабывши прежнее свое наказание, как от своих рабов разорены были, опять на то же устремились, а царя ни во что вменили и не боялись его, потому что был молод. Они его и лестию уловили; когда посадили его на царство, то к присяге привели, что не будет казнить смертию никого из них, роду вельможеского и боярского, но только рассылать в заточение, так окаянные умыслили; а кому из них случится быть в заточении, то друг за друга ходатайствуют. Всю землю Русскую разделили они по своей воле, царские села себе побрали, а царю было неизвестно, потому что писцовые книги в разорение погибли; а на царскую потребу и расходы собирали со всей земли оброки и дани и пятую часть имения у тяглых людей. Послал государь под Смоленск своих государевых воевод, князя Дмитрия Мамстрюкова (Черкасского), да князя Ивана Троекурова, и воеводы эти государевым делом промышляли с раденьем, и едва города не взяли; но бояре этих воевод переменили и других послали, новые воеводы распоряжались уже не так, на них напала литва, осадила их, сделался большой голод; осажденные несколько раз посылали к государю просить хлеба, но бояре этих посланных в тюрьму сажали, от царя таили; тогда ратные люди, не стерпя голоду, отошли от Смоленска прочь и начали свою землю воевать и людей мучить, сердясь на бояр. Таково-то было попечение боярское о земле Русской! Потом пришел шведский король под Псков со мно-

гими немецкими людьми и с нарядом; к государю царю много раз посылали о выручке; но всех этих посланников бояре царю не показали, держали взаперти, а государя утешали, говоря, что поганых немного, а в городе людей много, о людской же печали и голоде не сказали ему, а гонцов отсылают назад с радостною вестию, что тотчас государь посылает войско вам на выручку. Царь захотел сочетаться законным браком, и обручена была царица Анастасия Ивановна Хлопова; но враг дьявол научил некоторых сродников, царской матери племянников, остудить царицу царской матери, некоторым чародейством ненависть произвели, разлучили ее с царем и послали в заточение. Когда пришел митрополит Филарет и посвящен был в патриархи, то начал земскими делами управлять и стал говорить сыну о браке: «Хочешь взять за себя дочь литовского короля, этим примиришь его себе и города, взятые у тебя, отдаст назад». Но Михаил не согласился. Тогда мать и отец посылают к датскому королю сватать дочь его за царя, король отказал: «Прежде брата моего взяли к вам на Русь при царе Борисе, который хотел отдать за него дочь свою Ксению; но как приехал в Москву, то и часу тут не жил, отравою уморили его; то же и дочери моей сделаете теперь». Опять отец и мать стали уговаривать царя жениться, но он отвечал: «Сочетался я браком по закону божию, обручена мне царица; кроме ее другой не хочу взять». Отец хотел послать за нею, но сказали ему, что она испорчена, неплодна и больна; долго разведывали, кто так сделал над нею? Нашлись окаянные дети Михайлы Салтыкова, два брата, царевой матери племянники, Борис да Михайла, повинились, что сделали это из боязни, что их удалят от царева лица, и сана своего лишатся; осудили их на заточение, а на смерть не осудили по причине родства с царем, отец же их умер в Литве. Потом послали докторов к царице; доктора ее вылечили, и патриарх хотел царя венчать с нею, но царева мать клятвами закляла себя, что не быть ей в царстве у сына, если он женится на этой царице. Царь не захотел разлучиться с матерью и оскорбить ее, человеческое существо матери не раздражил. Хлопову за себя не взял, хотя от отца своего много укоризны принял»[33].

Приведенное сказание носит ясные признаки, что оно составлялось по стоустой молве народной. Дошли до нас и песни народные, которые имеют содержанием события Смутного времени. Такова песня о Гришке Расстриге, в которой высказывается народное воззрение на причину гибели самозванца: он женился в проклятой литве, на еретнице, безбожнице, свадьба была на Николин день и на пятницу; когда князья и бояре пошли к заутрени, Гришка пошел в баню с женою. После бани Гришка вышел на Красное крыльцо и закричал: «Гой еси ключники мои, приспешники! Приспе-

вайте кушанье разное, а и постное и *скоромное*; завтра будет ко мне гость дорогой, Юрья пан с паньею». А в те поры стрельцы догадалися, за то-то слово спохватилися. Стрельцы бросились к царице-матери, и когда та отреклась от Лжедимитрия, то стрельцы взбунтовались; Маринка безбожница сорокою обернулась, и из палат вон она вылетела. А Гришка Расстрига в те поры догадлив был, бросился он с тех чердаков на копья острые к тем стрельцам, удалым молодцам, и тут ему такова смерть случилась. Другая песня рассказывает о смерти князя Скопина-Шуйского. На крестинном пиру князя Воротынского «пьяненьки тут расхвастались: сильный хвастает силою, богатый хвастает богатством; Скопин князь Михаил Васильевич, а и не пил он зелена вина, только одно пиво пил и сладкой мед, не с большого хмелю он похвастается: «А вы глупой народ, неразумные! А все вы похваляетесь безделицей: я, Скопин, Михайло Васильевич, могу князь похвалитися, что очистил царство Московское и Велико государство Российское; еще ли мне славу поют до веку от старого до малого, от малого до веку моего». А и тут боярам за беду стало, в тот час они дело сделали; поддернули зелья лютого, подсыпали в стакан, в меды сладкие, подавали куме его крестовые, Малютиной дочи Скурлатовой». Здесь песня выставляет нам ту же самую черту, о которой свидетельствует и акт неоспоримый, именно обычай хвастаться своими подвигами и унижать подвиги других: вспомним хвастовство Шеина, за которое он так дорого поплатился. Приведенная песня о Скопине причиною смерти последнего прямо выставляет зависть бояр вообще, а не одного Дмитрия Шуйского, — зависть, возбужденную хвастовством Скопина. Другая песня о том же Скопине резко выставляет противоположность горя лучших горожан, надеявшихся прекращения смут, с злорадством бояр:

Ино что у нас в Москве учинилося·
С полуночи у нас в колокол звонили,
А расплачутся гости москвичи.
А теперь наши головы загибли,
Что не стало у нас воеводы,
Васильевича князя Михаила.
А съезжалися князи, бояре супротиво к ним,
Мстиславской князь, Воротынской,
И между собой они слово говорили,
А говорили слово, усмехнулися;
«Высоко сокол поднялся
И о сыру матеру землю ушибся» [34].

От описываемого времени дошло до нас любопытное сказание, изображающее частную, домашнюю жизнь русских людей конца XVI и начала XVII века: это житие Иулиании Лазаревской, написанное сыном ее Каллистратом — Дружиной Осорьиным Иулиания была дочь царского ключника; остав-

шись сиротою после матери, она воспитывалась в доме тетки своей; здесь хотели ее воспитывать по обычаю, понуждали ее с раннего утра есть и пить; но она с ранних лет прилежала молитве и посту; от смеха и всякой игры удалялась; только о пряже и пяличном деле прилежание великое имела, и во всю ночь не угасал светильник ее; сирот, вдов и немощных во всем околодке обшивала. Церковь была версты за две от деревни, где жила Иулиания, и ей до самого замужества ни разу не случилось быть в церкви. Вышедши замуж за богатого муромского дворянина, Осорьина, Иулиания поступила в дом к свекру и свекрови, которые поручили ей управлять всем хозяйством. Когда муж ее находился на службе царской, по году, по два и по три, то она в это время все ночи без сна проводила, много богу молилась, пряла и шила, продавала работу, а деньги раздавала нищим. Все в ее доме были одеты и сыты, каждому дело, по силе его, давала; а гордости и величанья не любила. Простым именем никого не называла и не требовала, чтоб ей кто на руки воды подал или сапоги снял, но все сама делала. Разве по нужде, когда гости приходили, тогда ей рабыни по чину предстояли и служили. Когда же уходили гости, и то она себе в тяжесть вменяла и всегда со смиреньем говорила: «Кто же я сама убогая, что предстоят мне такие же люди, созданье божие!». Никого от провинившихся рабов она не оклеветала: и за то много раз от свекра и от свекрови и от мужа своего бывала бранима. Хотя и не умела она грамоте, но любила слушать чтение божественных книг. Дьявол всячески старался беду и искушение ей сотворить: воздвигал пустые брани между детьми ее и рабами, но она все мысленно и разумно рассуждала и усмиряла. Навадил враг одного из рабов, и тот убил ее старшего сына [35].

Мы встречали уже имя московского купца Котова, слышали ответ его на вопрос: позволять ли англичанам ездить в Персию через Московское государство? Этот Котов в 1623 году с осьмью товарищами ходил за море в Персидскую землю в купчинах с государевою казною и оставил нам описание «ходу в Персидское царство». Из Москвы шел он обычным водным путем — Москвою рекою, Окою и Волгою до Астрахани. «С Астрахани, — говорит Котов, — ходят на русских бусах и на больших стругах морем подле Черни, только это далеко, ходу морем при хорошей погоде двое суток, а в тихое время неделя. Ходят сухим путем степью в станицах: от Терека на Быструю реку, по обе стороны которой летом лежат козаки по перевозам; отгуда на Тарки и Дербент; между Тарками и Дербентом живут лезгины, князь у них свой, слывет Усминский, живут в городах далеко, никому не послушны и воровство от них: на дороге торговых людей грабят, а иных запродают; а когда и смирно бывало, то брали у торговых

людей с вьюка по три киндяка; это место проходят с провожатыми. От Дербента три дня ходу до Ширвани степью между гор и морей. Ходят из Астрахани в Персию и в мелких стругах до Низовой пристани, а от Низовой на Ширвань сухим путем; но ход в малых судах тяжел тем: если погодою прибьет струг к берегу, то в Дербенте и Тарках берут с торговых людей большие пошлины, а к пустому месту прибьет, то лезгинцы побивают и грабят, воровство большое берегом». Мы не считаем нужным приводить подробного описания персидских городов, сделанного Котовым; приведем только одно известие: «В Испагани ворота высокие, а над воротами высоко стоят часы, а у часов мастер русский». В Москве часовые мастера были немцы, а в Персии русский!

В связи с персидскою торговлею находится и путешествие в палестинские места Василия Гогары, ибо вот что говорит путешественник в начале своего рассказа: «Послал я человека своего с товарами за море торговать в Персидскую землю. И божиим гневом за мое окаянство на море бусу со всеми товарами разбило, и все имение мое потонуло; а тут и другие многие беды и напасти приключились мне. В этих скорбях и напастях я начал обещаться быть в Иерусалиме и прочих святых местах». Из Казани пошел Гогара в Астрахань, из Астрахани на Грузинскую землю. «В Грузинской земле, — говорит он, — между горами высокими и снежными, в непроходимых местах есть щели земные и в них загнаты дикие звери Гог и Магог, а загнал их в древнем законе царь Александр Македонский; и многие о тех зверях рассказывали, что недавно они были пойманы, из щелей вон выдрались». В Иерусалиме греки говорили ему, что от Трифона Коробейникова, присланного царем Иваном Васильевичем, до него, Гогары, никто не бывал у них из русских людей. В Светлое воскресенье, зажегши свечу свою чудесным огнем, сошедшим с неба, Гогара начал палить ею свою бороду — и ни один волос не сгорел, принимался палить в другой и в третий раз — и вся борода осталась цела: «После этого я, — говорит путешественник, — просил прощения у митрополита, что был одержим неверием, думал, что греки составляют огонь своим умышлением». Гогара пробрался и в Египет: «В Египте за Нилом рекою поделаны палаты большие как горы; делал их царь фараон, ругаясь над израильтянами, ставил их, потому что писано Египту от вод потоплену быть» [36].

Но для нас важнее этих описаний Персии и Египта, сделанных русскими путешественниками, описание двух путешествий в Московское государство, сделанное знаменитым голштинским ученым Адамом Олеарием (1634 и 1636 года). В старинной русской области, уступленной шведам, между Копорьем и Орешком, был он принят и угощен русским поме-

щиком; хозяин показывал ему раны, полученные им в Лейпцигском сражении, где он находился с королем своим Густавом-Адольфом; несмотря на то, однако, что находился в шведской службе, помещик продолжал жить по русским обычаям. При самом въезде в московские области Олеария поразила дешевизна съестных припасов: курица стоила 2 копейки (2 шиллинга), девять яиц одну копейку. Поразила Олеария русская пляска, что пляшут русские, не схватившись друг друга за руки, как немцы, но каждый пляшет порознь. Во всю дорогу путешественники сильно страдали от комаров и мошек; в одном месте видели двенадцатилетнего мальчика, который был уже женат, и одиннадцатилетнюю девочку, которая была уже замужем. Олеарий был в Москве во время Пасхи, ему рассказывали, что в светлый день царь прежде чем идти к заутрени, идет в тюрьму и раздает заключенным по яйцу и по овчинному тулупу, говоря: «Радуйтесь, Христос, умерший за грехи ваши, теперь воскрес». В первый день праздника после обедни кабаки наполнялись народом, духовными и светскими мужчинами и женщинами, на улицах валялись пьяные, утром на другой день подняли много мертвых. Во время пребывания Олеария в Москве по ночам вдруг в разных местах вспыхивали пожары, для тушения которых употреблялись стрельцы и сторожа; водою не заливали, но ломали окружные дома; как легко сгорали целые улицы, так же легко и отстраивались, потому что в Москве был особый рынок, где продавались деревянные дома, совсем готовые; их разбирали, перевозили в назначенное место и складывали опять. Улицы широки, и посередине настланы круглыми бревнами, положенными друг подле друга: без этих мостовых в мокрую погоду нельзя было бы двигаться от грязи. Земля в Московском государстве вообще чрезвычайно плодородна; некоторые места производят превосходные садовые плоды: яблоки, вишни, сливы, смородину; также овощи, особенно огурцы и дыни; но красивых садовых цветов в Москве мало; царь Михаил истратил много денег на выписывание дорогих растений для своего сада; настоящих, махровых роз в Москве не знали до тех пор, пока Петр Марселис не привез их из Готторпского герцогского сада. Немецкие и голландские купцы развели спаржу и салат; русские сначала смеялись над немцами, что едят сырую траву, но потом некоторые сами стали находить в ней вкус. К табаку сильно пристрастились с самого начала, как и другие народы, и точно так же как и у других народов чудодейственная трава, одаренная такою притягательною силою, подверглась жестокому гонению; Олеарий был свидетелем, как в Москве резали носы за табак мужчинам и женщинам. Олеарий жалуется на грубость русских, на их чрезмерную склонность к чувственным удовольствиям, даже к противуестественным порокам, жалуется,

что разговоры их имеют содержанием грязные истории; отдает справедливость умственным способностям и ловкости русских в делах, но жалуется на их лживость. Жизнь простого народа отличается простотою; пища состоит из небольшого числа самых дешевых блюд; дрова также чрезвычайно дешевы; мебели в домах никакой, образа составляют единственное украшение голых стен. Роскошь богатых и знатных обнаруживается в большом количестве холопей (от 30 до 60) и лошадей. Часто дают они большие пиры, на которых подается множество блюд и напитков; но это стоит им недорого, потому что запасы получаются из деревень; кроме того, гости хорошо платят за честь быть приглашенными на пир знатного человека; если немецкий купец приглашается на такой пир, то знает, как дорого обойдется ему эта честь; воеводы в торговых городах отличаются подобным гостеприимством. Холопи не получают пищи от господ, но кормовые деньги, и в таком малом количестве, что едва могут поддерживать жизнь; от этого в Москве происходят частые воровства и смертоубийства. Затворничество девушек у достаточных людей, невозможность жениху видеть невесту до свадьбы и обманы, подстановка невест препятствуют супружескому счастию, мужья с женами часто живут как кошки с собаками. Из русских обычаев Олеарий упоминает о следующем: за восемь дней до Рождества Христова и до Крещенья по улицам бегают люди с огнем особенного рода (жгут они порох, сделанный из травы плауна) и подпаливают бороды прохожим, особенно достается от них бедным крестьянам; кто хочет, впрочем, может откупаться от них, заплативши копейку; их зовут халдеями, потому что они изображают тех служителей царя Навуходоносора, которые разжигали печь Вавилонскую для трех еврейских отроков. В Крещенье их окунают в прорубь и таким образом очищают от халдейства [37].

О СТАТЬЕ г. КОСТОМАРОВА «ИВАН СУСАНИН» *

От увлечений польской исторической литературы ** перейдем к увлечениям русской. Причины увлечений очень хорошо излагаются в недавно вышедшей статье профессора Костомарова *Иван Сусанин*. «В важных исторических событиях, — говорит автор, — иногда надобно различать две стороны: объективную и субъективную. Первая составляет действительность, тот вид, в каком событие происходило в свое время; вторая — тот вид, в каком событие напечатлелось в памяти потомства. И то и другое имеет значение исторической истины: нередко последнее важнее первого. Также и исторические лица у потомков принимают образ совсем иной жизни, какой имели у современников. Их подвигам дается гораздо большее значение, их качества идеализируются: у них предполагают побуждения, каких они, быть может, не имели вовсе, или имели в гораздо меньшей степени. Последующие поколения избирают их типами известных понятий и стремлений».

Эти вполне верные мысли служат введением к историческому исследованию, в котором автор старается доказать, что известный подвиг Сусанина сомнителен. Какие же его доказательства?

«До XIX века, — говорит автор, — никто не думал видеть в Сусанине спасителя царской особы и подвиг его считать событием исторической важности, выходящим из обычного уровня». Но в самой статье приведена грамота царя Михаила

---

* Напечатано было мною первоначально в 1862 г. в газете «Наше время» (IV раздел статьи С. М. Соловьева «История и современность», напечатанный в № 76 от 12 апреля 1862 г. — *Ред.*).

** Перед тем я разбирал польское сочинение Короновича «Słowo dziejów polskich» (См. *Koronowicz W. (Wróblewski Nap.)*, Słowo dziejów polskich, Lipsk, 1858. — *Ред.*)

1619 года, данная зятю Сусанина, Богдану Собинину, в которой говорится: «Как мы, великий государь, были на Костроме и в те поры приходили в Костромской уезд польские и литовские люди, и тестя его, Богдашкова, Ивана Сусанина, литовские люди изымали и его пытали великими немерными муками, а пытали у него, где в те поры мы, великий государь, были, и он Иван, ведая про нас, где мы в те поры были, терпя от тех польских и литовских людей немерные пытки, про нас великого государя тем польским и литовским людям, где мы в те поры были, не сказал, и польские и литовские люди замучили его до смерти». Грамота была подтверждена в 1633 и в 1641 годах; в 1691 году от имени царей Иоанна и Петра; в 1767 от имени Екатерины II. В грамоте прямо говорится, что враги спрашивали, где Михаил, пытали, значит им это было нужно; Сусанин знал и не сказал. Понятно, что ни в XVII, ни в XVIII веке не думали торговаться с Сусаниным, задавать вопрос, действительно ли он спас царя? Нужно ли было подвергаться пытке и смерти? Враги были ничтожны, какая опасность могла грозить от них Михаилу? До таких тонкостей тогда не доходили, смотрели просто на дело: грозила опасность, и Сусанин спас от нее царя. Следовательно, вот уже несколько лиц и довольно значительных — Михаил, Петр, Екатерина, которые и до XIX века думали видеть в Сусанине спасителя царской особы и подвиг его считали выходящим из общего уровня.

Но, может быть, только эти люди смотрели так на подвиг Сусанина? Автор статьи говорит, что воображать себе Сусанина героем-спасителем царя и отечества мы привыкли со школьной скамьи; но может ли он указать время, когда началась эта привычка? Он указывает на географический словарь Щекатова (1804 года), где впервые рассказан был подвиг Сусанина с подробностями, которых нет в грамоте царя Михаила, автор статьи находит противоречие между рассказом Щекатова и грамотою, именно: в грамоте сказано, что царь жил в Костроме, а у Щекатова говорится, что он был в селе Домнине. Подобным противоречиям удивляться нечего: известно, как украшается и искажается предание, переходя из уст в уста, до тех пор пока не запишется, не напечатается; но дело в том, что украшенное, искаженное предание свидетельствует о важности события передаваемого. Автор статьи говорит: «Кто-то (сам ли Щекатов, или тот, от кого он заимствовал) выдумал, будто царь Михаил Федорович находился тогда в селе Домнине». Но если мы этого выдумщика станем отодвигать назад от 1804 года, то где автор статьи прикажет нам остановиться? Автор находит новые искажения, т. е. новые подробности, в рассказах Глинки и князя Козловского, и эти новые подробности совершенно бездоказательно приписывает выдумке названных писателей; но

сам автор приводит примечание князя Козловского о Назаровской рукописи, находившейся у Свиньина, в которой заключаются новые подробности, не внесенные, однако, князем Козловским в свой рассказ. Итак, все показывает нам, что о событии было несколько преданий с разными подробностями, а это прямо свидетельствует нам о достоверности и важности события, как бы оно ни произошло. Во времена Нестора, когда еще живы были старцы, помнившие крещение русской земли, ходили, однако, противоречивые известия о месте, где Владимир принял крещение. Что же, на этом основании можно отвергать самое событие и важность его? Наконец, действительно ли есть несогласимое противоречие между грамотою царя Михаила и рассказом Щекатова и других? В грамоте говорится, что Михаил был в Костроме, а в рассказах, что в селе Домнине. Но разве мы не употребляем и теперь имен городов вместо имен областей? «Куда он уехал?» — спрашивают. «К себе в Рязань», — отвечают, тогда как уехавший никогда в городе Рязани не живет, а живет в рязанских деревнях своих.

Далее г. Костомаров переходит к заподозриванью самой сущности известия, как оно помещено в грамоте Михаила, и замечает, что «об этом происшествии нет ни слова у современных повествователей, как русских, так и иностранных». Об иностранных писателях мы говорить не будем, ибо автор не потрудился указать нам, у каких иностранцев он хотел бы встретить известие о Сусанине. Что касается русских летописей, то автор утверждает, что они были довольно щедры на рассказы!.. Предоставляем автору доказать эту новость. Московский летописец (кто он был, неизвестно) слегка касается важнейших событий государственной жизни и жизни столицы: что же мудреного, что он не знал о событии местном, о событии костромском, о подвиге, совершенном в глуши темным человеком. Скажут: событие касалось самого видного лица в государстве, новоизбранного царя! Но спрашиваем: много мы знаем подробностей об этом лице из летописей? Когда после избрания Михаила нужно было отправить к нему торжественное посольство, то не знали, где находится новоизбранный царь! Что было с Михаилом до 13 марта 1613 года, об этом не знала Москва и ее летописцы, а подвиг Сусанина сам г. Костомаров относит ко времени до 13 марта. Известие о подвиге Сусанина могло быть принесено в Москву с прибытием сюда царя и его матери, что произошло не очень скоро, потом известие должно было распространяться уже из дворца, и через сколько времени могло дойти до человека, оставившего нам записку о современных ему событиях? И сколько тут случайностей, по которым известие не могло дойти, по которым, и дошедши, могло быть не внесено в записку! Известно, как ослабляется впечатление события, когда

об нем узнают гораздо спустя после его совершения. Г. Костомаров указывает на то, что Никонова летопись окончательно составлена при царе Алексее Михайловиче, когда потомки Сусанина имели уже грамоты; но разве летопись составлялась так, как теперь составляется историческое сочинение, по архивным памятникам? Переписаны были летописи, которые можно было достать — вот и окончательное составление!

Оставляя летописи, г. Костомаров обращается к современным актам и находит такие, где непременно следовало бы упомянуть о подвиге Сусанина, «если б те, которые тогда говорили и действовали, знали что-нибудь в этом роде». Этими словами автор хочет показать, что не только летописец может быть человек темный, но сами правительственные люди ничего не знали о Сусанине. К актам, где следовало упомянуть о Сусанине, г. Костомаров относит те, в которых заключаются упреки московского правительства польскому за все, что сделано было последним и его подданными в России в Смутное время; между этими упреками, по мнению г. Костомарова, необходимо должен был находиться упрек за бесчестное покушение на жизнь царя, спасенного Сусаниным. Но через страницу сам автор разрушает свои доказательства, соглашаясь с объяснением, что под польскими и литовскими людьми грамоты надобно разуметь воровских козаков, а не отряд собственно польского войска; — каким же образом, спрашивается, московское правительство стало бы упрекать поляков в том, в чем они не были виноваты? Любопытно также, что г. Костомаров от митрополита, произносившего речь при коронации Михаила, требует искусства в подборе эффектных событий, требует, чтобы он непременно упомянул о Сусанине, и так как он не упомянул, то заключает, что митрополит и не знал о событии; но митрополит не упомянул ни о Минине, ни о Пожарском, ни о Трубецком. Наконец всего любопытнее то, что г. Костомаров требует от матери Михаила, Марфы Ивановны, чтоб она, отказываясь за сына от престола пред соборными послами, упомянула о Сусанине. Основное побуждение к отказу заключалось в том, что несовершеннолетнему Михаилу не удержаться на престоле, на котором не умели удержаться и совершеннолетние, ибо русские люди измалодушествовались, за царей своих не стоят, меняют их. Г. Костомаров требует, чтоб это основное доказательство было уничтожено приведением события, которое явно показывало противное, которым послы от собора, возражавшие Марфе, всего лучше могли воспользоваться для доказательства своей основной мысли, что новому царю бояться нечего, что русские люди наказались, пришли в себя, соединились, вместо малодушия показывают решимость жертвовать жизнью за царя.

«Грамота Богдашке Собинину, — продолжает автор, — дана почти через 8 лет после того времени, когда случилась смерть Сусанина. Есть ли возможность предположить, чтоб новоизбранный царь мог столь долго забывать такую важную услугу, ему оказанную? Конечно, он об ней не знал. Это мы тем более имеем право признавать, что Михаил Феодорович, по восшествии своем на престол, тотчас же награждал всех, кто в печальные годины испытания благоприятствовал его семейству; таким образом, в марте 1614 года получили обельную грамоту крестьяне Тарутины за то, что оказывали расположение к Марфе Ивановне, когда она была сослана в заточение при царе Борисе. Услуга, конечно, значительная, но услуга Сусанина, если бы она была в то время известна, достойна была бы во сто раз важнейшей признательности. Отчего же так долго забыт был подвиг, который имел более всех прав на царское внимание?» Здесь автор упускает из внимания самое важное обстоятельство, которое вполне разрешает всякое недоумение. Кого было награждать? Если бы сам Сусанин был измучен, но остался жив, то, конечно, его бы наградили скорее и более Тарутиных: но самого его не было в живых, не было жены, не было сыновей, была одна дочь, отрезанный ломоть по тогдашним (да и по нынешним) понятиям. Однако и ту наградили!

Далее г. Костомаров, соглашаясь с объяснениями, что в грамоте употреблено неточное выражение — польские и литовские люди вместо воровских козаков, говорит: «Могло быть, что в числе воров, напавших на Сусанина, были литовские люди, но уж никак тут не был какой-нибудь отряд, посланный с политической целью схватить или убить Михаила. Это могла быть мелкая стая воришек, в которую затесались отсталые от своих отрядов литовские люди. А такая стая в то время и не могла быть опасна для Михаила Феодоровича, сидевшего в укрепленном монастыре и окруженного детьми боярскими. Сусанин на вопросы таких воров смело мог сказать, где находился царь, и воры остались бы в положении лисицы, поглядывающей на виноград. Но предположим, что Сусанин, по слепой преданности к своему боярину, не хотел ни в каком случае сказать о нем ворам: кто видел, как его пытали и за что пытали? Если при этом были другие, то воры и тех бы начали тоже пытать, и либо их, так же как Сусанина, замучили бы до смерти, либо добились бы от них, где находится царь. А если воры поймали его одного, тогда одному богу оставалось известным, за что его замучили. Одним словом, здесь какая-то несообразность, что-то неясное, что-то неправдоподобное. Страдание Сусанина есть происшествие само по себе очень обыкновенное в то время. Тогда козаки таскались по деревням и жгли и мучили крестьян. Вероятно, разбойники, напавшие на Сусанина, были такого же

рода воришки, и событие, громко прославленное впоследствии, было одним из многих в тот год. Через несколько времени зять Сусанина воспользовался им и выпросил себе обельную грамоту. Путь, избранный им, видим. Он обратился к мягкому сердцу старушки (Марфы Ив.), и она попросила сына. Сын, разумеется, не отказал заступничеству матери. В тот век все, кто только мог, выискивал случай увернуться от тягла!»

На это, во-первых, заметим, что напрасно г. Костомаров, уменьшая значительность воровского отряда, хочет уменьшить опасность, которая грозила Михаилу, и этим уменьшить или и совсем уничтожить важность подвига Сусанина. Известно ли г. Костомарову, как велики были силы, охранявшие Ипатьевский монастырь, когда жил там Михаил до принятия царства? Положим даже, что силы были велики; но у Пожарского в Ярославле было много войска, и однако козаки составили заговор убить его и только по случайности не исполнили своего намерения. Следовательно, опасность состояла не в многочисленности воровского отряда, а в цели, какую предположили себе его вожди; этой цели они могли скорее достигнуть тайным убийством, нежели явным нападением на Кострому, осадою Ипатьевского монастыря. Что касается до вопроса, кто видел, как пытали Сусанина, то на него может быть множество удовлетворительных ответов. Известны обычные приемы шаек, подобных той, которая напала на Сусанина: узнать, кто знает о том, что нужно разбойникам, и потом пытать знатока, а другие, которые сами указали на него, стоят или лежат полумертвые от страха. Предположив мнимую несообразность, что-то неясное и неправдоподобное в событии, г. Костомаров хочет во что бы то ни стало развенчать Сусанина; но этим одним развенчиванием дело не могло окончиться: вместо героя Сусанина нужно было необходимо создать негодяя, обманщика, зятя его, Собинина, который выдумал, что тестя его замучили за царя, и выпросил себе обельную грамоту. Не знаем, можно ли позволить себе такие вещи, не имея ясных улик из источников, на основании только некоторых соображений, которые не держатся при первом серьезном взгляде на дело! Собинин, по словам г. Костомарова, обратился к мягкому сердцу старушки; но автор забывает, что в это время была уже не одна старушка, что уже приехал старец, вовсе не отличавшийся мягким сердцем, Филарет Никитич, который взял правление в свои твердые руки. В тот век, действительно, кто только мог, выискивал случай увернуться от тягла; но известно, что Филарет Никитич объявил жестокую войну этим людям, увертывающимся от тягла, а г. Костомаров хочет, чтобы в это самое время дали обельную грамоту человеку, который

явился с бездоказательными россказнями о том, как его тестя замучили за царя.

Но всего любопытнее окончание исследования г. Костомарова: «По случайному сближению, то, что выдумали про Сусанина книжники наши в XIX веке (значит грамота 1619 года относится к XIX веку!), почти в таком виде, в XVII веке случилось действительно на противоположном конце русского мира, в Украйне. Когда в мае 1648 года гетман Богдан Хмельницкий гнался за польским войском, один южнорусский крестьянин, Микита Галаган, взялся быть вожатым польского войска, умышленно завел его в болото и лесные трущобы и дал возможность козакам разбить врагов своих. Этот геройский подвиг самоотвержения отличается от Сусанинского тем, что он действительно происходил».

Почему же действительно происходил? Все думали, что и подвиг Сусанина действительно происходил, а явились же заподозривания. На слово никто не поверит, особенно когда известно, какой мутный источник представляют малороссийские летописи, в которых даже время смерти Богдана Хмельницкого означено неверно. Что, если читатель захочет справиться с сочинением того же г. Костомарова: «Богдан Хмельницкий»? Там найдет он подробный рассказ о Галагане с ссылкою на источник: «История презельной брани», но этот источник сам г. Костомаров причисляет к довольно мутным, не могущим, например, равняться, по верности известий, с летописью Величка; открываем последнюю, и что же находим о Галагане: «Войска польские и обозы их, ведомые каким-то неверным или и неприязненным к ним человеком, подходят к оврагам и крутизнам». Величка, черпавший свои известия из дневника Зорки, писаря, находившегося при Хмельницком, ничего не знает о Галагане (тогда как, по словам «Истории о презельной брани», Галаган был подослан Хмельницким), говорит только, что поляки зашли в неудобное место по неверности или даже неприязненности вожатого. Как бы обрадовался г. Костомаров, если бы в какой-нибудь летописи или хронографе нашлось подобное о Сусанине, именно, что враги не отыскали местопребывания Михаилова по неверности или неприязненности к ним вожатого! Таким образом, г. Костомаров относительно одного события заподозревает источник первостепенный — грамоту, на том основании, что известия нет в источниках меньшей достоверности, и в то же время провозглашает действительно совершившимся подвиг, о котором знает только источник мутный и ничего не знает источник первостепенный.

Мы видели, что г. Костомаров понапрасну употреблял приемы мелкой исторической критики, подкапываясь под известие о подвиге Сусанина. Для подобных явлений есть высшая критика. Встречаясь с таким явлением, историк углуб-

ляется в состояние духа народного, и если видит большое напряжение нравственных сил народа, какое было именно у нас в Смутное время, если видит подвиги Минина, Пожарского, Ржевского, Философова, Луговского, то не усумнится признать достоверным и подвиг Сусанина, не станет подвергать мученика новой пытке, допрашивать: действительно ли он за это замучен, и было ли из-за чего подвергаться мучениям! Точно так же поступит историк и относительно подвига Галагана: он не остановится на том, что об этом подвиге есть известие в одной летописи и нет в другой, он не станет смотреть на разные стороны, на север и на юг, он знает, что в эпоху Хмельницкого на юге было также большое напряжение нравственных сил русского народа, засвидетельствованное самими врагами, которые пишут, что между Русью нельзя найти шпиона, что русского пленника хоть жги — ничего не скажет про своих, — зная это, историк не усумнится в достоверности подвига Галагана и даже скажет, что было много Галаганов, имена которых не внесены ни в какую летопись. Под впечатлением великих событий XVII века, приготовивших величие и единство русского народа, историк не останется великороссийским или малороссийским только историком и вместо единой русской жизни не отразит в своем рассказе усобицы древлян и полян, родимичей и вятичей.

ПРИМЕЧАНИЯ к 9 тому

[1] Собр. госуд. грам. и догов. т. III, № 4, 10, 50, № 11, 12, 16 [1]; Дворцовые разряды, т. I[2].

[2] Акты арх. экспед. т. III, № 3, 4, 5, I, 11, 9, 17, 40, 43, 48, 50 [3]; Акты историч. III, № 2, 3[4]; Собр. гос. грам. и дог. III, № 14, 17[5]; Дворцовые разряды, т. I[6]; Дела турецкие в столбцах № 1, год 1613 [7].

[3] Дворцовые разряды, т. I [8]; Акты арх. эксп. т. III, № 18, 19, 20, 21, 22—29 [9]; Акты историч. т. III, № 12, 13, 14, 248, 257, 264, 265, 277, 15, 278, 280, 32, 26, 35, 36 [10]; Собр. гос. грам. и дог. III, № 20 [11]; Kobierzicki—Histor. Vladisl. p. 471 [12], Дела турецкие в столбцах, связка 2[13].

[4] Книги разрядные, т. I [14]; разрядная книга 7124 года, стр. 52, 53 [15]; Собран. госуд. грам. и догов. III, 22[16]; Акты арх. экспед. III, № 44, 50, 53 [17].

[5] Дворцовые разряды, т. I [18]; Книги разрядные, т. I [19]; Дела польские

---

[1] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее — СГГД), ч. 3, М., 1822, № 4, стр. 11—14; № 10, стр. 39—45; № 50, стр. 214—215; № 11, 12, стр. 46—55; № 16, стр. 70—87.

[2] Дворцовые разряды, т. I, СПб., 1850, стб. 9—90, 96, 100.

[3] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею Академии наук (далее — ААЭ), т. III, СПб., 1836, № 3—5, стр. 2—9; № 1, стр. 1; № 11, стр. 13—14; № 9, стр. 12—13; № 17, стр. 19—21; № 40, стр. 81—82; № 43, стр. 85—86; № 48, стр. 90—91; № 50, стр. 92—93.

[4] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — АИ), т. III, СПб., 1841, № 2—3, стр. 1—4.

[5] СГГД, ч. 3, № 14, стр. 65—66; № 17, стр. 88—89.

[6] Дворцовые разряды, т. I, стб. 1—308.

[7] Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 89, Сношения России с Турцией, 1613 г., д. 1, л. 59.

[8] Дворцовые разряды, т. I, стб. 136—138.

[9] ААЭ, т. III, № 18—29, стр. 21—68.

[10] АИ, т. III, № 12—14, стр. 12—14; № 248, стр. 411—413; № 257, стр. 423—425; № 264—265, стр. 430—432; № 277, стр. 443—444; № 15, стр. 14—15; № 278, стр. 444—445; № 280, стр. 446; № 32, стр. 32; № 26, стр. 25—26; № 35—36, стр. 33—34.

[11] СГГД, ч. 3, № 20, стр. 97—98.

[12] *St. Kobierzicky*, Historia Vladislai, Poloniae et Sueciae principis.., Dantisci (Danzig), 1655, p. 471.

[13] ЦГАДА, ф. 89, Сношения России с Турцией. По новой пагинации 1613 г., д. 1; 1614 г., д. 1 (ч. 1—2).

[14] Книги разрядные, т. I, СПб., 1853, стб. 1—12, 23—28, 117—118, 163—169.

[15] «Временник Московского общества истории и древностей российских» (далее — Временник МОИДР), кн. 2, отд. II, М., 1849, стр. 52—55.

[16] СГГД, ч. 3, № 22, стр. 99—104.

[17] ААЭ, т. III, № 44, стр. 86—88; № 50, стр. 92—93; № 53, стр. 94—95.

[18] Дворцовые разряды, т. I, стб. 102—104, 124, 125, 128, 134, 181, 182, 186, 187, 197—204, 207, 208, 215, 216, 227, 228 и др.

[19] Книги разрядные, т. I, стб. 1—458.

№ 29 и 30 [1]; Соб. гос. грам. и дог. III, № 7, 9, 13, 24, 25, 26 [2]; Акты Западн. России IV, № 208, 209, 210 [3].

[6] Памятники дипломат. сношен. т. II [4]; Дела турецкие [5], крымские [6] и персидские 1613—1645 гг. [7]

[7] Дворцовые разряды I [8]; Книги разрядные, I [9]; Scheltema—Russland en de Nederlanden I[10]; Дела английские № 3, 4 и 5[11]; Дела шведские № 10, 12, 13, 16[12]; Mosers—Dyplomatische und historische Belustigungen, I[13]; Дополн. к Акт. истор. I, 160, 162, 164, 166; II, 3, 4, 11, 12, 14, 20, 21, 32, 42, 43, 44[14]; Летопись о много. мятежах[15]; Adelung — Übersicht der Reisenden, II, 259[16]; Соб. гос. грам. и дог. III, № 34, 35[17]; Пол. Соб. Зак. 1, № 19[18]; Акты истор. III, № 284 [19].

[8] Акты арх. экспед. III, 327 и 328[20]; Книги разрядные, т. I[21]; Kobierzicki — Histor. Vladisl. p. 480 et squ.[22]; Bobrowicza — Zycia slawnych Polaków (zycie Chodkiewicza, Ossolinskiego, Lwa Sapiehi)[23]; Акты истор. т. III, № 72[24]; Сборник Муханова, № 113, 114[25]; Historica Russiae Monum. appendix, № XXIV[26]; Собр. гос. грам. и дог. III, № 39, 40, 42, 43, 44, 45[27]; Временник Москов. истор. общ. № 4 (Поместные дела)[28]; Дополн. к акт. истор. II, № 76 [29]; Дела польские, № 32, 34, 38 [30]; Zbiór Pamietników o daw-

---

[1] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, кн. 29, 30. См. также кн. 31.

[2] СГГД, ч. 3, № 7, стр. 22—31; № 9, стр. 38; № 13, стр. 55—65; № 24—26, стр. 105—125.

[3] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. IV, СПб., 1851, № 208—210, стр. 468—498.

[4] Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными, т. II, СПб., 1852, стб. 921—1352.

[5] Ссылка на дела турецкие, крымские и персидские относится к тексту, источники которого указаны в следующем, 7 прим. ЦГАДА, ф. 89, Сношения России с Турцией, 1613 г., д. 1.

[6] ЦГАДА, ф. 123, Сношения России с Крымом, 1614 г., д. 1—5.

[7] ЦГАДА, ф. 77, Сношения России с Персией, 1613 г., д. 1, 1616 г., д. 2. См. также Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. II, СПб., 1892, стр. 151—312.

[8] Дворцовые разряды, т. I, стб. 107—109, 167—168, 171—172, 183—184, 186—188, 208—209, 219—221.

[9] Книги разрядные, т. I, стб. 1—458.

[10] *J. Scheltema*, Russland en de Nederlanden, D. I, Amsterdam, 1817, S. 71—93.

[11] ЦГАДА, ф. 35, Сношения России с Англией, кн. 3—5.

[12] ЦГАДА, ф. 96, Сношения России со Швецией, кн. 10, 12, 13, 16. См. также, кн. 14, 15.

[13] Diplomatische und historische Belustigungen, herausgegeben von C. F. Moser, Bd. I, Frankfurt — Leipzig, 1753, S. 361—402.

[14] Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею (далее — ДАИ), т. I, СПб., 1846, № 160, стр. 278—280; № 162, стр. 283—285; № 164, стр. 286—290; № 166, стр. 291—294; т. II, СПб., 1846; № 3—4, стр. 4—8; № 11—12, стр. 24—32; № 14, стр. 34; № 20—21, стр. 41—47; № 32, стр. 56—63; № 42—44, стр. 74—76.

[15] Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев по преставлении царя Иоанна Васильевича (далее — Летопись о мятежах), СПб., 1771, стр. 295—296, 309—318.

[16] *F. Adelung*, Kritisch - literärische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700, B. II, St.-Petersburg—Leipzig, 1846, S. 258. См. также *Ф. Аделунг*, Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 г., ч. II, М., 1864, стр. 155.

[17] СГГД, ч. 3, № 34—35, стр. 149—155.

[18] Полное собрание законов Российской империи, т. I, Спб., 1830, № 19, стр. 177—221.

[19] АИ, т. III, № 284, стр. 448—455.

[20] ААЭ, т. III, № 327—328, стр. 479—482.

[21] Книги разрядные, т. I, стб. 118—674.

[22] *St. Kobierzicky*, Historia Vladislai... p. 480—550.

[23] *J. N. Bobrowisz*, Zycia slawnych polaków. Historya J. K. Chodkiewisza, t. I, Lipsk, 1837, str. Zycie J. Ossolinskiego, t. V, Lipsk, 1838, str. 13—16, 30—36, 42—44, 56—74. Zycie Sapiehy, t. IV, Lipsk, 1837, str. 125—130.

[24] АИ, т. III, № 72, стр. 66—68.

[25] Сборник Муханова, М., 1836, № 113—114, стр. 186—192.

[26] Historica Russiae Monumenta... Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым, т. II, СПб., 1842, appendix, № XXIV, стр. 409—411.

[27] СГГД, ч. 3, № 39—40, стр. 167—177; № 42—45; стр. 182—201.

[28] Временник МОИДР, кн. 4, отд. II, М., 1849, стр. 10—21, особенно 11—13.

[29] ДАИ, т. II, № 76, стр. 185—221.

[30] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, кн. 32, 34, 38. См. также кн. 33.

ney Polscze, t. VI [1]; Kazanie na pogrzebie Kniasia W. W. Galicyna W. Cerkwi brackiey Wilenskiey S. Ducha 1619, ktore mial Leonty Karpowicz [2]; Грамота Владислава к донским козакам в Архиве Мин. Ин. Д. Архив Царства Польского, связка 2; Времен. Моск. Истор. общ. кн. 25 [3].

[9] Письма русских государей, стр. 14 и 274 [4]; Описание государ. арх. стар. дел, стр. 257 [5]; Хронограф Карамзинский, № 3 (в Археограф. комисс.) [6]; Никонов. летоп. VIII, 245 [7]; Акты историч. III, № 81 [8]; Собран. госуд. грам. и дог. III, № 57 [9]; Дела датские и шведские 1613—1645 гг. [10]; Дела крымские 1613—1645 гг.[11]; Акты арх. эксп. III, № 206, 207, 213, 230, 239, 242, 246, 247, 248[12]; Собран. госуд. грам. и догов. III, 83, 85, 99[13]; Акты историч. III, № 80, 91[14]; Собр. госуд. грам. и догов. III, № 63, 64, 65[15]; Акты историч. III, № 284[16]; Акты арх. эксп. III, № 107, 108, 111, 127, 128[17]; Дела шведские, № 19[18]; Дела английские, № 7 [19]; Дела французские, № 1 и 2 [20]; Дела голландские, № 1 [21]; Дела датские, № 3, 4, 5 [22]; Памятники дипломат. сношений, т. III [23]; Дела польские, № 39, 40, 42, 43, 49 [24]; Книги разрядные, т. I и II [25]. Pamietniki do panowania Zygmunta III et c. wydal Woycicki, I, стр. 204 и след. [26]; Pamietniki A.S. X. Radziwilla, t. I, стр. 153 и след.[27]; Врем. Москов. истор. общ. кн. 4[28]; Плейтнеров план осады Смоленска, 1636 г.[29]

[10] Дела польские № 50, 52, 54, 57, 59, 60, 61, 62, 63[30]; Дела шведские, № 23[31]; Дела голштинские[32]; Акты арх. эксп. III, № 318[33]; Времен. Москов. истор. общ. кн. IV[34]; Собр. гос. грам. и дог. III, № 108, 112, 113, 114, 115[35];

---

[1] Zbiór pamiętnikow historycznych o dawney Polsze, t. VI, Lwów, 1833, str. 269—281.

[2] Издано в Вильне в 1619 г. Петром Могилой на польском и русском языках.

[3] Временник МОИДР, кн. 25, отд. II, М., 1857, стр. 12—16.

[4] Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археографическою комиссиею, т. I, М., 1848, № 14, стр. 14—23; № 352, стр. 274—275.

[5] *П. И. Иванов*, Описание государственного архива старых дел, М., 1850, стр. 257—260.

[6] Нумерация, данная Соловьевым, отсутствует в самих хронографах и не соответствует тем номерам, под которыми они хранятся в настоящее время в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, поэтому трудно установить, какой хронограф Соловьев имел в виду.

[7] Русская летопись по Никонову списку, ч. VIII, СПб., 1792, стр. 244—245. См. также Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. XIV, 1-я половина, СПб., 1910, стр. 149—150.

[8] АИ, т. III, № 81, стр. 78—79.

[9] СГГД, ч. 3, № 57, стр. 227—233.

[10] ЦГАДА, ф. 53, Сношения России с Данией, кн. 4 и 5; 1621 г., д. 2 и 3; 1631 г., д. 2—5; ф. 96, Сношения России со Швецией, 1623 г., д. 2.

[11] ЦГАДА, ф. 123, Сношения России с Крымом, 1613 г., д. I.

[12] ААЭ, т. III, № 206—207, стр. 292—306; № 213, стр. 312—314; № 230, стр. 339—341; № 239, стр. 354—359; № 242, стр. 365—370; № 246—248, стр. 374—380.

[13] СГГД, ч. 3, № 83, стр. 316—322; № 85, стр. 323—325; № 99, стр. 342—347.

[14] АИ, т. III, № 80, стр. 77—78; № 91, стр. 89—90.

[15] СГГД, ч. 3, № 63—65, стр. 257—268.

[16] АИ, т. III, № 284, стр. 443—455.

[17] ААЭ, т. III, № 107—108, стр. 146—149; № 111, стр. 154—155; № 127—128, стр. 179—183.

[18] ЦГАДА, ф. 96, Сношения России со Швецией, кн. 1.

[19] ЦГАДА, ф. 35, Сношения России с Англией, кн. 1. См. также кн. 6.

[20] ЦГАДА, ф. 93, Сношения России с Францией, кн. 1, 2.

[21] ЦГАДА, ф. 50, Сношения России с Голландией, кн. 1.

[22] ЦГАДА, ф. 53, Сношения России с Данией, кн. 3—5.

[23] Памятники дипломатических сношений.., т. III, СПб., 1854, стб. 1—84.

[24] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, кн. 39, 40—43, 49.

[25] Книги разрядные, т. I, стр. 606—1380; т. II, СПб., 1855, стр. 1—936.

[26] *K. Wł. Wóycicky*, Pamiętniki do panowania Zygmunta III.., t. I, Warszawa, 1846, str. 204—288.

[27] Pamiętniki Albrychta Stanisława x. Radziwiłła, kanclerza w. litewskiego, wyd. E. Raczynskiego, t. I, Posnan, 1839, str. 153.

[28] Временник МОИДР, кн. 4, отд. III, стр. 59—65.

[29] План осады и обороны г. Смоленска, 1636. См. также *А. Даниловский*, План.

[30] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, кн. 50, 52, 54, 57, 59—63. См. также кн. 58.

[31] ЦГАДА, ф. 96, Сношения России со Швецией. № 23 указан ошибочно, надо кн. 20. См. также 1635 г., д. 2 и 3.

[32] ЦГАДА, ф. 51, Сношения России с Голштинией, кн. 1. См. также дела в столбцах за соответствующие годы.

[33] ААЭ, т. III, № 318, стр. 466—468.

[34] Временник МОИДР, кн. 4, отд. III, стр. 59—61.

[35] СГГД, ч. 3, № 108, стр. 367—370; № 112—115, стр. 375—404.

Ригельмана — История войска Донского (в Чтениях Москов. истор. общ. 1844, № 3) [1]; Летопись о мятежах [2]; Акты арх. эксп. III, № 275 [3]; Hammer — Geschichte des osmanischen Reiches [4]; Дела турецкие 1613—1645 гг. [5]; Собр. гос. грам. и дог. III, № 117, 121 [6]; Дела датские 1613—1645 гг. [7]; Сборн. Синод. библ. № 565 [8]; Büschung's, Magazin. X [9]; Pamietniki A. S. Radziwilla, II, 116[10]; Дела польские, № 66, 67, 58[11]; Рукопись Синодал. библиот. № 69 [12] (Афанасий Филиппович, наставник Лубы, говорит: «Лацно познати каждому гды бы был з Мнишковны, то Мнишки одозвали быся в повиновацтво; до того еще з уст небожчика Сапеги гетмана слышалем гды педагогом был просилем килима (ковра) обить ему над лужком (кроватью). Теды голосно с гневом рек, на що обить, хто его ведает, хто он есть? Заледве казал килимок и колдерку (одеяло) купить»). Акты историч. III, № 246, 296[13]. Новый летописец, изданный по списку князя Оболенского[14].

[11] Татищева — Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства, напечат. в Альманахе Утро 1859 г.[15]; Полн. Собран. русск. летоп. V, стр. 55 и сл.[16]; Собран. государст. грам. и договор. т. III, № 70[17]; Арх. Минист. Иност. Дел, дела приказные, связка 4[18].

[12] Неиздан. бумаги Татищева библиот. Арх. Минист. Иностран. Дел[19].

[13] История России, VIII[20].

[14] Книги разрядные, т. I и II[21]; Дворцовые разряды, т. I и II[22]; Собр. гос. грам. и дог. III, № 48, 55, 56[23]; Акты арх. эксп. III, № 71, 83, 85,

---

[1] *А. И. Ригельман*, История или повествование о донских козаках. Чтения МОИДР, кн. 3 (7), отд. II, М., 1846, стр. 1—80, кн. 4 (8), отд. II, стр. 81—154. 1844 год указан Соловьевым ошибочно.

[2] Летопись о мятежах, стр. 367—374.

[3] ААЭ, т. III, № 275, стр. 418—420.

[4] *J. Hammer*, Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. III, Pesth, 1835, S. 219—220, 246—248.

[5] ЦГАДА, ф. 89, Сношения России с Турцией, кн. 4, л. 160 об. и след., кн. 5. См. также следующие дела: 1622 г., д. 1, 2 (ч. 1—2), д. 4 (ч. 1—2); 1628 г., д. 1, 2 (ч. 1—2), д. 3, 4; 1630 г., д. 1, 2 (ч. 1—2), д. 3, 4; 1632 г., д. 2 (ч. 1—2), д. 3 (ч. 1—2); 1633 г., д. 2 (ч. 1—2), д. 3; 1634 г., д. 1 (ч. 1—2), д. 4 (ч. 1—2), д. 5 (ч. 1—2), д. 6; 1636 г., д. 1; 1637 г., д. 1 (ч. 1—2); 1641 г., д. 3—4; 1643 г., д. 1 и 1а, 2, 3.

[6] СГГД, ч. 3, № 117, стр. 406—408; № 121, стр. 416—418.

[7] ЦГАДА, ф. 53, Сношения России с Данией, кн. 6—8. См. также следующие дела: 1637 г., д. 1; 1640 г., д. 1; 1641 г., д. 2, 3; 1642 г., д. 1—6, 8; 1643 г., д. 2—6; 1644 г., д. 1—9; 1645 г., д. 1—4.

[8] Государственный исторический музей (далее — ГИМ), Синодальное собрание, № 565, л. 1—150. (Прения с датским королевичем Вальдемаром.) См. также № 857 и 893 того же собрания.

[9] *A. F. Büsching*, Magazin für neue Historie und Geographie, T. X (Halle, 1776) указан ошибочно, т. к. содержит документы XVIII в. Документы, относящиеся к царствованию Михаила Федоровича, опубликованы в т. VII (Halle, 1773, S. 330—336) и т. XVI (Halle, 1882, S. 349—364).

[10] Pamiętniki Albrychta Stanisława x. Radziwiłła, kanclerza w. litewskiego, wyd. E. Raczynskiego, t. 2, Posnan, 1839, str. 116

[11] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, кн. 66—68; № 58 указан Соловьевым ошибочно.

[12] ГИМ, Синодальное собрание, № 856, л. 164 об. (№ 69 по описанию Л. В. Горского и К. И. Невоструева «Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки», отд. II, ч. 1, М., 1857, стр. 67—68).

[13] АИ, т. III, № 246, стр. 404—407; № 296, стр. 475—478.

[14] Временник МОИДР, кн. 17, отд. II, М., 1853, стр. 160—192. См. также ПСРЛ, т. XIV, 1-я половина, стр. 129—154.

[15] «Утро». Литературный сборник, М., 1859, стр. 369—379.

[16] ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, стр. 55—66. См. также Псковские летописи, вып. I, М. — Л., 1941, стр. 122—134.

[17] СГГД, ч. 3, № 70, стр. 274—275.

[18] ЦГАДА, ф. 141. Приказные дела старых лет. По новой пагинации 1613 г., д. 4.

[19] ЦГАДА, ф. 199, Портфели Миллера, портфель 46, д. 8, л. 13—14 об. В указанном документе князь Борис Александрович назван сначала Куракиным, а затем Репниным. Соловьев называет его Репниным.

[20] *С. М. Соловьев*, История России с древнейших времен, кн. IV, М., 1960, стр. 378—379.

[21] Книги разрядные, т. I, стр. 671—673.

[22] Дворцовые разряды, т. I, стр. 109, 128—130, 916—918, 396, 541—543, 640—642 и др.; т. II, СПб., 1851, стр. 374—379, 679, 350—352 и др.

[23] СГГД, ч. 3, № 48, стр. 211—213; № 55—56, стр. 222—227.

115, 218 [1]; Времен. Москов. историч. общ. кн. 4, 14 [2]; Чтения Моск. истор. общ. год III, № 7 [3]; Москвитянин 1841 г. № 3 [4], Госуд разряд. Архив, Записная книга Москов. стола 134 и 158 года [5]; там же Столбцы Москов. стола, вязка 133 [6].

[15] Книги разрядные, т. I и II [7]; Дворцовые разряды, т. I и II [8]; Дела английские № 4 и 6 [9]; Акты, относящ. до юридическ. быта, стр. 84 [10]; Собран. госуд. грам. и догов. III, № 83, 87 [11]; Акты арх. экси. III, № 206, 34, 319, 260, 261, 268, 304 [12]; Акты историческ. III, № 240, 305, 268 [13]; Русский истор. Сбор. т. I, стр. 86 [14]; Русск. Вестн. 1842 г. № 11 и 12 [15].

[16] Акты арх. экси. III, № 11, 12, 14, 15, 88, 105, 115, 36, 37, 98, 126, 171 [16]; Временник Моск. истор. общ. № 3, 4 [17]; Борисова — Описание города Шуи [18]; Гарелина — Старинные акты [19]; Дополн. к актам историч. II, № 69, 101 [20]; Акты арх. экси. III, № 171 [21]; Владимирс. губернск. Ведом. 1856 года № 28 [22]; Книги разрядные, т. I и II [23]; Акты историч. III, № 164 [24]; Полн. Собр. Русск. летоп. IV, 329 и след. [25]; Приказные дела Арх. Мин. Ин. Д., связки 39, 24, 42 [26].

[17] Указатель законов Максимовича, I, 149 [27]; Акты арх. экспед. III, № 227 [28]; Гарелина — Старинные акты [29]; Собр. гос. грам. и дог. III, № 14, 17, 49 [30]; Акты арх. эксп. III, № 17, 182 [31]; Supplementum ad histor. Russ.

---

[1] ААЭ, т. III, № 71, стр. 108; № 83, стр. 116—117; № 85, стр. 118—119; № 218, стр. 322—323 (№ 115 указан Соловьевым ошибочно, надо № 215, стр. 316—317).

[2] Временник МОИДР, кн. 4, отд. III, стр. 58; кн. 14, М., 1852, отд. II, стр 19—192.

[3] Чтения ОИДР, кн. 7, отд. IV, М., 1848, стр. 85—100.

[4] «Москвитянин», ч. II, № 3, 1841 г., стр. 112—115.

[5] ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ. Записные книги Московского стола, кн. 1 (7134 г.), л. 227. См. также Русская историческая библиотека, т. IX, СПб., 1884, стр. 495. Записи 1649/50 г. в кн 8 (7158 г) Соловьев не использовал. Очевидно, ссылка ошибочна.

[6] ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ. Столбцы Московского стола, № 133, л. 81.

[7] Книги разрядные, т. I—II.

[8] Дворцовые разряды, т. I—II.

[9] ЦГАДА, ф. 35, Сношения России с Англией, кн. 4, 6.

[10] Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. I, СПб., 1857, № 30, стб. 84—88.

[11] СГГД, ч. 3, № 83, стр. 316—326, № 87, стр. 326—328.

[12] ААЭ, т. III, № 206, стр. 292—300; № 34, стр. 71—73; № 319, стр. 468—469; № 260—261, стр. 397—398; № 268, стр. 409—413; № 304, стр. 448—450.

[13] АИ, т. III, № 240, стр. 398—399; № 305, стр. 499—500; № 268, стр. 434—435.

[14] Русский исторический сборник, издаваемый ОИДР, т. I, кн. 1, М., 1837, стр. 86—100.

[15] «Русский вестник» № 11 и 12, СПб., 1842, стр. 1—149.

[16] ААЭ, т. III, № 11—12, стр. 13—15; № 14—15, стр. 15—19; № 88, стр. 121—122; № 105, стр. 143—145; № 115, стр. 159—160; № 36—37, стр. 73—78; № 98, стр. 133—135; № 126, стр. 176—179; № 171, стр. 253—254.

[17] Временник МОИДР, кн. 3, отд. II, М., 1849, стр. 6—8, кн. 4, отд. II, стр. 32—52.

[18] *В. А. Борисов*, Описание города Шуи и его окрестностей с приложением старинных актов, М., 1851, № 1, стр. 224—233; № 3, стр. 239—240; № 5, стр. 243—245; № 16, стр. 271—275; № 18, стр. 278—279.

[19] Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей. Собраны В. Борисовым. Изданы Я. Гарелиным (далее — Старинные акты), М., 1853, № 13, стр. 17—19; № 16, стр. 25—28; № 20, стр. 32—33; № 35, стр. 60—61.

[20] ДАИ, т. II, № 69, стр. 164—172; № 101, стр. 275—279.

[21] С. М. Соловьев ошибочно повторяет этот документ. См. выше, это же примеч.

[22] «Владимирские губернские ведомости», 1856 г., № 28, стр. 221—223.

[23] Книги разрядные, т. I, стб. 118—674.

[24] АИ, т. III, № 164, стр. 291.

[25] ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848, стр. 332, 333. См. также Псковские летописи, вып. II, М., 1955, стр. 280—281.

[26] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет. Из связки 39 Соловьев использовал следующий документ (по новой пагинации): 1630—1631 гг., д. 86. Связки 24 и 42 содержат документы, которые, судя по описи, тематически не относятся к излагаемым Соловьевым событиям. Соловьев использовал также (без указания источника) из связки 57 следующий документ (по новой пагинации): 1630 г., д. 27, л. 7—10.

[27] *Л. М. Максимович*, Указатель российских законов, временных учреждений, суда и расправы... ч. 1, М., 1803, стр. 149.

[28] ААЭ, т. III, № 227, стр. 336—337.

[29] Старинные акты, № 41, стр. 71—72; № 43—44, стр. 73—77; № 48, стр. 89—90.

[30] СГГД, ч. 3, № 14, стр. 65—66; № 17, стр. 88—89; № 49, стр. 213—214.

[31] ААЭ, т. III, № 17, стр. 19—21; № 182, стр. 264—265.

Monum. p. 268 [1]; Полн. Собр. Зак. I, 207 [2]; Акты арх. эксп. III, № 18, 180 [3]; Акты историч. III, № 154, 295 [4]; Полн. Собр. Зак. II, 816 [5]; Дела персидские 1613—1645 годов [6]; Приложения к Царств. Мих. Фед. — Берха, № XVI [7]; Собр. гос. гр. и дог. III, 65, 370 [8].

[18] Акты арх. эксп. III, № 320 [9]; Собр. гос. грам. и дог. III; № 118, 76, 89, 94, 100, 102, 103, 116[10]; Книги разрядные, I, стр. 1346 и 1347[11]; Дела Архива Мин. Ин. Д., касающиеся выезда иностранцев[12]; Гамеля — Описание Тульского оружейного завода[13]; Приложения к книге Берха — Царствов. Мих. Феод.[14]; Госуд. разр. архив, столбцы Москов. стола, № 106[15].

[19] Акты истор. III, № 92[16]; Акты арх. эксп. III, № 41[17]; Москвитян. 1846, № 1[18]; Дела' английские, № 4[19]; Акты юридич., стр. 204 и след.[20]; Архив Мин. Ин. Д. Приказные дела, связки 15 и 63[21]; Разрядн. архив — столбцы Москов. стола св. 133[22]; столбцы Приказного стола, св. 1161, 1180[23].

[20] Дополн. к актам истор. II, № 88, 90, 91, 92[24]; Акты арх. эксп. III, № 261, 268 [25].

[21] Описание государств. архива старых дел, стр. 263 [26].

[22] См. нашей Истории т. VII, стр. 83.

[23] См. там же, стр. 122[27].

[24] Сказание известно о воображении книг печатного дела, Собран. Синод. библ. № 850[28]; Житие Дионисия по рукоп. Синод. библ. № 416[29]; о Феофане патриархе — Сборник той же библиот. № 850[30]. Акты арх. эксп.

---

[1] Supplementum ad Historica Russiae Monumenta. Дополнения к Актам историческим, относящимся к России, собраны в иностранных архивах и библиотеках и изданы Археографическою комиссиею, СПб., 1848, № CII, стр. 267—268.

[2] Ссылка ошибочна: указанный документ относится к более позднему периоду.

[3] ААЭ, т. III, № 180, стр. 262—263; № 18 указан Соловьевым ошибочно.

[4] АИ, т. III, № 154, стр. 253, 258, 259; № 295, стр. 475.

[5] Ссылка ошибочна: указанный документ относится к более позднему периоду.

[6] Ссылка не раскрыта, т. к. носит слишком общий характер, а в тексте не указана дата документа (наказа астраханскому воеводе) и имя воеводы.

[7] *В. Берх*, Царствование царя Михаила Федоровича и взгляд на междуцарствие, ч. 2, СПб., 1832, № XVI, стр. 160—162.

[8] СГГД, ч. 3, № 65, стр. 268; № 370 указан ошибочно, т. к. ч. 3 содержит лишь 184 документа.

[9] ААЭ, т. III, № 320, стр. 469—472.

[10] СГГД, ч. 3, № 118, стр. 408—410; № 76, стр. 297—298; № 89, стр. 330; № 94, стр. 336—337; № 100, стр. 347—348; № 102—103, стр. 350—352; № 116, стр. 404—406.

[11] Книги разрядные, т. I, стб. 1346, 1347.

[12] ЦГАДА, ф. 150, Дела о выездах иностранцев в Россию, 1626 г., № 7; 1628 г., № 4; 1630 г., № 3; 1634 г., № 7; 1643 г., № 1, 5, 6.

[13] *Иосиф Гамель*, Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении, М., 1826, Прибавления, № I—IV, стр. 1—18.

[14] *В. Берх*, Царствование царя Михаила Федоровича, ч. 2, № VI—VII, стр. 81—86.

[15] ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ. Столбцы Московского стола, № 106, л. 80, 82.

[16] АИ, т. III, № 92, стр. 108—113. См. также Памятники русского права, вып. 5, М., 1959, стр. 362—371.

[17] ААЭ, т. III, № 41, стр. 82—83.

[18] «Москвитянин», ч. I, № 1, М., 1846, стр. 154—156.

[19] ЦГАДА, ф. 35, Сношения России с Англией, кн. 4.

[20] Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства, СПб., 1838, № 193—197, стр. 204—208.

[21] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет. По новой пагинации — 1625 г., д. 2; 1633 г., д. 32.

[22] ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ. Столбцы Московского стола, № 133. В указанном документе не обнаружено материалов, которые мог использовать Соловьев.

[23] ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола (по новой пагинации) № 11, л. 114—118; № 30, л. 1—67, 411—419, 420—440. См. также *Е. Сташевский*, К истории колонизации Юга (Великий боярин Иван Никитич Романов и его слободы в Елецком уезде), М., 1913.

[24] ДАИ, т. II, № 88, стр. 241—243; № 90—92, стр. 248—254.

[25] ААЭ, т. III, № 261, стр. 308; № 268, стр. 409—413.

[26] *П. И. Иванов*, Описание государственного архива старых дел, стр. 263—266.

[27] *С. М. Соловьев*, История России с древнейших времен, кн. IV, стр. 68—69, 97—98.

[28] ГИМ, Синодальное собрание, № 850, л. 73—81, 82—85.

[29] ГИМ, Синодальное собрание, № 415, л. 27 об. — 28, 51 об. — 56, 126—162.

[30] ГИМ, Синодальное собрание, № 850, л. 607—608, 622—623.

III, № 166, 329, 228, 166 [1]; Собр. гос. гр. и дог. III, № 77 [2]; Акты арх. эксп. III, № 176, 177, 197, 198, 226, 249, 258, 262. 264, 331 [3]; Дополн. к акт. истор. II, № 64 [4]; Старинные акты, изд. Гарелиным, № 8, 26, 27, 32 [5]; Акты истор. III, № 92, 113, 114, 137, 190 [6]; Воронежские акты, II, № LXXIV [7]; Собр. гос. грам. и дог. III, № 60 [8]; Полн. Собр. русск. летоп. III, 188 [9]; Дела греческие 1613—1645 годов [10], Описание архива стар. дел, стр. 261 [11].

[25] Собр. гос. грам. и дог. III, № 106[12]; Акты истор. III, № 67, 92, 168, 214[13]; Дополн. к акт. истор. II, № 70[14]; Акты арх. эксп. III, № 272[15]; Максимовича — Указатель Рос. зак. I, 147[16]; Летопись о мятежах, стр. 338, 342[17]; Москвитян. 1852 года, № 1[18]; Разрядн. архив, столбцы Приказного стола, связка 1245[19]; Архив Мин. Ин. д., Приказные дела, св. 84[20].

[26] Собр. гос. грам. и дог. III, № 110, 90 [21]; Акты арх. эксп. III, № 147, 149 [22]; Сборник Синод. библ. № 623 [23]; Москов. Вестник 1830 года[24]; Архив Мин. Ин. Д., Приказн. дела, св. 88[25].

[27] История России, III, 144[26].

[28] Летоп. о мятеж. стр. 73[27].

[29] Палицына — Сказание, стр. 20, 14[28].

[30] История России, VII, 259[29].

[31] Иное сказание о самозванцах, во Временнике Истор. обществ., кн. 16[30].

[32] Хронограф. князя М. А. Оболенского[31].

---

[1] ААЭ, т. III, № 166, стр. 240—242; № 329, стр. 482—483; № 228, стр. 337—338

[2] СГГД, ч. 3, № 77, стр. 298—299.

[3] ААЭ, т. III, № 176—177, стр. 259—260; № 197—198, стр. 283—285; № 226, стр. 336; № 249, стр. 380—381; № 258, стр. 395—396; № 262, стр. 398—400; № 264, стр. 401—405; № 331, стр. 485.

[4] ДАИ, т. II, № 64, стр. 152.

[5] Старинные акты, № 8, стр. 10—12; № 26—27, стр. 46—49; № 32, стр. 54—57.

[6] АИ, т. III, № 92, стр. 96; № 113—114, стр. 167—168; № 137, стр. 224—225; № 190, стр. 346.

[7] Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова, кн. 2, Воронеж, 1852, № LXXIV, стр. 84—89.

[8] СГГД, ч. 3, № 60, стр. 245—253.

[9] ПСРЛ, т. III, СПб., 1841, стр. 188.

[10] ЦГАДА, ф. 52, Сношения России с Грецией, 1635 г., д. 9.

[11] *П. И. Иванов*, Описание государственного архива старых дел, стр. 261—262.

[12] СГГД, т. III, № 106, стр. 360—362.

[13] ААЭ, т. III, № 67, стр. 60—63; № 92, стр. 91, 106, 91—92, 104; № 168, стр. 310—312; № 214, стр. 372. См. также Памятники русского права, вып. 5, стр. 337—338, 350—351, 329—330, 348—349.

[14] ДАИ, т. II, № 70, стр. 172.

[15] ААЭ, т. III, № 272, стр. 416—417.

[16] *Л. М. Максимович*, Указатель российских законов, временных учреждений, суда и расправы, ч. I, стр. 147.

[17] Летопись о мятежах, стр. 357.

[18] «Москвитянин», т. I, № 1 отд. IV, М., 1852, стр. 2.

[19] ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола (по новой пагинации), № 95, л. 123—218.

[20] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет. Связка 84 содержит следующие дела (по новой пагинации): 1635 г., д. 87—92; 1635—1649 гг., д. 93, 1635—1640 гг., д. 94. Не удалось установить, какое именно из этих дел использовал Соловьев.

[21] СГГД, ч. 3, № 110, стр. 373—374; № 90, стр. 331—332.

[22] ААЭ, т. III, № 147, стр. 212—213; № 149, стр. 215—216.

[23] ГИМ, Синодальное собрание, № 623, л. 53—79, особенно л. 70 об.—79. См. также «Прения литовского протопопа Лаврентия Зизания с игуменом Илиею и справщиком Григорием по поводу исправления составленного Лаврентием Катихизиса». Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. С. Тихонравовым, т. II, М., 1859, отд. II, стр. 80—100.

[24] «Московский вестник», 1830 г., ч. V, № XVII — XX, стр. 61—73.

[25] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет. По новой пагинации следующие дела за 1636 г.: д. 5, 8, 11—13, 16, 21, 22.

[26] *С. М. Соловьев*, История России с древнейших времен, кн. II, М., 1960, стр. 119.

[27] Летопись о мятежах, стр. 73—74.

[28] *Аврамий Палицын*, Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и литвы и о бывших потом в России мятежах, М., 1822, стр. 14—21. См. также «Сказание Авраамия Палицына», М. — Л., 1955, стр. 106—110.

[29] *С. М. Соловьев*, История России с древнейших времен, кн. IV, стр. 199.

[30] Временник МОИДР, кн. 16, отд. II, М., 1853, стр. 71—80, 138—146.

[31] ЦГАДА, ф. 210, Рукописное собрание М. А. Оболенского, № 128 — Хронограф редакции 1512 г. с легендарными рассказами о Смутном времени, л. 540 об. — 543.

[33] Полн. собр. русск. летоп. V, стр 55 и след. [1]

[34] Древние росс. стихотв., стр. 102 - 295 [2]; Памятники и образцы народного языка, при известиях Академии Наук, т. I [3].

[35] Русск. Вестн. 1858 г. Статья профес. Буслаева: Юлиания Лазаревская [4].

[36] Временник Москов. Истор. общ. кн. 15 [5]; Сахарова — Сказания русского народа, т. II [6].

[37] Offt begehrte Beschreibung der newen orientalischen Reise, durch Adamum Olerium. Schlesswig, 1647 [7].

---

[1] ПСРЛ, т. V, стр. 55—73. См. также Псковские летописи, вып. I, стр. 122—140.

[2] *Кирша Данилов*, Древние российские стихотворения, М., 1818, стр. 102, 295. См. также Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым, М. — Л., 1958, стр. 79—81, 338—339, 202—206, 425—427.

[3] Памятники и образцы народного языка и словесности. Тетрадь первая. Прибавления к известиям Академии наук по отделению русского языка и словесности, т. I, СПб., 1852, стр. 7—8.

[4] *Ф. И. Буслаев*, Идеальные женские характеры древней Руси. I. Юлиания Лазаревская. «Русский вестник», (№ 19) 1858 г., стр. 417—440.

[5] Временник МОИДР, кн. 15, отд. II, М., 1852, стр. 1—22.

[6] *И. П. Сахаров*, Сказания русского народа, т. II, кн. 8, СПб., 1849, стр. 109—122.

[7] *Adamus Olearius*, Offt begehrte Beschreibung der newen orientalischen Reise so durch Gelegenheit einer Holsteinischen Legation an den König in Persien geschehen, Sleßwig, 1647. См. также *А. Олеарий*, Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно, СПб., 1906.

ИСТОРИЯ РОССИИ
В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Текст 10 тома
«Истории России с древнейших времен»
подготовлен к печати
М. А. РАХМАТУЛЛИНЫМ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОСТОЯНИЕ ЗАПАДНОЙ РОССИИ В КОНЦЕ XVI И В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Значение религиозной борьбы в Восточной Европе. — Мысль об унии. — Иезуиты: Скарга и Поссевин. — Западнорусские архиереи, аристократия, братства. — Поведение архиереев во Владимире, Луцке, Львове. — Братство Львовское. — Приезд константинопольского патриарха Иеремии в Западную Россию. — Киевский митрополит Онисифор; его свержение и поставление Михаила Рагозы. — Экзарх Терлецкий. — Смуты вследствие распоряжений Иеремии. — Брестский собор 1590 года. — Разрыв Терлецкого с князем Острожским; печальное его положение. — Терлецкий начинает дело об унии. — Переписка Львовского братства с константинопольским патриархом. — Ипатий Потей, епископ владимирский; письмо к нему князя Острожского об унии. — Терлецкий и Потей действуют заодно в пользу унии. — Брестский собор 1594 года. — Поведение Рагозы относительно унии; переписка его с Скуминым. — Переписка князя Острожского с Потеем — Окружное послание князя Острожского против епископов. — Львовский епископ Балабан отделяется от Терлецкого и Потея, которые отправляются в Рим и от имени всего духовенства западнорусского признают папу главою церкви. — Король старается поддержать дело Терлецкого и Потея на Руси. — Брестский собор 1596 года. — Разделение западнорусской церкви на православную и униатскую и борьба между ними — Послание Иоанна Вишенского. — Стефан Зизаний и сочинения, против него направленные. — Полемика по поводу брестского собора. — Апокризис и его основные положения; Перестрога. — Король в окружной грамоте излагает свой взгляд на брестский собор. — Движение козаков: Косинский и Наливайко. — Дело патриаршего экзарха Никифора. — Переписка князя Острожского с папою. — Православные требуют к суду епископов-униатов. — Попытка православных соединиться с протестантами, чтоб вместе защищаться от католиков. — Потей назначен митрополитом после Рагозы и старается исторически доказать законность унии. — Мелетий Смотрицкий и его сочинения. — Речь депутата Древинского на сейме. — Постановление православных архиереев и Советование о благочестии. — Усиление борьбы вследствие поставления православных архиереев. — Иосафат Кунцевич и письмо к нему Льва Сапеги. — Убиение Кунцевича. — Послание папы против православных. — Наказание жителям Витебска за смерть Кунцевича — Козаки. — Гетман Сагайдачный. — Сочинение Пальчовского о козаках. — Митрополит Иов Борецкий поднимает козаков на защиту православия. — Обращение Иова к Москве. — Торжество поляков над козаками и комиссия на Медвежьих Лозах. — Похождения искателя турецкого престола Александра Ахии. — Восстание козаков под начальством Тараса. — Кисель и его отношения к козакам. — Восстание Павлика и Скидана. —

Восстание Остранина и Гуни. — Киевская школа. — Луцкое братство и школа. — Петр Могила. — Отступление Смотрицкого от православия. — Смерть Сигизмунда III. — Требования козаков. — Королевич Владислав старается уладить дело между православными и униатами. — Продолжение полемики между ними. — Петр Могила митрополит и его поведение. — Продолжение гонения на православных. — Переселение в Московское государство.

В самом начале нашей истории мы заметили, что Россия не имеет резких природных границ ни на западе, ни на востоке, и таким образом природа дала русским людям мало помощи при утверждении их народной самостоятельности. Но зато скоро история дала им для этого могущественное средство: Русь приняла христианство, и христианство по восточному исповеданию. Христианство провело резкую черту между русским человеком и соседом его на Востоке, азиатцем, бусурманом, поганым. Христианство запечатлело русского человека окончательно и твердо европейским характером; но, с другой стороны, между русскими и соседями их на западе, единоплеменными и чужеплеменными, прошла также резкая нравственная граница, вследствие различия восточного исповедания, принятого русскими, от римского исповедания, к которому принадлежали западные европейские народы. Религиозное различие, которое так могущественно действует в юном народе, составляя обыкновенно в его понятиях основу деления на наших и ненаших, это религиозное различие взяло под свою опеку младенчествующую, неразвитую народность русскую, поддержало самостоятельность народную. На Востоке борьба с иноверными азиатскими варварами велась постоянно под религиозным знаменем, с религиозным одушевлением; а когда в начале XVII века растерзанное смутами Московское государство готово было потерять свою самостоятельность, религиозное одушевление, сознание религиозного различия подняло русских людей против польских и литовских людей, заставило их выбрать царя из своих и тем утвердить самостоятельность государства.

Обозревши Смутное время и восстановление спокойствия и самостоятельности Московского государства, Восточной России в царствование Михаила, мы должны обратить теперь наше внимание на Россию Западную, где шла также религиозная борьба, в решении которой должен был принять участие преемник Михаилов. Мы видели, что Западная Россия, вследствие известных недостатков своего государственного развития, не могла сохранить самостоятельности и должна была примкнуть к более сильному государству, литовскому, а потом, при посредстве Литвы, соединилась и с Польшею. Мы видели также, что на первых же порах этого соединения оказались большие неудобства вследствие различия исповеданий, когда при Ягайле и некоторых его преемниках, польские

католики давали себе волю увлекаться религиозною ревностию и теснить восточное русское исповедание. Мы видели, как уже давно подобные попытки имели следствием народную вражду и стремление русских людей оторваться от польско-литовского союза и присоединиться к единоверной Восточной России. Но до второй половины XVI века попытки эти распространить католицизм между русскими людьми мерами насилия или по крайней мере заставить их соединиться с католиками в учении веры, оставаясь при своих прежних богослужебных обрядах и языке богослужебном — попытки эти не были постоянны и сильны, и с течением времени ослабевали все более и более, во-первых, потому, что Ягеллоны хлопотали более всего о тесном неразрывном соединении Литвы и Руси с Польшею, посредством уравнения гражданских прав для народонаселения всех этих стран; но Ягеллоны хорошо понимали, что если бы при этом они воздвигли гонения на русскую веру, стали принуждать русских к унии с католиками, то цель их не была бы достигнута: таким образом, с усилением стремления к унии гражданской между Литвою и Польшею должны были ослабевать попытки к унии церковной, которая могла быть введена между русскими только путем насилия. Во-вторых, католическая ревность очень ослабела во времена перед реформацией, а Ягеллоны всего менее были способны возбуждать эту ревность; следовательно, и поэтому уже попытки к унии должны были прекратиться, и действительно, мысль о ней совершенно исчезла в половине XVI века.

Что же переменило этот ход дел, так выгодный для Польши? Что воспламенило заснувшую католическую ревность, заставило католическое правительство Польши поднять гонение на веру своих русских подданных? А это, разумеется, должно было повести к тому же, что мы видели и прежде в подобных обстоятельствах: к отторжению русских областей от Польши и к присоединению их к Восточной России.

Наша древняя история имеет более связи с общим ходом европейских событий, чем это кажется с первого взгляда. Великий религиозный вопрос, религиозная борьба, поднятая в Западной Европе реформою Лютера, имела сильное влияние и на судьбы Восточной Европы — судьбы нашего отечества. Великие события XVII века, как на западе, так и на востоке Европы, совершаются под влиянием религиозных вопросов, религиозной борьбы. На западе с католицизмом борется протестантизм, и вследствие этой борьбы происходит окончательное освобождение и определение народностей, стянутых, закованных до того времени римско-католическими стремлениями к материальному единству; на востоке с католицизмом борется восточное исповедание, охраняющее

самостоятельность и народность русского и других восточных славянских племен, и между этими борьбами на востоке и на западе тесная связь. Учение Лютера и его разветвления, как мы видели, быстро распространились в польских владениях; как везде, так и здесь, католицизм, обнаруживая сильное противодействие врагу, выставил свое знаменитое ополчение — иезуитов. Иезуиты благодаря своим ловким приемам осилили протестантизм, больной и слабый разделением; но, осилив протестантизм, иезуиты немедленно обратили внимание на более опасного врага — на старинное, пустившее в народе глубокие корни, исповедание восточное или русское: против него направлены были теперь усилия иезуитов; против него возбужден ими фанатизм католического народонаселения, против него, по их внушениям, действует правительство, отуманенное фанатизмом, не умеющее разобрать собственного интереса, думающее или по крайней мере желающее других заставить думать, что уния церковная скрепит унию государственную: надежда основательная только в том случае, если бы эта уния совершилась спокойно, без насилия. Против русской веры направлены иезуитами беспокойные силы школьной молодежи; против нее говорят они проповеди и пишут ученые рассуждения; против нее действуют они в домах и школах, отрывая русскую молодежь от веры отцовской.

В 1577 году знаменитый иезуит Петр Скарга издал книгу: *О единстве церкви божией и о греческом от сего единства отступлении*[1]. Две первые части посвящены догматическим и историческим исследованиям о разделении церквей; в третьей части, особенно для нас любопытной, автор говорит, что есть три причины, вследствие которых в русской церкви никогда порядка не будет: 1) женитьба священников, которые пекутся только о мирском, не заботятся о поучении паствы: от этого на Руси вся наука упала и попы омужичились (zchlopieli); 2) язык славянский: греки обманули русских тем, что не дали им своего языка, но оставили язык славянский, чтобы русский народ никогда до настоящего разумения и науки не дошел, ибо только посредством латинского и греческого языков можно быть доскональным в науке и вере. Не было еще на свете и не будет ни одной академии или коллегии, где бы богословие, философия и другие науки на ином языке преподаваться и разуметься могли. С помощью славянского языка никогда никто ученым быть не может, этого языка уже теперь в сущности никто настоящим образом не разумеет; нет на свете нации, которая бы им говорила так, как в книгах пишется; своих правил и грамматик он не имеет и иметь не может. У вас, русских, и не слыхать о таких людях, которые бы знали греческий язык, старый и новый, а у нас по всему свету одна вера и один язык: христианин из Индии с поля-

ком может говорить о боге; 3) унижение духовного сословия, вмешательство светских людей в дела церковные. Скарга прямо говорит об унии, указывает на духовные и мирские выгоды от нее; для унии, по его словам, нужны только три вещи: 1) чтобы митрополит киевский принимал благословение не от патриарха, но от папы; 2) чтоб каждый русский во всех артикулах веры был согласен с римскою церковию; 3) чтоб признавал верховную власть столицы римской; что же касается до обрядов церковных, то они остаются по-прежнему. Ту же книгу Скарга перепечатал в 1590 году с посвящением королю Сигизмунду III[2]. Здесь автор говорит, что книжки его многим принесли пользу, многим открыли глаза, и требуется новое издание их; книжек этих уже нет в продаже: скупила их богатая Русь и сожгла. «Дай боже, — говорит Скарга, — соединить всех еретиков, которых уже не очень много остается, и каждый бы день их убывало, если бы светская власть могла свободно пользоваться своим могуществом и правами. Труднее обратить русских, которые отзываются предками и стариною». Скарга жалуется, что настоящее правительство не употребляет более того средства, которым прежние короли содействовали обращению русских в католицизм, именно, не допускали их в сенат, прежде чем обратятся. Другой иезуит, известный уже нам Антоний Поссевин, не успевши обратить в католицизм Иоанна Грозного, хлопотал об унии в Западной России, просил о заведении училищ для русских и в Риме и в Вильно; по его мнению, только обративши в латинство Западную Россию, можно было привести к тому же Восточную или Московскую.

Иезуиты указали на унию, как на переходное состояние, необходимое для упорных в своей старой вере русских; прямо указаны были и средства к унии, средства насильственные: лишение выгод за упорство в отцовской вере. Что иезуиты смотрели на унию только как на переходное состояние, видно из того же сочинения Скарги, который выставляет на вид пользу от единства богослужебного и ученого языка, тогда как при унии у русских оставался богослужебный язык славянский, а против него так вооружается Скарга. В то время, когда европейские народы, возросши, выпутывались из средневековых пеленок католического, латинского единства, чтобы с помощью родных языков развить свои народности, в то время иезуиты делали дерзкий вызов истории, утверждая, что не будет на свете такой академии или коллегии, где бы науки преподавались на иных языках, кроме латинского и греческого. Против такого оттягивающего европейское человечество назад начала, осуждающего его на вечную неподвижность, должна была теперь начать борьбу Западная Россия — борьбу за веру и народность. Но где же были у нее средства для успешного окончания этой борьбы?

Мы видели уже, что во второй половине XVI века западнорусская церковь находилась далеко не в завидном положении. Правительство, принадлежавшее к другому исповеданию, по меньшей мере равнодушное, не могло быть внимательно к ее интересам, любило кормить ее хлебом своих, а не ее служителей, отдавать не только православные монастыри, но и целые епархии в управление людям, не чувствовавшим никакого внутреннего призвания к подобным должностям, из желания наградить не заслуги, оказанные церкви, но заслуги, оказанные государству только. Такие пастыри не могли укреплять паству в вере и нравственности: отсюда ослабление дисциплины церковной, ослабление нравственности низшего духовенства, упадок просвещения. Но если государство становилось во враждебные отношения к западнорусской церкви, отказывалось ее поддерживать, то этим самым вызывало к деятельности начало общественное. Что Скарга считал бедствием для русской церкви, именно вмешательство светских людей в дела церковные, то было необходимо и спасительно для нее: правительство не заботилось о церкви, архиерейство ослабевало — общество должно было принять к сердцу высший интерес свой и обнаружить сильное влияние на дела церковные. Но какие же средства имело западнорусское общество к обнаружению этого влияния, какие силы были в нем, какие соединения сил, союзы? Западнорусское общество в описываемое время представляет нам сильную аристократию, богатые могущественные роды; из них некоторые вели свое происхождение от Рюрика и Гедимина; от них, особенно в начале, русская церковь и народность получили сильную помощь: мы уже видели деятельность князя Константина Острожского, видели также, какую помощь русской церкви в борьбе ее с католицизмом оказал московский выходец, князь Курбский с товарищами. Но потом аристократия западнорусская начала ослабевать в стремлении своем поддерживать русскую веру и народность; средоточие ее деятельности было не на Руси, а в Короне Польской, при дворе, в сенате; аристократия русская составляла часть целой аристократии польской и стремилась приравняться к целому; интересы русские были для нее интересами провинциальными, и потому она скоро охладевает к ним, как ниже ее стоящим; старики еще крепко держались родной старины, но молодые, выхваченные из родной старинной обстановки воспитанием, браками, службою, легко отвыкали от своего. Но если знатные паны, оказавшие вначале так много помощи русской вере и народности, ослабели впоследствии, то не слабело среднее сословие, городовое народонаселение, благодаря крепким частным союзам, среди него образовавшимся, благодаря знаменитым братствам. Мы видели, что братства или братчины, общие всем областям русским, как восточным,

так и западным, приобрели особенное значение в общинах более самостоятельных и развитых, следовательно, имели большее значение в Новгороде и Пскове, чем в городах низовых, имели большее значение в городах Западной, Литовской России, где старые общинные формы получили точнейшее определение и скрепление благодаря магдебургскому праву, где цеховое устройство особенно содействовало развитию братчин или братств.

Кроме этой крепкой основы для общей, дружной деятельности — развития общинного быта и братств, городовое сословие, мещанство и потому могло сильнее бороться за веру и народность, что сфера его была теснее, чем у аристократии; сильнее были у мещан местные провинциальные привязанности, ибо не забудем, что русские привязанности были провинциальные в Речи Посполитой Польской; понятно, следовательно, почему мещанские братства, коренившиеся на цеховом устройстве, явились средоточием, к которому стягивалась и шляхта во время борьбы за веру; за братство, за эти крепкие союзы, выработанные городовым бытом Западной России, всего сильнее запнулись иезуиты с своею унией.

Итак, сначала посредством аристократии, потом особенно посредством братств, западнорусское общество боролось за свою веру и народность против могущественных врагов, поддерживаемых государством; посредством аристократии и братств русское общество имело влияние на дела церковные. Мы видели, что Скарга, с своей точки зрения, видел в этом влиянии мирских людей бедствие для церкви. С такой же точки зрения начали смотреть на дело и некоторые епископы русские, которым более других было тяжело это влияние; но понятно, что усвоивши себе раз эту точку зрения, епископы легко признали необходимость и законность средства избавить церковь, т. е. самих себя, от этого вмешательства, успокоить церковь, дать ей внешнее благосостояние, легко признали необходимость и законность унии

Чтоб иметь понятие о состоянии западнорусской иерархии в описываемое время, взглянем на состояние значительнейших здесь епархий. Некоторые западнорусские епископии богатством своих земельных владений превосходили восточные: епископии владимирской (на Волыни) принадлежали: укрепленный зáмок в городе Владимире и несколько дворов, местечко Квасов, шестнадцать селений в поветах Луцком и Владимирском, волость Купетовская, заключавшая в себе местечко Озераны, одиннадцать селений и рыбных ловель, остров Волослав на реке Луге, на котором находился монастырь св. Онуфрия. Епископии луцкой и острожской принадлежали четыре местечка и тридцать четыре селения в поветах Луцком и Владимирском, из них местечки Хорлуп и Жабче были защищены укрепленными зáмками, с пушками, гаковницами

и другим огнестрельным оружием. Легко понять, что такие доходные места, дававшие важное значение и обильное кормление, были предметом искания для многих мирских знатных лиц, которые, добившись их с помощью светской власти, не покидали своих мирских привычек, да и трудно им было покинуть их, если бы даже хотели. Мы видели состояние Польши в описываемое время, видели своеволие сильных, презрение законов, слабость власти государственной; силу должно было отражать силою: не даром же епископские зáмки были укреплены и вооружены артиллерией; частые столкновения с жадными, сильными и своевольными соседями, иноверцами и потому не поставлявшими за грех поживиться на счет имений схизматического епископа, заставляли последнего беспрестанно являться в суды, обвинять и защищаться, и потому, вместо молитвы и приготовления поучений для паствы, владыка должен был сидеть над выписками из законов. В 1565 году, по смерти епископа Иосифа, явилось двое соперников, желавших завладеть епископией владимирской и брестской: шляхтич Иван Борзобогатый-Красенский и епископ холмский Феодосий Лазовский. Первый, получив королевскую грамоту на епархию, завладел епископским зáмком, где посадил сына своего Василия. Но король Сигизмунд-Август в то же время дал жалованную грамоту на владимирское епископство Лазовскому. Последний явился во Владимир с вооруженной силой, потребовал у Василия Красенского сдачи зáмка, получил отказ, начал добывать зáмок приступами, и, наконец, овладел им. Король, по жалобе Ивана Красенского, послал дворянина своего звать Феодосия на суд; дворянин явился к епископу в соборную церковь Владимирскую и объявил ему приказ королевский. Феодосий отвечал, что не поедет на суд, бросился с посохом на слуг Ивана Красенского, велел своим людям бить их и топтать ногами в соборной церкви, наконец, выгнал их из зáмка, сказавши. «Если бы здесь был сам Борзобогатый, то я велел бы изрубить его в куски и бросить псам». Этот поступок Феодосия показывает нам, с каким человеком имеем дело; утвердившись в своей епархии, он вел себя как и другие сильные паны; и на него, как на других, подавались жалобы, что он с толпою вооруженных слуг наезжал на имения соседних владельцев, производил разбои и грабежи на большой дороге; в глубокой старости он совершенно вверился зятю своему Дубницкому, войту владимирскому, который расточал церковную казну, разорял церковные имения, крал жалованные грамоты. Но мы должны рассматривать поведение Феодосия Лазовского в связи с условиями времени, не должны прилагать к нему требований нашего времени и общества. Феодосий принадлежал к числу людей сильных характером, общество же не могло выставить никаких препятствий тому, чтобы эта сила

не выражалась незаконным образом; общество терпело Феодосия, и Феодосий, когда страсти его утихли, вспомнил, что «при жизни было много бито, граблено, а под конец надобно душу спасти», и сделал следующее распоряжение: выделил из церковных имений местечко Озераны и одиннадцать селений, назначил доходы с этих имений на украшение соборной церкви Владимирской, на учреждение при ней богадельни и школы для детей; часть доходов назначена была на содержание двух проповедников; в школе положено иметь двух бакалавров: один должен был учить греческому, а другой славянскому языку. Феодосий выпросил у Стефана Батория позволение передать управление владимирской епархией архимандриту Киево-печерского монастыря Мелетию Хребтовичу-Богуринскому, но при этом Феодосий пользовался доходами епархии до самой смерти своей, случившейся в 1588 году, и тогда епархия владимирская перешла в полную власть Хребтовича.

Между тем Иван Борзобогатый-Красенский, лишенный Феодосием епархии владимирской, получил от короля епископию луцкую и острожскую, по смерти Марка Жоравинского, который с 1561 до 1567 года управлял епархией луцкой, не посвящаясь в духовный сан. Красенский хотел было подражать своему предместнику, но киевский митрополит Иона сильными мерами заставил его посвятиться в 1571 году под именем Ионы. Новый епископ с своими детьми и родственниками распоряжался церковными имениями как своею собственностью, отдал местечко Жабче в приданое за дочерью, сыновья епископские грабили церкви, разгоняли монахов; наконец Иона поссорился с Баторием, не любившим своеволия и умер баннитом. По смерти его в 1585 году переведен был на луцкую епископию Кирилл Семенович Терлецкий, епископ пинский и туровский, человек также дворянского происхождения, умный, образованный, ловкий и деятельный, способный управлять епархией по тогдашним условиям, но далеко не способный быть достойным епископом. Он нашел луцкую епископию в самом жалком положении вследствие грабежей Красенского и его родственников, должен был вооруженною рукой отнять у последних Жабче, лично хлопотал в судах о неприкосновенности церковных имений и прав; войско епископское всегда было наготове для отражения врагов.

Третьею западнорусскою епархиею, которая обращает на себя особенное внимание в конце XVI века, была львовская в Галицкой или Червонной Руси. Епископом здесь в это время был Гедеон Балабан, сын львовского же епископа Арсения. Получивши кафедру как бы по наследству, Гедеон считал себя еще в бо́льшем праве, чем другие его товарищи, смотреть на нее как на собственность неотъемлемую, но этот епископ-собственник встретил себе сильное сопротивление

в братстве Львовском. Во время посещения Львова антиохийским патриархом Иоакимом в 1586 году, львовские мещане, ктиторы храма Успения Богородицы, упросили его благословить их на устроение братства, для которого написаны были следующие правила: 1) В определенный день сходиться в избранный дом, с любовию и миром, отдавая друг другу предпочтение, промышляя доброе пред богом и людьми. 2) По повестке, которая делается обсылкою братского знамени, братья должны сходиться раз в четыре недели, или как случится надобность, и обязан каждый брат раз в четыре недели дать полгроша в братскую кружку. 3) Всякий желающий вступить в братство, кто бы он ни был: мещанин или шляхтич, или предмещанин, или какого бы ни был чина, как тутошний, так и сторонний, должен дать вступного шесть грошей. 4) Брат, живущий далеко от братства, должен давать раз в год по шести грошей. 5) Каждый год братья сообща выбирают из среды себя четырех старшин. 6) Кружка братская должна быть у старшего брата, а ключ от нее у младшего. 7) Ежегодно, при сложении своих должностей, старшины отдают отчет пред всеми. 8) Если избираемый на старшинство будет противиться этому без уважительной причины, то должен дать три безмена воску. 9) Наказание всем одно — сидеть на колокольне. 10) Если брат брата обидит словом в братстве, то должен быть наказан сиденьем на колокольне, должен дать камень воску и, не выходя из братства, просить прощения у оскорбленного брата и всего братства. 11) За слово непотребное, корчемное брат должен платить фунт воску. 12) В заседаниях, исправя все дела, братья должны читать священные книги и скромно друг с другом разговаривать. 13) Брат, узнавши о проступке другого брата, не должен его таить, но объявить в братстве, чтоб виновный был подвергнут наказанию. Утаивший наказывается по приговору братскому. 14) Старший за проступок подвергается двойному и тройному наказанию против младшего. 15) Брат, наказанный сиденьем на колокольне или денежною пенею, тотчас после наказания должен просить прощения у того, пред кем провинился. 16) Кто не отдаст братской пени, должен поставить двоих братьев поруками до следующего заседания. 17) В обсуждениях участвуют все, как старшие, так и младшие; когда все младшие выскажут свои мнения, тогда начнут говорить старшие. 18) Если у брата есть какое-нибудь дело и не умеет он его вести сам, то вольно ему взять двоих братьев на совет и на помощь. 19) Дела братские не должны быть выносимы за порог дома братского; виновный в разглашении, по засвидетельствовании двоих, должен быть наказан сиденьем на колокольне и безменом воску. 20) Кто презрит церковным братским судом, тот судится как прослушник церкви, и если в четыре недели не покается, то как поганец и явный грешник

отлучается. Священник должен его в церкви пред всеми обличить и от церкви отлучить. 21) Сообщающийся с отлученными вместе с ними осуждается. 22) Если не имеющий состояния брат занеможет, то братья помогают ему братскими деньгами и ходят за ним в болезни. 23) Брат, которому помогают братскими деньгами в напастях, не платит роста. Давать взаймы должно не тем, которые занимают для какого-нибудь выгодного предприятия, из желания обогатиться, но действительно находящимся в большой нужде. 24) Тело умершего брата все братья провожают на погребение в приходскую церковь и свеча братская должна быть в церкви. 25) Если кто из братий не явится на заседание или на погребение по важным причинам, то должен дать знать об этом старшему брату; если же окажется, что препятствий никаких не было, то должен заплатить фунт воску. 26) Каждый брат должен вписать в поминанье имя отца своего и матери и всех сродников умерших, а священник Успенской братской церкви должен читать поминанье братское за заутренею и вечернею в дни поминовенные и в великий пост, по уставу церковному. 27) Ежегодно должны быть две литургии за все братство: заздравная и заупокойная, причем раздается посильная милостыня бедным.

Но, как обыкновенно бывает в обществе, где нет для всех одинаковой безопасности, где господствует право сильного, в отдельных лицах и в союзах лиц является стремление захватить для себя как можно больше силы, в которой видят единственное обеспечение против насилия других сильных. Вот почему Львовское братство выхлопотало от Иоакима важное право обличать противных закону Христову, истреблять всякое бесчиние в церкви, право всеобщего надзора и цензуры, из-под которой не был изъят и епископ. 28) Если братство отлучит брата от церкви чрез своего священника, то протопопы и епископ не могут благословить его до тех пор, пока не покорится братству. 29) Если братья в городе Львове при какой-нибудь церкви увидят, или в другом братстве услышат о незаконноживущих, мирских или духовных, то должны удержать их словом или грамотою, если же не послушаются, то должны донести старшему. 30) Если и епископ будет вести себя незаконно, то и ему должны все сопротивляться как врагу истины. 31) Если кто-нибудь из братий будет обвинен пред епископом, то не должен один защищаться, а ждать пока соберется с ним все братство; при епископе братья сообща должны разобрать дело и судиться по правилам св. отец. 32) Братство Львовское, как старшее, должно обличать всякое другое братство, поступающее не по этим правилам. Никто не может ему сопротивляться, опираясь на давность других братств, несовершенно некоторыми епископами установленных: «Повелеваем, — говорит патриарх, — чтоб этому

братству Львовскому все братства повсюду повиновались». 33) Всякое братство в своем городе и в окольных местах и селах обязано знать поведение попов и мирских людей, и обо всяком беззаконии доносить епископу. 34) Кто разорит это право церковное, епископ или князь, или простой человек, на таком будет клятва всех четырех патриархов и святых отец седьми вселенских соборов. В то же время Иоаким разослал окружное послание с извещением, что в городе Львове христианская церковь хочет строением поновляться, т. е. наукою писания святого: хотят мещане львовские школу основать для поучения детям христианским всякого звания; будут эти дети учиться писанию святому греческому и славянскому, чтоб не был род их христианский бессловесен ради непаучения; купили мещане типографию славянскую и греческую, для школы этой потребную, за полторы тысячи золотых, хотят строить церковь новую и дом для школы, типографии и госпиталей. Патриарх просит у всех православных христиан вспоможения на такие богоугодные дела.

Между братством, получившим такие права, и между епископом Гедеоном, ревнивым к своей власти, тотчас же начались столкновения; дело дошло до константинопольского патриарха Иеремии, тот взял сторону братства и в ноябре 1587 года писал Гедеону: «Мы судили, истинно испытали и нашли в себе убийцу и ненавистника добру; не смей ничего говорить против Львовского братства, на котором бог почивает и славится, и если услышим, что ты возбраняешь дела благия, то будешь отлучен, а потом и другому церковному наказанию подвергнешься». Это грозное послание понудило Гедеона стать на точку зрения Скарги, убедиться, как вредно вмешательство мирян в дела церковные, убедиться, что уния с господствующею церковию освободит владык от унижения мирской цензуры; он сблизился с католическим львовским епископом и в 1588 году изъявил ему желание принять унию.

В таком состоянии находилась западнорусская церковь, когда в 1589 году посетил ее константинопольский патриарх Иеремия, возвращавшийся из Москвы. Мирские люди не замедлили подать ему сильные жалобы на церковные беспорядки, виною которых были епископы порочные и нерадивые. К числу последних принадлежал главный пастырь, митрополит киевский, Онисифор Девочка, к которому в 1585 году православные галицкие дворяне прислали с сейма следующую любопытную грамоту: «Великому несчастью своему приписать должны мы то, что во время вашего пастырства все мы страшно утеснены, плачем и скитаемся, как овцы, пастыря неимущие. Хотя вашу милость старшим своим имеем, однако ваша милость не заботитесь о том, чтоб словесных овец своих от губительных волков оборонять, нисколько не заботитесь о благочестии. С жалобою на великие несправед-

ливости, нам сделанные, мы приехали на сейм в Варшаву, в надежде на ваше обещание явиться туда же, чтоб вместе бить челом королю, защищать права и вольности закона нашего греческого. Но ваша милость не хотите исполнять своих обязанностей, не хотите быть деятельным при таких великих бедах, больше которых не было и не будет. Во время вашего пастырства вдоволь всякого зла в законе нашем сталось, насилия святыни, замыканье св. таин, запечатание церквей святых, запрещение звонить, выволакивание от престола из церквей божиих попов как злодеев, запрещение мирским людям молиться в церквах: таких насилий не делается и под погаискими царями, и все это делается в пастырстве вашей милости. Но этого мало: рубят кресты святые, захватывают колокола в за́мок, отдают их в распоряжение жидам, а ваша милость листы свои открытые против церкви божией жидам на помогу даешь. Из церквей делаются костелы иезуитские, имения, церкви божией данные, теперь к костелам привернуты. В монастырях честных, вместо игуменов и братьи, игумены с женами и детьми живут и церквами святыми владеют; из больших крестов маленькие делают; что было дано к божией чести и хвале, из того святотатство сделано: из вещей церковных делают себе пояса, ложки и сосуды, из риз саяны, из епитрахилей брамы. Но, что еще хуже, ваша милость поставляешь один епископов без свидетелей и без нас, братьи своей, что и правила запрещают, вследствие чего негодные люди становятся епископами и на столицах с женами своими живут без всякого стыда и детей родят. И других, и других, и других бед великих и нестроения множество! Наставилось епископов много, на одну епархию по два: от того и порядок згиб. Мы по обязанности своей вашу милость остерегаем, молим и просим: бога ради, вспомни святых предшественников своих, архиепископов киевских, и возревнуй благочестию их, а на нас не прогневайся: жаль нам души и совести вашей, за все ответ господу богу должны вы отдать».

Онисифор, по приезде Иеремии, должен был оставить митрополию, и на место его патриарх поставил в митрополиты известного уже нам архимандрита минского Михаила Рагозу, по представлению христианства, т. е. всех православных Западной России. Любопытно, что при посвящении Михаила Иеремия произнес следующие многозначительные слова, обращаясь к окружавшей знати: «Если он достоин, то по вашему глаголу буди достоин, если же недостоин, а вы его достойным выставляете, то я чист, вы узрите». Из этих слов ясно видно все значение мирских людей при избрании Рагозы, причем патриарх выделил совершенно свою волю; мирские люди представили ему незначительного, ему вовсе неизвестного архимандрита, и патриарх уступил их желанию, снявши с себя всю ответственность. Вглядываясь внимательнее

в характер и поведение Рагозы, можно понять, почему выбор мирских людей пал на него: в новом митрополите мирские люди искали именно такого пастыря, который не был бы похож на тогдашних западнорусских епископов, не похожих вообще на епископов. Михаил был человек благочестивый, скромный, сравнительно безукоризненной нравственности, далекий от дел насилия, но, к сожалению, с этими достоинствами частного человека, монаха и епископа Михаил не соединял других достоинств, необходимых для западнорусской церкви в то бурное время: не соединял твердости и энергии, был слаб, боязлив, вследствие чего должен был играть такую жалкую, двоедушную роль во время дела об унии.

Как бы то ни было, Михаил был избранник мирских людей и потому должен был держать их сторону, сторону братств. Патриарх действовал в том же смысле. В Вильне 1589 года он издал окружную грамоту епископам о низвержении из сана священников двоеженцев и троеженцев, с выговором, что пинский епископ Леонтий утаил таких в своей епархии. В грамоте этой патриарх говорит, что он слышал от многих благоверных князей, панов и всего христианства и сам глазами своими видел, как позволялось священнодействовать двоеженцам и троеженцам. Тогда же Иеремия благословил учредить братство в Вильне у церкви св. Троицы, которое обязывалось раздавать милостыню по госпиталям, тюрьмам и нищим по улицам два раза в год — на Светлое воскресенье и на Рождество Христово; обязывалось в школе даром учить детей братских и других убогих сирот языкам: русскому, греческому, латинскому и польскому, для науки школьной содержать людей ученых, печатать книги церковные и школьные на языках греческом, славянском, русском и польском. Иеремия же подтвердил прежние постановления и права Львовского братства, а также и новые: 1) Не быть другому общественному училищу во Львове, кроме училища братского, в нем одном учить православных детей священному писанию, славянскому и греческому языкам. 2) Братство имеет право печатать не только церковные книги: часословы, псалтири, апостолы, минеи, триоди, требники, синаксари, евангелия, метафрасты, торжественники, хроники или летописцы и прочие богословские книги, но и другие нужные для училища, именно грамматику, пиитику, риторику и философию. 3) Священника, избранного братством к церкви Успения, епископы львовские должны благословлять без всякой отговорки и противоречия; братство же и удаляет от должности священника, если он станет жить неприлично.

Но, согласившись на поставление Рагозы по представлению мирских людей, Иеремия, спустя немного времени, в знак ласки и благоволения своего, дал старшинство над всеми епископами, экзаршество — должность, старшую в духовных

делах, — епископу луцкому, Кириллу Терлецкому, видя в нем мужа искусного, ловкого и ученого. Экзаршество, или наместничество патриаршее, состояло в том, что Терлецкий имел право исправлять всех епископов, блюсти за порядком между ними, негодных извергать. Что побудило Иеремию на установление такой важной должности подле митрополичьей, отнять у митрополита почти все значение и передать епископу луцкому? Успел ли Терлецкий разными средствами подбиться к патриарху, представить ему неспособность Рагозы, опасную силу мирских людей, выразившуюся при назначении Михаила, свою собственную обиду при этом? Действительно ли патриарх, признавая неспособность Михаила в такое опасное и бурное время, спешил облечь властию своего наместника человека более ловкого и деятельного? А быть может и сами мирские люди, знатные паны, видя, что обидели Терлецкого, обойдя его митрополией и не желая лишиться помощи такого деятельного и ученого человека, содействовали или по крайней мере нисколько не мешали назначению его экзархом? Источники не отвечают на эти вопросы, и потому, оставя все предположения в стороне, заметим одно, что назначение Терлецкого экзархом было странно и вредно.

Смуты начались еще прежде, чем патриарх успел выехать из пределов Западной России. Терлецкий наговаривал патриарху на других епископов, Мелетий владимирский уличал Терлецкого в насильственном поступке с посланцем патриаршим: Иеремия послал сказать митрополиту, чтобы созвал собор для решения этих дел и заплатил ему, патриарху, пятнадцать тысяч аспр (250 талеров) за поставление, ибо если бы Рагоза должен был за этим поставлением ехать в Константинополь, то дороже бы ему стало; митрополит, недовольный патриархом, который поставил его митрополитом, давши всю власть другому, подчиненному епископу, отвечал посланному: «Не обязан я ничего давать патриарху, и собора теперь созвать не могу». Митрополит был недоволен учреждением экзархата в пользу Терлецкого; Терлецкий был недоволен тем, что, несмотря на звание экзарха, не пользовался полною доверенностью патриарха, который велел созвать на него собор: Гедеон Балабан львовский был сильно недоволен тем, что патриарх подтвердил права ненавистного ему братства; тем же самым должны были быть недовольны все вообще епископы, которых ставили под цензуру мирских людей. Между привилегированным братством Успенским во Львове и другими непривилегированными, меньшими братствами встала рознь: в 1590 году четверо граждан львовских с другими потаковниками своими, принадлежа к братствам Никольскому, Федоровскому и Богоявленскому, соединились с епископом Гедеоном и стали вооружаться против Успенского братства и его школы, уговаривая многих не посещать ее.

Митрополит Михаил, заступаясь за Успенское братство, отлучил их от церкви.

В таком положении находились дела, когда в июне 1590 года созван был собор в Бресте, на котором присутствовали митрополит Михаил, Мелетий Хребтович, епископ владимирский, Кирилл Терлецкий, епископ луцкий, Леонтий Пельчинский — пинский, Дионисий Збируйский — холмский, Гедеон Балабан — львовский; были приглашены также Адам Потей, каштелян брестский и все крилошане соборные. Отцы рассуждали о великих притеснениях, которым подвергается православная церковь, о великом нестроении в духовенстве, о разврате, несогласиях, непослушании и бесчинствах между некоторыми христианами. Для предотвращения подобного нестроения и своевольств, для установления порядка, для рассуждения о школах, науках, госпиталях и других благочестивых делах отцы постановили собираться ежегодно в Бресте Литовском в июне 24 числа; кто не явится на собор, должен заплатить 50 коп. грошей литовских на общие потребы духовные; кто поставит причиною отлучки болезнь, тот, приехавши на собор следующего года, должен присягнуть, что действительно был болен; если же кто и на другой год не приедет и присяги не даст, тот будет лишен епископии. Архиереи обязались привозить на собор всех архимандритов, игуменов, протопопов и других пресвитеров в св. писании знающих; обязались не позволять, чтоб простые люди держали монастыри; обязались не вступаться в чужие епархии, не ставить недостойных пресвитеров, под пенею ста коп. грошей литовских; кто же не заплатит, тот подпадает проклятию. На соборе явилось семеро депутатов Львовского братства (из них двое греков) с жалобою на епископа Гедеона, который не исполняет постановлений патриарших относительно братств Львовского и Рогатинского, уже после уговора и примирения своего с ними. На эти жалобы Гедеон отвечал одно: «Братство не хочет воздавать мне надлежащей епископской чести, потому я и сержусь на него». Но собор решил дело в пользу братства: так как Гедеон никогда не соглашался благословлять священников для братства, почему церковь братская бывала без службы к соблазну христианам, то братство передано в непосредственную зависимость киевского митрополита, который и благословляет священников братских, братством избранных.

После собора Кирилл Терлецкий занемог и поехал в Сендомир лечиться; потом пришла весть, что он при смерти. Тогда один из урядников замковых острожских, Боровицкий, по давнему обычаю, вошел в дом епископа и захватил его пожитки. Но Терлецкий выздоровел и, возвратясь из Сендомира, обратился с жалобою к князю Острожскому в надежде на большую любовь этого вельможи к себе. Но Боровицкий

пользовался также сильным расположением князя, вследствие чего успешно защищался, и когда Терлецкий уехал из Острога, то Боровицкий стал обносить его перед князем и так успел очернить Кирилла, что князь вместо прежней любви стал оказывать презрение к нему. Легко понять теперь положение луцкого епископа, разладившего с самым могущественным вельможею своей епархии и столпом православия! — С одной стороны, разлад с своими в лице самого сильного из своих, с другой — поднимается ожесточенное преследование от чужих. Секретарь королевский Мартын Броневский напал с толпою вооруженных людей на церковное владение Фалимичи, завладел церковным и епископским имением; староста луцкий, Александр Семашко, сделавшийся из православных католиком, наложил подать за вход в соборную луцкую церковь; в апреле 1591 года, в Страстную субботу и Светлое воскресенье, Семашко велел впустить в за́мок, где находилась церковь, только одного епископа с слугою, без духовенства, почему в соборной церкви не было в эти дни богослужения, а епископ два дня не пил и не ел, между тем как пьяный Семашко в притворах соборной церкви заводил танцы и игры и приказывал гайдукам своим стрелять в купол и крест церковный.

В июне, по приговору, епископы съехались на собор в Брест, определили жаловаться королю, что урядники и землевладельцы Великого княжества Литовского вступаются в дела духовные, судят священников, разводят браки. Но Терлецкий с некоторыми товарищами решился избавиться от всех бед, грозящих как от своих, так и от чужих, прямым средством, на которое давно уже было указано иезуитами — униею. Король Сигизмунд получил следующую грамоту: «Мы, нижеподписавшиеся епископы, желаем признавать пастырем нашим и главою наместника св. Петра святейшего папу римского, от чего ожидаем великого умножения хвалы божией в церкви его святой; но, желая быть в повиновении у святейшего отца папы, мы желаем, чтоб оставлены были нам все церемонии, службы и порядки, какие издавна церковь наша св. восточная держит, и, чтобы его королевская милость вольности нам грамотами обеспечил, и артикулы, которые нами будут поданы, утвердил; а мы обязуемся быть под властию и благословением отца папы, и лист этот с подписью наших собственных рук и приложением печатей дали мы брату нашему старшему, отцу Кириллу Терлецкому, экзарху и епископу луцкому и острожскому. Подписали: Кирилл луцкий, Гедеон львовский, Леонтий пинский и Дионисий холмский».

Только в январе 1592 года король отвечал на жалобу митрополита запрещением светским лицам вмешиваться в дела духовные, и только 18 марта написан был привилей королевский согласным на унию епископам: «Мы, господарь, им

самим, епископам, пресвитерам и всему духовенству церкви восточной и религии греческой обещаемся сами за себя и за потомков наших, что если бы кто-нибудь из патриархов и митрополитов наложил на них клятву, то эта клятва им и всему духовенству их ни в чем не будет вредить; обещаем ни по каким обвинениям и клятвам не отнимать у них епархий и другим при жизни их не отдавать; обещаем приумножить к ним ласку нашу, придавая им и каждому, кто склонится к унии, свобод и вольностей в той же мере, в какой имеют их и римские духовные, что обещаем и другими привилеями нашими утвердить». В это время между православными еще ничего не было известно о замысле Терлецкого с товарищами; по крайней мере Львовское братство, продолжая борьбу с своим епископом, в грамоте к патриарху от 6 февраля 1592 года еще ничего не говорит об этом. В этой грамоте братство пишет: «Беспрестанными бедами томит нас Гедеон, епископ львовский, людей разделил и на братство наше вооружил, приказал всем под клятвою отвращаться от нас; монастырь св. Онуфрия, ставропигион наш ктиторский, под благословением митрополита находящийся, пограбил, игумена обесчестил. На соборе показали мы грамоту вашей святыни об этом монастыре и священнике нашего братского храма, которого архиепископ (т. е. митрополит Михаил) под благословение свое принял, а епископ проклинает. Мы жаловались на епископа на соборе, но бесчинного ради собора не было о том суда, на будущий собор отложили. Архиепископ с епископами утвердили, чтобы вперед священники братств Львовского и Виленского были под благословением архиепископским и под защитою всего собора, но епископ, по древнему своему противлению, и теперь противится, и всюду между всяких чинов людьми клевещет, что мы не можем ни церкви строить, ни школы заводить. Поэтому отпустили мы дидаскалов (учителей) Кирилла в Вильну, Лаврентия в Брест, другие по иным местам разошлись, а Стефан здесь живет; священники лучшие, ради гонения епископского, разошлись в иные страны, а двоеженцы водворились везде. Епископы холмский и пинский с женами живут и, видя это, двоеженцы смело литургисают. Сильно смущается церковь и вспять возвращается; люди знатные, в различные ереси впадшие, хотевшие прежде возвратиться к своему правоверию, теперь не хотят; хулят церковное бесчиние, и все люди единогласно вопиют. «Если не устроится церковь, то вконец разойдемся, отступим под римское послушание и будем жить в покое безмятежном». Некоторые неправду сказали твоему святительству, будто у нас есть люди, не почитающие св. икон: нет таких ни в братстве нашем, ни в целом городе. Дело вот как было: когда архиепископ наш (Михаил) был здесь в Галиции, то в городе Рогатине нашел икону: вместо спасова об-

раза написан бог отец с сединами; то же и в Галиче. Архиепископ велел эту икону вынести из церкви и написать спасово изображение. Но Гедеон, епископ львовский, по уходе архиепископа, велел в Галиче икону невидимого бога отца в церкви выше всех икон поставить, и подписал имя иконе: «Ветхий денми», и уча народ, обвинял архиепископа в иконоборстве. На Воскресение Христово какой-то хлеб, называемый пасха, по старому еретичеству приказывает освящать; пятницу празднуют, и на другой день Рождества Христова пироги приносят в унижение богородицы (так называемый полог богородицы, по нашему на зубок). Все это велит епископ по старому держать и не соблазняться прещениями твоего святительства. Сообщаем твоему святительству и радостные вести: в Вильне братство размножается. Федор Скумин (Тышкевич), воевода новгородский, и пан Богдан Сапега, воевода минский, со многими чиновными людьми вступили в братство церковное и утвердили единство свое с братством Львовским, дабы вместе промышлять об общей пользе. Кроме того, пан Адам Потей, каштелян брестский, сенатор королевский, заложил в Бресте чин братства Львовского».

Как же удивилось Львовское братство, когда вскоре после этого враг его Гедеон объявил грамоту патриаршую, в которой приказывалось изъять монастырь св. Онуфрия из-под власти митрополита. В сентябре братство писало патриарху: «Не знаем как это случилось? От зависти ли бесовской, или от клеветы злохитрых людей, или потому, что ты забыл прежнюю свою грамоту?» Тут же, обличая непорядки церковные, братство впервые донесло патриарху о замысле насчет унии: «Прежде всего да ведает твоя святыня, что у нас так называемые святители, а лучше сказать, сквернители вопреки иноческому обету с женами невозбранно живут; некоторые многобрачные святительствуют, другие с блудницами детей прижили. Если такие святители, то простые священники и подавно. Когда митрополит на соборе обличил священников и требовал, чтобы они отказались от священства, то они отвечали: «Пусть прежде святители откажутся от своего святительства, послушают закона, тогда и мы их послушаем. Епископы похитили себе архимандритства и игуменства и ввели в монастыри родню свою и урядников мирских; имения все церковные пограбили, иночество испразднили, коней и псов в монастыри ввели. Многие же утвердили совет предаться римскому архиерейству с сохранением закона греческой веры, и римский папа послал одного иерея своего с приказанием по всем церквам своим квасным хлебом службу совершать в знак соединения церквей; иезуит виленский Петр Скарга напечатал книги о вере своей и о греческом заблуждении и королю вручил. Люди рассудили, что может христова вера под римскою властию правоверно исповедаться, как и сначала

было: потому что безначалие во многоначалии нашем обретается, законы отеческие попраны, и ложь православием лицемерствующих учителей покрыла церковь».

Братство не могло еще, не умело назвать епископов, решившихся на унию: так осторожно и тайно действовали они; понятно, что в таком важном деле они должны были действовать медленно, и потому не нужно искать причину этой медленности в каком-нибудь внешнем обстоятельстве. Львовское братство писало патриарху, что у многих укореняется мысль о необходимости подчиниться римскому престолу, как о единственном средстве избавиться от безначалия и беспорядков, господствовавших в русской церкви; но сделать решительный, открытый шаг к этому подчинению было крайне трудно и опасно. Терлецкий один не мог на это решиться; Терлецкому одному трудно было действовать, приобретать сообщников: как мы видели, он лишился дружбы князя Константина Острожского. Но скоро явился человек, который занял место Терлецкого в расположении князя Константина; в начале 1593 года, по смерти владимирского епископа Мелетия, епархию эту получил Ипатий, в миру Адам Потей, тот самый сенатор и каштелян брестский, о благочестивой ревности которого упоминало Львовское братство в письме к патриарху. Потей явился достойным своего нового сана, явился «великим подвижником, воздержником, постником, чутким охранителем прав церковных и ни в какое дело светское не вступающимся». Но бывший каштелян был мало сведущ в догматических подробностях восточного исповедания, был равнодушен к вопросу о различии церквей и тем легче мог быть склонен к унии. Терлецкий взялся за это дело. «На ласку князя Острожского полагаться опасно, — говорил он Потею, — ко мне был ласков, а теперь презирает. Патриархи будут часто ездить в Москву за милостынею, а едучи назад, нас не минуют; Иеремия уже свергнул одного митрополита, братства установил, которые будут и уже суть гонители владык: чего и нет, и то взведут и оклевещут; удастся им свергнуть кого-нибудь из нас с епископии: сам посуди, какое бесчестье! Господарь король дает должности до смерти и не отбирает ни за что, кроме уголовного преступления, а патриарх по пустым доносам обесчестит и сан отнимет: сам посуди, какая неволя! А когда поддадимся под римского папу, то не только будем сидеть на епископиях наших до самой смерти, но и в лавице сенаторской засядем, вместе с римскими епископами, и легче отыщем имения, от церквей отобранные».

Не знаем, кто первый начал разговор об унии, Потей или князь Острожский; знаем, что 21 июня 1593 года князь писал владимирскому епископу следующее письмо: «Всякий человек должен стараться о том, чтобы быть размножителем и любителем хвалы божией. И я, по причине многочисленных

мирских занятий моих, хотя не мог посвятить всего себя заботам об умножении хвалы божией, однако, по христианской обязанности, с давнего времени было у меня желание, и теперь не слабеющее, но более и более распаляющееся, желание найти способ к тому, чтобы церковь христова, всех церквей начальнейшая, в первобытное состояние прийти могла. Но, как вижу, достойное созидается достойными и честное совершается честными. Так и мне или несчастие воспрепятствовало, или собственное недостоинство мое не допустило положить начало доброму делу. Однако св. писание говорит: «Сила божия в немощи совершается», и потом: «От человек невозможное богу возможно». Опираясь на эти слова, незадолго перед тем, не славы ради житейской, бог весть, но сетуя о падении церкви христовой; не терпя наругания еретиков и отступников, дерзнул я с легатом папы римского, Поссевином, советовать и гадательствовать о некоторых нужных речах писания святого, не сам, но чрез своих старших и пресвитеров; но богу не угодно было, не знаю на пользу нам или во вред. И так случилось тогда, как было угодно богу. И теперь, не имея возможности прекратить заботы о церкви божией, имея намерение для здоровья своего телесного отправиться в те страны, недалеко от которых живет папа римский, предлагаю хлопотать там о соединении церквей, если бы было на то произволение божие, если бы вы, духовные, на будущем соборе вашем нашли способы к прекращению внутренней брани в церкви божией. По моему мнению, ваша милость, епископ владимирский, согласившись с преосвященным отцом архиепископом и епископами, с позволением и грамотою его королевской милости, должны ехать к великому князю московскому и вместе с великим князем и духовенством земли тамошней посоветоваться, порассказать им, какое гонение, преследование, поругание и уничижение народ здешний русский в порядках, канонах и церемониях церковных терпит, просить их, как единоверцев, стараться о том, чтобы больше церковь христова такой смуты, а народ русский такого гонения и озлобления не терпели. Усердно прошу вашу милость, как ласкового господина и приятеля, особенно же теплого тщателя в любви веры христовой, стараться из всех сил на соборе, чтоб положить начало если не соединению, то по крайней мере улучшению жизни народной. Ибо известно всем вашим милостям, что люди нашей религии упали нравственно, что господствует в них леность и нерадение к благочестию: не только не исполняют они обязанности своей христианской, не защищают церковь божию и веру свою старинную, но еще сами многие, насмехаясь над нею, разбегаются по разным сектам. Если ваши милости стараться об этом не будете, то сами знаете, кто повинен будет ответ дать, ибо вы вожди, наставники и пастухи паствы христовой. Но отчего

же размножились между людьми леность, нерадение и отступление от веры? Оттого что нет учителей, нет проповедников слова божия, нет наук, нет проповедей; от этого наступило истощение хвалы божией в церкви его, наступил голод слушания слова божия, началось отступление от веры и закона. Дошло до того, что нет ничего, чем бы могли мы утешиться в законе своем. Имеем право сказать словами пророческими: «Кто даст голове нашей воду и очам нашим источник слез», чтоб могли мы оплакивать упадок, истощение веры и закона своего день и ночь? Все ниспровергалось и упало, со всех сторон скорбь, сетование и беда, и если дальше так пойдет, то бог весть, что с нами наконец будет!» При этом письме князь приложил и собственноручные статьи, на которых он бы желал унии: 1) Оставаться нам вполне при всех обрядах, какие церковь восточная держит. 2) Чтоб паны римляне церквей наших и имуществ их на свои костелы не брали. 3) Чтоб после унии не принимали они тех из наших, которые бы захотели быть католиками; не принуждали бы наших к католицизму, особенно при браках, как то обыкновенно делают. 4) Чтоб духовенство наше в таком же почете было, как их, чтобы митрополит и владыки в раде и на сеймиках место имели, хотя и не все. 5) Нужно переслаться с патриархами, чтоб и они склонились к унии, чтоб нам единым сердцем и едиными устами господа бога хвалить. Нужно послать к московскому и к волохам, чтобы согласиться с ними вместе на унию; всего лучше, по моему мнению, в Москву послать отца епископа владимирского, а к волохам львовского. 7) Нужны также исправления некоторых вещей в церквах наших, особенно касательно вымыслов людских. 8) Необходимо иметь нам ученых пресвитеров и проповедников добрых, ибо, по недостатку просвещения, великая грубость в нашем духовенстве умножилась.

Практический смысл Потея и Терлецкого должен был внушать им, что требования князя неисполнимы, что церковь восточная греческая и восточная русская, или московская, не признают папу главою своею, а без этого уния невозможна; что по-пустому, следовательно, будет ехать и в Москву, и к волохам; что дело не может решиться путем соборов, но только решительным шагом со стороны нескольких влиятельных лиц, которые своим примером могут увлечь народ, наскучивший тяжелым положением церкви. Не прошло года после собора 1593 года, как 21 мая 1594 года Терлецкий, вместе с соборным духовенством, явился в уряд луцкий и объявил, что по воле и промышлению бога, в троице славимого, и по усердному старанию и побуждению короля, его милости и панов, сенаторов духовных и светских, совершилось давно желанное соединение и восстановилась братская любовь между церквами восточною и западною, с признанием святей-

шего папы римского верховным пастырем и наместником апостольским, что для утверждения этого соединения и для изъявления покорности папе, он, Терлецкий, вместе с владимирским епископом Потеем, отправляется в Рим, по приказанию короля, и что для издержек на это путешествие отдано в залог церковное имение Водиради.

Наступало обычное время собора — 24 июня; приехал в Брест митрополит Михаил, приехал Потей, Терлецкий. На другой день по приезде митрополита службы не было, только говорил проповедь о пастырях владыка владимирский Потей на текст: «Аз есмь пастырь добрый». После проповеди владыка спросил предстоявших, хорошо ли он говорил, или нет? Все отвечали: «Хорошо!» Но вот послышался один голос из толпы: «Владыко против себя читает». В церкви встало смятение, порицателя схватили и поставили пред собором, где он сказал Потею: «Ты нас добру учишь, а сам дурно делаешь: малых ребят неразумных в попы ставишь и от них по осьми коп берешь». После этих слов волнение еще более усилилось: порицателя Потеева били, мучили и наконец посадили в богадельню на цепь. На третий день после заутрени велели звонить на собор, собрались отцы в церковь, отворили царские врата, зажгли свечи, поставили налой на амвоне, положили Евангелие разогнутое. Митрополит сел на особом месте, владыки особенно, архимандриты особенно, потом архидиаконы, протопопы, игумены, священники, братства на особом месте; были и паны, но немного; слышали, что римляне будут. После молитвы о ниспослании св. духа, собор начался; стали подавать жалобы: братства подали жалобу на владыку львовского Балабана; Потей жаловался на него же; братство Виленское и Львовское положили свое право братское; потом подавались грамоты от многих панов к митрополиту и ко всем владыкам с жалобами. Наступил вечер и разошлись обедать. Но вот явилась грамота от гнезненского архиепископа-примаса, который напоминал митрополиту, что собор никакой законной силы иметь не может, ибо всякие съезды, сеймы и соборы запрещены в отсутствие короля, находившегося тогда в Швеции. На этом основании ограничились только делами судными, подтвердили права братства, и Гедеон Балабан, за насилие Львовскому братству, низвержен с епископии[3]. Гедеон протестовал против собора, опираясь на его незаконность, Терлецкий также отрекся от участия в незаконном соборе и 2 декабря 1594 года явился акт соединения владык для принятия унии. Владыки указывают на уклонение многих людей в ереси, как на следствие того, что они, русские, порознились с панами римлянами, порознились дети одной матери, и потому не могут помогать друг другу. Моля бога о соединении веры, они, владыки, не старались об этом потому, что смотрели на старших, дожидались, чтоб те

постарались о соединении церквей. Но надежда на старших ослабевает все более и более, потому что они, будучи в неволе поганской, если б даже и хотели, то не могут ничего сделать. «Вследствие этого, по наитию св. духа, видим мы, — пишут владыки, — что людям большие препятствия к спасению без единства в церкви божией, а в этом единстве предки наши всегда были; одного старшего пастыря первопрестольника, именно святейшего папу римского, признавали, и пока это продолжалось, всегда порядок и великое умножение хвалы божией в церкви бывали и еретикам трудно было ереси рассевать, когда же много старших и первопрестольников настало, то теперь ясно видим, до какого несогласия церковь божия пришла. Итак, не желая взять на свою совесть погибель душ людских, умыслили мы соединиться для святого дела, чтоб, как прежде, едиными усты и единым сердцем славить отца, сына и св. духа, с братьями нашими милыми панами римлянами, будучи под единым видимым пастырем церкви божией. Обещаемся пред господом богом, все вообще и каждый особенно, искренно и старательно, средствами приличными и других братьев наших духовных и весь народ приводить к единству церковному, а для сильнейшего побуждения к тому даем друг другу эту грамоту». Подлинник грамоты подписан только Ипатием владимирским и Кириллом луцким. Надобно было уговорить митрополита; к нему отправился Терлецкий, и Рагоза дал ему следующие статьи для представления коронному гетману Замойскому: «Вследствие несогласия между самими нашими старшими, патриархами, вместе с некоторыми другими епископами я хочу признать первенство святейшего папы римского, сохранивши в целости все обычаи и обряды церкви нашей восточной. Просить пана гетмана, чтоб король обеспечил нас своей грамотою, дабы я, митрополит, на митрополии своей во всякой чести и уважении до смерти своей в покое жил, дабы я имел место в раде и все права наравне с духовными римскими. Если будут принесены на нас какие-нибудь грамоты неблагословенные от патриархов, то не должны иметь никакого значения. Чтоб монахи из Греции больше в панстве королевской милости не бывали и в неприятельскую землю московскую не пропускались. Чтоб перехожих людей с грамотами к нам от патриархов не пускали, потому что мы их считаем шпионами». Написали и наказ, что должен был говорить королю уполномоченный от епископов посланник: «Видя в старших наших, патриархах, великие нестроения и нерадение о церкви божией и законе святом, видя их неволю, видя, что вместо четырех патриархов сделалось восемь, видя, как они там живут на своих патриаршествах, как один под другим подкупается, как церкви соборные утратили, и сюда к нам приезжая, никаких диспутаций с иноверными не чинят, только поборы с нас берут, и, на-

бравши откуда ни попало денег, один под другим там в земле поганской подкупаются — видя все это, мы, епископы, не желая долее оставаться в таком безнарядье и под таким их пастырством, единодушно согласившись (под верным ручательством, если его королевская милость захочет хвалу божию под единым пасторством расширить и дать нам с нашими епископиями, церквами, монастырями и всем духовенством такие же вольности, какими пользуются духовные римские), хотим приступить к соединению веры и пастыря единого, главного, которому самим искупителем мы вверены, святейшего папу римского пастырем своим признать; только просим, чтоб господарь обеспечил нас своею грамотою и утвердил навеки нижеписанные артикулы: 1) Чтоб церкви главные, епископии наши остались навеки нерушимо в своих набожествах и церемониях. 2) Владычество и церкви русские, монастыри, имущества, пожалования и все духовенство должны оставаться навеки в целости, по стародавнему обычаю, под властию, благословением и жалованием епископским, во всяком послушании обычном. 3) Все дела церковные, служба божия, церемонии и обряды остаются ненарушимыми и отправляются по старому календарю. 4) Чтоб был нам на сейме почет и место в раде, дабы, находясь под благословением святейшего пастыря римского, мы тешились и веселились. 5) Чтоб проклятие патриархов нам не вредило. 6) Чтоб монахи из Греции, которые приезжают сюда грабить нас и которых мы признаем шпионами, никакой власти больше над нами не имели. 7) Чтоб уничтожены были все привилегии, данные патриархами братствам и другие, ибо чрез них размножились разные секты и ереси. 8) Каждый новый епископ посвящается митрополитом киевским, а митрополита посвящают все епископы, с благословения папы римского и без всякой платы. 9) Чтоб все эти артикулы королевская милость подтвердил нам своими грамотами, одною на латинском, а другою на русском языке. 10) Чтоб и святейший папа также подтвердил эти артикулы. Собственноручно подписались: «Ипатий владимирский, Кирилл луцкий, Михаил перемышльский, Гедеон львовский, Дионисий холмский».

Но Терлецкий хитрил, скрывался от Потея, с которым соперничал, хотел один заправлять всем делом, и потому, когда съехался с Потеем в Торчине у католического луцкого епископа Бернарда Мацеевского, то не сказал, что открыл все дело митрополиту и получил от него статьи к Замойскому. Вследствие этого Потей в январе 1595 года написал Рагозе: «Знайте, что уже все епископы сговорились приступить к соединению с панами римлянами, и думаем, что это уже известно и кому-нибудь набольшему. Когда я об этом имел разговор с князем-бискупом луцким, то он просил меня и владыку луцкого (Кирилла Терлецкого), чтоб мы привели

к тому вашу милость, как старшего, указывая от того немалые выгоды для церкви божией. Я говорил с князем о великих обидах, которые мы терпим не только от них, католиков, но и от своих; говорил, что нет в нас согласия, старшего своего митрополита ни за что почитаем, против него бунтуем, на грамоты и проклятия его не обращаем внимания, и прямо старшего над собою иметь не хотим. Он мне отвечал: «Знаю я все это, но отчего же это так делается? Оттого что порядка между вами нет, ваши патриархи об этом не заботятся; только за тем сюда приезжают, чтоб вас грабить и несогласие между вами сеять, грамоты на грамоты выдавая, но когда в унии будете, тогда все иначе пойдет: старший будет иметь высшее значение, все его слушать и бояться должны будут». Говорилось дальше о том, чтоб приступить к унии без насилия совести и вере нашей; не позабыли поговорить и о месте в раде и на все получили удовлетворительный ответ и обещание помогать. Говорилось и о том, что ваша милость хотя бы и хотел привести дела в порядок, но средств не имеет по причине обеднения старшей епархии киевской; киевский князь-бискуп отвечал: «Это последнее дело; будем хлопотать, чтоб стол митрополичий, для приобретения подобающего ему значения, получил хорошее содержание», и указал сам на монастырь Печерский: «Пристойнее, — сказал он, — управлять им митрополиту киевскому, чем тамошним пьяницам монахам». Он требовал, чтоб мы ехали к вашей милости и обо всем с вами договорились. «А когда вы согласитесь, — сказал он, — то от самого папы будут к вам послы с приглашением к унии, и синод от короля будет назначен; там, на этом синоде, будем с вами трактовать, чтоб прежде всего уладить то, в чем не сходимся; также обеспечим вас в том, что вы сохранить желаете, как относительно веры, так и церемоний ваших». С тем мы и расстались, что обещались ехать к вашей милости, и потому прошу, сделайте милость, дайте знать, где вас можем найти... На патриарха никто не хочет обращать внимания, а нам головою стены не пробить, когда от них никакой помощи не имеем. Ради бога, не презирай этим делом, прикажи нам к себе приехать и переговорить. Бог знает и сами видим, что с нами делается, видим, что наши старшие не только нам, но и себе помочь не могут, только тут на ссоры присылают, выдавая грамоты на грамоты, а порядка нет. Видел я у луцкого владыки грамоту канцлера коронного, в которой пишет, что король желает с вашею милостью видеться; в грамоте говорится, чтоб и он, владыка луцкий, также ехал к королю, но он обещал мне не ездить, прежде чем с вами увидимся. Грамоты этой моей, покорно прошу, никому не показывай, потому что я вверяюсь вашей милости, как старшему пастырю».

Но Рагоза решился хитрить, скользить между двумя опасностями, не разрывать ни с теми, ни с другими, выжидать, откладывать решение до последней крайности. Кроме приманок, выставленных Потеем, усиления власти, умножения доходов, выгодна была уния для Рагозы, не ладившего с патриархом, который, как говорят, еще недавно подвергнул его временному запрещению; страшно было не приступить к унии, желаемой, поддерживаемой королем: не простит ему правительство нерасположения или равнодушия к ней. Но, с другой стороны, затевали унию одни епископы без совета с мирянами, с Острожским, Скуминым и остальною знатью, с братствами, а Михаил был избранником мирян. Получивши письмо Потея, он написал Скумину (20 января 1595): «Милостивый пан! Стараясь давать знать вашей милости, как столпу церкви нашей, обо всех новостях, касающихся церкви и меня, извещаю о новой новости, предками нашими и вашею милостию неслыханной; посылаю и копию с письма, присланного ко мне отцами епископами о предприятии их приступить к унии, чтоб вы сами из него увидали, в чем дело, и прислали мне поскорее свое мнение; я же сам собою до этого дела и не думаю приступать, боясь для церкви нашей подступу и прелести». Но в то время, как митрополит хитрил, Терлецкий хитрил и Потей еще хлопотал о тайне, решительный шаг сделан был во Львове тамошним епископом Гедеоном, положение которого, как мы видели, было тяжелее всех. Он созвал у себя собор из архимандритов, игуменов, монахов и белого духовенства, которые объявили (28 января 1595 г.), что, по примеру верховнейших пастырей русских, признают церковь римскую правдивою и власть над всею вселенной имеющею и присягают не отступать от святейших первопрестольников римских, проклинают тех, кто отступит и усердно просят митрополита и епископов кончить без отлагательств такое спасительное дело. Дело грозило пойти вразброд: Балабан действовал сам по себе, Терлецкий действовал также сам по себе, митрополит проводил Потея, назначил ему свиданье в Новогрудке, но, не подождавши его здесь, уехал в Слуцк. Потей решился ему написать в другой раз (11 февраля): «Ваша милость на мое письмо не дали мне никакого ответа, теперь и сам не знаю, что дальше будет? А не надобно было вашей милости пренебрегать делом. Ради бога, прошу, дай мне знать верно о своем намерении, потому что я и доброе и худое за вашу милость терпеть готов и ни в чем от вашей милости не отступлю. Там вашей милости легче между своими, а мы тут в зубах: захотят кого съесть и съедяг. Не знаю, писал ли я в первом листе к вашей милости, что видел у луцкого владыки грамоту канцлера коронного, в которой пишет, что король желает с вами видеться. Если поедешь к королю, то заезжай ко мне: очень нужно! Когда я спрашивал отца владыку луцкого,

зачем он едет к королю, тот отвечал под присягою: «Не знаю, зачем меня требуют, потому что у меня нет там никакого дела, ни своего, ни чужого. А теперь, без меня, должно быть вследствие другой грамоты, был у канцлера и в Краков поехал. Бог знает, что это такое? Одно знаю, что при дворе говорят обо мне так: «На кого мы надеялись, тот хуже всех». Оттого королевских и канцлерских грамот ко мне нет, и сеймиковых грамот не послано, а у луцкого все есть. Ради бога похлопочи, чтоб нам в последних не остаться. А с Востока понапрасну чего нам надеяться? Из новостей, которые я к вашей милости посылаю, увидишь, что́ с нашими там делается. Если теперь нельзя нам с тобою видеться, то ради бога постарайся разослать пригласительные грамоты к собору на Иванов день (24 июня), потому что теперь особенно нужно нам съехаться всем; ради бога, прошу, отвечай мне обо всем на письме; не бойся: напишешь ко мне — это все равно, как если бы камень в море бросил; я дам тебе знать, какие новости будут в Польше».

Действительно Терлецкий опередил всех: он съездил к королю и привез от него к Потею следующую грамоту (от 18 февраля): «Узнали мы сильное желание и добрую мысль вашу к соединению церкви божией греческой с вселенскою римскою, как издавна под властию одного пастыря, святейшего папы римского, бывало. Это желание и намерение ваше не только хвалим, но и с благодарностью принимаем, усматривая, что это дело духа святого и от бога начало свое берет, который, как сам в троице единый, так и церковь свою святую и веру христианскую в единстве и согласии иметь хочет, и одного пастыря в ней поставил, которому не только овечек своих, то есть простой народ, но и барашков, то есть всех духовных, епископов, пресвитеров, дьяконов и всех других слуг церковных, пасти поручил. Желаем и напоминаем, чтобы вы приводили к концу это предприятие свое доброе и блаженное. Господь бог вседержитель, от которого исходит всякое благо, будет в помощь и стократную мзду готовит вам за это в царстве своем небесном. А мы, принявши вас в оборону нашу королевскую, всегда к вам ласковым и милостивым паном быть хотим и святейшему папе римскому особенно старание ваше засвидетельствуем; только медлить с этим делом не годится: надобно как можно скорее к концу его приводить, о чем пространнее говорить с вами поручили мы епископу луцкому, которому во всем верьте». Терлецкий действовал свободно, не связываясь никакими отношениями: вражда с князем Острожским порвала связь его с могущественными мирянами, столпами церкви. В ином положении находились Потей и Рагоза, которые должны были вести переписку с этими вельможами, защищать пред ними свое поведение, скрывать истину. Князь Острожский писал Потею, что Терлецкий был в Кракове и

действовал там от имени епископов, согласившихся на унию. Потей отвечал (17 марта): «Я узнал о том, что отец владыка луцкий был в Кракове, но не слыхал я, свидетельствуюсь господом богом, чтоб он ездил от кого-нибудь в посольстве, и не думаю, чтоб он ездил от кого-нибудь с каким-нибудь посольством, а постановлять что-нибудь между собою нам и не снилось. Разве мы того не видим, что хотя бы мы все епископы согласились на унию, а все христианство не позволило, то это был бы только тщетный труд и бесчестье нам у овечек наших и не годилось бы нам такое дело оканчивать или начинать тайно без собора и ведомости всей братьи нашей младшей, ровных слуг в церкви божией, и прочего христианства, особенно ваших милостей, панов христианских». Но Острожский прислал второе письмо в таком тоне, что нельзя было более скрываться, причем, упрекал Потея в нерадении о порядке церковном, указывая на протестантов, как на образец в этом деле. Потей рассердился и отвечал (25 марта): «Не отвечая ничего на широкое писание вашей милости, покорно благодарю за предостережение. Считаю унию полезною не для своей корысти и возвышения, а для умножения хвалы божией, и не такую разумею унию, чтоб нам нужно было переделаться совсем в иной образ, но такую, при которой бы мы оставались в целости, только исправивши то, в чем нет истины, а держимся по одному упрямству. Дал бы господь бог, чтоб и все те жили согласно, которые больше нашего значат. Но видя, что делается, всю надежду теряем, ибо те (патриархи), хотя бы и рады, не могут, а мы можем, но не хотим, и только бога обманываем, молясь о соединении веры. Не дивись же, что реки исчезли, когда источники высохли, не дивись, что ни у них, ни у нас не только науки, но и порядка нет. Припоминаешь ты мне соборы брестские, что на них постановлено о школах, типографиях и других делах, церкви божией потребных, и ничего не исполнено; отвечаю: хотя все это постановлено и не в мое архиерейство, однако никому не дал бы я упредить себя в таком добром и благочестивом деле, не пожалел бы и остального убогого своего имения, в котором я уже не малый ущерб детям своим сделал, продавши два имения, не пожалел бы я ничего, лишь бы шло добрым людям, а не таким ветренникам, которые только за доходами бегают; так теперь в Бресте школу разорили сами профессора, которые убежали в Вильну на сытные пироги, а тут все покинули без всякой важной причины, к бесчестью и сожалению убогого христианства, на поругание от противников наших. Сам знаешь, как это все трудно устроить и вам, панам великим, а куда уже нам, калекам, среди волков живущим! И церемонии церковные запрещают порядочным образом отправлять; много мог бы писать вашей милости, что делается в моей епископии брестской, какое притеснение

терпят христиане в некоторых местах. Еще бы человек тем утешался, что крест этот терпеливо сносят, а то отпадают не по одному, толпами, видя нашу слабость, и бог ведает, с кем останемся. Что касается новостей краковских, то, на мой взгляд, они неверны, а если бы даже и верны были, то не примешивайте сюда меня, ибо не только о кардинальстве или митрополии не думаю, но часто плачусь на себя и за то, что епископом сделался, плачусь и на того (на князя Острожского), кто меня уговорил к этому, особенно видя что на свете делается. О бланкетах ни о каких не ведаю, никому их ни на что не давал. Но и я кой-что знаю и вернейшее, и если б можно было поверить бумаге, то указал бы вашей милости, что краковские новости неверны. Если кто сам себя за святого выдает, а нас порочит, то нет ничего тайного, что бы не сделалось явно. Знаю о себе только то, что я ничего не начинал, но если все пойдут за чем-нибудь добрым без вреда совести, то я бы не хотел позади оставаться. А что мне изволишь указывать на порядок иноверцев, то пусть он будет наилучший, но если не на правом основании, то все сором будет: и школы их, и типографии, и множество проповедников. От плодов их познаются: иное сверху кажется красиво, а внутри полно смраду и червей. Как сам я их не жалую, так и вашу милость предостерегаю: лучше соединяться с правдивыми хвалителями бога, в троице единого, нежели с явными неприятелями сына божия».

Сильнее протестовал против всякого участия своего в унии Рагоза, который в марте 1595 года послал князю Острожскому любопытное известие о невинности Гедеона Балабана: «В то время, как я обращал все внимание на обнажение этого скрытного фальша, случилось очень кстати, что в монастыре Слуцком нашел я владыку львовского, от которого, думаю, не встанет этот пожар, вредный церкви нашей восточной и всему православному народу. Он ничего не знает о предприятии других епископов, совершенно противен их злому умыслу, присягу в том на Евангелии дал и обещал сторожить, что будет делаться в этом отношении в Польше и обо всем давать знать мне и вашей княжой милости. Вследствие этого счел я нужным уничтожить определение духовного суда, против него выданное. Особенно вашей княжой милости, как православному оку церковному, всяким способом надлежит выведывать об унии; остерегайтесь также этого змея райского и лисицы хитрой, о котором я вам говорил (Терлецкого)». Но иное, как видно, о Балабане писал Михаил к другому столпу церкви — Скумину, который отвечал ему 10 мая: «Утешило меня ваше письмо, известившее меня о вашем добром здоровье, но опечалило то, что вы пишете о делах церковных. И слепой видеть может, что всему причиною несогласие братское с владыкою львовским. Пусть справедливый су-

дия крови и душ неповинных взыщет на тех, кто тому причиною. По совести, главным виновником можем признать патриарха нашего константинопольского, который такую смуту грамотами своими сюда внес, потому что владыка львовский, будучи в крайнем томлении от братства, не только должен был броситься на такое отщепенство, но думаю, что и врага душевного рад был бы на помощь взять. Если это сделалось по воле божией, то будет продолжаться, если же нет, то скоро отменится. Об этом я теперь мудроствовать не хочу; и что теперь с этим делать и как делу помочь — ваша милость спрашиваете моего совета, но бог сердцевидец знает, что в этом деле совета никакого дать не могу: боюсь одного, чтоб ваше сопротивление не было тщетным. Причин тому вижу много, но бумаге поверять не хочу. Желал бы я очень с вашею милостию видеться и поговорить».

Скумин отказывал в совете, а Терлецкий и Потей действовали в Кракове у короля, выхлопотали для Михаила все то, за что он хотел продать свою церковь папе и, возвратившись в Литву, потребовали свидания у митрополита, который и назначил это свидание в Кобрине 18 мая, но обманул опять. Тогда Потей и Терлецкий написали ему следующее письмо (20 мая): «Исполняя волю и письменный приказ вашей милости, как старшего нашего, приехали мы в Кобрин в пятое воскресенье по Пасхе, но не дождавшись ни вашей милости, ни посланца никакого от вас, не зная причины, почему ваша милость не изволил приехать, должны были мы разъехаться. Теперь мы посылаем к вашей милости и в письме своем не благодарим вас за то, что вы презираете не столько нами, братьями своими, сколько кой-кем набольшим, который знает об этом нашем съезде. Вспомните, с чем вы нас отправили и как там благодарно было принято, ибо все, чего хотел, в руках своих имеешь: привилегии, грамоты, банницею на печерского архимандрита Никифора Тура. Удивительно нам, что вы, сами об этом просивши, теперь пренебрегаете, презираете ласкою, вам предложенною. Если бы мы знали, где вы находитесь, то сами поехали бы к вам, но мы не знали, куда нам к вам ехать, а потому просим, бросивши все, приехать, как можно скорее к нам в Брест, как для своих дел, которые не терпят отлагательства, так и для общих, если же не придешь, то нас погубишь, да и сам не воскреснешь, потому что это не с своим братом шутить».

Но митрополит не поехал, взял себе шестинедельный срок и опять написал Скумину (14 июня): «Послал я к вам слугу своего Григорья со всеми делами, о которых я получил теперь верные известия, то есть, что епископы луцкий, львовский, перемышльский, холмский, пинский согласились на унию церковную, на послушание папе и на новый календарь, тому уже года четыре, на что и грамоту королевскую у себя

имеют; и владыка владимирский также согласен на это. Грамоту королевскую, грамоту, в которой епископы выразили свое согласие на унию, и условия их я послал к вашей милости. Звали и меня для этого на днях в Брест и грамота королевская ко мне была, но я без воли и совета вашей милости и собратьи моей и позволения общего на это дело не решился, но взял себе на размышленье шесть недель, и, давши знать об этом вам и пану воеводе киевскому (князю Острожскому), обещал дать им ответ. Если б я согласился на унию, то король обещает за это большую ласку, за несогласие же — немилость и притеснение всему христианству; надобно будет оставить митрополию; новый митрополит уже готов — Терлецкий. Хотел бы я при всяких вольностях матку нашу церковь оставить, а не под ярмом каким-нибудь, только условия должны быть обеспечены грамотами». Скумин прислал страшный ответ, страшный не угрозами, не жестокими словами, страшный как бесхитростный ответ скромного, честного человека, не имеющего стремлений выставляться на первый план: «Изволили вы меня уведомить о том, что́ началось от владык, в Короне Польской епископии свои имеющих, а началось то, пишете вы, без вашего соизволения. Но я получил известие от двора королевского, что после сейма краковского были у короля послы от всего нашего духовенства, показали королю письменное позволение вашей милости и грамоты верящие. Теперь вы у меня спрашиваете совета, что тут делать? Но трудно советовать о том, на что уже согласились и королю подали и утвердили; совет мой тут был бы напрасен, на смех. Надобно было бы, по правде, прежде всего знать об этом людям нашего благоверия, и без ведома всех к таким великим и новым делам не приступать: вот почему я теперь совета моего вашей милости давать не могу, да и один в таком великом деле не сумею дать совета; придется мне, овце стада Христова, пастырства вашей милости, итти за пастырями своими, а ваша милость должны знать, куда нас ведете, и за нас отчет давать будете».

Сильнее Скумина высказывал гнев свой на епископов князь Острожский, к которому Потей должен был писать умилостивительное письмо (от 16 июня): «Если я так долго вашей милости ничего не писал, то причина тому одна та, что никаких верных известий еще у себя не имел, хотя в это время люди рассеяли о нас неверные слухи, будто мы уже к римской вере во всем пристали, мшу служить и опресноки употреблять согласились. Правда ли все это, сам ты, как пан мудрый и богобоязливый, рассудить можешь. Ибо если частному человеку, который только об одной своей душе печется, надобно хорошенько подумать, как бы душе своей вреда не причинить, то еще больше тем, которым не только свои, но и других людей души от бога поручены, надобно стараться,

чтоб не сделать чего-нибудь противного совести своей и людской. Итак не извольте всему верить, хотя я и знаю, что немало слухов неверных до ваших благочестивых ушей о некоторых из нас доносят, будто мы постановляем что-то противное вере и церкви нашей; и хотя еще ничего не постановлено, не только злого, но и доброго, однако мы так несчастны, что нас за отщепенцев и еретиков выдают и не допускают заботиться и думать о церкви божией и ее покое, смотрят подозрительно на съезды наши и другие дела, церкви нужные. Удивительное дело! Всем еретикам всяких сект вольно съезжаться, порядок в соборищах своих установлять, наконец, не только против веры христианской, но и против религии божией и превечной хвалы единородного сына божия сочинения выдавать и людей христианских от старой веры и хвалы божией к своим проклятым ересям обращать; а нам, горьким епископам, которые неразрывное преемство имеют от Христа и апостолов, нельзя о церкви божией промышлять и советоваться, чтоб не только нам самим можно было церкви свои и веру православную в целости удержать, но и потомкам нашим что-нибудь доброе на будущее время справить, особенно имея еще благочестивых господарей и панов, патронов веры нашей, между которыми вашу княжескую милость за главное светило религии нашей без всякой лести признавать должны. Но где бы ваша милость, как пан и защитник наш милостивый, должен был нам помогать и побуждать ко всему доброму, тут, как слышно, немилостиво и неласково нас вспоминаешь. Но если отложивши гнев, внимательно рассмотришь дело, то думаю, что и сам нам будешь помогать. На что мы соглашаемся, то вашей милости на письме посылаю, причем и сам охотно был бы, чтоб вашей милости объяснить для чего это делаем, помня увещанье вашей милости, присланное мне в Брест, чтоб мы старались о соединении с римскою церковию, и чтоб это соединение было без нарушения веры и религии нашей. Дай бог, чтоб ваша милость и теперь, сохраняя то же желание, помог нам в этом деле. Униженно и слезно прошу: не увлекайся гневом, но спокойным и умиленным смыслом прочитай условия унии; увидишь, что в них нет ничего нового, кроме календаря; но календарь не есть догмат веры, а только церемония, которую без нарушения совести церковь божия может отменить».

В ответ на это князь Константин 24 июня выдал грозное для епископов окружное всем православным послание: «От преименитых благочестивых родителей с молоду воспитан я был в наказании истинной веры, в которой и теперь божией помощью укрепляем, пребываю; известился я божией благодатию и уверился в том, что кроме единой истинной веры, в Иерусалиме насажденной, нет другой веры. Но теперь злохитрыми кознями вселукавого дьявола самые главные

истинной веры нашей начальники, славою света сего прельстившись и тьмою сластолюбия помрачившись, мнимые пастыри наши, митрополит с епископами, в волков претворились, святой восточной церкви отвергшись, святейших патриархов, пастырей и учителей наших вселенских отступили, к западным приложились, только еще кожею лицемерия своего, как овчиною, закрывая в себе внутреннего волка, не открываются, тайно согласившись друг с другом окаянные, как христопродавец Иуда с жидами, умыслили всех благочестивых с собою в погибель вринуть, как самые пагубные и скрытые писания их объявляют. Но человеколюбец бог не попустил вконец лукавому умыслу их совершиться, если только ваша милость в любви христианской и повинности своей пребудете. Дело идет не о тленном имении и погибающем богатстве, но о вечной жизни, о бессмертной душе, которой дороже ничего быть не может. Так как многие из обывателей здешней области, святой восточной церкви послушники, меня начальником православия в здешнем краю считают, хотя сам себя считаю я не большим, но равным каждому, в правоверии стоящему, то, из боязни, чтоб не взять на себя вины пред богом и пред вами, даю знать вашим милостям о предателях церкви христовой и хочу с вами заодно стоять, чтоб с помощью божиею и вашим старанием они сами впали в те сети, которые на нас готовили. Что может быть бесстыднее и беззаконнее их дела? Шесть или семь злонравных человек злодейски согласились, пастырей своих, святейших патриархов, которыми поставлены, отверглись, и считая нас всех правоверных бессловесными, своевольно осмелились от истины отрывать и за собою в пагубу низвергать! Какая нам от них польза? Вместо того, чтоб быть светом миру, они сделались тьмою и соблазном для всех. Если татары, жиды, армяне и другие в нашем государстве хранят свою веру ненарушимо, то не с большим ли правом должны сохранить свою веру мы, истинные христиане, если только все будем в соединении и заодно стоять будем? А я, как до сих пор служил восточной церкви трудом и имением своим в размножении священных книг и в прочих благочестивых вещах, так и до конца всеми моими силами на пользу братий моих служить обещаю».

Острожский действовал не одними посланиями: скоро от епископов-униатов отделился один, тот самый, который прежде всех начал думать об унии — Гедеон Балабан львовский. Современники, как мы видели из письма Скумина, смотрели на Гедеона, как на человека, доведенного до крайности борьбою с братством, готового заключить союз с врагом, лишь бы только выйти из своего тяжелого положения. Когда отстранялась эта причина, эта борьба, то Гедеону легко было покинуть дело унии, ибо он не был так связан с ним, как были связаны Терлецкий и Потей краковскими поездками и обяза-

тельствами пред королем. Еще в начале июня он приезжал к князю Острожскому с просьбою помирить его с братством; князь обещал, а с Гедеона взял обещание склонить на свою сторону Михаила перемышльского и открыто действовать против унии. 1 июля князь Острожский был во Владимире; в его присутствии и в присутствии других знатных лиц Балабан явился в уряд гродский и объявил, что на двух съездах он, вместе с другими епископами, дал Кириллу Терлецкому четыре бланковых листа с своими печатями и подписями для того, чтоб написать на них к королю и сенаторам жалобы на притеснения, претерпеваемые русскою церковию Но теперь дошла до него, Балабана, весть, что владыка луцкий написал на бланкетах что-то другое, написал какое-то постановление, противное религии, правам и вольностям русских людей. Вследствие чего, он, Балабан, протестует против всякого такого постановления, потому что оно составлено в противность правилам и обычаям православной веры, правам и вольностям русского народа, без ведома и дозволения патриархов, без духовного собора, и также без воли светских чинов, как знатных старинных фамилий, так и простых людей православной веры, без согласия которых епископы ничего делать и решать не могут. Князь Острожский немедленно написал Львовскому братству увещание примириться с Гедеоном, а Кирилл Терлецкий немедленно подал жалобу королю, обвиняя Гедеона Балабана в клевете; львовский епископ был потребован к королю на суд, а между тем школьный учитель Стефан Зизаний, перешедший из Львова в Вильну, волновал православных этого города известиями об унии, поднимал их против епископов-предателей. «Великую войну вел с римлянами Зизаний, — говорит летописец, — не только на ратушах и при рынке по дорогам, но и посредине церкви святой»[4]. Митрополит, отвергая слухи о своем участии в деле унии, писал (16 июля) виленским священникам, чтоб они, и особенно Зизаний, не смели рассевать подобных слухов между христианами. Но православные жители Вильны требовали выхода из этого смутного положения, и единственный выход, по их мнению, был собор; вместе с Скуминым, они послали просить князя Острожского, чтоб выхлопотал у короля позволение на собор, на котором бы миряне съехались с епископами. Таким образом, поступок епископов, сговорившихся на унию, необходимо поднимал вопрос: могут ли одни епископы постановлять о делах церковных, или должны делать это с согласия мирян — вопрос первой важности во всей полемике об унии. Православные, подозревая епископов, должны были настаивать на право мирян участвовать в делах церковных — право, которое было так резко выставлено в патриаршем постановлении о братствах — должны были настаивать на созвании собора и на право участвовать в нем

мирянам; епископы же и католическое правительство, выставляя резкое отделение овечек от барашков, как выражался король Сигизмунд в приведенной выше грамоте, должны были всеми силами противиться собору, от которого нельзя было ждать ничего доброго для унии. Православные ждали на собор из Константинополя экзарха патриаршего, протосингела Никифора; король предписал пограничным старостам, чтоб они не пропускали в Литву послов патриарших (28 июля), и в тот же день написал к князю Острожскому с увещанием не препятствовать делу унии, причем прямо высказался против собора: «Не считаем нужным, чтоб был для этого какой-нибудь съезд, о котором сами епископы ваши нас просили, потому что дела, относящиеся к душевному спасению, подлежат власти их пастырской, а мы должны повиноваться решению пастырей, которых дух господень дал нам в вожди. Притом же на этих съездах дело более затрудняется, чем к доброму концу приходит». В тот же день король послал похвальную, поощрительную грамоту трусливому, колеблющемуся митрополиту, с убеждением, чтоб он, не оглядываясь ни на что, не опасаясь никаких угроз ни от кого, стоял при своем предприятии и доводил его до конца. Вслед за тем Сигизмунд выдал грамоту, в которой обеспечивал митрополита и всех епископов-униатов от проклятий патриаршеских и утверждал за ними все те права, которые имело и латинское духовенство; о месте в раде обещал говорить на сейме с панами и чинами Речи Посполитой; обещал выдать универсалы и мандаты против всех, кто будет противиться унии; обещал, что в имениях королевских монастырей и церквей русских не будут обращать в костелы латинские, но отказался обещать то же самое в шляхетских имениях; утвердил, что братства должны быть в послушании у митрополита и других епископов; давал право заводить школы греческого и славянского языка, устраивать типографии, но с тем, чтоб в них не печатать ничего противного римской церкви.

Сильное сопротивление унии, обнаружившееся между русскими, заставляло правительство торопить Потея и Терлецкого, чтоб ехали в Рим бить челом папе о принятии под свою власть русской церкви. Потей, который при личном свидании успел умилостивить князя Острожского представлением дела так, что оно началось и кончится не иначе как по мысли его, князя, не иначе, как вследствие соборного решения, писал к Острожскому от 23 августа: «Не дождавшись никакого приказа от вашей милости, вижу, что время, назначенное для путешествия нашего в Рим, приближается. Как избавиться от этого путешествия — не знаю: одна надежда на вашу милость, что вы письмом своим удержите короля, и он велит нам ехать уже после собора». Еще сильнее вооружался против этого путешествия Рагоза, который вопреки королевской гра-

моте продолжал бояться и оглядываться в разные стороны. 19 августа он писал Скумину, по-прежнему отрицаясь от намерения поддаться римской церкви: «Трудно мне было бы сделать это на старости лет: надобно было бы снова родиться, снова приняться за ученье; не зная по-латыни, не умел бы я с капланами римскими у одного алтаря служить. Кто об этом старается, тот пусть добывает себе и место в раде и ласку королевскую. Я, грешный человек, хотел бы иметь место с сынами Зеведеовыми, а не между людьми гордыми и суемудрыми. Что касается нового календаря, то была о нем речь между нами, потому что для людей ремесленных очень тяжело следовать старому; но мы не иначе хотим что-нибудь сделать, как составивши собор со всеми вашими милостями. Ведь одна ласточка весны сделать не может, так и я сам собою ничего начать не могу. Слух до меня дошел, что отцы владыки владимирский и луцкий, бывши у короля, получили позволение ехать в Рим; я послал уговаривать их, чтоб они покинули это намерение свое, из-за которого в нашем народе христианском надобно ждать большого волнения, а пожалуй и кровопролития. Но своевольного мне трудно удержать». 1 сентября митрополит выдал окружное послание духовенству и мирянам, в котором объявлял, что не мыслил и не хочет мыслить о попрании своих прав и веры, об отступлении от своего исповедания, о презрении рукоположения патриаршего: «Стойте твердо при святой восточной церкви, не позволяйте себе колебаться как тростинка ветром бурливым, а я обещаю при ваших милостях до смерти своей стоять». А между тем 24 сентября король Сигизмунд объявил всенародно о соединении церкви восточной с западной; объявил, что пастыри русской церкви и великое множество светских людей соединились с римскою церковию; выражал желание, чтоб все, отвергавшие прежде унию, последовали за своими пастырями; наконец, объявил об отправлении русских епископов в Рим. Эти епископы, Терлецкий и Потей, выехали из Кракова в конце сентября и приехали в Рим в ноябре. На третий день они приняты были папою Климентом VIII в частной аудиенции и подали письма от короля и некоторых сенаторов. «Папа, — так писали они сами, — принял нас, как ласковый отец деток своих, с несказанною любовию и милостию. Мы живем недалеко от замка его святости, во дворце, искусно украшенном обоями и снабженном всем нужным. Съестные припасы отпускаются нам, по милости папы, в изобилии; мы жили шесть недель в Риме, но его святость все еще не хотел дать нам торжественной аудиенции, говоря: «Отдохните хорошенько после дороги». Наконец, вследствие наших настоятельных просьб, нам назначена была аудиенция 23 декабря, в большой зале, называемой Константиновою, в которой папа принимает наивысших духовных особ. Здесь его святость

изволил заседать во всем своем святительском маестате и при нем весь сенат, кардиналы, арцибискупы и бискупы; особо сидели послы французского короля и других государей; по обоим сторонам залы сидели высшие сановники, сенаторы и великое множество панов духовных, князей римских и шляхты. Когда мы были введены в это собрание, то, поцеловав ноги его святости, отдали епископскую грамоту. Эту грамоту прочел довольно внятно ксендз Евстафий Волович, но никто не понимал по-русски, исключая наших панов поляков и панов литовских, которых здесь не мало. Мы имели наготове перевод на латинском языке, и как только Волович прочитал грамоту по-русски, тотчас она была прочтена по-латыни. А по прочтении, его святость чрез одного подкомория своего говорил к нам речь весьма чудную, изъявляя благодарность за воссоединение наше и за приезд, и обещал нам сохранить все наши церковные обряды неприкосновенными и утвердить их навеки. Мы сами от себя, от имени отца митрополита и всех епископов, прочитали обещание: я, епископ владимирский, читал по-латыни, а я, епископ луцкий, по-русски. Затем мы принесли присягу на святом Евангелии от лица всех епископов и сами от себя, и подписали ее своими руками. Его святость приказал нам подойти к себе поближе, хотя мы и то близко к нему стояли, и наклонившись к нам истинно по-отечески, сказал несколько слов, между которыми были следующие. «Не хочу господствовать над вами, но хочу немощи ваши на себе носить» и проч. На другой день, т. е. 24 декабря, накануне Рождества Христова, его святость сам служил вечерню в новом костеле св. Петра с великим множеством духовенства; здесь и мы, по благословению его святости, были во всем облачении нашем».

Но в то время, как Потей и Терлецкий целовали ноги у папы и в Риме торжествовали воссоединение русской церкви, выбивая медаль с надписью: *Ruthenis receptis,* в это время виленское белое духовенство писало Скумину: «Так как люди православия греческого уразумели, что митрополит и епископы подкапывают нашу веру и в неволю ее отдают без ведома своих старших и нас меньших, всего духовенства, без ведома вас, наших милостивых панов, и всех православных христиан, сами вчетвером или впятером все дело делают, то мы, все духовенство греческого православия, протестовали пред богом и всем народом христианским, что мы о таком отступлении от своих старших патриархов не мыслили, не знали и не соглашались на него». В начале 1596 года назначен был большой сейм в Варшаве. Православное дворянство, собиравшееся для предварительных совещаний на провинциальных сеймиках, дало своим депутатам наказ просить короля: 1) чтоб епископы, отступившие от православной веры, лишены были сана; 2) чтоб поставлены были епископами

лица православного исповедания, согласно с постановлением 1573 года и с жалованными грамотами прежних королей, подтвержденными присягою самого короля Сигизмунда III. Но мы видели, что король обязался Потею и Терлецкому защищать их, и потому, естественно, он не мог принять просьбы депутатов. Тогда депутаты и князь Острожский торжественно объявили королю, сенату и всему сейму, что они и весь народ русский не будут признавать Терлецкого и Потея своими епископами, не будут признавать их власти в своих имениях и не будут подчиняться их духовному суду. Сверх того депутаты написали протест, в котором изложены были обиды и притеснения, претерпеваемые православным народом русским, и в последний день сейма поручили прочитать этот акт в присутствии короля Мартыну Буховецкому, писарю воеводства Познанского; но сейм не позволил читать протеста: Буховецкий, заглушенный криками, принужден был удалиться, протестовав против такого насилия. Тогда князь Острожский записал в актовые книги варшавского сейма протест, изложив преступные действия Терлецкого и Потея, и объявив твердую решимость противодействовать их намерениям. В таком же смысле депутаты православного дворянства подали два протеста для внесения в книги гродские радзиевские; из актовых книг извлечены были засвидетельствованные копии протестов и разосланы по воеводствам. Король, со своей стороны, в исполнение прежних обязательств, дал Терлецкому подтвердительную жалованную грамоту на епископию луцкую: в этой грамоте король ручается за себя и за своих преемников, что Кирилл Терлецкий будет епископом луцким и острожским в течение всей своей жизни; утверждает за ним все имения епископии луцкой и обещает оборонять его против всех недоброжелателей, которые осмелились бы лишить его епископского сана или отнять у него церковные имения (21 мая 1596 года). Вслед за тем, 29 мая 1596 года, король издал манифест православным своим подданным о совершившемся соединении церквей, причем всю ответственность в этом деле брал на себя и уверял, что Терлецкий и Потей не привезли из Рима никаких новостей: «Господствуя счастливо в государствах наших и размышляя о их благоустройстве, мы, между прочим, возымели желание, чтобы подданные наши греческой веры приведены были в первоначальное и древнее единство со вселенскою римскою церковию под послушание одному духовному пастырю. Епископы не привезли из Рима ничего нового и спасению вашему противного, никаких перемен в ваших древних церковных обрядах: все догматы и обряды вашей православной церкви сохранены неприкосновенно, согласно с постановлениями святых апостольских соборов и с древним учением святых отцов греческих, которых имена вы славите и праздники празднуете». Так как дело

было кончено, воля королевская прямо высказана, уния объявлена делом правительства, то последним актом долженствовал быть собор, на котором решительно должно было обозначиться положение русской церкви, должны были обозначиться для правительства друзья и враги его. В том же манифесте король приказывал митрополиту Михаилу созвать собор в обычном месте, в Бресте, где Терлецкий и Потей должны были подробно рассказать о своей поездке в Рим. Приезд на собор дозволен был всем подданным православного исповедания, и каждый должен был приезжать как можно скромнее, не привозя с собою ненужной толпы. Присутствовать на соборе позволялось только католикам и православным, за исключением протестантов.

В первых числах октября 1596 года съехались в Брест: грек Никифор, экзарх константинопольского патриарха, долженствовавший заступить его место на соборе, митрополит Михаил с семью русскими епископами, множеством архимандритов, игуменов и священников; из мирских людей князь Константин Острожский с сыном и многие другие; из католиков приехали три бискупа, Петр Скарга и трое светских вельмож, послы королевские: Николай Христоф Радзивилл, воевода троцкий, Лев Сапега, канцлер литовский и Дмитрий Халецкий, подскарбий. 6 октября должно было начаться заседание собора, но сейчас же образовались два враждебных стана, которые не соединились в одно общее заседание в одном месте, в церкви, как обыкновенно бывало. О митрополите, который должен был распорядиться как хозяин, не было ни слуху, ни духу. Православные должны были собраться в большом частном доме, и засели — духовные своим ко́лом, имея посреди себя евангелие, светские — особым ко́лом с своим маршалком. После обычных молитв, владыка львовский, Гедеон Балабан, первый начал речь на русском языке; иеродиакон Киприян тут же переводил ее на греческий язык. Гедеон говорил, что он и все собравшиеся хотят стоять и помирать за восточную веру, и, по их мнению, митрополит с своими владыками поступил незаконно, отрекшись от повиновения патриарху. Положено было послать за митрополитом и униатскими епископами, но те не явились; Рагоза отвечал, что подумает с католическими епископами, и потом приедет на собор; собор ждал его до вечера и не дождался. На другой день опять послали звать митрополита с товарищами и получили ответ: «Напрасно нас ждете: мы к вам не придем». На третий день третье посольство, на которое получен ответ: «Что сделано, то сделано; хорошо ли, дурно ли мы сделали, поддавшись римской церкви, только теперь уже переделать этого нельзя». Тогда на вопрос экзарха: когда и как Рагоза с товарищами начал хлопотать об унии, киевопечерский архимандрит Никифор Тур отвечал: «Патриарх Иеремия,

узнавши о беззакониях Рагозы, отлучил его от церкви, грозя, если не исправится, конечным низложением; он и задумал отступить, и отступил». Обратились к мирским людям, сравнили наказы, данные послам от всех областей — везде нашли одно требование: не отступать от восточной церкви. В это время дали знать собору, что в том же доме, в небольшой комнате, Скарга истощает свое красноречие, чтобы убедить князя Острожского и сына его в правде унии. Экзарх Никифор сказал: «Пусть Скарга придет на собор и спорит с людьми учеными; зачем в углу старается убеждать людей, в богословии несведущих?» Но Скарга не пришел на собор. На четвертый день, 9 октября, выдан был декрет соборный: митрополит и владыки: владимирский, луцкий, полоцкий, холмский и пинский лишаются архиерейского сана, потому что без ведома своего старшего задумали соединение церквей, которое может быть решено не пятью или десятью владыками, а вселенским собором; потом, означенные митрополит и епископы, будучи позваны на собор к ответу, не явились и ответа не дали. В тот же день митрополит с епископами-униатами выдал декрет о лишении сана и проклятия епископов и сообщников их, отвергших унию.

Так совершилась уния, или, лучше сказать, разделение западнорусской церкви на православную и униатскую. Так как православные, отвергнув унию, прямо поступили против воли правительства, покровительствующего последней, то этим, разумеется, еще более ухудшили положение своей церкви. Тяжелое положение продолжалось и тогда, когда правительство начало выслушивать жалобы православных и давать постановления в их пользу, ибо, при возбужденном фанатизме, при безнарядье и своевольстве, частные люди, особенно люди сильные, мало обращали внимания на решение правительства; всего более должно было терпеть за православие сельское народонаселение, находившееся во власти панов католиков или, что еще хуже, отступивших от православия. Но это тяжкое положение, борьба с господствующею церковию, борьба с врагом, сильным не одними материальными средствами, возбудили нравственные силы западнорусского населения. Противники действовали пером, писали против православия; православным нужно было защищаться, отвечать им уже и для того, чтоб удержать своих при решении не отступать от восточной церкви; чтоб защищаться успешно и чтоб иметь средства назидать своих и отвратить от себя вражий упрек в недостатке просвещения, надобно было умножать и улучшать школы, поднимать народную нравственность.

Восток не был так слаб, как предполагали враги его. Послышался сильный обличительный голос с Афона, от тамошнего русского инока Иоанна Вишенского: «Тебе, в земле Польской живущему всякого возраста и чина народу рус-

скому, литовскому и польскому, в разных сектах и верах пребывающему сей глас в слух да достигнет. Извещаю вас, что земля, по которой ногами вашими ходите, на вас перед господом богом плачет и вопиет, прося творца, да пошлет серп смертный, как некогда на содомлян, желая лучше пустою в чистоте стоять, нежели вашим безбожием населенною и беззаконными делами осквернênною быть. Ибо где теперь в Польской земле вера, где надежда, где любовь? Где правда и справедливость суда? Где покорность, где евангельские заповеди? Где апостольская проповедь, где светские законы? Где хранение заповедей божиих? Где непорочное священство? Где крестоносное житие иноческое? Где благоговейное и благочестивое христианство? Зачем именем христианским называть себя бесстыдно дерзаете, когда силы этого имени не храните? О, окаянная утроба, которая таких сынов на погибель вечную породила! Ныне в Польской земле священники все, как некогда Иезавелины жрецы, чревом, а не духом службу совершают, паны над подручными своими сделались богами, высшими бога, вознеслись судом беззаконным над творцом, образом своим, равно всех почтившим, бессловесных естество высшею ценою оценили. Вместо евангельской проповеди, апостольской науки и святого закона, ныне поганские учители, Аристотели, Платоны и другие им подобные мошкарники и комедийники во дворах Христа бога владеют. Вместо веры, надежды и любви, безверие, отчаяние, ненависть, зависть и мерзость обладают. Покайтесь все, покайтесь, да не погибнете двоякою погибелию! Турки некрещеные честнее пред богом в суде и правде, нежели крещеные ляхи; а вы, православные христиане, не скорбите: господь с вами и я с вами; имейте веру и надежду на бога жива; на панов же ваших русского рода, на сынов человеческих не надейтесь — в них нет спасения: они от живого бога и от веры в него отступили. Да будут прокляты владыки, архимандриты, игумены, которые монастыри запустошили и фольварки себе из мест святых поделали, сами с слугами своими и приятелями в них телесную и скотскую жизнь провождают; на местах святых лежа, гроши сбирают с доходов, данных богомольцам христовым, дочерям своим приданое готовят, сыновей одевают, жен украшают, слуг умножают, кареты делают, лошадей сытых и одношерстных запрягают; а в монастыре иноческого чина нет, вместо бдения, песнопения и молитвы, псы воют. Владыки безбожные, вместо правила, книжного чтения и поучения в законе господни, день и ночь над статутом сидят, и во лжи весь век свой упражняются». Тот же Иоанн писал к Рагозе, Потею и Терлецкому по поводу унии: «Спросил бы я вас, что такое труд очищения? Но вам и не снилось об этом; не только вы этого не знаете, но и ваши папы иисусоругатели, так называемые иезуиты, о том не пекутся и ответа

дать не могут. Покажите мне, соединение церквей сплетающие! Который из вас прошел первую ступень подвижничества? Не ваша ли милость веру делами злыми наперед еще разорили? Не ваша ли милость воспитали в себе похоть лихоимства и мирского стяжания? Насытиться никак не можете, а все большею алчбою и жаждою мирских вещей болеете. Покажите мне, соединение церквей зиждущие! Который из вас, в мирской жизни будучи, шесть заповедей Христовых сам собою исполнил? Не ваша ли милость эти шесть заповедей не только в мирском чину разорили, но и теперь в духовном беспрестанно разоряете? Сами как идолы на одном месте сидите, а если и случится этот труп объидолотворенный на другое место перенести, то на колеснице бесскорбно переносите, а бедные подданные день и ночь на вас трудятся и мучатся. Где вы больным послужили? Не ваша ли милость больных из здоровых делаете, бьете, мучите, убиваете? Постучись в лысую голову, бискуп луцкий! Сколько ты во время своего священства человеческих душ к богу послал? Его милость, каштелян Потей, хотя и каштеляном был, но только по четыре слуги за собою волочил, а теперь, когда бискупом стал, то больше десяти начтешь; также и его милость митрополит, когда простою рагозиною был, то не знаю, мог ли держать и двоих слуг, а теперь больше десяти держит».

В послании к князю Острожскому и ко всем православным христианам Иоанн Вишенский пишет: «Потому дьявол против славянского языка борьбу такую ведет, что язык этот плодоноснейший из всех языков и богу любимейший, потому что без поганских хитростей и руководств, каковы грамматика, риторика, диалектика и прочие коварства тщеславные дьявольские простым прилежным читанием, безо всякого ухищрения к богу приводит, простоту и смирение зиждет и духа святого подъемлет, в злоковарну же душу не внидет премудрость. Латинская злоковарная душа, ослепленная и насыщенная поганскими тщеславными и гордыми догматами, божия премудрости, разума духовного, смирения, простоты и беззлобия вместить никак не может. Охраняйте, православные, детей своих от этой отравы; теперь вы явно пострадали, когда на латинскую и мирскую мудрость разлакомились. Разве не лучше тебе изучить Часословец, Псалтырь, Октоих, Апостол и Евангелие с другими церковными книгами, быть простым богоугодником и жизнь вечную получить, нежели постигнуть Аристотеля, Платона, философом мудрым в жизни сей называться и в геенну отойти. На священническую степень по правилу святых отец да восходят, а не по своему желанию, не ради имения и панства сан восхищают; не принимайте того, кто сам наскакивает, королем назначается без вашего избрания; изгоняйте и проклинайте такого, потому что вы не в папу крестились и не в королевскую власть, чтоб

вам король давал волков и злодеев, ибо лучше вам без владык и без попов, от дьявола поставленных, в церковь ходить и православие хранить, нежели с владыками и попами, не от бога званными, в церкви быть, ей ругаться и православие попирать. Вы пастыря себе так избирайте: прежде назначьте несколько особ, от жития и разума свидетельствованных, потом определите день и пост, сотворите бдение в церкви и молитесь богу, да даст вам и откроет пастыря, которого жребием искушаете; бог милостивый моления вашего не презрит, вам пастыря даст и объявит; после этого уже обращайтесь к светской власти, к королю, чтоб подтвердил вам владыку, если же не захочет подтвердить, то увидите, как оглохнет и пропадет, потому что поставлен суд правый судить, а не прелестям своей веры потворствовать; только обратитесь к богу истинно, все вам чудотворно устроит. Праздничные ярмарки, что вы зовете соборами, очистите, как в Жидичине и в горах св. спаса; коляды уничтожьте, потому что не хочет Христос, чтоб при его рождестве дьявольские коляды совершались; щедрый вечер из городов и сел в болота загоните, пусть там с дьяволом сидит. Волочельное по воскресении из городов и сел выволокши, утопите; уничтожьте на Юрьев день дьявольский праздник, когда выходят в поле плясками и скаканием дьяволу жертву приносить; пироги и яйца надгробные отмените; купала на Иванов день утопите и огненное скакание отсеките; Петр и Павел молят вас, да потребите качели, на день их устрояемые на Волыне и Подоле». Возражая епископам униатам, жаловавшимся, что патриарх Иеремия в братствах простых людей над епископами поставил, Вишенский пишет: «Как вы духовными, и не только духовными, но и верными называться можете, когда брата своего, в единой купели крещения верою и от единой матери благодати наравне с вами породившегося, подлейшим себя считаете? Пусть будет холоп, сыромятник, седельник, портной, но вспомните, что брат вам ровный во всем, ибо воедино триипостасное божество крестился»[5].

Мы видели как сильно волновал Вильну своими проповедями Стефан Зизаний, вооружась против католицизма и унии. Рагоза отлучил его от церкви за ересь, а православные епископы на брестском же соборе 8 октября, объявили его невинным, равно как и двоих священников братских, отлученных вместе с Зизанием: «Так как сам митрополит в послушании у церкви восточной не хотел быть, то и клятву свою на этих священников положил ни за что другое, как только за книжку, сочиненную на костел римский». Труды Зизания вызвали опровержение со стороны католиков: явилась книжка под заглавием: Kąkol, który rozsiewa Zyzani (соч. Жебровского, 1595 г.) *. Но Зизаний в 1596 году издал слово (ка-

* *Szczesny Zebrowski*, Kąkol, który rozsiewa Stephanek Zyzania w cerkwiach Ruskich w Wilnie., Wilno, 1595. *(Прим. ред.)*

занье) св. Кирилла, патриарха иерусалимского об антихристе*: из этого сочинения выходило, что время антихристово есть время унии. На книжку Зизания в том же году явился опять католический ответ: Plewy Stephanka Zyzaniej**. Как образчик полемического тона и остроумия времени приведем несколько слов из этой книжки: «В недавнее время Зизаний привез в Вильну на торг множество куколю фальшивой науки и хотел продавать его вильнянам за настоящую пшеницу. Но вильнян предостерегли от измены, и Зизанию торг запрещен. Давши покой куколю, взялся он за плевелы, желая на них попробовать счастья, написал новую книжку, не куколя, а плевел исполненную. Но как плевелы от первого дуновения ветра разлетаются по воздуху, так и все, что он в этих книжках написал, одним духом каждый сдунуть может. Чтоб это легче можно было сделать, он написал книжку двояким языком: по-русски и по-польски, дабы иметь больше свидетелей своей глупости».

Но понятно, что самая сильная полемика должна была возгореться по поводу брестского собора. В 1597 году явилось два описания этого собора с двух противоположных точек зрения: православное Ekthesis или краткое описание того, что делалось на поместном синоде в Бресте Литовском***; католическое описание собора было сочинено знаменитым Скаргою****, который согласно с основным своим взглядом утверждал, что собор незаконен, что законно только то, что постановлено митрополитом и епископами, т. е. уния, ибо миряне не имеют никакого права вмешиваться в дела церковные, а должны повиноваться беспрекословно своим пастырям. Опровержением книги Скаргиной явился со стороны православных знаменитый *Апокризис албо отповедь на книжкы о съборе берестейском, именем людий старожитной релеи греческой, через Христофора Филалета (псевдоним)******. Понятно, что автор Апокризиса должен был ударить со всею силою на основной взгляд Скарги о невмешательстве мирян в дела церковные. Приведши известные нам грамоты, в которых

---

* *Стефан Зизаний*, Казанье св. Кирилла, патриарха иерусалимского, об антихристе и знаках его с расширением науки против ересей разных, Вильно, 1596. *(Прим. ред.)*

** «Plewy Stephanka Zyzaniey heretyka z cerkwie Ruskiey wyklętego», Wilno, 1596. *(Прим. ред.)*

*** «Ekthesis, abo krotkie zebranie spraw, ktore sie działy na partykularnym, to iest pomiastnym synodzie w Brzesciu Litewskim», Krakow, 1597. *(Прим. ред.)*

**** *П. Скарга*, Берестейский собор и оборона его, Вильно, 1597. См. также Русская историческая библиотека (далее — РИБ), т. VII, 1882, стб. 939—1002; т. XIX, 1903, стб 227—328 *(Прим. ред.)*

***** *Christophor Philalet* [псевдоним], Apokrizis abo odpowiedz na xiążki o synodzie Brzeskim imieniem ludzi starożytney religiey greckiey, Wilno, 1597. Государственный исторический музей (далее – ГИМ), отдел рукописей, Щап. № 76. См. также РИБ, т. VII, стб. 1003—1820. *(Прим. ред.)*

Рагоза и Потей клянутся ничего не предпринимать без ведома мирских людей, автор Апокризиса указывает, что и сами эти духовные не разделяли мнение Скарги и сами себя осудили, поступивши вопреки клятвенным обещаниям. «Положим, — говорит автор Апокризиса, — что владыки имели право объяснить член символа веры: «Верую во едину соборную апостольскую церковь» так, что под этою церковию должно разуметь римскую; но они обязаны были как можно скорее дать знать об этом новом истолковании своей пастве, тем более, что, по словам Скарги, вера в римскую церковь есть необходимое условие спасения; владыки виноваты в том, что в то время, как они медлили объявить о новом спасительном члене веры, многие люди, не зная его, умерли, лишенные спасения». Скарга приводит свидетельства Ветхого завета о том, что рассуждение о делах духовных принадлежит одному духовенству; автор Апокризиса возражает, что Моисей был светский человек, однако установил весь порядок богослужения, и как это случилось, что господь бог не иерею Аарону, а светскому человеку Моисею дал право распоряжаться делами богослужения? Но если бы и действительно в Ветхом завете рассуждение о вере принадлежало одним иереям, то это слабый довод, ибо велика разница между иудейством и христианством: в иудействе одно колено левиино к служению иерейскому было избрано, а в христианстве все люди, кровию Христовою от грехов омытые, царями и иереями богу отцу учинены; там одна часть народа хвале божией служила, в одном иерусалимском храме: здесь все люди христианские, на каждом месте, во всякий час, на хвалу Христову посвящены, чтобы, едят ли, пьют ли, другое ли что делают, все во славу божию делали, чтобы не только духом, но и телом славили бога, будучи членами Христовыми. Скарга написал, что иереи и духовные, которых бог приказал слушаться, заблуждаться не могут, и потому светские должны слушаться их во всем, в той надежде, что хотя бы и заблудились, за духовными идучи, будут оправданы пред богом, который повелел им слушаться заблуждающих. «Спрашиваю, — возражает автор Апокризиса, — за что же Моисей побил три тысячи человек, поклонявшихся тельцу, слитому первосвященником Аароном? Спрашиваю: что Скарга думает о первосвященнике Урии, который, вместе с царем Ахазом, идолам жертву приносил? Спрашиваю: что разумеет о иереях времен Христовых: почему же апостолы их не слушались? Почему вере или неверию их не последовали? Оставя примеры ветхозаветные, спрашиваю: когда епископ Авксентий Медиоланский был арианином, когда Диоскор Александрийский еретичествовал вместе с Евтихием, когда еретичествовали Несторий и Македоний, епископы константинопольские, то принадлежавшие к их епархиям были ли обязаны последовать их учению? И если после-

довали, то будут ли оправданы пред богом? А если будут, то как же писание говорит, что каждый свое бремя понесет, и когда слепой слепого водит, то оба в яму впадают? Если мирские люди обязаны во всем повиноваться пастырям своим, то не погрешили и немцы кельнские, которые, по примеру архиепископа своего, сделались лютеранами; и мы не грешим, слушаясь владыки львовского и перемышльского, которые говорят, что папа вовсе не наивысший правитель церкви, и если бы луцкий владыка потуречился (что дело возможное, смотря по его нравственности), то овцы его были бы оправданы перед богом, когда бы сделались магометанами? Конечно, историк брестского собора тряхнет на это головою; так пусть же знает, что для предохранения от заблуждений не на титулы духовные надобно смотреть, а на что-нибудь другое; не всегда и не во всем надобно духовенство слушать». Мы привели эти строки для показания взгляда и приемов автора Апокризиса; что же касается до подробного разбора и оценки его книги, то это предоставляем церковным писателям. Вслед за Апокризисом написано было православным львовским священником изложение хода дела об унии, под заглавием: «Перестрога зело потребная на потомные часы православным христианам» *. Сочинение это заключает в себе любопытные подробности, но тяжело для историка по смешению событий вследствие отсутствия хронологии.

Апокризис раздражил сильно католиков: это видно по тому, в каком было написано возражение на него под заглавием Antirresis (1600 года) **. Автор Антиррезиса для борьбы с сильным противником должен был прибегнуть к отчаянному средству: ко лжи и брани. «Автор Апокризиса, — говорит он, — наполнил свою книгу таким множеством непристойных и ложных вещей, что и сам дьявол, из ада вылезши, не мог бо́льшей неправды сочинить, как этот Христофор Филалет в своих книжках написал; поистине, каждый может назвать его *diawolofor* и *philopsevdis,* а не *Christum ferens, et amator veritatis* (т. е. не носителем Христа, что значит Христофор, и не любителем истины, что значит Филалет, а носителем диавола и любителем лжи).

Сам король в окружной грамоте своей к русскому народу счел за нужное вооружиться против поведения православных на брестском соборе: «Митрополит, — пишет король, — с епископами, остальным духовенством и многими другими людьми

* «Перестрога, зело потребная на потомные часы православным христианам». См. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — АЗР), т. IV, СПб, 1851, стр. 230—236. *(Прим. ред.)*

** «Antirrhesis abo apologia przeciwko Christophori Philaletowi», Wilno, 1600. Западнорусский текст см. Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), Библиотека СПК, № 16. См. также РИБ, т. XIX, стб. 477—1122. *(Прим. ред.)*

веры греческой русской, сошедшись на месте обычном, в соборной церкви св Николы, начал дело, как следует, молитвою, и три дня разбирал дело, справляясь с св. писанием, с правилами св. отец, призывая братским призывом к себе Михаила Копыстенского, епископа перемышльского и Гедеона Балабана львовского, и других товарищей их, которые сначала сами добровольно приступили к унии и нам, господарю, дали знать об этом, а теперь, по наущению людей упорных, покинувши старшего своего архиепископа, митрополита и братью свою владык, покинувши храм божий, место святое, на котором обязаны были сходиться с старшим своим, и ни разу, во все продолжение собора, в церкви божией не ставши, захотели соединиться с анабаптистами, арианами, богохульниками и с другими старыми еретиками, неприятелями и поругателями веры православной — русской Кроме того, взявши себе в товарищество шпионов и изменников наших, какого-то Никифора и других греков, чужестранцев, в божнице еретической засели, злостию и упорством, фараоновым сердцем окаменелым поступали, и дела им не принадлежащие делать осмелились, против своего начальства, против нас, господаря, и против Речи Посполитой, от церкви божией отлучились, тайком заговоры и протесты составляли, к бланкетам печати и руки свои прикладывали, других людей разных, к собору не принадлежавших, к рукоприкладству приводили и силою подписываться заставляли, и, написавши что-то на этих бланкетах, по государствам нашим рассылать осмелились». Увещевая последовать примеру митрополита, принять унию, и извещая о проклятии Копыстенского и Балабана, король запрещает считать их владыками и иметь с ними сообщение, запрещает правительственным лицам противиться постановлениям брестского собора, признавшего унию, и приказывает карать противников.

Итак, с православными велено было поступать как с преступниками, гонение на них было узаконено. Но указ королевский не мог быть приведен в исполнение во всей силе: наказывать за противление унии пришлось бы слишком многих, целый народ, и некоторые из этих многих были очень сильны, а правительство было очень слабо. В то время, как Сигизмунд приказывал преследовать православных и награждал епископов-униатов, князь Острожский уговорил Балабана и Львовское братство прекратить свои тяжбы на год, в продолжение которого обе стороны обещали князю оборонять заодно православную веру.

Но в то самое время, как Западная Россия волновалась униею, в ней обнаружилось явление, которое должно было иметь решительное влияние на исход борьбы. Мы видели, что оба государства Восточной Европы: Московское и Польское единовременно должны были начать неприязненные отноше-

ния к усилившимся на украйнах их козакам, которые вели себя одинаково, как на востоке, так и на западе. Величая себя оберегателями государств, они не ограничивались нисколько пограничною стражею, но, по своему хищническому характеру, которого они не скрывали, объявляя, что если им не нападать на соседей, то жить нечем — по этому характеру своему, козаки нападали на соседей и тогда, когда государству это было вредно, нападали морем на турецкие владения и вовлекали оба государства, и особенно Польское, в опасную вражду с Турциею. Понятно, что Польша должна была всеми силами хлопотать о том, чтоб отнять у козаков возможность вредить государству. По заключении мира с Турциею, по которому Польша обязалась удержать козаков от нападений на турецкие владения, на сейме 1590 года было определено, чтоб коронный гетман обозрел и привел в известность края, обитаемые козаками, дал бы им старшего, ротмистров и сотников из польской шляхты, чтоб козаки присягнули в верности республике, не отправлялись за границу ни водой, ни сухим путем без позволения коронного гетмана, не принимали польских беглецов, и чтоб козаков было определенное число, внесенное в гетманский список. Два комиссара отправились с сейма для постоянного пребывания между козаками, для наблюдения за исполнением сеймового решения. Понятно, что козаки не могли спокойно покориться этому решению; в 1592 году, под начальством какого-то Косинского, в числе 5000 человек, напали они на Подолию и опустошали владения князя Острожского и других панов. Князь Константин выслал войско, которое поразило Косинского под городом Пяткою, недалеко от Тарнополя; впоследствии Косинский был окружен и убит на дороге в Черкасы. В 1595 году, или около этого времени, запорожский гетман Григорий Лобода опустошил Украйну; на Волыни князь Константин Острожский успел уладиться с ним: Лобода отправился в дунайские княжества против турок, Острожский двинулся на Полесье; но в это время от войска Лободы отделился Наливайко с толпою в 1000 человек и занял Остроголь, имение Острожского; не знаем, как разделался князь Константин с этим гостем; но знаем, что после Наливайко вторгнулся в Белоруссию, овладел Слуцком. 30 ноября 1595 г. Наливайко уже с 2000 козаков вступил в Могилев на Днепре; запылали дома, лавки, острог; девяносто домов превращено было в пепел; козаки грабили, убивали жителей, не разбирая ни пола, ни возраста. Против разбойников двинулся литовский гетман Радзивилл с 14 000 литвы и 4000 татар. Наливайко, заслышав о приближении Радзивилла, вышел из Могилева и огородился возами; из этого козацкого укрепления отбивался он целый день от Радзивилла, отбился и ушел к Быхову. Литва гналась за козаками, но ничего им не сделала, только сама грабила.

Коронный гетман Жолкевский писал королю в 1596 году: «Страшно вспомнить, до чего дошло это своевольство; какое забвение величия королевского, замыслы о разрушении Кракова, об истреблении шляхетского сословия!» Наконец Жолкевскому удалось поразить и взять в плен Наливайка при Лубнах в урочище Солонице. Наливайко был казнен в Варшаве в 1597 году. Подозревали Острожского в сношениях с Наливайком; говорили, что и Лобода, с ведома князя, опустошал Украйну; по этому случаю Острожский писал зятю своему, Радзивиллу, воеводе виленскому: «Полагаюсь на бога, который спасет не только от подозрения, но и от смерти»[6].

Государство, по-видимому, восторжествовало над козаками; но это государство носило в себе глубокие раны, которые растравлялись все более и более; то была слабость правительства, которое не имело возможности удерживать людей сильных от насилия, удерживать войско, которое, не получая жалованья, страшно грабило: так, во время войны с Наливайком, чего не взяли козаки, то побрали солдаты; то была религиозная борьба вследствие унии, гонение, которому подверглись православные; то было тяжкое состояние, в котором находилось низшее земледельческое сословие; сельские веча, или копы, не очень сильные, как мы видели, и во второй половине XVI века, все более и более теряют свое значение в XVII, мужи сходатаи уступают власть свою помещикам. Помещик или помещица, с несколькими приятелями, иногда в присутствии священника, производят суд и расправу. Крестьяне, присланные околичными селениями, присутствуют безмолвно, соглашаясь с распоряжениями помещика и его приятелей. Некоторые помещики вовсе запретили своим крестьянам ходить в народные сельские собрания и принимать участие в копных судах. Помещики и управляющие их еще в 1557 году получили право казнить своих слуг и крестьян смертию; мало того: отдавая имения свои в аренду жидам, давали им право брать себе все доходы, судить крестьян без апелляции, наказывать виновных и непослушных, по мере вины, даже смертию. И вот крестьяне, или холопы, как их называли на юго-западе, бегут в козаки, и Жолкевский жалуется на замыслы об истреблении шляхетского сословия. В Московском государстве козаки воспользовались смутою и, чтоб удобнее бороться с государством, выставили знамена мнимых сыновей и внуков Иоанна IV; но здесь с окончанием смуты кончилось и царство козацкое. Иначе было в государстве Польском: здесь козаки, ратуя за свои интересы с государством, могли благодаря унии связать свое дело с делом священным, народным, выставить религиозное знамя.

1597 год начался возмутительным процессом экзарха патриаршего Никифора, которого, как уже мы видели, король в своей грамоте называл шпионом. В имении гетмана Замой-

ского схвачен был слуга князя Острожского, который ехал в Валахию покупать лошадей для князя, и нашли у него письма, которые дал ему греческий монах Пафнутий, ехавший в Москву. В этих письмах найдены были жесткие выражения против поляков, и вот ими воспользовались для обвинения Никифора, на которого сердились за брестский собор; объявили, что письма писаны им, а не Пафнутием. Несмотря на то, что сам Никифор и прокуратор его, или адвокат, блистательно доказали всю нелепость обвинений, Никифора не хотели освободить от суда. Старик князь Острожский, оскорбленный этим делом, в котором хотели задеть столько же и его, сколько Никифора, говорил длинную речь королю, припоминал заслуги предков и свои собственные, припомнил, что, несмотря на вражду свою с Замойским, он был с ним заодно на стороне Сигизмунда при избрании королевском, за что король оказал ему большую милость, посадивши одного его сына по правую свою сторону в сенате, а другого по левую, и таким образом утешил его старость. Но теперь неприятель его, Замойский, гонит слуг его; людей добрых, невинных на вольных дорогах хватает, деньги отбирает, мучит, желая нанести на него какое-нибудь бесчестье; на духовных его нападает, изменниками их выставляет. «А ваша королевская милость, видя насилие над нами и нарушение прав наших, не обращаешь внимания на присягу свою, которою обязался не ломать прав наших, но умножать и расширять. Не хочешь нас в православной вере нашей держать при правах наших, на место отступников-епископов других дать, позволяешь этим отступникам насилия делать и проливать кровь тех, которые не хотят идти за ними в отступничество, грабить их, из имений выгонять. За веру православную наступаешь на права наши, ломаешь вольности наши и, наконец, на совесть нашу налегаешь: этим присягу свою ломаешь, и если прежде что-нибудь для меня сделал, то последнею немилостию своею все ни во что обращаешь. Не только сам я, сенатор, терплю кривду, но вижу, что дело идет к конечной гибели всей Короны Польской, потому что теперь никто уже не обеспечен в своем праве и вольности, и в короткое время настанет великая смута. Предки наши, сохраняя государю верность, послушание и подданство, взаимно от него милость, справедливость и защиту получали. На старости лет затронули у меня самые дорогие сокровища: совесть и веру православную. Видя смерть перед глазами, напоминаю вашей королевской милости: остерегитесь; поручаю вам отца Никифора, а крови его на страшном суде божием искать буду; прошу бога, чтоб уже больше не видать мне такого ломанья прав». Кончивши свою речь, Острожский встал и, опираясь на руку одного приятеля, пошел из королевской комнаты; приятель напоминал ему, что надобно подождать ответа королевского. «Не хочу!» — отве-

чал старик и продолжал путь; тогда король послал за ним зятя его, виленского воеводу Радзивилла, с просьбою вернуться. «Уверяю вас, — говорил Радзивилл, — что король принимает участие в вашей печали и Никифор будет освобожден». Но раздраженный старик отвечал: «Пусть себе и Никифора съест!» — и вышел из дворца. Упрямство гордого магната, действительно, погубило Никифора; он умер в заточении в Мариенбурге, которому скоро суждено было увидеть в стенах своих других, более знаменитых узников. Говорят, будто недостаток в пище ускорил смерть Никифора.

Наконец, Острожский помирился и с Замойским, заклятым врагом своим, но не хотел мириться с делом Потея и Терлецкого. Тщетно сам папа льстивыми словами склонял его к унии; в самых почтительных выражениях благодарил Острожский святого отца за ласковое письмо, давал знать, что он сам старался об унии, но в то время, когда он употреблял средства, которые всего скорее могли повести к желанной цели, вдруг некоторые духовные, без общего совета, дело начатое только и далеко не оконченное поспешили представить его святейшеству, и этим произвели такую смуту, что больше народу впало в ересь, чем присоединилось к столице апостольской. «Мы готовы на соглашение, — пишет Острожский, — но в этом деле унии заключается множество сторон. Не сомневаюсь, что ваше святейшество отложите дело до дальнейшего времени, когда отцы греческие (с которыми я буду сильно хлопотать об этом) охотно приступят к соединению, ибо знаем, что ваше святейшество преимущественно имеете в виду всеобщее примирение и успокоение; знаем, что отдавая каждому свое, как римской, так и греческой церкви, и соединяя обе, как две дщери великого царя, ни у одной не отнимете их особенностей. Думаю, что и самому творцу будет приятно, когда в мире водворится покой и когда это дело проистечет вместе и от наивысшего бискупа римского и от патриархов восточных».

Считая Потея и Терлецкого виновниками смуты, нарушителями доброго дела, православные не переставали требовать их к суду, и король наконец принужден был, хотя по форме, исполнить их требование. В январе 1598 года Сигизмунд послал Потею и Терлецкому приказание явиться на сейм и оправдаться от обвинений послов воеводства Волынского в том, что они, епископы, назвавшись послами от всех православных христиан веры греческой, ездили в Рим к отцу папе и отдались под его власть именем всех обывателей, тогда как последние им никогда ничего не поручали и ни о чем не сговаривались; таким образом, епископы явились послами непосланными; кроме того, осмелились делать это непорученное им дело без воли патриархов, своих старших; потом осмелились на синоде брестском, соединившись с ксендзами рим-

скими (общение с которыми запрещено правилами св. отец)', осмелились людей добрых, несогласных на их отпадение, от церкви отлучать. Потей отвечал пред королем в смысле известном и приятном Сигизмунду: «Новое и неслыханное дело! Овечки на пастыря жалуются, тогда как пастырь должен на них жаловаться тебе, пану верховному, который обязан непослушных карать и в послушание приводить, по апостолу: «Невежду страхом спасати». Теперь, наоборот, мои овечки на меня жалуются и пастырем меня не признают. Но не ваша ли королевская милость утвердили меня на епископии владимирской, которую я, покинув звание сенаторское, решился принять, подвигнувшись слезными просьбами князя Острожского; не вашей ли королевской милости было угодно, по смерти митрополитовой, назначить мне митрополию? А кто же у нас в панстве вашей королевской милости такие должности без важной причины у кого отнимает? Разве у того, кто за какое-нибудь преступление жизнь и честь теряет. Но, кажется, мы ничего такого не сделали, за что бы нас надобно было казнить смертию; так за что же у нас отнимать достоинства наши духовные? Только за то, что мы возобновили дело, давно утвержденное, наивысшему пастырю христовой церкви послушание отдали и от патриархов уклонились, потому что от них никакой утехи, науки и порядка иметь не могли. Только за шерстью и молоком к нам ездили или посылали, а вместо покою волнение и меч между детьми вкидывали. Новые, неслыханные и канонам противные братства людям простым дали, изъемля их из-под власти епископской и давая им власть, принадлежащую епископам. Это хлопство с простоты своей такое могущество себе приписывает, что ни епископов, ни панов своих слушать не хочет. Не имеем ли право бегать такого пастыря, который сам в неволе и нам ничем помогать не может».

Король, разумеется, должен был убедиться речью Потея; но не убедились ею православные и отвечали ему: «Бесстыдный язык! Не можете говорить доброе, будучи злыми. Что вы говорите о благочестивых патриархах и учителях своих как неверные поганцы? Вы мудры на злое, а чтоб разуметь доброе, не уведали истины, как говорит пророк. Не посылано ли пророков во все времена? Не присылали ли и патриархи к вам учителей, во все времена уча вас? Мало ли грамот присылали к вам патриархи во все времена, о многих делах, и сами к вам приходили? Вы говорите: «Когда пришел патриарх, то сделал какое-то братство, попов и проповедников наставил». Но и Христос то же самое сделал: архиереев обличивши и людей к себе собравши и учеников, из среды их учителей поставил. Так и патриарх: обличивши митрополита киевского, Онисифора двоеженца; и осудив Тимофея Злобу, архимандрита супрасьского, за убийство, митрополита Михаила посвятил и грамотами окружными всюду злость каждого обличил и на

суд приготовил. Что же еще больше ему было делать? Школу греческую кто заложил, как не греки и не патриарх сам? Грамматике греческой и с славянским письмом не Арсений ли, митрополит елассонский, во Львове, от патриарха приехавши, учил два года? И когда грамматику через учеников своих напечатал, то в типографии греческого и славянского письма размножилось, чего никогда в русском народе не бывало. Русские, как окрестились, не учились, только церкви строили, которые им злые соседи зараз позапустошили, людей данями обложили, великих панов своими науками и способами различными от церкви отторгли, весь народ в убожество привели; зато теперь школы во всех городах закладываются, госпитали и церкви строятся. По приказу вселенского патриарха двоеженцев выведено, ереси выкляты, исповедники установлены, соборы духовные собирались, суды сужены, злых карали, владыкам негодным от мест своих отказаться велено. А вы что сделали? Одного патриарха антиохийского во Львове бить приказали, другому вселенскому патриарху, Иеремии, домой ехать велели, боясь, чтоб он вас, как преступников, не наказал и от мест не отставил; вы сами на себя могли определение выдать, как жиды, говоря: «Злых зле погубить, а виноград предаст иным делателям, иже воздадят ему плоды во времена своя». Уже секира при корени древа лежит; не умолит садовник господина своего, чтобы не посекал не плодного дерева, пока обложит его навозом до будущего года: уже всему час. А теперь каждый владыка в своей епископии попов двоеженцев и многоженцев, блудников, убийц имеет, сами владыки людей убивают (о чем свидетельства найдешь в книгах судных), церкви и монастыри разбивают, имущества монастырские вместе с монастырями своим приятелям дают, монахов женят, монахинь замуж выдают. А потом, тайком сговорившись, к папе утекли». Не получая управы от католического правительства, некоторые из православных решились соединиться с протестантами, также пригесняемыми, чтоб этим союзом заставить правительство исполнить следующие требования: «Власть древняя константинопольского патриарха нарушается, ни мы с ним, ни он с нами чрез грамоты и послов сообщаться не имеем права; пусть все патриаршие декреты, а особенно декрет, выданный в Бресте на отступников, остаются в своей силе. Митрополита нашего отступника и с ним владык королевская милость защищает и из-под власти патриаршей изъемлет; и нам его королевская милость приказывает их, против совести нашей, слушаться: так, если уже король не хочет исполнить относительно их соборного определения, то пусть даст нам другого митрополита. Во всех городах, в цехах каждого ремесла папежники людей греческой веры до равной с собою чести и вольности не допускают и великие насилия чинят ремесленники, папежники; новые

привилегии у легата себе выхлопатывают против людей греческой веры, а король их конфирмует. Братства церковные королевская канцелярия повсюду выставляет нарушителями покоя, чести и вольности городской недостойными, от чего эти братства несносные терпят беды, особенно в Вильне: так чтобы братства, как и вся наша религия, оставлены были в покое. Попов и проповедников братских, и тех, кто их слушает и в церковь братскую ходит, митрополит-отступник проклинает, а король банитует. В 98 году, на самое Светлое воскресенье, иезуиты сделали великое насилие над церковию братства Виленского. Мандаты разные и грамоты окружные на братства выданы и некоторые из братьев, по немилости пана канцлера (Сапеги), к смертной казни присуждены были, если бы не сам бог и пан воевода виленский Радзивилл (протестант) не защитили: так пусть эти мандаты уничтожат и пан канцлер с братством помирится. В монастыре св. Троицы алтарь братский митрополит-отступник, а дом, где братство собиралось, пан канцлер отняли. Бурмистры на несколько человек из братства церковного сделали протестацию на ратуше, нам и потомкам нашим очень вредную, за то, что мы ездили в Брест на синод духовный. Все эти обиды делают нам папежники для того, чтоб духовную патриаршескую власть и благословение патриарха над нами уничтожить и к папскому послушанию нас подбить. Вследствие этого, их милостям, панам евангеликам, надобно крепко соединиться вместе с нами и стоять за наши обиды, а нам за их, обороняя вольности. В знак доброго расположения их к нам, просить их, чтобы они не оказывали послушания папе и покинули его новый календарь, с нами старый никейский держали по-старому (ибо паны прусаки и все немцы держат его вместе с нами), чтоб вместе оборняться от насилий в праздники господни». Таков был наказ, данный представителям, отправлявшимся на съезд с протестантами, назначенный в Вильне в мае 1599 года. Из православных здесь был князь Константин Острожский, Юрий Сангушко и двое незначительных духовных особ; архиереи львовский и перемышльский отказались участвовать в съезде. Со стороны протестантов были виленский воевода, князь Николай Христофор Радзивилл, брестокуявский воевода Андрей Лещинский и другие знатные люди. Протестанты хотели было начать дело о соглашении вероучения, но православные не хотели об этом и слышать; ограничились унией политическою, написали договор, но между православными нашлось мало охотников подписать его и съезд остался без следствий.

В том же 1599 году, по смерти Михаила Рагозы, митрополитом киевским был утвержден Ипатий Потей, первым делом которого было вооружиться на Стефана Зизания, не переставшего проповедовать в Вильне против унии. Потей велел

запечатать церковь в братском Троицком монастыре за то, что монастырь держал у себя Зизания. Старый товарищ последнего, Юрий Рогатинец, писал к нему из Львова успокоительное письмо: «Пишешь, что запечатали вам церковь именем Ипатия; не слушайтесь и не злоречьте Ипатия, в отчаянии его приводя на худшее, откуда возрастает ярость, а не божие строение. Это не новость в церкви божией: запечатали архиереи с римлянами гроб Христов, но силы его не удержали; и Ирод убивал младенцев Христа ради, но принял конец свой, как и другие божии противники, которые властью паньства своего церкви божией противились. Пишешь, что Ипатий написал какие-то разговоры русского с ляхом, в которых говорится, что мы, в бытность нашу в Вильне, отделившись от них, соединились с лютеранами. Это ошибка, ибо мы не держим дружбы ни с какими еретиками. А что слышно обо мне, что сношусь с Ипатием и письмами друг друга обсылаем, то скажу прямо: часто разговариваю я со всякими противными людьми, не держа стороны их, но поступая по евчьему незлобию, мудрости змеиной и целости голубиной, как Христос научил, что ясно видно из разговора и письма моего к сыну Потееву, Яну; копию с этого письма посылаю вам». Из письма Юриева видно, что вражда между Львовским братством и епископом Гедеоном продолжалась: «Посылаю копию и другого сочинения моего, которое написал теперь на погребение племянницы своей Анастасии, умершей под мучительством балабановским; увидите, какое согласие имеем с Балабаном». Когда князь Острожский приезжал во Львов, то Балабан не показывался ему на глаза.

Князь Константин продолжал свое старое дело: по смерти александрийского патриарха Мелетия осталось сочинение против схизматиков и еретиков; князь немедленно стал хлопотать, чтоб издать его по-гречески и по-русски, для чего послал ко Львовскому братству за наборщиками и литерами греческими. Потей не был также празден: в июне 1605 года он явился в виленской ратуше и объявил, что нашел в церкви кревской старинную рукопись с описанием флорентийского собора и с грамотою к папе Сиксту IV от киевского митрополита Мисаила, архимандритов печерского и виленского, также от великих княжат и панов русских в 1476 году. Грамота эта была издана им в том же 1605 году *, как доказательство давнего существования унии на Руси. Книжка Потея была встречена насмешками православных, которые в 1607 году выхлопотали сеймовое определение, чтоб чины и имения духовные раздавались русским людям шляхетным и прямо греческой веры; чтоб отправление богослужения их было сво-

---

* *H. Pociej*, Poselstwo do papieża rzymskiego Sixta IV od duchowienstwa y od książąt y panów ruskich w roku 1476, Wilno, 1605. *(Прим. ред.)*

бодно; чтоб духовные власти не соединяли в одном лице двух должностей и пользований; в 1609 году вытребовали, чтоб ни униаты православным, ни православные униатам не делали утеснения и раздражения, в противном случае виновные подвергаются пене в 10 000 злотых. Но раздражение не могло уменьшиться, когда в 1610 году явилось сочинение Мелетия Смотрицкого, скрывавшегося под псевдонимом Теофила Ортолога: «Плач восточной церкви» (Threnos to jest lament jedyney powszechnej Apostolskiej wchodniej Cerkwie*). Самое название показывает, что автор всего более хотел возбудить сочувствие к несчастному положению восточной церкви, готовой принимать гонение.

Скарга в том же году написал против этой книги: «Предостережение Руси насчет жалоб и воплей Теофила Ортолога» (Na treny y lamenty Theophila Orthologa do Rusi przestroga) **; в 1612 году вышло новое опровержение книги Смотрицкого в так называемой «Паригории, или утолении плача» (соч. Мороховского) ***; а в 1617 году вышла книга виленского униатского архимандрита Леона Креузы: «Оборона единства церковного» (Obrona jednosci cerkiewnej) ****, где автор старался доказать, что уния существовала прежде и в последнее время униаты поступали законно.

Не уменьшалось раздражение, не уменьшались и притеснения, которых, по крайней мере, по-видимому, не одобряло правительство; но на правительство мало обращалось внимания. На сейме 1620 года депутат волынский, Лаврентий Древинский, говорил такую речь: «В войне турецкой ваше королевское величество едва ли не большую часть ратных людей потребуете от народа русского греческой веры, того народа, который если не будет удовлетворен в своих нуждах и просьбах, то может ли поставить грудь свою оплотом державы вашей? Как может он стараться о доставлении отечеству вечного мира, когда дома не имеет внутреннего спокойствия? Каждый видит ясно, какие великие притеснения терпит этот древний русский народ относительно своей веры. Уже в больших городах церкви запечатаны, имения церковные расхищены, в монастырях нет монахов — там скот запирают; дети без крещения умирают; тела умерших без церковного обряда

---

* *M. Smotrycki*, Θρῆνος, to iest lament jedyney s. powszechney apostolskiej wschodney cerkwei z abiasnieniem dogmat wiary, Wilno, 1610. *(Прим. ред.)*

** *P. Skarga*, Na treny y lament Theophila Orthologa do Rusi Greckiego nabożeństwa, przestroga, Kraków, 1610. *(Прим. ред.)*

*** *H. J. Morochowski*, Parehoria albo utolenie uszczypliwego lamentu mniemaney cerkwie swęitey wschodniey zmyslonego Theophila Orthologa, Wilno, 1612. *(Прим. ред.)*

**** *L. Kreus*, Obrona jedności cerkiewney, abo dowody ktorymi się pokazuie iz Grecka cerkiew z lacinska ma byc ziednocaona, Wilno, 1617. См. также РИБ, т. IV, 1878, стб. 157—298 *(Прим. ред.)*

из городов, как падаль, вывозят, мужья с женами живут без брачного благословения; народ умирает без исповеди, без приобщения. Неужели это не самому богу обида и неужели бог не будет за это мстителем? Не говоря о других городах, скажу, что во Львове делается: кто не униат, тот в городе жить, торговать и в ремесленные цехи принят быть не может; мертвое тело погребать, к больному с тайнами христовыми открыто идти нельзя. В Вильне, когда хотят погребсти тело благочестивого русского, то должны вывозить его в те ворота, в которые одну нечистоту городскую вывозят. Монахов православных ловят на вольной дороге, бьют и в тюрьмы сажают. В чины гражданские людей достойных и ученых не производят потому только, что не униаты; простаками и невежами, из которых иной не знает, что такое правосудие, места наполняют в поношение стране русской. Деньги у невинных православных безо всякой причины исторгают. Главная причина зла заключается в том, что ваше королевское величество изволите назначать на высшие саны духовные людей, не зная их происхождения. Кто не знает, что теперь епископом полоцким сын сапожника, сделавший себе шляхетскую фамилию *Кунцевич?* Перемышльский владыка Шишка сын пастуха, и теперь родной его дядя в холопах у киевского воеводы. И владимирский владыка сын львовской мещанки Стецковой. Холмский владыка Покость сын виленского купца, обвиненный в покраже сукна, так что если б не спас его монашеский клобук, то давно был бы на виселице. Такая-то польза от унии, что в двадцать лет не могут униаты доставить кого-нибудь из природного шляхетства в епископы! Вот и теперь дали нам в Луцк Почаповского, правда, шляхтича, но по летам недостойного не только епископского, даже и дьяконского сана: не можем называть его отцом, потому что и двадцати лет ему нет. Все это неустройство происходит от того, что принимают посвящение не от законного пастыря; отступили они от патриарха константинопольского, которому искони в этом государстве духовная власть принадлежала. Уже двадцать лет на каждом сеймике, на каждом сейме горькими слезами молим, но вымолить не можем, чтоб оставили нас при правах и вольностях наших. Если и теперь желание наше не исполнится, то будем принуждены с пророком возопить: «Суди ми боже и рассуди прю мою!»

Сейм определил подтвердить конституцию 1607 года, чтоб впредь раздавать духовные должности и доходы людям прямой греческой веры. Но для приведения в исполнение этого решения православные не хотели дожидаться пока перемрут все униатские владыки (иные двадцатилетние), и когда, в том же 1620 году, приехал в Западную Россию известный уже нам иерусалимский патриарх Феофан, то они просили его поставить им на все епархии православных епископов, что́ и

было исполнено. Тут-то, имея своих епископов, православные в 1621 году, издали правила, которыми хотели руководствоваться при бедственном состоянии своей церкви, издали так называемое «Советование о благочестии»*. «Все доброе, — говорится в этом совеговании, — должно начаться прежде всего от самих глав, т. е. митрополит, епископы и все духовенство да отвергнут сперва всякую злобу и грех от самих себя. Епископы должны проповедовать правую веру, покаяние и благочестивые дела, обходя домы благородных; также посылать учеников своих, способных учить в церквах, а не дожидаться того, чтоб к ним приходили, кланялись и что-нибудь приносили. Как сами епископы, так и поставленные и посланные от них во всех церквах и на всех местах пусть открыто и явственно поучают, что вера восточной церкви, которую мы ныне исповедуем, есть истинная и спасение в ней несомненное, а в латино-римской церкви и в других сборищах, от нее происшедших, как истинной веры нет, так и спасения достигнуть невозможно. Веру, догматы и обряды церкви восточной должны они во всем хвалить и одобрять, а другие отрицать и обличать, впрочем, духовно и рассудительно, не злореча, но приводя места писания, сильные примеры и доказательства, и это обнародовать посредством письма. В иереи посвящать достойных, разумных и несомненных ревнителей благочестия, даром, а не из корысти, которой, ни самим от себя, ни через своих наместников, не требовать ни под каким предлогом, ни чрез какие намеки о своих нуждах и недостатках. Возбуждать и приготовлять к святому мученичеству как самих себя, так и сердца народа. Писать и печатать в защиту благочестия книги; противникам возражать письменно, но только с совета других, ибо у наших разномыслие, а у противников убеждение в своих верованиях и злоба в сердцах на нас. С отступниками-униатами не сообщаться и народу на исповеди то же внушать; а обращающихся в православие принимать только на степень кающихся. Учреждать соборы. Чтоб в церквах каждый воскресный день и праздник была проповедь. Учреждать по городам школы. Учреждать братства. Нужно и то нам принять во внимание, что Ипатий Потей, Рагоза и другие их единомышленники были не малые головы; несмотря на то, предки наши, и многие из них весьма простые, дерзали обличать их безбоязненно: то же прилично делать и всем православным. Так как св. апостол Андрей есть первый архиепископ константинопольский, патриарх вселенский и апостол русский, на киевских горах стояли ноги его, очи его Россию видели и уста благословили, и семена веры

---

* «Советование о благочестии», б. м., 1621. См. также Памятники, изданные временною комиссиею для разбора древних актов, т. I, отд. I, Киев, 1845, № XXXII, стр. 224—251. *(Прим. ред.)*

он у нас посеял, то справедливым и богоугодным будет делом возобновить торжественно и нарочито его праздник. Воистину Россия ничем не меньше других восточных народов, ибо и в ней просветителем был апостол. Послать к константинопольскому патриарху за благословением, помощью и советом; послать и на святую Афонскую гору, чтоб вызвать и привести преподобных мужей русских, в том числе блаженных Киприана и Иоанна, прозванием Вишенского, и прочих там находящихся, процветающих жизнью и богословием. Предстоит также духовная потребность и русских, искренне расположенных к добродетельной жизни, посылать на Афон, как в школу духовную. Если нельзя обращать самих папистов и дружину их или исчадие, т. е. ариан, евангеликов и лютеран, то по крайней мере всеми силами стараться отыскивать всех тех русских, которые от восточной церкви и от нас отступили. К этому обязываются архиереи ради спасения души, ибо отступники шляхта сильно вредят нам и соблазняют невинных».

В то время,. как православные, получивши своих архиереев, составляли такую программу для их деятельности, понятно, как должны были взволноваться униаты, особенно архиереи их, увидав подле себя опасных соперников. Чтоб ослабить новую тесную связь православных с греческою церковию, начали разглашать, что православные хотят изменить Польше, готовы передаться туркам. Мелетий Смотрицкий, посвященный Феофаном в епископы полоцкие, написал в защиту своих сочинение под заглавием «Verificatia niewinnosci»*. Униаты отвечали сочинением *«Sowita vina***»* и посланием к монахам Духова Виленского монастыря. Надобно заметить, что знаменитое Виленское братство вследствие унии разделилось: Троицкое братство осталось за униатами и очень ослабело, потому что большая часть братьев, не захотевших принять унии, устроили себе новое братство при монастыре св. Духа, и сильная борьба началась между обоими братствами. Духово братство издало защиту верификации

---

* *M. Smotrycki*, Verificatia niewinnosci: y omylnych po wszystkiey Litwie y Bialey Rusi rozsianych, zywot y uczciwe cnego narodu Ruskiego o upad przyprawie z rządronych nowin, pod miłościwą panską y oycowską nawyzszey y pierwiszey po panu bogu narodu tego zacnego zwierzchnosci, y brzegu wszelkiey sprawiedliwosci obrone poddane chrzescianskie uprzątnienie, Wilno, 1621. См. также Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов (далее — Архив ЮЗР), ч. 1, т. VII, 1887, стр. 279—344. *(Прим. ред.)*

** «Sowita wina, to iest odpis na script, Maiestat krola, honor y reputatią ludzi zachych duchownych y swieckich obrażaiący, nazwany «Verificatia Niewinności», wydany od Zgromadzenia nowey cerkwie, nazwaney ś. Ducha, przez oyce, monastyra Wileńskiego ś. Troycy, zakonu św. Basilego», Wilno, 1621. См. также Архив ЮЗР, ч. 1, т. VII, стр. 443—510. *(Прим. ред.)*

(Obrona werificaciej od obrazy Majestaty etc. 1621) *. Здесь защищается постановление, чтоб епископы не брали своих мест от светской власти; постановление это выставляется правом русской церкви, при котором русские соединились с поляками как равные с равными; право это подтверждено королями. Защищается положение, что митрополит и епископы должны поставляться патриархом константинопольским, который на Русь имеет право, канонами вселенских соборов подтвержденное. Obrona оканчивается так: «О насилии наша сторона не мыслит: господу богу и справедливому королевскому декрету дело свое поручает. Научились мы в церкви божией терпеть насилие, не производить его. Изгнания наших из рады городовой, из цехов, лишение вольности право не допустит. Не думай, что с падением вашей унии права в отчизне нашей и справедливость света упасть должны: Теренциев дурень Тразон думал, что когда он упадет, то и небо с ним вместе упасть должно. Если б так начали делать, как ты говоришь, то это повело бы не к успокоению Руси, но к отнятию покоя, сделало бы русских изгнанниками из отчизны. Тогда отплатила бы Литва русскому народу, а Польша греческому (от которых светом веры христианской просвещены, как в отделе шестом доказано), как злой сын доброй матери за хорошее воспитание, воткнувши нож ей в сердце». В упомянутом шестом отделе говорится, что Святополк моравский, принявший греческую веру от Мефодия, обратил в христианство Бурivоя чешского и жену его Людмиллу, а через чешскую княжну Дубровку принял православие и Мечислав польский; в Литве Олгерд, женатый на двух русских княжнах, принял русскую веру и сыновей своих в ней окрестил. Так религиозная полемика повела к историческим розысканиям.

Но одною книжною борьбою не ограничились. Когда патриарх Феофан поставил в Полоцк епископом Мелетия Смотрицкого, то почти все жители перешли на его сторону; тогда униатский полоцкий владыка Иосафат Кунцевич, человек страстный, фанатик, решился поддержать себя и унию средствами отчаянными, которые вызвали ему сильный упрек со стороны канцлера литовского, Льва Сапеги; Сапегу нельзя заподозрить в пристрастии к православию, но он прежде всего видел неполитичность мер Кунцевича с братиею. «Бесспорно (писал Сапега Кунцевичу 12 марта 1622 года), что я сам хлопотал об унии и покинуть ее было бы неблагоразумно; но мне никогда на мысль не приходило, чтоб вы решились приводить к ней такими насильственными средствами Уличают вас жалобы, поданные на вас в Польше и Литве. Разве неизвестен

* «Obrona verificaciye od obrazy Majestatu krola, honor y reputacie ludźi zachych, duchownych y świeśkich zachownjącey przez script «Sowita wina» nazwany», Wilno, 1621. См. также Архив ЮЗР, ч. 1, т. VII, стр 345—442. *(Прим ред.)*

вам ропот глупого народа, его речи, что он лучше хочет быть в турецком подданстве, нежели терпеть такое притеснение своей вере? По словам вашим, только некоторые монахи епархии Борецкого (нового православного киевского митрополита) и Смотрицкого и несколько киевской шляхты противятся унии; но просьба королю подана от Войска Запорожского, чтоб Борецкого и Смотрицкого в их епархиях утвердить, а вас и товарищей ваших свергнуть; и на сеймах мало ли у нас жалоб от всей Украйны и от всей Руси, а не от нескольких только чернецов! Поступки ваши, проистекающие более из тщеславия и частной ненависти, нежели из любви к ближнему, обнаруженные в противность священной воле и даже запрещению республики, произвели те опасные искры, которые угрожают всем нам или очень опасным, или даже всеистребительным пожаром. От повиновения козаков больше государству пользы, чем от вашей унии, почему и должны вы соображаться с волею короля и с намерениями государственными, зная, что власть ваша ограничена и что покушение ваше на то, что противно спокойствию и пользе общественной, может по справедливости почесться оскорблением величества. Если бы вы посмели сделать что-нибудь подобное в Риме или Венеции, то вас бы научили там, какое надобно иметь уважение к государству. Пишете об обращении отщепенцев: надобно стараться об этом обращении, чтоб было едино стадо и един пастырь; но при этом надобно поступать благоразумно, сообразоваться с обстоятельствами времени, как в таком деле, которое зависит от свободного желания, особенно в нашем отечестве, где не прилагается изречение: *понуди внити*. Что касается до опасности жизни вашей, то каждый сам причиною беды своей: надобно пользоваться обстоятельствами, а не предаваться безрассудно своему стремлению. Я обязан, говорите вы, последовать епископам. Вы обязаны подражать св. епископам в терпении, благочестии, в показании добрых примеров. Прочтите жития всех благочестивых епископов: не сыщите в них ни жалоб, ни объявлений, ни исков, ни судебных свидетельств. А у вас суды, магистраты, трибуналы, ратуши, канцелярии наполнены позвами, тяжбами, доносами; но этим не только не утвердится уния, но последний в обществе союз любви расторгнется. Долг мудрого испытать все способы благоразумия прежде, нежели взяться за оружие. Не писать колких писем к начальству, не отвечать с угрозами так, как вы делаете: апостолы и другие святые никогда так не поступали. Говорите, что вольно вам не униатов топить, рубить: нет, заповедь господня всем мстителям строгое сделала запрещение, которое и вас касается. Пишете, что на сейме укоряют не только унию, но и все благочестивое римское духовенство; но кто тому причиною? Когда насилуете совести людские, когда запираете церкви, чтоб люди

без благочестия, без христианских обрядов, без священных треб пропадали, как неверные, когда своевольно злоупотребляете милостями и преимуществами, от короля полученными, то дело обходится и без нас; когда же, по поводу этих беспутств, в народе волнение, которое надобно усмирять, то нами дыры затыкать! Поэтому противная сторона и думает, что мы с вами составили заговор для притеснения народной совести и для нарушения общего покоя, чего никогда не бывало. Довольно и того, что вы с нами в унии, которую бы вы и берегли для себя, и в звании, в которое призваны, оставались бы спокойно, а не подвергали бы нас общенародной ненависти, самих же себя опасности и порицанию. Вы требуете, чтобы не принимающих унию изгнать из государства: да спасет бог наше отечество от такого величайшего беззакония! Давно в этих областях водворилась святая римско-католическая вера, и пока не имела она подражательницы благочестия и повиновения св отцу, до тех пор славились миролюбием и могуществом как внутри, так и вне государства; но теперь, приняв в сообщество сварливую и беспокойную подругу, терпит, по ее причине, на каждом сейме, в каждом собрании многочисленные раздоры и порицания. Кажется, лучше и полезнее было бы для общества разорвать с этою неугомонною союзницей, ибо мы никогда в отечестве своем не имели таких раздоров, какие родила нам эта благовидная уния. Христос не печатал и не запирал церквей, как вы это делаете. «Имеют, — говорите, — священников благочинных!» Дай бог, чтоб их было довольно! Но недостаточно, что вы их сами хвалите: собственная хвала всегда подозрительна. Надобно, чтоб иноверные видели добрые дела и последовали стезям их. Но я слышу, каких вы священников рукополагаете! Таких, от которых церкви больше разорения, чем созидания. Печатать и запирать церкви и ругаться над кем-либо ведет только к пагубному разрушению братского единомыслия и взаимного согласия. Покажите, кого вы приобрели, кого уловили своею суровостию, строгими мерами, печатанием и запиранием церквей? Вместо того, откроется, что вы потеряли и тех, которые в Полоцке у вас в послушании были. Из овец сделали вы их козлищами, навели опасность государству, а, может быть, и гибель всем нам, католикам. Вот плоды вашей хваленой унии, ибо если отечество потрясется, то не знаю, что в то время с вашею униею будет! Вы ссылаетесь на предписание верховного пастыря: но если бы святой отец видел, какие, по причине вашей унии, происходят в отечестве нашем неустройства, то без сомнения, соизволил бы на то, чему вы так упорно противоборствуете. Король приказывает церковь их в Могилеве распечатать и отпереть, о чем я, по его приказанию, к вам пишу, и если вы этого не исполните, то я сам велю ее распечатать и им отдать; жидам и

татарам не запрещается в областях королевских иметь свои синагоги и мечети, а вы печатаете христианские церкви! Вы говорите: «Справедливо ли будет оказывать такое снисхождение для неизвестного будущего спокойствия!» Отвечаю: не только справедливо, но и нужно, потому что неминуемо родится в обществе неустройство, если будем делать им еще бóльшие притеснения в вере. Уже гремят везде слухи, что они хотят навсегда разорвать с нами всякий союз. Что касается полочан и других крамольников против вас, то, может статься, они и в самом деле таковы, но сами вы побудили их к возмущениям. Новгород Северский, Стародуб, Козелец и многие другие города уния от нас отторгнула; она главная виновница тому, что народ московский от королевича устраняется, как это очевидно из русских писем, присланных к нашим вельможам, и потому не желаем, чтоб эта пагубная уния вконец нас разорила».

Опасения Кунцевича за свою жизнь сбылись: в ноябре 1623 года он был умерщвлен жителями Витебска. Легко понять, какое пятно это печальное событие положило на православных, которые до сих пор могли говорить: «О насилии наша сторона не мыслит». Легко понять, что противники поспешили воспользоваться поражением, которое жители Витебска нанесли своей стороне, поспешили разнести по католическому миру весть о мученичестве Кунцевича. Правительство, как правительство, обязано было поступить строго с убийцами и без всяких других побуждений, не нуждаясь в увещаниях папы, который вопреки мнению Льва Сапеги побуждал действовать совершенно в духе Кунцевича; вот письмо Урбана VIII к королю от 10 февраля 1624: «Враги наши не спят, день и ночь отец вражды плевелы сеет, дабы в вертограде церковном терние произрастало вместо пшеницы. Следует и нам с неменьшим прилежанием исторгать ядовитые корни и обрезывать бесполезные ветви. Иначе все страны заглохнут, и те из них, которые должны быть раем господним, станут рассадниками ядовитых растений и пастбищами драконов. Как легко это может случиться в России, научают настоящие бедствия. Непримиримый враг католической религии, ересь схизматическая, чудовище нечестивых догматов, вторгается в соседние провинции и, хитро прокравшись в совещания козацкие, вооружившись силами храбрейших воинов, осмеливается защищать дело сатаны и грозить гибелью православной истине. Восстань, о царь, знаменитый поражениями турок и ненавистью нечестивых! Прими оружие и щит и, если общее благо требует, мечом и огнем истребляй эту язву. Дошла до нас весть, что там устраиваются схизматические братства, издаются новые законы против униатов; пусть королевская власть, долженствующая быть защитою веры, сдержит такое святотатственное буйство. Так как

нечестие обыкновенно презирает угрозы, наказаниями невооруженные, то да постарается твое величество, чтоб лжеепископы русские, стремящиеся возбуждать волнения и господствовать в козацких кругах, достойное такого дерзкого поступка понесли наказание. Да испытает силу королевского гнева факел мятежа и вождь злодеев, патриарх иерусалимский, и своим бедствием сдержит дерзость остальных. Хотя это и кажется делом трудным, однако чего не преодолеет благочестие, покровительствуемое небом и вооруженное королевскою властию? Известный Никифор грек, который, сделавшись оруженосцем дьявола и знаменосцем мятежей, возбудил столько бурь против русских униатов, запертый, наконец, в вечную темницу, примером своим показал, что преступление не только отвратительно само по себе, но и гибельно по своим следствиям. Если дерзость схизматическая часто будет видеть подобные примеры, то не так будет выситься и научится бояться господа отмщений. Вследствие этого просим, твое величество, защищай это дело всею своею ревностию и властию, и прежде всего позволь униатским епископам иметь свободный доступ ко дворцу и в советы королевские, и чтоб они ни в чем не были ниже остальных епископов». В то же время Урбан писал об убийстве Кунцевича: «Кто даст очам нашим источник слез, чтоб могли мы оплакать жестокость схизматиков и смерть полоцкого архиепископа?... Где столь жестокое преступление вопиет о мщении, проклят человек, который удерживает меч свой от крови! Итак, могущественнейший король! Ты не должен удерживаться от меча и огня. Да почувствует ересь, что за преступлениями следуют наказания. При таких отвратительных преступлениях милосердие есть жестокость». Папа не довольствовался письмами к королю: он писал ко многим епископам и светским лицам, требуя гонения на православных епископов, грозя бедою, которая произойдет от связи их с козаками [6а].

Лев Сапега, недавно бывший обличителем Кунцевича, теперь должен был принять на себя председательство в комиссии, назначенной для суда над убийцами Кунцевича. Комиссары приехали в Витебск, окруженные войсками, пешим и конным, из боязни козаков, к которым жители Витебска обратились с просьбою о помощи. В три дня комиссия кончила свое дело: два бурмистра и 18 других горожан погибли на плахе; имения их были конфискованы; около ста горожан, спасшихся бегством, приговорены к смерти и имения их также конфискованы; город потерял все свои привилегии; ратуша была разрушена; колокола, в которые били в набат, поднимая народ против епископа, были сняты; две православные церкви разрушены. Униатский митрополит киевский, Иосиф Рутский, извещая об этом кардинала Бандина, так

оканчивает свое письмо: «Великий страх после этого напал на схизматиков; начали понимать, что когда сенаторы *хотят* приводить в исполнение приказы королевские, то не боятся могущества козацкого».

Итак, имя козаков в устах у папы, у митрополита униатского; вместо Острожских и Тышкевичей козаки являются главными защитниками православия. Мы видели, как дурно кончилось козацкое дело в конце XVI века. После этого мы встречаем в западнорусских летописях известия о таких поступках козаков, которые, конечно, не могли снискать им любви остального народонаселения. Так, летопись говорит под 1601 годом: были в Швеции козаки запорожские, числом 4000, над ними был гетманом Самуил-Кошка, там этого Самуила и убили. Козаки в Швеции ничего доброго не сделали, ни гетману, ни королю не пособили, только на Руси Полоцку великий вред сделали, и город славный Витебск опустошили, золота и серебра множество набрали, мещан знатных рубили, и такую содомию чинили, что хуже злых неприятелей или татар. Под 1603 годом: были козаки запорожские, какой-то гетман, именем Иван Куцка, с 4000 народа, брали приставство с волостей Боркулабовской и Шупенской, грошей коп 50, жита мер 500 и т. д. В том же году, в городе Могилеве Иван Куцка сдал гетманство, потому что в войске было великое своевольство: что кто хочет, то и делает; приехал посланец от короля и панов радных, напоминал, грозил козакам, чтоб они никакого насилия в городе и по селам не делали. К этому посланцу приносил один мещанин на руках девочку шести лет, прибитую и изнасилованную, едва живую; горько, страшно было глядеть; все люди плакали, богу-создателю молились, чтоб таких своевольников истребил навеки. А когда козаки назад на Низ поехали, то великие убытки селам и городам делали, женщин, девиц, детей и лошадей с собою много брали; один козак вел лошадей 8, 10, 12, детей 3, 4, женщин и девиц 4 или 3.

Звание гетмана козацкого успел приобресть в это время известный уже нам Петр Конашевич Сагайдачный, шляхтич по происхождению, человек очень умный, искусный полководец; чтоб избегать ссор с правительством, т. е. с панами, он старался отделить дело козацкое от дела простонародья. «Конашевич, — говорит один летописец, — всегда в миру с панами жил, зато козакам и хорошо было, только посполство очень терпело». Кроме того, Сагайдачный служил хорошую службу польскому правительству на войне, ходил под Москву на помощь к Владиславу, дрался с турками и татарами; козаки его играли главную роль в знаменитой Хотинской битве (1621 года), где Польша была спасена от нашествия султана Османа, которое, как мы видели, должно было соединиться и с московскою войною. Но это был последний

подвиг Сагайдачного: получив тяжкую рану, он удалился в Киев и умер здесь в следующем 1622 году. Служа королю польскому, живя всегда в миру с панами, Сагайдачный счел не бесполезным для себя объявить свою службу и царю московскому. В марте 1620 года явился в Москву посланец Сагайдачного, атаман Петр Одинец с товарищами, и говорил: «Прислали их все запорожское войско, гетман Сагайдачный с товарищами, бить челом государю, объявляя свою службу, что они все хотят ему великому государю служить головами своими по-прежнему, как они служили прежним великим российским государям и в их государских повелениях были и на недругов их ходили, крымские улусы громили. Теперь они также служат великому государю, ходили на крымские улусы, а было их с 5000 человек, было им с крымскими людьми дело по сю сторону Перекопи под самою стеною; татар было на Перекопи с 7000 человек, а на заставе с 11 000; божиею милостию и государевым счастием татар они многих побили, народ христианский многий из рук татарских высвободили; с этою службою и с языками татарскими присланы они к государю: волен бог да царское величество, как их пожалует, а они всеми головами своими хотят служить его царскому величеству и его к царской милости к себе ныне и вперед искать хотят». Думный дьяк Грамотин, похваливши их за службу, сказал: «Здесь в Российском государстве слух было понесся, что польский Жигимонт король учинился с турским в миру и в дружбе, а на их веру хочет наступить: так они бы объявили, как польский король с турским, папою и цесарем? А на их веру от поляков какого посяганья нет ли?» Черкасы отвечали: «Посяганья на нас от польского короля никакого не бывало; с турским он в миру, а на море нам на турских людей ходить запрещено из Запорожья, но из малых речек ходить не запрещено; про цесаря и про папу мы ничего не знаем, и на Крым нам ходить не заказано. На весну все мы идем в Запорожье, а царскому величеству все бьем челом, чтоб нас государь пожаловал как своих холопей». Царь послал Сагайдачному 300 рублей легкого жалованья и писал в грамоте: «Вперед мы вас в вашем жалованьи забвенных не учиним, смотря по вашей службе; а на крымские улусы ныне вас не посылаем, потому что крымский Джанибек-Гирей царь на наши государства войною не ходит и наши люди также крымским улусам вреда никакого не делают»[7].

Несмотря, однако, на то, что Сагайдачный умел жить в миру с панами, полного примирения с козаками в государстве не было и сильно занимал вопрос, нужно ли оставить козаков, или надобно их уничтожить? Мы видели, что этот вопрос был поставлен в договоре, заключенном русскими

тушинцами под Смоленском с королем Сигизмундом; в 1617 году заключен был мир с турками, по которому поляки обязались не допускать козаков до плавания по Черному морю. Но козаки днепровские, точно так же, как и донские, не могли не громить турецких кораблей, иначе им негде было достать себе зипунов. Благодаря козакам мир с Турцией не мог быть надежен; поэтому опять поднялся вопрос: быть или не быть козакам? В 1618 году известный публицист польский, Пальчовский, признал нужным издать книжку: *О козаках — уничтожить их или нет?* * Автор дает ответ отрицательный; по его мнению, истребить козаков *бесчестно, бесполезно* и *невозможно. Бесчестно:* ибо это значит исполнить требование неприятеля турка, истребить христиан, тогда как Украйна при дворах европейских считается единственною оградою христианства. *Бесполезно:* если не будем иметь соседями козаков, то будем иметь соседями турок и татар: что лучше? *Невозможно:* еще при короле Стефане хотели истребить козаков, да отложили намерение за невозможностью, а тогда козаков было гораздо меньше, чем теперь. Если кто скажет, что можно, немецких рыцарей уничтожили же, то отвечаю: «с немецким орденом Польша боролась 200 лет, пока его уничтожила; кто будет советовать начать двухсотлетнюю борьбу с козаками для их уничтожения, того надобно подвергнуть остракизму».

По смерти Сагайдачного, усилившиеся волнения религиозные, борьба униатских епископов с православными, усилившееся гонение на православных, убийство главного гонителя Кунцевича — все это выдвигало козаков на первый план, как защитников православия, тем более, что православная западнорусская церковь получила теперь в лице митрополита Иова Борецкого, правителя энергического, не похожего на Онисифора Девочку и Михаила Рагозу. Борецкий понимал смысл того крика народного, который так обеспокоил Льва Сапегу: «Лучше в неволю турецкую, чем терпеть такие притеснения!» Но Борецкий не хотел идти в неволю турецкую: у него были под руками козаки, у него была еще Москва в виду. В конце 1624 года встало волнение в Киеве; войт Федор Ходыка, да мещанин Созон вздумали печатать церкви православные; митрополит сейчас же дал знать об этом в Запорожье гетману Коленику Андрееву и всему войску; гетман прислал в Киев двоих полковников, Якима Чигринца да Антона Лазаренка, велел им в окольных киевских городах собраться с тамошними козаками и идти в Киев для оберегания веры христианской; полковники исполнили поручение, явились в Киеве в 1625 году после Крещенья, распечатали

---

* *K. Palczowski*, O kozakach, iesli ich zniese czy nie, Kraków, 1618 *(Прим. ред.)*

церкви и схватили Ходыку с теми мещанами, которые умышляли вместе с ним против православия.

Разумеется, такое распоряжение не могло обещать ничего хорошего Борецкому со стороны польского правительства, и вот в феврале 1625 года приехал в Москву от киевского митрополита луцкий епископ Исакий с просьбою, чтоб государь взял Малороссию под свою высокую руку и простил козакам их вины. Бояре отвечали Исакию: «Как видно из твоих речей, мысль эта в самих вас еще не утвердилась, укрепленья об этом между вами еще нет; про козаков ты сказал, что их столько не будет, чтоб стоять против поляков одним без помощи, и говоришь, что теперь Запорожское Войско идет на весну морем на турок: так теперь царскому величеству этого дела начать нельзя. А если вперед вам от поляков в вере будет утеснение, а у вас против них будет соединение и укрепление, тогда вы царскому величеству и святейшему патриарху дайте знать; тогда царское величество и святейший патриарх будут о том мыслить, как бы православную веру и церкви божии и вас всех от еретиков в избавленьи видеть». Исакий отвечал: «У нас та мысль крепка, мы все царской милости рады и под государевою рукою быть хотим, об этом советоваться между собою будем, а теперь боимся, если поляки на нас наступят скоро, то нам кроме государской милости деться некуда. Если митрополит, епископы и Войско Запорожское прибегнут к царской милости и поедут на государево имя, то государь их пожаловал бы, отринуть не велел, а им кроме государя деться негде»[8].

Распоряжения козаков в Киеве и вмешательство их в дела крымские, где они поддерживали хана, враждебного туркам, жалобы султана по этому случаю — все это заставило гетмана польского Станислава Конецпольского, в конце сентября 1625 года, вступить в Украйну с 30 000 своего войска и с 3000 немцев цесарских. Между русскими пошел слух, что Конецпольский пришел козаков уменьшить и, уменьша козаков, веру римскую в Киеве и во всех литовских городах ввести. В Каневе и Черкасах поляки много козаков побили и места их козацкие разорили. Выступив из Черкас, Конецпольский стал обозом в десяти верстах ниже Крылова; по ту же сторону Днепра стали обозом и козаки, пришедшие из Запорожья, и городовые, тысяч с 20, с полковниками Дорошенком, Измаилом, Олифером, да с Пырским, что у них был гетманом в Запорогах. Гетманство дано было Измаилу. 26 октября произошел у них бой с поляками; последние одолели, козаки отступили и расположились над Куруковым озером, где поляки должны были их снова добывать с большою для себя потерею: несколько знатных людей у них погибло, убито было множество лошадей. Но потеря козаков была еще значительнее; они не видели более возможности держаться, свер-

гнули Измаила, выбрали в гетманы Михайлу Дорошенка и вступили в переговоры с Конецпольским. Комиссия, собравшаяся под председательством Конецпольского в урочище Медвежьи Лозы, объявила козакам следующие обвинительные пункты: 1) Непослушание их республике обнаружилось в частых походах на море, навлекших на Польшу войну турецкую: козаки выходили в море в то самое время, когда знатный посол польский, пан конюший коронный, обещал от них покой султану. 2) Войско Запорожское ссылается с Москвою, с которою у Польши верного мира нет, одно кратковременное перемирие; козаки дают московскому титул царский; ссылаются с Шагин-Гиреем крымским без ведома республики; заключили союз с ним и людей на помощь ему посылали. 3) Козаки принимают к себе людей духовных (например, иерусалимского патриарха), разных обманщиков, которые называются цариками турецкими, господариками волошскими. 4) Вопреки власти королевской козаки сажают других митрополитов и владык при жизни старых. 5) Подданные шляхты и державцев, отказавшись от послушания господам своим, с помощью козаков нападают на последних, как на злодеев, землю себе берут, пожитки и доходы у людей заслуженных отнимают. 6) Недавно на Киев напали, войта, человека доброго, и попа своей религии невинно умертвили, иных в тюрьму посажали и на поруки отдали, имение отняли; на монастырь киевский неприятельски напали, землю у него отняли и хутор на ней поставили; наместника подвоеводского обесчестили. Разных чинов людям, духовным, светским, горожанам и жидам неслыханные обиды сделали. Из этих обвинений вытекали следующие требования: 1) Чтобы выданы были на казнь все те, которые начальствовали в походах против турок во время посольства конюшего коронного, также все те, которые были виновниками убийств киевских, богуславских, корсунских и наездов на домы шляхетские. 2) Чтоб те, которые ездили послами в Москву, под присягою показали, с чем туда ездили, и грамоты, полученные от московского, отдали в руки комиссарам. 3) Чтоб объявили, куда девали царика Ахию? 4) Чтоб сожгли челны в присутствии посланцев комиссарских. 5) Чтоб с тех пор ни один козак запорожский ни Днепром, ни Доном не выходил в море. 6) Так как в козаки бегают подданные от панов своих, ремесленники от ремесел, и своевольством своим чернят славу козацкую, то король не позволяет увеличивать число козаков. Имена всех козаков и домы, где в каком месте живут, должны быть написаны на одном реестре и за рукою старшего отосланы в казну королевскую. 7) Козаки должны повиноваться тому старшине, которого, по воле королевской, гетман коронный даст им из их же среды. На этот раз гетман утверждает Дорошенка. 8) Козаки не должны

вмешиваться в управление староствами. 9) Козаки, обвиненные в насилиях людьми разных чинов, должны быть немедленно преданы суду. 10) Козак, обвиненный в чем-нибудь, судится сотниками, в присутствии подстаросты; если козак жалуется не на козака, то последний судится подстаростою, а сами козаки между собою судятся своим судом. 11) Козаки не должны сноситься с иностранными государями, постановлять с ними что-либо и вступать к ним на службу.

Козаки отвечали на обвинения: 1) Люди, начальствовавшие в походе против турок в бытность конюшего коронного у султана, еще до срока выданы и отосланы на сейм для наказания. А так как нам жалованье королевское, обещанное на прежних комиссиях, не доходило, то мы должны были сами о себе промышлять. 2) В Москву посылали мы по давнему обычаю, чтоб московский не переставал присылать нам казну. Что же касается до сношений с Шагин-Гиреем, то волна прибила к крымскому берегу товарищей наших, шедших с Дону для добычи; этих голодных людей Шагин-Гирей взял к себе в службу и потом прислал к нам со всеми христианами, сколько их там отгромили; притом Шагин-Гирей обязывался заключить мир с королевством Польским и нам казалось, что не должно было откладывать такого дела. 3) О патриархе и других духовных король давно знает, мы и духовные наши пред ним оправдались. 4) Относительно приезда цариков турецких, московских и господариков волошских мы себя виноватыми не считаем, потому что искони вольно всякого титула людям за Пороги приезжать и отъезжать. 5) Мы обязаны взыскать с людей, обвиненных в наездах и грабежах. 6) Относительно войта киевского, попа и других отвечаем: видя, что делается в княжестве Литовском, на Белой Руси, на Волыни и Подоле, какие притеснения терпят церкви наши старой религии греческой, как не позволяют духовным нашим отправлять в них богослужение, выгоняют их из приходов, отдают во власть униатам, остерегаясь, чтоб и нам того же не было, видя, что, по поводу этого попа, войт в Киеве не только церкви печатает, доходы отнимает, но и митрополита и нас ругает, видя все это, могли ли мы терпеть? Отдаем на рассуждение ваших милостей. 7) Земля, взятая у монастыря киевского, принадлежала церкви св. Василия, а не ему. 8) В Корсуне и Богуславе была месть за тиранское пролитие крови христианской. 9) Царик Ахия как пришел неведомо откуда, так и ушел неведомо куда. 10) Мы готовы сжечь челны, как скоро получим за них вознаграждение. 11) Паны урядники, получая подарки, позволяли всякому уходить к нам: вот и набралось к нам множество народу из ремесленников; но теперь мы охотно отделим от себя всех неспособных к войне»[9]. Комиссия постановила, что вперед козаки будут повиноваться только тому старшему, которого утвер-

дит король и коронный гетман; если этот старший не будет исполнять своих обязанностей, то козаки должны принести жалобу королю и коронному гетману и просить смены старшего; то же должны делать и по смерти старшего. Но если б козацкое войско находилось в дальнем расстоянии от короля или гетмана, то козаки могут избрать старшего из среды себя и вручить ему правление до тех пор, пока король и коронный гетман одобрят избранного. Форма присяги старшего была следующая: «Я, Михайла Дорошенко, клянусь господу богу, в троице святой единому, что пресветлейшему королю польскому Сигизмунду III и его наследникам и Республике Польской в сей должности моей, согласно воле его королевского величества, во всем верность и повиновение сохранять буду, соблюдая во всем повеления его королевского величества и республики, укрощая всякое своеволие и непослушание, а именно: ни я сам, ни посредством других против турецкого императора, ни сухим путем, ни морем, не буду ходить и воевать, разве только по повелению его королевского величества и республики. Напротив того, если б кто из войска его королевского величества, мне вверенного, или же кто со стороны вознамерился то сделать, и я про то знал бы, то обязываюсь доносить об этом его королевскому величеству и коронному гетману и таковым нарушителям королевского повеления сопротивляться. Никаких полчищ собирать и созывать без соизволения его королевского величества не буду, и даже таковые, по обязанности моей, стану преследовать; а также все условия, в самомалейших пунктах в бумагах панов комиссаров на Медвежьих Лозах прописанные, я со всею моей дружиною исполнять буду». Эти пункты были следующие: число реестровых козаков назначается 6000; они пользуются всеми правами, полученными от прежних королей польских и ныне царствующего Сигизмунда; им позволяется снискивать себе пропитание торговлею, рыбною ловлею и охотою, но без вреда угодьям старостинским; кроме того, ежегодно назначается им от короны 60 000 злотых жалованья; старшинам назначается особое жалованье. Из 6000 реестровых козаков 1000 или более должны находиться за Порогами, наблюдая за движениями врагов. Если сам старший отправится в Запорожье, то вместо себя оставляет способного человека. Козаки не должны выходить Днепром в море и начинать войну с каким-либо соседним государством, и потому все морские лодки будут сожжены в присутствии комиссаров. Козак не может жить на земле прежнего пана своего, если не хочет ему повиноваться; ему дается 12 недель сроку для очистки дома и земли. Войску ни в какие дела, ему не принадлежащие, не вмешиваться; союзов с соседними державами ни под каким предлогом не заключать, послов от них

не принимать и в службу иностранных владетелей не вступать.

Окончивши комиссию, Конецпольский пошел в Бар; паны, бывшие с ним, разъехались по своим имениям; вместо себя на Украйне гетман оставил полковника Казановского с 15 000 войска, которое разместилось в Василькове, Треполе, Оржищах, Стайках, Хвостове, Киеве. Дорошенко с польскими комиссарами ездил по козацким городам, разбирал козаков; по городам козаки слушались Дорошенка, потому что лучшие люди из них пристали к нему; но которых отставляли от козачества, те думали посылать бить челом царю Михаилу Федоровичу, чтоб государь пожаловал, велел им помощь дать своими государевыми людьми на поляков, а они, козаки, станут служить государю и города литовские будут очищать на государево имя, чтоб им православной веры не отбыть.

Но козаки после поражения от Конецпольского были слишком слабы для какого-нибудь важного предприятия. Это поражение отняло у Иова Борецкого надежду произвести посредством козаков восстание православного народонаселения Турции во имя искателя турецкого престола, выдававшего себя князем крови султанской и вместе христианином греческого исповедания. Мы видели, что польские комиссары толковали с козаками о каком-то царике Ахии. В конце 1625 года явились в Москву из Запорожья козак Иван Гиря с товарищами и македонянин Марк Федоров, посланные к царю Михаилу от Александра Ахии, который выдавал себя за турецкого царевича, сына султана Магомета; Александр рассказывал, что он вывезен из Турции матерью своею, гречанкою Еленою, был у императора, у герцога флорентийского, у короля испанского и теперь приехал поднимать запорожских козаков против турок, прислал просить помощи и у государя московского. Александр писал Михаилу, что будущею весною хочет идти по суху и морем в землю Греческую, где ожидает его большое войско из православных болгар, сербов, албанцев и греков; всего войска 130 000. Думный дьяк Грамотин отвечал посланным, что государь желает Александру царевичу всякого добра, чтоб сподобил его бог отцовского государства достигнуть, а помочь ему не может, потому что Александр царевич теперь живет в Литовской земле у запорожских черкас, которые послушны польскому королю, а польский король государю недруг, и помочь через чужое государство нельзя; да и грамоты теперь царское величество к Александру царевичу послать не соизволил потому, что если литовский король доведается, что Александр царевич ссылается с царским величеством и помощи просит, то король не сделал бы Александру царевичу какой помешки; а для любви царское величество посылает Александру царевичу на 1000 рублей соболей, лисиц и бархатов золотных. В декабре 1625 года

путивльский воевода дал знать в Москву, что в Запорожье собралось было с Александром козаков тысяч с тридцать; но как скоро пришла к ним весть, что гетман Конецпольский с поляками идет на них к Киеву, то меж козаками сделалась рознь и разошлись они из Запорожья по литовским городам, начали собираться против гетмана Конецпольского. 1 сентября царевич Александр с своими людьми сам-пят из Запорожья поехал в Литовскую землю и приехал в Киев, где митрополит Иов держал его тайком от поляков в Архангельском монастыре и одел его в монашеское платье, потому что Конецпольский везде велел его сыскивать накрепко; а в ноябре Иову удалось отправить его тайно в Московское государство, велевши ему, едучи до Путивля, сказываться купецким человеком. Когда в Москве узнали, что Александр в Путивле, то государь велел боярам подумать об этом деле. Бояре рассуждали: «Это дело новое, небывалое! Если царевича Александра принять, то не поднять бы на себя турских и крымских людей? Неведомо с каким умыслом царевич Александр приехал в Путивль: убежал ли от поляков, или нарочно ими прислан, чтоб государя с турским поссорить? Взять Александра и отдать его турскому султану за вечный мир, чтоб султан запретил крымцам нападать на государевы украйны — опасно, чтоб тем бога не прогневать, человека христианина на смерть отдавши. Праведные судьбы божии никому неизвестны: что если он прямой султана Магомета сын и крещен в православную христианскую веру прямо и был во многих государствах и нигде ему зла не сделали! Если его отдать, то бога бы не прогневать, греков и всех тех, которые на Александра надеются, не оскорбить и от турского в конечное разоренье не привести; да чтоб от пограничных государей укоризны не было, что человека христианина отдали в поганские руки». 17 декабря указал государь и бояре приговорили послать в Путивль дворянина и привезти Александра в Мценск, где его и оставить до времени, а для береженья послать 10 человек стрельцов. Приставам патриарх Филарет наказал: если Александр станет проситься в церковь, то вы бы его в церковь пускали, а стоять ему в трапезе, которая не освящена, а если станет проситься в церковь, то вы ему отговаривайте, что ему в церковь ходить в хохле нельзя, потому что он теперь сделал себе хохол и называется поляком, а в Российском государстве поляков в церковь не пускают. Александр бил челом, чтоб государь отпустил его к донским козакам, а оттуда он пойдет на Дунай, в Волошскую землю и Болгарию и иные страны, которые признали его государем, и чтоб государь велел донским козакам помочь ему; если же государь на Дон отпустить его не велит, то велел бы отпустить к немцам через Новгород или Архангельск, чтоб ему можно было пройти к флорентийскому князю. Государь ве-

лел ему отвечать, что на Дону живут козаки, люди вольные, и царского повеленья мало слушают; притом же их мало, большой войны турскому они не сделают, да с турскими султанами у него, царя, братство, любовь и ссылка, и потому Александра отправили за границу через Архангельск. Но в 1637 году Александр опять явился в Россию и присылал на Дон грамоту, в которой звал к себе донцов и запорожцев в Чернигов. Чем кончились его похождения, неизвестно [10].

Между тем и реестровые козаки под начальством Дорошенка мало оказывали расположения исполнять условия, предписанные на Медвежьих Лозах: запорожские чайки (лодки) являлись на Черном море. В начале 1626 года крымский хан напал на Украйну. Поляки потребовали от Дорошенка, чтоб он с козаками и нарядом шел к ним в сбор; Дорошенко пошел было, но в городе Больших Прилуках явился к нему посол от хана и напомнил, что у козаков с татарами мир, скрепленный присягою, и потому козакам нельзя идти к полякам на помощь. Дорошенко возвратился назад; мало того: запорожцы с гетманом Олифером передались хану и вместе с ним ходили войной на Польшу [11]. В 1627 году король прислал к Дорошенку дворянина своего с приказанием, чтоб козаки были все готовы на весну идти против шведского короля. Гетман собрал в Каневе раду, и на этой раде козаки королевскому посланцу отказали: «Против шведского короля нам нейти, потому что король польский и паны радные пожитки всякие у нас отняли, на море нам ходить не велят, мы от этого оскудели, на службу против шведского короля нам подняться нечем». И послали они к королю и к панам радным посланцев своих просить, чтоб им, козакам, вперед быть в десяти тысячах, и король бы им прислал денег и сукна на десять тысяч [12].

Дорошенко погиб в Крыму в 1628 году, принимая участие в тамошних междоусобиях; на его место был поставлен Григорий Черный, который однако своею преданностью полякам и, как говорят, принятием унии, не понравился козакам. В 1630 году правительство расставило войска свои в киевском округе; в народе пошел слух, распущенный, как говорят, Петром Могилою, архимандритом киевопечерским, что войска идут для истребления козаков и веры православной. Козаки взволновались, убили своего старшего Григория Черного и на его место провозгласили Тараса. Конецпольский двинулся против них и сошелся под Переяславлем. Исход этой войны в большей части известий, как малороссийских, так и польских, представляется загадочным: козаки берут верх над Конецпольским и, несмотря на то, выдают ему Тараса, которого поляки казнят в Варшаве. Известный нам путивлец Гладкий [13] так рассказывал дело: «Гетман Конецпольский осадил козаков в Переяславле. У польских людей с черка-

сами в три недели бои были многие, и на тех боях черкасы поляков побивали, а на последнем бою черкасы у гетмана в обозе наряд взяли, многих поляков в обозе побили, перевозы по Днепру отняли и паромы по перевозам пожгли. После этого бою гетман Конецпольский с черкасами помирился, а приходил он на черкас за их непослушанье, что они самовольством ходят под турецкие города, и всем войском убили Гришку Черного, которого он прежде дал им в гетманы. Помирясь с черкасами, Конецпольский выбрал им из них же другого гетмана, каневца Тимоху Арандаренка. А было у Конецпольского польских и немецких людей и черкас лучших, которые от черкас пристали к полякам, 8000, а черкас было 7000». Из этого известия можно принять для объяснения дела одно только обстоятельство: присутствие *лучших* черкас в польском войске; вероятно, эти лучшие черкасы повернули дело так, что Тарас был выдан и чернь не получила никаких выгод от своего восстания.

Уже в 1631 году козаки переменили Арандаренка и выбрали на его место Ивана Петрижицкого-Кулагу. Козаки не переставали громить турецкие берега Черного моря; султан собрал было войско на Польшу вместе с Москвою: но неудача последней под Смоленском заставила и его помириться с Польшею; при заключении мира польское правительство обязалось совершенно изгнать козаков с днепровских островов. Для этого коронный гетман Конецпольский в 1635 году построил на Днепре, ниже Самары и Князева острова, крепость Кодак; но в том же году козаки, возвращаясь с моря под начальством Сулимы, разорили крепость. Сулима был схвачен с помощью реестровых козаков и казнен. Но в следующем году началось волнение на Украйне. Здесь со стороны польского правительства впервые является действующее лицо, с которым часто будем встречаться впоследствии, Адам Кисель, подкоморий черниговский. Кисель был русский родом, член одной из тех знатных фамилий, которые сохранили еще старую русскую веру. Вследствие этого обстоятельства Кисель тянул к Руси, к русскому народу, был врагом унии; но, с другой стороны, будучи знатным и богатым землевладельцем на Украйне, он смотрел на народонаселение своих земель совершенно панскими глазами и сильно не сочувствовал козакам, которые являясь защитниками православия, прежде всего были союзниками хлопства: в козаки бежали хлопы, не хотевшие жить в крестьянстве, а этого пан Кисель не мог сносить хладнокровно. Таким образом, он находился всегда между двух огней, а польское правительство нарочно посылало его всегда комиссаром, посредником при столкновениях своих с козаками, как русского и православного. В августе 1636 года взволновались козаки в Переяславле, выведенные из терпения насилиями воеводича рус-

ского, они решились идти на Запорожье и оттуда на море. Старшина не бунтовала; Кисель, комиссар от правительства у козаков, оставался при ней. Наконец козаки пришли к старшине и начали кричать, что в мае высланы им деньги и в августе еще не привезены; кричали, что правительство их притесняет. Кисель уговорил их подождать четыре недели и немедленно написал об этом королю (6 августа), давая знать, что действительно козакам делаются притеснения во многих местах. Написал и гетману Конецпольскому (25 августа); в этом письме Кисель говорит, что он заметил три вещи в козацком войске неразумном: 1) любовь к религии греческой и к духовенству этой религии, хотя козаки в религиозном отношении похожи более на татар, чем на христиан; 2) сильнее на них действует страх, нежели милость; 3) хищничество. Вследствие этого он, Кисель, уговорил митрополита послать двух духовных особ с увещанием к козакам не восставать против республики. Старшин, прибавляет Кисель, должно удерживать дарами, а чернь — страхом.

Весною 1637 года новое волнение: комиссары королевские приехали к козакам, чтоб отдать им жалованье и взять присягу; но чернь объявила, что не хочет давать присягу, хочет идти на Запорожье. Комиссары стали уговаривать козаков, грозили, что они подвергаются опасности, что республика изгладит их имя, что она скорее согласится видеть на Днепре диких зверей и пустыню, чем мятежную чернь. «Настоящее ваше действие, — говорили комиссары, — может быть началом своеволия, но своеволие не будет его следствием; вы можете идти на Запорожье, но оставите здесь жен и детей, да и сами долго на Запорожье жить не можете, принесете опять свои головы под саблю республики; изменить же и уйти в другое место напрасно грозитесь, ибо Днепр — ваша отчизна, в другом месте такой не найдете. Дона нечего и сравнивать с Днепром и тамошней неволи с здешнею волею: как рыбе без воды, так козакам без Днепра быть нельзя, а чей Днепр, тому и козаки должны принадлежать всегда». Козаки расплакались, услыхавши о Днепре. Старший, или гетман Томиленко, которого комиссары называют простяком, но трезвым и скромным, отказался от должности, но его выбрали снова, положили не изменять республике и присягнули.

Но спокойствие было минутное; Кисель писал, что дела плохи на Украйне, ибо козаки — зверь без головы (Bellua sine capite), стадо без пастуха. По его мнению, непременно должен быть на Украйне начальный человек, чтоб гасить пожар, могущий произойти от первой искры. Обязанность его предотвращать столкновения между козаками и правительственными лицами, укрощать волнение в самом начале; он должен платить деньги, должен иметь власть бунтовщика вычеркнуть из списков, должен иметь денежные средства,

которые дадут ему возможность приобретать приверженцев, приверженцы эти должны составлять оппозицию бунтовщикам. «Надобно, — пишет Кисель, — чтоб у старшины козацкой оставалось только имя старшинства, а действительная власть была бы у этого человека, каким бы он именем ни назывался». Несмотря, однако, на неудовольствия и волнения между козаками, восстания не было на Украйне, оно вспыхнуло на Низу; предводителем был Павлик, или Павлюга, который, вышедши тайно из Запорожья, взял силою артиллерию из черкас; тогда, что только было гультяйства (бездомовников) на Украйне, выпищиков, могильников, будников, овчаров, особенно из имений князя Вишневецкого и из-за Днепра, все это встало и собралось. Реестровые козаки, упрекая старшего своего Томиленка в послаблении своеволию, собрали раду, свергнули его и выбрали Савву Кононовича Новый гетман начал действовать в духе избравших его и правительства: стал уговаривать восставших прекратить восстание; тогда Павлик и другой начальник восставших, Скидан, явились в Переяславле, созвали раду и, воспользовавшись своим большинством, убили Савву Кононовича. Они не хотели прямо вдруг разрывать с правительством, и потому написали Конецпольскому с просьбою, чтоб правительство не сердилось на них; выставляли Кононовича человеком неспособным к гетманству, чужеземцем, москалем. Конецпольский отвечал им: «Повинуйтесь старшему, которого вам даст король, а не тому, кто сам на себя возьмет это достоинство; сожгите все челны и воспрепятствуйте морским набегам: тогда возвратите к себе милость королевскую».

Условия не понравились Павлику и его козакам. 11 октября 1637 года явился универсал, призывавший русских к восстанию, здесь говорилось, что неприятели народа русского и веры старожитной греческой, ляхи, идут на Украйну с тем, чтоб войско и подданных королевских, княжеских и панских истребить, жен и детей в неволю забрать. Ляхи действительно явились под начальством брацлавского воеводы Потоцкого и встретились с козаками под Кумейками 8 декабря. Козаки, несмотря на отчаянную храбрость, потерпели поражение; около 3000 их пало в таборе; ни один не просил помилования, только и слышен был голос, что надобно помереть одному на другом; если же поляк падал с лошади, то козаки сбегались и рвали труп на куски. Ночью Павлик и Скидан ушли, но Потоцкий утром нагнал их при Боровице, окружил и начал обстреливать. Адам Кисель предложил козакам выдать Павлика и других зачинщиков восстания, поручившись, что король не будет мстить им. Козаки выдали Павлика и Томиленка, но Скидану удалось уйти. По выдаче Павлика, козаки выбрали было себе другого старшего, но Потоцкий объявил им, что они все потеряли бунтом; старшему велено по-

ложить булаву, бунчук и печать, все старые полковники отставлены, даны новые. Старшим назначен Ильяш Караимович. Но кроме главного войска, находившегося с Павликом, был еще отряд козацкий под предводительством Кизименка, который взял Лубны, вырубил шляхту и монахов бернардинских, трупы последних отдал собакам; но и Кизименко попался Потоцкому, который велел посадить его на кол, «ибо (пишет Потоцкий из Нежина 8 января 1638 года) напрасно возить их в Варшаву на зрелище: лучше пусть понесут здесь казнь, где злодействовали». Но Павлик с четырьмя товарищами были казнены в Варшаве, несмотря на протест Киселя. Главный город Терехтемиров у козаков отняли; гетманам дано приказание искоренить всех козаков, которые будут противиться сеймовому определению, а это определение состояло в том, чтоб сделать новый набор козацкого войска, в числе шести тысяч, с назначенными от правительства офицерами [14].

Но этот сеймовый декрет мог быть исполнен только после новой отчаянной борьбы, которая дорого стоила полякам. В апреле 1638 года вспыхнуло новое восстание в Запорожье под начальством Остранина, мстившего за отца, замученного поляками; Скидан явился также на сцену подле Остранина; бо́льшая часть реестровых козаков с своим старшим Ильяшем сражались на стороне поляков против козаков Остраниновых. Эта война замечательна тем, что восставшие козаки смотрят за левый берег Днепра, на московскую сторону, как на безопасное убежище в случае неудачи. Приготовляется мало-помалу то дело, на которое указал Иов Борецкий. Остранин, поразивший поляков под Голтвою (5 мая), но потом разбитый под Жолниным (13 июня), ушел в московские владения, куда еще прежде вывез жену. Но бегство Остранина не отняло духа у козаков: они выбрали себе другого старшего, Гуню, укрепились на устье реки Старицы, впадающей в Днепр, и отбивались до последней крайности от неприятеля, превосходившего их числом и артиллерией; наконец, вынужденные недостатком продовольствия, козаки объявили, что будут повиноваться сеймовому приговору. Поляки, с своей стороны, обещали не преследовать их, когда будут расходиться по домам, но не сдержали обещания. В конце года козакам было повещено, чтоб они собрались на урочище Маслов брод слушать решение короля и Речи Посполитой. Это решение состояло в том, что козаки лишались права избирать старшин; назначен был им комиссар от правительства, Петр Комаровский, с правом назначать полковников; главным городом козацким, местопребыванием комиссара, объявлен Корсунь. Правительство приказало возвратить козакам их прежние земли, которыми они владели наследственно; но польский гетман Потоцкий с товарищами, назначенными для

улажения дела, объявил, что этот пункт никак не может быть приведен в исполнение, потому что, по случаю выпавших снегов, нельзя различить ни столпов пограничных, ни насыпей, ни ручьев, ни дорог, ни болот, и потому земли трудно разделить. В присутствии Потоцкого и других комиссаров козаки должны были снова присягнуть в верности королю и республике; все оружие было свезено в средину; хоругви, булавы и все доспехи были повергнуты к ногам комиссаров, представителей Польши; тяжкие вздохи раздались среди козаков при этом унизительном для них обряде. Потоцкий принял эти вздохи за признак глубокого раскаяния.

«С этого времени всякую свободу у козаков отняли, тяжкие и необычные подати наложили, церкви и обряды церковные жидам запродали, детей козацких в котлах варили, женам груди деревом вытискивали». Это говорит летописец малороссийский; но вот что говорит польский: «В 1640 году, в месяце феврале, татары крымские всю страну около Переяславля, Корсуня и обширные имения князей Вишневецких вдоль и поперек опустошили, людей и скот забравши, и возвратились домой безо всякой погони, потому что козацкой стражи более не было. Такую выгоду получила республика от уничтожения козаков, а все оттого, что старосты и паны в Украйне хотели увеличить свои доходы, жидов всюду ввели, все в аренду отдали, даже церкви, ключи от которых у жидов были: кому нужно было жениться или дитя окрестить, должен был заплатить за это жиду-арендатору».

Одновременно с этою борьбою козацкою, кончившеюся так неудачно, западнорусское народонаселение продолжало другими средствами вести борьбу за веру и народность свою. Борьба была так сильна со стороны православных, что униаты в январе 1624 года предложили им соглашение, в основании которого долженствовало быть учреждение патриаршества по примеру московского. Но соглашения не последовало, потому что прежде всего нужно было определить отношение нового патриарха к унии, к папе. Православные все более и более увеличивали свои нравственные средства для борьбы с униею. Еще с 1594 года в Киеве при братстве Богоявленской церкви существовала школа. В 1614 году пожар истребил училищный дом; тогда в 1615 жена мозырского маршала Лозки, Анна Гугулевичевна, пожертвовала место и несколько строений для братской школы, монастыря и гостиницы для православных странников духовного звания. В 1617 году основано было братство Луцкое; в 1619 шляхта Волынского воеводства дала мещанам луцким грамоту, которою передала им надзор и попечение за делами братства, «потому что, — говорит шляхта, — мы в городе вообще не живем и, по отдаленности, не часто бываем, и потому поручаем надзор и возлагаем труды на младших господ братий на-

ших, господ мещан луцких, с тем, чтоб они во всем ссылались на нас, как на старших; а мы, как старшие младшим, должны им помогать, за них заступаться на каждом месте и в каждом деле». При братстве основана была, разумеется, школа; вот ее устав: 1) Каждый, кто хотел вступить в школу, должен был, явившись к ректору, избранному из монахов, присматриваться сначала три дня к учению, порядку, а бедный и к содержанию, для того, чтобы поспешно начавши, скоро не раскаялся и не оставил бы предприятия, ибо каждый принимается только с тем условием, чтоб окончил в школе полный курс наук. 2) Если вступить не захочет, отходит с благословением; если согласится на порядок и правила, то должен объявить старшему и внести в школьную кружку четыре гроша; тогда будет вписан в ученики. 3) Ученик обязан оказывать совершенное, безответное послушание старшему или кому старший прикажет. 4) Поступивши в школу, ученик должен просить совета у начальника ее, за какую науку ему взяться, и совету этому должен следовать охотно; исключаются те ученики, которые от родителей или опекунов своих назначены к какой-либо известной науке. 5) Никто не должен делать ни в училище, ни вне его, особенно между собою, никакой сделки, что-либо закладывать, торговать, покупать, продавать без ведома учителя. 6) Что будет говориться или делаться в школе, никто за порог школьный выносить не должен. 7) Ученики не должны держать у себя никаких военных снарядов, ни инструментов других ремесл, кроме принадлежностей школьных; также не должны иметь никаких иноверческих и еретических книг. Касательно порядка преподавания было установлено: сперва научаются складывать буквы; потом обучаются грамматике, церковному порядку, чтению, пению. Дети ежедневно один другого должны спрашивать по-гречески, а отвечать по-славянски, также спрашивать по-славянски и отвечать на простом языке. Вообще они не должны между собою разговаривать на одном простом языке, но на славянском и греческом. Потом приступают к высшим наукам, диалектике и риторике, которые переведены по-славянски.

В 1625 году поступил в монахи Киево-Печерской лавры Петр Могила, сын молдавского воеводы, и в 1626 был уже сделан архимандритом ее. Могила на свой счет отправил несколько молодых людей, монахов и мирян, за границу, во львовскую, римскую и другие академии. Когда они через четыре года возвратились на родину, то Могила вознамерился открыть при лаврском больничном монастыре училище. Тогда братство Богоявленское начало просить его не заводить нового училища, а соединить его с старым братским, причем гетман Иван Петрижицкий со всем Запорожским Войском клятвенно обязался защищать братское

училище от всех неприятелей и притеснителей, хотя бы то стоило крови; шляхта обязалась ежегодно избирать из среды своей старост для попечения об училище; митрополит Исаия Копинский, преемник Борецкого, от лица всего духовенства предложил Могиле титул старшего брата в Богоявленском братстве, опекуна и смотрителя и защитника братского училища. Могила согласился и средства братского училища сильно увеличились.

Но, в то время как поднятая Могилою киевская школа приготовляла новых поборников русской веры, православные русские лишились самого сильного из прежних ратоборцев своих, Мелетия Смотрицкого. После убиения соперника своего, Иосафата Кунцевича, Мелетий, обвиняемый как участник в этом деле, как поджигатель народа, отправился на Восток для точнейшего изучения восточной веры и церкви, как говорил он сам; но вместо бо́льшей привязанности к бедствующей церкви, которой страдания он так сильно описывал прежде в своем Френосе, Мелетий возвратился на родину с убеждением, что восточная церковь заражена протестантизмом. В 1628 году он издал свою защиту путешествия на Восток (Apologia peregrinacij do stron wschodnich) *, где изложил свой новый взгляд на восточную церковь и предлагал православным русским принять унию. В том же году на киевском православном соборе он должен был отречься от своих мнений и просить прощения **; но как только уехал из Киева, то написал протест (Protestatia) *** против собора, где объявил, что принужден был только силою отказаться от своих убеждений, искренних и правильных. Против апологии возражал православный протопоп Андрей Мужиловский в сочинении Antidotum **** (1629); Смотрицкий ответил в том же году книгою: Exethesis *****, которая со стороны православных вызвала *Апологию погибель* (от греч. apollimi — погибаю, а не от apologeo — защищаю).

В апреле 1632 года умер король Сигизмунд III. В то самое время, как покойник лежал на парадной постели в шапке, похищенной из московской царской казны, и в тот самый день (18 июня), как униатский киевский митрополит

---

* *M. Smotrycki*, Apologia peregrinatiey do kraiow wschodnych, Lwów, 1628. *(Прим. ред.)*

** *Мелетий Смотрицкий*, Аполлея апологии, Львов, 1628. ЦГАДА, Библиотека СПК, № 32. *(Прим. ред.)*

*** *M. Smotrycki*, Protestatia przesiwo soborowi w Kiiowie obchodzonemu, Lwów, 1628. *(Прим. ред.)*

**** *A. Muzylowski*, Antidotum przezacnemu narodowi ruskiemu, albo warunek przeciw Apologiey, ktora wydał Melety Smotrycki, б. м., 1629. *(Прим. ред.)*

***** *M. Smotrycki*, Exethesis abo expostulatia, to iest rosprawa między Apologia y Antidotem o ostanek błędow w Haereziy y klamstw Zyzaniowych uczyniona, Lwów, 1629. *(Прим. ред.)*

Иосиф Вениамин Рутский служил при теле королевском обедню на славянском языке, сенат слушал посольство от козаков, которые просили: 1) права подавать голос при избрании королевском, ибо и они составляют часть республики; при этом послы объявили, что все козачество подает голос в пользу королевича Владислава; 2) просили, чтоб греческая религия оставалась в покое от униатов; 3) чтоб число войска их и жалованье ему были увеличены. Им отвечали, что действительно они составляют часть республики, но такую, как волосы или ногти в теле человеческом; когда волосы или ногти слишком вырастут, то их стригут; так и козаки: если их немного, то они могут служить защитою республике, но когда размножатся, то возникает опасность, чтобы русские крестьяне не встали против панов. Православные и протестанты требовали уничтожения тех стеснений, которым подвергались они при покойном короле. Но меры Сигизмунда произвели свои действия: успела образоваться сильная сторона католических ревнителей, которые не хотели никаких уступок в пользу диссидентов. Реакция системе Сигизмундовой всего сильнее обнаруживалась в семействе покойного короля, в старшем сыне его Владиславе, за которого недаром козаки подавали свой голос. Владислав принял на себя труд согласить униатов с православными, но пять часов сряду понапрасну толковал с ними: обе стороны разошлись еще с большею ненавистью друг к другу. Владислав, однако, не отставал от своего предприятия, и, наконец, при его посредничестве, обе стороны согласились на следующие пункты: 1) быть двум митрополитам: униатскому и православному; 2) в полоцкой епархии быть двум архиереям: полоцкому униатскому и мстиславскому православному; епархии львовская, луцкая, перемышльская и монастырь Киево-Печерский уступаются православным. Борьба, кончившаяся этими уступками, не обошлась без полемических сочинений: православные для исторического подтверждения своих требований издали в 1632 году Синопсис *, или собрание прав и привилегий, данных королями польскими народу русскому, и потом дополнение к этому Синопсису (Suplementum Synopsis) **; униаты отвечали в том же году сочинениями: 1) Права и привилегии королей польских, данные обывателям Короны Польской и Великого княжества Литовского, находящимся в единении с римскою церковию ***; 2) Святое единение церквей

* ΣΥΝΟΨΙΣ albo krotkie spisanie praw, przywileiow, swiebod y wolności od krolow polskich y wielikich xiąząt W. X. L. nadanych», Wilno, 1632. См также Архив ЮЗР, ч. 1, т. VII, стр. 533—576. *(Прим. ред.)*

** «Supplementum Synopsis», Wilno, 1632. См. также Архив ЮЗР, ч. 1, т. VII, стр 577—649. *(Прим. ред.)*

*** «Prawa y przywileie od krolow polskich y W. X. L. nadane», Wilno, 1632. *(Прим. ред.)*

восточной и западной. В сочинениях этих они старались доказать, что уния существовала в русской церкви со времен св. Владимира. В 1633 году униаты издали сочинение, под заглавием: *Exorbitancye Ruske* *, в котором перечисляются все насильственные поступки православных против униатов, а именно: «11 августа 1600 года Ипатия Потея, митрополита киевского, хватил негодяй саблей по шее, убить не удалось, но у левой руки отсек два пальца. 1618 года в Выдубецком монастыре православные схватили униата архимандрита Антония Грековича и утопили в Днепре. В 1622 году в Шарограде протопопа униатского убили, в Киеве войта и священника; на Подгоре униатского монаха Антония Буцкого в Светлое воскресенье убили при церкви; наконец, в 1623 году убили Кунцевича; король долго не верил, чтобы это сделали его подданные, думал, что пограничные москали».

В короли был избран Владислав, а митрополитом православным, теперь уже законным в глазах правительства, явился Петр Могила, о котором вот что рассказывает в своей летописи православный шляхтич Ерлич: «Петр Могила вел себя благочестиво, трезво, хорошо, постоянно хлопотал о целости церкви божией; но не без того, чтоб не был он охотником и до славы мира сего. При вступлении на престол короля Владислава, Могила был отправлен на коронацию уполномоченным от митрополита Исаии Копинского и всего духовенства, потому что сам митрополит не мог ехать по причине болезни; Могила выхлопотал себе королевскую грамоту на митрополию, поехал во Львов, посвятился там у волошского митрополита и владык; возвратившись в Киев, отобрал митрополичьи имения, свергнул митрополита Исаию и отрешил священников, им поставленных; мало того: выгнал больного старика из Михайловского монастыря в одной власянице, и тот должен был окончить жизнь в большой бедности. Потом, уже будучи митрополитом, из-за денег, с вооруженным отрядом и пушками напал на николаевский Пустынный монастырь; игумен убежал, а монахов Могила велел бить плетьми до тех пор, пока они не объявили, где у них спрятаны деньги и серебро. Выгнанные из Пустынного монастыря монахи одни обратились в унию, другие бродили без пристанища по разным местам. Некоторых монахов печерских, заковавши в кандалы, отсылал к козакам как униатов. Вражда у него с этими монахами пошла из-за школы, для которой Могила выгнал монахов троицких, гошпитальных, слепых и хромых; Арсения, игумена этого Троицкого монастыря, слепого, так били, что чрез несколько

* «Exorbitancye Ruskie, z Grekow odszczepieńcow heretyckie z konfederatow. Kazania dwoie, Kraków, 1633. *(Прим. ред.)*

недель умер». Этот рассказ, если вполне справедлив, показывает нам, что общество во времена Могилы было то же самое, какое мы видели во времена Красенских и Лазовских, ибо допускало такие же явления, допускало, что люди сильные характером, богатые материальными средствами, знаменитые трудами своими для блага общего, не разбирали средств, когда дело шло о достижении их целей. При таком состоянии общества, разумеется, мы не имеем прав предполагать, чтобы соглашение между православными и униатами успокоило православную церковь, чтоб сильные враги ее удерживались от желания дать ей чувствовать свою силу. В Луцке в 1634 году, 24 мая, когда духовенство католическое шло с св. тайнами, человек сто иезуитов, слуг коллегиума их, учеников и разных ремесленников, с саблями, кортиками, ружьями, а иначе с кольями и каменьями, ворвались во двор православной братской церкви, в комнаты духовных лиц и богадельню, начали отбивать и ломать церковные двери. Видя, что дверей, крепко запертых внутри, выбить нельзя, побежали на колокольню и начали звонить; когда на звон прибежало еще более фанатиков, то они ворвались в церковь, опрокинули подсвечники, скамьи, посрывали ковры. Другие же, бегая по церковному двору с палками, саблями и другим оружием, разогнали побоями мальчиков из училища, били и мучили бедных людей в богадельне, стариков и старух; палками и камнями отвечали тем духовным людям, которые вышли было из своих келий для увещания их; били чем попало всякого, лишь бы только был русский, разбили два сундука и забрали из них деньги; перебили окна, побили двери, сорвали крышку и ушли.

Киевские иезуиты, которых коллегиум находился на Подоле, не могли равнодушно смотреть на процветание православного коллегиума при Могиле и потому начали внушать православным, что в этом коллегиуме наставники все неправославные, что, получив окончательное образование в академиях римских, польских и немецких, они заразились там различными ересями и потому преподают науки не на греческом языке, как бы следовало православным, а на латинском. Сильвестр Коссов, один из тогдашних наставников училища, издал в 1635 году в защиту своих товарищей книгу под заглавием Exsegesis*, в которой говорит: «Это было такое время, когда мы, исповедовавшись, ждали, вот шляхта станет начинять нами днепровских осетров, или одного станут отправлять на тот свет огнем, а другого — мечом. Наконец сердцеведец, видя невинность нашу и великую потребность народа русского в полезных науках, разогнал

* *S. Kossow*, Exegesis, to iest danie sprawy o szkolach kiowskich y winickich, w ktorych uczą zakonnicy religiey graeckiey, Lawra Pieczercka, 1635. См. также Архив ЮЗР, ч. I, т. VIII, 1914, стр 422—447. *(Прим. ред.)*

облако ложных мнений и осветил сердца всех так, что увидали в нас истинных сынов восточной церкви. После этого обыватели города Киева и других округов стали не только наполнять наши Horrea Apollinea детьми своими, как муравьями, в бо́льшем числе, чем прежде при наших предшественниках, но и величать наше училище Геликоном, Парнассом и хвалиться им». Могила хотел, чтоб школьное образование распространилось и в Москве: в 1640 году он просил царя Михаила построить в Москве монастырь, в котором бы старцы киевского братского монастыря учили детей боярского и простого чина грамоте греческой и славянской. В 1640 году Петр Могила, созывая собор, объявил в повестке, что собор созывается вследствие наступившего великого гонения. Московский отъезжик Павел Солтыков бил челом королю, чтоб позволили ему в Смоленске построить православную церковь св. Бориса и Глеба, и объявил: «Если не позволят нам устроить в Смоленске благочестивую церковь, то нам, всей шляхте православной веры, из Смоленска и из Дорогобужа, от мала до велика, ехать туда, где православная вера свободна». Несмотря на эту угрозу, церковь строить не позволили, и больше всех вооружал короля и панов на православие недавний униат, смоленский архиепископ Андрей Золотой-Квашнин, который дал присягу, что в Смоленске, Дорогобуже, Чернигове и Стародубе всех православных приведет в унию [15]. Монахи и монахини целыми монастырями выезжали в Москву; так, в 1638 году приехал прилуцкого Густинского монастыря игумен Василий с 70 братиями, прилуцкого Покровского монастыря игуменья Елисавета с 35 * старицами [16]. Но мы видели, что кроме монахов и монахинь, в Москву бежали и козаки. Потоцкий писал Конецпольскому в декабре 1638 года: «Неоднократно писал я к вам, прося припомнить его королевскому величеству, чтоб он пресек путь этим своевольникам в Москву, потребовал от царя выдачи всех бежавших туда изменников, ибо известно, что вор не украдет, если ему некуда спрятаться; я не сомневаюсь, что эта выдача положит предел своевольствам». Конецпольский в 1639 году писал королю: «Дал мне знать пан комиссар, что Гуня, который начальствовал своевольниками против войска вашего, с несколькими другими начальными людьми и 300 лошадей ушел к Остранину в Москву. Если мы не воспротивимся этим побегам, то нечего надеяться покоя на Украйне, когда своевольство будет иметь такое близкое убежище». Царь Михаил, как мы видели, не выдал козаков; не выдаст их, как увидим, и преемник Михаилов, к деятельности которого теперь обращаемся [17].

* 53 старицы. См. ЦГАДА, ф 124, Малороссийские дела, 1638 г., д. 1. *(Прим. ред.)*

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Характер молодого царя. — Морозов и Чистой. — Окончание дела королевича Вальдемара и Лубы. — Отпуск Стемпковского. — Извет на Нащокина. — Самозванцы: Ивашка Вергуненок и Тимошка Акундинов. — Распоряжение относительно Крыма. — Переговоры с Польшею о союзе против Крыма. — Посольства Стрешнева в Польшу и Киселя в Москву. — Печальное состояние народа в Московском государстве; тяжесть налогов; стремление отбывать от податей. — Женитьба царя на Милославской. — Ропот на отца царицы, Милославского, на Траханиотова и Плещеева. — Мятеж в Москве — Судьба Морозова — Никон — Деятельность правительства после мятежа. — Уложение. — Меры против закладчиков, против табаку; изгнание англичан из внутренних областей. — Мятеж в Сольвычегодске, в Устюге. — Замыслы недовольных в Москве; новые обвинения против Морозова. — Мятежи во Пскове и Новгороде. — Никон в Москве; он отправляется в Соловки за мощами св. Филиппа. — Письмо к нему царя. — Никон — патриарх.

Новый царь добротою, мягкостию, способностию сильно привязываться к близким людям был похож на отца своего, но отличался большею живостью ума и характера и получил воспитание, более сообразное своему положению. Воспитателем его, как мы видели, был боярин Борис Иванович Морозов, проведший при нем безотлучно тринадцать лет. Молодой Алексей сильно привязался к своему воспитателю, и так как он тотчас по смерти отца лишился и матери (царица Евдокия Лукьяновна скончалась 18 августа 1645 года), то влиянию Морозова на государя и государство не было другого соперничествующего влияния. Морозов был человек умный, ловкий, по тому времени образованный, понимавший новые потребности государства, но не умевший возвыситься до того, чтоб не быть временщиком, чтоб не пользоваться своим временем для своих частных целей. Самое сильное влияние на дела после Морозова имел думный дьяк Назар Чистой, бывший прежде купцом в Ярославле. Что касается характера этого человека, то припомним из истории предше-

ствовавшего царствования дело его с голштинскими послами, которое выставляет не в очень выгодном свете бескорыстие Чистого. Морозов и Чистой пользовались, как говорят[18], советами известного нам иностранного заводчика Виниуса: первый пример иностранца, получившего влияние на государственные дела.

В самом начале царствования можно было видеть, что правление находится в крепкой руке человека, умеющего распоряжаться умно и с достоинством, немедленно были решены два тяжелые дела, оставшиеся от предшествовавшего царствования: дело королевича Вальдемара и Лубы.

17 июля королевич был у нового государя с поздравлением; Алексей Михайлович начал речь о крещении, но королевич по-прежнему отвечал решительным отказом; в тот же день королевич и послы датские прислали государю челобитные об отпуске. В августе месяце отправлен был в Данию гонец Апраксин с грамотою, в которой царь Алексей извещал короля Христиана о своем восшествии на престол, уверял, что хочет быть с ним в доброй братственной дружбе и любви, и объявлял о скором отпуске королевича Вальдемара и послов. И действительно, 17 августа королевич и послы были у государя на отпуске; Вальдемару объявили, что так как он не захотел соединиться верою с государем, то, согласно с его просьбою, его отпускают назад к королю — отцу с честию, как был принят. Королевич отправился, и из Вязьмы писал государю, благодарил за великую любовь и сердечную подвижность, какие царь Алексей Михайлович всегда ему оказывал и теперь оказал в том, что отпустил его и послов королевских со всякою честию; в заключение просил пожаловать Петра Марселиса. Когда Апраксин приехал в Данию, то там уже знали об отпуске королевича из Москвы. Король, принимая грамоту, о здоровье государевом не спрашивал, к руке гонца не позвал и к столу не пригласил, ответную грамоту прислал с секретарем к гонцу, несмотря на возражение Апраксина, который требовал, чтоб сам король отпустил его. В грамоте своей король писал: «Хотя мы имеем сильную причину жаловаться на неисполнение договора о браке сына нашего с вашею сестрою, но так как отец ваш скончался, то мы все это дело предаем забвению и хотим жить с вами в такой же дружбе, как жили с вашими предками»[19].

Еще на имя царя Михаила польский король Владислав прислал грамоту, в которой просил царя отпустить в Польшу королевича Вальдемара и давал обязательство, что датский король не начнет ссоры по поводу задержания сына его в Москве; в другой грамоте король, свидетельствуя невинность Лубы, обязывался не признавать прав ни его, ни других подобных людей на Московское государство и пресле-

довать их, а для бо́льшего укрепления притиснул к грамоте свою печать. Позади у подлинного листа было написано: «Крепость его царскому величеству от его королевского величества». Такую же грамоту прислали и паны радные. Но бояре в ответе подняли старые жалобы, что титла пишут несправедливо: где надобно писать: государю псковскому, там пишут: царю псковскому; где надобно: самодержцу, там пишут: самодержцы; вместо югорскому — игорскому. «Такое новое дело, — говорили бояре, — чинится со стороны королевского величества мимо вечного доконча́нья, неведомо какими обычаями, как будто к нарушенью братской дружбы и любви; самодержец у нас один, другого нет, и так писать «самодержцы» непригоже». Потребовали от посла обязательства, что тот, кто так писал, будет казнен без пощады. Посол отвечал, что донесет королю; король будет скорбеть и велит наказать этих людей. Потом бояре жаловались на порубежные разбои и на воровские слова; посол отвечал, что король велит наказать и за это. Тогда бояре спросили: «Если в такой же вине объявится шляхтич или иной кто честный или думный человек, то надобно ли и его также наказывать?» Посол отвечал, что надобно. Бояре сказали на это: «Сам ты великий посол Гаврила, как ехал от датского королевича Вальдемара Христианусовича, то говорил при приставах ссорные речи, говорил, что вы еще не устали и сабли ваши не притупились русских людей сечь. Так полномочным послам делать и говорить непригоже и стыдно; а сабли ваши русским людям не страшны». Посол отвечал, что не запирается, сказал он эти слова с сердца, потому что в это время побили стрельцы двоих литовских людей и видел он их в крови; сыску никакого об этом не сделано; а сказал он это с сердца, подпивши; сделалось это от вина. Посол домогался союза против татар; ответа не было.

23 июля Стемпковский представился новому царю и говорил длинную речь об изменчивости человеческой жизни. «Свежий образец этой изменчивости, — говорил он, — имеем в блаженной и бессмертной памяти о великом государе царе Михаиле Федоровиче, который счастливо царствовал над подданными своими 32 года, владел ими в святости и праведности, успокоил монархию свою от ближних и дальних соседей, видел ее цветущею, изобилующею покоем, в этом покое с подданными должен был пребывать, и вдруг с престола своего от такой славы и богатства переносится в пещеры земные». В заключение посол, от имени королевского, поздравил нового государя с восшествием на престол, объявил, что король готов будет оказывать и ему ту же любовь братскую и приятельство. Думный дьяк отвечал именем царским, что государь хочет быть с королем в крепкой брат-

ской дружбе и любви и в соединении во всем по тому, как в вечном докончаньи написано.

В доказательство этого желания Луба был отпущен, причем Стемпковский договорился именем королевским и панов радных, что Луба к Московскому государству причитанья никогда иметь не будет и царским именем называться не станет; жить будет в большой крепости; из Польши и Литвы ни в какие государства его не отпустят; кто вздумает его именем поднять смуту, того казнить смертию; все это написать в конституцию на будущем сейме и прислать царю утвержденную грамоту за королевскою рукою и печатью; также прислать утвержденье панов радных и послов поветовых. Посол должен был также дать запись, что литовские купцы не будут более приезжать в Московское государство с вином и табаком. Стемпковский просил, чтоб на обе стороны агентам быть и королевский агент в Москве польских и литовских купцов будет судить во всем и от всякого дурна унимать; в этом ему отказали на том основании, что в вечном докончанье об агентах не написано, но согласились называть короля *наияснейшим*. Посол просил, чтоб государь позвал его обедать, ибо в противном случае будет ему чести меньше, чем прежним послам. Ему отвечали, что обедать нельзя по причине недавней кончины царя Михаила. Посол возражал, что великие московские послы были в Польше после кончины королевы и, несмотря на то, обедали у короля; ему отвечали, что это две вещи разные: у царя умер отец, который один, а жену можно взять другую и третью, печаль по жене продолжается только до нового брака. Посол объявил, что будет дожидаться до сорочин царя Михаила, а если царь и на это не согласится, то пусть напишет в ответном письме, почему посол не обедал, чтоб ему пред своею братьей бесчестья не было. Перед отъездом Стемпковского случилось происшествие, которое показывает, на что могли решаться тогда люди из свиты посольской, надеясь на безнаказанность: разбойник Яким Даниловец с товарищами на дороге между Москвою и Новгородом убили пять человек, пограбили у них меха, принадлежавшие одному голландскому купцу и отвезли их в Старицкий уезд, в село Молочино; дворецкий Стемпковского, поляк Самойла, уговорился с этими разбойниками ехать из Москвы в Молочино, взять там пограбленные меха и отвезти их за рубеж в Литву, где он должен был отдать разбойникам по цене половину денег, а другую половину брал себе за услугу. Действительно, Самойла выехал из Москвы, взяв царскую грамоту на проезд в Вязьму, и вместо Вязьмы отправился в Молочино; но на Зубцовской заставе его с разбойниками поймали и отослали к Стемпковскому с требованием, чтоб он заплатил

голландцу деньги за покраденное и казнил своего дворецкого смертью; но посол ничего этого не сделал [20].

Прекращалось дело о Лубе; но самозванцы не прекращались. В 1646 году явился такого рода извет: «Царю государю бьет челом и извещает сирота твой государев Мишка Иванов, сын Чулков, на Александра Федорова сына Нащокина, а прозвище на Собаку, что хочет тот Александр крестное целованье порудить, а тебе, праведному государю, изменить, хочет отъехать со всем своим родом в иную землю, а называет себя царским родом, и хочет быть тебе, государю царю, супротивен. Как Федор Иванов, сын Нащокин, у царя Василья Ивановича Шуйского царский посох взял из рук, так теперь Александр Нащокин хвалится тем же своим воровским умышленьем на тебя, праведного царя, и Московским государством, твоею царскою державою смутить». Спросили во всех приказах у подьячих: такая попись у них бывала ли и теперь есть ли в делах, в отписках из городов и в челобитных? Все подьячие сказали, что такой пописи нет и не было [21]. Это дело тем и кончилось; но явились два самозванца в Турции.

В начале 1646 года московские послы, стольник Телепнев и дьяк Кузовлев, живя в Кафе, узнали, что приехал в Кафу из Царя-града святогорского Спасского монастыря архимандрит Иоаким. Послы отправили немедленно переводчика повидаться с архимандритом и порасспросить его, что в Царе-граде делается. Архимандрит рассказал следующее: «Был он во Крыму, и там в жидовском городке объявился неведомо какой человек, а называют его московским царевичем Димитриев сын Долгоруких; человек этот за ним, архимандритом, присылал и говорил ему, будто он московский царевич, и просил у крымского царя рати, чтоб с нею Московского государства доступить, и крымский царь его манит, рати ему не дает и к султану его не отсылает; да говорил тот человек ему, архимандриту: «Возьми у меня грамоту и поезжай с нею по украйным городам и в Калугу: этой грамоты послушают, а как доступлю Московского государства, то пожалую тебя калужскими доходами». Послы добыли и другие известия: пленный малороссийский козак из города Полтавы, Ивашка Романов, рассказывал: «Я того вора, что называется Димитриевым сыном, знаю, родина его в городе Лубне, козачий сын, зовут его Ивашка Вергуненок, отца у него звали Вергуном; по смерти отца своего, он, Ивашка, мать свою в Лубне бил и мать сбила его от себя со двора, и он, Ивашка, из Лубен пришел в Полтаево и приказался ко мне, жил у меня и служил в работе с год, и когда я ушел из Полтаева города на Дон, Вергуненок остался в Полтаеве, а потом из Полтаева пришел на Северный Донец под святые горы, и там, живучи, водился

с запорожскими и донскими козаками, с Донца пришел на Дон, жил на Дону с полгода, начал воровать и за воровство его много раз бивали; после того он пошел в поле самчетверт с пищалями гулять, свиней бить, и их на Миюсе татары в полон взяли, тому лет шесть, и продали его в Кафу жиду, и сказался вор жиду, будто он московского государя сын, и жид стал его почитать. Когда вор в Кафе у жида сидел, сделал себе признак: дал русской женщине денег, чтоб она выжгла ему между плечами половину месяца да звезду, и то пятно многим полоненикам он, Вергуненок, показывал и говорил, будто он царский сын, и как он Московского государства доступит, то станет их жаловать, и русские люди, тому его воровству поверя, к нему, вору, на жидовский двор ходили, есть и пить носили. Сведал про вора крымский царь, прислал за ним и взял в Крым, тому года с три, и приказал его в Крыму беречь жидам, и жиды его в Крыму кормят и берегут и держат его в крепи в железах». Таким образом открылось, кто был этот царевич, о котором дали знать из Константинополя еще царю Михаилу.

В Крыму нашли послы одного вора, в Константинополе двоих: у визиря на дворе объявились два русских человека: один называется сыном царя Василья Ивановича Шуйского, прислан из Молдавии господарем Васильем и говорит, что служил царю Михаилу Федоровичу в подьячих. Визирь его спрашивал, для чего он про себя в Москве не объявил, и вор отвечал, что не объявил, боясь казни, и отъехал служить в Литву; но литовский король пожаловал его не по достоинству и он отъехал в Молдавскую землю. Визирь спросил, хочет ли он бусурманиться? И вор отвечал: «Если султаново величество пожалует меня по достоинству, то я побусурманюсь». А другого вора прислал царь крымский. Послы отправили толмача и подьячего проведывать: вор, присланный из Крыма, по приметам оказался тот самый, о котором слышали в Кафе; о другом же воре подьячий сказал, что он его знает, бывал в Новой Чети подьячим, Тимошкою зовут Акундинов, родиною вологжанин, стрелецкий сын, дворишко и жену свою сжег и с Москвы бежал безвестно, а после объявился в Литве, назывался князем Тимофеем великопермским, да тут же с Тимошкою на визиривом дворе Новой же Чети молодой подьячий Костка, и называется тимошкиным человеком.

Послы дали знать визирю, что у него на дворе скрываются воры, чтоб он речам их не верил и розыскал подлинно. Визирь велел позвать Тимошку; русский переводчик и толмач, присланные Телепневым, стали его уличать; но вор с ними не захотел говорить и сказал визирю, чтоб велел поставить перед собою самих послов. Визирь отвечал ему:

«Ведь и послы будут говорить те же речи» и спросил у переводчика: «Сколько тому лет, как царя Василья не стало?» Переводчик отвечал, что тому мало не сорок лет, а этому воришке и тридцати нет. Перед визирем стоял турок, старый человек, и стал говорить: «В царственных книгах у нас написано, что царь Василий умер тому тридцать семь лет назад». Визирь Тимошку выслал вон и сказал переводчику: «Это человек лукавый, многие у него речи переменные, много запрашивает и султану много сулит; а вот тот, что из Крыму прислан, думаю, что прямой он государский сын, и крымский царь писал, что он про него сыскивал русскими людьми и те сказали, что он прямой сын царя Дмитрия, а отца его убил Урак-Мурза». Переводчик отвечал: «Урак-Мурза убил не царя Дмитрия, такой же был вор, Петрушкою (?) звали». Визирь сказал: «Объявите послам, что то дело не их, присланы они не затем, им до этого дела нет».

Пришли к послам тайно известный нам Зелфукар-ага да архимандрит Амфилохий и объявили: «Вор Тимошка говорит визирю, чтоб султан дал ему ратных людей и велел идти с ним на московские украйны, русские люди против него стоять не будут, все добьют ему челом, сулит султану Астрахань с пригородами. Визирь против его речей промолчал...» Послы начали говорить Зелфукар-аге и архимандриту, как бы воров достать? Те отвечали: «Визирю одному такого дела не сделать, разве вам доступить их большою казною? Только не потерять бы казны даром, потому что люди здесь неоднословы; лучше всего бросьте это дело: волочась так и пропадут, либо по городам дальним их разошлют в службы, или на каторги в греблю отдадут, а если вы об них станете промышлять, то вы их пуще вздорожите и поставят вправду то, как они называются». Архимандрит говорил также, что вор Тимошка подал визирю грамоту, и его, архимандрита, позвали эту грамоту переводить; в грамоте написано, будто он сын царя Василья, и когда отца его в Литву отдали, то он остался полугоду, и отец приказал беречь его тем людям, которые ему впрямь служили, и они его вскормили, а когда сделался царем Михаил Федорович, то велел ему видеть свои царские очи и дал ему удел Пермь Великую с пригородами; там ему в Перми жить соскучилось, он приехал в Москву и государь велел его посадить за пристава; но те люди, которых царь Василий жаловал, освободили его и выпроводили из Москвы; Василий воевода молдавский его ограбил, снял с него отцовский крест многоценный с яхонтами и изумрудами и много другого добра и хотел его убить, так же как убил прежде брата его большого, и, убив, голову и кожу отослал в Москву, а московский государь велел кожу эту накласть золотыми и

дорогими каменьями и отослать к воеводе Василью в благодарность.

В октябре 1646 года архимандрит Амфилохий дал знать послам, что вор, присланный из Крыма, посажен в Семибашенный замок, а вор Тимошка пожаловался визирю на него, архимандрита, будто он на посольский двор ходит и про всякие вести послам объявляет. Визирь грозил за это Амфилохию, что посадит его на каторгу по смерть; архимандрит велел сказать послам, чтоб присылали к нему людей своих ночью, люди эти будут у него ночевать и он будет отпускать их рано до свету. Причиною этих строгостей была весть о движениях русских войск под Азов; послов начали держать взаперти, и в ноябре старший из них, Телепнев, умер. Товарищ его, Кузовлев, писал государю, что вор Вергуненок заперт в Кожаном городке, который стоит на Черноморском гирле, версты за три от Царя-града: заперли его для того: дана была ему воля ходить куда хочет, а он начал пить и с бусурманами драться; Тимошку Акундинова от визиря с двора свели, велели ему жить позади визирева двора, а есть к нему присылают от визиря. Но скоро Кузовлеву стало не до Тимошки: пленный донской козак объявил на пытке, что на Дону у козаков в Черкасском приготовлено 300 стругов, да на Воронеже, Ельце и в других украинских городах к весне готовят пятьсот стругов, и по государеву указу в тех стругах идти козакам морем под Крым и крымские улусы. И вот 27 января 1647 года визирь Азем-Салих-паша вытребовал к себе у посла переводчиков и держал к ним такую речь: «Только донские козаки в Черное море выйдут, и султану про то донесется, а я султану добрые слова говорил; и то все мне поставится в ложь: и быть мне в опале или даже без головы, а послу и вам живым не быть; и за летошнюю ссору едва устояли: велел было султан вас всех побить, а если я останусь жив и сделается со мною что-нибудь нехорошее, то я посла вашего и вас на рожнах изжарю: скажите эти мои слова послу, чтоб подумал, как мне и ему и вам беды избыть. Всего скорее избудет из беды, если пошлет от себя наскоро гонцов на Дон, чтоб козаки на море не ходили, а я гонцов велю проводить до Азова». Кузовлев отвечал, что козакам давно заказано ходить на море, но самому султанову величеству известно, что донские козаки — воры-изменники — и прежде государевых указов не слушались, и теперь козачьего воровства на после спрашивать нечего. Визирь прислал сказать Кузовлеву: «Этими речами тебе не отговориться; только появятся козаки на море, хотя и немного, сожгу тебя в пепел; если хочешь жив быть, посылай гонцов». Кузовлев отвечал прежнее, что посылать ему гонцов непригоже; ни в каких государствах над послами бесчестья не бывает, и в Цареграде

над послами никогда того не бывало, что теперь делается: запирают, со двора не пускают, корму не дают и назад к своему государю не отпускают неведомо для чего. Визирь приутих и, при личном свидании, говорил Кузовлеву: «Только будут донские козаки на море, и нам с тобою будет худо, двое нас с тобою на обе стороны доброе дело делаем, и худо и добро нам будет во всем вместе; помощь козакам от вас: если б вы им не помогали, то им бы делать было нечего, давно бы пропали». Визирю действительно пришлось худо: его казнили. Донские козаки гуляли по Черному морю, появлялись под Трапезунтом и Синопом. Тимошке Акундинову соскучилось в Константинополе, где на него не обращали никакого внимания; он побежал в Молдавию, но на дороге его схватили, привезли в Константинополь и хотели учинить ему жестокое наказание, но вор обещал обусурманиться и перед визирем бусурманскую молитву проговорил, обрезанье же упросил отложить; его освободили и чалму надели, но Акундинов, нарядясь в греческое платье, побежал в другой раз с русским пленником на Афонскую гору; его опять поймали и хотели казнить, но он по-прежнему обещал обусурманиться; на этот раз его обрезали и отдали под стражу. Со стороны самозванцев в Цареграде московское правительство могло быть покойно; но султан требовал, чтобы царь свел донских козаков из Черкасского городка и посылал крымскому царю посылку по-прежнему. Царь отвечал о донцах по старине, что они государского повеленья не слушают; о хане отвечал, что для дружбы с султаном начаты сношения с крымцами, но если хан опять клятве своей изменит, то ему уже больше терпеть не будут [22].

Эти слова не были пустою угрозою: московское правительство решилось не спускать более крымцам, которые в конце 1645 года поздравили нового царя вторжением в московские области. Разбойники встретили московских воевод в Рыльском уезде при Городенске и, после бою, пошли домой тою же дорогою, какою пришли. Весною 1646 года в Москве положили предпринять наступательное движение: государь приказал князю Семену Романовичу Пожарскому собрать в Астрахани тамошних жителей, ногайских мурз, черкесов, идти на Дон, соединиться там с воеводою Кондыревым, который должен был придти из Воронежа, и вместе идти под Азов. Кондырев в украинских городах набрал 3000 вольных ратных людей на помощь донским козакам. Крымцы предупредили русских, напали на донских козаков, но были отражены с уроном [23].

В то же время с Польшею шли переговоры о союзе против Крыма. В январе 1646 года отправлены были к королю Владиславу великие и полномочные послы: родственник

царский боярин Василий Иванович Стрешнев и знакомый нам окольничий Степан Матвеевич Проестев, для поздравления короля с новым браком на Людовике-Марии Мантуанской и для подтверждения Поляновского мира. 10 марта послы представились королю, который по болезни лежал на постели, обложенный подушками. Послы протестовали, зачем король против государева имени не встал и поднять себя не велел; тогда король подозвал к себе послов близко к постели и говорил: «Памятуя вечное докончание и свое государское утверждение с отцом великого государя вашего, царем Михаилом Федоровичем, желаю брату своему, царю Алексею Михайловичу, многолетнего здоровья и счастливого пребыванья; чести государя вашего остерегать я всегда должен выше своей собственной чести, но встать мне или подняться никак нельзя, потому что сильно я болен, руками и ногами не владею, и не только встать, и приподняться никак не могу; бог видит, что делается это не хитростью, если же хитростью, то отними у меня бог и руки и ноги; можно вам, великим послам, и самим видеть, как я болен». Послы удовольствовались, и от короля отправились к молодой королеве, которая, к их удовольствию, спрашивала о здоровье государевом, стоя. В ответе с панами радными послы подняли старые дела об ошибках в царском титуле, указали и на новую обиду: межевой судья Абрамович прислал к царскому величеству лист и в том листе написано невежливо *с отом,* тогда как царь к королю и король к царю в грамотах пишут без *ота;* послы требовали по-прежнему виновным в больших винах казни смертной, а в малых — наказанья жестокого: этим бы король показал его царскому величеству свою братскую дружбу и любовь; требовали, чтоб король велел о царском титуле записать в сеймовую конституцию, чтоб вперед виновных в умалении титула карать горлом без всякого оправданья. Потом послы перешли к другому делу: «Ведомо великому государю нашему учинилось, что на общего христианского неприятеля и гонителя, на турского султана Ибрагима, учинился упадок большой от венециан ратным его людям, разоренье и теснота, людей его осадили в Критском острове немцы, и те осадные люди помирают голодом и безводицею, из Царя-града помощи послать им нельзя. Ибрагим султан велел сделать сто каторг новых и начал думать, какими пленными гребцами наполнить эти каторги, и послал к крымскому царю гонца с грамотою, чтоб шел без всякого мешканья на Московское, Польское и Литовское государства и набрал полону на новые каторги: так теперь время великим государям христианским на крымского поганца для обороны веры христианской восстать; теперь время благополучное. Наш великий государь сильно думает о соединении с вашим великим государем на поганых агарян.

Он послал для оберегания своих украйн большое войско под начальством бояр князя Никиты Ивановича Одоевского и Василья Петровича Шереметева; если же татары пойдут на королевские украйны, то великий государь, для братской дружбы и любви к королю, велел воеводам своим помогать ратным людям королевским. И вы бы, паны радные, сами о том думали и короля на то наводили, чтоб его королевское величество для избавы христианской в нынешнее благополучное время велел отпереть Днепр и позволил днепровским козакам с донскими козаками вместе крымские улусы воевать, а к гетману своему послал бы приказ, чтоб он с своими ратными людьми на Украйне был готов и с царскими воеводами обо всяких воинских делах ссылался, как им против крымских татар стоять, в каких местах сходиться». Паны отвечали: «Мы вседушно этому ради и просим всемогущего бога, чтоб обоих великих государей соединеньем их государские руки над бусурманами высились. Что же касается до ошибок в титуле, то объявляем по истинной правде искренними сердцами, что ошибки делались без хитрости, потому что дьячки пишут, не зная русской речи, всесильный бог свыше зрит, что прописки делаются без хитрости: несмотря на то, король велел вызвать виновных на сейм, а сами знаете, что ни королю, ни нам не только шляхтича, но и простого человека без сейма карать нельзя». Послы отвечали, что королю пригоже было давно так учинить; при этом послы указали панам королевскую грамоту, где на подписи в титуле вместо *самодержцу* написано *самодержцы.* Паны сказали на это: «Мы вам объявляем, что на нашем польском языке *самодержцы* и *самодержцу* одно слово, и бесчестья тут его царскому величеству никакого нет и ошибки также нет». Послы отвечали: «Как вам, паны радные, не стыдно это говорить: не только вам рассудить и выразуметь это можно, и простой человек легко рассудит: написать и сказать *самодержцу* — это будет к одному лицу, а если написать *самодержцы* — это будет ко многим лицам; на всех великих государствах Российского царства самодержец один, другого нет и вперед не будет. До сейму этого дела откладывать не годится, потому что у людей, которые пишут титул мимо посольского договора, велено честь и именье отнимать и смертью казнить по королевскому указу и сеймовому уложенью». Паны: «Клянемся богом, что на польском языке «самодержцы» и «самодержцу» одно и то же, а если по-русски не так, то мы вперед будем остерегаться накрепко: да вперед бы нашему государю к царскому величеству в грамотах писать по-польски, также и из порубежных городов ссылочные листы писать попольски: так ошибок вперед не будет». Послы: «Издавна повелось, что грамоты королевские к великому государю пишутся белорусским письмом, и теперь, мимо прежних

обычаев, по-польски писать не годится, да у порубежных воевод и переводчиков нет».

Упрашивая послов, чтоб они оставили дело об умалении титула царя Михаила, ибо не должно преследовать за вины, сделанные против покойного уже государя, и, обещаясь строго наказывать за ошибки в титуле государя царствующего, паны обратились к более важному делу о союзе против крымцев, объявили, что король послал приказ гетману Потоцкому ссылаться с царскими воеводами для береженья от прихода поганцев; и в прошлую зиму гетман готов был дать помощь московским воеводам, но помешали лютые морозы. Королевское величество желает, чтоб этим летом стать только по Украйне и уберечь ее от поганцев, а дальнее большое дело отложить до другой поры, потому что и днепровским запорожским козакам вскоре на море выйти нельзя, все их челны пожжены и теперь им новых чаек делать нельзя: король думает, что татар лучше воевать в то время, когда султан разошлет их на свою службу. Запорожским козакам позволить идти на Крым вместе с донскими королю без сейма никак нельзя, потому что у Польши с Турциею вечный мир. Наконец дело дошло до Лубы. Послы объявили, что великий государь, не желая крови, для прошенья брата своего короля, отпустил Лубу в Польшу; но везде, едучи дорогою, в Минске и других местах, назывался он царевичем московским по-прежнему; говорил, что посылали его в Москву для осведомления, и будто великий государь признал его прямым сыном Расстриги. Посол Стемпковский обязался, что Луба будет содержаться в большой крепости; но он не только на воле, но еще король сделал его при своей пехоте писарем и жалованье ему дает: так королевское величество и вы паны радные по посольскому договору велели бы Лубу казнить смертью при нас послах за то, что он не перестает называться царевичем московским». Паны отвечали: «Если сыщете, что Луба действительно называется царевичем московским, то будет казнен смертью; но мы вам говорим правду, что Луба отдан для береженья королевской пехоты капитану Яну Осинскому, приставлены к нему гайдуки и держат его с большим береженьем, а королевского жалованья и уряду ему никакого не дано». Тогда послы потребовали, чтоб паны дали утвержденье, согласное с записью Стемпковского. Паны обещали дать утвержденье от короля и от себя, но отказались дать утвержденье от послов поветовых. Что же касается союза против Крыма и до Путивльских городищ (Недригайловского, Городецкого, Каменного, Ахтырского. Ольшанского), обещанных в московскую сторону, то паны объявили, что для этого будут в Москве особые послы королевские: Путивльских городищ потому нельзя уступить сейчас же, что они необходимы для войны против

Крыма. Послы отвечали: «Это со стороны вашего государя делается мимо всякой правды; вашу неправду бог свыше зрит и государю нашему в правде будет помощник; а царское величество Путивльских городищ и земель в королевскую сторону никогда не велит уступить и за свое прямое стоять будет». Паны, с своей стороны, сильно жаловались на перезыв крестьян из-за литовского рубежа в московскую сторону: это, по их словам, была самая большая обида.

Стрешнев возвратился в Москву с подтверждением Поляновского договора и записи Стемпковского о Лубе; а летом 1646 года приехал в Москву полномочный королевский посол, каштелян киевский Адам Свентолдич Кисель, и говорил царю такую речь: «Великое королевство Польское с великими княжествами своими и великое государство Русское, как два кедра ливанские от одного корня, создала десница вседержителя господа от единой крови славянской и от единого языка славянского народа; свидетельствуют о том греческие и латинские летописцы и историки, особенно истинный свидетель есть сам язык, обоим великим государствам, как единому народу, общий и непременный. Поэтому вам, великим государям, и нам всем, обоих великих государств жителям, от единой славянской крови происходящим, свидетельствуют слова, духом святым реченные: «Коль добро и коль красно еже жити братии вкупе!» Сему богодухновенному указанию последствуя, блаженной памяти великий государь царь Михаил Федорович закрепил союз вечного братства с великим государем паном моим. С того времени звезда смутного разрыва, кровопролития и междоусобной брани погасла; наступило и сияет незаходимое солнце вечного мира, дружбы и любви братской; хотя оно и помрачилось преселением от земных в небесная великого государя Михаила Федоровича, о котором король пан мой плакал как о брате; но когда господь дал вашему царскому величеству престол и скипетры отеческого царства, то король пан мой скорбь свою применил в радость, и помраченное солнце опять просияло. Так как ваше царское величество с наследием царства наследие братской любви к пану моему королю чрез послов своих объявить произволили, то и его королевское величество братскую свою любовь вашему царскому величеству отдает и через меня такими словами поздравляет: «Радуйся божиею милостию великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси самодержец! Радуйся великого государя моего брат, великих государств и великого союза братской любви наследник! Живи многолетно и счастливо на великом государстве; по долгих же временах, летах и веку да даст тебе господь благословение отеческое увидать, и также наследника царствию своему узревши, преселения от земных в небесная со всякою радостью ожидать!»

Кроме цветов красноречия, Кисель обнаружил исторические познания: предложил царю Алексею Михайловичу и боярам его деления славянской истории на три периода: 1) счастливый, когда славяне чрез соединение сил своих по всему свету славились; Рим старый и Рим новый свидетельствуют о делах храбрости славянской; 2) век несчастный, век междоусобной брани, когда славяне, разлучившись друг от друга, многообразным разорением и кровопролитием братскую любовь растерзали; в это время многими вотчинами народов наших чужие народы и поганские овладели: где крест святой Владимир принял, в Херсоне или в Корсуне, там теперь Перекопь и орда татарская живет; где были седалища половцев, пожертых и с именем своим потребленных саблею предков наших, там ныне крымская водворилась орда, междоусобными несчастными войнами обоих великих государств наших умноженная. 3) Теперь божию милостию третье время настало: время вечного союза и братской любви величеств ваших и обоих государств, как бы возвращение в первый чин единородства и единодружные любви.

После цветов красноречия начались переговоры и обнаружились терния. Кисель требовал: если в грамоте будет ошибка в царском титуле, то такой грамоты не принимать, отсылать ее назад, отчего писавшему будет большое бесчестье. Бояре отвечали: «Ты пан радный и человек знающий, а написал то, чего и простому человеку помыслить стыдно и от бога страшно. Вам, панам радным, надобно охранять вечное докончание, а вы государскую честь ставите как будто ни во что, виноватых без казни и наказания хотите оправдать; если грамот не принимать, отсылать их назад, то по чему можно будет виноватого сыскать и чем его обличить?» Кисель: «Я об этом говорил и писал не сам от себя, по наказу от короля и Речи Посполитой; король и вся Речь Посполитая рассуждали, как бы эти прописки в титуле уничтожить, потому что в Московском государстве это почитают за великую вину, а у нас и к королю полного титула не пишут, добрый человек делает хорошо, а глупый — глупо, и приговорили грамот не принимать: как увидят, что грамот не принимают и исполненья по ним никакого нет, то поневоле научатся писать исправно». Бояре: «Дивно нам, что они во столько лет не могут научиться писать; сами вы, паны радные, своих людей дураками называете, что не могут научиться; поганые бусурманы, и те государево именованье пишут справчиво, и из немецких государств никогда никакой описки не бывает». Кисель: «Если царскому величеству это не угодно, то можно иначе сделать». Определили: казнить за прописки в титуле.

Кисель настаивал на то, чтоб перебежавших крестьян отдавать назад: «Они у нас государство пустошат; какая это

будет братская любовь, что беглых пашенных крестьян принимать; теперь ольшанские мужики подстаросту убили и перешли в сторону царского величества: разве это не досада нам от них?» Бояре: «У царского величества стольника честного человека Ивана Волкова люди его убили и перебежали в королевскую сторону, об них писали, чтоб отдать, но не отдали; также и в государеву сторону перешли черкасы многие, но назад их не просили, и о том ни слова не бывало». Кисель: «Черкасы люди вольные, где хотят, тут живут, а крестьяне пашенные невольники». Бояре: «В вечном докончанье о перебежчиках не написано: так этого не надобно и начинать». Кисель: «Что наперед было, того я не спрашиваю: а теперь бы сделать вновь и укрепить, чтоб перебежчиков не принимать, а если принимать, то это будет противно богу, противно братской любви и соединенью; теперь у Конецпольского, Вишневецкого и других перебежало в царскую сторону с 1000 человек, а у нас у троих тысяч с пятнадцать; хорошо ли будет, если мы своих мужиков станем у вас брать и побивать; если хотите наших крестьян к себе брать, значит не хотите нас с собою в дружбе видеть. Поветовые послы говорили королю, что от них начали крестьяне бегать и чтоб король приказал мне об этом написать в наказ первою статьею». Бояре: «Чего в вечном докончаньи не написано, того вновь начинать не надобно; со стороны царского величества из Брянской и Комарицкой волости и с Лук Великих крестьяне пашенные многие перебежали и теперь беспрестанно бегают в королевскую сторону. В нынешнем году перебежал в королевскую сторону Брянченина Колычова крестьянин Артюшка и, пришедши назад из-за рубежа, своего помещика рогатиною заколол; по царскому указу убийцу отослали к мстиславскому воеводе для казни, а в царскую сторону его не взяли. Ты, великий посол, благочестивой христианской веры и за нее поборатель, а эти мужики пашенные такой же благочестивой веры, живут они у вас за людьми разных вер, и если их отдавать назад, значит отдавать католику или лютеру на мученье: христианское ли это дело? Бедный крестьянин, будучи в такой неволе, и веры своей отбудет». Кисель: «Мужики что знают? О вере у них никакого попечения нет; бегают оттого, что не хотят пану своему и малого оброка заплатить. Побежит мужик в дальние города, то пану еще не так досадно, потому что он его не увидит, а то убежит и станет жить близко в порубежных местах, и, смотря на своего мужика, всякому досадно. Так договориться бы, чтоб в порубежных местах крестьян перебежчиков не держать; а если погонщик застанет беглеца на рубеже, то может его взять». Но бояре именем царским решительно отказали ему в этой статье. И дело о союзе против Крыма также не подвинулось. Кисель требовал уговориться о том,

где и как союзным войскам сходиться для отпора татарам. Бояре отвечали: «Если с обеих сторон ратным людям стоять в степи долгое время без дела, то ратные люди изнуждаются, а крымцы, узнавши о соединении наших войск, не придут. Лучше так сделать, чтоб соединясь, идти на Крым прямо». Но Кисель объявил, что шляхта на сейме не захотела войны с турками, которые никакого повода к войне не подают; так надобно от татар обороняться. Бояре говорили: «Теперь бы что-нибудь крымским татарам послать немного, чтоб их пооплошить, а в то б время, года в два или три изготовиться и идти на них в Крым. Для обереганья Украйны царские войска будут стоять в пограничных городах, и если татары пойдут на Польшу, то эти войска будут помогать польским войскам и ходить за татарами до Днепра, а если татары пойдут на царские украйны, то польские войска должны помогать русским; быть с обеих сторон стоялым служивым людям по 5000 человек, а, смотря по вестям, и больше». Кисель отвечал, что если московские войска будут ходить только до Днепра, то помощи никакой от них не будет, потому что по сю сторону Днепра татары у поляков никогда не бывают, ходить бы московским войскам за Днепр до Черного шляха, а поляки будут ходить на помощь к русским до Белгорода. Бояре говорили, что если ходить за Днепр, то не поспеть. Кисель объявил, что у гетманов польских есть лазутчики в Крыму, которые сейчас дадут знать, если хан станет подниматься. Наконец, положили, что гетманы с воеводами будут ссылаться и татар чрез свои земли не пропускать, заодно против врагов стоять; если же от них объявится большая вражда, то великие государи уговорятся как действовать; теперь же оба государя будут поступать с крымцами по давнему обычаю, чтоб никакого повода ко вражде им не подать.

Таким образом, новому правительству московскому не удалось уговорить поляков к наступательному союзу против крымцев, потому что поляки боялись крымскою войною затронуть Турцию, которая, по близости границ, была для них гораздо опаснее, чем для Москвы. Для последней, впрочем, важен был и оборонительный союз против разбойников[24].

Но в то время, как дела внешние шли успешно, внутреннее состояние Московского государства было далеко неудовлетворительно: народ томился под тяжестию налогов, купечество было бедно вследствие той же причины, вследствие физических бедствий — неурожая и скотского падежа, наконец, вследствие дурного состояния правосудия. Но купцы, по-прежнему, всего более обвиняли в своей бедности и разорении купцов иностранных: в 1646 году они подали новому царю жалобу: «После московского разоренья, как воцарился отец твой государев, английские немцы, зная то, что им в

торгах от Московского государства прибыль большая, и желая всяким торгом завладеть, подкупя думного дьяка Петра Третьякова многими посулами, взяли из Посольского приказа грамоту, что торговать английским гостям у Архангельского города и в городах Московского государства 23 человекам; а нам челобитье их встретить и остановить в то время некому было, потому что все были разорены до конца и от разоренья, бродя, скитались по другим городам. И как взяли они, немцы, грамоту из Посольского приказа, то и начали приезжать в Московское государство англичан человек по шестидесяти и по семидесяти и больше, построили и покупили себе у Архангельского города, на Холмогорах, на Вологде, в Ярославле, на Москве и в других городах дворы многие и амбары, построили палаты и погреба каменные, и начали жить в Московском государстве без съезду; у Архангельского города русским людям свои товары перестали продавать и на русские товары менять, а начали свои всякие товары в Москву и в другие города привозить: который товар будет подороже, и они его станут продавать, а который товар подешевле и походу на него нет, так они его держат у себя в домах года по два и по три, и как тот товар в цене поднимется, тогда и продавать станут. А русские товары, которые мы прежде меняли на их товары, теперь они покупают сами, своим заговором, рассылают покупать по городам и в уезды, закабаля и задолжа многих бедных должных русских людей и, закупя те товары, русские люди привозят к ним, а они отвозят в свои земли беспошлинно; а иные русские товары они, английские немцы, у Архангельска продают на деньги, голландским, брабантским и гамбургским немцам, весят у себя на дворе и возят на голландские, брабантские и гамбургские корабли тайно и твою, государеву, пошлину крадут; всеми торгами, которыми искони мы торговали, завладели английские немцы, и оттого мы от своих вечных промыслов отстали и к Архангельскому городу больше не ездим. Но эти немцы не только нас без промыслов сделали, они все Московское государство оголодили: покупая в Москве и в городах мясо и всякий харч и хлеб, вывозят в свою землю. А как придут корабли к Архангельску, то они товаров своих на кораблях досматривать не дадут; а если бы их товары таможенные головы и целовальники досматривали во всех городах, так же как и у нас, и пошлины с них брали, то с них сходило бы пошлин на год тысяч по тридцати рублей и более. У них в жалованной грамоте написано, что грамота дана им по прошению их короля Карлуса; но они, англичане, торговые люди, все Карлусу королю неподручны, от него отложились и бьются с ним четвертый год. Английские гости, Мерик с товарищами, которым было велено, по вашему государскому жалованью и по просьбе Карлуса короля, ездить

в Московское государство торговать, ни разу не бывали, а ваше государево жалованье продают иным закупням, и с жалованною грамотою приезжают немцы новые, которые вашим государевым жалованьем не пожалованы. Да они же немцы привозят всякие товары хуже прежнего; да они же стали торговать не своими товарами; прежде английские немцы торговали чужими товарами тайно, а теперь начали торговать явно. Гамбургские, брабантские и голландские немцы промыслом своим и дав многие посулы и поминки вопреки государеву указу с товарами своими в Московское государство приезжают каждый год, показывая по городам ваши государевы жалованные грамоты, а грамоты эти взяли они из Посольского приказа ложным своим челобитьем и многими посулами и поминками у думных дьяков Петра Третьякова и Ивана Грамотина, а иные немцы ездят и без грамот. Давыд Николаев, купя на Москве двор и поставя палаты, торгует и продает всякие товары на своем дворе врознь, как и в рядах продают, без вашего государского указа и без жалованной грамоты. Да немцы же, живя в Москве и в городах, ездят через Новгород и Псков в свою землю на год по пяти, шести и десяти раз с вестями, что делается в Московском государстве, почем какие товары покупают, и которые товары на Москве дорого покупают, те они станут готовить, и все делают по частым своим вестям и по грамоткам, сговорясь заодно; а как приедут торговать на ярмарку к Архангельскому городу, то про всякие товары цену расскажут, заморские товары, выбрав лучшие, закупят все сами на деньги и на русские товары променяют и, сговорясь между собою заодно, наших товаров покупать не велят, а заморским товарам цену держат большую, чтоб нам у них ничего не купить и вперед на ярмарку не ездить; и мы товаренки свои от Архангельского города везем назад, а иной оставляет на другой год, а которые должные людишки, плачучи, отдают товар свой за бесценок, потому что им держать его у себя нельзя, люди должные, и от того их умыслу и заговору мы ездить к Архангельскому городу перестали, потому что стали в великих убытках, а твоим государевым пошлинам год от году все больше и больше недобор. Да немцы же Петр Марселис и Еремей Фелц, умысля лукавством своим, откупили ворванье сало, чтоб твои государевы торговые люди холмогорцы и все поморские промышленники того сала, мимо их, иным немцам и русским людям никому не продавали, а себе берут они у торговых людей в полцены, в треть и в четверть, потому что мимо их никому покупать не велят, и оттого многие люди холмогорцы и все Поморье, которые ходят на море бить зверя, обнищали и разбрелись врознь, и твоя государева вотчина, город Архангельский, и Холмогорский уезд и все Поморье пустеет; а когда этим са-

лом позволено было торговать с разными иноземцами и всяких чинов людьми, то с этого сального торгу сбирали таможенных пошлин тысячи по четыре и по пяти и больше; торговые люди этим промыслом кормились и были сыты, а теперь от этих откупщиков твои пошлины пропали, многие люди обнищали и податей не платят, и уезды поморские запустели, от этого промысла теперь не соберется и двухсот рублей в год. А их немецкое злодейство к нам мы тебе, праведному государю, объявляем. При державе отца твоего ярославец торговый человек Антон Лаптев ездил с товаром через Ригу в Голландскую землю, в Амстердам, с соболями, лисицами и белками, чтоб те товары испродать, а их товаров в их земле закупить. Проехал он, Антон, их немецкие три земли, а они, немцы, сговорясь и согласившись заодно, у него ничего не купили ни на один рубль, и поехал он из немецкой земли на их немецких кораблях с ними, немцами, вместе к Архангельскому городу, и как скоро он сюда приехал, то у него те же немцы купили все его товары большою ценою. Московские торговые люди, которые в то время были на ярмарке, немцам начали говорить в разговорных речах: какая это правда, что государя нашего торговый человек заехал с товарами в ваше государство, и вы у него, сговорясь, товару не купили, его чуть с голоду не поморили, и, торговав у него в своей земле соболи и лисицы самою дешевою, половинною ценою, здесь купили большою ценою? А в Московском государстве иноземцы торгуют, по милости государя нашего, многие люди всякими товарами повольно, а заговоров у нас, торговых людей, никаких нет, и такой неправды мы не посмеем вам сделать, по милости государя нашего к вам: вам бы следовало, за милость государя нашего, также правду чинить и торговать безо всякой хитрости. И немцы нам отвечали: для того мы у Антона Лаптева товару не купили, чтоб иным русским торговым людям ездить в наши государства было не повадно; а если в наших государствах русские люди станут торговать, как мы у вас, то мы все останемся без промыслов, так же оскудеем, как и вы, торговые люди: мы и персидских купцов точно также от себя проводили, и вам бы поставить себе и то в большую находку, что мы Антона Лаптева с голоду не уморили. Так-то, государь, они над нами насмехаются! Да в прошлом 1645 году из приказа Большой казны продано было немцам 900 пудов с лишком шелку-сырцу, а по уговору взято было с них по 77 ефимков за пуд; мы, зная, что прежде немцы у корабельной пристани твой государев шелк-сырец покупали прежде всех товаров ценою большою, били челом с ними о торгу, и по твоему государеву указу дан нам торг, и мы в торгу с ними сделали тебе, государю, прибыли сверх той цены, по которой отдан был им шелк, с восемь тысяч ефимков; но когда мы этот шелк

послали на ярмарку к Архангельскому городу, то немцы, сговорясь между собою, шелку у нас не купили ни одной гривенки, и говорят: «Мы сделаем то, что московские купцы настоятся в деньгах на правеже, да и впредь заставим их торговать лаптями, забудут перекупать у нас товары! Милостивый государь! пожалуй нас холопей и сирот своих, всего государства торговых людей: воззри на нас бедных и не дай нам, природным своим государевым холопам и сиротам, от иноверцев быть в вечной нищете и скудости, не вели искони вечных наших промыслишков у нас бедных отнять»[25]. Просьба не была исполнена. Не исполнялась она и при царе Михаиле, но тогда не на кого было жаловаться; теперь же при молодом государе всеми делами заведывал Морозов, известный привязанностью к иностранцам и иностранным обычаям, и хотя Виниус, по свидетельству иностранцев, более хотел добра русским, чем своим, однако русские смотрели иначе на дело. Этот упрек от иностранцев Виниус, вероятно, заслужил за то, что и на иностранные товары, не исключая английские, наложена была двойна пошлина «для пополненья ратных людей». При этом правительство утешало иностранцев тем, что они воротят свои деньги, возьмут их с русских же людей, возвысив цену своим товарам.

Но кроме иностранных немецких заговоров, жители московских городов беднели оттого, что многие стремились выйти из общины, из желания отбыть общинных повинностей: «В марте 1648 года новгородские посадские люди били челом, что после разоренья в Новгороде осталось посадских людей немного, разбрелись, а иные померли, и вновь не прибыло ни одного человека, из оставшихся выбраны к денежным сборам, в таможенную избу, в отхожие и иные многие городовые царские службы, а люди все бедные и скудные, и вперед к царским делам выбрать будет из них некого; кроме того, в Новгороде и в Новгородском уезде многие козаки, стрельцы, митрополичьи, монастырские и всяких чинов нетяглые люди торгуют всякими товарами, сидят в лавках и отхожими торговыми многими промыслами промышляют и у посадских тяглых людей промыслы отняли, а мирского тягла с ними не платят, служб не служат, живут *в пробылях,* а иные посадские люди, избывая подати, стали в стрельцы и козаки, во всякие чины, у митрополита живут в приказных и крестьянах, отчего Новгород в конечном запустенье; а которые тяглые дворы с большими угодьями, теми дворами владеют всяких чинов *белые* (не тяглые) люди, и с этих тяглых дворов и мест никаких податей не платят, и за эти дворы тягло и службы ложатся на остальных посадских людей». Вследствие этой челобитной правительство приказало наложить на всех этих избывальщиков государственные службы и подати и, между прочим, предписало:

«Если поповы, дьяконовы, дьячковы и слуг монастырских дети или сами попы, дьяконы и дьячки торгуют большими промыслами и в лавках сидят, то всех их взять в посад и в тягло обложить; козакам, пушкарям и стрельцам, которые торгуют большими торгами не менее пятидесяти рублей, быть в посаде в службе и в тягле с посадскими людьми вместе: а которые в посаде жить не захотят, а торгуют многими товарами не меньше пятидесяти рублей, тем служить без государева денежного жалованья; а которые торгуют меньше пятидесяти рублей, тем служить с денежным жалованьем, но без хлебного».

Между крестьянами существовало то же стремление отбывать от податей во вред общине: по указу царя Михаила чердынцы посадские и уездные выборные люди Чердынский уезд расписали в сошное письмо, в полшесты сохи, дворами, кому с кем ближе; но после этой сошной росписки уездные многие лучшие крестьяне, заговором, родом и племенем и семьями, по воеводским подписным челобитным, отписывались от средних и младших людей сошным письмом, по станам, в мелкие выти дворами же, а не по данному окладу, и пред средними и младшими людьми в тягле живут в великой льготе; а средним и младшим людям перед ними стало тяжело, не в мочь и, оплачивая их, обнищали и одолжали великими долгами; вследствие этого еще царь Михаил приказал лучшим крестьянам всякое тягло тянуть и сибирские отпуски отпускать с средними и младшими вместе, заодно, в свал, а не по сошной развытке, считаться и окладываться на посаде по животам и промыслам, чтоб никто ни за кого лишнего не платил, и вперед лучшим людям от средних и младших не отписываться. Но этой царской грамоты некоторые люди не послушали и учинились сильны, воевод подкупили, и от их насильств многие посадские люди и уездные крестьяне разбрелись врознь, а сильные люди жили во льготе. Царь Алексей повторил приказание отца своего.

Таким образом, видим, что и между посадскими и между крестьянами сильные люди старались быть сильнее общины, и кто не был силен сам по себе, тот закладывался за сильного, чтоб под его покровительством не тянуть вместе с миром. И между служилыми людьми сильные продолжали разорять слабых, переманивая от них крестьян. Дворяне и дети боярские били челом, что они разорены без остатка от войны и от сильных людей, бояр, окольничих, ближних людей и властей духовных, просили урочные годы оставить, а отдавать им беглых крестьян по писцовым книгам и выписям, во всякое время, как только они своих крестьян проведают. Но десятилетний срок не был отменен для отыскивания старых беглецов; обещано отставить урочные годы на будущее время, когда крестьяне и дворы их будут подвергнуты

строгой переписи: «Как крестьян и бобылей и дворы их перепишут, и по тем переписным книгам крестьяне и бобыли и их дети и братья и племянники будут крепки и без урочных лет». Но на перепись явились новые жалобы: некоторые написали в сказках крестьянские и бобыльские дворы не все сполна, и для утайки при переписке из двух и из трех дворов переводили людей в один двор и несколько дворов в один двор сгораживали, ворота у этих дворов одни делали, крестьянские и бобыльские дворы людскими, жилые пустыми писали, деревни и починки обводили. Потом сделана была еще уступка мелким служилым людям: в 1647 году десятилетний срок для отыскивания беглых был заменен пятнадцатилетним. Таким образом продолжалась борьба между интересом крупных и интересом мелких землевладельцев, но как скоро раз уже сделано было прикрепление в интересе мелких землевладельцев, то долго нельзя было останавливаться на урочных годах[26].

Посадские и крестьяне старались избыть от податей, потому что подати были действительно тяжки. Чтоб помочь как-нибудь злу, придумали средство. 18 марта 1646 года наложена была новая пошлина на соль, прибавлено на всякий пуд по две гривны: «А иные мелкие поборы, — говорит указ, — со всей земли и прежние соляные всякие пошлины и проезжие мыты указали мы везде отставить, и порухи вперед в соляной продаже нигде никому не быть. А как та соляная пошлина в нашу казну сполна сберется, то мы указали во всей земле и со всяких людей наши доходы, стрелецкие и ямские деньги сложить, а заплатить те стрелецкие и ямские доходы этими соляными пошлинными деньгами, потому что эта соляная пошлина всем будет ровна; в избылых никто не будет и лишнего платить не станет, и всякий станет платить без правежу. А стрелецкие и ямские деньги сбираются неровно, иным тяжело, а иным легко, и платят за правежом с большими убытками, а иные и не платят, потому что ни в разряде в списках, ни в писцовых книгах имен их нет, и живут все в уезде в избылых; также иноземцы, которые получают наше жалованье и кормовые деньги, и торговые люди иноземцы все станут платить наравне с тягловыми людьми. А торговым людям возить эту соль во все города и уезды без мыту и безо всякой пошлины, и продавать им везде, где кто захочет, применяясь к прежней цене, а лишней много цены на соль не накладывать и заговоров в соляной продаже никому нигде не делать, чтоб всяких чинов людям тесноты и лишних убытков не было»[27]. Любопытно здесь признание правительства, что нет средств у него против избылых людей, которых ни в разряде, ни в писцовых книгах нет; любопытно желание ввести такой налог, который бы не допускал правежа; наконец любопытно, как

правительство утешает русских людей тем, что иностранцы подчинятся этому налогу наравне со всеми. Но такое беспристрастие к иностранцам не могло задобрить многих ревнителей старины, когда они из того же указа узнали, что употребление табаку, богомерзкой травы, принесенной иностранцами, травы, за которую при царе Михаиле резали носы, позволяется правительством с тем только, что продажа ее делается монополиею казны. Пошлина на соль была уничтожена в начале 1648 года, но табак остался. Морозов сократил также дворцовые расходы, отославши известное число придворных слуг и уменьшивши жалованье у остальных. Понятно, что этою мерою он не приобрел себе приверженцев.

В начале 1647 года царь задумал жениться; из 200 девиц выбрали шесть самых красивых, из этих шести царь выбрал одну: дочь Рафа или Федора Всеволожского; узнавши о своем счастьи, избранная, от сильного потрясения, упала в обморок; из этого тотчас заключили, что она подвержена падучей болезни и несчастную вместе с родными сослали в Сибирь, откуда уже в 1653 году перевели в дальную их деревню Касимовского уезда. Так рассказывает одно иностранное известие; русское известие говорит, что Всеволожскую испортили жившие во дворце матери и сестры знатных девиц, которых царь не выбрал. Другое иностранное известие упрекает в этом деле Морозова, которому почему-то не нравились Всеволожские и который метил на двух сестер Милославских: одну хотел сосватать царю, а другую — себе и таким образом обеспечить себя от соперничества с новыми родственниками царскими. Из официальных известий мы имеем один только отрывок из дела: из этого отрывка узнаем, что обвинен был Мишка Иванов, крестьянин боярина Никиты Ивановича Романова (двоюродного брата царского) в чародействе, в косном разводе и в наговоре в деле Рафа Всеволожского[28]. Понятно, что на основании одного иностранного известия нет никакого права обвинять Морозова. По всем вероятностям, подозрение на него пало вследствие того, что чрез год, 16 января 1648 года, царь женился на Марье, дочери Ильи Даниловича Милославского, а через десять дней после того Морозов женился на сестре царицы, Анне Ильиничне. Зная пристрастие Морозова к иностранцам, зная, что царь уже раз решился на измену старому обычаю, продолжив время траура по отце на целый год вместо сорока дней, многие, как говорят, опасались, что по случаю свадьбы царской приняты будут иностранные обычаи и произойдут перемены при дворе. Опасения не оправдались, иностранные обычаи не были введены, тем не менее брак царскии имел следствием сильное неудовольствие народное.

Илья Данилович Милославский был очень незначительного происхождения и выведен в люди дядею своим, знаменитым дьяком Грамотиным. Милославский воспользовался своим новым положением, чтоб нажиться; особенно стали наживаться родственники его, окольничие, судья Земского приказа Леонтий Плещеев и заведовавший Пушкарским приказом Траханиотов; поднялся сильный ропот, начались сборища у церквей и решились наконец подать просьбу государю на Плещеева; но окружавшие царя брали просьбы у народа и всякий раз представляли дело в ином виде, отчего просители не получали удовлетворения. Тогда народ решился изустно просить царя. 25 мая 1648 года, когда государь возвращался от Троицы, толпа схватила за узду его лошадь и просила Алексея отставить Плещеева, определивши на его место человека доброго. Царь обещал, и довольный народ стал расходиться, как вдруг несколько придворных, друзей Плещеева, стали ругать народ, мало того: въехали на лошадях в толпу и ударили несколько человек нагайками. Народ рассвирепел, камни посыпались на обидчиков, которые принуждены были спасаться бегством во дворец, толпа кинулась за ними, и тут, чтоб остановить ее, повели на казнь Плещеева! Но народ вырвал его из рук палача и умертвил. Морозов вышел было на крыльцо с увещаниями от имени царского, но в ответ на его увещание послышался крик, что и ему будет то же, что Плещееву; правитель должен был спасаться бегством во дворец, дом его разграбили, убили холопа, который хотел защищать господское добро; жене Морозова сказали, что если бы она не была царская свояченица, то изрубили бы ее в куски; сорвали с нее дорогие украшения и бросили на улицу; потом убили думного дьяка Чистого, хотели было сделать то же и с богатым гостем Шориным, обвиняя его в возвышении цены на соль, но он успел выехать из города; дом его разграбили, вместе с домом князя Никиты Одоевского, князя Алексея Михайловича Львова и других вельмож. На другой день после полудня, вспыхнул страшный пожар и продолжался до полуночи: погорели Петровка, Дмитровка, Тверская, Никитская, Арбат, Чертолье и все посады; уняли пожар, вспыхнул новый мятеж. Отряд служивых иностранцев двинулся защищать дворец; немцы шли с распущенными знаменами, с барабанным боем; москвичи дали им дорогу, кланялись и говорили, что у них к немцам никакой недружбы нет, знают, что они люди честные, обманов и притеснений боярских не хвалят. Когда немцы расположились стражею около дворца, то царь выслал к народу двоюродного брата своего, Никиту Ивановича Романова, зная любовь к нему народную. Никита Иванович вышел с шапкой в руках и сказал, что царь обещает выполнить желание подданных и увеще-

вает их разойтись, чтоб можно было ему выполнить обещание. Народ отвечал, что он не жалуется на царя, а на людей, которые воруют его именем, и что он не разойдется до тех пор, пока ему не выдадут Морозова и Траханиотова. Никита Иванович отвечал, что оба скрылись, но что их отыщут и казнят. Народ разошелся. Траханиотова действительно схватили подле Троицкого монастыря и казнили; Морозова отправили подальше, в Кириллов-Белозерский монастырь, и между тем начали хлопотать, как бы успокоить народное раздражение против него. Царь приказал угостить стрельцов вином и медом; тесть его Милославский позвал к себе обедать москвичей, выбрав из каждой сотни, угощал их несколько дней сряду. Места убитых немедленно были замещены людьми, которые слыли добрыми. Наконец царь, воспользовавшись крестным ходом, обратился к народу с такою речью: «Очень я жалел, узнавши о бесчинствах Плещеева и Траханиотова, сделанных моим именем, но против моей воли; на их места теперь определены люди честные и приятные народу, которые будут чинить расправу без посулов и всем одинаково, за чем я сам буду строго смотреть». Царь обещал также понижение цены на соль и уничтожение монополий. Народ бил челом за милость; царь продолжал: «Я обещал выдать вам Морозова и должен признаться, что не могу его совершенно оправдать, но не могу решиться и осудить его: это человек мне дорогой, муж сестры царицыной, и выдать его на смерть будет мне очень тяжко». При этих словах слезы покатились из глаз царя; народ закричал: «Да здравствует государь на многие лета! Да будет воля божия и государева!» По другим известиям, сделано было так, что сам народ просил о возвращении Морозова.

Трудно определить время, когда происходили все эти хлопоты относительно Морозова; мы знаем верно одно, что август месяц Морозов находился еще в Кириллове монастыре, ибо 6 августа царь писал туда следующую грамоту, из которой видно, как он был привязан к Морозову и как боялся народного озлобления против него: «Ведомо нам учинилось (пишет царь), что у вас в Кириллове монастыре в Успеньев день бывает съезд большой из многих городов всяким людям; а по нашему указу теперь у вас в Кириллове боярин наш, Борис Иванович Морозов, и как эта наша грамота к вам придет, то вы бы боярина нашего, Бориса Ивановича, оберегали от всего дурного и думали бы с ним накрепко, как бережнее — тут ли ему у вас в монастыре в ту ярмарку оставаться или в какое-нибудь другое место выехать. Лучше бы ему выехать, пока у вас будет ярмарка, а как ярмарка минуется, и он бы у вас был по-прежнему в монастыре до нашего указа; и непременно бы вам боярина нашего Бориса Ивановича уберечь; а если над ним сделается

что-нибудь дурное, то вам за это быть от нас в великой опале». Но царь этим не удовольствовался: вверху и сбоку грамоты, на белых местах и частию между верхних строк собственною рукою приписал: «И вам бы сей грамоте верить и сделать бы и уберечь от всякого дурна, с ним поговоря против сей грамоты, да отнут бы нихто не ведал хотя и выедет куда, а естли сведают, и я сведаю, и вам быть кажненым, а естли убережете его, так как и мне добро ему сделаете, и я вас пожалую так, чего от зачяла света такой милости не видали; а грамотку сию покажите ему приятелю моему». По возвращении своем Морозов не был правителем, как прежде, но был одним из самых близких людей к государю и употреблял свое влияние для приобретения всеобщего расположения, помогая каждому, кто к нему обращался. Пишут, что в теле Морозова, истощенном тяжкими болезнями, подагрою и водяною, велика еще была сила разума и совета, за которым царь часто приезжал на дом к больному во всех важных делах[29].

Морозов по крайней мере, по-видимому, сошел с первого плана в мае 1648 года; но скоро на этом плане начало обозначаться другое лицо, духовное: то был Никон[30].

В страшный 1605 год, когда для Московского государства началась смута, в мае месяце, в селе Вельманове или Вельдеманове, Княгининского уезда, в 90 верстах от Нижнего, у крестьянина Мины родился сын, названный Никитою. Не знаем, великие и страшные события, происходившие в малолетство Никиты, врезались ли в его памяти, восстание родной области за веру и государство произвело ли впечатление на малютку; но имеем полное право допустить, что ближайшие семейные явления должны были подействовать на образование его характера: горе ждало его в семье, а горе всего лучше закаляет природы способные к закалу. Младенцем лишился Никита матери, отец дал ему мачеху, а мы знаем, что́ такое была мачеха в древней русской семье. Мачеха Никиты не была исключением: малютка терпел от нее большие притеснения, не раз жизнь его находилась в опасности. Никита имел случай выучиться грамоте, а это было тогда верным средством для худородного человека выйти на вид. Обилие нравственных сил, энергия не могли позволить Никите долго оставаться в той среде, где он родился; воображение молодого человека воспламенялось предсказаниями о дивной судьбе: и христианские монахи, и мордовские колдуны пророчили ему или царство или патриаршество. Грамотность влекла пытливого юношу к книгам, книги были исключительно духовные, они увлекли Никиту в монастырь Макария Желтоводского; но отсюда он был вызван снова в мир: просьбы родственников убеждали его жениться, а грамотность и таланты дали ему священническое

место на 20 году от рождения. Молодой священник сильно выдавался вперед между товарищами и московские купцы перезвали его в столицу.

Троих малюток имел священник Никита Минич и похоронил всех; приход и безчадная семья стали для него тесны. Он уговорился с женой разойтись; она постриглась в московском Алексеевском монастыре, он ушел на Белое море, в Анзерский скит, где переменил имя Никиты на Никона. Неспособность сдерживать себя, страсть к обличениям высказались в монахе Никоне и не дали ему ужиться с братиею; он оставил Анзерский скит и поселился в Кожеезерском монастыре (новгородской епархии Каргопольского уезда). Здесь он нашел себе лучших ценителей в братии и в 1643 году был избран в игумены. Новый игумен Никон также скоро выдался вперед, как прежде священник Никита; слава об нем пошла далеко, достигла Москвы, и когда Никон в 1646 году явился в столице по делам монастырским, то молодой царь Алексей Михайлович обратил на него особенное внимание и по впечатлительности и религиозности своей скоро подчинился влиянию знаменитого подвижника. Никон остался в Москве; он был посвящен в архимандриты Новоспасского монастыря и каждую пятницу должен был являться к заутрени в придворную церковь, чтоб потом беседовать с царем. Никон не мог ограничиться одними душеспасительными разговорами: он тотчас же стал печаловаться за утесненных, вдов, сирот, и царь поручил ему это печалование, как должность, челобитчики шли к Никону в монастырь, другие встречали его на дороге во дворец и подавали просьбы. В смутный 1648 год Никон был посвящен в митрополиты новгородские.

Между тем в Москве, после мятежа, молодой царь усердно занимался устранением того, что возбудило жалобы исполнением данных обещаний. 16 июля 1648 года государь советовался с патриархом Иосифом и со всем священным собором и говорил с боярами, окольничими и думными людьми: которые статьи написаны в правилах св. апостол и св. отец и в градских законах греческих царей и пристойны эти статьи к государственным и к земским делам, и те бы статьи выписать; также прежних великих государей указы и боярские приговоры на всякие государственные и земские дела собрать и справить со старыми судебниками; а на которые статьи в прошлых годах в судебниках указа не положено и боярских приговоров нет, те статьи написать и изложить общим советом, чтоб Московского государства всяких чинов людям, от большого и до меньшего чина, суд и расправа были во всяких делах всем равны. Указал государь все это собрать и в доклад написать боярам: князю Никите Ивановичу Одоевскому и князю Семену Васильевичу Прозоров-

скому, окольничему князю Федору Федоровичу Волконскому, да дьякам Гавриле Леонтьеву и Федору Грибоедову. Для этого своего государева и земского великого царственного дела указал государь, по совету с патриархом, и бояре приговорили: выбрать из стольников и из стряпчих, из дворян московских и жильцов, из чина по два человека; также из дворян и детей боярских всех городов взять из больших городов, кроме Новгорода, по два человека, а из новгородцев с пятины по человеку, с меньших городов по человеку, из гостей трех человек, из гостиной и суконной сотен по два человека, из черных сотен и слобод и из городов и посадов по человеку, добрых и смышленых людей, чтоб государево и земское дело со всеми этими выборными людьми утвердить и на деле поставить, чтоб все эти великие дела, по нынешнему государеву указу и соборному уложению, впредь были ничем нерушимы [31]. Выборные, между прочим, били челом: «На Москве и около Москвы, и в городах, где прежде бывали выгоны для скота, устроены патриаршие, монастырские, боярские и других чинов людей слободы и пашни на государевой искони вечной выгонной земле, в посадах и слободах живут закладчики и их дворовые люди, покупили себе и в заклад побрали тяглые дворы и лавки и погреба каменные, торгуют всякими товарами, своею мочью и заступленьем (тех, за кого заложились) откупают таможни, кабаки и всякие откупы, и от этого они, служилые и тяглые люди, обнищали и одолжали и промыслов своих многие отбыли; искони, при прежних государях, на Москве и в городах всего Московского государства ничего этого не бывало, везде были государевы люди: так государь пожаловал бы, велел сделать по-прежнему, чтоб везде было все государево». Государь пожаловал и указал: «На Москве и около Москвы, по городам на посадах и около посадов на слободах всем торговым промышленным и ремесленным людям быть за нами в тягле и службе с иными нашими тяглыми людьми наравне, а за патриархом, монастырями, боярами и за всяких чинов людьми, в слободах на посадах и около посадов никаким торговым, промышленным и ремесленным людям быть не велено, чтоб в избылых никто не был» [32]. Продажа и сеяние табаку были запрещены в том же 1648 году [33], а в следующем 1649 году исполнено и давнее желание купцов: издано царское повеление [34]: «Вам, англичанам, со всем своим имением ехать за море, а торговать с московскими торговыми людьми всякими товарами, приезжая из-за моря, у Архангельского города; в Москву же и другие города с товарами и без товаров не ездить. Да и потому вам англичанам в Московском государстве быть не довелось, что прежде торговали вы по государевым жалованным грамотам, которые даны вам, по прошению государя вашего английского Карлуса короля, для брат-

ской дружбы и любви; а теперь великому государю нашему ведомо учинилось, что англичане всею землею учинили большое злое дело, государя своего Карлуса короля убили до смерти: за такое злое дело в Московском государстве вам быть не довелось».

Но в то самое время, как правительство удовлетворением разных требований спешило отнять поводы к волнениям, мятежи вспыхнули на отдаленном севере, где и в предшествовавшее царствование мы видели восстания на воевод. Летом 1648 года в Сольвычегодск отправлен был Федор Приклонский для сбора с посада и уезда 535 рублей ратным людям на жалованье. Правил он деньги, как после показали сольвычегодцы, большим немерным правежем. У городских и сельских жителей был обычай умерять эти немерные правежи тем, что складывались и приносили чиновнику известную сумму, чтоб только уже больше не правил и отправлялся в Москву; так поступили сольвычегодцы и с Приклонским: собрали со всего уезда, по мирскому приговору, 20 рублей и отнесли к Приклонскому с тем, чтоб он уже больше денег не брал ни с посада, ни с уезда. Но в то же самое время приезжают из Москвы и рассказывают, что в Москве нашли управу на людей и посильнее Приклонского, который сбирал деньги на Морозова, а этого изменника больше нет. Сольвычегодцев взяло раскаяние: за что же они заплатили Приклонскому двадцать рублей! Надобно воротить мирские деньги! И вот 21 июня уездный староста Богдан Шулепов да площадной подьячий Давид Хаминов отправились к Приклонскому и вытребовали у него деньги назад. Но этим дело не кончилось: мужик горлан Хаминов, воспользовавшись удобным случаем, стал на первом плане: «Будет тебе то же, — кричал он Приклонскому, — что было от нас воеводе Федору Головачеву и воеводе Алексею Большову: будет и тебе смертное убийство!» Вышедши от Приклонского со двора, Хаминов закричал ясаком, и толпа осадила дворы воеводы и Приклонского и стерегла их всю ночь. На другой день Приклонский отправился на съезжий двор, но и туда явилась толпа, человек со 100 или больше, под начальством тех же Хаминова и Шулепова и начала кричать Приклонскому: «Деньги-то ты сбираешь на изменника воровски!» В толпе раздались голоса приезжих из Москвы: «Деньги он сбирает на изменника!» Эти слова послужили уликою; толпа ринулась в избу; отняла у Приклонского государев наказ, казну, все бумаги, иные передрали, бросились на самого Приклонского, прибили, поволокли улицею и перекинули на тот двор, где он стоял; имение его захватили. Очнувшись, Приклонский ушел сперва на двор к князю Шаховскому, а потом в соборную церковь и заперся в палатке у церкви; но толпа явилась и туда, крича, что надобно убить

Приклонского. К счастью его, вступилась в дело мать Федора Строганова, вдова Матрена: церковь была строгановского строения и потому Матрена приказала людям своим, чтоб не выдавали Приклонского народу. Когда наступила ночь, он ушел в лодке рекою Вычегдою[35]

17 июля дал знать Приклонский в Москву о случившемся в Сольвычегодске, а 4 августа пришло известие о мятеже устюжском. В Устюге в это время был воеводою Михайла Васильевич Милославский; всеми делами у него заправляли подьячие Онисим Михайлов да Григорий Похабов. Михайлову устюжане, посадские и уездные люди поднесли 260 рублей в почесть, с сошек; но потом также, как видно, по вестям из Москвы, денег стало жаль, начали думать, как бы их взять назад. Крестьянин Онисим Рошкин с товарищами несколько дней ходил к подьячему просить денег; подьячий не расставался с ними; ходили и к воеводе, чтоб тот уговорил подьячего отдать деньги — все напрасно. Наступило 8 июля; в Устюг сошлось много народа из окрестностей к празднику св. Прокопия устюжского чудотворца. У посадских и крестьян только и речей было, что об этих 260 рублях. На другой день праздника, 9 июля, толпа крестьян сидела в съезжей избе, в судебне, у земских судеек, и приговорили взять непременно деньги у Онисима Михайлова. В это время является в судебню кузнец Моисей Чагин и кричит земским судьям: «Есть ли у вас промысел такой, чтоб у Онисима взять деньги?» Ему отвечали: «Хорошо взять, да как? Подьячий не отдаст!» «Не отдаст, так убить его до смерти!» — закричал Чагин. Возражение послышалось, как видно, от земского судьи Волкова, потому что Чагин бросился к нему, схватил за руки и за грудь и поволок из избы, а товарищи Чагина, Васька Шамшурницын и Шурка Бабин, толкали Волкова в шею и били. Вытащив Волкова на площадь, начали его водить по ней из стороны в сторону; ухватили и земского судейку Игнатьева, но он вырвался и вместе с товарищем, ружным старостою Мотоховым, бросился на воеводский двор и рассказал Милославскому, что делается в земской избе и на площади. Воевода в это время пировал с своим подьячим Онисимом Михайловым; услыхав недобрые вести, он поехал на площадь, чтоб унять *гиль* (мятеж); но *гилевщики*, оставя Волкова, принялись за воеводу, схватили его и повели к нему на двор; но здесь уже успел побывать Чагин с товарищами: ворота выломали, на дворе сени, клети и чуланы, все разломали, имение разграбили, схватили подьячего Онисима Михайлова, убили и бросили в реку. Та же участь грозила и воеводе: гилевщики стали требовать у него, чтоб выдал другого подьячего, Похабова; Милославский клялся, что не знает, где подьячий; тогда воеводу поволокли было к реке, но почему-то смиловались, удовольствовались тем, что заста-

вили Милославского, жену его и тещу поцеловать образ с клятвою, что у них нет Похабова. Между тем набат гудел по всему городу, и пять дворов было разграблено: посадских людей Меркурья Обухова, Дмитрия Котельникова, Василья Бубнова, Григорья Губина и подьячего Похабова, который спасся бегством. Церковный дьячок Игнашка Яхлаков носил бумагу согнутую и говорил во весь мир, что пришла государева грамота с Москвы, велено на Устюге 17 дворов грабить.

Только 4 августа в Москве узнали об устюжских происшествиях и отправили для розыска стольника, князя Ивана Григорьевича Ромодановского, с 200 стрельцов; Ромодановский приехал в Устюг 7 сентября. Чагин с двумя товарищами, Игнашкою Яхлаковым и Ивашкою Белым, не благорассудили дожидаться его приезда и разбежались. Начался розыск, пытки. Повесили крестьянина Федьку Ногина, который признался, что напустил Чагина завести мятеж и убить подьячего Михайлова; повесили Терешку мясника и Ивашку, прозвищем Солдата, которые признались, что убили Михайлова; у Солдата на пытке вынули из-под пяты камень, и Солдат признался, что учил его в тюрьме ведовству разбойник Бубен, как от пытки оттерпеться, наговаривал на воск, а приговор был: «Небо лубяно и земля лубяна, и как в земле мертвые не слышат ничего, так бы он не слыхал жесточи и пытки». Повесили также Ивашку Шамшурницына.

Ромодановский загостился в Устюге. 23 декабря земский судейка Сенька Мыльник, по велению мирских людей, бил челом государю от всех устюжан, что Ромодановский пытал невинных людей и посадские люди бегут розно; мирские люди дали Ромодановскому 600 рублей, да подьячему Кузьме 100 рублей, но и это не помогло. По этому челобитью, в январе 1649 года, приехал в Устюг другой следователь, стольник Никита Алексеевич Зюзин, и спросил Ромодановского: зачем он до сих пор к государю не писывал? Ромодановский отвечал: «Послал я обыски и пыточные речи и статейный список января 10, а до того времени не посылал, дожидался для обыска из волостей многих крестьян; многие посадские люди и волостные крестьяне учинились сильны и государеву указу непослушны, к обыскам из волостей не поехали, а которые небольшие люди и были и те в обысках и сказках своих государю лгали». Зюзин обратился к устюжанам: те вычли, что кроме 600 рублей Ромодановскому и людям его малыми статьями, в подносах харчевого и денег и пивных варь на приезд и на праздники и в иные дни вышло на 111 рублей 22 алтына 2 деньги; деньги эти на мирской расход заняли у сборщика Семена Скрябина из сибирского запаса 650 рублей, да в Архангельском монастыре 100 рублей, а кабала писана в 200 рублях; деньги эти мирские люди *разрубили* (разложили) и собирают по сохам. Подьячий

Куземка Львов в допросе сказал: «Земские судейки приносили ко мне в мешке деньги не по один день, и я им отказывал, принять не хотел и то им говорил, что они подьячему Онисиму Михайловичу дали денег 200 рублей и за то убили, и я боюсь от них того же, но судейки мне говорили, чтоб мне те деньги взять у них не от дела, в почесть, для государева многолетнего здоровья, да и то мне говорили, что я в Москве разграблен и погорел, и я деньги у них взял; деньги эти за их печатью и сколько денег не знаю; когда я деньги брал, то говорил им, что деньги эти я объявлю на Москве, отдам их в государеву казну в Посольском приказе». Люди Ромодановского объявили, что господин их взял деньги, но сказал при этом, что деньги объявит в Москве; что князь несколько раз отказывался принять, и взял, когда они принесли после именин царевича Дмитрия Алексеевича и сказали: «Возьми для государя царевича». Сам Ромодановский показал то же, но судейки показали, что они отнесли сперва сто рублей 22 сентября, а потом 550 рублей, 19 октября, а не 27, как показал князь; кроме того, явилось множество показаний, что Ромодановский брал взятки с тюремных сидельцев[36].

Между тем в Москве имя Морозова продолжало быть в устах недовольных. Мы видели, что по всеобщей жалобе были приняты меры против закладчиков; но тут закладчики, лишенные своего выгодного положения, стали вымещать злобу на том же Морозове. 17 января 1649 года на подворье к коломнитину Ивану Пестову пришел старый закладчик боярина Никиты Ивановича Романова Савинка Корепин и начал говорить: «Когда я был за боярином Никитою Ивановичем, то мне было хорошо, а теперь меня взяли за государя, и мне худо; сделали это бояре Борис Иванович Морозов да Илья Данилович Милославский и от этого их промыслу ходить нам по колена в крови, а боярам Морозову, Милославскому и друзьям их быть побитыми каменьями». Пестов на это сказал ему: «Что ты, мужик, такие непристойные речи говоришь: только государь изволит и мы вас всех побьем». Корепин отвечал: «Мы вас всех из изб побьем из пищалей, а холопы ваши все с нами будут». Тот же Савинка был у Пестова 18 января и говорил: «Государь молодой и глядит все изо рта у бояр Морозова и Милославского, они всем владеют, и сам государь все это знает да молчит; Морозов делает умыслом, будто он теперь ничем не владеет и дал всем владеть Милославскому. Боярина князя Якова Куденетовича Черкасского хотели сослать и подводы под него были готовы, но не сослали его, боясь нас, для того, что мир весь качается; как его станут посылать, и боярин Никита Иванович Романов хочет выехать на Лобное место и станет миру говорить, и мы за него всем миром станем, а бояр Морозова и Милославского побьем; да и тем у нас достанется, которые руки при-

кладывали (вероятно, к просьбе о возвращении Морозова); а побивать мы станем не все сами: есть у нас много ярыжек, которые у нас живут, от них и почин будет; в этом заводе все с нами, да и стрельцы, которые рук не прикладывали, с нами же. Выедут на Лобное место бояре: Никита Иванович Романов, князь Яков Куденетович Черкасский, князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский, князь Иван Андреевич Голицын, пристанут к ним стрельцы и всякие люди и станут побивать и грабить Морозова, Милославского и других». Государь велел всем боярам ехать к пытке, пытать Корепина накрепко и однолично доискаться подлинно. Савинка с пытки показал, что говорил спьяну сам собою; прибавил, что зимою о Николине дне сидел он у боярина Никиты Ивановича Романова на дворе в конюшне, тут же с ним сидели колодники в боярских делах: Афонка Собачья Рожа да унженцы человек с десять, и он с ними говорил те же речи и они о том же говорили, что быть замятне, кровопролитию и грабежу. Савинку казнили смертию. Стрелец Андрюшка Калинин в расспросе сказал: «Слышал часа за полтора до вечера, января 4, от стрельца Андрюшки Ларионова: был он, Андрюшка, у боярина князь Якова Куденетовича Черкасского и слышал от князя Якова и от племянника его, князя Петра, что приходили к ним четыре человека стрельцов и сказали: «Быть замятне в Крещенье, как государь пойдет на воду». На пытке Ларионов сказал, что все это он затеял сам, от князя ничего не слыхал; у него вырезали язык и сослали.

Слышалось на Морозова и другого рода обвинение. Мы видели, что в это время в Москве чувствовалась потребность в науке, за которою естественно было обратиться к малороссиянам, потому что у них было уже распространено школьное образование. Сильною любовью к просвещению отличался в Москве постельничий царский Федор Михайлович Ртищев. Недалеко от Москвы, по Киевской дороге, на берегу реки он выстроил монастырь (Андреевский), куда перезвал из малороссийских монастырей монахов тридцать человек, с тем чтоб учили желающих грамматике славянской и греческой, риторике и философии и переводили книги. Обязанный днем быть во дворце, Ртищев целые ночи просиживал в Андреевском с учеными монахами. Но эта новизна некоторым не полюбилась. Весною 1650 года Иван Васильевич Засецкий, Лучка Тимофеев Голосов да Благовещенского собора дьячок Костка Иванов сошлись у монаха Саула и шептали между собою: «Учится у киевлян Федор Ртищев греческой грамоте, а в той грамоте и еретичество есть». Обратясь к дьячку, Голосов говорил: «Извести благовещенскому протопопу (духовнику царскому), что я у киевских чернецов учиться не хочу, старцы недобрые, я в них добра не познал; теперь я маню Федору Ртищеву, боясь его, а вперед учиться

никак не хочу, кто по-латыни научится, тот с правого пути совратился. Да и о том вспомяни протопопу: поехали в Киев учиться Перфилка Зеркальников да Иван Озеров, а грамоту проезжую Федор Ртищев промыслил; поехали они доучиваться у старцев киевлян по-латыни, и как выучатся и будут назад, то от них будут великие хлопоты; надобно их воротить назад; и так они всех укоряют и ни во что ставят благочестивых протопопов Ивана и Степана и других». Дьячок Костка отвечал на это: «Мне и поп Фома говорил: «Скажи, пожалуй, как быть? Дети мои духовные Иван Озеров да Перфилий Зеркальников просятся в Киев учиться». Я ему говорил: «Не отпускай, бога ради, бог на твоей душе это взыщет»; а Фома говорит: «Рад бы не отпустить, да они беспрестанно со слезами просятся и меня мало слушают и ни во что ставят». Потом трое ревнителей правого пути начали шептать про Морозова: «Борис Иванович держит отца духовного только для прилики людской, киевлян начал жаловать; а это уже известное дело, что туда уклонился к таким же ересям» [37].

В Москве попытки недовольных раздуть мятеж против Морозова и Милославского во имя Романова и Черкасского были уничтожены в самом начале; но когда, по-видимому, все успокоилось, опять на северо-западной границе в толпе народной послышалось несчастное имя Морозова, и мятеж в самых широких размерах запылал во Пскове и Новгороде.

По Столбовскому миру с обеих сторон условились выдавать перебежчиков, но в продолжение несколько десятков лет из уступленных Швеции русских областей перебежало в московские пределы множество народу; шведское правительство требовало их выдачи, исполнить это требование в глазах московского правительства значило отдать православных христиан в люторскую веру; благочестивый царь никак не мог решиться взять на свою душу такой грех, и потому положено было выкупить перебежчиков. Часть выкупных денег, именно 20 000 рублей, была отдана в Москве шведскому агенту Нумменсу, который с ними и отправился на Псков к шведской границе. В то же время, в зачет выкупной суммы велено было отпустить из псковских царских житниц 11 000 * четвертей хлеба в Швецию. Но мы видели, как дурно смотрели на иностранцев везде в Московском государстве и особенно во Пскове. В царствование Михаила во Пскове ограничивались одними жалобами, занесенными в летопись; со времени же событий в Москве 1648 года пошла молва, что молодой царь окружен людьми недоброжелательными, что Морозов дружит немцам ко вреду русских. И вот в феврале 1650 года во Пскове узнали, что едет швед, везет из Москвы

---

* 10 000 четвертей. См. ЦГАДА, ф. 96 Сношения России с Швецией, 1650 г., д. 1, л. 94—95. *(Прим. ред.)*

большую казну и что велено во Пскове отдавать хлеб шведам. 24 февраля, на маслянице, пришла к воеводе Собакину государева грамота о хлебной отдаче; народ узнал о грамоте, стал волноваться и 27 числа человек 30 из меньших статей пришли к архиепископу Макарию бить челом, чтоб он уговорил воеводу не отдавать хлеба, пока от них челобитье будет к государю.

Макарий послал за Собакиным, который тотчас приехал к архиепископу и, узнав в чем дело, объявил, что должен исполнить государев указ в точности и отдаст хлеб немедленно, а они пусть посылают челобитчиков к государю от себя, мимо его. Потом воевода счел своею обязанностью сделать псковичам внушение, чтоб они не в свои дела не вмешивались, начал им говорить с сердцем, зачем они пришли на архиепископский двор толпою, называл их *кликунами* — название очень нехорошее во Пскове после событий Смутного времени. Тогда один из псковичей начал Собакина укорять: «Ты, Никифор Сергеевич, пускаешь немцев в город (в крепость, куда не велено было пускать иностранцев) на пир к Федору Емельянову». Собакин отвечал: «Ну так что ж? Пускаю, не запираюсь; а для того велел я немцев пустить к Емельянову, что он болен, из двора не выходит, а у него у немцев заторговано на государя золотых много». Начался спор сильный и воевода кликнув подьячего, велел ему переписывать имена псковичей, тут бывших; те бросились бежать из кельи вон, и на дворе, где стояла толпа народу, начался шум; бывшие у архиепископа кричали народу: «Вы нас привели на такой шум бить челом, а воевода станет на нас писать государю, что шумом приходили, и нам за то будет опала!» Пошумев, разошлись и условились собраться на другой день потолковать.

28 февраля собрались на площади у всегородной избы много всяких чинов людей; начали кричать, что не надо давать хлеба возить из Кремля; но посадские лучшие люди и старого приказа стрельцы стали говорить с большою силою, что самовольством ничего не надобно делать, нельзя государеву указу противиться, а если в хлебе скудость, то надобно бить челом государю. Толпа начала стихать и лучшие люди стали расходиться по домам, как вдруг прибежали стрельцы от Петровских ворот и закричали: «Едет немец, везет казну из Москвы!» Толпа кинулась к указанному месту. Нумменс с приставом Тимашевым действительно ехал в это время по загородью, Великою рекою к немецкому гостиному двору, на Завеличье; но когда поровнялся с Власьевскими воротами, то из них вышла толпа народу и бросилась на него; одни хотели тут же убить Нумменса ослопами, другие тащили к проруби, третьи спрашивали: как ему казна на Москве дана? Нумменс рассказывал все дело

как было и стал просить, чтобы дали ему повидаться с гостем Федором Емельяновым. Это роковое имя человека ненавистного, друга немцев, подлило масла в огонь; раздались крики: «Пытать немца! Пытать Федора!» Взяли казну, отвезли ее к съезжей избе, откуда отправили на подворье Снетогорского монастыря и заперли ее там, запечатавши; Нумменса отвезли ко всегородной избе, осматривали его там всем миром, забрали все бумаги и потом отвели на Снетогорское подворье, где приставили к нему сторожей: пять человек попов, пять человек посадских людей, да двадцать человек стрельцов. Пошли к Емельянову; тот скрылся, но жена отдала государеву грамоту, присланную к мужу ее; грамоту стали читать во весь мир; она оканчивалась словами: «А сего бы нашего указа никто у вас не ведал». Эти слова возбудили еще большее волнение; стали кричать: «Грамота тайная к Федору прислана, а государю про то неведомо!» Слыша шум, набат, беготню по улицам с оружием, воевода Собакин прискакал на площадь и стал говорить псковичам, что им до государевой казны дела нет. Ему отвечали: «Воля государская: если казна послана из Москвы с государева ведома, то можно было с нею ехать и городом, а не по загородью». Собакин поехал к архиепископу и спустя час явился на площадь Макарий с священниками, с иконою св. троицы и стал уговаривать народ; но у мирских людей была одна речь: «Воля государева, а хлеба нам из Кремля немцу до государева указа не отдавать». 1 марта гилевщики собрались на площадь, выбрали между собою начальных людей: площадного подьячего Томилку Васильева Слепого, стрельцов Прошку Козу, Сорокоума Копыто. Начальники эти стали распоряжаться: велели привести Нумменса, поставили на площади два огромных чана и стали на них с Нумменсом, чтоб всему народу было видно. Несчастного шведа снова допрашивали, а, чтоб язык у него был развязнее, подле него стояли палачи с кнутьями; читали во весь мир бумаги, взятые у Нумменса; потом все эти бумаги перед всем миром положили в коробки, запечатали и поставили на Снетогорском подворье, а ненужные письма отдали Нумменсу. После третьего марта волнение начало утихать: положили отправить челобитчиков к государю в Москву.

Но между тем при беспрестанных сношениях псковичи торговые и всякие люди приезжали в Новгород, и от них были в разговорах многие смутные речи. В Новгороде началась молва, особенно с тех пор, как прислан был государев указ, велено хлеба покупать на государя и стали по торжкам биричи кликать, чтобы русские люди покупали хлеба только про себя, не помногу, четвериками. Приехал из-за границы новгородец Никита Тетерин и начал рассказывать, что немцы собираются, ждут казны из Москвы, и как только

казна придет, то им всем идти на Новгород; начались толки: «Государь этого не знает, отпускают казну бояре». Дней через пять после этого, вечером 15 марта, приехал в Новгород датский посланник Граб, и все начали говорить: «Вот и немцы с казною приехали!» Посадский человек Трофим Волк разговорился с русским толмачом, ехавшим при после́ннике, Нечаем Дрябиным, и тот сказал ему, что идет из Москвы к немцам большая казна; Волк не смолчал об этой новости, а другой посадский, Елисей Лисица, явился к земской избе на площадь и стал кричать на весь мир, что гость Семен Стоянов провозит за рубеж хлеб и мясо, а немцы везут из Москвы большую денежную казну. На крик Лисицы собрались толпы народа и решили разделаться с немцами; земский староста Андрей Гаврилов, вместо того, чтоб унимать их, сделался предводителем мятежа. Датский посланник, только что выехавший из Новгорода, был остановлен, избит; Волк отличился пред всеми: бил Граба по щекам, проломил ему нос, сидел над ним с ножом и, наконец, сбобрал его. Пожитки посланника, в которых видели казну государеву, не тронули, свезли их на Пушечный двор, но разграбили дворы своих богатых людей, братьев Стояновых, Василья Никифорова, Василья Проезжалова, Михайлы Вязьмы, Никиты Тетерина, Андрея Земского; взяли в земскую избу с Любского двора приезжих торговых немцев; в Каменном городе караульщики от ворот и от набата были отбиты, сполошный колокол заливался. Митрополит Никон и воевода окольничий князь Федор Андреевич Хилков выслали голов стрелецких и детей боярских унимать мятежников, но эти посланные, ничтожные числом, не могли ничего сделать; один из них, стрелецкий сотник Марк Басенков, чуть не был сброшен с башни.

Мятеж этим не кончился; на другой день, 16 марта, загудел опять сполошный колокол, раздались крики: «Государь об нас не радеет, деньгами подмогает и хлебом кормит немецкие земли». Но у мятежников не было предводителя; староста Андрей Гаврилов скрылся, испугавшись последствий затеянного дела; стали искать, кого бы взять в начальные люди, и нашли: за приставом сидел митрополичий приказный Иван Жеглов и двое детей боярских, Макар и Федор Негодяевы; Никон извещал об них государю, что они люди недобрые, хвалятся, что знают все, знают, что у царя и у короля в палатах делается, вынуты были у них воровские книги и тетради и отосланы в Москву. 16 марта толпа с шумом пришла в Софийский собор, где был митрополит и воевода, и отсюда отправилась освобождать Жеглова с товарищами; в земской избе составилось новое правительство: подле Жеглова засели здесь: посадский Елисей Лисица, Игнатий Молодожник, Никифор Хамов, Степан Трегуб,

Панкратий Шмара, Иван Оловяничник, стрелецкий пятидесятник Кирша Дьяволов, подьячий Гришка Аханатков.

У воеводы не было материальных средств противиться этим новым правителям; митрополит решился действовать против них духовным оружием. 17 марта, в день Алексия человека божия, в именины государевы, к св. Софии собралось множество народа; здесь на заутрени и на обедни Никон поименно проклял новых правителей. Начался ропот: «Государь жалует на свой ангел, из тюрем виноватых людей распускает, а митрополит в такой праздник проклинает; но проклинает он не одного Молодожника и Лисицу, а всех новгородцев, у них у всех одна дума». Так поднимали злобу на Никона, старались ожесточить против него всех, но не было предлога идти *гилем* на Софийский двор; 19 числа предлог нашелся. Прибежал с Софийской стороны на Торговую съезжей избы пристав Гаврила Нестеров, прозвищем Колча, сын площадного подьячего, и говорил: «Митрополит Никон и окольничий князь Федор изменники». Митрополит и воевода, узнавши об этом, велели схватить Колчу, которого привели в Софийский дом, били батогами и посадили в тюрьму. Вдруг прибегают в земскую избу отец его и жена с криком: «Миряне, вступитесь! Митрополит и окольничий сына моего пытают, бьют и огнем жгут». Толпа взволновалась и двинулась на Софийский двор. Испуганный Хилков скрылся у митрополита, который велел запереть двор; толпа подойдя к дверям, кричала: «Выпустите из тюрьмы Гаврилу Нестерова». Митрополит и воевода отвечали: «Мы за него не стоим, что хотите с ним, то делайте». Народ освободил Нестерова, но тот снял с себя рубашку и стал показывать спину; тогда толпа опять двинулась к митрополиту и разломала двери. В крестовой найден был князь Хилков, и мятежники стали говорить ему: «Зачем ты от нас бегаешь? Нам до тебя дела нет, а если до тебя дело будет, то ты никуда от нас не уйдешь».

Так рассказывал дело софийский служка Иван Кузьмин. По другим показаниям, Нестеров был взят к митрополиту по делу, подлежавшему суду церковному, именно за то, что худо жил с женою. Князь Хилков доносил в Москву таким образом: «Пристав Гаврилка и отец его за многие воровства биты кнутом и батогами; 19 марта пришел к митрополиту Гаврилка с лестью, будто прощенья просит; митрополит велел подержать его у себя в приказе для подлинного сыску, и того же числа в четвертом часу дня воры пришли гилем на Софийский двор, говорили многие непригожие слова и Гаврилку из приказа взяли». Но вот как рассказывает все дело сам Никон в письме к царю и ко всему царскому семейству: «18 марта был я в соборной церкви у заутрени, и после полунощницы, по своему обычаю, ексапсалмы сам говорил, а после

тайно про себя говорил канон Иисусу сладкому на первой кафизме; и после первой статьи на другой кафизме, творя молитву иисусову, стал я смотреть на спасов образ местный, что стоит перед нашим местом, списан с того образа, который взят в Москву царем Иваном Васильевичем, поставлен в Москве в соборной церкви и называется златая риза, от него же и чудо было Мануилу греческому царю. И вот внезапно я увидел венец царский золотой на воздухе над спасовою главою; и мало-помалу венец этот стал приближаться ко мне; я от великого страха точно обеспамятал, глазами на венец смотрю и свечу перед спасовым образом, как горит, вижу, а венец пришел и стал на моей голове грешной, я обеими руками его на своей голове осязал и вдруг венец стал невидим. С этого времени я начал ожидать иного себе посещенья. Марта 19 пришел на Софийский двор Гаврил Нестеров, будто в своей вине покаяние прося, и я велел его поберечь, пока пойду к обедне, и хотел его разрешить и молитвы разрешительные проговорить. Но Жеглов, узнавши об этом, велел бить в набат на Торговой стороне, и ко мне на сени начали ломиться. Я вышел и стал их уговаривать, но они меня ухватили со всяким бесчинием, ослопом в грудь ударили и грудь расшибли, по бокам били кулаками и камнями, держа их в руках, били и софийского казначея, старца Никандра, и детей боярских, которые были за мною, и повели было меня в земскую избу: как довели до церкви, я хотел было в церковь войти, но они меня тут не пустили, а все вели в земскую избу: но как довели до золотых дверей, то я, от их бою изнемогши, отпросился посидеть у золотых дверей пред церковью на лавке, и им начал говорить, чтоб меня отпустили с крестами к знамению пресвятые богородицы, потому что готовился я литургию служить и они едва на то приклонились. Я велел благовестить и, собравшись с соборными и другими немногими священниками, едва добрел с великою нуждою до знамения, и там часы, стоя и сидя, слушал и св. литургию с великою нуждою и спехом служил, и назад больной, в сани взволясь, приволокся и ныне лежу в конце живота, кашляю кровью и живот весь запух. Чая себе скорой смерти, маслом я соборовался, а если не будет легче, пожалуйте меня, богомольца своего, простите и велите мне посхимиться».

Нападение на Никона было последнею вспышкою мятежа; начали простывать, опамятываться и думать о следствиях своего дела. легко сладили с безоружным воеводою и митрополитом, но теперь предстояло разделываться с многочисленными ратями великого государя Начали толковать, как бы послать в пятины по дворян и детей боярских и привести их ко кресту; между собою собирались все крест целовать на том: если государь пришлет в Новгород обыскивать и казнить смертию, то всем стоять заодно и на казнь никого не

выдать, казнить так казнить всех, а жаловать всех же. Думали и во Псков послать лучших людей, чтобы обоим городам стоять заодно. По всем улицам поставили сторожей от гилевщиков, чтоб ничьих дворов больше не грабили; жалели, что и в первый день позволили грабить дворы, а грабили их ярыжки и кабацкие голыши и стрельцы, которые голые же люди. Лучшие люди говорили друг другу со слезами на глазах: «Навести нам на себя за нынешнюю смуту такую же беду, какая была при царе Иване». Сам Жеглов чуял беду, но делать было нечего: сила была у вооруженной толпы стрельцов, посадские люди не могли против них ничего предпринять.

20 марта, в среду вечером, Жеглов призвал к себе в земскую избу дворян и детей боярских и велел им руки прикладывать к записи, что им с мирскими людьми стоять заодно, стоять за то, чтоб государевой денежной казны и хлеба за рубеж не пропустить. Дворяне и дети боярские отвечали, что приложат руки к челобитной, чтоб государь денег и хлеба за рубеж отпускать не велел, а не к *одиначной* записи, и, сказавши это, пошли в Каменный город. Тут поднялся шум между стрельцами, козаками и худыми посадскими людьми; толпа побежала в Каменный город, крича: «Переймем дворян, прибежим прежде их в Каменный город, запрем решетку на мосту, дворян в город не пустим, выбьем их за город!» Но когда воры прибежали в рыбный ряд близ моста, то встретились им другие стрельцы и земские люди и поворотили их назад, говоря: «Надобно и ту беду утушить, которую завели, а не вновь воровство заводить». Чтоб утушить беду, выбрали трех человек посадских, двоих стрельцов, одного козака и отправили их в Москву к государю, с дарами и с челобитной, в которой писали: «Бьют челом холопы твои государевы, дворяне и дети боярские и новгородские пятиконецкие старосты и все посадские люди и стрелецкие пятидесятские и все рядовые и все козаки и всякие служивые люди, и твои государевы богомольцы протопопы и попы и дьяконы и всяких чинов жилецкие люди: в нынешнем, 158 году марта 15 за два часа до света приехали с Москвы немцы и стали на Никитиной улице, и того же дня в другом часу ночи те же немцы поехали из Новгорода вон и на улицких караулах посадские люди их спрашивали: что-де вы идете ночью без государева пристава и без московского толмача? И они, немцы, учинились улицким караульщикам сильны, поехали из Новгорода, но у Чудова креста всяких чинов люди тех немцев начали ворочать и им говорить: что вы идете ночью, а не днем, ночью ездят воровские люди, пристава и толмача у вас нет? И те немцы начали нас колоть шпагами, и в том с ними учинилась драка. Их воротили к земской избе и расспрашивали, и в расспросе они сказались: я посланник датского короля Иверт

Граб, а со мною посланных людей шесть человек, да с ним же ехали шведской земли подданные, а были в Москве для хлебной покупки. И вот посланник Иверт Граб тебе, государю, в вине своей добил челом, что поехал из Новгорода ночью без пристава и без толмача и шпагами нас колол, и в том во всем дал на себя запись, что ему тебе на нас не бить челом и в своей земле датскому королю, а шведы в Новгороде ожидают твоей государевой денежной и хлебной казны. А слух нам есть: как твою государеву казну денежную и хлебную шведские немцы возьмут и твои государевы недруги шведские немцы твоею казною хотят нанять иных орд немецких людей и идти с ними под Великий Новгород и Псков: и мы ради за тебя государя и за православную веру головы свои положить. Милосердный государь! Пожалуй нас, не вели из своего Московского государства своей денежной и хлебной казны и съестных запасов за рубеж шведским людям давать и пропускать, и не вели митрополичьим и окольничего князя Хилкова ложным отпискам верить, пишут они тебе на нас с сердцов, что мы тебе на них бьем челом».

Челобитная на Хилкова состояла в том, что он царского указа не слушает, отпускает в Швецию торговых людей с хлебом и мясом по ночам для своей бездельной корысти, и на заставы писал, чтобы товаров не осматривать в возах, а которые головы и стрельцы осматривают, тех бьет кнутом и батогами нещадно. Он же в Новгороде у всяких чинов людей в избах печи печатал и в холодные дни топить изб не давал, отчего малые дети перезябли и померли. Он же наговорил митрополита Никона, чтоб тот в день государева ангела новгородцев проклинал без государева указа и без патриаршего: священников всех митрополит запрещает, не велит им к мирским делам и к челобитным прикладывать руки вместо неграмотных людей, и от этого митрополичьего проклятия в Новгороде во всяких людях учинилось великое смятение. Митрополит с окольничим мучили подьячего Нестерка ослопами и поленьем. Новгородцы били челом митрополиту о невинном, и Никон отдал им его убитого замертво. За такое неистовство и проклятие сила божия Никона митрополита обличила: когда в церкви знамения стал он говорить: «Свет Христов просвещает всех», — ударило его и всего раздробило. Он же Никон на память государевых отца и матери всяких чинов людей и чернецов на своем дворе бил на правеже на смерть. Когда пришла весть о рождении царевны Евдокии Алексеевны, то митрополит на такой радости никого из тюрьмы не освободил; он же хотел соборную церковь Софийскую рушить, а та церковь построена по ангельскому благовестию, и мы ему об этом били челом и церкви рушить не дали, а он, сердясь за это, пишет всякие отписки на нас государю. Он же митрополит держал за приставом в цепи и в железах быв-

шего своего приказного Ивана Жеглова многое время, и несколько дней, возя на дровнях, на правеже его бил и мучил ослопьем насмерть, и вымучил на нем денег триста рублей, и многие он митрополит неистовства и смуту чинит в миру великую, и от той его смуты ставится в миру смятение. Да по договору государевых послов с думными людьми шведской королевы, везут из Московского государства в Шведскую землю государеву денежную казну по двадцати и по сороку тысяч разными дорогами. В нынешнем 1650 году, в Великий мясоед, приехал в Новгород московский торговый человек Моисей Облезов, и в Новгороде и в Новгородском уезде закупал хлеб, рожь, а везти тот хлеб в шведские города, а нам никому хлеба купить не дал, и мы все оттого обедняли и оголодали, а шведы мирный договор во всем нарушили, православную христианскую веру у русских зарубежных людей отняли, церкви божии осквернили, попов на Руси ставить не дают, а крестьянских детей крестят своими немецкими попами в своих кирках. Окольничий князь Хилков послал теперь на рубежные заставы стрельцов и козаков триста человек, а для оберегания пороху и свинцу им ничего не дал: из этого ясно, что окольничий шведским людям норовит, а государевых людей губит напрасно. По совету с окольничим, гость Семен Стоянов ездит в Шведскую землю много лет, возит рожь и мясо и всякие съестные запасы, немецких людей кормят и с ними советуют, а нас всех православных христиан голодом морят и вконец губят. Он же, Семен Стоянов, с шведскими людьми и иных орд, которые приезжают в Новгород, ест и пьет и ночи с ними у себя просиживает.

Но весть о новгородских событиях пришла в Москву прежде этих челобитчиков. Государь немедленно велел написать грамоту, в которой приказывал новгородцам, чтоб они, помня крестное целование, перехватили заводчиков смуты и выдали их начальству. С грамотой отправился дворянин Соловцев. Когда он приехал в Новгород, то сошлись все в земской избе; приехал воевода князь Хилков, но ему и места не дали. Соловцев сказал новгородцам государево жалованное слово; начали читать грамоту: слыша, что в грамоте написано то же самое, что говорил посланный, стали кричать Соловцеву: «Ты почему ведаешь, что в государевой грамоте написано? Грамота воровская! У нас воров нет, все добрые люди, а стоять всем заодно, за государя; грамоты воровские, а не государевы, вольно вам ночью написать хоть сто столбцов». Хилков сказал: «Когда вы государевым грамотам не верите, то чему уже больше верить?» И пошел в соборную церковь.

Никон велел позвать туда же старост и всяких людей, и говорил им, чтоб исполнили государеву волю, но они и ему отвечали то же: «У нас никаких воров нет, государю не виноваты и вины нам государю приносить не в чем». Пошли

толки· «Грамота воровская; Соловцев не дворянин, а человек боярина Морозова; надобно его задержать до тех пор, как наши челобитчики с Москвы поедут поздорову». Действительно, Соловцев был задержан; лучшие люди в отчаянии говорили: «Мочи нашей нет!» В земской избе написали запись, чтоб против государева указа стоять заодно; начали силою, побоями приневоливать к рукоприкладству. Несмотря на то, Никон и Хилков успели удержать священников и многих светских людей от рукоприкладства, иные священники и добрые люди сбежали из города, другие лучше согласились сидеть в тюрьмах, нежели подписывать записи. Опять поднялись обличения на Хилкова: «Это изменник, хочет Новгород сдать немцам по приказу Морозова; взял посул у шведского посланника, четвертную бочку золотых, из пороховой казны зелье все выдал немцам, надобно у него новгородскую печать и казенные ключи взять, земскую казну осмотреть и по Каменному городу пушки расставить на случай прихода шведов». 27 марта собралась толпа, поехали на Московскую дорогу, привезли 30 бочек золы, и объявили, что привезли селитру, которую Морозов отпустил к немцам; но когда откупорили бочки, то нашли одну золу. 29 марта Никон стал уговаривать исполнить государеву волю и опять напрасно; 3 апреля начал уговаривать, чтоб отпустили, по крайней мере Соловцева, и на этот раз новгородцы послушались. Приехав в Москву, Соловцев рассказал свои разговоры с Жегловым: «Зачем ты делаешь такое дурно?» — спрашивал он Жеглова; тот отвечал: «Это дело не я затеял, я сижу тут неволею; взяли меня из цепей миром; а если бы меня земские люди не взяли, то было бы еще хуже, потому что я унял смертное убийство и грабеж и датского посланника не дал до смерти убить».

Между тем приближался к Новгороду боярин князь Иван Никитич Хованский с небольшим отрядом ратных людей. Жеглов отправил к нему письмо, в котором извещал, что выехал было к нему навстречу, но не мог переехать Волховец за льдом. «Ожидают тебя в Великом Новгороде, — писал Жеглов, — а встречать тебя хотят за городом с хлебом и солью; милости у тебя, государя, прошу, не в укор тебе, государю моему, бью челом и пишу: облегчись в Великий Новгород скорым обычаем не со многими людьми и милостиво учини, а мирские люди государской милости и тебя ожидают вскоре; вперед, государь, жалуй, посылай в Новгород новгородцев, а не иногородних людей, потому что иногородние люди не ведают ничего, говорят многие прибавочные речи, а новгородского извычая не знают; новгородский Никон митрополит и окольничий князь Хилков в мир пускают словесную речь большую с устрашением, будто бы, государь, в Великий Новгород идешь по их отпискам православных христиан вешать

и пластать без сыску и без очных ставок, и теми речами в миру чинят великое сумненйе и смуту». Жеглов только еще писал письма Хованскому, но товарищ его Федор Негодяев поступил решительнее: он перебежал к Хованскому, который переслал его в Москву. Отсюда 15 апреля послан был царский указ Хованскому в Новгород не ходить, стоять у Спаса на Хутыне, собирать ратных людей, около города поставить заставы, никого не пропускать, и к новгородцам посылать уговаривать покориться. Боевода исполнил приказание и получил ответ от новгородских стрельцов, что когда в земской избе прочли его грамоту, то посадский человек, сапожник Елисейка Григорьев, прозвищем Лисица, начал говорить всему народу: «Мы боярина князя Хованского в город не пустим, а если какая немера будет, то мы, взявши знамена и барабаны, пойдем все во Псков». Он же, Елисейка, говорил: «Если Хованский придет с небольшими людьми, то мы его пустим, если же с большими, то не пустим». Все новгородцы писали Хованскому то же, что и Жеглов.

17 апреля царь отвечал новгородцам на их челобитную: «Прислали вы к нам челобитные от имени дворян и детей боярских, но у челобитен этих дворян и детей боярских рук ничьих нет, то вы делаете воровством. Нам, великому государю, известно подлинно и без вашего воровского письма и оправданья, что в Новгороде датского посланника и других немцев били, митрополита бесчестили и били, окольничего нашего лаяли и бесчестили, городовые ключи у него отняли и нашего государева повеленья ни в чем не слушаете. В ваших челобитных написано, чтоб нашей денежной казны и хлеба в Шведскую землю не пропускать: и мы, великий государь, с божьею помощию, ведаем, как нам государство наше оберегать и править. По вечному докончанию с шведским королем надобно было отдать всех перебежчиков, а довелось тех перебежчиков, православных христиан, в шведскую сторону отдать в лютерскую веру с 50 000 душ, и мы велели за них дать деньги 190 000 рублей, и в то договорное число отпущено было с Логином Нумменсом только 20 000... Хотя бы вам в хлебе и прямое оскудение было, так вам бы надобно было бить челом нам, великому государю, и мы бы приказали привезти к вам хлеба. Пишете, чтоб хлеба и других съестных запасов продавать за рубеж не велеть, но тому статься нельзя, потому что между государствами ссылке и всякой торговле как не быть? Если с нашей стороны в каких-нибудь товарах заказ учинить, то шведы и сами никаких товаров в нашу сторону не повезут, и в том нашему государству будет оскудение. Жалуетесь на митрополита, что проклинал: и то он учинил дело; да если б он что иное учинил и не по делу, то об этом наше государское рассмотрение вперед будет. А чтоб шведским немцам идти под

Новгород и Псков, и то нестаточное дело, потому что между нами и королевою вечное докончание. А что пишете о перемене окольничего князя Хилкова, то мы его переменить велели и указали быть в Великом Новгороде боярину нашему князю Юрью Петровичу Буйносову-Ростовскому. А челобитчикам вашим Сидору Исакову с товарищами (хотя бы за ваши злые вины учинить того и не довелось) велели видеть наши царские очи и велели их отпустить без всякого оскорбленья; а стрельцу Кирилку да посадскому человеку Иевку Красильникову велено побыть на Москве до подлинного сыска, потому что они с ворами были вместе и на Москве с товарищами своими в речах порознились, говорили ложные речи. И вы бы вины свои принесли и заводчиков всех отдали боярину нашему князю Хованскому. А что вы прислали дары, и тех даров принять не довелось, потому что вы в своих челобитных вины своей нам не принесли и воров не прислали». В тот же день отправлена другая грамота с угрозою, что если новгородцы князя Хованского не примут и не будут слушаться и к сыску воров и заводчиков не отдадут, то государь пошлет с Москвы бояр и воевод с многими ратными людьми и велит учинить над новгородцами большое разоренье.

Между тем Федька Негодяев, живя в Москве, успел заискать расположение бояр и царя, видел царские очи, был у руки, получил прощенье и объявил, что Никон и прежде был виновником смуты: митрополит хотел в соборной церкви переделывать, и вот в Петров пост 1649 года мирские люди многие приходили к нему с шумом и говорили: «Прежде многие власти были, а старины не портили; мы тебе старого ничего в соборной церкви переделывать не дадим!» От митрополита пошла толпа к св. Софии, подвези из церкви выбросили, мастеров, которые подвязывали подвези и сбирались столпы ломать, хотели бить, но те спрятались.

Негодяева отправили из Москвы в Новгород уговаривать горожан к повиновению, уговаривать и Жеглова, чтоб отстал от воровства, и обещать прощение. Но вслед за этим, 20 апреля, получена грамота от Хованского, что новгородцы покорились. Как сильно было впечатление, произведенное в Москве рассказами Негодяева, видно из того, что на другой день по получении известия от Хованского о покорности новгородцев, 21 апреля, царь писал Никону: «Ты бы соборной церкви рушить и столпов ломать не велел». Никон сильно обиделся и отвечал длинною грамотою; описав все свое поведение во время мятежа, Никон продолжает: «Посадские добрые люди у меня пробыли во дворе, поил я их и кормил, и всякое худое дело у Ивашки да у Игнашки (Жеглова и Молодожникова) моего ради постояния разорялось и в совершение не приходило, и только бы я о том не стоял, много бы хуже псковского было; беспрестанно я за тебя, государя, бога

молил и к тебе писал, нанимая худых людей всякими способами, посылал тайно. И за то, по наговору Ивашки Жеглова, опозорен и изувечен; да тот же Ивашка с товарищами били челом тебе ложно, будто я всех новгородцев проклинал; но я проклинал воров, а не добрых людей, и оттого сталась смута; но я проклинал на третий день после смуты. Да они же били челом, будто я хотел церковь соборную всю разрушить, и то явное их ложное челобитье: как мне без твоего государева указа разрушить? Да и софийской казны не будет столько, что разобрать, не только что вновь создать. А Федька Неводяев твою государеву милость обманом выманил, а он не только твоего государева жалованья не достоин, но и живота не достоин; он на меня тебе государю и боярам твоим налгал небылицу, для его ложных слов ты на меня кручинишься, и что я к тебе ни писал, ответа мне до сих пор нет никакого; мне о том очень сумнительно и впредь о твоих государевых делах писать к тебе и здесь говорить нельзя. А ныне в Великом Новгороде тихо, сильно плачутся о мимошедшем своем к тебе согрешении. Милостивый государь царь и великий князь Алексей Михайлович! Уподобись милостивому и человеколюбивому богу! Как будут тебе о своих винах бить челом, прости; а я, уговаривая их, в твоей милости ручался, а если б не так уговаривал, то все бы отчаялись за свое плутовство и на бо́льшее бы худо вдались; ко мне всем городом приходили не по один день и прощения просили, что меня били и бесчестили и били на меня челом ложно». Царь отвечал: «То ты, богомолец наш, делал и исполнял господню заповедь, св. апостол и св. отец предание, ревнуя по истинной христовой вере, ревнуя прежним святителям и хвалы достойному новому исповеднику, Ермогену патриарху. И мы, великий государь, тебя за твое раденье и крепкое стоянье и страданье милостиво похваляем; и тебе бы и вперед ко всесильному богу обеты свои исполнять и добрым делам ревнителем быть, как начал, так бы и совершал».

С 24 апреля Хованский приступил к розыску. Прежде всего явился датский посланник с жалобою на Волка, которого пытали, и он повинился, что посланника бил и бесчестил; на него же все единогласно показывали, что мятеж, гиль и воровской завод чинил с Ивашкою Жегловым и Елисейкою Лисицею. Чтоб удовлетворить посланника и тем предотвратить разрыв царского величества с королевским, Волку отсекли голову на площади; палача, который пьяный приходил к посланнику и его опозорил, высекли кнутом. С 24 апреля по 7 мая сыскали заводчиков: старосту Андрюшку Гаврилова, Елисейку Лисицу, Ивашку Жеглова, Игнашку Молодожникова, Никифорку Хамова, Степку Трегубова, Панкрашку Шмару, площадного подьячего Нестерка Микулина с сыном

Гаврилкою, площадного подьячего Аханаткова; всех же объявилось в воровстве 212 человек.

Сначала Хованский хотел устроить тюрьму и посажать туда всех оговоренных; но 13 мая к Никону в соборную церковь пришли стрельцы с женами и детьми и били челом, чтоб государь их пожаловал, не велел оговоренных товарищей их стрельцов, которые у них на поруках, в тюрьму сажать, а дать бы им наказанье, кто чего достоин, да и отпустить. Никон послал за Хованским и сказал ему: «Прислана государева грамота, велено тебе со мною государево дело ведать: так моя мысль, что надобно исполнить просьбу стрелецкую потому: если всех оговоренных людей посажать в тюрьму, то они все будут ждать себе смертной казни; услышат о том псковичи и будут думать, что все виновные посажены в тюрьму на смерть; тогда государеву делу будет поруха». Хованский согласился, и большинство оговоренных отдано на поруки. Пришел приговор из Москвы: казнить смертью Жеглова, старосту Андрюшку Гаврилова, Елисейку Лисицу; Молодожникова, Шмару; Хамова и Трегуба бить кнутом нещадно и сослать в Астрахань на вечное житье; других бить кнутом и сослать на Терек, иных в Карпово, иных в Коротояк; иных бить кнутом и отдать на поруки; иных бить батогами и отдать на поруки. Исполнение приговора отложено, однако, до нового указа. Пришел новый указ: посадского человека Якушку да троих стрельцов велено бить кнутом нещадно, троих посадских бить батогами, 162 человека посадских, стрельцов и козаков бить кнутом и отдать на чистые поруки. Указ был исполнен, но между троими стрельцами, которых надобно было бить кнутом нещадно, находился Куземка Меркурьев; стали искать Меркурьева, а он в Москве, отправлен туда воеводою с отписками; 16 июня приехал Меркурьев из Москвы и вместо того, чтоб идти под кнут, подал жалованную царскую грамоту: велено ему быть в пятидесятниках и дано ему пять рублей за то, что с братом своим Фомкою в мятеж отняли у воров Никона и князя Хилкова, убить их не дали.

В Москве были недовольны медленностью Хованского; узнавши об этом, Никон писал государю: «Ведомо мне учинилось, что прислана твоя государева грамота к твоему боярину князю Ивану Никитичу Хованскому, а в ней написано, что боярин твоим государевым делом промышляет мешкотно; но твой государев боярин твоим делом радеет и промышляет неоплошно, да и я ему говорил, чтоб тем делом промышлял не вскоре, с большим рассмотрением, чтоб твое дело всякое сыскалось впрямь; от этого дело и шло медленно, а не по боярскому нерадению; вскоре было такого великого дела сыскать нельзя, а здесь, государь, приходит дело в совершенье работою боярина князя Ивана Никитича Хованского, и рабо-

тал он тебе тихим обычаем, не вдруг, чтоб не ожесточились; а что промедлилось и в том твоему государеву делу порухи нет: худые всяких чинов люди в сыску; а мешкалось дело и для Пскова»[38].

Во Пскове гиль опять начал усиливаться с половины марта. Лучшие люди с ужасом увидали, что преступники, сидевшие в тюрьме, ходят одни на свободе; началось сильное воровство, душегубство. Из Москвы отправлен был в Новгород и в Псков новгородец Богдан Арцыбашев с приказом, чтоб вперед в этих городах хлеба на государя не закупали. Исполнив свое поручение в Новгороде, Арцыбашев приехал во Псков 17 марта. Его взяли и поставили пред земскою избою, откуда вышел староста пятиконецкий Меншиков и начал его допрашивать: Кто он? Откуда? и проч. Грамоты у Арцыбашева отняли и между прочими грамоту к архиепископу Макарию от новгородского воеводы Хилкова. Это послужило поводом к новому гилю; ударили в колокола и окружили архиепископа в Рыбницких воротах, когда он возвращался от обедни из Надолбина монастыря. «Для чего списываешься с новгородским воеводою?» — стали кричать гилевщики Макарию: «По твоему письму он наших челобитчиков послал в Москву скованных, а одного челобитчика под приказ подкинул!» Архиепископ отвечал, что он писал Хилкову о здоровье, а не об них. Потом начали требовать, чтоб архиепископ выдал им своего сына боярского Турова, который вывел из города Федора Емельянова; Макарий отвечал, что Туров от него сбежал; тогда арихиепископа схватили, начали водить по площади и посадили в богадельню на цепь, и сидел он на цепи с час; выпустили его только тогда, когда он обещался к 19 марта сыскать Турова. После этого гиль не прекращался: каждый день набат, круги и советы. 21 марта вывели опять на площадь шведа Нумменса, раздели и пытали полчаса. Арцыбашев сидел в тюрьме на цепи; его допрашивали: чей он холоп, Морозова или Хилкова?

На смену Собакину 25 марта приехал из Москвы другой воевода, окольничий князь Василий Петрович Львов. Сдавши город новому воеводе, Собакин хотел уехать, но псковичи его не пустили: «Когда воротятся по здорову наши челобитчики из Москвы, тогда тебя и отпустим», — говорили они. Новый воевода недолго пожил в покое. 28 марта пришли к нему в съезжую избу всяких чинов люди и начали требовать пороху и свинцу. «Зачем вам порох и свинец?» — спросил Львов. «Разве что из-за рубежа слышно? Если что слышно, то мы пошлем проведать. С немцами войны нет». Стрелец Коза отвечал: «Из-за рубежа не слыхать ничего, боимся московского рубежа; слышали мы, что идут к нам с Москвы во Псков многие служивые люди. С немцами войны нет, но нам те немцы, которые с Москвы будут по наши головы». Львов ска-

зал на это: «Али вам с государем драться? Пороху и свинцу вам не дам, разве, задавив меня, снять вам печать и ключи казенные». Тут закричали миром: «С ружьем! С ружьем!» Загудели колокола, поднялся страшный шум, ругательства на Львова, крики: «Изменник! Изменник!» Окружили съезжую избу, примеривались из пищалей в окно; стрелец Ивашка Колчин махал топором, грозился срубить воеводу; Львов снял со стены спасов образ и говорил: «Православные христиане, какого вы изменника во мне нашли государю? Вот вам спасов образ, что я не изменник государю! Порох и свинец берите силою, а волею я вам не дам». Порох и свинец были взяты, после чего повели Львова во всегороднюю избу и вытребовали от него ключи городовые. Но этим дело не кончилось: пришли ко Львову и Собакину в домы их и кричали: «Если не пошлете с нашими челобитчиками в Москву детей своих, то мы у вас возьмем их и не в честь, а вас побьем; а если дети ваши челобитные где-нибудь по городам покажут и скажут, что у челобитчиков челобитные, а не у них, и если государь что-нибудь велит сделать над нашими челобитчиками, то мы вас самих побьем до смерти». Воеводские сыновья были взяты силою.

30 марта приехал из Москвы во Псков для розыска окольничий князь Федор Федорович Волконский. Старосты провели его на пустой двор Федора Емельянова; но как скоро в мире узнали, что Волконский остановился у Емельянова, то поднялся крик: «Изменник! Стал на изменничьем дворе!» Волконский, по приезде, отправился, по обычаю, в Троицкий собор, но у Довмонтовой стены окружила его толпа с криком: «Вот изменник! Убейте его каменьем!» Услыхав эти крики, Волконский поспешил к собору и, вбежав в церковь, начал прикладываться к образам. Но толпа ворвалась за ним в церковь, взяли его за бороду и за волосы и повели из церкви вон; стрелец Сенька Жегара ударил его плитою, сын попа Заплевы хватил обушком. Избитого привели Волконского на площадь, поставили на чан и спросили: «С чем ты во Псков приехал?» — «С чем прислан, то и стану делать», — отвечал Волконский. Взяли у него государеву грамоту и начали читать во весь мир; когда дочли до того места, где сказано было, что воров казнить, а иным наказанье чинить, и заводчики мятежа были названы поименно, то эти заводчики закричали: «Государь прислал казнить нас, а мы здесь скорее казним того, что прислан нас казнить!» — и кинулись на Волконского с топорами и пищалями, но выборные люди не дали его убить, воры успели только ранить его топорком в голову. Потом гилевщики послали за Собакиным, поставили его на чан и порывались убить, крича: «Ты писал к государю, что во Пскове хлеб дешев, так мы тебя из Пскова не отпустим, поживи с нами на дешевом хлебе!» Возвратились из Новгорода

псковские козаки, посланные туда для вестей, и сказали, что Волконский на дороге жег какие-то письма, а в Новгороде Великом тоже учинили мятеж и гилеванье. Эти вести раздули еще сильнее мятеж, гилевщики пуще начали волноваться и кричать всем миром: «Не одни мы, и новгородцы то же сделали, теперь в этом деле два города!» Загудел набат и Волконского в другой раз вывели на площадь для расспроса: какие письма он в дороге жег? Волконский отвечал, что он писал к государю о новгородских вестях, а черновую отписку на стану сжег, потому что ему не надобна, «а вам псковичам до того дела не пристало». Но твердыми словами нельзя уже было унять гиля, а силы не было у воеводы: из дворян никто к нему во Псков не приехал, а которые и были в городе и те от гилеванья мирских людей разбежались. Стрельцы перестали слушаться голов своих, били всем приказом голову Бориса Бухвостова и кричали: «Государь нас не жалует, прибирает солдат!» У Волконского взяли племянника и отправили в Москву, говоря дяде: «Если не пошлешь, то мы тебя повесим на Ригине горе».

Между тем псковские челобитчики приехали в Москву. 12 мая государь приказал поставить их перед собою и расспросить. Помещик Григорий Воронцов-Вельяминов сказал: «Послан я от своей братьи, дворян и детей боярских, бить челом в своей страдничьей вине, что к челобитной руки приложили поневоле, потому что мирские люди захватили нас врозвнь, в небольшом числе, а пущие воры заводчики: площадной подьячий Томилка Слепой, стрельцы: Прошка Коза, Ивашка Копытов, Никита Сорокоумов, Андрюшка Савостьянов с братом Ваською, Ивашка Колчин, Сенька Жегара; посадские люди: Добрынка Банщик, Прохорка Мясник, Пашка Шапошник; два попа: Евсевий да Иаков Заплева; во всегородней избе теперь у них сидят: староста Гаврилка Демидов да Михалка Мишницын; стрелецкие пятидесятники: Неволька Сидоров, Парамошка Лукьянов, Федька Снырка; козаки: Ивашка Сахарный, Ивашка Хворый; троицкий протопоп Афанасий, прозвищем Друган, да ключарь Дионисий, только протопоп и ключарь сидят поневоле, да тут же сидит Георгиевский с болота поп Яков, и тот ко всяким их воровским заводам и умыслу пристает и думает с ними вместе; сидят многие посадские люди, только к воровству не пристают, сидят молча». В челобитной своей к государю псковичи писали: когда они просили воеводу не отдавать хлеба немцам до государева указа, то Собакин грозил им ссылкою и смертною казнью; Нумменс в расспросе грозил им войною; полковник Крафорт, идучи с царскими послами, во Пскове все укрепления осматривал; воеводу и архиепископа они не бесчестили ничем; к Емельянову на двор немцы приезжают; прежде он за воровство был пытан, и у

соляного пошлинного сбора с площадным подьячим Филькою Шемшаковым пошлины брал вдвое, втрое и впятеро и пенные деньги на всех людях брал большие, во всем у него дума с Семеном Стояновым, а норовят немцам; да он же, Емельянов, хвалит немецкую веру и обо всяких вестях пишет к немцам: чтоб государь велел Емельянова прислать во Псков на очную ставку. Шведы будут под Новгородом на Христов день, подо Псковом на Николин или Троицын день, почему они, псковичи, и ключи городовые у воеводы взяли. Если шведская королева придет войною за денежную и хлебную казну и за перебежчиков, то они, псковичи, против шведов ради стоять. При прежних государях, при царе Иване Васильевиче, иноземцы никакие не служили. При царе Михайле ратным людям давали жалованье без убавки, а теперь у служивых людей жалованье наполовину отнято, а иным и вовсе не дают; а которым служивым людям дают жалованье по жалованным грамотам, то воеводы и дьяки дают не против жалованных грамот, и от этого жалованья со всех служивых людей, кроме пригородов, берут посулов в год рублей по 500 и больше; на указные сроки жалованья не выдают, а дают, норовя кабацким откупщикам, под праздники, чтоб жалованье ложилось у кабацких откупщиков. Москвичи природные служивые и всяких чинов люди безвинно из Москвы в Сибирь поразосланы, многие помучены и палицами побиты и в воде потоплены, а иные в Сибири между гор в пропастях поустроены. Ругу дают на церкви перед прежним в половину, и церкви без архиепископского и воеводского призренья валятся розно. Воевода Собакин брал в рядах из лавок всякие товары и ремесленных людей заставлял на себя всякие работы работать насильно, а денег не давал; сыновья его многих вдов, замужних женщин и девиц, перенимая по улицам и на реках по портомойням, с своими дворовыми людьми, насильством позорили. Писцы посадских людей написали перед крестьянами тяжело, положили на них тягло семь доль, а на крестьян осьмую долю. Шелонской пятины крестьянин Артемка сказал во Пскове, что в Новгороде в немецкой сказке (в допросных речах) написано: как будут немцы подо Псков, то из Москвы придет боярин Морозов и сдаст Псков немцам без бою. Псковичи просили, чтоб государь для подлинного сыску прислал во Псков Никиту Ивановича Романова, который государю радеет и о земле болит. Прося явно о присылке Романова, псковичи тайно отправили в Москву козака Михайлу Карпова; проселочными дорогами пробрался козак и подал боярину Никите челобитную; в ней псковичи просили, чтоб вперед во Пскове воеводы и дьяки судили с земскими старостами и с выборными людьми по правде, а не по мзде и посулам, просили также не позывать псковичей в Москву. Романов привел козака и с челобитной к царю.

Царь велел всем челобитчикам видеть свои очи и отпустил их с ответною грамотою к псковичам на все статьи челобитной. Относительно жалоб на злоупотребления был один ответ: «Холопи наши и сироты нам великим государям никогда не указывали, и вам надобно было челом бить до нынешнего смятения, а самим не управляться». Насчет Краферта царь отвечал: «Краферт у нас в вечном холопстве и подал нам чертеж как укреплять Псков». Об иноземцах: «Царю Ивану Васильевичу и отцу нашему служили цари и царевичи и король Магнус и многие иноземцы». О Романове: «Написали вы это по воровскому заводу: нам он, боярин, наш холоп, служит с своею братьею боярами вместе, а недоброхота между боярами никого нет. При предках наших никогда не бывало, чтоб мужики с боярами, окольничими и воеводами у расправных дел были и вперед того не будет». Царская грамота оканчивалась угрозою, что если псковичи не покорятся, то пойдут на них боярин князь Алексей Никитич Трубецкой да князь Михайла Петрович Пронский со многими ратными людьми и с нарядом. В грамоте к архиепископу Макарию царь выставлял поведение Никона в Новгороде образцовым, писал, что его митрополичьем раденьем и князя Хованского службою новгородцы в познанье пришли.

Тот же Хованский шел теперь на Псков, спрашивая встречавшихся ему помещиков, где удобнее остановиться под городом? Те указывали ему на Снетную гору. 28 мая он приблизился ко Пскову и был встречен стрельбою из большого наряда; в то же время многие пешие и конные люди вышли из города и стреляли из мелкого ружья; ответу им не было, потому что Хованский запретил своим биться с псковичами Но псковичи не думали платить учтивостью за учтивость: они напали на обоз и успели подхватить шесть телег с имением Хованского; только телега с разрядными делами была у них отбита. Хованский стал на Снетной горе и писал к государю, что у него людей мало, осадить город и ворот отнять некем, всего войска у него 2000, да в Любятинском монастыре оставлено им 700 человек, а между Любятинским монастырем и Снетною горою верст с десять. Запасов ничего нет; уездные люди с псковичами заодно воруют, по дорогам стоят, людей хватают и во Псков отводят, а хлеб всякий по лесам похоронили. «А найдут на нас псковичи на Снетную гору с нарядом, и нам никак стоять нельзя, и больше пяти дней на Снетной горе стоять нельзя, потому что конских кормов нет».

Пришлось, однако, простоять больше пяти дней. Псковичи не думали сдаваться и говорили: «Хотя бы и большая сила ко Пскову пришла, так не сдадимся: города вскоре не разобьют и не возьмут, а нам в городе есть с чем сидеть, хлеба и запасов будет лет на десять». Написали в Гдов и гдовцы

с псковичами сложились заодно. Приехали челобитчики из Москвы и сказали миру ответ государев. «Вы говорите это по научению изменников!» — закричала толпа, и одного из челобитчиков, Федьку Коновалова, повели на пытку, зачем привез грамоту не от государя. В своем решении не сдаваться гилевщики поддерживались россказнями, привозимыми из-за границы: один рассказывал, что был по торговым делам в Нейгаузене, и там на городовых воротах прибит лист, на листу написана королева, как живая сидит, с мечом, а внизу под нею, наклонясь, стоит праведный государь Алексей Михайлович. Другой рассказывал: встретился он на рубеже с литовцами, и те говорили, что царь Алексей Михайлович теперь в Польше, выехал из Москвы сам-шост тому недель с тридцать, сами они литовцы, государя видели, король его жалует и смотрят на него все, что на красное солнце; стояли бы псковичи против Хованского крепко, а государь будет с козаками донскими и запорожскими подо Псков на выручку скоро. Третий рассказывал, что государя действительно на Москве нет: подкатили под палату зелья, но государя спасла втайне жена Морозова.

Хованский послал уговаривать псковичей дворян Савву Бестужева с одиннадцатью товарищами. Псковичи привели посланных во всегородную избу и расспрашивали порознь, ограбили, били и называли изменниками. «У вас немцы,— говорили они, — а нам псковичам если какая немера будет, то у нас будут поляки для выручки»; всех бояр и думных людей называли изменниками; про Хованского кричали: «Он Великий Новгород обманом взял, мы его в котле сварим, да будем есть». Грамоту Хованского прочли на весь мир на чанах, а дворян заперли. После полудня зазвонили в колокол, собрался скоп, и начали думать — побить дворян Хованского или отпустить? Порешили на том, что Бестужева убили, двоих отпустили назад к Хованскому, а девятерых посадили в тюрьму. Всем распоряжался староста Гаврила Демидов. Заводчики написали было грамоту к литовскому королю, чтобы прислал им людей на помощь, но мир не согласился и грамоту не отправили.

Хованский велел делать мост под Снетною горою через Великую реку, чтоб у псковичей и за Великою рекою засады и дороги заступить. Проведав про мост, псковичи начали приходить ежедневно и стрелять по таборам и таким образом не давали навести моста. 31 мая сделали они вылазку и сожгли острог, который был устроен за Великою рекою для укрепления Снетной горы; приступали и к острожку, который находился между Снетною горою и Любятинским монастырем, но были отбиты. Хованский доносил, что псковичи над убитыми его ратными людьми ругались как и зверь не делает; воевода продолжал писать жалобные отписки: «Вы-

лазки, государь, и бои ежедневные, а у дворян и детей боярских запасов мало: дети боярские мелкие, козаки, стрельцы и в постные дни едят мясо». 18 июня была новая сильная вылазка из Пскова и опять отбита: псковичей гнали до самых городовых ворот и убили у них человек с 300.

Несмотря на то, псковичи не сдавались, и против них отправился не князь Трубецкой со многими ратными людьми: 4 июля поехали во Псков из Москвы Рафаил, епископ коломенский, Сильвестр, архимандрит андроньевский, Михаил, протопоп черниговский и выборные люди из стольников, стряпчих, дворян, гостей и дворовых людей. Посланные должны были уговаривать псковичей, чтоб они впустили князя Хованского и выдали зачинщиков: Гаврилку Демидова, Мишку Мошницына, Дружинку Бородина, Прошку Козу да Ваську Копыто, за что получат прощение, в противном случае государь пойдет на них сам и велит их до конца разорить. К Хованскому был послан приказ: «Старосте Гавриле Демидову писать тайно, чтоб он обратился, вину свою принес и из города ушел к тебе в полки: за это к нему государская милость будет; также и к стрельцам писать тайно, чтоб они ворота отворили и тебя пустили!» Но Хованский продолжал присылать в Москву печальные вести: «Сумерской волости солдаты изменили, сложились с гдовцами заодно и у псковичей всем этим людям положен срок быть в Псков за неделю до Ильина дня, и если такая многая пехота придет, то чаем всякого худа от малолюдства. Изборяне изменили, сложились со псковичами».

26 июля указал государь быть собору о псковском воровском заводе; на соборе быть боярам, окольничим и г. д., из городов дворянам и детям боярским, московским гостям, гостиные, суконные и черных сотен торговым людям и стрельцам, быть из гостиной и суконной сотен старостам по 5 человек, а из черных сотен по соцкому. На соборе советным людям рассказали все поведение псковичей и как они, выходя из города, разоряют дома дворян и детей боярских, жен и детей их побивают и над дворянами ругаются: груди вспарывают и, горла прорезав, языки вытаскивают; в уезде побили помещиков Авдея Бешенцова, жену его и детей, сожгли и убили Неклюдова, Ногина, псковского гостя Никулу Ховина; приходят и в Шелонскую пятину, бьют помещиков. После этого объявления предложен был вопрос: «Если псковичи Рафаила епископа и выборных людей не послушают, то с ними что делать?» Ответа советных людей не сохранилось, но к Рафаилу был послан указ не требовать выдачи заводчиков гиля, уговаривать псковичей вины свои принести и обещать им, если они покорятся и государю крест поцелуют, то князь Хованский немедленно отступит от Пскова в Новгород.

Не требовать выдачи заводчиков мятежа советовал Никон. Еще в начале мая посылал он Софийского дома стряпчего Богдана Сназина уговаривать псковичей, чтоб вины свои государю принесли. Сназина у городских ворот схватили караульщики и привели во всегородную избу к выборным людям, посадскому человеку Гавриле Демидову и к дворянину Ивану Чиркину с товарищами; выборные взяли у Сназина грамоты, распечатали, прочли и велели бить в сполошный колокол: народ сошелся к избе и ему начали читать митрополичьи грамоты. Выслушав, псковичи стали бранить митрополита невежливыми словами всячески: «Его мы отписок не слушаем; будет с него и того, что Новгород обманул, а мы не новгородцы, повинных нам к государю не посылывать, и вины над собою никакой не ведаем». Сназина сначала сковали, потом отпустили с ответом, чтоб митрополит к ним впредь не писал и никого не присылал, а кого пришлет, тому спуску не будет. Никон, убедившись, что заводчики мятежа слишком сильны во Пскове, и видя, что недостаток энергических мер со стороны Москвы только длит войну и разоренье, написал к государю:

«Мне, богомольцу твоему, ведомо учинилось, что у псковичей учинено укрепленье великое и крестное целованье было, что друг друга не подать, а те четыре человека, которых велят им выдать, во Пскове владетельны и во всем их псковичи слушают; а если псковские воры за этих четырех человек станут, и для четырех человек твоя вотчина около Пскова и в Новгородском уезде, в Шелонской и Воцкой пятинах и в Луцком уезде и в Пустой Ржеве разорится: многие люди, дворяне и дети боярские, их жены и дети посечены и животы их пограблены, села и деревни пожжены, а иные всяких чинов люди подо Псковом и на дорогах побиты, а я с архимандритами, игумнами и с новгородскими посадскими людьми и крестьянами, подводы нанимая дорогою ценою под ратных людей и под запасы, вконец погибли, твоя отчина пустеет, посадские людишки и крестьянишки бредут врознь. Вели, государь, и тем четырем человекам, пущим ворам, вместо смерти живот дать, чтоб Великому Новгороду и его уезду в конечном разорении не быть. А тем промыслом Пскова не взять; которые люди под Псковом, и тех придется потерять, а Новгороду от подвод и ратных людей будет запустенье. А я, уговаривая новгородцев, дал им свое слово, что тебе, государю, за их вину бить челом, и потому Новгороду и твоей казне убытка и людям порухи никакой не было; да и впредь бы мне о всяких твоих государевых делах говорить с новгородцами надежно и постоятельно. А как приехал в Новгород боярин князь Иван Никитич Хованский и он новгородцам божился, что им никакой жесточи за их вину не учинит; а теперь псковичи, слыша, что воры сидят в Новгороде в тюрьмах, боясь

того же, никакому увещанию не верят, на новгородских воров, тюремных сидельцев, указывают: «И нам то же будет!»

Но откуда проистекла эта нерешительность употребить сильные меры, нерешительность исполнить угрозу: выслать большое войско с Трубецким? Не будем отвечать на этот вопрос собственными догадками; укажем только на одно опасение, о котором прямо говорят источники: тотчас после собора призваны были черных сотен соцкие в Посольский приказ и говорено им, чтоб извещали государю про всяких людей, которые станут воровские речи говорить или в народе вмещать.

Между тем военные действия подо Псковом продолжались. 12 июля псковичи сделали сильную вылазку, хотели взять острог за Великою рекою; завязался бой большой, потому что Хованский пришел с Снетной горы на помощь острожку. Псковичи были отбиты и потеряли больше 300 человек, пушки и знамена. Заводчики мятежа сильно сердились на архиепископа Макария, что он не помогает их делу. Однажды пришла в соборную церковь вооруженная толпа, кричала на Макария, угрожала смертию, зачем он своим приказным людям и детям боярским не велел ходить на вылазки и на караулы; кричали: «В Троицком дому до людей, до лошадей, до хлеба и до денег тебе дела нет, то все надобно городу!» Июля 30 пришли к Макарию выборные люди докладывать об ердани для 1 августа; архиепископ воспользовался случаем и начал говорить, чтоб повинились государю, приискал статью в псковском летописце, где написано было с большими клятвами, чтоб от своего государя в городе не затворяться и рук против него не поднимать. Выборные, пришедши во всегородную избу, велели эти слова Макария записать, зазвонили в колокол и прочли их при всем народе; следствием было то, что архиепископа взяли из церкви во время службы, посадили в богадельню и положили на него большую цепь.

Но Макария выпустили из богадельни в половине месяца, потому что пришла весть о приближении Рафаила с выборными. 17 августа они имели во Псков торжественный вход; архиепископ Макарий с духовенством и с народом встретил их за полверсты от города; в Троицком соборе пели молебен, после молебна читали государеву грамоту; когда дочли до того места, где говорилось, что псковичи хотели посылать грамоту к литовскому королю, то все начали кричать, что они такой грамоты не писали и не читали и в уме у них этого не было. На другой день псковичи объявили Рафаилу, что они вины свои приносят государю и готовы целовать крест, но если в крестоприводной записи будет написано о литовской грамоте, то они креста целовать не будут. Рафаил исключил это место и 20 числа поутру поцеловали крест старосты и лучшие люди; но после обеда началось волнение, стали кри-

чать: «В крестоприводной записи написано о немчине Нумменсе, о госте Емельянове, о том, что мы, псковичи, в уезде помещиков, жен и детей их били; но кто немчина бил и двор Емельянова грабил и в уездах помещиков побивал, тот бы и крест целовал, а мы не хотим». Накинулись на старост и выборных людей, хотели их убить, кричали им: «Для чего вы против этих статей крест целовали?» Этим воспользовались гилевщики; поп Евсей, староста Демидов, Томилка Слепой кричали, что не надобно креста целовать и говорили про государя речи уму человеческому невместимые. На другой день, когда нужно было приводить ко кресту остальных, в самой соборной церкви начался страшный шум и многие пошли было из церкви вон, но Рафаил с товарищами убедил их возвратиться и присягнуть. «Как же, — говорил он, — вы прежде утверждали, что воров и заводчиков у вас нет, что все вы виноваты, а теперь запираетесь и складываете вину на немногих?» Шум унялся, все целовали крест, но поп Евсей со своими товарищами попами к повинной руки не приложил. В Москву были отправлены челобитчики с повинною к государю.

Рафаил именем царским объявил всепрощение, но стоило только утихнуть волнению, как лучшие люди взяли верх и начали управляться с заводчиками: сковали и посадили во всегородную избу старосту Гаврилу Демидова за то, что в мятеж из тюрьмы воров распустил и шишей в уезды рассылал дворян побивать, во Пскове всякий мятеж и гиль чинил и, напившись пьян, из пушек стрелять приказывал. Схватили егорьевского попа Фирса, который, собравшись с шишами, разорял уезды. Воевода Львов велел было губным старостам хватать воров, выпущенных Демидовым, — воры разбежались; воевода велел сыскать поручиков — поручиками оказались заводчики гиля, Коза и Копыто с товарищами, которые начали кричать, что сыскивать воров не будут, и воевода, опасаясь нового мятежа, оставил поручиков в покое. Но лучшие люди не хотели оставить гилевщиков в покое; они били челом на заводчиков мятежа: Прошку Козу, Иева Копыто, Никиту Сорокоума, Ивана Клобучкова, перехватили их и отдали князю Львову, который велел посадить их в тюрьму; к тюрьме стал собираться народ, начались толки: «Государь нас простил во всем, а князь Львов сажает в тюрьму и чинит наказанье, бьет кнутом: в том государь волен, а нам по-прежнему *бить в тарарыку;* если государь изволит сам быть во Пскове, то мы ему все повинны головами своими; а если пришлет бояр с людьми ратными и велит нас вывесть, то мы жен своих и детей побьем, а сами на зелье (порохе) помрем». Между тем подьячий Захар Осипов подал челобитную, в которой объявлял, что в мятежное время староста Гаврилка Демидов взял его, Захара, для письма в земскую избу, держал неволею и велел писать лист к литовскому королю о при-

сылке на помощь 5000 ратных людей; Осипов объявил, что в думе об этой измене было всего четыре человека. Когда из Москвы возвратились челобитчики, отправленные к государю с повинною, то князь Львов созвал псковичей, объявил им государскую милость и говорил, чтоб они не стояли за гилевщиков, которые после крестного целования хотели опять завести воровской завод: Гаврила Демидов у соборной церкви бил стрельца за то, что тот обличал его воровство; Томилка Слепой приходил к стрельцу Игнашке Мухе и говорил, чтоб им завести мятеж. Лучшие люди отдали Демидова и Слепого. 21 ноября Демидов, Слепой, Коза, Копыто, Сорокоумов, Клобучков, Шапошников, Семяков были вывезены из Пскова в Новгород и там посажены в тюрьму в оковах. Когда их повезли, то многие псковичи собрались с женами и детьми и провожали их за город, причем слышались слова: «Во Пскове государь казнить их не велел, а велел сослать в Новгород, а если в Новгороде государь велит их казнить, то нам все казненным и сосланным быть».

23 ноября земские старосты подали челобитную на Дружинку Бородина, что заводит прежнее воровство, гиль и мятеж. Бородина схватили, били кнутом по торгам нещадно и отдали за пристава для отсылки в Москву. В это время пришел царский указ выслать в Москву половину псковских стрельцов на службу и подводы для них взять во Пскове. Чтоб толковать о подводах, собрались в земскую избу старосты, посадские люди, монастырские служки и ямщики; Бородин захотел воспользоваться этим и прислал с женою в земскую избу возмутительное письмо, но обманулся в расчете: земские старосты принесли это письмо в съезжую избу к воеводе. Касательно дальнейшей судьбы заводчиков известна грамота государева к шведской королеве Христине, чтоб та прислала своих людей в Новгород для присутствия при казни мятежников, оскорбивших Нумменса; но ответа на это предложение не было. Так рушились все попытки возобновить мятеж. В Москве государь созвал всех тех, которые были на соборе 26 июля, и объявил им: «Псковичи вины свои принесли, присягу дали и мы их прощаем» [39].

Когда все успокоилось в Новгороде и Пскове, в 1651 году Никон приехал в Москву и успел снова приобрести могущественное влияние на молодого царя, ибо прежнее влияние было поколеблено отсутствием. Никон уговорил государя перенести в Успенский собор гроб патриарха Гермогена из Чудова монастыря, гроб патриарха Иова из Старицы и мощи Филиппа митрополита из Соловок. За мощами Филиппа отправился сам Никон в сопровождении боярина князя Ивана Никитича Хованского и Василия Отяева. Торжество это имело не одно религиозное значение: Филипп погиб вследствие столкновения власти светской с церковною; он был низвергнут царем

Иоанном за смелые увещания, умерщвлен опричником Малютою Скуратовым. Бог прославил мученика святостью, но светская власть не принесла еще торжественного покаяния в грехе своем, и этим покаянием не отказались от возможности повторить когда-либо подобный поступок относительно власти церковной. Никон, пользуясь религиозностию и мягкостию молодого царя, заставил светскую власть принести это торжественное покаяние. Он отыскал пример в преданиях византийских, как император Феодосий, посылая за мощами Иоанна Златоуста, писал молитвенную грамоту к оскорбленному его матерью святому; и Никон повез в Соловки грамоту царя Алексея к св. Филиппу: «Молю тебя и желаю пришествия твоего сюда, чтоб разрешить согрешение прадеда нашего царя Иоанна, совершенное против тебя нерассудно завистию и несдержанием ярости. Хотя я и не повинен в досаждении твоем, однако гроб прадеда постоянно убеждает меня и в жалость приводит, ибо вследствие того изгнания и до сего времени царствующий град лишается твоей святительской паствы. Потому преклоняю сан свой царский за прадеда моего, против тебя согрешившего, да оставиши ему согрешение его своим к нам пришествием, да упразднится поношение, которое лежит на нем за твое изгнание, пусть все уверятся, что ты помирился с ним: он раскаялся тогда в своем грехе, и за это покаяние и по нашему прошению, приди к нам, св. владыка! Оправдался евангельский глагол за который ты пострадал: «Всяко царство, раздельшееся на ся не станет», и нет более теперь у нас прекословящего твоим глаголам, благодать божия теперь в твоей пастве изобилует; нет уже более в твоей пастве никакого разделения: все единомысленно молим тебя, даруй себя желающим тебя, приди с миром восвояси, и свои тебя с миром примут» [40].

Везя с собой покаяние царя в том, что некогда царь не послушался увещаний архиерейских, Никон считал себя в полном праве требовать от сопровождавших его вельмож, чтоб они беспрекословно исполняли его распоряжения относительно дисциплины церковной. Послышались жалобы на неумеренность требований новгородского митрополита; люди с характером, подобным Никонову, не очень способны к умеренности в чем бы то ни было; притом же, крутой по природе, Никон не имел возможности приобресть мягкость в обхождении посредством воспитания и требований общественных, тогдашнее общество не требовало этой мягкости. Жалобы достигли двора, царя. Но пусть сам царь расскажет нам о том, что происходило в Москве в 1652 году, во время отсутствия Никона, пусть расскажет нам о своих отношениях к вельможам, патриарху и особенно к самому Никону, пусть этим простосердечным своим рассказом введет нас в тот век, в то общество.

«От царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси, великому солнцу сияющему, пресветлому богомольцу и преосвященному Никону, митрополиту новгородскому и великолуцкому, от нас, земного царя, поклон. Радуйся архиерей великий, во всяких добродетелях подвизающийся! Как тебя, великого святителя, бог милует? А я грешный твоими молитвами, дал бог, здоров. Не покручинься, господа ради, что про савинское дело не писал к тебе, а писал и сыск послал к келарю; ей, позабыл, а тут в один день прилучились все отпуски, а я устал, и ты меня, владыка святой, прости в том; ей, без хитрости не писал к тебе. Да пожаловать бы тебе, великому святителю, помолиться, чтоб господь бог умножил лет живота дочери моей, а к тебе она, святителю, крепко ласкова; да за жену мою помолиться, чтоб, ради твоих молитв, разнес бог с ребеночком; уже время спеет, а какой грех станется, и мне, ей, пропасть с кручины; бога ради, молись за нее. Да буди тебе, великому святителю, ведомо: многолетие у нас поют вместо патриарха: спаси, господи, вселенских патриархов, и митрополитов, и архиепископов наших, и вся христиане, господи, спаси; и ты отпиши к нам, великий святитель, так ли надобно петь, или иначе как-нибудь, и как у тебя святители поют?» Любопытно видеть здесь, как царь просит прощения у Никона в том, что не писал ему про какое-то савинское дело, клянется, что сделал это без хитрости: значит, что о всех духовных делах царь считал своею обязанностию уведомлять новгородского митрополита.

Другое письмо, более любопытное, начинается так: «Избранному и крепкостоятельному пастырю и наставнику душ и телес наших, милостивому, кроткому, благосердому, беззлобивому, наипаче же любовнику и наперснику Христову и рачителю словесных овец. О крепкий воин и страдалец царя небесного и возлюбленный мой любимец и содружебник, святый владыко! моли за меня грешного, да не покроет меня глубина грехов моих, твоих ради молитв святых; надеясь на твое пренепорочное и беззлобивое и святое житие, пишу так светлосияющему в архиереях, как солнцу светящему по всей вселенной, так и тебе сияющему по всему нашему государству благими нравами и делами добрыми, великому господину и богомольцу нашему, преосвященному и пресветлому митрополиту Никону новгородскому и великолуцкому, особенному нашему другу душевному и телесному. Спрашиваем о твоем святительском спасении, как тебя, света душевного нашего, бог сохраняет; а про нас изволишь ведать, и мы, по милости божией и по вашему святительскому благословению, как есть истинный царь христианский нарицаюсь, а по своим злым мерзким делам недостоин и во псы, не голько в цари, да еще и грешен, а называюсь его же светов

раб, от кого создан; и вашими святыми молитвами, мы и с царицею, и с сестрами, и с дочерью, и со всем государством дал бог здорово. Да будь тебе великому святителю ведомо: за грех православного христианства, особенно же за мои окаянные грехи, содетель и творец и бог наш изволил взять от здешнего прелестного и лицемерного света отца нашего и пастыря, великого господина Кир Иосифа, патриарха Московского и всея Руси, изволил его вселити в недра Авраама и Исаака и Иакова, и тебе бы, отцу нашему, было ведомо; а мать наша соборная и апостольская церковь вдовствует, слезно сетует по женихе своем, а как в нее войти и посмотреть, и она, мать наша, как есть пустынная голубица пребывает, не имеющая подружия: так и она, не имея жениха своего, печалится; и все переменилось не только в церквах, но и во всем государстве; духовным делам рассуждения нет и худо без пастыря детям жить. Как начали у меня (в великий четверток) вместо херувимской первый стих *вечере твоей тайне* петь, и пропели первый стих, прибежал келарь спасский и сказал мне: «Патриарха, государь, не стало!» А в ту пору ударил царь-колокол три раза, и на нас такой страх и ужас нашел, едва петь стали, и то со слезами, а в соборе у певчих и властей всех со страха и ужаса ноги подломились, потому что кто преставился? Да к таким дням великим кого мы грешные отбыли? Как овцы без пастуха не ведают, где деться, так и мы теперь грешные не ведаем, где главы преклонить, потому что прежнего отца и пастыря лишились, а нового нет. Отпевши обедню, пришел я к нему свету, а он, государь, уже преставился, лежит как есть жив, и борода расчесана, лежит как есть у живого, а сам немерно хорош; и простясь с ним и поцеловав в руку, пошел я к умовению ног. В пятницу вынесли его света к Риз-Положению. Я вечером пошел один к Риз-Положению, и как подошел к дверям полунощным, а у него никакого сидельца нет, кому велел быть игумнам, те все разъехались, и я их велел смирять митрополиту: да такой грех, владыко святый, кого жаловал (покойный), те ради его смерти, лучший новинский игумен — тот первый поехал от него домой, а детей боярских я смирял сколько бог помочи дал; а над ним один священник говорит псалтырь, и тот говорит, во всю голову кричит, а двери все отворил; и я начал ему говорить: «Для чего ты не по подобию говоришь!» «Прости государь, — отвечал он, — страх нашел великий, в утробе у него, святителя, безмерно шумело, так меня и страх взял; вдруг взнесло живот у него, государя, и лицо в ту ж пору стало пухнуть: меня и страх взял, думал, что ожил, для того я и двери отворил, хотел бежать». И на меня, прости, владыко святой, от его речей страх такой нашел, едва с ног не свалился; а вот и при мне грыжа-то ходит очень прытко в животе, как есть

у живого; и мне пришло помышление такое от врага: побеги ты вон, тотчас тебя, вскоча, удавит! И я, перекрестясь, взял за руку его света и стал целовать, а в уме держу то слово: от земли создан, и в землю идет, чего бояться? Да в ту ж пору как есть треснуло у него в устах и я досталь испужался, да поостоялся так мне полегчело от страха, да тем себя и оживил, что за руку его с молитвою взял. А погребли в субботу великую, и мы надселись, плачучи, а меня первого грешного, мерзкого которая мука не ждет? Ей, все ожидают меня за злые дела, и достоин я окаянный тех мук за свои согрешения; а бояре и власти то же все говорили между собою; не было такого человека, который бы не плакал, на него смотря, потому: вчера с нами, а ныне безгласен лежит, и это к таким великим дням стало! И которые от ближних были со мною, все перервались плачучи, а всех пуще Трубецкой, да Михайла Одоевский, да Михайла Ртищев, да Василий Бутурлин плакали по нем государе, что бог изволил скорым обычаем взять и свои грехи вспоминаючи. Да сказывал мне Василий Бутурлин, а ему сказывал патриархов дьяк: мнение на него государя великое было, то и говорил: переменить меня, скинуть меня хотят, а если и не отставят, то я сам от срама об отставке стану бить челом; и денег приготовил с чем идти, как отставят, беспрестанно то и думал и говаривал, а неведомо отчего? У меня и отца моего духовного, содетель наш творец видит, ей, и на уме того не бывало и помыслить страшно на такое дело; прости владыка святый, хотя бы и еретичества держался и тут мне как одному отставить его без вашего собора? Чаю, владыка святый, хотя и в дальнем ты расстоянии с нами грешными, но то же скажешь, что отнюдь того не бывало, чтоб его света отставить или ссадить с бесчестием. А келейной казны у него, государя, осталось 13 400 рублей с лишком, а сосудов серебряных, блюд, сковородок, кубков, стоп и тарелок много хороших, а переписывал я сам келейную казну, а если бы сам не ходил, то думаю, что и половины бы не почему сыскать, потому что записки нет; не осталось бы ничего, все бы раскрали; редкая та статья, что записано, а то все без записки, сам он государь ведал наизусть, отнюдь ни который келейник сосудов тех не ведал; а какое, владыка святый, к ним строенье было у него государя, в ум мне грешному не вместится! Не было того сосуда, чтоб не впятеро оберчено бумагою или киндяком! Да и в том меня, владыка святый, прости. Немного и я не покусился на иные сосуды, да милостию божиею воздержался и вашими молитвами святыми; ей, ей, владыка святый, ни до чего не дотронулся, мог бы я и вчетверо цену дать, да не хочу для того, что от бога грех, от людей зазорно: какой я буду прикащик? Самому мне брать, а деньги мне платить себе же? А теперь не-

мерно рад, что ни до чего не дотронулся. Всяким людям, которые были у патриарха на жалованье, давал я из своих рук по десяти рублей; собирал я их в крестовую и говорил со слезами, чтоб поминали и не роптали; и они все плакали и благодарили; и говорил им я, чтоб поклонцев по силе или по кануну на всяк день говорили; да и то я им говорил: есть ли между вами такой, кто б раба своего или рабыню мимо дела не оскорбил, иное за дело, а иное и пьян напившись оскорбит и напрасно бьют; а он, великий святитель, отец наш, если кого и понапрасну оскорбил, можно и потерпеть, да уже чтоб то ни было, теперь пора всякую злобу покинуть, молитесь и поминайте с радостию его света, сколько сила может. А не дать было им и не потешить деньгами, поднялось бы роптание большое, потому что вконец бедны, и он свет у них жалованья гораздо много убавил. Да еще буди тебе, великому святителю, ведомо: во дворец посадил я Василья Бутурлина; а князь Алексей бил челом об отставке, и я его отставил; а слово мое теперь во дворце добре страшно и делается без замедления. Да ведомо мне учинилось: князь Иван Хованский пишет в своих грамотах, будто он пропал и пропасть свою пишет, будто ты его заставляешь с собою у правила ежедневно быть; да и у нас перешептывали на меня: никогда такого бесчестья не было, что теперь государь нас выдал митрополитам; молю я тебя, владыка святый, пожалуй не заставляй его с собою у правила стоять: добро, государь, учить премудра, премудрее будет, а безумному мозолие ему есть; да если и изволишь ему говорить, и ты говори от своего лица, будто к тебе мимо меня писали, а я к тебе, владыка святый, пишу, духовную Да Василий Отяев пишет к друзьям своим: лучше бы нам на Новой Земле за Сибирью с князем Иваном Ивановичем Лобановым пропасть, нежели с новгородским митрополитом быть, силою заставляет говеть, но никого силою не заставит богу веровать. И тебе бы, владыка святый, пожаловать, сие писание сохранить и скрыть втайне, и пожаловать тебе, великому господину, прочесть самому, не погнушаться нас грешных и нашим рукописанием непутным и несогласным»[41].

Это письмо всего лучше объясняет нам явление Никона, ибо одного характера последнего недостаточно для объяснения тех отношений, в которых он нашелся к государю и государству; чувства, высказанные царем Алексеем Михайловичем в приведенном письме, переносят нас в то время, когда на Западе утверждалась власть папская, власть, укоренившаяся преимущественно вследствие характера западных вождей, незнакомых с государственными преданиями и привычками, господствовавшими в Византии, преданиями и привычками, которые, при всей религиозности императоров восточных, не давали им забывать о своем значении

относительно высших пастырей церкви. Но вожди юных народов, подобно нашему царю Алексею Михайловичу, в излиянии своего религиозного христианского чувства, чувства смирения, не умели сдерживать его сознанием своего государственного значения; у них государь исчезал пред человеком, тем выше, разумеется, поднималось значение пастыря церкви, вязателя и решителя, судьи верховного, истолкователя закона божественного, особенно когда этот пастырь личными достоинствами своими не полагал никакой преграды обнаружению этого чувства смирения и умел пользоваться своим влиянием, своим положением. Царь Алексей Михайлович надселся, плачучи и по патриархе Иосифе, хотя, как человек чистый, не мог не чувствовать и не оскорбляться недостоинством, мелочностью, недуховным поведением этого патриарха; но он гнал от себя греховную мысль о недостоинствах Иосифа, как нежный и почтительный сын гонит от себя мысль о недостоинствах отца. Тем с большею силою религиозный молодой человек обращал свою любовь к достойному пастырю, тут уже он не щадил слов для выражения этой любви, чтоб возвысить любимый предмет и унизить пред ним самого себя, ибо приемы всякого рода любви одинаковы. Таким образом, сам царь Алексей Михайлович по характеру своему поставил Никона так высоко, как не стоял ни один патриарх, ни один митрополит ни при одном царе и великом князе.

Кроме этого, много указаний на другие отношения времени рассеяно в этом драгоценном письме. Богослужение имело великое значение в жизни каждого, и не раз высказывает царь, как тяжело ему, что патриарх умер к таким великим дням; в Светлое воскресенье не будет служить патриарх; праздник не в праздник! «Церковь как пустынная голубица пребывает, не имея подружия». Любопытны понятия, в которых воспитывался тогдашний русский человек: при виде разложения трупа, царю приходит мысль: «Побеги вон, тотчас тебя, вскоча, удавит». Любопытна эта патриархальность, простота отношений, переносящая нас опять к началу средних веков: царь всем распоряжается, сам переписывает имение, оставшееся после покойного, и при этом добродушно говорит страшные слова против современного ему общества: «Если б я сам не стал переписывать, то все раскрали бы»; тут же обнаруживается, как понятия Домостроя были крепки в русском человеке: с удивлением и с глубоким уважением отзывается Алексей Михайлович о бережливости Иосифа: «А какое строение было у него, государя, в уме моем грешном не вместится: не было того сосуда, чтоб не впятеро оберчено». Наконец обнаруживаются отношения молодого царя к придворным: старый начальник приказа Большого дворца вышел в отставку, назначен но-

вый, и царь очень доволен переменою, потому что слово его теперь во дворце добре страшно и делается без замедления. Приверженность царя к новгородскому митрополиту уже не очень нравится боярам, ибо этот митрополит хочет привести их в свою волю: «Никогда такого бесчестья не было, — шепчут они, — выдал нас царь митрополитам». Царь в большом затруднении: с одной стороны он сильно привязан к Никону, непременно хочет, чтоб он был патриархом; но этот Никон своим крутым обхождением возбудил сильное неудовольствие в боярах, и вот Алексей Михайлович пишет Никону, чтоб он был поснисходительнее, не принуждал Хованского слушать правила, и в то же время пишет, чтоб Никон, говоря об этом с Хованским, не выдал, его, царя: Алексею Михайловичу не хочется, чтоб бояре узнали, как он предан Никону, как он заодно с ним против них. Доброта таких людей, как Алексей Михайлович, делает их зависимыми от окружающих: не могут они выносить около себя недовольных лиц, хотя от этого в отдалении и очень много недовольных, но их не видно. В минуту вспыльчивости царь Алексей сильно разбранит и прибьет близкого человека, смирит его собственноручно, но мысль, что окружающие недовольны, сердятся, была для него невыносима.

Два раза в письмах своих к Никону царь говорит об избрании преемника Иосифу; в одном месте пишет: «Возвращайся, господа ради, поскорее к нам, выбирать на патриаршество именем Феогноста, а без тебя отнюдь ни за что не примемся». В другом: «Помолись, владыка святый, чтоб господь бог наш дал нам пастыря и отца, кто ему свету годен, имя вышеписанное (Феогност), а ожидаем тебя, великого святителя, к выбору, а сего мужа три человека ведают: я, да казанский митрополит, да отец мой духовный, и сказывают свят муж». Разумеется, Никон хорошо понимал намеки царя, знал, кто этот Феогност (известный богу).

Никон приехал в Москву в июле 1652 года, был выбран в патриархи, и отрекся — отрекся для того, чтоб быть выбранным на всей своей воле, чтоб товарищи Хованского не мешали ему. В Успенском соборе, при мощах св. Филиппа, царь, лежа на земле и проливая слезы со всеми окружавшими, умолял Никона не отрекаться. Никон, обратясь к боярам и народу, спросил: «Будут ли почитать его как архипастыря и отца, и дадут ли ему устроить церковь?» Все клялись, что будут и дадут, и Никон согласился. Это было 22 июля; 25 он был посвящен.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Богдан Хмельницкий. — Его ссора с Чаплинским; его сношения с королем Владиславом и бегство в Запорожье. Хмельницкий в Крыму и получает помощь от хана. — Рада в Запорожье; Хмельницкий гетман. — Движение гетмана Потоцкого, его письмо к королю. — Битвы при Желтых Водах и у Корсуни. — Письмо Киселя. — Универсалы Хмельницкого и восстание хлопов в Малороссии. — Смерть Владислава. — Опасение Киселя насчет Москвы. — Первые сношения Хмельницкого с московскими воеводами. — Сношения его с польским правительством. — Переписка с Киселем. — Князь Иеремия Вишневецкий свирепствует против восставших русских. — Князь Доминик Острожский; письма его, киевского воеводы Тышкевича и Киселя. — Неудачи последнего относительно мирных переговоров. — Битва под Пилявцами. — Хмельницкий отступает от Замостья по желанию нового короля Яна Казимира. — Торжественный въезд Хмельницкого в Киев. — Поведение его на радостях. — Переяславские переговоры с комиссарами королевскими. — Приготовление к войне с обеих сторон. — Збараж и Зборов. — Мир. — Сношения Хмельницкого с Москвою. — Посольство Неронова в Украйну. — Писарь Выговский. — Посольство боярина Пушкина в Польшу. — Тимошка Акундинов у Хмельницкого. — Сношения его с князем Прозоровским, путивльским воеводою. — Посольство Протасьева и Унковского к Хмельницкому с требованием выдачи самозванца. — Непрочность Зборовского мира. — Нерешительность Москвы. — Польша старается поссорить Москву с козаками. — Новая война у Польши с козаками. — Битва при Берестечке. — Литва в Киеве. — Старания побудить Москву к решительному шагу. — Белоцерковский мир. — Сочувствие к делу козаков в Белоруссии. — Новые попытки Польши поссорить Москву с козаками. — Посольство Прончищева в Польшу и Пенцлавского в Москву. — Предлог к разрыву остается. — Хмельницкий считает Белоцерковский мир только перемирием. — Переселение малороссиян в московские украйны. — Предложение Хмельницкому со стороны царя выселиться со всем войском в московские пределы. — События при Батоге. — Затруднительное положение Хмельницкого: он сильно упрашивает царя принять Малороссию в подданство. — Посольство князя Репнина в Польшу для окончательных переговоров. — Царь объявляет Хмельницкому, что принимает Малороссию в подданство. — Собор по этому случаю. — Третья война Хмельницкого с поляками. — Дело под Жванцом. — Посольство Бутурлина в Малороссию. — Переяславская рада. — Бутурлин в Киеве; митрополит Сильвестр Коссов. — Пункты челобитной Войска Запорожского, утвержденные царем. — Донесение князя Куракина из Киева о поведении Коссова. — Приезд игумена Гизеля в Москву. — Обзор сношений Московского государства с европейскими державами до начала польской войны.

Никон стал верховным пастырем церкви и главным советником царя в то время, когда Алексей Михайлович должен был решить великий вопрос о соединении Малой России с Московским государством. Мы видели, что в сороковых годах XVII века государство Польское, по-видимому, достигло своей цели относительно козаков: число последних сильно ограничено и небольшая толпа находится в повиновении у офицеров, от правительства назначенных; реестровых, настоящих козаков мало, они спокойны. Но условия, которые заставляли простой люд Украйны бежать в козаки, существовали по-прежнему, и знамя, под которое эти беглецы могли становиться, знамя религиозное, по-прежнему было готово; недоставало человека, вождя восстания. Вождь нашелся. Зиновий Богдан Хмельницкий, сын козацкого сотника Михайлы Хмельницкого, убитого в сражении с турками при Цецоре, сам попался в этом сражении в плен к татарам, скоро, впрочем, освободился от него, возвратился к своим козакам и получил звание войскового писаря. Хмельницкий был козак видный во всех отношениях; храбрый, ловкий, деятельный, грамотный; у него было и состояние, хутор Субботово в Чигиринском старостве. За это-то Субботово началась у него ссора с Чаплинским, подстаростою чигиринским. Известно, как в это время в Польше действовали друг против друга враждующие, и понятно, кто должен был осилить в борьбе — шляхтич или козак? С шайкою голодных людей наехал Чаплинский на слободы Хмельницкого, завладел гумном, на котором находилось 400 копен хлеба, и всех домашних Хмельницкого заковали в цепи; самого Богдана держал четыре дня в тесном заключении и освободил только по просьбе жены своей. Богдан подал жалобу в суд; в отмщение за это Чаплинский приказал своей дворне схватить десятилетнего сына Хмельницкого и высечь плетьми среди базара; приказ был исполнен так хорошо, что мальчика чуть живого принесли домой и скоро после того он умер. Зять Чаплинского клялся не раз пред козаками, что Хмельницкому не быть в живых. Поедет ли Богдан куда по делам службы, воротится домой, а на конюшне нет серого коня: взяли за поволовщину. Отправится он в поход против татар, сзади подъедут к нему и стукнут по голове так, что не быть бы живому, если б не защитил железный шлем, да и скажут в оправдание, что приняли его за татарина[42]. Но частной вражды с Чаплинским было еще мало: свой козак донес польскому начальству на Хмельницкого, будто он замышляет старые козацкие проказы, хочет отправить на море вооруженные суда. Действительно, шел слух, что король Владислав, замышляя войну против турок, на которую не согласился, однако, сейм, прислал козакам позволение готовить суда для выхода в море и прислал даже деньги на постройку судов. В Варшаве рассказывали московскому гонцу Кунакову, что зимою 1646 года

Хмельницкий с десятью товарищами приезжал в Варшаву в челобитчиках от всего Войска Запорожского, бил челом королю Владиславу на обидчиков своих и на жидов в их налогах. Владислав король в то время гнев держал на сенаторов и на всю Речь Посполитую за то, что ему не дали воли войны вести с турками и собранное для этой войны немецкое войско приговорили на сейме распустить, а немцам он давал деньги из приданого жены своей. Так, призвавши Богдана Хмельницкого и черкас челобитчиков, Владислав говорил им, что сенаторы его вдались в свою волю, панства его пустошат, а его мало слушают; написав саблю, король дал Богдану Хмельницкому и сказал: «Вот тебе королевский знак: есть у вас при боках сабли, так обидчикам и разорителям не поддавайтесь и кривды свои мстите саблями; как время придет, будьте на поганцев и на моих непослушников во всей моей воле». И пожаловал Владислав Богдана Хмельницкого атаманством и отпустил его и всех челобитчиков, одаривши их сукнами и адамашками. Осенью 1647 года замыслил король Владислав войну вести с турским султаном, пожаловал Богдана Хмельницкого гетманством запорожским, послал ему свое жалованье и вперед обещал прислать на жалованье черкасам и на челновое дело 170 000 злотых польских к лету 1648 года. Богдан за эти деньги обещал королю изготовить на полгода Запорожского Войска и с вольными 12 000 да к морскому ходу сто челнов. Узнавши об этом, Конецпольский замыслил Богдана убить и послал звать его к себе на банкет, но Хмельницкий, зная умысел, на банкет не поехал. Тогда Конецпольский послал 20 человек людей своих взять Богдана силою, но Хмельницкий вступил в битву с этими посланными у себя на дворе, убил 5 человек, а 15 убежало, тогда как с Хмельницким на дворе было только четыре человека. После этого Хмельницкий тотчас же побежал в Запорожье.

Отсюда явились от Богдана грамоты к разным лицам; к Ивану Барабашу, полковнику черкасскому, он писал: «Так как на многократные мои советы и предложения ваша милость не изволили склониться, чтоб по давним грамотам королевским, у вас в сохранении бывшим, просить короля и сенаторов о новой привилегии на утверждение прав и вольностей козацких и малороссийских и на удержание людских обид и разорений, особенно же превращения православных церквей в униатские, то я, сожалея об этом и потерпевши бесчестие и разорение от негодяя Чаплинского, должен был придумать средство, как бы забрать в свои руки королевские привилегии, валявшиеся между платьем жены вашей, и с их помощью сделать что-нибудь лучшее для погибающей Украйны, выпросить ласку и милость у королевского величества, панов сенаторов и всей Речи Посполитой. Утешаюсь тем, что бог помог мне высвободить из вашей неволи и привезти к Запорожскому Войску при-

вилегии королевские А что ваша милость таил привилегии, нужные всему народу малороссийскому, и для своих выгод не хотел просить королевской милости за наших людей украинских, плачущих от поляков, за это все Войско Запорожское считает вас годным в полковники не над людьми, а над овечками, либо свиньями». К польскому комиссару Шембергу, поставленному над козаками, Хмельницкий писал, что он принужден бежать от насилий Чаплинского и что на днях запорожцы отправляют послов к королю и сенаторам просить о привилегиях. О том же писал к Потоцкому, гетману коронному, распространяясь о насилиях Чаплинского, который притесняет не только мирян, но и священников: где случится ему видеться и говорить с православным священником, то никогда не оставит его, не обесчестивши, волос и бороды не вырвавши и палкою ребер не пересчитавши [43].

Хмельницкий разглашал и в Запорожье, между простыми козаками, что будет отправлено посольство в Варшаву просить короля о защите, разглашал также, что хочет идти на Дон и подбить тамошних козаков к морскому походу на турок; разглашал он это для того, чтоб шпионы польские не донесли своему правительству о настоящем намерении его, о котором он советовался со старшиною; это намерение было доставить себе управу саблею, а не посольствами в Варшаву. По совету атаманов — кошевого и куренных — в первых числах марта 1648 года выехал Хмельницкий из Сечи с своими товарищами, такими же, как он, беглецами, выехал на остров Томаковский под предлогом, что там удобнее будет кормиться и людям его и лошадям, а в самом деле поехал в Крым просить у хана помощи на поляков. Хан долго думал с мурзами, давать или не давать войско Хмельницкому? Боялся он, не нарочно ли Богдан подослан поляками, чтоб обманом ввести орду в Польшу и там истребить ее готовыми войсками. Хмельницкий объявил, что готов присягнуть и оставить сына своего заложником; присяга дана была на сабле ханской, молодой Хмельницкий (Тимофей) оставлен в заложниках; однако хан не двинулся сам, а отправил с Хмельницким мурзу Тугай-бея с четырехтысячным отрядом. 18 апреля возвратился Хмельницкий в Запорожье, куда кошевой стянул уже с лугов, веток и речек все войско низовое, конное и пешее; молодцы собрались, но не знали, зачем собрал их атаман, пока не приехал Хмельницкий из Крыма. В тот день, когда он приехал, по заходе солнца выпалили из трех пушек, на рассвете другого дня выпалили в другой раз; на этот призыв козаки стали высыпать из разных углов и когда ударили в котлы для призыва на раду то сечевой майдан (площадь) оказался мал, вышли из крепости на просторное место, где и объявили войску, что начинается война против поляков и что хан будет за козаков благодаря старанию Хмельницкого; тогда все войско

закричало, чтоб Хмельницкий был гетманом, и Богдан принял опасную роль Павлюги и Остранина. Новый гетман постановил с атаманами, чтоб выступило в поход не более осьми или десяти тысяч козаков, а прочие разошлись бы по своим местам, к своим промыслам, и были готовы выступить по первому приказу гетманскому [44].

Между тем уже давно по Украйне несся слух, что на Запорожье приготовляется восстание: народ поднял головы и втихомолку готовил оружие, ожидая избавителей. Хитрые грамоты Хмельницкого с известием, что все дело состоит в отправлении козацкого посольства к королю с челобитьем, таинственность, с какою он действовал, уменье утаить свою поездку в Крым — ничто не помогло; напуганные, чуткие поляки встрепенулись; коренной гетман Николай Потоцкий хорошо помнил последние восстания, хорошо знал, что при этих восстаниях поляки должны иметь дело не с горстью запорожцев, но с целым низшим народонаселением Малороссии и потому, несмотря на бездорожье, 18 февраля уже был на Украйне; сам он расположился в Черкасах, а гетман польный Калиновский — в Корсуни. Оправдывая свою поспешность, Потоцкий писал королю: «Не без важных причин, не необдуманно двинулся я в Украйну с войском вашей королевской милости. Склонила меня к тому просьба любезных братьев, из которых одни, спасая жизнь и имение, бежали из Украйны на поле битвы, другие, оставаясь в домах своих, не полагаясь на свои силы, горячими просьбами умоляли, чтоб я своим присутствием и помощью спасал Украйну и спешил потушить гибельное пламя, которое до того уже разгорелось, что не было ни одной деревни, ни одного города, в котором бы не раздавались призывы к своеволию и где бы не умышляли на жизнь и имение панов своих и державцев, своевольно напоминая о своих заслугах и о частых жалобах на обиды и притеснения. Это было только предлогом к мятежам, потому что не столько их терзали обиды и притеснения, сколько распоряжения республики, постановление над ними старших от вашей королевской милости; они хотят не только уничтожить эти распоряжения, но и самовластно господствовать в Украйне, заключать договоры с посторонними государями и делать все что им угодно. Казалось бы, что значит 500 человек бунтовщиков; но если рассудить, с какою смелостью и в какой надежде поднять бунт, то каждый должен признать, что не ничтожная причина заставила меня двинуться против 500 человек, ибо эти 500 человек возмутились в заговоре со всеми козацкими полками, со всею Украйною. Если б я этому движению не противопоставил своей скорости, то в Украйне поднялось бы пламя, которое надобно было бы гасить или большими усилиями, или долгое время. Один пан, князь воевода русский (Иеремия Вишневецкий), отобрал у своих крестьян несколько тысяч

самопалов, то же сделали и другие; все это оружие вместе с людьми перешло бы к Хмельницкому. Хотя я и двинулся в Украйну, но не для пролития крови христианской и в свое время необходимой для республики, двинулся я для того, чтоб одним страхом прекратить войну. Хотя я и знаю, что этот безрассудный человек Хмельницкий не преклоняется кротостию, однако не раз уже я посылал к нему с предложением выйти из Запорожья, с обещанием помилования и прощения всех проступков. Но это на него нисколько не действует; он даже удержал моих посланцев. Наконец, посылал я к нему ротмистра Хмелецкого, человека ловкого и хорошо знающего характер козацкий, с убеждением отстать от мятежа и с уверением, что и волос с головы его не спадет. Хмельницкий отпустил ко мне моих послов с такими требованиями: во-первых, чтоб я с войском выступил из Украйны; во-вторых, чтоб удалил полковников и всех офицеров; в-третьих, чтоб уничтожил установленное республикою козацкое устройство и чтоб козаки оставались при таких вольностях, при которых они могли бы не только ссорить нас с посторонними, но и поднимать свою безбожную руку на ваше величество. Ясно видно, что к этой цели стремится его честолюбие. В настоящее время он послал в Понизовье за помощью к татарам, которые стоят наготове у Днепра, и осмелился несколько сот из них перевезти на эту сторону, чтоб они разогнали нашу стражу, поставленную мешать соединению мятежников с Хмельницким. Что он давно обдумал, как начать бунт и как действовать, — в этом ваша королевская милость убедиться изволите, обратив внимание на число его сообщников, простирающееся теперь до 3000. Сохрани бог, если он войдет с ними в Украйну! Тогда эти три тысячи быстро возрастут до 100 000, и нам будет трудная работа с бунтовщиками. Для предохранения отечества от этого зловредного человека есть средство, предлагаемое вашею королевскою милостию, а именно: позволить своевольным побеги на море сколько хотят. Но не на море выйти хочет Хмельницкий, хочет он в стародавнем жить своеволии и сломать шею тем постановлениям, за которыми так много трудились, за которые пролилось так много шляхетской крови. Признал бы я полезным для общего блага позволить козакам идти на море и для того, чтоб это войско не занимало полей, и для того, чтоб не отвыкало от давнего способа вести войну; но в настоящее смутное время этому нельзя статься: частию потому, что челны еще не готовы, другие и готовы, но не вооружены. Если суда и будут готовы, то главное в том, чтоб успокоенные козаки, как скоро наступит необходимость для республики и вашей королевской милости, отправлены были в надлежащем порядке. Но сохрани боже, если они выйдут в море прежде укрощения бунта: возвратясь, они произведут неугасимое возмущение, в котором легко может исчезнуть

установленное козацкое устройство, а турки, раздраженные козаками, вышлют против нас татар»[45]

Предвещания Потоцкого сбылись у Хмельницкого было много войска в Украйне 13 апреля двинулся передовой отряд польских войск Днепром и сухим путем, двинулись и реестровые козаки с Барабашем, полковником черкасским, большая часть регулярного войска состояла из русских, предводителями были козацкий комиссар Шемберг и сын коронного гетмана Стефан Потоцкий 22 апреля выступил и Хмельницкий из за Запорожья с осьмитысячным отрядом, Тугай бей шел за ним с татарами, держали путь к устью Тясмина, к потоку *Желтые Воды* Реестровые козаки, шедшие в лодках с Барабашем и опередившие сухопутную рать, вошли в сношения с Хмельницким и передались ему, убивши Барабаша и всех тех, кто был верен польскому правительству 5 мая у Желтых Вод встретился Хмельницкий с сухопутным польским войском, и после трехдневной битвы (5, 7 и 8 мая), поляки потерпели страшное поражение, так что и десятка их не успело спастись бегством Покончивши с молодым Потоцким, который умер от ран в плену, Хмельницкий двинулся навстречу к старому, сошелся с ним 16 мая у Корсуня и поразил наголову оба гетмана — коронный великий Потоцкий и польный Калиновский — попались в плен и были отосланы к хану в Крым, поляки потеряли 127 офицеров, 8520 рядовых, 41 пушку Поражение приписывали неблагоразумному разделению войска на две части, отправлению одной из них вперед с молодым Потоцким, иные упрекали коронного гетмана за несогласие с товарищем своим Калиновским и за распутство, которому он был предан, несмотря на свои преклонные лета Укоры сыпались на побежденных, как обыкновенно бывает, каждый говорил, что если б сделали иначе, если б послушались его советов, то не было бы беды Известный нам Кисель писал к архиепископу гнезненскому (от 31 мая) «Рабы теперь господствуют над нами, изменник учреждает новое княжество, несчастные братии наши среди внезапной опасности, бросая родину, дома и другие ценные предметы, бегут во внутренность государства Безумная чернь, обольщенная тем, что Хмельницкий щадит ее, предавая огню и мечу одно шляхетское сословие, отворяет города, замки и вступает в его подданство Я первый, хотя в отечестве последний, потеряв за Днепром сто тысяч доходу, едва имею от десяти до двадцати тысяч, да и то один бог знает, не завладеет ли и этим неприятель? Кроме того, я имею несколько сот тысяч долгу, нажитого на службе королю и отечеству Много и других мне подобных Мы будем нищими Но откуда пришла эта беда, об этом подробно объяснено в моих письмах к королю, потому что несчастное предвидение моего ума, а больше свет разума предугадывали и предчувствовали все то, что теперь случилось

Видя, что козаки угнетенные более простых хлопов и ненавидимые, ушедши на Запорожье, составляют заговор, я всеми силами убеждал кастеляна краковского (Потоцкого) не искать одного козака по днепровским потокам, а лучше всех козаков удерживать в повиновении и, допуская для них исключение из законов, как нибудь приласкивать их Во вторых, я советовал не раздроблять малочисленного войска на отряды, в третьих, не выпускать за Днепр известия о дальнейшем мятеже козаков, в четвертых, чтоб не раздражать татар, не нужно высылать войско в поле, но ожидать, что дома станет делать изменник, а между тем снестись с беем очаковским и с Крымом, чтоб Хмельницкий не имел там пристанища Когда гетман не хотел принять моих советов, то я послал их к королю, государь одобрил мое мнение и послал приказ, чтоб отправка войск — одного за Днепр, а другого в степь — была приостановлена Но враг советов — опрометчивость все предупредила и погубила уже себя, нас и большую часть отчизны»[46] Но мы видели, как оправдывал Потоцкий перед королем свою поспешность, как боялся, чтоб Хмельницкий не вошел на Украйну, где наидет сто тысяч союзников, с которыми полякам трудно будет сладить Справедливости этих соображений нельзя не признать, но разделение сил действительно оправдать трудно

После Корсунской победы Хмельницкий подошел к Белой Церкви, расположился там обозом и разослал 60 универсалов с призывом к восстанию, вся Украйна взволновалась, поднялись крестьяне, пошли в козаки и стали свирепствовать против шляхты, жидов и католического духовенства, они образовали несколько шаек или *гайдамацких загонов*, как тогда называли, и рассеялись в разных направлениях под начальством вождей, оставивших по себе кровавую память в летописях и преданиях народных К умножению смуты и разнузданности вдруг разнеслась весть о смерти короля Владислава «Теперь, — пишет Кисель к архиепископу примасу, — теперь, когда нас постигло такое сиротство, мы не знаем, что еще замышляет султан турецкий и что замышляют москвитяне, которые 30 мая дали знать о себе, что вследствие моих писем, отправленных по королевскому приказанию, царь их, исполняя условия братского союза, отправил сорок тысяч вспомогательного войска против татар Это войско стояло уже в шести милях от Путивля, но когда битва предварила их прибытие, когда успехи изменника уже стали им известны и когда сделается еще известным, что мы не имеем государя, то кто может поручиться за них? Одна кровь, одна религия!» Действительно, 1 мая (ст ст) Кисель дал знать путивльскому воеводе Плещееву, что татары 22 апреля на Желтых Водах окружили польский отряд, высланный против изменников черкас Кисель требовал помощи от московских воевод по

договору. 20 мая царь приказал своим ратным людям сходиться с литовскими людьми и с ними заодно промышлять над татарами; будучи в литовской земле, дурна никакого не чинить, грабежу никакого бы не было, а хлеб и что́ довелось покупать; с литовскими людьми стоять смирно, драк бы и задоров никаких не было, не бражничать и табаку не покупать. Но вслед за этим получены были известия, что поляки разбиты, гетманы в плену, козаки копятся во всех литовских городах и идут беспрестанно в сход к гетману Богдану Хмельницкому. Путивльский воевода Плещеев доносил, что татары запорожским козакам становятся сильны, потому что их вдвое больше, чем козаков; и Хмельницкий пишет по городам, чтоб уездные люди от татар береглись и бежали из уездов в города; Хмельницкий же рассылает от себя полковников и сотников с запорожскими козаками по сю сторону Днепра в украйные города и велит им прибирать козаков, а урядников, державцев, поляков и жидов велит побивать. Паны-поляки и жиды все бегут в Польшу.

Стародубец Григорий Климов рассказывал в Посольском приказе: посылали его из Севска воеводы с грамотами к Адаму Киселю; ехал он из Севска на Киев, потому что Адама Киселя сказали за Киевом во 150 верстах, в городе Гоще. С версту от Киева взяли его крымские татары и запорожские козаки; козаки, увидя, что у него хохла нет, взяли его у татар к себе и отвели к гетману своему Богдану Хмельницкому, который стоял в городе Мошнях, от Киева верстах во ста. Хмельницкий взял у него листы, назначенные к Киселю, и сказал: «Не по что тебе к Адаму ехать, я тебе дам к царскому величеству от себя грамоту. Прислали ко мне грамоты князь Еремей Вишневецкий и Адам Кисель, просят, чтоб я татар не пускал к ним в дальние места, а держал бы их в степи, и просят мира Я, по их прошенью, велел крымскому царевичу отступить в степь к Желтым Водам». Свое войско Хмельницкий распустил за Днепр, к путивльскому рубежу, на маетности Потоцкого, Вишневецкого и Адама Киселя; города у них все побрали, а крестьяне все пошли в козаки. Новгородок Северский взяли и ляхов везде побивали, а от Новагородка пошли к Чернигову; сколько у них войска, сказать нельзя, потому что, в который город придут и тут у них войска прибывает много, изо всяких чинов русские люди, кроме ляхов; жиды многие крестятся и пристают к их же войску, а лях, хотя и захочет креститься, не принимают, всех побивают, говорят, чтоб в Польше и Литве всех ляхов побить за то, что веру христианскую ломали и многих христиан побивали и насильно к лядской вере приводили. Хмельницкий говорил Климову: «Скажи в Севске воеводам, а воеводы пусть отпишут к царскому величеству, чтоб царское величество Войско Запорожское пожаловал денежным жалованьем; теперь ему государю

на Польшу и на Литву наступить пора; его бы государево войско шло к Смоленску, а я, Хмельницкий, стану государю служить с своим войском с другой стороны. Если тебя станут расспрашивать государевы приказные люди, то ты скажи им тайно, что королю смерть приключилась от ляхов: сведали ляхи, что у короля с козаками ссылка, послал от себя король грамоту в Запорожье к прежнему гетману, чтоб козаки за веру христианскую греческого закона стояли, а он, король, будет им на ляхов помощник; эта грамота королевская от прежнего гетмана досталась мне, и я, надеясь на то, войско собрал и на ляхов стою». В грамоте своей к царю, означенной осьмым числом июня, Хмельницкий извещал о Желтоводской и Корсунской победах и о смерти королевской: «Думаем, — писал Хмельницкий, — что смерть приключилась от тех же безбожных неприятелей его и наших, которых много королями в земле нашей; желали бы мы себе самодержца государя такого в своей земле, как ваша царская велеможность православный христианский царь. Если б ваше царское величество немедленно на государство то наступили, то мы со всем Войском Запорожским услужить вашей царской велеможности готовы».

Путивльский воевода Плещеев сносился с князем Иеремиею Вишневецким о войне против татар. Посланец Плещеева был перехвачен Хмельницким, который прислал путивльскому воеводе укорительную грамоту, что русские хотят помогать полякам на козаков, ибо война у поляков с козаками, а не с татарами: «Мы желаем, — пишет Хмельницкий, — не того, чтоб православный государь Алексей Михайлович воевал с нами, но чтоб он был и ляхам и нам государем и царем, чтоб ляхи за веру нашу с нами больше биться не помышляли». Царь приказал Плещееву отписать Хмельницкому, что он никогда не писал к Вишневецкому о соединении русских с поляками против козаков, что кто-нибудь распускает об этом слух на ссору. Но Хмельницкий не успокоился этим ответом и писал опять к Плещееву: «Уже третьего посла вашего перехватываем, вы все сноситесь с ляхами на нас. Если вы хотите на нас, на свою веру православную христианскую меч поднять, то будем богу молиться, чтоб вам не посчастливилось; легче нам, побившись между собою, помириться, а помирившись, на вас поворотиться. Мы вам желали всего доброго, царю вашему желали королевства Польского, а потом, как себе хотите, так и начинайте, хотите с ляхами, хотите с нами»[47].

Поднимая украинский народ и московского царя против Польши, Хмельницкий в то же время по совету Киселя решился попробовать, как отзовется ему польское правительство. Как бы еще не зная о смерти королевской, в половине июня Хмельницкий отправил в Варшаву четырех старшин с

пунктами, в которых заключались жалобы и просьбы козаков, и с своим писмом к королю Пункты были следующие 1) паны обходятся с нами, людьми войсковыми, хуже, чем с невольными, 2) хутора, луга, мельницы и все, что им понравится в домах у козаков, берут насильно, мучат, убивают, 3) берут десятину и поволовщину, 4) старых козацких жен и отцов, хотя бы сын находился на службе, облагают чиншом, как и других крестьян, 5) козацких жен, тотчас по смерти козаков, заставляют без милости работать наравне с мещанами, 6) паны полковники нас не защищают, а еще помогают обижать нас, вещи наши и пожитки под видом торга берут за половину цены, 7) жолнерская челядь забирает у козаков волов, скот и всякие пожитки, 8) на Запорожье и на Днепре не дают промышлять, ни зверей, ни рыбы ловить, а с головы каждого козака берут по лисице, если же не поймает козак лисицы, то отбирают самопалы, панам полковникам подводы даем или вместо подвод платим деньгами, 9) военную добычу и даже молодых татар паны полковники отнимают у козаков, 10) нашедши какую нибудь причину, тотчас сажают козака в тюрьму и, где чуют взятку, не выпустят, пока не получат доброго выкупа, 11) была воля королевская, чтоб мы шли на море, и на челны выданы нам деньги, а к Запорожскому Войску предполагалось прибавить еще 6000, но старшие наши не позволили, чтоб войско состояло из 12 000, хотя мы обещаем и клянемся, что, сверх этого числа, принимать людей в войско не будем, а с 6000 мы не можем оказывать услуг ни королю, ни республике, 12) чтоб заслуженное жалованье, которого мы не получали в течение пяти лет, было сполна отправлено к нам вместе с комиссией, 13) просим о духовенстве древней религии греческой, чтоб оно оставалось неприкосновенным, чтоб церкви, отданные униатам, опять оставались при своих стародавних правах В своем письме Хмельницкий повторял те же жалобы «Даже жиды, в надежде на панов урядников, также причиняют нам великие обиды Неверятно, чтоб даже в турецкой неволе христиане переносили такие несчастья, какие переносим мы, нижайшие подножия вашей королевской милости Мы совершенно понимаем, что все неистовства совершались над нами наперекор вашей королевской милости, потому что постоянно слышим «Вот вам король! А пособит ли вам король, такие то дети!» После этого мы не можем уже переносить таких обид и незаслуженных мучений Не имея более возможности жить в домах своих, мы, бросив жен, детей и все убогое имущество, бежали в Запорожье, откуда предки наши с давнего времени привыкли служить Короне Польской и вашей королевской милости Но и здесь обратили в ничто наши воинские привилегии, тогда как бог свидетель, что мы не сделали ничего своевольного Когда пан каштелян краковский (Потоцкий) напал на нас в самом Запорожье, то мы

должны были призвать на помощь хана крымского По воле божьей случилось, что при сухих дровах и сырым досталось. Кто тому причиною, рассудит сам бог, а мы готовы жертвовать жизнью для республики Затем нижайше просим вашу королевекую милость оказать нам отеческое милосердие, и, простив невольный грех, повелите оставить нас при древних правах и привилегиях» Посланцы козацкие застали Владислава во гробе, были допущены поклониться телу и получили такой ответ от временного правительства (от 22 июля) «Нет надобности объяснять вам совершенного вами преступления, хотя республика могла бы отомстить вам, но мы, не желая более пролития крови христианскои, снисходя на вашу нижайшую и покорную просьбу согласились назначить панов комиссаров, людей знатных, которые объявят вам дальнейшую волю республики Республика не откажет вам в прощении, но требует, чтоб вы как можно скорее освободили всех пленных, деятельно преследовали предводителеи разбойничьих шаек, которые теперь собираются в разных местах и нападают на шляхетские дома, и чтоб прервали всякую связь с неверными» Назначены были и комиссары для переговоров с Хмельницким, во главе их — Кисель

Последний вел переговоры с Хмельницким посредством одного монаха Выставляя на вид прелести польской воли, какой нельзя найти ни в каком другом государстве, Кисель писал Хмельницкому «Милостивый пан *старшина* Запорожского Войска республики, издавна любезный мне пан и приятель! Верно нет в целом свете другого государства, подобно нашему отечеству, правами и свободою, и хотя бывают разные неприятности, однако разум повелевает принять во внимание, что в вольном государстве удобнее достигнуть удовлетворения, между тем, как потеряв отчизну нашу, мы не найдем другой ни в христианстве, ни в поганстве везде неволя, одно только королевство Польское славится вольностию Вам и всему войску хорошо известно, что я один из христиан народа русского служу сенатором в Короне Польскои, ношу на раменах своих и св церки и древности наши и ненарушимо сохранил свою веру до седых волос, и сохраню, даст бог, до смерти Все также знают о несчастном кровопролитии, но я не обагрил рук своих козацкою христианскою кровью Поэтому ваша милость со всем Запорожским Войском может совершенно положиться на меня, и я усердно прошу вашу милость иметь ко мне доверие Нужно как можно скорее прекратить несчастное домашнее замешательство и водворить покой Поэтому я желаю, чтоб ваша милость отослал бы татар, а сам, оставаясь на обыкновенных местах, отправил бы посольство к республике с изъяснением причин, по которым произошло несчастное замешательство, и засвидетельствовал верность свою и всего войска» Хмельницкий отвечал Киселю «Очень сожа-

леем о поражении, постигшем в земле нашей народ христианский, хотя не мы тому причиною: при сухих дровах и сырым должно было достаться. Послушав совета вашей милости, старого своего приятеля, мы сами приостановили свои военные действия и орде приказали возвратиться, а к республике с покорностью и верным подданством отправили послов. Так как мы остались сиротами по смерти его королевской милости, то просим вашу милость удостоить нас своим посещением, чтоб мы могли узнать, кого республика пожелает иметь королем, и чтоб воспользоваться советом вашей милости для дальнейших наших действий». Сам Кисель поспешил донести о следствиях своих сношений архиепископу-примасу: «Развеял господь бог чрез меня, наименьшего сына отечества, кровавую радугу и приостановил ужасную внутреннюю войну: отец Ляшко, мой поверенный, монах греческого исповедания, добрый шляхтич, возвратился и донес, что когда прибыл к Хмельницкому, то сначала встречен был сильным огнем, наконец, была рада военная, в которой участвовало 70 000 козаков и на которой была читана моя грамота. После продолжительных споров и шуму сам Хмельницкий начал уговаривать, напоминая о моей искренности; ему помогли в этом и другие козацкие старшины. Вследствие этого св. дух внушил им решение: послушаться моего совета, иметь ко мне доверие, отправить послов, прекратить неприятельские действия, задержать орду в степи, а меня пригласить приехать к ним. Я прошу, чтоб настоящая моя верная услуга и дальнейшая служба никем у меня не была отнимаема и не оставалась бы без памятника, заслуженного любовью к отечеству».

Но Кисель еще очень рано замечтал о награде за свои подвиги. Резня господствовала на Украйне, и среди этой бойни козаки и вельможи соперничали в зверстве. В то время как украинская шляхта, не думая о сопротивлении, бежала или гибла под ножами восставших хлопов, один воевода русский, князь Иеремия Вишневецкий, выставил сопротивление. Недавний отступник от православия, с ненавистью ренегата к старой вере, вере хлопской, Иеремия соединял ненависть польского пана к хлопам, усугубленную теперь восстанием и кровавыми подвигами гайдамаков. В самом начале восстания Хмельницкого Иеремия был уже на восточной стороне Днепра, намереваясь помогать Потоцкому и Калиновскому. Корсунская битва и вспыхнувшее вслед за нею всеобщее восстание хлопов отбросили его на запад, но он скоро остановился и с отрядами своими выставил единственное сопротивление козачеству. Какого же рода было это сопротивление? Напавши врасплох на местечко Погребища, преданное козакам, он перемучил его жителей, особенно священников православных; из Погребищ Вишневецкий пошел к принадлежащему ему городу Немирову; жители затворились было от

своего пана, но он взял город приступом и выданные мещанами виновники восстания погибли в ужаснейших муках: «Мучьте их так, чтоб они чувствовали, что умирают!» — кричал Вишневецкий палачам. В конце июля под Константиновом встретился Вишневецкий с многочисленным козацким отрядом, бывшим под начальством Кривоноса; после двух кровопролитных стычек поляки принуждены были отступить.

Поляки видели свою малочисленность в Украйне; им важно было удержать Хмельницкого в бездействии, пока прибудут к ним подкрепления, пока выбран будет король. Назначенный главным воеводою в Украйну Владислав Доминик, князь Острожский, послал сказать Кривоносу, чтоб не пускал орды и не шел дальше опустошать шляхетских имений, послал с тем же и к самому Хмельницкому. Кривонос отвечал: «Вашей милости известно, как это началось и как утихло было; не хотели мы больше пустошить земли Польской, но уж очень заедает нас князь Иеремия: людей стал мучить, головы отсекать, на кол сажать, в каждом городе среди рынка виселица, и теперь оказывается, что на колу были невинные люди; попам нашим буравом просверливал глаза. Мы, защищая нашу веру и жизнь, должны были стать за свою обиду. Кто хочет воевать с нами, против того мы готовы; а кто спокоен, тот и будет оставлен в покое. Прошло уже семь недель или больше, как мы отправили послов своих к королю и республике, но об них до сих пор нет никакого достоверного известия: верно они спят, так что до сих пор не могут проснуться. Все будет мирно, если ваша милость теперь же доставите послов наших; но если послы не явятся, то я буду воевать вместе с ордою; пан гетман, который на днях ожидает орды, двинется со всем войском и заступит дорогу, где будете утекать. А жидов ваша княжеская милость благоволите препроводить до самой Вислы, потому что они прежде всех виноваты, они и вас с ума свели». Хмельницкий отвечал то же самое, что движения Иеремии вызвали и его из бездействия; также просил о возвращении послов козацких, отправленных в Варшаву, после чего, сообразуясь с письмами сенаторов, он возвратится с войском и удержит орду.

Князь Острожский писал отчаянное письмо к архиепископу-примасу: «К чему обманывать республику ложною надеждою, когда в отчаянных обстоятельствах ежедневно прибавляются новые бедствия? Я не мог устоять под Константиновом, потому что сила неприятельская неслыханна. Теперь уведомляю, что уже пахнет конечною гибелью». Князь Доминик не видал возможности мира и полагал единственную надежду на военную помощь из Польши. Так же смотрел на дело и Тышкевич, воевода киевский: «Наибольший вред,— писал он, — состоит в том, что братья наши делаются добычею неприятеля, а мы ничего об этом не знаем или не можем

знать, считая себя обеспеченными надеждою на трактаты и осененными мнимым облаком перемирия Если это от кого нибудь происходит, то мы надеемся, что придет время, когда бог укажет виновника бедствий республики Мы по совести, по любви к отечеству и по долгу нашему сенаторскому еще раз предостерегаем, что неприятель под предлогом обещанного мира более и более свирепствует, более и более усиливается, так что теперь каждый холоп есть наш неприятель, каждый город, каждое селение мы должны считать отрядом неприятельским И неудивительно, что они доходят до такого неистовства при нашей беспечности простой народ думает, что ему дозволено все против всех, даже против самого бога Поэтому остается одно средство к прекращению своеволия — показать неприятелю саблю Лучше нам отпоясать саблю, чем терпеть такое поругание от собственных холопов»

Тышкевич разумел Киселя, говоря о виновнике бедствий, который осенил поляков мнимым облаком перемирия Но Кисель, видя слабость государства и панический страх, овладевший всеми, единственным средством спасения считал мир, хотя и не очень на него полагался 9 августа он писал коронному канцлеру «Большая и жалкая перемена произошла в моем предположении идти к Киеву Еще до Гущи (имение Киселя) опередили меня козаки или разбойники — не знаю как назвать их Что уцелело от одной толпы, то разорено до основания другою у меня и у слуг моих пограблено домашней утвари более чем на 30 000, в форверках также взяли все, что было, жиды все вырезаны, дворы и корчмы сожжены Около Горыня постигла всех та же участь, что и меня Кривонос взял Меджибож приступом и всех жителей перерезал Слышно, что Шар город подвергся той же участи и что козаки обратились уже к Бару Три дня изменники пробыли в Гуще, грабили наездами всю окрестность, пьянствуя днем и ночью, выпили несколько бочек вина и несколько десятков бочек меда, потчевали моих и соседних хлопей, остальное поразделали им Язык показал, что Хмельницкий со 120 000 войска находится уже под Янушполем, недалеко от Любартова, тот же язык сказал, что послы козацкие, отправленные в Варшаву, до сих пор еще не возвратились к Хмельницкому, которому Кривонос дал знать, что они посажены на кол, и тогда Хмельницкий двинулся с огромным войском и послал за ордою В таких обстоятельствах я отправил одно письмо к Хмельницкому от себя, другое от всех нас, комиссаров Войска наши не спешат соединиться, начальники не имеют силы, на всех напал такой страх, что не только неприятель одерживает верх, видя, что никто не смеет смотреть ему в глаза и все обращаются в бегство, но даже крестьяне, холопы издеваются над нами, и вот вся чернь присоединяется к этим войскам, козачьим или разбойничьим Поэтому

я отправил к Хмельницкому письмо, желая узнать, не дошел ли он до последней степени неистовства, а сам, с своим полком и товарищами, медленно подвигаюсь, ожидая ответа, когда он мне ответит, что ждет меня к себе, то поеду и употреблю всевозможные средства к примирению Если же Хмельницкий отвергнет мои предложения, то я с своим полком пойду днем и ночью на то место, где собираются войска республики»

Кисель, идя к Хмельницкому для мирных переговоров, требовал, чтоб польское войско не нападало на козаков, не раздражало их, не давало возможности говорить, что со стороны поляков нет желания мира Он писал коронному канцлеру Оссолинскому, что со стороны Хмельницкого можно надеяться мирного распоряжения «Как скоро послы мои приехали к Хмельницкому, то я тотчас получил известие, что Кривонос посажен на цепь и прикован к пушке за шею Вся шляхта, сколько ее было в плену у Кривоноса, выпущена, и велено отрубить головы более чем сотне разбойников Сам Хмельницкий, остановив полки, отступил и ожидает меня» Хмельницкий действительно приглашал Киселя к Константинову для переговоров и, жалуясь на тиранство Вишневецкого, писал «Неудивительно было бы нам, если б делал это простак какой нибудь, например, наш Кривонос, но между Вишневецким и Кривоносом большая разница! Мы больше помним бога ни один поляк, доставшийся в наши руки, не умерщвлен» Но недолго манила бедного Киселя надежда скоро начать и успешно кончить переговоры с новым Тамерланом, как он называл Хмельницкого он с своими товарищами, остальными комиссарами и провожавшим их вооруженным отрядом приблизился к Острогу, но в это время козаки захватили город и выступили против комиссарского отряда как неприятеля Кисель послал сказать им, что он с товарищами — комиссары, едущие к Хмельницкому по письму последнего Козаки остановились, обязались нейти дальше во внутренность Волыни, с обеих сторон дано было по десяти человек в заложники, и несколько человек комиссарского отряда спокойно въехали в город Но вдруг является отряд войска князя Острожского, приступает к воротам и начинает схватку с козаками Те, не разобравшись, что это за войско, подумали, что это комиссары вероломно нападают на них, и принялись бить тех поляков из Киселева отряда, которые были у них в городе Поляки Острожского не могли взять города и отступили, но козаки не согласились уже пропустить комиссаров через Острог Кисель, с одной стороны, должен был писать к Хмельницкому с упреками, что в то время, как он шел для мирных переговоров, козаки захватили Бар и Острог, с другой стороны, писал к польскому войску, что оно расстраивает все дело, нападая на козаков Из войска дали ему жестокий ответ. «С удивлением

услыхали мы, что республика теряет крепкие города перед глазами вашей милости, хотя вы имели при себе значительное число войска. Это происходит, по нашему мнению, оттого, что комиссия по бесполезной медленности не приступала по сю пору ни к какому делу. С этим холопством мы не можем придерживаться народного права, потому что оно не привыкло соблюдать верность. Знаем, что республика, связав себе руки комиссиею, не желает, чтоб мы раздражали неприятеля; такой же совет мы принимаем и от вашей милости. Но если б мы, смотря на необузданное высокомерие холопов, дозволили им в глазах своих брать города и замки и производить беспрестанные убийства, то в таком случае и верность наша сделалась бы сомнительною в глазах республики, и достоинство наше было бы унижено». Кисель оправдывался, что комиссии нет никакой возможности спешить да и самая медленность ее полезна, потому что дает время собирать войска; Острог был взят до прибытия комиссаров, отнимать же город вооруженною рукою было бы несовместно с их должностию и неблагоразумно; город освобождался от козаков в силу переговоров, но польское войско своим нападением испортило все. Вишневецкий, однако, не переставал вооружаться против мирных переговоров и против Киселя. «Если мы будем дожидаться союза поганых с своими домашними погаными, то нам труднее будет покончить войну», — писал он к архиепископу-примасу 30 августа. «Козаки на сих днях овладели Луцком, Клеванью и другими городами на Волыни; 30 000 татар переправились к нам на Мурахву. Из этих вестей ваша милость можете судить, какие плоды принесло перемирие, которое ведет нас к горькому концу. Неприятель берет города, а нам велят молчать, связав нам руки волею республики, потому что она изрекла мир, а не войну».

Желание Вишневецкого исполнилось. Хмельницкий, раздраженный тем, что поляки в другой раз приступили к Острогу, задержал посланцев Киселя, вследствие чего последний не поехал к нему и соединился с войсками Острожского. Поляки отняли у козаков Константинов и встретились с самим Хмельницким под Пилявцами. Богдан начал переговоры с князем Острожским и тянул время, дожидаясь татар; 20 сентября началось сражение и началось с выгодою для поляков; на другой день успех был на стороне козаков, а вечером в их стане раздались крики, возвещавшие о приходе татар. Поляки оробели. На третий день на рассвете, привели языка, который объявил, что пришло 40 000 татар, тогда как их пришло только 4000; началось страшное смятение между поляками; козаки напали и вырезали два полка; языки говорили, что идет сам хан с бесчисленным войском. Вечером предводители собрались на совет и решили уходить; ночью с 22 на 23 понеслась по лагерю весть,

что предводителей уже нет, и тогда все войско обратилось в постыдное бегство, бросивши богатый обоз в пользу козаков. Тут, по одним известиям, погиб от татар наш старый знакомый, Ян Фаустин Луба, по другим же он возвратился в Польшу и кормился опять по панским домам.

После этого неожиданного торжества Хмельницкий занял без сопротивления Константинов, Збараж и, слыша крики козаков: «Веди на ляхов!» — повел их ко Львову, с которого взял огромный окуп; жители принуждены были выдать все свои драгоценности. Из-подо Львова Хмельницкий подступил под Замостье, откуда 15 ноября послал письмо к сенату, выставляя по-прежнему, что виновниками всех бед два пана — Конецпольский и князь Вишневецкий, требовал, чтоб они были объявлены виновными, и заключал письмо так: «Если ваша милость начнете войну против нас, то мы примем это за знак, что вы не хотите иметь нас своими слугами». В ответ он получил известие об избрании нового короля, Яна Казимира, брата Владиславова, который приказывал ему отступить от Замостья. Хмельницкий отвечал, что повинуется, на радостях велел палить из пушек, пил и говорил послам: «Если б вы на конвокации еще короля выбрали, то не было бы ничего, что случилось, а если б выбрали какого-нибудь другого, а не Яна Казимира, то я пошел бы на Краков и дал бы корону кому надобно». Отчего же так обрадовался Хмельницкий избранию Яна Казимира? Московскому гонцу Кунакову рассказывали в Варшаве, что Ян Казимир еще до избрания писал к Хмельницкому: «Если буду королем, то войну успокою и вперед тебе и всему Войску Запорожскому мстить не буду, и вольности ваши подкреплю лучше прежнего». Послал эту грамоту король с шляхтичем Юрием Ермоличем, который остался при Хмельницком. Богдан, по письму королевича писал к панам радным: если они изберут на королевство пана его королевича Казимира, то он, Богдан, будет во всей его воле; если же изберут кого-нибудь другого, то он, Богдан, с Войском Запорожским и с татарами будет воевать большою войною.

Грамота, которую новый король послал к Хмельницкому, подтверждала надежды козацкого вождя: «Начиная счастливо наше царствование, — писал король, — по примеру предков наших, пошлем булаву и хоругвь нашему верному Войску Запорожскому, пошлем в ваши руки, как старшего вождя этого войска, и обещаемся возвратить давние рыцарские вольности ваши Что же касается смуты, которая до сих пор продолжалась, то сами видим, что произошла она не от Войска Запорожского, но по причинам, в грамоте вашей означенным». Ян Казимир обещал, что Войско Запорожское будет под непосредственною властию короля, а не старост украинских, обещал исполнить и желание козаков относи-

тельно унии, но требовал за это, чтоб Хмельницкий отослал татар и распустил чернь Богдан исполнил все это, но тут же было видно, что он разнуздался успехом и готов был повиноваться только с условием, чтоб исполнялись его желания Месть кипела в его сердце воспоминания о Чаплинском, Конецпольском, Вишневецком не давали ему покоя «В Бродах (имение Конецпольского) камня на камне не оставлю, — говорил он, — с землею сравняю, а этот князик Вишневецкий недолго будет у меня регементовать, сам в Крым пойду и освобожу гетманов с условием, если помирятся со мною и будут в приязни жить, если же нет, то прикажу им головы отрубить, а этот князик за Днепром у меня не показывайся!» Хмельницкий, надеясь на короля, думал, что будут исполнены все его желания, но когда паны узнали, что король послал Хмельницкому гетманскую булаву и знамя, то приходили к нему с шумом, особенно поляки кричали «Идем всею Речью Посполитою! От Богдана Хмельницкого, от Кривоноса и козаков разоренье и кровопролитие большое, чего не бывало, как Польское королевство стало, а король козаков почитает, как приятелей своих!» Ян Казимир отвечал «Если теперь Хмельницкого и все Войско Запорожское в милость не принять, то от них и вперед будет большое разоренье, потому что Войско Запорожское и хлопы гультяйство еще не усмирились да у Богдана орда крымская всегда наготове, а на коронное и на литовское войско казнь божия чего никогда не бывало — везде козаки их побивают Подумайте об этом, чтоб в конечном разоренье не быть, да и то вам надобно рассудить, какие от козаков прежде бывали Речи Посполитой кровные службы и доброхотство, и что вы им за это воздали, кроме насильства и разоренья? А нынешнее междуусобие начали они по крайней нужде все это сталось от панов, которые таких вечных слуг грабили и разоряли» Паны продолжали кричать «Мы и вся Речь Посполитая будем против Войска Запорожского и против своих холопов войну вести и мстить им до кончины своей, либо козаков истребим, либо они нас истребят, лучше нам всем помереть, чем видеть такое разоренье, упадок и вечное бесславие, лучше умереть, чем козакам и своим хлопам в чем уступить!» Такие большие надежды и требования со стороны Хмельницкого и такая не уступчивость и ожесточение со стороны панов не предвещали скорого мира Сильное негодование панов на короля было возбуждено и тем, что по смерти Тышкевича Ян Казимир отдал Киевское воеводство Адаму Киселю, назначенному переговаривать с Хмельницким о мире Киселя величали изменником за его православие и боялись, нет ли у него с королем какого умысла Московскому гонцу Кунакову рассказывали, что король желает, чтоб Богдан Хмельницкий панов радных сломал и сделал ему послушными.

По возвращении из похода Хмельницкий с торжеством въехал в Киев, около него ехали полковники в золоте, серебре, добытом у поляков, несли польские хоругви и другую военную добычу В народе раздавались восторженные крики, слышались мольбы за Хмельницкого, духовенство, академия вышли к нему навстречу, профессора говорили панегирики, называли Хмельницкого Моисеем веры русской, защитником свободы русского народа, новым Маккавеем Победителя немедленно окружили иностранные посланники Богдан усердно молился, раздавал богатые дары по церквам из польской добычи и в то же время расспрашивал колдунов и колдуний о будущем Вместе с этим козак гулял на радостях, пировал день и ночь, как подопьет — песню затянет Беспрестанно менялся то ласков, то вдруг суров, то со всеми запанибрата, то вдруг никого к себе не допускает, добродушно разговаривает и вдруг выдаст свирепый приказ Мы поймем все это, если будем смотреть на Хмельницкого прежде всего как на козака Как бы ни был даровит член общества нецивилизованного, как бы высоко ни поставила его судьба, не может он отречься от своей природы, девственной еще, детской, если угодно грубой, не сдерживаемой известными условиями образованного общества, не затянутой в известные формы; впечатления такого человека живы, сильны, быстро сменяются, он рабски поддается им и не умеет сдерживать своих чувств, не умеет обращать холодное внимание на правильность, последовательность их выражения, начнет что нибудь, вдруг по непонятному для него самого сцеплению понятий вспомнит о чем нибудь другом и увлекается этим новым воспоминанием, быстро, безотчетно сменяются в нем мысли и чувства, быстро выражаются в слове и деле Дик и странен кажется такой человек члену общества образованного, не понимает образованный человек этой юности природы и, глядя по своему, готов счесть маскою то, что на самом деле живой образ Наступило время, когда Хмель, так называли поляки Богдана, вполне выказал свой козацкий характер, чем озадачил и оскорбил людей из другого общества Из Киева поехал Богдан в Переяславль, и туда приехали к нему обещанные комиссары королевские, старый наш знакомец, многоученый и красноглаголивый Кисель с товарищами. Хмельницкий выехал к ним навстречу в поле с полковниками, есаулами, сотниками, военною музыкою, с бунчуком и красным знаменем, при въезде выпалили из двадцати пушек Гетман позвал комиссаров обедать, и тут сейчас же горелка начала выводить наружу то, что было на сердце у Богдана и его товарищей, полковников Вишневецкий, Конецпольский, Чаплинский нехорошо были помянуты На другой день назначена была церемония вручения Хмельницкому булавы и знамени королевских На широкой улице, перед двором

своим, стоял Хмельницкий под бунчуком, в собольей, крытой парчою шубе, окруженный старшинами. Кисель начал было выказывать свое красноречие в длинной речи, выставлял милость королевскую, как вдруг отозвался пьяный полковник Дзялак: «Король как король, а вы королевята, князья, проказите много, наделали дела! А ты, Кисель, кость от костей наших, отщепился от нас и пристаешь к ляхам!» Хмельницкий стал его унимать, и Дзялак, видя, что все другие молчат, убрался. Богдан, как показалось комиссарам, принял гетманские знаки не с большим усердием.

После церемонии гетман позвал комиссаров обедать. Перед обедом Кисель опять распространился о великих милостях королевских: король прощает Хмельницкого, дает свободу древней православной религии, позволяет увеличить число реестрового войска, восстановляет прежние права и преимущества его, наконец, представляет гетманство ему, Хмельницкому. «Вы, гетман, с своей стороны, должны показать себя благодарным, должны стараться о прекращении смуты и кровопролития, не принимать крестьян под свое покровительство, а внушать им повиновение законным владельцам». Не очень щедрые для корсунского и пилявецкого победителя милости и неудобоисполнимое требование отказаться от союза с простым народом в пользу панов раздражали Хмельницкого; раздражало и обращение к нему как вождю полновластному, тогда как он не мог ничего сделать без согласия войска, а легко ли было удовлетворить требованиям этого войска, которое состояло из низшего народонаселения всей Украйны? От Хмельницкого требовали отдать панам в неволю людей, которые дали ему такое могущество, и остаться начальником войска в 12 000 или много в 15 000, как предлагали поляки! Но что все более заставляло Хмельницкого переменить тон относительно польского правительства, так это то, что хан, помогавший ему до сих пор из-под руки, одним отрядом Тугай-Беевым, теперь решился прямо стать его защитником, помогать ему всеми силами; с турками заключен был союз; князь трансильванский Юрий Рагоцы также предлагал Хмельницкому воевать Польшу. Вот почему Богдан отвечал Киселю: «За великие милости королевские покорно благодарю; что же касается до комиссии, то она в настоящее время начаться и производить дел не может: войска не собраны в одно место, полковники и старшины далеко, а без них я ничего решать не могу и не смею; иначе могу поплатиться жизнию. Да притом я не получил удовлетворения за обиды, нанесенные Чаплинским и Вишневецким. Первый должен быть непременно мне выдан, а второй наказан, потому что они подали повод ко всем смутам и кровопролитию. Виноват и пан кастелян краковский, который нападал на меня и преследовал меня, когда я принужден был

спасать жизнь свою в пещерах днепровских, но он уже довольно награжден за дела свои, нашел чего искал. Виноват и хорунжий (Конецпольский), потому что лишил меня отчизны, отдал Украйну лисовщикам, которые козаков, оказавших услуги республике, обращали в холопов, драли с них кожу, вырывали бороды, запрягали в плуги, но все они не так виноваты, как Чаплинский и Вишневецкий. Ничего из этого не будет, если одного из них не накажут, а другого мне сюда не пришлют; в противном случае или мне погибнуть со всем Войском Запорожским, или пропасть Польской земле, сенаторам, дукам, королькам и шляхтам. Разве мало виноваты ляхи, что льется кровь христианская, что войско литовское вырезало Мозырь и Туров, что Януш Радзивилл велел одного из наших посадить на кол? Я послал туда несколько полков, а к Радзивиллу писал, что если он поступил таким образом с одним христианином, то я то же самое сделаю с 400 пленных поляков».

За столом новые сцены. Полковники сильно сердились на литовского гетмана Радзивилла, который, воюя с украинскими загонщиками, взял приступом и истребил два города, принявшие их сторону Ксендз Лентовский, приехавший с королевскими грамотами, заметил, что слухи из Литвы могут быть и несправедливы. Тут старый черкасский полковник Федор схватил булаву и закричал: «Молчи, поп! Не твое дело уличать меня во лжи; и ваши ксендзы, и наши попы все такие-то дети; выходи, поп, на двор, научу я тебя полковников запорожских почитать». Комиссары смягчали Хмеля, как могли; особенно истощал свое красноречие Кисель, но ничего не успел сделать. На другой день Кисель приглашал к себе гетмана обедать; но Хмельницкий приехал вечером с некоторыми полковниками, уже подпивши, и опять начал срывать сердце, пересчитывать обиды, которые получил от поляков, и грозить местью Потом пробрался в комнату жены Киселевой и начал прямо говорить ей, чтобы с мужем отреклись от поляков и остались с козаками, потому что Польская земля сгинет, а Русь будет господствовать в том же году, очень скоро. На другой день долго спал Хмельницкий, потому что пил с колдуньями, которые ворожили ему счастье на войне в этот год. Как скоро можно стало к нему являться, комиссары послали к нему с просьбою назначить время для переговоров. Посланные застали гетмана уже за горелкою и получили такой ответ: «Завтра будет справа и расправа, потому что теперь я пьян, венгерского посла отправляю; коротко скажу: из этой комиссии ничего не будет; война должна через три или четыре недели начаться: переверну вас всех ляхов вверх ногами и потопчу так, что будете под моими ногами, а напоследи отдам вас царю турецкому в неволю Король королем будет, чтоб король казнил шляхту и

дуков и князей, чтоб был себе вольный Провинится князь— режь ему шею, провинится козак — и ему то же вот будет правда! Я хоть себе худой малый человек, но бог мне дал, что я теперь единовладный самодержец русскии Если король не хочет вольным королем быть, то как ему угодно Скажите это пану воеводе (Киселю) и комиссарам Стращаете меня шведами — и те мои будут, а хоть бы и не так, хоть бы их было пятьсот тысяч — не одолеют они русской, запорожской и татарской мочи С этим и ступаите завтра справа и расправа» Получивши такой ответ, комиссары стали советоваться и положили требовать от Хмельницкого, чтоб он отпустил их, и просить освобождения пленных поляков

На другой день комиссары отправились к гетману, и Кисель начал со слезами умилительную речь, говорил, что Хмельницкии не только Польшу и Литву, но и русскую веру, святые церкви хочет отдать поганым без причины Если ему нанесена обида, если Чаплинский виноват, то готова награда, если Войско Запорожское обижено тем, что уменьшили его число, отняли земли, то король обещает все вознаградить, пусть подумает, что, как Польша и Литва не удержат поганых без Запорожья, так и Запорожье не защитится от поганства без польского войска, уговаривал, чтоб отступился от черни, пусть крестьяне пашут, а козаки воюют, пусть реестровых козаков будет 12 000 или 15 000, пусть идет лучше воевать поганых за границу Богдан отвечал «Нечего много толковать! Было время трактовать со мною, когда меня Потоцкий гонял за Днепром, и на Днепре было время, и после Желтоводской, и после Корсунской битвы, и после Пилявец, и под Константиновом, и под Замостьем, и когда я из-под Замостья шесть недель шел до Киева, а теперь уже не время, мне удалось сделать то, о чем и не мыслил, покажу потом и то, что замыслил Выбью из польской неволи народ русский весь Сперва воевал я за свою обиду, теперь стану воевать за веру православную нашу Вся чернь, которая ее держится, по Люблин, по Краков, поможет мне в этом, и я чернь не выдам, чтоб вы, задавивши крестьянство, и на козаков не ударили Буду иметь двести, триста тысяч своих, всю орду, подле меня Тугай Бей, брат мой, душа моя, единственный сокол на свете, готов он все сделать, что я ни захочу, вечна наша козацкая приязнь, которой целый свет не разорвет За границу войною не пойду, саблю на турок и татар не подниму будет с меня Украйны, Подола, Волыни, до вольно добра в земле и княжестве моем по Львов, Хельм и Галич, а ставши над Вислой, скажу остальным ляхам сидите, молчите, ляхи! Дуков и князей туда загоню, а если и за Вислой кричать станут, найду их и там, не останется ни одного князя, ни одного шляхтича на Украйне а который захочет с нами хлеб есть, пусть будет послушен Войску За

порожскому, а на короля не брыкает» Полковники поддакивали гетману, они говорили «Прошли те времена, когда ляхи седлали нас нашими же людьми, христианами, сильны были нам драгуны, а теперь их не боимся, узнали мы под Пилявцами, что теперь не те ляхи, какие прежде бывали, какие били турок, Москву, татар, немцев, не Жолкевские, не Ходкевичи, не Конецпольские или Хмелецкие, но тхоржевские, зайонцковские (т е трусовецкие, зайцевские), ребята, одетые в железо, померли от страха, как только нас увидали и прутекали, хотя татар в середу не было больше 3000, подождали бы до пятницы, так ни один бы до Львова не добрался» Хмельницкий продолжал «Патриарх (иерусалимский) благословил меня в Киеве на эту войну, венчал меня с моей женой, разрешил меня от грехов, хотя бы я и не исповедовался, и приказал доконать ляхов как же мне не слушаться святого владыки, начального нашего человека и гостя любимого, я уже обослал полки, чтоб кони кормили и в дорогу были готовы, без возов, без пушек, все это я найду у ляхов, если козак возьмет хотя один воз с собой, велю ему голову отрубить, не возьму и сам с собою ничего» Говоря это, Хмельницкий пришел в такую ярость, что вскакивал с лавки, топал ногами, рвал на себе волосы Комиссары обомлели от страха, никакие убеждения их не помогали

Стали они думать уже не о заключении мира, а о том, как бы уехать поздорову и выручить пленных Наконец гетман объявил им свои условия «1) чтоб имени, памяти и следа унии не было, 2) митрополит киевский по примасе польском первое место должен иметь в сенате, 3) воеводы и кастеляны на Руси должны быть православные русские, 4) Войско Запорожское по всей Украйне при своих вольностях давних остается, 5) гетман козацкий подчиняется прямо королю, 6) жиды изгоняются изо всей Украйны, 7) Иеремия Вишневецкий никогда не должен быть гетманом коронным Здесь для поляков недоставало самого главного пункта — какое число будет козаков? Кисель спросил об этом у Богдана, и тот отвечал «Зачем писать это в договор? Найдется нас и 100 000, будет столько, сколько я скажу» Комиссары спросили о пленных «Это завоевано, — отвечал Хмельницкий, — пусть король не думает» Комиссары возражали, что и поганые отпускают пленных, как же он, гетман, не хочет отпустить пленников, будучи подданным короля? Хмельницкий отвечал «Нечего толковать! Их мне бог дал, отпущу их, если никакой зацепки от литвы и от ляхов не будет, пусть Потоцкий подождет брата своего, старосту каменецкого, который у меня Бар мой город заехал на Подоле, кровь христианскую льет я приказал туда полкам двинуться и живьем привести к себе Потоцкого» «Козаки делают то же самое, — возражали комиссары — В Киеве днем и ночью

льется невинная кровь потоками в Днепр; ляхов одних топят в реке, других бесчеловечно убивают; все это делает Нечай, полковник брацлавский, и говорит, что имеет на это твое приказание». Хмельницкий: «Не приказывал я убивать невинных, а только тех, которые не хотят пристать к нам или креститься в нашу веру. Вольно мне там резать, мой Киев, я воевода киевский; дал мне его бог без сабли; нечего тут толковать». Кисель спросил его, согласен ли он по крайней мере заключить договор теперь же? Хмельницкий отвечал: «Я уже сказал, что теперь нельзя: полки не собраны да притом голод; комиссия отложится до зеленых святок (Троицына дня), когда будет трава, чтоб было чем пасти лошадей, а до того времени пусть коронные и литовские войска не входят в Киевское воеводство. Граница между нами Горынь и Припять, а от Брацлавского и Подольского воеводств — по Каменец». Комиссары предложили было ему свои условия, но Хмельницкий зачеркнул их, и, таким образом, заключено было только перемирие до Троицына дня. Кисель, однако, продолжал свои увещания, говорил о непостоянстве счастия, прозрачного и хрупкого, как стекло; говорил, как страшно для поддержания веры православной искать покровительства турок и татар, которые думают только о том, как бы извести народ русский; если поляки, Литва и Русь будут губить друг друга в междоусобиях, то соседние народы всех их завоюют; наконец грозил мщением оскорбленного короля. Хмельницкий был тронут, но высказал необходимость войны, и против его причин не было возражений: «Нельзя, — отвечал он, — нельзя удержаться от войны; будем воевать, пока станет жизни и пока не добьемся вольности: лучше голову сложить, чем в неволю возвратиться. Знаю, что фортуна склизка, но пусть торжествует правда. Короля почитаем как государя, а шляхту и панов ненавидим до смерти и не будем им друзьями никогда. Если они перестанут делать зло, то мир заключить нетрудно: пусть утвердят статьи мои. Если же станут хитрить, то война неизбежна. Пленных я выдам на комиссии. Скажите это королю; кроме написанных условий, ничего не будет». Кажется, за эти слова польские историки не имели права обвинить Богдана в неискренности; здесь его устами говорило все простонародье украинское, русское, и характер борьбы выказался ярко, борьбы, возгоревшейся от смертельной ненависти к панам и шляхте. Мир при самых выгодных условиях для ограниченного в числе козачества, но с возобновлением прежних условий для холопов был невозможен, как события покажут нам.

Комиссарам не хотелось выехать из Переяславля без польских пленных; они употребляли все усилия, расточали просьбы и подарки, обещали по сту червонных полковникам и писарям. Знали, что большим влиянием пользуется обоз-

ный Чернота, и пошли к нему с подарками просить, чтоб шел к гетману и уговорил его отпустить пленников. «Не пойду, — отвечал Чернота, — я болен: вчера с ним пили целую ночь, оттого и хвораю. Да я ему не советовал и не советую выпускать пташек из клетки; если б я был здоров, то навряд и сами вы вышли бы отсюда».

На прощание комиссаров с гетманом пленных привели: комиссары опять стали просить об их освобождении, пленные бросились к ногам Богдана, но ничто не помогло: «Пусть Потоцкий, — сказал он, — подождет брата своего: тогда этого велю посадить на кол перед городом, а того — в городе; пусть глядят друг на друга». В следующих словах Хмельницкого комиссарам заключалась опять сущая правда: «Не знаю, как состоится вторая комиссия, если молодцы не согласятся на 20 или 30 тысяч реестрового войска и не удовольствуются удельным панством своим; не сам по себе я откладываю комиссию, а потому, что не смею поступать против воли рады, хотя и желал бы исполнить волю королевскую». На возвратном пути комиссары также имели случай убедиться в характере борьбы; прислуга их обоего пола, даже девушки, переходила к козакам. В Киеве шляхтичи, шляхтянки и чернь католического исповедания бросились к комиссарам, чтоб под их покровительством уйти из города, но козаки погнались за ними и не пустили, многих ободрали, били и топили. В Белгородке ночлег был небезопасен, потому что здесь преследовали католиков. «Должно знать, — писал один из комиссаров, — что чернь вооружается, увлекаясь свободою от работ, податей и желая навеки избавиться от панов. Во всех городах и деревнях Хмельницкий набирает козаков, а нежелающих хватают насильно, бьют, топят, грабят; гораздо большая половина желает покоя и молит бога об отмщении Хмельницкому за своеволие. Хмельницкий не надеется долго жить, и действительно, он имеет между своими приближенными заклятых врагов. Он закопал в Чигирине несколько бочек серебра, имеет 130 турецких коней, 24 сундука с дорогим платьем. Украйна наполнена пилявскою добычею; ее преимущественно скупают москвитяне в Киеве, также по городам на рынках. Серебряные тарелки продавались по талеру и еще дешевле. Один киевский мещанин купил у козака за 100 талеров такой мешок серебра, какой только можно было донести мужику».

Если Хмельницкий не мог принять условий, предложенных ему польским правительством, то последнее, без крайней необходимости, не попытавшись при более счастливых теперь обстоятельствах оружием усмирить хлопов, не могло согласиться на условия Хмельницкого, и обе стороны воспользовались перемирием только для того, чтоб собраться с новыми силами к войне, да и перемирие было плохо сдержи-

вается с обеих сторон. Поляки поняли наконец, что мир или война не зависят от Хмельницкого, в апреле писали из Волыни: «Чернь до того рассвирепела, что решилась или истребить шляхту, или сама гибнуть». Все поднялось в казаки. «У Хмельницкого, — говорит очевидец, — было бесчисленное войско, потому что в ином полку было казачества больше двадцати тысяч, что село, то сотник, а в иной сотне человек с тысячу народа. Все, что было живо, поднялось в казачество, едва можно было найти в селах семью, из которой кто-нибудь не пошел бы на войну; если отец не мог идти, то посылал сына или паробка, а в иных семьях все взрослые мужчины пошли, оставивши только одного дома, все это делалось потому, что прошлого года очень обогатились грабежом имений шляхетских и жидовских. Даже в городах, где было право магдебургское, бурмистры и райцы присяжные покинули свои уряды, побрили бороды и пошли к войску». Кроме этого многочисленного своенародного ополчения, Хмельницкий ждал еще хана крымского с ордою, ждал турок, ждал донцов, отправил в Москву нигиринского полковника Вешняка, который в мае подал царю грамоту: «Нас, слуг своих, — писал Богдан, — до милости царского своего величества прими и благослови рати своей наступить на врагов наших, а мы в божий час отсюда на них пойдем. Вашему царскому величеству низко бьем челом от милости своей не отдаляй нас, а мы бога о том молим, чтоб ваше царское величество, как правдивый и православный государь над нами царем и самодержцем был». Царь отвечал, что вечного докончания с поляками нарушить нельзя: «а если королевское величество тебя, гетмана, и все Войско Запорожское освободит, то мы тебя и все войско пожалуем, под нашу высокую руку принять велим». Долго было дожидаться этого освобождения, королевское величество собирал войско, но в войске этом между воеводами несогласие, между ратными людьми неусердие к делу, против русских, которые бились за веру, за свободу, одушевлялись ненавистью к притеснителям и воспоминанием о недавнем громадном успехе, о добыче богатой, против этих русских поляки выставили иноземцев наемных, правда, искусных и храбрых, надежных в бою против толпы неукротимой порохом, но покидающих знамена, как только задерживалось жалованье, войско своевольное подражало в этом отношении иноземцам: «Денег, денег, как можно скорее денег!» Писали из польского лагеря: «Оставляют хоругви не только рекруты, но и товарищество, так что в иных отрядах находится налицо не более половины людей и даже менее. Иностранное войско сильно уменьшается, ратных людей нельзя удержать ни ласковыми словами, ни строгостью законов, а только деньгами», и тут же читаем следующие слова: «Очень трудно достать шпиона между

этою русью все изменники! А ежели добудут языка, то, хоть жги, правды не скажет»

Как скоро трава показалась на поле, стали сбираться хлопы под Киев, подступили к днепровскому перевозу в числе 1080 человек, а в Киеве ждал их козак бывалый, мещанин Полегенький, с которым было все улажено по данному знаку Киев обступили со всех сторон, и на улицах началась потеха начали разбивать католические монастыри, до остатка выграбили все, что еще оставалось, и монахов и ксендзов волочили по улицам, за шляхтою гонялись, как за зайцами, с торжеством великим и смехом хватали их и побивали Набравши на челны 113 человек ксендзов, шляхтичей и шляхтянок с детьми, побросали в воду, запретивши под смертною казнию, чтоб ни один мещанин не смел укрывать шляхту в своем доме, и вот испуганные мещане погнали несчастных из домов своих на верную смерть, тела убитых оставались собакам Ворвались и в склепы, где хоронили мертвых, трупы выбросили собакам, а которые еще были целы, те поставили по углам, подперши палками и вложивши книжки в руки Три дня гуляли козаки и отправили на тот свет 300 душ спаслись только те шляхтичи, которые успели скрыться в православных монастырях

Хмельницкий выступил из Чигирина и шел медленно, поджидая хана, Ислам Гирей соединился с ним в июне 1649 года, присоединилось и 6000 турок, приехали и донцы 29 июня войска Хмельницкого встретили под Збаражем польское войско, бывшее под начальством Фирлея и Вишневецкого Поляки окопались в лагере и более месяца отбивались от осаждающих, козаков и татар, терпя голод В начале августа Хмельницкий узнал, что сам король Ян Казимир с главным войском стоит под Зборовом, и, оставив пехоту держать по прежнему в осаде Фирлея и Вишневецкого под Збаражем, сам с конницею и с ханом отправился к Зборову, 5 августа дело началось сильным поражением поляков, не ожидавших нападения, к ночи они были окружены со всех сторон Тогда канцлер Осссолинский придумал средство спасения — отделить хана от Хмельницкого Ян Казимир послал объявить Ислам Гирею свою приязнь и напомнить о благодеяниях покойного короля Владислава, который некогда выпустил Ислама из плена, хан отвечал, что готов вступить в переговоры, Хмельницкий писал королю, что никогда, от колыбели до седин, не замышлял мятежа против него, что не из гордости, но, вынужденный безмерными бедствиями, угнетенный, лишенный всего имущества отцовского, прибегнул он к ногам великого хана крымского, чтоб при его содействии возвратить милость и благосклонность королевскую, изъявлял готовность уступить свою власть новому гетману, которого незадолго перед тем назначил король, объявив

Хмельницкого лишенным булавы за мятеж. 9 августа заключен был договор: хан взял с короля обязательство прислать в Крым единовременно 200 000 злотых и потом присылать ежегодно по 90 000, а для своего союзника Хмельницкого выговорил следующие условия: 1) число Войска Запорожского будет простираться до 40 000 человек и составление списков поручается гетману; позволяется вписывать в козаки как из шляхетских, так и из королевских имений, начавши от Днепра, на правой стороне в Димере, в Горностайполе, Корыстышове, Паволоче, Погребище, Прилуке, Виннице, Браславле, Ямполе, в Могилеве, до Днестра, а на левой стороне Днепра в Остре, Чернигове, Нежине, Ромнах, даже до московского рубежа. 2) Чигирин с округом должен всегда находиться во владении гетмана запорожского. 3) Прощение козакам и шляхте, которая соединилась с козаками. 4) В тех местах, где будут жить реестровые козаки, коронные войска не могут занимать квартир. 5) В тех местах, где будут находиться козацкие полки, жиды не будут терпимы. 6) Об унии, о церквах и имениях их будет сделано постановление на будущем сейме; король позволяет, чтоб киевский митрополит заседал в сенате. 7) Все должности и чины в воеводствах Киевском, Черниговском и Брацлавском король обещает раздавать только тамошней шляхте греческой веры. 8) Иезуиты не могут находиться в Киеве и в других городах, где есть школы русские, которые все должны оставаться в целости. 10 августа Хмельницкий представился Яну Казимиру и, ставши на одно колено, произнес речь, в которой повторил, что у него и в мысли никогда не было поднимать оружие против короля, но что козаки восстали против шляхетства, которое угнетало их как самых последних рабов. Ян Казимир дал ему поцеловать руку, а литовский подканцлер прочел ему наставление, чтоб верностию и радением загладил свое преступление. На другой день войска разошлись [48].

В то время, когда на Украйне происходила борьба, в Москве находились в тревожном, выжидательном положении. В июле 1649 года распорядились таким образом: черкас, которые из литовской стороны придут в Путивль на государево имя, принимать и устраивать в службу от крымской стороны, а в городах, которые от литовской стороны, быть им нельзя, потому что от этого можно поссориться с Польшею да и самим черкасам жить в этих порубежных городах от поляков опасно; принимать черкас женатых и семьянистых, а одиноких, у которых племени в выходцах не будет, не принимать, сказывать им, чтоб шли на Дон, для чего давать им прохожие памяти [49]. Пришла весть о торжестве Хмельницкого, о Зборовском договоре. Царь приказал путивльским воеводам, князю Семену Прозоровскому с това-

рищами, немедленно послать за рубеж для проведывания верных вестей. Воеводы отправили двоих путивльцев прямо к Хмельницкому требовать наказания конотопскому городовому атаману, который в своей грамоте написал имя великого государя не попригожу, жаловаться на литовцев, захватывающих русские земли. Богдан принял воеводских посланцев не очень учтиво. Прочтя грамоту, он сказал: «Не поспел я из обоза приехать, а с государевой стороны уже начали приезжать с жалобами»; и когда посланцы пришли на другой день, то Богдан начал их бранить: «Ездите вы не для расправы, для лазутчества; пусть ваши воеводы ждут меня к себе в гости в Путивль скоро; иду я войною тотчас на Московское государство; вы о дубье да о пасеках хлопочете, а я все города московские и Москву сломаю; кто на Москве сидит, и тот от меня на Москве не отсидится за то, что не помог он мне ратными людьми на поляков; я с вами не мирился и крест не целовал, а который король польский мирился и крест целовал, тот умер; говорю я вам не тайно, подлинно иду на Московское государство войною. Довелось вас казнить смертию, но я вам эту казнь отдаю, получше вас королевские послы — и тех я казнил». Посланцы донесли, что во всех городах козаки явно толкуют о войне на Московское государство. Но сам Богдан отвечал письменно путивльским воеводам, чтоб они не сердились на конотопского атамана, человека простого и неписьменного; что же касается до убытков, сделанных литовскими людьми русскими, то он уже послал приказ заплатить за них. В том же смысле отвечал Богдан и брянскому воеводе князю Мещерскому на подобные же жалобы: «Кто станет с нашей стороны чинить неправду, таким своевольникам приказали мы головы рубить, а мы всегда со всем Войском нашим Запорожским, как христиане с христианами, любви и приязни желаем». Посланцам брянского воеводы гетман говорил: «Говорил мне крымский царь, чтоб идти мне с ним заодно Московское государство воевать, но я Московское государство воевать не хочу и крымского царя уговорил, чтоб Московское государство не воевать. Я великому государю готов служить, где ни прикажет. Не того мне хотелось и не так было тому быть, да не хотел государь, не пожаловал, помощи нам христианам не дал на врагов, а они, ляхи поганые, разные у них веры, и стоят заодно на нас христиан». Говоря это, Хмельницкий заплакал[50]. Получивши такие различные донесения, государь запретил путивльским воеводам сноситься с Богданом и отправил к нему своего посланника, Григория Неронова, который в октябре приехал к Хмельницкому с такими речами: «Ведомо великому государю учинилось: крымский хан хвалился пред тобою, что весною хочет идти на украинские города Московского государства, и ты, гетман, служа великому

государю, хану отговорил царское величество тебя за эту твою службу и раденье жалует, милостиво похваляет, ты б впредь за православную веру стоял, царскому величеству служил, служба ваша в забвеньи никогда не будет» Гетман отвечал, что действительно так было За обедом, как обыкновенно бывало, Богдан стал высказывать, что у него было на сердце «Царского величества подданные донские козаки учинили мне беду и досаду великую как началась у меня с ляхами война, то я к донским козакам писал, чтоб они помощь мне дали и на море для добычи и на крымские улусы войною не ходили, но донские козаки моего письма не послушали, на крымские улусы приходили, так я крымскому царю хочу помочь, чтоб донских козаков вперед не было, донские козаки делают, забыв бога и православную веру, помощи мне не дали и крымского царя со мною ссорят, да и царское величество помощи мне не подал и за христианскую веру не вступился, а если царское величество меня не пожалует, будет за донских козаков стоять, то я вместе с крымским царем буду наступать на московские украйны» Богдан сильно расходился, но Неронов, не смутясь, отвечал ему по московскому обычаю «Донцы ссорятся и мирятся, не спрашиваясь государя, а между ними много запорожских козаков, тебе, гетману, таких речей не только говорить, и мыслить о том непригоже Царское величество с панами радными по их присылке не соединился на козаков, и в смутное ваше время, когда в черкасских городах хлеб не родился, саранча поела, и соли за войною привоза не было, государь хлеб и соль в своих городах вам покупать позволил, и все Войско Запорожское пожаловал, с торговых людей ваших, которые приезжают в наши порубежные города с товарами, пошлин брать не велел это великого государя к тебе и Войску Запорожскому большая милость и без ратных людей!» Богдан притих и отвечал «Перед восточным государем и светилом русским виноват я, слуга и холоп его, такое слово выговорил с сердца, потому что досадили мне донские козаки, а государева милость ко мне и ко всему Запорожскому Войску большая в хлебный недород нас с голоду не морил, велел нас в такое злое время прокормить и многие православные души его царским жалованьем от смерти освободились, государь бы меня пожаловал, вину мою, что выговорил непригожее слово, простил, а эту вину стану покрывать своею службою, а на православную веру не посягал, донским козакам мстить не буду и с крымским царем их помирю» Отпуская посла, Хмельницкий говорил «Как я призывал крымского царя на помощь, то закрепили мы между собою душами — друг на друга войною не приходить и друг другу помогать, да крымский царь мне говорил «Как нам бог помощь свою даст и ляхов побьем, то, кого ты, гетман, над

собою и Войском Запорожским хочешь государем иметь, тому и я буду служить И как я, гетман, писал к великому государю, чтоб принял меня под свою высокую руку, то крымский царь мне говорил, что хочет и он великого государя над собою государем иметь и со всею ордою Господь бог тому ныне быть еще не изволил, но приходит теперь то время, что все бусурманские и иных вер государства будут за православным восточным великим государем вскоре, только не знаю, велит ли бог мне до того времени дожить или нет» Практический мёкаль выразил сомнение «Это дело нестаточное, — сказал Неронов, — что крымский царь хотел иметь над собою великого государя нашего, потому что крымский царь живет в подданстве у турского царя» Богдан отвечал «Крымских царей прежде турский царь переменял часто и боялись турского в Крыму, а теперь сам турский царь боится крымского царя и великого Войска Запорожского, и никакой воли турский царь над крымским не имеет» Потом продолжал «Если ляхи на правде своей не устоят, то я им этого не попущу, а если господь бог нас не помилует, выдаст в поруганье проклятым ляхам и стоять мне против ляхов будет не в силу, то я с Войском Запорожским на царскую милость надежен, отступлю я с Войском Запорожским от проклятых ляхов в царского величества сторону, а в иные государства переходить мысли у меня нет А если бог нас помилует от проклятых ляхов освободить, то я, гетман, и войско иного государя, кроме великого государя светила русского, иметь не будем, а я думаю, что ляхам на правде своей не устоять и на сейме договорных статей не закреплять, и войну против Войска Запорожского начинать» *Неронов* «В вечном докончании о перебежчиках что написано и после вечного докончания на обе стороны переходить вольно» *Хмельницкий* «Если ляхи со мною договорные статьи на сейме совершат, то великому государю было бы ведомо, что, сложась с крымским царем, с волохами, сербами и молдаванами, хочу промышлять над турским царем, крымский царь, волохи, сербы и молдаване и белогорские (акерманские) князья ко мне об этом беспрестанно присылают, и теперь у меня изготовлено на Днепре под Койдаком 300 стругов, да велел еще прибавить 200, а сам пойду с большими силами сухим путем на Белгород, в Турской земле мне и Войску Запорожскому зипун добыть есть где»

Проезжая через малороссийские города, Неронов прислушивался к народному говору и вот какие вести привез в Москву всяких чинов люди говорят, что они от войны и разоренья погибают, кровь льется беспрестанно, за войною хлеба пахать и сена косить им стало некогда, помирают они голодною смертию и молят бога, чтоб великий государь над ними был государем, а иные многие хотят и теперь в госу-

дареву сторону перейти. Государство Московское хвалят: в Московском, говорят, государстве великий государь православной христианской веры, и подданные его все православные же христиане, и войны в Московском государстве нет и вперед не будет, потому что вера православная одна; а у них и прежде с ляхами за веру война и разоренье бывало большое, а теперь хотя они с ляхами и помирятся, потому что они теперь ляхов осилили и ляхи им теперь уступают во всем, но потом ляхи над ними станут промышлять и за нынешнюю войну мстить; знают они подлинно, что ляхи против них войну начнут [51].

Неронов познакомился в Чигирине и с писарем Войска Запорожского, Иваном Выговским. Выговский был шляхтич православной веры и служил прежде канцеляристом в Киеве, за растерю книг был приговорен к смертной казни, освободился от нее заступлением панов, после чего юридическое поприще ему опротивело и он пошел в военную службу. По другим известиям, он был писарем при польском козацком комиссаре. В битве при Желтых Водах Выговский попался в плен к козакам, но, как православный, не был убит, а взят Хмельницким для письменных дел. Здесь, как обыкновенно бывало, перо, несмотря на свою видимую слабость и подчинение, умело взять верх над саблею, и ловкий канцелярист Выговский приобрел большое влияние в войске и над самим Богданом, отклоняя вредные следствия его вспыльчивости за горелкою. Притворяясь поневоле козаком, Выговский оставался в душе шляхтичем, т. е. врагом козачества, и не переставал питать привязанности к Польше, этому шляхетскому царству, раю шляхты, не упускал случая служить панам, уведомляя их об опасности от хлопства. Предвидя, что рано или поздно козакам не уйти от подданства московского, Выговский был очень любезен с послами московскими, тем более что они за эту любезность платили соболями. Неронов доносил, что он дал лишние соболи Выговскому, ибо тот сообщил ему список зборовских статей и про иные дела рассказывал.

В Малороссии гетман и народ были далеки от уверенности, что Зборовский договор может быть продолжителен; легко понять, что в Польше было еще больше неудовольствия. Короля в Варшаве встретили очень дурно; сейм хотя подтвердил вообще Зборовский договор, но духовенство решительно отказалось выполнить одну из главных статей его — дать среди себя место киевскому православному митрополиту, и Сильвестр Коссов выехал ни с чем из Варшавы, куда было приехал для заседания в сенате. С своей стороны, Хмельницкий не имел никакой возможности соблюсти в точности договор, ибо для этого соблюдения должен был, ограничив число козаков, поворотить гайдамаков в крестьян,

заставить их повиноваться панам, которых они выгнали, наследникам тех, которых они замучили. Начались опять волнения холопства; шляхта, возвратившись в Украйну, не могла жить в своих владениях и помирала с голоду; Хмельницкий должен был свирепствовать против тех, кого недавно называл своими верными союзниками. Но строгости не помогали; Хмельницкий, видя, что прежние союзники могут сделаться теперь опасными для него врагами, объявил, что в реестр принимать больше нельзя, но всякий может быть охочим козаком. Он говорил Киселю, назначенному киевским воеводою: «Поляки поддели меня; по их просьбам я согласился на такой договор, которого исполнить никак нельзя. Только 40 000 козаков! Но что мне делать с остальным народом? Они убьют меня, а на поляков все-таки поднимутся». 20 марта 1650 года Хмельницкий писал королю: «Посылаю войсковые реестры и просим вашу королевскую милость извинить, если покажется, что по статьям Зборовского договора следовало бы еще больше уменьшить число войска, потому что мы уже и так имели большие затруднения при определении числа нашего войска. Те, которые по заключении мира умертвили урядников-панов своих, наказаны по мере вины. Мы и впредь, сносясь с воеводою киевским, будем стараться свято охранять покой, преграждая непокорным путь ко всяким мятежам. О том только просим вашу королевскую милость, чтоб войска коронные не приближались и тем не причиняли тревоги в народе Еще раз просим, чтоб не было больше разъединения в нашей греческой религии и чтоб по смерти властей униатских, владеющих церквами и церковными имениями по привилегиям покойного короля, все церкви и имения отданы были нашему духовенству». Кисель в письме к королю хвалит поведение Хмельницкого и старшин козацких, но прибавляет: «Одна только чернь, исключенная из реестров, прибегает к разным способам, чтоб избавиться от подчиненности своим панам: одни продают себя и, растратив все, поступают к козакам погонщиками и прислужниками; другие уходят за Днепр со всем имением, а некоторые (и таких наименьшая часть) уже кланяются панам своим. Если б я не видал такой силы и готовности к войне, какая здесь, если б мог видеть расторжение союза орды с козаками и если б войско наше могло прийти сюда прежде вскрытия рек, то просил бы униженно вашу королевскую милость прибегнуть к оружию, принимая во внимание унижение, которое мы терпим в мире, похожем на рабство; лучше попытаться начать войну, чем иметь подданных и не владеть ими. Если нужен повод к войне, то республика всегда может иметь его, как только будет готова. Если даже они будут желать оставить нас в мире, то поводом к войне может быть то обстоятельство, что этот мир не

только не удовлетворяет нас, обиженных, но несообразен с самим договором, заключенным с нимЧ Два важнейшие обстоятельства, именно восстановление католического богослужения и подданство прибыльное панам, не скоро могут прийти в свою колею, потому что они не хотят платить никаких податей, а желают быть крестьянами только по имени Признаюсь чистосердечно, что такой мир мне не по сердцу» Не по сердцу он был и всей шляхте в шляхетском государстве.[52]

Невозможностию сохранения мира между козаками и Польшею хотела воспользоваться Москва В январе 1650 года отправлены были в Варшаву боярин Гаврила Пушкин *, окольничий Степан Пушкин и дьяк Гаврила Леонтьев В ответе с панами радными послы прежде всего объявили требование, чтоб по вечному докончанию были наказаны все те, которые неправильно писали титул великого государя Паны отвечали, что для кончины блаженной памяти двух государей, царя Михаила и короля Владислава, эти дела надобно оставить, потому что всегда по смерти государя прощают людей, против него виновных, при новом же короле Яне Казимире никогда подобных ошибок в титуле не будет Послы возражали, что паны говорят это, оставя божий страх и людской стыд, и спросили а что будет тем, которые и при короле Яне Казимире будут неправильно писать титул? Паны отвечали, что их непременно будут казнить без всякой пощады, тогда послы потребовали, чтоб паны дали о том на себя утвержденье крепкое за своими руками и печатями Паны, доложивши об этом королю, передали послам ответ королевский, что виновные в умалении титула будут позваны на будущий сейм и наказаны по праву польскому, а утвержденье на этот счет король дать им, панам, не позволит Послы, стоя о том гораздо, говоря и споря пространными речами, не могли добиться ничего другого и перешли к жалобе на новое оскорбление, злее прежнего по повелению короля Яна Казимира в первый год его царствования напечатаны в Польше многие книги и разнесены в Московское царство и во все окрестные государства, в этих книгах напечатано многое бесчестье и укоризна отцу великого государя, царю Михаилу Феодоровичу, самому царю Алексею Михайловичу, боярам и всяких чинов людям, чего по вечному докончанью и посольским договорам не только печатать, и помыслить нельзя, от бога в грех и от людей в стыд Одна книга напечатана в Кракове в 1648 году Яном Александром Горчином Напечатано в этой книге мимо всякой правды, будто Смоленск, который обманом был взят и сто лет жесто

---

* С М Соловьев ошибается Нужно — Григорий Гаврилович Пушкин (*Прим ред*)

костию московскою притесняем, королевского величества победою освобожден, московского царя и братьев его выю и гордую упорность король под ноги свои подклонил, потом Владислав Московское государство разорил так, что до сих пор не может оправиться, и другие многие поносные статьи про Московское государство и про смоленскую службу напечатаны В другой книге, которая напечатана в 1643 году на латинском языке в Данциге, около лика Владиславова против левой руки написано «Московия покорна учинена», потом напечатано, что Владислав союзопреступных москвитян под Смоленском осадил и в такое отчаяние их привел, что жизнь и смерть всего войска в его воле были, и москвитяне, трижды преклонив колена свои, милости просили Напечатано, что москвитяне только по имени слывут христианами, а делом и обычаем хуже варваров, что Михаил Феодорович был возведен на престол людьми непостоянными. В третьей книге о житии и славных победах Владислава, напечатанной в 1649 году, также находятся царскому величеству и Московскому государству бесчестья с великою укоризною, например «бедная Москва» и другие многие хульные слова, что и писать стыдно, Михаил Феодорович московский написан мучителем, патриарх Филарет Никитич написан трубачом Наконец в польской печатной книге о черкасской войне 1649 года сказано, что венгрин и москвитин из соседей и приятелей в сторону скакнули за таким крепким утвержденьем и вечным докончаньем таких неистовых и поносных слов про великого государя нашего и про все Московское государство не только в книгах печатать, и мыслить не годилось, великого государя бесчестить, москвитином называть и ссоры в людей вмещать, будто со стороны царского величества есть причины к нарушению вечного докончания; на такое злое дело вы, паны радные, как дерзнули? Как смели такие злые досады и грубости износить? Да и то мы, великие послы, вам, панам радным, объявляем когда черкасский гетман землю королевского величества пленил, то присылал к великому государю бить челом, чтоб принял его со всеми городами под свою высокую руку, потому что запорожские черкасы православной веры и от государя вашего и от всей Речи Посполитой за веру всегда в гонении пребывают и смертно страждут Но великий государь наш, не хотя кровопролития и нарушения вечному докончанию, многому прибытку не порадовался, гетмана Богдана Хмельницкого под свою высокую руку не принял, ожидает от вас в великих неправдах исправленья Если же не исправитесь, то великий государь наш велит учинить в Москве собор, на соборе велит быть патриарху, митрополитам, архиепископам и епископам и всему освященному собору, боярам, всему синклиту и всяких чинов людям, королевские неправды на соборе велит

вычесть, вычтя, пойдет со всем освященным собором и синклитом в соборную церковь, куда велит пред собою нести утвержденную грамоту короля Владислава во свидетельство нарушения вечного докончания с королевской стороны, велит положить эту грамоту перед образом спасовым и пречистой богородицы, и, соверша молебное пение о нарушителях вечного докончания, за честь отца своего, за свою собственную и за честь всего Московского государства стоять будет, сколько ему милосердный бог помощи подаст, и во все окрестные государства христианские и бусурманские о ваших неправдах велит отписать подлинно, и все окрестные государи царскому величеству помогать будут людьми и денежною казною; а, про которых великих государей в тех ваших книгах напечатано не по-пригожу, те за свое бесчестье станут сообща с нашим великим государем на Корону Польскую и Великое княжество Литовское. Да и в города королевские и к черкасскому гетману Богдану Хмельницкому, и ко всему черкасскому войску о тех ваших неправдах великий государь велит отписать, и городские всяких чинов люди и Запорожское Войско сами на вас восстанут. Если же король хочет сохранить мир, то за такое бесчестье великих государей пусть уступит те города, которые отданы были царем Михаилом королю Владиславу, пусть казнит смертью гетмана Вишневецкого и всяких чинов людей, которые писали, не остерегая государской чести, а за бесчестье бояр и всяких чинов людей пусть заплатят 500 000 золотых червонных. В ваших книгах напечатано: «Пусть Московия исподволь возрастает, чтоб тем с большею силою вконец разрушиться»; вы дали нашим людям сроку до тех пор, пока размножатся: и теперь их родилось и подросло много сот тысяч, ратному рыцарскому строю изучены и у великого государя беспрестанно милости просят, чтоб позволил идти на неприятелей, которые бесчестят великих государей наших, а нас называют худыми людьми и побирахами.

Паны, выслушавши такие грозные речи, стали в великом сомнении, приложили свои руки к себе и говорили: «В вашем посольском письме написано много непригожего дела и неприличных речей, донесем об них королевскому величеству». Каштелян гнезненский, Ян Лещинский, сказал: «Про эти книги знали мы давно; только вам, царского величества послам, до тех книг дела нет». Послы отвечали: «Так ваша явная неправда, что, зная такие воровские книги, тех воров, кто их печатал, не велели казнить смертью, а книги сжечь». После долгих споров послы вышли из ответной палаты. В следующее заседанье паны начали говорить: «Королевское величество и мы, паны радные, думаем, что вы, великие послы, такие многие негодные статьи написали без повеления великого государя своего, затевая ссору, потому что на по-

сольстве у королевского величества вы говорили только о братской дружбе и любви, о покое и тишине и о всяком добре. Король к брату своему, великому государю вашему, хочет послать гонца с объявлением о вашем к доброму делу несходстве, что вы написали все к нарушенью вечного покоя, домогаетесь того, о чем мы и слышать не хотим, требуете городов да денег, хотите честь государя своего продать».

Послы отвечали: «Удивляемся, что вы, паны радные, нас, великих послов, бесчестите, говорите, что мы пишем без повеленья государя своего; быть может, вы сами так делаете без повеления королевского, потому и про нас так говорите; а мы и самого малого дела без наказа государева делать не смеем». Паны: «Мы вас ничем не бесчестим и бесчестить не хотим; но королевское величество очень удивился, что вы хотите нарушить вечное докончание по причине малых и негодных статей, что напечатали глупые и неподобные люди о давних делах в государстве вашем. Король и мы книг печатать не заставляем и не запрещаем: который печатник напечатает в книге хорошо, справедливо, и мы то хвалим; а если глупцы напечатают что́ дурно, негодно и лживо, над тем мы, паны радные, смеемся. Если же книг не печатать, то потомкам нашим и знать будет не по чему. Печатники печатают не только о прежних делах Московского государства, но и других окрестных государств, точно так же про Польшу и Литву. Да и в окрестных государствах про Московское государство пишут, доброе хвалят, дурное укоряют; точно так же о Польше и Литве много бесчестья печатают, однако король и мы за бесчестье того себе не ставим. Пусть великий государь ваш велит у себя печатать о Польском королевстве что угодно: мы этого в бесчестье себе не поставим и вечного докончанья за то разрывать не станем». Послы: «Со стороны великого государя нашего ни в чем неправды никакой не было, а со стороны королевского величества вечное докончание нарушено: титул умален и на все жалобы нет никакого удовлетворения. Вы говорите, зло ко злу прикладывая, будто мы хотим государскую честь продать, что просим городов: и таких непристойных слов вам говорить не годится. Государь наш не хочет видеть, чтоб Польша и Литва в конечном разоренье были, за бесчестье отца своего и за свое хочет взять города, потому что эти города отданы за честь отца государева, потому за бесчестье взять их назад годится». Паны: «В посольском договоре не написано, чтоб книг не печатать и, что ведется на свете, о том не писать; и вам как было не стыдно о том говорить, городов просить и разрывом вечного докончанья грозить». Послы: «Нечего нам стыдиться, мы не перестанем обличать ваших неправд, и великий государь наш больше терпеть их не будет, за свою и за своего отца честь станет». Паны. «Король никакой причины к нарушению мира

не ищет: мы никаких книг печатать не приказывали и до них королю и нам дела нет; вы приехали в Польшу, накупили книг и, что в них глупые люди, пьяницы ксендзы напечатали, то ставите причиною к разрыву вечного докончания; но вы на нас не на сирот напали, будем с вами биться, и вас бог покарает, как покарал при королях Сигизмунде и Владиславе». Послы: «Ваше злохитрое умышление явно, отговариваться вам нечем. Говорите: нас бог покарает, как прежде покарал, но ратное дело на одной мере не стоит, бывало, что и российские государи польских королей одолевали. Теперь вы сами видите над собою победу и одоление и конечное разорение от худых людей, от подданных своих запорожских черкас: они государство ваше повоевали довольно, города многие взяли и гордые ваши *пыхи* (гордости) поломали, дома ваши облупили, начальных ваших людей и промышленников гетманов в полон взяли, лучшее ваше кварцяное войско побили; и если б за такие ваши великие неправды государь наш велел черкасскому войску помочь учинить, то Короне Польской и Великому княжеству Литовскому быть бы в конечном разорении и запустении; а грамоты Богдана Хмельницкого и всего Войска Запорожского, в которых они просили государя принять их под свою высокую руку, эти подлинные грамоты за подписью Богдана Хмельницкого и за печатью всего Войска Запорожского с нами здесь». Тут послы показали панам грамоты. Паны отвечали: «Слышали мы и прежде, что великий государь ваш милосердие свое над нами показал, вечного докончания не нарушил и злодеев, бунтовщиков, изменников запорожских козаков принять не велел, и за то королевское величество и мы, паны радные, царскому величеству челом бьем, также и теперь просим, чтоб царское величество был с королем нашим в братской дружбе навеки неподвижно». Послы: «Королевское величество в братстве быть хочет, а злодеев, крестопреступников, которые царские титулы писали с изменением и укоризною, до сих пор казнить не велел, а теперь по повелению королевскому печатано в книгах всякое бесчестье». Паны: «Книги напечатаны без повеленья королевского». Послы показывали книги, где было прямо сказано, что напечатаны они по указу королевскому; паны отвечали, что книги напечатаны по привилегии, а не с позволения королевского и что бесчестья в книгах нет, а напечатано только то, что было; Филарет Никитич назван не трубачем, а огласителем. «Мы тому очень дивимся, — прибавили паны, — что вы сами и никто в Московском государстве по-польски и по-латыни не учится, а кто-нибудь вам укажет на ссору, и вы верите». Послы: «Сами вы говорите неученую и неучтивую речь: мы польских и латинских письм себе в диковину не ставим, учиться им и перенимать у вас никакого ученья не хотим, по милости

божией держим преданный нам славянский язык твердо и нерушимо, догматы божественного писания знаем, государские чины и посольские обычаи твердо разумеем и указ великого государя своего помним, и с нашей стороны никакого бесчестья королевскому величеству не было. А вы, паны радные, сами себя выхваляете и называетесь ученными людьми, а в пятнадцать лет не можете научиться, как именовать и описывать великих государей наших, и нам кажется, что вы ученые нас ненавычных стали глупее». Паны окончили разговор тем, что виновным в прописке титула будет суд и каранье на сейме, о книгах же король пишет особо к царскому величеству.

После этого разговора велено было на посольском дворе одни ворота забить, у других поставить гайдуков, запрещено было всем полякам ходить на посольский двор и покупать там товары. Послы жаловались; им отвечали, что это сделано на праздник Благовещенья, когда никто торговать не может. Послы отвечали, что они в этом видят угрозу, хотят теснотою заставить их сдаться на волю королевскую, но этим только зло ко злу прилагается. Тогда им сказали прямо: «У вас с панами радными согласия никакого нет; если же между государствами война, то деньги, на которые покупаются у нас и у купцов ваших собольи шубы, годятся на жалованье войску».

На новом съезде паны уступали, что и сочинители книг будут позваны на сейм к суду, хотя бы этого делать и не довелось; послы настаивали на своем; тогда литовский канцлер Албрехт Радзивилл сказал им с сердцем: «Вы говорите, чтоб за бредни, напечатанные в книгах, король отдал вам Смоленск и другие города, но это дело несбыточное: добыты они кровью, кровью только можно их и назад взять; если теперь за такие пустяки дать вам столько городов и денег, то после захотите вы и Варшаву взять; вперед мы об этих книгах с вами и говорить не будем». Потом паны переменили решение и объявили, что дело о книгах должно быть совершенно оставлено: «Если всякую книгу ставить в дело, — говорили они, — то этому и конца не будет; если за все, что напечатано и написано, смертью казнить, то это значит всем государством замутить и беспрестанно кровь проливать, а к концу дело не привести; и у вашего государя печатают про нашу веру с укоризною; а вперед, хоть бы и не довелось в такое дело вступаться, однако королевское величество велит учинить заказ крепкий, чтоб никто таких книг не печатал». Тогда послы, видя упорство панов рад по многим спорам и разговорам, сказали, что о казни этих людей, которые печатали книги, больше говорить не будут, а полагают дело на волю царского величества; если великий государь простить этих людей не изволит, то велит говорить об этом будущим

своим послам или посланникам, но при этом послы требовали, чтоб книги были собраны и сожжены при них в Варшаве и чтоб вперед таких книг не печаталось. Король не согласился на сожжение книг, послы потребовали отпуска; тогда король велел предложить им, что истребят книги тайно, явно же на рынке сжечь их нельзя, потому что от этого будет позор Польше от всех окрестных государств. Послы настаивали на своем, паны просили отложить дело до сейма; послы и на это не согласились. Тогда паны предложили, что из книг будут выдраны те листы, которые содержат в себе укоризны на московских государей, и сожгутся публично. Послы согласились; листы были выдраны немедленно и отправлены на рынок для сожжения, при котором присутствовал от послов дворянин Фустов с подьячим и переводчиком. После сожжения листов было вытрублено, чтоб никто этих книг, из которых выдраны листы, у себя в домах не держал, а приносили бы их все к тому чиновнику, которого назначит король; о том же разосланы были указы по областям. Фустов донес послам, что когда листы жгли, то в народе говорили: лучше бы король с Московским государством мир разорвал или города уступил, чем такое великое бесчестье положено на Корону Польскую и Великое княжество Литовское: описание славных дел королей Сигизмунда и Владислава на рынке сожжено! Получивши это удовлетворение, послы вытребовали внесения в договор статьи, что в Зборовском договоре с ханом не постановлено ничего противного братской любви с московским государем; вытребовали наконец, чтоб король послал своего дворянина вместе с царским дворянином в Войско Запорожское для поимки самозванца Тимошки Акундинова, который из Турции через Венецию пробрался в Малороссию и был там принят гетманом Хмельницким [53].

В Москве проведали, что Акундинов живет в Лубнах, в Преображенском Мгарском монастыре, и вот отправились к нему путивльцы торговые люди: Марк Антонов и Борис Салтанов. Они говорили ему, чтоб ехал в Путивль, а государь его своим жалованьем пожалует. Акундинов отвечал, что верить ему одним словесным речам нельзя; он говорил, что ни царем, ни царевичем не называется, только он внук царя Василия Ивановича Шуйского; говорил, что когда он был в Турецкой земле, то государевы послы, Степан Телепнев и дьяк Алферий Кузовлев, его уличали и обесчестили, и по их речам его засадили в Царе-граде, и сидел он в железах три года, но, в то время как турки султана и визиря убили, он освободился и был в разных государствах. Акундинов сказал себе 32 года, утверждал, что многие люди его на Вологде знают, что был он на государевой службе в Перми, куда царь Михаил Феодорович в 1642 году прислал ему грамоту о своем

государевом деле, что в этой грамоте он назван наместником пермским, и грамоту эту показывал он Марку и Борису. Потом говорил, что в Перми взяли его на бою в плен татары, что многие государи звали его к себе, но он не хочет отстать от православной веры и хочет служить царю Алексею Михайловичу.

О том же Тимошка писал из Чигирина и к путивльскому воеводе, боярину князю Семену Васильевичу Прозоровскому: «Князь Семен Васильевич, государь! Не тайно тебе о разоренье московском, о побоищах междоусобных, о искорененье царей и царского их рода и о всякой злобе лет прошлых, в которых воистину плач Иеремиин о Иерусалиме исполнился над царством Московским, и великородные тогда княжата скитались по разным городам, как заблудшие козлята, между которыми и родители мои незнатны и незнаемы в разоренье московское от страха недругов своих невольниками были и со мною невинно страдали и терпели, а сущим своим прозвищем, Шуйскими, не везде называться смели. Об этом житье-бытье нашем многословить не могу, только несчастью своему и бедам настоящее время послухом ставлю, которое время привело меня к тому, что я теперь в чужой земле в незнаемости окован сиротством и без желез чуть дышу, и жалостную, плачевную грамотку к тебе, государю своему, пишу: прими милосердно и знай про меня, что я, обходивши неволею и окруживши турские, римские, итальянские, германские, немецкие и иные многие царства, наконец, и Польское королевство, не желая никому на свете поклониться, кланяюсь и покоряюсь только ясносияющему царю Алексею Михайловичу, государю вашему и моему, к которому я хочу идти с правдою и верою без боязни, потому что праведные царские свидетельства и грамоты, что при себе ношу, и природа моя княжеская неволею и нищетою везде светится, чести и имени гласовитого своего рода не умаляет, но и в далеких землях звонит и, как вода, размножается. Все это делается на счастье и прибыль отечеству моему и народу христоименитому, на убыток и бесчестье государевым недругам, на славу великую великого государя, которого есть за мною великое царственнейшее дело и слово и тайна; для этого я в Чигирине никому не сказываюся, кто я, во всем от чужих людей сердечную свою клеть замыкаю, а ключ в руки тебе отдаю. Пожалуй не погордись, пришли ко мне скрытно верного человека, кто бы умел со мною говорить, и то царственное слово и дело тайно тебе сказать подлинно и совершенно, чтоб ты сам меня познал, какой я человек, добр или зол; а покушавши мои овощи и познавши царственное великое тайное слово, будешь писать к государю в Москву, если захочешь, а ключи сердца моего к себе в руки возьмешь, с чем я тебе, приятелю своему, добровольно отдаюсь. Знаю я московский обычай, станешь

писать в Москву об указе теперь прежде дела, и пойдет на протяжку в долгий ящик, но я ждать не буду, потому что делаю это ни для богатства, ни для убожества, но, пока плачевного живота станет, орел летать не перестанет, все над гнездом будет убиваться».

По этому письму князь Прозоровский прислал с подьячим Мосолитиновым грамоту Акундинову: «Тебе бы ехать ко мне в Путивль тотчас безо всякого опасенья; а великий государь тебя пожаловал, велел принять и в Москву отпустить». Акундинов, прочтя письмо, сказал: «Рад я к великому государю в Москву ехать», — и велел подьячему побыть у себя три дня. 31 августа он исповедался и приобщился, и, призвавши к себе Мосолитинова, стал говорить ему: «Приехал ты по государеву указу? Не с замыслом ли каким-нибудь? Нет ли у тебя подводных людей? Не будет ли мне от тебя какого убийства?» Подьячий клялся и божился, что прислан по государеву указу и никакого дурна ему не учинится. Акундинов продолжал: «В прошлых годах посылали мы в Волошскую землю в монастырь построения царя Ивана Васильевича для своего дела человека своего, но когда он приехал к волошскому владетелю Василью, то этот велел ему назваться царем Димитрием, короновал его и послал к турскому султану в Царь-град. Был в это время в Волошской земле государев посол Богдан Дубровский, доведался он про этого самозванца и написал государю в Москву. Государь прислал указ принять его честно, и тот наш человек, обрадовавшись, что его называют честным человеком, поехал с Дубровским в Москву, но Дубровский, выехавши в степи, велел его зарезать, ободрал с него кожу, отсек голову и привез в Москву: и ты не с тем ли ко мне приехал? Я не запираюсь, что был в подьячих: на ком худоба не живет! В московское разоренье и все князья, что овцы, по разным государствам разбрелись; только называют меня подьячим, а я не подьячий, истинный князь Иван Васильевич Шуйский». В тот же день Акундинов позвал подьячего с провожатыми к себе обедать, за обедом за государское здоровье чашу пил и говорил такое слово: «С мудрыми я мудрый, с князьями — князь, с простыми — простой, а с изменниками государевыми и с моими недругами рассудит меня сабля», — после чего объявил, что ехать раздумал и подьячего своего Костку Евдокимова Конюхова не пошлет, потому что в Москве станут его пытать: «Присылают ко мне, будто к простому человеку; добро бы прислали ко мне московского человека да с Вологды пять человек, да из Перми пять же человек: те меня знают, кто я и каков? Если государь меня пожаловал, то прислал бы ко мне свою государеву грамоту имянно, что пожаловал князь Ивана Шуйского, велел ехать в Москву без всякого сомненья; а то меня обманывают, не считайте меня за подьячего: я ис-

тинный князь Иван Шуйский». При отце духовном Акундинов объявил подьячему свое имя: Тимофей, имянинник 10 июня [54].

Мы видели, что в Варшаве условлено было царскому послу Пушкину отправить в Малороссию своего дворянина, а королю — своего, для поимки Акундинова. Действительно, царский дворянин Протасьев и королевский Ермолич поехали в Киев, где, взявши грамоты от Киселя и митрополита, отправились к Хмельницкому, которого нашли в Ямполе. 18 сентября имели они свидание с гетманом, который сказал им: «У меня такой человек, который называется князем Иваном Васильевичем Шуйским, а царю Василью сказывается внук, в Чигирине был и жил долгое время, недель с десять и больше, и, живучи в Чигирине, мне сказывал, будто государь ваш хотел его казнить смертью неведомо за что, и он, боясь смертной казни, из Московского государства ушел, а мать его и род Шуйских все сосланы в Сибирь, и в Сибири родственники его казнены смертью, только мать осталась жива; а он, бегаючи, был во многих государствах, в Польше, в Риме, в Австрии, Венгрии, Молдавии, Валахии, Турции, и из Турции пришел ко мне, гетману, в Чигирин, и показывал мне всех этих государств прохожие листы, и говорил мне, что хочет идти в Московское государство, только, не списавшись с государем, не смеет, боится смертной казни; просил меня, чтоб я дал ему прохожий лист, и я ему прохожий лист дал до границ Московского государства, велел ему давать корм и подводы, и он, уехав из Чигирина, остановился в Лубнах в Спасском монастыре, и, как я пошел из Чигирина Молдавскую землю воевать, с тех пор не знаю, живет ли тот вор в Лубнах или нет. По его речам, думаю, что он пошел к московской границе, и мне сыскивать его негде, да и такой у нас обычай в Запорожском Войске: какой бы вор ни прибежал, хотя бы великое зло в своем государстве сделавши, принимают и никому не выдают». Протасьев возразил: «Если бы этот вор в царское имя не влыгался, то царскому величеству до него и дела бы не было; много и знатных людей, изменяя, из Московского государства бегают, но так как они называются своим настоящим именем, то живут себе спокойно в Польше, великому государю до них дела нет, но с Тимошкою другое дело, и ты бы, гетман, свое раденье великому государю показал: вора сыскивал, за такую службу и раденье жалованье великого государя будет к тебе большое, и теперь великие послы, боярин Пушкин с товарищами, прислали тебе соболей. Богдан отвечал: «Я и Войско Запорожское великому государю всякого добра хотим, но сыскивать вора мне теперь никак нельзя, потому что сам не знаю, где он; поеду в Браславль и расспрошу об нем иным временем». В Браславле гетман позвал Протасьева и Ермолича обедать

и за обедом начал рассказывать: «Был я в Молдавской земле, Молдавскую землю воевал и стоял под Яссами, хотел взять самого молдавского господаря, и господарь прислал ко мне послов своих добивать челом, просить покою и дарил меня дочерью своею за моего сына, и прислал ко мне лист за своею рукою и печатью, пишет под присягою, что дочь свою за моего сына выдаст». Велел принести лист и прочел его Протасьеву. После этого Ермолич начал пить чашу за государево и королевское здоровье и сказал: «Теперь великие государи учинились в братской дружбе и любви и договор учинили — иметь одних друзей и врагов». Хмельницкий отвечал с сердцем: «Этими словами ты меня не испугаешь; и если король Зборовский договор нарушать будет и хотя мало чего по договору не учинит, то я со всем Войском Запорожским королю буду первый неприятель, буду наступать и воевать его землю по-прежнему, а великий государь королю за его неправды помогать не будет; знаю я подлинно, что у короля ратных людей мало и стоять королю против меня не с кем, потому что все лучшие польские ратные люди козаками и татарами побиты, а иные в полон взяты; а если и государь, не жалея православной христианской веры, королевской неправде будет помогать, то я отдамся в подданство турскому царю и с турками и крымцами буду приходить войною на Московское государство». Протасьев сказал на это: «Осердясь на королевского дворянина, ты, гетман, хвалишься на Московское государство войною, но такие самохвальные и непристойные слова нам не страшны, да и то надобно тебе знать и помнить, что великий государь наш для православной веры тебя жалует». Гетман отвечал ему тихонько: «Говорил я эти похвальные слова нарочно, чтоб королевский дворянин не знал о моей службе и раденье великому государю, а ляхи мне большие неприятели, говорить и жить с этими ляхами всею правдою никак нельзя. Я давно хотел быть под государскою высокою рукою, поддаться ему со всем войском и городами, да великий государь ваш принять меня не изволил и этим меня оскорбил, но я и за эту государскую немилость никакого дурна не чинил, а еще больше прежнего правду свою показал: которое теперь разоренье и война сделались в Молдавской земле, той было войне быть в Московском государстве; присылал ко мне крымский царь, чтоб шел я на Московское государство, писал с грозами, что если не пойду, то дружбу разорвет, а я, служа великому государю и проча себе его государскую милость вперед, крымского царя уговорил и Московское государство уберег, а место его ходил с крымским царем на молдаван». О других делах Протасьев с гетманом за обедом не мог говорить, потому что гетман был пьян да и посторонних людей было много. На дороге в Чигирин, под Савостьяновкою на стану, опять за

обедом Богдан говорил: «Король и паны великому государю солгут, знатных людей за прописки в титуле карать смертью не будут и худого шляхтича ни за какое дело никому не выдадут. Мне король и Речь Посполитая обещали под Зборовом выдать Чаплинского и не выдали, и всякими мерами его укрывают». После обеда гетман объявил Протасьеву, что посылает в Лубны универсал, чтоб тамошние власти, сыскавши Тимошку, выдали его ему, Протасьеву; если же вор скроется, то он, гетман, сыскав его, пришлет к великому государю. Но в Лубнах Протасьев Тимошку не нашел, и дали ему знать, что вор уехал в Киев, а оттуда — в Чигирин [55]. Сюда отправлен был из Москвы посланник Василий Унковский, который, приехавши в Чигирин, получил от Акундинова следующее письмо: «Василий Яковлевич, государь! Всемогущая божия сила в моей слабости такую крепость учинила, что, из смрадной челюсти турской меня освободивши, принудила, чтоб шел к Москве и покорился добровольно холопски его царскому величеству, государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Руси самодержцу, о чем я писал к нему, государю, в Посольский приказ дважды, и указ мне был прислан с подьячим Тимофеем Мосолитиновым от государя. Но зависть вражия от Петра Протасьева сталась и возбранила мне дорогу к государю в Москву, потому что он тайно совещался с богатыми, как бы изловить и убить неповинного. Несмотря на то, выполняя завет мой, я готов ехать к государю в Москву хотя и на вольную страсть, ничего не опасаясь по правде моей и невинности, готов показать ясно, что, хотя и в подьячих там был, однако, благородия Шуйских княжат не лишен. Обещаюсь словом моим крепким и постоянным ехать к государю в Москву, если ты пожалуешь, захочешь со мною увидеться и поговорить дружеским обычаем, что воистину будет на пользу государеву делу и на прибыль, а тебе на честь и славу, потому что познаешь, какой цены мои камни, не найдется темности в моей светлости. Пожалуй же, Василий Яковлевич, отпиши ко мне: учинишь ли так или не учинишь? И если захочешь учинить, то прошу, чтоб увидеться, пока его милость пан гетман не приехал, чтоб нам самим друг с другом рассудиться, не ходя на суд; лучше будет, положившись на бога, учинить по богу, которому учинил я обет, что в Москву ехать желаю. Тот меня избавил и избавляет, уповаю, что и еще избавит от врагов моих».

Унковский назначил свидание в церкви. Здесь Акундинов говорил ему: «Я был на Вологде посажен в съезжей избе в пищиках девятнадцати лет, в то время как был на Вологде боярин князь Борис Михайлович Лыков, ходивший за козаками; тут я нашел в съезжей избе о родителях моих государеву грамоту, кто были мои родители, а грамоте меня отдавал учить Иван Патрикеев и был до меня для моей бедности

добр, а того я не знаю, какого я роду; если меня называют царя Василья Ивановича сыном, то я сам не называюсь, здесь меня так зовут, да и русские люди меня так называют; они меня так и прозвали, я тебе скажу, кто именно; а я не царя Василья сын, дочери его сын; дочь его в разоренье взяли козаки, а после козаков за отцом моим была». Унковский отвечал: «Все это неправда: у царя Василья детей не было; мы знаем, как отца твоего и мать звали и каков человек отец твой и мать были». *Акундинов:* «Был отец мой при царе Михаиле Феодоровиче наместником в Перми». *Унковский:* «При царе Михаиле никто нигде в наместниках не бывал; ты все эти напрасные речи оставь, дай мне прямое слово без всякой хитрости, поезжай со мною к великому государю и вину свою принеси, а государь вину твою велит отдать». Акундинов перекрестился, смотря на образ, и дал руку Унковскому, что идет с ним к царскому величеству. Но потом, постояв долго, заговорил прежнее: «Как мне отечество свое покинуть? После отца моего и духовная есть; если ты при гетмане станешь называть меня вором и поносить, то услышишь, сколько от меня будет речей, и от гетмана добра себе не чайте. Не смею ехать, если не целуете креста, что меня до Москвы не уморите и на Москве меня не казнят, и дурного ничего не будет». Унковский не согласился целовать крест: он стал многими людьми промышлять и давать большие деньги, чтоб Акундинова кто-нибудь убил или какою отравою окормил, но никто сделать этого не захотел, боясь гетмана; а самим никак нельзя было его убить: жил очень бережно, прикормлено у него козаков много, и гетман был к нему добр.

Хмельницкий приехал наконец из своего Субботова в Чигирин, и Унковский обратился к нему: «Не хотел ты Тимошку отдать Протасьеву: так теперь прямую свою службу государю поверши, вели вора отдать мне». Хмельницкий отвечал: «Здесь козаки и вольность: всякому человеку вольно к нам приехать отовсюду и жить беспенно; отдать мне его без войскового ведома нельзя Этот мужик у нас не называется сыном царя Василья, мы про то у него не слыхали». *Унковский:* «В грамоте, которую ты прислал на Дон, а с Дону козаки прислали к государю, писал он, вор, своею рукою, называл себя сыном царя Василья Ивановича; и ты, гетман, сам писал в Путивль к князю Семену Васильевичу Прозоровскому, и в своей грамоте назвал этого вора Шуйским князем». *Богдан:* «Мужик вперед так называться не будет; а если услышим, что называется не только сыном царя Василья, хотя даже простым князем, сейчас велю казнить, а отдать мне его нельзя: кто в которую землю ни приедет, тех людей не выдают, а к царскому величеству я сам хотел бежать от неприятелей своих, от ляхов, и государь бы меня ко-

ролю не отдал; и если б он меня отдал и меня казнили, то ему, государю, был бы грех». *Унковский:* «Ты бы, гетман, к царскому величеству служить приехал, ты властный человек и ни в чье имя не влыгаешься; а этот вор не в пристойное имя влыгается, таких воров во всех государствах выдают: король польский выдал Лубу, господарь волошский выдал посланнику Дубровскому другого самозванца». *Богдан:* «Знаю я одно, что мне от войска даром не пробыть, а знаешь сам: с чернью кто сговорит, когда встанут, от них мне только и речей будет: кто тебе велел отдавать из войска людей вольных в неволю? У нас здесь то же, что на Дону: кто откуда приедет — выдачи нет. Только я, уповая на бога и помня царскую милость, вора Тимошку к государю пришлю с своими посланцами; созову всех полковников и старших и, договорясь с ними, пришлю подлинно». Это говорил Богдан с великою божбою.

Покончивши об Акундинове, стали говорить о других государевых делах. Богдан клялся, что никакого зла Московскому государству не мыслит, хвалил милость королевскую, но жаловался на обиды от панов: «У меня маетность старую неправдою отнял Конецпольский и отдал своему приближенному, Чаплинскому; я королю и Речи Посполитой бил челом, но мне не возвратили маетности; отдав детей в добрые люди, пошел я в Запороги, и всего нас в сборе войска было 250 человек, как послал на нас Потоцкий сына своего и комиссара; только бы я не соединился с царем крымским и не перешло ко мне от Потоцкого наших реестровых козаков шесть тысяч, то что бы нам было делать?» Унковский спрашивал у гетмана, как он помирился с поляками? Зачем отправил послов к королю? Как он с Крымом? Зачем у него были разные послы? И потом проведывал у писарей и у других знатных людей, у Ивана Искренки да у Семена Плотавского, тайно, так ли его гетманская правда, как он сказывал ему, и они говорили те же речи, что и гетман.

Более всего беспокоили Москву сношения гетмана с Крымом. До Хмельницкого запорожские и донские козаки составляли почти одно общество: запорожцы жили на Дону, донцы на Запорожье; запорожцев на Дону насчитывали иногда с 1000 человек. Донцов в Запорожье — до 500; запорожцы жили на Дону лет по пяти, по шести, по осьмнадцати. Но мы видели, что тесный союз Хмельницкого с ханом грозил было порвать эти братские отношения. С Дону в Москву дали знать, что летом 1650 года приходили на Дон сын Богдана Хмельницкого да наказной атаман Демка, а с ними запорожцев тысяч с 5 или 6, стояли они две недели на Миюсе, от Черкасского городка за днище, дожидались крымских татар, чтоб вместе идти на донских козаков. Донцы послали им сказать: «Мы с вами люди одной православной веры, и вам,

сложась с бусурманами, на нас, православных христиан, войною приходить не годится; прежде вы с нами всегда бывали в дружбе и в ссылке и зипуны добывали сообща, и когда у государя с польским королем была ссора и война, то вы и тогда были с нами в мире». Запорожские черкасы отвечали: «Пришли мы на Дон по письму крымского царя, идти нам сообща на горских черкас, а не на вас; а если бы крымский царь велел нам идти не только на вас, но и на государевы города, то мы пойдем, потому что у нас с ним договор — друг другу помогать, и когда у нас была с поляками война, то крымский царь со всею ордою нам помогал». Но пришла грамота от хана, в которой он приказывал козакам возвратиться назад, потому что степь вся выгорела, и ему, за конскою бескормицею, идти нельзя [56].

Все обстоятельства клонились к тому, чтоб заставить Хмельницкого хитрить со всеми, давать всем обещания, не становя ни с кем ничего решительного, выжидать, обращать все внимание на сцепление случайностей, и, глядя тревожно на все стороны, пробираться между препятствиями, которые судьба громоздила на его дороге. Хмельницкий знал, что Зборовский мир ненадежен; не верил хану, у которого, как атамана разбойничьей шайки, не могло быть ни с кем постоянных союзов и постоянной вражды: не имея возможности после Зборовского мира опустошать польские владения, он звал короля и Хмельницкого на московские украйны, но Богдан в угоду варвару не думал разрывать с Москвою, на которую народный инстинкт указывал как на единственное прибежище и раздражать которую было бы безрассудно, ибо ничем другим Хмельницкий не мог так угодить Польше, как поссорившись с Москвою. Но Москва не могла действовать решительно, Москва также выжидала. Москва привыкла к подобному положению и к подобному поведению, потому что, как начала себя помнить, слабая, окруженная всевозможными препятствиями, должна была пробивать себе дорогу к силе и величию осторожностью, выжиданием, уменьем пользоваться обстоятельствами. Войны с Баторием, Сигизмундом III и Владиславом, конечно, не могли заставить московского государя изменить осторожной политике своих предшественников. Хмельницкому естественно было, впрочем, сердиться на Москву за эту осторожность, медленность, нерешительность и при случае срывать сердце, потому что эта нерешительность ставила его самого в нерешительное положение, заставляя обращаться к Турции, которая в случае крайности могла быть временным прибежищем. Крайности этой еще не было, а потому и в сношениях с султаном Хмельницкий избегал чего-либо решительного.

С своей стороны Польша хлопотала о том, чтоб поссорить Москву с Хмельницким, но это не удалось. В конце 1650 года

приехал в Москву королевский посланник Албрехт Пражмовский и объявил, что Богдан Хмельницкий с бунтовщиками, своевольными людьми, разлакомясь кровью христианскою и своими воровскими прибытками, соединился с крымским ханом, который ссылается с ним, чтоб был готов идти воевать Московское государство. Бояре отвечали: «Крымский царь поклялся на Коране, что ему на царские украйны войною не ходить и никого другого не посылать, и потому от крымского царя такого злого умышленья нельзя ожидать, а Богдану Хмельницкому на царские украйны с крымскими татарами как идти? Он православной христианской веры! Притом же гетман Богдан Хмельницкий со всем Войском Запорожским учинился у королевского величества в подданстве и королевскому величеству, слыша от козаков такое злое умышленье, можно их от самовольства унять; великий государь на королевское величество по вечному утвержденью во всем этом надеется и в украйных городах ратных людей своих не держит, потому что король обязан подданных своих, запорожских черкас, от самовольства унимать; а если королевское величество подданных своих, запорожских черкас, не уймет, то это будет вечному докончанию нарушенье со стороны вашего государя, и такую явную неправду бог свыше зрит; а крымские рати царскому величеству не страшны, и на Украйне против них у царского величества люди готовы». Но из Крыма присылали в Москву вести: писал к крымскому царю литовский король, что псковичи царскому величеству учинились не послушны и хотят изменить; шведская королева с царским величеством хочет войну начать: так чтоб крымский царь шел войною на государевы украйны и дал бы знать об этом шведской королеве, и шведская королева даст ему большие подарки; литовский король также пойдет на государевы города. Хан поверил, послал в Швецию за подарками, но там сказали, что шведская королева с государем московским в мире[57].

Дело приближалось к развязке. Возвратившийся из крымского плена коронный гетман Потоцкий доносил, что вся Украйна волнуется, Хмельницкий самовольничает: без королевского позволения принял на Украйну татар и послал их с козаками опустошать союзную Польше Молдавию за то, что господарь Липул не хотел выдать дочери своей за Тимофея, сына гетманского; сносится с Турциею, с Швециею; холопы не думают повиноваться панам, которые не получают никаких доходов. Шляхта бежала из Украйны, как во время восстания; договор был нарушен в самой важной, самой чувствительной для поляков статье; с другой стороны, для укрощения холопства коронные войска врывались за определенную договором черту. В конце года созван был сейм; явились послы от Хмельницкого с просьбою: 1) чтоб в трех воеводствах:

Киевском, Брацлавском и Черниговском — ни один панземлевладелец не имел власти над крестьянами; пусть живет, если хочет, пользуясь одинаковыми правами со всеми, и повинуется козацкому гетману. 2) Чтоб уния, причина несчастий, была совершенно уничтожена не только в Украйне, но и во всех землях Короны Польской и Великого княжества Литовского; чтоб духовенство греческой веры имело права и почести одинакие с римским духовенством. 3) Эти статьи вместе с другими статьями Зборовского договора должны быть утверждены присягою знатнейших сенаторов, и со стороны поляков должны быть даны в залог четыре знатных пана и в том числе князь Иеремия Вишневецкий; они должны жить в Украйне в своих имениях, но без всякой стражи.

Понятно, что при сильном раздражении против козаков, и без того уже господствовавшем в шляхетском государстве, эти статьи переполнили чашу: и в сенате, и в избе посольской негодование выразилось единодушно, и 24 декабря война была определена. В феврале 1651 года война открылась, и поляки были порадованы первым успехом над козацким отрядом, который стоял в местечке Красном под начальством удалого полковника Нечая: отряд был истреблен вместе с предводителем. В апреле начали сходиться главные силы; в Польше объявлено было посполитое рушенье, или поголовное вооружение шляхты; легат Иннокентия X привез полякам благословение папы и отпущение грехов, королю — мантию и освященный меч и провозгласил Яна Казимира защитником веры. У козаков коринфский митрополит Иоасаф опоясал Хмельницкого мечом, освященным на гробе господнем, кропил войско святою водою и шел сам при войске. Вместе с Хмельницким шел на поляков крымский хан Ислам-Гирей с своею ордою, но московские посланники дали знать из Крыма государю: «Татары говорят: если польские и литовские люди черкасам и им, татарам, будут сильны, то они против них стоять не будут, а за выход свой у черкас жен и детей заберут в полон и приведут в Крым; то у татар и сдумано» [58].

20 июня враги столкнулись при Берестечке на реке Стыри, с обеих сторон силы были велики, но перевес был на стороне поляков. Татары, любя подавлять неприятеля своею многочисленностию без больших усилий, вовсе не были охотники переведываться с неприятелем более многочисленным. После первого напора поляков хан побежал и увлек за собою татар, увлек и Хмельницкого, который бросился было догонять его, чтоб уговорить возвратиться; оставшиеся козаки окопались и с отчаянною храбростию выдерживали осаду, наконец, попытались было уйти и потерпели при этом страшное поражение.

После победы посполитое рушенье разошлось, король уехал в Варшаву, и только не более 30 000, преимущественно немцев, отправлено было с гетманом на Украйну. Но, прежде чем достигнуть Украйны, это войско должно было проходить через опустошенную Волынь: «Невольно проливаем мы слезы, — пишет очевидец, — видя, как блестящая пехота королевская бесполезно погибает от голода. Нельзя придумать никакого способа к спасению голодных, потому что край, в котором мы надеемся иметь хлеб, еще далеко, а этот так опустошен, что о нем можно сказать: земля была пуста и не устроена; нет ни городов, ни сел, одно поле и пепел; не видно ни людей, ни зверей живых, только птицы летают; страшная непогода замедляет движение войска». Во время этого похода умер знаменитый Иеремия Вишневецкий, но смерть страшного соперника не поправила дел Хмельницкого. В то время как польские гетманы вступили в Украйну с одной стороны, литовский гетман Радзивилл занял Киев; соборную церковь Богородицы каменную на посаде ляхи разграбили всю, образа пожгли, церковь вся выгорела, одни стены остались; в церкви лошадей своих жиды и ляхи ставили; деревянных церквей сгорело пять, а которых не жгли, те все разорили, образа дорогие окладные себе взяли, а иные поищепали, колокола у всех церквей взяли и в струги поклали; но из этих стругов шесть козаки отгромили. В монастыре Печерском казну также всю взяли; Радзивилл велел взять и паникадило, присланное царем из Москвы, у св. Софии взяли также всю казну, ризы, сосуды, всю утварь, образ св. Софии; все монастыри разорили [59].

В таких печальных для Малороссии обстоятельствах, два грека, жившие при Хмельницком, Иван Петров Тофрали и монах Павел, сильно хлопотали о сближении гетмана с царем. Павел в июне 1651 года писал государю: «28 марта пришел из Царя-града посол к гетману в Животово с тем: если ему, гетману, надобна рать, и ему султан пришлет сколько нужно. Гетман отказал: «Есть у меня много своего войска, а на султановой любви бью челом и благодарю». И так их места разорены; в Константинополь гетман отправил своего посла, а с ним Ивана Петрова, а перед этим Иван Петров был посылан в Молдавию для вестей. Великое ваше царствие, — продолжает Павел, — послал бы вскоре гетману небольшую помощь ратными людьми; у него и без того войска много, но надобно, чтоб славилось имя великого вашего царствия, что он имеет помощь от вас. А если теперь помощи не пришлете, то буди ведомо вашему царствию, что будет вам война; татары давно бы его подняли, только война ему теперь помешала. Какими трудами потрудились мы с Иваном Петровым, о том богу известно Если бы мы с Иваном тут не случились, то он непременно бы пришел внезапно на ваши

украйны войною. Не думайте, что ляхи одолеют: хотя они и вздумают биться, но их против ста человек и по одному человеку не будет. Мы с Иваном Петровым желаем, чтоб было единое державство, гетману говорили, и он был очень рад, но посылает он к великому вашему царствию о соединении, а великое ваше царствие то ставите в посмех. Если вы изволите быть соединению, то извольте писать к писарю Выговскому, но имянно к нему писать о том не велите, только воздавайте ему свое царское благодарение и ведомость чините, а подлинно велите писать к Ивану Петрову, и как Иван Петров приедет сюда, то мы будем совершать головою своею и всею душою. 10 марта * пришла к гетману весть, что не стало жены его, и гетман очень кручинился; я ходил к нему утешать в кручине, а он в разговоре говорил про Москву и клялся, смотря на образ спасов: «Клянусь богом, что пойду на Москву и разорю пуще Литвы; я посылаю от всего сердца своего, а они лицу моему насмехаются».

Тогда же подьячий Григорий Богданов, возвратившийся из Малороссии, рассказывал: «Приходил ко мне в Корсуни писарь Иван Выговский и наказывал, чтоб его слова были известны великому государю; к нему, писарю, царская милость и жалованье, и он на государском жалованье челом бьет и обещается великому государю служить и всякого добра хотеть под присягою, и теперь, что у гетмана Богдана Хмельницкого с польским королем, крымским царем и другими государствами будет делаться, он обо всем великому государю станет доносить, в Путивль тайным делом к боярину князю Семену Васильевичу Прозоровскому писать, только б это никому не было известно, потому что если узнает об этом гетман Богдан Хмельницкий, то ему, писарю, не миновать наказанья. Потом Выговский говорил, чтоб великий государь непременно всю Малую Русь теперь принять изволил, потому что все единогласно молят бога и хотят быть под его государскою высокою рукою; к великому московскому пространному и многолюдному государству без войны и кровопролития будет прибавленье большое, овладеет великий государь многою землею и городами, и с тех городов, с мещан и со всяких чинов людей и с их торговых и других всяких промыслов будет царской денежной казне прибыль большая. Когда великий государь их, православных христиан, примет, то польский король будет от него в большом страхе, и не только против великого государя воевать, и говорить не будет, потому что польскому королю против великого государя стоять некем. Если же великий государь, приняв их, изволит послать своих ратных людей и их, козаков, то

---

* 10 мая См. ЦГАДА, ф. 124, Малороссийские дела, 1651 г., д. 9, л. 40. (*Прим. ред.*)

известно наверное, что Корона Польская и Великое княжество Литовское и без войны учинятся подданными и будут под его государскою рукою, потому что Польша и Литва и от одних их, козаков, живут в великом страхе. Если же государь их не примет теперь и учинятся они подданными польскому королю, то польский король против великого государя войну начнет тотчас; он, писарь, опасается, чтоб поляки не прельстили и козаков, не уговорили их идти вместе с ними на Московское государство, а крымский царь уже давно готов идти на Московское государство» [60].

Но эти угрозы не помогли, Москва не трогалась, и Хмельницкий, ограбленный и покинутый ханом, стал хлопотать о мире; коронный гетман Потоцкий также боялся осени в Украйне среди озлобленного народонаселения, и 17 сентября под Белою Церковью, где сошлись оба гетмана, был подписан ими следующий договор: 1) Войска Запорожского будет только двадцать тысяч; оно должно находиться в одних только имениях королевских и в воеводстве Киевском, не касаясь воеводств Брацлавского и Черниговского. 2) Коронное войско не должно стоять в воеводстве Киевском в тех местечках, где будут реестровые козаки. 3) Обыватели воеводств Киевского, Брацлавского и Черниговского сами лично и чрез своих урядников вступают во владение своими имениями и пользуются всеми доходами и судопроизводством. 4) Чигирин остается при гетмане, который должен состоять под властию гетмана коронного. 5) Жиды должны быть обывателями и арендаторами в имениях королевских и шляхетских. 6) Гетман запорожский должен отпустить орду и вперед не вступать ни в какие сношения с нею и вообще с иностранными государствами.

В Москве знали о подробностях этой войны обычным путем: через людей, посылаемых порубежными воеводами за границу для вестей. Эти вестовщики доносили, что во всех черкасских городах черкасы и мещане говорят одно, чтоб государь их пожаловал, велел принять, а они ему вечные холопы со всеми городами, которые за ними; если же государь принять их не велит, то они поневоле пристанут к турскому царю и к крымским людям. В Смоленске, Орше, Минске, Могилеве и других городах православные толковали: «Когда у поляков с черкасами будут бои и станут поляки черкас осиливать, то мы, всяких чинов люди, поднимемся на поляков и сделаем у себя таких Хмельницких десять человек, а войска — 100 000 и станем Польшу и Литву воевать для того: если поляки черкас осилят, то и нас всех православных христиан выгубят, и нам поневоле против поляков стоять и биться пока нашей мочи будет» [61]. Поляки действительно опасались этого восстания и в Смоленске всех православных

выслали из города на посад, а между тем по-прежнему хлопотали, чтоб втянуть Москву в ссору с козаками.

Еще в марте 1651 года приезжали в Москву полномочные послы королевские, Станислав Витовский и Филипп Обухович, и в ответе объявили боярам: учинилось у крымского хана на Московское государство злое умышленье за то: как в прошлых годах присланы были к царскому величеству крымские послы, и тех послов приняли и держали в Москве нечестно, не по прежнему обычаю, а иных татарских послов и не приняли, поворотили назад; да в то же время донские козаки ходили на Черное море и крымские улусы воевали. С этих пор крымский хан и все его татары над Московским государством беспрестанно всякое зло умышляют, и к королевскому величеству хан присылал с просьбою, чтоб король, соединясь с ним, шел на Московское государство, и что на этой войне возьмут городов и мест, то все пойдет королю, а хан возьмет себе Казань и Астрахань Но королевское величество, соблюдая вечное докончанье, на такое злое не помыслил и велел войска свои изготовить около Львова и Каменец-Подольского, и войска эти не пропустили крымцев, которые соединились с запорожскими черкасами и ходили на волохов На весну крымский хан мыслит идти на Московское государство с большою силою и к королевскому величеству пишет об этом беспрестанно да писал, чтоб король пропустил послов его к шведской королеве Христине, и эти послы уговаривали королеву послать войско на Московское государство Зная эти умышленья, вся Речь Посполитая приговорила, чтоб король сослался со всеми христианскими государями о союзе против крымского хана: за этим-то делом король прислал их, послов, к царскому величеству и для удостоверения прислал с ними подлинные грамоты ханские и ближних его людей, писанные королю и канцлеру. Король уже отправился на неприятелей: так чтоб царское величество изволил приступить к союзу самым делом, а не словом; если же царское величество ответу вскоре учинить не велит, то у королевского величества будет иная мысль. Бояре отвечали: «Сказываете вы, что присланы от короля о добром деле, о союзе на общего христианского неприятеля, а теперь говорите как бы с угрозами, но великому государю нашему ничьи угрозы не страшны, по всем нашим украйнам стоят войска готовые многие; просите вы о союзе скорого ответа, но о таком великом деле, не намыслясь гораздо, ответу скорого дать нельзя; об этом союзе и прежде у великого государя нашего с королевским величеством ссылки были, но дело к концу не приведено, за несходством и проволокою с королевской стороны». Тут послы вымолвили настоящее дело: «Желаем скорого ответа, чтоб король знал волю царскую; с неприятелем христианским соединился королевского величе-

ства изменник Богдан Хмельницкий — с запорожскими черкасами, с Хмельницким и черкасами и бои у нас были, и на тех боях королевскому величеству счастье есть; царское величество велел бы на этих общих неприятелей дать помощь королевскому величеству своими ратными людьми от Путивля, также из Астрахани указал бы послать на них ратных людей, чтоб общими силами впасть в их гнезда». Бояре отвечали: «Астрахань место дальнее, и если ждать ратных людей из Астрахани, то пройдет много времени, а у великого государя много ратных людей и без Астрахани. Вы хотите такое великое дело сделать в короткое время и чтоб царское величество войска свои послал немедленно, но такого великого дела вскоре и не делают, надобно это дело, намыслясь гораздо крепко и обстоятельно: как идти на Крым, сколько ратным людям с обеих сторон быть, каким строем и где сходиться и стоять и как над татарами промышлять? Уговорившись обо всем, ратных людей надобно изготовить, а изготовя их большое число, идти прямо на Крым, чтоб его разорить и бусурман с юрта согнать. Не договорившись обо всех этих статьях, царскому величеству ратей своих послать нельзя, потому что если его царское величество соберет рати большие, а у королевского величества войска будет мало, то царскому величеству убытки будут большие. Надобно прежде обо всем договориться, а потом и ратных людей готовить, чтоб было поровну». Послы: «Королевское величество желает, чтоб царское величество помог ему ратными людьми на изменников запорожских черкас и на крымских татар от Путивля; король сам на коня сел и против изменников своих пошел, и с ним войска 50 000; крымцы, услыша царских и королевских ратных людей, от изменников запорожцев отстанут, и когда с помощию царского величества король с своими изменниками управится, то после станет с царским величеством ссылаться о соединении на крымские улусы». Бояре: «Гетман Богдан Хмельницкий к великому государю писал, что он и запорожские черкасы против королевского величества начали стоять за православную веру и за святые божии церкви, и за свои нестерпимые обиды; и во всех христианских государствах в вере неволи никому не бывает, да и в вашем государстве разных вер много и противных христианской вере: кальвинов, люторов, новокрещенцов (анабаптистов), армян и богоубийц жидов, которых всем христанским людям ненавидеть должно, однако король и паны радные их веры не трогают, а христианских правоверных людей одного государства и подавно надобно было оберегать. Великий государь наш брат своему, его королевскому величеству, по своей братской дружбе и любви, желает, чтоб напрасное это междоусобие прекратилось без кровопролития и были бы запорожские черкасы у короля в послушаньи по-прежнему и от крымских

татар отстали. Если же запорожские черкасы от вашего гонения королю изменят и поддадутся турскому султану или крымскому хану, и королевскому величеству смирить их будет нельзя, и от них обоим государствам ждать всякого зла, тогда измену их чем унять и успокоить? Надобно это дело успокоить миром. Если король захочет, то царское величество к гетману Богдану Хмельницкому и ко всему Войску Запорожскому велит послать, чтоб гетман с королевским величеством ссору и войну унял и был у короля в подданстве попрежнему, а королевское величество и паны радные веры христианской не гнали бы и напрасной тесноты козакам не делали. И когда королевское величество с запорожскими черкасами войну кончит, тогда царское величество обошлется с ним о соединении на крымского хана, чтоб Крым разорить». Послы: «Гетман Богдан Хмельницкий присылал к царскому величеству воровством, в вере им неволи никакой не бывало. Под Зборовом Хмельницкий присягал королю, чтоб быть ему в подданстве и послушании, и потом, разлакомясь воровскими добычами и надеясь на тех же бунтовщиков запорожских черкас, начал мыслить всякими мерами, как бы ему от королевского величества из подданства высвободиться, и стал бунтовать, а славу пускать и причину задавать, будто начали стоять за веру; шляхту и урядников в имения не пускают и, которые начали приезжать, тех стали побивать невинно; а теперь Хмельницкий поддался крымскому хану, ему присягал и с ним соединился». Бояре: «Пока черкасы от крымцев не отстанут, до тех пор на крымцев идти нельзя; если с крымцами теперь войну начать, то за крымского хана и за черкас вступится турский султан, одни войска пойдут на Московское государство, а другие — на Польшу, и в это время помогать друг другу будет нельзя, что тогда будет делать? Всего лучше запорожских черкас от крымцев оторвать покоем; а когда черкасы усмирятся, то промышлять о том, чтоб их с крымцами ссорить, а поссорив их, идти сообща на Крым». Послы: «Если царское величество хочет о мире с черкасами быть посредником, то за такое доброе дело ему и от бога заплата будет; только нам от короля дано полномочие становить о помощи против крымского хана, а о посредстве не наказано». Бояре дали ответ решительный, что государь тогда только станет ссылаться с королем о крымской войне, когда король запорожских черкас смирит или миром успокоит.

В июне отправился к королю гонец, подьячий Старого, с такою царскою грамотою: «Вашего королевского величества великие и полномочные послы, будучи у наших великих бояр и думных людей в ответах, в наших титлах не дописывали: карталинских и грузинских царей и Кабардинской земли, а в титлах вашего королевского величества приписали лишнее и поехали, не бив челом нам о тех своих винах, и поставили

то ни во что. И нам то в подивленье, что нашей чести такое неостереганье учинилось от ваших послов». Король отвечал, что относительно прописки в титуле послы его помирились с боярами и он удивляется, каким образом это дело поднимается вновь. С своей стороны король жаловался, что бунтовщиков-козаков брянские воеводы пропустили чрез свой уезд в литовские области и козаки эти взяли Рославль. Гонец привез вести, что в Дорогобуже, Смоленске и в иных городах жители говорят: если в их места козаки придут, то они к козакам пристанут и начнут с ними заодно ляхов воевать; никогда они за ляхов кровь свою проливать и с своею братьею, православными христианами, биться не станут.

В конце 1651 года отправлены были в Польшу дворянин Афанасий Прончищев да дьяк Алмаз Иванов для присутствия на сейме при суде и наказании людей, виновных в прописке титула. Виновные сами не явились на сейм, прислали за себя прокураторов. Мартын Калиновский, Адам Кисель и Лука Жолкевский были оправданы тем, что прописки в их грамотах были сделаны до внесения в конституцию сеймового решения о наказании за подобные прописки. Про те грамоты, у которых не было подписей, прокураторы говорили: «Ясно дело, что эти грамоты писаны только именем обвиненных, без них, потому что если б писаны были при них, то они сами подписались бы. В которых грамотах были подписи, о тех прокураторы говорили, что они этих рук не знают, точно ли сами обвиненные подписались; а хотя бы и точно сами обвиненные подписались, то они не виноваты, а виноваты или нет писаря. Из других обвиненных многие померли, иные побиты, и прокураторы били челом королю, панам радным и всей Речи Посполитой и просили, чтоб над прописчиками, мимо прав коронных и литовских, ничего не делать. Посланникам объявили королевский приговор, что писавшие грамоты неправильно до внесения сеймового решения в конституцию невинны, что писавшим после конституции велено присягнуть, что они прописки сделали без хитрости; умершие находятся под судом божиим; тех же, которые ни сами не явились на сейм, ни прокураторов не прислали, король по конституции велел объявить баннитами, то есть лишенными покровительства законов; убийство такого баннита в вину не ставится. Посланники отвечали: «Мы этого декрета не принимаем, потому что он учинен мимо вечного докончания и посольского договора: великому государю нашему не заплата, что худых и неведомых людей делаете баннитами, а знатных лучших людей укрываете и от смертной казни освобождаете; по договору посольскому, всех обвиненных довелось казнить смертью при нас на нынешнем сейме. Если король, жалея знатных людей, смертью казнить их не велит, то пусть возьмет у них имения себе, а царскому величеству вместо того велит уступить

города, отданные в 1634 году. «Если вы декрета не принимаете, — сказали паны, — то мы вам больше об этом говорить не станем; с чем вас королевское величество к царскому величеству отправит, с тем и поедете, а с декретом наш государь пошлет к вашему своих послов или посланников». С этим посланники и возвратились в Москву.

С декретом приехали в Москву в июне 1652 года Албрехт Пенцлавский и Казимир Униховский. Между ними и боярами в ответе начались прежние споры. Посланники утверждали, что, как по их стародавним правам издавна повелось, так они и делают, а мимо правды ничего им делать невозможно. Бояре отвечали: «Это право учинено у вас в своем государстве между людей посполитого чина, что прокураторам отвечать, а к государской чести это нейдет; если б кто-нибудь против королевского величества какое зло учинил, то можно ли вместо виноватого отвечать прокураторам? Думаем, что нельзя». Посланники: «Хотя бы кто и самого короля чем обесчестил, то по правам нашим нельзя королю без сейма Речи Посполитой этого виноватого казнить, также нельзя запретить прокуратору отвечать вместо виновного». Несмотря на то, государь указал и бояре приговорили: декрета не принимать, потому что он написан не по договору посольскому и не по конституции [62].

Таким образом у Москвы постоянно оставался предлог к разрыву с Польшею, и все зависело от оборота, какой примут дела малороссийские; а в Малороссии дела не могли окончиться мирно. Поражение под Берестечком ясно показывало Хмельницкому и козакам, что им одним сладить с Польшею нельзя, когда она напряжет все свои силы, и на хана надеяться также нельзя, когда дело идет о том, чтоб сражаться с многочисленным войском, а не грабить. Воспользовавшись своим торжеством, поляки предписали козакам почти такие же условия, в каких находились они до 1648 года, но теперь и для Хмельницкого, привыкшего к царственному положению, и для козаков, и для черни, освободившейся от панов и жидов, привыкшей к воле, условия эти были нестерпимы: четыре года гетманства Хмельницкого прошли недаром; эти четыре года отрезали совершенно Малороссию от прошедшего, возврат к которому был невозможен, и поляки, стремившиеся возвратить Малороссию к этому прошедшему, прали против рожна. Хмельницкий сначала хотел отдохнуть, выждать время. 22 октября 1651 года он писал к Потоцкому, что будет смотреть зорким оком на все стороны и уведомлять его о приближении неприятеля: «До окончания ревизии, — прибавляет Богдан, — униженно прошу вашу милость приказать, чтобы войска не шли далее на квартиры в Брацлавское воеводство, пока мы не успокоим черни, и где остановятся, то чтоб не слишком надоедали простому народу. Я уверен, что

ваша милость изволили приказать пану Славковскому на первый раз исподволь приучать крестьян». Писал к Потоцкому и Выговский: «Не только теперь, но и во всякое время я прилагал большое старание о том, чтоб усердно и верно служить его королевской милости. А что ваша милость в последнем письме уверять меня изволишь в милосердии его королевского величества и важном повышении, то за это буду отслуживать вашей милости во всю жизнь тем же усердием и нижайшими услугами. Изволь, мой пан и благодетель, думать обо мне как о верном слуге своем; позволь, чтоб я был предпочтен другим в важнейшем деле, касающемся его королевской милости. Об одном прошу, чтоб моя жизнь была в безопасности; затем буду ожидать спокойно повышения, обещанного вашею милостию. Об одном прошу вашу милость, чтоб знал, кому поверять секретнейшее».

Напрасно Хмельницкий желал от победителей-поляков осторожности и умеренности в пользовании победою. В декабре того же, 1651 года гетман польный Мартын Калиновский должен был разослать универсал по киевской шляхте, в котором писал: «Часто доходят до меня жалобы от пана гетмана и Войска Запорожского на то, что в противность договорным статьям обыватели Киевского воеводства препятствуют товариществу Запорожского Войска свободно переходить из имений частных владельцев в имения королевские, в Киевском воеводстве лежащие, оставлять домы, продавать хлеб, имение; и уже теперь, не дожидаясь постановленного срока, в противность тем же договорным статьям товарищество Войска Запорожского подвергается изгнанию, лишается всего имения. Доходят и другие жалобы, что некоторые из панов обывателей запрещают козакам переселяться из своих имений и наказывают за то тюремным заключением и смертию». Калиновский именем любви к отечеству заклинал своих панов и братий удерживаться от подобных поступков[63], но понапрасну. Чернь, отвыкнув от такого порядка вещей, не хотела снова привыкать к нему, и вот потянулись переселенцы по давно указанному для славян направлению, с запада на восток, потянулись толпы украинцев за Днепр, в степные владения Московского государства, где основали новые слободы на пространстве от Путивля до Острогожска и далее на юг, удерживая свое старое козацкое устройство. Оставшиеся готовились к войне.

Прозоровский доносил в Москву: посылал гетман в Корсунь полковника Михайлу Громыку переписывать черкас, которым быть по договору в двадцати тысячах; но корсунские черкасы Громыку убили за то, что Хмельницкий и полковники мирились с поляками не по их совету; гетман велел за то казнить из них лучшего человека, который стал было в полковники на Громыкино место, — Лукьяна Мозыру; да он

же, гетман, разослал по всем городам листы, чтоб черкасы были все наготове: надобно думать, что будет у черкас с поляками война по-прежнему, потому что из панских имений в королевские города черкасы идти не хотят. Богдан велел сказать Прозоровскому чрез его посланца: «Хотя я с поляками теперь и помирился на чем-нибудь, только я великому государю служить рад; кого он изволит к нам прислать — и мы все готовы ему крест целовать; а если государь нас не пожалует, принять не велит, то нам поневоле промышлять, как лучше, а мир у нас с поляками некрепок, потому что поляки всегда лгут, на миру не стоят». То же писал Хмельницкий и в грамоте своей к Прозоровскому: «Хотя мы и приняли *перемирье,* однако знаем, что нам и вере нашей православной поляки не желают ничего доброго; надеемся на господа бога и на милость его царского величества, что, когда над церквами восточными умилится и над верою нашею православною, тогда поляки не восприимут потехи; а мы, как не один раз обещали быть желательными его царскому величеству, так и теперь истинными быть обещаемся». Новый путивльский воевода, князь Федор Хилков, доносил, что приехали в Путивль на государево имя на вечное житье черниговский полковник Иван Дзиковский с тремя сотниками и с двумя тысячами козаков. Козаки остались на границе до указа из Москвы, а между тем королевский полковник Маховский писал Хилкову, что эти изменники и разбойники обиды великие чинят в королевской стороне, бояр по дорогам побивают, купцов разбивают [64].

В Москве видели, что действительно у поляков с козаками мир непрочен, что скоро надобно решиться или принять козаков и воевать с Польшею, или видеть подданство козаков султану и грани турецкие подле украинных городов московских. Попытались, нельзя ли избежать и того и другого. 22 марта 1652 года государь приказал дьякам своим, Волошенинову и Немирову, поговорить с гетманским посланцем Искрою по любви, потому что они одной веры христианской; дьяки стали говорить Искре: «Гетман в письме своем просит, чтоб его царское величество держал Запорожское Войско в своем милостивом жалованье; великий государь для православной веры держит к козакам свое государское жалованье большое, а король, сенат и Речь Посполитая на своей правде мало стоят; и если они не исполнят своих договоров с гетманом, то Запорожское Войско не пойдет ли к хану в Крым, потому, что у гетмана с крымским ханом дружба большая?» Искра отвечал, что в случае большого притеснения от поляков гетману, кроме царя, некуда деться, и царь бы пожаловал, принял козаков в свою сторону с порубежными их городами, которые близко к путивльскому рубежу; Запорожское Войско в союзе с ханом поневоле, и союз этот дорого стоит,

потому что крымцы пустошат Малороссию, верить им ни в чем нельзя, и потому козаки к крымскому не пойдут и, кроме государской милости, деться им негде. Дьяки продолжали: «Если вам от поляков будет утеснение, то гетман и черкасы шли бы в сторону царского величества, а у царского величества в Московском государстве земли великие, пространные и изобильные, поселиться им есть где; удобно им поселиться и по рекам Донцу, Медведице и другим угожим и пространным местам. Если же им быть в царского величества порубежных городах, то всегда будет у них с польскими людьми ссора, а, чем дальше от них, тем лучше: безо всякого будет задора. А перейти им в царского величества сторону по вечному докончанью можно, потому что отдачи на обе стороны не бывает, кто в которую сторону перейдет, тут и живет без выдачи; а к крымскому хану идти вам непригоже, потому что крымцы бусурманы и верить им ни в чем нельзя, и никакого добра от них, кроме разоренья, нечего ждать».

Выговский, страшая, что между козаками много таких, которые будут советовать гетману поддаться туркам или крымцам, уверял в своей преданности и готовил себе на случай убежище в Москве. В июне 1652 года он говорил с московским посланцем Унковским: «Если государь не изволит нас принять, то есть такие люди многие, что станут гетману наговаривать поддаться турскому или крымскому, а у меня того и в уме нет, чтоб, кроме великого государя, куда помыслить, только бы великий государь пожаловал меня, холопа своего, велел обнадежить своею милостью, велел бы мне свою грамоту прислать за рукою думного дьяка, чтоб гетман и никто другой о том не знал; и в Путивль свою грамоту велел прислать, чтоб меня приняли, когда я к великому государю поеду. Если государская милость ко мне будет, то я с отцом своим, братьями и приятелями к великому государю приеду, а лучшие люди Запорожской земли со мною же, да не думаю, чтоб и гетман неверным поддался. Меня и венгерский король зовет к себе, власть мне и жалованье великое дает; потому меня король венгерский знает, что я у него бывал, и про то он знает, что я от Войска Запорожского почтен; но я, кроме великого государя, не мыслю никуда ехать. Пока я здесь, уповаю на бога, что удержу гетмана, все Запорожское Войско и царя крымского, воевать московские украины не пойдут, потому что крымский царь и мурзы меня слушают: известно им, что я в Войске Запорожском владетель во всяких делах, а гетман и полковники, и все Войско Запорожское меня слушают же и почитают; вы и сами видите, что гетман и лучшие люди мне верят во всем» Перекрестившись перед образом и поклонившись в землю, Выговский сказал: «Дай, господи, чтоб великого государя ко мне, последнему холопу,

милость была совершенна, а я, как обещал ему, государю, служить и на чем образ спасов целовал, так и совершу»[65].

Между тем несчастная Украйна, опустошенная войною, голодом, переселениями, не переставала волноваться: жители ее вырезывали польских солдат и вели гайдамацкую войну; поляки мстили им, истребляя мятежные селения, вырезывая всех жителей. Чернь вооружалась и против Хмельницкого, который по обстоятельствам медлил объявить себя на стороне народного восстания; наконец для собственной безопасности, он должен был опять расширить реестр вопреки Белоцерковскому договору и, видя невозможность мира, завел снова сношения с татарами. Поводом к новой войне была свадьба гетманского сына Тимофея на дочери господаря молдавского Липулы. Липула дал прежде вынужденное страхом обещание выдать дочь за Тимофея, но под разными предлогами не исполнял его, и обратился к Польше с просьбою о помощи против нежданного свата, родство с которым считал для себя унизительным. Вследствие этой просьбы господаря гетман Калиновский стал лагерем на берегу Буга, близ горы Батога или Батова, недалеко от Ладыжина, чтоб преградить путь жениху, который шел за невестой с козацким и татарским войском. Старый Хмельницкий предупредил Калиновского, чтоб тот дал дорогу его сыну, иначе может произойти невыгодное для поляков столкновение; Калиновский не обратил внимание на предостережение, напал на Тимофея и заплатил за это жизнию своею и двадцати тысяч польского войска. Тимофей беспрепятственно продолжал путь в Молдавию, где господарь должен был выдать за него дочь свою; а старик Хмельницкий, показывая вид, что не одобряет батогского дела, и оправдывая себя и сына пред королем, между тем осаждал Каменец, чтоб укрепиться в Подолии. Король созвал чрезвычайный сейм, на котором положено было собрать 50 000 войска; на сейм явились козацкие депутаты и божились, что гетман их не знал о батогском деле, и к Хмельницкому в Чигирин отправились комиссары от сейма с требованием, чтоб он разорвал союз с татарами и отдал сына в заложники. Богдан вспыхнул, услыхав эти требования, и, схватившись за саблю, сказал: «Если б кто другой, а не вы, мои давние знакомцы и друзья, были ко мне присланы с такими речами, то я бы иначе с ними распорядился. Разве вы не видите моего расположения к Польше, что, поразивши вас теперь на Батоге, я ничего не делаю, тогда как мог бы не только вас вконец разорить, но, пославши многие полки козацкие и татарские, мог бы вас за самый Рим загнать? С татарами мне разойтись нельзя; для комиссии будет время, когда война перестанет; пусть сам король ведет со мною переговоры, а когда и где быть комиссии — это в его королевской воле. Сына в залог послать нельзя: один еще мал, а дру-

гой только что женился. Прежде всего пусть король присягнет в ненарушении зборовских условий». Хмельницкий действительно надеялся легко управиться с Польшею, опустошенною моровым поветрием, пожарами, голодом, наводнениями. В декабре 1652 года явился в Москве посол Хмельницкого, войсковой судья Самойла Богданович, с низким челобитьем, чтоб государь умилосердился, велел принять Запорожское Войско под свою высокую руку. Дьяки Посольского приказа спросили Богдановича: «Как тому быть, что гетману и всему Войску Запорожскому быть под царского величества высокою рукою, и как им жить? Там ли, в своих городах, или где в другом месте? О том с ними от гетмана наказано ли подлинно?» Богданович отвечал: «Как гетману и всему Войску Запорожскому быть под царского величества рукою, о том он не ведает, и от гетмана с ним о том ничего не наказано, ведает то гетман, а с ним только наказано царскому величеству бить челом: как прежде царское величество был к гетману и ко всему Войску Запорожскому милостив, так бы и теперь своей государской милости от них не отдалял и неприятелям их, полякам, помощи на них не давал; а, кроме того, ни о чем говорить не наказано».

Но 1653 год заставил Богдана переменить мысли, которые он имел в 1652. В начале года лучший полководец польский, Чарнецкий, ворвался в Украйну и сильно опустошил ее; в Польше делалось вооружение; в Молдавии Хмельницкому должно было защищать свата своего Липулу, против которого встали господарь волошский и князь трансильванский Рагоци. В апреле приехали от гетмана в Москву Кодрат Бырляй и Силуан Мужиловский с просьбою, чтоб великий государь пожаловал, для православной христианской веры велел гетмана со всем Войском Запорожским принять под свою государеву высокую руку и учинил бы им на неприятелей их, поляков, помощь думою и своими государевыми ратными людьми. К ним писали и присылали много раз турский султан и крымский хан, зовя к себе в подданство, но они в том им отказали, что они мимо великого христианского государя царя к бусурманам в подданство идти не хотят. Если царское величество то их междоусобие успокоит миром через своих послов, они и той государской милости ради и из воли его государской не выступают, только б изволил царское величество послать теперь поскорее к королю гонца, чтоб он войною на Запорожское Войско не наступал и задоров никаких чинить не велел. Королева шведская отправила послов своих к гетману и ко всему Войску Запорожскому неизвестно о каких делах, и тех ее послов на дороге переняли поляки: так гетман велел у царского величества милости просить, чтоб государь пожаловал, велел их, посланников, пропустить к шведской королеве через свое государство проведать, для чего

она своих послов к нему посылала, а для верности пусть царское величество пошлет с ними в Швецию от себя кого ему угодно. Бырляй и Мужиловский привезли грамоты от Хмельницкого к патриарху Никону, к боярам — Морозову, Милославскому, Пушкину — с низким челобитьем, с смиренною просьбою, чтоб они ходатайствовали пред православным царем за него, гетмана, прямого слугу царского величества. Государь не велел пропускать Бырляя и Мужиловского в Швецию на том основании, что это может помешать переговорам с Польшею. В это время принятие в подданство Малороссии и война польская были уже решены в Москве: первая дума об этом у государя с боярами была 22 февраля 1653 года, в понедельник первой недели великого поста, а «совершися государская мысль в сем деле» в понедельник третьей недели великого поста, марта 14 [66].

Для последних переговоров 24 апреля 1653 года отправлены были в Польшу полномочные послы: боярин князь Борис Александрович Репнин, боярин князь Федор Федорович Волконский * и дьяк Алмаз Иванович. Послы нашли Яна Казимира во Львове 20 июля и потребовали, чтоб король над виновными в умалении государева титула велел справедливость учинить пред ними же, великими послами, без всякой отволоки. Потом послы объявили другое дело: присылал к великому государю запорожский гетман Богдан Хмельницкий, что договор, заключенный с козаками сперва под Зборовом, а потом под Белою Церковью, не исполнен с королевской стороны: церкви не отданы, многих православных христиан духовного и мирского чина невинно замучили, войска на них коронные и литовские собраны, хотят на них приходить тайно, чтоб их безвестно разорить и искоренить: так чтоб великий государь для православной веры милость над ними показал, за них вступился и принял их под свою высокую руку; если же царское величество их не пожалует, то они поневоле учинятся в подданстве у турского султана или крымского хана, потому что вперед панам радным верить нельзя, никогда они в правде своей не стоят, а под турским султаном живут многие христиане, и такого гонения от бусурманов не бывает, какое им, черкасам, от поляков. Великий государь, остерегая вечное докончание, запорожским посланцам велел сказать, что им быть по-прежнему под королевским повеленьем безо всякого сомнения; гетман и все Войско Запорожское отвечало, что если государь под свою руку их не принимает и к бусурманам в подданство идти не велит, то чтоб царское величество с королем их помирил через своих великих послов и быть им в прежних вольностях без всякого насилования, а как мир станется, то они сейчас же от бусур-

* С. М. Соловьев ошибается Нужно — Богдан Хитрово См ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1653 г., д. 2, 3. *(Прим. ред.)*

манов отстанут. И великий государь указал им, великим послам, панам радным говорить, чтоб королевское величество государства своего до разделения и до большого междоусобия и разорения не допускал, подданных своих черкас от поганцев отлучил, договор с ними учинил крепкий, чтоб им вперед в вере неволи не было и жить им в прежних вольностях.

Паны отвечали, что Хмельницкий говорит все неправду, что он поддается турскому султану и принял бусурманскую веру; об этом они узнали недавно; только бусурманскую веру принял он один, Хмельницкий, чернь султану поддаться не захотела, и королевское величество, не желая видеть православных христиан в подданстве у султана, идет на Хмельницкого сам со многими войсками и станет Хмельницкого с товарищами его добивать, чтоб больше государству его разорения от этих бунтовщиков не было. Послы возражали: «Вы, паны радные, говорите неправду: царскому величеству подлинно известно, что православным христианам от вас и от вашего духовенства в вере неволя большая». Когда паны донесли королю о речах посольских, то Ян Казимир велел отвечать послам, что Хмельницкий требует возобновления Зборовского договора, но ему, королю, как стерпеть, что подданный его, самый худой человек, хлоп, пишет, чтоб сделано было по его хотенью, чего в Польше и Литве никогда не бывало, а теперь Хмельницкий поддается турскому султану и зовет крымского хана к себе на помощь, обещает султану, что примет бусурманскую веру. Хмельницкий самый лютый вор и такому вору как верить? Паны объявили послам, что о Зборовском договоре они и слышать не хотят, договор этот за неправды Хмельницкого снесен саблею, но для царского величества король милосердие свое покажет, если Хмельницкий добьет ему челом, булаву отдаст и вперед гетманом не будет; если и козаки добьют также челом, оружие свое все положат и будут по-прежнему в холопах у панов своих и пашню станут пахать, а реестровых козаков будет по-прежнему шесть тысяч и станут жить в Запорожье и где прежде живали, а в Киеве и других городах по обе стороны Днепра будет стоять войско коронное и литовское; если же Хмельницкий этого не сдержит, то царское величество помог бы на него королю своими ратными людьми. Послы настаивали, чтоб король помирился с козаками на зборовских условиях; паны повторяли, что они о Зборовском договоре и слышать не хотят. Послы предложили, чтоб король послал от себя своего дворянина, а они, послы, отправят своего к Хмельницкому для унятия крови христианской; паны именем королевским отвечали, что не только королю, но и послам отправлять своего дворянина не годится: всякий подумает, будто король у изменника своего мира просит и, боясь его, позволил вам послать за миром к такому изменнику, кривоприсяжце, ху-

дому человеку, холопу; надобно было Хмельницкому наперед прислать к королевскому величеству с челобитьем. Если царскому величеству надобно, чтоб Хмельницкий был у королевского величества в подданстве, то пусть пошлет от себя к Хмельницкому, возьмет у него статьи, на которых он хочет быть в подданстве, и перешлет эти статьи к королю, а король решит, на какие статьи можно согласиться и на какие нет. Послы отвечали, что Хмельницкий, кроме Зборовского договора, ничего не примет. Паны говорили *гораздо сердито,* что Зборовского договора и на свете нет, с Хмельницким у короля никакого договора не было, был договор под Зборовом с крымским ханом; договор этот нарушен Хмельницким, после чего был другой договор, под Белою Церковью, и тот нарушен Хмельницким же, и теперь король всех этих изменников снесет и до конца разорит. Послы: «Королевскому величеству и вам, панам, надобно рассудить: если вы этих своих подданных побьете, города и места разорите и сделаете пустоту, то побьете и разорите не чужое государство, а свое; после эти пустые места кем вам будет населить? Всякий государь славен и силен подданными своими, а у пустоты государю бессилие и бесславие; под Зборовом король договор учинил православной веры не теснить, а унию искоренить и на этих зборовских статьях принял Хмельницкого в подданство по просьбе бусурмана крымского хана; но теперь бы королевское величество по просьбе христианского государя, царского величества, принял Хмельницкого в подданство по Зборовскому договору и православной веры теснить не велел».

После этих разговоров послы начали дело о новых прописках в титуле, требовали по-прежнему смертной казни виновным и приводили в пример персидского шаха, который прислал государю на смертную казнь виновного в прописке титула. Паны отвечали: «И король пошлет виновных к вашему государю на смертную казнь, если государь ваш пришлет наперед к королю головою своего патриарха, за то, что он в королевских областях, уступленных по последнему миру, в попы ставит и благословенные грамоты дает, чем нарушает мирное постановленье». Потом возвратились к делу Хмельницкого, и послы объявили, что король присягал не нарушать веры и вольности своих подданных; если же он станет теснить православную веру, то подданные, как написано в присяге, будут свободны от подданства. Паны отвечали, что послам в эти дела, в королевские присяги, вступаться не довелось и греческой вере утесненья в Польше и Литве нет. Тут послы объявили, что если король перестанет теснить православную веру, уничтожит унию и примет Хмельницкого в подданство по Зборовскому договору, то государь для такого доброго дела велит все прежние ссоры от прописок в титуле оставить.

Паны отвечали: «Если царскому величеству угодно, чтоб король простил Хмельницкого и козаков, то пусть же послы отправят к Хмельницкому от себя посольство и уговорят его выйти навстречу к королю и бить ему челом, когда король пойдет на него с войском». Послы объявили прежнее: что если король хочет принять козаков по Зборовскому договору, то они, послы, могут быть посредниками. Паны отвечали: «Чем вы королевское величество обнадежите, что Хмельницкий действительно захочет соблюдать мир и не захочет многих прихотей? Этот изменник и враг божий непостоянен, три раза присягал и нарушал присягу; да и то королевскому величеству не важное дело, если Хмельницкий и поддастся турскому султану: чернь и козаки уже от него отстали и присылали к королю киевского полковника Антона Ждановича бить челом о винах своих». Послы: «Мы будем уговаривать Хмельницкого, чтоб он, кроме веры, во всех других статьях отдался на волю королевскую, и если он согласится, то этим самым объявит свою правду». Паны отвечали: «Король на зборовских статьях ни за что с Хмельницким не помирится, и унию уничтожить нельзя, потому что сами униаты на это не согласятся. Дайте, великие послы, обязательство, что если Хмельницкий помирится и мира не сдержит, то царское величество заплатит королю за теперешние военные издержки и поможет на Хмельницкого своими ратными людьми». Послы не согласились дать это обязательство. Тогда паны объявили последнюю меру: если Хмельницкий булаву положит и гетманом не будет, козаки оружие свое перед королем положат и станут просить милосердия, тогда король для царского величества окажет им милость. Несмотря, однако, на эту конечную меру, паны вскоре объявили послам, что король согласен, чтоб они, послы, отправили своего дворянина к Хмельницкому, но послы отвечали, что теперь им этого сделать уже нельзя: они получили весть, что Хмельницкий идет на короля войною вместе с крымскими татарами, чего он не должен был делать, не получивши от них решительного ответа о неуспешности их переговоров; таким образом, Хмельницкий сделался изменником и царскому величеству, и потому они, послы, о Хмельницком больше говорить не будут. Так как король на уничтожение унии не согласился, за что царь готов был оставить все свои требования относительно прописок в титуле, то послы обратились снова к этим требованиям; паны отвечали, что насчет прежних прописок постановлен сеймовый декрет, вопреки которому сделать ничего нельзя; что же касается новых прописок, сделанных после посольства Прончищева, то король посмотрит, как царь распорядится с собственными подданными, виновными в прописке королевского титула, виновными в пропуске малороссийских козаков через Брянский уезд в Литву на войну, с патриар-

хом, виновным в том, что ставил попов в королевскую сторону. С этим послы и были отпущены [67].

В то время, как Репнин с товарищами вели эти переговоры во Львове, Хмельницкий угрозою поддаться турецкому султану торопил дело в Москве. Он объявил Сергею Яцыну, посланцу путивльского воеводы князя Хилкова: «Вижу, что государской милости не дождаться, не отойти мне бусурманских неверных рук, и если государской милости не будет, то я слуга и холоп турскому». 15 июня Яцын приехал в Путивль и сказал, что у гетмана турецкие послы были и еще полномочный посол идет, только присяги ждет. Получивши это донесение, царь послал к гетману стольника Лодыженского с следующею грамотою (от 22 июня): «Мы изволили вас принять под нашу высокую руку, да не будете врагам креста Христова в притчу и в поношение, а ратные наши люди сбираются». Хмельницкий отвечал 9 августа: «Пребываем благонадежны на премногую милость, которую нам твое царское величество показать изволил, что не оставлены будем из-под крепкой руки твоего царского величества. Мы иному неверному царю служить не хотим, только тебе бьем челом, чтоб твое царское величество не оставлял нас. Король польский со всею силою ляцкою идет на нас, погубить хотя веру православную. С известием об этом отправили мы к тебе посланца нашего Герасима Яковлева, молясь прилежно пресветлому твоему лицу, чтоб твое великое государство скорою и сильною ратию нам руку помощи послать изволил, а мы мириться не будем с королем до милостивой вести от твоего великого государства». Выговский в то же время писал к думному дьяку Лариону Лопухину: «Татарам уже не верим, потому что только утробу свою насытить ищут» [68].

В августе же отправился в Малороссию подьячий Иван Фомин, который должен был отдать тайно Выговскому грамоты турецкого султана, крымского хана, силистрийского паши, гетманов Потоцкого и Радзивилла к Хмельницкому, ибо все эти грамоты тайно пересланы были Выговским в Москву. За эту службу царь прислал Выговскому 40 соболей да три пары соболей добрых. Фомин так описывает прием свой у Хмельницкого: когда он подал царскую грамоту, то Богдан принял ее честно и учтиво, в печать и в грамоту любезно целовал; распечатавши и прочтя ее сам, опять целовал и середи светлицы на государской милости поклонился в землю и сказал: «Благодарю господа бога и пречистую богородицу, что такой пресветлый великий государь меня, холопа своего, и все Войско Запорожское пожаловал своим царским неизреченным жалованьем». Фомин говорил: «Божиею милостию великий государь жалует тебя, гетмана Богдана Хмельницкого, и писаря Ивана Выговского и полковников и все Войско Запорожское православной христианской

веры, велел вас спросить о здоровье». Гетман отвечал: «На премногой государской милости я и все войско много челом бьем и, видя такую царского величества премногую милость, служить как богу, так и ему, государю, помазаннику божию, и добра хотеть во всем ради». При этих словах все поклонились низко. Гетману Фомин подал от государя 40 соболей да две пары добрых, значит, меньше, чем Выговскому, которому при гетмане явно дана только пара соболей. Наедине Фомин говорил гетману: «Великий государь тебя, гетмана, и все Войско Запорожское за вашу службу жалует, милостиво похваляет: и ты б, гетман, и все Войско Запорожское и вперед великому государю служили и радели во всем, а служба ваша у царского величества никогда забвенна не будет». Гетман отвечал, что он и писарь и все войско великому государю служить рады, только б великий государь изволил их принять вскоре под свою высокую руку в вечное холопство и своими ратными людьми на ляхов помощь велел дать также поскорее, потому что ляхи уже наступают. «Если б, — говорил Хмельницкий, — царское величество изволил нас принять вскоре и послал своих ратных людей, то я тотчас пошлю свои грамоты в Оршу, Мстиславль и в другие города к белорусским людям, которые живут за Литвою, и они тотчас станут с ляхами биться, и будет их с 200 000».

6 сентября отправлены были к Богдану новые посланники: стольник Родион Стрешнев и дьяк Бредихин, объявить, что если поляки по посольству князя Репнина-Оболенского не исправятся, то государь примет козаков. Репнин возвратился и объявил о неудаче своего посольства; тогда, 20 сентября, послали гонца догнать Стрешнева и Бредихина на дороге и отдать им новый наказ: объявить гетману прямо, что государь принимает его под свою высокую руку, а 1 октября созван был собор из всяких чинов людей, которым объявлено о неправдах литовского короля и присылках гетмана Богдана Хмельницкого с челобитьем о подданстве: «Секретари королевские и воеводы порубежных городов пишут царский титул не по вечному докончанию, со многими переменами; а иные злодеи во многих листах писали с великим бесчестьем и укоризною. Отправляемы были к королю великие послы и посланники говорить о государевой чести и просить наказания ее оскорбителям; король Владислав обещал, что вперед этого ничего не будет, но обещание не было исполнено. Мало того: появились в Польше книги, в которых про царя Михаила, отца его патриарха Филарета и про самого царя Алексея напечатаны злые бесчестья, укоризны и хулы, также про московских бояр и всяких чинов людей. Государь послал боярина Пушкина просить у короля смертной казни виновным; паны обещали; в другой раз послан был Прончищев требовать исполнения обещания: король Ян Казимир отправил

в ответ своих посланников в Москву с сеймовым декретом на обвиненных; но этот декрет постановлен был не так, как требовалось: многие виновные оправданы, а некоторые хотя и обвинены, но прибавлено, что неизвестно, живы ли они или померли. Снова отправлены были великие и полномочные послы — князь Репнин-Оболенский с товарищами — требовать, чтоб король учинил пристойное исправление; паны радные отвечали, что все это требования пустые, что они постановили декрет против виновных и вперед будут судить оскорбителей царской чести. Больше князь Репнин ничего не мог добиться. Кроме этого, неисправления Ян Казимир ссылается с крымским ханом против Московского государства, пропустил крымского посла чрез свою землю в Швецию; в порубежных местах от литовских людей постоянные задоры. Наконец, в прошлых годах гетман Хмельницкий и все Войско Запорожское много раз присылали, жалуясь на гонение за веру и прося царское величество принять их под свою высокую руку; если же государь их не пожалует, в подданство не примет, то по крайней мере вступился бы за них, помирил с поляками. По этой просьбе царь велел князю Репнину ходатайствовать у короля за малороссиян, и князь Репнин потребовал, чтоб поляки исполняли статьи Зборовского договора и возвратили православным церкви их, отнятые униатами, и если король исполнит это, то царь обещал простить всех виновных в умалении его титула. Это требование король и паны поставили ни во что, тогда как Ян Казимир при избрании своем дал клятву не теснить никого за веру и в случае нарушения клятвы освобождал подданных от присяги. Теперь же гетман Богдан Хмельницкий прислал опять посланца своего Лаврина Капусту с тем, что король идет на Украйну войною и козаки, не хотя монастырей, церквей божиих и христиан в мучительство выдать, бьют челом, чтоб государь войска свои вскоре послать к ним велел да чтоб государь велел прислать в Киев и в другие города своих воевод, а с ними ратных людей хотя с 3000 человек и то для тех же государевых воевод, а у гетмана людей много, да к нему же хотел быть крымский хан с ордою, и иные татары уже пришли и стоят под Белой Церковию; да к гетману же присылал турский султан звать его к себе в подданство, и гетман ему отказал, надеясь на государеву милость; если же государь его не пожалует, принять не велит, то он станет свидетельствоваться богом, что у государя милости просил много, а государь его не пожаловал; с королем же у них мира отнюдь не будет, будут против него стоять».

Выслушав это объявление, бояре приговорили: «За честь царей Михаила и Алексея стоять и против польского короля войну вести, а терпеть того больше нельзя. Гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское с городами

их и землями чтоб государь изволил принять под свою высокую руку для православной христианской веры и святых божиих церквей, да и потому доведется их принять: в присяге Яна Казимира короля написано, что ему никакими мерами за веру самому не теснить и никому этого не позволять; а если он этой присяги не сдержит, то он подданных своих от всякой верности и послушанья делает свободными. Но Ян Казимир своей присяги не сдержал, и, чтоб козаков не отпустить в подданство турскому султану или крымскому хану, потому что они стали теперь присягою королевскою вольные люди, надобно их принять».

Стрешнев и Бредихин не нашли Богдана в Чигирине: 13 августа из Переяславля он разослал универсалы, призывая народ вооружиться против вероломных ляхов, поднявших на Украйну трансильванского князя и волохов. Около Богдана собралось 60 000 войска, но старый гетман не знал, куда с ним двинуться: с одной стороны шел на Украйну король, с другой — пришла весть из Молдавии, что сын гетманский, Тимофей Хмельницкий, осажден в Сочаве восставшими против его тестя молдаванами, волохами, трансильванцами и поляками. Когда Богдан стоял с своим войском под Борком, пришла к нему другая весть, что Тимофей опасно ранен; старик решился двинуться в Молдавию на помощь к сыну, но пришли к нему полковники и объявили: «Непотребно нам чужую землю оборонять, а свою без остереганья метать, будет с нас и того, что за себя стоять и свою землю оборонять». У гетмана в это время было подпито: он вынул саблю и порубил черкасского полковника Еско по левой руке. Протрезвившись, он поспешил поправить дело: пришел к козакам, поклонился трижды в землю, велел выкатить им бочку меду и сказал: «Детки мои! Напейтесь и меня не подайте!» Козаки отвечали: «Пан гетман! В том воля твоя, а быть с тобою мы все готовы». Хмельницкий выступил в Молдавию, но на дороге встретились ему козаки, вышедшие из Сочавы после сдачи ее неприятелям: они везли с собою гроб молодого Тимофея Хмельницкого. Старику не было теперь более нужды идти в Молдавию; во второй половине ноября вместе с ханом он двинулся на поляков, которые стояли под Жванцем, на берегу Днестра, в пятнадцати верстах от Каменца. Здесь повторилась зборовская история: король с своим малочисленным войском находился в отчаянном положении, но хан спас его, приняв мирные предложения: король обещал ему исправно посылать деньги на основании Зборовского договора и позволил татарам в продолжение сорока дней грабить, разорять и уводить в плен русских жителей в польских областях, не касаясь поляков. Хмельницкого хан уверял, что выговорил для козаков зборовские условия, но Богдан, с которым король не хотел входить ни в какие отношения, поспешил

уйти с своим войском в Чигирин, чтоб покончить дело с Москвою.

24 декабря приехал Богдан в Чигирин, где дожидались его московские посланники — Стрешнев и Бредихин, которые объявили, что царь велел принять козаков с городами и землями под свою высокую руку. Гетман 28 декабря отвечал благодарственною грамотою, со всем Войском Запорожским до лица земли низко челом бил: «Ради твоему пресветлому царскому величеству верно во всем служить и крест целовать и по повелению твоего царского величества повиноваться готовы будем, понеже мы ни на кого, только на бога и на твое пресветлое царское величество надеемся». В Москве долго думали, но, надумавшись, спешили решенным делом. За Стрешневым и Бредихиным отправились в Малороссию боярин Бутурлин, окольничий Алферьев и думный дьяк Лопухин принять присягу с гетмана и со всего войска. Они выехали из Москвы 9 октября, но за рубеж перешли только 22 декабря, и 23 Бутурлин писал к Стрешневу в Чигирин, спрашивал, виделся ли он с гетманом и как у них дело делалось? В Малороссии уже знали, зачем идет Бутурлин с товарищами, и потому во всех городах встречали его с торжеством, духовенство — с крестами, мещане — с хлебами. Боярин направлял путь к Переяславлю. 31 декабря за пять верст от этого города выехали к нему навстречу переяславский полковник Павел Тетеря и 600 козаков. Сойдя с лошади, Тетеря говорил Бутурлину речь: «Благоверный благоверного и благочестивый благочестивого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, его государского величества, великий боярин и прочие господа! С радостию ваше благополучное приемлем пришествие, от многого бо времени сердце наше горело бы, в наю слухом услаждаясь, яко со исполнением царского обета грядете к нам, еже быти под высокою великодержавного благочестивого царя восточного рукою православному и преславному Войску Запорожскому. Тем же аз меньший в рабех того Войска Запорожского, имея приказ от богом данного нам гетмана Зиновия Хмельницкого в боюспасаемом граде Переяславле, изшед во сретение ваю, радостное благородием вашим приветствование сотворяю и нижайшее со всем войском, в том же граде содержащимся, творю поклонение, а в упокоение труда путного милостей ваших во обитель града Переяславля внити молю прилежно». При въезде в город новая встреча от духовенства с образами и хоругвями, новая речь от протопопа. Тетеря объявил Бутурлину, что гетман хотел быть из Чигирина в Переяславль прежде его боярского приезда, но нельзя переехать через Днепр; по той же причине должен был оставаться в Чигирине и Стрешнев.

6 января 1654 года приехал в Переяславль и Хмельницкий; на другой день приехал писарь Выговский, съехались полковники и сотники. 8 числа утром пришел к Бутурлину Выговский и объявил, что у гетмана с полковниками, судьями и есаулами была тайная рада, и полковники, судьи и есаулы под государеву высокую руку подклонились. После тайной рады в тот же день назначена была явная. С раннего утра начали бить в барабан и били целый час, чтоб собирался народ. Когда собралось много всяких чинов людей, сделали круг пространный, куда вошел гетман под бунчуком, с ним судьи, есаулы, писарь и все полковники. Гетман стал посреди круга, войсковой есаул велел всем молчать, и гетман начал говорить:

«Паны полковники, есаулы, сотники, все Войско Запорожское и все православные христиане! Ведомо вам всем, как бог освободил нас из рук врагов, гонящих церковь божию и озлобляющих все христианство нашего восточного православия. Вот уже шесть лет живем мы без государя, в беспрестанных браниях и кровопролитиях с гонителями и врагами нашими, хотящими искоренить церковь божию, дабы имя русское не помянулось в земле нашей, что уже очень нам всем наскучило, и видим, что нельзя нам жить больше без царя. Для этого собрали мы Раду, явную всему народу, чтоб вы с нами выбрали себе государя из четырех, кого хотите: первый царь турецкий, который много раз через послов своих призывал нас под свою власть; второй — хан крымский; третий — король польский, который, если захотим, и теперь нас еще в прежнюю ласку принять может; четвертый есть православный Великой России государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Руси самодержец восточный, которого мы уже шесть лет беспрестанными моленьями нашими себе просим; тут которого хотите выбирайте! Царь турецкий бусурман: всем вам известно, как братья наши, православные христиане, греки беду терпят и в каком живут от безбожных утеснений; крымский хан тоже бусурман, которого мы, по нужде в дружбу принявши, какие нестерпимые беды испытали! Об утеснениях от польских панов нечего и говорить: сами знаете, что лучше жида и пса, нежели христианина, брата нашего, почитали. А православный христианский великий государь царь восточный единого с нами благочестия, греческого закона, единого исповедания, едино мы тело церковное с православием Великой России, главу имея Иисуса Христа. Этот великий государь, царь христианский, сжалившись над нестерпимым озлоблением православной церкви в нашей Малой России, шестилетних наших молений беспрестанных не презревши, теперь милостивое свое царское сердце к нам склонивши, своих великих ближних людей к нам с царскою милостию своею прислать изволил; если мы его с усердием

возлюбим, то, кроме его царской высокой руки, благотишайшего пристанища не обрящем; если же кто с нами не согласен, то куда хочет — вольная дорога». Тут весь народ завопил: «Волим под царя восточного православного! Лучше в своей благочестивой вере умереть, нежели ненавистнику Христову, поганину достаться!» Потом полковник переяславский Тетеря, ходя в кругу, спрашивал на все стороны: «Все ли так соизволяете?» «Все единодушно!» — раздавался ответ. Гетман стал опять говорить: «Будь так, да господь бог наш укрепит нас под его царскою крепкою рукою!» Народ на это завопил единогласно: «Боже, утверди! Боже, укрепи! Чтоб мы вовеки все едино были».

После Рады гетман с старшинами приехал к боярину, который объявил им: «Великий государь, видя с королевской стороны неисправленье и досады и вечному докончанию нарушенье и не желая того слышать, чтоб вам, единоверным православным христианам, быть в конечном разореньи, а церквам благочестивым в запустении и поругании от латинов, под свою высокую руку вас, гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское с городами и землями, от королевского подданства преступлением присяги его свободных, принять велел и помощь вам своими ратными людьми чинить велел. И ты б, гетман Богдан Хмельницкий, и все Войско Запорожское, видя к себе великого государя милость и жалованье, государю служили, всякого добра хотели и на его милость были надежны, а великий государь станет вас держать в своей милости и от недругов ваших в обороне».

Выслушав эту речь, гетман и старшины на государевой милости били челом и потом вместе с боярином поехали в карете в соборную церковь. Там уже дожидались их казанский преображенский архимандрит Прохор, рождественский протопоп Адриан, священники и дьяконы, которые приехали из Москвы. Духовенство встретило боярина и гетмана с крестами и кадилами, пели: «Буди имя господне благословенно от ныне и до века!» Когда все вошли в церковь, то духовенство хотело уже начать приводить к присяге по чиновной книге, присланной из Москвы; но гетман подошел к Бутурлину и сказал: «Тебе бы, боярину Василью Васильевичу с товарищами, присягнуть за государя, что ему нас польскому королю не выдавать, за нас стоять и вольностей не нарушать: кто был шляхтич или козак, или мещанин, и какие маетности у себя имел, тому бы всему быть по-прежнему и пожаловал бы великий государь, велел дать нам грамоты на наши маетности». Бутурлин отвечал: «В Московском государстве прежним великим государям нашим присягали их государские подданные, также и великому государю царю Алексею Михайловичу клянутся служить и прямить и всякого добра хо-

теть; а того, что за великого государя присягать, никогда не бывало и вперед не будет; тебе, гетману, и говорить об этом непристойно, потому что всякий подданный повинен присягнуть своему государю, и вы бы, как начали великому государю служить и о чем били челом, так бы и совершили и присягнули бы великому государю по евангельской заповеди без всякого сомнения, а великий государь вольностей у вас не отнимет и маетностями каждому велит владеть по-прежнему». Гетман сказал на это, что поговорит с полковниками и со всеми людьми, и, вышедши из церкви, пошел в дом к переяславскому полковнику Тетере и долго говорил там с полковниками и со всеми людьми, а боярин все дожидался в церкви. Вошли в церковь два полковника — переяславский Тетеря и миргородский Сахнович — и от имени гетмана начали говорить боярину те же речи, чтоб присягнул за государя; Бутурлин отвечал прежнее: «Непристойное дело за государя присягать, никогда этого не повелось». Полковники заметили, что польские короли подданным своим всегда присягают; Бутурлин отвечал на это: «Польские короли подданным своим присягают, но этого в образец ставить не пристойно, потому что это короли неверные и не самодержцы, на чем и присягают, на том никогда в правде своей не стоят». Полковники говорили: «Гетман и мы государскому слову верим, только козаки не верят и хотят, чтоб вы им присягнули». Бутурлин отвечал: «Великий государь изволил вас принять под свою высокую руку по вашему челобитью, и вам его государскую милость надобно помнить, великому государю служить и радеть, и всякого добра хотеть, также стараться о том, чтоб все Войско Запорожское к присяге привести; а если какие-нибудь незнающие люди такие непристойные речи и говорят, то вам надобно великому государю службу свою показать, а таких незнающих людей унимать».

С этим полковники пошли назад к гетману; через несколько времени явился сам Хмельницкий и объявил боярину: «Мы во всем полагаемся на государеву милость и присягу по евангельской заповеди великому государю вседушно учинить готовы, и за государское многолетнее здоровье головы складывать рады, а о своих делах станем мы бить челом великому государю». Архимандрит начал приводить к присяге по чиновной книге; гетман, писари и полковники плакали, произнося слова присяги. Потом, когда все старшины присягнули, взошел на амвон благовещенский дьякон Алексей и начал кликать многолетье государю; народ плакал от радости, что наконец сподобил их господь бог быть под государевою рукою. После всего этого гетман вместе с боярином и товарищами его поехал из собора на съезжий двор в карете, а полковники и народ шли пешком. На съезжем дворе Бутурлин вручил Хмельницкому знамя, булаву, ферязь,

шапку и соболи, причем, подавая каждую вещь, говорил речь; так, подавая знамя, говорил между прочим: «Царское величество сие знамение тебе, благочестивый гетман, дарует: на сем царском своем знамении царя царствующих всемилостивого спаса написанного в победу на враги, пресвятую богородицу в покров и преподобных печерских со святою Варварою русских молитвенников в ходатайство тебе и всему твоему православному воинству подавая». Вручая ферязь, говорил: «Благочестивый государь, орла носяй печать, яко орел покрыти гнездо свое и на птенца своя вожделе, град Киев с прочими грады, царского своего орла некогда гнездо сущии хотяй милостию своего государского покрыти, с ним же и птенца своя верные некогда под благочестивых царей державою сущие в защищение свое приняти, в знамение таковые свои царские милости тебе одежду сию дарует». Подавая шапку: «Главе твоей, от бога высоким умом вразумленной и промысл благоугодной о православия защищении смышляющей, сию шапку пресветлое царское величество в покрытие дарует, да бог, здраву голову твою соблюдая, всяцем разумом ко благому воинства православного строению вразумляет».

На другой день, 9 числа, присягали сотники, есаулы, писаря, козаки и мещане. 12 января пришли к Бутурлину писарь Выговский, войсковой судья Самойла, переяславский полковник Павел Тетеря, миргородский Григорий Сахнович и другие полковники и говорили: «Не изволили вы присягать за великого государя, так дайте нам письмо за своими руками, чтоб вольностям нашим, правам и маетностям быть по-прежнему, для того чтоб всякому полковнику было что показать, приехав в свой полк; прежде как бывали у нас договоры с королем и панами радными, то нам давали договор за сенаторскими руками; вы от великого государя присланы с полною мочью, и если вы нам такого письма не дадите, то стольникам и дворянам в города ехать для привода к присяге нельзя, потому что всем людям в городах будет сомнительно. Да писали к гетману из Белой Церкви и из других городов, что татары наступают, и стольникам и дворянам в те города ехать будет страшно». Бутурлин отвечал: «Дело нестаточное, что нам дать вам письмо за руками своими, да и вам о том говорить не пристойно; мы вам и прежде сказывали, что царское величество вольностей у вас не отнимает и в городах у вас указал государь до своего государева указа быть по-прежнему вашим урядникам и судиться по своим правам, и маетностей ваших отнять государь не велит. Теперь надобно вам делать так, чтоб божие и государево дело во всем совершилось по его государскому указу и чтоб стольников и дворян в города послать и в городах всех людей привести к присяге, а если в котором городе татары объявятся, и они в тот город не поедут». Писарь, судьи и

полковники спросили: «Долго ли стольникам и дворянам быть в городах наших?» Бутурлин отвечал: «Стольникам и дворянам в ваших городах мешкать не для чего: как только людей к присяге приведут, и они из городов уедут». Выговский с полковниками пошел сказать об этом гетману и другим полковникам, после чего пришел к Бутурлину миргородский полковник Сахнович и сказал, что гетман и полковники положились во всем на государеву волю. Потом пришла к Бутурлину шляхта и говорила, чтоб шляхта была между козаками знатна и судилась бы по своим правам, маетностям быть за ними по-прежнему, причем подали роспись, где росписали себе воеводства и уряды. Бутурлин отвечал шляхте, что они это делают непристойным обычаем: еще ничего не видя, сами себе пописали воеводства и уряды, чего и в мысли взять не годилось; об этом он, боярин, скажет гетману. Тут шляхта стала бить челом, чтоб гетману не говорить: «Мы так писали от своей мысли, а не по гетманскому приказу, это дело в воле государевой».

14 января Бутурлин с товарищами отправился в Киев; 16 числа за полторы версты от Золотых ворот встретил его с речью митрополит Сильвестр Коссов: «Целует вас в лице моем он, благочестивый Владимир, великий князь русский; целует вас святый апостол Андрей Первозванный, провозвестивый на сем месте велию просияти славу божию, яже ныне вашим пришествием благополучно паки обновляется; целуют вас общему житию начальницы, преподобный Антоний и Феодосий Печерстии и все преподобнии, лета и живот свой о Христе в сих пещерах изнурившие; целуем и мы о Христе ваше благородие со всем освященным собором, целующе ж любовне взываем: внидите в дом бога нашего и на седалище первейшее благочестия русского, да вашим пришествием обновится яко орля юность наследия благочестивых великих князей русских». Сильвестр стал известен в Москве летом 1651 года, когда прислал государю следующую грамоту: «Избран я на митрополию киевскую во время нужное, когда учинилась в нашей Литовской земле нынешняя междоусобная брань; крестьяне, приписанные к церкви св. Софии, пошли теперь в козаки, церкви доходов, послушания и строения от них нет, только надеемся помощи от бога и от твоего царского величества. В церкви св. Софии нет книг: двенадцати миней месячных да прологов на весь год, да Феофилакта, да устава большого; а я от многих наездов властелинских, которые властели приезжают в Киев из Польши от панов и от козацких старшин, изнищен до конца, не могу ничего купить. Вели, государь, дать свое жалованье: 12 миней месячных да прологи сентябрьские и мартовские, да Феофилакта, да устав большой, и на меня умилосердись, на одежду теплую пожалуй, чем бы мне зимою согреться». Просьба осталась без исполнения,

потому что митрополит не подписался на грамоте своею рукою[69]. Во время последних сношений Хмельницкого с царем о подданстве Сильвестр не отозвался ни разу; в Москве показалось это очень странным: дело идет об избавлении православных от гонения нечестивых латин, Малая Россия соединяется с Великою во имя восточного православия, а митрополит молчит; помнили поведение Иова Борецкого и тем более изумлялись поведению Сильвестра Коссова. Но между положением Иова и Сильвестра была большая разница: Иов держал митрополию во время сильного разгара борьбы между православием и унией, когда новопоставленные архиереи православные подвергались тяжелым нареканиям и преследованиям; Иов в крайности искал спасения везде, обращался к козакам, обращался к Москве, причем все другие расчеты и соображения были забыты. Но Сильвестр правил церковью совершенно в иное время, когда благодаря Хмельницкому религиозные преследования затихли: правда, католические прелаты не пустили Сильвестра в сенат, зато в Киеве его никто не трогал, в Киеве никто не запирал церквей православных. Прекращение гонений давало простор другим интересам: Сильвестр был шляхтич, и потому не мог не сочувствовать шляхетскому государству, а главное, при польском владычестве он был независим, ибо зависимость от отдаленного и слабого патриарха византийского была номинальная, тогда как при подданстве Малороссии московскому государю трудно было избежать зависимости от московского патриарха, которая была уже не то.

После молебна спросил Бутурлин митрополита: «Почему в то время, когда гетман Богдан Хмельницкий и все Войско Запорожское много раз били челом великому государю принять их под свою высокую руку, ты никогда о том не бил челом, не писал и не искал себе милости царской?» Сильвестр отвечал, что он ничего об этом не знал, а теперь за государево многолетнее здоровье и за государыню царицу и за благоверных царевен он должен бога молить. 17 января приведены были к присяге сотники, есаулы, атаманы, козаки и мещане киевские; но когда Бутурлин послал к митрополиту и печерскому архимандриту, чтоб они прислали к присяге шляхту, слуг и всех своих дворовых людей, то получил ответ, что, переговоря вместе, дадут знать. На другой день, 18 числа, Бутурлин опять послал сказать митрополиту, чтоб он, служа великому государю, склонял подвластных своих к присяге, не отвращал от нее. Митрополит отвечал, что шляхта, слуги и дворовые люди его не принадлежат к Софийскому дому, служат ему по найму и потому не годится им присягать царю. Послы употребили угрозы, митрополит продолжал утверждать, что шляхта и дворовые люди его вольные, что он их к присяге не вышлет, что в пастве его много епископов и духовенства,

которые остаются в литовских городах, что если король узнает о присяге его шляхты и дворовых людей царю, то велит изрубить этих епископов и духовенство, и он, митрополит, обязан будет отвечать за души их богу. При этом Сильвестр никак не хотел видеться с Бутурлиным. Наконец, 19 числа, митрополит уступил, и шляхта его, слуги и дворовые люди, также и слуги печерского архимандрита были приведены к присяге.

В конце января Бутурлин с товарищами отправился назад в Москву. Стольник Головин выехал к нему навстречу в Калугу с государевым милостивым словом и между прочим говорил: «А что было гетман и полковники говорили вам, чтоб за нас, великого государя учинить присягу, что нам за них стоять и вольностей их не нарушить, и вы, служа нам, великому государю, то у них отговорили и все учинили по нашему указу». В начале марта приехали в Москву посланники Хмельницкого: генеральный судья Самойла Богданович Зарудный и переяславский полковник Тетеря, бить челом: 1) чтоб в городах урядники были выбираемы из малороссиян, люди достойные, которые должны будут всем управлять и доходы в казну царскую отдавать; если же приедет царский воевода и станет права их ломать и уставы какие-нибудь чинить, то это им будет в великую досаду. Царь пожаловал, велел быть по их челобитью, только прибавлено, что при сборе казны над малороссийскими урядниками наблюдают люди, присланные государем. 2) Чтоб вольно было гетману и Войску Запорожскому принимать иностранных послов; а если б послы эти пришли с чем-нибудь противным царскому величеству, то давать знать об этом государю. Царь указал: о добрых делах послов принимать и отпускать, давая обо всем знать в Москву подлинно и вскоре; послов, пришедших с противным делом, не отпускать до указа царского; с турским же султаном и польским королем без указа царского не ссылаться. 3) Чтоб число реестровых козаков было 60 000. На это последовало согласие. 4) Чтоб по смерти гетмана Войско Запорожское само избирало нового. Государь указал и бояре приговорили: быть по их челобитью. 5) Чтоб права, данные князьями и королями духовным и мирским людям, не были нарушены. Последовало согласие. Хмельницкий выпросил себе у царя город Гадяч с принадлежностями в потомственное владение.

С посланниками гетманскими все было улажено, но вот в том же марте месяце пришла грамота из Киева от воеводы князя Куракина с товарищами: как приехали они в Киев и города Киева со всякими людьми осматривали, где бы построить крепость от прихода польских и литовских людей, и нашли место на горе близ Софийского монастыря, то митрополит объявил им, что он этой земли не уступит и города

или острога на этом месте ставить не даст, потому что то земля его, митрополичья, софийская, Архангельского и Никольского монастырей и Десятинной церкви, под его митрополичьею паствою; а если они, бояре, хотят черкас оберегать, то они бы оберегали от Киева верст за двадцать и больше; а если бояре начнут ставить город на том месте, которое выбрали, то он станет с ними биться; хотя гетман со всем Войском Запорожским и поддался государю, но он, митрополит, со всем собором о том бить челом к государю не посылывал, и живет он с духовными людьми сам по себе ни под чьею властию; и начал митрополит боярам грозить: «Не ждите начала, ждите конца; увидите сами, что над вами вскоре конец будет», и в городовом деле отказал впрямь. Тогда воеводы сказали ему, что они его слушать не будут, слушают государева указа, и, поговоря с полковниками и со всякими городскими людьми, начали ставить город на избранном месте. Получивши это донесение от воевод, государь писал Хмельницкому, чтоб он велел ехать митрополиту в Москву — *дать о себе исправленье.* Но гетман вступился за митрополита и велел сказать воеводам, чтоб они на том месте острога не делали, потому что прав церковных и даянья православных князей ломать нельзя. Тогда царь написал к гетману, что он вместо избранной под крепость земли даст митрополиту и церквам другие земли и чтоб митрополит не оскорблялся.

В июле 1654 года приехал в Москву никольский игумен Иннокентий Гизель с товарищами бить челом о подтверждении прав малороссийского духовенства и подал царю грамоту от митрополита Сильвестра, в которой тот оправдывал свое сопротивление крепостной постройке: «Известно буди вашему царскому величеству, то я это сделал не из сопротивления вашему царскому величеству, как некоторые на меня наклеветали, но потому, что земля эта с древних времен принадлежит митрополии и предшественники мои много страдали, защищая ее, и я, преемник их, не захотел этой земли от церкви божией отлучить, ибо и корм только от этой земли мне идет. Вот почему я и спрашивал, есть ли письменное повеление вашего царского величества строить твердыни града на церковной земле; в старину у нас был такой обычай, что, прежде чем приказывать и брать, показывали письменное приказание пославшего, но воеводы не имели письменного повеления вашего царского величества. Прости меня, всемилостивый царь! сделал я это ради ревности к месту святому церковному, а не из сопротивления вашему царскому величеству. К тому же и от гетмана Богдана Хмельницкого, теперь нашей земли начальника и повелителя, я имел приказание мимо его указа никому не позволять ничего делать и брать, и я не смел преступить этого приказания, а послал объявить об этом гет-

ману, и как скоро он прислал мне указ, чтоб я позволил строить крепость, то я оставил всякое сопротивление, благословил воеводам строить. А что я не посылал до сих пор посланников моих с челобитьем к вашему царскому величеству, то это происходило не от нерадения моего или презрения вашей пресветлой державы: я хотел немедленно послать, но гетман запретил посылать прежде, чем его посланники от вашего царского величества возвратятся». Хмельницкий в своей грамоте также оправдывал митрополита: «Что прогневалось было твое царское величество на преосвященного пастыря нашего, как будто он разорял дело божие и совокупление православия не принимал, то не верь этому: ибо сколько зла претерпел он за веру и православие святое, и теперь он сильно радуется о мире всего мира, всегда молится и о твоем царском величестве. Изволь преосвященного пастыря и весь собор священный пожаловать, моления их не презреть и прочим клеветам не верить».

Гизель подал статьи, которых утверждения просило малороссийское духовенство; из них важнейшие: 1) чтоб малороссийское духовенство не было изъято из-под власти константинопольского патриарха; 2) чтоб духовные власти удерживали свои должности до смерти, а преемники их поступали бы посредством вольного избрания как духовных, так и мирских людей и чтоб государь москвичей в Малую Россию не присылал на духовные места; 3) чтоб в духовных судах виноватых не отсылать в Великую Россию. Малороссийское духовенство било челом о всех этих правах, но особенно о первой вольности, которая всем вольностям и правам корень — быть под послушанием константинопольского патриарха. «На этом основании, — говорилось в челобитной, — все наши вольности изданы; если мы не сподобимся пожалования вашего царского величества, то митрополит со всем духовенством сильно скорбеть и унывать начнут, и другие духовные, которые еще не под рукою вашего царского величества, а только усердно желают этого, видя вашу скорбь, начнут малодушествовать». Решение на эти статьи государь отложил до возвращения своего из похода [70].

Но, прежде нежели приступим к описанию этого похода, посмотрим, в каких отношениях находился молодой царь к соседним и другим державам.

С Швециею и в первые десять лет царствования Алексея Михайловича продолжались такие же дружеские отношения, какие мы видели в царствование отца его после Столбовского мира. С известием о воцарении Алексея Михайловича отправлен был к королеве Христине гонец Скрябин в августе 1645 года. Королева царскую грамоту приняла честно и выслушала любительно; гонцу с приезда до отпуска было честно и в кормах довольно. В марте 1646 года отправлены были

в Швецию великие послы, окольничий Григорий Пушкин и казначей Богдан Дубровский, с подтверждением Столбовского договора, и королева подтвердила договор, несмотря на то что в царской грамоте имя великого государя было написано с повышеньем, а имя королевы с умаленьем. В 1647 году приехали в Москву поздравить государя с восшествием на престол шведские послы Гилленштерн и Врангель; они объявили, что королева приказала прежнему своему резиденту Крузбиорну ехать в Швецию, а на его место прислала Карла Померенинга. Бояре отвечали, что королевским резидентам вперед быть на Москве нельзя, ибо от них чинятся ссоры многие: Крузбиорн взял взаймы на королевино имя 3000 пуд селитры, долга не заплатил, а к королеве писал на ссору, что селитру всю отдал да ему же дано взаймы 1000 рублей денег, и деньги эти не заплачены; тот же Крузбиорн не платит и своих долгов, продавал запрещенные товары, вино и табак, да и в вечном докончании о резидентах не писано, что им жить в Москве; но, хотя резидентам и не довелось жить в Москве, однако, для дружбы и любви с королевою и для ее прошенья государь позволяет новому резиденту Померенингу быть в Москве на время; если же он, живя в Москве, станет какие-нибудь дурные дела делать, то великий государь терпеть ему не будет и велит его из Москвы выслать тотчас. В 1649 году окольничий Борис Пушкин заключил в Стокгольме знаменитый договор о выкупе перебежчиков, который был поводом к возмущению во Пскове. Чтоб поступок псковичей с Нумменсом не прервал приязненных отношений у Москвы с Швециею, в апреле 1650 года отправлен был к королеве гонец подьячий Стараго с уверением, что мятежники, обесчестившие Нумменса, будут наказаны. Христина отвечала, что она надеется, что мятежники будут наказаны, подданные ее вознаграждены и договор исполнен. Договор был исполнен и приязнь продолжалась: в 1651 году переводчик Яган Розенлинд (Рузенли), присланный королевою, объявил тайно боярину Милославскому, что зимою о Рождестве Христове приезжали в Стокгольм крымские послы: пропустил их чрез свою землю польский король Ян Казимир и прислал вместе с ними от себя иезуита с известием, что он, король, вместе с ханом хотят вести войну с Москвою и приглашают к тому же королеву. Розенлинд прибавил, что королева велела отказать хану и королю. Царь в июне написал ей в ответ с гонцом своим Головиным, что он принимает это предостережение в приятную любовь и будет воздавать за это своею дружбою и любовью, причем просил, чтоб королева прислала ему грамоты королевскую и ханскую. Королева отвечала, что грамот к ней не было ни от хана, ни от короля. К Головину в Стокгольме пришли русские торговые люди — новгородец Михайла Стоянов, ладоженин Антон Гиблой и новгородский поп

Емельян, приехавший с торговыми людьми, и сказали, что в 1651 году приехал из Ревеля в Стокгольм русский человек в литовском платье, называет себя великородным человеком, Иван Васильевичем, говорит, что хочет ехать к великому государю, а шведы, приходя на русский торговый двор, говорят, будто он роду Шуйских князей, отец его был свезен в Пермь и пострижен насильно; он сам, Иван, говорил священнику Емельяну: «Для чего новгородцы и псковичи великому государю добили челом, вот вас велит государь перевешать так же, как царь Иван Васильевич велел новгородцев казнить и перевешать». Головин отвечал им, что это должно быть вор, подьячий Тимошка Акундинов: он волосом чернорус, лицо продолговатое, нижняя губа поотвисла немного. «Он и есть точь-в-точь», — сказал на это священник Емельян: «Он мне на молитве велел поминать себя Тимофеем, потому что прямое имя ему Тимофей, а прозвище Иван, и никому не велел говорить, что зовут его Тимофеем». Головин послал к Акундинову толмача, которому самозванец сказал: «Зовут меня Иваном Васильевичем, а про род и прозвище ведомо на Москве; ехать к государю в Москву опасаюсь, потому что мне на Москве недруги боярин Борис Иванович Морозов да боярин Григорий Гаврилович Пушкин, а за мною большое государево дело и грамоты многие, которые государю годны, у меня есть; чтоб Головину самому со мною повидаться и обо всем переговорить?» Через несколько времени толмач привел к Головину русского человека, который объявил, что зовут его Константином, сын стремянного конюха Евдокима Конюховского, был на Москве в подьячих, сначала в приказе Большого дворца, а после в приказе Казанского дворца; с Москвы съехал с государем своим, князем Иваном Васильевичем Шуйским, тому лет с семь, оставя в Москве мать. Головин сказал ему: «Ты бы, Костка, помня бога и великого государя милость, обратился на истинный путь». Конюховский, пожав плечами, сказал на это: «Милости великого государя было много, только так учинилось», — и, проговоривши это, бросился бежать вон. По наказу Головина священник Емельян и ярославский купец Силин задержали его на русском торговом дворе, в молитвенном амбаре, и дали знать Головину, который пришел в амбар, велел связать Конюховского и отвести к себе на подворье. Но королевины думные люди призвали к себе Головина и сказали ему: «В докончанье не написано, чтоб, приехав в чью-нибудь землю, хватать людей без приставов!» Головин отвечал: «В этой моей вине волен великий государь и королевино величество, а мне было тому вору спустить не уметь; хотя бы я и смерть видел, и тогда таким ворам не спустил бы; а если б я об нем объявил, то он бы из Стекольны ушел». Но Головину объявили, что королева велит Конюховского освободить и отпустить к боярину его, Ягану

Сенельсину, под каким именем Тимошка был прислан из Венгрии от Рагоци; если же этот Сенельсин писался другим воровским именем, то пусть царь ищет его в Венгрии. Головин приехал в Москву с известием, что Тимошка уехал из Стокгольма в Нарву и там посажен в тюрьму. Головин привез с собою перехваченную переписку Акундинова с Конюховским, которому между прочим Тимошка давал следующие наставления: «Искать людей надобных, кого бы можно посылать к Москве и в мое властительство с грамотками к родительке и к сродникам, и к сиротелым деткам, и прочее тайным обычаям шпиговски, или лазутчески. Чиновников, чиноначальников в царствующем Иван-городе и во Пскове, духовных и мирских проведывая имена, совершенно писать ко мне. Про семилетнее странствие ни прибавлять, ни убавлять, вправду всякому обо всем, кому из наших друзей понадобится, сказывать: богу молиться, нашедши отца духовного, долг христианский на себе не держать, но с исправлением богу, сколько возможно, нелицемерно угождать». В одном из писем Акундинов уведомляет Конюховского, что королева обдарила его немалым числом в золоте и серебре деньгами.

Немедленно в сентябре того же года отправлен был в Стокгольм подьячий Яков Козлов с требованием выдачи Тимошки и Конюховского и с жалобою на резидента Померенинга, который ездил безвременно ночью в гости во многие места и, напившись пьян, чинил многие задоры; когда однажды боярин князь Алексей Никитич Трубецкой ехал ночью на пожар, резидент в это же время скакал из гостей пьяный, вынул шпагу наголо, фонарь, который несли перед боярином, разбил, самого боярина хотел поколоть, троих стрельцов, ехавших за боярином, посек так, что двое из них едва живы будут; да он же, Померенинг, прислал в Стрелецкий приказ письмо, в котором царя Михаила Феодоровича именованье написано не по вечному докончанию, а то начальное и главное дело обоих государей чести остерегать: «И вашему бы королевину величеству тому Карлу Померенингу учинить жестокое наказанье». Новгородский воевода, князь Буйносов-Ростовский, писал к губернаторам нарвскому и ревельскому с новгородскими купцами, Тетериным и Воскобойниковым, чтоб губернаторы прислали Акундинова и Конюховского к нему в Новгород. Тетерин и Воскобойников узнали Тимошку в Ревеле и, взяв людей у ратманов, схватили его за городом; но ревельский губернатор Оксеншгирна взял у них Тимошку, объявив, что без королевина указа не может его им выдать. С жалобою на это в ноябре отправлен был гонец дворянин Челищев. Приехавши в Ревель, Челищев узнал, что Тимошка ушел из-под стражи, и когда гонец настаивал у губернатора, чтоб вора сыскали, то губернатор отвечал: «Давно я вам отказал, что вор Тимошка ушел и сыскать его негде, а больше мне

с вами и говорить нечего». В январе 1652 года Челищев отправился из Ревеля в Стокгольм, а в апреле новгородец Микляев поехал в Бранденбургию и Любек все по делу самозванца, ибо в Москву дали знать, что он объявился в Прусской земле. 28 мая приехал Челищев из Швеции и привез с собою Костку Конюховского, который у пытки рассказывал: «Спознался я с Тимошкою, как сидел я в Новой Четверти в подьячих и жил у него. И как его Тимошкина мать вышла замуж, а он Тимошка затягался со многими людьми и в то время, осердясь на мать свою, начал мыслить, как бы убежать в Литву, и ему, Костке, про то говорил, чтоб им вместе бежать в Литву и там им будет хорошо. И побежали мы с ним в Литву. И в ту ночь, как побежали, Тимошка сына своего и дочь отвез на двор к Ивану Пескову, а свой двор и жену сжег. Побежали мы из Москвы в Тулу, наняв тульского извощика, из Тулы побежали в порубежные города проселочными дорогами и прибежали в Новгород Северский, откуда отвели нас к королю в Краков. Тимошка в те поры назывался Иваном Каразейским, воеводою вологодским и наместником великопермским, а из Литвы они сошли в Царьгород, и тут Тимошка назывался государским сыном Шуйским. А идучи в Царь-город, оставил Тимошка меня, Костку, в Болгарской земле, и я был тут шесть месяцев, а Тимошка в Царе-городе бусурманился без меня; а из Царя-города Тимошка ушел и был у папы в Риме и сакрамент принимал, а из Рима шли на Венецию и на Седмиградскую землю, и на иные государства и пришли в Запороги к гетману Богдану Хмельницкому. А назвался Тимошка государевым сыном Шуйским с Царе-городе, потому что он звездочетные книги читал и остроломейского ученья держался, потому что он был нескудный человек и было ему, что давать, и в Литве он и досталь тому научился, и та прелесть на такое дело его и привела. А я, Костка, зведочетью не умею и остроломен не знаю и затем не хаживал. А в том я перед богом грешен и перед государем виноват, что Тимошку слушал и государю изменил с глупости. Печать у Тимошки была у государевой поместной грамоты на красном воску, и с той печати в Риме печать он сделал, вымысля сам собою. А как он приехал к гетману запорожскому и помощи себе просил, и Хмельницкий его у себя держал в чести и хотел ему помогать, и Выговский ему учинился друг большой и также ему помогал и к Рагоци венгерскому об нем писал с прошеньем, чтоб он, Рагоци, ему, Тимошке, помогал и к шведской королеве об нем писал; и Рагоци к шведской королеве писал, и по тому письму шведская королева Тимошке и поверила; а будучи Тимошка в Швеции, принял люторскую веру, а я, Костка, веры христианской не отбыл, папежской и люторской веры не принимал и не бусурманен». После трех встрясок и 15 ударов Костка

говорил прежние речи 10 июня была новая пытка — встряски жестокие и 15 ударов, после чего сказал: «Как Тимошка был в Царе-городе, и он у султана помощи себе просил, ратных людей, хотел идти под Астрахань и Казань, да хотел ему в том помогать астраханский архиепископ Пахомий и дворовые его люди, потому что архиепископ ему давно знаком и дружен, с тех пор как были на Вологде вместе». После этого была другая пытка: встряска и 16 ударов и на огне жгли дважды· говорил те же речи. 14 июня Костка сказал: «Как был Тимошка у Хмельницкого и послышал о псковском смятенье, то начал просить гетмана, чтоб отписать об нем к шведской королеве, и Хмельницкий отказал, потому что у него ссылки с шведскою королевою нет, а напишет об нем к Рагоци. А мыслил вор Тимошка упросить у королевы, чтоб ему позволили жить в Швеции подле русской границы, чтоб ему, спознався и сдружась с пограничными немцами, ссылаться чрез них с псковскими мятежниками. Теперь своему замыслу Тимошка ни от кого помощи, кроме черкас, не чает, писарь Выговский ему друг и брат названный, по нем он надежду на черкас имеет. Как был он у Хмельницкого, и в то время, умысля с Выговским, писал к крымскому, чтоб тот принял его к себе, но крымский ничего на это ему не отвечал».

Государь писал к королеве Христине, что выдачу Конюховского он принимает от нее в любовь и против того будет воздавать, в каких мерах будет возможно, но давал знать, что главный вор Акундинов выпущен из Ревеля нарочно, потому что самому ему уйти никак было нельзя; кроме того, во время поимки Конюховского в Ревеле, шведы бросали на Челищева камнями, чтоб отбить Конюховского, и гонец из Ревеля едва уехал. Этим сношения с Швециею по поводу Акундинова кончились, ибо узнали, что вор скрылся в Голштинии. С требованием его выдачи отправились туда подьячие Шпилькин и Микляев; герцог Фридрих отвечал, что не выдаст самозванца до тех пор, пока не будет возвращена ему запись о персидской торговле, данная в 1634 году Крузиусом и Брюгеманом, также все подлинные письма, касающиеся этого дела. Запись и грамоты были немедленно отправлены, и Тимошка привезен в Москву. Говорят, что Тимошка хотел лишить себя жизни, бросившись с телеги под колеса, но это ему не удалось и его привязали к телеге. В Москве он объявил, что расскажет все одному боярину Никите Ивановичу Романову, но распорядились иначе.

28 декабря 1653 года Тимошка в застенке у пытки сказал: «Вину свою государю приношу и объявляю: я человек убогий, а, отец мой и мать какие люди, того не упомню, потому что остался мал. Когда я с молодых лет жил у архиепископа вологодского Варлаама, то архиепископ, видя мой ум, называл меня княжеским рождением и царевою палатою, и

от этого прозвания в мысль мою вложилось, будто я впрямь честного человека сын. После того стал я проживать у дьяка Ивана Патрикеева и сидел в Новой Чети в подьячих, и был мне Иван Патрикеев друг большой и оберегатель и со мною обо всем советовался, и беды свои я ему сказывал, и все мое умышленье он ведал. И как над Иваном Патрикеевым беда учинилась, и я стал тужить и от страху из Москвы сбежал в Литву, и, будучи в Литве, назывался Иваном Каразейским. Когда некоторые государевы люди начали меня уличать, называть холопом дьяка Патрикеева и убийцею брата своего, то архиепископ вологодский Варлаам и дьяк Патрикеев прислали в Литву свидетельственное письмо, что я не холоп Патрикеева, но лучше его самого и брата своего не убивал». На вопрос: кто его научил называться Шуйским князем, отвечал: «Отец мой Демка». Тут привели мать Тимошкину, монахиню Степаниду; взглянув на Тимошку, она сказала: «Это мой сын!» Тимошка долго молчал, потом спросил монахиню: «Как тебя зовут?» — «В мире, — сказала она, — звали меня Соломонидкою, а теперь в монахинях — Стефанида». Тимошка сказал: «Эта старица мне не мать, а матери моей сестра родная, а была до меня добра, вместо матери». У монахини спросили: кто был ее муж? Она отвечала: «Муж мой был Демидка, его Тимошкин отец, торговал сперва холстами, а после жил у архиепископа Варлаама; Тимошка родился у меня на Вологде, и ему теперь 36 лет». После этого Тимошку четвертовали.

Сношения с другим скандинавским государством, с Данией, не заключают в себе никакой важности; замечательнее были сношения с Англией.

В Англии с известием о восшествии на престол Алексея Михайловича к королю Карлу I отправлен был в 1645 году гонец Герасим Дохтуров. Когда корабль, на котором ехал Дохтуров, приплыл к Гревезенду, то гонец встречен был купцами от имени компании, торгующей с Россией, перевели Дохтурова в судно с чердаком, покрытым красным сукном, и повезли по Темзе в Гринвич с торжеством, при выстреле из 16 пушек. Дорогою Дохтуров расспрашивал купцов: король их Карл теперь в Лондоне или в другом каком-нибудь городе? Купцы отвечали: король теперь в Лондоне не живет, а, где теперь король, о том им подлинно неизвестно, потому что у них с королем война большая года с четыре и больше; вместо короля Лондоном и всею Английскою и Шотландскою землею владеет парламент, изо всяких чинов выбраны думные люди Дохтуров спросил: за что́ у них междоусобие и война с королем начались? Как давно у них начали владеть думные люди, из какого чину выбраны и сколько их человек? Купцы отвечали: «У нас война с королем началась за веру: как женился король наш у французского короля на дочери,

а веры она папежской, то королева и короля привела в свою папежскую веру; по ее веленью король учинил арцыбискупов и иезуитов, и многие люди, смотря на короля, приняли папежскую веру. Да, сверх того, король захотел владеть всем королевством по своей воле, как в других государствах государи владеют, а здесь искони земля вольная и прежние короли ничем не владели, а владел всем парламент, думные люди. Начал было король все делать по своей воле, но парламент этого не захотел, арцыбискупа и иезуитов многих казнили, и, видя король, что парламент начал владеть по своему обычаю, как искони повелось, а не по королевскому хотению, выехал из Лондона с королевою сам, никто его не высылал, а сказал, что поехал гулять в другие города; выехавши из Лондона, королеву отпустил во Французскую землю, а сам начал воевать, но парламентская сторона сильнее. В парламенте сидят в двух палатах; в одной палате сидят бояре, в другой — выборные из мирских людей, из служилых и торговых; в парламенте сидят с 500 человек, а говорит за всех один ре́чник».

В Гринвиче гонца встретили от имени Английского королевства бояр и всяких чинов думных людей и повезли в Лондон опять в богато убранном судне. В Лондоне у гонца спросили: «От царского величества к парламенту с тобою грамота и приказ какой есть ли?» Дохтуров отвечал: «К парламенту грамоты и приказу никакого нет, пусть парламент отпустит меня к королю немедленно, пристава, корм и подводы мне даст, да велел бы парламент мне быть к себе, и я стану говорить им самим». Парламент долго не давал ответа, отговариваясь тем, что зашли воинские дела многие, сидят беспрестанно, готовят собранье большое ратным людям. Наконец, 20 декабря, парламент велел объявить Дохтурову: «Парламент тебя к королевскому величеству не отпустит, чтоб царского величества имени порухи не учинилось и на дороге над тобой от воинских людей какого дурна не было, да и потому не отпустит, что за королевским величеством тех людей, которые торгуют в Московском государстве, никого нет, вся компания за парламентом, а не за королем. Пишет к парламенту король беспрестанно о мире и хочет быть в Лондон, и как скоро он в Лондон приедет, то тебе идти к нему будет вольно, если же король в Лондон не будет, то парламент отпустит тебя на первых кораблях с великою честию». Но Дохтуров не захотел дожидаться и потребовал отпуска домой через Голландскую землю. Гонца не отпустили, и 8 мая 1646 года он узнал, что король сдался парламенту. Тогда гонец опять обратился с требованием, чтоб его к королю отпустили, потому что теперь король в их руках. Ему отвечали: «Хотя король и у парламента в руках, однако тебя к нему отпустить нельзя, потому что он ничем не владеет». Владею-

щий парламент хлопотал, чтоб сохранить с московским государем прежние дружелюбные отношения. Компания предложила гонцу обед в своем доме; гонец отказался на том основании, что его к королю не отпустили; тогда ему предложили устроить обед у него на квартире. Дохтуров согласился. На обеде лорд Страффорд и член парламента Флеминг говорили гонцу: если царскому величеству нужны будут служилые люди, то у парламента для царского величества сколько угодно тысяч солдат готово будет тотчас. 13 июня Дохтуров был в парламенте: бояре, сидя, шляпы сняли, и начальный человек, боярин милорд Манчестер, встал, когда гонец подошел к нему, потом и все встали, человек их сорок, и Дохтуров говорил речь: «Послан я от великого государя к вашему английскому Карлусу королю в гонцах наскоро для великих государских дел, которые годны им, великим государям, и всему христианству к тишине и покою. Приехавши в здешний город Лондон, с 26 ноября по нынешний день говорил я вам беспрестанно и проезжую царскую грамоту вам казал много раз, чтоб вы меня к королевскому величеству пропустили; и вы меня из Лондона не отпустили ни к королю, ни к царскому величеству, а во всех окрестных государствах царским послам, посланникам и гонцам путь чист». Манчестер отвечал: «Почему мы тебя в Лондоне держали и к королевскому величеству не отпустили, о том к царскому величеству писали мы подлинно». После этих слов Манчестер сказал Дохтурову: «Добро пожаловать сесть!» Поднесли кресла, обитые красным атласом, по атласу шито золотом и обнизано жемчугом. Гонец сел в кресла, сели и бояре; Дохтуров стал рассматривать палату: посередине палаты, возле стены, место королевское, поставлены кресла, обитые красным бархатом, низаные жемчугом с каменьем, на креслах подушка — бархат золотной, по стенам — ковры золотные, а по полу — ковры цветные. Посидев немного, бояре встали, и милорд Манчестер, взявши у секретаря лист, сказал гонцу: «Как будешь у великого государя, извести ему, что мы, здешнего королевства бояре, ему, великому государю, челом бьем и о том просим и молим: дай бог ему, великому государю, многолетнее здоровье. Взявши грамоту, Дохтуров хотел выйти, но Флеминг взял у него грамоту и сказал: «Не подосадуй, пойди со мной в другой парламент, где сидят всяких чинов выборные люди от всего королевства 420 человек; у нас так повелось: наперед объявят и отдадут лист бояре, а потом отдадут в другом парламенте от всего королевства всяких чинов выборные люди». Дохтуров отправился в другой парламент: как вошел в сени, встретили его с державою королевства, а держава серебряная золоченая, сделана фонарем, и понесли державу в палату перед гонцом. Когда Дохтуров вошел в палату, все встали и шляпы сняли; а сидит парламент по сту-

пеням — на все четыре стороны вверх по шести ступеней, а посередке на низу за столом сидит рéчник Ленталь, который за всех говорит. Гонец сказал и рéчнику такую же речь, какую говорил лордам, за чем последовала такая же церемония, как и в верхнем парламенте. 23 июня гонец был отпущен.

Вследствие известий, привезенных Дохтуровым, у английских купцов отнято было право беспошлинной торговли. В мае 1647 года приехал в Москву посланник Карла I Нейтингаль, объявил о неволе королевской и о том, что Карл доволен наложением пошлины на компанию и что англичане будут рады уничтожению компанейской монополии, когда всем будет позволено торговать с Россиею. Нейтингаль просил также позволения купить для короля 300 000 четвертей хлеба, но ему позволили купить только 30 000 четвертей. Но в то же время приехал другой английский посланник, Бонде, с королевскою грамотою, в которой Карл просил государя возвратить компании прежнее право беспошлинной торговли. С Бонде отправлен был ответ, что пошлина положена по причине крымской войны и за многие неправды английских купцов, которым, впрочем, убытка не будет, ибо они увеличат цены на свои товары. В феврале 1648 года приехал в Москву из Гаги от королевича Карла (впоследствии Карла II) полковник Кроа с просьбою позволить купить в России сорок тысяч четвертей хлеба, а хлеб нужен королевичу потому, что он идет в Хибирьскую землю (Ирландию) на выручку к отцу своему — королю Карлу, а Хибирьская земля от хлебного недорода оскудела. В том же году приехал опять Нейтингаль от самого короля Карла с новою просьбою о покупке хлеба. Но один из приехавших с Нейтингалем англичанин объявил, что грамота королевская, привезенная Нейтингалем, подложна, писана в Лондоне, а король, запертый на острове Вайте, ничего об ней не знает; собак, которых Нейтингаль привез в подарок от короля, купил он в Лондоне, ошейники медные с выбитыми на них словами *Карлус король* заказывал он в Лондоне же, а деньгами, сукнами и другими товарами для покупки хлеба хотели его ссужать друзья его, королевские дворяне, да лондонец торговый человек Гарвей, все люди самые богатые. Английские купцы — компанейцы также подали челобитную, что Нейтингаль не прямой посланник. Нейтингаль был призван в Посольский приказ, где дьяки ему объявили, что государь над ним милость показал, смертью казнить за его воровство не велел, а велел из Московского государства выслать назад без дела. Нейтингаль не хотел оставаться в долгу у компанейцев и подал боярину Милославскому донос, что они, сердясь за уничтожение льготной грамоты, хотят на военных кораблях прийти под Архангельск и ограбить русских торговых людей. Нейтингаля после этого отпустили как посланника, а 1 июня 1649 года английским

купцам был сказан известный уже нам государев указ, по которому они лишались права жить во внутренних городах государства.

Весною 1650 года приехал в Москву граф Кульпепер, посол нового английского короля — Карла II. 14 мая в ответе у бояр посол сказал, что король велел ему объявить: три королевства — Английское, Шотландское и Ирландское — волнуются; король Карл I убит, но сын его Карл II хочет отмстить изменникам за смерть отца своего, войско у него конное и пешее изготовлено. После этого объявления посол подал на письме подробное изложение дела: «Три короны — Английская, Шотландская и Ирландская — по истинному утвержденному уложению не избирательные, но вотчинные и природные, и никакого спору об этом прежде не было. Покойный король владел этими коронами праведно после кончины отца своего, короля Иакова, по прямому праву, по старой степени, от многих предков; две палаты парламента стоят только по королевской помете, по его произволенью, король может их созвать и распустить, а нынешний парламент держится обманом и насилием; большая часть королевства от его тяжких налогов вздыхает и сильно желает возвратиться к прирожденному королю». Потом посол просил о возвращении английским купцам прежней льготной грамоты и о денежной помощи государю своему, просил 100 000 рублей. Царь отвечал Карлу: «Слыша про такое злое и страшное дело, что учинилось над отцом вашего королевского величества от подданных его изменников, слыша, что теперь те же изменники и в вашем королевском достойном наследии помешку и непослушанье чинят и войну ведут, жалостно скорбим и, памятуя отца нашего с вашим дедом и нашу с отцом вашим братскую дружбу, любовь и ссылку, желая вашему королевскому величеству получить свое достойное наследие и над изменниками победы и одоления, дали мы вашему послу Джону Кульпеперу соболей на 20 000 рублей». Кульпепер дал крепость за своею рукою и печатью, что Карл II через три года заплатит эти 20 000 рублей, или 40 000 любских ефимков, сполна и за такое милостивое вспоможенье должен вечно воздавать всякою любовью. Потом Кульпепер просил, чтоб соболей отпущено было только на 10 000 рублей, а на другие 10 000 дано было хлеба; но государь велел отпустить 15 000 мехами и пять — хлебом, именно 5 000 четвертей ржи, считая по два любских ефимка за четверть.

Были сношения и с другим поморским государством — Голландиею. В 1646 году к Генеральным Штатам и к принцу Генриху Нассаускому отправился в послах стольник Илья Данилович Милославский. Штаты представили послу жалобы: 1) на двойные пошлины, наложенные на голландских купцов. Милославский отвечал, что пошлина наложена на

всех, иностранцев и русских, для пополненья ратных людей: «и вам бы, честным владетелям, того в оскорбленье не ставить; те пошлины ваши подданные разложат на товары свои и возьмут их на русских людях; убытка им от этого никакого не будет». 2) Штаты жаловались, что купцам их не дают праведного суда на должников. Милославский отвечал: «Такой неправды у великого государя никто не делает; разве кто затеял это на ссору». 3) Жаловались на убийц и разбойников. Милославский отвечал: «Означьте по именам убийц и разбойников и кого именно из ваших подданных убили и разграбили». 4) От воевод многие докуки чинятся: берут у купцов товары, будто купить хотят, и, взявши, не отдают, а иные платят деньги, сколько им вздумается. Милославский опять спросил: кто такие воеводы и голландцы били ли челом государю на таких обидчиков? Потом посол стал жаловаться в свою очередь: по указу царя Михаила велено голландцу Филимону Филимонову (Акеме) и Петру Марселису делать всякое железное дело в Тульском уезде и на Ваге и русских людей тому делу научать: и он, Филимон Филимонов, с товарищами мимо договора чинил многие неправды, припускал к себе в товарищи иноземцев без царского указа и русских людей никакому железному делу учить не велел, велел мастерам от них скрываться и надобных железных дел в 14 лет на тульском заводе не завел, пушки ставил в казну многим немецкого дела хуже, на сроки не поставили, а лили в то время свои пушки на заморскую стать для своей прибыли. Штаты отвечали, что Петр Марселис гамбурец, а не голландец, об Акеме же они не знают, где родился и жил и теперь где живет, и дела им до него никакого нет. У Акемы и Марселиса отняли завод, который взял один Виниус, обязавшись ставить в казну вещи дешевле прежнего. Но потом Штаты заступились за Акему, а датский король — за Марселиса, и просили государя пересмотреть дело, потому что на Акему и Марселиса подан ложный донос. Доносчиком был товарищ их, знаменитый Андрей Виниус, который после подал челобитную, что Акема и Марселис сильно бранят его. Марселис отвечал, что он в этом не запирается, бездушником и бездельником Виниуса называл, потому что он таков на самом деле, а у них, иноземцев, в обычае: который человек во многих статьях объявится неправдою и неправда его всем людям будет ведома, то его добрым человеком не называют, ни в чем его не почитают и добрых слов про него не говорят. Виниус шел дальше, объявил: «Акема и Марселис говорили, что я хочу креститься, и потому они со мною не хотят ни пить, ни есть; шлюсь я на всех голландцев горговых людей, что они, Петр и Филимон, меня лаяли и бесчестили, шельмою и бездушником называли и про крещенье такие слова говорили». Акема слался также на всех голландцев, что он про

Виниуса ничего не говорил, а Марселис, — что он про крещенье ничего не говорил, и в свою очередь жаловался на Виниуса, что он бесчестит его позорными словами. Свидетели показали, что Акема и Марселис Виниуса бранили, но о крещенье ничего не говорили. Защищаясь от других статей доноса, Акема и Марселис показывали, что они по договору вовсе не были обязаны учить русских, а только не скрывать от них своего мастерства, что ими исполнено, и в том шлются на всех русских работников; утверждали, что никаких других товарищей к себе в компанию не принимали; утверждали, что они ставили в казну все заказные вещи; обвиняют их в том, что они дощатого железа и лат не делали, но они до сих пор, несмотря на все свое старание, не могли добыть кузнеца, который доски кует; что же касается до лат, то латный мастер несколько лет был, но так как от царского величества ему работы никакой не было, то его и отпустили назад за границу; пушки всегда доставляли хорошие, лучше привозных, и в том шлются на пушкарей. Дело кончилось тем, что Акеме и Марселису велено дать с Виниусом очную ставку (торг) в Пушкарском приказе, и на этой очной ставке они убавили цены связному железу против Виниусова договора, а пушки, ядра и доски согласились ставить по той же цене, как и Виниус. Вследствие этого государь пожаловал их тульским железным промыслом со всякими заводами на 20 лет с первого сентября 1648 года безоброчно и беспошлинно, быть промыслу за ними и их наследниками до урочных лет бесповоротно.

Но тульский завод не мог удовлетворить всем потребностям военного дела: в августе 1653 года, решившись начать войну с Польшею, государь отправил в Голландию и другие государства капитана Фан-Керк-Говена для покупки карабинных и пистолетных замков и для призыва мастеров, которые бы могли их делать; а в октябре отправлен был в Голландию подьячий Головнин с просьбою позволить ему купить по обыкновенной цене 20 000 мушкетов и 20 000 или 30 000 пудов пороху и свинцу. Просьба была исполнена Штатами. Такого рода закупки оружия в Голландии повторялись не раз в продолжение войны. Закуплено было и в Швеции 20 000 мушкетов. Кроме того, еще Милославскому наказано было прибрать в Голландии офицеров и солдат, что он и исполнил, сделавши смотр прибранным; описание этого смотра любопытно: «Майор Исак фон-Буковен, капитаны и солдаты пришли на посольский двор к смотру: Филипп Алберт фон-Буковен выходил с мушкетом и с пиками, с капитанскою и солдатскою, стрелял из мушкета и штурмовал пикою и шпагою различные штуки и по досмотру *добр добре;* Вилам Алим по досмотру *добр;* Ефим вахмистр по смотру *умеет;* Яков Рокарт *умеет;* Юрий Гариох по смотру *середний,* и майор фон-Буко-

вен говорил, что Гариоха с капитанской чин не будет: как ему неученых людей солдатской справке выучить и к бою привесть? Он и сам ратного строя ничего не знает. Послы майоровы речи велели записать и ему, майору, к тем речам велели руку приложить. Яков Стюарт выходил с мушкетом, штурмовал и стрелял, и застрелил трех человек, толмача Нечая Дрябина да двух солдат немцев, у Нечая да у немчина испортил по руке, да на всех на них прожег платье, за пику солдатскую приняться и штурмовать не умел и по смотру *худ добре;* а майор фон-Буковен говорил, что Гариох в капитаны, а Стюарт и в солдаты не годится». Солдаты, числом 19, все оказались годными.

Перед началом польской войны государь счел нужным известить об ней и французского короля. В конце 1653 года отправился с этим извещением гонец Мачехин. В Гавре Мачехину в корме и подводах отказали, и он поехал в Париж на своих проторях, жил в Сен-Дени 8 дней и только 24 октября 1654 года въехал в Париж в королевской карете. В Париже отвели ему двор и дали корм, но приставы объявили, что, прежде чем допустят его к королю, он должен быть у королевы и у графа де-Бриена, потому что король в молодых летах и всякие дела ведает и слушает королева, а посольские дела приказаны графу де-Бриену, который, досмотря грамоты и подписи, сполна ли королевского величества именованье и титло написано, докладывает королю. Мачехин никак не согласился быть прежде у де-Бриена и 30 октября представлялся прямо королю Людовику XIV, который при его входе в палату встал и шляпу снял, потом сел и спросил о здоровье царя; Мачехин заметил, что про здоровье великого государя спрашивают вставши; Людовик отвечал: «Про государево здоровье я спрашивал, шляпу снявши, а того у нас не ведется, что стоя спрашивать», но, сказавши это, встал и переспросил о здоровье. «Кроме грамоты, — спросил король Мачехина, — есть ли с тобою царского величества приказ о каком-нибудь деле?» Мачехин отвечал: «Присланы со мною для подлинного ведома польские печатные книги, которые покажу в то время, когда королевское величество царскую грамоту выразумеет». Король обещал грамоту выслушать и книги велел досмотреть своим думным людям. Когда Мачехин выходил из палаты, королевские дворяне сказали ему, что он должен идти теперь к королевской матери. «За каким делом?» — спросил Мачехин. «Королева царскому величеству обрадовалась и велела быть к себе», — отвечали дворяне. Мачехин пошел к королеве Анне. «С каким делом ты прислан к королю?» — спросила Анна. «Прислан я от царского величества к королевскому величеству с любительною грамотою об их государских великих делах и грамоту подал королю», — отвечал Мачехин. Королева сказала, что рада при-

сылке грамоты, и Мачехин, поклонясь, вышел из палаты. Король велел сказать Мачехину чрез графа де-Бриена: «Я царского величества грамоту прочел сам, любительной грамоте этой обрадовался и рад быть с великим государем в братстве и дружбе вечно; хочу также, чтоб царское величество с польским королем был в мире, потому что у них государства смежны». С этим Мачехин и был отпущен.

По поводу войны польской сочли нужным возобновить и сношения с Австрией, прерванные при царе Михаиле. В 1654 году отправлен был к императору Фердинанду III дворянин Баклановский с известием о восшествии Алексея Михайловича на престол и с объявлением о неправдах короля Яна Казимира, которые вынуждают царя идти войною на Польшу. «И если, — писал царь в грамоте к императору, — Ян Казимир король станет у вас или у курфюрстов просить против нас помощи, то вы бы ратных людей и никакой помощи ему не давали и к курфюрстам о том же написали, а мы станем вам за это воздавать нашею государскою любовью, в чем будет возможно». Посланнику по старине было наказано: «Если велят идти к императрице, то отговариваться; если же отговариваться будет нельзя, то идти и от государя поклон править. За столом у цесаря сидеть вежливо и остерегательно; дворянам и подьячим и посольским людям приказать накрепко, чтоб они сидели за столом чинно и остерегательно, не упивались и слов дурных между собою не говорили, а середних и мелких людей в палату с собою не брать, чтоб от них пьянства и бесчинства не было». Баклановский привез ответ, что цесарь хочет быть в третьих меж царем и королем польским и третейством своим мирное постановление учинить, зачем шлет в Москву своих послов [71].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Приготовление к войне. — Отпуск князя Трубецкого. — Выступление государя в поход. — Грамота царская к православным жителям Литвы. — Письмо царя к сестрам и к князю Трубецкому. — Успехи русских войск. — Взятие Смоленска. — Моровая язва в Москве и других городах. — Первое раскольническое движение. — Ссора шляхтича с козаком в Белоруссии. — Поведение Хмельницкого. — Приход Радзивилла под Могилев. — Измена Поклонского. — Действия Хмельницкого и Золотаренка. — Письмо Хмельницкого к Золотаренку. — Письма царя к Морозову, Черкасскому, Долгорукову, Пушкину и Матвееву. — Второй поход царя. — Обращение его к ратным людям. — Взятие Вильны, Ковна и Гродна. — Походы Хмельницкого и Бутурлина, Волконского и Урусова. — Жалоба ратных людей на воевод Урусова и Борятинского. — Сношения с гетманом Павлом Сапегою. — Успехи шведов в Польше. — Сношения шведского короля с царем. — Царское посольство к Радзивиллу. — Столкновения у русских войск со шведскими. — Императорские послы в Москве. — Посольство из Москвы к Павлу Сапеге. — Посольство Галинского в Москву. — Прекращение военных действий с поляками. — Переговоры со шведскими послами. — Посольство в Данию. — Царский поход в Ливонию. — Неудачная осада Риги. — Виленские переговоры бояр с польскими комиссарами. — Посольство Матвеева к Гонсевскому. — Ордин-Нащокин. — Переговоры с Данией. — Столкновение с козаками в Белоруссии. — Поведение Хмельницкого и сношения с ним царя. — Смерть Хмельницкого.

Еще летом 1653 года государь почел нужным внушить войску о возможности скорого похода; 28 июня он делал смотр своему двору на Девичьем поле, после чего приказал думному дьяку стать перед собою и сказать войску: «Стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы! Писано есть, яко всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше от отца. Сего благословеньем и единородного его сына и святого и животворящего духа изволением, и всенадежныя заступницы нашея богородицы и приснодевы Марии, и всех святых молитвами пришло в мысль нашего царского величества осмотреть воинство наше, которым православная христианская вера сохраняется в мире и в тишине, и в благоденствии, и

наше царское величество от супротивных врагов наших ограждается, и ваша в службе храбрость и мужество объявляется, и христианское множество от всенаходящих бед спасается. Видя всеурядное тщание, благодаря бога, по-прежнему радуемся и ваше тщание к службе и службу вашу хвалим. Когда же благоволит бог по его святому смотрению супротивные воевать, и вам бы с таким же тщанием, как и ныне видим вас, с радостным усердием готовым быть, да не мимо идет и нас Христово веление: более сея любви несть, да кто душу свою положит за други своя. Воинствующие за святую, соборную и апостольскую церковь и за православную веру противу своего достояния, и от нашего царского величества милость получат и небесного царствия сподобятся, как и первые победоносцы, за православие пострадавшие». 23 октября, в Успенском соборе государь объявил: «Мы, великий государь, положа упование на бога и на пресвятую богородицу и на московских чудотворцев, посоветовавшись с отцом своим, с *великим государем,* святейшим Никоном патриархом, со всем освященным собором и с вами, боярами, окольничими и думными людьми, приговорили и изволили идти на недруга своего, польского короля; воеводам и всяких чинов ратным людям быть на нынешней службе без мест, и этот наш указ мы велели записать в разрядную книгу и закрепили своею государскою рукою».

В начале 1654 года началось движение войск: 27 февраля отпущен был в Вязьму наряд с боярином Далматовым-Карповым; 15 марта в присутствии козацких послов был смотр на Девичьем поле рейтарскому и солдатскому ученью; 17 марта был повещен поход в Брянск князю Алексею Никитичу Трубецкому с товарищами. 23 апреля в Кремле было большое торжество по поводу отпуска и угощения Трубецкого. Это было воскресенье; в Успенском соборе служил обедню великий государь святейший патриарх, присутствовал великий государь царь со всем синклитом, присутствовала царица и стояла на своем месте за занавескою (запоною); налево от царицына места стояли боярские жены и прочие женщины; собор наполняли стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы, полковники и головы стрелецкие, сотники и подьячие, которые должны были идти в поход с воеводами. После обедни служили молебен; когда окончилось чтение Евангелия, патриарх благословил бояр и воевод и велел им идти прикладываться к образам и мощам; когда они исполнили это, патриарх и царь подошли к образу владимирской богородицы, Никон прочел сначала молитву богородице, потом — молитвы на рать идущим, причем помянул имена бояр, воевод, дьяков и прочих начальников, после этого царь поднес ему воеводский наказ, патриарх положил его в киот владимирской иконы на пелену, подозвал бояр и воевод и начал

им говорить: «Примите сей наказ от престола господа бога и упование держите неизменное, ибо сам господь рек: имеяй веру, яко зерно горушично, и проч. Идите радостно и дерзостно за святые божии церкви, за благочестивого государя и за всех православных христиан и исполняйте государево повеление безо всякого преткновения. Если же не сотворите по сему государеву наказу, убоитесь и не станете радеть о государеве деле, то восприимите Ананиин и Сапфирин суд». Трубецкой принял наказ и поцеловал руки у патриарха. Царь вышел из церкви, поддерживаемый двумя боярами, Алексеем Никитичем Трубецким и Григорием Семеновичем Куракиным, и, остановившись у соборных дверей на рундуке, позвал бояр и воевод к себе хлеба есть. Когда сели за стол, принесли списки всех ратных людей, отправляющихся в поход, и положили пред государем, который, посидев немного, обратился к Трубецкому с такою речью: «Князь Алексей Никитич с товарищи! Заповедую вам: заповеди божии соблюдайте и дела наши с радостию исправляйте: творите суд вправду, будьте милостивы, странноприимцы, больных питатели, ко всем любовны, примирительны, а врагов божиих и наших не щадите, да не будут их ради правые опорочены; передаю вам эти списки ваших полчан: храните их, как зеницу ока, любите и берегите по их отечеству, а к солдатам, стрельцам и прочему мелкому чину будьте милостивы к добрым, а злых не щадите; клеветников и ссорщиков не допускайте до себя, особенно же пребывайте в совете и любви и упование держите несомненное. Если же презрите заповеди божии и преслушаетесь нашего слова, людей божиих, преданных вам, презрите, то я перед богом не буду виноват, вы дадите ответ на страшном суде». Потом государь обратился с речью к полчанам: «При вас заповедал я боярам и воеводам заповеди божии соблюдать, также и наши дела исправлять с усердием, суд творить вправду и вас беречь по вашему отечеству и любить добрых, как самих себя, а злых не щадить; и вам бы, слыша от нас такой милостивый и грозный приказ, бояр и воевод во всем почитать и слушать и бояться, как и нас, и на всякие дела быть готовым без отговорок, а врагов божиих и наших не таить и не покрывать, а извещать на них боярам и воеводам; еще же заповедую вам пребывать во всякой чистоте и целомудрии, потому что не знаете, в какой час смерть постигнет».

Когда кончился обед и дворецкий снял скатерть, то царь, вставши с своего места, стал за столом, сступя с колодки на правую сторону. В это время ключарь с собором совершали хлеб богородицын; певчие пели: «Блажим тя вси роди, богородице» и «Достойно есть»; священники говорили: «Святый боже!» по: «Отче наш!» и кондаки, а ключарь подносил панагию с хлебом богородицыным к царю. Государь взял с па-

нагии часть хлеба богородицына с опасением и, стоя, потребил. Ключарь, поклонясь, отдал панагию и, взявши со стола богородицыну чашу, поднес царю; государь испил трижды и подавал чашу боярам и воеводам по чину, кроме окольничьих; бояре и воеводы шли к чаше один за другим по чину и, приняв чашу, целовали царскую руку; потом подавал государь чашу ключарю с братиею. Ключарь совершал стол, говорил: «Благословен бог наш», соверша стол, поклонившись образам и ударив челом государю, шел с братией за панагиею в церковь и из церкви — домой. Отпустив панагию, царь сел на прежнее свое место, а бояре и воеводы, дьяки и полчане стояли; царь жаловал бояр и воевод водкою и красным медом, дьяков — красным и белым медом, полчан — белым медом. Кончилось угощение и царь обратился к боярам и воеводам с речью: «Князь Алексее су с товарищи! Если даст бог здоровья вам и станете на указном месте, то, пересмотря наших ратных людей, скажите им наш указ: на первой недели Петрова поста всем обновиться св. покаянием и восприятием тела и крови господни; ведаете и сами: аще христианин три лета не причастится, несть христианин. Второе вам приказываю: если и в походах будете, не оставьте сей евангельской заповеди, елико сила ваша может, сотворите плоды послушания, ведаете и сами, чем пророцы и закон весь висят. Аще сию Христову заповедь сохраните и обновитеся святым покаянием и приобщитеся бессмертной трапезе, то дерзостно реку вам: ей, ополчится ангел господен окрест полка вашего. Третье приказываю вам: непослушников и силою приводить к святому покаянию; полагаю весь полк ваш на вас боярах и воеводах: если хотя один человек нерадением вашим не обновится покаянием, то вы ответ дадите на страшном суде Христове».

Трубецкой отвечал: «О, царю пресветлый, премилостивый и премудрый, наш государь и отец и учитель! Ей, насладились мы душевных и полезных учительских слов! Какого источника живых вод искали, такой и обрели. Пророком Моисеем манна дана была израильским людям в пищу: мы же не только телесною снедью напитались от твоих царских уст, но и душевною пищею пресладких и премудрых глаголов божиих, исходящих от уст твоих, царских, обвеселились душами и сердцами своими. Хотя малодушны мы и маловерны, но устремляемся на всякое послушание благое, и бог помощник нам будет».

Начался отпуск: первый пошел к царской руке старший воевода, князь Трубецкой: царь взял обеими руками его голову и прижал к груди своей «для его чести и старшинства, потому что многими сединами украшен, муж благоговейный и изящный, мудрый в божественном писании, в воинстве счастлив и недругам страшен». Растроганный до слез, вое-

вода начал кланяться в землю раз до тридцати. Отпустив начальных людей, царь пошел в сени Грановитой палаты и приказал позвать последних полчан, которые обедали в столовой, московских дворян и жильцов, дворян и детей боярских — ярославцев, жаловал их из своих рук в ковшах белым медом и говорил речь: «В прошлом году были соборы не раз, на которых были и от вас выборные, от всех городов дворян по два человека; на соборах этих мы говорили о неправдах польских королей, вы слышали это от своих выборных: так вам бы за злое гонение на православную веру и за всякую обиду к Московскому государству стоять, а мы идем сами вскоре и за всех православных христиан начнем стоять, и если творец изволит и кровию нам обагриться, то мы с радостию готовы всякие раны принимать вас ради, православных христиан, и радость и нужду всякую будем принимать вместе с вами». Полчане возопили: «Что мы видим и слышим от тебя, государя? За православных христиан хочешь кровию обагриться! Нечего нам уже после того говорить: готовы за веру православную, за вас, государей наших, и за всех православных христиан без всякой пощады головы свои положить!» Государь заплакал и сквозь слезы проговорил: «Обещаетесь, предобрые мои воины, на смерть, но господь бог за ваше доброе хотение дарует вам живот, а мы готовы будем за вашу службу всякой милостию жаловать».

26 числа войско выступило в Брянск; оно шло через Кремль мимо дворца под переходы, на которых сидели царь и патриарх; Никон кропил проходящее войско святою водою. Когда подъехали к переходам бояре и воеводы, то сошли с лошадей и поклонились по обычаю; государь спросил их о здоровье и они поклонились до земли. Царь сказал им: «Поезжайте да послужите; бог с вами: той вам да поможет и вас соблюдет». Бояре и воеводы опять поклонились до земли. Встал Никон, благословил их и сказал речь: «Упование крепко и несумненно имейте в уме своем на господа бога и творца всего создания и общую заступницу, пресвятую богородицу, призывайте на помощь. Государевы дела делайте с усердием, а во всем том господь бог утвердит вас и поможет вам на всякое доброе дело; да подаст вам силою животворящего креста победу и одоление и возвратит вас здравых со всякою доброю победою». Изговоря речь, патриарх опять благословил воевод и поклонился им по обычаю; воеводы поклонились ему в землю, и Трубецкой говорил речь: «О, всеблаженнейший и пресветлейший отцам отец, великий государь, пресвятейший Никон, всея Великие и Малые России патриарх! Удивляемся и ужасаемся твоих государевых, учительных словес и надеемся на твое государево благоутробие, понеже не видим ни одного грешника, кающегося отгоняема и озлобляема от тебя, государя. Твоему пресвятому поучению, как

евангельскому благовестию, радостною душою и с радостными слезами веселимся и утешаемся; по воле божией, по государеву указу и по твоему благословению и учению обещаемся с радостию служить безо всякие хитрости; если же в бесхитростии или в недоумении нашем преступление учинится, молим тебя, пресветлейший владыка, о заступлении и о помощи». В то время как говорил речь Никон, царь для его святительской речи и достоинства стоял.

Съездивши к Троице и в Саввин монастырь, царь 10 мая осмотрел на Девичьем поле всех ратных людей, которые должны были идти с ним в поход; 15 мая отпущена была в Вязьму иверская икона богородицы, и в тот же день отправились туда воеводы передового и ертаульного полка; на другой день выступили воеводы большого и сторожевого полка; 18 мая выступил сам царь. Дворовыми воеводами при нем были бояре — Борис Иванович Морозов и Илья Данилович Милославский; в большом полку бояре — князь Яков Куденетович Черкасский и князь Семен Васильевич Прозоровский; в передовом полку — князь Никита Иванович Одоевский да князь Федор Юрьевич Хворостинин; в сторожевом — князь Михайла Михайлович Темкин-Ростовский, да Василий Иванович Стрешнев. Государева полка сотенные головы и начальные люди с полками, головы стрелецкие с приказами собирались с утра на Девичьем поле, откуда шли сотнями через дворец: здесь из окна столовой избы патриарх кропил их святою водою. В воротах, через которые шел государь, по обе стороны сделаны были рундуки большие ступенями и обиты красным сукном; на рундуках стояло духовенство и кропило государя и ратных людей святою водою. Это главное войско отправилось на запад, по Смоленской дороге; Трубецкому из Брянска велено было идти в Малороссию и, соединившись там с Хмельницким, ударить на польские области; с своей стороны Хмельницкий отрядил в Белоруссию 20 000 козаков под начальством наказного гетмана Ивана Никифоровича Золотаренка. Боярину Василью Борисовичу Шереметеву велено было двинуться из Путивля в Белгород или в Карпово Сторожевье для оберегания южных границ от крымского хана и ногайских людей [72].

Надеялись найти союзников в областях королевских, куда посланы были такие грамоты:

«В Польское королевство и Литовское княжество, матери нашей святой восточной церкви сынам, греческого закона православным архиереям, иереям и всего священного и иноческого чина и всем православным христианам всякого чина и возраста и достояния, по городам, местечкам, селам и весям: от многих времен от святые восточные церкви к нам, чадам ее, и от всех православных христиан Малыя России моление было, да законным вспоможением, елико верным по

верных достоит помогать, поможем. И вот теперь умилостивились мы и Малую Россию, православных христиан, под единого словесных овец пастыря Христа бога нашего державу решились принять. И вот теперь всем извещаем, что богохранимое наше царское величество за божиею помощию собравшись со многими ратными людьми на досадителей и разорителей св. восточной церкви греческого закона, на поляков вооружаемся, дабы господь бог над всеми нами, православными христианами, умилосердился и чрез нас, рабов своих, тем месть сотворил, и св. восточная церковь от гонения освободилась и греческими старыми законами красилась, чтоб за многие королевские неправды и за нарушение вечного докончания воздалась месть. И вы бы, православные христиане, освободившись от злых, в мире и благоденствии прочее житие провождали; и сколько вас господь бог на то доброе дело восставил, прежде нашего царского пришествия разделение с поляками сотворите, как верою, так и чином, хохлы, которые у вас на головах, постригите, и каждый против супостат божиих да вооружается. Которые добровольно прежде нашего государского пришествия известны и верны нам учинятся, о тех мы в войске заказ учинили крепкий, да сохранены будут их домы и достояние от воинского разорения»[73].

26 мая государь приехал в Можайск, откуда писал сестрам: «Из Можайска пойдем 28 числа: спешу, государыни мои, для того, что, сказывают, людей в Смоленске и около Смоленска нет никого, чтоб поскорей захватить».

Алексей Михайлович, уверенный в необходимости предприятия, уверенный в правоте своего дела, одушевленный религиозным чувством, выступал в поход по крайней мере с тою смелостию, с какою удерживался при гробе патриарха Иосифа, несмотря на разные искушения. Теперь, по выступлении в поход, явились также искусители: то были люди, окружавшие царя; им не нравилось предприятие, заставившее расстаться с покойною московскою жизнию, им страшен был поход к литовской границе, ибо давно уже эти походы не оканчивались счастливо. Пользуясь добротою царя, они не скрывали при нем своего неудовольствия и сильно огорчали Алексея: «А у нас (писал государь к князю Трубецкому 31 мая), у нас едут с нами отнюдь не единодушием, наипаче двоедушием, как есть облака: иногда благопотребным воздухом и благонадежным и уповательным явятся, иногда зноем и яростию, и ненастьем всяким злохитренным и обычаем московским явятся, иногда злым отчаянием и погибель прорицают, иногда тихостию и бледностью лица своего отходят, лукавым сердцем Коротко вам пишу, потому что неколи писать, спешу в Вязьму; а мне, уже бог свидетель, каково становится от двоедушия того, отнюдь упования нет. А потом здравствуйте и творите всякое дело с упованием к творцу своему и будьте

любовны между собою, ей бог с вами, а ко мне, если бы не его светова милость, ей сокрушение бы моему сердцу малодушие оных»[74]. Скоро, однако, эти неприятности исчезли, ибо начали приходить радостные вести.

Первую приятную весть получил государь на дороге из Царева-Займища в Вязьме 4 июня; дали знать, что едва толпа вяземских охочих людей показалась перед Дорогобужем, как поляки побежали из города в Смоленск, а посадские люди сдали Дорогобуж без боя. На дороге из Вязьмы в Дорогобуж 11 июня царь получил весть о сдаче его войскам Невля; 14 июня в Дорогобуж пришла весть о сдаче Белой. 26 июля передовой полк имел первую сшибку с поляками на реке Колодне под Смоленском; 28 июня сам государь стал под Смоленском в Богдановой околице и на другой день его поздравили со сдачею Полоцка; июля 2 получена весть о сдаче Рославля; 5 июля государь расположился станом на Девичьей горе, в двух верстах от Смоленска; 20 дали знать о сдаче Мстиславля. Среди этих радостных известий было только одно печальное: под Оршею, трижды несчастною, русские потерпели сильное поражение от литвы, которая подкралась к ним ночью и ударила на спящих. Но эта неудача не могла остановить быстрого успеха Москвы, которая, как доносили королю его воеводы, теперь воевала по новому образцу, занимала земли милостию и жалованьем царским; православная шляхта, сдавшаяся на имя царское по деревням и в Полоцке, была отправлена под Смоленск к царю за жалованьем; которая не хотела сдаваться, отпускалась беспрепятственно. Эта снисходительность имела то действие, что не только простой народ, но и шляхта охотно присягали царю, особенно бедные люди, служивые иноземцы, которые не надеялись получить своего жалованья от Речи Посполитой. «Мужики очень нам враждебны,— пишут поляки,— везде на царское имя сдаются и делают больше вреда, чем сама Москва; это зло будет и дальше распространяться; надобно опасаться чего-нибудь вроде козацкой войны». 22 июля выехал на государево имя могилевский шляхтич Поклонский и жалован в полковники; ему поручено было уговаривать земляков, чтоб поддавались государю и служили ему против поляков, для чего велено было тому же Поклонскому всяких служивых людей прибирать к себе в полк и обнадеживать их государским жалованьем. Уговаривать могилевцев к сдаче отправлен был вместе с Поклонским московский дворянин Воейков с отрядом ратных людей На дороге прислали к ним чаусовцы с просьбою принять их под государеву руку, и Поклонский набрал из них 800 человек пехоты. 24 июля дали знать государю о сдаче Дисны и Друи, 2 августа — о взятии Орши, оставленной гетманом литовским Радзивиллом, который был нагнан русскими и разбит. 9 августа боярин Василий Шереме-

тев дал знать о взятии города Глубокого, 20 — о взятии Озерища, и в тот же день князь Алексей Трубецкой дал знать о победе над гетманом Радзивиллом, одержанной в 15 верстах от города Борисова, на речке Шкловке: 12 полковников, 270 всяких людей, знамя и бунчук гетманские, знамена и литавры достались победителям; раненый Радзивилл спасся с немногими людьми. В тот же день прискакал третий сеунч, или вестник победы, от гетмана Золотаренка: Гомель сдался ему. 24 августа сдался Могилев Поклонскому и Воейкову; последний писал государю, что православных могилевцев он привел к присяге, а католиков, которые хотят служить государю, приводить к присяге не смеет, потому что они не христиане. Жиды были побиты в Могилеве, но мещане сложили эту вину на козаков Поклонского. Государь исполнил челобитье могилевцев, чтоб жить им под магдебургским правом, носить одежду по прежнему обычаю, не ходить на войну, чтоб не выселять их в другие города; дворы их были освобождены от военного постоя, позволено было выбирать из черни шаферов для заведывания приходами и расходами городскими; обещано не допускать ляхов ни в какие должности в городе; козаки не могли жить в Могилеве, разве по делам службы; жиды также не допускались в город на житье; школе быть по образцу киевских училищ. Подобные же грамоты даны были и другим покорившимся городам.

Август окончился удачными действиями Золотаренка, который 29 числа дал знать о взятии Чечерска, Нового Быхова и Пропойска. А между тем уже два месяца Смоленск был в осаде; приступ ночью на 16 августа не удался; по польским известиям, русских погибло 7000 да ранено было 15 000. Царь же Алексей Михайлович писал сестрам: «Наши ратные люди зело храбро приступали и на башню и на стену взошли, и бой был великий; и по грехам под башню польские люди подкатили порох, и наши ратные люди сошли со стены многие, а иных порохом опалило; литовских людей убито больше двухсот человек, а наших ратных людей убито с триста человек да ранено с тысячу». Как бы то ни было, и осажденные понесли сильный урон и увидали, что держаться более нельзя: укрепления повреждены, всех защитников не наберется и двух тысяч, а защищать надобно стены, растянутые на таком огромном пространстве, и 34 башни, наконец, пороху недоставало. Шляхта, отчаявшись отбить неприятеля, отказывалась повиноваться: мало кто шел на стены, никто не хотел работать для восстановления укреплений; козаки чуть-чуть не убили королевского инженера, когда он стал высылать их на работу; толпами стали перебегать к осаждающим; особенно бежали те, которые не получали жалованья. Сентябрь начался счастливыми вестями для царя: 1 числа получил он весть о сдаче Усвята, 4 — о сдаче Шклова. Смоленский вое-

вода Обухович и полковник Корф прислали просить о начатии переговоров; 10 сентября стольники Иван Богданович Милославский и Семен Юрьевич Милославский, да стрелецкий голова Артемон Сергеевич Матвеев на съезде с литовскими людьми договорились о сдаче Смоленска: Обухович и Корф получили позволение выехать в Литву, остальной шляхте и мещанам дано было на волю: или выехать в Литву, или присягнуть государю. Начальники еще хотели тянуть время, выжидать, но жители Смоленска не хотели ждать; они составили сеймики, на которых главный голос принадлежал пану Голимонту и двоим Соколинским: условились о сдаче, подговорили зáмковую пехоту, сорвали хоругвь с воеводского дома, отворили ворота и пошли к царю. 23 сентября под стенами Смоленска происходило обратное явление тому, какое видели здесь в 1634 году: литовские воеводы, выходя из Смоленска, били челом и клали знамена перед государем московским. На другой день бояре, окольничие, стольники, стряпчие и дворяне приходили поздравлять государя с Смоленском, подносили хлеб и соболи. В столовом шатре царь угощал обедом грузинских и сибирских царевичей, бояр и окольничих, сотенных голов государева полка и черкасского наказного гетмана Ивана Золотаренка с товарищами. 28 числа угощал есаулов своего полка и смоленскую шляхту. Получивши весть о взятии города Гор, государь 5 октября выступил из-под Смоленска в Вязьму. На дороге 16 числа получил весть о сдаче Дубровны[75].

Но в то время как с запада приходили все вести счастливые, из Москвы давали знать, что здесь свирепствует моровая язва. Еще в июле месяце по распоряжению Никона царица с семейством выехала из столицы; выехал и патриарх по указу царскому. Чтоб сберечь государя и войско, поставлены были крепкие заставы по Смоленской дороге, также по Троицкой, Владимирской и другим дорогам; людям, едущим под Смоленск, велено говорить, чтоб они в Москву не заезжали, объезжали около Москвы. Здесь в государевых мастерских палатах и на казенном дворе, где государево платье, двери и окна кирпичом заклали и глиною замазали, чтоб ветер не проходил; с дворов, где обнаружилось поветрие, оставшихся в живых людей не велено выпускать: дворы эти были завалены и приставлена к ним стража. Бедствием воспользовались люди, которых уже давно тревожили разные новизны морозовские, ртищевские, никоновские. 25 августа князь Пронский с товарищами были у обедни в Успенском соборе; около церкви собралось много народа из разных слобод, принесли в киоте икону — спас нерукотворенный, лице и образ соскребены. Когда боярин вышел от обедни, земские люди подошли к нему и начали говорить: «Взят этот образ на патриархов двор у тяглеца новгородской сотни, Софрона

Лапотникова, и отдан ему образ из тиунской избы для переписки, лице выскребено, а скребли образ по патриархову указу». Выступил Софрон Лапотников и стал говорить: «Мне было от этого образа явление, приказано показать его мирским людям, а мирские люди за такое поругание должны стать». Мирские люди подхватили: «На всех теперь гнев божий за такое поругание: так делали иконоборцы; во всем виноват патриарх, держит он ведомого еретика старца Арсения, дал ему волю, велел ему быть у справки печатных книг, и тот чернец много книг перепортил, ведут нас к конечной погибели, а тот чернец за многие ереси вместо смерти сослан был в Соловецкий монастырь; патриарху пристойно было быть на Москве и молиться за православных христиан, а он Москву покинул, и попы, смотря на него, многие от приходских церквей разбежались, православные христиане помирают без покаяния и без причастия. Напишите, бояре, к государю царю, к царице и царевичу, чтоб до государева указа патриарх и старец Арсений куда-нибудь не ушли». Пронский с товарищами начал уговаривать земских людей всякими мерами, чтоб они от такого дела отстали: «Святейший патриарх, — говорил боярин, — пошел из Москвы по государеву указу, и когда соцкие к нему приходили бить челом, чтоб он в нынешнее время из Москвы не уезжал, то патриарх казал им государеву грамоту, что он идет по государеву указу, а не по своей воле». Народ выслушал это спокойно, но потом, в тот же день, толпа явилась у Красного крыльца, принесли иконные доски, говоря, что с этих досок образа соскребены: «Мы, — говорили из толпы, — мы эти доски разнесем во все сотни и слободы и завтра придем к боярам по этому делу». При всем этом волнении соцкие не показывались, а предводительствовали и говорили гостиной сотни купцы — Дмитрий Заика, Александр Баев да Кадашевец Иван Нагаев. Пронский отписал об этом деле царице и царевичу (т. е. бывшему при них Никону) и по их приказанию призвал к себе черных сотен и слобод соцких и старост и лучших людей и говорил им, чтоб они к совету худых людей не приставали, своей братьи говорили, чтоб и они от такого злого начинания отстали, заводчиков воровства поймали и к ним боярам привели. Соцкие отвечали, что они к злому заводу не пристают и свою братью станут унимать. Потом Пронский велел призвать троих оставшихся в Москве гостей, из гостиной и суконной сотен лучших и середних людей и велел им прочитать грамоту, присланную от царицы. Призванные, выслушав грамоту, отвечали, что они про патриарха никаких бесчестных слов не говаривали, к соборной церкви и к Красному крыльцу не прихаживали, а которые воры приходили и те речи говорили, то они за них не стоят и, проведав, имена их принесут. Тут же черных сотен и дворцовых слобод старосты и соцкие

били челом, чтоб святейший патриарх пожаловал, благословил для нынешнего времени у приходских церквей петь обедни в час дня и, которые священники из Москвы сбежали и живут по деревням, тех выслать назад в Москву, а, которые живут в Москве под запрещением, тем разрешить, потому что многие церкви стоят без пения, православные христиане умирают без покаяния и причастия и мертвых погребать некому.

Не знаем, удовлетворено ли было это требование, но попытались еще раз поднять народ против печатания книг, исправляемых Арсением[76]. В начале сентября князь Пронский дал знать царице, что моровое поветрие в Москве усиливается, православных христиан остается немного; писал, что какая-то женщина Степанида Калужанка с братом Терешкою рассказывают видения и запрещают печатать книги. Пронскому от имени царицы и царевича Алексея Алексеевича отвечали (конечно, Никон): «Степанида с братом своим Терешкою в речах рознились: из этого ясно, что они солгали, и вы бы вперед таким небыличным вракам не верили; печатный двор запечатан давно и книг печатать не велено для морового поветрия, а не для их бездельных врак». Зараженные деревни велено было засекать и расставлять около них сторожи крепкие, на сторожах разложить огни часто; под смертною казнию запрещено было сообщение между зараженными и незараженными деревнями. Со стану на реке Нерли царица отправлялась в Колязин монастырь; дали знать, что через дорогу в Колязин провезено тело думной дворянки Гавреневой, умершей от заразы, и вот велено было на этом месте, на дороге и по обе ее стороны, сажен по десяти и больше, накласть дров и выжечь гораздо, уголье и пепел вместе с землею свезть и насыпать новой земли, которую брать издалека. 11 сентября царское семейство уже было в Колязине монастыре. Грамоты, присылаемые сюда из Москвы от бояр, переписывались через огонь; в этих грамотах присылались вести нерадостные: 11 сентября умер боярин князь Михайла Петрович Пронский, 12 — боярин князь Хилков; померли гости, бывшие у государевых дел; в черных сотнях и слободах жилецких людей осталась самая малая часть; стрельцов из шести приказов и одного не осталось, многие померли, другие больны, иные разбежались; ряды все заперты, в лавках никто не сидит; на дворах знатных людей из множества дворни осталось человека по два и по три; объявилось и воровство: разграблено было несколько дворов, а сыскивать и унимать воров некем; тюремные колодники проломились из тюрьмы и бежали из города, человек с сорок переловили, но 35 ушло. В ответ был послан приказ: в Кремле запереть все ворота и решетки запустить, оставить одну калитку на Боровицкий мост, и ту по ночам запирать. С 10 октября мор

начал стихать, и зараженные стали выздоравливать. 21 октября государь приехал в Вязьму и по случаю морового поветрия не поехал далее; сюда к нему приехала и царица с семейством из Колязина. В начале декабря государь послал досмотреть в Москве, сколько умерло и сколько осталось; донесли: в Успенском соборе остался один священник да один дьякон; в Благовещенском — один священник; в Архангельском службы нет: протопоп сбежал в деревню; во дворце по двору едва можно пройти: сугробы снежные! На трех дворцах дворовых людей осталось 15 человек. В Чудове монастыре умерло 182 монаха, живых осталось 26; в Вознесенском умерло 90 монахинь, осталось 38; в Ивановском умерло 100, осталось 30; в Посольском приказе переводчиков и толмачей 30 умерло, 30 осталось. На боярских дворах: у Бориса Морозова умерло 343 человека, осталось 19; у князя Алексея Никитича Трубецкого умерло 270, осталось 8; у князя Якова Куденетовича Черкасского умерло 423, осталось 110, у князя Одоевского умерло 295, осталось 15; у Никиты Ивановича Романова умерло 352, осталось 134; у Стрешнева изо всей дворни остался в живых один мальчик и т. д. В черных сотнях и слободах: в Кузнецкой умерло 173 человека, осталось 32; в Новгородской сотне умерло 438, осталось 72; в Устюжской полусотне умерло 320, осталось 40; в Покровской сотне умерло 477, осталось 48 и т. д. В других городах: в Костроме умерло 3247 человек, в Нижнем Новгороде — 1836, а в уезде — 3666; в Калуге посадских людей умерло 1836 (включая жен, детей, племянников и зятьев), осталось 777; в Троицком монастыре и подмонастырских слободах умерло 1278 человек; в Торжке умерло 224, осталось всяких людей 686, в уезде умерло 217, осталось 2801; в Звенигороде умерло 164, осталось с женами и детьми всего 197, в уезде умерло 707, осталось 689; в Верее с уездом умерло 1524 человека; в Кашине умерло 109, осталось 300, в уезде умерло 1539, осталось 908; в Твери умерло 336, осталось 388; в Туле умерло 1808, осталось 760 мужского пола; в Переяславле Рязанском умерло 2583 человека, осталось 434; в Угличе умерло 319, осталось 376; в Суздале умерло 1177, осталось 1390 (с женами и детьми); в Переяславле Залесском умерло 3627, осталось 939. Эти известия важны для нас и в том отношении, что дают нам понятие о населении городов Московского государства во второй половине XVII века.

Между тем война продолжалась в Белоруссии: 22 ноября боярин Василий Петрович Шереметев дал знать, что он взял с боя Витебск. Это была последняя радостная весть в 1654 году, затем стали приходить вести неприятные. Прежде всего началась ссора у шляхтича с козаками: Могилев, как мы видели, был занят полковником Поклонским и Воейковым, которые и остались в нем начальствовать. 7 сентября приска-

кал из Могилева шляхтич Рудницкий и объявил государю, что прислал к Поклонскому гетман Золотаренко из-под Быхова грамоту, пишет с великими угрозами, хочет его убить, а сердится за то, зачем могилевцы сдались Поклонскому; Рудницкий же донес, что запорожцы воюют Могилевский уезд. Государь в тот же день послал приказ князю Алексею Никитичу Трубецкому отправить в Могилев отряд ратных людей; Трубецкой 12 сентября прислал в Могилев стрелецкого голову с приказом, и Поклонский с Воейковым разослали этих стрельцов по уезду для оберегания крестьян от козаков. На другой день, 13 сентября, явился в Могилев сам наказный гетман Золотаренко проездом под Смоленск к государю; Воейков воспользовался этим случаем и стал жаловаться гетману, что козаки наехали в Могилевский уезд и распоряжаются: хлеб, собранный на государя, велели возить к себе под Быхов, мельницы стали отдавать на оброк, денежные оброки с крестьян выбирают, лошадей и животину всякую у них берут. Золотаренко отвечал: «Что ж мы будем есть, если нам хлеба, коров и лошадей не брать? Вы готовите хлеб на зиму для государевых ратных людей, а нам надобно теперь». «Кто же тебе мешает готовить всякие запасы в Быховском уезде?» — возразил на это Воейков, и тем разговор кончился. Но дело не кончилось: 15 сентября новая жалоба от Поклонского: «Золотаренко, выехавши из Могилева, прибил встретившихся ему людей моих и сказал им: то же будет от меня и полковнику вашему! После этого все мои козаки, испугавшись, отступились от меня, никто уже со мной не хочет быть, все к нему передались, и я, не имея людей, не могу больше быть полковником, бью челом вашему царскому величеству, укажите мне где-нибудь жить, а здесь подле Золотаренка ни за что служить не стану, боюсь его пуще ляхов». От Воейкова также приходили жалобы на козаков: 12 октября он доносил, что Золотаренко запретил крестьянам возить хлеб и сено в Могилев, велел возить к себе, в Войско Запорожское; стрельцы собрали было по селам хлеб и хотели молотить, но наехали козаки, стрельцов выбили, хлеб отняли и многие из них, ограбив крестьян, на службе не остались, разошлись по своим городам

Черкас стало меньше; Поклонский остался полковником в Могилеве; но вот взволновались могилевцы: 14 октября бурмистры, райцы, лавники и мещане пришли к Воейкову и говорили: «Из Смоленска государь изволил пойти к столице и своих ратных людей отпустил; а к нам в Могилев ратных людей зимовать не прислано, пороху нет и пушек мало; мы видим и знаем, что государь хочет нас выдать ляхам в руки; а на козаков Золотаренковых нечего надеяться: запустошив Могилевский уезд, все разбегутся, и теперь уже больше половины разбежалось. Мы на своей присяге стоим, но одним нам

против ляхов стоять не уметь». Воейков тотчас дал знать об этом государю, и тот отвечал ему: «Собери всех мещан к съезжему двору и скажи всем вслух, что государь их пожаловал, велел к ним в Могилев послать из Дубровны окольничего и воеводу Алферьева, да солдатского строю полковника с полком, да двух стрелецких голов с приказами; из Смоленска пришлется к ним 300 пуд зелья да 300 пуд свинцу».

И Алферьев должен был начать свою службу в Могилеве жалобою на козаков, только не на одних черкас Золотаренковых. 1 декабря писал он государю: «Могилевцам и Могилевскому уезду была обида большая от козаков, стацеи со всего Могилевского уезда они выбрали все, и как скоро Золотаренковы козаки из Могилевского уезда вышли, то стали делать обиды большие козаки Поклонского полка, лошадей и животину отнимают и платье грабят, стрельцов и солдат в уезде и в городе на карауле по воротам бьют, и от их побоев многие стрельцы и солдаты лежат при смерти, и твоих государевых запасов с Могилевского уезда выбрать не дадут. А полковник Поклонский козаков не унимает, на твою, государеву, службу нейдет и козаков не посылает; а на той стороне реки Березы ляхи, и от Могилева до реки Березы только 80 верст». Золотаренко отступил в Новый Быхов, не взявши Старого; причину этого неуспеха объяснили быховцы, захваченные в плен: «Когда Золотаренко стоял под Быховым, то быховцы говорили одно: сколько Золотаренку не стоять, а мы ему никогда не сдадимся; сдались ему добровольно гомляне, и он их всех перевязал да отвез к государю под Смоленск. Когда в Быхове узнали, что могилевцы добили челом государю и живут все по-прежнему, то мещане быховские начали между собою толковать, как бы государю добить челом; только шляхта и другие люди, особенно жиды, этого не хотели, да и мещане думали сдаться Поклонскому или государевым воеводам, а Золотаренку никогда бы не сдались, потому что ему не верят» [77].

В то время когда черкасы запорожские мешали своим козацким характером успешному ходу дел в Белоруссии, главный предводитель их, Богдан Хмельницкий, с своим войском оставался в бездействии в Малороссии. Подданство этой страны московскому православному государю отозвалось между православным народонаселением турецких областей, возбудило большие надежды. В Москву приходили вести: греки бога молят, чтоб совокупил христианство воедино и быть бы им под благочестивым христианским государем, только того и дожидаются, как государевы ратные люди Дунай реку перейдут или Хмельницкий с черкасами выступит, и они тотчас на турок сами встанут и будут над ними промышлять сообща. Но Хмельницкий с черкасами хотя и вы-

ступил, но остановился в таборах под Хвостовом. Царь отправил туда 20 000 жалованья для раздачи козакам, но Выговский писал (19 июля): «Жалованье царское, червонные золотые теперь нельзя козакам раздавать, потому что Войско Запорожское не вместе находится, и нельзя составлять списка, доколе бог подаст победу над врагами; теперь больше 100 000 войска вышло на рать, а жалованья царского только 20 000: если этим разделим, другие забунтуют и на службу государеву не пойдут». В августе Хмельницкий извещал государя, что господарь молдавский и волошский и король венгерский хотят быть под царскою рукою; но Выговский писал боярину Бутурлину, что волохам верить нельзя, потому что они вместе с поляками от Днестра ударили на полк Браславский. Государь не был доволен медленностию гетмана. В августе дворянин Ржевский послан был сказать ему: «Государь сам пошел на поляков, а тебе, гетману, и всему Войску Запорожскому, видя такую премногую государскую милость, и давно было над польским королем промышлять; а крымского хана бояться нечего: от него защищает боярин Василий Борисович Шереметев, да и у тебя, гетмана, в Полтаве и в других местах, куда можно ожидать прихода крымских людей, полки козацкие есть; кроме того, донским козакам велено идти на Крым и татарские юрты разорять». Хмельницкий отвечал, что если б он не боялся хана, то давно бы пошел и теперь выступает по царскому указу. Действительно, он выступил из-под Хвостова, но не помешал полякам свирепствовать в Подолии и Украйне, где жители русских городов, защищаясь от врага, ознаменовали себя геройским, но бесполезным мужеством. Вместе с Хмельницким должен был идти московский воевода Андрей Бутурлин, который не был доволен распоряжениями гетмана и писал государю: «Я пошел от Хвостова августа 25, а гетман пошел 26 и настиг меня в Романовке, а в Романовке дал мне вожа и велел идти перед собою, велел меня вести, и сам идет за мною с Войском Запорожским пустым местом, черным шляхом, не спеша. 6 сентября мы пришли под пустой городок Бердичев и стояли до 15 числа; ставится он, гетман, от меня особым обозом. Я приезжал к нему много раз и говорил по твоему государеву указу, чтоб шел, не мешкая, в сход к твоим боярам и воеводам, князю Алексею Никитичу Трубецкому с товарищами, под Луцк, жилыми местами, но он мне отказал тем, что со мною ратных людей мало, а о князе Трубецком под Луцком не слыхать, а знает он подлинно, что польский король с гетманом идет против него; также знает он наверное, что польский король крымского хана подкупил, который сбирается войною под черкасские города, и ему, гетману, идти против короля и над польскими городами промышлять не с кем. У меня в обозе, продолжает Бутурлин, ратным людям в

запасах оскуденье и многие драгуны разбежались и лошадьми опали; а иные драгуны пошли для корму под польские города без моего ведома, и если гетман будет стоять в пустых местах к зимнему времени или поворотится назад к Чигирину или к Белой Церкви, то комарицкие драгуны и остальные разъедутся и твоей казны, наряду, зелья и свинцу, и всяких пушечных запасов оберегать и везти будет некому». Опасения Бутурлина оправдались: Хмельницкий отправился в Чигирин, оставив московского воеводу у Белой Церкви; комарицкие драгуны, иные с голоду, другие пропившись и проворовавшись, покинули воеводу и разбежались по домам, унимать было их некому, потому что Бутурлин заболел, а товарища у него не было.

Но, действуя медленно против врагов, Хмельницкий извещал царя о вредных замыслах против Москвы в Малороссии. В сентябре приехал к государю уже известный нам грек Иван Петров Тафлары, высвободившийся из польского плена, в который он попал под Берестечком. Грек объявил, что еще в Великий пост перед Светлым воскресеньем присылали на сейм к королю киевский митрополит и другие духовного чина люди двоих чернецов с объявлением, что им с московскими людьми быть в союзе невозможно и они этого никогда не желали; Москва хочет их перекрещивать, так чтоб король, собравши войско, высвобождал их, а они из Киева московских людей выбьют и будут под королевскою рукою по-прежнему. Король написал универсалы, обольщая малороссиян, и духовных, и мирских людей, всякими прелестями Развозить эти универсалы по Малороссии король поручил ему, Ивану Петрову, но он, взявши универсалы, привез их прямо к гетману Хмельницкому и рассказал ему о присылке митрополита к королю Богдан отвечал ему: «Знаю я давно об этом и знаю, что делать», — и послал его, Ивана, к государю объявить обо всем Сначала поляки надеялись на храброго и ловкого козацкого полковника Богуна, который медлил присягою царю Православный шляхтич Олекшич, желая удержать Богуна на стороне королевской, писал ему: «Твоя милость хорошо ведать можешь, что в эти годы, воюя только сами с собою, мы сильно опустошили свою землю что же будет, когда столь многие народы войдут в страну нашу? Без сомнения, придет тогда конечная погибель имени православному Наводит немалую печаль нам и всей братии нашей, от единой крови происходящим и единую церковь восточную материею своею почитающим, когда слышим, что патриарх московский духовным нашим и всему миру христианскому на повиновение себе присягать велит, отступивши от святейшего патриарха константинопольского; мы для этого и с костелом римским унии принять не хотели и пастырю нашему старейшему, которого нам бог дал, не противились» [78]

Так прошел 1654 год. Новый 1655 год начался вестями неприятными с запада. Любовицкие мещане изменили, воеводу Рожнова отдали полякам; оршане отложились и заставы поставили; жители Озерищ связали воеводу и отослали к гетману литовскому Радзивиллу, порубили 36 человек русских солдат, ушло только четыре человека; в Смоленске изменили молодой Соколинский и двое Ляпуновых. Матвей Васильевич Шереметев разбил наголову князя Лукомского, хотевшего отнять дороги у Витебска[79]; но, с другой стороны, гетман Радзивилл предпринял наступательное движение на русских: 2 января Золотаренко писал из Нового Быхова, прося помочь ему против приближающегося Радзивилла, а 7 января извещал, что он осажден 24 000 литвы. Но Радзивилл не стал медлить под Новым Быховом, когда ему представилась возможность овладеть более значительным городом — Могилевом. Он вошел в сношения с Поклонским. Тот, как бы загодя оправдываясь в измене, писал 17 января боярину Василью Васильевичу Бутурлину: «Поддавшись раз царю его милости, изменять не мыслю и посылаю к царскому величеству листы, писанные ко мне Радзивиллом; только надобно скоро людей: одни мы не можем с коронем польским воевать, и не надобно бы давать себя ляхам на посмеяние». Скоро после того товарищ Поклонского, Воейков, дал знать князю Трубецкому об измене полковника-шляхтича: «На пятое февраля, за два часа до света, полковник Поклонский государю изменил с могилевскою и других городов шляхтою и с козаками, которые у него в полку были, гетманов Радзивилла и Гонсевского с польскими войсками в большой земляной вал впустил, и теперь я в меньшем земляном валу сижу в осаде с государевыми ратными людьми и с мещанами, которые с нами, было три приступа и под вал четыре подкопа, но подкопами нам ничего не сделали, и теперь мы ждем выручки от вас». Поклонский, оправдывая свой поступок, писал Золотаренку: «Мы в лучшей вольности прежде за ляхами были, чем теперь живут наши; собственные мои глаза видели, как бездельно поступала Москва с честными женами и девицами». К протопопу Нежинскому он писал: «Золотые слова шляхте и городам на бумаге надавали, а на ноги шляхте и мещанам железные вольности наложили; насмотрелся я над кутеинскими монахами, как Москва почитает духовенство и вещи церковные: в церкви престолы сами обдирали и все украшение церковное в столицу отослали, а самих чернецов в неволю загнали; а что с отцом митрополитом и другими духовными делают! Жаль: вместо лучшего в пущую неволю попали» Единомышленникам Поклонского, тем духовным, которым казалось, что попали в пущую неволю, не нравилось поведение могилевских мещан, оставшихся верными Москве. Феодосий Васильевич, архимандрит Слуцкий, игумен Михай-

ловский киевский, писал им, что Хмельницкий и Москва разбиты в пух: «А мы убогие с отцом митрополитом и со всеми духовными полагаем надежду на пана гетмана, что даст нам убежище в Литве; только одно нам мешает и поистине всей вере и народу нашему нестерпимую чинит трудность и хлопоты, что паны мещане могилевские не хотят князю его милости (Радзивилл) покориться» [80].

Призывая к себе козаков, бывших прежде у него под начальством, Поклонский писал: «С Москвою нам не веки жить; знаете, какие мерзости она наделала; Москва едва годится на то, чтоб нам служить, а не то, чтоб мы ей служили; на Украйне бóльшая часть полковников от них отлучилась, а нам и подавно отлучиться должно». К мещанам могилевским писал: «Чего вы ждете? Умираете, как псы, а государю своему королю поклониться не хотите; ждете помощи из Москвы, но скоро услышите, что сделалось с московскою помощию: царь сидит в столице, патриарх убит народом, поветрие людей выгубило, на войну выйти некому, а кто покажется, того наши бьют. Мы от вас не отойдем, а если и отойдем, то вырубят вас защитники ваши, так как теперь из Смоленска вывели и шляхту и мещан и послали воевать с калмыками». Любопытно, что Никон почему-то отказался проклясть Поклонского и Василевича [81].

В то время как эти события происходили в Белоруссии, на юге начались наконец военные действия у Хмельницкого с поляками и союзниками их крымцами: хан Магмет-Гирей, видя большую опасность для себя от соединения козаков с Москвою, счел нужным подкрепить Польшу. Еще в 1653 году, когда разнеслись слухи о том, что козаки поддаются Москве и что государь велел строить гетману города по рекам Осколу и Донцу, на Князь-Ивановом Лугу, то хан написал Богдану, чтоб он сохранил твердо договор с ним, и он, хан, с своей стороны придет к нему на помощь при первой вести о движениях короля; если же гетман и черкасы захотят себе покою, то пусть переходят жить на крымский берег за Днепр и строят себе города; если же правда, что гетман бил челом государю московскому в вечное холопство, то, он, хан, снесшись с польским королем, пойдет на черкас войною с большим собраньем. Приближенный ханский, Сефергазы-ага, говорил московскому посланнику Жеребцову, который требовал, чтоб хан обязался не воевать с запорожскими черкасами: «Запорожские черкасы с 800 лет были в подданстве у польских королей, а после того были в подданстве у нас, татар, лет с семь, и мы, крымские люди, проча их себе и чая от них вперед правды и постоянства, за них стояли, с польскими и литовскими людьми бились и много неповинной крови проливали, и в обиду их никому не давали; в то время запорожских черкас было только 8000, а мы, татары, сделали

их с 20 000; черкасам то любо, как мы за них стояли и помощь им везде подавали, а гетман Богдан Хмельницкий в то время и меня, Сефергазы-агу, целовал в ногу и хотел быть за нами в подданстве вечно; а теперь запорожские черкасы нам солгали, воровством своим от нас отложились, доброту нашу забыли и называются государевыми. Вы, посланники, ведайте, что эти воры и бунтовщики, запорожские черкасы, и царскому величеству солгут так же, как полякам и нам солгали, а Магмет-Гирею царю того сделать не уметь, чтоб на таких воров войною не ходить и их не разорять; разве у всех крымских и ногайских людей не будет на руках ногтей или глаза их землею загребут, тогда только они запорожским черкасам воровства их и измены мстить не будут» [82].

В январе Хмельницкий вместе с боярином Василием Борисовичем Шереметевым встретился с польским и татарским войском под Ахматовым. Здесь русские в страшные морозы два дня отбивались от превосходившего их числом неприятеля и отступили к Белой Церкви, где находилось другое московское войско под начальством окольничего Федора Васильевича Бутурлина. Украйна была страшно опустошена поляками и татарами.

11 марта государь послал в Белую Церковь приказ Шереметеву и Бутурлину быть к себе в Москву, а на их место отправил в Белую Церковь боярина Василия Васильевича Бутурлина и стольника князя Григорья Григорьевича Ромодановского: им велено было вместе с Хмельницким идти под литовские города. Золотаренко по-прежнему стоял под Старым Быховом, и в марте писал к государю, что глубокие снега мешают ему подать помощь Могилеву, но снега не помешали козакам взять Бобруйск, Глуск, Королевскую Слободу и истребить их жителей. Когда дороги попросохли, в апреле месяце они двинулись на помощь к Могилеву вместе с московским воеводою Михайлою Дмитриевым; но Радзивилл и Гонсевский не дождались Золотаренка; 9 апреля ночью приступили они к городу, взорвали три подкопа, а четвертый завалился и подавил литовских ратных людей; тут осажденные сделали вылазку и побили много неприятеля. После этой неудачи гетманы 1 мая сняли осаду Могилева и отступили к Березине; Золотаренко возвратился к Старому Быхову; Дмитриев, поговоря с ним, послал к Березине сына своего, Василья, да двух полковников: стародубского Тимофея Аникеева да наказного нежинского Уманца; посланные сошлись с поляками в местечке Толочине и побили неприятеля. Золотаренко писал к Морозову, бывшему в походе при царе дворовым воеводою: «Низко челом бью благодетелю моему: изволь, милость твоя, побить челом его царскому величеству, чтоб повелеть изволил прислать ратных людей своих несколько тысяч к нам, верным слугам

своим». Хмельницкому очень не нравилась эта бесславная для козаков осада Старого Быхова; 28 мая он писал брату Золотаренкову, Василью, полковнику нежинскому: «Приятно нам слышать, что особым промыслом вашей милости бог неприятелям дал страх; дай, боже, их еще лучше победить; только не надобно мешкать под курятниками, как прошлого года; просто надобно идти туда, где голова или где особые полки неприятельские стоят. И прошлого года много бы доброго сделалось, если бы около курятников не замешкались, а то только людей, и наших, и московских, потеряли. Уговаривай и боярина, который там будет начальствовать над войсками царского величества, чтоб без задержки прямо с вами на неприятеля шел, чтоб и этого лета даром не потерять. Промышляйте над головою, а с хвостами после управитесь» [83].

Над головою хотел промышлять сам царь. Новый, 1655 год застал Алексея Михайловича в Вязьме, где он пережидал окончания мора в Москве; здесь, как доносили государю, после язвы физической начала свирепствовать нравственная. 15 января царь писал начальному в Москве боярину, Ивану Васильевичу Морозову: «Ведомо нам учинилось, что в Москве в моровое поветрие мужья от жен постригались, а жены — от мужей, а теперь из них многие живут на своих дворах с женами, и многие постриженные в рядах торгуют, пьянство и воровство умножилось. И вы бы велели проведать о том подлинно и к нам отписали тотчас с нарочным гонцом». 19 числа, уведомляя князя Якова Куденетовича Черкасского об осаде поляками Нового Быхова, царь писал: «Мы пойдем к Москве на малое время, легким делом, оставя все в Вязьме; пойдем помолиться образу пресвятые богородицы, приложиться к мощам, бояр и всех людей обвеселить от печали и, отвезши сестер своих, царицу и детей, назад возвратимся и пойдем против польского короля». Князю Юрию Алексеевичу Долгорукому писал: «Ты бы шел, не мешкая, с князем Алексеем Никитичем Трубецким, также и к друзьям писал наш указ и высылал по местам, чтоб не дать недругу войти в наши города, чтоб его встретить в его земле, до тех пор огонь и тушить, пока не разгорелся, а как разгорится, то уж некогда тушить». 20 января в Смоленск боярину Григорию Гавриловичу Пушкину был послан такой приказ: «Ведомо нам учинилось, что во многих шляхтичах шатость, начали изменять, отъезжать в Литву; и вы бы тех воров, от кого измены чаете, велели в тюрьму сажать и высылайте их к нам из города ночным временем, чтоб про то вскоре никому не было ведомо, а если почаете и ото всей шляхты и мещан измены, то всех к нам присылайте, по сколько человек возможно, а если посылать их нельзя и ехать они не захотят, то посылайте в Москву связанных; если

же наглой измены или дурна большого от них почаете, то по самой конечной мере велите сечь, кроме жен и детей». Но самое любопытное письмо писал государь 23 января к любимцу своему Матвееву, которого приблизил к себе из дьячих детей: «От царя и великого князя Алексея Михайловича верному и избранному голове нашему Артемону Сергеевичу Матвееву: поздорову ли ты, верный наш раб! А мы, великий государь, в славном граде Вязьме дал бог здорово со всеми людьми божиими и нашими; также и в царствующем граде Москве дал бог подлинно утихло и здраво, лишь мы пребываем по-прежнему в тяжестях великих душевных, но не отчаиваемся своего спасения. К сему же что речет великое солнце, пресветлый Иоанн Златоуст: не люто есть спотыкаться, люто, споткнувся, не подняться. Добиваюся зело того, чтоб быть не солнцем великим, а хотя бы малым светилом, малою звездою там, а не здесь... И в том не осуди, что пишу: нечист от греха, потому что множество имею его в себе, а о том зело возбраняет ми совесть писати, что чист от греха: ох, люто тако глаголати человеку, наипаче же мне, что чист от греха! И сему конец; еще же за твою верную службу пишу, что у нас делается.

Посланник приходил от шведского Карла короля, думный человек, а имя ему Уддеудла, таков смышлен, и купить его, то дорого дать что полтина, хотя думный человек; мы, великий государь, в десять лет впервые видим такого глупца посланника. А прислан нароком такой глупец для проведыванья, что мы будем ли в любви с королем? И про то нам подлинно ведомо; а братом не смел король писаться, и мы тому добре ради, и зело от нас страшны они свияне. А как посланник у нас был, и мы его пожаловали, велели сесть, и он сесть не смел. И Смоленск им не таков досаден, что Вытепск да Полотск, потому что отнят ход по Двине в Ригу. А король в листу своем первом пишет, что вечное докончание подкрепить послами да будто, любя меня, прислал обвестить посланника, думного человека: и мы мним сколько от любви, а вдвое того от страху; тако нам, великому государю, то честь, что прислал обвестить посланника, а и думного человека, хотя и глуп, да что же делать? Така нам честь! А в другом листу пишет, чтоб не воевать курляндского для его королевской дружбы, а он курляндский — ему королю друг: и мы отказали тем, что подданный польскому королю, а и обещался нам не помогать королю польскому, а ныне многие курляндские немцы в полон взяты и ныне многих посылает, будто сами нанимаются.

Подлинно Радзивилл да Гасевской пришли под Новый Быхов, а с ними пришло всякого чина 12 000, и облегли Новый Быхов в двух и в трех верстах, а на приступ не смеют идти; а сперва языки говорили 100 000, а другие сказали

50 000, а третьи — 40 000, а четвертые — 24 000, да подлинно доведались, что 12 000, а с Золотаренком всего с 6000 сидит, и он выходил на князя Несвицкого и его побил, и обоз весь взял, и опять возвратился в Быхов. И мы по бояр и по всех ратных людей послали и велели со всеми запасы идти на службу и ставиться по местам бессрочно, потому что время приспело. А мы, великий государь, идем тоже, и не потому, что Радзивилл гордится пред богом и хочет взять Новый Быхов да Могилев, да Шклов и, взяв, идти к Москве, а король подлинно хотел посылать послов к нам, великому государю, да Радзивилл отговорил: я-де пойду еще отведаю счастья своего и Золотаренка собью, и городы отворочу, и под Москву пойду, и король и воротил послов».

Алексей Михайлович исполнил обещание: 10 февраля переехал в Москву, а ранней весною отправился вторично в Смоленск. Надобно было предупредить повторение зла, сделанного в прошлогодний поход, когда ратные люди свирепствовали в Смоленском и других покорившихся уездах, насиловали женщин, убивали мужчин, чтоб не было на них челобитчиков. Государь назначил смертную казнь за такое поведение и торговую казнь господину, который позволит подобные поступки холопу своему. 24 мая государь выступил из Смоленска, обратившись к ратным людям с такою сказкою: «Если король польский не вспомнит бога, не признается к нам, великому государю, в своей неправде и не станет мириться так, как годно богу и нам, то мы, великий государь, прося милости у бога и у пречистые и грозные воеводы, пресвятые богородицы (которая изволила своим образом и до днесь воевать их Литовскую и Польскую землю, и не могут нигде противу нее стати, ибо писано: лихо против рожна прати), и, взяв на помощь честный крест, за изгнание православной веры будем зимовать сами и воевать, доколе наш владыка свое дело совершит, и как даст бог перейдем за реку Березину, то укажем вам всем везде хлеб и животину брать в приставство. И вам бы служить, не щадя голов своих; а деревень бы не жечь для того, что те деревни вам же пригодятся на хлеб и на пристанище; а кто станет жечь, и тому быть во всяком разорении и ссылке, а холопу, который сожжет, быть казнену безо всякой пощады. Если кто побежит со службы или болезнь прикинет, не хотя служить, то быть ему казнену безо всякой пощады. И вам бы поститься верою и правдою, от всего чистого сердца, с радостию, безо всякого сумнения, безо всякого ворчания, и переговоров бы о том отнюдь не было: кто скуден, тот пусть милости просит у государя, а не ворчит и не бежит со службы; а кто будет с радостию с нами служить до отпуску, тот увидит, какая ему государская милость будет». Первая милость, какую царь счел нужным оказать служивым людям, состояла

в принятии мер против побега от них людей. Еще находясь в Смоленске, 25 апреля государь писал боярину Василью Васильевичу Бутурлину: «В нынешнем году с Москвы и со службы от нас, от многих бояр, и от всяких чинов людей побежали люди сбираются в глухих лесах, а собравшись, хотят ехать к Хмельницкому; к своей братье пишут, будто сулят им черкасы маетности, и многих своих бояр поставили пешими и безодежными. И вы, поговоря с гетманом и перехватав их всех, велите из них человек десять повесить в наших старых городах, в Путивле с товарищи, остальных же, высекши кнутом, пришлите в Москву и заказ крепкий учините, чтоб вперед черкасы их не принимали»[84].

В начале июня в Шклов приехал к государю Золотаренко и отправлен был за Березину; отряженный им черниговский полковник Попович взял Свислоч: «Неприятелей в нем всех под меч пустили, а самое место и замок огнем сожгли». Та же участь постигла Кайданы, московский воевода Матвей Васильевич Шереметев взял Велиж; боярин князь Федор Юрьевич Хворостинин овладел Минском. 29 июля боярин князь Яков Куденетович Черкасский, соединившись с Золотаренком в полмиле от Вильны, напал на обоз гетмана Радзивилла и Гонсевского; бой длился от шестого часа дня до ночи; гетманы потерпели поражение и бежали за реку Вилию; а русские приступили к Вильне и овладели этою столицею Литвы. Царь стоял в деревне Крапивне, за 50 верст от Вильны, когда прискакал к нему гонец с этим радостным известием. 9 августа пригнали новые сеунчики (вестники победы): Ковно был взят; 29 августа пришла весть о взятии Гродна.

В то же время, в июле, Бутурлин и Хмельницкий выступили в поход и беспрепятственно вошли в Галицию; гетман коронный Потоцкий потерпел поражение подле Гродка; русские подошли ко Львову, но ничего не сделали городу по явному нежеланию Хмельницкого действовать решительно: он взял с осажденных 60 000 злотых * и удалился от города, а Выговский прямо писал горожанам львовским, чтоб не сдавались на царское имя. Решительнее действовала под Люблином часть соединенного войска, бывшая под начальством Данилы Выговского, брата писарева, и Петра Потемкина; люблинцы присягнули царю. Московские воеводы одни, без козаков, с двух сторон воевали Литву. В сентябре вышел на судах из Киева князь Дмитрий Волконский; 15 числа пришел он под Туров; туровцы вышли к нему навстречу с образами и присягнули царю. Не останавливаясь в Турове, Волконский отправился сухим путем под город Давыдов; с версту

---

* 50 000 злотых См ЦГАДА, ф 174, Малороссийские дела, 1657 г., д. 7, л 49 *(Прим ред.)*

от города встретило его литовское войско и завязало бой; литва была втоптана в город, который запылал, и литва бросилась бежать из него (16 сентября). Победители возвратились к судам своим и поплыли вниз по реке Горыне к реке Припяти, Припятью шли вверх до реки Вятлицы, от Вятлицы шли сухим путем до города Столина, которого достигли 20 сентября; литва, вышед из города, учинила бой большой, была побита, бежала, город был занят и сожжен русскими. От Столина Волконский возвратился к Припяти, к судам своим, Припятью плыл до реки Пины и 25 сентября достиг Пинска. Литва не пустила русских пристать к берегу, и Волконский должен был высадиться ниже города, у села Пенковичей; после большого бою русские по следам литвы вошли в Пинск и литву выбили. Простоявши в Пинске двое суток, чтоб дать отдохнуть людям, Волконский 27 сентября сжег город и слободы, пошел назад к судам своим и поплыл вниз по Припяти, в селе Стахове разбил отряд литовского войска, привел к присяге жителей городов Кажана и Латвы и опять Днепром возвратился в Киев, и привел войско в целости: только у одного солдата под Пинском руку оторвало из пушки да двух человек из пищали ранили [85].

С другой стороны, 23 октября князь Семен Андреевич Урусов и князь Юрий Борятинский пошли с войском из Ковна к Бресту и побили поляков на Белых Песках, в 150 верстах от Бреста. 13 ноября подошли они к этому городу и встретились здесь с новым гетманом литовским — Павлом Сапегою; Урусов потерпел поражение, отступил от Бреста и стал обозом за рекою, по литва выбила его оттуда; Урусов стал в 25 верстах от Бреста, в деревне Верховичах, Сапега обошел его и тут, дорогу и воду отнял и двое суток держал в осаде, требуя, чтоб все войско сдалось ему; Урусов не согласился и вступил в битву, которая окончилась блистательным торжеством для него: поразив литву наголову, русские гнали ее шесть верст, взяли четыре пушки, 28 знамен [86]. После этого дела Урусов и Борятинский пошли к Вильне. Между этими воеводами и полчанами их было сильное неудовольствие. Новгородские дворяне и дети боярские били челом на Урусова, что, сказавши им государев указ выступить из обоза, из Подберезья в Вильно и дальше в Ковно, приказал им приготовить всем полком хлебных запасов на корм ратным людям, которые стояли в Ковно. Они, дворяне, подали за руками челобитную, что им этого хлеба и своих запасов, и конских кормов везти с собою в Ковно невозможно. Урусов вышел из шатра и, не принявши челобитной, бил их булавою и стрельцам велел бить их ослопьем до умертвия, а иных челобитчиков велел бить кнутом на козле без пощады. Они докладывали ему о полковых и расправных своих делах; боярин, не выслушав их челобитья, бранил

их... и бил булавою, и ослопьем, и кнутом, и плетьми без пощады, не учиня никакой расправы и сыску, говорил им, будто указал государь, выбрав из них лучших людей, вешать, а иных бить кнутом, тогда как они перед государем вины своей никакой не ведают. Все это воевода мстит им прежнюю недружбу, потому что они били челом на него царю Михаилу Феодоровичу, а иным мстит за новгородскую недружбу. Узнавши, что у кого-нибудь из них есть пленники, воевода присылал друзей своих с стрельцами и сам выбирал лучших девиц и женщин, брал к себе силою и, подержав у себя, отсылал в Великие Луки на государевых подводах. Посылал голов с сотнями за лошадьми и часть приведенных лошадей взял себе, других роздал тем, к кому добр, остальных послал к государю в Вильну. Идучи дорогою, заставлял служивых людей ловить рыбу из прудов, выпустя воду. Приказал идти под Брест наскоро с вьюками, а дорогою свои и конские кормы и людей в плен брать: они, дворяне, услыхав государеву милость, забыли свои великие нужды и бесконство, на государеву службу пошли с радостию, но, как только перешли реку Неман, Урусов и Борятинский запретили им под смертною казнию брать что-либо у жителей, а сами воеводы в благочестивых христианских церквах утварь, в костелах, по местечкам, в панских маетностях, в мещанских дворах всякую казну грабили, колокола, лошадей, кареты, органы брали и, отягчась добычею, шли под Брест очень медленно, а их поморили голодною смертию. К Бресту пошли воеводы скорым походом, а от Бреста за пять верст через реку и болота мост большой и худой, за которым стояли роты литовских людей. Воеводы велели за мост перебраться наскоро; литовские люди, пострелявшись, от мосту побежали к Бресту, а из русских многие за теснотою по мосту перебраться не поспели, людей дворянских с простыми лошадьми по мосту не пропустили; наряд, казну и пеших людей воеводы велели оставить за рекою у моста, а в Брест послали атамана пана Свяцкого и козака, и приказал им Урусов занять себе двор, потом, не сождавшись со всеми ратными людьми, пошел за мост к Бресту с небольшим отрядом. Литовские люди присылали из города с просьбою съехаться и говорить о добром деле, но воеводы, не сказавши служилым людям ничего про битву, велели задор учинить луцким козакам, произошла битва, и вследствие такого нестройства и безвестного боя государевых ратных людей многих побили, ранили и в плен взяли, и животворящий крест, который от государя был дан, достался врагу. Из-под Бреста отошли они ночью за реку в обоз, а поутру пришли к ним литовские люди и начали по них из наряда стрелять; воеводы пошли от них в отход и пришли в деревню Верховичи; литовские люди дорогу у них отняли, и воеводы велели

отступать другою дорогою; но они, служилые люди, говорили, что им за реками и топкими болотами в отход нейти, мосты худые и разметаны и на засадах много неприятелей, пусть воеводы велят им с литовскими людьми биться, вышли на бой с своими людьми и литовских начальных людей многих побили конных, а пеших побили без остатка. Урусов на бою лошадей и платья у литвы брать им не велел, сказал, что все будет на *черный пай*. Воеводы брали у шляхты подарки, что у кого полюбится или где что проведают, и многие из шляхты, узнав, что берутся подарки большие, государю не присягали. Урусов не по нужде в постные дни ел мясо, их, дворян, бесчестил, называл неслугами и небойцами, а на самом у Бреста и сабли не было, в Верховичах, испугавшись пушечной стрельбы, с бою уехал и государево знамя с собою увез. Урусов и Борятинский отвечали, что запретили грабить жителей, когда шляхта поддалась и дала аманатов; сами нигде ничего не грабили, против Бреста действовали враждебно, ибо оттуда прислали им сказать, что Брест принадлежит шведскому королю; дворянам о предстоящей битве давали знать, задираться не приказывали, и когда начался бой, то дворяне правой стороны подержались, а левой побежали и воевод выдали; под Брест идти дворяне отказались; лошадей и платье брать у неприятеля на бою не запрещали; у шляхты брали подарки, но и сами отдаривали; сабля на Урусове всегда была и боя никогда он не оставлял [87].

Урусов завязал дело под Брестом в то время, когда уже шли деятельные мирные переговоры. Гетман польный литовский Гонсевский прислал к князю Якову Куденетовичу Черкасскому с вопросом: изволит государь с королем мирное постановление учинить? Государь послал к Гонсевскому любимца своего — стольника Федора Михайловича Большого-Ртищева. Посланный нигде не нашел Гонсевского, посаженного, как ему сказали, под стражу Радзивиллом, а в Бресте в конце сентября нашел нового гетмана литовского — Павла Сапегу, назначенного на место Радзивилла. Ртищев объявил Сапеге, что государь соизволяет на мирное постановление. Сапега отвечал, что он именем всего собрания, бьет челом великому государю, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу, о покое, покорно бьет челом за объявленное пожалование христианское. Ртищев, как посланный к Гонсевскому, а не к Сапеге, не объявил последнему присланных с ним мирных условий, говоря. «Что один начал, другой не может совершить потому: что человек, то разум». Он требовал, чтоб Сапега объявил ему свои мирные условия; тот отвечал, что им трудно дать статьи, не доложа королю. Положили до съезда великих послов прекратить неприятельские действия с обеих сторон. Ртищев привез к государю от Сапеги посланника Глядовицкого, с которым велено гово-

рить о делах окольничему князю Семену Романовичу Пожарскому да думному дьяку Лопухину. Глядовицкий от имени гетмана Сапеги и сенаторов бил челом, чтоб государь 1) велел кровь утолить; 2) велел назначить место, куда король тотчас отправит послов своих; 3) удержал от войны гетмана Хмельницкого и киевских воевод; 4) чтоб шляхте и другим людям вольно было на пепелища свои возвратиться; 5) чтоб учинена была размена пленных. Принявши статьи, Пожарский сказал посланнику, чтоб он, когда будет у государя, отнюдь не называл Сапегу гетманом Великого княжества Литовского, а если назовет, то его вышлют с великим бесчестьем и отпуску ему не будет: так он бы гордость свою отложил, да и то ему говорено, за какие гордости смирил бог короля их и панов радных, как посыланы были от великого государя великие и полномочные послы и посланники к королю, и король ни в чем не исправился, и за то, сами видите, как бог его смирил: покинувши все, с немногими людьми убежал в венгерские горы, но и там ему места нет; сенаторам бы вашим и вам всем давно поискать государской милости, ехать самим к великому государю и милости просить не пересылкою. «Ты говоришь, что королю присылать о мире к государю, но где вашего короля сыскать?» Глядовицкий отвечал: «Воля божия совершилась; кто бывает на коне, тот бывает и под конем, а уж без пана нам не быть, не тот пан, так другой». Пожарский: «Время вам бить челом великому государю, а не искать другого государя, и великий государь вас пожалует каждого по вашему достоинству; скажи нам последнее: как тебе гетмана назвать?» Глядовицкий: «Изговоря государское именованье и титло, скажу: посланный от Павла Сапеги, гетмана великих войск литовских». Пожарский: «Говори: гетмана великих войск, а *литовских* говорить тебе непристойно». Глядовицкий не согласился. 25 ноября он был у бояр и думных людей. Бояре отвечали Сапеге и сенаторам: «Вы в своей грамоте просите нас бить челом за вас великому государю, а Яна Казимира, короля польского, пишете великим князем литовским и гетман подписался гетманом Великого княжества Литовского; но вам подлинно известно, что даровал бог великому государю нашему взять у его королевского величества всю Белую Русь и стольный город Вильну, и государь наш учинился на всей Белой России и на Великом княжестве Литовском, и на Волыни, и на Подолии великим государем. Вам так писать непристойно; лучше бы вам просить милости у его царского величества и быть под его высокою рукою, а государь веры, прав и вольностей ваших нарушить ни в чем не велит». То же писал и сам царь Сапеге. Если великий государь царь хотел быть великим князем литовским, то великий государь патриарх был честолюбивее: 29 июля он писал Алексею Михайловичу,

чтоб тот не только оставил за собою Вильну, но доискивался Варшавы, Кракова и всей Польши, 1 сентября прислал он государю благословение писаться великим князем литовским [88].

Но, в то время как Алексей Михайлович считал несомненным, что все завоевания его останутся за ним, и называл себя всея Великия и Малыя, и Белыя России самодержцем, литовским, волынским и подольским, явился ему опасный соперник: то был не Ян Казимир польский, но энергический преемник Христины шведской, Карл X Густав. Видя затруднительное положение Польши, он напал на нее под пустыми предлогами и овладел всею Великою Польшею, которая признала его своим королем; потом овладел Варшавою и Краковом; Ян Казимир бежал в Силезию. Но Карл X не хотел довольствоваться одною Польшею: он обратил свои взоры и на Литву, где гетман Радзивилл, потерявши Вильну, поддался шведскому королю, к чему особенно склоняло его единоверие: Радзивилл был протестант; принимая под свою руку Радзивилла и других панов литовских, Карл обещал возвратить им все их владения, занятые русскими. Легко понять то раздражение, какое обнаружилось против шведского короля в стане царя московского. Еще в июле приехал к царю в Смоленск шведский посланник Розенлинд и подал грамоту, в которой король извещал о начатии войны с Польшею, потому что Ян Казимир в грамоте своей писал короля шведского не по достоинству и чинил ему убытки, сколько ему возможно; поэтому королевское величество причину имеет с оружием на Яна Казимира наступить и достать его земли, которые поближе к Швеции; ожидает король, что такие его достойные умыслы у царского величества хорошо приняты и истолкованы будут, ибо клонятся к тому, чтоб стоять против недруга, который с своими помощниками ищет обоим государям, и московскому, и шведскому, вреда и разорения. Царское величество изволил бы указать своим боярам и воеводам с шведскими генералами всякую дружбу держать. Царь отвечал: «За многие злые неправды к нам королей Владислава и Яна Казимира дал бог нам взять всю Белую Русь и многие воеводства, города и места с уездами Великого княжества Литовского, да наш же боярин Бутурлин с запорожским гетманом Хмельницким в Короне Польской, на Волыни и в Подолии побрал многие воеводства, города и места, и мы учинились на всей Белой Руси и на Великом княжестве Литовском, и на Волыни, и на Подолии великим государем». Этим царь ясно показывал, чего Карл не должен был трогать, если хотел остаться с мире с Москвою.

Тщетные предосторожности! Столкновение было необходимо. Радзивилл величал себя великим гетманом шведского

короля и Великого княжества Литовского, воеводою виленским. 18 августа отправлен был к нему дворянин Лихарев. Он нашел гетмана под Кайданами и говорил ему: «Писал ты к боярам царского величества и в грамоте своей написался шведского короля и Великого княжества Литовского великим гетманом, виленским воеводою. Царского величества бояре и воеводы удивляются, что ты так написал, потому что Великое княжество Литовское и город Вильна никогда не бывали за шведским королем. Вильна была польского короля, а за его неправды взял этот город государь наш, и теперь Вильна и литовские города за государем нашим. Так ты даришь шведского короля чужим, а у государя нашего с шведским королем вечное докончание. Ближний боярин и воевода — князь Яков Куденетович Черкасский велел тебе говорить: если ты хочешь быть виленским воеводою, то поищи государской милости к тебе и будь в подданстве у царского величества: государь тебя пожалует гетманством литовским, воеводством Виленским, всеми твоими маетностями, да, сверх того, пожалует тебя великим своим царским жалованьем, а вольности вашей и веры нарушить не велит». Радзивилл отвечал: «Хотим мы быть у великого государя в подданстве, но посланцев наших задержали, и в уезде около Вильны ратные государевы люди крестьян, женок и малых ребят посекают всех и домы палят; видя, что посланцев задержали, а польский король нас покинул, я отдался в подданство шведскому королю». Гонсевский отвечал: «Государь показал бы милость, взял у польского короля к своему краю что̀ хочет, а нас под польским королем не трогал». В другое свидание с Лихаревым Радзивилл сказал: «У нас мысль наша вся розно пошла, у всех наших людей мысль врознь». Сношения с Радзивиллом начаты были вопреки желанию Никона, который 19 июля писал государю: «Радзивилла не призывать: его и так бог предаст».

В сентябре князь Яков Куденетович Черкасский отправил дворянина Нестерова к шведскому генералу, графу Делагарди, который дал знать боярину, что город Друя сдался шведам. Нестеров доносил: шляхта, которая поддалась шведскому королю, тужит и говорит: «Не знаем, как вперед будем жить, не привыкнуть нам жить в подданстве у шведского короля, мы шведского языка не знаем, а шведы нашего языка не знают, к русским же людям были мы привычны: с ними жили вместе и язык у нас один был». Представленный Делагарди, Нестеров говорил ему: «Тебе известно, что в 1654 году боярин Василий Петрович Шереметев взял города Друю, Дрису, Глубокое и людей привел ко кресту служить великому государю; а теперь Друю заняли шведы! Шведы приходят также к Ковно, занятому русскими; Радзивилл пишется воеводою виленским и гетманом Великого княжества

Литовского, тогда как Вильну бог дал великому государю нашему. А когда в 1654 году московские воеводы пошли было на владения курляндского князя и шведский король прислал просить государя, чтоб курляндского князя не воевать, то государь его просьбу исполнил». Делагарди отвечал: «Если по сыску окажется, что русские прежде шведов заняли Друю и Дрису, то король за эти города стоять не будет, а без ведома королевского я об них ничего решить не смею. Не знаю, как шведы приезжали в Ковно, а если и приезжали, то царским людям вреда не сделали. С Радзивиллом я увижусь скоро и буду ему говорить, что он воеводою виленским и гетманом не писался». Делагарди обещался также освободить всех московских пленников, находившихся у Радзивилла. Но эти учтивости не помогали; скоро явилась новая причина к досаде: узнали, что Карл переписывался с Хмельницким и Золотаренком [89].

Но, чем сильнее было раздражение против шведов, тем охотнее склоняли слух к предложениям мира с Польшею, истерзанною, бессильною, уступчивою и неопасною. В октябре явились в Москве давно небывалые гости, цесарские послы Аллегретти и Лорбах. Опасно было для Австрии падение союзной католической Польши и усиление на ее развалинах враждебной, протестантской Швеции, и вот Фердинанд III поспешил явиться посредником между царем и Яном Казимиром, чтоб освободить Польшу от московской войны и, если можно, обратить царское оружие против Швеции. С самого приезда в разговоре с приставами послы уже начали толковать о коварстве шведов, о необходимости мира с поляками и всеми средствами задабривать русских, льстить им, зная, что каждое слово, сказанное приставам, будет донесено царю. «Едва ли бог потерпит шведам», — говорил Аллегретти приставам: «Не дождавшись исхода перемирных урочных лет, они напали на поляков в то время, когда царское величество изволил наступить на Литву с своими ратными людьми. Издавна у шведов такой лукавый умысел, что они нападают на того, кто бессилен. А нам известно, какие неправды польского короля Яна Казимира к царскому величеству; поляки уклонились на гордость и никакого исправления во всех неправдах не учинили». Но потом Аллегретти начал делать намеки на то, что надобно защищать только свое, а не желать чужого: «У цесарского величества была война с Шведским королевством и с иными государствами тридцать три года, с обеих сторон людям учинилась погибель великая, государствам запустение и убытки; но сколько война ни велась, теперь успокоена миром, и стало это богу любо и людям годно. За правду стоять надобно, это не грех пред богом, но кто чужого захочет, то, думаем мы, это не будет прочно вперед». Боясь, однако, рассердить этим намеком,

Аллегретти поспешил прибавить: «Мы это говорим с вами не договором, беседною речью, по приятельской дружбе». Потом Аллегретти начал речь о необходимости всем христианским государям соединиться против неверных: «Мне случилось быть в Царе-граде у турского султана в послах от короля испанского, и видел я там, как татары продают русских и поляков в работу. Прослезился я, видя, что такое мучение чинили христианам. Мы надивиться не можем, как такие великие государи до сих пор терпят бусурманам? Мало того, что продают христиан в работы, на каторги: псы, ведомые враги божии, жиды покупают младенцев и в жидовство приводят! Как можно христианам терпеть такие злые беды и досады?» Приставы возразили: «Крымские татары берут много людей и из немецких государств, также продают в работы и на каторги». Аллегретти отвечал: «Дай, боже, нам слышать и видеть, чтоб совокупились христианские государи, бусурман покорили и власть их разорили». Въезжая в Москву, послы удивлялись церковному строению, хвалили *стройство* ратных людей; но не понравилось им на квартире, хотя и велено было в ней поставить столы и скамьи, перекрыть горницу, которая капала, послать 10 тарелок оловянных да 36 тарелок деревянных. Аллегретти говорил приставам: «У нас послам отводят жилые дворы, на дворах постели и одеяла изготовлены бывают стройные, скатерти и сосуды всякие, все готовое. Мы, думая, что и у царского величества будет нам так же, постели и сосудов с собою не взяли, и теперь нам без них быть нельзя». Приставы отвечали: «У великих государей наших того не повелось, чтоб ставить послов на посадских дворах, для них устроены посольские дворы, а сосуды всякие и постели послы привозят с собою».

В ноябре возвратился из похода государь и имел торжественный въезд в Москву: пришедши на Лобное место, Алексей Михайлович поклонился образу, поцеловал крест из рук патриарха, указал спросить о здоровье весь мир, всех, которые стояли тут, около Лобного места; весь мир в землю челом ударил и царскому величеству многолетствовали [90]. 15 декабря Аллегретти с товарищами представлялся государю, которому поднес в двух стклянках ρυρο чудотворца Николая, два кувшинца золотых с жемчугами, две объяри цветные, объярь серебряную, часы золоченые, две коробки аромату, две коробки сахара составного. 17 числа послы были в ответе у бояр — князей Алексея Никитича Трубецкого, Григорья Семеновича Куракина, Юрья Алексеевича Долгорукого. Аллегретти говорил: «Цесарское величество прислал нас к царскому величеству поздравить великого государя на его преславных государствах и обновить прежнюю дружбу предков. Царское величество желает и того, чтоб укротилось

кровопролитие между царским величеством и королем польским, и оружие их обратилось бы на общих христианских неприятелей, на бусурман. Всякой войне бывает конец — мир, а к миру приводят посредники, и если царское величество не изволит заключить мир с польским королем посредством цесарского величества, а потом заключит мир посредством другого какого-нибудь государя, то цесарскому величеству будет это бесчестье». 20 декабря был другой съезд, на котором бояре отвечали послам, что государь принимает в любовь доброхотный совет цесаря и для братской дружбы к нему соглашается на мир с Польшею, но требует, чтоб ему немедленно дано было знать, на каких статьях быть миру, потому что у государя войска собраны многие и без дела держать их убыточно. Послы отвечали, чтоб государь назначил пограничное место для посольского съезда, они дадут знать об этом императору, а тот в свою очередь даст знать королю Яну Казимиру, и что пересылка эта больше двух месяцев не продлится. Бояре спросили: где теперь король Ян Казимир, паны радные при нем ли, и нет ли между ними розни? Аллегретти отвечал: «Король Ян Казимир еще не сгинул, а при нем есть и паны радные и Речь Посполитая; теперь он стоит от Кракова близко, в Силезии. Цесарь с ним в близком свойстве — брат двоюродный, а что теперь отстали от польского короля Радзивилл да подканцлер Радзиевский, и это дело небольшое: тут не вся земля. А которые вместе с ними поддались шведскому королю, то дело это не может надолго состояться, потому что у поляков владеют всем сперва духовные люди, и им, католикам, с лютеранами и кальвинами как ужиться? И папа, и цесарь, и короли испанские и французский, и другие государи католической веры вступятся и самой вере сгинуть не дадут. Хотя теперь король польский и Кракова лишен, но и Москва была за поляками, а потом русские люди собрались и поляков из Москвы выгнали».

На съезде 24 декабря бояре спросили послов: «Если шведы Польшею завладеют, то цесарь польскому королю будет ли помогать против шведов?» Аллегретти отвечал: «Если польский король будет в крайности, т. е. если царское величество помириться с ним не изволит и цесаря в посредники не возьмет, то за польского короля не один цесарь, но и папа, и французский, и другие государи двинутся». Потом Аллегретти спросил: «Хмельницкий царскому величеству верен ли и вперед от него шатости в какую-нибудь сторону не чаять ли?» Бояре спросили: «Зачем он это спрашивает?» Посол отвечал: «У шведов речь несется, будто Хмельницкий хочет поддаться под шведскую корону». Бояре отвечали: «Черкасы никогда от царского величества не отступят, нельзя этому быть» [91].

В Москве хотели удостовериться, действительно ли Ян Казимир еще имеет какие-нибудь средства, узнать, как велика может быть надежда для царя удержать не только Великое княжество Литовское, но приобрести и Корону Польскую. В феврале 1656 года отправлен был дворянин Лихарев к литовскому гетману Павлу Сапеге и коронным — Станиславу Потоцкому и Станиславу Лянцкорнскому. В апреле Лихарев нашел Сапегу в Люблине, который по уходе русского войска занят был шведами, а теперь сдался литовскому гетману на имя Яна Казимира. На слова Лихарева, призывавшего его под высокую руку великого государя, Сапега отвечал: «На государевом жалованье челом бью: если бы я не слыхал про пана своего короля, если б он к нам не вернулся, то я бы со всею литвою к царскому величеству пошел в подданство; не мы его покинули, а он нас покинул. А теперь слышу, что он к нам возвратился, приехал во Львов и идет на шведа, так я своего пана короля, своей веры и своего сапежинского дома и права не могу покинуть, изменником быть не хочу; государь же меня назовет изменником, скажет: изменил ты королю, изменишь и мне; скорее горло свое дам, а так не сделаю. Княжество Литовское все хотело к царскому величеству, но Урусов нас задрал и домы наши запустошил. И теперь все княжество Литовское хочет миру с государем, а Польша хочет больше мира с шведским королем». Из Люблина Лихарев поехал во Львов. Здесь Потоцкий дал такой же ответ: «Неслыханное дело, чтоб королю покинуть государство свое или нам от него отступить: он тут родился, природный государь нам, на время отъезжал да и опять приехал».

Но, в то время как Лихарев вел эти переговоры с гетманами, в апреле приехал в Москву польский посланник Петр Галинский. Государь указал посольскому думному дьяку Алмазу Иванову ехать к Галинскому и расспросить, с чем он приехал? Посланник объявил, что он привез статьи, на которых становить мир между королем и великим государем, и если царское величество согласится, то должен быть назначен пограничный съезд уполномоченных для окончательного постановленья. Да он же, посланник, должен объявить о замыслах шведского короля против Московского государства: Карл X не только обещал Радзивиллу с товарищами возвратить земли, занятые царскими войсками, но и хотел идти с войском прямо под Москву, обещал, что из Смоленска ни один кирпич не пропадет; все эти договоры и обязательства за рукою и печатями короля и графа Магнуса Делагарди у короля Яна Казимира и у полковников есть, и с этих подлинных листов присланы с ним, Галинским, списки. Без представления государю Галинского позвали в ответ к окольничему Богдану Матвеевичу Хитрову и дьяку Алмазу Иванову, несмотря на то что посланник со слезами просил позволения

сперва поднести королевскую грамоту самому царю. Галинский объявил следующие статьи: 1) король желает мира; 2) чтоб государь уступил королю все завоеванное. На замечание, что это дело нестаточное, Галинский сказал: «Если мало попросить, так незачем и уговору быть, а как много попросить, так есть из чего убавить, а все это в воле великого государя». Галинский больше всего старался произвести раздражение против шведов: «Королю и народу, — говорил он, — не так досадно на царское величество, хотя у них государство опустошено, как досадно на шведов, которые, видя их упадок и разоренье, не выждав перемирных семи лет, напали на них невинно и, сговорясь с еретиками венграми, разоренье сделали большое; мириться со шведами король и сенаторы без воли царского величества не будут, в том я дам письмо за своею рукою».

После этих объяснений Галинский был представлен государю и позван в другой раз в ответ к тем же Хитрову и Алмазу. Дьяк объявил, что, хотя великому государю за многие грубости и досады к миру склонности учинить и не довелось, однако по прошенью цесаря Фердинанда на то изволяет. Галинский дал запись, что король без воли царской, до съезда великих послов, со шведским королем мириться не будет; Хитров же со своей стороны объявил, что если шведский король доконченье нарушит и на царские города наступит, то государь отпор ему давать велит. Условились, что до посольского съезда, который должен быть в одном из пограничных городов, с обеих сторон неприятельские действия прекращаются. С этим Галинский и отправился из Москвы [92].

Отправлены были и австрийские послы: 25 апреля им было сказано, что 27 числа они будут у государя на отпуске и у стола, а отпуск им будет потому, что посланы от государя и от них гонцы к цесарю, положен им срок приехать к первому маю, май месяц близко, а про гонцов и вести нет; великому государю дожидаться нельзя, в первых числах мая он идет на своего неприятеля со многими войсками, и потому им, послам, теперь делать нечего; если же цесарь изволит для посредства прислать других послов, то те послы будут у царского величества в походе. Тщетно послы возражали, что отпуска не примут, потому что гонец их не бывал, а не дождався гонца, ехать им к цесарю не с чем; тщетно били челом, чтоб государь взял их с собою в поход; им объявлено, что государь идет в свои новоприемные города, в Великое княжество Литовское, что посольский съезд будет в Вильне и никак не раньше последних чисел июля или первых августа, и потому им, послам, ждать долго, а в поход за царским величеством идти непристойно. Послы спрашивали: куда царскому величеству из литовских нововзятых городов поход будет? Думный дьяк отвечал: «Нам царского величества мысль ведать нельзя

да и спрашивать о том страшно». На это Аллегретти сказал: «У испанского короля однажды войска многие были изготовлены и корабли воинские; спрашивали у него ближние люди: куда он эти корабли и войско изготовил? Король отвечал: что у него сдумано, того им ведать ненадобно; если б он ведал, что рубашка его думу знала, то он бы ее сейчас в огонь кинул».

Отправлены были послы польский и австрийские, но оставались в Москве шведские, приехавшие еще в декабре 1655 года для подтверждения Столбовского докончания. Послы эти были: Густав Белке, Александр фон-Ессен и Филипп фон-Крузенштерн. С самого начала послы должны были увидать, что Столбовское докончание не будет подтверждено. В ответе 17 января 1656 года послы сказали боярам: «Польский король хотя теперь кажется и пропал, только у него друзей много, которые с ним одной римской веры; они, надобно думать, за него вступятся, чтоб вера их, римская, не погибла; так царское величество изволил бы с государем нашим королем на этого общего неприятеля соединиться и укрепиться, и стоять на него сообща; оберегаться от него надобно гораздо, чтоб за него иной какой недруг не встал и ссоры и лиха какого не учинил да чтоб царское величество изволил послать к королевскому величеству своих послов». Начались споры за новые титулы: «Белой России, литовский, волынский и подольский», которых послы не хотели давать государю, отговариваясь новостию дела, своим незнанием об нем; особенно же казались послам *сомнительны* титулы: «восточного и западного, и северного», потому что владения королевские, говорили они, сходятся с владениями царского величества. На вопрос послов, зачем государь так начал писаться, бояре отвечали: «За великим государем нашим в тех странах государства есть: на востоке — царство Казанское и Астраханское, а на западе и севере — Сибирское царство и иные многие города и места». Бояре объявили решительно, что без грамоты, в которой вполне будут написаны царские титулы, не станут подтверждать вечного докончания; не скрывали и главной причины неудовольствия: «С королевской стороны, — говорили они, — делается многая неправда к нарушению вечного докончания: когда великий государь ходил на польского короля своею парсуною и многие земли взял, а другие хотели добить ему челом, в то время государь ваш, видя, как Польша и Литва под государеву высокую руку мало не все клонятся, не обославшись с царским величеством, пошел в польские города войною и у царских ратных людей от Полоцка дорогу велел перенять, и под которыми городами царские ратные люди стояли и на время по прошенью осадных сидельцев поотошли, королевские ратные люди, обольстя осадных сидельцев, те города взяли, и приезжая в уезды, занятые царскими

войсками, берут всякие запасы самовольством; города, покорившиеся царскому величеству, перезывают на свою сторону, бесчестя государя и все Московское государство; Делагарди писал к полякам, перезывая их на шведскую сторону с устрашеньем, и в той же грамоте царское величество написал неприятелем». Послы по настоянию бояр отправили гонца к своему королю, чтоб позволил переменить грамоту, написать в ней новые титла царские. Послы жаловались боярам: «Которые поляки поддались было королевскому величеству, и тех поляков они видели в Москве, и государем они пожалованы». Бояре отвечали: «Кто царского величества милости поищет и к государю приедет, тех царское величество жалует. Ведомо царскому величеству учинилось, что королевское величество ссылается с подданными царскими, с гетманом Богданом Хмельницким и с Васильем Золотаренком, призывает их к себе в подданство, отводя от высокой руки царской». Бояре показали и грамоту королевскую к Золотаренку. Послы, посмотрев грамоту, сказали: «Переведена грамота не прямо: говорите, что король призывает Золотаренка в подданство, а король только призывает его к себе на помощь на общего недруга; а к Хмельницкому посылал король для того, что они сами королевскому величеству били челом в подданство и приказывали говорить: если король их не примет, то они опять поддадутся польскому королю. Но король и не мыслит принять их в подданство, писал к Золотаренку, чтоб подождал указа и никуда не ходил, а к Хмельницкому писал, чтоб козаки полякам не поддавались». Бояре: «Грамота переведена справчиво: король пишет Золотаренку, что за его службу, за искание королевской милости похваляет, а Золотаренко писал к королю, поддаваясь ему нарочно, изведывая, какова королевская дружба к царскому величеству, и когда король его грамоту принял с радостию и отвечал с похвалою, то Золотаренко грамоту королевскую для обличенья неправды тотчас к царскому величеству прислал. Великое княжество Литовское бог дал царскому величеству, и королю в поветы великого княжества вступаться не довелось: королевскому величеству бог поручил в Короне Польской взять Краков и Варшаву в то время, как от царских ратных людей польские и литовские люди изнемогли; а когда польские и литовские люди были в целости, тогда король на них не наступал. И если король, забыв это, велел захватывать царские города и поветы, то хотя и малые места неправдою захватили, однако за малые придется отдать большие». Послы возражали, что о таких ссорах можно послать сыскать и дело исправить бесспорно, но бояре прямо указывали на необходимость войны: «Этого дела вершить нечем, кроме того, что за малые места отдавать вам большие места» [93].

Чтоб заставить шведов за малые области отдать большие, царь хотел вооружить против Карла X Данию. В марте был отправлен туда стольник князь Данила Мышецкий, который объявил королю Фридриху III, что шведский король Карл Густав, услышав царского величества промысл над польским королем, видя поляков в большом утесненье, прислал тут же со стороны и, не обославшись с царским величеством, в то же время на польских людей войною наступил безвестно, у царских ратных людей в войне путь перенял и стал привлекать польские города на свою сторону, притворяясь союзником царского величества; шведские генералы перешли в области, занятые царскими войсками, за Неман и Вилию, с жителей, поддавшихся царю, сбирают стацеи и налоги чинят; король посылает грамоты к запорожским черкасам, перезывает их от царя к себе в подданство, обещал покорившимся ему литовцам возвратить им все завоевания царские. «Великому государю известно,— говорил Мышецкий Фридриху III,— что и вашему королевскому величеству с шведской стороны многие неправды; шведский король всякими мерами промышляет, чтоб ему Варяжским морем всем одному завладеть, в торговых промыслах всем большое утесненье сделать: время теперь приспело вашему королевскому величеству промысл над ним учинить и с великим государем нашим соединиться». Фридрих отвечал, что отправляет к государю своего посла [94]. В то же время отправлен был стольник Алфимов к шведскому королю с выговором за неприязненные поступки в Литве. Карл X отвечал уверениями в дружбе, писал, что неприязненные столкновения случились не по его приказу, начальные люди поступали самовольно, обещал розыскать виновных и наказать их. Но эти уверения и обещания не могли остановить войны уже решенной, и это решение не могло долго оставаться тайною.

В мае Белке сказал думному дьяку Алмазу Иванову: «Вести носятся в миру, будто царское величество хочет на Шведскую землю наступить войною». Дьяк отвечал: «Если такая молва в людях и есть, то говорят это глупые люди и таких пустых речей не переслушать; а со стороны короля явная неправда: договариваясь с Радзивиллом, обещал он все имения литовских панов, которые теперь у царского величества, возвратить назад». Ответ не мог успокоить послов, тем более что с ними стали обходиться дурно. 11 мая Белке прислал жалобу: «Запрещают нам ходить в город и в Немецкую слободу, людей наших и слуг держат, как пленных, не пускают со двора более четырех человек разом, не велят ходить со шпагами; о том же нечего и говорить, какое нам потчиванье в корму бывает». На жалобу эту послам отвечали: «Говорено вам было много раз, что со стороны королевского величества делаются многие неправды к нарушению вечного докончания;

для исправления этих неправд послали вы к королевскому величеству секретаря, и тот секретарь до сих пор назад не бывал; потом отправлен к королю царского величества гонец, и тот задержан: поэтому видно, что королевское величество начинает и ищет того, чтоб учинить вечному докончанию нарушенье, да и, кроме того, многие с королевской стороны неправды, и теми неправдами вечное докончание нарушено с королевской стороны». 17 мая велено объявить послам, что мирное докончание нарушено с шведской стороны, велено их перевести с посольского двора в Замоскворечье, корм давать против прежнего третью долю, но потом последнее приказание было отменено.

Между тем 15 мая государь уже выехал из Москвы; отряд войска под начальством Петра Потемкина отправлен был для занятия берегов Финского залива, туда, где только спустя полвека суждено было русским стать твердою ногою; Никон по обычаю своему захватывал далеко: 25 мая он писал государю, что к Потемкину отправлены донские козаки, которых он, патриарх, благословил идти в Стокгольм и в другие места морем: знаменитых громителей берегов Черноморских хотели употребить для той же цели на Балтийском море! 30 июня Никон уведомил государя о взятии Канцев Потемкиным. 5 июля царь торжественно въехал в Полоцк и 15 выступил с полками против шведов в Ливонию; 31 июля 3400 русских ратных людей приступили к Динабургу ночью, за два часа до света; за полчаса до света большой город был уже взят, потом взяли и меньшой, или верхний, где вырубили всех людей. Немедленно царь велел построить в Динабурге церковь св. Бориса и Глеба и город назвать Борисоглебовом. Потом был взят Кокенгаузен; этот старинный русский город Кукейнос переименован был в «Царевичев Дмитриев город». Об нем царь писал сестрам: «Крепок безмерно, ров глубокий, меньшой брат нашему кремлевскому рву, а крепостию сын Смоленску граду; ей, чрез меру крепок; а побито наших 67 да ранено 430». 23 августа сам царь осадил Ригу; 1 сентября с шести русских батарей началась по городу сильная пальба, не прерывавшаяся ни днем, ни ночью, несмотря на то, губернатор рижский, граф Магнус Делагарди, не сдавал города, а 2 октября осажденные ударили на укрепления осаждающих и нанесли им сильное поражение. Эта неудача, осеннее время, восстание крестьян, истреблявших русские отряды, посылаемые для кормов, слухи, что сам Карл X намерен приехать в Ливонию, — все это заставило царя снять осаду Риги и отступить в Полоцк. Дерпт сдался русским, но этим и кончились приобретения их в Ливонии [95].

В Полоцке Алексей Михайлович дожидался конца переговоров своих уполномоченных с польскими. Еще 13 июля из соборной полоцкой Софийской церкви государь отпустил на

съезд с польскими послами в Вильну боярина князя Ивана Никитича Одоевского, окольничего князя Ив. Ив. Лобанова-Ростовского, дьяков Дохтурова и Юрьева; польские комиссары были: Ян Казимир Красинский, воевода полоцкий и Христоф Завиша, маршалок великий; съезд был назначен у Вильны, в двух верстах от города, а польским комиссарам стоять в деревне на речке Немеже, в шести верстах от Вильны. Посредине был поставлен государев шатер для переговоров, около него — особые для московских, цесарских и польских послов. В то же время разосланы были царские грамоты в поветы Лидский, Слонимский, в воеводство Новгородское, в повет Ошмянский, в воеводство Минское, в повет Гродненский, в воеводство Троцкое, в повет Волковыйский, Мозырский, Речицкий, в воеводство Виленское. Грамоты были такого содержания: «Вам бы верным и подданным нашего царского величества отчины полковникам, ротмистрам, всяким урядникам и всей урожденной шляхте и всему рыцарству учинить между собою сеймик и выбрать двух человек добрых и умных, которых бы с наше царское дело стало, а выбрав, послать их на съезд в Вильну к нашим полномочным послам. И те бы выборные люди, будучи на съезде, нам, великому государю, по своему обещанью служили, Великого княжества Литовского и Короны Польской сенаторам, полковникам, ротмистрам и всей урожденной шляхте, и всему рыцарству, и духовного всякого чина людям, которые будут на съезде с польскими послами, нашу государскую милость и жалованье к себе выславляли, что мы вас пожаловали, веры вашей, прав и вольностей ни в чем нарушить не велели, прежними маетностями владеть велели да и, сверх прежних маетностей, пожаловали иными многими, чтоб, слыша нашу государскую милость к вам, литовские и польские сенаторы и всяких чинов люди нашей милости поискали, к покою были склонны и были под нашею высокою рукою, и от нашего Великого княжества Литовского Корона Польская не отлучилась бы. Да и про то выборные люди объявили бы, что мы, великий государь, Великого княжества Литовского польскому королю Яну Казимиру не уступим, потому что мы города и места его взяли своею государскою особою и жители их, кроме нас, никого государем иметь не хотят. Если же польские и литовские сенаторы и всяких чинов люди станут отговариваться, что им от короля Яна Казимира, пока он жив, отступить нельзя, ибо они ему присягали, то говорить, чтоб они имели королем своим Яна Казимира, пока он жив, а нас бы, великого государя, на Корону Польскую царем себе выбрали, нам и сыну нашему присягнули и, кроме нас, на королевство Польское по смерти Яна Казимира другого государя никого себе не выбирали, и в конституцию бы это напечатали. А когда это доброе

дело совершит бог, то мы пожалуем вас нашим государским жалованьем, чего у вас и на уме нет».

12 августа был первый съезд. Одоевский потребовал, чтоб король уступил царю все Великое княжество Литовское и заплатил военные убытки, которые в 1654 году простирались до 800 000 рублей, а в 1655 — до 500 000 рублей. 14 числа польские послы потребовали, чтоб государь возвратил королю все завоеванное и заплатил убытки. Одоевский отвечал: «Что́ великому государю бог подаровал, того он никогда не уступит». Начался длинный спор о том, имел ли право Алексей Михайлович начать войну с королем; Одоевский доказывал это право с большим вычетом; комиссары настаивали на своем, что нестерпимые обиды учинились им от нарушенья вечного мира с царской стороны, но что они полагают это дело на волю божию: попустил на них бог такое разоренье за грехи их. Комиссары дали понять послам, что слишком большие требования их могут заставить короля заключить мир с Швециею при посредстве французского короля. Одоевский отвечал: «Нам известно, что французский король предлагает Яну Казимиру королю мир с Швециею на трех условиях: 1) чтоб прусскому князю быть удельным князем; 2) чтоб Богуславу Радзивиллу быть с своим же уделом; 3) чтоб по смерти Яна Казимира быть королем польским шведскому королю». Комиссары сказали на это: «Тому статься нельзя, чтоб по смерти королевского величества быть в Польше шведскому королю; нам надобен король, который бы ходил в нашей польской ферязи, а не в немецких флюндрах, а эти нам флюндры и так придокучили».

16 августа был третий съезд вместе с австрийскими послами. Комиссары объявили прежние запросы, бояре отказали им впрямь и пошли было из государева шатра вон. Тут вступились австрийские послы: «Надобно, — говорили они, — старые всякие причины, за что война началась, оставить и говорить бы о том, как мир учинить». Посредники объявили от имени комиссаров, что они отказываются от вознаграждения за убытки, причиненные им войною, поэтому и государевым послам следует сделать также какую-нибудь уступку: «Полякам, — говорил Аллегретти, — бедным и разоренным людям, царскому величеству уступить нечего, города княжества Литовского почти все за великим государем; если же от вас уступки им никакой не будет, то доброе дело не состоится и посредничать нам нечего; лучше ли будет, если польский король вместо мира с царским величеством помирится с шведским королем?» «Царскому величеству, — отвечал Одоевский, — не страшно, если Ян Казимир помирится с шведским королем: у царского величества войска много, есть с кем и против обоих государств стоять». Тогда австрийские послы, осердившись, хотели было уже выходить из шатра, но Одоев-

ский остановил их и объявил, что царь соглашается не требовать от поляков вознаграждения за военные убытки, пусть только отдадут все литовские города. «Запросы слишком тяжелы, — отвечал Аллегретти, — за такими запросами миру статься нельзя».

18 августа был четвертый съезд. Одоевский объявил, что государь отступается от тех литовских городов, которые еще за королем. «Это не уступка», — возражали комиссары. После споров Одоевский наконец объявил настоящее дело: «Государь ваш в совершенных летах, а наследников у него нет: так пусть Речь Посполитая по совету с королем пришлет к нашему великому государю послов с избранием его великого государя и писать его обранным Короны Польской великим государем, потому что Великое княжество Литовское под царскою рукою утвердилось; а великий государь хочет вас держать в своей большой милости и вольностей ваших нарушить ничем не велит». Комиссары отвечали: «Это дело великое: скоро ответу дать нельзя». Назначив новый съезд 20 августа, комиссары начали говорить об успехах своего короля против шведов и потом сказали: «Королевское величество велел вам объявить, что гетман Хмельницкий ссылку держит с шведским королем и с семиградским князем Рагоци, потому что теперь между царским и королевским величеством начались мирные переговоры, и Хмельницкий, опасаясь за свою измену всякого зла, хочет от царского величества отстать». Одоевский отвечал, что это несхожее дело.

20 августа, на пятом съезде, комиссары объявили, что предложение послов об избрании царя в наследники польского престола принимают любительно, но что это дело великое, без короля его сделать нельзя, а королевской инструкции насчет его им нет никакой; кроме того, Польше без Литвы быть нельзя, а послы от литовских городов не отступаются; пусть царское величество покажет свою любовь, уступит королю Литву, Белую и Малую Русь. В спор вступился Аллегретти и принял явно сторону польских комиссаров, требуя уступок от бояр; Одоевский заметил ему, что он вместо посредничества царскому делу только помешку чинит; Аллегретти осердился и говорил: «О королевстве Польском и прежде многие государи христианские старались, и теперь у цесаря есть братья и дети, и другие арцыкняжата одной с поляками римской веры, и им не иного чего ожидать; государь, который хочет быть государем другого государства, не отнимает у него старого, но прибавляет новое». Одоевский опять заметил, что Аллегретти вместо посредничества говорит такие вещи, которых и сами польские комиссары не говорят.

Шестой съезд, 22 августа, прошел в спорах об условиях избрания царя в короли; бояре требовали, чтоб польский

престол был наследственным для царя и его потомства; паны утверждали, что поляки никак не откажутся от права избрания; кроме того, паны настаивали, чтоб Поляновский договор остался во всей силе. 25 августа, на седьмом съезде, Аллегретти объявил, что он об избрании царя на польский престол и слышать не хочет, присланы они от императора для посредничества о мире, а не об избрании. Одоевский отвечал, что он, Аллегретти, говорит непристойные речи, и объявил комиссарам, что царь требует навеки Малую и Белую Русь, Волынь и Подолию, а Литовского княжества требует только на 20 лет за военные убытки. На осьмом съезде, 27 августа, цесарские послы так посредничали, что сами польские комиссары объявили Одоевскому: «Съехаться бы нам завтра и о покое христианском поговорить между собою, а цесаревым послам тут не быть, потому что от них на обе стороны, кроме ссоры, добра никакого нет, не желают, чтоб был на польском престóле Алексей Михайлович, а прочат цесарева сына или брата». 28 августа комиссары начали говорить боярам: «Цесарские послы на нас досадуют, зачем мы начали говорить об избрании царского величества, у императора есть дети и братья и на королевстве Польском есть кому быть, но нам цесарева племени австрийского дома короли уже наскучили: как у нас государствовало потомство Ягайла короля, то мы благоденствовали, а когда начали у нас быть короли немецкой природы, то мы от их потомства теперь мало что не нищие и государству своему видим запустошение. Цесарские послы рады не соединению, а разоренью между нами; так мы станем между собою говорить о добром деле сходительным обычаем, и початок доброму делу мы объявляем такой: государь наш уступает царскому величеству все то, что уступлено было вами по Поляновскому договору; о Малой и Белой Руси, о Волыни и Подолии пошлем гонца к королю, и вы пошлете с своей стороны к царскому величеству; что же касается Литвы, то царское величество поступился бы ею королю, потому что и так государство наше почти все разорено; об избрании царского величества мы уже писали к королю и дожидаемся ответа». Одоевский отвечал, что они, послы, обо всем этом отпишут к великому государю. Комиссары начали было толковать о возвращении в королевскую сторону запорожских козаков с их землями, но послы им отказали: то дело несхожее; черкасы государю присягали, что быть под его рукою вовеки, и отступиться от них государю нельзя, да и потому нельзя отпустить черкас к королевскому величеству, что у них с поляками давняя вражда и усмирить их никак невозможно, и только царскому величеству от себя их отлучить, и они тотчас поддадутся или турскому, или крымскому, или шведскому и, соединясь с ними, обоим государствам станут чинить всякое зло и разоренье, а как будет на Короне

Польской государем его царское величество, то и запорожские черкасы будут заодно же.

29 августа получили послы государеву грамоту; царь писал, чтоб дело об избрании его на польский престол и о мире отложить до другого времени, войска с обеих сторон задержать на полгода или больше и обратить их на общего неприятеля, шведа, с которым не заключать отдельного мира; и только 18 сентября пришел царский ответ на грамоту посольскую, отправленную после съезда 28 августа; царь писал, чтоб послы продолжали дело об избрании. 20 сентября был десятый съезд. Комиссары объявили, что об избрании к ним наказа еще не прислано, прислан наказ о мирном постановленьи. Одоевский отвечал, что в таком случае лучше всего всякое дело отложить и двинуть войска на шведа, с которым порознь не мириться. Но комиссары предложили вопрос: если царское величество избран будет в короли, то уступит ли Малую и Белую Русь королевству? Послы отвечали, что всего лучше это дело отложить на полгода или больше. Комиссары не согласились. Одоевский предложил последнюю меру: в государеву сторону Малую и Белую Русь, Волынь и Подолию навеки, а Вильну с другими городами литовскими на 18 лет. Комиссары отказали и хотели вместе с австрийскими послами разъехаться без дела. Тогда послы, чтоб царскому избранию на польский престол помешки не учинилось, предложили: избрание царя в наследники Яну Казимиру и уступку Малой и Белой Руси Московскому государству; паны останутся при всех своих правах и при вольном избрании короля; государь обещается возвратить Польше Ливонию по Двину, кроме городов, принадлежавших царю Ивану Васильевичу; обещается отыскивать и наследственное Яна Казимира королевство Шведское; обещается возвратить всех пленников, все пушки, взятые в городах литовских; имения, отнятые у православных церквей и монастырей, возвращаются; духовенству православному быть в прежней чести; уния должна быть уничтожена, ибо она богу всемогущему грубна: это не вера, но замысел злых людей, которые отступили от греческого закона и между греческим законом и католическою верою чинят ссору; православные имеют одинакие права с католиками. Комиссары отвечали на это, что прежде надобно заключить мир, а потом уже вести дело об избрании, иначе избрание будет невольное; австрийские послы говорили, что об избрании они и слышать не хотят, ибо присланы быть посредниками только при заключении мира. С этим все и разъехались.

После этого разрыва австрийские послы прислали сказать, что они переговорам об избрании царя мешать не будут и как скоро начнутся об этом рассуждения, то они будут выходить из шатра; польские комиссары не соглашались на это и предложили Одоевскому съехаться без австрийских

послов на каком-нибудь особенном месте, и поэтому 24 сентября съезжались за слободою, на загородном шляхетском пустом дворе, в двух верстах от Вильны Комиссары объявили, что получили от короля грамоту: Ян Казимир пишет, что по вопросу об избрании царя ему в наследники назначен сейм, который начнется 15 сентября нового стиля; но чем сейм кончился, о том они, комиссары, ничего не знают. Комиссары говорили также: «Пишут к нам приятели, что они избранию царя в короли рады, но не все сенаторы на это согласны: одни хотят выбирать царевича Алексея Алексеевича, другие — цесарева сына или брата, иные — венгерского; но если бы великий государь уступил Польше Белую Русь, то думают они, комиссары, что все сенаторы согласятся на царское избрание или на избрание царевича; о Малой России они способов искать станут, без Белой же царскому избранию никак не состояться, потому что у многих сенаторов и шляхты города и маетности в Белой России за рекою Березою. Сенаторы пишут к нам тайно, что королева хочет избрания царевича Алексея, король часто бывает нездоров, и когда умрет, то она останется от него бесплемянна и царевич будет у нее вместо сына, а она станет оберегать его здоровье». В заключение комиссары объявили, что запорожские козаки согласились с крымским ханом, волошским господарем и Рагоци мешать царскому избранию в короли, ибо в таком случае им будет тесно, а запорожцы опасаются мести от поляков, и шведский король с Хмельницким ссылается: козаки люди шаткие, хотя и присягают, но в правде не стоят. Австрийские послы по требованию Одоевского объявили, что они, и не выходя из шатра, не будут мешать переговорам о царском избрании, не будут ничего говорить ни за, ни против.

С 24 сентября по 6 октября не было съездов: комиссары дожидались королевского указа; предполагая, что они проволакивают дело, Одоевский назначил съезд 6 октября и потребовал отложить переговоры о мире и об избрании на полгода или на год, прекратить войну и обратить войско на шведов. Но комиссары настояли, чтоб ждать еще королевской грамоты до 9 октября, а цесарские послы прислали сказать Одоевскому, что будут способствовать царскому избранию в короли. На съезде 9 октября комиссары объявили, что указ им прислан: король и паны соглашаются на избрание царя или царевича, если будет заключен мир по Поляновскому договору; что же касается до вечного мира, без избрания, то король уступает царскому величеству Смоленск и все города, уступленные по Поляновскому миру. Ответ был прежний, что царское величество без Малой и Белой России миру не заключит. 19 октября пришла к послам царская грамота: договариваться, чтоб учинить рубеж по реку Березину, также Полоцку, Витебску и лифляндским городам быть за госуда-

рем: о божием деле промышлять с большим раденьем, а иное и купить, сулить тысячи многие, пятьдесят и шестьдесят и больше обоим послам, а если дело не сделается, то как-нибудь укрепиться, чтоб войне на обе стороны не быть и с шведом без обсылки не мириться, укрепиться хотя малою крепостью, но непременно на то привести, чтоб послов отпустить с ласкою, войне не быть и с шведским королем не мириться. Комиссары никак не согласились на уступку Малой и Белой Руси и потому положили, что по делу об избрании государя отправятся к королю на сейм царские полномочные послы, а пока договор совершится, положили рать с обеих сторон задержать, никаких зацепок не чинить и с шведским королем не мириться.

По всему было видно, что в Москве всеми средствами хотели поддержать нерешительное положение и не начинать войны с Польшею, не окончив войны шведской, а между тем подготовлять избрание царя в наследники Яну Казимиру; для этого хотели приобрести себе сильную сторону между вельможами, из которых склоннее других к Москве казался гетман Гонсевский.

4 ноября 1656 года из Полоцка государь отправил любимца своего — стольника Артемона Матвеева с семью сороками соболей, ценою на 700 рублей, к гетману Винцентию Корвину Гонсевскому. Матвеев нашел гетмана в Кайданах и, упомянув о виленском договоре насчет избрания царя в короли польские, прибавил: «Ты бы, гетман, служил и свою братью наговаривал, чтоб они также великому государю служили и то дело привели к совершенью». Гетман отвечал: «Тому делу чинится помешка, шведский король в союзе с королем французским, который помогает ему деньгами и людьми и хочет, чтоб шведский король был на Короне Польской, а шведский король ссылается с гетманом Богданом Хмельницким и с Рагоци венгерским, и дума у них одна. Писал ко мне маршалок надворный Юрий Любомирский, что гетман Хмельницкий присягал пред послами Рагоци быть во всей их воле, а ездит от Хмельницкого к шведу беспрестанно чернец Великий государь изволил бы послать к курфюрсту бранденбургскому, чтоб оторвать его от шведа, и тогда швед будет бессилен, но, что будет писать курфюрст к государю, тому бы государь не верил, потому что курфюрст человек не крепкий, а вблизости при нем живут шведские люди; да послал бы царское величество к цесарю, чтоб цесарь наступил на шведского короля; писал бы к датскому королю и к Голландским Штатам, чтоб помешали на море шведскому королю, который хочет захватить в свои руки зундскую пошлину. Цесарь присылает, чтоб выбрали сына его на Корону Польскую; брат цесарев, Леопольд, присылает, чтоб выбрали его; того же просит курфюрст баварский, и у сенаторов разные мысли;

но я их наговариваю всячески, чтоб избрали царское величество».

Матвеев стал уговаривать гетмана постараться, чтоб рубежу от Московского государства быть по реку Березину, а от Короны Польской — по реку Буг. Гетман отвечал: «Не только мне сенаторов наговаривать, и помянуть об этом деле нельзя, назовут меня изменником». Потом Гонсевский говорил: «Изволил бы государь послать королеве подарок и слово ей дал: как будет царевич Алексей Алексеевич в совершенных летах, то женится на ее племяннице: этим всего лучше государь утвердит свое дело». Матвеев возразил: «Царевич мал, а вера греческая далека от римской, и этому делу отнюдь нельзя статься». Гетман отвечал: «Учинил бы государь соединение вер, как прежде была единая благочестивая вера, король Владислав больше всего хотел соединения вер; изволил бы государь послать об этом деле к королю, цесарю и папе, чтоб учинить съезд духовным и мирским людям и об этом великом деле разговор иметь. Как узнают, что царское величество старается о соединении вер, то многие народы покорятся ему. Самые сильные люди в короне: Юрий Любомирский маршалок, который хочет цесаря или сына его, воевода познаньский Лещинский, который хочет Рагоци; кроме них, сильны Конецпольский и Чарнецкий: этих людей великому государю надобно пожаловать; когда они будут служить царскому величеству, тогда все будет по его воле. Да чтоб царское величество приказал послам своим на сейме не спешить отдачею городов; велел бы и ратным своим людям приблизиться к Вильне, чтоб этими ратями сенаторов поусумнить. Если я буду годен в службу к великому государю, то чтоб царское величество пожаловал меня маетностями, которые прежде за мною были, да чтоб пожаловал, велел мне дать 5000 мушкетов, 3000 барабанов, 3000 пар пистолей; да чтоб пожаловал, дал средства приехать на сейм людно, потому что у них, кто люднее, того больше боятся и слушают» [96].

Война с Швециею была начата потому, что Польша почти не существовала и неблагоразумно казалось усиливать на ее счет Швецию, с которою предстояла потом опасная борьба. Но теперь обстоятельства переменились: как Москва в начале века спаслась от внутренней смуты и внешнего порабощения благодаря религиозному одушевлению, обхватившему весь народ и объединившему его, так теперь религиозное одушевление обхватило народ польский и спасло государство. Карл X выгнал Яна Казимира из Польши; отнял у него Варшаву и Краков, провозгласил себя королем польским, но он был протестант: католическая Польша в XVII веке, при господстве религиозного интереса, не могла признать королем своим протестанта, тем более что этот протестант и подданные его давали чувствовать католикам свой протестантизм; они реши-

лись напасть на главную святыню королевства — монастырь Ченстоховский, который теперь в Польше имел такое же значение, какое Троицкий монастырь имел в Московском государстве в Смутное время. Церковь призвала народ к восстанию против врагов иноверных, и народ повиновался; знаменитый полководец Чарнецкий начал действовать с успехом против шведов. Карл X увидел, что польская корона ускользает от него, Ян Казимир, поддерживаемый энергическою женою своею, ободрился.

Вследствие этих перемен должна была перемениться и политика московская: жар к войне со шведами, охлажденный под Ригою, охладился еще более, когда в Карле X перестали видеть опасного соперника, когда усиление Яна Казимира и особенно отношения малороссийские начали грозить опасностию более важною. 23 февраля 1657 года царь и бояре приговорили: промышлять всякими мерами, чтоб привести шведов к миру; это поручение было возложено на воеводу Царевича Дмигриева города, Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина. Ордин-Нащокин, псковский помещик, в царствование Михаила Феодоровича упоминается как участник в посольских съездах при размежевании и поправлении границ; в начале возмущения Нащокин жил в Пскове; когда гилевщики после разговора с воеводою Собакиным на дворе архиепископском начали шуметь, то из их скопу прибежали на двор к Нащокину площадной подьячий да стрелец и сказали ему: «Выезжай из Пскова в свою деревню: хотят убить тебя да Федора Емельянова». Нащокин выехал в деревню, а оттуда в Москву, куда привез подробные известия о бунте. Но когда Хованский пошел под Псков, Нащокин отправился с ним: ему поручил воевода уговаривать крестьян, чтоб они обратились, из лесов вышли и жили по-прежнему. Как Нащокин исполнил свое поручение, видно из отзывов Хованского, который писал к царю о его службе, работе и раденье во всяком деле. Еще сильнее высказались усердие и способности Нащокина во время шведской войны; он сделался воеводою Царевича Дмитриева города и по удалении царя из Ливонии стал главным лицом здесь. Но, навлекши на себя прежде негодование псковских гилевщиков, как дворянин, приверженец правительства московского, теперь Нащокин возбудил против себя ненависть людей, которым не нравилось, что человек, сравнительно с ними незначительный, успел личными достоинствами возвыситься и стать на первом плане. Эти люди стали мешать ему; не посылали нужного войска, разрушали то дело, о котором хлопотал Нащокин, а хлопотал он о том, чтоб стать твердою ногою в прибалтийских областях.

В июле писал Нащокин государю: «Известно мне, что из Риги бурмистры и лучшие люди от морового поветрия выбежали, а служилые люди вышли к Волмерю с Магнусом

Делагарди, но и в обозе шведском также тяжелая болезнь, сам Делагарди умер. Писал ко мне Яков, князь курляндский, что теперь удобное время для мира с королем шведским; я отвечал ему: за нарушение вечного мира многие земли встали на шведского короля, и, кроме видимой рати, теперь от господа бога послана на Ригу война невидимая, и если рижане покорно к подданству приступят, то от надлежащего страха избудут и без печали в свои домы возвратятся; и писал я с большим подтверждением, чтоб курляндский князь промышлял о подданстве рижан. Но курляндский князь манит, дружа шведам, чтоб время без промыслу прошло. А промысла чинить нам некем: твой, государев, указ с осени послан в Полоцк, Витебск и Псков, чтоб высылали в Царевичев Дмитриев город ратных людей и хлебные запасы, и до сего времени твой указ не исполнен, и тем на твоих государских людей многие крови наведены. Если б сначала твой указ исполнен был, то шведам из Риги нельзя было бы выходить ко псковским местам. Если б шведы не боялись ратных людей из Царевичева Дмитриева города, то съездов и перемирья безотступно не просили бы, а других твоих государевых городов рижане не боятся, потому что далеко от них. Но помощи мне не дают по моей причине, твое государево дело возненавидели для меня, холопа твоего. Четвертое лето без перемены я покинут в самых дверях неприятельских, и этим путем литовские и немецкие люди на твои города не прихаживали; а которым ратным людям по твоему указу со мною быть велено, и во все лето государев указ не исполнен, в городах ратные люди и запасы полковые задержаны. Тебе, помазаннику божию, господь бог обо мне явно учинил: «Аще бы от мира был, мир убо своя любил бы». Из чужих неприятельских земель послушание и вспоможение твоему государеву делу чинят, а из твоих городов ни малой части твоего указа не исполняют, в твоем государевом деле многий промысл разрушают и вовремя промыслу делать мне не дают. И в том твоя царского величества воля! По твоему, государеву, указу велено город Друю ведать в Царевичеве Дмитриевом городе и после твоего указа не списываясь со мною, из Полоцка памяти посылают к бурмистрам и многие налоги чинят и убытки многие друянам делают, волости друйские на разоренье козакам отдали, Друю хотят запустошить и от твоей высокой руки отогнать. В Резицком и Лужском уездах полоцкие козаки твои, государевы, волости без остатку разоряют, о твоих государевых грамотах бьют челом в Полоцк, зная, что их за самовольство в Полоцке не унимают, а мне уберечь уездов от таких самовольных людей нельзя. В ближних к Риге уездах от немцев столько разоренья нет, сколько в Друйском, Резицком и Лужском уездах от козаков запустело. За мною во все четыре года приставства нигде не бывало, и по твоему государеву

указу оберегаю я не выбором, и где в разоренных местах крестьян собрал, а из Полоцка пустошат. В грамотах великого государя писано: которые уезды в Ливонии добровольно в подданство не учинятся, те места ратным людям без остатку велено разорять. И ратные люди, слыша такой указ, не оставят живущему нигде места. А ныне господь бог помазаннику своему явными знаками без крови ту землю предает, ничего иного не требует господь бог, только милосердия к покорным, а противные сами на себя жестокий суд нанесут. У служилых людей тот обычай, чтоб непротивных пленить без остатка, за что им и смертная казнь бывает, а нрава своего не откладывают. Этою зимою изо Пскова служилые люди соседних с Юрьевым присяжных крестьян посекли и деревни пожгли, и, то видя, в иных местах от подданства бегут, а немцам то и надобно, уездных людей к себе привозят и полки свои пополняют, а пехота лучшая у шведов — лифляндские люди. Рейтарам Царевичева Дмитриева города за разоренье крестьян много наказанья было, но они не унялись, зная, что в других городах от такого разоренья их не унимают; о таком их самовольстве писано в Рейтарский приказ, и по 5 июля государева указа об этом не прислано, а вперед сдерживать рейтар от разоренья над уездными людьми нельзя. А если уезды пусты будут, то государевым служилым людям в новоприобретенных городах держаться нельзя, а хлебные запасы из русских городов туда возить убыточно. Для нынешнего посещения божия над Ригою покинуть без промыслу невозможно. Прошенье рижан о съезде и присылке теперь частые в Царевичев Дмитриев город, а начальные люди и бурмистры еще при Магнусе Делагарди тайными ссылками к милости великого государя приведены. Доброму делу пакостник Магнус был, но живот его на земле згинул, и если рижан вскоре не захватить, показав грозу ратных людей, то они станут искать других средств к получению помощи. Надобно Лифляндскую землю занять прежде, чем шведы оправятся от разрушенья, причиненного смертию Делагарди»[97].

Когда Нащокин хлопотал об утверждении Ливонии за царем, князь Мышецкий вел переговоры с Данией о войне шведской. Летом 1656 года князь Мышецкий вместе с датским посланником Германом Косом нашли государя в Ливонии. Кос объявил, что королевские ратные люди теперь не в собранье, а когда соберутся, то король выступит в поход против шведов. Царь отвечал ему: «Князь Мышецкий нам извещал, что люди у королевского величества готовы, и королевское величество шел бы, не испустя времени, а только теперь не пойдет, и время пройдет». 7 августа, из стана своего под Кокенгаузеном царь отпустил того же Мышецкого опять в Данию с *грамотою за своею самодержавною рукою*. Объявив королю об успехах царя в Ливонии и о походе его под Ригу,

Мышецкий говорил: «И вашему бы королевскому величеству со своей стороны также идти на общего недруга нынешним летом; и быть в войне обоим великим государям, и одному без другого года два или три не мириться». Король отвечал: «У меня ратные люди готовы, и я пойду на шведов четырьмя полками: три полка пойдут сухим путем, а четвертый — на Варяжское море с корабельным сбором. Прошу государя вашего в прибавку к датским кораблям нанять еще у голландцев 20 кораблей воинских» Король стал требовать у Мышецкого, чтоб тот заключил подробный договор о союзе, но посланник отвечал, что без царского указа сделать ему этого не уметь. Все лето 1657 года Мышецкий прожил в Копенгагене, при нем Фридрих III начал войну со шведами, но поляки, а не русские явились ему в ней союзниками: в Москве совершенно охладели к войне шведской, ибо все внимание сосредоточилось на юге.

В то время, как царь, задержавши войну польскую, обратил все свои силы против Швеции, из Белоруссии слышались сильные жалобы на черкас, которые в свою очередь жаловались на воевод московских. Самые сильные жалобы слышались на чаусского наказного полковника Ивана Нечая, который прибрал к себе многих гультяев, а иных мещан и пашенных крестьян захватил силою и записал в козаки; во многих городах, селах и деревнях поставил козацкие залоги без царского повеления; шляхту, мещан и пашенных крестьян, которые не хотели записываться в козаки, приказывал грабить, мучить и побивать до смерти; писался полковником белорусским, гомельским и иных городов. Другой полковник, Федор Константинов, приходил под Копыс и побивал государевых людей; третий, Иван Дорошенко, покинул Новый Быхов без государева указа и не видя на себя прихода ратных людей ниоткуда

Для поверки этих жалоб в апреле 1656 года отправился в Белоруссию от Хмельницкого полковник Антон Жданович вместе с московским сотником стрелецким Сивцовым. Спросили они Ивана Дорошенка: зачем покинул Новый Быхов? Тот отвечал, что сделал это по приказу Василия Золотаренка, который по смерти брата своего Ивана был полковником нежинским; все подтвердили показание Дорошенка; но спросить Золотаренка было нельзя: он находился в это время в Чигирине у гетмана, и дело осталось не решенным. Спросили Федора Константинова: зачем побивал государевых людей? Тот отвечал: «Был я полковник польский, передался к Войску Запорожскому с шестью хоругвями и шел с ними через город Копыс к гетману Богдану; в Копысе велели мне ехать в Москву; но я в Москву ехать отказался; тогда меня хотели силою поворотить в Москву, напали на меня ночью и стали бить моих людей, я также отбивался, но приступа к городу

никакого не делал». Но малороссийский сотник Дроздович уличил его: по его показанию, Федор, пришедши в Копыс на посад, стал бить и мучить жителей; воевода Толочанов призвал его к себе, угостил и стал ему говорить: «Для чего ты царского величества людей бьешь?» Тогда он на воеводу *фукнул,* пошел за город и на другой день в город стрелял и приступал; Толочанов послал в Могилев за войском; явились московские солдаты, подошли к отряду Федора и послали сказать полковнику, чтоб он переговорил с ними, показал бы им царскую грамоту или приказ гетманский. Федор отвечал: «Я вам покажу такую грамоту, что никто из вас ног не унесет». Начался бой, и солдаты заставили Федора уйти. Спросили Нечая: как смел свести царские солдатские гарнизоны и поставить свои козацкие? Нечай отвечал: по гетманскому приказу, и показал грамоту, где Хмельницкий писал, чтоб Нечай поставил козацкие гарнизоны везде, где стояли прежде Золотаренковы. Козаки-разбойники оправдали Нечая, показавши, что он не знал об их разбоях. Двое старших из них были повешены, другие биты в два кия до полусмерти по приказу Ждановича. Сотника Жуковского за разбой велел он казнить смертию; велел вывести отовсюду козацкие гарнизоны.

Но надобно было удовлетворить и малороссиян, ибо сотники Войска Запорожского, стоявшего в Белоруссии, со всеми товарищами били челом царю с кровавыми слезами, что нестерпимые обиды и смертное убийство терпят они от начальных и ратных людей московских, находящихся под властию князя Ивана Борисовича Репнина, воеводы могилевского, мстиславского воеводы Дашкова и других При челобитной подан был длинный список пограбленному. Стольник Леонтьев отправился для сыска. Могилевцы — священники, шляхта и чиновные горожане объявили Леонтьеву, что ничего не знают о насилиях воеводы князя Репнина черкасам. Сотенные люди сказали: «Воевода человек по сту черкас в тюрьму сажал ли, не знаем; а нежинских четырех козаков кнутом в проводку бил, за что — не знаем, и других человека по два и по три бивали. Написаны в росписи резаные черкасы, но мы знаем, что их четверых порезали у вина, а кто резал — не знаем; знаем, что воевода взял имение по смерти одного козака, тогда как после него остался брат, имение и этого брата было взято также вместе с имением умершего. Мстиславцы объявили, что не знают об обидах черкасам от государевых людей; но они, мстиславцы, и маетности их все разорены черкасами. Жданович обвинял шкловского воеводу, Василья Яковлева, что посылал солдат, которые выжгли деревни. Шкловцы на повальном обыске объявили, что ничего об этом не знают и не слыхали, но что теснота им была от черкас большая, нельзя было за город выехать: непременно ограбят черкасы.

Нечай по отъезде Ждановича продолжал рассылать гультяев по городам и селам, силою писать в козаки шляхту и мужиков, а в январе 1657 года сам прислал в Москву жалобу, что стоял он под Быховом вместе с князем Иваном Андреевичем Хованским, пошел на приступ и был отбит, потому что Хованский не помог ему. Но важнее были столкновения с самим Хмельницким.

Мы видели, как поляки при каждом удобном случае старались внушить, что Хмельницкому нельзя верить, что он пересылается с шведским королем. Русские отвечали им обыкновенно, что это дело нестаточное, но другое было у них на сердце. Василий Васильевич Бутурлин дал знать царю, что Хмельницкий во время похода своего с ним подо Львов действовал вовсе не так, как бы следовало. Когда после виленской комиссии царь дал знать гетману о ее решениях, то Богдан 9 декабря 1656 года отвечал: «Как верные вашего царского величества слуги, мы этим договором усердно тешимся; только, как верные слуги, о неправдах и хитростях ляцких ведомо чиним, что они этого договора никогда не додержат: они и прежде ничего не хотели сделать с людьми, обвиненными в бесчестии вашему царскому величеству, от сейма до сейма через десять лет все отволакивали и никакого исправленья не чинили, хотя это дело крестным целованьем и конституциею остережено было. Столь явная неправда ляцкая пред богом и пред тобою оказывается, что они на веру нашу православную давно воюют и ей никогда желательными быть не могут, а теперь они этот договор для того сделали, чтоб, немного отдохнув и наговорившись с султаном турским, с татарами и другими посторонними, на ваше царское величество снова воевать: ибо если они ляхи в самом деле ваше царское величество на Корону Польскую и Великое княжество Литовское выбирают, то для чего же воеводу познаньского и каштеляна Войницкого послали к цесарю римскому просить брата его родного на королевство; послы эти 12 октября приехали в столицу цесарскую и вели переговоры во время конца комиссии виленской; прежде еще посылали Пражмовского к Рагоци с короною, скипетром и яблоком (державою), призывая его на королевство: все это знак явной неправды ляцкой! Ясно, что они виленского договора не додержат, и кто знает, будет ли еще этот договор принят на сейме от всех чинов? Для вышереченной неправды мы ляхам никак верить не можем, ибо знаем подлинно, что они православному народу нашему недоброхотны. Вторично тебя, великого государя, единого в подсолнечной, православного царя, молим: не подавай православного народа на поругание, о котором ляхи помышляют».

Но православный царь не нуждался в этой просьбе и предостережениях: он также хорошо, как и Хмельницкий, знал, что избрание его в короли более чем сомнительно; оно могло

состояться только при новых успехах его оружия, а для этих успехов было необходимо, чтоб силы Великой и Малой России были соединены как нельзя крепче. Но гетман запорожский, преследуя свои особые интересы, нарушая единство государственного движения, наносил удар могуществу царя и тем самым усиливал ляхов, к которым питал такое нерасположение. 12 декабря киевский воевода Андрей Бутурлин дал знать в Москву: сказывал ему наказной киевский полковник Василий Дворецкий: «Гетман опасается гнева государева, сильно сомневается насчет черкас, отправленных им в виленскую комиссию и еще не возвратившихся, думает, что их задержали, что государь приказал отдать козаков по-прежнему польскому королю и велел на них идти войною; опасаясь этого, гетман созвал сейм, на котором все полковники, есаулы и сотники дали слово стоять заодно на всякого, кто на них наступит. Кроме того, Хмельницкий посылал к Рагоци, к воеводам волошскому и молдавскому, к хану крымскому, чтоб они были с ним в соединенье; ото всех этих владетелей были у него послы и учинили договор: если кто на него наступит, то они будут ему помогать; послы крымские у гетмана бывают часто». Приехал в Киев отец писаря Выговского, Астафий; воевода зазвал его к себе, подпоил, и старик подтвердил ему слова Дворецкого. Люди, посланные для вестей в Чигирин, доносили, что Хмельницкий договорился с Рагоци помочь ему овладеть польским престолом; замышляют отступить от государя гетман да писарь, и с ними немногие начальные люди, замышляют они это потому, что государь помирился с королем, опасаются, что их выдадут полякам; гетман хочет отложиться при первом гневе государевом, но козаки и черные люди на такую неправду ему не помогают; наконец, Хмельницкий посылал к быховцам, чтоб государю не сдавались, а сдались на его гетманское имя.

Карл X, когда еще мечтал быть королем польским, отправил к Хмельницкому посла с таким наказом: просить Хмельницкого, чтоб дал знать, какого чина и какой власти ему хочется? Хочет ли он от вольного удельного княжества при польском рубеже или хочет с козаками своими вместе с Короною Польскою под шведскую защиту поддаться и при прежних правах и вольностях оставаться, или хочет он вассальных прав, с обещанием помогать королю и государству его ратными людьми и другими средствами. Указывать выгоды, которые будут козакам, если они соединятся со шведами, потому что они от поляков никакой безопасности надеяться не могут; если же соединятся со шведами, то стеснят так поляков, что те никакого зла им сделать не будут в состоянии, шведы будут оберегать козаков от насильства шляхты, а козаки за это будут стараться, чтоб Польша никаким образом не отлучилась от шведского короля. Договариваться с Хмель-

ницким о разделе рубежа от Польши и от Москвы. Главное условие договора должно состоять в том, чтоб он возбранял татарам вход в польские и литовские рубежи, чтоб не ходили через Днепр, Днестр и Буг; кроме того, при всякой войне Хмельницкий выставляет на помощь королю 40 000 человек на свой счет и держит их в службе три месяца, по прошествии которых они, продолжая службу, будут получать на прокорм из королевской казны, как и другие ратные люди. Козаки должны обещаться ни с каким государством не соединяться и не договариваться без ведома королевского. Хмельницкий всякими мерами должен привести Москву к тому, чтоб она далее Березины не искала себе владений и чтоб вся Литва осталась за шведами. Хмельницкий и козаки должны обещаться не начинать ни с кем войны без воли королевской. Требовать, чтоб в больших городах можно было строить протестантские церкви. Для удобства торговли выпросить часть земли у рек Днепра, Буга и Днестра, где бы строить амбары; также требовать мест над Днепром, где король хочет построить крепости против татар; козаки не должны позволять крестьянам, которые теперь на тех местах живут, бегать и к ним переезжать, а если перебегут, отдавать назад; земля эта, которой хочет король, простирается на 12 миль от истоков реки Тетери до ее устья в Днепр, по Днестру на острове и по обеим сторонам на 4 мили, а еще б лучше, если б уступили Киев. Если Хмельницкий захочет быть удельным, то вольно ему постановить у себя Речь Посполитую козацкую, дал бы козакам права и уложенье, как им жить и как наследникам его властвовать. Остается у него во владении только воеводство Киевское, а воеводство Черниговское надобно уступить Москве; если же Хмельницкий не согласится, то уступить ему воеводство Брацлавское до Буга или даже до Ямполя, также можно уступить ему четвертую часть или половину торговых пошлин. Если Хмельницкий захочет быть под королем шведским голдовником (вассалом), то уступить ему воеводство Киевское и писаться ему князем киевским и черниговским и гетманом Войска Запорожского. Хмельницкий должен быть в таком же отношении к королю, как курфюрст бранденбургский или герцог курляндский к Польше. Каждый новый гетман должен давать королю по 300 000 золотых польских; каждому новому королю должен давать 30 000 золотых червонных, также должен дарить королевских сыновей, когда будут жениться, и дочерей, когда замуж пойдут. Хмельницкий будет волен раздавать служилым своим людям маетности наследственно или пожизненно; хорошо было бы, если б Хмельницкий всем крестьянам, которые у него в подданстве, велел оставаться в домах своих, чтоб они ему и начальным его людям давали оброки денежные и пашни не пустошили; впрочем, это полагается на волю Хмельницкого. Относительно ду-

ховного чина все будет по-прежнему; митрополит киевский не может быть поставлен без воли королевской.

Но в начале 1657 года Карл X уже потерял надежду удержать за собою все королевство Яна Казимира, должен был искать союзников и поделиться с ними добычею: между Карлом, Рагоци и Хмельницким заключен был договор, по которому Украйна признавалась навсегда отдельною от Польши. Великая Польша, Данциг и Приморье отходили к Швеции, Малая Польша, Литва, Мазовия и Русь Галицкая доставались Рагоци; отряд козацкого войска отправился к последнему, чтоб действовать вместе против поляков.

Как же Хмельницкий оправдывал свой поступок пред царем московским? В феврале 1657 года он писал, что приезжал к нему каштелян волынский, Станислав Беневский, с предложением передаться на сторону Яна Казимира, но что он, гетман, никак на это не решится; этот Беневский сказывал ему, что статьи виленской комиссии никогда не состоятся; приходил к нему, гетману, и писал от цесаря бискуп Марцианополитанский также с убеждением перейти на сторону короля польского. «Вследствие таких хитростей и неправд, — писал Хмельницкий, — пустили мы против ляхов часть Войска Запорожского». Понятно, что в глазах царя это письмо нисколько не оправдывало своеволия и явного нарушения статьи, определявшей поведение гетмана относительно послов иностранных, а тут еще вести из Крыма: «Сказывал московским посланникам переводчик: как он был у ближнего ханского человека Сефергазы-аги, то при нем были посланники от Богдана Хмельницкого пять человек и говорили, чтоб хан по-прежнему стоял за черкас и оберегал их. Ближний человек заметил, что гетман учинился в холопстве у государя московского: тогда черкасские посланцы отвечали ему: «Как гетман бил челом в подданстве московскому царю, с тех пор от великого государя никакой нам помощи, заступленья и обереганья нет».

23 апреля Хмельницкий писал государю с посланцем Коробкою: «Турецкий султан сбирается на Украйну в союзе с королем польским и императором Фердинандом; хан крымский также готов со всеми ордами, только не знаем, где хочет ударить. Все это делается по научению ляцкому, потому что ляхи искони извыкли прелестями своими разные монархии губить: так православных российских князей прельстили и седалища их пресветлые ни во что обратили; а теперь ни о чем больше не промышляют, как только о том, чтоб разорить православие, что не раз и ваше царское величество узнал. Теперь ляхи, видя свою свыше от бога назначенную погибель, вашему царскому величеству покоряются, а в сердцах у них яд змеиной ярости кипит. Покоряются вашему царскому величеству, а сами к султану турецкому послов

отправляют, просят, чтоб помогал им христиан воевать, и за эту помощь все вашего царского величества украинские города обещают, от Каменца Подольского начиная. Узнавши об этом от владетеля молдавского, извещаем тебе и молим твое царское величество, не верь отступникам ляхам. И то тебе, великому государю, извещаю, что, будучи недосужным, за изволением всех полковников, поручил я гетманство сыну своему Юрию Хмельницкому, о котором низко челом бью, молю, чтоб твое царское величество милостив к нему был».

Посланец Коробка говорил в приказе, что Богдан за старостию и болезнию гетманство сдал сыну своему — Юрию, за радою полковников и всего войска; Юрию Хмельницкому 16 лет; булаву гетманскую ему дали, только власти никакой не будет иметь при жизни отцовской, владеть всем и гетманом называться и писаться будет отец его, Богдан Хмельницкий. Гетман и войско, все от мала до велика, желают того, чтоб изволил приехать в Киев великий государь, святейший Никон патриарх, и там бы митрополита на митрополию, а гетманского сына на гетманство благословил. Царь отвечал Хмельницкому, чтоб он старался не перепускать турок через Днестр; относительно Юрия писал: «Вам бы, гетману, сыну своему Юрию приказать, чтоб он нам, великому государю, служил верою и правдою, как вы, гетман, служили; а мы, увидя его верную службу и в целости сохраненную присягу, станем держать его в милостивом жалованье».

Хотя Хмельницкий и писал, что передал гетманство сыну по изволению всех полковников, однако не все полковники изволили на это. Богдан сведал, что миргородский полковник Грицка Лесницкий прочит гетманство Выговскому. Старик велел призвать их обоих к себе. Лесницкого хотел казнить смертью, а Выговского велел перед собою расковать по рукам лицом к земле и держал его в таком положении мало не целый день, «пока у Богдана сердце ушло»; писарь лежал на земле, все плакал, и гетман наконец простил его.

19 апреля отправился к Хмельницкому окольничий Федор Васильевич Бутурлин да дьяк Василий Михайлов. 23 мая приехали они в Гоголево, где были встречены стариком Астафьем Выговским и священниками с образами и хоругвями; Выговский просил послов проводить честные иконы до церкви, а из церкви позвал их к себе обедать. За обедом Бутурлин начал расспрашивать старика о делах малороссийских, и Астафий, выславши всех людей вон, начал говорить: «В прошлом году, когда царские послы, князь Одоевский с товарищами, заключили с поляками мирный договор, то по указу царского величества, отправлены были туда, в Вильну, и посланцы от гетмана Богдана Хмельницкого и всего Войска Запорожского. Когда эти посланцы приехали назад, то, ухватя гетмана за ноги и облившись слезами, завопили:

«Сгинуло Войско Запорожское в Малой России, нет ему помощи ниоткуда, некуда ему деться! На каких мерах у царских послов с польскими комиссарами учинился договор про то нам отнюдь ничего неведомо: царские послы не только с нами ни о чем не советовались, не только в посольский шатер не пускали, но и до шатерных пол далеко не допускали, словно псов в церковь; а ляхи нам сказывали, что царские послы постановили договор по поляновским статьям, и Войску Запорожскому со всею Малороссиею быть в королевской стороне по-прежнему, и если козаки в послушании у ляхов не будут, то царское величество станет ляхам на козаков помогать». Выслушав эти вести, полковники начали быть в великом сомнении, какими это мерами так над ними учинилось? А гетман Хмельницкий, как шальной, в исступлении ума завопил: «Дети, не горюйте, я уже знаю, как сделать; надобно отступить от царской руки, а пойдем, где великий владыка повелит быть, не под христианским государем, так под бусурманом». И велел посылать по всем полковникам, звать на раду. Тут сын мой, писарь Иван, ухватясь за ноги гетмана, стал говорить ему наедине: «Гетман, надобно это дело делать без запальчивости, разузнать, как что сделано, послать к царскому величеству и проведать подлинно, за какие наши вины так сделано? А присяга дело великое, нарушить ее нельзя, за это сам высший творец будет мстителем». И к полковникам, которые в то время были при гетмане, сын мой забегал и говорил с плачем, чтоб не отлучаться от высокой руки царского величества и не слыть по всему свету изменниками. Гетман сына моего не послушал, прямо отказал, что никак нельзя остаться под царскою рукою за такое государево немилосердие. Дети мои, Иван и Данило, уговаривали полковников, чтоб не делать этого, собрали раду, и на раде полковники гетману отказали впрямь, что они от государя не отступят и по всему свету изменниками слыть не хотят: нестаточное дело, говорили они, чтоб царское величество, показав свое милосердие надо всеми нами, высвободя нас от неприятельских рук, отдал бы опять врагам христианским. И едва гетмана уговорили. А Богдан Хмельницкий сильно ошалел, и в болезни на всякого сердится: лучше умереть или побежать куда, чтоб только его не видать. Сын мой, писарь Иван, говорил мне, что «на гетманово злодейство и неправду никакими мерами угодить нельзя: если б не ты да не матка, то я бы давно от горести сердечной побежал к царскому величеству или в иные государства; и для верной услуги царскому величеству теперь сын мой, Иван, женился на шляхтянке благочестивой христианской веры, на дочери Богдана Станеевича, у которого маетности в Оршанском повете, на своих землях они и Кутеинский монастырь построили, а другой мой сын, Констан-

тин, женился на дочери Ивана Мещерского, и хотят бить челом великому государю, чтоб велел маетности их дать им, так же как царская милость была и к иным шляхтичам».

3 июня, не доезжая до Чигирина верст за десять, Бутурлин был встречен миргородским полковником Григорием Лесницким, который объявил о себе, что он сделан наказным гетманом над всем Войском Запорожским, чтоб идти против крымского хана; стоит он в десяти верстах от Чигирина и сбирается с войском, а крымский хан со всеми ордами переправился за Днепр под Очаковом и стоит в недальних местах. «Теперь, — говорил Лесницкий, — слух до нас доходит, что его царское величество, неизвестно по каким нашим винам, гнев свой на нас положил и хочет послать на нас ратных воинских людей; однако мы жен своих и детей оставим без всякого опасенья, хотя и постигнет нас меч его царского величества; мы подложим головы свои под меч этот безо всякого сопротивления: буди во всем воля великого государя нашего».

Бутурлин отвечал: «Это вам кто-нибудь наговорил воровски, на ссору: великий государь держит вас в своей милости и жалованье, и вам бы ему служить, а воровским речам, смутным речам не верить, а служба ваша у великого государя забвенна не будет».

Верст за пять от Чигирина встретили Бутурлина сын Хмельницкого Юрий, писарь Выговский, есаул Иван Ковалевский, с ними козаков конных человек с двести; Юрий сказал Бутурлину: «Не прогневайтесь, что отец мой сам не выехал к вам навстречу: он очень болен». На другой день Бутурлин был у гетмана, которого нашел в постели. По причине болезни Богдан отказался слушать речи посольские о великих государевых делах, отложил до другого раза; Бутурлин за это отказался было обедать у него, но потом согласился, когда гетман объявил, что он почтет это за знак государевой немилости к нему. За стол сели и потчивали послов гетманова жена Анна и дочь Катерина, жена Данила Выговского, писарь Иван Выговский и есаул Иван Ковалевский, а сам гетман за столом сидеть не смог, лежал на постели. В половине стола Богдан велел налить себе кубок венгерского, встал и, поддерживаемый слугами, пил за здоровье государя, царского семейства, за патриарха Никона, милостивого заступника и ходатая.

На другой день Бутурлин расспрашивал писаря Выговского о вестях; тот, взирая на образ спасов, перекрестя лице свое, с великими клятвами говорил, что Хмельницкий и он, писарь, и все Войско Запорожское великому государю во всем истинные слуги и подданные без всякой шатости; с шведским королем, с Рагоци, с молдаванами и волохами гетман соединился не для чего иного, только на славу, честь

и хвалу великому государю. Великий государь с поляками договор велел учинить по поляновским статьям, Войску Запорожскому быть по-прежнему в Короне Польской; гетман и все Войско Запорожское о том опечалились, а поляки обрадовались покою, начали злохитрствовать, забегать во многие государства, чтоб они вместе с ними Войско Запорожское и православных христиан воевали. Тогда гетман послал к венгерскому, молдавскому и волошскому владетелям о дружбе; те обрадовались и присягнули в вечной дружбе. Это сделано великому государю на вечную славу, что такие честные владетели царского величества подданным учинились в дружбе и братстве и на недругов великого государя в соединении; а полковник Антон Жданович ходил на поляков не для того, чтоб Рагоци быть на Короне Польской, а только для того, чтоб поляки с окрестными государями дружбою не сносились и подданных царского величества не разоряли. Бутурлин отвечал: «Нам в великое подивленье, какими мерами то чинится, что у гетмана и Войска Запорожского с неприятелем царского величества, шведским королем, ссылка и соединение, и всякое доброхотство от великого государя переносится на шведского короля да на Рагоци венгерского, и Войско Запорожское всякое вспоможенье чинит неприятелям царского величества без воли и повеленья великого государя. Делаете вы это, забыв страх божий и свое обещание, данное пред св. Евангелием; Корону Польскую, на которую избрали великого государя нашего, разоряете, крови христианские проливаете, православным церквам божиим и православным христианам, живущим в Польше, от кальвинов разорение и осквернение чинится многое, так что и слышать страшно: блюдитесь, чтоб вам за такие неправды не навести на себя гнева божия!»

Наконец Богдан прислал звать к себе Бутурлина на личное свидание. Посол повторил и ему те же самые слова, какие говорил Выговскому. Богдан вспыхнул: «От шведского короля, — сказал он, — я никогда отлучен не буду, потому что у нас дружба давняя, больше шести лет; шведы люди правдивые, всякую дружбу и приязнь додерживают, слово свое держат; а царское величество надо мною и надо всем войском учинил было немилосердие свое: помирясь с поляками, хотел было нас отдать им в руки; а теперь слух до нас доходит, что государь изволил послать из Вильны против нас, шведов и венгров, ляхам на помощь 20 000 ратных людей; а мы, когда еще и не были у царского величества в подданстве, великому государю служили, крымского хана воевать московские украйны не пускали девять лет, и теперь мы от царской высокой руки неотступны и идем воевать с неприятелями царского величества, хотя бы мне от нынешней моей болезни и смерть приключилась, для того ве-

зем с собою и гроб. Вере христианской никогда я разорителем не буду: были с нами в союзе и бусурманы, крымские татары, и те меня слушали, бились за церкви божии и за веру православную. Великому государю во всем воля; только мне диво, что бояре ему ничего доброго не посоветуют: Короною Польскою еще не овладели и мира в совершенье еще не привели, а уже с другим государством, со шведами, войну начали, а шведский король силен, у него в союзе шестнадцать земель; и если бы я не соединился со шведами, венграми, молдаванами и волохами, то соединились бы с ними поляки, и нас всех в Малой России вырубили бы и выжгли, царского величества рати к нам на помощь не подоспели, мы бы все сгинули, а потом и Российскому государству было бы нерадостно ж».

Бутурлин отвечал: «Гетман! Стыдно тебе говорить такие непристойные слова! Надобно бы тебе помнить бога и присягу свою, как обещался великому государю служить и прямить, и всякого добра хотеть; надобно было тебе помнить царского величества милость и от неприятелей оборону; а теперь за помощию Войска Запорожского шведский король и Рагоци побрали в Польше много городов и великое, неизреченное богатство пограбили; блюдитесь, чтоб вам за ваши неправды не навести на себя гнева божия! Когда победою царского величества поляки учинились бессильны, то на разоренье и на грабеж много у вас друзей стало; а как неприятели ваши, польские и литовские люди, вам были страшны и сильны, то освободиться от них никто вам не помог, только один великий государь наш. Когда вам от неприятелей было тесно, то ты, гетман, с послами великого государя говаривал поласковее, а теперь ты говоришь с большими пыхами, неведомо по какой мере. Тебе самому памятно, как приходил я со многими ратными людьми тебе на помощь против поляков и крымских татар: в то время ты был очень низок и к нам держал любовь большую; носи платье разноцветное, а слово держи одинакое. Неправды шведского короля не только великому государю нельзя было терпеть, но и ты бы не стерпел; а служба твоя великому государю известна и никогда у него забвенна не будет; теперь великий государь тебя держит в милости и великой чести, и вперед на царскую милость будь надежен, а непристойные и высокие меры от себя отложи. У великого государя и в мысли того не было, чтоб отдать вас польскому королю, да и то дело несхожее, что государь послал на вас из Вильны 20 000 ратных людей: это кто-нибудь сказал на ссору, так тебе бы этому не верить; царское величество вас всех, православных христиан единоверных, держит в своей милости».

Резкая правда в начале речи и мягкий конец произвели свое действие; старик приутих и отвечал: «Я верный поддан-

ный царского величества и никогда от его высокой руки не отлучусь; царского величества милость и оборона нам памятны, и за то готовы мы также царскому величеству служить и голов своих не щадить. Только теперь дайте мне покой; подумавши обо всем, вам ответ учиним в другое время потому: я страдаю от тяжкой болезни, не могу говорить». Постлали скатерть на стол, и больной попросил Бутурлина по-приятельски отобедать у него чем бог послал; жена и дочь его по-прежнему потчевали.

На другой день, 10 июня, пришел к Бутурлину писарь Выговский и сказал: «Гетман велел вам сказать добрый день и о вашем здоровье спросить, на вчерашнее же не сердитесь, потому что гетман очень болен, простите, что в тяжкой своей болезни запальчиво говорил: в болезни своей теперь на всех сердится, уже нрав такой, нас всех бранит, подойти нельзя! Гетман велел спросить: донес ли царскому величеству стольник Кикин о желании гетманском написать к шведскому королю о его неправдах?» Бутурлин отвечал, что Кикин донес об этом: пусть гетман пишет к королю и пусть тот исправится пред государем. «Но, — прибавил посол, — перехвачена литовскими людьми грамота гетманская к шведскому королю, в которой Хмельницкий пишет, подкрепляя договор свой с королем и ожидая от него великих послов». Выговский отвечал: «Шведские послы должны быть сюда скоро; но в грамоте не написано, что гетман подкрепляет договор свой, гетман писал только о дружбе, приязни и любви». Бутурлин сказал на это: «Писарь Иван Выговский! Помни к себе милость и жалованье великого государя, служи и работай ему истинным сердцем, правою душою, безо всякой хитрости и обману, а у царского величества твоя служба и работа незабвенна!» Выговский по обычаю своему клялся страшными клятвами, что служит великому государю всею душою, гетмана и полковников укрепляет и от всякой шатости отводит, и в знак прямой службы и верного подданства женился на православной, и хочет просить, чтоб тестевы имения в Оршанском повете перешли к нему и жене его, а он великому государю верный подданный до конца жизни

12 июня приехали к гетману шведские и венгерские послы; Бутурлин послал за Выговским и спросил его: зачем приехали послы? Писарь отвечал, что Карл X прислал о дружбе и любви с гетманом и со всем Войском Запорожским. 13 числа гетман прислал звать к себе царских посланных на разговор и встретил их такою речью: «Уверяю, что ни я, ни кто другой из живущих в Малой России от высокой руки царского величества не отступен; просим вас донести до царского величества наше моление и просьбу, чтоб великий государь не верил обличениям на нас, а что мы прибрали к себе в товарищество шведа и Рагоци, не обославшись с

великим государем, то это сделали мы из страха, потому что ляхи задают фантазии великие, под клятвою утверждают, что царское величество нас отдал им, да и для того, чтоб ляхи не соединились со шведом и Рагоци. Думаем, что швед мирному договору будет рад, а если мириться не захочет, то в то время на шведского короля иной способ учиним; а теперь бы начатое дело с ляхами к концу привесть, чтоб всеми великими потугами с обеих сторон, и с царского величества, и с шведской, ляхов бить, до конца искоренить и с другими государствами соединиться не дать; а мы знаем наверное, что словом ляхи великого государя на корону избирали, а делом никак то не сталось, как видно из грамоты их к султану, которую я отослал к царскому величеству».

Бутурлин, ничего не отвечая на это, начал свои речи. «В прошлом, 1655 году ходили вы на ляхов вместе с боярином Васильем Васильевичем Бутурлиным, пришли под первый город Гусятин, боярского полка люди начали к нему приступать и на город взошли, а ты, гетман, велел их от города отбивать и на том отбое многих людей посекли, а по тем людям, которые взошли было на город, из пушек стреляли. Боярин послал к тебе дворян спросить, что это значит? Ты отвечал, что гусятинцы прислали к тебе бить челом, что сдадутся. Когда подо Львов подошли государевы ратные люди и хотели над ним чинить промысл, то ты, гетман, промысла никакого чинить не дал, а взял с города пятьдесят тысяч золотых червонных; а как посылали под Люблин Данила Выговского да Петра Потемкина, то в Люблине взяты взятьем только посады, а зáмочек сдался, и в зáмочке этом тамошним людям тесноты никакой не чинили же и людей не выводили. А теперь, которая шляхта великому государю присягнула и на маетности свои получила жалованные грамоты, чтоб жить безопасно, то черкасы Нечаева полка разоряют ее, из маетностей выгоняют, иных побивают, крестьян от пашни отлучили и произвели такой голод, какого давно не слыхано, не только что мертвечину и всякую нечистоту, но и человеческое мясо едят: и, на то смотря, другим полякам в Литве под царскую руку поддаваться опасно. Когда полномочные царские послы говорили с польскими комиссарами в Вильне об избрании царского величества на Корону Польскую и польские комиссары соглашались, лишь бы только права и вольности их не были нарушены и маетностей не отнимали, в то время ты, гетман, во всем полагался на государское изволение, а теперь говорил стольнику Кикину и дьяку Фомину, что если царское величество с польским королем и помирится, то ты с поляками никогда в согласии не будешь, либо их разоришь, либо сам пропадешь. Таким образом, в словах твоих нет постоянства: сперва ты под Гусяти-

ном говорил: хотя бы поддавались не только поляки, но и татары и жиды, и тех для чего не принять? Теснить их ни в чем не годится; а теперь поляки сами желают быть под царскою рукою, и тебе какое приобретение, если от вашего гонения и тесноты они поддадутся шведскому королю или Рагоци?»

Гетман отвечал: «Правда, что под Гусятином города добывать мы не давали, не потому, что ляхов берегли, а потому, что в тех городах много православных христиан, а мыслили мы начальное и главное дело: войска кварцяные и гетманов побивши, идти далее, в Польшу, и там добывать коронных городов, в которых ляхи живут. Но этому нашему замыслу послушными быть не захотели, пошли за грабежом и гонялись за корыстью. А со Львова хотя что и взято, и то роздано ратным бедным людям. Мы знаем, кто сами себе честь получили больше того, но мы их перед царским величеством не выдаем, чтоб царское величество над нами милость показал, тем, которые доносят на нас невинно, верить не велел; а я хотя бы и шальной был, то не мог бы велеть побивать из пушек царских людей, единоверных православных христиан. К Ивану Нечаю послал я нарочно листы, чтоб шляхте кривд никаких не чинили».

Бутурлин продолжал: «В дороге мы слышали от всяких людей, что была у тебя рада, и на той раде сдал ты гетманство сыну своему Юрию: и тебе бы велеть сыну своему в церкви божией, пред святым Евангелием, при нас присягнуть на подданство великому государю, государыне и царевичу Алексею Алексеевичу». Гетман отвечал: «Видите сами, что я сильно болен и в старости, и я поговорил с полковниками, чтоб попомнили свою службу, промысл и раденье, по смерти моей выбрали на запорожское гетманство сына моего Юрия; а ныне, пока жив буду, гетманство и всякое старшинство держу при себе, а когда по моей смерти сделается гетманом сын мой Юрий, то он царскому величеству присягу учинит».

Следовала статья потруднее: «По указу великого государя, — говорил Бутурлин, — велено в Киеве стрельцам жить с женами и детьми и дать им под дворы места и под пашни земли, чтоб стрельцы в Киеве от неприятельских безвестных приходов всегда были готовы; но в Киеве полковник и войт без твоего гетманского письма под стрелецкие дворы мест не дают, и стрельцы с женами и детьми живут по шалашам, и вы сами городу от неприятелей разоренье навести хотите, потому что стрельцы в Киеве без дворов жить не станут и побредут врознь, и если без ратных осадных людей что над Киевом учинится, и то будет от вас: так ты бы отписал в Киев поскорее, что места и земли велел отвести». Гетман

отвечал: «В Киеве я давно не бывал; у кого и под городом отняты земли, от тех до сих пор хлопоты и плач великий, на чужих землях трудно поселить, это значит право нарушить». Тут писарь Выговский и есаул Ковалевский стали кричать: «Как это можно отнимать собственные стародавние места, которые даны церкви прежними князьями русскими и королями польскими, также собственные дома и земли козацкие и мещанские отнять и отдать стрельцам! Этим наведем на себя лютую беду! Ляхи у гетмана отняли стародавную маетность Субботову, и за эту кривду до сих пор кровь льется; в Киеве можно пробыть и без московских стрельцов, такими малыми людьми от неприятеля не оборониться». И отказали впрямь. Бутурлин возражал: «Отговариваетесь мимо всякой правды не делом; можно дать стрельцам земли митрополичьи, монастырские, козацкие, мещанские, а старым владельцам дать взамен земли где-нибудь в другом месте, хотя бы и больше прежнего. Пристойное ли вы дело говорите, что стрельцам и солдатам в Киеве не быть; где по указу царского величества честные люди бывают в городах воеводами, и для их чести и для обороны, и для неприятельских безвестных приходов живут конные и пешие рати многие. Ты, гетман, сам пишешь к государю, что турки и татары идут на Малороссию, а в Киеве осадные люди только одни мещане, и тех немного, для своих торговых промыслов в беспрестанных разъездах. Царские стрельцы и солдаты приехали в Киев другой год и до сих пор не имеют, где головы приклонить, скитаются с женами и малыми детьми между дворов, и мороз, и дождь, и слякоть, и солнечный жар терпят, и многие помирают. Вам, писарю и есаулу, приставать к гетмановым словам непригоже и говорить шумно не годится: это обычай негодных людей. В домах своих вы не только челядникам своим покой строите, но и псам конуры и лошадям конюшни, и скотине хлевы; а царского величества ратные люди не имеют, где головы приклонить. Как вы бога не боитесь и стыда не имеете: это ли братская любовь?» Гетман отвечал: «Подумавши, как это сделать, дам вам знать».

У Бутурлина была еще статья: «Царскому величеству ведомо учинилось: говоришь ты, гетман, что царское величество к тебе и ко всему Войску Запорожскому милостив, а бояре вас ненавидят и службы прямые ваши до государя не доносят; это тебе про бояр кто-нибудь сказывал на ссору, ложно; боярам тебя ненавидеть не за что, а служба твоя великому государю и боярам его вся известна, и ничто от великого государя не утаено: и тебе бы таким смутным воровским речам не верить».

На другой день, 14 июня, пришел к Бутурлину Выговский и объявил, что в Киев уже отправлен Иван Волович

для приискания места стрельцам. Бутурлин выговорил Выговскому за его вчерашние *шумные и развратные* речи, но Выговский отвечал: «Говорил я так по гетманову приказу. а всех пуще в том деле помешку чинит есаул Иван Ковалевский: со мною перед гетманом сильно спорит; хотя бы ему какой-нибудь подарок дать, чтоб он в этом деле не мешал».

Это были последние переговоры с Богданом: 27 июля знаменитого гетмана уже не было в живых[98].

ПРИМЕЧАНИЯ к 10 тому

[1] O jedności Kościoła Bożego, i o Greckim od tey iedności odstapeniu, z przestroga y upominanim do narodów ruskich, pr. Piotrą Skarge 1577 [1].

[2] O rzadzie y iedności Kościoła Bożego [2].

[3] Сборник синодал. библиотеки, № 790 [3].

[4] Там же [3].

[5] Рукоп. Импер. библиот., отд. I, № 243 [4].

[6] Сборник синод. библиот., № 790 [5]; рукоп. Имп. публ. библ. польск отд., in fol. 223.

[6a] Рукоп. библ. главн. штаба. № 26902.

[7] Москов. арх. мин. иностр. дел., дела малорос. год 1620 [6].

[8] Там же, год 1625, рассказ запорожских посланцев [7].

[9] Там же, рассказ попа Филиппа, приехавшего в Путивль в декабре 1625 г. [8]; польск. рукоп. Имп. публ. библ., № 96.

[10] Арх. мин. ин. д., дела малорос. 1625 [9] и дела турецкие 1637 г. [10]

[11] Там же, дела греческие 1626 г., вести в Москву из малорос. монастырей [11].

---

[1] *Piotr Skarga*, O jedności kościoła bożego pod jednym pasterzem y o Greckiem od tey jedności odstąpieniu z przestroga y upominanim do narodów ruskich, Wilno, 1577. См. также Русская историческая библиотека (далее — РИБ), т. VII, 1882, стб. 225—526.

[2] *Piotr Skarga*, O rządzie y jedności kościoła bożego pod jednym pasterzem y o Greckiem y Ruskim od tej jedności odstąpieniu, Kraków, 1590. См. также РИБ, т. VII, стб. 527—580.

[3] Государственный исторический музей (далее — ГИМ), Синодальное собрание, № 790. См. также *П. А. Кулиш*, Материалы для воссоединения Руси, т. I, М., 1877, стр. 45—89.

[4] Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ГПБ), отдел рукописей, собрание Толстого, отд. II, Q 1, № 243, л. 49 об. — 53, 60—65, 81 об. — 82. См. также *Иван Вишенский*, Сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина, М. — Л., 1955.

[5] ГИМ, Синодальное собрание, № 790. См. также *П. А. Кулиш*, Материалы.., т. I, стр. 64—65.

[6] Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 124, Малороссийские дела, 1620 г., д. 1, л. 1—9, 12—15. См. также «Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы», т. I, М., 1953, № 1, 3, 7; *П. А. Кулиш*, Материалы.., т. I, стр. 93—98; «Історія України в документах і матеріалах», т. III, Киев, 1941, № 47, стор. 60.

[7] ЦГАДА, ф. 124, Малороссийские дела, 1625 г., д. 1, л. 1—4.

[8] Там же, д. 2, л. 42—49, 162—175, 205—206, 246—252. См. также «Воссоединение...», т. I, № 31; *П. А. Кулиш*, Материалы.., т. I, стр. 181—185, 226—231, 243—244, 258—260, 268—271.

[9] ЦГАДА, ф. 124, Малороссийские дела, 1625 г., д. 2, л. 2—9, 25—34, 37—97. 101—181, 188—191, 196—206, 210—330. См. также «Воссоединение...», т. I, № 24, 31; *П. А. Кулиш*, Материалы.., т. I, стр. 157—286.

[10] ЦГАДА, ф. 89, Сношения России с Турцией, 1637 г., д. 1, л. 362.

[11] ЦГАДА, ф. 52, Сношения России с Грецией, 1626 г., д. 1—26.

[12] Там же, дела малорос., вести от марта 1627 г. [1]
[13] См. Историю России, т. IX, стр. 183 [2].
[14] Рукопись Имп. публ. библ., польск. отд., № 94.
[15] Москов. арх. мин. иностр. дел, дела польские, связка 49 [3].
[16] Там же, дела греческие означ. года [4].
[17] Кроме означенных выше неизданных источников, при обработке этой главы автор пользовался следующими изданными сборниками актов и сочинениями: акты, относящ. к ист. Западной России, т. IV [5]; Supplement. ad histor. Russ. monum. [6]; Памятники, изд. временною Киевскою комиссиею [7]; Архив Юго-Западной России, изд. тою же комиссиею [8]; Собрание древн. грам. и акт. городов Вильны, Ковно и проч. [9]; Густинская летопись (полн. собр. русск. летоп. т. II) [10]; Летопись Львовского братства (журн. мин. нар. просв., 1849 г.) [11]; акты Южной и Западной России [12]; Зубрицкого — начало унии (Чтения Москов. ист. общ.) [13]; Бантыш-Каменского — историческое известие о возникшей в Польше унии [14]; Łukaszewicza — Dzieje Kościołów wyznania Helweckiego w Litwie [15], его же: Historya Szkol w Koronie i w W. K. Litewskim [16]; митр. Евгения — Описание Киево-Софийского собора [17]; Макария — *История Киевской Академии* [18]; акт о комиссии на Медвежьих Лозах (в приложениях к Истор. Малорос. Маркевича) [19]; *Летопись Самовидца* (в Чтениях Москов. истор. общ.) [20]; *Белозерского* — Южнорусские летописи [21]; Pamiętniki do panowania Zigmunta III, Władisława IV i I. Kazimierza [22]; Sękowskiego — Collectanea [23]; Okolskiego — Continuatio diariusza [24].

---

[1] ЦГАДА, ф. 124, Малороссийские дела, 1627 г., д. 1, л. 6—7.
[2] См. том 9 настоящего издания, стр. 136—137.
[3] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1644 г., д. 3; 1648 г., д. 4—15.
[4] Ссылка неверна. См. ЦГАДА, ф. 124, Малороссийские дела, 1638 г., д. 1. См. также «Воссоединение...», т. I, № 137; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — Акты ЮЗР), т. III, СПб., 1861, стр. 6—8.
[5] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — АЗР), т. IV, СПб., 1851.
[6] Supplementum ad Historica Russiae Monumenta... Дополнения к актам историческим, относящимся к России, собраны в иностранных архивах и библиотеках и изданы Археографическою комиссиею, СПб., 1848.
[7] Памятники, изданные временною комиссиею для разбора древних актов, т. I, Киев, 1845; см. также изд. 2, Киев, 1898.
[8] Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов, ч. 1, т. I, Киев, 1859.
[9] Собрание древних грамот и актов городов Вильны, Ковна, Трок, православных монастырей, церквей и по разным предметам, ч. 1—2, Вильно, 1843.
[10] Полное собрание русских летописей, т. II, СПб., 1843, стр. 233—373.
[11] Летопись Львовского ставропигального братства, по древним документам составленная Д. Зубрицким. «Журнал Министерства народного просвещения», ч. LXII, апрель, май, июнь 1849 г.; ч. LXVI, май, июнь, ч. LXVII, июль 1850 г.
[12] Акты ЮЗР, т. I, СПб., 1863; т. II, СПб., 1865; т. III, СПб., 1861.
[13] *Д. И. Зубрицкий*, Начало унии. «Чтения в Обществе истории и древностей российских» (далее — Чтения ОИДР), кн. 7, отд. III, М., 1848, стр. 1—36.
[14] *Н. Бантыш-Каменский*, Историческое известие о возникшей в Польше унии.., М., 1805.
[15] *S. Lukaszewicz*, Dzieje kościołów wyznania Helweckiego w dawnej małej Polsce, Poznań, 1853.
[16] *S. Lukaszewicz*, Historya szkol w Koronie i w wielkiem księstwie Litewskiem od najdawniejszych czasów aż do roku 1794, t. I — IV, Poznań, 1851.
[17] [*Евгений Болховитинов*], Описание Киево-Софийского собора и киевской иерархии.., Киев, 1825.
[18] *М. Булгаков*, История Киевской академии, СПб., 1843.
[19] *Н. Маркевич*, История Малороссии, т. III, М., 1842, стр. 21—30.
[20] Летопись самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и междоусобиях, бывших в Малой России по его смерти. Чтения ОИДР, кн. 1, отд. II, М., 1846, стр. 1—72; кн. 2, отд. II, стр. 73—152. См. также «Летопись самовидца о войнах Богдана Хмельницкого», М., 1846; «Летопись самовидца о войнах Богдана Хмельницкого по новооткрытым спискам», Киев, 1878.
[21] *Н. Белозерский*, Южнорусские летописи, т. I, Киев, 1856.
[22] *K. Wł. Woycicki*, Pamiętniki do panowania Zigmunta III, Władysława IY i Iana Kazimierza, t. I — II, Warszawa, 1846.
[23] *I. I. S. Sękowski*, Collectanea z Dziejopisów tureckich rzeczy do Historyi Polskiey służących, t. I — II, Warszawa, 1824—1825.
[24] *Symon Okolski*, Kontinuacya diaryusza woiennego, panów, hetmanów koronnych.., Kraków, 1639.

[18] Северный Архив 1822 года: письмо одного шведа из Москвы в 1647 году[1]. Здесь подле Морозова и Чистого упоминается еще князь Трубецкой — Роман Никитич. Должно быть Алексей Никитич.

[19] Главный Московск. арх. мин. иностр. дел, дела датские 1645 года [2].

[20] Там же, дела польские означенного года [3].

[21] Там же, приказные дела 1646 года, № 77 [4].

[22] Там же, дела турецкие 1645—48 года [5]. Кузовлев был отпущен из Константинополя в декабре 1648 года [6].

[23] Дворцовые разряды, т. III [7]; Моск. гл. арх. мин. ин. дел, дела донские 1646 года, св 3 [8]

[24] Там же, дела польские 1646 и следующих годов [9].

[25] Акты арх. эксп. т. IV, № 13 [10].

[26] Там же, № 6, 14, 21, 24 [11].

[27] Собр. госуд. грам. и догов. III, № 124 [12].

[28] Письма Фербера — Северный Архив 1822 года [13]; Котошихина Россия в царств. Алекс. Мих., стр. 5 [14]; Коллинс (в Чтениях Московск. ист. общ.) [15]; Собр. госуд. грам. и догов. III, № 155 [16]; Акты историч. IV, № 59 [17]; Акты арх. эксп. IV, № 18 [18].

[29] Дворцовые разряды, т. III, стр. 93 [19]; Олеарий [20]; Акты арх. эксп. IV, № 29 [21]; Mayerberg — Iter, p. 61 [22].

---

[1] Письма одного шведа из Москвы в 1647 году писанные. «Северный Архив» № 2, январь, 1822, стр. 152—153

[2] ЦГАДА, ф. 53, Сношения России с Данией, 1645 г., кн. 9, л. 9 — 125.

[3] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1645 г., д. 3—5, кн. 68. См. также Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее — СГГД), ч. 3, М., 1822, № 117, 119, 120, стр. 406—408, 411—413.

[4] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/2, 1646 г., д. 77, л. 1—2.

[5] ЦГАДА, ф. 89, Сношения России с Турцией, 1645 г., д. 2, л. 55—59, 210—221, 223—224, 228, 236—239, 259, 267—269; д. 3, ч 1, л. 58—61, 196—207, 209—210, 217—220, ч. 2, л. 12, 18—19, д. 4, л. 229, 246, 259, 263—264, 277—280, 326; 1646 г., д. 2, л 100—106, 108—114; 1647 г., д. 1, л. 12—23, 26—34.

[6] ЦГАДА, ф. 89, Сношения России с Турцией, 1645—1649 гг., д. 3, ч. 2, л. 182 и след.

[7] Дворцовые разряды, т. III, СПб., 1852, стб. 26, 32.

[8] ЦГАДА, ф. 111, Донские дела, 1646 г., д. 1, 7, л 23—34. См. также «Воссоединение...», т. 1, № 253, 254, 256, 261; РИБ, т. 24, СПб., 1906, стб. 794—795, 854—856, 868—869, 927—928.

[9] ЦГАДА, ф 79, Сношения России с Польшей, 1646 г., д. 2—5, 6а, 6б; 1647 г., д. 2, 2а, 3, 3а, 4, кн. 69—72.

[10] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею Академии наук (далее — ААЭ), т. IV, СПб., 1836, № 13, стр. 14—23.

[11] Там же, № 6, стр. 6—8, № 14, стр. 23—28, № 21, стр. 33—35, № 24, стр. 37—38.

[12] СГГД, ч. 3, № 124, стр. 422—425.

[13] Письма одного шведа из Москвы в 1647 году писанные. «Северный архив» № 2, январь, 1822, стр. 152—153.

[14] *Г. Котошихин*, О России в царствование Алексея Михайловича, СПб., 1840, стр. 4—5; см. также изд. 2, СПб., 1859, стр. 4—5.

[15] *С. Коллинс*, Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Чтения ОИДР. кн. 1, 1846, стр. III — VIII, 1—47.

[16] СГГД, ч. 3, № 155, стр. 479—480.

[17] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. IV, СПб., 1842, № 59, стр. 165.

[18] ААЭ, т. IV, № 18, стр. 31.

[19] Дворцовые разряды, т. III, стб. 93—94.

[20] *Адам Олеарий*, О состоянии России в царствование Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, [СПб. 1861]. См. *его же*, Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, М., 1870, гл. XVI, кн III, стр. 267—279; см *его же*, Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно, СПб., 1906.

[21] ААЭ, т. IV, № 29, стр. 42.

[22] *Augustin Mayerberg*. Iter in Moschoviam Augustini liberi baronis de Mayerberg camerae imperialis aulicae consiliarii, et Horatii Gulielmi Caluucii, equitis, ac in regimine interioris austriae consilierii, ab Augustissimo Romanorum imperatore Leopoldo, ad tzarem et magnum ducem Alexium Michalowicz, anno et MDCLXI ablegatorum, б. м. и г. См. также *А. Майерберг*, Барон Майерберг и его путешествие по России, СПб., 1827; см. также изд. 2, СПб., 1903. *Его же*, Путешествие в Московию к царю Алексею Михайловичу в 1661 году, М., 1874.

[30] Житие Никона — Шушерина, по рукописи Москов. историч. общества [1]. О родине патриарха Никона — Москвитянин 1844, № 19 [2].

[31] Собр. госуд. гр. и догов. III, № 129 [3].

[32] Акты арх. эксп. IV, № 35, 36, 39 [4].

[33] Сбор. госуд. гр. и догов. III, стр. 443 [5]; Уложение, гл. XXV, ст. 16 [6].

[34] Собр. гос. гр. и догов. III, № 138 [7].

[35] Моск. главн. арх. мин. иностр. дел, дела приказные 1649 г., № 41 [8].

[36] Там же, дела 1648 года, № 87, 1649, № 8 [9].

[37] Там же, дела 1649 года, № 19, 20; дела 1650 г., № 31 [10].

[38] Там же, дела шведские, связка 39,6 [11]. О некоторых заводчиках новгородского мятежа находятся любопытные известия в следующем деле: когда стольник князь Семен Урусов сдал Новгородское воеводство Хилкову, то на него, Урусова, били челом (марта 26, 1648 года) посадские люди: Микифорка Хамов, Микифорка Микляев, Игнашка Солодовник, Первушка Калачник, да пятницкий церковный дьячок Лучка Максимов, да посадский человек Алеша Шапочников; потом Солодовников, Калачник и дьячок помирились с Урусовым. Дело Хамово было следующее: его обвинили перед Урусовым в продаже вина; Урусов велел запечатать его двор со всеми запасами. В обыске никто не объявил, что Хамов продавал вино; несмотря на то, его отдали за пристава, сковали руки и ноги, держали под полом в темноте; Урусов к нему присылал, чтоб он заплатил ему 200 рублей, Хамов посулил 100 и получил свободу; Урусов же взял из лавки Хамова солоду и уксусу, а денег не заплатил. Такова была жалоба Хамова. Урусов отвечал, что Хамов действительно курил вино в непозволенном количестве; ста рублей он у него не брал, за солод и уксус деньги ему посылал, да сам Хамов не взял. Истец с ответчиком имались за веру, за крестное целованье; Урусов крест целовать взял на душу человеку своему Ивашку Гнусу, а за Хамова целовал крест человек его Родка Кузмин. Человек Урусова показал, что он не брал с Хамова ста рублей на Урусова; тогда Хамов слался на его кожу, чтоб его в том пытать, а Урусов требовал, чтоб прежде пытать Хамова, ибо он клеплет. Да уличал Урусов Хамова в том, что он стрелял в спасов образ, и называл Хамова ведуном, потому что лечил *телесную юность* у стрелецкой жены. Игумен Алимпий сказал, что он у Хамова вино покупал на дочернину свадьбу (приказные дела 1648 года, № 67) [12].

[39] Архив мин ин. дел, дела приказные 1650 г., № 24, 53, 63, 64, 85, дела 1652 года, № 72 [13].

[40] Собр гос. грам. и догов. III, № 147 [14].

[41] Акты арх. эксп. IV, № 57 [15].

---

[1] *Иван Шушерин*, Известие о рождении и о воспитании и о житии святейшего Никона, патриарха московского и всея России. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, отдел рукописей, ф. 205, ед. хр. 51. См. также «Житие святейшего патриарха Никона, писанное некоторым бывшим при нем клириком» [Иваном Шушериным], СПб., 1817; *Иоанн Шушерин*, Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона патриарха московского и всея России, М., 1871.

[2] *М. П. П.*, Замечание о родине патриарха Никона и его противников. «Москвитянин» № 19, октябрь, 1854, кн. 1, отд. V, стр. 137—138.

[3] СГГД, ч. 3, № 129, стр. 438—439.

[4] ААЭ, т. IV, № 35, стр. 50—51, № 36, стр. 51—57, № 39, стр. 59—61.

[5] СГГД, ч. 3, № 133, стр. 443.

[6] Уложение царя Алексея Михайловича, СПб., 1820, гл. XXV, ст. 11—21, стр. 213—220. См. также Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ), Собрание 1-е, т. I, СПб., 1830, № 1, стр. 159—161.

[7] СГГД, ч. 3, № 138, стр. 455—456.

[8] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/2, 1649 г., д. 41.

[9] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/2, 1648 г., д. 87; 1649 г., д. 8.

[10] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/2, 1649 г., д. 19, 20; 1650 г., д. 31.

[11] ЦГАДА, ф. 96, Сношения России со Швецией, 1650 г., д. 1, л. 94—95, д. 2, 3, 4, л. 80—81; 1615 г., д. 3, 4, 8—13.

[12] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/2, 1648 г., д. 67, л. 6—124.

[13] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/2, 1650 г., д. 24, 53а, 63, 64, 85; оп. 141/3, 1652 г., д. 72.

[14] СГГД, ч. 3, № 147, стр. 471—472.

[15] ААЭ, т. IV, № 57, стр. 75—77.

[42] Памятники, изд. Киевск комис. т. I, отдел. III, № 1 [1]; Voycicki — Pamiętniki etc. I, 273 и след. [2]; Летопись Величка, т. I [3].

[43] Моск. глав. арх. мин. ин. дел, дела польские 1649 года [4].

[44] Летопись Величка [5].

[45] Памятники, изд. Киевск. комисс. I, отд. III, № 2 [6].

[46] Там же, № 7 [7].

[47] Москов. главн. арх. мин. ин. дел, дела польские 1649 года [8].

[48] События изложены по актам, находящимся в памятниках изд. киевск. комис. [9], по летописям Величка [10] и Самовидца [11]; по сочинениям: Twardowskiego — Wojna domowa [12]; Rudawskiego — Historia polska (в изд. Dziejopisowie Krajowi) [12a]; Letopisiec I. Ierlicza [13]; Pamiętniki o woinach kozackich za Chmelnickiego [14]; Historia panowania Iana Kazimierza — wydał Raczynski [15]; Kochowski — Annalium Poloniae climacteres [16]; Voycicki — Pamiętniki [17].

Известие Кунакова чрезвычайно важно, ибо освещает факт несомненный: король Владислав сильно желал начать войну с турками и выслать для этого прежде всего козаков Днепром в море; об этом шли переговоры с венецианским посланником, который обещал деньги на предприятие, для этого наняты были иноземные дружины; король отнесся к делу горячо, страстно, и если мы встречаем известие, что король уже делал распоряжения относительно выхода козаков, сносился с ними, то, конечно, мы не будем отвергать этих известий и не усумнимся привести в связь украинское козацкое движение с польскою борьбою между королем, панами и сеймом [18].

[49] Архив министерства юстиции, столбцы Малороссийского приказа, № 5816 [19].

[50] Москов. глав. арх. мин. ин. дел, дела польские 1649 г., связка 50 [20].

[51] Архив министерства юстиции, столбцы Малороссийского приказа, № 5819 [21].

---

[1] Памятники, изданные временною комиссиею.., т. I, отд. III, № 1, стр. 1—5; см. также изд. 2, т. I, отд. III, № 2, стр. 195—196.

[2] *K. Wł. Wojcicki*, Pamiętniki, т. I, стр. 273 и след.

[3] *Самоил Величко* [составитель], Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке, т. I, Киев, 1848, стр. 10—15, 27—28 и след.

[4] Ссылка неверна. См. ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1648 г., д. 11, л 6—8, 38—47, 144—166. См. также Акты ЮЗР, т. III, стр. 245—250, 256—307.

[5] *Самоил Величко*, Летопись.., т. I, стр. 28 и след.

[6] Памятники, изданные временною комиссиею.., т. I, отд. III, № 2, стр. 6—17; см. также изд. 2, т. I, отд. III, № 3, стр. 197—200.

[7] Памятники, изданные временною комиссиею.., т. I, отд. III, № 7, стр. 27—42; см. также изд 2, т. I, № 9, стр. 209—214.

[8] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1649 г., д. 1, 1-а, 3, 4. См. также Акты ЮЗР, т. III, стр. 188—190, 210—217, 228, 231—235, 240—242.

[9] Памятники, изданные временною комиссиею.., т. I.

[10] См. сноску 3 к 42 примеч. настоящего тома.

[11] См. сноску 20 к 17 примеч. на стр. 687 настоящего тома.

[12] *Samuel Twardowski*, Woyna domova z-kozaki i tatary Moskwą, potym szwedami i z-węgry, Calissii, 1681.

[12a] *W. J. Rudawski*, Historja Polska od śmierci Władysława IV az do pokoju Oliwskiego, t. I — II, Petersburg i Mohyłew, 1855.

[13] *K. Wł. Woycicki*, Latopisiec albo kroniczka Ioachima Ierlicza, t. 1—2, Warszawa, 1853.

[14] Pamiętniki o wojnach kozackich za Chmielnickiego przez nieznanego autora, Wrocław, 1840.

[15] Historya panowania Iana Kazimierza przez nieznanego autora. Wydana z ręko pismu przez *Edwarda Raczyńskiego*, t. 1—2, Poznań, 1840.

[16] *Vespasiano Kochow Kochowski*, Annalium Poloniae climacter tertius. Ad punctum abdicationis Ioannis Cazimirireg: per regnum Poloniae res gestas inclusive continens, Cracoviae, 1698.

[17] См. сноску 22 к 17 примеч. на стр. 687 настоящего тома.

[18] См. ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1648 г., д. 11; 1649 г., д. 7, 8. См. также Акты ЮЗР, т. III, стр. 370—375, 382—408.

[19] ЦГАДА, ф. 229, Малороссийский приказ, стб. 5/5816, л. 146—147.

[20] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1649 г., д. 1а, л. 412—447. См также «Воссоединение...», т. II, № 112, 115; Акты ЮЗР, т. III, стр. 341—354; «Історія України в документах і матеріалах», т. III, № 140, стор. 179—180.

[21] Ссылка неверна. См. ЦГАДА, ф. 229, Малороссийский приказ, стб. 7/5818, л. 19—20, 25—30, 35—40, 56—57. См. также «Воссоединение...», т. II, № 118; Акты ЮЗР, т. VIII, СПб., 1875 г., Прибавления, стр. 303—318.

[52] См. издан. источники, перечисл. в примеч 48.

[53] Москов глав арх мин ин дел, дела польские 1650 года [1].

[54] Там же, дела малорос 1650 года [2]

[55] Там же, дела польские [3].

[56] Архив министерства юстиции, столбцы Малорос. приказа, № 5818 [4]; москов. глав арх мин. ин дел, дела малороссийские, рассказ запорожца Шафранка [5]; дела донские 1650 года [6].

[57] Москов. глав. арх. мин. ин. дел, крымские статейные списки, № 30 [7].

[58] Там же, лист 174 [8].

[59] Там же, дела польские 1651 года, связка 55 [9].

[60] Там же, дела малороссийские 1651 года [10].

[61] Там же, дела польские означенного года [11].

[62] Там же, дела польские 1651 и 1652 года [12].

[63] Памятники, изд. временною киевскою комиссиею [13].

[64] Москов глав. арх мин. ин дел, дела польские 1651 и 1652 г. [14]

[65] Там же, дела малороссийские 1652 года [15].

[66] Архив министерства юстиции, столбцы Малорос. приказа, № 5821 [16]; Государств. архив мин. ин дел (в С.-Петербурге), столбцы Приказа тайных дел, № 1 [17].

[67] Моск. глав. арх. мин. ин. дел, дела польские 1653 г. [18]

[68] Архив министерства юстиции, столбцы Малоросс приказа, № 5814 и 5821 [19].

---

[1] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1650 г., д. 2, 3, 5а, кн. 77, 78. См. также «Воссоединение...», т. II, № 135, 144, 157.

[2] ЦГАДА, ф. 124, Малороссийские дела, 1650 г., д. 2, л. 3—8, 10—22, 25, 27—49. См. также Акты ЮЗР, т. III, стр. 418—431.

[3] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1650 г., д. 8. См. также ф. 124, Малороссийские дела, 1650 г., д. 2, л. 49—56. «Воссоединение...», т. II, № 144, 189.

[4] Ссылка неверна. См. ЦГАДА, ф. 229, Малороссийский приказ, стб. 8/5819, л. 104—108, 113—114, 120—123. См. также «Воссоединение...», т. II, № 181; Акты ЮЗР, т VIII, Прибавления, стр. 318—357.

[5] ЦГАДА, ф. 124, Малороссийские дела, 1628 г., д. 2, л. 3—13. См. также «Воссоединение...», т. I, № 37; *П. А. Кулиш*, Материалы.., т. I, стр. 290—294.

[6] Ссылка неверна. См. ЦГАДА, ф. 89, Сношения России с Турцией, 1650 г., д. 1, л. 2—4, 6—11. См. также «Воссоединение...», т. II, № 180; «Историческое описание земли Войска Донского», т. II, Новочеркасск, 1872, стр. 316—317.

[7] ЦГАДА, ф. 123, Сношения России с Крымом, кн. 30, л. 180 об. — 182 об., 210—211.

[8] Там же, л. 174.

[9] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1651 г., д. 1б., л. 101—102, 115—123, 154—162, 191—203, 251—256, 329—332, 350—359. См. также «Воссоединение...», т. III, № 46, 54, 59, 64, 67; Акты ЮЗР, т. III, стр. 476—479.

[10] ЦГАДА, ф. 124, Малороссийские дела, 1651 г., д. 9, л. 33—40, д. 10, л. 45—50. См. также «Воссоединение...», т. III, № 25, 52, 53; Акты ЮЗР, т. III, стр. 450—453, 461—476; «Історія України в документах і матеріалах», т. III, № 167, стор. 219—222.

[11] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1649 г., д. 6, л. 3 об. — 8; 1651 г., д. 1а, л. 140, д. 1б., л. 132—134, 360—362, 366—370, 395—396, 420—426, 515—516, 518. См. также «Воссоединение...», т. III, № 4, 66, 69; СГГД, ч. 3, № 143.

[12] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1651 г., д. 5, 5а, 7, кн. 80; 1652 г., д. 2, 3, кн. 81, 82. См. также «Воссоединение...», т. III, № 16.

[13] Памятники, изданные временною комиссиею.., т. II, Киев, 1846, отд. III; см также изд. 2, т. II, Киев, 1897, отд. III.

[14] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1651 г., д. 1б., л. 360—374; 1652 г., д. 1, л. 1—5, 10—19, 260—263, 313—333, 341—348. См. также «Воссоединение...», т. III, № 60, 66, 100; «Історія України в документах і матеріалах», т. III, № 177, стор. 231—233.

[15] ЦГАДА, ф. 124, Малороссийские дела, 1652 г., д. 2, д. 6, л. 3—5, 8—10. См также «Воссоединение...», т. III, № 101, 115; СГГД, ч. 3, № 148, стр. 472—474. ПСЗ, Собрание 1-е, т. I, № 76, стр. 263—265; «Історія України в документах і матеріалах», т. III, № 178, стор. 233—234.

[16] Ссылка неверна. См. ЦГАДА, ф. 229, Малороссийский приказ, стб. 11/5822, л. 1—2, 5—6, 13—17, 22—24, 57—59, 83—84. См. также «Воссоединение...», т. III, № 147, 148, 149, 150, 157, 163; Акты ЮЗР, т. III, стр. 483—493, т. VIII, Прибавления, стр. 362—369; «Історія України в документах і матеріалах», т. III, № 181, 183, стор. 237—239, 241—242.

[17] В фондах Приказа тайных дел в ЦГАДА данное дело не сохранилось. Имеются лишь отдельные листы, предположительно относящиеся к указанному делу.

[18] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1653 г., д. 2, 3, 3а, кн. 83, 84. См. также «Воссоединение...», т. III, № 155, 179.

[19] ЦГАДА, ф. 229, Малороссийский приказ, стб. 3/5814, л. 7—9; стб. 10/5821, л. 13—14. См. также «Воссоединение...», т. III, № 169, 184, 185; Акты ЮЗР, т. VIII, Прибавления, стр. 371—372, т. X, СПб., 1878, стб. 1—4.

[69] Москов. глав. арх. мин ин дел, дела польские, связка 55 [1].

[70] Там же, дела малороссийские 1653 и 1654 годов [2]; арх. царства Польского, сношн. с Малороссией, св. I.

[71] Там же, дела шведские [3], голштинские [4], английские [5], голландские [6], французские [7] и австрийские [8] означенных в тексте годов.

[72] Дворцовые разряды 1654 года (изд. II Отд. собств. Е. И. В. канцелярии) [9]; столбцы Приказа тайных дел, в Государств. архиве, № 10 [10].

[73] Моск глав. арх. мин. ин. дел, дела польские 1654 года [11].

[74] Письма царя Алексея Михайловича, хранящ. в Госуд. арх. [12]; там же столбцы Приказа тайных дел, № 11 [13].

[75] Дворцовые разряды 1654 г. [14]; рукоп. Имп библ. отд. польск. № 48 [15]; дела польские в арх. мин. ин. д., связка 63 [16].

[76] Столбцы Приказа тайных дел в Госуд. архиве, № 67 [17].

[77] Дела польские 1654 года в Москов. арх. мин. ин. д. [18].

---

[1] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1651 г., д. 1б, л. 103—106; 1653 г., д. 8, л. 10—43. См. также ф. 124, Малороссийские дела, 1653 г., д. 2, л. 1, 16—17, 19—24, 28—29; д. 3, л. 16—19, 23—44, 56—63, 68—73, 84—91, 96—131, 134—284, д. 4, л. 1, 43—192 об.; «Воссоединение...», т. III, № 75, 181, 191, 194—198, 201, 202, 205, 208, 209, 221; Акты ЮЗР, т. III, стр. 496—507; т. X, стб. 3—252; ПСЗ, Собрание 1-е, т. I, № 104, стр. 293—301, № 115, стр. 315—321; СГГД, ч. 3, № 156—166, стр. 480—505; «Історія України в документах і матеріалах», т. III, № 190, 192, 194, 195, стор. 246—259.

[2] ЦГАДА, ф. 124, Малороссийские дела, 1653 г., д. 4, л. 193—233; 1654 г., д. 1, л. 1—14, 26—43, 45—54, д. 4, л. 17—18, 33—57, 67—80, 90—200, 208—225, 247—449, д. 8, л. 12—13, д. 17, л. 1—99, 111—141. См. также «Воссоединение...», т. III, № 205, 225, 226, 229, 235, 236, 239, 240, 245—250; Акты ЮЗР, т. X, стб. 252—292, 381—398, 415—514, 543—546, 705—770; ПСЗ, Собрание 1-е, т. I, № 115, 119, стр. 315—327; СГГД, ч. 3, № 168, 170, стр. 507—513.

[3] ЦГАДА, ф. 96, Сношения России со Швецией, 1645 г., д. 4, 5, кн. 22, 23; 1646 г., д. 2, 3, 5; 1647 г., д. 2, л. 14—25, 32—38, д. 5, л. 198—203, 446—456, 532—541, д. 6, л. 2—4, 79—83, 86—93, кн. 25; 1649 г., д. 2, л. 79—189, 200—382, д. 3, кн. 27; 1650 г., д. 4, л. 3, 9—47, 78—85, 87—149, кн. 30; 1651 г., д. 5, л. 11—16, 20—37, 43—57, 73—78, 85—91, 99—175, д. 6, 7, д. 8, л. 3—16, д. 9, л. 1—39, 43—148, 158—177, 179а — 182, кн. 29, 31, 35; 1652 г., д. 2, д. 4, л. 1—11, 51—54, 69—81, 141—166 См. также ПСЗ, Собрание 1-е, т. I, № 19, стр. 172—221.

[4] ЦГАДА, ф. 51, Сношения России с Голштинией, 1652 г., д. 1.

[5] ЦГАДА, ф. 35, Сношения России с Англией, д. 154, л. 41—44, 47—48, 53—59, 62—69, 79—84, 87—99; д. 163, л. 1—3, 65—77; д. 164, л. 1—4, 30—35, 46—51, 73—94; д. 168, л. 1—3, 24—25, 36—43; д. 169; д. 171, л. 1—15; д. 176, л. 4—6, 81—87, 109—124, 138—145, 152—159, 163—173, 180—183, 186—188, 196—201, 207—240; д. 177, л. 7—13, 23—24 об. См. также ПСЗ, Собрание 1-е, т. I, № 9, стр. 167—169; СГГД, ч. 3, № 138, стр. 455—456; *З. И. Рогинский*, Поездка гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию в 1645—1646 гг., Ярославль, 1959, стр. 19—47, 61—64.

[6] ЦГАДА, ф. 50, Сношения России с Голландией, 1645 г., кн. 2, 3; 1646 г. д. 1, 2, д 4, л. 1—19, 22—47, д. 5; 1648 г., д. 2; 1651 г., д. 2, л. 49—97; 1653 г., д. 4, д. 7, л 4—66. См. также СГГД, ч. 3, № 118, стр. 408—410.

[7] ЦГАДА, ф. 93, Сношения России с Францией, 1653 г., д. 3, л. 1, 68—82, д. 4, л 49—61 об.

[8] ЦГАДА, ф. 32, Сношения России с Австрией, 1654 г., д. 1, л. 11—19, 56—57, 59—60, д. 2, л. 85—93.

[9] Дворцовые разряды, т. III, стб. 356—357, 377—378, 401, 403, 407—412. См. также ПСЗ, Собрание 1-е, т. I, № 99, стр. 290—291, № 106, стр. 302.

[10] ЦГАДА, ф. 27, Приказ тайных дел, д. 86, ч. 1а, л. 1—17, 49—207, ч. 1, л. 244, 255—256, 264—333, 335—354.

[11] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1654 г., д. 6, л. 2—3.

[12] ЦГАДА, ф. 27, Приказ тайных дел, д. 91, л. 34. См. также «Письма русских государей и других особ царского семейства», вып. V. Письма царя Алексея Михайловича, М., 1896, стр. 1—2.

[13] ЦГАДА, ф. 27, Приказ тайных дел, д. 86, ч. 1, л. 334. См. также «Записки отделения русской и славянской археологии русского археологического общества», т. II, М., 1861 г., стр. 716.

[14] Дворцовые разряды, т. III, стб. 424—454 См. также ПСЗ, Собрание 1-е, т. I, № 138, стр. 352.

[15] ГПБ, отдел рукописей, польский, F IV, № 48, л. 3—20.

[16] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1653 г., д. 6—11; 1654 г., д. 2—6, л. 4, 10—23, 27—28, 88, 90, 95, 118—119, 133—136, 138—140, 147—149, 183—253, 301—302, д. 6а, 9. См. также Акты ЮЗР, т. XIV, СПб, 1889, стб. 127—150, 185—294.

[17] ЦГАДА, ф. 27, Приказ тайных дел, д. 89, л. 1—5. См. также *Н. Гиббенет*, Историческое исследование дела патриарха Никона, ч. 1—2, СПб., 1882, дополнительное приложение к 1 ч., стр. 473—476.

[18] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1654 г., д. 6, л. 254—256, 261—269, 299—300, 367—369; д. 6а, л. 372—377, 379—380, 487—488, 492—493, 596—628, 646—651, 653—658; д. 9, 10. См. также Акты ЮЗР, т. XIV, стб. 151—156, 293—368, 379—476.

[78] Архив мин. ин. дел, дела малороссийские [1] и польские 1654 года [2]; архив минист. юстиции, столбцы Малоросс приказа № 5824, 5827 [3].

[79] Столбцы Приказа тайных дел в Госуд. арх., № 5 [4].

[80] Дела малороссийские 1655 года в арх. мин ин. дел [5]

[81] Столбцы Приказа тайных дел в Госуд. арх., № 71 [6].

[82] Крымские статейные списки в архиве минис. иностр дел, № 34, 37 [7].

[83] Архив мин. юстиции, столбцы Малоросс. приказа, № 5829 [8]; дела малорос. 1655 года в арх. мин. ин. дел [9].

[84] Столбцы Приказа тайн дел в Госуд. арх. № 1, 19, 123 [10].

[85] Kron. miasta Lwowa 338—376 [11], supplement. ad histor. russ. monum. 193—210 [12]; дела польские 1655 года, в московск. арх. мин. ин. дел [13]; там же, дела малороссийские 1657 года, статейный список Бутурлина [14].

[86] Дела польск. 1655 года в моск. арх. мин. ин. дел [15].

[87] Столбцы Приказа тайных дел в Госуд. арх., № 3 [16].

[88] Дела польск. 1655 года, в московск. арх. мин. ин. дел [17]; столбцы Приказа тайных дел в Госуд. арх., № 71 [18].

[89] Дела шведские 1655 года в моск. арх. мин. ин. дел [19], столбцы Приказа тайных дел в Госуд. арх., № 71 [20].

[90] Собр. госуд. гр. и дог. III, № 184 [21].

[91] Памятники дипломатич. сношений, изд. II Отд. Соб. Е. И. В. канцелярии [22].

[92] Дела польск 1656 года, в моск. арх. мин. ин дел [23].

---

[1] ЦГАДА, ф. 124, Малороссийские дела, 1654 г., д. 20, д. 21, л. 2, 4—11, д. 39. См. также Акты ЮЗР, т. X, стб. 769—778, т. XIV, стб. 67—76.

[2] Ссылка неверна. См. ЦГАДА, ф. 124, Малороссийские дела, 1654 г., д. 37, л. 24—29, 60—61. См. также Акты ЮЗР, т. X, стб. 555—558.

[3] ЦГАДА, ф. 229, Малороссийский приказ, стб. 13/5824, л. 230—238; стб. 16/5827, л. 32, 45—46, 75—78, 80—81. См. также Акты ЮЗР, т. XIV, стб. 1—68.

[4] Ссылка неверна. См. ЦГАДА, ф. 27, Приказ тайных дел, д. 100, л. 30—31. См. также «Записки отделения русской и славянской археологии...», т. II, стр. 728.

[5] ЦГАДА, ф. 124, Малороссийские дела, 1655 г., д. 5, л. 25—26, 42—43, 57—60; д. 10, л. 13—19, д. 18, л. 3—5, 15—16, 21—22. См. также ф. 79, Сношения России с Польшей, 1655 г., д. 2, л. 2—5, 13—15, д. 3, л. 101—102; Акты ЮЗР, т. XIV, стб. 475—518, 541—542, 549—552, 568—569, 577—584, 587—590.

[6] Данное дело сохранилось неполностью. См. «Записки отделения русской и славянской археологии...», т. II, стр. 591. См. также ЦГАДА, ф. 124, Малороссийские дела, 1655 г., д. 5, л 27, 30—31, д. 18, л. 27—28; Акты ЮЗР, т. XIV, стб. 542—546.

[7] ЦГАДА, ф. 123, Сношения России с Крымом, 1652 г., кн. 34, л. 180 об. — 182; 1655 г., кн. 37, л. 82—86 об.

[8] ЦГАДА, ф. 229, Малороссийский приказ, стб. 18/5829, л. 54. См. также Акты ЮЗР, т. XIV, стб. 553—556, 593—598.

[9] ЦГАДА, ф. 124, Малороссийские дела, 1655 г., д. 5, л. 45—51, 149 об. — 151, д. 18, л. 5—6. См. также ф. 79, Сношения России с Польшей, 1655 г., д. 2, л. 43—44; Акты ЮЗР, т. XIV, стб. 527—534, 573—578, 697—699.

[10] ЦГАДА, ф. 27, Приказ тайных дел, д. 100, л. 8, 10—11, 17—19, 22—23, д. 86, ч. 2, л. 34—40, д. 100 bis, л. 6. См. также «Записки отделения русской и славянской археологии...», т. II, стр. 719—720, 722—728, 733. Столбцы № 1 и 123 почти не сохранились.

[11] *Dyonizi Zubrzycki*, Kronika miasta Lwowa, Lwow, 1844, str. 338—376.

[12] Supplementum ad Historica Russiae Monumenta p. 193—210.

[13] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1655 г., д. 1, л. 1—10, д. 2, 7. См. также Акты ЮЗР, т. XIV, стб. 675—694, 705—724, 743—756, 769—772.

[14] ЦГАДА, ф. 124, Малороссийские дела, 1657 г., д. 7, л. 47—49.

[15] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1655 г., д. 1, л. 18—28, 33—44.

[16] ЦГАДА, ф. 27, Приказ тайных дел, д. 105. См. также «Записки отделения русской и славянской археологии...», т. II, стр. 659—681.

[17] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1655 г., д. 10, л. 1—34.

[18] ЦГАДА, ф. 27, Приказ тайных дел, д. 140, л. 59—60. См. также «Записки отделения русской и славянской археологии...», т. II, стр. 592.

[19] ЦГАДА, ф. 96, Сношения России со Швецией, 1655 г., д. 4, л. 1—23, 35—116, д. 8, л. 28—170, д. 11, кн. 36. Ссылка на Шведские дела неполная. См. также ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1655 г., д. 10, кн. 85.

[20] ЦГАДА, ф. 27, Приказ тайных дел, д. 140, л. 59. См. также «Записки отделения русской и славянской археологии.. », т. II, стр. 591—592.

[21] СГГД, ч. 3, № 184, стр. 538—540.

[22] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. III, СПб., 1854, разд. III, гл. XVII, стб. 348—355, 369—386, 396—403, 411—416.

[23] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1656 г., д. 6, 12, кн. 86.

[93] Дела шведские 1655 и 1656 г., в моск. арх. мин. ин дел [1].

[94] Там же, датский статейный список, № 11 [2].

[95] Grundliche und Wahrhaftige relation von der Belagerung der Königl. Stadt Riga 1657 [3]; письма царя Алексея Мих., хранящ. в Госуд. арх. [4]; там же, столбцы Приказа тайных дел, № 71 [5].

[96] Дела польск. 1656 года в моск. арх. мин. ин. дел [6].

[97] Моск. глав. арх. мин. ин. дел, дела приказные 1650 года [7]; дела шведские 1657 года [8].

[98] Симбирский сборник, стр. 142 и след. [9]; арх. мин. юстиц.; столбцы Малорос. приказа № 5830, 5832, 5836, 5844 [10]; крымский статейный список, № 40 в москов. арх. мин. ин. дел [11]; там же, дела малорос. 1657 года [12]. День смерти Хмельницкого — 27 июля означен в письме Выговского к Бутурлину в Киев [13]; см. там же донесение Бутурлина в Москву [14].

---

[1] ЦГАДА, ф. 96, Сношения России со Швецией, 1655 г., д. 3, л. 442—464, 471—474; 1656 г., д. 4.

[2] ЦГАДА, ф. 53, Сношения России с Данией, 1656 г., кн. 11.

[3] Grundliche und warhafftige relation von der Belagerung der Königl, Stadt Riga in Liefland. Gebrucht zu Riga, 1657.

[4] ЦГАДА, ф. 27, Приказ тайных дел, д. 91, л. 65—65а, 66. См. также «Письма русских государей...», стр. 61—63.

[5] ЦГАДА, ф. 27, Приказ тайных дел, д. 140, л. 60—61; д. 86, ч. 3, л. 47—54, 89—104. См. также «Записки отделения русской и славянской археологии...», т. II, стр. 592—593.

[6] ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1656 г., д. 21, 21а, 25—29, 37, 39, 43.

[7] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 141/2, 1650 г., д. 24, л. 20—28; д. 64, л. 190—193.

[8] ЦГАДА, ф. 96, Сношения России со Швецией, 1657 г., д. 2, л. 253—259, 262—268.

[9] Ссылка на 142 стр. неверна. См. Синбирский сборник, часть историческая, т. I, М., 1844, стр. 42 и след.

[10] ЦГАДА, ф. 229, Малороссийский приказ, стб. 19/5830, л. 182—215, стб. 21/5832, л. 1—17, 24—42, стб. 25/5836, л. 6—7, 31—34, стб. 33/5844, л. 34—37, 40. См. также Акты ЮЗР, т. III, стр. 526—541, т. X, Прибавления, стб. 681—706.

[11] ЦГАДА, ф. 123, Сношения России с Крымом, 1656 г., кн. 40.

[12] ЦГАДА, ф. 124, Малороссийские дела, 1657 г., д. 1, л. 1, 5—12, 15—17, д. 4, л. 3—12, д. 7, л. 1—68, д. 10, л. 11—13, 42—46; 1656 г., д. 17, л. 3—4, 8—9. См. также Акты ЮЗР, т. III, стр. 546—593.

[13] Не выявлено. День смерти Хмельницкого — 27 июня см. в письме Выговского к Зюзину. ЦГАДА, ф. 124, Малороссийские дела, 1657 г., д. 10, л. 11—13. См. также Акты ЮЗР, т. XI, СПб., 1879, Прибавления, стб. 759—760.

[14] Не выявлено.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Комментарии к 9 и 10 томам
«Истории России с древнейших времен» написаны
кандидатом исторических наук
А. М. САХАРОВЫМ

*

Указатели составлены
М. Ф. КИШКИНОЙ-ИВАНЕНКО

КОММЕНТАРИИ

к девятому и десятому томам «Истории России с древнейших времен»[1]

Девятый и десятый тома «Истории России» С. М. Соловьева охватывают период от воцарения династии Романовых в 1613 г. до второй половины 50-х годов XVII века. Распределение материала по томам, как обычно, подчинено чисто внешним обстоятельствам и связывается по идущей от дворянской историографии традиции с жизнью и деятельностью исторических личностей: том девятый посвящен царствованию Михаила Федоровича Романова; том десятый, открывающий период царствования Алексея Михайловича, заканчивается смертью украинского гетмана Богдана Хмельницкого.

В общей концепции русской истории, сложившейся у С. М. Соловьева, XVII век занимает особое место. С. М. Соловьев один из первых указал на переломный, переходный характер исторического развития России в XVII веке. По-своему объяснив его, как поворот от «осьмивекового движения на Восток» к «движению на Запад», исследователь правильно отметил, что направление реформ Петра I определилось раньше, уже в XVII столетии. В концепции С. М. Соловьева реформы Петра I предстали не как результат личной воли и деятельности преобразователя, а как подготовленные и исторически обусловленные мероприятия. Еще в самом начале своего труда, характеризуя общий «ход русской истории», С. М. Соловьев писал: «С новою династиею начинается приготовление к тому порядку вещей, который знаменует государственную жизнь России среди европейских держав. При первых трех государях новой династии мы видим уже начало важнейших преобразований: является постоянное войско..; видим начатки кораблестроения; видим стремление установить нашу торговлю на новых началах; иностранцам даются привилегии для учреждения фабрик, заводов; внешние сношения начинают принимать другой характер; громко высказывается необходимость просвещения, заводятся училища; при дво-

[1] Девятый и десятый тома были изданы три раза: в 1859 и 1860, 1866 и 1869, 1875 и 1877 годах при жизни С. М. Соловьева и в 1881 и 1883 годах после его смерти. Затем издательство «Общественная польза» трижды публиковало всю работу. Девятый и десятый тома издавались в 1894—1895, 1895—1896 и в 1911 годах. Данное издание воспроизводит текст последнего прижизненного издания девятого и десятого томов (1875 и 1877 гг.).

ре и в домах частных людей являются новые обычаи; определяются отношения церкви к государству. Преобразователь воспитывается уже в понятиях преобразования... Так тесно связан в нашей истории XVII век с первою половиною XVIII, разделять их нельзя» (книга I, стр. 59).

Верно заметив связь явлений исторической жизни России XVII и первой половины XVIII веков, С. М. Соловьев не смог, однако, вскрыть действительную основу происходивших тогда изменений. Подлинно научный анализ содержания нового периода русской истории был дан только В. И. Лениным в 1894 г. в его труде «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И Ленин создал марксистскую периодизацию истории России, раскрыв закономерности развития и смены общественно-экономических формаций в русском историческом процессе. Отметив, что «только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех.. областей, земель и княжеств в одно целое», В И Ленин показал основу этого процесса: «Слияние это.. вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным как созданием связей буржуазных» [1]. Таким образом, В. И Ленин характеризовал начинающийся примерно с XVII в. новый период русской истории как период генезиса капиталистических отношений, охватывающий в целом длительную эпоху и завершающийся уже после падения крепостного права. При этом следует иметь в виду, что в XVII в новые общественно-экономические отношения только еще начинали зарождаться, крепостной строй не только не изжил себя, но продолжал укрепляться и развиваться, а в области государственных форм продолжала существовать чисто феодальная монархия «с боярской Думой и боярской аристократией» [2]. Поэтому явления надстроечного характера отразили в XVII веке не только возникновение новых отношений, но прежде всего развитие крепостничества. XVII век представляет собой противоречивое переплетение различных тенденций общественно-экономического развития, которое в значительной степени осложнялось тяжелыми обстоятельствами длительной борьбы на Западе и Юге против внешних врагов. Понятно, что в труде С. М. Соловьева мы не найдем той проблемной постановки вопроса о характере исторического развития России в XVII веке, которая разработана в советской исторической литературе [3].

Методологические приемы С. М. Соловьева. Как и в предыдущих томах, основой изложения материала является ход событий политической истории. С. М. Соловьев стремился к широкому охвату этих событий, устанавливая прежде всего их связь во времени в хронологической последовательности. Отступления от этого принципа встречаются лишь в отдельных случаях — при изложении, например, комплекса событий, связан-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 1, стр. 137—138.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 15, стр. 308.
[3] Обобщающим коллективным трудом советских историков, охватывающим XVII век, является том «Очерков истории СССР. Период феодализма. XVII в.», изд. в 1955 г Институтом истории Академии наук СССР под редакцией А. А. Новосельского и Н. В. Устюгова. См. также *А. М. Сахаров*, Очерки истории СССР. XVII век. Пособие для учителей, М., 1958.

ных с отношениями с какой-либо страной, когда автор посвящает им небольшие отдельные очерки, опять-таки ограниченные во времени несколькими годами. В целом же хронологическое изложение материала преобладает над сюжетным, что сближает труд С. М. Соловьева с некоторыми традициями дворянской историографии. С этими же традициями связано и типичное для автора пространное изложение содержания различных исторических документов, в большинстве случаев не сопровождаемое критическим анализом. Сами по себе документы, многие из которых впервые вводились С. М. Соловьевым в научный оборот, представляют большой интерес. Но историк даже не пытался раскрыть социально-политический смысл того или иного документа, видя свою задачу прежде всего в разыскании фактов. Как и всюду в «Истории России», материалы, относящиеся к характеристике «внутреннего состояния» общества, отнесены в девятом томе в особую главу, заключающую период царствования Михаила Федоровича и дополняющую рассказ о событиях политической истории.

Политическая идеология С. М. Соловьева в девятом и десятом томах. Несмотря на то что С. М. Соловьев преимущественно излагает конкретный материал и весьма редко сопровождает свое изложение общими суждениями, политическая концепция его труда, определившаяся уже с первых томов «Истории России», отчетливо видна и в томах, посвященных первой половине XVII века. Эта концепция сказывается прежде всего в типичном для буржуазного либерализма враждебном отношении к классовой борьбе и в представлении о государственности как основе гармоничного развития общества. Оценивая итоги событий начала XVII в., так называемого «смутного времени», С. М. Соловьев утверждал, что «страшным опытом люди Московского государства научились, что́ значат рознь и шатость, развязывающие *руки ворам*» (стр. 10—11). Таким образом, С. М. Соловьев еще раз хотел подчеркнуть, что народные восстания были следствием разрушения государственной власти и что именно в них, народных восстаниях, заключалась будто бы главная опасность для России в начале XVII века. Через все изложение событий проходит мысль С. М. Соловьева о «воровстве» казаков, об их опасных выступлениях, расшатывавших государственный порядок и сеявших «смуту». XVII век был, как известно, назван современниками «бунташным временем». Никогда еще в истории России классовая борьба не достигала такого подъема, как в XVII веке. Однако С. М. Соловьев отказывается видеть классовую основу народных выступлений. Так, причиной Московского восстания 1648 г. оказывается у него женитьба царя Алексея Михайловича на М. И. Милославской (стр. 481). Материал о городских восстаниях в Пскове и Новгороде дан в чисто описательном плане, хотя отношение автора к этим событиям вполне определенно: участников восстаний он называет не иначе как «ворами» и «мятежниками». Понятно, что анализ движущих сил и характера городских восстаний середины XVII в. в освещении С. М. Соловьева не соответствует исторической действительности и представляет интерес лишь изложением фактического материала [1].

[1] О городских восстаниях середины XVII века см.: *С. В. Бахрушин*, Московское восстание 1648 г. В кн.: *С. В. Бахрушин*, Научные труды, т. II, М., 1954; *К. В. Базилевич*, Мятеж в Устюге Великом в 1648 г. «Ученые записки Института истории РАНИОН»,

С. М. Соловьев последовательно проводил мысль об исключительном значении государственной власти для судеб общества. Автор расценил воцарение династии Романовых как исполнение воли большинства населения против «слабого меньшинства», пытавшегося «разрушить наряд», как проявление «нравственной силы» «земских людей», соединившихся для поддержки государства (стр. 10 и 256). В этом духе изобразил С. М. Соловьев и патриотический подвиг костромского крестьянина Ивана Сусанина, якобы отдавшего «жизнь за царя». Очень характерно то обстоятельство, что автор противопоставил Сусанина не столько интервентам, сколько ненавистным для С. М. Соловьева «воровским козакам», в которых он видел антигосударственную силу. Явно идеализированно выглядит в его освещении личность царя Михаила Федоровича, в действительности человека весьма посредственного.

Если вспомнить, что девятый том «Истории России» вышел в свет в 1860, а десятый — в 1861 г., т. е. в период революционной ситуации, приведшей к падению крепостного права, то политическая направленность труда С. М. Соловьева станет еще более ясной. Напуганные ростом массового крестьянского движения, либералы стали тогда все более отказываться от своей оппозиционности по отношению к царизму и переходить на позиции прямого одобрения действий самодержавия в борьбе с народным движением. Апология самодержавия, которую создал С. М Соловьев в девятом томе своей «Истории России», мало чем отличалась от положений официально-монархической историографии. Выступление историка против «смут», «гилей» и «мятежей» приобретало в тех условиях актуальное политическое значение для господствующих классов царской России.

Вопросы социально-экономического развития России. Как было уже отмечено, история экономического развития в понимании С. М. Соловьева была дополнением и в значительной мере следствием хода политического развития общества. Здесь нет необходимости вновь оценивать принципиальные особенности подхода исследователя к материалам экономической и социальной истории, так как об этом уже говорилось в комментариях к предыдущим томам. Обратим внимание лишь на отдельные вопросы социально-экономического развития России первой половины XVII века.

С. М. Соловьев не мог не заметить той остроты, которую приобрело в первой половине XVII в. соперничество между различными слоями служилых людей, в особенности между боярской знатью и дворянством. Однако в освещении С. М. Соловьева дело сводится в значительной степени к местническим спорам и конфликтам при дворе, в то время как основа противоречий внутри господствующего класса феодалов определялась борьбой за землю и развитием феодальной собственности. В течение первых десятилетий XVII в. дворянство вело упорную борьбу за уравнение поместий с вотчинами, за упрочение своего экономического и политического положения. Отмечая усиление дворянства с его «исключительным интере-

---

т. V, М., 1928; *Г. А. Новицкий*, Восстание в Курске в 1648 г. «Историк-марксист» № 6, 1934; *М. Н. Тихомиров*, Псковское восстание 1650 г., М. — Л., 1935; *А. Н. Сперанский*, К вопросу о сущности и характере Псковского восстания 1650 г. «Историк-марксист» № 5, 1936; *М. Н. Тихомиров*, Новгородское восстание 1650 г., «Исторические записки», кн 7; *П. П. Смирнов*, Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. 2, М. — Л., 1948, *Е. В. Чистякова*, Воронеж в середине XVII века и восстание 1648 года, Воронеж, 1953.

сом, интересом поместья» (стр. 261), С. М. Соловьев склонен объяснить это явление прежде всего военными потребностями государства, нуждавшегося в дворянском ополчении. Бесспорно, что тяжелая внешнеполитическая обстановка, в которой находилось Русское государство в первой половине XVII в (длительная и тяжелая борьба с сильными и опасными врагами), наложила большой отпечаток на всю внутреннюю политику правительства и в том числе вынуждала правительство всячески укреплять свои военные силы. Но следует учитывать при этом, что в XVII в. дворянство постепенно теряет значение главной военной силы в Русском государстве. Организация полков «нового строя» в 30 годах, как и весь опыт Смоленской войны 1632—1634 гг., свидетельствует о том, что дворянское ополчение с его «исключительным интересом поместья» все менее удовлетворяет государственным потребностям и заставляет правительство искать другие пути для обеспечения страны вооруженной силой. Развитие дворянского землевладения и укрепление на этой основе положения дворянства, как ведущей социальной силы в Русском государстве XVII в., было процессом объективным, совершавшимся в ходе роста феодальной собственности на землю. Именно на этой основе произошла к середине XVII в. консолидация класса феодалов. В дальнейшем разница между боярством и дворянством все более стиралась, пока не исчезла совсем в ходе преобразований Петра I в начале XVIII столетия. Эти же процессы — развитие феодальной собственности на землю и стирание различий между отдельными слоями господствующего класса феодалов за счет усиления дворянства — обусловили и происшедшее в середине XVII в завершение юридического оформления системы крепостного права в России, произведенное Соборным уложением. Между тем, освещая изменения в положении крестьянства, происходившие в первой половине и середине XVII в., С. М. Соловьев указывает на закономерность этих изменений, на то, что они явились развитием явлений, ранее определившихся (и в этом автор прав), но в целом С. М Соловьев стоит близко к теории так называемого «закрепощения сословий», разработанной буржуазной «государственной школой» в русской историографии. Закрепощение крестьян «государственники» рассматривали не как результат развития классово антагонистических отношений в феодальном обществе, а как следствие государственных потребностей в обеспечении рабочей силой дворянства, составлявшего основу военной защиты всего населения страны. Само дворянство также, по мнению теоретиков «государственной школы», было «закрепощено» на службе у государства. Теория «закрепощения сословий» полностью отвергала действительную классовую основу общественных отношений и изображала самодержавное государство организатором всего общественного устройства. С. М. Соловьев более обстоятельно излагает свои взгляды на общественное устройство России XVII и предшествующего столетия в первой главе XIII тома «Истории России»[1].

[1] О развитии сельского хозяйства, феодального землевладения и крепостничества в России XVII века см. *Ю. В. Готье*, Замосковный край в XVII веке, М., 1937; *А. А. Новосельский*, Вотчинник и его хозяйство в XVII в., М. — Л., 1929; *И. А. Заозерский*, Царская вотчина в XVII в., М., 1937; *А. А. Новосельский*, К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII в., «Исторические записки», кн. 15, М., 1945; *В. Н. Шерстобоев*, Илимская пашня, т. 1, Иркутск, 1949; *Б. Д. Греков*, Крестьяне на Руси с древнейших времен до конца

В пятой главе девятого тома С. М. Соловьев отвел некоторое место материалам, характеризующим положение русских городов в первой половине XVII века. Естественно, что изложение этих материалов начинается с освещения вопроса о системе городского управления: как и в предыдущих томах, состояние городов анализируется С. М. Соловьевым прежде всего с точки зрения правового положения горожан, что опять-таки обусловлено общей политической концепцией автора. В его критике «мирского устройства» городов XVII в., не дававшего горожанам реальной защиты от злоупотреблений и притеснений со стороны государственной власти, налогового гнета (стр. 299 и др.), чувствуется либеральная оппозиционность по отношению к самодержавию, тормозившему развитие сословно-представительных учреждений и свободу предпринимательства. С. М. Соловьев верно обратил внимание на тяжелый налоговый гнет, на трудное положение русского купечества в XVII в., на то, что «торговля и промышленность в Московском государстве при Михаиле не были в блестящем состоянии» (стр. 298). Автор верно назвал ряд причин этого явления, но не смог определить самую главную, основную причину, обусловливавшую отсталость России в XVII в. по сравнению с некоторыми западноевропейскими странами — господства и усиления крепостничества.

Вместе с тем, как уже говорилось выше, в XVII в. стали появляться новые элементы в экономике страны. Несмотря на всю сложность условий крепостной страны, позиции купечества в России на протяжении XVII в. все более укреплялись, и не случайна та активная роль, которую играло купечество при решении многих вопросов финансовой и внешнеторговой политики государства. Русское купечество выступило с решительным протестом против усиливавшегося проникновения в страну иностранного торгового капитала, грозившего подчинением экономики страны иностранным предпринимателям. Возникло мануфактурное производство, получившее распространение в XVIII веке. С. М. Соловьев указывает на многие из названных явлений, но фактические сведения, приводимые им, неполны, содержат недооценку роли русских промышленников по сравнению с иностранными, и, конечно, автор не мог оценить сущность всех этих явлений, относящихся к процессу зарождения буржуазных связей [1].

Развитие государственной власти. Значительное место в изложении С. М. Соловьева занимают материалы, относящиеся к истории развития государственной власти в России первой половины XVII века. Изображая воцарение Романовых как проявление воли народного «большинства»,

---

XVII века, кн. 2, М., 1954; *А. А. Новосельский*, К вопросу о значении «урочных лет» в первой половине XVII в. в кн. «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия», М., 1952; *В. И. Шунков*, Очерки по истории земледелия Сибири, М., 1956; *Л. С. Прокофьева*, Вотчинное хозяйство в XVII веке, М. — Л., 1959.

[1] О развитии торговли, ремесла и мануфактурного производства в XVII в. см. *В. И. Шунков*, Ремесло в Новгороде и Пскове, по данным сыска 1639—1640 гг., «Исторические записки», кн. 5, М., 1938; *К. Г. Митяев*, Обороты и торговые связи Смоленского рынка в XVII в., «Исторические записки», кн. 13, М., 1945; *Е. М. Тальман*, Борьба посада Ярославля с светскими и духовными феодалами в первой половине XVII в., «Исторические записки», кн. 20, М., 1947; *Н. В. Устюгов*, Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве в XVII в., «Исторические записки», кн. 34, М., 1952; *К. Н. Сербина*, Очерки из социально экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI — XVIII вв., М. — Л., 1951; *В. Н. Яковцевский*, Купеческий капитал в феодально-крепостнической России, М., 1953, *С. Г. Струмилин*, История черной металлургии в СССР, т. I, М., 1954; *Н. М. Дружинин*, Генезис капитализма в России, М., 1955; *Н. В. Устюгов*, Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в., М. 1958; *А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов*, Рынок Устюга Великого в XVII в., М., 1960.

С. М. Соловьев вместе с тем отметил, что избрание нового государя не изменило природы царской власти. Автор имеет в виду, естественно, не классовую природу власти, а ее формы: «ни в чем, ни в каких формах и выражениях мы не замечаем перемен в понятиях о значении великого государя», а на «частых соборах мы не видим также никакой перемены в отношениях земли к государю» (стр. 257). С. М. Соловьев хотел этим подчеркнуть, что самодержавная природа государственной власти не изменилась, что «земля», т. е. представители сословий, по-прежнему оставалась в полной зависимости от самодержавия. С. М. Соловьев справедливо указал на процесс усиления самодержавия при поддержке городских элементов и дворянства, а также ослабление боярской знати, связав это с последствиями так называемого «смутного времени» (стр. 260). Много места уделил автор вопросу о местничестве, приведя большой и интересный фактический материал и оценив это явление как глубоко отрицательное, тормозившее развитие государства.

Вопрос о характере государственного строя и его эволюции в XVII веке в советской литературе решается на основе известного положения В. И. Ленина о том, что в этот период в России имело место самодержавие «с боярской Думой и боярской аристократией». На протяжении XVII в. в России отчетливо наблюдается тенденция к формированию абсолютизма, приведшая к появлению в XVIII в. «чиновничье-дворянской монархии».

В то же время в первой половине XVII в., по мнению ряда исследователей, государственный строй России являлся сословно-представительной монархией, которая была этапом развития феодального государства на пути к абсолютной монархии [1]. Частый созыв земских соборов, на которых были представлены дворянство и горожане (помимо бояр и духовенства), был типичным явлением первых десятилетий правления династии Романовых, однако уже с середины XVII в. земские соборы практически не созываются (последним земским собором принято считать собор 1653 г., рассматривавший вопрос о воссоединении Украины с Россией). Следует иметь при этом в виду, что сословно-представительная организация в России не получила такого большого развития, как в некоторых странах Западной Европы, а самодержавная власть не испытывала никаких серьезных ограничений со стороны сословного представительства. Земские соборы в самом начале правления Романовых, в обстановке временного ослабления самодержавной власти, играли роль распорядительной власти в стране, но затем все более становились совещательным органом, без определенных функций, постоянного представительства, норм и сроков выборов представителей.

С. М. Соловьев анализирует также вопросы, связанные с военной организацией Русского государства в XVII в., и приходит к выводу о «несостоятельности русского войска» в первой половине XVII в. (стр. 275), хотя и не может вскрыть главные причины затруднений в военном деле, лежащие в основе господства крепостнического строя. Содержащееся в девятом томе описание вооруженных сил России того времени и их органи-

[1] См. *С. В. Юшков*, К вопросу о сословно-представительной монархии в России. «Советское государство и право» № 10, 1950; *Л. В. Черепнин*, Предисловие к кн.: «Памятники русского права», вып. 5 «Памятники права периода сословно-представительной монархии. Первая половина XVII в.», М., 1959.

зации по фактическому материалу представляет интерес для современного читателя [1].

Церковь в освещении С. М. Соловьева. Как и на всем протяжении своего труда, С. М. Соловьев в комментируемых томах уделяет большое внимание церкви, крайне идеализируя и сильно преувеличивая ее роль в культурном развитии русского общества XVII в. Так, у автора продвижение русских землепроходцев на Восток через Сибирь, к берегам Тихого океана, выглядит прежде всего как подвиг во имя распространения христианства, хотя в действительности это продвижение основывалось на вполне реальных, земных интересах предприимчивых и смелых искателей новых земель и богатств. С. М. Соловьев изображает церковь как главную нравственную силу, боровшуюся с невежеством. Но если такое положение в известной степени справедливо для раннего средневековья, то в XVII столетии положение церкви в обществе становилось уже иным. Продолжавшееся несколько веков господство религиозной идеологии во всех областях духовной культуры начинало разрушаться. Все более распространялась светская повесть в литературе; в зодчестве и живописи стала проявляться ненавистная церковникам тяга к «живству», «узорочью»; проповедь аскетических идеалов уступала место изображению реальной, земной жизни в произведениях искусства, приобретавшего на протяжении XVII в. жизнерадостное звучание, не совпадало с религиозной идеологией [2]. Крупным явлением в истории русской литературы явилось распространение в XVII в. демократической сатиры. Ее объектом нередко становилась церковь. Литературные произведения, вышедшие из демократической среды, обличали безнравственность в среде духовенства, корыстолюбие, несоответствие духовных проповедей поведению самих церковников, пьянство и алчность монахов («Служба кабаку», «Калязинская челобитная» и другие) [3]. Никогда еще нападки на церковь не получали такого широкого распространения, как в XVII веке.

Освещение С. М. Соловьевым положения и роли церкви в XVII в. противостоит реальной исторической действительности. Сам автор приводит факты, которые свидетельствуют о невысоком авторитете церкви в народных массах, например послание патриарха Иоасафа (стр. 322), говорящее о том, что народ не хочет ходить на церковные службы и что церкви не удается отвлечь народ на богослужения от веселых и ярких народных гуляний и празднеств.

Вопросы внутренней и внешней политики первой половины XVII в. Мероприятия правительств Михаила Федоровича и Алексея Михайловича по вопросам внутренней политики изложены С. М. Соловьевым отрывочно, вперемежку с материалами, характеризующими внешнюю политику. Явно недооценивая значение правительственной политики в области землевладения, С. М. Соловьев видел в основе внутренней политики финансовые вопросы. Потребность в деньгах для обеспечения войска он считал главной пружиной правительственной деятельности внутри страны. Нельзя отрицать,

---

[1] См. также *А. В. Чернов,* Вооруженные силы Русского государства в XV — XVII вв., М., 1954; *А. А. Строков,* История военного искусства, т. I, М., 1955.

[2] См. История русского искусства, т. IV, М., 1959.

[3] См. Русская демократическая сатира XVII в. Подготовка текста и комментарии В. П. Адриановой-Перетц, М. — Л., 1954.

что финансовое положение Русского государства в первой половине XVII в. было действительно очень затруднительным. Но, во-первых, причины этого следует искать в условиях общественно-экономического строя страны, крепостное хозяйство которой не давало возможности широкого развития товарного производства и обращения А, во-вторых, внутренняя политика самодержавия была направлена прежде всего на укрепление власти феодалов над крестьянами; развитие процесса закрепощения крестьян было основным явлением русской истории того времени. Налоговая политика правительства явилась одним из проявлений феодального гнета со стороны государства, которое поддерживало крепостнические порядки не только в деревне, но и в городе, эксплуатируя посадские общины Положение народных масс в первой половине XVII в. было очень тяжелым. С. М Соловьев отметил, что крестьяне бежали от своих господ «от многих податей и от великих немерных правежей» (стр. 311), но не смог сделать никаких выводов относительно основы этого явления, коренящейся в феодально-крепостническом строе. Автор выводил из факта крестьянских побегов необходимость закрепощения крестьян, уклоняясь от оценки самой эксплуатации крестьянства. Произвол воевод и других деятелей царской администрации, вызывавший недовольство крестьян и посадских людей, С. М. Соловьев расценивал лишь как следствия несовершенства порядков управления. Более обстоятельный анализ внутренней политики и внутреннего положения Русского государства в XVII в. автор дает в первой главе тринадцатого тома.

Внешней политике России С. М. Соловьев уделил основное внимание в девятом и десятом томах. В этих томах использовано много нового, впервые вводившегося в оборот исторического материала, в особенности документов приказного делопроизводства. Ученый рисует на этой основе широкую и подробную картину международного положения и внешнеполитической деятельности Русского государства в первой половине XVII века. Автор сделал ряд очень верных наблюдений над взаимной связью различных аспектов внешней политики, показал сложность международного положения России, настойчивую борьбу московской дипломатии за обеспечение внешней безопасности и за возвращение отторгнутых от России в начале XVII в. земель. Читатель найдет в этих разделах богатый и интересный фактический материал, хотя классовая основа внешней политики Русского государства, разумеется, не могла быть вскрыта автором.

В советской литературе изучение внешней политики и международного положения России в XVII в. продвинулось далеко вперед, имеется ряд исследований и документальных публикаций [1], освещающих эти вопросы с позиций марксистско-ленинской методологии и на более широкой документальной базе, чем та, которая была доступна С. М. Соловьеву. Новейшие

---

[1] См. *А. А. Новосельский*, Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в., М. — Л., 1948; *Н. А. Смирнов*, Россия и Турция в XVI — XVII вв., М., 1946; *О. Л. Вайнштейн*, Россия и Тридцатилетняя война, М. — Л., 1947; *Б. Ф. Поршнев*, Московское государство и вступление Швеции в Тридцатилетнюю войну. «Исторический журнал» № 3, 1945; *Б. Ф. Поршнев*, Русские субсидии Швеции во время Тридцатилетней войны. «Известия АН СССР, серия истории и философии» № 5, т. II, 1945; *его же*, Политические отношения Западной и Восточной Европы в эпоху Тридцатилетней войны. «Вопросы истории» № 10, 1960.

советские публикации раскрывают также отношения России со многими странами Востока [1].

Воссоединение Украины с Россией в освещении С. М. Соловьева. Центральной проблемой десятого тома «Истории России» является воссоединение Украины с Россией, происшедшее в середине XVII в. в результате освободительной борьбы украинского народа против польско-шляхетского господства. С. М. Соловьев подходил к этой проблеме с великодержавно-шовинистических позиций. Для него воссоединение Украины с Россией есть не что иное, как воссоединение русского народа. Украинского народа как имеющего самостоятельное историческое существование С. М. Соловьев не признавал, хотя в XIV—XV вв. на основе древнерусской народности наряду с русской (великорусской) и белорусской народностями образовалась и украинская народность, развившаяся впоследствии в нацию. С точки зрения автора Украина — это часть России. С другой стороны, борьбу украинского народа за воссоединение с Россией С. М. Соловьев трактовал прежде всего как религиозную борьбу. По мнению историка, содержанием этой борьбы было сопротивление православного населения натиску «басурман» — приверженцев ислама, татар и турок, с одной стороны, и католической церкви — с другой. Именно в этом плане выдержана особая, необычная для конструкции труда С. М. Соловьева в целом, вводная глава десятого тома «Состояние Западной России в конце XVI и в первой половине XVII в.» Основным содержанием этой главы являются события, лежащие в области религиозной борьбы, в то время как о народных движениях лишь бегло упоминается. Буквально двумя-тремя фразами говорит С. М. Соловьев о восстаниях «какого-то Косинского», Лободы, Наливайко «с толпой» (стр. 421); в то же самое время подробнейшим образом излагая, например, все обстоятельства принятия Брестской унии и борьбы против нее.

Решающей силой освободительного движения на Украине в изображении С. М. Соловьева вопреки исторической правде выступает церковь; казачеству отводится явно второстепенная роль, а борьба крестьян и горожан за воссоединение с Россией почти совсем не получила отображения в труде С. М. Соловьева. Только о городских братствах говорит автор несколько подробнее, но и здесь главную роль отводит он не горожанам, а православной аристократии. Казачество, как обычно у С. М. Соловьева, изображается всюду во враждебных тонах. Казаки названы «разбойниками» (стр. 421), а заключение Брестской унии оценивается отрицательно еще и потому, что она дала возможность казачеству поднять религиозное знамя и тем усилила его роль в событиях. Буржуазно-либеральный историк враждебно относился ко всяким проявлениям насилия в борьбе угнетенных масс. Так, убийство злейшего притеснителя белорусского народа Кунцевича в 1623 г. в Витебске оценено С. М. Соловьевым как «печальное событие», положившее «пятно на православных» (стр. 436). Историк старается всячески обелить деятелей церкви, даже если ему приходится сообщать о них явно неприглядные факты. Такова, например, характеристика холмского епископа Феодосия, который вел себя как типичный феодаль-

[1] См. Русско-индийские отношения в XVII в., М., 1958; Русско-монгольские отношения XVII в., М., 1959.

ный хищник в своих владениях и при помощи своего зятя «расточал церковную казну, разорял церковные имения, крал жалованные грамоты». Сказав это, автор тут же замечает, что «мы должны рассматривать поведение Феодосия Лазовского в связи с условиями времени, не должны прилагать к нему требований нашего времени и общества. Феодосий принадлежал к числу людей сильных характером ... общество терпело Феодосия». Эти и тому подобные оправдания выдвигал С. М. Соловьев, пытаясь сгладить очевидное противоречие фактического материала своей апологии церкви (стр. 380—381).

Вместе с тем в первой главе десятого тома содержится много конкретного материала, свидетельствующего об агрессивной деятельности католической церкви, о насилиях и притеснениях, которые чинили на Украине и в Белоруссии католические и униатские церковники. С. М. Соловьев справедливо отметил связь между деятельностью католической церкви на Востоке Европы и общим ее положением в конце XVI — первой половине XVII в., указав на ослабление католицизма распространением протестантства (стр. 375). Но сведение всех сложных событий европейской истории XVII в. к чисто религиозным войнам глубоко ошибочно. Потрясшие европейские страны длительные войны XVII в. действительно велись под знаменем религиозной идеологии, но имели в своей основе глубокие экономические и политические противоречия. Агрессия католической церкви на Востоке Европы была обусловлена не только тем, что православная церковь представляла собой, как думал С. М. Соловьев, более опасного врага для католичества, чем лютеранская церковь в Центральной Европе. Папская курия пыталась поправить свои дела, пошатнувшиеся в Европе в результате реформационных движений за счет распространения своего влияния на Востоке. При этом идея унии католической и православной церквей с давних пор и до наших дней являлась и является традиционным средством, с помощью которого папская курия пытается обосноваться в Восточной Европе [1]. Католическая церковь стала верным пособником польско-литовских магнатов и шляхты в их агрессивных устремлениях на Украину и в Белоруссию.

Вопрос о предпосылках, характере и значении воссоединения Украины с Россией в настоящее время детально разработан в советской исторической литературе. Раскрыт и показан народный характер освободительной войны середины XVII в., опровергнута легенда буржуазных националистов о якобы «едином потоке» борьбы, вскрыто развитие острых классовых противоречий в ее ходе, выявлена решающая роль народных масс, крестьянства и городских низов, бывших главной силой освободительной войны, а также колеблющаяся, переходившая нередко в прямое предательство, позиция казачьей старшины, которая боялась массового народного движения [2].

---

[1] См. *E. Winter*, Rusland und das Papsttum, Teil 1, Berlin, 1960, S. 317—332.

[2] См. О трехсотлетии воссоединения Украины с Россией. Тезисы, одобренные ЦК КПСС, М., 1954; «Воссоединение Украины с Россией», сборник документов, т. I — III, М., 1954; История Украинской ССР, т. I, Киев, 1953; *И. Греков, В. Королюк, И. Миллер*, Воссоединение Украины с Россией в 1654 г., М., 1954; *В. А. Голобуцкий*, Запорожское казачество, Киев, 1957; *А. И. Баранович*, Украина накануне освободительной войны середины XVII в., М., 1959.

При изложении событий, происходивших на Украине в первые десятилетия XVII в., С. М Соловьев производит анализ исследуемых им материалов прежде всего с точки зрения развития и интересов внешней политики Русского государства, оставляя на заднем плане народную, освободительную войну. Поэтому в центре внимания находятся главным образом различные посольские дела, дающие одностороннее освещение всего хода событий Историк не мог, однако, не заметить, что позиция народных масс оказывала решающее воздействие на ход событий, как это имело место, например, при заключении Зборовского соглашения 1649 г. (стр. 549), но относился к участию «черни» в движении отрицательно, живописуя «разбой» казаков. Характеристика гетмана Богдана Хмельницкого, данная автором на стр. 543 и в других местах его труда, искажает облик и значение деятельности вождя освободительной войны украинского народа Несмотря на наличие некоторых колебаний, обусловленных во многом как принадлежностью самого Хмельницкого к казачьей старшине, так и осторожностью действий московского боярского правительства, которое не могло симпатизировать разгоревшейся на Украине народной войне, Богдан Хмельницкий последовательно и решительно вел курс на воссоединение украинского народа с русским, как единственного пути обеспечения исторического развития украинского народа.

Вопросы истории русской культуры В заключительной части пятой главы девятого тома С. М Соловьев рассматривает некоторые явления русской культуры того времени. Здесь имеются интересные материалы. Освещение их дано в плане обоснования тезиса о начинающемся в XVII в. повороте России к западной культуре. Представляют интерес некоторые наблюдения автора над летописанием XVII в , в том числе его указание на происхождение так называемых «псковских повестей» из круга «меньших людей». Однако в этом разделе представлен в основном чисто описательный материал, дается пересказ отдельных произведений русской литературы, причем круг их далеко не полон Такое крупное явление, как демократическая повесть XVII в., осталось вне внимания С. М. Соловьева, как и вообще распространение демократического направления и антицерковной сатиры в литературе Вместе с тем автор обратил внимание на фольклорные материалы, относящиеся к событиям начала XVII в., указав на то, что в них содержится народная оценка этих событий (стр. 349). Несколько страниц посвятил автор русскому быту XVII в , некритически изложив сказание иностранца Адама Олеария Вопросы истории искусства остались вне поля зрения С. М. Соловьева.

Богатый фактический материал по русской истории XVII в., помещенный в V книге «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, требует, однако, критического отношения к мировоззрению и методологии автора.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аарон, первосвященник библейский 418
Абаза-паша 212
Аббас (Абас), персидский шах 21, 25, 67, 150—152, 228, 334
Абрамович, межевой судья 468
Авксентий Медиоланский, епископ 418
Аврамов Исак, голландский посланник 91, 92
Ададуров Иванис, дорогобужский воевода 103, 104
Адамугай, сибирский князь 311
Адриан, рождественский протопоп 598
Азем-Салих паша, визирь турецкого султана 466
Акема Филимон Филимонович, голландский заводчик 305, 616, 617
Акинфов, «человек» князя Прозоровского 299
Аксютка, колодница, «разбойничья женка» 294
Акундинов Демьян 611
Акундинов Тимофей, подьячий, самозванец, выдававший себя за сына Василия Ивановича Шуйского 464—467, 564—567, 569—571, 607—611
Аладьин Денис, дворянин 31, 32
Александр Македонский 352
Алба-мурза, ногайский мурза 129
Алаферн 183
Алексеев Мина, постельный сторож на дворе датского королевича 247, 248
Алексей Алексеевич, царевич 631, 664, 666, 683
Алексей Михайлович, царевич. См. Алексей Михайлович, царь
Алексей Михайлович, царь 236, 255, 358, 459, 460, 468, 471, 472, 479, 482, 485, 504, 511, 517, 518, 521—523, 525, 533, 558, 565, 569, 593, 594, 596—598, 605, 611, 619, 626, 628, 640—642, 647, 648, 651, 658, 660, 662, 697, 699, 704
Алексей, благовещенский дьякон 599
Алим Вилам, голландец 617
Алимпий, новгородский игумен 689
Аллегретти, имперский посол 650—652, 655, 660—662
Алмаз Ерофей Иванович См Иванов Алмаз (Ерофей Иванович)
Алферьев, окольничий, воевода 596, 634
Алферьев Никифор, сын боярский, послан в Англию учиться 142, 143
Алфимов, дьяк, посол в Константинополе 209, 210
Алфимов, стольник 657
Алябьев, воевода 267
Амфилохий, греческий архимандрит 248, 465, 466
Ананьев Любим 172
Анастасия, племянница Юрия Рогатинца 428
Андрев Ирик, толмач 85
Андреев Коленик, гетман войска Запорожского 440
Андронов Федор, торговый человек, казначеи 27, 31, 41—44, 49, 50, 53, 110, 257, 259, 274

Аникеев Тимофей, стародубский полковник 639
Анна, королева Франции 618
Анна, царевна, дочь царя Михаила Федоровича 255
Антиох, полководец 347
Антоний, игумен новгородского Благовещенского монастыря 72
Антоний, старец, книгохранитель Троице-Сергиева монастыря 313, 318
Антонов, дьяк 109
Антонов Марк, путивльский торговый человек 564, 565
Антошка, разбойник 323
Анфорович Николай, польский посланник в Россию 156
Апраксин, русский гонец в Данию 460
Арандаренко Тимофей, гетман войска Запорожского 137, 448
Араслан-ага, турецкий посол в Россию 227
Араслан Алсевич, татарский царевич 287
Аристов, подьячий 161
Аристотель 414, 415
Арсений Глухой, старец, справщик Печатного двора 313, 314, 318, 331, 630, 631
Артемка, крестьянин 509
Артюшка, крестьянин 473
Арцыбашев Богдан, новгородец 506
Астон Артемий, английский дворянин на службе русского правительства 91, 280, 281
Астон Исак, отец Артемия Астона 280
Афанасий, игумен Семеновского брестского монастыря 251
Афанасий (прозвище Друган), троицкий протопоп в Пскове 508
Афанасий (прозвище Собачья Рожа) 491
Афанасий Филиппович, наставник самозванца Ивана Лубы 366
Аффоний, новгородский митрополит 328
Аханатков Григорий, новгородский подьячий 496, 505
Ахмет, турецкий султан 62, 206
Ахмет-паша, визирь турецкого султана 65
Ахия Александр, самозванец, мнимый сын турецкого султана Магомета 442, 443, 445—447
Бабин Александр, устюжский посадский человек 488
Баев Александр, гостиной сотни купец 630
Баженка, ключник 53
Бакин Гаврила 171
Баклановский Иван, дворянин 149
Балабан Арсений, львовский епископ 381, 426
Балабан Гедеон Арсеньевич, львовский епископ 381, 384, 387—391, 395, 397, 399, 402, 406, 407, 412, 420, 428
Баловень, казацкий атаман 27, 30
Бальцер, лекарь 127
Бандин, кардинал 437
Барабаш Иван, черкасский полковник 526, 530
Барай-мурза 288
Бас Дирк, голландский посол 79
Басистой (Басицкий) Андрей, смольнянин 245, 246
Бат Яков, шведский посол 96
Баторий Стефан, польский король 156, 381, 440, 572
Баур Яков, имперский пристав 59
Бахтеяров-Ростовский Владимир Иванович, боярин, князь 7, 8
Безобразов Иван 41, 44
Беклемишев Никита, участник земского собора 1642 г. 219
Беклемишев, сыщик 289
Белинский, пан 250, 251
Белке Густав, шведский посол 655, 657
Белосельский Михаил, князь 103, 104, 165, 171
Белоу Иоган, доктор 255
Белоус, «беглый человек» 245
Белый Иван, устюжский посадский человек 489
Бенгарт Юрий, дворянин, шведский посол 132, 134
Беневский Станислав, волынский каштелян 675
Бессонов Юрий, иноземец, спитардный мастер 281
Бестужев Савва, дворянин 511
Бетлем-Габор, король венгерский 150, 157, 205
Бешенцов Авдей, псковский помещик 512
Биллен Стрено, датский посол 236
Бильс Валентин, доктор 127
Блом Клим, толмач 149
Боборыкин Яков, дворянин 72
Богадур-Гирей (Богатырь-Гирей), крымский хан 192, 217
Богданов Григорий, подьячий 576

Богун Иван, казацкий полковник 636
Болотников, дьяк 109, 122
Болотников Василий 274
Болотникова Афимья, сестра Федора Андронова 274
Большов Алексей, сольвычегодский воевода 487
Бонде, английский посланник в Россию 614
Борецкий Андрей, брат митрополита Иова Борецкого 137
Борецкий Иов, киевский митрополиг 137, 434, 440, 441, 445, 446, 451, 454, 602
Борецкий Порфирий, брат митрополита Иова Борецкого 137
Борзобогатый Василий, сын Ионы Борзобогатого-Красенского 380
Борзобогатый-Красенский Иона (в миру Иван), луцкий и острожский епископ 380, 381
Борис Федорович Годунов, царь 9, 10, 39, 43, 45, 46, 69, 92, 95, 113, 138, 142, 176, 185, 265, 271, 287, 331, 337—340, 349, 359
Бормосов, дьяк, русский посланник в Константинополь 202, 205, 211, 212
Бормосов, брат посланника 205
Борняков, гонец в Польшу 160
Боровицкий, острожский замковый урядник 388, 389
Бородин, Дружина, псковитин 512, 516
Борятинские, князья 269
Борятинский, князь 269
Борятинский, князь, начальник московских ратных сил, посланных на Дон 211
Борятинский Иван, князь 164
Борятинский Михаил Петрович, князь, русский посол в Персию 150—152
Борятинский Никита, князь 100, 278
Борятинский Федор, дворянин, князь 96
Борятинский Юрий, князь 644—646
Босицкий. См. Басистой
Бояшев, кашинский воевода 29, 30, 100
Бредероде-фан Райнгоут, голландский посол в Россию 79
Бредихин, дьяк, посол царя Алексея Михайловича к Б. Хмельницкому 593, 595, 596
Бремен, шведский посол в Россию 132
Бриен-де, граф 618, 619
Броневский Мартын, пан, польский королевский секретарь 389
Брюгеман Оттон, голштинский посол в Россию 198, 201, 610
Брюханов Тимофей, монах Хутынского монастыря 328
Бубен, «разбойник» 489
Бубнов Василий, устюжский посадский человек 489
Буговской 122
Буйносов-Ростовский Юрий Петрович, боярин, князь, новгородский воевода 503, 608
Бука, иноземец, торговый человек 300
Буковен-фон Исак, майор наемного войска 617, 618
Буковен-фон Филипп Альберт, капитан наемного войска 617
Буколов, толмач 214, 215
Булат-бек, персидский посол в Россию 151, 152
Булгаков, торговый человек 94
Булмерр Иван, шляхтич 304
Бург Альберт Конрад, голландский посол в Россию 145
Буривой, чешский князь 433
Бутурлин 264
Бутурлин, стародубский воевода 267
Бутурлин Андрей Васильевич, боярин, воевода 635—637, 673, 678—685
Бутурлин Василий Васильевич, боярин 520, 521, 596—603, 635—637, 639, 643, 672, 682
Бутурлин Василий Иванович, стольник 43, 46, 76
Бутурлин Иван Матвеевич 266
Бутурлин Михаил Матвеевич, стольник, воевода 33, 99, 100
Бутурлин Федор Васильевич, окольничий, воевода 77, 104, 122, 165, 639, 676
Бутурлин-Ворон Федор Леонтьевич, окольничий 266
Бутурлин-Клепик Василий 266
Бутурлины, бояре 266
Бухаров, подьячий, русский посланник в Персию 67
Бухвостов Борис, стрелецкий голова 508
Буховецкий Мартын, писарь Познанского воеводства 411
Буцкий Антоний, униатский монах 456
Бырляй Кондрат, посол Б. Хмельницкого в Москву 587, 588

Вальдемар Христианусович, датский принц, сын Христиана IV 229—238, 240, 241, 244, 247, 460, 461
Валявский Евстафий 23
Варлаам, вологодский архиепископ 610, 611
Варнабей, капитан 280
Васенков Марк, стрелецкий сотник 495
Василевич Феодосий, слуцкий архимандрит, игумен киевского Михайловского монастыря 637, 638
Василий, игумен Густинского прилуцкого монастыря 458
Василий, молдавский воевода. См. Лупул Василий
Василий Васильевич Темный, великий князь 54, 174
Василий III Иванович, великий князь 258
Василий Иванович Шуйский, царь 9, 10, 14, 15, 32, 37, 39, 41, 45, 46, 78, 80, 81, 83, 84, 105, 113, 183, 184, 186, 187, 193, 238, 249, 256, 259, 261, 265, 273, 287, 317, 320, 331, 335, 336, 338, 339, 346, 463—465, 564, 567, 570
Василий Михайлович, царевич, сын Михаила Федоровича 255
Вейгер, польский полковник 174
Величко Самуил, украинский летописец 361
Вельяминов, калужский воевода 155
Вельяминов Андрей Игнатьевич 17
Вельяминов Иван 161
Вельяминов Мирон, псковский воевода 33, 76
Вергун, отец самозванца Ивана Вергуненка 463
Вергуненок Иван, самозванец, выдававший себя за царевича Дмитрия 463, 464, 466
Верзига, казачий атаман 25
Веревкин, воевода Енисейского острога 290
Вешняк Федор, чигиринский полковник 550
Вилкенсон, голландский купец 305
Вильгельм, курляндский князь 138
Виниус Авраам, брат заводчика Андрея Денисовича Виниуса 304
Виниус Андрей Денисович, заводчик, голландский купец 304, 305, 460, 478, 616, 617
Витовский Станислав, польский посол в Россию 578
Витовтов (Евдокимов) думный дьяк 42, 44, 102
Вишель, полковник 100
Вишенский Иоанн, инок Афонского монастыря 413—415, 432
Вишневецкий Иеремея (Еремей), князь, украинский магнат 450, 473, 528, 532, 533, 536, 537, 539—545, 547, 551, 574, 575
Владимир Святославич, великий князь киевский 313, 357, 456, 472
Владислав, польский королевич, сын Сигизмунда III. См. Владислав IV
Владислав IV, польский король 31, 32, 35, 36, 38, 39, 45—47, 52—54, 96, 100—105, 107, 108, 110, 116, 117, 153—156, 158, 164, 165, 167, 168, 171—176, 181, 187, 193, 195, 196, 198, 211, 213, 236, 249, 275, 281, 346, 438, 460, 467, 525—527, 535, 541, 551, 558—560, 562, 564, 572, 593, 648, 666, 690
Власов Максим, смольнянин 246
Власьев Василий, сибирский воевода 311
Внуков Поздей, «человек» бояр Морозовых 121
Воеводский Станислав, польский губернатор в Смоленске 164
Воейков, дворянин 627, 628, 632—634, 637
Войницкий, познанский воевода, каштелян 672
Войтковский, поручик 46
Волк Трофим, новгородский посадский человек 495, 504
Волков, устюжский земский судья 488
Волков, шуйский губный староста 289
Волков Иван, стольник 473
Волконские, князья 272
Волконский Григорий, князь, окольничий 68, 108, 109, 122, 169
Волконский Дмитрий, князь 643, 644
Волконский Иван, князь, рязанский воевода 272
Волконский Никита, князь, воевода 29, 30
Волконский Петр Федорович, князь 264
Волконский Федор, князь, посол в Грузию 229
Волконский Федор Иванович, князь 257

Волконский Федор Федорович, князь 264
Волконский Федор Федорович, князь, боярин, окольничий 486, 507, 508, 588
Волконский-Мерин Федор Федорович, князь, михайловский воевода 272
Волович Евстафий, ксендз 410
Волович Иван 684
Волошенинов Михаил, думный дьяк 237, 248, 253, 584
Волуев Григорий, воевода 104
Волынский Степан, дворянин, русский посол в Англию 137
Волынский Федор, воевода 34, 106, 107
Воронец, литвин 121
Воронцов-Вельяминов Григорий, помещик 508
Воротынские, князья 260, 262, 264
Воротынский, князь 350
Воротынский Иван Михайлович, князь, боярин 15, 16, 41, 42, 44, 48—55, 258—260, 262
Воскобойников, новгородский купец 608
Врангель, шведский посол в Россию 606
Всеволожская, дочь Рафы Всеволожского, невеста царя Алексея Михайловича 481
Всеволожские 481
Всеволожский Рафа (Федор) 481
Вуд Яков, ротмистр на русской службе 281
Выговский Астафий, отец писаря Ивана Выговского 673, 676
Выговский Данило, казацкий полковник, брат Ивана Выговского 677, 678, 682
Выговский Иван, писарь войска Запорожского, затем гетман 556, 576, 583, 585, 592, 593, 597, 600, 601, 610, 635, 642, 673, 676—679, 681, 684, 685
Выговский Константин, брат Ивана Выговского 677, 678
Вязьма Михаил, новгородский посадский человек 495

Гавренева, думная дворянка 631
Гаврилов Андрей, новгородский земский староста 495, 504, 505
Гаврилов Афанасий, казацкий есаул 102
Гагарин, князь 161, 164
Гагарин, князь 269
Гагарин Никита, князь, вяземский воевода 103
Гагарин Семен, князь, воевода 32, 33
Гагин 272
Галаган Микита, крестьянин 361, 362
Галинский Петр, польский посланник в Россию 653, 654
Ганделиус Еразм, имперский посол 41, 48, 50, 51, 53—55, 60
Гарвей, лондонский купец 614
Гариох Юрий, голландец, солдат наемного войска 617, 618
Гассан-паша, визирь турецкого султана 207
Гедимин, великий князь литовский 378
Геннадий, псковский епископ 343
Генрих Валуа, польский король 156
Генрих Оранский, принц Нассауский, голландский штальгальтер 145, 146, 150, 615
Георг, бранденбургский курфюрст 126
Герасим, александрийский патриарх 320
Герасим, суздальский архиепископ 28
Гермоген, казанский митрополит, затем патриарх 47, 50, 122, 321, 343, 346
Герн Томас, ротмистр русской службы 281
Герольд, рудознатец 304
Гетеерис Антон, голландский посол в Россию 79
Гиблой Антон, ладожский торговый человек 606
Гижицкий Альбрехт 181
Гизель Иннокентий, архимандрит Киево-Печерской лавры 604, 605
Гизингарский Малтеюл, датский посол в Россию 148, 149
Гилленштерн, шведский посол в Россию 606
Гиря Иван, казак 445
Гладкий Григорий, путивлец 136, 137, 447
Глебов Матвей, товарищ воеводы 291
Глебов Моисей 164, 169
Глинка 356
Глинская, княжна 160
Глинские, князья 160
Гловерт Френчик, английский торговый человек 306
Глядовицкий, пан 646, 647

Гнус Иван, новгородец, «человек» князя С. Урусова 689
Гогара Василий, русский путешественник 352
Годунов Борис Федорович. См. Борис Федорович Годунов, царь
Годунов Иван, племянник Н. В. Годунова 265
Годунов Иван Васильевич 41
Годунов Иван Иванович, окольничий 271
Годунов Матвей Михайлович, боярин, тобольский воевода, затем казанский воевода 271
Годунов Никита Васильевич, окольничий 109, 138, 265, 271
Годунова Ирина Никитична, жена И. И. Годунова, тетка Бориса Годунова 271
Годунова Ксения (в монашестве Ольга), царевна, дочь Бориса Годунова 271, 349
Годуновы 186, 260, 262, 271
Голенищев 269
Голиаф 336
Голимонт, пан 629
Голицын Андрей Васильевич, князь 42, 46, 47, 259, 260
Голицын Василий Васильевич, князь, боярин 36—38, 45, 46, 50, 53, 101, 105, 116—118, 259
Голицын Иван, князь 194, 340
Голицын Иван Андреевич, князь, боярин 267, 491
Голицын Иван Васильевич, князь 36, 266, 267
Голицыны, князья 260
Голмер, датский гонец в Россию 229
Головачев Федор, сольвычегодский воевода 326, 327, 487
Головей Христофор, часовых дел мастер 306
Головин, дьяк 109
Головин, подьячий 617
Головин, стольник 603, 606—608
Головин Петр, терский воевода 25, 26
Головин Петр, якутский воевода 291
Головин Федор, окольничий 8
Голосов Лука Тимофеевич, думный дьяк 491
Гонсевский Александр, велижский староста 41—45, 47, 49—54, 99, 100, 110, 112, 113, 115, 116, 118, 119, 182, 184, 250
Гонсевский Винцентий Корвин, польско-литовский гетман 637, 639, 641, 643, 646, 649, 665, 666
Гонсевский Христоф 181
Гордон Александр, иностранный полковник на русской службе 282
Горн, шведский посол в Москву 132
Горн Генрих, шведский уполномоченный в мирных переговорах с Россией 78
Горн Эверт, шведский фельдмаршал 73, 75—77, 80, 81
Горчаков, слуга Троице-Сергиева монастыря 321
Горчин Ян Александр 558
Готиков 101
Граб Иверт, датский посланник в Россию 495, 498, 499
Граман Артман, доктор 255
Грамотин Иван Тарасович, думный дьяк 31, 42, 44, 132, 140, 151, 230, 275, 439, 445, 476, 482
Грекович Антоний, архимандрит Выдубецкого монастыря 456
Грибоедов Федор, дьяк 486
Григорий, священник из с. Большое Покровское, Вяземского у. 245
Григорий, слуга митрополита Михаила 403
Григорий, справщик типографии 333, 334
Григорьев, церковный дьячок 325
Григорьев Григорий, послан в Англию учиться 69
Григорьев Елисей (прозвище Лисица), новгородский посадский человек 495, 496, 502, 504, 505
Григорьев Юсуф, имперский посланник 56, 57
Гридич Ян, польский королевский секретарь 40, 45, 49, 104, 111, 114
Громыка Михаил, казацкий полковник 583
Грот, имперский посол в Польшу 56
Грушецкий, пан 48
Грязев, подьячий, гонец в Англию 95
Грязев Иван, дьяк 129, 130, 149
Губин Григорий, устюжский посадский человек 489
Гуня Андрей, предводитель крестьянского народного восстания 195, 196, 217, 451, 458
Гурий, казанский архиепископ 313
Гуссейн-бек, пристав персидского шаха 152
Гуссейн, великий визирь турецкого султана 157, 204

Густав II Адольф, шведский король 72, 74, 77—80, 85, 95, 96, 126, 132, 133, 135, 136, 149, 159, 175, 196, 198, 208, 211, 353

Давид, царь 336
Дам-фан, полковник 162
Данила 246
Данилов, дьяк 62
Данилов Михаил 332
Даниловец Яким, «разбойник» 462
Данилович, польский подскарбий коронный 249, 250
Дасседевиль, маркиз. См. Таллеран Карл
Дашков, дворянин, русский посол в Константинополь 212, 213
Дашков, дьяк 162
Дашков, мстиславский воевода 671
Дворецкий Василий, киевский полковник 673
Девочка Онисифор, киевский и галицкий митрополит 384, 385, 440
Деганс (Де-Гэ Курменен) Людвиг, французский посол в Россию 143, 145
Делагарди Магнус, рижский губернатор, граф 658, 667—669
Делагарди Магнус, шведский генерал, граф 649, 650, 653, 656
Делагарди, Яков Пунтусович, шведский полководец 72—78, 80—84, 88
Демидов Гавриил, псковский земский староста 508, 511—513, 515, 516
Демка, наказной атаман запорожский 571
Демушерон, голштинский агент в Москве 200, 201
Детерсон, живописец 306
Джан-Арслан, ногайский мурза 21, 26
Джанибек-Гирей, крымский хан 67, 68, 212, 214, 439
Дзиковский Иван, черниговский полковник 584
Дзялак, полковник 544
Дигби, английский торговый агент 306
Дикс Дюдлей, английский посол в Россию 138, 139
Димитрий Иванович, царь. См. Лжедмитрий I
Димитрий. См. Дмитрий
Дионисий, архимандрит Троице-Сергиева монастыря 313—321
Дионисий, псковский ключарь 508
Диоскор Александрийский 418
Длуский, пан 195
Дмитриев Василий, 639
Дмитриев Михаил, воевода 98, 639
Дмитрий (Димитрий), царевич, младший сын Иоанна IV (именем «царя» Димитрия назывались многие самозванцы) 10, 24—26, 32, 78, 186, 337, 338, 465, 566
Дмитрий (Димитрий) Алексеевич, царевич, сын царя Алексея Михайловича 490
Дмитрий (Димитрий) Донской, великий князь московский 339
Добрынка Банщик, псковский посадский человек 508
Долгоруков Димитрий 463
Долгоруков Юрий Алексеевич, боярин, князь 640, 651
Долгорукова Мария Владимировна, царица, жена царя Михаила Федоровича 128
Долматов-Карпов, боярин 621
Дорн Иван, переводчик «Космографии» 331
Дорошенко Иван, полковник 670
Дорошенко Михаил, казацкий полковник, гетман войска Запорожского 441, 442, 444, 445, 447
Дохтуров Герасим Семенович, думный дьяк, русский посол в Англию 611—614, 659
Древинский Лаврентий, волынский депутат на сейм 429
Дроздович, украинский сотник 671
Дростальский, пан, литовский маршалок 40
Дрябин Нечай, толмач 495, 618
Дубницкий, владимирский войт 380
Дубровка, чешская княжна, жена польского короля Мечислава 433
Дубровский Богдан, казначей, русский посол в Валахию и Швецию 566, 571, 606
Дьяволов Кирша, новгородский стрелецкий пятидесятник 496
Дуниковский, польский полковник 46
Дунилов Семен 109

Евдокимов, дьяк, русский посол в Константинополь 207
Евдокия Алексеевна, царевна, дочь царя Алексея Михайловича 499

Евдокия Лукьяновна (урожденная Стрешнева), царица, вторая жена царя Михаила Федоровича 128, 459
Евсевий, псковский священник 508, 515
Евтихий 418
Екатерина, сестра бранденбургского курфюрста Георга 126
Екатерина, сестра польского короля Владислава IV 193
Екатерина II, императрица 356
Елена, гречанка 445
Елецкий Федор, князь, стольник, новгородский воевода 294
Елисавета, игумения прилуцкого Покровского монастыря 458
Ельрендорф Павел, золотых дел мастер 306
Емельян, новгородский священник 607
Емельянов Федор, псковский посадский человек 493, 494, 506—509, 515, 667
Еремеев Еремей, немецкий переводчик 35, 57
Ерлич, автор летописи 456
Ермолич Юрий, польский шляхтич 541, 567, 568
Еско, черкасский полковник 595
Ессен-фон Александр, шведский посол в Москву 655
Ефим, вахмистр наемного войска 617
Ефрем, казанский митрополит 17

Жадик Якуб, польский комиссар, коронный канцлер 174—176, 182, 184
Жданович Антон, киевский полковник 591, 670—674, 679
Жегара Семен, стрелец 507, 508
Жеглов Иван, новгородец, митрополичий сын боярский 495, 497, 498, 500—505
Жедринский, нижегородец 107
Желябужский, гонец в Польшу 36—40
Желябужский Тимофей, участник земского собора 1642 г. 219
Жеребцов, русский посланник к крымскому хану 638
Жолкевские 547
Жолкевский Лука (Лукаш), пан 188, 581
Жолкевский Станислав, коронный гетман польский 43, 46, 53, 80, 81, 101, 102, 105, 181, 182, 347, 422
Жоравинский Марк, управитель луцкой епархии 381
Жуковский, сотник 671
Журавинский Станислав, бельцкий каштелян 101

Заборовский Семен, думный дьяк 56—60, 62, 68
Завиша Христоф, великий маршалок 659
Заика Дмитрий, купец гостиной сотни 630
Замойский Ян, польский канцлер и коронный гетман 396, 397, 422—424
Заплева Иаков, священник 507, 508
Зарудный Самойла Богданович, генеральный судья войска Запорожского 587, 600, 603
Заруцкий Захар 171
Заруцкий Иван Мартынович, предводитель казацких отрядов 11, 19—27, 36, 67, 70, 260, 302
Засекин Александр, князь, окольничий 42
Засецкий Иван Васильевич 491
Захар, иноземец, «стекляничный мастер» 246
Захарий, ученик константинопольского патриарха Кирилла 205
Збируйский Дионисий, холмский епископ 388, 389, 397
Зелфикар-ага, переводчик 223—227, 465
Земский Андрей, новгородский посадский человек 495
Зеркальников Перфилий, ученик школы Ф. М. Ртищева 492
Зизаний Стефан, учитель Львовской школы 390, 407, 416, 417, 427
Зизаний-Тустановский Лаврентий, корецкий протопоп 332—334
Злоба Тимофей, супрасльский архимандрит 425
Золотаренко Василий, нежинский полковник 656, 670
Золотаренко Иван Никифорович, наказной гетман войска Запорожского 625, 628, 629, 633, 634, 637, 639, 642, 643, 650, 670, 671
Золотой-Кванин Андрей, смоленский архиепископ, униат 458
Зорка, писарь Б. Хмельницкого 361
Зосима, монах 320
Зубов, смольнянин 103, 104

Зюзин Алексей, дворянин 68, 69, 78, 89, 90, 95
Зюзин Никита Алексеевич, стольник 489

Иаков. См. Яков I, английский король
Ибрагим, турецкий султан 217, 223, 224, 468
Ибрагим-паша 129
Иван, протопоп московский 492
Иван, священник с. Клементьева 313, 314, 318, 319
Иван Димитриевич, сын Марины Мнишек и Лжедмитрия II 25, 67, 156, 157
Иван Михайлович, царевич, сын царя Михаила Федоровича 255
Иван Оловяничник, новгородец 496
Иванов Алмаз (Ерофей Иванович), думный дьяк 15, 581, 588, 653, 654, 657
Иванов Константин, дьячок московского Благовещенского собора 491, 492
Иванов Михаил 245
Иванов Постник, сибирский служилый человек 312
Ивашка, «наймит» 323
Ивашка (прозвище Солдат), устюжанин 489
Игнатий, патриарх 104
Игнатий Солодовник, новгородский посадский человек 689
Игнатьев, устюжский земский судейка 488
Иеремия, константинопольский патриарх 384—387, 392, 412, 416, 426
Измаил, казацкий полковник, гетман войска Запорожского 441, 442
Измайлов Артемий Васильевич, окольничий, воевода 30, 32, 33, 41, 109, 122, 164, 170—173, 175
Измайлов Василий 171, 173
Измайлов Иван 280
Измайлов Семен 171
Измайлов Тимофей 172
Ильин, дьяк 28
Илья, игумен Богоявленского монастыря 333, 334
Иннокентий X, римский папа 574
Иоаким, антиохийский патриарх 382—384
Иоаким, архимандрит Спасского святогорского монастыря 463
Иоаким, силистрийский митрополит 325
Иоанн, брат шведского короля Густава II Адольфа 96
Иоанн, датский королевич 148, 229
Иоанн Богослов 99, 346
Иоанн Златоуст 448, 517, 641
Иоанн Лествичник 338
Иоанн Предтеча 220
Иоанн III Васильевич, великий князь московский 258
Иоанн IV Васильевич Грозный, царь 14, 59, 60, 92, 159, 160, 171, 239, 244, 258, 267, 269, 279, 287, 326, 352, 356, 377, 422, 497, 498, 509, 510, 516, 517, 567, 663
Иоасаф, коринфский митрополит 574
Иоасаф, псковский архиепископ 168, 301
Иоасаф, российский патриарх 184, 238, 322, 323, 704
Иоахим Альбрехт, голландский посол в Россию 79
Иов, российский патриарх 516
Иона, киевский и галицкий митрополит 381
Иона, крутицкий митрополит 317—319
Иосиф, александрийский архимандрит 320
Иосиф, архимандрит Новоспасского монастыря 184
Иосиф, архимандрит Чудовского монастыря 127
Иосиф, владимирский и брестский епископ 380
Иосиф, российский патриарх 238, 241, 485, 519, 522, 523, 626
Иосиф, рязанский архиепископ 122
Иосиф, суздальский архиепископ 321
Ипатий (в миру Адам) Потей, каштелян брестский, затем епископ владимирский, митрополит киевский. См. Потей Адам
Ирина Михайловна, царевна, дочь царя Михаила Федоровича 229, 232, 233, 235, 237, 238, 242, 246, 255
Ирина Федоровна, урожденная Годунова, царица, жена царя Федора Ивановича 14, 15
Исакий, луцкий епископ 137, 441
Исаков Богдан, торговый человек 274
Исаков Сидор, новгородец 503
Исидор, новгородский митрополит 72, 89, 130
Искра, посланец Б. Хмельницкого в Москву 584

Искренка Иван 571
Ислам-Гирей, крымский хан 551, 574
Исленьев Степан, воевода 33, 34
Иштерек-бей, ногайский князь 21, 24, 26

Казановский, пан 23
Казановский, польский полковник 445
Казимир IV, польский король 54, 174
Казимирский, князь, киевский бискуп 41
Кайбулович Михаил, татарский царевич 266
Калачев Посник, шуйский губной староста 289
Калинин Андрей, устюжский стрелец 491
Калиновский Мартын, польский польный гетман 188, 528, 530, 536, 581, 583, 586
Кантакузин Фома, грек, турецкий посланник в Россию 157, 158, 201, 206, 207, 209, 215
Кантемир-мурза 212
Капитан-паша 209, 326
Капуста Лаврин, казак, посланец Б. Хмельницкого в Москву 594
Каразейский Иван. См. Акундинов Тимофей
Караимович Ильяш, полковник 451
Карамышев Иван, воевода 209, 210, 214, 224
Карл, брат польского короля Владислава IV, бискуп братиславский 193
Карл I, английский король 69, 72, 150, 475, 486, 487, 611, 613—615
Карл II, английский король 614, 615
Карл IX, шведский король 72, 80
Карл X Густав, шведский король 641, 648, 650, 653, 657, 658, 667, 673, 675, 681
Карл-Филипп, королевич, брат шведского короля Густава II Адольфа 72—75, 81—83
Карпович Леонтий, архимандрит Виленского монастыря 117
Карсиньский, польский посол в Россию 111
Касим-ага 226
Каторжный Иван, казацкий донской атаман 207, 208, 215, 216, 225
Кашкин, дьяк 96
Кизименко, предводитель казацкого восстания на Украине 451
Кикин, дворянин 268
Кикин, стольник 681, 682
Киприан, архимандрит Хутынского монастыря, сибирский архиепископ 72, 73, 75, 76, 313, 323, 325, 334
Киприан, иеродиакон 412
Киприан, русский митрополит 334
Киреевский, русский посланник в Польшу 154, 155
Кирилл, византийский патриарх. См. Кирилл, константинопольский патриарх
Кирилл, константинопольский патриарх 137, 157, 158, 205, 325
Кирилл, стрелец 503
Кирилл, учитель Львовской школы 390
Кирилл Иерусалимский 333, 417
Кирилл Семенович 330
Кисель Адам Свентолдич, украинский магнат, киевский каштелян 448—451, 471—474, 530—533, 535, 536, 538—540, 542—548, 557, 567, 581
Кит Вильгельм, иноземный полковник на русской службе 282
Кишкин, шуйский губной староста 290
Клезель Мельхиор, кардинал 61
Климент VIII, папа римский 409
Климов Григорий, стародубец 532
Клобучков Иван, псковитин 515, 516
Ковалевский Иван, есаул 678, 684, 685
Коза Прохор, псковский стрелец 494, 506, 508, 512, 515, 516
Козановский, польский ротмистр 47
Козлов Яков, подьячий 608
Козловский, князь 356, 357
Кокорев Григорий, мангазейский воевода 291, 292
Колонтаев, стольник 329
Колтовский Иван 100
Колчин Иван, стрелец 507, 508
Колычев, дворянин 72
Колычев, стольник 323
Колычов, брянчанин 473
Комаровский Петр, комиссар польского правительства на Украине 451
Кондырев, воронежский воевода 467
Кондырев Иван, дворянин, русский посланник во Францию 105, 143, 144, 202—205

Конецпольские, польские магнаты 547
Конецпольский Станислав, польский гетман 137, 441, 442, 445—450, 458, 473, 526, 541—543, 545, 574, 666
Коновалов Федор, псковитин 511
Кононович Савва, гетман 450
Константинов Федор, казацкий полковник 670, 671
Коншин, дьяк 72
Конюховский Евдоким, стремянный конюх 607
Конюховский Константин Евдокимович, «подьячий» самозванца Т. Акундинова 464, 556, 607—610
Копинский Исаия, киевский митрополит 454, 456
Копнин Третьяк, дьяк 286
Копыстенский Михаил, перемышльский епископ 420
Копыто Василий, стрелец, псковитин 494, 512, 515
Копыто Иев 515, 516
Копытов Иван, псковский стрелец 508
Копычевский, польский полковник 104
Корепин Савинка, устюжанин 490, 491
Коробейников Трифон 352
Коробка Федор, посланец Б. Хмельницкого в Москву 657, 676
Коробьин, дворянин 121
Коробьин, окольничий 169
Коробьин Василий, дворянин, русский посол в Данию 149, 152, 213, 214
Корсаков Ларька, дорогобужский «державец» 154
Корф, польский полковник 629
Коршун, сибирский князь 311
Кос Герман, датский посланник в Россию 669
Коссов Сильвестр, киевский митрополит 457, 556, 601—604
Костомаров Н. И., историк 355, 357—361
Котельников Дмитрий, устюжский посадский человек 489
Котов Родион, торговый человек 94, 141, 351, 352
Кохановский Ян, польский посланник в Турцию 65
Кошка Самуил, казачий атаман 438
Коэт, швед, заводовладелец 306
Краббе Григорий, датский посол в Москву 230, 231
Красенские 457
Красильников Иев, новгородский посадский человек 503
Красинский Ян Казимир, полоцкий воевода 659
Краферт, полковник 306, 508, 510
Кремский, ротмистр 281
Креуза Леон, виленский архимандрит, униат 429
Кривонос Максим, предводитель крестьянского восстания 537—539, 542
Кристлер, шведский каменщик 306
Крицкий, пан, литовский канцлер 40
Кроа, английский полковник, английский посланник в Россию 614
Кроткий, шуйский губной староста 289
Крузбиорн Петр, шведский резидент в Москве 196—198, 606
Крузенштерн-фон Филипп, шведский посол в Россию 655
Крузиус Филипп, голштинский посол в Россию 198, 201, 610
Кувшинов, русский посланник в Персию 152
Кудекуша Тимофей, псковитин 343
Кузовлев Алферий, дьяк, русский посол в Турцию 463, 466, 467, 564, 688, 690
Кузьмин Алексей, священник 322
Кузьмин Иван, служка новгородского Софийского монастыря 496
Кузьмин Родион, новгородец, «человек» воеводы Урусова 689
Кульпепер Джон, граф, английский посол в Москву 615
Кунаков, московский гонец в Варшаву 525, 541, 542
Кунцевич Иосафат, полоцкий архиепископ, униат 430, 433, 436, 437, 440, 454, 456, 706
Куракин, князь, киевский воевода 603
Куракин Григорий Семенович, князь, боярин 622, 651
Куракин Иван Семенович, князь, боярин 34, 36, 44, 70, 71, 265. 267
Куракины, князья 267
Курбский Андрей, князь 378
Курмаш-мурза-Урусов 106
Курцевич Иосиф, архиепископ Сийского монастыря 322
Куцко Иван, гетман войска Запорожского 438

Лаврентий, львовский школьный учитель 390
Лаврентий, монах 321, 322
Ладкай, сибирский князь 311
Ладыженский Амвросий, русский посланник в Польшу 128, 129
Лазарев Дементий, дворянин, кашинский воевода 289
Лазаревская Иулиания, героиня повести 350, 351
Лазаревский Леонтий, дьяк, посол в Константинополь 223
Лазаренко Антон, запорожский полковник 440
Лазовские 457
Лазовский Феодосий, епископ холмский, затем епископ владимирский и брестский 380, 381, 706
Лапотников Софрон, тяглец новгородской сотни 629, 630
Лаптев Антон, ярославский купец 477
Ларионов, стряпчий 268, 269
Ларионов Андрей, стрелец 491
Левкий, архимандрит Симонова монастыря 164
Левонтьев 269
Левонтьевы 269
Ленталь, спикер английской палаты общин 614
Лентовский, ксендз, польский посол к Б. Хмельницкому 545
Леонтьев, дворянин, посол в Персию 67
Леонтьев, стольник 671
Леонтьев Гаврила, дьяк, русский посол в Польшу 190, 191, 193, 486, 558
Леонтьев Данила, можайский воевода 104, 109
Леонтьев Самуил, голландский купец 301
Леопольд, брат императора Фердинанда III, впоследствии император 665
Лесли Александр Ульянович, иноземный полковник на русской службе 161, 162, 164, 166, 281
Лесницкий Григорий (Грицко), миргородский полковник 676, 678
Лещинский, познанский воевода 666
Лещинский Андрей, брестокуявский воевода 427
Лещинский Ян, гнезненский каштелян 560
Лжедмитрий I 9, 10, 32, 41, 45, 46, 64, 156, 251, 253, 259, 287, 292, 331, 335—337, 339—341, 346, 347, 349, 350, 465, 470
Лжедмитрий II 259
Лимарев Михаил, владелец селитряных варниц 307
Липский Андрей, луцкий епископ 101
Лисица Елисей. См. Григорьев Елисей
Лисишников Матвей, донской казачий атаман 62
Лисовский, польский военачальник 29, 30, 33, 34, 83, 278, 280, 345
Лихарев, дворянин 649, 653
Лихарев Никита, воевода 98
Лихачев Федор, думный дьяк 333
Лобанов-Ростовский Иван Иванович, князь, окольничий 521, 659
Лобода Григорий, гетман войска Запорожского 421, 422, 706
Ловчиков, воевода 272
Ловчиковы 272
Логин, головщик Троице-Сергиева монастыря 316, 317, 320, 321
Лодыженский, стольник 591
Лозка, мозырский маршалок 452
Лозка Анна Гугулевичевна, жена мозырского маршалка 452
Лопата-Пожарский Дмитрий Петрович, князь 30
Лопухин Ларион Дмитриевич, думный дьяк 592, 596
Лорбах, имперский посол в Москву 650
Лоффельт Петр, шведский резидент в Москве 197, 198
Луба Дмитрий, шляхтич, отец Лубы Ивана Дмитриевича 251
Луба Иван Дмитриевич (Ян Фаустин Луба, Иван Фаустич Дмитриев), самозванец, мнимый сын Лжедмитрия I и Марии Мнишек 115, 248, 250—254, 366, 460, 462, 463, 470, 471, 541, 571
Луговский Томила Юдич, думный дьяк 120, 121, 269, 275, 332, 362
Лука, священник 326
Лукомский, князь, командир польско-литовского отряда 637
Лукьянов Парамон, псковский стрелецкий пятидесятник 508
Лунев Мельхарт, голландец, органного дела мастер 306
Лунев Яган, голландец, органного дела мастер 306
Лупул Василий, молдавский воевода 222, 225, 226, 464—466, 566, 573, 586, 587

Лыков Богдан, переводчик «Космографий» 331
Лыков Борис Михайлович, князь, боярин 28—30, 46, 104, 106, 107, 162, 163, 169, 263, 267, 268, 273, 569
Лыков Федор, князь 268
Львов Алексей Михайлович, князь, боярин 30, 125, 126, 129, 130, 174, 180, 181, 183, 184, 187, 236, 248, 253, 254, 482
Львов Василий Петрович, князь, окольничий, псковский воевода 506, 507, 515, 516
Львов Григорий, дьяк 237
Львов Кузьма, подьячий 489, 490
Любомирский Юрий, князь, маршалок надворный 665, 666
Людмила, жена чешского князя Буривоя 433
Людовик XIII, французский король 143, 150, 205
Людовик XIV, французский король 618
Лютер 375, 376
Лянцкорнский Станислав, коронный гетман польский 653
Ляпунов Владимир Прокофиевич, сын Прокофия Ляпунова, воевода 271, 272
Ляпунов Захар 272
Ляпунов Прокофий (Прокопий) Петрович, думный дворянин, воевода 22, 23, 43, 46—48, 53, 260, 271, 283, 342, 343
Ляпунов Ульян Семенович, рязанский воевода 272
Ляпуновы 271, 272, 637
Ляшко, архиепископ-примас 536

Магмет-Гирей, крымский хан 638, 639
Магнус, принц датский 239, 510
Магомет, турецкий султан 445, 446
Магомет-паша, визирь турецкого султана 66
Мадалинский, литвин 115, 171
Мадалинский, польский воевода в Смоленске 246
Макарий, новгородский митрополит 130
Макарий, основатель Желтоводского монастыря 484
Макарий, псковский архиепископ 493, 494, 506, 510, 514
Макарий, тобольский архиепископ 313, 325
Македоний 418
Максимилиан, эрцгерцог австрийский, брат императора Матвея 56
Максимов Лука, новгородский церковный дьячок 689
Мамай, ордынский темник 339
Мансуров Петр, русский посланник в Турцию 62, 63
Мантуанская Людовика-Мария, жена польского короля Владислава IV 468
Мануил, дьяк константинопольского патриарха 65, 66
Мануил, византийский император 497
Манчестер, лорд 613
Маржерет, француз 280
Мария, урожденная Нагая, царица, жена царя Иоанна IV 15
Мария Ильинишна, урожденная Милославская, царица, жена царя Алексея Михайловича 481, 699
Марк, английский купец 69
Маркелл, ризничий, дьякон 317
Марселис Гаврила, сын Петра Гавриловича Марселиса 305
Марселис Гавриил, отец Петра Гавриловича Марселиса 234
Марселис Леонтий, сын Петра Гавриловича Марселиса 305
Марселис Петр Гаврилович, датский купец, заводовладелец 200, 201, 229, 234, 240, 243, 244, 246, 247, 305, 353, 460, 476, 616, 617
Мартемьянов Исай, казачий донской атаман 202
Мартензон Монс, шведский уполномоченный при переговорах о мире 78, 96
Мартынов Иван, золотых дел мастер 306
Марфа Ивановна, царица, мать царя Михаила Федоровича 5—11, 14, 37, 121, 317—319, 348, 358—360
Матвеев, дьяк, русский посол в Константинополь 213, 214
Матвеев Артемон Сергеевич, стрелецкий голова, стольник 629, 641, 665, 666
Матвей (Матьяш), император 32, 56
Матрена Белошвейка 310
Маттейсон (Маттисон) Юрий, полковник, иноземец на русской службе 165, 282
Матьяш. См. Матвей

Матюшка (Сидорка), самозванец в Пскове и Ивангороде, мнимый царь Дмитрий Иванович 344, 345
Маховский, польский полковник 584
Мацеевский Бернард, луцкий епископ 397
Мачехин, русский гонец во Францию 618, 619
Меделянский. См. Мадалинский
Мезецкий Данила Иванович, князь, окольничий 15, 76, 78—82, 89, 90, 109, 111, 122, 275, 285, 287
Мезецкий Никита, князь 286, 287
Мелетий, александрийский патриарх 428
Меллер Яган, шведский агент в Москве 135, 136, 196—198
Менцинский Андрей, польский комиссар 101
Меншиков, псковский пятиконецкий староста 506
Мерик Джон Уильям (Иван Ульянович), купец, английский посол в Россию 70—72, 78—79, 84, 85, 87, 90—95, 138, 139, 141—143, 280, 475
Меркурьев Кузьма, новгородец 505
Меркурьев Фома, новгородец 505
Мефодий, просветитель славян 433
Мечислав, польский князь 433
Мещерский, князь, брянский воевода 553
Мещерский Иван 678
Мещерский Никифор, князь 75, 267
Мещерский Федор, князь 42
Мещеринов Иван, невельский «державец» 154, 155, 171
Микляев, новгородец 609, 610, 689
Микулин Гаврила Нестерович, сын площадного подьячего 504
Микулин Нестер, площадный подьячий 504
Милославская Анна Ильинична. См. Морозова Анна Ильинична
Милославская Мария Ильинишна. См. Мария Ильинишна, царица
Милославский Иван Богданович, стольник 629
Милославский Илья Данилович, боярин 223, 227, 481—483, 490—492, 588, 606, 614—617, 625
Милославский Михаил Васильевич, устюжский воевода 488, 489
Милославский Семен Юрьевич, стольник 629
Милюков Андрей Иванович 271
Милюков Андрей Клементьевич 271
Милюков Астафий Иванович 271
Милюков Василий 271
Милюков Давыд 268
Милюков Давыд Михайлович 271
Милюков Ермолай Назарьевич 271
Милюков Иван Федорович 271
Милюков Матвей Иванович 271
Милюков Мосей Емельянович 271
Милюков Степан 271
Милюков Федор Иванович 271
Милюков Яков Иванович 271
Милюковы 271
Мина, крестьянин, отец московского патриарха Никона 484
Минин Кузьма Захарьевич, нижегородский староста, глава второго народного ополчения против польских интервентов, думный дворянин 17, 36, 49, 155, 260, 274, 342, 343, 347, 358, 362
Минин Нефедий Кузьмич, сын Минина К. 274, 310
Минина Татьяна, жена Минина К. 274
Мисаил, киевский митрополит 428
Михаил, великий князь черниговский 99, 189
Михаил, перемышльский епископ 397, 407
Михаил, черниговский протопоп 512
Михаил Федорович Романов, царь 7—11, 13, 16, 19, 21, 23, 25—27, 30, 31, 35, 37—39, 41, 47, 51—57, 60, 67, 69, 73, 76, 78, 82, 86, 87, 99, 103, 106, 116, 121, 123—125, 127, 145, 150, 152—156, 160, 168, 174—176, 183, 189, 201, 206, 207, 218, 227—229, 238, 255—257, 261, 262, 266, 272, 275, 279, 281, 284, 287, 289, 298, 302, 305—307, 309, 311, 313, 325, 326, 331, 334—336, 348, 349, 353, 355—361, 374, 445, 458, 460—462, 464, 465, 468, 470, 471, 478, 479, 481, 492, 509, 558—560, 564, 570, 593, 594, 608, 616, 619, 645, 667, 697, 700, 702, 704
Михайлов Василий, дьяк 676
Михайлов Онисим, устюжский подьячий 488—490
Михалков, дворянин 268
Михна, воевода Волошской земли 157

Мишницын Михайла, псковитин 508
Мнишек Марина 20, 21, 24—27, 36, 67, 70, 250, 341, 350, 366
Могила Петр, архимандрит Киево-Печерского монастыря, затем киевский митрополит 137, 447, 453, 454, 456—458
Мозыра Лукьян, казачий полковник 583
Моисей, библейский пророк 331, 333, 418, 623
Молодожник Игнатий, новгородец 495, 496, 503—505
Молчанов Михаил 42
Монастырев Василий 109
Монир, шведский посол в Москву 134, 135
Мономахов Игнатий, угличский губной староста 289
Моракушев Борис, угличанин 270
Мордкин Андрей, князь 268
Морин, помещик Вологодского у. 309
Морозов Борис Иванович, боярин 121, 255, 459, 460, 478, 481—484, 487, 490—492, 501, 506, 509—511, 588, 607, 625, 632, 639, 688
Морозов Василий Петрович, боярин, псковский воевода 15, 77, 122, 265, 266
Морозов Глеб Иванович, боярин 121
Морозов Иван Васильевич, боярин 640
Морозова Анна Ильинишна (урожденная Милославская), жена боярина Б. И. Морозова 481
Морозовы, бояре 121, 265
Мосальский Василий, князь 44
Мосолитинов Тимофей, подьячий 566, 569
Мотохов, устюжский ружный староста 488
Мошницын Михаил, псковитин 512
Мстислав (назван в речи архиепископа-примаса как «польский король») 102
Мстиславские, бояре 260, 262
Мстиславский Федор Иванович, князь, боярин 13, 16, 20, 36, 44, 45, 80, 83, 108, 122, 158, 259, 262, 263, 292, 350
Мужиловский Андрей, православный протопоп 454
Мужиловский Силуан, посол Б Хмельницкого в Москву 587, 588
Мунк, графиня, вторая жена датского короля Христиана IV 229
Мунк Лудвиг, датский рыцарь 230
Муравьев Матвей, дворянин 76
Мурад IV, турецкий султан 150, 206, 207, 209, 211, 213, 214, 217
Мурзин Канай (в крещении Михаил), князь 109
Мустафа, турецкий султан 203, 204, 206
Мустафа-паша, великий визирь турецкого султана 224
Муха Игнатий, псковский стрелец 516
Мыльник Семен, устюжский земский судейка 489
Мышецкий Данила, князь, стольник 657, 669, 670
Мышецкий Ефим, князь 229
Мясной Лукьян, посол к императору 60—62, 269

Навуходоносор, царь 354
Нагаев Иван, кадашевец 630
Нагие 271
Нагово Богдан, стольник 268
Наливайко Северин, предводитель крестьянско-казачьего восстания, казачий атаман 421, 422, 706
Нащокин 669
Нащокин, можайский воевода 33
Нащокин Александр Федорович (прозвище Собака), самозванец 463
Неверов, крестьянин 293
Неверов, подьячий 143
Негодяев Макар, новгородец, сын боярский 495
Негодяев Федор, новгородец, сын боярский 495, 502—504
Нейтингаль, английский посланник в Россию 614
Неклюдов, псковский помещик 512
Немиров, дьяк 584
Неронов Григорий, посланник из Москвы к Б. Хмельницкому 553—556
Несвицкий, князь 642
Нестер, новгородский подьячий 499
Нестер, тверской священник 283
Нестеров, дворянин 649
Нестеров Гаврила, прозвище Колча, новгородский пристав 496, 497
Нестеров Никита, мастер печатного двора 192
Нестор, летописец 357

Несторий 418
Нечай, брацлавский полковник 548, 574
Нечай Иван, казацкий полковник 670, 671, 682, 683
Низовцов, сын боярский 325
Никандр, архимандрит новгородского Юрьева монастыря 72
Никандр, священник 326
Никандр, старец, казначей новгородского Софийского дома 497
Никита Минич. См Никон, московский патриарх
Никитников Григорий, торговый человек 141, 228
Никифор, грек, экзарх константинопольского патриарха, протосигнал и архимандрит 229, 408, 412, 413, 420
Никифор, русский священник в Лондоне 95
Никифоров Василий, новгородский посадский человек 495
Николаев Давыд, голландский купец 148, 476
Николаев Захар, переводчик 305
Николай, чернец 27
Никон, новгородский митрополит, затем московский патриарх 484, 485, 495—497, 499—501, 503, 505, 510, 513, 516—518, 521—523, 525, 588, 621, 624, 625, 629—631, 638, 649, 658, 676, 678
Новодворский Адам, кавалер Мальтийского ордена 103, 109, 111, 112
Ногин, псковский помещик 512
Ногин Федор, устюжский крестьянин 489
Нумменс Логин, шведский агент по закупке хлеба, посол 492—494, 502, 506, 508, 514—516
Нурадин, брат крымского хана Богатырь-Гирея 192, 194

Облезов Моисей, московский купец 500
Оболенские, князья 267
Оболенский, князь 72
Оборский Ян, польский посланник в Россию 190
Образцов Андрей, сборщик податей 284
Обухов Меркурий, устюжский посадский человек 489
Обухович, смоленский воевода 629
Обухович Филипп, польский посол в Россию 578
Огарев Иван 164
Одинец Петр, казачий атаман, посланец в Москву 439
Одоевские, князья 267
Одоевский, князь 267
Одоевский Иван Никитич, князь, воевода 20, 24, 27, 72, 81
Одоевский Михаил, князь 520
Одоевский Никита Иванович, князь, боярин, полковой воевода 237, 469, 482, 485, 625, 632, 659—664, 676
Озеров Иван, ученик школы Ф. М. Ртищева 492
Оксенштирна, ревельский губернатор 608
Оксенштирна, шведский канцлер 77
Окунев, новгородский пристав 143, 144
Олеарий Адам, голштинский посол, автор записок о России 307, 330, 352—354, 709
Олекшич, шляхтич 636
Олешинский, пан 38, 39
Олифер, гетман войска Запорожского 441, 447
Олферьев Григорий, сельский староста 309
Ольгерд Гедиминович, литовский князь 189, 493
Онучин, стрелецкий голова 27
Опалинский Петр, шремский староста, комиссар польский 101
Опухтин, царский посланник к донским казакам 22
Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич, боярин, воевода 667, 669
Осинский, пан 250
Осинский Ян, польский капитан 470
Осипов Захар, псковский подьячий 515
Осипович, дьяк 101
Осман II, турецкий султан 157—159, 161, 201, 203, 206, 438
Осорьин, муромский дворянин 351
Осорьин Каллистрат Дружина 350
Осорьина Иулиания. См. Лазаревская Иулиания
Оссолинский, польский коронный канцлер 250, 251, 539, 551
Остранин (Остреница Яцко), казачий атаман, предводитель казацко-крестьянского восстания на Украине 195, 196, 217, 451, 458, 528

Острожские, князья 438
Острожский Владислав-Доминик, князь 282, 537, 539, 540
Острожский Константин Константинович, князь 378, 388, 392, 399—402, 404—408, 411—413, 415, 420—425, 427, 428
Отрепьев Григорий. См. Лжедмитрий I
Отяев Василий 516, 521

Павел, греческий монах 575
Павел, крутицкий митрополит 184
Павлик (Павлюга, Павлюк), предводитель казацко-крестьянского восстания 450, 451, 528
Павлов Михаил, крестьянин боярина Н. И. Морозова 481
Палицын Авраамий, келарь Троице-Сергиева монастыря 7, 313, 318, 337—339, 341, 342, 347
Палицын Андрей, товарищ мангазейского воеводы 291, 292, 300
Пальчиков, стрелецкий голова 27
Пальчовский, польский публицист 440
Панов, дьяк, русский посол в Персию 152
Парфений, константинопольский патриарх 224, 225
Пассбирг Олав, датский посол в Россию 236
Патрикеев Иван, дьяк, русский посол в Данию 232—234, 569, 611
Пафнутий, греческий монах 423
Пахомий, астраханский архиепископ 610
Пельчинский Леонтий, пинский епископ 386, 388, 389
Пенцлавский Албрехт, польский посланник в Россию 582
Первушка Колачник, новгородский посадский человек 689
Песков Иван 609
Песочинский, каменецкий каштелян, польский посол 187
Пестов Иван, коломнитин 490
Петр I, царь 356, 697, 701
Петр Ильич 329
Петрижицкий-Кулага Иван, гетман войска Запорожского 137, 448, 453
Пивов Лев 115
Пилиуш, двоюродный брат императора Матвея 56
Платон 414, 415
Племянников, стольник, русский посланник в Швецию 161, 162
Плещеев 48
Плещеев 264
Плещеев Леонтий, окольничий, судья Земского приказа 482, 483
Плещеев Никифор Юрьевич, путивльский воевода 195, 531—533
Плещеев Федор, воевода Лжедмитрия II 76, 344
Плихта Константин, сохачевский каштелян 101, 109
Плотавский Семен, казак 571
Плясов Федор, сын боярский 323
Погожий Исак, воевода 99, 100
Погожий Федор 47
Пожарская Прасковья Варфоломевна, княгиня, жена Дмитрия Михайловича Пожарского 273
Пожарские, князья 16
Пожарский, воевода 267
Пожарский Дмитрий Михайлович, князь, стольник, предводитель народного ополчения против польских интервентов 11, 16, 23, 33, 34, 36, 56, 72, 104—108, 119, 122, 164, 165, 167, 169, 194, 259, 260, 263, 264, 272—274, 278, 282, 342, 347, 358, 360, 362
Пожарский Дмитрий Петрович, князь 104, 273
Пожарский Иван, князь 253
Пожарский Петр, князь 253
Пожарский Петр Дмитриевич, князь, стольник, сын Д. М. Пожарского 264
Пожарский Семен Романович, князь, окольничий, полковой воевода 467, 647
Пожарский Федор, князь 273
Пожарский Федор Дмитриевич, князь, стольник, сын Д. М. Пожарского 264
Поздеев Марк, дьяк, русский посол в Англию 137
Поклонский, шляхтич, перешедший на русскую службу, полковник 627, 628, 632—634, 637, 638
Покость, холмский епископ, униат 430
Полев, елецкий воевода 108
Полегенький, казак, предводитель восставших крестьян 551
Полубояринов Иван, сын боярский 323
Померенинг Карл, шведский резидент в Москве 606, 608
Попович, черниговский полковник 643
Посников, подьячий 62

Поссевин Антоний, легат римского папы, иезуит 377
Потей Адам, брестский каштелян, королевский сенатор, впоследствии — Ипатий, владимирский епископ, затем киевский митрополит 388, 391, 394—397, 399—401, 403, 404, 406, 408—412, 414, 415, 418, 424, 425, 427, 428, 431, 456
Потей Ян, сын Адама Потея 428
Потемкин Петр, воевода 643, 658, 682
Потемкин Юшка, серпейский «державец» 154, 171
Погоцкий Николай, краковский каштелян, польский коронный гетман 194, 450—452, 458, 470, 527, 528, 530—532, 534, 536, 546, 547, 549, 571, 573, 577, 582, 583, 592
Потоцкий Станислав, польский коронный гетман 643, 653
Потоцкий Стефан, сын коронного гетмана 530
Похабов Григорий, устюжский подьячий 488, 489
Почаповский, луцкий епископ, униат 430
Пражмовский Албрехт, польский канцлер, посланник в Россию 573, 672
Приклонский Федор, сборщик податей в Сольвычегодском у. 487
Пристальцов Томила, новгородец 85
Проезжалов Василий, новгородский посадский человек 495
Проестев Степан Матвеевич, окольничий, русский посол в Польшу 190, 191, 193, 194, 232—234, 468
Прозоровский Семен Васильевич, князь, боярин 76, 100, 164, 165, 171, 194, 268, 299, 485, 486, 552, 565, 566, 570, 576, 583, 584, 625
Пронский Михаил Петрович, князь 510, 629—631
Пронский Петр, князь, стольник, вяземский воевода 100, 103, 104, 245
Прончищев Афанасий, дворянин, русский посол в Константинополь 211, 212, 581, 591, 593
Прончищев Осип, дворянин 96
Протасьев Петр, дворянин 567—570
Прохор, архимандрит казанского Преображенского монастыря 598
Прохор Мясник, псковский посадский человек 508
Прошка 330
Пушкин, окольничий 122
Пушкин Борис, окольничий 264, 606
Пушкин Гаврила, думный дворянин 16, 253, 588
Пушкин Григорий, думный дворянин, русский посол в Польшу 248, 253, 264
Пушкин Григорий Гаврилович, боярин 558, 567, 593, 606, 607, 640
Пушкин Степан, окольничий, русский посол в Польшу 558
Пушкины, дворяне 264
Пущин 272
Пущин Константин, оскольский воевода 192
Пырский, гетман войска Запорожского 441

Рагоза Михаил, минский архимандрит, затем киевский митрополит 385—388, 390, 395—397, 399, 400, 402, 408, 412, 413, 416, 418, 425, 427, 431
Рагоци (Ракоци) Юрий (Дьерд II), трансильванский (семиградский) князь 544, 587, 608—610, 661, 664, 666, 672, 673, 675, 678—681, 683
Радзивилл Албрехт, литовский канцлер 164, 174, 182, 183, 563
Радзивилл Богуслав, князь, литовский магнат 660
Радзивилл Николай Христоф, троцкий воевода 412
Радзивилл Христоф, князь, литовский гетман, виленский воевода 49, 114, 175, 176, 179, 421, 422, 424, 427
Радзивилл Януш, князь литовский, гетман 545, 575, 592, 627, 628, 637—639, 641—643, 646, 648—650, 653, 657
Радзиевский, польский подканцлер 652
Радилов Епиха, донской казачий атаман 22, 202
Раецкий, пан, польский посланник в Россию 195
Размысл, имперский посол в Россию 56

Раков Павел, угличский губной староста 288
Расстрига. См. Лжедмитрий I
Рафаил, коломенский епископ 184, 512, 514, 515
Резеп-ага 226
Резеп-паша, визирь турецкого султана 207
Ремезов Степан, подьячий 330
Репнин, князь 246
Репнин Александр, князь 262
Репнин Борис Александрович, князь, астраханский воевода, русский посол в Польшу 262, 304, 588, 592—594
Репнин Иван Борисович, князь, могилевский воевода 671
Репнин Петр Александрович, князь, 262, 269, 272
Ржевский, дворянин 635
Ржевский 269
Ржевский 362
Ринген-фон Андрей, иностранный гость 200
Рогатинец Юрий 428
Рогоновскии Яков, польский ротмистр на русской службе 281
Рожнов, любовицкий воевода 637
Розенлинд (Рузенли) Яган, шведский посланник в Россию 606, 648
Розверман, иностранный полковник на русской службе 167
Рокарт Яков, солдат наемного войска 617
Романов Иван, украинский казак 463
Романов Иван Никитич, боярин 16, 17, 36, 38, 39, 127, 263, 269, 299, 308, 309
Романов Никита Иванович, боярин 481—483, 490—492, 509, 610, 632
Романов Федор 262
Романова Марфа Ивановна. См. Марфа Ивановна, царица
Романовы, династия русских царей 260, 697, 700, 702, 703
Романчуков, дьяк 92
Ромодановские, князья 269
Ромодановский Василий Большой Григорьевич, князь 274
Ромодановский Василий Меньшой Григорьевич, князь 263
Ромодановский Григорий Григорьевич, князь, стольник 639
Ромодановский Григорий Петрович, князь, боярин 46, 265
Ромодановский Иван Григорьевич, князь, стольник 489, 490
Рошкин Онисим, крестьянин 488
Ртищев, дмитровский воевода 288
Ртищев Михаил 520
Ртищев Федор Михайлович, царский постельничий (окольничий) 491, 492, 646
Рубец (Рубцов) Александр Любим Дементьевич, шведский посол в Россию 132, 133
Рудницкий, шляхтич 633
Рудольф II, император 59, 61
Русан-бек, персидский посол в Россию 152
Руссель Яков, француз 150
Рутский Иосиф Вениамин, киевский митрополит, униат 437, 455
Рюрик, князь 72, 83, 103, 378

Сабуров, приказчик дворцового села 293
Савватий, монах Соловецкого монастыря 320
Савостьянов Андрей, псковский стрелец 508
Савостьянов Василий, псковский стрелец 508
Сагайдачный Петр Конашевич, гетман войска Запорожского 108, 111, 115, 438—440
Салтанов Борис, путивльский торговый человек 564, 565
Салтыков Борис Михайлович 127, 128, 184, 263, 318, 349
Салтыков Иван Михайлович 42
Салтыков Михаил Глебович 31, 41, 44, 117, 264, 349
Салтыков Михаил Михайлович, кравчий 127, 128, 262, 349
Салтыковы 121, 127, 262, 265
Самойла, поляк 462
Самсонов, дьяк 62
Сангушко Самуил, князь 161
Сангушко Юрий, князь 427
Сандерсон, английский полковник на русской службе 166, 282
Сапега, гетман литовский 23
Сапега, писарь Великого княжества литовского, сын Льва Сапеги 187
Сапега Богдан, пан, воевода минский 391
Сапега Лев, канцлер литовский 38—41, 43, 49, 101, 107, 109, 110, 112, 113, 115, 176, 182, 187, 251, 366, 412, 427, 433, 436, 437, 440
Сапега Павел, гетман литовский 644, 646, 647, 653

Сапега Христофор, польский посол в Россию 111, 112
Сатин, дворянин 169
Саул, монах 491
Саул, иудейский царь 335, 336
Сахарный Иван, казак 508
Сахнович Григорий, миргородский полковник 599—601
Свиньин 357
Святополк, князь моравский 433
Святополк Владимирович, князь киевский 337
Свяцкий, пан 645
Сези-де, французский посланник в Константинополь, 157, 204, 205
Семашко Александр, луцкий староста 389
Семенов Омрос, крестьянин 326
Семичев, сын боярский 323
Семяков, псковитин 516
Сенельсин Яган 607, 608
Серапион, суздальский архиепископ 322
Сергий, смоленский архиепископ 104, 113
Сергий Радонежский, основатель Троице-Сергиева монастыря 315
Сефергазы-ага, вельможа крымский 638, 639, 675
Сефи, персидский шах 228
Сибелиста Венделин, доктор 255
Сивцов, московский стрелецкий сотник 670
Сигизмунд II Август, король польский 380
Сигизмунд (Жигимонт) III Ваза, король польский и шведский 22, 23, 31, 32, 35, 36, 38, 44, 69, 77, 79, 95, 97, 103, 132, 133, 136, 143, 158, 159, 162, 164, 171, 174, 182, 184, 206, 207, 211, 250, 251, 258, 259, 275, 377, 389, 408, 409, 411, 420, 423—440, 444, 454, 455, 562, 564, 572
Сидоров Неволька, псковский стрелецкий пятидесятник 508
Сикст IV, папа римский 428
Силин, ярославский купец 607
Сильвестр, архимандрит Андроньева монастыря 512
Сингель, имперский гонец 36, 59
Синявский, польский ротмистр 23
Сицкий, князь 269
Сицкий, Алексей, князь, боярин 41
Сицкий Иван, князь 262
Сицкий Юрий Андреевич, князь, боярин 236, 237, 244
Скарга Петр, иезуит 376—379, 384, 391, 412, 413, 417, 418, 429
Скидан, предводитель украинского казацко-крестьянского восстания 450, 451
Скопин-Шуйский Михаил Васильевич, князь 80, 265, 283, 336, 342, 346, 348, 350
Скорбовицкий Кирилл, суконник, думный дьяк при польских интервентах 53
Скрябин, русский гонец в Данию 605
Скрябин Семен, сборщик налогов в Устюге 489
Скумин (Тышкевич) Федор, новгородский воевода 391, 399, 402—404, 406, 407, 409, 410
Скуратов Дмитрий, воевода 98, 99
Скуратов Малюта, опричник 350, 517
Скурлатов. См. Скуратов Малюта
Славковский, пан 583
Слепой Томилка Васильевич, псковский площадной подьячий 494, 508, 515, 516
Слизень Александр, польский посланник в Москву 156
Смит Фабин, английский купец, посланник в Москву 138, 139
Смотрицкий Мелетий (Теофил Ортолог), епископ полоцкий, украинский писатель 429, 432—434, 454
Сназин Богдан, стряпчий 513
Снырка Федор, псковский стрелецкий пятидесятник 508
Собакин Григорий, новгородец 85
Собакин Никифор Сергеевич, воевода псковский 493, 494, 506—509, 667
Собеский Яков, сын Яна Собеского 101, 109
Собеский Ян 101
Собинин Богдан, зять И. Сусанина 356, 359, 360
Совин Андрей, русский посол в Константинополь 209, 210
Созон, киевский мещанин 440
Соколинские 182, 629
Соколинский 637
Соколинский, польский писарь 182
Соколинский Самойла, князь, польский посланник в Россию 190
Соколовский, польский пан 104
Соловой-Протасьев, посланник в Турцию, участник переговоров в Деулине 62, 65, 112
Соловецкий Степан, овчинник, думный дьяк при польских интервентах 42, 44, 53
Соловцев, дворянин 500, 501

Солтыков Павел, московский отъезжик 458
Сомов, дьяк 109, 212, 213
Сонцев-Засекин, князь 271
Сорокоумов Никита, псковский стрелец 494, 508, 515, 516
Сосна, священник 292
Спешнев Савва, кашинский губной староста 289
Станеевич Богдан, шляхтич 677
Старого, подьячий 580, 606
Стахорский, польский посланник в Россию 195
Стейнбок Густав, шведский посол в Россию 96
Стемпковский Гаврила, каштелян брацлавский, польский посол в Россию 247, 253, 254, 461, 462, 470, 471
Степан, московский протопоп 492
Степанида, калужанка 631
Степанида, монахиня, мать Тимофея Акундинова 611
Стецкова, львовская мещанка 430
Стоянов Михаил, новгородский торговый человек 606
Стоянов Семен, новгородский гость 495, 500, 509
Стояновы, новгородские торговые люди 495
Стравинский Бальтазар, мозырский староста 101
Страффорд, лорд 613
Стрешнев Василий Иванович, боярин, русский посол в Польшу 237, 468, 471, 625, 632
Стрешнев Родион, стольник, царский посланник к Б Хмельницкому 593, 595, 596
Строганов Андрей 327
Строганов Петр 327
Строганов Федор 488
Строганова Матрена 488
Строгановы 17
Струсь Николай, пан 31, 36, 39, 119—121
Стюарт Яков, голландец 618
Сулешов Ахмет-паша, посол крымского хана в Россию 67, 68, 265
Сулешов Ибрагим-паша, брат Ахмет-паши 68
Сулешов Юрий Яншеевич, князь, боярин 100, 184, 264, 265, 325
Сулешовы, князья 68, 265
Сулима Иван, гетман войска Запорожского, предводитель казацкого восстания 448
Сумбулов Исаак, начальник отряда русских войск 76
Сумин Ларион, дворянин 274
Сусанин Иван, костромской крестьянин 11, 355—361, 700
Сухотин, стрелецкий голова 164, 167
Сычин Василий, дьяк 329

Таллеран Карл, маркиз Дассадевиль, француз 150
Тамерлан 539
Тараканов, гость 303
Тараканов, стрелецкий голова 100
Тарас. См. Федорович Тарас
Тарбеев Иван 300
Тарновецкий, поляк 45
Тарутины, крестьяне 359
Татищев, Юрий Игнатьевич, стольник 264
Татьяна, царевна, дочь царя Михайла Федоровича 255
Тафлары Иван Петрович, грек См. Тофлары
Твердиков Григорий, торговый человек 140
Творогов, сельский приказчик 293
Теймураз, грузинский царь 228, 229
Телепнев, дьяк 81
Телепнев, стряпчий 268
Телепнев Ефим, дьяк Посольского приказа 275
Телепнев Степан, стольник, русский посол в Турцию 463, 464, 466, 564
Телепнев Юрий, русский посланник в Польшу 187, 188
Темкин-Ростовский Михаил Михайлович, князь, полковой воевода 625
Терешка, 631
Терешка, устюжский мясник 489
Терлецкий Кирилл Семенович, пинский и туровский епископ, потом луцкий епископ, позднее экзарх 381, 387—390, 392, 394—397, 399, 400, 402—404, 407—412, 414, 424
Тетерин Никита, новгородский купец 494, 495, 608
Тетеря Павел, переяславский полковник 596, 598—600, 603
Тимашев, псковский пристав 493
Тимофей, константинопольский патриарх 65
Тинбаев Михаил Конаевич, князь, воевода 98
Тихонов, дворянин, русский посланник в Персию 67
Толочанов, копысский воевода 671

Толочанов Михаил, приближенный Лжедмитрия I 41
Томиленко, гетман войска Запорожского 449, 450
Тофлары (Тофралы) Иван Петрович, грек 575, 576, 636
Траханиотов, казначей 138
Траханиотов, начальник Пушкарского приказа 482, 483
Трегуб, Степан, новгородец 495, 504, 505
Тренка-Ус, донской казачий атаман 228
Третьяков Богдан, угличанин 270
Третьяков Петр, думный дьяк 16, 55, 76, 300, 475, 476
Троекуров, князь 264
Троекуров Иван Федорович, князь 12, 33, 286, 348
Троп, «беглый» человек 245
Трубецкие, князья 101
Трубецкой Алексей Никитич, князь, боярин, полковой воевода, 512, 514, 520, 521, 608, 621—626, 628, 632, 633, 635, 637, 640, 651, 688
Трубецкой Дмитрий Тимофеевич, князь, боярин, воевода 16, 23, 36, 76, 111, 122, 260, 265, 266, 271, 342, 343, 347, 358
Трубецкой Роман Никитич, князь 688
Трубецкой Юрий Никитич, князь 42, 101, 104, 111, 117, 154, 265, 266
Тугай-бей, мурза 527, 530, 544, 546
Тур Никифор, архимандрит Киево-Печерского монастыря 403, 412
Тургенев Богдан, ярославец 107
Туренин Василий, князь 286
Туров, сын боярский 506
Тухачевский, смольнянин 107
Тышкевич, киевский воевода 537, 538, 542
Тышкевич 438
Тюфякин Григорий, князь, воевода 112, 152, 153
Тюхин, дьяк, русский посол в Персию 150—152

Уддеудла, шведский посланник в Россию 641
Ульфельт, копенгагенский «державец» 230
Ульянов Фабин, английский гость 309
Уманец, наказной нежинский полковник 639
Униховский Казимир 582
Унковский Василий Яковлевич, посланник русского правительства на Украину 569—571, 585
Урак-мурза 465
Урбан VIII, папа римский 436, 437
Урия, библейский первосвященник 418
Урусов Иван 109
Урусов Петр, князь 265
Урусов Семен Андреевич, князь, воевода новгородский 644—646, 689
Урусовы, князья 265
Ус, казачий атаман 27
Усов Андрей 118
Ушаков, костромской воевода 30
Ушаков Алексей, сотенный голова 268
Ушаков Степан, дворянин, русский посол к императору 56—59, 60, 62, 68

Фалк, пушечный и колокольный мастер 306
Фан-Висин Денис, ротмистр 281
Фан-Керк-Говен, иностранный капитан на русской службе 617
Федор, дьякон 322
Федор, черкасский полковник 545
Федор Иванович, боярин. См. Шереметев
Федор Иоаннович (Иванович), царь сын Иоанна IV 9, 39, 72, 78, 88, 138, 142, 159, 287, 338, 348
Федоров Марк, македонянин 445
Федорович Тарас, предводитель казацко-крестьянского восстания на Украине 447, 448
Фелтдриль Иоган, голландский посол в Россию 145
Фелц Еремей, иноземный купец 476
Феодорит, архимандрит Хутынского монастыря 328
Феодорит, рязанский архиепископ 7, 10, 12, 14
Феодосий, архимандрит Чудовского монастыря 169
Феодосий, византийский император 517
Феодосий, епископ, посол грузинского царя в Россию 228
Феофан, иерусалимский патриарх 122, 319, 320, 430, 432
Феофилатьев Григорий, русский посол в Персию 152
Фердинанд II, император 153

Фердинанд III, император 136, 619, 650, 654, 675
Филарет, патриарх московский (светское имя Федор Никитич Романов) 8, 10, 31, 36—40, 47, 50, 52, 53, 103, 105, 116, 117—125, 128, 130, 133, 139. 145, 152, 153, 156—158, 162, 168, 171, 172, 174, 193, 198, 206—209, 262, 265, 266, 269, 273, 275, 283, 284, 317, 319, 320, 322, 323, 325, 331, 333, 334, 349, 360, 446, 559, 562, 593
Филарет, уставщик Троице-Сергиева монастыря 316, 317
Филалет Христофор (псевдоним), автор Апокризиса 417, 419
Филатов, дьяк, товарищ воеводы 291
Филипп, российский митрополиг 516
Филипс Ернест, голландец 147
Философов 362
Фимбранд, бархатного дела мастер 306
Финч, английский посланник в Россию 138, 139
Фирлей, польский военачальник 551
Фирс, егорьевский священник 515
Флеминг, член английского парламента 613
Флеминг Клос, шведский уполномоченный при мирных переговорах с Россией 78
Фома, священник 492
Фомин, дьяк 682
Фомин Иван, переводчик, посланник в Данию 58—61, 230
Фомин Иван, подьячий 592, 593
Фонаркин Григорий, московский торговый человек 257
Фофанов Никита Федорович, мастер печатного дела 313
Францбеков (Фаренсбах) Дмитрий, русский резидент в Стокгольме 196—198
Фридрих (Фридерик), герцог голштинский 200, 201, 610
Фридрих II, датский король 244
Фридрих III, датский король 657
Фридрих Пфальцский, король чешский 143, 234
Фрич, рудознатец 304
Фролов Волокитка, казачий донской атаман 210
Фукс, иностранный полковник на русской службе 281
Фустов 564
Фустов, дворянин 269
Халецкий Дмитрий, подскарбий польский 412
Халиль-паша, визирь турецкого султана 65—67
Хаминов Давид, сольвычегодский площадной подьячий 487
Хамов Никифор, новгородский посадский 495, 504, 505, 689
Харитон, священник 42
Хватов Артемий, дьяк 229
Хворостинин Иван Андреевич, князь 32, 33, 331, 332, 340
Хворостинин Иван Дмитриевич, князь, воевода 21, 26
Хворостинин Федор Юрьевич, боярин, князь, воевода 625, 643
Хворостинин Юрий, князь 42
Хворый Иван, казак 508
Хвостов, помещик 79
Хилков Андрей Васильевич, князь, боярин 162
Хилков Федор Андреевич, князь, окольничий, воевода новгородский, затем путивльский 495, 496, 499—501, 503, 505, 506, 584, 592, 631, 689
Хитров, мосальский воевода 155
Хитрово Богдан Матвеевич, окольничий 588, 653, 654
Хлопов Гаврила, дядя Марии Хлоповой 127
Хлопов Иван, отец Марии Хлоповой 127
Хлопова Мария (Настасья) Ивановна, невеста царя Михаила Федоровича 125, 127—128, 274, 349
Хмелевский, винный откупщик 299
Хмелецкие 547
Хмельницкая Анна, жена Б. Хмельницкого 678
Хмельницкая Екатерина, дочь Б. Хмельницкого 678
Хмельницкий, ротмистр 529
Хмельницкий Богдан (Зиновий) Михайлович, гетман войска Запорожского 525—557, 559, 560, 562, 564, 567—577, 579, 580, 582—584, 586, 587, 589—599, 602—605, 609, 610, 625, 634—636, 638—640, 642, 647, 648, 650, 652, 656, 661, 664, 665, 670—679, 681, 685, 694, 697, 708
Хмельницкий Михаил, сотник 525
Хмельницкий Тимофей, сын Б. Хмельницкого 527, 573, 586, 595
Хмельницкий Юрий, сын Б. Хмельницкого, гетман войска Запорожского 676, 678, 683

Хованский, князь, псковский воевода 76
Хованский Андрей, князь, воевода 32, 33
Хованский Иван Андреевич, князь, боярин, воевода 33, 98, 99, 294—296, 672
Хованский Иван Никитич, князь, боярин 501—505, 510—514, 516, 521, 523, 667
Ходкевич Ян Карл, литовский гетман 41, 42, 101, 103, 105, 107, 109, 547
Ходыка Федор, киевский войт 440, 441
Хозин Никула псковский посадский человек 512
Хохлов Василий, стрелецкий голова 26, 27
Хребтович-Богуринский Мелетий, архимандрит Киево-Печерского монастыря, епископ владимирский 381, 387, 388, 392
Христиан IV, датский король 125, 149, 229, 230, 233, 238, 241, 242, 244—246, 460
Христина, мать датского принца Вольдемара 230
Христина, шведская королева 196—198, 516, 578, 605, 606, 610, 648

Цецилия Рената, сестра императора 190

Чагин Моисей, устюжский кузнец 488, 489
Чаплин Федор, дмитровский губной староста 288
Чаплинский, полковник 100, 104, 109, 115
Чаплинский, чигиринский подстароста 525
Чарнецкий Стефан, польский полководец 587, 666, 667
Челищев, дворянин 608—610
Чемесов, воевода 29, 30
Чепчугуй, бурятский князь 311
Чепчюгов Иван 263
Черкасский, князь 248
Черкасский Василий Ахамашукович, князь 161
Черкасский Василий Петрович, князь, стольник 104
Черкасский Дмитрий Мамстрюкович, князь, боярин, воевода 33, 104, 106, 107, 162, 163, 165, 167—169, 267, 278, 282, 348, 491
Черкасский Иван Борисович, князь 16, 127, 140, 194, 275, 285, 300, 333
Черкасский Михаил Темрюкович, князь 267
Черкасский Петр, князь 491
Черкасский Яков Куденетович, князь, боярин, воевода 274, 275, 293, 490—492, 625, 632, 640, 642, 646, 649
Черкашенинов Бесчастный, приказчик князя Черкасского 293
Чермный-Волконский Иван Федорович, князь 272
Чернота, обозный 549
Чернушкин Богдан, атаман волжских казаков 202
Черный Григорий, гетман войска Запорожского 447, 448
Черный Михаил 26
Чертенский Смага, донской казачий атаман 63
Чигринец Яким, казацкий полковник 440
Чилибей Мустафа, турецкий посланник в Россию 222
Чириков Степан, дворянин 215—217
Чиркин Иван, дворянин 513
Чистой (Чистов) Назарий, думный дьяк 200, 201, 459, 460, 482, 688
Чихачев 269, 275
Чичерин, дворянин, русский посол в Персию 150—152
Чичерин Иван, дьяк 44
Чулков Михаил Иванович 463

Шагин-Гирей, хан 442, 443
Шамшурницын Василий, устюжский посадский человек 488, 489
Шан-Гирей, крымский калга 206
Шапошников Алеша, новгородский посадский человек 689
Шапошников (Шапошник) Павел, псковский посадский 508, 516
Шарль Самуил, иноземный полковник на русской службе 281
Шарль Яков, иноземный полковник на русской службе 281
Шарон-де Гастон, француз 150
Шаховский, князь 269, 275
Шаховский, князь 487
Шаховский Семен, князь, русский посланник 188, 189, 334
Шеин Иван 171
Шеин Михаил Борисович, боярин 37, 38, 40, 52, 102, 103, 117, 121,

122, 163—170, 172—175, 179, 211, 256, 271, 278, 281, 282, 350
Шейдяков 267
Шейдяков Артемий, князь 309, 310
Шейдякова Федора, княгиня 310
Шемберг, польский комиссар 527, 530
Шемшаков Филька, псковский площадной подьячий 509
Шереметев Василий Борисович, боярин, полковой воевода 625, 627, 628, 632, 639
Шереметев Василий Петрович, боярин, полковой воевода 469, 632, 649
Шереметев Иван Никитович 344
Шереметев Иван Петрович 194, 264, 265
Шереметев Матвей Васильевич, московский воевода 637, 643
Шереметев Петр Никитович, боярин 344
Шереметев Федор Иванович, боярин 7, 12, 14, 23, 34, 36, 90, 109, 111, 112, 114, 115, 117, 119, 121, 122, 127, 174, 175, 180, 181, 245
Шестаков, димитровский губной староста 288
Шило, запорожский казачий атаман 203
Шипов, дьяк 125
Шипулин, дьяк 236
Шишка, перемышльский епископ 430
Шмара Панкратий, новгородский посадский человек 496, 504, 505
Шорин Василий Григорьевич, гость 200, 482
Шпилькин, подьячий 610
Шубинские 270
Шубинский Иван, нарядчик в Угличе 270
Шуйская Христина, жена князя Дмитрия Шуйского 346
Шуйские, князья 260, 565, 567, 569, 601
Шуйский Василий Иванович См. Василий Иванович Шуйский, царь
Шуйский Дмитрий Иванович, князь, боярин, брат Василия Ивановича Шуйского 37, 41, 80, 81, 183, 184, 346, 350
Шуйский Иван Иванович, князь, боярин, брат Василия Ивановича Шуйского 37, 111, 117, 154, 266, 271
Шуйский Иван Васильевич См. Акундинов Тимофей
Шуйский Семен Васильевич, князь, самозванный сын В. И. Шуйского 249, 250
Шулепов Богдан, сольвычегодский уездный староста 487
Шульгин Никанор, дьяк 19

Щекатов 356, 357
Щелкалов 263
Щербак Василий, «разбойник» 327

Юдин, торговый человек 94
Юмин Борис, донской казачий атаман, посол в Польшу 102
Юрий, пан 350
Юрьев, дьяк 659
Юрьев Василий, дьяк при польских интервентах 42, 53
Юрьев Иван, иноземец, торговый человек 140, 300
Юрьев Клим, иноземец 148
Юшков Пимен, дьяк 286, 287

Ягайло (Ягелло) Ольгердович, польский король 102, 374, 662
Яган, герцог 79
Ягеллоны 375
Языков Максим, бежецкий воевода 268
Яков, воронежский священник 323
Яков, курляндский князь 668
Яков, псковский священник 508
Яков I (Якуб), английский король 69—71, 79, 90, 95, 137, 280, 615
Яковлев, дворянин, русский посол в Константинополь 207
Яковлев Авдей, ливенский поместный казак 308
Яковлев Василий, шкловский воевода 671
Яковлев Герасим, посланец Б. Хмельницкого в Москву 592
Яковлев Иван, иконник 321
Якушка, новгородский посадский человек 505
Ян-Казимир, польский король 541, 542, 551, 552, 558, 574, 588, 589, 593—595, 617, 647—650, 652, 653, 659, 660, 663—667, 675
Ярослав (Георгий) Владимирович Мудрый, великий князь киевский 83
Яхлаков Игнатий, устюжский церковный дьячок 489
Яцын Сергей, гонец путивльского воеводы к Б. Хмельницкому 592

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ [1]

Австрия 69, 153, 205, 567, 619, 650
Азия 210, 313
Азов, г. 21, 62—64, 192, 195, 202, 203, 205, 206, 210, 211, 214—227, 287, 466, 467
Азовцы (азовские люди) 21, 62—65, 202—204, 206—212, 214—216, 225
Аккерман (Акерман, Белогород), г. См. Белгород
Аксай, рукав Дона 216
Алатырь, г. 275
Албанцы 445
Александровская слобода 80
Алексин, г. 34, 297
Алексинский у. 34
Амстердам, г. 477
Англичане 69, 71, 90—94, 118, 140—143, 145, 198, 281, 300, 302, 351, 486, 487, 614
Англия (Английская земля, Английское королевство) 68, 69, 71, 87, 90—93, 95, 137, 139, 142, 161, 205, 280, 300, 304, 306, 611, 612, 615
Анзерский скит на Белом море 485
Ардебил, г. 153
Арзамас, г. 19, 266, 297
Арзамасцы, жители Арзамаса 220
Армяне 406, 579
Армянская земля 97
Архангельск, г. 56, 90, 92, 94, 96, 138, 141, 146—148, 231, 281, 302, 303, 305, 446, 447, 475—478, 486, 614
Астраханское царство 21, 72, 655
Астраханцы (астраханские люди) 25—27, 140
Астрахань, г. 20, 21, 24—27, 66, 90, 92, 129, 140, 141, 147, 151, 201, 216, 219, 262, 302, 303, 351, 352, 465, 467, 505, 578, 579, 610
Афон (Афонская гора) 413, 432, 467
Ахматово 639
Ахтырское городище, близ Путивля 250, 470

Багдад, г. 152, 203
Балаклава, г 214
Балахна, г. 30, 249
Балтийское море (Варяжское море) 96, 134, 177, 657, 658, 670
Бар, г. 445, 538, 539, 547
Батог (Батова гора), близ Ладыжина 586
Батурин, г. 164
Бежецкий Верх, г. 100, 268
Белая, г. 33, 54, 94, 100, 104, 110, 111, 116, 164, 173, 174, 627
Белая Русь. См. Русь Белая, Белоруссия
Белая Церковь, г. 531, 577, 588, 590, 594, 600, 636, 639
Белгород, г. 99, 203, 210, 474, 625
Белгород (Белагород, Аккерман), г. 62, 212, 555
Белгородок 549

[1] В указателе приняты следующие сокращения в — волость, г — город, губ. — губерния, д — деревня, м. — местечко, о. — остров, обл. — область, оз. — озеро, р — река, с. — село, у. — уезд.

Белев, г. 33, 34
Белевские места 32
Белевский у. 161
Беличи, жители Белева 220
Белое море 96, 485
Белозерские места 100, 111
Белозерский у. 24, 111
Белоозеро, г. и волость 18, 284
Белозерцье 301
Белоруссия 133, 421, 443, 625, 632, 634, 638, 646—648, 655, 661—665, 670, 671, 707
Белорусы (белорусские люди) 593, 706
Белые пески, м. под Брестом 644
Белый город (Белгород) в Москве 47, 48, 243, 306, 329, 343
Бердичев, г 635
Березина (Береза), р., приток Днепра 634, 639, 640, 642, 643, 664, 666, 674
Берестечко, г. на р. Стыри 574, 582, 636
Бобруйск, г. 639
Богданова околица под г. Смоленском 166, 627
Богородицкое, с. Нижегородского у. 274
Богуслав, г. 443
Болгария (Болгарская земля) 446, 609
Болгары 445
Болхов, г 33, 34, 98, 298
Большая Тулица, р., приток Тулицы 305
Большево, с. 245
Большие Ногаи См. Ногайская орда Большая
Большие Прилуки, г. 447
Большое Покровское, с. 245
Борзна, г. 164
Борисов, г. на Днепре 628
Борисово Городище (Борисов), г. под Можайском 106, 107
Борисоглебов (Борисоглебск, Динабург). См. Двинск
Борк, г. 595
Боркулабовская волость 438
Боровая, р. 165
Боровица, г. 450
Боровск, г 106—108, 298
Боровские места 18
Брабантцы 145
Бранденбургия 609
Браславль, г. 552, 567
Братовщина, с. под Москвой 16
Брацлавское воеводство 548, 552, 574, 577, 582, 674
Брест (Брест Литовский), г. 250, 251, 388—391, 395, 401, 403—405, 412, 417, 426, 427, 644—646
Бригания (Великая Британия). См. Англия
Броды, имение Конецпольского 542
Бронницы, м. между Москвой и В. Новгородом 76
Бронницы, с. Коломенского у. 108
Брынь, р. 32
Брянск, г. 33, 101, 112, 119 120, 621, 624, 625
Брянская волость 473
Брянский у. 158, 591
Буг. См. Западный Буг
Буряты (брацкие люди) 311
Бухара, г. 129
Быстрая, р 351
Быхов (Быхов Новый), г. См. Новый Быхов
Быхов Старый, г. См. Старый Быхов
Быховский у. 633
Быховцы, жители г. Нового Быхова 634, 673

Вага, Важская земля (область по берегам р. Ваги) 35, 616
Вага, р., приток Сев. Двины 305
Вайт (Уайт), о. 614
Валахия (Волошская земля) 157, 423, 446, 566, 567. См. также Молдавия
Валуйки, г. 195, 209, 210, 224
Варшава, г. 38, 102, 105, 107, 114, 187, 190, 193, 250, 251, 254, 385, 410, 447, 451, 525—527, 533, 537, 538, 541, 556, 558, 563, 564, 567, 575, 648, 656, 666
Варшавский посад 184
Васильевское, с. 293
Васильков, г. 445
Велиж, г. 98, 101, 116, 164, 643
Велижская в. 111, 112
Великая, р 78, 343, 493, 511, 514
Великая Пермь. См. Пермь Великая
Великие Луки, г. 165, 473, 645
Великое море 177
Великолуцкий у. 158
Вельманово (Вельдеманово), с. Княгининского у. 484
Вена, г. 55, 60
Венгрия 567, 608
Венгры 654, 679, 680
Венеция 434, 564, 609
Верея, г. 632
Верхний Раздорский городок на Дону. См Раздоры

Верховичи, д. под Брестом 644—646
Верхотурье, г. 125
Византия 521
Виленское воеводство 659
Вилия, р., приток Немана 657
Вильна (Вильно, Вильнюс), г. 32, 117, 192, 245, 377, 386, 390, 391, 401, 407, 416, 417, 427, 428, 430, 643—645, 647—650, 654, 659, 663, 664, 666, 676, 679, 680, 682
Вильняне 417
Винница, г. 552
Висла, р. 537, 546
Витебск (Витепск, Вытепск), г. 98, 436—438, 632, 637, 641, 664, 668, 706
Виттемберг, г. 205
Владимир (Волынский), г. 102, 379, 380, 407
Владимир (Залесский), г. на Клязьме 20, 30, 34, 116, 237, 298
Владимирская (на Владимир Залесский) дорога 629
Владимирский у. (Владимира Залесского) 30, 108
Владимирский повет, на Волыни 379
Владимировское государство. См. Московское государство
Вогуличи (манси), народ 324
Водиради, церковное владение 395
Возниковская слобода Ярополчевской волости 292
Волга, р. 20, 22—24, 26, 70, 71, 90, 92, 139, 140, 199, 248, 303, 351
Волковыйский повет 659
Волмерь (Волмер), г. 667
Вологда, г. 71, 94, 287, 297, 302—304, 475, 564, 566, 569, 610
Вологжане, жители Вологодского края 301
Вологодские места 100
Вологодский у. 35, 306, 309
Волоколамск (Волок-Ламский, Волок), г. 39, 104, 106, 114, 298
Волослав, о. на р. Луге 379
Волохи (волошане), жители Волошской земли 62, 212, 281, 282, 555, 578, 595, 635, 678, 680
Волоховец, р. 501
Волошская земля. См. Валахия и Молдавия
Волынское воеводство 424, 452
Волынь 379, 416, 421, 443, 539, 540, 546, 550, 575, 647, 648, 662, 663
Вольный Курган, г. на Рогозне 283
Воронеж, г. 20, 195, 210, 215, 223, 298, 307, 323, 466, 467
Воронежцы, жители Воронежа 20
Ворскла, р., приток Днепра 283
Восток 176, 365
Восточная Европа. См. Европа Восточная
Восточная Россия. См. Россия Восточная
Вотская (Воцкая) пятина Новгородской земли 513
Вохна, в. Дмитровского и Московского у. 109
Выборг, г. 72, 73, 87
Вычегда, р., приток Сев. Двины 488
Вязьма, г. 33, 34, 40, 94, 100, 103—105, 110, 114, 117—119, 122, 160, 169, 184, 248, 298, 325, 460, 462, 621, 625—627, 629, 632, 640
Вязьма, р. 175
Вязьмичи (вяземские люди), жители г. Вязьмы 627
Вятичи, восточнославянское племя 362
Вятлица, р. 644

Гага (Гаага), г. 68, 614
Гавр, г. во Франции 618
Гадяч (Гадич, Гадичь), г. 249, 603
Галиция 390, 643
Галицкая Русь. См. Русь Галицкая Червонная
Галицкие места (Костромские) 111
Галич (Волынский), г. 391, 546
Галич (Костромской), г. 31
Галичане. жители г. Галича (Костромского) 220, 301
Гамбург, г. 58
Гамбургцы, жители Гамбурга 302
Гдов, г. 77, 82, 85, 86, 510
Гдовцы, жители Гдова 510, 512
Германия 136, 197
Гилянские места (Прикаспийские земли) 228
Гирлянь (Новая земля) 71
Глубокое, г. 628, 649
Глуск, г. 639
Гоголево, г. 676
Голландские Генеральные Штаты. См. Голландия
Голландия (Голландская земля, Нидерланды, Нидерландская земля) 57, 58, 68, 87, 92, 146, 147, 161, 209, 301, 305, 306, 477, 612, 615, 617, 665. См. также Голландские Генеральные Штаты

Голландцы (нидерландцы) 68, 79, 84, 92, 118, 141, 145—148, 198, 235, 301, 302, 616
Голтва, р. 451
Голштиния (Голштинская земля) 147, 200, 238, 610
Голштинцы 198, 199
Гомель, г. 628
Гомора, г. 338
Горностайполь, г. 552
Городенск, г. Рыльского у. 467
Городецкое городище близ Путивля 249, 470
Городище Монастыревское (Муромск) 111
Гороховцы, жители Гороховца 220
Горцы, жители Кабарды 26
Горы, г. 629
Горынь, р., приток Припяти 538, 548, 644
Гоща, г. 532
Гревезенд, порт в устье Темзы 611
Греки (гречане, греческий народ) 65, 66, 145, 216, 281, 282, 352, 376, 420, 433, 445, 446
Гремячий, г. 195
Греция (Греческая земля) 205, 320, 396, 397, 445
Гринвич, округ в Англии 611, 612
Гродненский повет 659
Гродна (Гродно), г. 117, 643
Грузия (Грузинская земля) 70, 151, 152, 228, 229, 352
Гусятин, г. 682, 683
Гусятинцы, жители Гусятина 682
Гуща, имение Адама Киселя 538

Давыдов, г. 643
Дания (Датская земля, Датское государство) 87, 134, 148, 149, 161, 172, 229—232, 234—236, 240, 242, 244, 246, 247, 410, 460, 611, 657, 669
Данциг, г. 146, 236, 559, 675
Датчане 148, 149
Двина Западная. См. Западная Двина
Двина Северная. См. Северная Двина
Двинск, г. 658
Двинская земля, территория по Сев. Двине 35
Девичья гора под Смоленском 627
Девичье поле в Москве 620
Дедерино, с. 79, 84
Дедилов (Дедилово), г. 20, 161, 195, 304, 305
Дедиловский у. 161
Дербент, г. 351, 352
Деревянный город в Москве 47, 48
Дерпт. См Юрьев (Тарту)
Деулино, д. близ Москвы 112, 175
Димера, г. 552
Динабург. См. Двинск
Дисна, г. 627
Дмитров, г. 14, 288
Дмитровская слобода 297
Дмитровцы, жители Дмитрова 14, 288
Днепр, р. 62, 102, 137, 165, 166, 421, 441, 442, 444, 448—451, 456, 469, 474, 529—532, 534, 536, 542, 546, 548, 552, 555, 557, 583, 589, 596, 638, 644, 674, 678, 690
Днепровское устье 62
Днестр, р. 552, 595, 635, 674
Домнино, с. Костромского у. 11, 356, 357
Домодедовская в близ Москвы 18
Дон, р. 20—22, 25, 63—65, 202, 203, 205—207, 209—211, 214—216, 218, 219, 223—225, 227, 339, 442, 443, 446, 447, 449, 463—466, 527, 552, 571, 572
Донец. См. Северский Донец
Донков, г. 20
Донковский у. 161
Донцы. См. казаки Донские
Дорогобуж, г. 33, 54, 98, 100, 103, 110, 111, 118, 119, 154, 160, 162—164, 166, 169, 175, 176, 187, 192, 248, 249, 458, 581, 627
Дорогобужане, жители Дорогобужа 246, 248
Дорогобужская дорога 118
Дорогобужский у. 163, 170
Дорогомилов, м. в Москве 184
Дорогомиловская слобода 184
Древляне, восточнославянское племя 362
Дриса, г. 649, 650
Друйский у. 668
Друя, г. 164, 627, 649, 650, 668
Дубровна, г. 629, 634
Дудинск, г. 195
Дунай, р. 446, 634
Дунилово, с. возле Шуи 293

Европа 233, 240
Европа Восточная 375, 420, 707
Европа Западная 330, 375, 387, 703
Европа Северная 204
Европейская Россия. См. Россия
Египет 352
Ездово, с. в Польше 184
Елец, г. 108, 203, 210, 283, 298, 466
Елецкий у. 309

Енисей, р. 92
Енисейский острог 290, 312
Епифанский у. 161
Епифань, г. 19, 20

Жабче, м. 379, 381
Жванец (Жванцы), м. на Подолии 595
Желтые Воды, поток 530
Желтые Воды, урочище на Украине 531, 532, 556
Животово 575
Жолква, вотчина Жолкевского 182
Жолнино, м. 451

Завеличье, часть Пскова 493
Замоскворечье, часть Москвы 658
Замостье, г. 541, 546
Заонежские погосты 35, 301
Запад 78, 119
Западная Двина, р. 641, 663
Западная Европа. См. Европа Западная
Западная Россия. См. Россия Западная
Западный Буг, р. 586, 666, 674
Запорожье (Запороги, Запорожская земля) 132, 133, 210, 439, 441, 442, 444—446, 449—451, 521, 526—531, 533, 534, 546, 571, 585, 589, 609
Запорожские черкасы. См. казаки запорожские, казаки украинские
Запорожское Войско. См. казаки запорожские
Запорожцы. См. казаки запорожские
Зарайск, г. 20
Збараж, г. 541, 551
Зборов, г. 551, 569, 580, 588
Звенигород, г. 108, 122, 632
Зубцовская застава 462
Зубцовцы, жители Зубцова 220

Ивангород (Ивангородище), г. 82—85, 164, 345, 608
Ивангородцы, жители Ивангорода 85
Иваново-Кохма, с. 293
Иверская земля 90, 151
Ижера (Ижора, Ижерская земля) 96, 135, 187
Изборяне, жители Изборска 512
Иерусалим, г. 183, 347, 352, 405, 565
Израильтяне 352

Икония, г. 212
Илим, р., приток Ангары 312
Индигирь (Индигерская река, Индигирка), р. 312
Индия (Индейское государство) 71, 91, 93, 95, 143, 147, 198, 199, 376
Ирландия (Ирландское королевство, Хибирьская земля) 95, 614, 615
Испагань (Исфагань), г. 352
Испания 87, 145
Испанцы 118
Истра, р. 114
Иудеи 62, 128, 385, 406, 422, 426, 452, 464, 531, 532, 534, 537, 538, 552, 575, 577, 579, 628, 634, 651, 683

Кабарда (Кабардинская земля) 26, 580
Кажан, г. 644
Казаки (козаки) без указания этнической и географической принадлежности 11—15, 17, 19—25, 27—30, 49, 76, 79, 103, 140, 193, 257, 261, 276, 280, 283, 286—288, 292, 293, 296, 297, 299, 359, 421, 422, 437, 443, 446, 450—452, 458, 478, 479, 500, 512, 525, 570, 576, 581, 628, 638, 672, 700, 706
Казаки волжские 21—25, 202
Казаки донские (донцы) 21, 23, 38, 47, 62—66, 101, 156, 158, 169, 192, 202, 203, 205—220, 223—228, 282, 329, 440, 447, 464, 466, 467, 469, 470, 527, 554, 571, 658. См. также Донское Войско
Казаки запорожские (запорожцы, черкасы, казаки днепровские) 20, 30, 31, 33, 35, 62, 65, 68, 115, 132, 136, 137, 156, 164, 179, 192, 194—196, 202—205, 208—210, 212, 214, 215, 224, 249, 250, 252, 282, 359, 361, 436, 438, 440—451, 453, 455, 464, 469, 470, 511, 525—536, 538—542, 545—547, 549—557, 560, 562, 564, 567—575, 577—585, 587—589, 591—600, 602—604, 625, 632—635, 638—640, 643, 652, 657, 662—664, 668, 670, 671, 673—682, 684, 690. См. также Запорожское Войско
Казаки русские 69, 77
Казаки терские 23
Казаки украинские (малороссийские), черкасы 30, 31, 35, 103, 108, 111

Казаки яицкие 22, 23, 27, 211, 282
Казанский у. 248
Казанское государство (царство) 19, 72, 655
Казанцы (казанские люди, Казанская орда) 34, 47, 140, 301
Казань, г. 19, 24, 27, 30, 34, 47, 66, 91, 151, 152, 172, 248, 271, 275, 281, 283, 302, 303, 352, 578, 610
Кайданы (Кейданы), г. 643, 665
Калинин Вражек на Яузе 257
Калмыки 323, 638
Калуга, г. 33, 34, 46, 47, 104—107, 111, 264, 297, 298, 603, 632
Калужские места 32
Калязин (Колязин), г. 80, 631, 632
Каменец Подольский (Каменец-Подольск, Каменец), г. 548, 578, 586, 595, 676
Каменное Городище близ Путивля 249, 470
Каменный город в В. Новгороде 131, 495, 498, 501
Канев (Конев), г. 137, 441, 447
Канцы, г. 658
Карасу-базар, г. в Крыму 208
Карачев (Корачев), г. 33
Карачевские места 99
Каргопольский у. 485
Каргопольцы, жители Каргополя 301
Карпово Сторожевье (Карпово), м. 505, 625
Касимовский у. 481
Каспийское море 95, 228
Кафа, г. 63, 203, 205, 206, 210, 212, 214, 227, 463, 464
Кафинский народ, жители Кафы 205
Кафинский у. 212
Кахетия 229
Кашин, г. 29, 34, 100, 289, 297, 632
Кашинцы, жители Кашина 289
Кашира, г. 20
Квасов, м. 379
Кедрово 293
Керчь, г. 205, 210
Киев, г. 136, 137, 209, 439—443, 445, 446, 452, 456, 458, 492, 532, 538, 543, 546, 547, 549, 551, 552, 556, 567, 569, 575, 589, 594, 600—604, 636, 643, 644, 673, 674, 683, 684, 694
Киевляне (киевские люди) 191, 322, 491
Киевская дорога 491
Киевское воеводство 542, 548, 552, 574, 577, 583, 674
Кизыльбаши. См. персы
Китай (Китайское государство) 69, 91—93, 311
Китай-город в Москве 23, 45—48, 69, 230, 307, 329, 343
Клевань, г. 540
Клевень, р. 249
Клементьево, с. 313
Клин, г. 104
Клушино, с. близ Можайска 80, 81, 83
Клязьма, р. 14
Княгининский у. 484
Князев остров на Днепре 448
Кобрин, г. 403
Ковно (Каунас), г. 643, 644, 649, 650
Кодак (Койдак), крепость на Днепре 448, 555
Кожаный городок (у Черноморья) 466
Козелец, г. 436
Козельск, г. 32, 33, 104, 110
Козельские места 32
Козлов, г. 283
Кокенгаузен. См. Кокнес (Кукенойс, Царевичев Дмитриев городок)
Кокнес (Кукенойс, Царевичев Дмитриев городок) 658, 667—669
Кола, г. 148
Кола, р. 96
Колмогорцы (холмогорцы) 302
Колодня, р. 627
Коломенская дорога 48
Коломенские места 18
Коломенский у. 108
Коломна, г. 34, 108, 297
Колывань (Ревель). См. Таллин
Кольское становище, Острог кольский. См. Кола
Колязин. См. Калязин
Комарицкая волость 250, 473
Константинов, г. 537, 539—541, 546
Константинополь (Царьград), г. 19, 21, 62, 63, 66, 67, 145, 157, 161, 202—204, 208—213, 215, 223, 225, 248, 325, 348, 387, 408, 463, 464, 466—468, 564, 566, 575, 609, 610, 651, 688
Копенгаген, г. 149, 233, 234, 236, 670
Копорье, г. 82—85, 352
Копыс, г. 670, 671
Корела (Корельская земля) 80, 84, 87, 130, 326
Корельский у. 87
Королевская слобода, м. 639
Корона Польская. См. Польша

Коростышов (Корыстышов), г. 552
Коротояк, г. 505
Корсунь, г. 443, 451, 452, 472, 528, 530, 576, 583
Кострома, г. 9, 11, 34, 150, 297, 327, 345, 356, 357, 360, 632
Кострома, р. 305
Костромитяне (костромичи) 140, 220, 301
Костромские места 111
Костромской у. 11, 356
Краков, г. 192, 250—252, 400, 401, 403, 409, 422, 541, 546, 558, 609, 648, 652, 656, 666
Крапивна, д. под Вильно 20, 272, 643
Красное, м. на Украине 574
Красный, г. 111, 112, 164
Кремль (астраханский) 25
Кремль (московский) 11, 23, 47, 184, 185, 243, 329, 343, 621, 624, 631
Кремль (псковский) 493, 494
Критский остров 468
Кричев, г. 164
Кромские места 99
Кромы, г. 34, 265
Крупец, с. Новгород-Северского у. 249
Крылов, г. 441
Крым 67, 68, 87, 97, 118, 129, 133, 143, 177, 208, 219, 224, 227, 264, 265, 439, 447, 463—467, 470, 471, 473, 474, 527, 528, 530, 531, 552, 555, 571, 573, 574, 579, 580, 584, 635, 675
Крымцы (крымские люди) 64, 67, 68, 164, 194, 211, 212, 217, 222, 276, 439, 446, 467, 469, 470, 474, 568, 578—580, 585, 591, 592, 635, 638, 639, 651, 672, 674, 680. См. также крымские татары, Крымская орда
Кулишки, м. в Москве 47
Кумейки, с. на Украине 451
Кумыцкая земля 151, 153
Купетовская в. 379
Курково оз. 441
Курляндия (Курляндская земля) 138
Курмыш, г. 282
Курск, г. 99, 101, 195, 203, 210, 307

Лавуя, р. 87, 96
Ладога, г. 82, 84—87, 297
Ладожское оз. 87, 96
Ладыжин, 586
Лама, р. 311
Латва, г. 644
Латыши 295
Лебедянь, г. 20, 108
Лезгины (лезгинцы) 351, 352
Лена, р. 290, 312
Ливны, г. 20, 67, 68, 108, 195, 203, 283, 307
Ливония (Ливонская земля) 96, 101, 136, 346, 658, 663, 669
Ливонское море (Балтийское море) 177
Лидский повет 659
Линц, г. 58
Литва (Великое княжество Литовское, Литовская земля) 8, 10, 20, 34, 39, 40, 51, 52, 54, 56, 62, 64, 68, 73, 80, 98, 101, 105, 110, 111, 115—119, 128, 129, 133, 146, 155, 158—160, 163, 168, 171, 173, 174, 177, 179, 181, 187, 189, 193, 195, 204, 209, 211—213, 234, 245, 246, 249, 252, 253, 281, 284, 286, 308, 325, 332, 345, 349, 374, 375, 389, 403, 408, 433, 443, 445, 446, 455, 462, 464, 465, 468, 532, 533, 545, 546, 548, 560—562, 564, 574, 576, 577, 589—591, 593, 601, 609, 611, 625, 629, 638, 640, 642, 643, 647—650, 653—657, 659—662, 672, 674, 675, 682. См. также Литовское государство
Литовцы (литовские люди, литва) 8, 9, 12, 13, 17, 18, 22, 28, 30—33, 40, 41, 44, 46, 48, 67, 69, 75, 80, 84, 98—100, 106, 107, 110, 115, 118, 158, 163, 165, 168, 171, 175, 187, 192, 204, 209, 213, 268, 272, 276, 280—282, 284, 285, 323, 324, 345, 348, 356, 359, 374, 413, 421, 461, 511, 532, 547, 553, 574, 594, 603, 627—629, 637, 638, 644, 645, 656, 657, 682
Лифляндия (Лифляндская земля) 83, 87, 161, 669
Лихвин, г. 33, 34
Ломов, г. 283
Лондон, г. 95, 611—614
Лопари (саами) 91
Лопская земля 71
Лопский берег 96
Лубны, г. 422, 451, 463, 564, 567, 569
Луга, р. 379
Лужа, г. 164
Лужа, р. приток Угры 30
Лужский у. 668
Луки Великие. См. Великие Луки
Лух, г. 220
Луцк, г. 102, 430, 457, 540, 635
Луцкий повет 379

Луцкий у. 513
Лушане, жители Луха 220
Львов, г. 382—384, 386, 387, 399, 407, 426, 428, 430, 456, 541, 546, 547, 588, 592, 643, 653, 682, 683
Любартов (Любартув), г. 538
Любек, г. 609
Любимово, с. 14
Люблин, г. 546, 643, 653, 682
Ляхи. См. поляки

Мазандеранские места 228
Мазовия 675
Малая Русь, Малороссия. См. Украина
Малборк, г. (крепость) 132, 133
Малороссы, малороссияне, народ малороссийский. См. украинцы
Малоярославский у. 30
Маныч, городок на Дону 225
Мариенбург, г. 38, 116, 132, 253, 424
Маслов Брод, урочище 451
Мангуп (Минкуп), г. в Крыму 208
Маслов Став, м. 136
Медведица, р., приток Дона 20, 585
Медвежьи Лозы, урочище 442, 444, 447
Меджибож, г. 538
Мезень, р. 293
Мекленбург, г. 134
Мена, г. 164
Мертвый Донец, р. 62
Мещовск, г. 33, 104
Мещовские места 32, 33
Минск, г. 470, 577, 643
Минское воеводство 659
Миргородок, г. 164
Михайлов, г. 19, 20, 195, 271, 272
Михайловцы, жители Михайлова 19
Миюс (Миус), р. 63, 464, 571
Могилев, г. 102, 421, 435, 438, 552, 577, 628, 632—634, 637, 639, 671
Могилевский у. 632—634
Могилевцы, жители Могилева 627, 628, 633, 634, 671
Можая, р. 107
Можайск, г. 33, 34, 81, 100, 104—107, 114, 122, 167, 169, 171, 175, 273, 298, 626
Мозырь, г. 545
Мозырьский повет 659
Молдаване 62, 212, 282, 555, 595, 678, 680
Молдавия (Молдавская земля) 157, 223, 464, 467, 567, 568, 573, 575, 586, 587, 595
Молочино, с. Старицкого у. 462
Монастыри:
Алексеевский в Москве 485
Андреевский, близ Москвы 491
Антониев Сийский. См. Сийский Антониев Троицкий
Архангельский в Киеве 446, 604
Архангельский близ Устюга 489
Благовещенский в В. Новгороде 72
Братский в Киеве 458
Брест-Литовский (иезуитский) в Бресте 249
Вознесенский в Москве, в Кремле 14, 15, 317, 329, 632
Выдубицкий Михайловский, близ Киева 456
Густинский прилуцкий 458
Донской в Москве 108
Духов виленский 432
Ивановский в Москве 632
Иоанна Предтечи, близ Константинополя 209
Иосифов Волоколамский (Волоцкий) 283, 309, 331
Ипатьевский под Костромой 9, 360
Калязин (Колязин, Колязинский) 345, 631
Киево-Печерская лавра. См. Печерский монастырь
Кириллов-Белозерский (Кириллов) на Белоозере 317, 319, 332, 483
Кожеозерский Каргопольского у. 485
Кутеинский монастырь в Оршанском повете 677
Лужецкий близ Можайска 106
Любятинский (Никольский) у. Пскова 510, 511
Макария Желтоводского 484
Михайловский, под Белой 173
Михайловский близ Киева. См. Выдубицкий Михайловский
Надолбин в Псковской земле 506
Никольский в Киеве 456, 604
Никольский корельский 323
Новоспасский в Москве 319, 485
Онуфриев на о. Волославе (на р. Луге) 379, 390, 391
Павлов Обнорский 321

Пафнутьевский, Пафнутьев Боровский, под Боровском 345
Печерский (Киево-Печерский) в Киеве 37, 116, 381, 398, 453, 455, 575
Печерский (Печора) в Пскове 344
Покровский прилуцкий (женский) в Суздале 458
Преображенский в Казани 283
Преображенский Мгарский в Лубнах 564, 567
Пустынный Николаевский в Киеве. См. Никольский в Киеве
Саввин Сторожевский в Звенигороде 122, 625
Святогорский в Изюмском у. 224
Семеновский в Бресте 251
Сийский Антониев Троицкий 304, 322
Симонов Успенский в Москве 30
Слуцкий 402
Снетогорский, близ Пскова 494
Соловецкий (Соловки) 257, 318, 320, 321, 459, 516, 517, 630
Софийский в Киеве 603
Спасо-Прилуцкий в Вологде 287
Спасский в Лубнах. См. Преображенский Мгарский в Лубнах
Спасский Святогорский в Константинополе 463
Спасский Хутынский близ В. Новгорода 75, 89, 328, 502
Спасский (Спасский-Преображенский) в г. Ярославле 297
Стародубо-Ряполовский Хотимльский 321
Троице-Сергиев (Троицкий, Троицы) близ Радонежа 12, 14—16, 109, 111, 112, 115, 186, 271, 313, 316, 318—321, 456, 482, 483, 625, 632, 667
Троицкий братский в Вильно 427, 428, 456
Троицкий, около Астрахани 26
Хутынский. См. Спасский Хутынский
Ченстоховский в Польше 667
Чудов Михайлов Архангела в Москве в Кремле 329, 331, 516, 632
Юрьев, под В. Новгородом 72
Якиманский, под Можайском 107
Монастырский городок (на Дону) 202, 203
Москва, г. 8—20, 22—25, 27—33, 35, 36, 38—55, 57, 60—62, 64—70, 72, 76, 77, 79—81, 84, 86, 87, 91, 95—97, 100, 101, 103—108, 110—118, 120—125, 127—132, 134, 135, 137, 138, 143—150, 152—157, 162, 164, 165, 167, 169—175, 177, 179—181, 187, 189, 190, 192, 194—198, 200—202, 204—219, 221—224, 227—236, 243—246, 248, 249, 251, 253, 254, 257, 259—262, 265, 268, 272—275, 277, 280, 281, 283—286, 288, 290, 294, 297, 299, 301—304, 306, 307, 309, 310, 312, 313, 317—320, 322, 324, 325, 330, 332, 333, 335, 336, 342—347, 349—354, 357, 384, 392, 394, 423, 438—443, 445, 446, 448, 458, 460, 462, 464, 465, 467, 470, 471, 474—476, 485—498, 501—503, 505—509, 511—513, 515—517, 523, 547, 550, 552, 553, 555, 558, 559, 564—566, 569—573, 576—578, 582—585, 587, 588, 592, 594, 596, 598, 601—604, 606—611, 614, 615, 619, 627, 629—632, 634, 636—643, 650—656, 658, 665—667, 670, 674, 686, 688, 694
Москва, р. 306, 351
Москвичи (москвитяне, московские люди) 18, 29, 32, 45—48, 59, 73, 102, 108, 111, 115, 140, 146, 154, 175, 248, 332, 482, 509, 531, 549, 636
Московская дорога 99, 106, 166, 167, 501
Московская земля, обл. 35, 115, 133, 157, 248
Московское государство (царство) 8, 12, 16, 17, 20, 22, 23, 25, 26, 31, 32, 34—36, 39, 42, 43, 45—47, 49—53, 55—57, 59—61, 63, 64, 68, 70, 72—76, 79, 81—83, 87, 90, 92, 94, 95, 101, 103, 105, 110—112, 114, 117, 120, 128—130, 132, 135—137, 140—142, 144—147, 149, 150, 154—160, 162, 163, 168, 169, 171, 172, 174—182, 187, 193, 198, 207, 217, 218, 225, 231, 232, 237, 238, 247, 250—253, 256, 257, 260, 265, 274, 280, 284, 285, 298, 300, 304, 330—332, 335—337, 343, 347, 351—353, 420, 422, 446, 460, 462—464, 468, 472, 474—477, 484—487, 492, 499, 500, 524,

525, 553, 556, 558—561, 564, 565, 567, 568, 572, 576—578, 580, 583, 585, 594, 598, 612, 624, 632, 653, 656, 663, 666, 667, 699, 702. См. также Русь, Русское государство
Мошня, г. 532
Мраморное море 209
Мстиславль, г. 164, 593, 627
Мстиславцы (мстиславльцы), жители г. Мстиславля 671
Мугальские люди, жители бассейна р. Ламы 311
Мурахва 540
Муром, г. 30, 34
Муромск. См. Городище Монастыревское
Муромцы, жители Мурома 220, 301
Мценск, г. 32, 195, 446
Мытищи 14

Нарва (Ругодив), г. 83, 135, 608
Нарвская обл. 96
Нева, р. 84, 85
Невль (Невель), г. 101, 111, 154, 164, 627
Недригайловское городище близ Путивля 250, 470
Нежин, г. 451, 552
Нейгаузен, г. 511
Неман, р. 645, 657
Немежа, р. 659
Немецкая земля 134, 157, 306
Немиров, г. 536
Немцы (немецкие люди, германцы, шведы и вообще иноземцы) 13, 28, 29, 46, 48, 58, 72, 75, 80, 81, 85, 88, 104, 109, 110, 118, 132, 136, 169, 170, 193, 200, 222, 243, 276, 280—282, 295—297, 301—304, 307, 323, 324, 329, 343, 345, 349, 352, 353, 419, 441, 448, 468, 475—478, 482, 492—495, 499—502, 506, 508, 509, 511, 547, 559, 609, 610, 618, 668
Нерль, р. 631
Нидерландцы. См. голландцы
Нидерланды, Нидерландская земля. См. Голландия
Нижегородский у. 249, 274
Нижегородцы 140, 220, 301
Нижний. См. Новгород Нижний
Нижний городок (на Дону), г. 215
Низ (Низовье Днепра) 438, 450, 529
Низ (Низовье Дона) 202
Низ (Поволжье) 347
Низовая пристань на Каспийском море 352
Никольское на Песках, с близ Звенигорода 122
Нил, р. 352
Новая земля 71, 91, 521. См. также Гирлянь
Новгород Великий, г. 23, 72—79, 81—83, 85—90, 96, 130—132, 165, 220, 231, 236, 266, 273, 283, 294, 296—298, 301, 343, 344, 379, 446, 462, 476, 478, 487, 492, 494, 495, 497—504, 506—513, 516, 608, 699
Новгород Нижний, г. 30, 49, 125, 127, 128, 152, 274, 313, 484, 632
Новгород Северский, г. 101, 111, 164, 175, 176, 249, 436, 532, 609
Новгородская в. 280, 295
Новгородская (Новгорода Великого) земля, Новгородщина 345
Новгородский (Новгорода Великого) у. 35, 81, 87, 295, 478, 500, 513
Новгородское (Новгорода Великого) воеводство 689
Новгородское (Новогрудское) воеводство 659
Новгородское государство 73—76, 83, 89
Новгородцы, жители В. Новгорода 72—76, 84, 85, 220, 298, 478, 499—504, 508, 510, 607
Новогрудок, г. 399
Новосиль, г. 195
Новоторжцы, жители Торжка 220
Новый Быхов (Быхов), г. 628, 634, 637, 640—642, 670, 672
Ногаи (ногайские люди) 18, 21, 65, 67, 118, 129, 130, 205, 212, 220, 276, 303, 625, 636. См. также ногайские татары
Ногаи Большие 21, 90, 219
Ногаи Малые 67
Норвегия (Норвежская земля) 232, 237, 247
Носеничи, г. 164

Обь, р. 71, 91, 93
Овсей, г. 164
Одоевский у. 161
Озераны, м. 379, 381
Озерище, г. 164, 628, 637
Ока, р. 18, 108, 213, 248, 351
Олешковичи, с. Камарицкой в. 250
Олонецкий погост 87
Ольшанское городище 250, 470
Онежское озеро 96
Опочка, г. 236
Оржищи, м. 445
Орел, г. 34, 283

Орешек, г. 84. 85, 87, 135, 352
Орша, г. 40, 118, 119, 577, 593, 627
Оршане, жители Орши 637
Оршанский повет 677, 681
Оскол, г. 99, 195, 203, 210
Оскол, р. 638
Оскольский у. 192
Осташков, г. 78
Остер, г. 552
Острог, г. 389, 539, 540
Острогожск, г. 583
Острожки, г. 41
Осторожский, имение Острожского 421
Остяки (ханты), 324
Очаков, г. 678
Ошмянский повет 659

Паволоч (Паволочь), г. 552
Париж, г. 618
Пейпус, оз. 96
Пенковичи, с. близ Пинска 644
Перекоп (Перекопь), г. 439, 472
Перемышль, г. 33, 34
Переяславль (Залесский), г. 632
Переяславль (Рязанский), г. 447, 448, 450, 452, 543, 548, 595—597
Переяславль (Южный), г. 9, 19, 20, 34, 43, 46, 271, 272, 357, 632
Переяславская (на Переяславль Залесский) дорога 110
Переяславцы, жители г. Переяславля Залесского 220
Пермь, г. 266, 564—566, 607
Пермь Великая, земля 465
Персия (Персидское царство) 20, 67, 70, 71, 87, 90—93, 96, 118, 133, 139—143, 145, 147, 148, 150—152, 198—200, 208, 212, 228, 248, 351, 352
Персы (персияне, кизильбашцы, кизильбаши) 90, 152, 210, 222, 229, 303
Пески, с. 79
Песочна пустошь 118
Печора. См. Печерский монастырь в Пскове
Пилявцы, м. 540, 546, 547
Пина, р. 644
Пинск, г. 644
Погребища, м. 536, 552
Подберезье, м. 644
Подгора, м. 456
Подляшье 250
Подол (Подолия) 416, 421, 443, 457, 546, 547, 586, 635, 647, 648, 662, 663
Подольское воеводство 548
Познаньское воеводство 411
Покровская гора под Смоленском 165, 166
Покровское Красное, с. под Москвой 322
Полесье 421
Полоцк (Полотск), г. 433, 435, 438, 627, 641, 655, 658, 664, 665, 668, 669
Полтава, г. 463, 635
Полтаево (Полтаев город), г. 463
Польша (Польское государство, Корона Польская, Великая Польша, Польская земля, Речь Посполитая) 32, 35, 39, 40, 50—54, 60, 62, 64, 66, 67, 73, 77, 95, 97, 101, 105, 115—117, 119, 132—134, 136—139, 153, 157, 161—164, 167, 169, 174, 176—183, 187—191, 193, 201, 202, 204, 205, 208, 209, 211, 214, 217, 229, 234, 246, 248, 249, 251, 252, 254, 257, 271, 273, 275, 280, 284, 298, 311, 374, 375, 378—380, 400, 402, 404, 408, 413, 414, 420—423, 432, 433, 438, 440—442, 444, 447, 448, 451, 452, 455, 460, 462, 467, 468, 470—472, 511, 525—527, 532—535, 537, 541, 542, 544—546, 556, 558—562, 564, 565, 567, 569, 571—573, 577, 578, 580—582, 584, 586—590, 593, 601, 617, 619, 625, 627, 638, 642, 648, 650, 652, 653, 655, 656, 659—667, 672, 673—675, 679, 680, 682, 683
Поляки (польские люди, ляхи) 9, 11, 12, 18, 22, 23, 31, 32, 41, 44, 48, 55, 60, 64, 68, 69, 72, 80, 83, 84, 97, 99, 100, 104—111, 113, 115, 116, 138, 143, 153, 165, 166, 167, 170, 172—180, 183, 187, 188, 194, 205, 208—210, 213, 252, 254, 259, 272, 278, 281, 282, 284, 313, 331, 346, 347, 356, 359, 374, 410, 413, 414, 439, 441, 445—448, 450, 451, 474, 527, 528, 530—533, 537—548, 550—557, 571, 574—577, 581—585, 587, 588, 593—595, 603, 626—628, 633—640, 644, 651, 652, 656, 660—662, 664, 672, 673, 675—677, 679, 680, 682—684
Поляне, восточнославянское племя 362
Поляновка, р. 118, 121, 174, 176
Поморская земля, Приморье 134, 675

Поморье (побережье Белого моря) 476
Понизовье. См. Низ (Низовье Днепра)
Попова Гора, г. 111, 112
Пороги. См. Запорожье
Порхов, г. 82, 85, 86, 297, 345
Порховщина, обл. Порхова 345
Почел, г. 101, 111, 164
Пошехонские места 111
Пошехонский у. 24
Пошехонцы 220
Прага, г. 61
Пресня, р. 109, 115, 122
Прилук, г. 552
Приморье. См. Поморская земля
Припять, р. 548, 644
Пропойск, г. 164, 628
Пруссия (Прусское государство, Прусская земля) 133, 134, 138, 609
Псков, г. 23, 34, 76—78, 85, 87, 94, 96, 112, 165, 231, 236, 275, 286, 297—299, 301, 343—346, 348, 379, 476, 479, 492, 493, 499, 502, 503, 506—516, 606, 608, 667—669, 699
Псковичи (псковские граждане) 301, 345, 346, 493, 494, 509—516, 606—608
Псковская обл. 274
Пупок, с. 293
Пустая Ржева, г. 513
Пустоозеро 148
Пустоозерский острог 293
Путивль, г. 101, 108, 136, 195, 203, 446, 531, 552, 553, 564, 566, 570, 576, 579, 583—585, 592, 625, 643, 686
Путивльская земля 194
Путивльский у. 158, 249
Путивльцы, жители Путивля 553, 564
Пятка, г. 421

Раздоры, г. 225
Ревель. См. Таллин
Резицкий у. 668
Речицкий повет 659
Речь Посполитая. См. Польша
Ржев (Ржева), г. 34, 100, 113
Ржевитяне, жители Ржева 220
Ржевский у. 100
Рига, г. 197, 477, 641, 658, 667—669
Ригина гора, близ Пскова 508
Рижане, жители Риги 669
Рим, г. 332, 377, 395, 408—412, 424, 434, 472, 567, 586, 609
Римляне 395
Римская обл. 193
Римское царство 87
Рогатин, г. 390
Рогачево, с. под Москвой 111
Рогозна, р. 283
Родимичи, восточнославянское племя 362
Романов-Борисоглебск (Романов), г. 287, 288
Романовка, м. 635
Романовский у. 24
Романовцы 301
Ромен (Ромны), г. 164, 552
Рославль, г. 110, 111, 164, 581, 627
Россия (Русское государство, Великая Россия, Русь, Русия, Русское царство) 8, 18, 21, 23, 24, 26, 31, 37, 38, 54, 62, 72, 77, 78, 95, 96, 103, 113, 116, 117, 122, 133, 134, 135, 139, 153, 155, 158, 160, 176, 180, 187, 188, 196, 198, 199, 203, 209, 212, 216, 222, 227, 231, 232, 234, 237, 238, 241, 260, 261, 302—304, 307, 309, 311, 313, 331, 335—338, 340, 346—350, 357, 358, 362, 374—379, 428, 431—434, 436, 438, 439, 446—448, 469, 471, 500, 545, 547, 548, 569, 597, 605, 611, 614, 624, 646, 648, 673, 680, 697—703, 705—708
Россия Белая. См. Белоруссия
Россия Восточная, Московская 374, 375, 377
Россия (Русь Галицкая, Червонная) 381, 675
Россия Западная 374, 375, 377, 379, 385, 387, 420, 430, 706
Россия Малая (Малороссия). См. Украина
Ростов, г. 13, 19, 345
Ростовцы, жители Ростова 220
Ростокино, с. под Москвой 29
Ругодив. См. Нарва
Руза, г. 106
Руса (Русса). См. Старая Руса
Русские (русь, русские люди, русский народ) 32, 35, 41, 44, 45, 47, 56, 67, 69, 71, 78—80, 82—86, 88, 90, 92—95, 98, 106, 107, 109—111, 114, 131, 134, 136, 145—147, 153, 163, 165—167, 170—174, 177, 187, 194, 198—200, 260, 281, 282, 286, 295—297, 300, 302, 303, 305, 307, 311—313, 323, 328, 329, 331, 336, 340, 345, 347, 350, 353, 354, 358, 362, 374—377, 393, 395, 407, 411, 413, 426, 428, 429,

433, 441, 448, 450, 457, 461, 464, 465, 467, 474—478, 481, 492, 494, 500, 530, 532, 533, 543, 546, 547, 550, 553, 570, 595, 614, 616, 617, 627, 628, 637, 639, 643—645, 648—650, 652, 658, 672, 704, 706, 708
Русь. См. Россия
Рыльск, г. 101, 195
Рыльский у. 467
Рязань. См. Переяславль Рязанский

Савостьяновка, м. близ Чигирина 568
Самара (Самарский город), г. 24, 25, 448
Самарская крепость 24
Самборщина 249
Самоеды (ненцы) 291
Сарский, г. 249
Сватково, с. 14, 112, 115
Свейская Корона. См. Швеция
Свейские люди. См. шведы
Свея. См. Швеция
Свислочь, г. 643
Свияжск, г. 19
Себеж, г. 101, 111, 164
Северная Азия. См. Азия
Северная Двина, р. 147
Северная Европа. См. Европа Северная
Северное море 95
Северская земля, страна 21, 29, 32, 33, 112, 165, 307
Северский (Северный) Донец, р. 224, 463, 464, 585, 638
Северское княжество 101
Севск, г. 195, 532
Седмиградская (Семиградская) земля 157, 609
Селищи в Новгородской земле 79
Семлево, м. 175
Сен-Дени, порт на Сене 618
Сендомир (Сандомир), г. 388
Сербы (сербяне) 281, 282, 445, 555
Серпейск, г. 33, 111, 112, 154, 158, 164, 175, 176
Серпейские места 33
Серпухов, г. 34, 108, 111, 213
Серпуховская дорога 30
Серпуховские места 18
Сечь Запорожская 527. См. также Запорожье
Сибирское царство 72, 655
Сибирь (Сибирская земля) 19, 91, 93, 104, 152, 171, 172, 290, 312, 318, 324, 325, 481, 509, 521, 567, 655, 704
Сибиряки (сибирские люди) 324, 325, 329
Силезия 648, 652
Синоп, г. 63, 210, 212, 467
Синопцы, жители Синопа 212
Сковронкова гора под Смоленском 166
Славяне (славянский народ) 471
Сломинский повет, вотчина Льва Сапеги 38, 659
Слуцк, г. 399, 421
Смоленск, г. 20, 23, 31, 33, 40, 41, 45—47, 52, 54, 55, 60, 80, 90, 94, 98—100, 102, 103, 105, 110, 111, 136, 157, 163—165, 168—174, 179, 182, 187, 192, 211, 213, 245, 246, 270, 275, 278, 281—283, 347, 348, 440, 448, 553, 559, 563, 577, 581, 626—629, 633, 634, 637, 638, 640—643, 648, 653, 658, 664
Смоленская дорога 458, 533, 558, 625, 629
Смоленские остроги 99
Смоленский у. 163, 170
Смоленское княжество 54, 101
Смольняне 80, 220, 246
Снетная гора, близ Пскова 510, 511, 514
Содом, г. 338
Соленое море 87
Соловки, о. 257, 318
Соломенская в. 305
Соломенский погост 87
Солоница, урочище 422
Сольвычегодск, г. 326, 487, 488
Сольвычегодцы 487
Соль Галицкая 31
Софийский дом в В. Новгороде 496, 513, 602
Сочава, г. в Молдавии 595
Стайки (на Украине) 445
Старая Руса (Русса), г. 79, 82, 85, 86, 297
Старица, р., приток Днепра 451
Старица, г. 100, 516
Старицкий у. 462
Стародуб, г. 98, 101, 111, 164, 267, 436, 458
Старый Быхов, г. 634, 639, 640
Стахово, с. на Припяти 644
Стокгольм (Стекольня), г. 72, 73, 87, 95, 96, 196—198, 606—609, 658
Столбово, с. Новгородского у. 85, 86
Столин, г. 644
Стырь, р. 574
Субботово, хутор Чигиринского староства 525, 570, 684

Суздаль, г. 20, 30, 116, 234, 237, 271, 297, 298, 322, 632
Суздальские места 34
Суздальский у. 30
Суздальцы 220, 301
Сумерская волость 84—86, 512
Сумский острог 35
Сураж, г. 98, 164
Сухона, р. 71
Тайнинское (Тонинское), с. под Москвой 16, 124
Таллин (Колывань, Ревель), г. 79, 87, 88, 607—610
Тамбов, г. 283
Тарки, г. 351, 352
Тарнополь (Тернополь), г. 421
Татарская земля 97
Татары (без уточнения этнической и географической принадлежности) 19, 64, 106, 128, 129, 133, 159, 169, 217, 276, 287, 288, 297, 302, 309, 310, 324, 406, 421, 438, 439, 447, 449, 461, 464, 470, 474, 525, 529—531, 533—535, 540, 541, 546, 547, 551, 565, 568, 573, 574, 579, 586, 592, 594, 595, 600, 632, 674, 683, 684
Татары алаторские 282
Татары арзамасские 282
Татары кадомские 282
Татары касимовские 282
Татары крымские (крымцы, крымские люди) 222, 452, 469, 532, 571, 573, 574, 578, 579, 580, 585, 591, 592, 635, 638, 639, 651, 672, 674, 680
Татары ногайские 24, 26, 222, 262, 639
Татары турские 222
Твердлицы 100
Тверь, г. 80, 104, 192, 262, 297, 304, 632
Темза, р. в. Англии 611
Темрюк, г. 205
Терек, р. 26, 303, 351, 505
Терехтемиров, г. (казачий) 451
Терск (Терский город) 24—26
Терские люди 26, 27
Тетеря, р. 674
Тихвин, г. 29, 76, 84
Тихвинцы, жители Тихвина 76
Тихий океан 704
Тобольск, г. 125, 271, 313, 325
Товарково (Товарковский городок) 104
Толочино, м. 639
Томаковский, о. на Днепре 527
Тор, р. 224
Торжок, г. 76, 100, 297, 632
Торопец, г. 13, 54, 113, 116, 165, 297
Торопецкий у. 158
Торопчане, жители Торопца 220
Торчин, г. 397
Тотемские волости, места 35, 310
Тотемский у. 306
Трансильванцы 595
Трапезунт (Трапезунд), г. 63, 208, 467
Треполь (Триполье) 445
Троицкая дорога 29, 111, 629
Троцкое воеводство 659
Трубчевск, г. 111, 164, 175, 176, 249, 254
Тула, г. 20, 34, 194, 267, 281, 304, 305, 609, 632
Тулица, р. 305
Тульский у. 616
Тунбажская в. 326
Тунгусы (эвенки) 311
Турки (турские люди) 21, 23, 40, 50, 57, 65, 101, 159, 201, 203, 204, 207—210, 212, 217, 218, 222, 225, 226, 228, 414, 421, 438—442, 463, 470, 474, 525, 530, 546, 547, 551, 585, 634, 676, 684, 690
Туров, г. 545, 643
Туровцы, жители Турова 643
Турция, Турецкая (Турская) земля 19, 62, 87, 93, 133, 143, 217, 223, 248, 421, 440, 445, 463, 470, 474, 555, 564, 567, 572, 573
Тушино, с., лагерь Лжедмитрия II 41, 108, 110, 259, 275, 344
Тушинцы 259, 344, 440
Тясмин, р. 530

Углицкая дорога 112
Углицкий у. 24, 284
Углич, г. 34, 100, 284, 288, 289, 632
Угличане, жители Углича 270, 301
Угорская земля 157
Уза, р. 208, 209
Украинцы (малороссияне) 527, 583, 603, 636, 671
Украйна Московская (Украина, Малороссия) 20, 103, 105, 176, 196, 283, 337, 361, 421, 422, 434, 440, 441, 445, 447—450, 452, 458, 469, 470, 475, 524—526, 528—531, 533, 536, 537, 544—547, 549, 552, 556, 557, 564, 567, 573—577, 582, 585—588, 592, 594—596, 602, 605, 624—626, 634—636, 638, 639, 645, 646,

648, 661—665, 673, 675, 677, 680, 681, 684, 703, 705—708
Унжа, г. 31
Упсала, г. в Швеции 96
Уральские горы 311, 323
Усвят, г. 164, 628
Усердь, р. 195
Устюг, г. 290, 488, 489
Устюжане, жители Устюга 290, 301, 488, 489
Устюжна (Устюжна Железная, Железнопольская), г. 29, 76, 92, 100, 287, 297, 304
Устюжские места 35
Устьяновские волости 287

Фалимичи, церковное владение на Украине 389
Финский залив 658
Франция (Французское королевство, Французская земля) 87, 143, 145, 204, 205, 612
Французы (французане) 118, 143—145, 198, 281

Хвостово, м. 445, 635
Хельм, г. 546
Херсон, г. 472
Хибирьская земля. См. Ирландия
Хива, г. 129
Химка, р. 114
Ходынка, р. 122, 246
Холмогорский у. 476
Холмогорцы 476
Холмогоры (Колмогоры), г. 70, 91, 96, 293, 475
Хорлуп, м. 379
Хотин, г. 67
Хотмышск, г. на р. Ворскле 283
Хутынь, о. 532

Царевичев Дмитриев город. См. Кукейнос
Царево займище, г. 627
Царьград. См. Константинополь
Церкви:
Архангельский собор в Москве 185, 187, 632
Благовещенский собор в Москве 632
Богородицы (соборная) в Киеве 575
Богоявления в Киеве 452
Бориса и Глеба в Смоленске 458
Братская св. Духа в Вильне 117
Василия в Киеве 443
Владимирская во Владимире на Волыни 380, 381
Десятинная в Киеве 604
Козьмы и Дамиана 307
Николая в Столпах 307
Николы Гостунского (соборная) в Москве 243
Николы Зарайского в Москве 184
Николы Чудотворца в белозерской Тунбажской волости 326
Николы Явленского в Москве 184
Покровский собор в Москве 329
Софийский собор в В. Новгороде 84, 89, 131, 328, 495, 496, 499, 503
Софийский собор в Киеве 575, 601
Софийский собор в Полоцке 658
Троицы в Вильно 386
Троицкий собор в Пскове 507
Успенский собор в Москве 16, 133, 185, 516, 523, 609, 629, 632
Успения богородицы в Львове 382, 383, 386
Цецора, м. 525

Чердынский у. 479
Чердынцы 18
Чердынь 285
Черемисы (мари) 30
Черкаск (Черкасск, Черкасский городок) на Дону 225, 466, 571
Черкасы, г. на Украине 421, 441, 528
Черкасы днепровские 20, 30, 249, 268, 276, 285, 292, 296, 293, 628, 476
См. также казаки украинские
Черкизово, с. 132
Чернавск, г. 283
Чернигов, г. 101, 111, 447, 458, 532, 552
Черниговские люди 191
Черниговское воеводство 552, 574, 577, 674
Черное море 62, 65, 95, 202, 205, 210—214, 226, 447, 448, 466, 467, 578
Черный шлях 474
Чечерск, г. 628
Чигирин, г. 549, 551, 552, 556, 565, 567—570, 577, 586, 595, 596, 636, 673, 678

Чигиринское староство 525
Чухлома, г. 31
Чухоны 295

Шароград (Шар-град), г. 456, 538
Шведы (шведские люди, свейские люди) 11, 29, 72, 76—80, 82—90, 96, 114, 130, 131, 135, 143, 159, 161, 172, 196, 235, 238, 301, 345, 352, 498, 499—502, 509, 610, 649, 650, 652, 654, 657, 661, 665, 668—670, 673, 674, 679, 680
Швеция (Шведское государство, Шведская земля, Свейское государство, Свея, Свейская Корона) 56, 60, 71—75, 77, 79, 86, 87, 95, 96, 130—132, 134, 136, 137, 148, 161, 162, 177, 196—198, 201, 209, 238, 247, 281, 301, 304, 311, 395, 438, 492, 499, 500, 502, 573, 588, 605, 606, 609, 610, 617, 648, 657, 660, 663, 666, 670, 675
Шексна, р. 305
Шелонская пятина в Новгородской земле 509, 512, 513
Шилка, р. 311, 312
Ширвань 352
Ширинга, с. Ярославского у. 309, 310
Шклов, г. 628
Шкловка, р. 628
Шкловцы 671
Шотландия (Шотландское королевство, Шотландская земля) 611, 615
Шотландцы 281
Штральзунд, г. 134
Шупенская в. 438
Шуя, г. 30, 289, 293, 300, 321, 322
Шуяне, жители Шуи 290, 293, 299, 300

Эстония 101

Южная Украина. См. Украина
Юкагирская земля 312
Юкагирские люди 312
Юргенское (Хивинское) государство 303
Юргенцы (хивинцы) 303
Юркаево 105
Юрьев (Тарту), г. 83, 143, 658, 669
Юрьевцы 220

Яблонново (Яблонов), г. 195
Яик р. 22, 27, 211, 227
Ям, г. 82, 84, 85
Ямполь, г. 552, 567, 674
Янушполь г. 538, 567
Яр, казачий городок на Дону 216, 225
Ярополч, Ярополчевская волость 292
Ярославль, г. 8, 11—13, 28, 29, 34, 47, 76, 81, 92, 192, 200, 234, 237, 297, 310, 342, 360, 459, 475
Ярославские места 111
Ярославский у. 24, 306, 309
Ярославцы 11, 140, 301, 624
Ясеничи, г. 164
Яссы, г. 568
Яуза, р. 111, 257

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ ИЗДАТЕЛЯМИ В ПРИМЕЧАНИЯХ К IX—X тт. «ИСТОРИИ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН» С. М. СОЛОВЬЕВА

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук.

АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею.

Акты ЮЗР — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею.

Временник МОИДР — Временник Московского общества истории и древностей российских.

ГИМ — Государственный исторический музей.

ГПБ — Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ДАИ — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.

РИБ — Русская историческая библиотека.

СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел.

Чтения ОИДР — Чтения в обществе истории и древностей российских.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ ДЕВЯТЫЙ

Глава I. **Царствование Михаила Феодоровича. 1613—1617 г.**

Посольство от собора к новоизбранному царю. — Наказ послам — Переговоры послов с Михаилом и его матерью. — Причины, почему новый царь не мог бояться участи своих предшественников — Выезд Михаила из Костромы в Ярославль. — Переписка его с собором и боярами из Ярославля и с дороги из этого города в Москву. — Въезд Михаила в Москву. — Его царское венчание — Бедственное состояние государства при вступлении на престол Михаила. — Грамоты царя и собора по городам и к Строгановым. — Дело Шульгина. — Война с Заруцким. — Переписка правительства с козаками. — Ссора Заруцкого с астраханцами и Терским городом. — Действия стрелецкого головы Хохлова против Заруцкого. — Поимка Заруцкого — Казнь его, сына Марины и Андронова, смерть Марины. — Движения воровских козаков на севере — Действия против них князя Лыкова. — Восстание татар и черемисы в понизовых городах. — Сношения с Польшею. — Посольство туда Аладьина — Военные действия: взятие Белой московскими войсками, неудачная осада Смоленска. — Война с Лисовским. — Действия и гибель черкас на севере. — Грамота панов радных к боярам. — Посольство Желябужского в Польшу и свидание его с Филаретом Никитичем.— Неудачные переговоры под Смоленском.— Сношения с Австриею, Турциею, Персиею, Крымом — Посольство в Голландию и Англию. — Приезд английского посла Джона Мерика с целию содействовать заключению мира между Россиею и Швециею. — Положение Новгорода Великого под шведским владычеством. — Военные действия против шведов. — Оборона Тихвина — Неудача Трубецкого и Мезецкого. — Взятие Гдова Густавом-Адольфом. — Неудачная осада Пскова. — Дедеринские переговоры при посредничестве английского и голландских послов — Столбовский мир — Очищение Новгорода. — Переговоры с Мерихом, награды ему. — Взгляд Густава-Адольфа на Столбовский мир. — Посольство князя Борятинского в Швецию для окончательного подтверждения мира 7

Глава II. **Продолжение царствования Михаила Феодоровича. 1616—1619 г.**

Военные действия против Литвы — Затруднительное положение русских воевод под Смоленском. — Действия князей Сулешова и Прозоровского — Приготовления королевича Владислава к Московскому походу. — Сношения его с донскими козаками.— Речь архиепископа-примаса. — Вступление Владислава — Шеин и Новодворский в Смоленске. — Занятие Дорогобужа и Вязьмы — Грамота Владислава к жителям Москвы. — Князь Д. М. Пожарский в Калуге, его действия против Чаплинского. — Действия князя Д. П. Пожарского. — Неудачные сношения о мирных переговорах. — Неудачные приступы поляков к Борисову. — Движения воевод: Черкасский и Лыков в Можайске, Пожарский в Боровске — Отступление Черкасского и Лыкова из Можайска к Москве. — Решение в польском стане — Вторая грамота Владислава в Москву. — Собор в Москве. — Приближение гетмана Сагайдачного. — Болезнь

Пожарского. — Неудачные действия князя Волконского против Сагайдачного. — Воровство козаков. — Королевич в Тушине. — Сагайдачный у Донского монастыря и беспрепятственно соединяется с королевичем. — Ужас в Москве. — Комета. — Переговоры о мире. — Неудачный приступ к Москве. — Смерть Чаплинского и Коная Мурзина. — Переговоры на Пресне. — Движение королевича на Переяславскую дорогу и Сагайдачного к Калуге. — Победа князя Тюфякина. — Деулинские переговоры и перемирие. — Размен пленных на Поляновке. — Возвращение Филарета Никитича в Москву 98

Глава III. **Продолжение царствования Михаила Феодоровича. 1619—1635 г.**

Двоевластие. — Различные отзывы современников о Филарете Никитиче. — Судьба царской невесты Марьи Хлоповой. — Посольства в Данию и Швецию с предложениями о сватовстве. — Поднятие дела о Хлоповой. — Ссылка Салтыковых. — Женитьба царя на княжне Долгоруковой и кончина царицы. — Женитьба царя на Евдокии Лукьяновне Стрешневой. — Сношения с Крымом и ногаями. — Дела шведские: царские наказы воеводам относительно дел церковных и перебежчиков; сношения с Густавом-Адольфом по поводу Польши, русский человек Рубцов послом от шведского короля; первый шведский резидент Меллер в Москве; отправление шведских послов через московские владения к гетману запорожскому. — Сношения с Англиею; вспоможение, оказанное английским королем царю в войне с Польшею; приезд Мерика и переговоры с ним; мнения московских гостей об английской торговле; прекращение вопроса о проезде английских купцов в Персию по Волге. — Первый французский посол в Москве. — Посольства: голландское, датские, венгерское, персидские. — Дела польские: причины новой войны, заключавшиеся в самом Деулинском перемирии; оскорбительные для царя Михаила грамоты пограничных польских державцев; возвращение в Россию князя Ивана Шуйского; перебранка между русскими воеводами и польскими державцами; поляки грозят самозванцем; турки побуждают царя к войне с Польшею: собор 1621 года и приготовления к войне; остановка их вследствие неудачи султана Османа; набег крымцев и оплошность русских воевод; неудачные переговоры с Польшею; наем иностранных солдат и обучение русских ратных людей иноземному строю; смерть короля Сигизмунда; разрыв перемирия; местничество главных воевод, князей Черкасского и Лыкова; назначение Шеина и Измайлова; наказ этим воеводам; сбор денег и съестных припасов для войска; счастливое начало войны; осада Смоленска Шеиным; прибытие короля Владислава на помощь к осажденным; договор Шеина с Владиславом; сдача русского обоза королю; события в Москве во время смоленского несчастия; кончина Филарета Никитича; собор и его решения; суд над воеводами и казнь их; взгляд хронографа на дело Шеина; упорная защита Белой; стесненное положение короля; паны предлагают мир боярам, переговоры на Поляновке; вечный мир; посольство князя Львова в Польшу для закрепления мира; дело о гетманском договоре; церемония присяги; потеха королевская; возвращение тела царя Василия Шуйского в Москву 123

Глава IV. **Продолжение царствования Михаила Феодоровича. 1635—1645 г.**

Посольства Песочинского и Сапеги в Москву; неудовольствия против Польши по поводу межевых дел, умаления титула и противозаконных поступков литовских купцов; мнения бояр о поступках польского правительства; переход малороссийских козаков на московскую сторону. Сношения с Швециею; первый московский резидент Францбеков в Стокгольме; взгляд московского правительства на резидентов. Несостоявшийся договор с Голштинскою компаниею о персидской торговле. Сношения с Турциею: посольство Кондырева и Бормосова; их затруднительное положение по поводу донских козаков; второе посольство Фомы Кантакузина в Москву и запись им данная; посольство Яковлева и Евдокимова в Константинополь; третье посольство Кантакузина в Москву; посольство Совина и Алфимова в Константинополь; убиение воеводы Карамышева донскими козаками; опасность послам от них; разбой донских козаков на Каспийском море; посольство Прончищева и Бормосова, Дашкова и Сомова, Коробьина и Матвеева в Константинополь; грамота царская к султану с Буколовым; приезд Фомы Кантакузина на Дон; сборы козаков под Азов; посольство в Москву атамана Каторжного; выступление под Азов; убиение Кантакузина; взятие Азова козаками и защита его от турок; собор в Москве, вследствие просьбы козаков государю взять от них Азов; козаки оставляют Азов по приказанию государя; посольство Милославского и Лазоревского в Константинополь. Не-

удовольствия донских козаков, их намерение уйти на Яик. Сношения с Персиею и Грузиею. Намерение государя вызвать из Дании жениха для царевны Ирины Михайловны, посольство переводчика Фомина для осведомления о сыновьях короля Христиана IV; посольство королевича Вальдемара в Москву; посольство Проестева и Патрикеева в Данию для сватовства; их неудача; посольство в Данию Петра Марселиса, который улаживает дело; условия брака; приезд королевича Вальдемара в Москву; представление его государю; статьи, поданные датскими послами боярам; разговор королевича с государем; увещание к принятию православия, письмо патриарха к королевичу и ответ Вальдемара; неудачная попытка королевича уехать тайно из Москвы; разговор Марселиса с Вальдемаром; дело Басистова; письмо Вальдемара к царю и царскому послу Стемпковскому. — Весть из Турции о самозванце Иване Дмитриевиче. Посольство князя Львова в Польшу и дело о двух самозванцах. Болезнь и кончина царя Михаила 186

Глава V. **Внутреннее состояние Московского государства в царствование Михаила Феодоровича.**

Значение нового царя. — Следствия Смутного времени для вельможества московского. — Местничество. — Судьба Годуновых, Шуйского, Трубецкого, Ляпуновых, Пожарского, Мининых, Томилы Луговского, Грамотина. — Устройство военное. — Состояние городов; торговля и промышленность. — Состояние сельского народонаселения. — Распространение русских владений в северной Азии. — Состояние церкви. — Законодательство. — Состояние правосудия. — Народное право. — Просвещение и литература. — Путешествие Олеария 256

О статье г. Костомарова «Иван Сусанин» 355

Примечания к 9 тому 363

ТОМ ДЕСЯТЫЙ

Глава I. **Состояние Западной России в конце XVI и в первой половине XVII века.**

Значение религиозной борьбы в Восточной Европе. — Мысль об унии. — Иезуиты: Скарга и Поссевин. — Западнорусские архиереи, аристократия, братства. — Поведение архиереев во Владимире, Луцке, Львове. — Братство Львовское. — Приезд константинопольского патриарха Иеремии в Западную Россию. — Киевский митрополит Онисифор; его свержение и поставление Михаила Рагозы. — Экзарх Терлецкий. — Смуты вследствие распоряжений Иеремии. — Брестский собор 1590 года. — Разрыв Терлецкого с князем Острожским; печальное его положение. — Терлецкий начинает дело об унии. — Переписка Львовского братства с константинопольским патриархом. — Ипатий Потей, епископ владимирский; письмо к нему князя Острожского об унии. — Терлецкий и Потей действуют заодно в пользу унии. — Брестский собор 1594 года. — Поведение Рагозы относительно унии; переписка его с Скуминым. — Переписка князя Острожского с Потеем. — Окружное послание князя Острожского против епископов. — Львовский епископ Балабан отделяется от Терлецкого и Потея, которые отправляются в Рим и от имени всего духовенства западнорусского признают папу главою церкви. — Король старается поддержать дело Терлецкого и Потея на Руси — Брестский собор 1596 года. — Разделение западнорусской церкви на православную и униатскую и борьба между ними. — Послание Иоанна Вишенского. — Стефан Зизаний и сочинения, против него направленные. — Полемика по поводу брестского собора. — Апокризис и его основные положения; Перестрога. — Король в окружной грамоте излагает свой взгляд на брестский собор. — Движение козаков: Косинский и Наливайко. — Дело патриаршего экзарха Никифора. — Переписка князя Острожского с папою. — Православные требуют к суду епископов-униатов. — Попытка православных соединиться с протестантами, чтобы вместе защищаться от католиков. — Потей назначен митрополитом после Рагозы и старается исторически доказать законность унии. — Мелетий Смотрицкий и его сочинения. — Речь депутата Древинского на сейме. — Поставление православных архиереев и советование о благочестии. — Усиление борьбы вследствие поставления православных архиереев. — Иосафат Кунцевич и письмо к нему Льва Сапеги — Убиение Кунцевича. — Послание папы против православных. — Наказание жителям Витебска за смерть Кунцевича. — Козаки. — Гетман Сагайдачный. — Сочинение Пальчовского о козаках. — Митрополит Иов Борецкий поднимает козаков на защиту православия. — Обращение Иова к Москве. — Торжество поляков над козаками и комиссия на Медвежьих Лозах. — Похождения искателя

турецкого престола Александра Ахии. — Восстание козаков под начальством Тараса — Кисель и его отношения к козакам — Восстание Павлика и Скидана. — Восстание Остранина и Гуни — Киевская школа. — Луцкое братство и школа — Петр Могила — Отступление Смотрицкого от православия — Смерть Сигизмунда III — Требования козаков. — Королевич Владислав старается уладить дело между православными и униатами — Продолжение полемики между ними. — Петр Могила митрополит и его поведение. — Продолжение гонения на православных. — Переселение в Московское государство 373

Глава II. **Царствование Алексея Михайловича.**

Характер молодого царя. — Морозов и Чистой. — Окончание дела королевича Вальдемара и Лубы. — Отпуск Стемпковского. — Извет на Нащокина. — Самозванцы: Ивашка Вергуненок и Тимошка Акундинов. — Распоряжение относительно Крыма — Переговоры с Польшею о союзе против Крыма. — Посольство Стрешнева в Польшу и Киселя в Москву — Печальное состояние народа в Московском государстве; тяжесть налогов; стремление отбывать от податей — Женитьба царя на Милославской. — Ропот на отца царицы, Милославского, на Траханиотова и Плещеева. — Мятеж в Москве. — Судьба Морозова — Никон — Деятельность правительства после мятежа. — Уложение — Меры против закладчиков, против табаку; изгнание англичан из внутренних областей — Мятеж в Сольвычегодске, в Устюге. — Замыслы недовольных в Москве; новые обвинения против Морозова. — Мятежи во Пскове и Новгороде. — Никон в Москве; он отправляется в Соловки за мощами св. Филиппа. — Письмо к нему царя. — Никон — патриарх 459

Глава III. **Продолжение царствования Алексея Михайловича.**

Богдан Хмельницкий — Его ссора с Чаплинским, его сношения с королем Владиславом и бегство в Запорожье Хмельницкий в Крыму и получает помощь от хана. — Рада в Запорожье Хмельницкий гетман. — Движение гетмана Потоцкого, его письмо к королю. — Битвы при Желтых Водах и у Корсуни. — Письмо Киселя. — Универсалы Хмельницкого и восстание хлопов в Малороссии. — Смерть Владислава. — Опасение Киселя насчет Москвы. — Первые сношения Хмельницкого с московскими воеводами. — Сношения его с польским правительством. — Переписка с Киселем. — Князь Иеремия Вишневецкий свирепствует против восставших русских. — Князь Доминик Острожский, письма его, киевского воеводы Тышкевича и Киселя. — Неудачи последнего относительно мирных переговоров. — Битва под Пилявцами. — Хмельницкий отступает от Замостья по желанию нового короля Яна Казимира. — Торжественный въезд Хмельницкого в Киев. — Поведение его на радостях. — Переяславские переговоры с комиссарами королевскими — Приготовление к войне с обеих сторон. — Збараж и Зборов. — Мир. — Сношения Хмельницкого с Москвою. — Посольство Неронова на Украйну — Писарь Выговский. — Посольство боярина Пушкина в Польшу. — Тимошка Акундинов у Хмельницкого. — Сношения его с князем Прозоровским, путивльским воеводою. — Посольство Протасьева и Унковского к Хмельницкому с требованием выдачи самозванца. — Непрочность Зборовского мира — Нерешительность Москвы. — Польша старается поссорить Москву с козаками. — Новая война у Польши с козаками. — Битва при Берестечке. — Литва в Киеве. — Старания побудить Москву к решительному шагу. — Белоцерковский мир. — Сочувствие к делу козаков в Белоруссии — Новые попытки Польши поссорить Москву с козаками — Посольство Прончищева в Польшу и Пенцлавского в Москву — Предлог к разрыву остается. — Хмельницкий считает Белоцерковский мир только перемирием. — Переселение малороссиян в московские украйны. — Предложение Хмельницкому со стороны царя выселиться со всем войском в московские пределы. — События при Батоге. — Затруднительное положение Хмельницкого: он сильно упрашивает царя принять Малороссию в подданство. — Посольство князя Репнина в Польшу для окончательных переговоров. — Царь объявляет Хмельницкому, что принимает Малороссию в подданство — Собор по этому случаю. — Третья война Хмельницкого с поляками. — Дело под Жванцом — Посольство Бутурлина в Малороссию — Переяславская рада. — Бутурлин в Киеве; митрополит Сильвестр Коссов. — Пункты челобитной Войска Запорожского, утвержденные царем — Донесения князя Куракина из Киева о поведении Коссова — Приезд игумена Гизеля в Москву. — Обзор сношений Московского государства с европейскими державами до начала польской войны 524

Глава IV. **Продолжение царствования Алексея Михайловича**

Приготовления к войне — Отпуск князя Трубецкого. — Выступление государя в поход. — Грамота царская к православным жителям

Литвы. — Письмо царя к сестрам и к князю Трубецкому — Успехи русских воиск. — Взятие Смоленска. — Моровая язва в Москве и других городах. — Первое раскольническое движение. — Ссора шляхтича с козаком в Белоруссии. — Поведение Хмельницкого. — Приход Радзивилла под Могилев. — Измена Поклонского. — Действия Хмельницкого и Золотаренка. — Письмо Хмельницкого к Золотаренку. — Письма царя к Морозову, Черкасскому, Долгорукому, Пушкину и Матвееву. — Второй поход царя. — Обращение его к ратным людям. — Взятие Вильны, Ковна и Гродна. — Походы Хмельницкого и Бутурлина, Волконского и Урусова. — Жалоба ратных людей на воевод Урусова и Борятинского. Сношения с гетманом Павлом Сапегою. — Успехи шведов в Польше. — Сношения шведского короля с царем. — Царское посольство к Радзивиллу. — Столкновения у русских войск со шведскими — Императорские послы в Москве. — Посольство из Москвы к Павлу Сапеге. — Посольство Галинского в Москву. — Прекращение военных действий с поляками. — Переговоры со шведскими послами. — Посольство в Данию. — Царский поход в Ливонию. — Неудачная осада Риги. — Виленские переговоры бояр с польскими комиссарами — Посольство Матвеева к Гонсевскому. — Ордин-Нащокин. — Переговоры с Данией. — Столкновение с козаками в Белоруссии. — Поведение Хмельницкого и сношения с ним царя. — Смерть Хмельницкого 620

Примечания к 10 тому 686

ПРИЛОЖЕНИЯ

Комментарии к девятому и десятому томам «Истории России с древнейших времен» 697

Указатель имен 709

Указатель географических и этнических названий 734

Список сокращений 750

ПОПРАВКИ К ЧЕТВЕРТОЙ КНИГЕ «ИСТОРИИ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН»

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
98	20 снизу	почти	почи
293	18 снизу	Черкассий	Черкасский
415	14 снизу	и запорожских	у запорожских

Соловьев Сергей Михайлович

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

книга V

Редактор *О Бочкова*

Оформление художника *С Сергеева*

Технический редактор *Р Москвина*

Корректоры *К Шейко, Л Дегтярева* и *В Матвеева*

Сдано в набор 9 декабря 1960 г Подписано в печать 30 января 1961 г Формат бумаги 60×92¹/₁₆ Бумажных листов 23 625 Печатных листов 47 25 Учетно издательских листов 47,54 Тираж 45 000 экз Цена 1 р 70 к Заказ № 1557

Издательство социально экономической литературы Москва, Ленинский проспект д 15

Ленинградский Совет народного хозяйства Управление полиграфической промышленности Типография № 1 «Печатный Двор» им А М Горького Ленинград, Гатчинская, 26

19. 70 M.

60L3KF28-1301